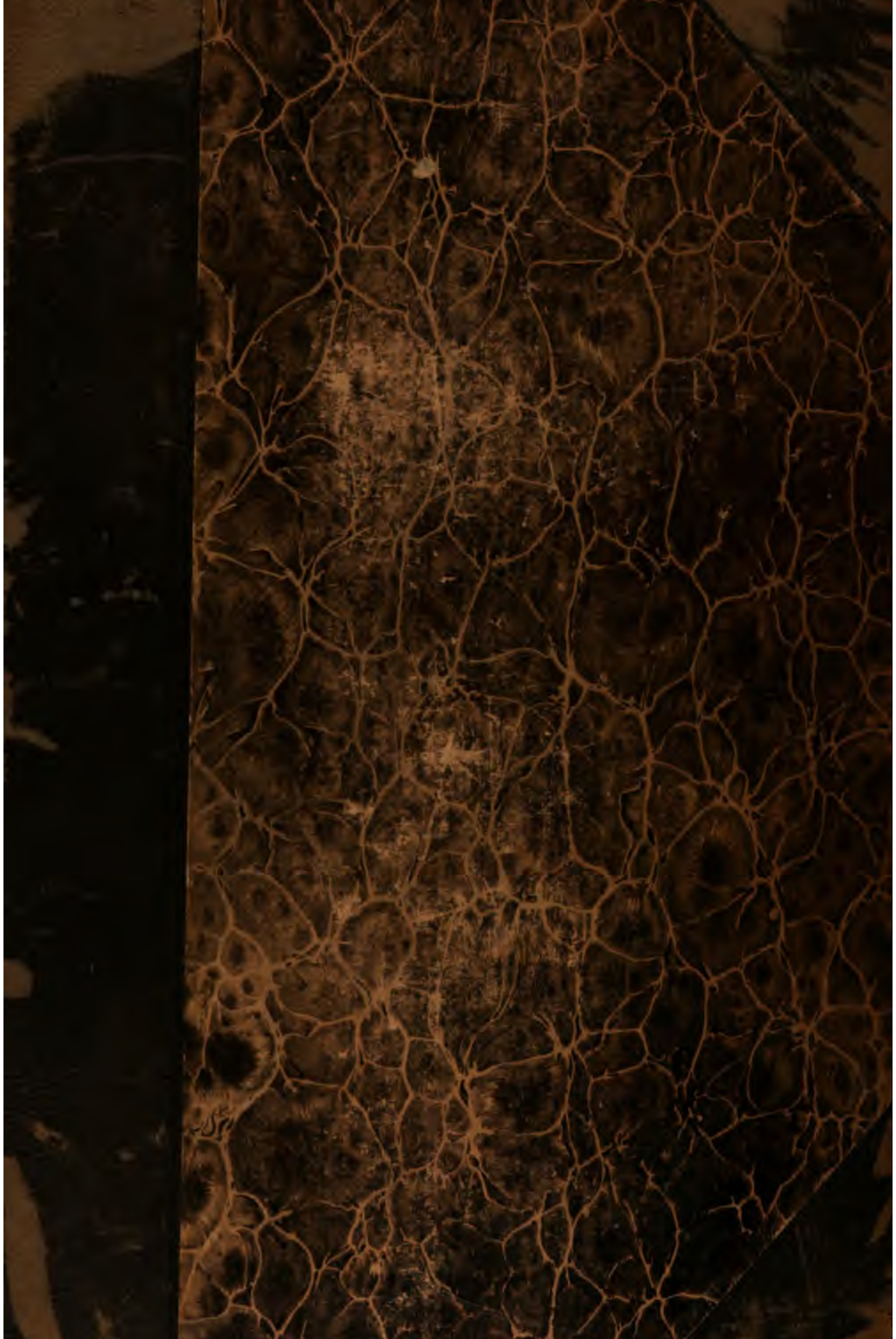
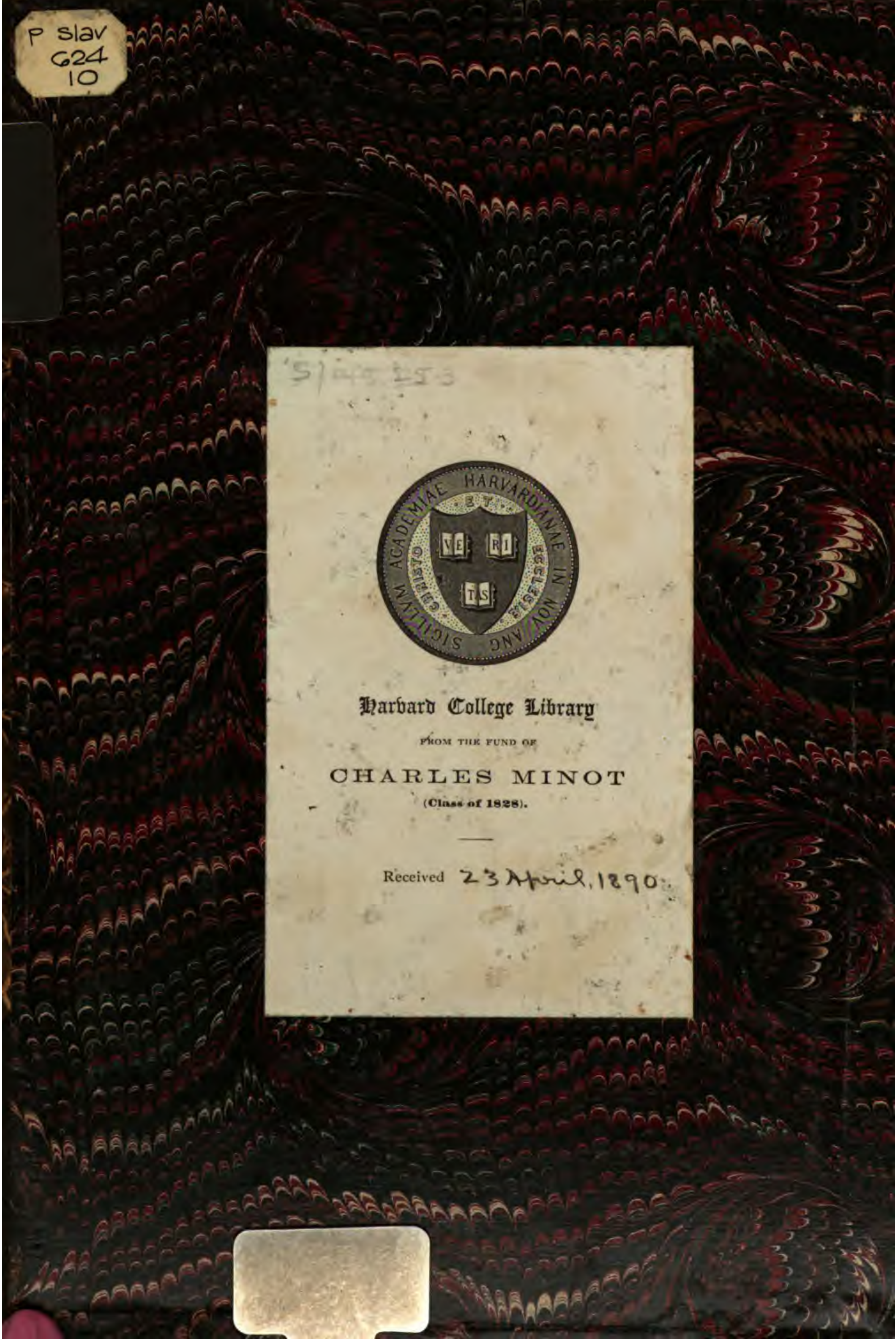

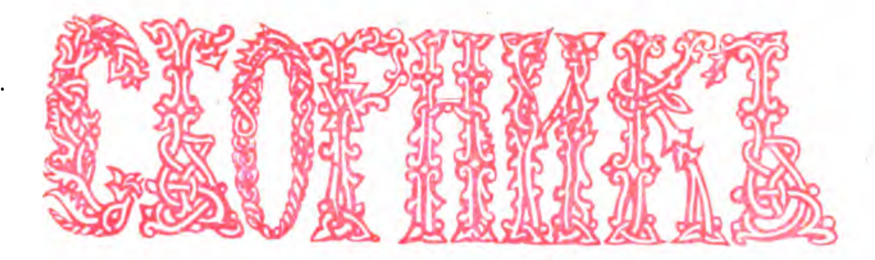

P Slav 624 10
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества

Томъ семидесятый.

С. Петербургъ.

1890

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ

РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ

ВЪ ЭПОХУ НАПОЛЕОНА I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФЕССОРА
Александра Трачевскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1800—1802.

„J'avais eu l'honneur d'assurer l'Empereur, au nom du premier consul, du désir qu'il a de voir resserrer de plus en plus les liens qui unissent les deux nations trop éloignées pour avoir intérêt à se nuire, mais dont le bon accord peut contribuer efficacement à la tranquillité de l'Europe". *Hédouville à Talleyrand*, 5 floréal an X (25 апрѣля 1802).

„Обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а соединяся, важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ". *Конференціальная записка Кочубея*, 17 апрѣля 1802.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1890

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 Л. 7.

ПАМЯТИ

незабвеннаго учителя

Сергѣя Михайловича

СОЛОВЬЕВА

благоговѣйно посвящаетъ

редакторъ.

Отъ редактора.

Господствующее въ исторической наукѣ архивное направленіе имѣетъ глубокій смыслъ. Помимо расширенія нашихъ познаній и устраненія предвзятыхъ выводовъ, оно выдвинуло изученіе новой исторіи, въ соотвѣтствіе съ реальнымъ требованіемъ умовъ, ищущихъ выхода изъ долгой эпохи классицизма и романтизма.

Уже поднимаются голоса противъ злоупотребленія архивнымъ методомъ,—знакъ, что, благодаря именно ему, приходитъ творческая пора для зодчихъ науки перестроить ея полубаснословное зданіе. Въ особенности настаетъ очередь переработки новѣйшей исторіи, послѣ уже значительнаго уясненія 16 — 18 вѣковъ. Здѣсь вниманіе ученыхъ естественно сосредоточивается на точкѣ отправленія, — на міровой роли Франціи съ ея первою революціей и первою имперіей. Несмотря на множество сочиненій, вообще дышащихъ страстностью, смыслъ этихъ великихъ явленій еще не постигнутъ: на историковъ устремлены довѣрчивые взоры мыслящаго общества, возбужденнаго вѣковымъ юбилеемъ переворота 1789 года.

Архивное направленіе и тутъ уже сослужило свою службу. Начиная съ многоцѣнной *Correspondance de Napoléon I*, въ теченіе болѣе поколѣнія оно дало много сырого матеріала, не говоря про рядъ монографій того же характера. Но все это — лишь запасъ мелкихъ, отрывочныхъ свѣдѣній. Только въ послѣднее время стали появляться изданія съ значеніемъ основнаго матеріала для исторіи международныхъ отношеній за первую четверть 19-го вѣка.

Особенно посчастливилось архивамъ берлинскому и вѣнскому. Ихъ представители, извѣстные ученые, Sybel и Arneth, удостоились завидной чести подать примѣръ просвѣщеннаго либерализма въ этомъ дѣлѣ: они открыли свои сокровища для многихъ изданій, во главѣ которыхъ стоятъ

правительственныя предпріятія, руководимыя такими знатоками дѣла, какъ Bailleu и Vivenot. Кое-что было сдѣлано въ Англіи (изданіе депешъ Веллингтона и особенно Уайтворта). Наиболѣе отставали сами „арбитры" судебъ того времени, Франція и Россія, въ архивахъ которыхъ хранится клубокъ нитей міровой политики.

Лишь послѣ Седана, когда Франція, подобно Фениксу возникшая изъ пепла, занялась своимъ возрожденіемъ, ея архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ подвергся благодѣтельному преобразованію: въ 1874 г. была учреждена Commission des Archives Diplomatiques, въ которой, наряду съ дипломатами, засѣдали представители науки. Впрочемъ, научная роль коммиссіи была впереди. Еще лѣтъ шесть господствовалъ сѣдой уставъ, скрывавшій отъ ученыхъ архивскія сокровища со смерти Людовика XV и охраняемый „ревнивыми Церберами" [1]). Въ Россіи еще юная разработка отечественной исторіи естественно сосредоточивалась на 18 вѣкѣ, т. е. на московскомъ архивѣ: петербургскій архивъ считался вообще запретнымъ плодомъ для науки, помимо случайныхъ исключеній, которыя и въ Парижѣ дѣлались для такихъ близкихъ къ управленію лицъ, какъ Bignon, Lefebvre, Thiers.

Съ 1880 г. началась новая эпоха въ нашемъ дѣлѣ. Во Франціи, при либеральномъ министерствѣ Фрейсинэ, во главѣ архивовъ стали извѣстные ученые — Girard de Rialle (въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ) и Alfred Maury (въ Archives Nationales). На русскій престолъ вступилъ уже признанный покровитель отечественной науки, Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Только стеченіе такихъ крупныхъ условій счастья могло привести къ участію въ столь важномъ дѣлѣ русскаго провинціальнаго профессора, права котораго заключались лишь въ стремленіи исполнить завѣтъ своего незабвеннаго учителя, С. М. Соловьева, да въ скромныхъ 15-тилѣтнихъ работахъ въ московскомъ архивѣ, достигавшихъ конца 18 вѣка. Получивъ, въ исходѣ 1879 г., ученую командировку за границу, онъ думалъ только заняться однимъ изъ мелкихъ вопросовъ политической исторіи текущаго столѣтія; потребность времени натолкнула его на болѣе широкую задачу. Она выразилась въ тепломъ участіи со стороны парижскихъ ученыхъ, въ особенности тѣхъ, которые засѣдали въ коммиссіи [2]). Послѣ нѣкоторой борьбы, неизбѣжной въ началѣ всякаго

---

[1]) Борьба науки съ „cerbères jaloux" (опредѣленіе профессора Monod: см. *Revue historique*, 1889, XL) видна изъ поучительнаго сказанія извѣстнаго архивскаго изслѣдователя, *Baschet*: Dépôt des affaires étrangères.

[2]) Одинъ изъ нихъ, A. Maury, съ товарищескою любезностью, безъ всякихъ формальностей, допустилъ насъ къ полному осмотру своего архива, гдѣ намъ посчастливилось найти новые документы (переписку Вержена съ Людовикомъ XVI), что̀ содѣйствовало успѣху нашего дѣла въ коммиссіи. Эти документы, служащіе отчасти введеніемъ къ нынѣшнему труду, приложены къ отдѣльному изданію (Germer Baillière, 1881) нашего изслѣдованія, „La France et l'Allemagne sous Louis XVI", появившагося въ журналѣ профессора Monod: *Revue historique*, 1880—1881.

крупнаго дѣла, побѣда осталась на сторонѣ науки: 10 апрѣля 1880 г. пишущій эти строки получилъ разрѣшеніе отъ министра Фрейсинэ для работъ въ парижскомъ архивѣ по всей эпохѣ Наполеона I. И то не было „исключеніе“: роковая граница научнаго знанія „отодвинулась на полвѣка“, какъ заявляли помянутые ученые.

Передъ нами раскрылся богатый запасъ новыхъ свѣдѣній по исторіи нашего отечества, занимающихъ 17 обширныхъ фоліантовъ въ одномъ отдѣлѣ *Russie* (о значеніи другихъ отдѣловъ для нашей исторіи указывается ниже, въ „Примѣчаніяхъ“). Но при ограниченности времени и средствъ, приходилось довольствоваться выводами изъ немногихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что одновременно нужно было знакомиться съ несравненнымъ отдѣломъ по этой эпохѣ въ Bibliothèque Nationale. Обстоятельства снова расширили нашу задачу. Въ своемъ стремленіи всюду отыскивать сокровища родной старины и собирать отечественныя ученыя силы, Императорское Русское Историческое Общество привлекло насъ къ настоящему печатанію самыхъ документовъ. которые могли попасть въ руки парижскихъ издателей, обнаруживавшихъ живой интересъ къ нимъ. Съ его помощью, намъ удалось не только обслѣдовать, но и получить въ спискахъ главные документы эпохи консульства и имперіи, а также разсмотрѣть, для введенія, бумаги временъ директоріи.

Мы не могли приступить къ изданію тотчасъ по возвращеніи изъ коммандировки: помимо обработки доставляемыхъ изъ Парижа списковъ, оно задерживалось нашими профессорскими обязанностями и отчасти педагогическими заботами, связанными съ открытіемъ собственной гимназіи и съ печатаніемъ *Учебника исторіи*. Между тѣмъ, выяснилась необходимость, такъ сказать, освѣтить темныя стороны французскаго матеріала отблесками отечественнаго архива. Да и чувствовалась неловкость издавать памятники сношеній между *Россіей* и Франціей по одному *французскому* архиву. А могли ли мы сомнѣваться въ сочувствіи Державнаго Покровителя русской науки стремленію русскаго профессора улучшить дѣло, освященное участіемъ близкаго Его сердцу Общества? Въ 1884 г., черезъ просвѣщенное посредство г. министра иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирса, отечественная наука получила, въ нашемъ лицѣ, новый знакъ довѣрія съ высоты Престола: мы удостоились разрѣшенія работать въ петербургскомъ Государственномъ Архивѣ по всей эпохѣ Наполеона I.

Въ нашемъ архивѣ мы нашли количественно еще болѣе богатый матеріалъ, чѣмъ въ парижскомъ. На нашъ взглядъ онъ важнѣе и качественно точно такъ же, какъ московскій архивъ оказался полнѣе нѣмецкихъ, судя по сближеніямъ, которыя дѣлала германская критика между нашимъ *Союзомъ князей* и сочиненіемъ Ранке о томъ же предметѣ—*Die deutschen Mächte und der Fürstenbund* [1]).

---

[1]) Magazin für die Literatur des Auslandes за 1877 г., № 42.

Собранный матеріалъ обнимаетъ, по избранному вопросу, все существенное въ обоихъ архивахъ [1]. Онъ достоинъ тщательной обработки. Но, не полагаясь на свои силы, мы рѣшились лишь дать нѣсколько научную обстановку документамъ, въ надеждѣ облегчить для будущаго изслѣдователя неблагодарную черную работу. Въ „Примѣчаніяхъ“ мы старались сдѣлать доступныя намъ поясненія къ архивскимъ бумагамъ. Впрочемъ, ихъ первая задача—сбереженіе мѣста: сюда вошло, даже цѣликомъ, много новыхъ и важныхъ документовъ, отысканіе которыхъ облегчается перечнемъ главныхъ изъ нихъ въ оглавленіи тома. Въ тѣхъ же видахъ вставлялись новыя данныя во „Введеніи“, главная цѣль котораго—служить ключемъ къ пользованію документами, связывая массу набросанныхъ въ нихъ мелочей, а иногда и освѣщая ихъ неизвѣстными фактами, какъ это случилось въ предпосланномъ очеркѣ политики директоріи по отношенію къ Россіи.

Неся полную отвѣтственность за самостоятельную и добровольную работу, просимъ критику не считать „Введенія“ научнымъ изслѣдованіемъ, подъ которымъ мы разумѣемъ *всестороннее* изученіе предмета. Тѣмъ менѣе правильно было бы искать здѣсь характеристики Наполеона I: это значило бы судить о файюмскомъ сфинксѣ по точнѣйшимъ измѣреніямъ одного пальца на его лапахъ. Колоссальная фигура, изваянная отечественнымъ Гомеромъ въ *Войнѣ и Мирѣ*, можетъ носиться даже въ нашемъ собственномъ воображеніи не въ томъ видѣ, какой она будетъ принимать въ калейдоскопѣ мелочей каждаго тома этого изданія. На ея научное, не романическое, изображеніе можно рѣшиться развѣ по окончаніи всего дѣла. Къ тому времени, конечно, установится *историческій* взглядъ на точку отправленія новѣйшей исторіи, равно далекій какъ отъ панегирика, такъ и отъ пасквиля,—взглядъ, отсутствіе котораго ясно изъ неудачнаго портрета Бонапарта, набросаннаго рукой даже такого мастера, какъ Тэнъ. Къ тому времени историки станутъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его безсознательнаго служенія требованіямъ времени. Смѣемъ думать, что наши документы именно выставятъ Титана новой исторіи ея рабомъ: они докажутъ, что каждый его шагъ и замыселъ въ основѣ—не его достояніе. Быть можетъ, также полнота, къ которой мы стремились, нѣсколько освѣтитъ глубокіе корни русско-французской политики, стволъ которой не укладывается въ рамки немногихъ лѣтъ. Избранный нами для перваго тома эпиграфъ хорошо опредѣляетъ ея національную сущность въ тѣ годы, которые особенно важны для оцѣнки всей внѣшней дѣятельности Наполеона I.

Представляя на судъ русской и иностранной критики начало обширнаго изданія, редакторъ, самъ замѣчающій нѣкоторые недочеты въ

[1]) Внѣ изученныхъ нами отдѣловъ находятся лишь нѣсколько бумагъ временъ директоріи изъ отдѣла „Prusse“ парижскаго архива да донесенія Спренгпортена изъ нашего военнаго архива. Приносимъ благодарность за нихъ С. С. Татищеву.

немъ [1]), ждетъ отъ нея товарищескихъ указаній, чтобы съ признательностью воспользоваться ими для слѣдующихъ томовъ. Если она найдетъ его трудъ слишкомъ далекимъ отъ совершенства, то да смягчится ея приговоръ его малоопытностью въ дѣлѣ такой технической трудности, въ особенности же отдаленностью мѣста его службы отъ Государственнаго Архива и отъ другихъ многообразныхъ научныхъ средствъ столицы.

Считаемъ долгомъ заявить искреннюю признательность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ настоящему изданію непосредственно или косвенно. Сюда относятся попреимуществу: *Freycinet* — бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, *Rambaud* — бывшій начальникъ департамента народнаго просвѣщенія, *Girard de Rialle*—директоръ архива иностранныхъ дѣлъ, *Ribier*—его помощникъ, *Maury*—директоръ Archives Nationales, ученые—Henry *Martin*, Gabriel *Monod*, Albert *Sorel*, Louis *Leger* (профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Collège de France); *А. А. Половцовъ*—предсѣдатель Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, *Г. Ѳ. Штендманъ*—секретарь того же Общества, *Н. К. Гирсъ* — министръ иностранныхъ дѣлъ, б. *Д. Ѳ. Стуартъ* — директоръ Государственнаго Архива, *Н. А. Гиббенетъ*—дѣлопроизводитель Архива, *А. Ѳ. Бычковъ*—директоръ Императорской Публичной Библіотеки, его сотрудники — *Л. Н. Майковъ*, *П. А. Соколовскій*, *В. П. Ламбинъ*, *К. Ѳ. Феттерлейнъ*.

Для пользованія настоящимъ изданіемъ нужно имѣть въ виду слѣдующія редакціонныя приспособленія.

При всемъ желаніи избавить будущихъ историковъ отъ утомительной черной работы, на ихъ долю остается не мало мелочей: для цѣльныхъ документовъ сдѣланъ строгій выборъ; изъ многихъ взяты лишь главныя мѣста. Ради сбереженія мѣста, не внесены даже важныя изъ напечатанныхъ прежде бумагъ, за исключеніемъ особыхъ рѣдкихъ случаевъ, оговоренныхъ въ „Примѣчаніяхъ". Съ тою же цѣлью замѣнены чертой излюбленныя дипломатами красныя строки, устраненъ формализмъ корреспонденцій и опущены незначительныя по содержанію мѣста: въ послѣднемъ случаѣ, и *только* въ немъ, ставилось многоточіе. Парижскій архивъ обозначается такъ: *Paris* и двѣ цифры, изъ которыхъ первая указываетъ томъ отдѣла „Russie", вторая—№ бумаги въ немъ. Нашъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ обозначается такъ: *Pé-*

---

[1]) Просимъ исправить два недосмотра. Одинъ изъ нихъ связанъ съ запутаннымъ вопросомъ о мирѣ 1801, къ которому относится много бумагъ даже безъ чиселъ. Мы хотѣли устранить двѣ важныя изъ нихъ; но потомъ намъ удалось уяснить ихъ мѣсто— и мы напечатали ихъ въ примѣчаніи 93-мъ; поэтому должно совсѣмъ опустить конецъ примѣчанія 108-го. Другой недосмотръ состоитъ въ невыдержанности стиля: 1802 годъ должно начинать съ 318 страницы, а №№ 240—246 относятся къ 1803 году.

tersbourg и отдѣлъ съ годомъ и № бумаги. Отдѣлы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою нумерацію, здѣсь слѣдующіе: Lettres de Cabinet (въ нашемъ изданіи просто Cabinet), Ministère, Ministère France, Paris. Послѣдній изъ нихъ самый обширный: это—переписка нашихъ дипломатовъ въ Парижѣ съ дворомъ и министерствомъ. Во „Введеніи" и въ „Примѣчаніяхъ" цифра съ № означаетъ № документа въ настоящемъ изданіи, цифра безъ № указываетъ № „Примѣчаній". Во избѣжаніе путаницы, вездѣ удержанъ новый стиль, который и нужно имѣть въ виду тамъ, гдѣ прямо не помѣчено старымъ стилемъ.

Александръ Трачевскій.

Одесса.
25 октября 1889 года.

ВВЕДЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

1793—1799.

Борьба Екатерины II и Павла I съ революціонною Франціей.

Въ политическомъ отношеніи, XIX вѣкъ открывается событіями, имѣющими значеніе эпохи.

Во Франціи, служившей тогда сердцемъ исторической жизни, совершился двойной переворотъ.

Только-что учредилось консульство, которое было въ сущности возстановленіемъ монархизма на развалинахъ 10-лѣтней революціи. Такъ былъ оцѣненъ переворотъ 18-го брюмера самимъ императоромъ Павломъ I: онъ возвѣстилъ, что радъ „смѣнѣ безначалія консульствомъ“ и „проникнутъ уваженіемъ къ первому консулу и его военнымъ талантамъ“ (35 и №. 7).

Въ международныхъ отношеніяхъ также происходилъ крутой поворотъ; и безъ его очерка непонятны печатаемыя ниже бумаги. И по своимъ основамъ, и по обстоятельствамъ, революціонная Франція должна была бороться со всею Европой, внося потрясенія повсюду. Въ теченіе восьми лѣтъ (1792—1799), она имѣла блестящій успѣхъ, за немногими исключеніями, которыя заставляли ее испытывать Россія на сушѣ и Англія — на морѣ.

По рѣдкому въ исторіи миру въ Кампо-Форміо (17 окт. 1797), предѣломъ между Франціей и Германіей сталъ Рейнъ. Австрійскіе Нидерланды (Бельгія) и часть Голландіи вошли въ составъ великой республики. Остальная Голландія, а также Швейцарія представляли собой ея созданіе—республики Батавскую и Гельветскую. Германія или маститая Священная Римско-нѣмецкая Имперія стала хаосомъ, вслѣдствіе поднятаго, на раштадтскомъ конгрессѣ (1797—1799), вопроса объ „индемнизаціи“, т.-е. о вознагражденіи свѣтскихъ князей имперіи, вла-

дѣнія которыхъ были заняты французами, землями духовныхъ князей и упраздняемыхъ имперскихъ независимыхъ городовъ. Молодому императору, Францу II, предстоялъ рядъ самыхъ горькихъ испытаній.

Вліяніе побѣдоносной республики распространялось еще далеко на югъ и даже на востокъ Европы. Италія вся подчинялась ей прямо или косвенно. Франціи принадлежали Пьемонтъ, Савоія и Ницца. Ея войска распоряжались въ Тосканѣ и Неаполѣ, въ герцогствѣ Пармѣ съ Пьяченцой, въ княжествѣ Пьомбино. Ея вассалами были ея созданія — республики Лигурійская (Генуя съ имперскими ленами), Луккская и Цизальпійская (австрійская Ломбардія, Бергамо, Кремона, Бресчья, Мантуя, Пескьера, Модена, Масса-Каррара, западная часть Венеціанской республики, наконецъ, три папскія легаціи — Романья, Болонья и Феррара). Папы, какъ свѣтскаго государя, не существовало: Пій VI умеръ въ плѣну во Франціи, которая отняла у него Авиньонъ съ Венессеномъ и присоединила легаціи къ Цизальпиніи; его преемникъ, только-что избранный (мартъ 1800) Пій VII, былъ орудіемъ Бонапарта. Король сардинскій, Карлъ Эммануилъ II, скрывался на о. Сардиніи. Король неаполитанскій, Фердинандъ IV, съ королевой Каролиной, бѣжали на о. Сицилію, откуда они съ трудомъ возвратились въ свою столицу (іюль 1799). Великій герцогъ тосканскій, братъ императора Франца II, Фердинандъ III, влачилъ жалкое существованіе въ Вѣнѣ, а Вильгельмъ голландскій—въ Берлинѣ.

Французы даже отняли о. Мальту у рыцарей ордена Іоаннитовъ. Уступивши восточную Венецію Австріи, они пріобрѣли (по миру въ Кампо-Форміо) ея острова въ Іоническомъ морѣ, а также берега Албаніи. Здѣсь великая республика Запада столкнулась съ обширною имперіей востока Европы. Русскіе завоевали (1799) Корфу, плѣнивши много французовъ; а 21 марта 1800 г. они заключили конвенцію съ султаномъ, по которой Іоническіе острова превратились въ турецкихъ вассаловъ, подъ именемъ республики Семи Соединенныхъ Острововъ (Корфу, Занте, Кефалонія, С. Мавра, Иѳака, Паксо и Чериго), а остальные бывшіе венеціанскіе острова совсѣмъ отошли къ Портѣ. Но зато побѣдоносныя войска Франціи, руководимыя Бонапартомъ, угрожали турецкому господству въ Сиріи и Египтѣ (1798—1801).

Одною изъ причинъ успѣховъ революціонной Франціи была нестройность въ международной политикѣ остальной Европы. Въ средѣ „первой коалиціи“ противъ нея (1791) царствовали раздоры: ея руководительницы, Австрія и Пруссія, были старыя соперницы. Гогенцоллернъ внезапно покинулъ Габсбурга на произволъ судьбы, по базельскому миру съ Франціей (1795). Одна Англія упорно боролась со своею вѣковѣчною противницей; но она могла давать ей отпоръ только на морѣ, да на связанномъ съ нимъ Востокѣ. Ея участіе даже приносило косвенно вредъ коалиціи: оно отстраняло Россію, Скандинавію и Голландію, этихъ соперницъ Великобританіи на моряхъ Сѣверномъ и Балтійскомъ.

Сознаніе взаимности интересовъ на сѣверо-востокѣ Европы было

плодомъ усиленія Россіи и ея связей съ Западомъ. Оно ярко проявилось въ „вооруженномъ нейтралитетѣ“ (1780) Екатерины II, который долго служилъ дипломатическимъ преданіемъ нашего отечества и имѣлъ міровое значеніе: эта „лига нейтральныхъ“ противъ морскаго владычества Англіи подготовляла сближеніе между Россіей и Франціей и новую постановку восточнаго вопроса; она содѣйствовала появленію Соединенныхъ Штатовъ Америки (1).

Правда, лига вскорѣ распалась: Пруссія и здѣсь покинула своихъ союзниковъ, заключивъ союзъ съ Англіей (1788). Но Россія и Скандинавія сохраняли недовѣріе къ Великобританіи: онѣ чуждались ея даже въ разгаръ французской революціи. Екатерина даже послѣ казни Людовика XVI сначала вела дѣло съ хладнокровіемъ опытнаго дипломата. Она только притѣсняла проживавшихъ въ Россіи французовъ тяжелыми указами: требовала отъ нихъ, напримѣръ, присяги въ томъ, что они отрекаются отъ своей революціи и республики. Она лишь косвенно и платонически поддерживала „правое дѣло“ (bonne cause — интересы французскихъ Бурбоновъ на языкѣ тогдашней дипломатіи). Она даже находила выгоднымъ для Россіи вовлекать другія державы въ борьбу съ революціей, а самой устраняться, чтобы имѣть свободныя руки въ Польшѣ, Швеціи и Турціи (2).

Но вмѣстѣ съ успѣхами Франціи возрасталъ разладъ между республикой и главною представительницей монархизма въ Европѣ. Екатерина заключила союзъ съ Пруссіей и даже Англіей для „сохраненія порядка“ и „обузданія революціи“. Въ началѣ 1795 г. русская эскадра отплыла въ Сѣверное море на помощь великобританскому флоту; а въ августѣ 1796 года канцлеръ Остерманъ извѣщалъ нашего посла въ Вѣнѣ, гр. Разумовскаго, что императрица даетъ свои войска императору. Теперь Екатерина уже рѣшалась ничего не щадить для „праваго дѣла“. Она одна признала Людовика XVIII королемъ Франціи. Она осыпала прусскаго короля страстною бранью, замѣтивши его уклончивость (3).

Чѣмъ явственнѣе обнаруживалась враждебность Екатерины къ республикѣ, тѣмъ внимательнѣе присматривались французы къ Петербургу и тѣмъ сильнѣе росла ихъ ненависть къ русскимъ (4). Въ одномъ 1793 г. было не мало пререканій между конвентомъ и нашимъ правительствомъ, по поводу притѣсненій французовъ въ Россіи (5). То же продолжалось при директоріи, которая не меньше, чѣмъ конвентъ, ненавидѣла Россію. Она, сверхъ того, стала зорко слѣдить за Петербургомъ, пользуясь нашими „канцелярскими цедулами“ (6). Въ ея портфеляхъ уже начали скопляться проекты насчетъ поднятія чуть не всего міра противъ зловредной Россіи, причемъ авторы возлагали особенныя надежды на поляковъ, турокъ, татаръ, персіянъ и — казаковъ, этихъ „рожденныхъ“ враговъ Россіи, готовыхъ, какъ слышно, возстать“. Какъ вдругъ умерла Екатерина II—и все остановилось, приглядываясь къ ея преемнику.

Въ Парижѣ хорошо понимали, что все зависѣло отъ точки зрѣнія новаго царя, и особенно усердно слѣдили за Петербургомъ, нерѣдко перехватывая письма оттуда (7). Первыя извѣстія были вообще благопріятны, хотя иногда двусмысленны: въ Петербургѣ были поражены „изумительною“ суетливостью новаго императора и перемѣнами при дворѣ (8). Французскій дипломатъ въ Берлинѣ, Кальяръ (Caillard), извѣщалъ уже въ декабрѣ 1796 г., что Павелъ I разорвалъ договоръ съ Англіей о субсидіяхъ, удалилъ враждебнаго Франціи Моркова и даже объявилъ, что не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла коалиціи. Подобныя же свѣдѣнія доходили до французскаго министра „внѣшнихъ сношеній“ прямо изъ Петербурга, причемъ указывалось на возможность замиренія (9). Генеральный консулъ республики въ Петербургѣ, горячій Лессепсъ, даже спѣшилъ заготовить переводъ „Declaration des droits de l'homme“ для просвѣщенія Россіи и ея монарха (*Paris*, 139, 146).

Мысль о замиреніи вдругъ стала повторяться французами на разные лады. Парижское министерство было завалено записками на эту тему. Здѣсь, наряду съ ненавистью къ Екатеринѣ II, высказывалось сочувствіе Павлу I и развивающейся Россіи, а также желаніе войти въ прочную связь съ богатою имперіей, особенно съ цѣлью отбить у англичанъ торговлю съ нею. Больше всего писалъ неутомимый Гюттенъ, который называлъ себя „гражданиномъ“ (citoyen), а при первой имперіи сталъ „sieur de Guttin“. Основываясь на своемъ знаніи Россіи, гдѣ онъ прожилъ 12 лѣтъ, этотъ прожектеръ вѣчно сочинялъ быстрые политическіе планы, выступая съ ними и передъ директоріей, и передъ консуломъ, и передъ Александромъ I. Въ описываемую минуту Гюттенъ представилъ двѣ любопытныхъ записки (4), гдѣ доказывается, что для Франціи нѣтъ ничего выгоднѣе союза съ Россіей: авторъ совѣтовалъ даже предоставить Павлу I Турцію, впрочемъ если только онъ возстановитъ Польшу въ древнихъ предѣлахъ, съ Константиномъ Павловичемъ во главѣ, въ качествѣ короля.

Ту же мысль проводили лица болѣе оффиціальныя. Тато Дарфлянъ, бывшій 20 лѣтъ генеральнымъ консуломъ Франціи въ Петербургѣ, разсчитывалъ на пристрастіе Павла I къ Пруссіи. Бывшій французскій посолъ въ Женевѣ, извѣстный мемуаристъ, Сулави, увѣрялъ въ возможности союза съ Павломъ I, на основаніи своихъ бесѣдъ съ прусскимъ посломъ въ Швейцаріи, Сандоцомъ. Его поддерживалъ секретарь французскаго посольства въ Женевѣ, Дарнвиль, который совѣтовалъ подѣйствовать на слабую струну Петербурга — на его желаніе руководить Германіей (10). Онъ считалъ нужнымъ также прибѣгнуть къ посредству Берлина и угодить новой царицѣ, пообѣщавъ ея отцу, герцогу вюртембергскому, курфюршеское достоинство и вознаградивъ его въ Швабіи за утрату графства Монбельяра (11). Наконецъ, извѣстный впослѣдствіи историкъ французской дипломатіи, Флассанъ, представилъ директоріи двѣ обстоятельныхъ записки, гдѣ какъ бы сводятся всѣ эти мнѣнія и указывается практическій ходъ дѣла (12).

Немудрено, что директорія, по ея словамъ, „почувствовала возможность извлечь пользу изъ событія, которое, по всей вѣроятности, произведетъ болѣе или менѣе долгій и полный переворотъ въ системѣ петербургскаго двора“ (13). Ея министръ внѣшнихъ сношеній, Делакруа, уже 17 декабря 1796 г. предписалъ Кальяру объясниться съ прусскимъ министромъ Гаугвицомъ и, при его посредствѣ, съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Колычевымъ. Цѣль у директоріи была ясна: „такъ какъ у насъ, можно сказать, нѣтъ прямыхъ интересовъ съ Россіей, которые приходилось бы улаживать, то договоръ былъ бы очень простъ: его можно бы свести почти къ одной статьѣ — о возстановленіи старой дружбы и торговыхъ сношеній, причемъ мы желали бы установить эти сношенія на взаимности наиболѣе благопріятствуемыхъ націй“ (14).

Не дожидаясь отвѣта, Делакруа представилъ директоріи, 10 февраля 1797 г., замѣчательный докладъ о Россіи, имѣющій значеніе не только для характеристики Екатерины II и Павла I, но и вообще для политической исторіи той эпохи (15). Здѣсь указаны всѣ средства для сближенія съ Петербургомъ и поданъ совѣтъ немедленно послать туда новаго агента, хотя бы подъ видомъ ученаго, купца, или простаго путешественника (16).

Между тѣмъ Кальяръ увѣдомилъ (31 дек. 1796 и 3 января 1797), что берлинскій дворъ взялся обинявами (par insinuation) извѣстить Петербургъ о желаніяхъ республики и передать ему, что узнаетъ о намѣреніяхъ царя. Такой ходъ дѣла не понравился директоріи — и Делакруа приказалъ Кальяру (24 января) прямо обратиться къ нашему посланнику въ Берлинѣ и даже послалъ ему проектъ ноты для послѣдняго. Кальяръ отвѣчалъ 21 февраля: „прямая передача ноты Колычеву противна дипломатическимъ обычаямъ, и этотъ посланникъ не можетъ принять ее, не снесшись со своимъ дворомъ“. Онъ написалъ ноту Гаугвицу, съ тѣмъ, чтобы тотъ переслалъ ее прусскому министру въ Петербургѣ, Брюлю, который „представилъ бы ее и поддержалъ всѣми мѣрами“. Въ ней было прямо сказано: „директорія нарочно (expressement) поручила мнѣ заявить вамъ желаніе республики возстановить миръ и дружбу съ Россіей; она готова вступить въ переговоры съ тѣми, кого назначитъ императоръ“ (17).

„Пришлось довольно долго ждать успѣха отъ этого шага“, говоритъ Делакруа въ своемъ докладѣ. Дѣйствительно, 18 марта Кальяръ писалъ: „наши дѣла въ Петербургѣ все еще идутъ не такъ, какъ желательно, хотя они и не безнадежны“. Онъ извѣстилъ, что берлинскій дворъ „наилучшимъ образомъ служилъ республикѣ у императора“, котораго привлекъ къ себѣ для этого „великимъ знакомъ довѣрія“, именно „посвятилъ его въ тайну“ прусско-французскаго союза 1795 г. и даже заключенной тогда секретной конвенціи. Кальяръ опасался только посланниковъ Австріи и Англіи, которые „осаждали императора, ничего не жалѣли, чтобы привлечь его къ себѣ, и уже возъимѣли нѣкоторое вліяніе на него“. А тутъ еще петербургскій дворъ отбылъ въ

Москву, по поводу коронованія,—и три мѣсяца ничего не было слышно объ исходѣ миротворной политики Пруссіи.

Поведеніе новаго императора во французскомъ вопросѣ подтвердило противорѣчивыя извѣстія объ его нравѣ. Первымъ душевнымъ движеніемъ въ немъ было безусловное миролюбіе, которое совпадало съ его несочувствіемъ Екатеринѣ II. Даже гораздо позже (въ рескриптѣ Колычеву отъ 1 февраля 1799) онъ какъ бы вмѣнялъ себѣ въ заслугу, что *не послѣдовалъ правиламъ родительницы своей*, потому что эти правила основывались „на видахъ пріобрѣтеній", а онъ не хотѣлъ „отказать любезнымъ подданнымъ въ пренужномъ и желанномъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній". И всѣ военныя приготовленія послѣднихъ дней Екатерины были отмѣнены.

Однако вскорѣ оказалось, что Павелъ I сходился съ своею родительницею въ главномъ вопросѣ дня,—обстоятельство, которое привело его къ продолженію политики конца ея царствованія. Когда онъ былъ еще цесаревичемъ, дипломаты замѣтили его отвращеніе къ французскимъ идеямъ. Оно наглядно проявлялось въ его сочувствіи къ эмигрантамъ и въ его холодности къ Лагарпу. Еще знаменательнѣе былъ крутой поворотъ въ чувствахъ Павла I къ Берлину: будучи цесаревичемъ, онъ изъявлялъ крайнее дружелюбіе Фридриху II и его преемнику, Фридриху-Вильгельму II; ставши царемъ, онъ подозрительно взглянулъ на сосѣдній дворъ, который самъ былъ воплощеніемъ революціи въ Германіи, стремясь разрушить старину въ лицѣ австрійскихъ Габсбурговъ, да еще осоюзился съ республиканскою Франціей.

И вотъ, уже въ первомъ объясненіи иностраннымъ державамъ читаемъ: „государь не менѣе, *какъ покойная его родительница*, чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ". А въ началѣ 1797 г. Павелъ писалъ Фридриху-Вильгельму II, въ отвѣтъ на его поздравительное посланіе, въ которомъ выражалось желаніе сблизиться: „врагъ модной системы философскихъ потрясеній, я готовъ сговориться съ вами, чтобы воспрепятствовать всякому разрушенію и окончательной смутѣ". Тогда же онъ прямо указалъ Колычеву на основное условіе сближенія: прусскій король „лучше всего доказалъ бы искренность своего расположенія, если бы отказался отъ всякихъ мѣръ, угрожающихъ цѣлости Германіи и способныхъ произвести расколъ между главой Нѣмецкой имперіи и ея различными членами".

При такихъ условіяхъ, въ Берлинѣ съ радостью схватились за предложеніе Франціи помочь ей въ переговорахъ съ Россіей: Гаугвицъ надѣялся не только усыпить подозрительность царя относительно прусскихъ интригъ въ Германіи, но еще сыграть важную роль всеобщаго примирителя. Показывая свой договоръ съ республикой и сильно надѣясь на „это новое убѣдительное доказательство дружбы", Фридрихъ-Вильгельмъ II писалъ Павлу I: „Мнѣ очень пріятно помогать вамъ въ возстановленіи тишины: въ этомъ-то смыслѣ я готовъ дѣйствовать за-

одно съ вами путемъ переговоровъ и посредничества (médiation). Но чтобы начать это спасительное дѣло, мнѣ необходимо знать ваши виды и мысли: прошу объясниться со мной".

Вслѣдъ затѣмъ, избитая Бонапартомъ Австрія обратилась къ посредничеству Россіи, заранѣе соглашаясь на ея условія (18). И изъ Лондона пришло предложеніе въ подобномъ же родѣ. Павелъ I рѣшился выступить въ лестной роли посредника. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ Репнина въ Вѣну и Берлинъ. Въ инструкціи ему (19 апрѣля) сказано, что русское посредничество мыслимо лишь при двухъ условіяхъ: Франція должна формально предложить его и, если она потребуетъ, Пруссія должна быть „присоединена къ медіаціи". Репнину повелѣвалось „безъ всякаго исканія и какъ ненарочно" встрѣтиться съ Кальяромъ и „постараться завести рѣчь о мирѣ, о сдѣланномъ отъ насъ внушеніи воюющимъ и о нашемъ желаніи способствовать тому по всей нашей возможности". Но Репнинъ долженъ былъ говорить свысока и высказываться грозно въ случаѣ, если республика „прострётъ буйство свое на крайнее угнетеніе вѣнскаго двора".

Но посольство Репнина не состоялось: вскорѣ было заключено перемиріе между Франціей и Австріей, за которымъ послѣдовалъ миръ въ Кампо-Форміо. Между тѣмъ всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за прусскою попыткой примирить Францію съ Россіей. Царь хранилъ загадочное молчаніе; какъ вдругъ (по донесенію Кальяра отъ 6 іюня) онъ внезапно покинулъ Москву и поѣхалъ въ Гродно, предполагая, что Фридрихъ-Вильгельмъ II прибудетъ въ Варшаву. Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Свиданія монарховъ-сосѣдей не состоялось—и Кальяръ узналъ лишь стороной, что его нота благосклонно принята въ Петербургѣ. Онъ утѣшался только тѣмъ, что источникъ его свѣдѣній надеженъ: то былъ датскій министръ, „женатый на русской княгинѣ, который долго жилъ въ Россіи и сохранилъ тамъ связи".

Этотъ слухъ подтвердился переданнымъ директоріи спискомъ рескрипта Фридриха-Вильгельма прусскому посланнику въ Парижѣ, Сандоцъ-Роллену (19). Король увѣдомлялъ, что вице-канцлеръ Безбородко словесно заявилъ Брюлю о желаніи своего государя „выступить въ качествѣ посредника (médiateur)" заодно съ Пруссіей, если только „заинтересованныя стороны пригласятъ его". Фридрихъ-Вильгельмъ такъ усердствовалъ въ исполненіи „пріятнаго порученія", что добился подтвержденія и поясненія сказаннаго, въ видѣ „словесной ноты" Безбородка Брюлю, списокъ которой былъ доставленъ директоріи 21 августа (20). Въ этой нотѣ опять проглядывало желаніе петербургскаго двора принять участіе въ дѣлахъ Европы и особенно Германіи. Тутъ Павелъ I оказался вѣрнымъ преемникомъ своей матери или, вѣрнѣе, преданій русской дипломатіи, завѣщанныхъ Петромъ I: выражаясь языкомъ XVIII вѣка, онъ хотѣлъ воспользоваться Франціей, какъ орудіемъ, чтобы стать „арбитромъ Европы" и пріобрѣсти „дѣятельную инфлюенцію" въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Оттого тогда же былъ посланъ приказъ Колычеву не

искать, но и не избѣгать встрѣчи съ Кальяромъ и, въ частномъ разговорѣ съ нимъ, развивать содержаніе словесной ноты.

Между двумя дипломатами начались переговоры, съ помощью сведшаго ихъ Гаугвица. Но тотчасъ же обнаружилось основное разногласіе. Нашъ посланникъ намекалъ на „посредничество", а Кальяръ говорилъ только „о дружескихъ и торговыхъ связяхъ". Колычевъ, въ донесеніи своему двору, напиралъ на то, что Кальяръ „ни слова не сказалъ о медіаторствѣ"; а новый министръ внѣшнихъ сношеній во Франціи, Талейранъ, въ своемъ докладѣ директоріи, обращалъ особенное вниманіе на намеки Колычева о загадочномъ и опасномъ посредничествѣ Россіи и Пруссіи въ переговорахъ о всеобщемъ замиреніи (21). Тѣмъ не менѣе директорія опредѣлила послать Кальяру полномочіе для заключенія предложеннаго ею договора, а Павелъ I отправилъ въ Берлинъ, съ тою же цѣлью, чрезвычайнаго посла, Панина. Однако рескриптъ Панину (отъ 5 іюня) вовсе не отличался дружелюбіемъ. Ему гордо внушалось показывать видъ, что царь неохотно, лишь по человѣчеству, беретъ на себя бремя посредничества, и что онъ считаетъ образъ мыслей французовъ „отвратительнымъ", а ихъ товары, „къ одной суетной и оказательной роскоши служащіе",—подлежащими запрещенію въ Россіи.

Кальяръ тотчасъ понялъ политическую игру петербургскаго двора. Онъ писалъ Талейрану, 8 іюля, что медіаторство подчинило бы Германію Россіи и что нужно осторожно, „щадя самолюбіе царя", не допускать усиленія „этой безпокойной и мятежной державы" (22). Министръ отвѣчалъ ему, что конечно Россія можетъ вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла, только какъ порука за тешенскій миръ, т.-е. лишь въ случаѣ, когда коснутся Баваріи. Онъ приказалъ ему поблагодарить Пруссію за участіе и увѣдомить ее, что посылаются полномочія для заключенія мирнаго договора съ Россіей. Но касательно медіаторства Кальяръ долженъ былъ вѣжливо отклонить его (23).

Директорія еще не теряла надежды, такъ какъ „вздорная" (futil) мысль о посредничествѣ была выражена царемъ „лишь какъ желаніе, далеко не прямо и положительно". Но вскорѣ она разочаровалась. Панинъ привезъ невозможный проектъ договора, вызвавшій слѣдующія возраженія со стороны директоріи. Этотъ проектъ далеко не „простъ и кратокъ": Панинъ „стремится усложнить, затянуть дѣло, вставить условія, которыхъ нельзя принять". Невозможно самое вступленіе: царь очевидно хотѣлъ избѣгнуть ненавистнаго ему имени „республики", употребляя слово „директорія". Статья о торговлѣ безтолкова: „она выражаетъ и слишкомъ много, и не все". Особенно „изумила" директорію статья IV, даже въ смягченномъ изложеніи Кальяра. Она соотвѣтствовала статьѣ III позднѣйшаго русскаго проекта договора (№ 25): касалась преслѣдованій за политическія убѣжденія. Талейранъ писалъ Кальяру: „Вы отлично отвѣтили Панину, что это—предостереженія противъ химерическаго существа и что включать ихъ въ договоръ значило бы нарушать обязательства естественнаго и международнаго права. Воля императора не преодолѣетъ нашей

воли. Директорія никогда не согласится на такое темное и безполезное условіе, дающее поводъ произвольному, капризному правительству преслѣдовать, подъ ничтожными предлогами, проживающихъ въ Россіи французовъ и даже отвергать наши жалобы. Которая изъ двухъ державъ болѣе въ правѣ принимать мѣры предосторожности и требовать обезпеченій для своей внутренней безопасности? Которая болѣе вредила другой? Или императору неизвѣстно, что его мать наводнила Францію шпіонами и агентами, изъ которыхъ многіе конечно находятся еще въ Парижѣ? А мнимые проповѣдники нашихъ убѣжденій проникали ли до Петербурга? Сказать правду, что имъ тамъ дѣлать? Такая многолюдная, полная безпрерывныхъ сношеній страна, какъ Франція, представляетъ широкое поле для интригъ, которыя могутъ найти въ ней много удобныхъ случаевъ и привести къ послѣдствіямъ. А въ пустыняхъ Россіи нѣтъ условій для тѣхъ волненій, которыхъ будто бы опасаются тамъ. Тутъ понадобилась бы цѣлая армія пропагандистовъ, чтобы взбунтовать одну только деревню. Что же касается какого-нибудь безумца, который навлекъ бы на себя справедливую кару законовъ россійской имперіи, то неужели считаютъ насъ настолько нелѣпыми, что мы станемъ защищать его? Повторяю, директорія не потерпитъ такого предположенія въ договорѣ; она не допуститъ въ немъ условія, какъ бы продиктованнаго побѣжденному врагу... А развѣ мы не въ правѣ, въ свою очередь, выставить нѣкоторыя требованія? Припомнимъ гнусную (infâme) присягу, которой требовали, въ Россіи и Польшѣ, отъ французовъ, задержанныхъ тамъ дѣлами, но въ большинствѣ пожертвовавшихъ своимъ состояніемъ, чтобы избавиться отъ нея. Если мы смолчали при этомъ, то лишь въ убѣжденіи, что первымъ слѣдствіемъ настоящаго договора будетъ добровольная отмѣна формальности, служащей оскорбленіемъ французской республики, за которое мы, пожалуй, должны бы потребовать торжественнаго удовлетворенія". Но такъ какъ Россія не оцѣнила этой жертвы, и Панинъ не сулилъ никакихъ торговыхъ выгодъ, то директорія предписывала Кальяру настаивать на VI статьѣ своего контръ-проекта.

Этотъ контръ-проектъ, названный „окончательною инструкціей", представляетъ первое оффиціальное заявленіе взгляда революціонной Франціи на ея мирныя отношенія къ Россіи; онъ послужилъ также Бонапарту первою руководящею нитью въ его переговорахъ съ Петербургомъ. Въ немъ говорилось только о новомъ торговомъ договорѣ, взамѣнъ трактата 1787 года, срокъ которому истекалъ. VI статья возстановляла права собственности подданныхъ обѣихъ націй, нарушенныя въ силу войны (24).

Но Павелъ I уже былъ разгнѣванъ и запуганъ успѣхами французовъ въ борьбѣ съ Австріей, которые привели къ громкому миру въ Кампо-Форміо. Въ Парижъ писали изъ Петербурга, что онъ даже строго запретилъ произносить имя Бонапарта въ своемъ царствѣ и негодовалъ на дамъ, которыя тайкомъ вышивали его портретъ на портфеляхъ.

Вѣрно то, что уже въ іюлѣ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Тугутъ, былъ смущенъ весьма таинственнымъ (даже Разумовскій не зналъ) предложеніемъ царя выдать свою дочь за одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ (25). А въ сентябрѣ Павелъ I приказалъ Панину погрозить Кальяру, а Разумовскому писалъ, въ Вѣну, что „не обинуясь“ хочетъ защитить Габсбурга. Контръ-проектъ директоріи былъ отвергнутъ, въ особенности изъ-за политическаго вопроса, такъ раздражавшаго республику. Панинъ получилъ приказъ прервать переговоры при первомъ удобномъ случаѣ, что̀ и было исполнено по поводу заарестованія французами одного русскаго консула. Въ ноябрѣ явился указъ о принятіи эмигрантовъ въ русскую службу. Затѣмъ Павелъ I пріютилъ въ Митавѣ „Людовика XVIII“, котораго никто не признавалъ, и назначилъ ему 200,000 р. въ годъ, не считая суммы на содержаніе сотни его лейбъ-гвардейцевъ.

Съ января 1798 года Павелъ I уже прямо подготовлялъ новую коалицію, склоняя къ взаимному согласію нѣмецкихъ государей, устроившихъ тогда раштадтскій конгрессъ для рѣшенія судьбы Германіи. Онъ возлагалъ надежды не только на императора Франца II, но и на „юнаго прусскаго монарха“: въ годовщину воцаренія Павла I, 6 ноября 1797 года, въ Берлинѣ вступилъ на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, которому было тогда 27 лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1798 года графъ Разумовскій отправился въ Раштадтъ слѣдить за конгрессомъ, а князь Репнинъ — въ Берлинъ налаживать союзъ. Инструкція повелѣвала послѣднему защищать statu quo Германіи отъ „завистливости“ Габсбурга и Гогенцоллерна, хотя въ то же время добиваться курфюршескаго званія для Вюртемберга и уничтоженія вольныхъ имперскихъ городовъ, ибо „подобныя тѣла скорѣе другихъ заражаются пагубною болѣзнью мнимой вольности“. Репнинъ долженъ былъ предложить оборонительный союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи, къ которому примкнули бы Данія, Швеція и нѣмецкіе князья. Формально это долженъ былъ быть обычный договоръ; но въ тайныхъ статьяхъ установлялись бы „мѣры осторожности противъ подвиговъ правленія французскаго на распространеніе вредныхъ ихъ правилъ“.

Репнинъ и, вслѣдъ за нимъ прибывшій, австрійскій уполномоченный, Кобенцль, пользовались великимъ почетомъ при дворѣ и у юнкерской аристократіи, между тѣмъ какъ почти всѣ сторонились отъ французскаго дипломата, извѣстнаго Сіейса, который былъ присланъ директоріей для разрушенія коалиціонныхъ плановъ. Однако Гаугвицъ, съ свойственнымъ ему „іезуитствомъ“ (11), провелъ всѣхъ, ухватившись за спасительный нейтралитетъ, котораго придерживалась Пруссія до самой іенской катастрофы. Тогда Репнинъ получилъ рескриптъ съ рѣзкими выраженія насчетъ „коварнаго министра“ и берлинскаго двора. Онъ долженъ былъ удовольствоваться заключеніемъ союзнаго договора съ Австріей, которое состоялось еще въ Берлинѣ, при посредствѣ Кобенцля. Да и этотъ союзникъ былъ ненадеженъ. Ему справедливо не

довѣряли въ Петербургѣ. Тугутъ смотрѣлъ на Россію, лишь какъ на орудіе Габсбурговъ въ борьбѣ съ Гогенцоллернами. Онъ лично не терпѣлъ царя, называлъ его „жалкимъ, мстительнымъ, подозрительнымъ, переполненнымъ гордостью, поистинно безумнымъ, азіатскимъ деспотомъ". Онъ старался помѣшать родству между Вѣной и Петербургомъ. А его агентъ при Павлѣ I, Дитрихштейнъ, и посланный ему на помощь Кобенцль доносили о тревожномъ состояніи духа у царя. Они возлагали надежды только на „достойнаго и благороднаго министра", Панина, тѣмъ болѣе, что ихъ смущало „ненавистное пристрастіе" князя Репнина къ берлинскому двору (26).

Съ другой стороны, во Франціи разгоралась ненависть къ „деспотизму", отъ котораго сгоралъ „великій народъ" на востокѣ Европы. Парижскій архивъ за 1798 г. переполняется враждебными Петербургу мемуарами и письмами (27). Поляки составляли свои „легіоны" въ Италіи и подали директоріи адресъ о возстановленіи Рѣчи Посполитой,— мысль, которую Кальяръ старался провести въ Берлинѣ, какъ доносилъ Панинъ 13 января. Въ іюнѣ Бонапартъ захватилъ Мальту и оффиціально сказалъ ея рыцарству: „всѣ ваши объясненія не мѣшаютъ мнѣ думать, что Россія издавна имѣла виды на Мальту; и мы рѣшились овладѣть ею, чтобы предупредить осуществленіе этого плана". Затѣмъ онъ объявилъ, что казнитъ всякаго грека Эгейскаго моря, который будетъ уличенъ въ сношеніяхъ съ Россіей, и потопитъ всякій греческій корабль, плавающій подъ русскимъ флагомъ.

Отвѣтомъ на этотъ смѣлый шагъ республиканскаго генерала были военныя дѣйствія. Въ августѣ, изъ Севастополя вышла эскадра на помощь туркамъ и англичанамъ противъ „правительства, руководимаго единымъ хищеніемъ и грабленіемъ чуждаго". Въ концѣ года выступилъ и русскій корпусъ въ Австрію. Тогда же Россія заключила союзы съ Портой, Англіей и Неаполемъ. Павелъ I надѣялся даже на содѣйствіе Берлина: онъ приказалъ корпусу Нумзена готовиться въ походъ изъ Бреста, въ виду „плана, выработаннаго государями Россіи, Пруссіи и Англіи" (28).

Насталъ кровавый послѣдній годъ XVIII столѣтія. Изъ Петербурга, который становился очагомъ пылкой ненависти къ „заразѣ развратныхъ правилъ" въ Парижѣ, доносились странныя и тяжелыя извѣстія. Тамъ то воздвигались гоненія на иностранные журналы и рукописи, то подвергался опалѣ новый танецъ — вальсъ (29). Особенно всѣ были смущены „необычайнымъ" (extraordinaire) поступкомъ царя относительно Мальты. На этомъ островѣ естественно останавливалось вниманіе Австріи, желавшей отстранить французское вліяніе. Когда, лѣтомъ 1797 г., умеръ великій магистръ мальтійскаго ордена, Тугутъ писалъ къ Коллоредо: „благомыслящіе рыцари благоразумно поспѣшили избрать ему преемника, чтобъ не дать времени злоумышленникамъ учинить революцію; выборъ палъ на старшину (bailli) Гомпеша, министра его величества; и я очень радъ этому". Но такъ какъ Бонапартъ затѣмъ овла-

дѣлъ островомъ, Павелъ I вдругъ объявилъ себя магистромъ „ордена св. Іоанна Іерусалимскаго“, поясняя свой шагъ, между прочимъ, тѣмъ, что уставъ мальтійцевъ представляетъ хорошее средство противъ „необузданнаго своеволія мысли“.

Испуганная и оскорбленная Австрія отстаивала права своего Гомпеша. Но ея посланникъ настаивалъ, чтобы уступили этой „смѣшной и беззаконной нелѣпости“. И когда состоялась отставка Гомпеша, въ іюлѣ 1799 г., онъ писалъ, что Вѣна избѣжала бы много непріятностей, еслибы это исполнилось раньше (30). Не такъ легко успокоились французы. Директорія не шутя думала, что царь намѣренъ провозгласить себя папой точно также, какъ и главой ислама (31). Если она преувеличивала значеніе „подобной странности“ для будущаго, то для всѣхъ было очевидно, что этотъ поступокъ свидѣтельствовалъ о томъ, что борьба съ парижскою „заразой“ стала жизненною задачей Петербурга.

Документы доказываютъ, что тогда Павелъ I былъ весь поглощенъ ею, какъ представитель идеи, для которой онъ готовъ былъ пожертвовать не только Россіей, но и собой. Онъ видѣлъ здѣсь не только свое спасеніе, но и свое призваніе и честь. Новая страсть, овладѣвшая имъ, рѣзко и эффектно проявлялась почти въ каждой бумагѣ, писанной имъ самимъ или его министерствомъ. Всѣ его политическія отношенія, иногда противорѣчивыя и загадочныя, объясняются съ этой точки зрѣнія. Онъ предлагалъ Англіи свои войска для усмиренія ирландцевъ и ловилъ ея мятежниковъ на материкѣ въ то самое время, когда негодовалъ на ея предательство. Онъ спѣшилъ возвратить во Францію тѣхъ самыхъ Бурбоновъ и эмигрантовъ, о которыхъ былъ весьма невысокаго мнѣнія. Онъ-то двинулъ противъ Франціи неповоротливую, сварливую, завистливую коалицію: директорія правильно называла нѣмецкаго императора „не болѣе, какъ помощникомъ Россіи“, хотя онъ больше всѣхъ потерпѣлъ отъ республики. Чтобы привязать къ дѣлу этого ненадежнаго союзника, царь жертвовалъ своею дочерью: съ трудомъ сдерживая чувство ненависти къ коварной Вѣнѣ, которое равнялось враждебности Тугута къ Петербургу, онъ выдалъ Александру Павловну замужъ за эрцгерцога Іосифа, весной 1799 г. Затѣмъ онъ, ради „праваго дѣла“, возвратилъ свое благоволеніе опальному Суворову (32).

Павелъ I не только былъ душой „второй“ коалиціи, но, раздражаемый ея вялостью, хотѣлъ стать ея повелителемъ и, въ необдуманной поспѣшности, дѣлалъ самые опасные шаги. Онъ собирался наказать Пруссію, разорвалъ связи съ Даніей и объявилъ войну Испаніи за недостатокъ страстности съ ихъ стороны. При этомъ представитель мадридскаго двора, Онисъ, долженъ былъ въ два дня покинуть Петербургъ и въ 12 дней — имперію; а въ манифестѣ было сказано, что царь изъявляетъ свое „негодованіе“ странѣ, которая лишь „наружно привержена“ къ походу противъ „издыхающаго богомерзкаго правленія“ во Франціи.

Такая поразительная страстность объясняется инстинктомъ само-

сохраненія, который рисовалъ дѣло почти въ безвыходномъ положеніи. Павелъ I желалъ мгновенно, однимъ ударомъ, истребить „заразу", опасаясь, что она овладѣетъ самымъ орудіемъ, выдвинутымъ имъ же противъ нея изъ далекой страны, которая была такъ чиста до тѣхъ поръ. Онъ приказывалъ начальникамъ своихъ армій заграницей „остерегаться, дабы войска наши не заразились духомъ сей пагубной вольности", и предотвращать всякое „покушеніе на отправленіе въ Россію лазутчиковъ или избранныхъ каналій отъ самозваннаго французскаго правленія".

Царь не ошибался насчетъ „каналій". Они не только ничего не щадили, чтобы отстоять свою республику, но и напрягали всѣ силы своего ума для распространенія своихъ идей въ Россіи. Съ осени 1799 до весны 1800 г., въ парижскомъ архивѣ тянется любопытная обширная переписка по этому предмету (*Russie*, 139, 170—183, 194, 198, 206. *Mémoires*, XXXV, 40—41 *ter*). Главнымъ прожектеромъ опять выступилъ Гюттенъ. Онъ предлагалъ довести „русскихъ помѣщиковъ до преобразованія имперіи на олигархическихъ началахъ", а нашимъ плѣннымъ „привить идеи свободы" и затѣмъ размѣнять ихъ на французскихъ плѣнныхъ (33). На другой же день, 13 октября, Талейранъ предложилъ директоріи принять услуги Гюттена и другихъ подобныхъ лицъ. Его докладъ (34), важный и по содержанію, и по слогу революціонной Франціи, относится къ тому торжественному моменту, когда Суворовъ явился въ долинѣ верхняго Рейна для спасенія арміи Корсакова, а Бонапартъ только-что возвратился изъ Египта въ Парижъ.

Наставала новая эпоха, и живой, смѣтливый Гюттенъ выступилъ совсѣмъ съ инымъ проектомъ. За полмѣсяца до 18-го брюмера, онъ прислалъ Талейрану записку, имѣющую историческій смыслъ: она доказываетъ, что первая мысль Бонапарта-консула, а отчасти и его дальнѣйшіе планы какъ бы носились въ воздухѣ, были національнымъ сознаніемъ. Гюттенъ вдругъ заговорилъ о „быстромъ, прочномъ и выгодномъ мирѣ" и даже о союзѣ съ Россіей. Онъ мечталъ уже, какъ такія двѣ силы станутъ „предписывать законы всей Европѣ" и дойдутъ до Египта и Бенгала (35).

Гюттенъ называлъ свою обширную записку „простымъ обзоромъ" и обѣщалъ, если потребуется, представить подробный планъ. Но было уже поздно. Разразился государственный ударъ 9 ноября 1799 г. (18 brumaire an VIII),—и Гюттенъ предсказалъ, что теперь мирные переговоры пойдутъ гораздо легче (36). Мы видѣли, въ началѣ этого введенія, что предсказаніе исполнилось. Помимо надежды Павла I на искорененіе безначалія во Франціи посредствомъ диктатуры Бонапарта, сами обстоятельства вели къ измѣненію его внѣшней политики.

Уже весной, когда Суворовъ освободилъ отъ французовъ большую часть сѣверной Италіи, началась классическая ссора между Петербургомъ и Вѣной. Австрія заносчиво потребовала себѣ значительной доли этой самой Италіи, а ея освободителей называла „грабителями и притѣсни-

телями“. Особенно непріятно было царю, что она гордо ссылалась при этомъ на свой договоръ съ Россіей о третьемъ раздѣлѣ Польши: Тугутъ доказывалъ, что тогда обошли вѣнскій дворъ, мало дали, но зато въ тайной статьѣ Екатерина II обезпечивала ему „вознагражденіе“ въ Италіи, „по поводу войны противъ французской революціи“. Положеніе Кобенцля въ Петербургѣ становилось невыносимымъ. Въ апрѣлѣ онъ жаловался своему министерству: „мы теряемъ въ князѣ Безбородко послѣдняго человѣка, который былъ въ состояніи приводить какіе-либо доводы императору“. Тугутъ, въ свою очередь, жаловался ему на „странности императора“ и на вскрытіе всѣхъ писемъ, идущихъ въ Петербургъ по почтѣ и съ русскими курьерами; онъ совѣтовалъ даже не слишкомъ тепло отзываться объ императрицѣ (37).

Событія слѣдовали съ быстротой, соотвѣтствовавшей „изумительной подвижности“ (7) Павла I. Лѣтомъ въ его рескриптахъ уже говорилось о „безконечныхъ интригахъ“ вѣнскаго двора и о „гнусной политикѣ его безчестныхъ министровъ“. При этомъ пріятелю Тугута, Разумовскому, совѣтовалось „помнить, что онъ русскій и посланникъ императора“, а въ декабрѣ его замѣнили Колычевымъ. Заявлялось даже безъ обиняковъ, что пора „приняться за австрійскій домъ и сбавить его ходу, пообрѣзавъ крыльевъ“. Осенью у Ростопчина не находилось достаточно бранныхъ словъ для Вѣны и особенно Тугута, и онъ называлъ бракъ Александры Павловны „зломъ“, устроеннымъ по „мѣщанскимъ побужденіямъ“. Въ октябрѣ Тугутъ извѣщалъ Дитрихштейна, что даже Панинъ перешелъ на сторону враговъ Австріи. Дурное обращеніе англичанъ съ нашими войсками въ Голландіи ожесточило царя противъ всей коалиціи, и Кобенцль писалъ, въ ноябрѣ и декабрѣ, съ горечью отчаянія: „мое печальное положеніе превосходитъ всякое вѣроятіе, вслѣдствіе дурнаго обращенія Павла I“. Особенно „возмущала“ его жалкая роль эрцгерцога въ Петербургѣ. Кобенцль обвинялъ самихъ австрійцевъ за ихъ жадность къ землямъ, скаредность и неумѣнье справиться съ „человѣкомъ въ горячкѣ“, котораго „мы сами пріучили считать себя рѣшителемъ судебъ Европы“. Раздражительное состояніе Петербурга отражалось и на Пруссіи. Въ то же лѣто Ростопчинъ, негодуя на ея увертливость, называлъ ее „низкою“ и „проклятою“, ея короля „недоброкачественнымъ“ и „паралитикомъ“, а всю нѣмецкую расу „ненавистною“ (38).

Какъ только Ростопчинъ узналъ о 18-мъ брюмера, онъ написалъ Воронцову: „человѣкъ такого закала, какъ Бонапартъ, не захочетъ ограничиться страдательною ролью и быть орудіемъ какого-нибудь Сіейса или ему подобнаго“. А два мѣсяца спустя послѣ переворота, Павелъ I повелѣлъ фельдмаршалу привести войска обратно въ Россію, „ибо виды вѣнскіе тѣ же, а во Франціи перемѣна, которой оборота терпѣливо и не изнуряя себя мнѣ ожидать должно“.

II.

1800.

Попытка примиренія между Павломъ I и Бонапартомъ.

Восьми лѣтніе успѣхи въ трехъ частяхъ Свѣта не дешево достались французской республикѣ. Ей нужно было передохнуть, а Бонапарту, только-что прибывшему изъ Египта, осмотрѣться. Между тѣмъ Австрія не считала себя побѣжденною: въ началѣ 1800 г. она отклонила мирныя предложенія перваго консула, ободряемая Англіей, которая отвергла ихъ даже съ презрѣніемъ. Малѣйшая непріязнь со стороны Россіи, весьма возможная при „стра́нностяхъ" ея царя, могла погубить республику.

Примиреніе съ Россіей стало первою заботой Бонапарта. По обыкновенію, въ его пылкомъ воображеніи, которое впрочемъ было лишь зеркаломъ настроенія націи (32), вдругъ создался широкій планъ: онъ надѣялся такъ обольстить Павла I, чтобы его имперія стала ядромъ союза противъ Англіи, который охватилъ бы не только всю Европу, но и Америку (39). Во всякомъ случаѣ, уже одними переговорами съ Петербургомъ онъ держалъ бы Англію въ страхѣ и выигралъ бы время, чтобы подготовить ей рѣшительный ударъ.

Бонапартъ ловилъ счастливую минуту. Павелъ I явно продолжалъ негодовать на Австрію и Англію. Въ январѣ Кобенцль называлъ свое „безпримѣрное въ лѣтописяхъ дипломатіи" положеніе своимъ „петербургскимъ мученичествомъ" (40). Тогда же царь назвалъ англійскаго посланника, Уайтворта, „лживымъ" и изливалъ свой гнѣвъ на своего представителя въ Лондонѣ, Воронцова, который былъ такимъ же англоманомъ, какъ Разумовскій — австрофиломъ. Въ апрѣлѣ Воронцовъ былъ отозванъ, а австрійское посольство было изгнано изъ Петербурга. Въ сентябрѣ Мальта была занята англичанами, и Уайтвортъ покинулъ Петербургъ, а Колычевъ — Вѣну.

Бонапартъ хватался за всякія средства, стараясь зорко наблюдать за Россіей (41). Прежде всего онъ, по стопамъ директоріи, обратился къ содѣйствію Пруссіи, чрезъ посредство посланника республики, Бернонвиля, которому повелѣвалось „быть очень осторожнымъ" и на все, что̀ не входитъ въ его инструкціи, отвѣчать: „сообщу моему правительству" (42).

А вскорѣ на помощь этому дипломату былъ посланъ ловкій генералъ Дюрокъ, котораго Бонапартъ вообще употреблялъ для важныхъ порученій. Фридрихъ-Вильгельмъ III попрежнему былъ радъ посредничать. Но дѣло опять шло туго: Бонапарту пришлось не разъ побуждать короля къ „горячему содѣйствію“. По обыкновенію, нашъ посланникъ въ Берлинѣ, Крюднеръ, упирался, выжидая опредѣленнаго наказа изъ Петербурга, такъ какъ Павелъ I не ясно отвѣчалъ на его извѣщеніе о заискиваніяхъ Бонапарта: „ничего лучше не желаю, какъ видѣть, что прибѣгаютъ ко мнѣ, въ особенности, какъ къ противовѣсу Австріи“ (43). Ничего не добившись, Дюрокъ, въ іюлѣ, переселился въ Вѣну. Оттого-то Австрія не спѣшила мириться даже послѣ знаменитой битвы у Маренго (14 іюня). Она не вѣрила распускаемымъ изъ Парижа слухамъ, пока не явилось объявленіе Павла I о его выступленіи изъ коалиціи, за которымъ послѣдовало заключеніе союза между Россіей и Пруссіей.

Бонапартъ, между тѣмъ, старался даже мелочами опутать царя. Дюроку было приказано защищать его отъ насмѣшекъ, которыя сыпались на него въ Вѣнѣ за оставленіе коалиціи. Первый консулъ послалъ Павлу I самый лестный подарокъ—шпагу, дарованную папою Львомъ X одному изъ магистровъ мальтійскаго ордена. Талейранъ собирался прибѣгнуть къ содѣйствію своего стараго пріятеля, эмигранта Шуазеля-Гуфье, который „пользовался въ Петербургѣ очень большимъ довѣріемъ“ и желалъ возвратиться на родину (44).

Но важнѣе всего, казалось, была дипломатическая интрига, которая таинственно завязывалась въ неожиданномъ мѣстѣ. 23 мая, французскій министръ въ Гамбургѣ и Копенгагенѣ, Бургуэнъ, увѣдомилъ Талейрана, что въ Копенгагенѣ „весьма достовѣрно“ узнали о желаніи Павла I составить коалицію противъ Англіи. Три дня спустя, онъ добавилъ, со словъ шведскаго министра, что шведскій король уже условился съ царемъ о многомъ и увѣрился въ готовности Даніи „немедленно закрыть Балтику тирану морей“. Бургуэнъ твердилъ, что все дѣло въ Пруссіи, а по его петербургскимъ письмамъ выходило, что „Россія горячо побуждаетъ ее, вполнѣ раздѣляя, въ сію минуту, политику берлинскаго двора“.

Бонапартъ горячо схватился за мысль объ установленіи прямыхъ сношеній съ Петербургомъ, если нельзя дипломатически, то хоть черезъ „какого-нибудь плѣннаго русскаго офицера“. Онъ готовъ былъ даже прямо написать русскому министерству и предложить Павлу I Мальту (45). По его приказу, Талейранъ отвѣчалъ Бургуэну, 8 іюня, что „поразительная“ новость „вполнѣ согласуется со всѣми другими свѣдѣніями о нынѣшнемъ расположеніи русскаго императора“. Не надѣясь на Пруссію и Данію, „въ силу ихъ системы бездѣйствія“, онъ прибавлялъ: „къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ прямыхъ средствъ дѣйствовать въ Петербургѣ: должно прибѣгнуть къ посредничеству Пруссіи, столь услужливой по наружности“. Талейранъ предписывалъ Бургуэну хлопотать въ Даніи объ устройствѣ сѣверной лиги,

„хотя въ формѣ вооруженнаго нейтралитета", въ особенности же поискать „хорошаго пути къ русскому двору", чтобы узнать, „насколько сильны его стремленія", и даже „возбуждать" ихъ. Бургуэнъ старался прежде всего развѣдать черезъ эмигранта Бельгарда, который находился въ сношеніяхъ съ Дюмурье, пользовавшимся одно время расположеніемъ Павла I. Но Дюмурье проронилъ только безнадежную фразу: „Чего стоило мнѣ приблизиться къ Павлу I! Но я лишь 8 дней держалъ его въ предѣлахъ благоразумія: эти русскіе замѣтили — и я проигралъ". Тогда Бургуэнъ заслалъ посредника къ нашему министру въ Гамбургѣ (при нижне-саксонскомъ округѣ Нѣмецкой имперіи), Муравьеву; но тотъ объявилъ, что не смѣетъ ни во что входить „безъ формальнаго полномочія отъ своего двора".

Бонапартъ самъ нашелъ хорошій путь къ сердцу царя. Во Франціи находилось до 6.000 русскихъ плѣнныхъ. Между тѣмъ какъ уже происходилъ обмѣнъ плѣнныхъ съ Австріей и Англіей, не знали, что дѣлать съ этою обузой, такъ какъ нельзя было подступиться къ Павлу I. Съ самаго начала консульства возникали разные проекты, въ особенности со стороны неугомоннаго Гюттена (46). Но никто не могъ придумать лучшаго употребленія изъ русскаго плѣнника, чѣмъ Бонапартъ. 19 іюля онъ приказалъ Талейрану написать „петербургскому министру иностранныхъ дѣлъ", въ духѣ статьи, напечатанной имъ въ „Монитерѣ", съ тѣмъ, чтобы Бургуэнъ передалъ эту бумагу въ собственныя руки Муравьеву и просилъ его переслать въ Петербургъ съ чрезвычайнымъ курьеромъ (47). Талейранъ въ тотъ же день приготовилъ замѣчательное письмо графу Панину (№ 1), которымъ мы начинаемъ наше изданіе, какъ первымъ актомъ прямыхъ сношеній между Россіей и Франціей при Бонапартѣ (48). Здѣсь всѣ черты наполеоновской дипломатіи: и корсиканскія стрѣлы противъ Англіи и Австріи, и лесть, особенно ядовитая въ устахъ знаменитости, и тонкая попытка затянуть новую жертву въ защиту своихъ выгодъ. Первый консулъ предлагалъ царю возвратить его храброе воинство безъ обмѣна, даже съ почестями, въ новыхъ мундирахъ и съ оружіемъ. Самому Павлу I предоставлялось рѣшить, долженъ ли онъ, какъ услуга за услугу, потребовать у Англіи возвращенія того же числа французскихъ плѣнныхъ.

Но легче было изобрѣсти остроумное средство, чѣмъ пустить его въ ходъ. 20 іюля Талейранъ приказалъ Бургуэну передать его письмо Муравьеву. Но Муравьевъ даже не отвѣчалъ на записку французскаго агента, отъ „глубокаго страха, который внушалъ ему его императоръ" (49). Тогда Бургуэнъ рѣшился послать письмо Талейрана прямо Панину, такъ какъ Муравьевъ тайкомъ извѣстилъ его, что уже увѣдомилъ царя обо всемъ. Но онъ совѣтовалъ въ то же время своему министру обратиться къ Ростопчину, который „болѣе умѣренъ, чѣмъ все еще преданный Англіи Панинъ, и не меньше его имѣетъ вліянія на императора". Самъ Бургуэнъ надѣялся найти доступъ къ Ростопчину черезъ Бельгарда. Но черезъ два дня онъ одумался (50): вѣдь, письмо

Талейрана къ Панину перехватятъ на почтѣ! Лучше переслать его черезъ какого-нибудь гамбургскаго или альтонскаго купца, торгующаго съ Петербургомъ: но никто не соглашался, опасаясь „гнѣва“ царя. Бургуэнъ рѣшилъ, наконецъ, придержать у себя злополучное посланіе. Да онъ и не надѣялся на успѣхъ: его извѣщали, что Павелъ I, который въ апрѣлѣ воспылалъ любовью къ славному полководцу Франціи (51), теперь уже съ ненавистью встрѣтилъ даже тѣхъ немногихъ своихъ солдатъ, которымъ удалось какъ-то вырваться изъ французскаго плѣна.

„Мы вступили въ прямыя сношенія съ Россіей; но что выйдетъ изъ этого?“ писалъ Телейранъ Бернонвилю 11 августа. По приказу Бонапарта (52), онъ упрекалъ Пруссію за то, что она привела ихъ къ такой непріятности своимъ бездѣйствіемъ въ Петербургѣ, и предписывалъ Бернонвилю продолжать „понуканія“. Бернонвиль также негодовалъ на Берлинъ и давно уже совѣтовалъ завязать прямыя сношенія съ Петербургомъ. Онъ даже думалъ, что Гаугвицъ былъ причиной „отдаленія Крюденера послѣ нѣсколькихъ шаговъ впередъ“, и утѣшался только тѣмъ, что этотъ „іезуитъ“ не можетъ хвастаться, будто такой „блестящій актъ“, какъ отправка русскихъ плѣнныхъ, — его мысль.

Бернонвилю приходилось играть главную роль въ блестящемъ актѣ. Талейранъ вздумалъ переслать свое письмо Панину черезъ плѣннаго майора Сергѣева. Онъ воспользовался протекшимъ временемъ и прибавилъ новое посланіе, отъ 26 августа (№ 2), въ которомъ ловко намекнулъ, что ненавистные англичане, кажется, скоро овладѣютъ Мальтой. Крюденеръ остановилъ Сергѣева въ Берлинѣ и послалъ его бумаги въ Петербургъ. Тогда же онъ получилъ рескриптъ 18 августа, который разрѣшалъ ему вступить въ переговоры съ французскими уполномоченными, „соблюдая полную искренность“.

Бернонвиль тотчасъ извѣстилъ Талейрана, что Крюденеръ думаетъ повидаться съ нимъ для объясненій насчетъ „не очень лестнаго поведенія русскаго министра въ Гамбургѣ“. 13-го сентября Гаугвицъ свелъ дипломатовъ въ своемъ саду. Крюденеръ заявилъ, что царь охотно приметъ и плѣнныхъ, и письмо перваго консула, но пойдетъ на сближеніе только при условіи, если республика обезпечитъ владѣнія государей Неаполя, Сардиніи, Баваріи и Вюртемберга: такъ выступала впередъ злоба дня — мудреный вопросъ объ *индемнизаціи*, возникшій весной 1798 г. (стр. I). Бернонвиль призналъ возможнымъ только вознаградить Баварію насчетъ духовныхъ князей: больше всего онъ говорилъ о торговлѣ между Франціей и Россіей да о необходимости дать республикѣ лѣвый берегъ Рейна, въ виду усиленія Англіи и Австріи. Но у Бернонвиля не оказалось полномочій для заключенія договора. Онъ просилъ Талейрана немедленно доставить ихъ, надѣясь на успѣхъ, въ силу характера Павла I (53). Талейранъ уже 3 октября прислалъ полномочія, съ приложеніемъ копій обоихъ своихъ писемъ Панину и инструкціи, въ которой высказана основная мысль, руководившая Бонапартомъ въ

дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Россіей (54). Бернонвиль долженъ былъ только вести мирные переговоры, не допуская мысли о вмѣшательствѣ царя въ европейскія дѣла: руководствомъ для него должны были служить инструкціи Кальяру, въ особенности же проектъ договора 1797 г. Ему дозволялось лишь намекать на необходимость ограничить Австрію и особенно англичанъ, которые уже захватили Мальту, что заставило Бонапарта тогда же заключить морфонтенскій договоръ съ Соединенными Штатами Америки. Больше всего предписывалось Бернонвилю выпѣдывать у Крюденера, обольщая его уступками въ мелочахъ, и не довѣрять Берлину, который уже приписывалъ себѣ мысль о „блестящемъ актѣ". 7 октября, на помощь ему выѣхалъ молодой братъ перваго консула, Людовикъ Бонапартъ.

13 октября Бернонвиль явился къ Крюденеру, письменно испросивши у него позволенія на это свиданіе. Но теперь у Крюденера не оказалось полномочій и, по его мнѣнію, „его кабинетъ, конечно, желалъ, чтобы предварительно сговорились". Онъ даже не посмѣлъ выдать паспортъ Сергѣеву на проѣздъ въ Петербургъ и отправилъ туда его бумаги съ нарочнымъ. Впрочемъ Крюденеръ замѣтилъ, что нельзя оставлять Мальту за англичанами, которые „угрожали бы всему Востоку изъ этого грознаго пункта", и что „алчность австрійцевъ уже не требуетъ доказательствъ". Онъ прибавилъ: „Конечно, наше дѣло—не давать никакой державѣ увеличиваться до размѣровъ, угрожающихъ общему порядку. Даю вамъ честное слово, что императоръ Павелъ поднималъ оружіе только съ тѣмъ, чтобы не допустить разрушенія этого равновѣсія". Онъ опасался, какъ бы „директорія, съ ея духомъ пропагандизма, не дошла до всемірной республики. Теперь же, когда французское правительство представляется болѣе надежнымъ, нѣтъ ничего легче, какъ сойтись двумъ государствамъ касательно и прямыхъ сношеній между ними, и интересовъ другихъ державъ". Французъ разсыпался въ комплиментахъ царю — и вечеромъ русскій дипломатъ удостоилъ его присылки своей визитной карточки, а также обѣщаніемъ лично привезти отвѣтъ царя, когда онъ получится.

Въ Петербургѣ долго не могли придти къ твердому рѣшенію. Самъ Павелъ I, какъ видно уже изъ словъ Крюденера, не могъ забыть предательства Вѣны и Лондона, тѣмъ болѣе, что тамъ продолжали задѣвать его самолюбіе. Между тѣмъ какъ англичане выгнали русскихъ изъ Мальты, которую взяли съ помощью нашихъ же гренадеръ, австрійскій генералъ Фрёлихъ точно также оскорбилъ нашъ флагъ въ Анконѣ, а Тугутъ жаловался на интриги, въ Офенѣ, двора эрцгерцогини Александры Павловны и особенно ея духовника; и ничего не выходило изъ переговоровъ между Кобенцлемъ и Колычевымъ въ Карлсбадѣ. Съ другой стороны, въ Петербургѣ скоплялись жалобы угнетенныхъ Франціей монарховъ, въ особенности неаполитанской королевы Каролины, которая подружилась, въ Вѣнѣ, съ Разумовскимъ и его женой и по-

слала къ царю ходатаемъ князя Бельмонте-Пиньятелли со знаками новаго ордена св. Фердинанда (55). Смѣлость и властолюбіе Бонапарта поддерживали „англомановъ“ или „англо-руссовъ“ (какъ называли сами себя Уайтвортъ и С. Воронцовъ) и австро-филовъ при петербургскомъ дворѣ. Ихъ глава, Панинъ, попытался, въ сентябрѣ, представить царю враждебную Франціи записку (№ 3), которая была построена не столько на соображеніяхъ, сколько на чувствахъ и образцовой лести (56). Онъ предлагалъ немедленно ополчиться на защиту Австріи и теперь же послать въ Вѣну проектъ договора съ уполномоченнымъ, который долженъ былъ предварительно заѣхать въ Берлинъ, чтобы побудить короля къ „вооруженному посредничеству“.

Слишкомъ рѣшительный планъ англомановъ не прошелъ. Ростопчинъ отказался поднести царю записку Панина: ея авторъ даже вскорѣ былъ устраненъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и удаленъ въ Москву. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе пункты записки Панина, не касавшіеся Австріи, о которыхъ, впрочемъ, уже Крюденеръ твердилъ Бернонвилю, вошли въ замѣчательный документъ. Это—родъ ультиматума Бонапарту, въ видѣ отправленной съ Сергѣевымъ ноты Ростопчина (№ 4) отъ 8 октября (26 сентября), которая заслужила несовсѣмъ лестное мѣсто въ лѣтописяхъ дипломатіи (57). Здѣсь возвѣщалось, что миръ съ Франціей возможенъ на *пяти* условіяхъ: возвращеніе Мальты Ордену, вовстановленіе сардинскаго короля въ его владѣніяхъ, неприкосновенность короля Обѣихъ Сицилій, курфюрста баварскаго и герцога вюртембергскаго, брата императрицы Маріи Ѳедоровны.

Въ то же время Ростопчинъ представилъ Павлу I, по его повелѣнію, собственную записку (58). Она дышетъ ненавистью къ Австріи и Англіи, и выставляетъ дружелюбіе Бонапарта, который сдѣлалъ много „покушеній, черезъ прусское и датское министерства, черезъ вашихъ у разныхъ дворовъ аккредитованныхъ министровъ и черезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріятное положеніе Россіи съ Франціей на дружелюбное“. Чтобы вѣрнѣе увлечь своего государя, Ростопчинъ вдругъ выставилъ великій планъ „раздѣла Турціи“ между Россіей, Франціей и Австріей, увѣряя, что „во всегдашнее время политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей, была та, чтобы увеличивать силы свои насчетъ сосѣдей“. Дѣло въ томъ, что „центръ сего плана долженъ быть Бонапартъ“ а исполненіе его должно начать съ обузданія Англіи, которая воспротивится раздѣлу Турціи. Для этого предложить Даніи и Швеціи „возобновленіе сѣвернаго нейтралитета“, къ которому присоединятся Бонапартъ съ Испаніей. Затѣмъ послать въ Парижъ уполномоченнаго для переговоровъ „о пяти пунктахъ, въ отвѣтъ на его предложеніе посланныхъ“. А самое важное, проектъ союза о раздѣлѣ Турціи, Ростопчинъ брался самъ отвезти Бонапарту, предлагая царю самый тонкій обманъ для соблюденія тайны: въ Парижѣ онъ скрывался бы даже отъ нашего уполномоченнаго. Устроивши дѣло

съ Бонапартомъ, онъ поспѣшилъ бы въ Вѣну для столь же тайныхъ переговоровъ съ Кобенцлемъ.

Записка Ростопчина была высочайше одобрена 14 октября. Но въ Парижъ послали не самого автора, а генерала Спренгпортена. Офиціально онъ назначался лишь для пріемки плѣнныхъ, но тайно ему была дана политическая инструкція отъ 10 октября (№ 5), впрочемъ самаго краткаго и общаго содержанія. Царедворцы думали, что генералу дано еще болѣе тайное повелѣніе—„взять наконецъ Мальту“: въ его свитѣ было много кавалеровъ ордена іоаннитовъ. Яснѣе говорила самая личность посланца: поклонникъ французовъ и особенно Бонапарта, Спренгпортенъ самъ заявилъ Бернонвилю, что именно въ благодарность за „подарокъ“ перваго консула выбрали его, „стараго воина, который нѣкогда то же былъ республиканцемъ“ (59).

Этой любезности не соотвѣтствовали ни содержаніе, ни оскорбительная форма ноты Ростопчина, которую притомъ не знали, какъ переслать. Ее приложили къ рескрипту на имя Крюденера, которому повелѣвалось отправить ее въ Парижъ съ Сергѣевымъ и въ то же время увѣдомить Бернонвиля о Спренгпортенѣ и о желаніи царя взять Мальту. Крюденеръ опять не самъ навѣстилъ Бернонвиля, а позвалъ его къ себѣ. Тотъ явился 20 октября, „пренебрегая этикетомъ“. Крюденеръ объявилъ: „безъ сомнѣнія мы кончимъ соглашеніемъ на счетъ того, какъ поставить Англію и Австрію на надлежащее мѣсто“. Онъ прибавилъ, что пришлетъ Сергѣева за депешами въ Парижъ, и опять обѣщалъ явиться къ нему лично, какъ только получитъ свои полномочія.

Такъ налаживались прямыя сношенія между Парижемъ и Петербургомъ. Берлинскій дворъ, вступившій, съ іюля, въ союзъ съ Россіей, поспѣшилъ болѣе основательно вмѣшаться въ дѣло, которому препятствовалъ передъ тѣмъ, тѣмъ болѣе, что самъ Павелъ сообщилъ ему о нотѣ Ростопчина, прося у него содѣйствія. 23 октября секретарь Фридриха-Вильгельма III, Ломбардъ, сказалъ Бернонвилю, что его король вполнѣ согласенъ съ русскою нотой, которая даже есть „плодъ усердія прусскаго кабинета“. Онъ прибавилъ, что прусскій посланникъ въ Парижѣ заявилъ то-же самое и даже „съумѣетъ выставить факты, которые неизбѣжно приведутъ къ сближенію между Франціей и Россіей“. Остроумный, изворотливый, осторожный и опытный, какъ самъ Гаугвицъ, Люкезини замѣнилъ устарѣлаго и больного Сандоцъ-Роллена онъ пріѣхалъ въ Парижъ 28 октября, почти въ одно время съ своимъ соперникомъ, австрійскимъ посланникомъ, Лудвигомъ Кобенцлемъ, который вскорѣ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Вотъ сущность замѣчательной инструкціи, данной этому дипломату, которая раскрываетъ далекіе виды Пруссіи, при содѣйствіи Россіи. Люкезини долженъ былъ убѣдить Бонапарта, что „для упроченія его собственной власти нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ Пруссіи и Испаніи, а *съ помощью первой*—еще русскаго двора“. Онъ долженъ былъ примирить Россію съ Франціей чрезъ посредство Берлина, „чтобы такимъ образомъ крѣпче утвер-

дить систему, которая связываетъ первую изъ этихъ державъ съ Пруссіей", тѣмъ болѣе, что „императоръ Павелъ, съ своей стороны, кажется, вовсе не намѣренъ держаться иного пути для достиженія этой цѣли"... Но Бонапартъ, кажется, „не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобы примазаться (s'accrocher) къ петербургскому двору, оставляя даже Пруссію въ сторонѣ... Люкезини, не показывая вида неудовольствія, постарается дать понять, что императоръ Павелъ, высоко цѣня дружбу Пруссіи, поставитъ свои отношенія къ ней на первый планъ, и что берлинскій кабинетъ первый раскрылъ глаза этому государю на необходимость устроить противовѣсъ морскому деспотизму Англіи". Берлинскій дворъ уже хотѣлъ руководить европейскою политикой: онъ надѣялся, что переговоры между Франціей и Австріей превратятся въ конгресъ уполномоченныхъ Пруссіи и Россіи, и дерзнулъ требовалъ отъ Бонапарта „умѣренности и справедливости", въ виду „внушительнаго посредничества (médiation imposante) Пруссіи и Россіи". Если онъ уступалъ лѣвый берегъ Рейна Франціи, то за крупную цѣну. Онъ былъ не прочь даже стать узломъ союза сѣверной и южной Европы и брался „незамѣтно (insensiblement) привести къ нему русскій дворъ"; но покуда считалъ болѣе безопаснымъ закрѣпить за собой „исключительное преобладаніе на сѣверѣ" Нѣмецкой имперіи, причемъ прибавлялось, что „въ сію минуту невозможно дать больше развитія этой мысли...". Но за такое самоограниченіе Пруссія требовала расширенія своихъ границъ на сѣверѣ, „на что и Россія согласна": именно она пала бы жертвой алчности Австріи, еслибы не пріобрѣла теперь же Франконіи съ богатыми епископствами, Вюрцбургомъ и Бамбергомъ (60).

Люкезини натвнулся въ Парижѣ на „предубѣжденія" противъ Пруссіи. Бонапартъ гнѣвно сказалъ ему, что ихъ пресловутый нейтралитетъ—ничто иное, какъ средство продлить борьбу между Франціей и Австріей, чтобы онѣ погубили другъ друга. Онъ заявилъ, что готовъ скорѣе возвратить Пруссіи зарейнскія провинціи, чѣмъ согласиться на секуляризаціи, которыя раздражали бы Вѣну, но что, съ другой стороны, онъ скорѣе отречется отъ своего званія, чѣмъ откажется отъ Рейна, какъ границы Франціи. Люкезини прервалъ дѣло, донося въ Берлинъ, что только Россія можетъ обуздать дерзость Бонапарта. Но и здѣсь его дѣло было проиграно. „Мы хотѣли привлечь Россію посредствомъ Пруссіи, а привлекли Пруссію посредствомъ Россіи", сказалъ Бернонвиль. Талейранъ возвѣстилъ Люкезини, что уже начаты прямыя сношенія съ Петербургомъ. Онъ дней десять не принималъ прусскаго дипломата, а между тѣмъ, въ день его пріѣзда, отправилъ Бернонвилю свой отзывъ на ноту Ростопчина, который согласовался со взглядами директоріи: Бернонвиль долженъ былъ стараться „отдѣлить вопросы о Неаполѣ, Туринѣ, Баваріи и Вюртембергѣ отъ первоначальнаго дѣла и оттянуть ихъ обсужденіе до заключенія мира".

Но Россія, поддерживаемая Пруссіей, настойчиво требовала прежде всего отвѣта на эти злополучные вопросы; тогда же Павелъ I послалъ

Левашова въ Неаполь, съ орденомъ св. Андрея для короля, въ отвѣтъ на подарки, доставленные графомъ Пиньятелли. Бонапарту пришлось надѣть личину скромности: съ Мальтой въ рукахъ, англичане тѣснили французовъ на Востокѣ, гдѣ погибъ тогда герой Геліополя, Клеберъ; а Австрія несовсѣмъ сдавалась на люневильскихъ переговорахъ, хотя армія республики была уже недалеко отъ Вѣны. По словамъ жившаго тогда въ Берлинѣ Биньона, которому Наполеонъ I завѣщалъ написать исторію французской дипломатіи его времени, первый консулъ рѣшился пожертвовать „дѣтскостью“ формализма, какъ бы не замѣчая „восточнаго, даже татарскаго“ свойства ноты Ростопчина. „Преступая дипломатическія формы, безъ подготовки и безъ посредства довѣреннаго министра“, подъ строгою тайной, Талейранъ послалъ навстрѣчу Спренгпортену (№ 6) жалобу на Австрію, которая своимъ упорствомъ будто бы мѣшала Бонапарту вполнѣ исполнить желаніе царя насчетъ Сардиніи, Баваріи и Вюртемберга; онъ просилъ также Павла I поскорѣе прислать уполномоченнаго для устройства дѣлъ Германіи и всего Свѣта. Съ другой стороны, 7 ноября, Талейранъ далъ Люкезини словесный отвѣтъ на ноту Ростопчина: Рейнъ — граница Франціи, которая обезпечиваетъ за это остальныя владѣнія Баваріи и неприкосновенность Вюртемберга; вопросъ о вознагражденіяхъ другихъ нѣмецкихъ государей посредствомъ секуляризаціи рѣшается сообща Франціей, Россіей и Пруссіей; Бонапартъ не трогаетъ Неаполя, назначаетъ приличныя границы папѣ и возстановляетъ сардинскаго короля, но взявъ у него Савоію и Новару. Въ то же время Талейранъ увѣдомлялъ Бернонвиля, что, хотя въ нотѣ Ростопчина нѣтъ ничего „совсѣмъ несовмѣстимаго съ рѣшеніями перваго консула“, однако Россія должна, съ своей стороны, обезпечить республикѣ рейнскую границу, „отъ которой не отступятъ“, а также оградить „нейтральную торговлю и всеобщее мореходство отъ злоупотребленій Англіи“. Но больше всего онъ желалъ бы попрежнему отдѣлить мирный договоръ отъ всѣхъ частныхъ условій, которыя слѣдовало держать въ тайнѣ до самой минуты ихъ исполненія.

Люкезини тотчасъ же передалъ отвѣтъ Талейрана Гаугвицу, а тотъ Крюденеру (нота 19 ноября). Почти мѣсяцъ спустя, 13 декабря, Бернонвиль, желая избѣгнуть посредничества Гаугвица, пригласилъ къ себѣ Крюденера, встрѣтившись съ нимъ у общихъ знакомыхъ. Но тотъ предложилъ ему опять свиданіе въ паркѣ, а потомъ „заболѣлъ“. Французъ снова пришелъ къ русскому на домъ. Оказалось, что у Крюденера уже былъ отзывъ Петербурга на условія Бонапарта, переданный черезъ Лузи, который не задолго передъ тѣмъ былъ назначенъ на постъ прусскаго посланника при нашемъ дворѣ. Павелъ I находилъ, что словесное заявленіе — не отвѣтъ: „молчаніе французскаго правительства навело его на мысль, что оно не очень-то интересуется начатымъ сближеніемъ“. Сверхъ того, Талейранъ не упомянулъ про Мальту; а царь надѣялся сговориться съ французами, чтобы вырвать этотъ островъ изъ рукъ англичанъ, и ожидалъ тутъ отъ Бонапарта хоть „благорасположенія“

(bonnes dispositions). Крюденеръ прибавилъ, что онъ уполномоченъ вести переговоры, какъ только получится письменный отвѣтъ Талейрана. Бернонвиль оправдывалъ своего начальника тѣмъ, что, вѣдь, онъ писалъ первый, а нота Ростопчина была лишь отвѣтомъ на его два посланія.

Увѣдомляя Талейрана о ходѣ своихъ переговоровъ, французскій дипломатъ выражалъ негодованіе на Крюденера, который все восхвалялъ Гаугвица и дружилъ съ лордомъ Керисфортомъ, а съ нимъ самимъ „всегда соблюдалъ крайнюю сдержанность". Онъ былъ увѣренъ, что уже поручили Люкезини шпіонить за Спренгпортеномъ въ Парижѣ. Но онъ былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ непріятностей: въ виду пріѣзда русскаго генерала во Францію, Талейранъ приказалъ ему, 20 декабря, ограничиваться, до новыхъ инструкцій, простыми разговорами съ Крюденеромъ.

Спренгпортенъ уже съ 30 октября проживалъ въ Берлинѣ. Сдѣлавши, вмѣстѣ съ Крюденеромъ, визитъ Гаугвицу, онъ посѣтилъ, 1 ноября, Бернонвиля. Экс-республиканецъ обрадовался, чтъ въ лицѣ его собесѣдника смягчилась „эта, нѣкогда столь грозная, республиканская гордость", и сильно высказался противъ „ярости якобинства". Указавъ на неизбѣжность „пяти пунктовъ", онъ возвѣстилъ: „пора Франціи постараться снискать доброжелательство монарха, который теперь одинъ только можетъ уравновѣшивать своимъ могуществомъ интересы обѣихъ сторонъ". Бернонвиль выразилъ надежду, что теперь, когда во Франціи установилось „твердое, единоличное правленіе, очищенное отъ духа пропаганды", миръ состоится и что Бонапартъ отдастъ Мальту магистру Ордена, „къ которому онъ и обратился прямо, встрѣтивши столько препятствій при переговорахъ съ министрами". При слѣдующихъ свиданіяхъ, и даже въ обществѣ, нашъ генералъ твердилъ о сближеніи между имперіей и республикой, побранивая англичанъ съ австрійцами. Французскій гражданинъ распространялся о естественности союза между державами, которыя, „касаясь двухъ концовъ земного шара, созданы для господства надъ нимъ". Онъ уже мечталъ о высадкѣ въ Ирландію, съ помощью сѣверныхъ державъ и Испаніи, и даже о договорѣ насчетъ Дарданеллъ, Чернаго моря и Египта.

Но вскорѣ русскій сталъ заражаться прусскимъ недовѣріемъ къ республиканцамъ; французъ платилъ тою же монетой. „А зачѣмъ вы взяли Тоскану?" внезапно спрашивалъ первый. Второй оправдывался бунтомъ населенія. А зачѣмъ Кобенцль сидитъ въ Парижѣ? „Чтобъ забавлять насъ; но не на дураковъ напалъ", отшучивался Бернонвиль, а самъ писалъ Талейрану, что промедленіе генерала становится подозрительнымъ: ужъ нѣсколько дней, какъ прибылъ его штабъ, котораго онъ будто бы поджидалъ. Дѣло въ томъ, что французъ показывалъ „широкія и точныя полномочія для заключенія договора по всѣмъ пунктамъ" (слова Спренгпортена), а русскій признался, что еще поджидаетъ своихъ полномочій, а также денегъ: покуда онъ твердилъ только о „миролюбивыхъ чувствахъ" своего повелителя, ссылаясь на свои таинственныя, извѣстныя одному Ростопчину, инструкціи, которыхъ будто бы

не знали ни Панинъ, ни Крюденеръ. Правда, Спренгпортенъ съоткровенничалъ, что выѣхалъ съ порученіемъ взять Мальту (въ Петербургѣ еще не знали объ ея занятіи англичанами), но въ Кенигсбергѣ получилъ приказъ лишь потребовать ее отъ Англіи и „настаивать на сближеніи съ французскимъ правительствомъ“. Но Бернонвиль увидѣлъ, что „сильно держатся за потребованныя гарантіи (пять пунктовъ) и даютъ понять, что только при принятіи ихъ все пойдетъ легко“.

Наконецъ Бернонвиль самъ принесъ Спренгпортену паспорты для него и для его штаба—и русскіе двинулись 21 ноября. Имъ предшествовалъ характерный намекъ Бернонвиля Талейрану: „русскій генералъ сгораетъ желаніемъ побывать въ Парижѣ, но не смѣетъ ѣхать туда безъ приглашенія и повода“ (61).

Талейранъ предупредилъ совѣтъ своего дипломата. Префекты департаментовъ на пути Спренгпортена получили строгое приказаніе принимать его „съ особымъ почетомъ“, а военный министръ долженъ былъ снарядить русскихъ плѣнныхъ въ лучшемъ видѣ (62). Молодой, ловкій дивизіонный генералъ Кларкъ и адъютантъ, драгунскій капитанъ Жиро, поскакали навстрѣчу съ письмомъ Талейрана. Не разъ ломался экипажъ подъ ними, но имъ удалось, 9 декабря, опередить на часъ Спренгпортена въ Брюсселѣ. Ихъ отчеты своему правительству (№№ 7, 8) ярко обрисовываютъ русскаго генерала и его свиту, а также его государя (63). Встрѣченный всѣми мѣстными властями, при громѣ пушекъ, окружаемый всюду „пріятными и лестными словами, которымъ не было конца“, нашъ генералъ выказалъ большую любезность: онъ хотѣлъ даже первый навѣстить Кларка, еслибы тотъ не предупредилъ его. Приписавъ медленность въ переговорахъ „ошибкамъ“ Крюденера, онъ высказалъ увѣренность въ мирѣ, причемъ обнаружилось, что Павелъ I болѣе всего интересовался Вюртембергомъ и „не особенно заботился“ о Баваріи. Онъ заговорилъ даже о возстановленіи вооруженнаго нейтралитета, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Дѣйствительно, вскорѣ Павелъ I наложилъ запрещеніе на англійскіе суда и товары и заключилъ съ Пруссіей, Даніей и Швеціей договоръ о морскомъ нейтралитетѣ.

Когда Спренгпортена пригласили въ Парижъ, онъ обрадовался и сказалъ: „императоръ позволилъ мнѣ и даже желалъ этого“. Онъ прибылъ въ столицу Франціи 20 декабря. Талейранъ въ тотъ же день извѣстилъ Бернонвиля, что русскій генералъ поживетъ-таки тамъ, такъ какъ далеко не кончена обмундировка плѣнныхъ, а этимъ „воспользуются для прямыхъ сношеній съ Петербургомъ“. Генералъ и прожилъ три мѣсяца. На другой день по пріѣздѣ, онъ обѣдалъ у Талейрана, на третій имѣлъ аудіенцію у перваго консула Затѣмъ онъ предавался восторгамъ отъ лести, которую расточали передъ нимъ всѣ, начиная съ самого героя Маренго. Спренгпортенъ писалъ своему государю: „Начиная съ Брюсселя, мы ничего не платимъ; ни мнѣ, ни моей свитѣ не даютъ заплатить ни обола... Здѣсь вездѣ, гдѣ мы ни появимся, публика встрѣчаетъ насъ даже съ рукоплесканіями... Расположеніе и минута

самыя благопріятныя, притязанія самыя умѣренныя, и дѣло достойно васъ и вашихъ благородныхъ чувствъ". Онъ предрекалъ долговѣчность владычеству перваго консула даже послѣ адской машины (64).

Открылись и оффиціальныя „конференціи". Талейранъ началъ съ заявленія, что гдѣ бы ни было — въ Парижѣ, Берлинѣ или даже Петербургѣ—русскій уполномоченный встрѣтитъ готовность договориться, лишь бы онъ былъ снабженъ неограниченными полномочіями: „такъ первый консулъ умѣетъ цѣнить великодушіе и благородное безкорыстіе Павла I". Бонапартъ удовлетворитъ государей Сардиніи и Неаполя, и онъ уже пригласилъ въ Парижъ пьемонтскаго дипломата, С. Марсана; но пусть Россія поможетъ ему ограничить Австрію р. Эчемъ и образовать изъ Милана республику взамѣнъ венеціанской, а также обезпечить конституцію острововъ Архипелага. Онъ согласенъ не только на возвращеніе Мальты Ордену, но и на новыя вознагражденія въ пользу Баваріи и Вюртемберга; но пусть ихъ обезпечатъ Россія и Пруссія. Словомъ, французы соглашались на все. Для себя же они просили только, „какъ услуги за услугу", предстательства царя у султана насчетъ обмѣна плѣнныхъ, такъ какъ „Англія отказала въ этомъ дѣлѣ гуманности". Еще имъ хотѣлось бы сохранить за собой лѣвый берегъ Рейна и Египетъ да развить свою торговлю на Черномъ морѣ. Самъ Бонапартъ горячо выражался о мирѣ между двумя державами, которыя „созданы географически, чтобы быть тѣсно связанными между собой". Онъ „давно желалъ обратиться къ посредничеству царя на люневильскомъ конгрессѣ", да Австрія „постоянно противилась этому", хотя ему „стоило только согласиться на ея расширеніе въ Италіи — и онъ получилъ бы миръ, въ ущербъ всѣмъ государствамъ Нѣмецкой имперіи". А 30 декабря Талейранъ, внезапно призвавъ Спренгпортена, чтобы заявить о перемиріи съ австрійцами, сказалъ: „весьма желательно, чтобы вашъ императоръ соблаговолилъ немножко вмѣшаться во все это, чтобы достигнуть наконецъ вожделѣннаго мира, согласно съ его интересами". Въ то же время Бонапартъ приказалъ своему министру послать ноту ко всѣмъ державамъ о желаніи Франціи уважать вооруженный нейтралитетъ и не мириться съ Англіей, пока она не признаетъ этого акта (65).

Важнѣе всего, что Бонапартъ самъ написалъ Павлу I, тотчасъ по прибытіи Спренгпортена въ Парижъ (№ 9). Своимъ краткимъ, сильнымъ и образнымъ языкомъ онъ изобразилъ ему себя ангеломъ мира и льстиво просилъ у него помощи для немедленнаго водворенія тишины на сушѣ и на морѣ, причемъ двѣ „могущественнѣйшія націи въ Свѣтѣ" стали бы рѣшительницами судебъ Европы. Въ тотъ же день. 21 декабря, Талейранъ далъ письменный отвѣтъ на ноту Ростопчина (№ 10), рѣшительный по тону, но умышленно безсодержательный: первый консулъ „принималъ основанія ноты", но они должны были подвергнуться взаимному обсужденію. При тогдашнихъ средствахъ сообщенія, письмо Бонапарта должно было встрѣтиться почти на полпути съ письмомъ

къ нему Павла I отъ 30 декабря (№ 11). Въ краткомъ посланіи царя лишь намекалось на „всеобщій миръ“, но ясно слышался церковно-снисходительный тонъ повелителя, которому „Богъ вручилъ власть управлять народами“. Важнѣе всего была приписка: „мой уполномоченный, Колычевъ, отправляется вмѣстѣ съ этимъ письмомъ“.

Замѣчательная инструкція Колычеву была помѣчена 19 декабря. По тону, она напоминала ноту Ростопчина: „не вдаваясь въ обсужденіе вещей, о которыхъ уже столько и такъ безполезно спорили“, Колычевъ долженъ былъ „немедленно и *не дѣлая тайны*“ прямо „подписать и исполнить“ волю императора. А она состояла въ слѣдующемъ. Павелъ I не сомнѣвался, что, соединившись съ Франціей, онъ можетъ „распоряжаться всею Нѣмецкою имперіей“ и „доставить покой всей Европѣ“. Но для этого сама Франція должна измѣниться. Должно склонить Бонапарта сдѣлаться королемъ, и даже наслѣдственнымъ: это — единственное средство къ „обращенію“ революціонной страны. Должно также „настаивать на уничтоженіи клубовъ, польскаго комитета и всѣхъ вообще учрежденій внѣ Франціи, которыя занимаются распространеніемъ демократическихъ и философскихъ началъ съ соизволенія французскаго правительства и подъ его покровительствомъ“. Впрочемъ пусть Франція хоть останется республикой, лишь бы она помогла подорвать „систему расширенія Австріи, Англіи и Пруссіи,—систему, которая даже вреднѣе для общаго блага, чѣмъ принципы революціонной Франціи“, такъ что царь „предпочиталъ существованіе одной гидры порожденію многихъ“.. Во всякомъ случаѣ, условіе sine qua non — чтобы Бонапартъ заставилъ Италію признать Павла I магистромъ мальтійскаго Ордена; а затѣмъ онъ обязуется, при войнѣ Россіи съ Англіей, сдѣлать нападеніе на берега послѣдней. Въ награду онъ получитъ или новый торговый договоръ, или возстановленіе трактата 1786 г. Все сказанное составляло „тайныя статьи“ инструкціи, которая вся вообще была названа *тайною*. Явныя статьи были развитіемъ ноты Ростопчина. Такъ, императоръ признавалъ Рейнъ границей Франціи, глухо обѣщалъ открыть торговыя сношенія и „предоставлялъ Бонапарту кончить съ англичанами, какъ ему заблагорассудится, только приступая къ морской конвенціи сѣверныхъ дворовъ тотчасъ по заключеніи мира“. Первый консулъ долженъ былъ за это освободить отъ французскихъ войскъ занятыя ими государства, возвратить Египетъ Портѣ и не только „формально гарантировать“ Россіи Мальту, но и „пригласить всѣхъ своихъ союзниковъ содѣйствовать этой цѣли“. Еще Павелъ I требовалъ возстановить новопоставленнаго, въ мартѣ, папу Пія VII, „такъ какъ треть его подданныхъ католики“; тогда же онъ предлагалъ римскому первосвященнику поселиться въ Россіи. Изъявляя желаніе „понизить“ австрійскій домъ, царь разрѣшалъ Бонапарту даже взять часть его наслѣдственныхъ земель для вознагражденія обиженныхъ государей Германіи и сардинскаго короля. Въ заключеніе сказано: „о Польшѣ отнюдь не должно быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что она принадлежитъ тремъ державамъ“ (66).

III.

1801.

а) Посольство Колычева. Кончина Павла I.

Новый годъ начинался признаками изумительнаго дружелюбія между двумя политическими крайностями въ Европѣ. Спренгпортенъ таялъ отъ восторга. Онъ писалъ царю: „публика продолжаетъ воспѣвать вамъ похвалы; вотъ куплеты, пѣтые въ итальянской оперѣ, по поводу Петра I, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ; даже на великолѣпномъ праздникѣ, при замиреніи съ австрійцами, среди нѣмецкихъ пѣсенъ, не забывали по обыкновенію *единенія двухъ державъ*". 26 января онъ увѣдомлялъ, что Талейранъ сказалъ ему, по поводу тревизскаго перемирія съ Австріей: „будьте увѣрены, мы не замиримся, пока не узнаемъ намѣреній вашего монарха на этотъ счетъ; донесите также, что мы употребляемъ всѣ мѣры для возвращенія вамъ Мальты". Не меньше радовался другой нашъ генералъ, Левашовъ, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь. Мюратъ встрѣтилъ его въ Болоньѣ, всюду возилъ его съ собой, показывался съ нимъ въ театрѣ; то же повторялось во Флоренціи и Неаполѣ. Съ другой стороны, русскіе вдругъ чуть не превращались во французовъ: закоснѣлый глава англомановъ, лондонскій Воронцовъ, внезапно поссорился съ своимъ старымъ другомъ, австрійскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, Штарембергомъ. А изъ Петербурга везли отвѣтъ царя первому консулу отъ 14 января (№ 12), отправленный тотчасъ по полученіи его письма. Въ немъ заявлялось, что Павелъ I уже „не хотѣлъ предписывать границы ни въ Италіи, ни въ Германіи" (67).

Оживилась и посредствующая роль Берлина, хотя она уже была излишня. Крюденеръ выздоровѣлъ и собирался наконецъ лично явиться къ Бернонвилю; но „прислуга перепутала" — и опять французъ навѣстилъ русскаго. Крюденеръ возвѣстилъ, показывая первое письмо Павла I къ Бонапарту, что теперь онъ радъ вести переговоры, чтобы осадить дерзкихъ англичанъ. 12 января состоялась первая конференція. Крюденеръ прочелъ рескриптъ, гдѣ говорилось, что царь сначала хотѣлъ

присмотрѣться къ новому правленію во Франціи; теперь же, убѣдившись въ „мудрости и умѣренности" послѣдняго, онъ самъ желаетъ ускорить дѣло, для чего и дана „ясная" нота Ростопчина. Рескриптъ украшала важная собственноручная приписка Павла I: „въ случаѣ, если Бернонвиль узнаетъ о сосредоточеніи моихъ войскъ въ Галиціи, скажите, что причина тому — волненія съ этой стороны, отъ которыхъ я хочу предохранить мое государство; вы попросите его увѣдомить объ этомъ перваго консула, котораго я желаю убѣдить въ моемъ искреннемъ намѣреніи сблизиться съ Франціей и содѣйствовать успокоенію Европы". Начались обсужденія. При чтеніи французскаго проекта мирнаго договора, Крюденеръ прервалъ Бернонвиля на статьѣ о правѣ свободнаго проѣзда французовъ по Россіи и русскихъ по Франціи. Онъ воскликнулъ: „наши союзники, пруссаки, и тѣ не могутъ ѣздить по Россіи безъ паспортовъ моего правительства; это — мѣры внутренней полиціи, общія для подданныхъ всѣхъ другихъ державъ". 16-го была вторая конференція, уже у Бернонвиля. Крюденеръ твердилъ свое: „пусть французскіе путешественники испрашиваютъ русскихъ паспортовъ — и тогда съ ними будутъ обращаться, какъ съ лучшими друзьями Россіи, пруссаками". Онъ опять говорилъ о возвращеніи Мальты Ордену: „это — вѣчно щекотливый пунктъ, любимый предметъ желаній Павла I", замѣчаетъ Бернонвиль. Безполезные переговоры были прекращены письмомъ Талейрана отъ 24 января, который приказывалъ заявить Колычеву, что Бонапартъ радъ исполнить желаніе Павла I договариваться въ Парижѣ. Онъ извѣщалъ также, что письмо царя „полно довѣрія, уваженія и милости" и замѣчательно еще тѣмъ, что писано до полученія письма Бонапарта, и въ то время, когда „оффиціальныя донесенія старались представить этого государя уже охладѣвшимъ". Талейранъ прибавлялъ, что отправленіе Колычева не было извѣстно ни Крюденеру, ни Спренгпортену. Бернонвиль утѣшалъ себя тѣмъ, что оно было слѣдствіемъ его оправданій молчанія Талейрана на ноту Ростопчина, а не самостоятельнымъ рѣшеніемъ Павла I.

Но Пруссія не считала свою посредническую роль конченною. Фридрихъ-Вильгельмъ III старался польстить первому консулу передъ лицомъ Бернонвиля и прибывшаго, 3 декабря, въ Берлинъ „бригаднаго начальника Бонапарта". Онъ ободрялъ ихъ, какъ хозяинъ дѣла, по поводу хорошаго пріема Спренгпортена въ Парижѣ: „повѣрьте, русскій императоръ не останется въ долгу передъ вами; этотъ государь оцѣнитъ ваши поступки". Его дипломаты суетились больше прежняго. Гаугвицъ, въ „Запискѣ" королю, негодовалъ на „нерѣшительность Павла I и на нестройность (l'incohérence) его политическихъ началъ", а явно твердилъ, что царь „положительно" хочетъ договориться съ Бонапартомъ и проситъ его содѣйствія. Онъ выражалъ горячее желаніе помочь дѣлу, но, по словамъ Бернонвиля, только узнавъ о посылкѣ Колычева, „вышелъ изъ своего долгаго бездѣйствія и началъ выказывать несвойственное ему мужество". Къ Люкезини была послана важная инструкція

отъ 13 января. Изъ нея видно, что Фридрихъ-Вильгельмъ III все еще воображалъ, будто именно въ Берлинѣ совершится русско-французскій миръ, который онъ считалъ „въ сущности уже совсѣмъ законченнымъ", благодаря его „самому горячему и искреннему усердію". Его вниманіе было поглощено вопросомъ о „согласіи трехъ державъ относительно *общаго* замиренія". Инструкція выставляла условія самого Бонапарта отъ 7 ноября, но „съ измѣненіями по требованію обстоятельствъ". Пруссія соглашалась на уступку лѣваго берега Рейна при слѣдующихъ условіяхъ, которыя Люкезини долженъ былъ представлять въ Парижѣ, „какъ плодъ сношеній между Россіей и Пруссіей и совпаденія ихъ чувствъ и взглядовъ". Три державы признаютъ въ принципѣ „секуляризацію въ Германіи для вознагражденія Пруссіи, Баваріи, Гессена, Вюртемберга, принцевъ нассаускихъ и оранскихъ и другихъ пострадавшихъ государей"; онѣ гарантируютъ независимость Голландіи, а Франція—независимость Швейцаріи; сардинскій король возстановляется въ своихъ владѣніяхъ, а неаполитанскій — остается неприкосновеннымъ; Франція добивается отъ Англіи, при замиреніи, возврата Мальты Ордену, „великимъ магистромъ котораго состоитъ русскій императоръ". Люкезини разрѣшалось подписать, въ этомъ смыслѣ, „формальную конвенцію". Инструкція сопровождалась еще болѣе важнымъ разъясненіемъ короля: „я даю согласіе (consentiment), а не гарантію на уступку лѣваго берега Рейна; изъ европейскихъ дѣлъ я наиболѣе (très particulièrement) придаю значеніе моимъ собственнымъ интересамъ, въ смыслѣ моихъ вознагражденій посредствомъ секуляризацій; не упускайте случая представлять нынѣшнее сближеніе между Франціей и Россіей плодомъ моихъ заботъ и моей политической системы; внушайте первому консулу, чтобы онъ выказалъ полную любезность къ Россіи" (68).

Такъ, благодаря усердію берлинскаго двора, выступалъ на дѣловой путь крупный вопросъ будущности Европы—индемнизація въ Германіи. Недаромъ Люкезини, представляя инструкцію Талейрану, назвалъ ее документомъ „величайшей важности". Поразительно было и дѣйствіе документа. Казалось, Пруссія уже удостоилась вожделѣнной награды за свой нейтралитетъ, притомъ отъ щедротъ державы, пострадавшей отъ этого нейтралитета: на конференціяхъ съ Бернонвилемъ, Крюденеръ называлъ пруссаковъ „лучшими друзьями Россіи", хотя прибавлялъ меланхолически, что „императоръ, быть можетъ, сберегъ бы только-что пролитую кровь, еслибы Пруссія присоединилась къ предложенному ей вооруженному посредничеству". Сильная дружбой могучаго сосѣда и благодарностью спасенной ею Франціи, Пруссія уже подняла тонъ: въ знаменитой инструкціи требовалось, чтобы войска республики очистили правый берегъ Рейна и Голландію. Какъ вдругъ оказалось, что въ Берлинѣ сводили счеты безъ хозяина. Пруссія попалась въ собственныя сѣти, которыя она разставляла французамъ, изображая Петербургъ своею игрушкой. Растерявшійся Люкезини сдѣлалъ потрясающее донесеніе: Бонапартъ совсѣмъ несогласенъ; онъ сказалъ, что „теперь уже не Прус-

сія, а убитые у Гогенлиндена французы даютъ лѣвый берегъ Рейна"; онъ самъ требуетъ, чтобы Пруссія закрыла Эльбу англичанамъ и заняла Ганноверъ или предоставила бы его французамъ. Люкезини объяснялъ и причину такой бѣды: „самолюбіе Бонапарта было крайне польщено только-что полученнымъ письмомъ русскаго императора, форма котораго, должно быть, очень вѣжлива и дружественна". Талейранъ прямо сказалъ Люкезини, что такъ какъ Пруссія рѣшилась на этотъ шагъ лишь въ силу намѣренія царя примириться съ Франціей, то первый консулъ признаетъ Россію „главною стороной" (partie principale) въ предложенныхъ королемъ сдѣлкахъ, а потому миръ съ Россіей долженъ предшествовать всему остальному. Онъ прибавилъ: „теперь справедливость требуетъ, чтобы благорасположеніе Франціи къ Пруссіи подчинялось тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ, которыя установятся между республикой и Россійскою имперіей".

Люкезини думалъ, что „хотятъ вовлечь Россію въ войну съ Англіей и сдѣлать ее рѣшительницею судебъ (arbitre) Нѣмецкой имперіи". Но Талейранъ, давая знать въ Петербургъ объ его инструкціи въ день ея полученія (21 января), закуталъ намѣренія Бонапарта въ такую фразу: „первый консулъ желаетъ знать систему русскаго императора по столь важному вопросу, какъ дѣла Германіи". Въ то же время онъ въ льстивыхъ выраженіяхъ увѣдомилъ Спренгпортена, что, въ противоположность англичанамъ, Бонапартъ уничтожилъ „послѣдніе слѣды враждебности между Франціей и Россіей" на морѣ (№ 15). Нашъ генералъ не зналъ, какъ благодарить перваго консула, испросивши особую аудіенцію; а царь отвѣчалъ указомъ о возстановленіи торговли съ Франціей, и хлопотами у Порты о возвращеніи французскихъ плѣнныхъ. Павелъ написалъ новое письмо Бонапарту (№ 16), отъ 27 января, въ которомъ намекалъ на высадку въ Англію.

Чѣмъ болѣе Бонапартъ чувствовалъ въ своихъ рукахъ вліяніе надъ Павломъ I, тѣмъ смѣлѣе распоряжался онъ и съ упорною Австріей. Замѣчательное письмо къ брату Іосифу, отъ 21 января, раскрываетъ всѣ его карты. Радуясь письму Павла I, Бонапартъ приказывалъ не спѣшить, такъ какъ „миръ съ Австріей—ничто въ сравненіи съ союзомъ, который смиритъ Англію и обезпечитъ за нами Египетъ". Внушая, что теперь все зависитъ отъ „соглашенія съ Павломъ I", онъ требовалъ не стѣснять себя опредѣленными обязательствами ни по нѣмецкимъ, ни по итальянскимъ дѣламъ. Понятно, что Кобенцль испытывалъ въ Люневилѣ такое же разочарованіе, какъ Люкезини въ Парижѣ. Его сотоварищъ по переговорамъ, Іосифъ Бонапартъ, вдругъ сталъ отказываться отъ прежнихъ обѣщаній. Прижатый къ стѣнѣ Кобенцлемъ, онъ воскликнулъ: „Да, какъ же! До сихъ поръ русскій императоръ гнушался нами (nous exécrait), а теперь онъ не хорошъ съ вами, очень дуренъ съ Англіей и съ каждымъ днемъ все лучше съ нами; Пруссія же слѣдуетъ за нимъ. Отсюда разница въ нашу пользу, которая должна измѣнять наши планы". Кобенцль доносилъ: „вообще это сближеніе съ

сѣверными дворами, въ особенности же съ Россіей, стало ихъ конькомъ; они выставляютъ его на каждомъ шагу". Эрцгерцогъ Іосифъ, женѣ котораго Павелъ I намекнулъ, въ январѣ, на свое сближеніе съ Франціей, думалъ уже, что русскіе собираются ударить на Австрію. На такую почву магически дѣйствовали ноты Талейрана, грозившія московскими штыками. И вотъ, между тѣмъ какъ Спренгпортенъ воображалъ, что Бонапартъ не смѣетъ кончать съ Вѣной безъ русскаго „ультиматума", 9 февраля послѣдовалъ поразительный люневильскій миръ. Границы Австріи въ Италіи отодвинулись до Эча, граница Германіи на западѣ—до Рейна, а потерпѣвшимъ имперскимъ князьямъ давалась „индемнизація" посредствомъ „секуляризаціи", причемъ эрцгерцогъ Фердинандъ тосканскій получалъ церковныя земли Зальцбургъ и Берхтесгаденъ. Отнятыя у Австріи земли за Альпами превращались въ Итальянскую республику съ Бонапартомъ во главѣ, а ея Тоскана переходила, подъ именемъ королевства Этруріи, къ испанскимъ Бурбонамъ, и именно къ единственному сыну герцога пармскаго, инфанту Людовику, взамѣнъ его наслѣдія, отнятаго французами. О Сардиніи и Неаполѣ не было рѣчи, такъ какъ Бонапартъ обѣщалъ Павлу I возвратить ихъ прежнимъ королямъ, Фердинанду IV и Карлу-Эммануилу IV. Талейранъ осыпалъ любезностями не только С. Марсана, но и неаполитанскаго полномочнаго, Галло, которому дали тогда паспортъ на Парижъ для переговоровъ (69).

Австрія была убита. Она дрожала передъ „опасными бурями" изъ Петербурга за тотъ самый миръ, который губилъ ее. Теперь, когда материкъ былъ у него въ рукахъ, Бонапартъ могъ броситься на своего заклятаго врага по ту сторону Канала и заговорить другимъ языкомъ съ Павломъ I. Представляя люневильскій договоръ законодательнымъ властямъ, 13 февраля, онъ объявилъ, что Англія несправедливо нападаетъ на сѣверныя державы, но Франція, вмѣстѣ съ ними, „отомститъ за обиду, общую всѣмъ націямъ" (70). Тою же мыслью проникнутъ замѣчательный отвѣтъ перваго консула на оба первыя письма царя, отъ 27 февраля (№ 21). Смѣлымъ, краткимъ слогомъ приказа по арміи Бонапартъ изложилъ всѣ свои планы, заранѣе увѣренный въ согласіи русскаго императора, такъ какъ въ люневильскомъ мирѣ будто бы „были исполнены всѣ его желанія". Ихъ основаніемъ были высадка въ Англію и набросокъ будущей „континентальной системы", подъ видомъ закрытія всѣхъ береговъ материка для судовъ „наглой" державы. Съ этою цѣлью даже совѣтовалось Павлу I занять одинъ портъ въ Сициліи черноморскою эскадрой и Ганноверъ —войсками Спренгпортена съ присоединеніемъ французской дивизіи, что поссорило бы Россію съ Пруссіей. Самъ Бонапартъ брался захватить Тарентъ и принудить Португалію закрыть англичанамъ свои порты. Ему нуженъ былъ еще Египетъ; но тутъ Россія должна была принять на себя „посредничество у Порты", такъ какъ это дѣло особенно полезно для нея, тѣмъ болѣе, что французы пророютъ Суэзскій каналъ. Въ заключеніе первый кон-

суль обѣщалъ послать въ Петербургъ своего уполномоченнаго, какъ только Колычевъ прибудетъ въ Парижъ; а Талейранъ послалъ нѣсколько любезныхъ словъ Ростопчину (71).

Изъ этого же письма перваго консула видно, какъ исполнялись „всѣ желанія“ царя. Уже пострадалъ одинъ изъ покровительствуемыхъ имъ монарховъ. Съ полномочнымъ Фердинанда IV въ Парижѣ случился рѣдкій въ лѣтописяхъ дипломатіи скандалъ. Крайне впечатлительный, суетливый и болтливый на словахъ и на бумагѣ, Галло мало походилъ на дипломата той поры. Пылкій республиканецъ въ разгаръ революціи, онъ благоговѣлъ предъ молодымъ генераломъ республики, пока не убѣдился, по словамъ Тугута, что это — „разбойникъ, которому нельзя довѣрять“. Но Галло продолжалъ раболѣпствовать изъ страха, который возбуждалъ Бонапартъ въ безличныхъ людяхъ. А король послалъ его, лѣтомъ 1799 г., въ Петербургъ хлопотать о вознагражденіяхъ. Ростопчинъ нашелъ его записку объ этомъ „слишкомъ глупою и слишкомъ длинною“, хотя она была составлена по желанію царя и по настояніямъ Кочубея и сначала вовсе не вызывала высочайшаго неодобренія. Фердинандъ IV поспѣшилъ отречься отъ своего порученія. Этимъ воспользовались, чтобы, въ ноябрѣ, изгнать изъ Петербурга дипломата, зараженнаго республиканствомъ. Съ тѣхъ поръ Галло проживалъ въ Вѣнѣ, при своемъ странствующемъ дворѣ. Тамъ неаполитанская фамилія пережила мучительныя извѣстія о сближеніи Россіи съ Франціей и о люневильскомъ мирѣ. Она рѣшилась прибѣгнуть къ покровительству царя. Въ мартѣ 1801 преемникъ Галло въ Петербургѣ, герцогъ Серра-Капріола, пріятель Уайтворта и Кобенцля, имѣвшій передъ тѣмъ большое вліяніе на Павла I, вручилъ Ростопчину письма Фердинанда IV и Каролины, объясняя притомъ, что Галло ѣдетъ въ Парижъ. Шведскій посланникъ, Стединкъ, поддержалъ товарища, совѣтуя намъ вовлечь Неаполь въ вооруженный нейтралитетъ, наравнѣ съ Соединенными Штатами Америки. Но во дворцѣ вдругъ поднялась буря. Павелъ I, не выносившій имени неаполитанскаго республиканца, былъ совсѣмъ разгнѣванъ нѣкоторымъ нарушеніемъ этикета, въ которомъ былъ виноватъ обласканный царемъ эмигрантъ д'Антрегъ (72). Ростопчинъ объявилъ Серрѣ, что императоръ готовъ забыть обиду, но съ тѣмъ, чтобы и духа Галло не было въ Парижѣ. Серра выразилъ только опасеніе, какъ бы Галло уже не покончилъ переговоры съ Бонапартомъ, вслѣдствіе медленности путешествія Колычева: въ такомъ случаѣ онъ снималъ съ себя отвѣтственность.

Напрасно Серра безпокоился. Злополучнаго Галло изгнали въ это время и изъ Парижа. Тамъ съ нимъ любезничали и дали ему паспортъ за пять дней до люневильскаго мира. Но уже за двѣ недѣли передъ тѣмъ судьба Неаполя была рѣшена. Въ указанномъ выше письмѣ Бонапарта къ брату, отъ 21 января, есть замѣчательное, по своему макіавелизму, мѣсто: „Отнюдь не говорите ни о Неаполѣ, ни о папѣ. Если будутъ спрашивать, отвѣчайте: „а есть у васъ полномочія отъ этихъ

государей? Францiя сойдется съ ними". Когда рѣчь зайдетъ о сардинскомъ королѣ, отвѣчайте: „если мы убрали его, то его долженъ возстановить императоръ, если только онъ воевалъ за него". Во всякомъ случаѣ, мы-де установимъ въ Италiи такой порядокъ вещей, который не будетъ причинять безпокойства сосѣдямъ".

Послѣ люневильскаго мира, Бонапартъ скинулъ маску. Въ письмѣ къ Павлу I отъ 27 февраля онъ рѣзко заявилъ, что дивизiя Мюрата стоитъ у границъ Неаполя, которому нужно „хорошенько внушить, что онъ обязанъ сохраненiемъ своихъ владѣнiй" царю, чтобы онъ не давалъ такихъ полномочiй, какъ у Галло, гдѣ упомянуты Австрiя и Англiя, а русскiе министры „поставлены ни во что". Эти полномочiя— несправедливая придирка. Дѣло состояло въ томъ, что именно въ день подписанiя паспорта Галло, 4 февраля, Талейранъ получилъ письмо Бонапарта о его желанiи присоединить Неаполь къ Тосканѣ, чтобы хорошенько привязать къ себѣ Испанiю въ борьбѣ противъ Англiи. А военный министръ, Бертье, въ тотъ же день получилъ приказъ, чтобы Мюратъ потребовалъ у Фердинанда IV закрытiя неаполитанскихъ портовъ для Англiи, какъ предварительнаго условiя для переговоровъ съ Галло. Мюратъ долженъ былъ также послать Левашову заявленiе, что только исполненiемъ этого условiя да „признанiемъ особаго покровительства со стороны русскаго императора" король можетъ остановить дальнѣйшее движенiе его дивизiи. Не успѣлъ, вслѣдъ затѣмъ, Галло прiѣхалъ въ Парижъ, какъ ему объявили, что его полномочiя не годятся и что переговоры переносятся въ Италiю. Напрасно онъ напоминалъ о словахъ самого Бонапарта, что нужно договариваться въ Парижѣ, „подъ покровительствомъ русскаго императора"; напрасно грозилъ гнѣвомъ царя, который уже увѣдомилъ его короля о содѣйствiи Колычева, и умолялъ дать ему „хоть нѣсколько часовъ", такъ какъ Колычева ждали ежеминутно, или снабдить паспортомъ его курьера въ Неаполь. Напрасно горячо заступался за него Спренгпортенъ. Талейранъ отвѣчалъ ему такъ ловко, что Фердинандъ IV оказывался кругомъ виноватымъ передъ царемъ. А Галло получилъ отъ него дерзкую ноту о томъ, что „неаполитанскiй кабинетъ, кажется, не признаетъ влiянiя единственнаго государя, который предстательствуетъ за него у французскаго правительства". Талейранъ объявилъ, что послалъ Алкье въ южную армiю для переговоровъ. Съ злополучнаго неаполитанскаго дѣла пришлось Колычеву начать свою миссiю въ Парижѣ, увеличивая дипломатическiй скандалъ: не зная, что Павелъ I уже требовалъ изгнанiя Галло изъ столицы Францiи, онъ рѣзко вступился за него, въ силу своихъ инструкцiй.

Два мѣсяца снаряжался русскiй уполномоченный, такъ что разгнѣванный Бонапартъ написалъ-было Павлу I „огорчительное" письмо, по словамъ Люкезини. Помимо главнаго наставленiя (стр. XXVII), его завалили краткими, отрывочными инструкцiями, и русскими, и французскими, и явными, и тайными, нерѣдко посылая ихъ ему въ догонку (№№ 13, 14, 17—20). Колычевъ долженъ былъ ѣхать безъ остановокъ

и „не принимать никакихъ подарковъ въ Парижѣ“. Онъ долженъ былъ объявить Бонапарту, что необходимо устроить „лигу державъ“, въ особенности „сѣверныхъ“, которая „будетъ предписывать законы остальнымъ“. Эта мѣра принималась противъ особенно ненавистной Павлу I Англіи, которая уже объявила ему войну и не думала отдавать Мальту. Опасаясь ея алчности, царь совѣтовалъ Бонапарту возвратить Египетъ его союзнику, султану, обѣщая тогда собственными войсками защищать эту страну. Но Колычевъ долженъ былъ также помогать вѣрному союзнику Англіи, Фердинанду IV, какъ жертвѣ „революціонныхъ принциповъ“, кажется, еще несовсѣмъ забытыхъ Бонапартомъ, который покровительствуетъ Шварцу, поднявшему крестьянъ противъ герцога вюртембергскаго. Затѣмъ Куракинъ писалъ Колычеву, „съ нарочной стафетой“, объ упущенныхъ изъ виду важныхъ статьяхъ въ нѣмецкой индемнизаціи. Ростопчинъ заботился о французскихъ эмигрантахъ, которые вырывали у царедворцевъ часть изливавшихся на нихъ милостей и получили отъ нихъ названіе „чумы“ и „глодающихъ руку, которая ихъ кормитъ“. Онъ наказывалъ хлопотать о матери принцессы Тарентской. Паленъ подтверждалъ Ростопчина. Куракинъ предписывалъ тоже относительно князя Турнъ-и-Таксисъ. Ростопчинъ внушалъ привлечь Пруссію къ сѣверной лигѣ, а также прислать для него и для императора книжки о Египтѣ съ видами. Новые коротенькіе рескрипты требовали вознаградить мальтійскій Орденъ за отнятыя у него французами земли на Рейнѣ да не забыть курфюрста баварскаго. Послѣднее изъ наставленій и порученій Колычеву помѣчено 21-мъ марта, а полномочія—8-мъ января; выѣхалъ же онъ 16 января. 14 января былъ посланъ отпускной рескриптъ Спренгпортену о миссіи Колычева, а 16 февраля его побуждали не заживаться въ Парижѣ и ускорить отправку плѣнныхъ (73).

У французовъ было довольно времени приготовиться къ встрѣчѣ важнаго гостя, которому императоръ пожаловалъ на дорогу чинъ вице-канцлера. Они старались обольстить его еще больше, чѣмъ нашего генерала. Приказъ перваго консула отъ 6 февраля поднялъ на ноги всѣхъ министровъ. На другой день выѣхалъ на границу приближенный Бонапарта, начальникъ штаба консульской гвардіи, Каффарелли, съ любезнымъ письмомъ Талейрана Колычеву. Особому почтовому коммиссару было поручено позаботиться о путяхъ слѣдованія русскаго посла. Многіе документы свидѣтельствуютъ объ отмѣнномъ исполненіи приказовъ Бонапарта. Самъ Колычевъ подробно описываетъ, въ своихъ донесеніяхъ, царскія встрѣчи властями и восторги населенія, которые всюду сопровождали его во Франціи, послѣ отвратительныхъ прусскихъ дорогъ и докучныхъ просьбъ имперскихъ князей (74).

И Колычевъ произвелъ сильное впечатлѣніе на французовъ, но иного рода. Они тотчасъ замѣтили, что, при сходствѣ въ странностяхъ, ихъ двое гостей представляли противоположность другъ другу по природѣ. Отъ одного вѣяло легкимъ воздухомъ екатерининскихъ залъ, отъ другого—чопорною меланхоличностью гатчинскаго дворца и окаменѣлымъ консерва-

тизмомъ. У посла не было и тѣни почти дѣтской довѣрчивости, самоутѣшенія и искренней болтливости генерала. Изъ-за вѣжливыхъ маперъ сквозила ледяная холодность и напыщенность большаго барина. „Это—человѣкъ небольшаго роста, живая и пріятная фигура, съ отпечаткомъ ума и доброты, писалъ Каффарелли: двое адъютантовъ совсѣмъ юноши; у нихъ вполнѣ вѣжливыя и непринужденныя манеры; одинъ изъ секретарей посольства, довольно молодой, имѣетъ видъ тонкаго наблюдателя". Въ его первой строчкѣ, изъ Майнца, въ отвѣтъ на привѣтствіе Талейрана, сказывалась его манера всегда, даже въ минуты злобы, вставлять формальныя, почти однѣ и тѣ же любезности, рядомъ съ умышленными небрежностями, которыя доходили до отсутствія принятыхъ обращеній, а иногда и подписи. Въ первыхъ словахъ этого желчнаго, подозрительнаго человѣка, который всюду видѣлъ враговъ святой Руси и прослылъ въ Вѣнѣ „смутникомъ" (brouillon), прозвучала высокомѣрная, задорная нотка, вскорѣ снискавшая ему у французовъ названіе англомана, „старомоднаго дипломата и трусишки-царедворца". „Онъ какъ-то всему изумлялся, словно человѣкъ, который видитъ настоящее зданіе тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ ничего, кромѣ развалинъ и разрушенія", пишетъ префектъ Нижняго Рейна. Пограничный чиновникъ былъ пораженъ, когда „безъ всякаго повода съ его стороны" русскій вице-канцлеръ сталъ объяснять ему идеи Екатерины II и Павла I насчетъ Турціи, вовсе непріятныя для француза. Не менѣе озадаченъ былъ Каффарелли, когда сразу обнаружилась враждебность новаго гостя къ старому. Колычевъ начальнически выразилъ свое изумленіе, что Спренгпортенъ еще въ Парижѣ. Онъ пренебрегъ тогда двумя февральскими письмами генерала, хлопотавшаго о его пріемѣ: лишь 1 марта извѣстилъ онъ его оффиціально изъ Страсбурга, что никогда не приметъ предложеннаго Бонапартомъ роскошнаго помѣщенія (75).

Послѣ 48-дневнаго странствія, Колычевъ прибылъ въ Парижъ 5 марта, среди самой торжественной обстановки. Уже на пятый день онъ „въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ" объяснился съ Талейраномъ по поводу Неаполя (№ 22) и вслѣдъ затѣмъ далъ ему подобную же ноту (№ 24). Въ немъ закипѣло негодованіе на правительство, которое не только не исправляло своей несправедливости, но и не думало оправдываться (№ 28). Въ первомъ же донесеніи царю, 9 марта, онъ рѣзко заявилъ, что Бонапартъ жаждетъ войны и обманываетъ насъ. А въ письмѣ къ Ростопчину (№ 23) желчью написаны такія слова: „У Спренгпортена нѣтъ здраваго смысла; здѣсь стремятся господствовать, льстя намъ, употребляя насъ, какъ орудіе. Умоляю, уберите меня отсюда какъ можно скорѣе: я все вижу въ черномъ свѣтѣ и оттого заболѣлъ" (76).

12 марта начались формальные переговоры о мирѣ, которые можно прослѣдить подробно по ихъ двойнымъ протоколамъ, сличая нашъ архивъ съ парижскимъ (№ 25). Конечно, первый выступилъ Колычевъ съ своимъ проектомъ договора. Его прошли бѣгло, въ одно засѣданіе. Серьезный споръ былъ вызванъ только III статьей, которая была предвѣстницей

идеи Священнаго Союза. На всѣ предложенія Талейрана Колычевъ, конечно, отвѣчалъ, что снесется съ Петербургомъ. Но сила договоровъ заключается въ добавочныхъ и тайныхъ статьяхъ. Въ данномъ случаѣ все дѣло было въ знаменитыхъ пяти статьяхъ (№ 4). Какъ только приступили къ нимъ, тотчасъ возникли серьезныя несогласія. Прежде всего Бонапартъ не брался „формально признать“ Павла I магистромъ Ордена іоаннитовъ и „нарочито обезпечить“ за нимъ Мальту. Онъ не могъ также измѣнить положенія неаполитанскаго вопроса и готовъ былъ не трогать Фердинанда IV только на условіи, чтобы французы заняли на время Отранто и Бриндизи. Въ этихъ пререканіяхъ прошли 2-я и 3-я конференціи. Отъ протокола 4-ой, 15 марта, остался одинъ заголовокъ.

Бонапартъ заговорилъ своимъ языкомъ, приказывая Талейрану высказать Колычеву то же, что̀ онъ слышалъ уже въ Берлинѣ, въ 1797 г. (стр. VIII), и что̀ Бернонвиль говорилъ Крюденеру (стр. XIX). Важная нота (№ 29), подслащенная фразами о „ловкости и прозорливости“ политики его величества, объясняла русскому послу, что „недостойно французской націи“ ставить договоръ въ зависимость отъ разныхъ обязательствъ. Поэтому, хотя пять статей заранѣе „приняты“, но ихъ можно „обсуждать“ лишь по подписаніи явнаго договора по предлагаемому контр-проекту, и за это царь долженъ былъ помочь французамъ въ Египтѣ. Контр-проектъ (№ 30) согласовался съ заявленіями Талейрана на конференціяхъ, съ прибавкой неважныхъ статей — объ Іонической республикѣ, о взаимной торговлѣ и о французскихъ плѣнныхъ въ Турціи. Колычевъ немедленно отвѣчалъ, 19 марта (№ 31), что „снесется съ Петербургомъ“, но замѣтилъ, что выдѣленіе пяти статей противорѣчитъ отвѣту Талейрана Ростопчину (№ 10). И вдругъ оказалось, что онъ придаетъ „главное значеніе“ интересамъ царскаго „друга“, султана, а именно „быстрому очищенію Египта“ отъ французскихъ войскъ.

Нѣсколько дней спустя, Колычевъ отправилъ своему государю и министерству рядъ любопытныхъ донесеній (№№ 32—38), которыя выясняютъ основы разногласій между двумя правительствами. Бонапартъ добивался частнаго мира *между Россіей и Франціей*, Колычевъ считалъ своимъ порученіемъ *всеобщее* замиреніе. Нашъ дипломатъ понялъ, что „ненавистный“ ему владыка Франціи хочетъ этимъ путемъ сдѣлать Россію своимъ орудіемъ для владычества надъ всѣмъ міромъ. Бонапартъ уже говоритъ о „полномъ ничтожествѣ“ Турціи, а утвердится онъ тамъ — и пойдетъ „поселять смуты въ бывшей Польшѣ“. Онъ уже губитъ Неаполь, насмѣхаясь надъ самыми напряженными усиліями русскаго посла. То же ждетъ Сардинію, хотя Талейранъ и предложилъ С. Марсану подписать перемиріе: отъ нея требуютъ за это закрытія гаваней для Англіи, Португаліи и Турціи, что̀ значило бы для нея наложить на себя руку. „По ихъ плану, восклицаетъ Колычевъ, сардинскій король будетъ хуже всякаго нашего старосты деревенскаго; то же надо ждать и для всей Италіи“ (77).

Но главное значеніе Колычевъ придавалъ вопросу нѣмецкому, о которомъ не могъ говорить безъ горячности. Этотъ, великій по существу и мелкій по внѣшности, вопросъ былъ оселкомъ долготерпѣнія дипломатовъ. То былъ цѣлый лабиринтъ политики, въ силу феодальнаго строя Нѣмецкой имперіи и соперничества между Пруссіей и Австріей,—державами, передъ которыми, по словамъ Кочубея, карманные воры Англіи были дѣтьми. Онъ осложнялся свойствами дипломатіи Берлина и Петербурга—„іезуитствомъ" Гаугвица, которое вызывало одинаковое презрѣніе на берегахъ Невы и Сены, да „изумительною подвижностью", „нестройностью началъ" Павла I, котораго затягивали сюда родственныя связи и преданіе объ „инфлюенціи", закрѣпленной Тешенскимъ договоромъ. Бонапартъ и здѣсь отчетливо понималъ свою роль и не колебался ни минуты. Германія была для него орудіемъ, чтобы ссорить Австрію съ Пруссіей и вовлекать Россію въ опасную игру, которая взывала къ тонкой прозорливости и строгой систематичности въ политикѣ. Къ этому явно клонилось и неопредѣленное признаніе индемнизаціи по люневильскому миру. Колычевъ вѣрно замѣтилъ (№ 35), что уже тогда назначили герцогу тосканскому вознагражденіе въ Германіи именно съ тѣмъ, чтобы завести смуты въ этой странѣ. Но и Бонапартъ терялся иногда, выходилъ изъ себя, особенно подъ вліяніемъ берлинской изворотливости. Гораздо труднѣе было положеніе Павла I, котораго спутывали и родственныя чувства, и ненависть къ „заразѣ развратныхъ правилъ" (стр. XI), и искусные извороты Гаугвица съ Талейраномъ.

Какъ мы видѣли (стр. VI и VII), Павелъ I съ самаго своего воцаренія коснулся нѣмецкаго вопроса, а съ сентября 1800 г. прямо выдвинулъ „индемнизацію" (стр. XVIII), которая встала поперекъ всему остальному въ нотѣ о пяти пунктахъ. Пруссія тотчасъ же выступила, какъ „другъ" царя, который „ставитъ свои отношенія къ ней на первый планъ" (стр. XXII), и уже возмечтала о гегемоніи надъ сѣверною Германіей, а въ январѣ 1801 г. она требовала отъ Россіи и Франціи признанія принципа секуляризаціи. Встрѣтивши презрительный отпоръ въ Парижѣ, она думала, что тамъ хотятъ вручить Павлу I судьбу Германіи. Но Бонапартъ, который уже въ отвѣтѣ на ноту Ростопчина призналъ совмѣстное дѣйствіе Франціи, Россіи и Пруссіи по индемнизаціи, недоумѣвалъ: онъ справлялся въ Петербургѣ, 21 января, насчетъ „системы" царя по нѣмецкимъ дѣламъ. Оказалось, что въ инструкціи Колычеву, 31 декабря, Павелъ I прямо желалъ „распоряжаться въ Нѣмецкой имперіи", причемъ Пруссія изображалась чуть ли не хуже революціонной заразы; а 14 января (№ 12) онъ уже „не хотѣлъ предписывать границы въ Германіи". Въ то же время Крюденеръ дразнилъ Бернонвиля увѣреніями, что „пруссаки—лучшіе друзья Россіи" (стр. XXIX); а въ Парижъ отправлялся Колычевъ, который ненавидѣлъ пруссаковъ не меньше, чѣмъ французовъ, и даже миновалъ Берлинъ, чтобы не встрѣтиться, между прочимъ, съ своимъ товарищемъ, такъ аттестованнымъ имъ изъ Парижа: „Крюденеръ совсѣмъ присталъ и пре-

данъ, кажется, болѣе Пруссіи, чѣмъ Россіи, и прислалъ ко мнѣ Убрія за мной присматривать тогда, когда уже и б. Спренгпортенъ подлымъ своимъ здѣсь поведеніемъ всѣ дѣла наши испортилъ" (№ 38). Въ Парижѣ Колычевъ все время негодовалъ на Пруссію, которой „временно" потворствовалъ и Бонапартъ, и мы сами. Считая ее гораздо болѣе опасною для насъ, чѣмъ Австрія, тѣмъ болѣе, что она усиленно интриговала въ Петербургѣ, съ самаго воцаренія Павла I (стр. X), требуя поскорѣе сократить ее, пока еще есть время, котораго „потомъ ничѣмъ нельзя будетъ возвратить" (№ 37), онъ приходилъ въ ужасъ, узнавши, 25 марта, будто царь обѣщаетъ „испортить въ пользу Пруссіи всю германскую конституцію и приступить къ генеральному грабежу въ ея выгодахъ, безъ пользы для Россіи" (№ 38). Колычевъ видѣлъ одну только выгоду отъ мира съ Франціей—утвержденіе нашего права вмѣшиваться именно въ дѣла Германіи и настаивать на сохраненіи ея древней конституціи (№ 37). Онъ даже предложилъ царю вставить въ договоръ особую тайную статью въ такомъ смыслѣ (№ 33).

Колычевъ напрасно билъ тревогу. Къ тому времени дѣло Пруссіи, которое начиналось такъ успѣшно, уже проваливалось. Оно состояло тогда въ томъ, что въ Берлинѣ закипѣла работа, какъ только оказалось, что Пруссія забыта въ люневильскомъ договорѣ, чему Фридрихъ-Вильгельмъ III сначала не хотѣлъ вѣрить. 20 февраля, Гаугвицъ, по проекту Гарденберга, представилъ королю планъ вознагражденій Пруссіи во Франконіи, прибавивъ, что тутъ „главное вліяніе" должно принадлежать Павлу I. Немедленно обратились къ Крюденеру съ „дружескою откровенностью", прося его донести въ Петербургъ, чтобы „Колычевъ былъ тѣмъ болѣе уполномоченъ дѣйствовать въ этомъ направленіи заодно съ Люкезини". Вслѣдъ затѣмъ послали въ Петербургъ полковника Лекока, чтобы оправдать планъ вознагражденій необходимостью защищать Баварію отъ Австріи и сѣверную Германію—отъ Франціи, а также испросить дозволеніе Россіи на немедленное занятіе причитающихся Пруссіи земель.

Въ ту минуту Россія сама шла навстрѣчу Пруссіи, въ виду войны съ Англіей. Изъ конференцій Ростопчина съ Лузи, 6 и 9 марта, видно, что въ Петербургѣ еще не знали о закрытіи Эльбы и Везера, о которомъ увѣдомлялъ Бонапартъ (№ 21), и старались склонить Пруссію къ помощи, поручая ей, между прочимъ, слѣдить за австрійскою границей. За это ей предоставляли устройство индемнизаціи, что̀ соотвѣтствовало и послѣднему желанію Павла I не вмѣшиваться въ дѣла Германіи. Но вслѣдъ затѣмъ въ Гатчинѣ послѣдовала внезапная перемѣна. Павелъ опять горячо схватился за нѣмецкій вопросъ. По свидѣтельству правдиваго очевидца, лейбъ-медика Роджерсона, онъ „выкраивалъ и разрисовывалъ на картѣ Германіи (буквально, даже публично, за обѣдомъ) всѣ раздѣлы и новыя распредѣленія, какъ ему приходило въ голову". И вотъ, 14 марта, когда пришелъ прусскій планъ, Павелъ I вдругъ самъ продиктовалъ вице-канцлеру собственный проектъ, въ видѣ „ультиматума", и даже велѣлъ составить торжественный „министерскій актъ" (№ 26),

который обязывалъ Куракина „вполнѣ и неизмѣнно“ слѣдовать ему. По этому плану къ Баваріи отходили Зальцбургъ, Бамбергъ, Вюрцбургъ и Берхтесгаденъ, къ Вюртембергу — Нижній Пфальцъ, Мюнстеръ и Гильдесгеймъ, къ Даніи — Гамбургъ, а Пруссія должна была занять Ганноверъ, чтобы покрѣпче закрыть Эльбу и Веверъ. Ультиматумъ тотчасъ же былъ посланъ въ Берлинъ и Парижъ. Но на другой день Куракинъ извѣщалъ Колычева (№ 27), что императоръ „забылъ“ про Швецію, которой онъ даетъ Любекъ, а „своего близкаго родственника“, герцога епископа любекскаго, желаетъ вознаградить или городомъ Бременомъ, или княжествомъ Ферденомъ. Такъ какъ изъ Даніи и Пруссіи отвѣтовъ не послѣдовало тотчасъ же, то Павелъ I приказалъ, за три дня до своей смерти, отозвать своего министра изъ Копенгагена, а въ день смерти, 23 марта, велѣлъ послать рескрипты Крюденеру, чтобы онъ выѣзжалъ изъ Берлина, если пруссаки не займутъ Ганновера въ 24 часа, и Колычеву, чтобы Бонапартъ занялъ Ганноверъ (78).

Не ладилось прусское дѣло и въ Парижѣ. Тутъ происходила сознательная игра, наглая, но тонкая, и разомъ съ двумя партнерами. Австріи нужно было по крайней мѣрѣ получить хорошую подачку за вынесенный ею ударъ, какого она не испытывала въ теченіе трехъ вѣковъ. Люневильскій миръ лишалъ смысла ея существованіе, былъ могилой ея историческаго призванія. Маститый стражъ старины въ Германіи противъ революціонныхъ козней Гогенцоллерна, главная опора папства и охранительныхъ началъ на материкѣ, Габсбургъ согласился разрушить вѣковѣчную „конституцію“ Священной римско-нѣмецкой имперіи и отдавалъ духовныхъ князей на жертву исчадія французской „заразы“! Теперь онъ хотѣлъ направить „индемнивацію“ такъ, чтобы побольше выиграть самому и основательнѣе повредить своему сопернику. Съ этою цѣлью онъ обратился къ Бонапарту, понимая, что тотъ приметъ „самое дѣятельное участіе“ въ индемнизаціи. Путемъ неимовѣрныхъ униженій, какъ какой-нибудь Галло, съ щедрыми подарками въ карманахъ, добился Лудвигъ Кобенцль дозволенія предстать предъ Бонапартомъ. Онъ привезъ съ собой „новую систему“ — дружбу между Вѣной и Парижемъ. Побѣдитель, который наканунѣ люневильскаго мира гнѣвно требовалъ удаленія Тугута, съ презрѣніемъ отвергъ ее, на аудіенціи 8 марта. Впрочемъ онъ великодушно дозволялъ австрійцамъ расправляться съ Портой: „распространяйтесь хоть до Чернаго моря!“, воскликнулъ другъ Россіи.

Но не лучше было положеніе Люкезини, который представилъ, 2 марта, берлинскій планъ вознагражденій. Бонапартъ и безъ того гнѣвался на него за предстательство въ пользу Сардиніи, желалъ даже его отозванія. Теперь онъ молчалъ. А подъ Парижемъ, на дачѣ Іосифа Бонапарта, шли таинственныя совѣщанія между хозяиномъ и Кобенцлемъ, особенно тщательно скрываемыя отъ Люкезини: тутъ производился дѣлежъ Германіи такъ, „чтобы отнюдь не подымать вопроса о какомъ-либо пріобрѣтеніи со стороны Пруссіи“. Самъ Бонапартъ вдругъ пред-

ложилъ устроить индемнизацію при участіи одной Австріи, за спиной не только Пруссіи, но даже и Россіи. Онъ еще обѣщалъ за это наградить Фердинанда тосканскаго Баваріей не только до Инна, какъ прежде, но и до Изара, т. е. съ Мюнхеномъ. Какъ вдругъ дѣло стало. Озадаченный Кобенцль доносилъ, 26 марта и 11 апрѣля, что Іосифъ Бонапартъ все жалуется то на неполноту инструкцій, то на мѣшкотность заваленнаго дѣлами Талейрана. Все ограничилось тѣмъ, что ненавистный Бонапарту Тугутъ, который, въ угоду ему, былъ смѣненъ еще въ сентябрѣ 1800 г., но продолжалъ руководить австрійскою дипломатіей, долженъ былъ удалиться изъ Вѣны; Лудвигъ Кобенцль возвратился туда его замѣстникомъ, а его родственникъ, Филиппъ Кобенцль, былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ. Переговоры оказались смѣлымъ движеніемъ привыкшаго къ диверсіямъ полководца, какъ доказалъ тогда же Штарембергъ. Бонапартъ хотѣлъ выиграть время и, въ случаѣ раскрытія тайны, опозорить Австрію разомъ передъ Пруссіей, Россіей, Баваріей и Англіей.

Между тѣмъ, Люкезини, который долженъ былъ поскорѣе отвѣчать сгоравшему отъ нетерпѣнія Берлину, бросился за помощью къ Колычеву. Онъ былъ увѣренъ, какъ въ содѣйствіи Россіи, такъ и въ ея вліяніи. Но русскій посолъ встрѣтилъ его согласно съ своими инструкціями, которыя презрительно говорили о „берлинскихъ затѣяхъ" и о „голыхъ нѣмецкихъ владѣтеляхъ" (№ 17). „Я не австріякъ и не пруссакъ, сказалъ онъ Люкезини: но, поставляя себѣ честью быть настоящимъ русскимъ, я долженъ выказывать въ Парижѣ явное расположеніе къ вашему королю". Колычевъ отказалъ. А 18 марта онъ сообщилъ Люкезини, что Бонапартъ внезапно встрѣтилъ его словами: „Ну, что жъ пруссаки? Все толкуютъ о выступленіи, а сами ни съ мѣста. Если они не рѣшатся живо и если предоставятъ Данію ея собственнымъ средствамъ, возьму Ганноверъ во что бы то ни стало".

Прижатый съ двухъ сторонъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III, еще не знавшій о кончинѣ Павла I, благодарилъ его, 30 марта, за Ганноверъ, но просилъ, чтобы Россія предварительно заявила объ этомъ Англіи; а Люкезини онъ предписалъ просить Бонапарта поддержать это грозное заявленіе, тѣмъ болѣе, что именно тогда Эльба, наконецъ, дѣйствительно была закрыта для англичанъ. Но въ этотъ самый день Талейранъ далъ отвѣтъ на прусскій планъ индемнизаціи: послѣ почти мѣсячнаго молчанія, онъ сказалъ, что первый консулъ согласенъ на тѣ вознагражденія Пруссіи, „на которыя она имѣетъ право", и что онъ поручилъ ему сговориться на этотъ счетъ съ Колычевымъ. Люкезини къ Колычеву, а тотъ показалъ ему русскій планъ индемнизаціи. Испуганный пруссакъ доносилъ Гаугвицу 5 апрѣля: „этотъ планъ такъ противорѣчитъ нашему, что я просилъ подождать съ его предъявленіемъ Бонапарту, пока не получу отъ васъ отвѣта. Колычевъ тѣмъ легче согласился, что онъ, кажется, не очень-то одобряетъ этотъ планъ" (79).

Колычевъ радовался, что французы сходятся съ нимъ хоть въ

одномъ — въ ненависти къ пруссакамъ. Онъ удостовѣрялъ въ томъ Павла I энергическою депешей отъ 31 марта (№ 50), доказывая, что „выгоды Франціи и Россіи согласны“ въ обузданіи „коварной политики“ Берлина. Въ тотъ же день Колычевъ донесъ министерству, что Талейранъ таинственно намекалъ на желаніе Бонапарта видѣть нашу армію на прусской границѣ. 3 апрѣля Колычевъ извѣщалъ царя (№№ 51 и 52), что Бонапартъ „положительно желалъ“, чтобы нѣмецкій вопросъ былъ улаженъ Франціей и Россіей помимо Пруссіи, именно съ цѣлью заставить послѣднюю отказаться отъ своихъ „непомѣрныхъ требованій“. А 8-го Талейранъ (№ 54), по поводу просьбы Люкезини о заявленіи англичанамъ насчетъ Ганновера, снова добивался знать „систему“ императора относительно Пруссіи.

Колычевъ, конечно, не могъ объяснить этой системы; но онъ понималъ систему французовъ. Онъ предрекалъ, что Бонапартъ не выведетъ своихъ войскъ ни изъ Германіи, ни изъ Италіи и Швейцаріи: министръ послѣдней уже просилъ царя оградить ея независимость. Колычевъ думалъ, что властитель Франціи боится своихъ войскъ и старается занимать проектами „слишкомъ разгоряченные еще умы“ (№№ 34—36). Теряя власть надъ собою, нашъ желчный дипломатъ все настойчивѣе просилъ „вывезти его какъ можно скорѣе“ изъ Парижа, гдѣ требуется человѣкъ болѣе „независимый, скромный, прозорливый, твердый и, можетъ быть, спѣсивый“, въ родѣ А. К. Разумовскаго или Моркова (№ 38). Какъ ни боялся Колычевъ гнѣва своего государя, онъ рѣшился „подвергнуть себя бѣдамъ“: 3 апрѣля была послана самому царю просьба объ отозваніи (80).

Тогда Павла I уже не было въ живыхъ. Но въ Парижѣ не знали объ этомъ, и переговоры продолжались. Послѣ ноты Колычева отъ 19 марта (стр. XXXVII), Талейранъ былъ принужденъ заговорить и объ „основахъ всеобщаго замиренія Европы“ (№ 39): онъ предъявилъ свой „проектъ тайной конвенціи для подписанія, 24 ч. спустя послѣ подписанія мира“ (№ 40). Эта бумага была перечисленіемъ пяти условій, но съ искаженіемъ ихъ сущности, какъ видно изъ вызванныхъ ею *Замѣчаній* (№ 41). Въ этихъ „Замѣчаніяхъ“ Колычевъ проявилъ, въ небрежной формѣ, всю свою подозрительность и щепетильно требовалъ расширенія титула мальтійскаго гросмейстера, съ цѣлью доставить Павлу I нѣкоторыя права даже въ Испаніи. Тутъ же Колычевъ внезапно приложилъ списокъ добавочныхъ *Предметовъ* (№ 42), какъ „основъ конвенціи“, притомъ требующихъ „положительнаго“ отвѣта. Здѣсь предлагалось „посредничество“ царя по дѣламъ султана и папы и требовалось, чтобы Бонапартъ приступилъ къ сѣверной лигѣ, а дѣла Германіи улаживались съ согласія Россіи и Пруссіи. Вслѣдъ затѣмъ новое требованіе (№ 45): это — вышеупомянутый проектъ тайной статьи о нѣмецкихъ дѣлахъ (№ 33).

Талейранъ подвергъ предложенія Колычева строгой критикѣ въ своемъ докладѣ первому консулу (№ 43). „Предметы“ поразили его своею

„чрезвычайностью, непредвидѣнвостью“. Онъ считалъ невозможнымъ рѣшать вопросъ объ индемнизаціи безъ австрійцевъ, такъ какъ она—„лишь послѣдствіе люневильскаго мира“. Касательно „Замѣчаній“ Талейранъ замѣтилъ, что можно только хлопотать, а не настаивать въ Мадридѣ, и что переговоры съ Неаполемъ будутъ происходить въ Италіи. Слѣдствіемъ доклада была нота 30 марта (№ 46) о принятіи статьи о Германіи и русскаго посредничества по дѣламъ Египта. Колычевъ отвѣчалъ, на другой день (№ 47), что „ничего не можетъ уступить“, а на третій, 1-го апрѣля, предъявилъ новый проектъ договора, сопровождая его крайне холодною нотой (81). Самый договоръ подходилъ къ проекту Талейрана (№ 30) во всемъ, за исключеніемъ оговорки насчетъ торговли. Но „добавочная конвенція“, которая должна была составить „одно цѣлое“ съ нимъ, губила все дѣло. Въ ней было цѣлыхъ 16 статей, въ которыя вошли не только пять условій, но и всѣ послѣдующія требованія, даже съ прибавками, и безъ всякихъ уступокъ въ пользу Бонапарта. Франція должна была доставить Павлу I права и земли мальтійскаго Ордена даже въ Италіи и Германіи, а Вюртембергу — курфюршеское достоинство. Ее обязывали принудить Порту, Неаполь и Сардинію къ вступленію въ сѣверную лигу, немедленно очистить Египетъ и не помышлять объ Отранто и Бриндизи. Во всей Италіи, не исключая Рима, ей дозволялось устраивать свои дѣла лишь при участіи Россіи. Если ей уступались Ницца и Савоія, то за особое вознагражденіе сардинскому королю.

Именно тогда порвалась послѣдняя нравственная связь между Парижемъ и Петербургомъ. Уѣхалъ Спренгпортенъ, спѣша навстрѣчу нашимъ плѣннымъ, уже двинувшимся изъ Франціи въ силу конвенціи между нимъ и Кларкомъ. 28 марта онъ обѣдалъ у Бонапарта, который заявилъ горячее желаніе вступить въ союзъ съ царемъ и готовность принять пять условій. Первый консулъ не скрылъ своего плана напасть на Англію изъ Бельгіи, сдѣлавши демонстрацію у береговъ Ирландіи, и намекнулъ на возможность подорвать могущество англичанъ *въ Индіи*, пользуясь Египтомъ и содѣйствіемъ Россіи (№ 44). Два дня спустя, узнавъ, что нашъ курьеръ, графъ Тизенгаузенъ, еще не уѣхалъ, Бонапартъ призвалъ его къ себѣ на дачу отобѣдать, вмѣстѣ со Спренгпортеномъ. Онъ снова говорилъ о нападеніи на Англію и объявилъ, что посылаетъ въ Петербургъ своего адъютанта, Дюрока (82). Впослѣдствіи оказалось, что Дюрокъ везъ планъ русско-французскаго похода въ Индію (83). 1 апрѣля Спренгпортенъ выѣхалъ, осыпанный знаками дружбы. Изъ Кельна онъ горячо благодарилъ Францію и за себя, и за нашихъ плѣнныхъ (84).

1-го же апрѣля Талейранъ получилъ проектъ договора, какъ бы продиктованнаго побѣдителемъ побѣжденному. Бонапартъ отвѣчалъ не словами, а дѣломъ. 3 апрѣля Колычевъ увѣдомлялъ Павла I, что Фердинандъ IV, лишившись своего представителя въ Парижѣ, прислалъ ему полномочія для заключенія мира между Неаполемъ и Франціей.

Онъ бросился къ Талейрану, но тотъ остановилъ его словами: „теперь миръ уже долженъ быть заключенъ въ Неаполѣ, по желанію Франціи; слѣдовательно, и полномочіе сіе никакой силы здѣсь имѣть не можетъ". Миръ дѣйствительно былъ подписанъ, на остріѣ французскаго штыка, во Флоренціи, 28 марта. Неаполь уступалъ Франціи часть о. Эльбы, пизанское княжество Пьомбино и тосканскіе Президы съ портомъ Орбителло и обязывался закрыть свои порты для Англіи. Бонапартъ брался, въ случаѣ нужды, прислать Фердинанду IV на помощь столько же войска, сколько пришлетъ русскій императоръ. Вслѣдъ за миромъ, въ началѣ апрѣля, французы внезапно заняли неаполитанскіе порты — Тарентъ, Бриндизи и Отранто (85).

Между тѣмъ, Колычевъ, цѣлую недѣлю не получая отвѣта, послалъ, 8 апрѣля, суровую ноту (№ 53) насчетъ „проволочекъ". Черезъ три дня, Талейранъ отвѣчалъ строгимъ выговоромъ въ вѣжливой формѣ (№ 55) за повелительный „тонъ" нотъ русскаго посла, который не соотвѣтствовалъ письмамъ царя. Онъ заявлялъ, что первый консулъ рѣшился отправить въ Петербургъ довѣренное лицо для прямыхъ объясненій. Колычевъ вышелъ изъ себя, какъ видно изъ желчнаго донесенія Павлу I (№ 56), посланнаго черезъ день по полученіи ноты Талейрана. Онъ взывалъ къ Провидѣнію, которое избирало царя для того, чтобы „ограничить власть Франціи и усмирить гордость Пруссіи". Онъ послалъ Талейрану знаменитую по своей рѣзкости ноту отъ 26 апрѣля, которая могла привести къ бѣдѣ. Нота была тѣмъ болѣе смѣла, что авторъ говорилъ отъ имени новаго императора.

Внезапная кончина Павла I, 11/23 марта, поразила всѣхъ, въ виду тревоги, въ которой держалъ Европу Бонапартъ (86). Она особенно должна была подѣйствовать на раздражительнаго Колычева, который, за двѣ недѣли передъ нею, рисовалъ совсѣмъ иную картину, сравнивая Францію съ Россіей (№ 23). Объ этомъ можно судить по волненію его откровеннаго предмѣстника, оставившему слѣдъ въ архивѣ. Спренгпортенъ узналъ о кончинѣ своего государя, на возвратномъ пути, изъ нѣмецкихъ газетъ. Въ Кобленцѣ онъ повстрѣчался съ Массономъ, который представилъ Талейрану весьма любопытный отчетъ о своей бесѣдѣ съ нимъ (87). Генералъ печалился и увѣрялъ, что у Колычева „совсѣмъ иныя чувства", какъ у „англомана". Французъ надѣялся, что, хотя новый царь и англоманъ, онъ будетъ дружить съ Франціей, какъ „либералъ", если только не помѣшаютъ внушенные ему Екатериной II „широкіе проекты насчетъ Азіи и Константинополя". Массонъ поспѣшилъ выступить съ совѣтами Талейрану, опираясь на свои петербургскія связи и на свое знаніе характера новаго царя (88).

IV.

1801.

б) Посольство Моркова. Замиреніе.

Съ воцареніемъ новаго императора наши иностранныя дѣла приняли иной видъ, хотя на первыхъ порахъ еще замѣчались слѣды „совершеннаго хаоса“, по словамъ А. Воронцова. На бумагахъ вмѣсто размашистаго „быть по сему“ явилась красивая и правильная рука. Напрасно вначалѣ опасались, что „первымъ человѣкомъ въ правительствѣ“ будетъ Паленъ, котораго С. Воронцовъ называлъ „ливонскимъ великимъ визиремъ“, такъ какъ онъ занималъ должность генералъ-губернатора петербургскаго, лифляндскаго и эстляндскаго и былъ первоприсутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по опредѣленію Павла I, изгнавшаго, передъ смертью, Ростопчина. Особенно били тревогу англоманы, тѣмъ болѣе, что старикъ Куракинъ былъ лишь по имени вицеканцлеромъ: Панинъ называлъ его „полнымъ ничтожествомъ“, а остальные царедворцы говорили, что „этотъ добрый князь находится тамъ только для представительства (ad honores) и почти ничего не знаетъ“. Вскорѣ оказалось, что „душой и заправиломъ“ внѣшней политики сталъ молодой, усидчивый, сухой и педантичный въ своей ревностной дѣловитости Никита Петровичъ Панинъ: Паленъ самъ заявилъ, что „ничего не понимаетъ въ ней“, и „совсѣмъ не вмѣшивался въ нее“. Циркуляръ 31 марта оповѣщалъ нашихъ дипломатовъ, чтобы всѣ депеши на высочайшее имя доставлялись Панину, который назначается присутствующимъ въ коллегіи. Коллегія стала подтягиваться. Мѣсяца черезъ три, явился замѣчательный циркуляръ Панина (№ 89), наивныя внушенія котораго, напоминающія правила Екатерины II для членовъ коммиссіи новаго уложенія, прекрасно рисуютъ первобытность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ того времени. Возобновились „конференціальныя записки“ или протоколы о переговорахъ нашего министерства съ представителями иностранныхъ дворовъ, — записки, вышедшія-было изъ употребленія при Павлѣ I. 28 іюня Паленъ совсѣмъ сошелъ со сцены и удалился въ Курляндію. И опять напрасно опасались вліянія

царицы-матери, которая признавалась виновницей опалы могущественнаго остзейца (№ 90) и вообще считалась властолюбивой.

Александръ I обнаруживалъ большую осмотрительность, несмотря на свою молодость: онъ болѣе мѣсяца не выступалъ открыто съ политическою программой. Только Колычеву была послана Паленомъ, 31 марта, депеша (№ 49), вызвавшая его рѣзкую ноту отъ 26 апрѣля. Здѣсь, по поводу Неаполя, заявлялось недовѣріе къ „вѣрности договорамъ“ со стороны Бонапарта и предписывалось требовать „совершеннаго выполненія“ пяти статей. Но, по приказанію царя, тотчасъ же пошла другая, смягчительная депеша (№ 48). Съ другой стороны, Куракинъ, 25 апрѣля, ободрялъ Колычева тѣмъ, что онъ „вполнѣ согласенъ съ его поведеніемъ“. Вмѣсто новыхъ наставленій, онъ ссылался, за болѣзнью, на новый рескриптъ.

Этотъ рескриптъ, отъ *28 апрѣля* (№ 62)—весьма важная программа новаго царствованія по внѣшней политикѣ. Она проникнута крайней осторожностью и недовѣріемъ ко всѣмъ вообще и къ Бонапарту въ особенности. Александръ I прямо выступалъ противъ „министерства покойнаго императора“: онъ отмѣнялъ инструкцію 19 декабря (стр. XXVII) и сразу отказывался отъ мысли о Мальтѣ и ея Орденѣ. Но онъ одобрялъ Колычева именно за соблюденіе основъ этой инструкціи, заявляя, что въ сношеніяхъ съ Бонапартомъ должно заботиться прежде всего о „всеобщемъ“ замиреніи и объ интересахъ „низверженныхъ или потерпѣвшихъ убытки государей“. Касательно Германіи Александръ также осуждалъ „ультиматумъ“ своего отца и внушалъ Колычеву быть крайне осмотрительнымъ и прежде всего вывѣдать доподлинно мысли Бонапарта насчетъ вознагражденій. Онъ заявлялъ только свое желаніе сохранить равновѣсіе между Австріей и Пруссіей на основахъ Тешенскаго договора. Отсюда, съ одной стороны, стремленіе поддержать Баварію, какъ противовѣсъ „неумѣренности“ Габсбурга, съ другой — рѣзкое осужденіе „неискренности“ Гогенцоллерна: въ рескриптѣ выражено намѣреніе „предупредить замышляемые Пруссіей захваты“, доказанные бумагами берлинскаго уполномоченнаго, Лекока. Касательно Италіи Александръ I категорически требовалъ возстановленія правъ государей Неаполя и Сардиніи и прежде всего перенесенія переговоровъ съ Фердинандомъ IV въ Парижъ, согласно съ обязательствомъ Бонапарта (№ 29). Но „еще болѣе интересовалъ“ его вопросъ о Портѣ. Считая союзъ Россіи съ Турціей „странною комбинаціей“, онъ однако не могъ допустить такого „крайне безпокойнаго для Порты сосѣдства“, какъ французская армія въ Египтѣ, и предлагалъ свое „посредничество“ въ пользу султана. Въ приступленіи Франціи къ вооруженному нейтралитету царь видѣлъ ловушку: Колычевъ долженъ былъ соблюдать, по этому поводу, „полнѣйшее молчаніе“ или ограничиваться уклончивыми отвѣтами. Важнѣе всего были приложенія къ рескрипту — помѣченный 27-мъ апрѣля новый проектъ договора съ Франціей, притомъ съ примѣчаніями (№ 61) къ нему (89).

Массонъ не ошибся. Новый царь сразу обнаруживалъ нежеланіе

служить орудіемъ Бонапарта не только противъ Англіи (о ней не сказано ни слова даже при упоминаніи о Мальтѣ, которой онъ вовсе не думалъ уступать ей), но и противъ Пруссіи: Колычеву предписывалось держать втайнѣ бумаги Лекока, „чтобы не оскорблять потсдамскаго кабинета". Главный, подробный рескриптъ сопровождался краткимъ (№ 63) насчетъ „сѣтей", въ которыя Бонапартъ „могъ пытаться завлечь" насъ. Панинъ добавлялъ (№ 65), чтобы Колычевъ остерегался „лживости республиканцевъ" и имѣлъ въ виду, что въ Петербургѣ уже „милостиво принято" желаніе Англіи возстановить миръ. А Куракинъ забрасывалъ Колычева порученіями, несовсѣмъ пріятными Бонапарту. Въ то же время Александръ I, вовсе не потворствуя англичанамъ, но въ интересахъ „національной системы", снялъ запрещеніе съ ихъ судовъ. С. Воронцовъ снова сталъ дружить съ Штаремберномъ и появился при лондонскомъ дворѣ, а С. Эленсъ отправился въ Петербургъ въ качествѣ британскаго посла. Англія замирилась съ Даніей, подъ вліяніемъ требованій Александра I и его письма Фридриху-Вильгельму III. 20 мая Нельсонъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о желаніи Александра I начать мирные переговоры (90).

Все поворачивалось противъ Бонапарта. Нѣмецкіе порты открылись британскимъ судамъ. Прусскій король, занявшій въ началѣ апрѣля Ганноверъ (говорятъ, „со слезами", прибавляетъ государственный архиваріусъ Пруссіи), уже надѣялся, при помощи Россіи, захватить франконскія епископства и вообще обойтись безъ Франціи въ вопросѣ объ индемнизаціи. Въ Вѣнѣ ликовали по поводу смерти Павла I. Изъ Петербурга доносили туда, что тамъ всѣ рады этому событію и что новый царь безхарактеренъ, доступенъ вліяніямъ и склоненъ къ Англіи. Францъ II, выражаясь словами самого Александра I (№ 93), „не ожидая извѣщенія о восшествіи на престолъ", выразилъ ему собственноручнымъ письмомъ „самое горячее желаніе возстановить всѣ добрыя отношенія между обоими дворами, обѣщая полное и всестороннее довѣріе". Онъ отправилъ Шварценберга въ Петербургъ, между тѣмъ какъ Стадіонъ поѣхалъ въ Берлинъ для полюбовнаго рѣшенія германскихъ дѣлъ; а въ Парижѣ Кобенцль бросился къ Колычеву съ заявленіемъ, что „разрывъ съ Россіей—источникъ всѣхъ бѣдствій Австріи". Наконецъ, Бонапарту грозила серьезная опасность со стороны главнаго врага, у котораго освобождались руки: только-что начатые его уполномоченнымъ, Отто, переговоры съ Англіей прервались. Его положеніе становилось затруднительнымъ, какъ въ Египтѣ, гдѣ 18 марта послѣдовала удачная высадка англичанъ, такъ и въ Португаліи, на которую онъ навелъ-было испанскія войска.

Пораженный смертью Павла I, Бонапартъ спѣшилъ принять крупныя мѣры съ свойственной ему быстротой и развязностью. Въ тотъ самый день, когда узнали въ Парижѣ о петербургской катастрофѣ, 12 апрѣля, онъ присоединилъ Піемонтъ, котораго не трогалъ до тѣхъ поръ будто бы изъ дружбы къ Павлу I, и приказалъ, чтобы 14-го, ве-

черомъ, Марсана уже не было въ Парижѣ. Указъ, преграждавшій путь къ возврату „привидѣній", какъ называлъ тогда Бонапартъ низверженныхъ государей, былъ помѣченъ заднимъ числомъ (2 апрѣля). Колычеву возвѣстили, что сардинскій король наказанъ за дурное поведеніе относительно Павла I, но „впрочемъ еще ничего не рѣшено и не потеряно". Люкезини долженъ былъ выслушать одну только фразу: „мы не намѣрены разсуждать съ прусскимъ королемъ объ итальянскихъ дѣлахъ". Съ другой стороны, Бонапартъ спѣшилъ вкрасться въ довѣріе новаго царя. Уже 24-го была изготовлена инструкція Дюроку (№ 57), который долженъ былъ немедленно выѣхать въ Петербургъ съ письмомъ перваго консула къ императору отъ 26-го (№ 59), которое ограничивалось обычными любезностями. Дюроку предписывалось оправдывать поступки Бонапарта въ Италіи, а также заявить его желаніе вступить въ лигу нейтральныхъ и его рѣшеніе не уступать Египта, причемъ онъ долженъ былъ одобрять политику Екатерины, „предвидѣвшей паденіе Турецкой имперіи".

Колычевъ также спѣшилъ покончить съ Бонапартомъ, радуясь смерти государя, который сдерживалъ его враждебность. Въ день отъѣзда Дюрока, 26 апрѣля, онъ далъ Талейрану вышеупомянутую (XLIV) опасную ноту (№ 58). Здѣсь требовалось „быстрое и полное" исполненіе пяти статей и заявлялось „недовѣріе", „заподозрѣвалась искренность намѣреній" перваго консула, который, кажется, слѣдуетъ „системѣ захватовъ", созданной директоріею. На другой день Талейранъ отвѣчалъ Колычеву (№ 64), что не можетъ даже показать первому консулу его „неприличную" ноту. А Люкезини, который поддержалъ Колычева устно, онъ сказалъ гнѣвно, что „первый консулъ никому не позволитъ предписывать себѣ законы" и что онъ обѣщалъ Павлу, а не Александру, принять въ разсчетъ пять статей, притомъ если только со стороны Россіи будетъ „взаимное уваженіе" къ интересующимъ его вопросамъ. Затѣмъ Люкезини извѣщалъ свой дворъ, что Талейранъ и Іосифъ Бонапартъ безуспѣшно просили Колычева взять назадъ ноту. Онъ получилъ такой отвѣтъ: „убирайте паруса; незамѣтно отстранитесь отъ участія въ поступкахъ Колычева".

Колычевъ даже не принялъ отвѣта Талейрана, да еще послалъ списки своей ноты въ Неаполь и Римъ, что́ привело Бонапарта въ негодованіе (№ 81) и заставило его послать разъясненіе своему посланнику при Фердинандѣ IV, Алкье (№ 84). 1 мая онъ снова сдѣлалъ суровый запросъ, „считая безполезнымъ входить въ новыя объясненія" (№ 66). Талейранъ отвѣчалъ, что эту, приличную по формѣ, бумагу онъ представитъ первому консулу, а прежнюю уничтожитъ (№ 68). 13 мая Колычевъ снова требовалъ отвѣта на ноту отъ 1-го числа. Талейранъ отвѣчалъ, въ тотъ же день, что немедленно пришлетъ (№ 69). 17 мая явилась его отвѣтная нота (№ 70). Бонапартъ находилъ, что при Павлѣ I дѣло шло о „союзѣ"; если же Александръ ищетъ только мира, то пять статей остаются непричемъ (91).

Теперь Колычевъ выдвинулъ основу рескрипта 28 апрѣля — желаніе царя вести переговоры объ общихъ европейскихъ дѣлахъ (№ 72), причемъ сообщилъ выписку изъ самого рескрипта и нашъ новый проектъ мирнаго договора. Этотъ проектъ — повтореніе того, который былъ поданъ Колычевымъ 1-го апрѣля (81), съ несущественными измѣненіями. Болѣе важна передѣлка проекта тайной конвенціи, посвященной пяти статьямъ (92). Здѣсь совсѣмъ выкинуты вопросы объ Англіи и Мальтѣ, а равно о приступленіи Франціи, Сардиніи и Неаполя къ сѣверной лигѣ; вообще смягчены и обобщены требованія относительно Италіи и Турціи; вовсе не упоминалось объ Египтѣ. Нѣмецкій вопросъ поставленъ согласно съ № 33, причемъ указано на соблюденіе равновѣсія въ Германіи; для Вюртемберга не требуется курфюршеское достоинство. Существенное затрудненіе опять представлялъ только сардинскій вопросъ: онъ вызвалъ даже одно изъ мастерскихъ произведеній пера Талейрана (93).

Такія условія были не особенно тяжелы для Франціи. Въ своемъ докладѣ Бонапарту (№ 78), 29 мая, Талейранъ замѣтилъ, что въ новомъ проектѣ можно замѣтить „съ удовольствіемъ нѣкоторые плоды прежнихъ обсужденій". Изъ его письма Дюроку отъ 6 іюня (№ 86) видно, что онъ вполнѣ надѣялся на искренно желаемый миръ: онъ допускалъ даже тайную конвенцію, существенно измѣняя только статьи о Неаполѣ и Сардиніи. Желанія Бонапарта запечатлѣлись въ новомъ контр-проектѣ, который былъ врученъ Колычеву лишь нѣсколько дней спустя (94). Онъ былъ сходенъ съ русскимъ проектомъ въ явной части: Талейранъ только поставилъ въ 6-й статьѣ, рядомъ съ Батавскою республикой, республики Гельветскую, Цизальпійскую и Лигурійскую, да устранялъ странную 7-ю статью, которая раскрывала всѣмъ тайну; но Колычевъ и тутъ не уступалъ, даже вопреки взгляду своего императора (№ 61). Тайная же конвенція вызвала много словесныхъ и письменныхъ объясненій. Колычевъ снова представилъ ее „съ весьма легкими измѣненіями", по замѣчанію Талейрана (95). Тогда Талейранъ далъ Колычеву ноту отъ 2 іюня (№ 80), которую назвалъ, въ депешѣ Дюроку (№ 86), „совершенно разумнымъ *ультиматумомъ* французскаго правительства". Здѣсь „выражено неизмѣнное мнѣніе и послѣдняя воля" Бонапарта: она состояла въ томъ, что въ послѣднемъ контр-проектѣ Талейрана сдѣлана лишь ничтожная уступка относительно Сардиніи. Колычевъ по обыкновенію снова замолчалъ, ссылаясь на необходимость обождать новыхъ приказовъ изъ Петербурга (№ 82). Онъ тотчасъ послалъ своему двору объясненіе своего поступка (№ 83). Переговоры прекратились почти на два мѣсяца (96).

Во все это время Колычевъ не переставалъ чернить французовъ также, какъ въ своихъ донесеніяхъ покойному императору. Оправдывая свою ноту 26 апрѣля передъ Александромъ I, онъ уличалъ Бонапарта въ „якобинствѣ" и въ хитростяхъ для выигрыша времени (№№ 60, 67, 71). Бонапартъ оказывался и плохимъ политикомъ, и предметомъ чуть не всеобщаго негодованія во Франціи, а Талейранъ—лишь его приказ-

чикомъ (№ 73). Онъ всячески ссоритъ Вѣну съ Берлиномъ (№ 87) и стремится захватить всю Италію, но вся Европа противъ этого—и пора заговорить съ нимъ твердо. Сегодня онъ у Колычева собирается завоевать Англію и Португалію, завтра — высадка въ Лондонъ оказывается маневромъ, чтобы заставить англичанъ издержаться, а Бонапартъ хочетъ взять британскую Индію и оттого такъ держится за Египетъ. А Панину Колычевъ рисовалъ (№ 74) Бонапарта еще болѣе откровенно, — какъ политическое ничтожество, состоящее подъ вліяніемъ „злодѣя" Фуше изъ страха за собственную жизнь. Ему болѣе нравилась Жозефина, которая „сохраняла старую внѣшность версальскаго двора". Онъ предупреждалъ даже, что Бонапартъ хочетъ сдѣлать изгнаннаго изъ Швейцаріи Лагарпа своимъ шпіономъ въ Петербургѣ (97).

Депеши Колычева съ апрѣля по іюнь переполнены приложеніями, которыя живо характеризуютъ кипучую дѣятельность и безцеремонную изворотливость Бонапарта-дипломата. Здѣсь передъ нами проходятъ изо-дня въ день переговоры перваго консула съ Портой и Англіей, въ особенности же его козни въ Италіи и Германіи (№ 73). Колычевъ все еще хлопоталъ раздражительно о злополучномъ Марсанѣ, который не выѣхалъ 14 апрѣля, какъ было приказано ему Бонапартомъ (стр. XLVIII). 1 мая онъ опять далъ строгую ноту Талейрану насчетъ Сардиніи, а кстати—и Неаполя (№ 66). Отвѣтомъ на нее былъ новый приказъ объ изгнаніи Марсана изъ Парижа. Марсанъ пожаловался Колычеву — и тотъ написалъ еще сильнѣе Талейрану, 27 іюня. Отвѣтъ Талейрана, 3 іюля, былъ неумолимъ. Но 9 іюля Колычевъ извѣщалъ Панина, что Талейранъ выѣхалъ изъ Парижа — и Марсана оставили въ покоѣ на время (98).

Кромѣ Сардиніи, вниманіе Колычева сосредоточивалось на Германіи, гдѣ Бонапартъ дѣйствительно велъ тогда наглую дипломатическую игру.

Мы видѣли, какое запутанное и опасное наслѣдство досталось Александру I въ Германіи, подъ видомъ вопроса объ „индемнизаціяхъ". Выяснилось только одно: и Россія, и Франція имѣли свои политическія преданія, отъ которыхъ не думали отступать. У насъ всѣ дипломаты, по мнѣнію Колычева, и самъ Павелъ I, при всѣхъ его противорѣчіяхъ, сознавали важность равновѣсія въ Германіи для соблюденія пресловутой „инфлюенціи" по Тешенскому миру (стр. XXXVIII). Въ Парижѣ заботились о сохраненіи болѣе дѣйствительнаго и стараго господства посредствомъ разжиганія ненависти между Габсбургами и Гогенцоллернами и считали правиломъ не давать ходу Пруссіи въ южной Германіи. Но каждый разъ, какъ брались проводить эти преданія на дѣлѣ, выходила невообразимая путаница. При этомъ съ нашей стороны всегда замѣчалось особенное отвращеніе къ Пруссіи, а съ французской—къ Австріи. До сихъ поръ намъ трудно было справиться съ такими геніями макіавелизма, какъ Талейранъ и Гаугвицъ; а тѣхъ сбивали съ толку поразительныя противорѣчія Павла I, иногда чуть не въ одинъ и тотъ же день (стр. XXXVIII, XL). Пруссія окончательно запутывала дѣло своимъ страстнымъ желаніемъ взять Франконію, т. е. именно врѣзаться клиномъ

въ южную Германію (стр. XXII, XXXIX). Чтобы отклонить ее на сѣверъ, Бонапартъ сразу назначилъ долю герцога тосканскаго на югѣ и строго приказывалъ Фридриху Вильгельму III занять Ганноверъ (стр. XXXI, XLII),—эту розу съ шипами, которую всѣ три стороны предлагали другъ другу, чтобы утопить другъ друга въ борьбѣ съ Англіей. Павелъ I примкнулъ къ нему въ своемъ мартовскомъ планѣ вознагражденій (стр. XXXIX—XL). Съ воцареніемъ Александра I, нѣмецкій вопросъ осложнялся. Пруссія исполнила желаніе своихъ сосѣдокъ, заняла Ганноверъ, но кстати вообразила, что новый царь дастъ ей Франконію въ придачу, подобно тому, какъ она воображала, что Павелъ I дастъ ей не только Франконію, но и гегемонію надъ сѣверной Германіей (стр. XXII).

Но Пруссія опять была наказана вездѣ за свою крайнюю алчность и назойливость (99). Люкезини игралъ тогда самую жалкую роль. Бонапартъ открыто высказывалъ презрѣніе къ этому „итальянскому интригану“, котораго, по словамъ Колычева, и всѣ презирали, наравнѣ съ его женой, за интриги повсюду (№ 74): онъ повертывался къ нему спиною на аудіенціяхъ (№ 88). Въ концѣ апрѣля Люкезини удостовѣрился, что первый консулъ не дастъ Пруссіи франконскихъ епископствъ, „слѣдуя правилу директоріи — не допускать приращенія прусской державы со стороны южной Германіи“. Затѣмъ Бонапартъ припугнулъ Фридриха-Вильгельма III Францомъ II. Въ маѣ онъ вдругъ сталъ любезенъ съ Кобенцлемъ. Его братъ, Іосифъ, бранилъ „сѣверныхъ варваровъ“, которымъ нужно предпочесть союзъ съ Вѣной. Посыпались предложенія Францу II (№ 73): онъ могъ брать за Тоскану то одно, то другое, не исключая части Баваріи, которую Бонапартъ даже готовъ былъ гарантировать ему противъ Россіи и Пруссіи, о чемъ писалъ и Колычевъ въ Петербургъ (№ 88). Но уже въ концѣ мая, когда Кобенцль сталъ допытываться подробностей дѣла, ему вдругъ отвѣчали, что Бонапартъ охладѣлъ ко всему вопросу объ индемнизаціяхъ. Кобенцль сознался, что „здѣсь вѣчно ложь да проволочки“,—и въ Вѣнѣ снова стали надѣяться только на Россію касательно исполненія люневильскаго мира: „постараемся втянуть Россію въ наши виды и интересы“, писалъ Францъ II Л. Кобенцлю.

А Бонапартъ взялся точно также играть Пруссіей. Описывая жалкое положеніе Люкезини, Колычевъ спрашивалъ: „но кто поручится, что, съ другой стороны, не обѣщаютъ чего-нибудь его двору?“ (№ 88). Дѣйствительно, 2 мая Бонапартъ предложилъ Фридриху-Вильгельму III превратить „временное“ занятіе Ганновера въ „окончательное“, требуя за это уступки ему княжествъ Невшателя и Валанжена. Тогда Пруссія сама поворачивалась фронтомъ къ Франціи, получивъ непріятность изъ Петербурга. Въ отвѣтъ на приставанія Лекока (стр. XXXIX), Куракинъ и Панинъ напомнили о мартовскомъ планѣ вознагражденій, причемъ прямо высказались противъ занятія Франконіи и даже намекнули на очищеніе Ганновера. Фридрихъ-Вильгельмъ III послалъ въ Парижъ свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы Франція уладила это дѣло по

отношенію къ Англіи. Бонапартъ вознегодовалъ и открыто позорилъ Пруссію за ея „желаніе получить и страхъ выказывать это желаніе“. Сбитая съ толку, Пруссія стала сближаться съ Австріей. Но и переговоры съ „откровеннымъ“ Стадіономъ не вели ни къ чему, — и въ половинѣ іюня Фридрихъ-Вильгельмъ III заявилъ Бонапарту, что готовъ, по обстоятельствамъ, взять все, что ему угодно—и Ганноверъ, и Франконію, и Мюнстеръ съ Гильдесгеймомъ (100).

Между тѣмъ Дюрокъ прислалъ въ Парижъ нѣсколько весьма любопытныхъ депешъ за іюнь мѣсяцъ (№№ 75, 76, 77, 85, 90, 91), въ которыхъ схвачены нѣкоторыя черты нашего двора и дополняются портреты нѣкоторыхъ изъ его личностей, набросанные тогда же Массономъ для Талейрана (№ 79). Послѣ дурныхъ дорогъ, никѣмъ не встрѣченный, прибылъ онъ въ Петербургъ 25 мая и на другой день представился императору. Александръ I былъ весьма любезенъ и прямо высказался противъ англичанъ. Но Панинъ заговорилъ съ нимъ строго, въ особенности насчетъ Неаполя и Сардиніи, причемъ выбранилъ Пруссію, которая томится „неутолимою жаждой захватовъ“. 5 іюня и императоръ заговорилъ объ Италіи: онъ высказалъ надежду, что Франція „прекратитъ поводы къ крикливости“ ея принцевъ, изъ которыхъ онъ „никого не зналъ“ лично. Тутъ же онъ удивилъ Дюрока такими словами: „я очень желаю прямо сговориться съ первымъ консуломъ, избѣгая стольких и всегда опасныхъ посредниковъ... Но будьте скромны: не нужно даже говорить ни одному министру. Избѣгайте почты: ваши письма пройдутъ черезъ слишкомъ много рукъ“ (101). Императоръ оправдывалъ свое стремленіе примириться съ Англіей тѣмъ, что нашъ флотъ „совсѣмъ былъ лишенъ необходимаго вооруженія“; и Дюрокъ призналъ, что англичане „имѣли бы въ Балтійскомъ морѣ такой же успѣхъ, какъ передъ Копенгагеномъ“. 2 іюля уже и Панинъ, и Куракинъ, говорили съ Дюрокомъ мягко и обѣщали уступки въ мирныхъ условіяхъ. Казалось, легко было сойтись и насчетъ важнаго нѣмецкаго вопроса: Дюрокъ понялъ, что императоръ не желаетъ усиленія ни Австріи, ни Пруссіи, изъ которыхъ „первую онъ считаетъ естественнымъ врагомъ Франціи, а вторую—врагомъ Россіи“.

Вообще Дюрокъ, обласканный императоромъ и „русскими офицерами, побывавшими въ Парижѣ“ (№ 91), видѣлъ все въ розовомъ цвѣтѣ. Несмотря на то, что петербургскій кабинетъ считался „англоманомъ“, и при немъ появился, на третій день послѣ Дюрока, С. Эленсъ, французскій уполномоченный былъ увѣренъ, что стоитъ Бонапарту замѣнить его постояннымъ дипломатомъ—и можно будетъ добиться „чего-нибудь и побольше“, чѣмъ миръ. Узнавши уже 5 іюня о переговорахъ между Россіей и Англіей, онъ прибавлялъ: „но думаютъ, что изъ этого ничего не выйдетъ“. Напротивъ, Массонъ (№ 79) и Талейранъ (№ 94) опасались британскаго вліянія и козней С. Эленса. Они были правы. Съ начала іюня въ Петербургѣ велись переговоры съ Англіей, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого императора, и британское

правительство сняло запрещеніе съ нашихъ судовъ. А 17-го послѣдовало заключеніе морской конвенціи, которая, по словамъ Талейрана (№ 94), означала отступленіе не только отъ началъ Павла I, но и отъ началъ вооруженнаго нейтралитета. 28-го палъ врагъ Англіи, Паленъ, хотя Дюрокъ объясняетъ это событіе внутреннею политикой (№ 90), и его подтверждаетъ австрійскій агентъ въ Петербургѣ, Локателли (102).

Впрочемъ все это вовсе не значило, чтобы не желали искренно мира съ Франціей. Описывая борьбу партій въ Петербургѣ, въ началѣ іюля, Локателли отмѣчалъ: „термометръ двора все тотъ же; все — къ перемѣнѣ и къ бурѣ". 2 іюля Дюрокъ извѣщалъ Талейрана, что Колычеву высылается новый проектъ тайной конвенціи и что немедленно выѣзжаетъ Морковъ „для устраненія новыхъ возможныхъ затрудненій". Онъ прибавлялъ даже: „судя по словамъ императора и Панина, можете надѣяться, что его величество охотно посодѣйствуетъ возстановленію мира между Франціей и Англіей". Но лишь мѣсяцъ спустя, 7 августа, Дюрокъ могъ обрадовать Бонапарта извѣстіемъ, что Морковъ, наконецъ, выѣхалъ, а царь высказалъ осужденіе ноты 26 апрѣля. Но и тутъ прибавлялось огорченіе: на вопросъ о мирѣ съ Англіей Панинъ сурово отвѣчалъ Дюроку, что это — не дѣло Франціи; онъ прибавилъ, что, пославши новый проектъ тайной конвенціи, приказали Колычеву до его подписанія не приступать къ мирному договору (103).

Этотъ проектъ 2 іюля (104) вызвалъ такое замѣчаніе въ докладѣ Талейрана о переговорахъ: „первый консулъ былъ очень изумленъ тѣмъ, что онъ не только не приближался къ предложенному нами изложенію, но еще выставлялъ V статью, совершенно неожиданную и недопустимую". Дѣйствительно тутъ, помимо мелкихъ неудобствъ для Франціи, весьма строго ставились вопросы сардинскій и особенно неаполитанскій, связанный съ дѣлами Востока. Статья V даже лишала Бонапарта главныхъ плодовъ его побѣдъ въ Италіи: она выдвигала гарантію независимости Неаполя, и не только со стороны Россіи, но и со стороны Англіи и Порты. И въ объяснительномъ, вообще весьма твердомъ, рескриптѣ (№ 92) было приказано особенно настаивать на этой статьѣ, а также на статьѣ о возстановленіи правъ сардинскаго короля. Колычевъ долженъ былъ также стараться, чтобы великій герцогъ тосканскій получилъ вознагражденіе въ Италіи, а не въ Баваріи, что́ произвело бы хаосъ въ Германіи. Мало того. Колычеву „не дозволялось соглашаться ни на какую перемѣну, если новый проектъ не былъ бы принятъ въ цѣлости". Онъ долженъ былъ даже настаивать на одновременномъ подписаніи явной и тайной бумаги, допуская только, въ крайнемъ случаѣ, помѣтить первую изъ нихъ заднимъ числомъ на 24 часа. Раздраженіе по поводу слова „ультиматумъ" и недовѣріе къ Бонапарту выразились въ повтореніи приказанія рескрипта 28 апрѣля — вывѣдать намѣренія перваго консула относительно Германіи и добыть тайныя статьи люневильскаго договора.

Въ концѣ іюля Колычевъ представилъ новый проектъ конвенціи,

сопроводивъ его своими замѣтками и выпиской изъ рескрипта о Неаполѣ (105). Талейранъ отвѣчалъ важной нотой 3 августа (№ 95). Онъ выставлялъ любимое орудіе Бонапарта—совершившіеся факты, а именно, мирные договоры въ Италіи и Германіи, отъ которыхъ уже нельзя было отступить, тѣмъ болѣе, что Россія теперь покинула Францію въ борьбѣ съ Англіей и даже какъ бы потворствуетъ послѣдней. Онъ заявлялъ, что первый консулъ вообще не отступится отъ своего ультиматума. Колычевъ объяснялъ виды своего императора въ строгихъ, но приличныхъ выраженіяхъ, согласно съ рескриптомъ (№ 96): онъ особенно отрицалъ поблажку англичанамъ и обѣщалъ держать въ тайнѣ статью о Сардиніи, пока Франція не замирится съ Англіей. Талейранъ старался убѣдить своего товарища и словесно, и письменно (106). Наконецъ, 9 августа, онъ выразилъ (№ 98) замѣченное Колычевымъ (№ 101) раздраженіе по поводу того, что, сходясь уже во всемъ важномъ, Россія „увлекается такими второстепенными цѣлями", какъ „личная судьба одного принца", т.-е. Карла-Эммануила IV. Онъ предложилъ новую редакцію злополучной 6-й статьи: „Il est convenu entre les deux puissances de retablir de gré à gré, et quand il sera jugé convenable, le roi de Sardaigne dans ses états". Затѣмъ послѣдовали еще двѣ редакціи (№ 101). Но Колычевъ былъ непреклоненъ. Чтобы „покончить это препирательство", онъ предложилъ 12 августа (№ 100) лишь внѣшнее измѣненіе своей редакціи, ссылаясь на „строгій приказъ не отступать ни въ чемъ" въ 6-й статьѣ. Талейранъ сказалъ, 17 августа, что на эту ноту отвѣта не будетъ (107). Онъ послалъ ее Дюроку, заявляя свое соболѣзнованіе относительно переговоровъ, которые совершаются „больше черезъ курьеровъ, чѣмъ черезъ самого уполномоченнаго". Въ другомъ письмѣ Дюроку (№ 97), дышащемъ увѣренностью въ своей правотѣ, онъ еще болѣе сожалѣлъ объ обычаѣ Колычева изъ-за всякаго пустяка сноситься съ своимъ дворомъ за 600 льё. Онъ обнаруживалъ искреннее желаніе союза съ Россіей, ради котораго Бонапартъ шелъ, при Павлѣ I, на уступки, немыслимыя теперь, когда Россія покончила распри съ Англіей „безъ собственной пользы и славы и безъ вѣдома собственныхъ союзниковъ", когда „лордъ С. Эленсъ диктуетъ" царю статьи договора съ Франціей. Впрочемъ Бонапартъ все еще надѣялся не только примириться съ Александромъ I, но и сговориться съ нимъ насчетъ „установленія и соблюденія полнаго равновѣсія въ Европѣ". Онъ сталъ приглашать Колычева на свои еженедѣльныя аудіенціи иностраннымъ министрамъ и извѣщалъ объ этомъ въ газетахъ; онъ даже пригласилъ его на обѣдъ, за которымъ разсыпался въ похвалахъ царю (№ 99). А Талейранъ, 17 и 27 августа, обращалъ вниманіе Петербурга черезъ Дюрока на „улучшеніе" итальянскихъ и нѣмецкихъ дѣлъ въ русскомъ смыслѣ (108).

Такъ снова прервались томительные переговоры между главными державами материка, въ ожиданіи скораго пріѣзда Моркова, какъ сказано въ третьемъ докладѣ Талейрана, который оканчивался такъ: „La

question est donc aujourd'hui de savoir si ce nouvel envoyé a des pouvoirs plus étendus et plus conciliants que son prédécesseur".

Соболѣзнуя о томъ, что „самая легкая разница въ мнѣніяхъ вызываетъ двухмѣсячную отсрочку", Талейранъ замѣчалъ глубокомысленно: „а событія мчатся съ такою быстротой, что она неизбѣжно должна вліять на соображенія" (№ 97). Правой рукѣ Бонапарта это было извѣстно больше, чѣмъ кому-либо на свѣтѣ. Направляемыя изъ Парижа событія неслись съ оглушительной быстротой. Пока снаряжали Моркова, пока онъ, болѣе двухъ мѣсяцевъ спустя, дотащился до Парижа, Бонапартъ обезпечивалъ свой успѣхъ новыми совершившимися фактами. Въ рѣшеніи участи материка, за Италіей, гдѣ былъ заключенъ еще конкордатъ съ папой, слѣдовала Германія. Спѣша захватить въ свои руки великій вопросъ объ индемнизаціи, первый консулъ устраивалъ договоры съ дворами баваро-пфальцскимъ и баденскимъ и собирался „помогать" Вюртембергу,—все это конечно въ угоду царю, по объясненію Талейрана (№ 103). Нечего и говорить, что съ Пруссіей продолжалась прежняя игра, причемъ она снова заслужила упреки со стороны самого Парижа, не говоря уже про Петербургъ и Вѣну. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ III изъявилъ согласіе взять все, чтò угодно Бонапарту (стр. LII), послѣдній рѣшилъ отдать ему Франконію, а себѣ взять Ганноверъ. Теперь обиженный король уже отказывался отъ „всего", т.-е. отъ наддачи: вознагражденія въ Вестфаліи онъ сохранялъ за собой. Фронтъ Пруссіи повернулся къ Петербургу. Дюрокъ увѣдомлялъ Талейрана, 30 августа, что она „заискиваетъ у Россіи для своего дѣла" въ Германіи, которое, по объясненію Колычева тогда же, заключалось въ возвеличеніи себя насчетъ духовныхъ князей. Но вслѣдъ затѣмъ, 4 сентября, Колычевъ уже писалъ Панину (№ 107), что Пруссія „совершенно ввѣрилась Бонапарте": она испугалась происковъ Австріи въ Россіи и въ Германіи, гдѣ Габсбургъ ввелъ тогда своихъ друзей въ имперскую депутацію и подготовлялъ выборы своего брата, эрцгерцога Антона, нà мѣсто умершаго курфюрста кельнскаго. А служившая Бонапарту мостомъ въ Германію, Швейцарія, уже стонала подъ его игомъ и жаловалась Россіи. Наконецъ, Бонапартъ очевидно хитрилъ съ Англіей. Между тѣмъ какъ въ мартѣ онъ, ссылаясь на дружбу Павла I, почти дерзко велъ переговоры съ нею, теперь его тонъ перемѣнился. Замиреніе Петербурга съ Лондономъ и неудачи въ Португаліи и Египтѣ, который французы очистили 27 іюня, заставили его возобновить переговоры съ Англіей, и Отто уже шелъ на уступки, умалчивая лишь о Піемонтѣ и вооруженномъ нейтралитетѣ. Бонапарту удалось достигнуть, 1 октября, „прелиминаріевъ" въ Лондонѣ. Обѣ державы почти возвращались къ положенію до войны, и Англія даже не заступилась за своихъ многострадальныхъ союзниковъ—за Неаполь и Сардинію.

Немудрено, что всѣ совершившіеся факты усиливали негодованіе и подозрительность Колычева. Онъ продолжалъ разжигать, въ своихъ депешахъ, чувства вражды, а не мира. Пойдутъ-ли „глупости" о вну-

треннемъ состояніи Россіи — ихъ распускаютъ или Бернонвиль, или Дюрокъ, увѣренный въ ея слабости (№ 102). Гонитъ-ли Бонапартъ Люкезини — зато Талейранъ любезничаетъ съ Пруссіей, и послѣдняя „будетъ имъ обманута“ (№ 107). Колычевъ вездѣ видѣлъ у Бонапарта одно только желаніе „затянуть и запутать“ дѣла, пока миръ съ Англіей не развяжетъ ему рукъ (№ 101). Это настроеніе отражалось въ Петербургѣ у многихъ, а также въ душѣ отъ природы подозрительнаго молодого императора.

Александръ I именно тогда, мѣсяца три спустя по своемъ воцареніи, сталъ усердно заниматься иностранными дѣлами. Съ начала іюля онъ обсуждалъ ихъ, съ своими молодыми сотрудниками, почти въ каждомъ засѣданіи „неофиціальнаго комитета“. Установленная здѣсь точка зрѣнія отчетливо выразилась въ обширной инструкціи нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, вошедшей въ составъ напутствія Моркову, „отправляющемуся въ Парижъ“ отъ 9 іюля (№ 93). И въ этомъ документѣ подписывается приговоръ правленію отца, „каждый шагъ котораго носилъ отпечатокъ его характера“, отца, завѣщавшаго „политическія обязательства, изъ коихъ многія прямо противорѣчили интересамъ имперіи“: сынъ вспоминаетъ царствованіе своей „безсмертной бабки“, этой „великой монархини“, политическія начала которой онъ считаетъ „самымъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ ея преемниковъ“. Александръ I искренно желаетъ всеобщаго мира и потому рѣшается поступать безпристрастно со всѣми державами (109). Отсюда выгодное для *обѣихъ* враждующихъ сторонъ устраненіе двухъ вопросовъ, которые притомъ принадлежали къ завѣщанію, наиболѣе „противорѣчившему интересамъ имперіи“. Между тѣмъ какъ уже въ рескриптѣ 28 апрѣля (№ 62) было „устранено все, что имѣетъ отношеніе къ Мальтѣ“, теперь вычеркивался оборонительный союзъ съ Португаліей и налаживался миръ съ Испаніей (110). Но у новаго императора сразу проявлялось чувство, которое потомъ постоянно руководило имъ: это, съ одной стороны,— стремленіе „возстановить въ Европѣ зданіе общественной системы, уничтожить самый источникъ бѣдствій, угнетающихъ человѣчество“, а съ другой—недовѣріе къ французамъ вообще, всюду „приносящимъ съ собою всѣ бичи революціи“, и къ Бонапарту въ особенности, какъ къ исчадію революціи, которое орудуетъ „путемъ ссоръ, смутъ, несправедливости“, внушаетъ ненависть“ и можетъ заставить Россію „прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ“. Царя смущала даже „легкость, съ которою Бонапартъ принялъ въ значительной степени нѣсколько тайныхъ статей“, предложенныхъ Колычевымъ: онъ видѣлъ въ этомъ „только стараніе выиграть время, чтобы узнать систему“ его. Вотъ почему онъ заступался за Неаполь „безъ всякой прямой выгоды“ для Россіи и поспѣшилъ „выразить вѣнскому двору искреннее желаніе придать все прошлое забвенію и возстановить древнія связи“. Вотъ почему онъ тяготился невольнымъ примиреніемъ съ Пруссіей, „труднымъ при всякихъ другихъ обстоятельствахъ“, требовалъ

очищенія Ганновера отъ „временнаго“ занятія и бралъ въ свои руки вопросъ объ индемнизаціи, чтобы окончательнымъ миромъ въ Германіи „замѣнить весьма несовершенныя условія люневильскаго договора“. Вотъ почему онъ иронически изображалъ усилія Павла I возстановить вооруженный нейтралитетъ, оправдывая свою конвенцію съ Англіей и свое воздѣйствіе на Берлинъ въ пользу послѣдней. Онъ даже гарантировалъ бы тогда же, сообща съ Англіей, европейскія владѣнія Порты, желая „всѣми средствами сохранить государство, слабость и дурное правленіе котораго служатъ драгоцѣннымъ залогомъ безопасности“. Но и безъ того увѣренный въ „скоромъ освобожденіи Египта отъ непріятельскаго ига“, онъ опасался, какъ бы „подозрѣніе въ новой коалиціи“ не побудило Бонапарта „къ новымъ насиліямъ“, при новой войнѣ. Ктому же Александръ I вовсе не чувствовалъ пристрастія къ Лондону. Онъ отвергъ предложеніе комитета посовѣтоваться съ главой нашихъ англомановъ, Семеномъ Воронцовымъ, и самъ писалъ ему, что только „польза Россіи“ заставляетъ его на этотъ разъ поддерживать дружбу съ Великобританіей. Самъ Воронцовъ негодовалъ тогда на наше министерство иностранныхъ дѣлъ,—это гнѣздо ливонцевъ да нѣмцевъ, съ врагомъ Англіи, Паленомъ, да съ пруссофиломъ Панинымъ во главѣ.

Александръ I искренно заявлялъ Бонапарту, что желаетъ всеобщаго покоя и что въ его „сближеніи съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ нѣтъ никакой враждебной цѣли“. И по собственному характеру, и по плохому состоянію вооруженій Россіи, онъ хотѣлъ сохранить независимость, не связывать себя обязательствами и не раздражать грознаго человѣка, „облеченнаго во Франціи властью, превышающею власть королей“. Оттого въ мелочахъ инструкціи, касавшихся собственно роли Моркова, замѣтна уступчивость, несмотря на злыя выраженія по поводу требованія Бонапарта признать инфанта пармскаго королемъ Этруріи и желанія царя видѣть при своемъ дворѣ француза, „неигравшаго ненавистной роли въ революціи“. Ему совѣтовали даже дать понять французамъ, что онъ не считаетъ теперь умѣстными свои воззрѣнія временъ Екатерины II. Вопреки инструкціямъ Колычеву (№ 92), ему разрѣшалось дѣлать измѣненія въ извѣстныхъ предѣлахъ и даже отступиться отъ V статьи. Ему предписывалось признать алтернативу въ титулахъ, т.-е. поставить въ документахъ консула республики наравнѣ съ вѣнценосцами.

Новому императору хотѣлось поскорѣе покончить съ Франціей, чтобы взяться за нѣмецкій вопросъ. Онъ помнилъ завѣты русской исторіи: желая „сохранить преобладающее вліяніе Россіи въ дѣлахъ Имперіи (Нѣмецкой)“, онъ приказывалъ Моркову не поступаться I статьей тайной конвенціи, основанной на тешенскомъ договорѣ, такъ какъ ничто не заставитъ его „отказаться отъ началъ справедливаго равновѣсія между монархіями австрійской и прусской, котораго требуетъ безопасность Россіи“. Моркову внушалось (№ 93) особенно позаботиться объ интересахъ курфюрста баваро-пфальцскаго, гарантированныхъ Павломъ I.

Обстоятельства также выдвигали нѣмецкій вопросъ на очередь. Самъ Бонапартъ брался за него. Фюрсты осаждали Петербургъ ворохами „таблицъ“ (tableaux) своихъ потерь и вожделѣнныхъ вознагражденій: „большая часть нѣмецкихъ князей, говоритъ Александръ, прибѣгаютъ къ моей поддержкѣ и моему посредничеству“. Происки соперницъ, Австріи и Пруссіи, на каждомъ шагу путали и безъ того мудреное дѣло. И тутъ-то снова ярко выразилось несочувствіе Петербурга къ Берлину, которое вызывалось и сосѣдствомъ (№ 92), и связями Пруссіи съ Парижемъ, и „іезуитствомъ“ Гаугвица. Постепенно возстановлялись связи съ Австріей, хотя съ трудомъ: въ Вѣнѣ не терпѣли новаго посланника, Муравьева, который самъ не любилъ ея и только „забавлялся“. Потерпѣвъ пораженіе въ Берлинѣ, гдѣ Гаугвицъ сразу не сошелся со Стадіономъ (стр. LII) въ дѣлѣ индемнизаціи, обманутая Бонапартомъ, который даже перебилъ у нея союзъ съ Баваріей, Австрія бросилась къ Россіи. Въ концѣ іюня прибылъ въ Петербургъ Шварценбергъ, съ „самыми удовлетворительными объясненіями“, по словамъ Александра. Съ этихъ поръ наше министерство стало дѣятельно работать надъ планомъ индемнизацій, надѣясь склонить къ нему и Пруссію, чтобы потомъ всѣмъ тремъ державамъ „дѣйствовать сообща на французское правительство“ (№ 93). Но самъ Шварценбергъ внушалъ мало довѣрія: онъ не былъ снабженъ достаточными инструкціями, не былъ облеченъ строгимъ дипломатическимъ характеромъ. А главное—Дюрокъ уже успѣлъ обнаружить заискиванія Австріи въ Парижѣ насчетъ „возобновленія системы 1756 года“, т.-е. насчетъ союза. И Панинъ встрѣтилъ Шварценберга суровымъ вопросомъ: рѣшили, наконецъ, въ Вѣнѣ, съ кѣмъ идти за одно — съ Петербургомъ или съ Парижемъ? Вскорѣ Шварценбергъ уѣхалъ, и его замѣнилъ ех-министръ вѣнской полиціи, мрачный скряга, Саурау, на котораго смотрѣли въ Петербургѣ, какъ на шпіона. Тщетны были усилія Саурау заговаривать о союзѣ для наложенія узды на Бонапарта, о чемъ хлопоталъ тогда и Лудвигъ Кобенцль въ своихъ бесѣдахъ съ Муравьевымъ. Въ Петербургѣ знали этого Кобенцля, который сталъ, между тѣмъ, министромъ и на дѣлѣ, съ паденіемъ вліянія Тугута (стр. XLI). Тамъ отражались негодованіе и зависть Муравьева къ этому поклоннику „системы 1756 года“. Дѣло въ томъ, что Л. Кобенцль осыпалъ милостями Шампаньи — одного изъ самыхъ умныхъ и симпатичныхъ дипломатовъ Бонапарта, смѣнившаго, 21 сентября, дерзкаго Бернадота, котораго вѣнцы собирались поколотить: по сознанію самого Шампаньи, Кобенцль питалъ къ нему родъ страсти. Такъ, разрушались надежды уладить съ Австріей дѣло индемнизацій. Еще менѣе можно было положиться на Пруссію. Австріи удалось, въ октябрѣ, провести выборы эрцгерцога Антона, къ великой досадѣ и Фридриха-Вильгельма III, и Бонапарта, мечтавшихъ о секуляризаціи кельнскаго курфюршества. Въ отмщеніе за это, Пруссія тогда же первая признала королевство Этрурію, а Гаугвицъ вновь раскрылъ объятія Бернонвилю: „мы—сказалъ онъ—щадимъ Россію, остерегаемся Австріи и любимъ

Францію“. А 16 ноября послѣдовалъ рескриптъ Люкезини о томъ, что Крюденеръ сдѣлалъ предложеніе согласиться Пруссіи, Россіи и Австріи насчетъ индемнизацій, но что король заявилъ рѣшительно (sans détour) свое желаніе не отдѣляться отъ Франціи (111).

Александръ I остался съ глазу на глазъ съ Бонапартомъ въ рѣшеніи важнѣйшаго вопроса материка. Очевидцамъ пришлось присутствовать при странномъ явленіи — при веденіи мирныхъ переговоровъ съ Франціей ея горячимъ врагомъ, Панинымъ. 6 августа между Панинымъ и Дюрокомъ произошелъ серьезный разговоръ. Послѣ жалобъ на Колычева за его затягиванія и особенно за ноту 26 апрѣля, Дюрокъ сдѣлалъ важное заявленіе, которое не соотвѣтствовало увѣреніямъ Талейрана (№ 103) и даже мнѣнію Колычева (103) насчетъ видовъ Франціи на Германію: Бонапартъ считаетъ люневильскій договоръ „цѣльнымъ, полнымъ и неприкосновеннымъ“, т.-е. предостерегаетъ Россію относительно вмѣшательства въ дѣла Германіи. Панинъ пропустилъ мимо ушей жалобы и сослался на послѣднія инструкціи Колычеву, который „отлично знаетъ намѣренія его величества“, хотя онъ „утратилъ довѣріе правительства“ и на смѣну ему уже поѣхалъ Морковъ. На упрекъ Дюрока по поводу конвенціи съ Англіей Панинъ возразилъ, что „не можетъ входить въ подробности“ (112). Отношенія между дипломатами обострялись. Дюрокъ получилъ сильное письмо Талейрана насчетъ 5-й статьи (№ 97) и 29 августа далъ ноту, похожую по рѣзкости на колычевскую ноту 26 апрѣля (113). Она была составлена на основаніи письма Талейрана, съ повтореніемъ предостереженія о люневильскомъ мирѣ и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ уколовъ изъ ноты Талейрана 3 августа (№ 95). Но Дюрокъ взялъ свою бумагу назадъ, на другой день, послѣ министерской конференціи. Къ сожалѣнію, въ нашемъ архивѣ не осталось слѣдовъ этой важной конференціи. Мы знаемъ только, что нѣсколько дней спустя, 8 сентября, Дюрокъ получилъ письмо императора къ первому консулу (№ 108): оно состояло всего изъ нѣсколькихъ любезностей Бонапарту, а больше Дюроку, котораго Александръ I расхваливалъ и раньше (№ 92) и желалъ имѣть при себѣ въ качествѣ французскаго министра (№ 120). 14-го, первый адъютантъ Бонапарта покинулъ Петербургъ съ сожалѣніемъ: онъ былъ въ восторгѣ отъ царя (№№ 76, 85). Дюрокъ справедливо приписывалъ Панину свое изгнаніе, наканунѣ отъѣзда двора въ Москву для коронаціи. Это произошло въ разрѣзъ съ желаніемъ царя и не прошло даромъ отважному министру. Въ концѣ того же сентября, Панинъ палъ (№ 120), и въ этомъ видѣли ослабленіе англоманіи при петербургскомъ дворѣ: „помимо мелкихъ недостатковъ (писалъ тогда Саурау о Панинѣ), порицаютъ въ немъ ту стремительную горячность, съ которою онъ при каждомъ удобномъ случаѣ разражается противъ французской системы“. Иностранныя дѣла перешли къ Кочубею, который называлъ Панина „болѣе запальчивымъ, чѣмъ эмигранты Людовика XVIII“ (114).

Это было хорошимъ предзнаменованіемъ для посольства Моркова,

который именно тогда замѣнилъ Колычева: онъ прибылъ въ Парижъ 16 сентября, къ великой досадѣ своего товарища, у котораго онъ вырывалъ изъ рукъ почти оконченное важное дѣло. Этому предшествовали всеобщіе и подтвержденные Дюрокомъ (№ 76) отзывы объ умѣ и даровитости новаго уполномоченнаго Россіи. Во Франціи не знали, что, по словамъ Александра Воронцова, это—человѣкъ, который „не позволитъ никому наступить себѣ на ногу“. Тамъ не знали, что Морковъ, который руководилъ дипломатіей въ концѣ царствованія Екатерины II, перекинувшись къ новому фавориту, Зубову, врагу его патрона, Безбородко, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ раздѣла Польши и еще въ Петербургѣ считалъ французовъ заносчивыми выскочками и обнаруживалъ непріязненное чувство къ нимъ уже во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ Парижѣ надѣялись подкупить чувства русскаго дипломата встрѣчами, начиная съ границы, которыя едва-ли не превосходили пышностью пріемъ Колычева Но утѣшительнѣе всего было то, что Морковъ пріѣхалъ облеченный настоящими полномочіями для заключенія мира.

По просьбѣ Моркова, желавшаго избѣгнуть „всякаго церемоніала“ (№ 111), ему назначили, 23-го, простую (въ присутствіи одного Талейрана) аудіенцію, которая служила также отпускною аудіенціей для Колычева. Морковъ даже не подалъ своихъ вѣрительныхъ грамотъ, а вручилъ только письмо императора. Бонапартъ сразу наговорилъ колкостей насчетъ страннаго пристрастія царя къ сардинскому „корольку“ и упрекнулъ, по поводу ноты 26 апрѣля, что съ Франціей обращаются, „какъ съ какою-нибудь луккскою республикой“. Онъ высказалъ идею, которая руководила всѣми его переговорами: „сперва миръ, потомъ все другое“. Морковъ замѣтилъ, что царь, напротивъ, смотритъ на миръ, лишь какъ на пустую формальность, а дѣло въ вопросахъ общеевропейскихъ. Вечеромъ же, зайдя къ Талейрану, онъ выразилъ надежду, что и въ Парижѣ не станутъ поступать съ Россіей, „какъ съ Этруріей или Цизальпиной“. Онъ прибавилъ, что можно бы и подписывать, если бы не статья о Сардиніи, рѣшеніе которой долженъ немедленно привезти петербургскій курьеръ. Однако Бонапарта брало нетерпѣніе: онъ прибѣгнулъ къ своимъ излюбленнымъ пріемамъ мелкой изворотливости. Онъ приказалъ Талейрану попросить у Моркова русскихъ паспортовъ для отправляемаго къ Александру I офицера и, „при этомъ случаѣ“, попытаться „поторопить его съ концомъ дѣла, давши ему понять, что цѣль отправки офицера — войти въ такія же прямыя сношенія съ императоромъ, какъ при Павлѣ I“ (115).

Курьеръ не замедлилъ. Онъ привезъ два рескрипта относительно Сардиніи — не только Моркову, но и Колычеву (№№ 104, 106), на случай, если первый еще не прибылъ въ Парижъ. Здѣсь 6-я статья измѣнялась „соотвѣтственно взглядамъ перваго консула“ (№ 105). Моркову даже предоставлялось, въ крайнемъ случаѣ, еще измѣнить новую редакцію. Тутъ же были приложены ратификаціи и явнаго договора, и тайныхъ статей. Морковъ тотчасъ, 29 сентября, отправился къ Талей-

рану и не преминулъ кстати уличить Бонапарта въ изворотливости. Но его краснорѣчіе было остановлено изумленіемъ: Талейранъ уже зналъ, что ему позволено дѣлать измѣненія, и онъ воспользовался этимъ, потребовавъ передѣлки почти всѣхъ тайныхъ статей. Талейранъ дѣйствовалъ тѣмъ смѣлѣе, что поджидалъ подписанія лондонскихъ прелиминаріевъ, что̀ и совершилось черезъ день послѣ этой бесѣды, 1 октября. Морковъ пошелъ поздравить Талейрана; и, такъ какъ послѣдній бросилъ свою попытку передѣлать всю конвенцію, въ виду рѣшительнаго тона собесѣдника, то опять стали перебирать статьи, посвятивъ этому двѣ конференціи. Талейранъ принялъ 1-ую, замѣтивъ только, что она „уступаетъ императору слишкомъ большія выгоды въ Германіи". При 2-ой и 8-ой онъ выговорилъ себѣ право приложить къ договору ноту насчетъ отношеній Франціи къ Италіи и Баваріи. Больше всего спорили опять о 6-й статьѣ. Талейранъ не принялъ ни присланной изъ Петербурга, ни измѣненной Морковымъ редакціи: Морковъ принужденъ былъ согласиться на его собственную, которая глухо говорила объ интересахъ сардинскаго короля. 8-го октября уполномоченные подписали три акта: мирный договоръ, тайную конвенцію, помѣченную на два дня позже и декларацію Талейрана (№ 109) о силѣ французскихъ договоровъ съ Италіей, Австріей и Баваріей, причемъ „въ особенную угоду" царю Бонапартъ обѣщалъ позаботиться и о маркграфѣ баденскомъ, о которомъ уже не разъ напоминали Моркову изъ Петербурга. 10-го обмѣнялись ратификаціями (116).

Въ глазахъ современниковъ, значеніе мира 8-го октября было велико. Англія не пожалѣла денегъ, чтобъ узнать содержаніе тайныхъ статей, хотя Александръ позволялъ С. Воронцову показать ихъ въ Лондонѣ. Обѣ стороны, по обыкновенію недовольныя, старались оправдаться. Морковъ ссылался (№ 113) на „увеличеніе гордости и упрямства" Бонапарта, вслѣдствіе подписанія лондонскихъ прелиминаріевъ, и утѣшалъ Панина возможностью всегда воспользоваться 6-ю статьей, чтобы „вернуться къ прежнему положенію"; а въ дружескихъ письмахъ онъ негодовалъ на малодушіе своего правительства. С. Воронцовъ находилъ, что за такой миръ „во всякой странѣ сняли бы голову" съ Панина. Кочубей оправдывался обстоятельствами и надѣялся только снова „amuser le tapis" въ Парижѣ. Самъ Александръ I воскликнулъ, по поводу тона Бонапарта и Талейрана: „какіе мошенники!" Онъ успокоивалъ Англію, что не имѣетъ въ виду никакихъ союзовъ съ Бонапартомъ. Бонапартъ, въ своемъ годичномъ отчетѣ палатамъ „о состояніи республики", пускалъ такія громкія фразы: „отнынѣ ничто не нарушитъ сношеній между двумя великими народами, у которыхъ столько причинъ любить другъ друга и нѣтъ поводовъ ко взаимному опасенію, — народами, которые поставлены природой на двухъ концахъ Европы, чтобы быть противовѣсомъ между Сѣверомъ и Югомъ". Но политическіе люди Франціи были недовольны. Дипломаты и впослѣдствіи историки находили, что договоръ 8-го октября — „узы, наложенныя на Францію и раз-

битыя лишь подъ Аустерлицомъ". А въ законодательномъ корпусѣ и трибунатѣ 3 статья вызвала цѣлую бурю, причемъ весьма любопытно оттѣнилась точка зрѣнія республиканцевъ на политическую свободу: они считали даже слово „подданный" (sujet) вмѣсто „гражданинъ" (citoyen) „оскорбленіемъ достоинства французскаго имени". Талейранъ предвидѣлъ это и оправдался въ своемъ докладѣ Бонапарту.

Октябрь оказался мѣсяцемъ миртовыхъ вѣнковъ. Въ теченіе 10 дней, между лондонскими прелиминаріями и русско-французскимъ договорамъ, произошло еще два мирныхъ акта: 4-го октября, въ Парижѣ, былъ заключенъ миръ между Россіей и Испаніей (№№ 112, 113), съ разрѣшенія Бонапарта (104); 9-го были подписаны прелиминаріи между Франціей и Портой.

Бонапартъ спѣшилъ зачаровать Александра I также, какъ Павла I, и отчасти тѣми же средствами: въ своемъ письмѣ къ нему отъ 10 октября (№ 110) онъ отечески заботился объ отправленіи остальныхъ русскихъ плѣнныхъ, а Талейрану велѣлъ даже не допускать въ печати имени Польши, какъ государства. Въ томъ же письмѣ Бонапартъ предоставлялъ царю рѣшить участь Мальты, которая, по лондонскимъ прелиминаріямъ, возвращалась Ордену, т.-е. Россіи. Онъ просилъ также о покровительствѣ французской торговлѣ для тѣснѣйшаго сближенія между новыми друзьями. Собственно для поднесенія этого письма и для поздравленія императора съ коронаціей немедленно отправлялся въ Петербургъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и довѣренныхъ офицеровъ французской арміи, Коленкуръ. А Талейранъ извѣстилъ Моркова, что назначается и посланникъ для Петербурга, который будетъ облеченъ только менѣе важнымъ званіемъ по желанію царя, не любившаго „стѣсненія этикета" (117). Уже 14-го Коленкуръ получилъ инструкцію (118) „немедленно" выѣзжать и дожидаться въ Петербургѣ скораго прибытія французскаго резидента. Талейранъ вручилъ ему свое письмо Панину, отставка котораго еще не была извѣстна въ Парижѣ, и дорогой портретъ Бонапарта для Спренгпортена, а также поручилъ заявить о доброжелательствѣ перваго консула къ нѣкоторымъ изъ угодныхъ царю эмигрантовъ. Въ то же время Талейранъ заботился о подаркѣ Моркову за миръ подороже, разсчитывая на „взаимность" (№ 115); и онъ достигъ цѣли, хотя къ огорченію Колычева, который получилъ гораздо меньше (№ 126). Тотчасъ же, еще до пріѣзда Коленкура, изъ Петербурга отвѣчали взаимною любезностью. Рескриптъ 16 ноября извѣщалъ Моркова о намѣреніи императора учредить „во взаимство" миссію въ Парижѣ, поручивъ ее именно ему, а также объ отправкѣ подарковъ Талейрану и его канцеляріи (119). Кочубей тогда же писалъ (№ 118) подробнѣе насчетъ подарковъ, разрѣшая и Моркову воспользоваться случаемъ.

При такихъ условіяхъ, Коленкуръ оказался счастливѣе своего предшественника, тѣмъ болѣе, что англоманы совсѣмъ падали съ удаленіемъ Панина: прелиминаріи 1-го октября разрушали ихъ главный

доводъ противъ Бонапарта—его непримиримость, а въ Лондонѣ высказывали недовольство на Россію за миръ 8-го октября. Коленкуръ прибылъ въ Петербургъ 17 ноября, а 20 го ему дана была особая аудіенція (№ 120). Императоръ говорилъ ему о „вѣчной дружбѣ“ между Россіей и Франціей и самъ представилъ его императрицѣ. Весь дворъ и Куракинъ льстили ему и Бонапарту. Отвѣтное письмо Александра I (№ 122) было полно благодарности и за плѣнныхъ, и за Мальту, и за Баварію. Императоръ даже подчеркивалъ свое полное согласіе на покровительство французской торговлѣ, на которое не особенно надѣялись въ Парижѣ; онъ горячо говорилъ о томъ же Коленкуру (№ 126). Въ рескриптѣ Моркову (№ 117) выставлялось на видъ, что французскіе плѣнные въ Турціи уже освобождены, а русскій гарнизонъ очистилъ Корфу. Затѣмъ признали инфанта пармскаго королемъ Этруріи и, въ отвѣтъ на уступки Бонапарта относительно эмигрантовъ, высказывали равнодушіе къ „графу лильскому“ (Людовику XVIII), который съ конца 1800 г. переселился изъ Митавы въ Варшаву. Наконецъ Коленкуру твердили, что очень желаютъ видѣть въ Петербургѣ постояннаго французскаго министра (№ 126) И это желаніе уже исполнялось: 19 декабря Талейранъ увѣдомилъ Моркова, что въ замѣнъ временно уполномоченнаго, Коленкура, отправляется въ Петербургъ „чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ“, въ лицѣ генерала Эдувиля (Hédouville).

Такова была внѣшность дѣла. Въ сущности же почти не прекращались ни изворотливость Парижа, ни холодность, въ особенности же подозрительность Петербурга. Морковъ, этотъ врагъ и соперникъ Колычева, не переставалъ пѣть его пѣсню, и, какъ человѣкъ ретивый и высокомѣрный, быстро возвышалъ брезгливый тонъ. Онъ даже въ донесеніяхъ двору (№ 112) язвилъ Бонапарта, его братьевъ, Талейрана и кстати всю французскую націю (110). А министерству онъ заявлялъ, что писалъ царю еще „осторожно“ о „невыносимыхъ революціонерахъ“ Парижа, и уже не стѣснялся въ выраженіяхъ (№№ 113, 114). Его взглядъ на Бонапарта и Францію того времени выразился въ большомъ донесеніи двору (№ 128), гдѣ онъ особенно старался высказать свое политическое глубокомысліе, но вовсе не успѣлъ въ этомъ, а скорѣе подтвердилъ необходимость такихъ циркуляровъ, какъ № 89. Все это вызывало весьма рѣзкія сужденія и со стороны Александра I (№№ 117, 124). Его отвѣтъ на письмо Бонапарта послѣдовалъ лишь мѣсяцъ спустя по прибытіи Коленкура въ Петербургъ. И въ немъ язвительно была подчеркнута фраза „le bien-être de la France“ (№ 122). Въ этотъ промежутокъ времени царь переписывался съ графомъ Артуа (120). Коленкуръ также вскорѣ сталъ разочаровываться (№ 126). 19-го декабря онъ уже сомнѣвался въ возвратѣ „былаго вліянія Франціи“ въ Петербургѣ и старался „только уравновѣшивать это дьявольское вліяніе Англіи“. Тогда же онъ доносилъ Талейрану, что Моркова хотятъ поставить во главѣ иностранныхъ дѣлъ: мало того, ходили слухи, что

пріѣдетъ самъ лондонскій Воронцовъ и сдѣлается канцлеромъ (121). Подобные слухи имѣли основаніе. 14 декабря, неофиціальный комитетъ сдѣлалъ открытое нападеніе на Бонапарта, который не думалъ исполнять своего обѣщанія насчетъ Карла-Эммануила IV.

Злополучный сардинскій вопросъ опять зашевелился, благодаря нашему дипломату. 8 ноября Морковъ спросилъ (№ 116) Бонапарта, на аудіенціи: когда онъ исполнитъ данныя Павлу I обязательства относительно Сардиніи? Бонапартъ „не посовѣстился признаться, что никогда и не думалъ сдержать это обѣщаніе, данное лишь съ цѣлью выиграть время". Морковъ бросился къ англійскому посланнику, но тотъ отказался поддержать его настоянія. Идя по стопамъ Колычева, Морковъ уже 28 ноября представилъ бумагу (№ 121), напоминавшую своею строгостью ноту 26 апрѣля. По поводу одной статьи „Монитера", онъ требовалъ возстановить сардинскаго короля въ его прежнихъ владѣніяхъ. Недѣли три не было отвѣта. Между тѣмъ агентъ Карла-Эммануила IV не давалъ покоя петербургскому министерству—и Моркову были посланы рескрипты (№№ 117, 119), побуждавшіе его хлопотать о возвращеніи Пьемонта прежнему королю или хоть о присоединеніи его къ Цизальпиніи: лишь бы не оставлять его за Франціей. Ссылаясь на нихъ, Морковъ далъ, 20 декабря, новую, еще болѣе сильную ноту (№ 127).

Помимо Сардиніи, повсюду возникали „вопросы" то съ той, то съ другой стороны. Въ упомянутыхъ рескриптахъ говорилось не объ одной Сардиніи, но и обо всей Италіи, не исключая папы, въ особенности же о Неаполѣ, по настояніямъ его посла. Поэтому Морковъ, въ нотѣ 20 декабря, „настоятельно" требовалъ „быстраго и точнаго" исполненія 4 статьи, т.-е. вывода французскихъ войскъ изъ неаполитанскихъ владѣній. Тогда же Лигурійская республика жаловалась Бонапарту на Россію, которая не платила долговъ ея гражданамъ, сдѣланныхъ при Павлѣ I; а испанскій посланникъ жаловался Моркову на „тяжесть ига" французскаго (№ 112), и его португальскій товарищъ просилъ помощи у Россіи противъ того же насилія. Самъ императоръ, вызванный запиской Лагарпа о мучительномъ положеніи Швейцаріи, особымъ письмомъ (№ 123) весьма вѣжливо намекалъ Бонапарту на то, что Франція должна отвѣчать за „счастье сосѣдней страны". Тогда же налаживался любопытный сѣверный союзъ,—не противъ Англіи, а вмѣстѣ съ нею. 20 октября было подписано дополненіе къ англо-русской конвенціи 17 іюня; 23-го къ обоимъ договорамъ присоединилась Данія; и Россія, по настояніямъ Англіи, требовала того же отъ Швеціи (122).

Восточный вопросъ, захватывавшій широкое поле—отъ Чернаго м. до Неаполя и отъ Египта до Венеціи—былъ окруженъ глухою борьбой новыхъ друзей: здѣсь, благодаря участію Англіи, составлялся даже дипломатическій тріумвиратъ. Онъ лишь повидимому улаживался лондонскими прелиминаріями, въ силу которыхъ Франція возвращала Египетъ Портѣ, а Англія сдавала Мальту неаполитанскимъ войскамъ, которыя должны были передать ее Ордену. Бонапартъ по обыкновенію спѣшилъ вновь

осѣтить Турцію и готовилъ миръ съ нею тайкомъ. Какъ только были заключены прелиминаріи съ нею, горячій Морковъ сказалъ этой „образинѣ“—драгоману Порты, встрѣтившись съ нимъ у Талейрана: „по моему мнѣнію, Порта должна бы была, если не изъ благодарности, то по крайней мѣрѣ для собственной пользы, не отдѣлять интересовъ своихъ отъ нашихъ“. Александръ I замѣтилъ ему (№ 117), чтобы онъ былъ поосторожнѣе съ драгоманами: онъ опасался, что Порта, по своему „невѣжеству“, попадетъ на удочку къ „столь изворотливому“ правительству, какъ французское. Понявши, что тогда Бонапартъ особенно добивался развитія своей торговли на югѣ Россіи и плаванія по Черному м., Александръ I старался выставить впередъ Англію и даже хлопоталъ за нее у Порты. Его безпокоили также безпорядки въ республикѣ Семи Соединенныхъ Острововъ (№ 122), на которые недаромъ указывалъ самъ Бонапартъ, намекавшій при этомъ на ничтожество Турціи (№ 110). Судьба Мальты была еще загадочна и мудрена. Александру I было опасно твердо отвѣчать на такой запросъ Бонапарта: „прошу сообщить ваше желаніе относительно этого острова и мальтійскаго Ордена“ (№ 110). Этотъ запросъ слѣдовалъ за фразой о рѣшеніи, на лондонскихъ прелиминаріяхъ, возвратить Мальту Ордену „подъ покровительствомъ одной великой державы“; а передъ прелиминаріями Талейранъ говорилъ Моркову, что хотятъ просить Александра I поставить русскій гарнизонъ въ мальтійской крѣпости (№ 112). Запросъ могъ показаться ловушкой. По крайней мѣрѣ, вслѣдъ за миромъ 8-го октября, Телейранъ заговорилъ уже совсѣмъ иначе. Онъ сталъ мечтать о томъ, какъ было бы хорошо уничтожить на Мальтѣ всѣ укрѣпленія и превратить ее во „всеобщую больницу“, словно Ордена уже не существовало. Морковъ замѣтилъ, что Александръ намѣренъ возвратить островъ Ордену и уже созываетъ его капитулъ для избранія магистра. Талейранъ возразилъ, что, „по уставамъ римской церкви“, Гомпешъ не слагалъ своего званія, словно онъ не зналъ, что почти за мѣсяцъ передъ тѣмъ папа назначилъ магистромъ старшину (bailli) князя Русполи, но тотъ отказался. Съ другой стороны, тогда такіе вліятельные люди, какъ Нельсонъ, бывшій другъ Неаполя, гремѣли въ англійскомъ парламентѣ въ пользу оставленія Мальты за Великобританіей. Александръ I написалъ (№ 122) лично Бонапарту, 15 декабря, что желаетъ обезпечить островъ за Орденомъ, магистръ котораго долженъ быть избранъ уцѣлѣвшими пріоратами; причемъ слѣдовало бы покровительство надъ нимъ предоставить сосѣду, неаполитанскому королю; а Франція и Англія должны признать нейтралитетъ острова, — мѣра, къ которой Россія „присоединилась бы съ удовольствіемъ“. Въ то же время С. Воронцову повелѣвалось рескриптомъ выразить согласіе Россіи на гарантію Мальты и на нейтрализацію ея портовъ, но только въ соединеніи съ Англіей и Франціей и при условіи, если эти державы пригласятъ ее къ тому (123).

Но самымъ очереднымъ дѣломъ сталъ нѣмецкій вопросъ, который запутывался отъ соперничества двухъ великихъ державъ Германіи и

отъ всеобщей алчности: даже Данія хотѣла, по примѣру „всѣхъ державъ", прицѣпиться къ индемнизаціи, но была тотчасъ же остановлена Россіей. Бонапартъ сосредоточилъ на немъ свое вниманіе, послѣ замиренія съ Россіей и Англіей, и торопилъ Александра I „возможно скорѣе" уладить его (№ 116). Продолжая и здѣсь дѣло директоріи, онъ хотѣлъ отбросить Австрію и Пруссію подальше отъ Рейна и поставить между ними и Франціей цѣльную, но свою подвассальную Баварію. Когда подписывался русско-французскій миръ, Бонапартъ совѣтовалъ курфюрсту баварскому не соглашаться на предложеніе Австріи произвести обмѣнъ части его земель, о чемъ онъ самъ увѣдомилъ Александра I (№№ 110, 114). Затѣмъ онъ сталъ какъ бы играть судьбой Германіи, путая всѣхъ разнорѣчивыми и иногда, по словамъ Моркова, „нелѣпыми" предложеніями (№ 114): тогда Талейранъ сказалъ Люкезини, что „нужно передѣлать (remanier) всю эту Германію" и что „такая крѣпкая воля, какъ у генерала Бонапарта, все одолѣетъ". Бонапартъ ублажалъ Австрію обѣщаніемъ дать герцогу тосканскому хорошее вознагражденіе въ Германіи и тамъ же хотѣлъ одно время водворить короля сардинскаго; а Пруссіи совѣтовалъ искать индемнизаціи не въ Вестфаліи, а „назади подальше", именно въ Мекленбургѣ. Гаугвицъ обрадовался и этому и обратился въ Мекленбургъ; но тамъ конечно отказали наотрѣзъ. Тогда Пруссія заявила Бонапарту, что она, пожалуй, возьметъ Оснабрюкъ, Гильдесгеймъ, Эрфуртъ, Эйхсфельдъ и Падерборнъ, причемъ особенно просила поскорѣе покончить хоть какъ-нибудь. Такъ, Пруссія должна была раскаиваться, что не пошла на совмѣстное дѣйствіе съ Россіей. Но не больше выиграла и ея соперница отъ своихъ заискиваній въ Петербургѣ. Здѣсь Саурау не давалъ покоя министерству: конференціальные протоколы, за октябрь— декабрь, наполнены попреимуществу бесѣдами вице-канцлера съ нимъ. Саурау всячески старался выпросить что-нибудь лишнее. Онъ ухищрялся оклеветать Пруссію и выставить добродѣтели Австріи и добиться перенесенія переговоровъ объ индемнизаціи въ Вѣну. Но ему всегда отвѣчали холодно и уклончиво, иногда даже вставляя мимоходомъ фразы въ пользу Пруссіи: онъ не могъ даже добиться, чтобы ему показали договоръ 8-го октября. Фридрихъ-Вильгельмъ III шелъ болѣе прямымъ путемъ. Онъ прислалъ Александру I письмо отъ 11 ноября, въ которомъ заранѣе соглашался съ его рѣшеніями и просилъ о заключеніи торговаго договора, проектъ котораго былъ присланъ имъ еще въ іюнѣ; сверхъ того, онъ предлагалъ собраться въ Берлинѣ преставителямъ Россіи, Австріи и Франціи для опредѣленія индемнизаціи, которое послать потомъ на имперскій сеймъ для исполненія (124).

Александръ сначала твердо держался своего взгляда на нѣмецкій вопросъ. Онъ заявилъ, въ іюлѣ, что „лишь въ крайнемъ случаѣ „согласился бы на измѣненія въ конституціи Германіи и предпочелъ бы вознаградить эрцгерцога тосканскаго въ Италіи. Онъ сказалъ въ Москвѣ, во время коронаціи: „я сдѣлалъ все, что считалъ своимъ долгомъ; теперь ужъ улаживайте сами, если несогласны". Тоже было подтверждено

17 декабря (№№ 124, 125). Но въ промежуткѣ были минуты колебаній. Усердная работа нашего министерства привела къ нашимъ планамъ индемнизацій, надѣлавшимъ шуму подъ именемъ *„русскихъ* таблицъ" (tableaux russes). Они были посланы въ Берлинъ и Вѣну 25 октября; а Морковъ долженъ былъ придержать ихъ, пока не получатся отвѣты оттуда, и только подготовлять Талейрана (125). Александръ надѣялся на легкій успѣхъ. Помимо характера таблицъ, имъ самимъ объясненнаго (№ 117), за это ручались и „сходственность ихъ съ видами тюльерійскаго кабинета", и поведеніе державъ-соперницъ. Именно тогда Фридрихъ-Вильгельмъ III послалъ письмо отъ 11 ноября; а Гаугвицъ сказалъ Крюденеру радостно, что всѣ наши таблицы „совершенно согласны съ принципами прусской системы". Австрія же сама „ухищрялась втянуть Россію въ дѣло вознагражденія нѣмецкихъ князей" (№ 126), какъ замѣтилъ даже Коленкуръ. Въ ноябрѣ Л. Кобенцль, еще не знавшій о договорѣ 8-го октября, писалъ Коллоредо: „я снова настойчиво представилъ русскому посланнику, какъ необходимо, чтобы его государь вмѣшался энергично для воспрепятствованія несоразмѣрному увеличенію Пруссіи, а слѣдовательно и погибели Германіи; мы ничего не можемъ сдѣлать, а Россіи стоитъ только слово сказать". Въ свою очередь, и Кочубей, и Морковъ увѣряли Австрію, что Россія „отнюдь не дастъ предпочтенія Пруссіи" (№ 117). Но вышло совсѣмъ не то. Александръ I сталъ склоняться на сторону Пруссіи. Кочубей свидѣтельствуетъ: „Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, я увидѣлъ, что императоръ сильно предубѣжденъ въ пользу прусскаго короля, котораго онъ любитъ, и его министерства. Я открылъ, что этотъ король писалъ частныя письма императору, о которыхъ не знало здѣшнее министерство. Эта переписка, а еще больше, я думаю, поведеніе мекленбургскаго наслѣдника, герцога голштинскаго и всѣхъ этихъ министровъ фамиліи, которыхъ мы встрѣчали въ Павловскѣ, оставили глубокіе слѣды и конечно вредные для системы безпристрастія, которая одна только, по мнѣ, подходитъ къ намъ". И вотъ, когда Разумовскій представилъ русскія таблицы, Кобенцль забилъ тревогу: ему показалось, что Пруссіи дается на $^2/_3$ больше, чѣмъ она потеряла. Онъ тотчасъ велѣлъ Саурау горячо протестовать. 18 декабря Саурау доносилъ, что имѣлъ горячую бесѣду съ Кочубеемъ; но ея слѣдовъ не осталось въ нашихъ, столь аккуратныхъ вообще, „конференціальныхъ запискахъ". Австрійскій дипломатъ сказалъ, между прочимъ, о Пруссіи: „Россія когда-нибудь раскаится въ томъ, что помогла увеличенію такой ненадежной державы; и мы еще доживемъ до того времени, когда русскія суда униженно будутъ входить въ нѣмецкія гавани лишь подъ прусскимъ флагомъ". Саурау особенно возставалъ противъ „химерическаго" плана Россіи разбить Германію на 4 или 5 большихъ массъ, какъ противовѣсъ Франціи. Кочубей наконецъ вышелъ изъ себя и воскликнулъ съ презрительною миной: „по вашему — химерическій, а по нашему — умный; жаль, что русскій императоръ не спросился у вашего двора!" Затѣмъ новая конференція,

вечеромъ, съ 8 до 11 часовъ. Саурау горячился. Кочубей былъ сдержанъ, но упоренъ и насмѣшливъ. Онъ сказалъ: „русскій императоръ очень огорченъ тѣмъ, что вашъ дворъ недоволенъ; впрочемъ это — только его мнѣніе: если вы думаете иначе устроиться съ Пруссіей и Франціей, попробуйте". А С.-Эленсу Кочубей сказалъ: „удивляюсь, что это Австрія такъ встревожилась насчетъ прусской доли; а мы надѣялись, что оказываемъ ей пріятную услугу этимъ планомъ". Саурау не сдерживался даже передъ царедворцами и иностранными послами, а неподвижнаго старика Куракина совсѣмъ озадачилъ упрекомъ въ „недобросовѣстности". Въ своемъ донесеніи онъ говорилъ, что тогда вообще русскіе вельможи, подражая своему царю, стояли за Пруссію да за Баварію, Вюртембергъ и Баденъ, украшенные Чернымъ Орломъ. И Австрія снова склонилась на сторону своего палача. Людвигъ Кобенцль писалъ Филиппу, для свѣдѣнія Бонапарта, въ концѣ года, посылая ему русскія таблицы: „поймите, какъ огорчился е. в—во, узнавши, что союзникъ, на котораго онъ особенно полагался, совсѣмъ поддался прусскимъ внушеніямъ и присоединяется къ берлинскому двору, чдобы доканать германскую конституцію". Таковъ былъ первый отвѣтъ Австріи на нашъ планъ. Еще менѣе удовлетворительно было поведеніе Пруссіи. Въ разрѣзъ съ первымъ заявленіемъ Гаугвица, она начала выражать свое недовольство. Въ началѣ декабря Кочубей извѣщалъ Крюденера, что Александръ I недоволенъ ея „чрезвычайной жадностью". Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Вѣна негодовала, что мы даемъ слишкомъ много Пруссіи, Берлинъ требовалъ себѣ новой прибавки! Кочубей справедливо говорилъ тогда, что эти индемнизаціи — „истинный хаосъ", въ которомъ „мы ничего не понимаемъ" и потому должны „поумнѣе вылѣзть изъ него", тѣмъ болѣе, что не мы, а „Франція должна рѣшить судьбу Германіи".

Несмотря на мѣсяцъ миртовыхъ вѣнковъ, мраченъ былъ политическій небосклонъ наканунѣ новаго года. Очередной нѣмецкій вопросъ переходилъ въ 1802 годъ въ видѣ тучи, наполненной разнороднымъ электричествомъ. Воскресалъ и вопросъ итальянскій въ новой, загадочной формѣ, которая смущала всѣхъ: Бонапартъ внезапно явился въ Ліонѣ, гдѣ готовилась какая-то торжественная обстановка и, 31 декабря, собиралось, для великаго рѣшенія, стадо перваго консула — 452 депутата отъ Цизальпійской республики, подъ именемъ *чрезвычайной консульты* или какого-то экстреннаго „совѣщательнаго" собора. Главный миръ 1801 года, русско-французскій, уже оказывался „гнилымъ", послѣ двухмѣсячнаго существованія. Александръ I старался „забавлять пустяками" (№ 117) грозное исчадіе революціи въ Версалѣ, которое сразу становилось его тайнымъ противникомъ. Онъ лишь сдерживалъ себя, не довѣряя самъ себѣ, согласно съ собственною природой и съ ходомъ дѣлъ. Онъ внушалъ своему царскому оку въ Парижѣ, что „выжидаетъ благопріятныхъ случаевъ", такъ какъ „не остается ничего другого дѣлать, пока продолжатся настоящія обстоятельства" (№ 117): онъ „чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что Россія не можетъ и не должна *теперь одна*

съ Франціею завязываться“ (№ 124). Вотъ почему новый канцлеръ, Александръ Воронцовъ, высказался противъ войны и земельныхъ пріобрѣтеній, благо „мѣстоположеніе наше таково, что мы въ войну и вовлечены быть не можемъ, какъ развѣ сами того-бъ пожелали“. Вотъ почему Кочубей отвѣчалъ Саурау, не разъ предлагавшему послать сообща агентовъ въ Швейцарію для противодѣйствія Франціи: „теперь совсѣмъ не тѣ обстоятельства, чтобы производить въ умахъ правителей французской республики какое-либо насчетъ видовъ трехъ дворовъ излишнее подозрѣніе или безпокойство; главная цѣль всѣхъ державъ въ Европѣ должна состоять въ томъ, чтобы наслаждаться плодами давно нужнаго мира и отъ всякаго подвига, отъ онаго удалить могущаго, попечительно себя сберегать“. Это же стремленіе „сохранить столь нужное для государства спокойствіе столь долго, *сколько возможно сіе будетъ*“, заставляло Александра I даже „не настаивать“, чтобы русскія таблицы „непремѣнно приняты были“ (№ 117). А Моркову онъ твердилъ, при всякомъ рѣзкомъ словѣ насчетъ Парижа: „осторожность, благоразуміе!“ (126).

Но Морковъ уже выходилъ изъ себя, подобно Колычеву. Онъ негодовалъ на всеобщую диктатуру „перваго управляющаго“ Франціи и впадалъ въ „слѣпой фатализмъ“. Онъ жаловался на всякія непріятности и, по своему обыкновенію, просилъ прибавки содержанія (127). Новый годъ начался съ цѣлаго политическаго скандала, въ которомъ было замѣшано его имя и который могъ вызвать могущественнаго, мстительнаго корсиканца на опасныя для Россіи мѣры.

V.

1802.

Нѣмецкій и восточный вопросы.

Въ самомъ началѣ 1802 г. пронесся смутившій Европу слухъ, будто Морковъ чуть ли не участвуетъ въ заговорѣ противъ Бонапарта. Затѣмъ начался таинственный процессъ между правительствами Франціи и Россіи, который былъ теменъ до сихъ поръ, вслѣдствіе усилій каждой стороны оправдаться и невозможности вести деликатное дѣло открыто. Онъ уясняется документально изъ сличенія бумагъ нашего и парижскаго архивовъ. 10 января, формальный допросъ автора пасквиля на Бонапарта, Фулью (№ 131), изобличалъ Моркова, до того, что Бонапартъ счелъ возможнымъ намекнуть, въ своемъ письмѣ Александру I отъ 16 февраля (№ 137), насчетъ враждебныхъ Франціи „тайныхъ бюллетеней"; а Талейранъ такъ поговорилъ съ Морковымъ, что тотъ сталъ помышлять о „покоѣ". Сверхъ того, Талейранъ строго и откровенно выразился о поступкѣ Моркова въ депешѣ Коленкуру (№ 143) и въ инструкціи Эдувилю (№ 146): онъ даже негодовалъ на все поведеніе Моркова, не исключая его „скаредной жизни", въ которой могутъ видѣть неуваженіе къ Франціи. Въ то же время онъ пустилъ злое описаніе дѣла во французскія газеты и въ „Лондонскій Курьеръ". Впрочемъ Талейранъ совѣтовалъ Коленкуру лишь слегка коснуться, въ своихъ бесѣдахъ, „несообразности поступка" русскаго посланника. Этотъ поступокъ не помѣшалъ даже Бонапарту соблюсти странный обычай того времени—наградить нашего уполномоченнаго за подписаніе мирнаго договора (128): Морковъ получилъ блестящій подарокъ (№ 145). Александръ I далъ замѣтить Коленкуру свое недовольство по поводу того, что, по слухамъ, „одна особа надѣлала глупостей" и прибавилъ, что все подобное „было бы вопреки его намѣреніямъ"; а Коленкуръ намекнулъ ему, что въ Парижѣ не обратятъ вниманія на „недальновидность и интригантство" его дипломата (№ 147). Петербургскіе министры „съ ужасомъ отрекались отъ гнуснаго и несообразнаго" дѣла и сваливали его то на своихъ предшественниковъ, то лично на Моркова, то на состояв-

шаго при немъ нашего тайнаго агента, Кристина (129). Коленкуръ вынесъ убѣжденіе, что этотъ поступокъ окончательно роняетъ Моркова, котораго ненавидѣла „министерская партія“, съ императрицей-матерью во главѣ: его друзья уже говорили о помѣшательствѣ, чтобы поддержать его славу умнѣйшаго человѣка, которая едва не доставила ему портфеля иностранныхъ дѣлъ. Куракинъ наговорилъ Коленкуру больше дурного о Морковѣ, чѣмъ тотъ ожидалъ, и выразилъ готовность отозвать нашего дипломата. Коленкуръ даже испугался: онъ считалъ Моркова болѣе опаснымъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ скоро поднимется, „въ силу недостатка въ умныхъ людяхъ“ (№ 150). Самъ императоръ, недовольный молчаніемъ Моркова, написалъ ему легкій выговоръ и требовалъ удаленія Кристина, замѣшаннаго въ этомъ „непріятномъ“ происшествіи (№ 152). Послѣ объясненій Моркова, увѣрявшаго, что онъ былъ лишь подписчикомъ на журналъ Фулью, наши министры стали осторожно заступаться за него, напирая на „неприличіе“ статьи „Лондонскаго Курьера“. Самъ Александръ I писалъ въ этомъ смыслѣ и Бонапарту (№ 149), и Моркову (№ 153). Дѣло кончилось колкими шутками между Коленкуромъ и Кочубеемъ въ Петербургѣ и между Бонапартомъ и Морковымъ — въ Парижѣ (№ 150). Осталось только жало въ сердцахъ. Морковъ усерднѣе прежняго распространялся въ своихъ депешахъ о невыносимыхъ качествахъ Бонапарта и особенно Талейрана, который будто бы проводилъ даже своего повелителя да только и дѣлалъ, что мечталъ о подаркахъ (№№ 129, 145, 154). Бонапартъ допекалъ его мелочами и напутствовалъ Эдувиля предостереженіемъ насчетъ его, какъ одного изъ вождей англомановъ, судя по его „непристойному“ поведенію въ Парижѣ (№ 146). Не успѣло окончиться дѣло Моркова, какъ возникло препирательство въ Вѣнѣ между Разумовскимъ и Шампаньи (130), по поводу съѣзда во дворецъ, въ Новый Годъ, которое впрочемъ скоро окончилось полюбовно (№№ 133, 140).

Въ мелкихъ случаяхъ съ Морковымъ и Разумовскимъ отражался глубокій разладъ между Россіей и Франціей, который не могъ быть устраненъ октябрьскимъ договоромъ. Роковыя событія 1805 года подготовлялись именно съ того времени, несмотря на всеобщія миролюбивыя стремленія и на приличную внѣшность. Напрасно въ теченіе всего 1802 года тянулась „тайная, личная и прямая“ переписка между царемъ и первымъ консуломъ, на которую Талейранъ возлагалъ большія надежды, такъ какъ она „была вызвана самимъ императоромъ“ и „обнимала, въ своей задушевности, всѣ великіе интересы Европы“ (№№ 143, 146). Напрасно всѣ въ Петербургѣ волновались по поводу этой переписки: она была оффиціальна и полна деликатныхъ упрековъ и напоминаній съ обѣихъ сторонъ. Напрасно Бонапартъ надѣялся, что, судя по пріему, сдѣланному Дюроку и Коленкуру въ Петербургѣ, миссія Эдувиля будетъ легка, и ему даже дали лишь общую, краткую инструкцію (№ 146). Самъ же онъ указывалъ своему посланнику, что его ожидаютъ происки англомановъ, которые усиливаются скрѣпить связи Петербурга съ Лон-

дономъ и Вѣной. Коленкуръ, лично весьма довольный все возраставшею любезностью нашего двора и даже общества, постоянно обнаруживалъ страхъ передъ этою партіей. Ему казалось, что въ новомъ министерствѣ Куракинъ былъ „почти единственнымъ человѣкомъ", преданнымъ Франціи, которому посему слѣдовало прислать „хорошую посуду", не хуже подареннаго ему Австріей фарфора (№ 133). Но Куракина уже свалила-было подагра. Подъ Новый Годъ ходили упорные слухи о передачѣ иностранныхъ дѣлъ главамъ англомановъ—С. Воронцову и Моркову. Мѣсяцъ спустя, Коленкуръ писалъ: „никогда еще не говорили столько объ отозваніи Моркова для замѣны Кочубея". А 14-го марта Коленкуръ заявлялъ, возвращаясь къ „предшественпикамъ": „они были и остаются настоящими англичанами" (№ 147). Онъ настаивалъ, чтобы поскорѣе присылали настоящаго министра, чего требовалъ самъ императоръ.

Александръ I какъ бы искалъ опоры въ своемъ колеблющемся настроеніи. Ему искренно хотѣлось сблизиться съ Бонапартомъ ради всеобщей тишины. Но ему приходилось бороться и съ направленіемъ большинства своихъ сотрудниковъ, и съ собственнымъ чувствомъ недовѣрія. Не могли не раздражать даже мелочи, которыя раздувались врагами Парижа, какъ, напримѣръ, появленіе 3-го тома „Записокъ" о Россіи Массона. Не успѣла окончиться исторія съ Морковымъ, какъ Александръ I уже одобрялъ, въ рескриптѣ, вообще враждебность своего посланника къ Франціи (№ 153) и разрѣшилъ Чарторижскому напечатать оскорбительный для Бонапарта отвѣтъ „Лондонскому Курьеру". По поводу исторіи съ Разумовскимъ, онъ заявилъ, что намѣренъ отстаивать свои права въ дѣлахъ „церемоніаловъ" и „этикета" (№ 140). Онъ принужденъ былъ дѣлать деликатные упреки насчетъ Швейцаріи Бонапарту (№ 149), который ограничивался общими фразами, въ отвѣтъ на его просьбы (№ 123), и не выводилъ своихъ войскъ (№ 137), угнетавшихъ страну, по словамъ Моркова (№ 144). Подъ вліяніемъ депешъ Моркова, царь заявлялъ ему, въ рескриптахъ, недовѣріе къ „мнимой искренности" и вообще „нравственности" перваго консула и требовалъ отъ него писать возможно больше, обѣщая часто перемѣнять шифры (№№ 139, 153). Въ то же время царь ходатайствовалъ о многихъ эмигрантахъ, и въ томъ числѣ особенно о такихъ противныхъ для Бонапарта дамахъ, какъ герцогиня Орлеанская да принцесса Тарентская (131). Мало того. Чувствуя невозможность содержать „Людовика XVIII" на средства одной Россіи, онъ приглашалъ враждебныя Бонапарту державы принять участіе въ этой „благотворительности" (№ 132). Съ другой стороны, событія внѣ воли императора сгущали тѣнь между нимъ и первымъ консуломъ: передъ самымъ пріѣздомъ Эдувиля, 30 марта, Швеція пристала къ морской конвенціи Россіи съ Англіей.

Но въ молодомъ императорѣ быстро развивалась крайняя осмотрительность. Его правиломъ становилась русская пословица: „семь разъ примѣрь, на восьмой отрѣжь". При всякомъ шагѣ, даже при неважной

просьбѣ за-границей, онъ внушалъ своимъ дипломатамъ сдѣлать предварительно тщательную развѣдку, „дабы, въ случаѣ предвидимой невозможности, не сдѣлать напрасной поступи“. Сверхъ того, въ описываемую минуту Александра I сдерживали, съ одной стороны, равное недовѣріе къ Англіи и Австріи, съ другой—страхъ передъ „изъ мѣры вышедшимъ могуществомъ Франціи“ и тайная надежда порѣшить судьбу міра въ союзѣ съ такою силой. При всякомъ необходимомъ замѣчаніи французамъ, онъ твердилъ: „осторожность, осмотрительность, безъ всякой афектаціи“ (132). Склоняясь больше къ Австріи, въ силу крайняго недовѣрія къ Берлину, онъ не только рѣшительно отвергъ четверной союзъ великихъ державъ противъ Франціи, предложенный ею (№ 148), но одно время думалъ даже, напротивъ, о тройственномъ союзѣ между Россіей, Франціей и *Пруссіей*. Австрійскіе дипломаты въ Петербургѣ были опечалены въ началѣ года. Саурау не щадилъ черныхъ красокъ въ обрисовкѣ нашего двора, въ перепискѣ съ своимъ пріятелемъ, Штарембергомъ (133).

„Англоманы“ же дѣйствовали смѣлѣе въ своей односторонности. 22 января неофиціальный комитетъ ясно высказалъ вообще враждебность къ Бонапарту. Въ особенности Строгоновъ и Чарторижскій доказывали, что „надлежало положить преграду властолюбивымъ видамъ Франціи“ и показать французамъ, что „мы можемъ сдѣлать болѣе вреда имъ, нежели они намъ“. Даже Кочубей, хотя и стоялъ за осторожность, однако признавалъ, что „Франція нестерпимо угнетала прочія государства“. 10 марта комитетъ, съ Строгоновымъ во главѣ, горячо оправдывалъ Моркова и доказывалъ, что статья въ „Лондонскомъ Курьерѣ“ „оскорбительна для Россіи“ и что „государь не можетъ умолчать о томъ безъ нарушенія народной чести“. Эта выходка послужила толчкомъ къ освобожденію Александра I отъ давленія комитета. „Чтó это? Мнѣ уже нельзя будетъ дѣлать того, чтò считаю нужнымъ“? воскликнулъ онъ — и въ засѣданіи 17 марта рѣшилъ послать въ Парижъ на просмотръ планъ русскаго кодекса, вопреки комитету, который доказывалъ, что тамъ „не преминутъ интриговать въ семъ дѣлѣ“. А 24-го Александръ уже прямо высказался за тройственный союзъ, который послужилъ бы средствомъ къ „обузданію“ Бонапарта и доставилъ бы намъ „полезное вліяніе на дѣла Европы“. Комитетъ возсталъ поголовно, не исключая осторожнаго Кочубея. Строгоновъ сильно доказывалъ, что такой союзъ только уронилъ бы Россію въ общемъ мнѣніи, такъ какъ мы не могли бы ничего сдѣлать, еслибы Франція съ Пруссіей, сойдясь въ своихъ корыстныхъ видахъ, нарушили его. 31 марта комитетъ подошелъ къ вопросу съ другой стороны. Заявляя недовѣріе къ способностямъ вице-канцлера, Кочубей предложилъ обязать послѣдняго вести протоколы его конференціямъ съ поджидаемымъ Эдувилемъ. Императоръ устранилъ этотъ маневръ, предложивъ самому Кочубею присутствовать на конференціяхъ; но тотъ отказался.

Настроеніе комитета, сходившагося съ царемъ въ недовѣрчивости,

имѣло основаніе въ событіяхъ. Теченіе главныхъ вопросовъ политики оставляло желать многаго съ русской точки зрѣнія. Безконечныя итальянскія дѣла скорѣе ухудшались, чѣмъ улучшались. Морковъ дѣйствовалъ энергично, тѣмъ болѣе, что Россія уже выполнила свои обязательства насчетъ французскихъ плѣнныхъ у Порты и вывода своихъ войскъ съ Іоническихъ островов. Послѣ многихъ словесныхъ заявленій и самому Бонапарту, и его приближеннымъ, онъ далъ ноту, напоминающую статью октябрьскаго договора о Сардиніи. Затѣмъ, въ началѣ января, онъ словесно требовалъ допущенія сардинскаго министра въ Парижъ и вывода французскихъ войскъ изъ неаполитанскихъ владѣній. Талейранъ отвѣчалъ уклончиво. Встревоженный разоблаченіями Мюрата, который не спѣлся съ Талейраномъ, Морковъ потребовалъ письменнаго отвѣта на свои требованія. Но Талейранъ озадачилъ его словами, что, по мирному договору, французы очистятъ неаполитанскія земли, когда „жребій Египта рѣшится", т.-е. когда будутъ подписаны трактаты Франціи съ Англіей и Портой. Онъ обѣщалъ изложить это письменно, но уѣхалъ въ Ліонъ, не исполнивъ обѣщанія. Морковъ съ тѣми же вопросами къ самому Бонапарту, на офиціальномъ обѣдѣ. Бонапартъ отвѣчалъ уклончиво о Неаполѣ, а о Сардиніи ни слова: только потомъ Эдувиль замѣтилъ Моркову мимоходомъ, что первый консулъ сдѣлаетъ „нѣчто пріятное" царю, когда тотъ „менѣе всего будетъ ожидать" (№№ 129, 144).

Въ Петербургѣ были довольны настойчивостью Моркова. Вице-канцлеръ, котораго подстрекалъ С. Эленсъ, внушалъ ему даже, что императоръ отнюдь не желаетъ признавать перемѣны въ Италіи, со временъ люневильскаго мира, и не согласится считать Бонапарта президентомъ Итальянской республики: по свидѣтельству Коленкура, въ Петербургѣ считали этотъ послѣдній постъ обезпеченнымъ за Карломъ-Эммануиломъ IV. Еслибы въ Парижѣ вздумали указать на раздѣлъ Польши, Морковъ долженъ былъ отвѣчать, что Франція уже вознаградила себя Нидерландами и такими широкими границами, какъ Рейнъ и Альпы (№ 134). Но не успѣлъ Морковъ получить этого ободренія, какъ Бонапартъ уже извѣщалъ Александра I собственноручно, отъ 16 февраля, что онъ ѣздилъ въ Ліонъ для созданія „новой державы", которая будетъ полезна Россіи, какъ „узда на возвеличеніе Австріи": онъ сталъ президентомъ *Итальянской республики* (№ 137). Морковъ уже видѣлъ тутъ „зародышъ новой войны" (№ 144), а Коленкуръ извѣщалъ о переполохѣ, произведенномъ въ Петербургѣ вѣстью объ этомъ событіи. Но Александръ уже писалъ Моркову объ осторожности и о своемъ желаніи „имѣть къ Франціи снисхожденіе", потому что Англія не намѣрена вмѣшиваться въ дѣла, не касающіяся ея непосредственно. Онъ рѣшался только, по просьбѣ короля неаполитанскаго, оставить ему, до вывода французовъ, свои войска, предназначенныя для Корфу (№№ 139, 153). Затѣмъ все ограничилось запросами о Сардиніи, которыми закидывали Коленкура министры въ Петербургѣ при каждомъ офиціальномъ разговорѣ. Но тотъ отвѣчалъ, что не имѣетъ понятія объ этомъ дѣлѣ, о

которомъ и самъ императоръ, вѣдь, не говоритъ прямо первому консулу (№ 147). Дѣйствительно, въ перепискѣ Александра I съ Бонапартомъ только разъ проскользнула глухая фраза, что ему было бы особенно пріятно, еслибы вскорѣ были вполнѣ исполнены „наши обязательства“ относительно Италіи (№ 149). Наконецъ, передъ самымъ пріѣздомъ Эдувиля, министры заявили Коленкуру, что императоръ доволенъ ліонскою консультой, что французы могутъ оставаться на югѣ Италіи до мира съ Англіей и что даже Пьемонтъ можетъ оставаться за Франціей: пусть только дадутъ его „несчастному государю“ какое-нибудь вознагражденіе въ Италіи или Германіи (№ 150). А императоръ писалъ Моркову, что будетъ равнодушенъ къ Итальянской республикѣ, если только она не выйдетъ изъ предѣловъ Цизальпины. Онъ желалъ выждать, что̀ скажутъ другія державы и что̀ запоетъ Эдувиль (№ 153). Но въ инструкціи Эдувиля не было ни слова объ Италіи. За то Бонапартъ, обдѣлавъ свои дѣла въ Италіи, далъ наконецъ такой откровенный отвѣтъ Моркову, что не оставалось и тѣни надежды. „Не отдамъ Пьемонта — сказалъ онъ — покуда у австрійцевъ останется хоть пядь итальянской земли“; что же касается денегъ на содержаніе „павшаго такъ низко“ короля, онъ готовъ на всякую сдѣлку (№ 154). Въ то же самое время парижская полиція распорядилась съ дипломатами Виктора-Эммануила IV, какъ съ мошенниками (134).

Съ итальянскимъ вопросомъ были связаны интересы Турціи и отчасти Англіи.

Восточный вопросъ уже ясно обрисовывался, какъ большая туча, касавшаяся всѣхъ сторонъ политическаго небосклона, не исключая и еще свѣжаго, больного вопроса о судьбѣ Польши. Въ этомъ видѣ онъ ставился уже при директоріи, а Бонапартъ, какъ мы надѣемся доказать, всюду, во внѣшнихъ дѣлахъ, смѣло развивалъ ея преданія. Въ Парижѣ уже съ 1797 г. считали Порту разлагающимся трупомъ и мечтали о развитіи своей „левантской“ торговли да объ Египтѣ, который тамъ становился вопросомъ со временъ Людовика XIV и извѣстнаго проекта Лейбница. Свойственная Франціи того времени революціонная пропаганда усиливала надежды на близкое разрушеніе мусульманской державы, возвеличившейся насчетъ свободы славянъ, грековъ и румыновъ. У директоріи естественно возникала мысль или сговориться съ Россіей, лежавшей неустранимымъ бревномъ на этомъ пути, или внести разложеніе и въ ея составъ, возмутивъ Польшу, а, пожалуй, и крестьянъ, томившихся подъ игомъ крѣпостничества. Но весьма вѣроятенъ былъ разсчетъ на дружелюбный исходъ дѣла: заклятый врагъ Парижа, Лондонъ, уже тѣсно сплелся съ восточнымъ вопросомъ и становился черезъ него жестокимъ соперникомъ Петербурга.

Съ другой стороны, были тутъ свои преданія у Россіи, притомъ болѣе прочныя и естественныя. При всѣхъ своихъ странностяхъ, при всей своей ненависти къ памяти Екатерины II, Павелъ I слѣдовалъ по ея стопамъ въ восточномъ вопросѣ. А русскіе, увлеченные столь

недавнимъ и легкимъ вычеркиваніемъ Польши съ карты Европы, были убѣждены, что, вотъ, „*еще* одно государство исчезнетъ черезъ дюжинку лѣтъ". Павелъ I уже въ 1797 г., „не обинуясь" предлагая свою помощь Австріи (стр. X), требовалъ, чтобы она поддержала его, въ свою очередь, въ случаѣ, если противъ него выступитъ Порта, подзадоренная французами. Тогда же наши дипломаты сильно побаивались „видовъ этой канальи (французовъ) на Константинополь и особенно на Польшу". Имъ казалось, что „каналья" произвела „инсургенцію" въ Молдавіи и готовится отсюда возмутить поляковъ. Оттого-то Павелъ I даже предлагалъ свои войска Пруссіи, въ концѣ 1798 г.

Съ появленіемъ консульства восточный вопросъ развивался на тѣхъ же началахъ; только обѣ стороны стали склоняться къ его дружелюбному рѣшенію. Бонапартъ уже въ концѣ 1800 года мечталъ, съ помощью Россіи, овладѣть торговлей въ Черномъ морѣ и даже Египтомъ (стр. XXIV). А въ Петербургѣ, въ ту самую минуту, собирались приступить къ „раздѣлу" Турціи между Россіей, Франціей и *Австріей*, обуздавъ строптивую Англію великимъ союзомъ державъ (стр. XX). Вслѣдъ затѣмъ, съ весны 1801 г., за этотъ планъ схватился Бонапартъ, съ своею нервною энергіей, самоувѣренностью и вспышками мимолетныхъ идей. Сегодня онъ почти требовалъ, чтобы Россія добыла ему Египетъ; завтра предлагалъ трупъ на Балканахъ Австріи, лишь бы убрать его съ собственною пользой и оттянуть Габсбурга подальше отъ Рейна и центра Европы (стр. XXXII, XL); а тамъ уже рисовался фантастическій планъ обузданія Англіи посредствомъ русско-французскаго похода въ Индію (стр. XLIII). Бонапартъ былъ послѣдователенъ только въ одномъ: онъ твердилъ о разложеніи Турціи (стр. XXXVII). Таково было и первое слово, обращенное корсиканскою Сиреной къ новому императору (XLVIII), хотя на о. св. Елены онъ утверждалъ, что это Александръ I только и думалъ, что о Константинополѣ, и часто говорилъ съ нимъ о немъ. Тѣ же рѣчи велъ Бонапартъ въ концѣ 1801 г., когда онъ уже осѣтилъ Порту предварительнымъ договоромъ (135), а самъ помогалъ волненіямъ на Іоническихъ островахъ (стр. LXV).

Съ этихъ островомъ и началось дальнѣйшее развитіе восточнаго вопроса въ 1802 г. Географическое положеніе дѣлало изъ нихъ поприще, на которомъ сталкивались вліянія Франціи, Россіи, а отчасти Турціи и Австріи, причемъ мы особенно интересовались ихъ судьбой, начавши явно покровительствовать имъ со временъ конвенціи съ Портой 21 марта 1800 г. Отсюда тревога и безначаліе, овладѣвшія островами въ ту пору. Самъ Бонапартъ, тотчасъ по заключеніи октябрьскаго мира, приглашалъ Россію помочь маленькой республикѣ справиться съ созданною имъ самимъ конституціей, въ виду неспособности турокъ положить конецъ безпорядкамъ (№ 110). Александръ I выяснилъ дѣло въ особомъ рескриптѣ Моркову, отъ 20 февраля (№ 142), пользуясь свѣдѣніями нашего дипломата на островахъ, графа Моцениго. Покуда онъ располагалъ занять республику нашими войсками, которыя должны, въ одно время

съ французами, покинуть Неаполитанское королевство, хотя это и противорѣчило соглашенію между Россіей и Франціей о недопущеніи иностранныхъ войскъ на Іоническихъ островахъ: онъ считалъ неизбѣжнымъ освободить республику Семи Соединенныхъ Острововъ отъ „несообразнаго" подчиненія Портѣ, съ условіемъ, что Россія, Франція и Англія обезпечатъ ея независимость. Отъ Бонапарта требовалось при этомъ внушить своимъ агентамъ прекратить „происки партій", которыя „по всѣмъ вѣроятіямъ они содержатъ" на островахъ. Императоръ тѣмъ болѣе надѣялся на успѣхъ, что С. Эленсъ увѣрилъ его въ полномъ сочувствіи Лондона этимъ планамъ.

Въ концѣ марта, по словамъ Моркова, самъ Бонапартъ сталъ „съ горячностью говорить, при всякомъ удобномъ случаѣ", объ Іоническихъ островахъ, негодуя на подчиненіе ихъ „такой варварской державѣ, какъ Турція": онъ готовъ былъ отдать ихъ хоть сардинскому королю или даже Австріи, „лишь бы вырвать ихъ у турецкой тираніи" (№ 154). Подобныя фразы были страшны въ устахъ такого человѣка, тѣмъ болѣе, что именно тогда пришло извѣстіе въ Петербургъ (№ 153), будто французскія войска передвинуты изъ Неаполитанскихъ владѣній на Іоническіе острова. Морковъ забилъ тревогу, тѣмъ болѣе, что онъ ненавидѣлъ турецкаго посла въ Парижѣ, который былъ „совершенно преданъ" Франціи, не знакомился съ нимъ и даже не отвѣчалъ на его ноты, презирая союзъ между Портой и Россіей (№ 129). Онъ увѣдомлялъ Кочубея (№ 155), будто въ Парижѣ „замышляютъ планы противъ Турціи", подготовляя возстаніе въ Мореѣ и на Архипелагѣ, что́, по мнѣнію самого Александра I, было тѣмъ возможнѣе, что „примиреніе съ Англіею весьма развязываетъ имъ въ сей части руки" (№ 138). Онъ припомнилъ, какъ Бонапартъ, на первой же аудіенціи, жаловался ему, что Россія лишила его Іоническихъ острововъ. Дѣло становилось тѣмъ опаснѣе, что мирные переговоры между Франціей и Портой представляли загадочный видъ, сливаясь, пока „жребій Египта рѣшится", съ амьенскимъ конгрессомъ, который, по словамъ Александра I, въ свою очередь, казался „непроницаемою тайной" (№ 139). Императоръ разъяснялъ вопросъ Моркову, въ рескриптѣ отъ 20 февраля (№ 138). Оказывается, что Англія приревновала насъ къ туркамъ, которымъ мы оказывали содѣйствіе въ Парижѣ, по ихъ собственнымъ просьбамъ и изъ сознанія, что „сохраненіе *слабой* Порты намъ нужно". Ей неправилось, что мы приняли во вниманіе интересы Порты въ октябрьскомъ договорѣ и добивались перенесенія ея переговоровъ съ Франціей въ Константинополь. Она потребовала отъ Турціи перенести дѣло въ Амьенъ, обѣщая включить ее въ свой договоръ съ Бонапартомъ Но изъ страха передъ первымъ консуломъ, который уже угрожалъ Портѣ своими войсками изъ южной Италіи (№ 153), державы-соперницы поспѣшили сойтись на томъ, что дѣло будетъ происходить въ Парижѣ, подъ руководствомъ Моркова и англійскаго министра-резидента Джаксона, причемъ Россія можетъ взять на себя „медіацію", а Англія — „гарантію" франко-

турецкаго мира въ амьенскомъ договорѣ. Морковъ долженъ былъ даже „сочинять акты“ для турецкаго посла, позаботясь притомъ о независимости Іоническихъ островов. Въ концѣ марта, Александръ I снова приказывалъ Моркову (№ 153) подвигать дѣло, въ виду того, что Порту „крайне безпокоятъ“ перекрещивающіеся происки Франціи и Англіи въ Константинополѣ (136). Но это было не такъ-то легко. Морковъ извѣщалъ Кочубея, 1-го апрѣля (№ 155), что по амьенскому договору прекращается война между Франціей и Портой, но въ немъ не опредѣлены мирныя отношенія этихъ державъ. Поэтому Бонапартъ желалъ подписать въ Парижѣ особый трактатъ съ турецкимъ посланникомъ; но полномочія послѣдняго годились только для амьенскаго конгресса, въ которомъ ему не пришлось участвовать. Морковъ, котораго поддержали Джаксонъ и самъ Талейранъ, совѣтовалъ посланнику испросить у султана новыхъ полномочій, чтобы „не было скомпрометтировано посредничество нашего двора“.

Вождѣлѣнный амьенскій договоръ 27 марта, якобы окончательно умиротворявшій Европу, одною статьей касался Россіи непосредственно. Онъ рѣшалъ вопросъ о Мальтѣ, въ смыслѣ прелиминаріевъ, намекавшихъ о возвращеніи острова Ордену, подъ покровительствомъ великой державы (№ 110). Бонапартъ разъяснялъ Александру, что подъ Орденомъ будетъ разумѣться великій магистръ, выбранный рыцарями, по приглашенію царя. Франція и Англія приглашали Россію вмѣшаться въ эту сдѣлку, чтобы ограничить себя самихъ въ стремленіи захватить важный, но слабый островъ, въ случаѣ новыхъ войнъ (№ 137). Александръ отвѣчалъ Бонапарту, въ концѣ марта (№ 149), что „совершенно“ согласенъ „вмѣшаться въ сдѣлку“ о Мальтѣ. Моркову были посланы инструкціи въ этомъ смыслѣ (№ 150).

Всѣ указанные вопросы подчинялись, въ первой четверти 1802 г., двумъ главнымъ интересамъ русско-французской дипломатіи. Вниманіе Бонапарта было устремлено на извлеченіе существенныхъ выгодъ изъ октябрьскаго договора: ему хотѣлось распорядиться Германіей, подъ видомъ индемнизацій, и развить французскую торговлю на Востокѣ. Торговый вопросъ, который выдвинулся при первыхъ сношеніяхъ Бонапарта съ Россіей (стр. V, XXVI), игралъ замѣтную роль уже въ мирныхъ переговорахъ, что̀ выразилось и въ письмѣ Бонапарта царю по заключеніи договора (№ 110). Получивъ вполнѣ благопріятный отвѣтъ (№ 122), первый консулъ искренно благодарилъ союзника за покровительство, о которомъ тотчасъ же самъ извѣстилъ обрадованныхъ ліонскихъ фабрикантовъ, а Талейранъ написалъ ліонскимъ мэрамъ даже въ столь преувеличенномъ видѣ, что встревожились англичане (№№ 137, 144). Въ Петербургѣ вообразили, будто Бонапарту такъ хочется добиться торговыхъ выгодъ въ Россіи, что можно понажать его этимъ путемъ въ пользу Германіи и даже Италіи. Это мнѣніе сильно поддерживалъ и Морковъ (№№ 139, 144). Но оно было ошибочно. Бонапартъ хорошо понималъ свои выгоды, да и менѣе смѣтливый политикъ не

увлекся бы „генеральными выраженіями“ въ письмахъ царя, который самъ объяснялъ Моркову, что они вовсе не означаютъ торговаго договора (№№ 149, 153). Первый консулъ предпочиталъ синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ, которымъ была русская торговля, касавшаяся лишь будущаго Франціи. Эта торговля интересовала его не столько сама по себѣ, сколько по своей связи съ восточнымъ вопросомъ. Въ своемъ письмѣ отъ 16 февраля онъ бойко очертилъ передъ Александромъ выгоды взаимныхъ сношеній между обѣими державами черезъ *Черное море* (№ 137). Императоръ тотчасъ выразилъ свое полное согласіе, но съ предосторожностями (№ 149), которыя выяснились въ бесѣдахъ его министровъ съ Коленкуромъ. Министры просили хранить это дѣло „въ глубочайшей тайнѣ“, чтобы не провѣдала Англія, которой турки недавно отказали въ такой милости. Между тѣмъ были посланы сооотвѣтственныя инструкціи къ нашимъ представителямъ въ Парижѣ и Константинополѣ (№ 150). Морковъ долженъ былъ объяснить въ Парижѣ всю затруднительность дѣла, которое означаетъ „пропускъ французскаго флага чрезъ проливъ Константинопольскій“. Порта сильно „дорожитъ своими правами“, и „мнительное министерство турецкое не вздумало бы выводить тутъ каковыхъ заключеній“ (№ 152). Впрочемъ въ другомъ рескриптѣ Моркову, отъ того же 31 марта (№ 153), выражена увѣренность, что Порта согласится, „будучи обязанною“; но первою мѣрой къ достиженію такого исхода дѣла должно быть скорѣйшее заключеніе мира между Франціей и Турціей. Бонапартъ и самъ спѣшилъ тогда съ этимъ миромъ. Онъ принималъ весь проектъ Порты, только требовалъ вставить статью о „правѣ плаванія по Черному морю“, на что̀ не могъ согласиться турецкій посолъ безъ новыхъ полномочій (№ 155). Въ инструкціи Эдувилю (№ 146), гдѣ указаны только два „важныхъ пункта“, вторымъ поставлено „полное и свободное плаваніе въ Черномъ морѣ“, съ приложеніемъ особой записки и съ обѣщаніемъ поговорить объ этомъ болѣе подробно (137).

На самомъ первомъ планѣ, въ инструкціи Эдувилю, былъ поставленъ нѣмецкій вопросъ. Съ нимъ встрѣчаемся мы и почти въ каждомъ документѣ описываемаго времени. Онъ составлялъ пріятную игрушку въ ловкихъ рукахъ Бонапарта и Талейрана и истинный кошмаръ для нашихъ дипломатовъ: Кочубей признавался, что онъ тутъ „рѣшительно ничего не понимаетъ“ и что онъ „съ большой охотой пожертвовалъ бы собственными землями“, лишь бы отдѣлаться отъ „этихъ королей и принцевъ-землемѣровъ“. Изъ депешъ Моркова видно, что о чемъ бы ни говорилось, Бонапартъ сворачивалъ на дѣла Германіи. Талейранъ сначала говорилъ „здраво и безпристрастно“ о необходимости сообща рѣшить ихъ, такъ какъ Австрія и Пруссія никогда не споются сами (№ 129). Онъ призналъ октябрьскія таблицы вознагражденій (стр. LXVII) „весьма близкими къ взглядамъ перваго консула“ и, послѣ легкихъ возраженій, даже польстилъ, заявивъ, что Бонапартъ „желалъ бы наградить побольше“ маркграфа баденскаго, что̀ подтверждалось письмомъ

его господина императору: да Бонапарту было и выгодно покровительствовать друзьямъ Россіи—Бадену, Вюртембергу и Баваріи. Талейранъ лишь высказалъ мнѣніе, что, въ виду препирательствъ между Берлиномъ и Вѣной, можно бы открыть переговоры въ Парижѣ, но не возражалъ, когда Морковъ указалъ на какое-нибудь мѣсто въ Германіи, „болѣе близкое къ Петербургу" (№№ 136, 137). Но когда Морковъ, въ союзѣ съ Кобенцлемъ, начали торопить, французы стали уклоняться. То они изумлялись сходству нашихъ таблицъ съ вѣнскими таблицами, то ихъ затрудняла распря между Австріей и Пруссіей. Наконецъ они объявили Моркову, что возьмутся за дѣло лишь по окончаніи амьенскаго конгресса, который „поглощалъ ихъ вниманіе"; а Кобенцль вовсе не получилъ отвѣта даже на письменную ноту. Между тѣмъ Морковъ провѣдалъ, что Талейранъ тайкомъ обсуждалъ съ Бонапартомъ собственный планъ, а главное—переговаривался съ Берлиномъ. Бонапартъ сначала отвѣчалъ Фридриху-Вильгельму III презрительнымъ молчаніемъ на его предложеніе въ концѣ 1801 г. (стр. LXVI). Но когда амьенскіе переговоры запнулись на итальянскихъ дѣлахъ, онъ самъ предложилъ ему, 19 февраля, не только все просимое имъ, но еще съ прибавкой герцогства Вестфаліи, которое хотѣли-было дать принцу Оранскому, и нѣкоторыхъ клочковъ земли во Франконіи (138). Фридрихъ-Вильгельмъ III возрадовался; но его очень смущала Россія: онъ ухищрялся обойти ее разными формальностями и тонкими доводами (139). Страхъ былъ не напрасенъ. Морковъ слѣдилъ за Люкезини подозрительнымъ взоромъ. Узнавъ, сравнительно поздно, о старомъ планѣ надѣлить Пруссію Мекленбургомъ, онъ присталъ къ Талейрану съ требованіемъ объясненій. Принужденный наконецъ отвѣчать, парижскій Мефистофель сознался только, что намекалъ въ Берлинѣ насчетъ Мекленбурга, но „лишь для того, чтобы удостовѣриться, придерживаются ли тамъ мыслей Фридриха II" (№№ 129, 144). Между тѣмъ дѣла въ Амьенѣ пошли хорошо—и Бонапартъ опять забылъ про Берлинъ: напрасно король просилъ поскорѣе кончить его дѣло и даже засылалъ въ Парижъ принца Оранскаго, привезшаго Талейрану письмо Гаугвица.

Передъ пріѣздомъ Эдувиля въ Петербургъ, Бонапартъ самъ сказалъ Моркову внезапно, послѣ офиціальнаго обѣда, что велѣлъ Талейрану немедленно вступить съ нимъ въ переговоры о Германіи, выставляя при этомъ на видъ свою заботливость о князьяхъ, „состоящихъ подъ покровительствомъ императора" (№ 154). И уже нѣсколько дней спустя, онъ нетерпѣливо спрашивалъ Талейрана о „точномъ" результатѣ переговоровъ съ Морковымъ. Такое вниманіе къ Германіи объясняется заключеніемъ амьенскаго договора, который развязалъ Бонапарту руки. Съ другой стороны, кажется, его подтолкнулъ слухъ о предстоящемъ свиданіи Фридриха-Вильгельма III съ Александромъ I въ Мемелѣ.

Въ Петербургѣ также много трудились надъ нѣмецкими дѣлами. Если въ Парижѣ велись тайныя бесѣды съ Берлиномъ, то здѣсь боль-

шую назойливость выказывала Вѣна. Саурау то-и-дѣло являлся въ министерство то съ просьбами, то съ горячими доносами на Пруссію. Въ „Конференціальныхъ Запискахъ“ опять чаще всего мелькаетъ его имя. 1802-й годъ начался (№ 130) тѣмъ, что онъ осыпалъ Куракина „жалобами и упреками: вы-де покинули Австрію; ваше пристрастіе къ Пруссіи осязательно“ и т. д. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ „предполагаемаго“ желанія императора „раздѣлить Германію на 5 великихъ однородныхъ домовъ“ (стр. LXVII), что̀ „совсѣмъ уничтожило бы германскую конституцію“. Вице-канцлеръ успокоилъ его заявленіемъ, что эти „дома“—не что иное, какъ посланные и въ Вѣну наши таблицы. А эти таблицы, по словамъ самого Саурау, были „вообще приняты“ его дворомъ: онъ протестовалъ только противъ пристрастія къ Пруссіи, получающей мюнстерское епископство, которое доходнѣе ея зарейнскихъ земель, отошедшихъ къ Франціи. Въ заключеніе Саурау требовалъ, чтобы переговоры происходили, если не въ Вѣнѣ, то гдѣ угодно, только не въ Берлинѣ. Передъ пріѣздомъ Эдувиля Саурау явился къ Куракину, взволнованный молчаніемъ Бонапарта и неутѣшительными вѣстями отъ Филиппа Кобенцля. Онъ предложилъ ни больше, ни меньше, какъ „обуздать честолюбіе и возрастающую дерзость“ Франціи оборонительнымъ четвернымъ союзомъ изъ Австріи, Россіи, Англіи и... *Пруссіи*, причемъ починъ въ дѣлѣ долженъ былъ принадлежать самому сильному, т.-е. Александру I. Куракину не трудно было уничтожить эту мысль въ зародышѣ однимъ указаніемъ на характеръ Берлина; но онъ прибавилъ, что и Англія, „кажется, забыла свои старыя связи съ материкомъ“, а австрійцамъ слѣдовало бы заниматься лишь „исправленіемъ зла, причиненнаго только-что конченною несчастною войной“ (№ 148).

Наше правительство твердо, но осторожно вело свою линію. Морковъ получалъ наставленіе за наставленіемъ по нѣмецкому вопросу (№ 135, 141, 152, 153). Ихъ смыслъ сводился къ старой пѣснѣ—къ знаменитой нашей „инфлюенціи“ въ Германіи, къ завѣтному „примѣру“, поданному въ Тешенѣ (стр. VII). Рядомъ ясно проглядывала и память о семилѣтней войнѣ, Елизаветинское преданіе. При одинаковомъ презрѣніи къ нѣмецкимъ соперницамъ, сквозитъ особенное недовѣріе къ Пруссіи. Александръ считалъ необходимымъ остановить ея „непомѣрныя претензіи и виды распространенія“. Замѣтивъ, что наши таблицы не только не встрѣтили сочувствія Пруссіи и Австріи, но и не совпали съ намѣреніями Бонапарта и готовый отступить отъ своихъ первыхъ предположеній, онъ настаивалъ однако, чтобы не давали Пруссіи ни Мекленбурга взамѣнъ Мюнстера, ни Оснабрюка и Корвея, на которые имѣетъ право курфюрстъ ганноверскій, причемъ выражалъ желаніе, чтобы „вообще свѣтскія владѣнія остались въ настоящемъ ихъ положеніи“ во избѣжаніе новыхъ смутъ. Замѣчая „совершенное единодушіе“ между Франціей и Пруссіей, поддерживаемое Бернонвилемъ въ Берлинѣ, царь совѣтовалъ Моркову содѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ Филиппу Кобенцлю, такъ какъ „для Россіи не можетъ настоять

пользы, если потерпитъ вѣнскій дворъ". Но онъ не выражалъ сомнѣній относительно намѣреній Бонапарта, не придавая значенія слуху, будто онъ задумываетъ союзъ съ Пруссіей, Баваріей и другими нѣмецкими князьями. Александръ охотно согласился перенести переговоры въ Парижъ, по желанію Австріи, къ которому тотчасъ же пристала Пруссія. Онъ выразилъ собственноручно „безконечную благодарность" первому консулу „за все", что тотъ сдѣлалъ „ради него" для маркграфа баденскаго (№ 149), а Моркова извѣстилъ, что готовъ и здѣсь уступить въ случаѣ, еслибы баденскіе интересы мѣшали скорому рѣшенію нѣмецкаго вопроса (140).

8-го апрѣля Эдувиль съ полнымъ французскимъ блескомъ, съ „цѣлою колоніей сотрудниковъ" (№ 144), прибылъ въ Петербургъ, испытавъ пріятныя впечатлѣнія въ Берлинѣ (141) и непріятныя — съ перевала черезъ русскую границу (150). 5-го Морковъ вручилъ Бонапарту, на дипломатическомъ пріемѣ, свои вѣрительныя грамоты въ качествѣ полномочнаго министра. Но напрасно съ обѣихъ сторонъ возлагали большія надежды на полное возстановленіе правильныхъ сношеній. Оно было лишь офиціальностью. Попрежнему все обстояло благополучно лишь снаружи, и то благодаря особымъ усиліямъ поддерживать приличную внѣшность. Наиболѣе усердствовали въ Петербургѣ, гдѣ и легче было исполнить эту задачу. На берегахъ Сены „спѣсивый" и „скаредный" Морковъ, уязвленный исторіей съ Фулью, игралъ подлѣ дерзкаго, запальчиваго сына революціи съ казарменными манерами роль медвѣженка, попавшаго въ одну клѣтку со львомъ. На берегахъ Невы личности представителей двухъ народовъ отличались иными свойствами. Эдувиль, подобно Дюроку и Коленкуру, производилъ выгодное впечатлѣніе отмѣнною вѣжливостью, блестящею представительностью француза и наполеоновскаго генерала, съ придаткомъ величавой выдержки благоразумія, которая намекала на близость монархическаго переворота во Франціи. Онъ быстро снискалъ искреннее почтеніе и дружелюбіе не только при дворѣ, но и въ свѣтѣ, который даже невольно склонялся къ подражанію пріятному и ком-иль-фотному послу самой просвѣщенной и грозной націи. Императоръ не уступалъ ему въ граціозной внѣшности величія и даже въ мастерствѣ ея обязательной оболочки—французской рѣчи. Если онъ былъ пропитанъ еще джентльменствомъ, то суровость послѣдняго смягчалась миловидностью русскаго благодушія и юношескаго идеализма. Онъ сразу очаровалъ Эдувиля. Для хода дѣлъ было еще важнѣе, что въ молодомъ царѣ все явственнѣе проявлялись осторожность и подозрительность даже относительно друзей, напоминавшія Фридриха II въ старости, послѣ тяжкихъ испытаній. Онъ-то искреннѣе всѣхъ заботился о поддержаніи дружелюбія съ мстительнымъ корсиканцемъ, уже распоряжавшимся судьбами Запада: порой его уступчивость доходила до малодушія (№№ 243, 244, 245). И больше прежняго приходилось ему бороться съ собственными сотрудниками, которые тѣмъ сильнѣе поддавались какому-то юношескому за-

дору и раздражительности, чѣмъ рѣзче выдѣлялись на политическомъ фонѣ могущество и грозная воля республиканскаго Юпитера. Чувство нѣкоторой подавленности сквозило въ каждомъ разсчитанномъ шагѣ царя, тѣмъ болѣе что онъ видѣлъ неизмѣримую разницу между своими помощниками и правою рукой Бонапарта, этимъ утонченнѣйшимъ, быстрѣйшимъ и безустаннымъ Талейраномъ, съ котораго напрасно пытаются теперь снять вѣнецъ изобрѣтательнаго и безстыжаго генія дипломатіи той эпохи (142).

Императоръ поддерживалъ дѣятельную переписку съ первымъ консуломъ, въ которой не скрывалъ своего „восторга" отъ его успѣховъ (№ 213), своего почтительнаго изумленія передъ его талантами и превосходствомъ французской цивилизаціи вообще и ея военной стороны въ особенности, которую ему хотѣлось привить и къ Россіи (№№ 235, 236). Однажды онъ даже обратился лично къ Талейрану (№ 172), у котораго также завязалась переписка съ Куракинымъ, посылавшимъ ему высочайшіе подарки. Александръ I расхваливалъ Бонапарту Коленкура (№ 163), котораго сердечно удерживалъ въ Петербургѣ. Онъ осыпалъ милостями Эдувиля, явно отличая его на парадахъ, аудіенціяхъ, балахъ и жалуясь ему на-ушко, что этикетъ и ревность царедворцевъ не дозволяютъ бо́льшаго (№№ 228, 229). По его личному приказу, оказывались безпримѣрныя облегченія французской торговлѣ, что соотвѣтствовало и выгодамъ Россіи, и убѣжденіямъ царя, который дорожилъ мирными сношеніями между націями: возвратившійся 2 іюня въ Петербургъ Лессепсъ (стр. IV) былъ въ восторгѣ. Царь не только дѣлалъ подарки, но и посылалъ рескрипты французскимъ авторамъ, подносившимъ ему свои творенія. Министры, скрѣпя сердце, должны были выказывать любезную внѣшность. Самъ А. Р. Воронцовъ старался какъ бы сгладить свою англоманію оказательствами дружелюбія, приговаривая, что онъ—„только русскій" (№ 228). Немудрено, что вполнѣ развернулось французолюбіе старика Куракина, польщеннаго и письмами Талейрана, и дорогимъ подаркомъ,—того самаго „нашего премудраго вице-канцлера", который при Павлѣ примыкалъ къ противоположному кружку императрицы, Нелидовой и Репнина (143). Эдувиль „не могъ нахвалиться имъ" и извѣщалъ Талейрана: „онъ *въ восторгѣ* отъ вашего письма; онъ вполнѣ расположенъ къ намъ" (№№ 177, 185, 204). Вѣрится этой аттестаціи, когда читаешь докладъ вице-канцлера, проникнутый горячимъ желаніемъ представить планы Бонапарта „въ самомъ выгодномъ свѣтѣ" (№№ 176, 180).

Въ Парижѣ старались поддерживать тотъ же тонъ, хотя менѣе твердо: онъ прерывался порой выходками иного свойства. Вообще тамъ нерѣдко, какъ говорится, показывали зубы и лишь въ выгодныхъ для себя случаяхъ какъ бы гладили по головкѣ; захвативъ существенное, дѣлали уступки въ мелочахъ, играя на страстишкахъ съ обворожительною любезностью. Бонапартъ увѣрялъ, что вполнѣ уважаетъ Моркова, который подвергся „извѣстной непріятности" только вслѣдствіе его отлучки:

случалось даже, что онъ осыпалъ любезностями этого личнаго своего врага (№№ 156, 212). По просьбѣ царя, онъ то давалъ любезныя обѣщанія, то, хотя и туго, но оказывалъ милости эмигрантамъ (144),— Ришелье, Шуазелю-Гуфье, а также герцогинѣ Орлеанской (№№ 171, 234). Павла I думали подкупить новыми мундирами для русскихъ плѣнныхъ (стр. XVI, XVII), а Александра I—версальскимъ оружіемъ, молодую же императрицу—французскими модами (145). Куракину готовился серебряный столовый приборъ, болѣе близкій его сердцу, чѣмъ алмазы, „которыхъ у него вдоволь“ (№№ 185, 210, 228). Удивительнѣе всего было для всѣхъ болѣе глубокомысленное явленіе. Замѣчалось трогательное сближеніе между двумя кабинетами въ основной точкѣ зрѣнія на задачи правленія (146), которая, уже оказывалось, была одна и та же и у „азіятскаго деспота“, и у „либерала“, какъ называли иностранцы Павла I и Александра I (стр. XI, XLIV). Послѣдній видѣлъ, что во Франціи „вводятся монархическія формы“, и надѣялся, что Бонапартъ не станетъ болѣе „покровительствовать буйственную демократію“ (№ 165). Морковъ подтверждалъ, что въ Парижѣ имѣютъ въ виду возстановить „древніе титулы и саны“ и затѣмъ провозгласить перваго консула „императоромъ Галлій“ (№ 171). Самъ Бонапартъ предостерегалъ царя отъ „конституціи“, которою показался ему указъ о сенатѣ. Несмотря на то, что Морковъ „поправилъ его“, онъ долго распространялся о необходимости „сосредоточивать всѣ пружины правительства въ одной рукѣ“, указывая на собственный примѣръ. А по поводу „заговора“ Шубина онъ лично писалъ императору: „немного торжественности и великолѣпія—неизбѣжное бремя для особъ, занимающихъ такое мѣсто, какъ вы“ (№№ 211, 233).

Но дружелюбная внѣшность попрежнему, и даже еще болѣе, не соотвѣтствовала сущности вещей. Съ обѣихъ сторонъ росли чувства недовѣрія и отвращенія. Въ особенности они напрягались тамъ, гдѣ ярче высказывалась миролюбивая внѣшность. Эдувиль подтверждалъ наблюденія Дюрока и Коленкура насчетъ „англійскихъ и австрійскихъ склонностей“ русскаго кабинета и описывалъ, какія „большія противорѣчія въ совѣтѣ“ встрѣчалъ Куракинъ (№№ 185, 228). Министры добились-таки того, что конференціи съ нимъ велъ не вице-канцлеръ, а Кочубей, причемъ иногда молча присутствовалъ Чарторижскій (№ 228). На первой же изъ нихъ (№ 156) его правительство было за все осыпано упреками, рѣзко противорѣчившими крайне любезнымъ первымъ пріемамъ, особенно со стороны вице-канцлера. Кочубей прямо требовалъ „умѣренности и твердыхъ правилъ и уваженія ко всѣмъ независимымъ державамъ“ со стороны перваго консула, если онъ желаетъ, чтобы питали „довѣренность“ къ нему. Онъ „неоднократно повторилъ“, что „благопріязнь“ царя будетъ зависѣть исключительно отъ „взаимства и уваженія“ къ нему Бонапарта. Мало того. Кочубей вдругъ выдвинулъ щекотливый вопросъ, который взаимно охлаждалъ двѣ націи, касаясь ихъ самыхъ задушевныхъ убѣжденій, гдѣ онѣ наиболѣе расхо-

дились (стр. VIII, IX): къ великому смущенію Эдувиля, онъ заговорилъ о „строгости“ въ отношеніи тѣхъ французовъ въ Россіи, которые станутъ „легко судить о разныхъ вещахъ“ въ ней и не будутъ оказывать „всякое почтеніе къ ея обычаямъ“ (147). Немудрено, что депеши Эдувиля становились все тревожнѣе. Въ августѣ онъ уже положительно извѣщалъ объ открытіи имъ „значительной партіи войны“, съ Воронцовыми, Кочубеемъ и Морковымъ во главѣ, которые работаютъ надъ низверженіемъ Куракина, подъ руководствомъ „очень хитраго“ С. Эленса (№№ 197, 229). Можно себѣ представить горесть Эдувиля, когда Куракинъ получилъ отставку 17 сентября, и иностранныя дѣла сосредоточились въ рукахъ „личнаго друга Моркова“, канцлера А. Воронцова (№ 229). Ходили слухи, что старикъ палъ не то по интригамъ Кочубея, не то жертвой расположенія къ Франціи, которое доходило до сообщенія въ Парижъ нѣкоторыхъ тайнъ. Отставка Куракина, за которой послѣдовалъ указъ о сенатѣ, была такимъ ударомъ для Эдувиля, что онъ вообразилъ себѣ цѣлый „конституціонный переворотъ“ и предостерегалъ Талейрана насчетъ „козней и интригъ министерства, которое еще долго будетъ руководиться англійскимъ вліяніемъ“ (№№ 204, 207). Наши англоманы ликовали, какъ видно изъ писемъ А. Воронцова и Моркова. Съ отставкой Куракина въ офиціальномъ Петербургѣ почти вовсе не оставалось друзей Франціи. То же явленіе замѣчалось и внѣ Россіи, среди нашихъ дипломатическихъ миссій. Тамъ были и сущіе англичане (С. Воронцовъ), и австрофилы (Разумовскій), и даже пруссофилы (Алопеусъ): русскій человѣкъ, строгій самобытникъ съ виду и покладистый въ душѣ, вездѣ приспособлялся къ средѣ. Не было только „франкомана“, какъ называлъ Колычевъ Гаугвица: напротивъ, въ Парижѣ сидѣли заклятые враги революціи и Бонапарта. Въ ихъ ряды вступали даже тѣ, которые въ свое время были въ Аркадіи, какъ, напримѣръ, нашъ датскій посланникъ Лизакевичъ (148).

Эдувиль считалъ виновникомъ клеветъ на Куракина Моркова, который долженъ былъ теперь „радоваться и еще больше сплетничать“. Нашъ полномочный министръ дѣйствительно все сгущалъ мрачныя краски въ своихъ описаніяхъ Парижа. Его бѣсили и могущество Бонапарта, которое онъ ясно сознавалъ, и ловкость, съ которою Талейранъ удалилъ его и слѣдилъ за каждымъ шагомъ его миссіи: онъ уже просилъ дать ему тайнаго человѣчка, который имѣлъ бы „больше свободы“ для „собиранія свѣдѣній“, вродѣ нашего агента въ Вѣнѣ, эмигранта д'Антрега (149), имѣвшаго больше значенія, чѣмъ самъ Разумовскій (№№ 160, 234, 238). Морковъ, среди любезностей, внезапно подвергался то вспышкамъ гнѣва и приливамъ дерзкой шутливости (№ 192) Бонапарта, то небрежно-колкимъ жалобамъ Талейрана, которыя доходили по назначенію „за тайну“ черезъ Эдувиля (№№ 173, 203). Иногда его даже наказывали, какъ школьника, и за исторію съ Фулью, и за чиновничьи притѣсненія Эдувиля въ Россіи; завелась цѣлая дипломатическая переписка по поводу кареты и сбруи Моркова, причемъ Талейранъ ловко

назвалъ его пошлякомъ, въ вѣжливыхъ фразахъ (150). Морковъ изображалъ не только Талейрана, но и все гнѣздо Бонапартовъ скопищемъ продажности (№№ 181, 246), въ чемъ вполнѣ сходились съ нимъ описанія Люкезини (151). Онъ съ наслажденіемъ настаивалъ на выполненіи самыхъ непріятныхъ Бонапарту условій, пренебрегая внушаемою изъ Петербурга „осторожностью“, и даже грубо предъявлялъ ему обидные интимные рескрипты, которые именно предписывалось ему „беречь“ лишь для его „собственнаго свѣдѣнія“ (№№ 214, 237). При малѣйшемъ приглашеніи къ „откровенности“, онъ „не задумывался“ чуть не браниться съ первымъ консуломъ, отчитывая ему все, съ первыхъ шаговъ его правленія (№№ 212, 234). Съ Талейраномъ Морковъ изъяснялся еще свободнѣе. Онъ зачастую высказывалъ такія истины: „весьма прискорбно жить въ эпоху, когда судьба государствъ и монарховъ рѣшается въ 24 часа; прежде это было дѣломъ долгихъ размышленій и системы, теперь же нельзя и предвидѣть“ (№ 232).

Донесенія Моркова не могли оставаться безъ дѣйствія, несмотря на исторію съ Фулью. Если отбросить личныя оттѣнки, они касались существа дѣла. Тогда окончательно слагались тѣ мрачныя властительныя черты, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность историческаго облика Наполеона точно такъ же, какъ треуголка и скрещенныя руки его малорослой фигуры. Первый консулъ дѣлается нестерпимъ въ своемъ высокомѣріи, самомнѣніи и лихорадочной жаждѣ борьбы. Нервная раздражительность, мелочная щекотливость деспота приводятъ его къ рѣзкостямъ и дерзостямъ направо и налѣво, къ оскорбительнымъ, внезапнымъ сценамъ уже не съ опозорившеюся Австріей, но и съ такими силами, какъ Англія и Россія. Его письма къ царю становятся почти армейскими бюллетенями, безъ слова любезности: онъ даже не считаетъ нужнымъ отвѣчать на теплую благодарность Александра I за Коленкура (№ 198). Изъ его гнѣвныхъ устъ уже пророниваются выговоры царю даже за смѣну министровъ въ Петербургѣ, съ напоминаніемъ о тѣхъ выгодахъ, которыя онъ даровалъ его „родственникамъ и союзникамъ“. Онъ высказываетъ Моркову свое недовольство получаемыми имъ рескриптами и прибавляетъ: „я не могу простирать моей снисходительности до униженія обратиться въ вассала“. А когда Морковъ предложилъ ему перечесть бумаги и указать оскорбительныя мѣста въ нихъ, ему отвѣчали: „мнѣ не нужно читать во второй разъ...; я не могу сказать точно, но я вообще почувствовалъ, что стали изъясняться совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде“ (№ 234). Лицемѣріе и коварство сквозятъ повсюду. Уже каждое движеніе было дѣломъ тонкаго искусства, было разсчитано на душевное впечатлѣніе, на слабости противниковъ, и совершается публично, съ шумомъ и блескомъ сценическаго представленія. Уже выработалась знаменитая манера всеобщаго оглушенія внезапностью и неожиданностью: сегодня безпричинныя оскорбленія и запугиванія, рыканіе льва; завтра — такія же ласки кошачьей лапки, кротость и даже лесть, особенно когда первый

пріемъ встрѣчалъ твердый отпоръ; сегодня поразительная сдержанность и дѣтская незлобивость, завтра напускная запальчивость, это memento mori, воскресившее въ памяти смущенныхъ современниковъ погибель драгоцѣнной вазы, ускорившую миръ въ Кампо Форміо (№ 182). Макіавелизмъ уже объявлялся правиломъ жизни, которымъ могутъ пренебрегать только тупицы и пошляки. Если прежде Ростопчинъ могъ поразить міръ своей аксіомой о пожраніи сосѣдей (стр. XX), то теперь она находила подтвержденіе въ болѣе авторитетныхъ и красивыхъ словахъ Бонапарта: „справедливость государствъ, это—ихъ выгоды и удобства; вынужденное великодушіе есть страсть или, скорѣе, слабость“ (№ 154). Въ душѣ революціоннаго генерала разгоралась алчность міроправителя. Его хищническій взоръ уже выходилъ за предѣлы Европы, падая на широкую полосу народовъ отъ Португаліи до Индіи, отъ Швеціи до варварійцевъ Алжира и феллаховъ Египта. Краснорѣчивы, по своей задушевной омраченности, слова А. Воронцова въ самомъ концѣ описываемаго періода: „ненасытная страсть господствовать, одолѣвающая перваго консула, проглядываетъ во всемъ; никогда не знаешь, куда онъ мѣтитъ; и нужно ожидать всего отъ такой безпокойной, плодовитой на проекты головы, отъ человѣка, имѣющаго столько средствъ въ своемъ распоряженіи“ (№ 244).

Въ послѣднихъ словахъ признанія русскаго канцлера все дѣло. Бонапартъ сознавалъ свою силу среди окружающей немощи, замѣчая, какъ страшились его даже Александръ I и Морковъ. Особенно ясно стало ему это съ лѣта, когда все, казалось, поворачивалось къ нему, какъ лѣсная избушка передъ сказочнымъ богатыремъ. Тогда можно было считать оконченными въ его пользу вопросы не только итальянскій и швейцарскій, но и нѣмецкій. Материкъ, казалось, былъ въ его рукахъ—и можно было расправиться съ непокорною Англіей, тѣмъ болѣе что въ Парижѣ заискивала та самая Швеція, которая вчера только приступила къ англо-русскому союзу (стр. LXXII), а сегодня уже враждовала съ Петербургомъ, какъ видно даже изъ мелкой исторіи съ Панинымъ (№ 187). Парижскій властитель воображалъ, что уже пора было подумать о раздѣлѣ Турціи въ связи съ возстановленіемъ раздѣленной Польши. Морковъ доносилъ (№ 216), хотя и съ „отвращеніемъ“ къ этой сторонѣ своей „должности“, какъ скоплялись поляки вокругъ Костюшка, жившаго на французской пенсіи въ Парижѣ, по возвращеніи изъ Америки, и какъ собирались чествовать его даже „подданные его величества“ (152). А Бонапартъ старался все плотнѣе осѣтить не только его миссію, но и его правительство. Онъ жадно вчитывался въ депеши Эдувиля, которыя должно отнести къ числу источниковъ для внутренней исторіи Россіи. Въ нихъ рисуются не только дворъ, министерства и партіи наверху, но и общія черты нравовъ петербургскаго „свѣта“ (153), какъ живые факты, достойные пера такого Гомера, какъ авторъ нашей эпопеи 1812 года. Передъ нами проходятъ личности самого императора, обѣихъ царицъ, великаго князя Константина Павло-

вича, Александра и Семена Воронцовыхъ, Валеріана и Платона Зубовыхъ, Куракина, Панина, Кочубея, Строгонова, Чарторижскаго, Державина, Каменскаго, Толстого, Горчакова, Щербатова. Ихъ сопровождаютъ заманчивыя для любопытныхъ происшествія, отчасти извѣстныя изъ нашихъ историко-анекдотическихъ изданій, но въ болѣе полномъ и ясномъ видѣ (№№ 187, 197, 199, 228, 229, 230, 231), и во главѣ ихъ дѣло Шубина (№№ 199, 200, 211, 231), или „заговоръ", какъ выражались тогда (154). Важно, что наблюдательный дипломатъ схватывалъ и отраженіе событій въ общественномъ мнѣніи: онъ передавалъ, напримѣръ, даже вздорные толки, связывавшіе исторію Шубина частью съ Лондономъ, частью съ высокими особами (№№ 199, 200, 218). Эдувиль рисовалъ рѣзкими красками то, что̀ наиболѣе бросалось ему въ глаза, какъ иностранцу, республиканцу и западному человѣку, котораго отдѣляла отъ русскихъ цѣлая пропасть даже въ элементарныхъ житейскихъ понятіяхъ: мы уже не говоримъ о политическихъ убѣжденіяхъ, гдѣ разница такъ отчетливо и картинно опредѣлилась уже въ замѣчательныхъ преніяхъ парижскихъ палатъ по поводу слова „подданный" въ октябрьскомъ договорѣ (117). Эдувиль изумлялся „дикимъ обычаямъ" Петербурга, съ обиднымъ для штатскихъ господствомъ военнаго мундира, съ педантизмомъ чиноначалія, съ заматерѣлой рутиной даже въ способѣ ношенія орденовъ и съ негодной полиціей (№ 200). Онъ описывалъ „сплетеніе честолюбія, ненависти и жадности къ богатству" у вельможъ, которые „любятъ, чтобы ихъ поражали блескомъ, и нуждаются въ строгости", а также „бѣшеную погоню за модами и роскошью"—у ихъ дамъ, слѣдующихъ за мужьями въ ссылку, въ силу „вѣковаго предразсудка". Онъ знакомилъ французовъ съ дерущимися собственноручно генералъ-губернаторами и съ князьями-производителями фальшивыхъ ассигнацій.

Описанная выше картина офиціальной Франціи и ея отношеній къ намъ, приправленная желчью донесеній Моркова, не могла не вызывать соотвѣтственныхъ чувствъ въ офиціальной Россіи. Охлажденіе къ Парижу росло въ Петербургѣ съ каждымъ днемъ, особенно съ лѣта. Оно становилось ясно при дворѣ, гдѣ извѣстный своею прямотой Константинъ Павловичъ, только-что обидѣвшій Шампаньи въ Вѣнѣ, просилъ Эдувиля „не удивляться, что онъ порекомендуетъ ему одного француза" (№№ 228, 230). Самъ царь не могъ уклониться отъ вліянія общаго чувства. Напрасно министры приходили въ ужасъ отъ полной эманципаціи своего государя, когда онъ, не сказавъ имъ ни слова, внезапно рѣшился ѣхать въ Мемель на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, напоминая подобную же попытку своего отца (стр. VII). Напрасно въ ошеломленномъ Петербургѣ ломали голову и толковали, будто царь хочетъ возстановить Польшу, вознаградивъ за это Пруссію Саксоніей, Францію—Египтомъ, а Россію—Турціей; а въ Парижѣ радовались, что свиданіе монарховъ „сгладитъ послѣдніе слѣды австрійскаго вліянія на петербургскій кабинетъ" (№№ 165, 167, 169). Але-

ксандръ I былъ увлеченъ своеобразною мыслью не о служеніи Бонапарту, а объ его „обузданіи“ посредствомъ союза съ нимъ и съ его приспѣшникомъ, Берлиномъ (LXXIII). Оттого-то свиданіе, на которое императоръ выѣхалъ 1 іюня, было облечено такою таинственностью, „дающею весьма сытую на всякія заключенія пищу“, что самъ Бонапартъ зналъ о немъ немного больше нашихъ министровъ и нагло пытался втереться въ него, какъ der dritte im Bunde, приславъ письма къ обоимъ его соучастникамъ. И никто не зналъ, что̀ тамъ происходило. Носились даже слухи, что Александръ I сдержалъ данное Кочубею обѣщаніе вовсе не касаться политики; но никто не вѣрилъ этому (№№ 174, 178). Да и не могло ничего произойти при невѣрно задуманномъ планѣ. Послѣ 5 іюля, когда дворъ возвратился въ Петербургъ, здѣсь все пошло постарому. Самъ императоръ писалъ въ Берлинъ Алопеусу, что въ Мемелѣ ничего не происходило политическаго, и по винѣ Пруссіи, которая не шла на сближеніе съ Вѣной, затѣвая, кажется, союзъ съ Бонапартомъ по окончаніи дѣла индемнизаціи (155). Въ министерствѣ попрежнему господствовала вражда къ Пруссіи. Эдувиль совѣтовалъ Талейрану не вѣрить въ тройственный союзъ, такъ какъ англоманское министерство „крайне ревниво“ къ Пруссіи (№ 160). Ощущенія двора отражались на его чувствительномъ термометрѣ. Константинъ Павловичъ сдѣлалъ новое признаніе Эдувилю: „ненавижу пруссаковъ—сказалъ онъ—и охотно подрался бы съ ними: въ этомъ я — настоящій русскій“ (№ 230). А главное—петербургскій кабинетъ попрежнему велъ дѣло индемнизаціи съ явною враждебностью къ Берлину и съ „крайнимъ вниманіемъ“ къ Австріи, по замѣчанію Эдувиля.

Въ то же время Эдувиль долженъ былъ убѣдиться, что онъ былъ обязанъ своимъ выгоднымъ положеніемъ среди посланниковъ болѣе всего „дикимъ обычаямъ“, т.-е. своему военному мундиру. Онъ долженъ былъ указывать на опасности польскаго вопроса. Прошло всего семь лѣтъ съ той минуты, какъ было произнесено офиціально: „finis Poloniae!“ Но дѣло лишь начиналось въ народномъ смыслѣ: его жгучесть доказывалась смертельными поединками между молодежью (156). И вотъ, въ Парижѣ — поляки, а въ Петербургѣ — эмигранты, съ „Людовикомъ XVIII“ во главѣ (157). Александръ I докучалъ Бонапарту просьбами о французскихъ выходцахъ; а ему то обѣщали, то брали свое обѣщаніе назадъ. На его ходатайство о денежной помощи Людовику XVIII, его брату и племянникамъ послѣдовало согласіе, чтобы „вполнѣ унизить ихъ“, а однажды вдругъ было выражено обидно-загадочное желаніе, чтобы вся семья Бурбоновъ „поселилась и жила въ Москвѣ“ (№№ 156, 171, 183, 212). Но нужно вчитаться въ рескрипты Моркову послѣ мемельскаго свиданія, чтобы ясно представить себѣ, какъ разгоралось враждебное чувство къ Бонапарту въ душѣ Александра I. Здѣсь высказывается особое недовѣріе къ „нравственности“ Бонапарта и больше всего выставляется на видъ его „самовластіе“.

Здѣсь постоянно напоминаются ему такія понятія, какъ „умѣренность, справедливость, уваженіе чужой свободы“, которыя должны существовать „на дѣлѣ“, а не на однихъ словахъ. Къ концу года императоръ уже одобряетъ рѣзкія выходки своего посла въ Парижѣ, забывая свой обычный припѣвъ объ „осторожности“, и самъ дѣлаетъ такія внушенія версальскому владыкѣ, что послѣдній долженъ былъ, какъ мы видѣли, протестовать противъ роли „вассала“. Онъ высказывалъ надежду, что первый консулъ станетъ добиваться „одного только благороднаго и вѣрнаго вліянія — того, чтó пріобрѣтается привязанностью и признательностью тѣхъ, съ которыми обращаются честно и безкорыстно“. „Изумленный“ обманами Парижа, онъ иронизировалъ: „Было бы прискорбно, еслибы данное слово потеряло всякое значеніе; и французское правительство, въ силу всегда заявляемыхъ имъ чувствъ, какъ бы создано для того, чтобы признать, что тотъ, кто ввелъ бы этотъ обычай, первый раскаялся бы, возбудивши всеобщее неуваженіе и недовѣріе. Въ особенности это не приличествовало бы достоинству великой державы, которая не нуждается въ не очень почтенныхъ уловкахъ, если только цѣль ея — оставаться спокойной и счастливой“. Императоръ говорилъ отъ имени той Россіи, „совѣты которой заслуживаютъ, быть можетъ, особеннаго вниманія“, такъ какъ она, отдаленная зрительница, можетъ „болѣе здраво, предусмотрительно, хладнокровно и безпристрастно“ судить о событіяхъ (№№ 165, 214, 219, 220, 234, 242).

Такъ чувствовалъ и говорилъ осторожный, миролюбивый императоръ, котораго „англоманы“, или „партія войны“, считали чуть не бонапартистомъ. Пользуясь этимъ, его кабинетъ радостно шелъ дальше, особенно послѣ низверженія Куракина. Канцлеръ Воронцовъ, нерѣдко въ соучастіи съ Кочубеемъ, все болѣе часто и открыто сносился съ дипломатами Лондона и Вѣны, а Эдувилю отравлялъ бесѣды даже въ мелочахъ. То онъ „по разсѣянности“ назоветъ его „monsieur“ вмѣсто „citoyen“; то потребуетъ отъ него доносовъ на французовъ въ Россіи; то иронизируетъ насчетъ „наилучшаго примѣра“ нравственности, подаваемаго первымъ консуломъ. Онъ жаловался на вскрытіе нашихъ пакетовъ во Франціи, хотя тамъ жаловались на ту же систему въ Россіи. Онъ упрекалъ французовъ въ требованіи безпрекословно исполнять ихъ волю — „purement et simplement“. Свои инструкціи Моркову канцлеръ уснащалъ желчными выходками насчетъ „умѣренности и справедливости“, какъ вообще, такъ и по каждому вопросу текущей политики. А къ концу года уже начинались съ его стороны прямо воинственные совѣты императору (№№ 156, 222, 224, 228, 229).

При такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ, дѣла шли прежнимъ порядкомъ — медленно, шероховато, тѣмъ болѣе что политическія злобы дня осложнялись: опасались бѣды каждую минуту, словно всѣ стояли на почвѣ, изрытой минами. Оказалось, что октябрьскій миръ ничего не рѣшилъ въ первую четверть 1802 года. Все тѣ же докучные вопросы составляли дипломатическую жизнь, и попрежнему выдавались

среди нихъ дѣла Германіи и торговыя. Лишь подконецъ, когда развязалась нѣмецкая путаница, политика стала оживляться: на первый планъ выступали новая борьба Франціи съ Англіей и Черное море, но уже прямо въ видѣ восточнаго вопроса.

Любопытнѣе всего, въ смыслѣ характеристики двухъ правительствъ, былъ ходъ самаго стараго дѣла—объ участи Италіи, и особенно короля сардинскаго. Въ Петербургѣ никакъ не могли развязаться съ этимъ вопросомъ, путавшимъ всѣ нити нашей политики вслѣдствіе постановки, данной ему Павломъ I. Несмотря на то, что Александръ I, какъ говорится, махнулъ рукой на дѣла Италіи (стр. LX), первымъ словомъ Кочубея, въ первой официальной бесѣдѣ съ Эдувилемъ 17 апрѣля, было: „что же французы не возвращаютъ Пьемонта Карлу-Эммануилу IV и не уходятъ изъ неаполитанскихъ владѣній?“ На второе требованіе Эдувиль отвѣчалъ старымъ указаніемъ на „жребій Египта“, который рѣшится лишь съ подписаніемъ мира въ Амьенѣ; а противъ перваго выставилъ новую причину—такое „распаленіе умовъ“ въ Пьемонтѣ, что Карлу-Эммануилу нельзя и носа показать туда. Кочубей нашелъ такое толкованіе „натянутымъ“ и горячо осуждалъ примѣръ „лишенія одного изъ государей владѣній безъ всякаго повода и уваженія“ (№ 156). Моркову онъ предписалъ отнюдь не соглашаться на денежное вознагражденіе Карла-Эммануила. Пользуясь такимъ тономъ нашего министерства, посланники Сардиніи и Неаполя, подкрѣпляемые С. Эленсомъ, начали настаивать въ Петербургѣ и Лондонѣ, чтобы не признавали никакихъ перемѣнъ въ Италіи, пока не будетъ удовлетворенъ Карлъ-Эммануилъ IV. Но Александръ I усомнился, чтобы „Франція приписала большую важность этому признанію“ (№ 165). Вслѣдъ затѣмъ его сдержанность нашла себѣ пищу въ амьенскомъ договорѣ, гдѣ ничего не говорилось объ Италіи, такъ что Фердинандъ и Каролина окончательно излѣчились отъ своей „англоманіи“ (55). Наконецъ самъ Бонапартъ извѣстилъ Александра I объ очищеніи французами неаполитанскихъ и папскихъ владѣній (№ 162).

Моркову приходилось лишь обинякам подходить къ злополучному сардинскому вопросу. Но Бонапартъ отвѣчалъ ему по-военному: „это уже дѣло рѣшенное; денегъ сколько хотите, но больше ничего“ (№ 170). Въ іюнѣ Моркову помогъ важный случай. Карлъ-Эммануилъ прибѣгнулъ къ обычной въ его положеніи дипломатической уловкѣ: онъ отрекся отъ несуществующаго престола въ пользу своего брата, Виктора-Эммануила I, и поселился въ Римѣ, гдѣ и умеръ, 17 лѣтъ спустя, іезуитомъ. Викторъ-Эммануилъ, тотъ заклятый реакціонеръ, который вызвалъ революцію 1821 г. и согласился лучше отказаться отъ короны, чѣмъ принять конституцію, владѣлъ покуда однимъ островомъ Сардиніей, но торжественно извѣстилъ государей о своемъ восшествіи на престолъ. Извѣстительная грамота на имя перваго консула была подана Морковымъ, который кстати потребовалъ допущенія въ Парижъ С. Марсана, „снабженнаго самыми обширными полномо-

чіями отъ своего новаго государя", а также „приличнаго" вознагражденія послѣднему (№ 178). Нашъ суетливый дипломатъ даже маклерствовалъ, внушая С. Марсану мысль о подкупѣ Талейрана и самого Бонапарта (№ 181). Но Бонапартъ выслалъ С. Марсана даже изъ Франкфурта и выгонялъ его короля совсѣмъ изъ Италіи: онъ обѣщалъ начать переговоры съ послѣднимъ лишь въ томъ случаѣ, когда тотъ поселится въ Кальяри (№ 190). Вскорѣ несчастный король принужденъ былъ довести до свѣдѣнія Петербурга, „какъ ему непріятно, что вредный воздухъ" вытѣснилъ его изъ Рима. Александръ I послалъ ему теплое утѣшеніе и приказалъ Моркову „удвоить свои усилія", требуя снисхожденія къ королю, какъ награды себѣ за „все угодное первому консулу, въ особенности въ дѣлѣ вознагражденій" (№№ 194, 196). Отвѣтомъ на это было формальное присоединеніе Пьемонта къ Франціи 11 сентября, а 9 октября занятіе французами Пармы, Пьяченцы и Гвасталы: послѣднія земли были предоставлены Бонапарту люневильскимъ миромъ и договоромъ съ Испаніей 21 марта 1801 г., который создавалъ королевство Этрурію для сына Фердинанда Пармскаго, въ награду за близкое упраздненіе отца (стр. XXXII). Морковъ предложилъ дать сардинскому королю Парму и Пьяченцу, съ Генуей въ придачу, тѣмъ болѣе что Франція обязалась не распоряжаться ими безъ вѣдома Россіи. Бонапартъ какъ бы соглашался, замѣтивъ только, что этого было бы мало, притомъ герцогъ пармскій не уступитъ, да и „было бы жаль уничтожать такую древнюю республику", какъ Генуя: другое дѣло, еслибы дать королю что-нибудь... въ Турціи или Алжирѣ. Онъ обѣщалъ только, ради царя, „не тревожить" его въ Римѣ, гдѣ онъ игралъ „неподобающую особѣ его званія роль", да и то лишь „покуда это покажется ему удобнымъ". Онъ готовъ былъ, сверхъ того, выплачивать ему ежегодно 2 милліона ливровъ, да и тѣ Талейранъ грозился сократить до 150.000. Бонапартъ прибавлялъ, „что только изъ уваженія къ императору оставляетъ" экс-королю „покуда Сардинію и не трогаетъ Неаполитанскаго королевства". Тогда же онъ совѣтовалъ С. Марсану бросить службу у короля, съ которымъ уже покончили.

Вѣроятно, за эту милость онъ выступилъ тогда съ просьбой, въ видѣ совѣта, чтобы Александръ I призналъ королевство Этрурію и республики Лигурію съ Луккой. Но императоръ отказалъ наотрѣзъ, пока не будетъ „пристроенъ прилично" король сардинскій, что было тѣмъ легче исполнить, что, къ счастью, вскорѣ „неожиданно" скончался герцогъ Фердинандъ Пармскій, а его единственный сынъ, Людовикъ Этрусскій, сошелъ съ ума и умеръ въ 1803 г. Бонапартъ признался Моркову, что Парма и Пьяченца нужны ему для какихъ-то земельныхъ обмѣновъ съ Испаніей (№№ 195, 198, 209, 212, 213, 223, 226, 242, 243). Но такъ какъ Александръ I сталъ лично настаивать, и къ нему присоединился Фридрихъ-Вильгельмъ III, то Бонапартъ согласился дать экс-королю клочекъ земли въ Тосканѣ, съ городомъ Орбителло, къ которому прибавилъ потомъ еще княжество Сіенну—

всего-то 260.000 душъ, да еще униженіе въ видѣ 500-тысячной пенсіи за отреченіе отъ всѣхъ прежнихъ правъ. Да и за это онъ требовалъ признанія новаго порядка въ Италіи со стороны Россіи и Австріи, обѣщая взамѣнъ „дать свое согласіе на все, что произошло въ Польшѣ". Морковъ сначала отказался даже передать Виктору-Эммануилу, „столь недостойное" предложеніе. Но когда ему погрозили, что „если онъ пропуститъ этотъ случай", его кліенту будетъ хуже, онъ сознался, что „ничего лучшаго нельзя добиться", при „полномъ отсутствіи участія со стороны другихъ державъ": тогда Австрія уже признала королевство Этрурію (158). Но можно ли было полагаться даже на это, когда узнали, что въ то самое время, какъ Бонапартъ давалъ слово не тревожить короля въ Римѣ, онъ далъ новый приказъ выгнать его оттуда, что и было исполнено, а его войска внезапно заняли Парму? (№№ 223, 227, 229, 232, 234, 242, 243).

Такъ же тяжелъ и неразрѣшимъ былъ швейцарскій вопросъ, важный по замѣшанному въ немъ нравственному элементу. Здѣсь еще явственнѣе обнаруживалось „самовластіе" Бонапарта и пристрастіе Александра I къ „свободѣ" у чужихъ, которое поддерживалъ Лагарпъ, покинувшій Петербургъ лишь въ іюлѣ. Французы и не думали покидать эту землицу (стр. LXXII), на которую и въ наши дни обращаютъ вниманіе соперничающіе между собой сосѣди, какъ на важный стратегическій пунктъ. Бонапартъ писалъ даже царю въ маѣ, что „съ такимъ народомъ трудно справиться, не прибѣгая къ силѣ". Морковъ пророчилъ, что „въ одинъ прекрасный день Бонапартъ сдѣлается мечтою этой республики, какъ онъ сдѣлался мечтою Италіи". Правда, въ августѣ первый консулъ самъ извѣстилъ императора, что „удалилъ всѣ войска изъ Гельвеціи". Но въ октябрѣ заявилъ, что долженъ былъ снова „вмѣшаться", такъ какъ безпокойный народецъ „снова поднялъ революцію": онъ намекалъ на австрійскую партію федералистовъ, которая, по удаленіи французовъ, низвергла устроенное ими правленіе. И Ней снова сталъ распоряжаться въ Швейцаріи, какъ завоеватель. Правда, Бонапартъ ручался за независимость этой земли; но вскорѣ издалъ грозный манифестъ къ швейцарцамъ и старался, чтобы Россія примкнула къ нему. Царь сначала вѣрилъ Бонапарту, какъ казалось Эдувилю. Потомъ онъ приказалъ Моркову слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за дѣлами въ Швейцаріи, вывѣдывать взгляды другихъ дворовъ на нихъ и отнюдь не идти на приманки Франціи. Затѣмъ и министерство, и самъ царь стали упорно доказывать въ Парижѣ, что необходимо соблюдать „свободу" націй и что швейцарцы сами большинствомъ должны избрать себѣ форму правленія и придти къ тому равновѣсію, „которое только нарушается всякій разъ, какъ въ него вмѣшивается иностранное вліяніе". Только въ силу своего „участія къ Швейцаріи, которое никогда не прекратится", Александръ I позволилъ себѣ замѣтить однажды Эдувилю, что не слѣдовало возстановлять тамъ „отвратительнаго" стараго порядка вещей. И тотчасъ же канцлеръ сказалъ французскому послу,

въ отвѣтъ на его упрекъ за наши объявленія въ Корфу, въ которыхъ даже не упоминается Франція: „императоръ, вѣдь, не вмѣшивается въ объявленія перваго консула въ Швейцаріи". Бонапартъ расточалъ намъ прежнія увѣренія, а швейцарцамъ объявлялъ, что „ихъ политическое существованіе должно быть неразрывно связано съ Франціей". Въ то же время, въ концѣ года, въ Парижѣ появилась загадочная швейцарская „консульта", на подобіе ліонской; и ея депутатамъ было воспрещено показываться на глаза нашему и англійскому министрамъ. Что намъ было дѣлать, когда Австрія совсѣмъ бросала дѣло, ссылаясь, въ свою очередь, на наше безучастіе? (159). Моркову приходилось только меланхолически писать своему царю: „что отвѣчать человѣку, который держитъ тамъ 30.000 солдатъ, между тѣмъ какъ вы одни изъ всѣхъ державъ благоволите возвышать свой голосъ въ пользу этой націи?" (№№ 162, 182, 198, 211, 218, 219, 220, 221, 226, 229, 234).

Душой международной политики былъ нѣмецкій вопросъ: до осени онъ безраздѣльно игралъ первую роль, занимая почти каждый день дипломатовъ главныхъ державъ. И тутъ два парижскихъ мага дипломатіи превзошли себя въ образцовой виртуозности. Нужно изумляться складности и легкости ихъ взаимныхъ движеній, ихъ неистощимой находчивости и граціозному безстыдству въ виду безнадежной запутанности дѣла и усердія фюрстовъ. Тогда министры берлинскій, мюнхенскій, баденскій, нассаускій „дѣлали заявленія и подавали совѣты"; а вюртембергскій велъ даже переговоры съ Талейраномъ о личныхъ „маленькихъ выгодахъ" послѣдняго. Ф. Кобенцль твердилъ, какъ Катонъ: „мой дворъ требуетъ лишь точнаго исполненія люневильскаго договора", т.-е. вознагражденія для одного эрцгерцога за Тоскану, да для князей лѣваго берега Рейна (№№ 169, 181). Россія придерживалась своего принципа равновѣсія съ замѣтнымъ склоненіемъ вѣсовъ на сторону Австріи; Александръ I по-прежнему не думалъ педантично и самолюбиво отстаивать свои таблицы индемнизацiей. Но Бонапартъ сдержалъ слово внимательно заняться Германіей послѣ амьенскаго мира (стр. LXVIII) и внесъ въ дѣло всю свою энергію, гордую волю и изобрѣтательность, по-прежнему склоняясь на сторону Пруссіи, что̀ не мѣшало ему обращаться съ нею, какъ съ вассаломъ, въ случаѣ ослушанія. Какъ бы забывая о нашихъ таблицахъ, онъ выступилъ съ собственнымъ планомъ, который тѣмъ болѣе страшилъ всѣхъ, что покуда скрывался въ портфелѣ Талейрана. Зная силу внезапныхъ нападеній побѣдителя у Маренго, Кочубей поспѣшилъ замѣтить Эдувилю, на первой же конференціи, что, конечно, въ Парижѣ не станутъ исполнять своихъ намѣреній „безъ взаимнаго согласія" съ царемъ, который могъ бы всегда разрушить ихъ своимъ „неудовольствіемъ". Между тѣмъ въ концѣ апрѣля въ Парижѣ уже началась обычная артистическая игра. Здѣсь попрежнему попеременно то приманивали, то отталкивали сегодня Пруссію, завтра Австрію. Какъ прежде Берлинъ ошибся, ведя свою линію помимо Россіи, такъ теперь ту же судьбу испытала Вѣна. Францъ II вздумалъ

вести дѣло помимо Петербурга, который только „вредитъ“ ему. Его проводили обѣщаніями; и онъ не зналъ, какъ, за спиной Ф. Кобенцля, Франція сговорилась сначала съ Пруссіей, а потомъ и съ Россіей насчетъ его вознагражденій. Но и намъ пришлось испытать много горечи, пока настало это вожделѣнное согласіе. Долго Талейранъ угощалъ Моркова лестными обѣщаніями, особенно насчетъ князей, близкихъ сердцу императора, но не показывалъ своего плана. При этомъ онъ запутывалъ его противорѣчіями и заводилъ въ лабиринтъ безтолковыхъ мелочей германской конституціи, которыми владѣлъ искусно, изучивши разныя статистики и географіи; а всѣ рессурсы нашего дипломата состояли въ таблицахъ, въ двухъ-трехъ однообразныхъ рескриптахъ, да въ упорномъ повтореніи фразъ: „беру на доношеніе“, „не смѣю безъ новыхъ приказаній“. Сначала Талейранъ увѣрялъ, что берутся въ основу наши таблицы. Потомъ пошли, одна за другой, якобы очевидно необходимыя поправки, съ цѣлою артиллеріей цифровыхъ доказательствъ, иногда ловко подтасованныхъ. Такъ, покуда неизвѣстно для чего, были выдѣлены изъ надѣла эрцгерцога Мюнстеръ и добрая часть Франконіи. При этомъ оказывалось, что нѣкоторыхъ фюрстовъ некуда дѣвать, и обѣщалось „условиться о нихъ впослѣдствіи“. Чтобы польстить царю, тотчасъ было предложено курфюршеское достоинство Бадену, такъ какъ „трудно сохранить всѣхъ трехъ духовныхъ курфюрстовъ“: „можно оставить майнцскаго и, пожалуй, еще одного изъ двухъ—кельнскаго или трирскаго“. А главное, „нужно дѣйствовать, какъ на войнѣ“, сказалъ Талейранъ, т.-е. быстротой и натискомъ: „напишемъ съ вами двѣ одинакія ноты, пригласимъ посланниковъ Австріи и Пруссіи и вручимъ имъ эти безапелляціонныя условія“. Морковъ просилъ дать непріятелю хоть нѣсколько дней для совѣщанія, а ему самому доставить письменно точныя сравненія и расцѣнки. На первое согласились, но дали такой короткій срокъ, что бѣдные посланники не успѣли бы даже снестись съ своими дворами. А Моркову Талейранъ обѣщалъ вручить свой планъ „чрезъ нѣсколько дней“ (№№ 156, 158).

Десять дней спустя, Морковъ доносилъ: „много конференцій было у насъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ“. А толку никакого. Талейранъ опять забросалъ его соображеніями, „такъ что трудно и изложить на бумагѣ“, а письменно все-таки ничего не далъ, опять пообѣщавъ прислать „надняхъ“. Снова были пущены въ ходъ разныя надбавки баденскому и даже вюртембергскому: послѣднему также предложено курфюршество, такъ какъ оказывалось, что уже и двухъ духовныхъ курфюрстовъ сохранить трудно. Бонапартъ справедливо доказывалъ, что имѣлъ смыслъ одинъ майнцскій курфюрстъ, какъ эрцканцлеръ Нѣмецкой имперіи: онъ одинъ и уцѣлѣлъ, въ лицѣ поставленнаго Франціей Дальбера, благо тогда умеръ старый владыка. Потомъ въ Парижѣ опять соглашались на русскій планъ, только... относительно Баваріи, но зато здѣсь вполнѣ, только... за исключеніемъ Регенсбурга, куда нужно было „помѣстить“ курфюрста майнцскаго; зато баварскаго „вознаградятъ въ

другомъ мѣстѣ". На всѣ дополненія Моркова былъ одинъ отвѣтъ: „займемся и этимъ. и точно также исполнимъ". Только насчетъ Пруссіи сразу совсѣмъ разошлись. Оказалось, что для нея предназначались Мюнстеръ и Франконія, помимо герцогства Вестфаліи и епископствъ Падерборна и Гильдесгейма. Талейранъ шепнулъ Моркову, что первый консулъ хочетъ еще наддать что-нибудь, но онъ „постарается отговорить его". Когда Морковъ возразилъ, что долженъ снестись съ Петербургомъ, Талейранъ погрозилъ, что при такихъ „проволочкахъ" стороны „могутъ избрать другой путь". Какой? — „Могутъ приступить къ немедленному занятію". Затѣмъ Бонапартъ „съ сожалѣніемъ" согласился обождать. А Талейранъ самъ „тянулъ свою работу", не доставляя плана Моркову. Два дня спустя, 23 мая, Бонапартъ вдругъ написалъ царю категорически: „дѣла Германіи были обсужены съ министромъ в. в-ва и, полагаю, мы чрезъ нѣсколько дней представимъ сообща регенсбургскому сейму ноту, въ которой потребуемъ курфюршеской шапки для баденскаго и вюртембергскаго, а также всего, что̀ касается устройства различныхъ князей". Талейранъ, который зналъ отъ Люкезини о Мемелѣ больше, чѣмъ наши министры, пояснялъ Эдувилю эту неподражаемую фразу: „я убѣжденъ, что свиданіе императора съ прусскимъ королемъ можетъ быть только полезно въ этомъ отношеніи". Александръ встревожился. Онъ приказывалъ Моркову отнюдь не соглашаться на такую „жосткую" военную расправу съ Германіей и на увеличеніе Пруссіи въ ущербъ правъ англійскаго короля въ Ганноверѣ; онъ сдерживалъ его даже относительно Бадена, чтобы не сказали, что онъ „жертвуетъ разными уваженіями" для выгодъ своего тестя (№№ 159, 161, 162, 164, 165, 166).

Пока шелъ этотъ рескриптъ, въ Парижѣ совершилось событіе (160). Почти эпическій разсказъ Моркова (№ 169) отчетливо изображаетъ намъ, какъ мастерски Талейранъ обдѣлалъ дѣло въ теченіе трехъ томительныхъ недѣль. Тутъ таинственный „планъ" уже читали ему, но въ руки не давали; а Талейранъ превзошелъ себя въ искусствѣ торгаша. Онъ безподобно „поднималъ цѣну австрійской доли и обезцѣнивалъ тѣ же предметы въ долѣ Пруссіи". Выходило, что соблюдено наше основное начало—„сохранить между главными домами въ Германіи равновѣсіе, существовавшее до войны", а между тѣмъ и при бѣгломъ слушаніи Морковъ замѣтилъ, что „доля Пруссіи превосходитъ долю Австріи". „Желая взять приступомъ согласіе Александра", по словамъ Биньона, Талейранъ потребовалъ немедленно послать планъ на сеймъ въ Регенсбургъ отъ имени Франціи и Россіи. Морковъ началъ-было отвѣчать грозно: императоръ-де „не согласится принимать мнѣніе перваго консула за законъ". Но тутъ снова выступили на сцену щедро одаренные „принцы, которые имѣли честь пользоваться покровительствомъ императора или состоять въ родствѣ съ нимъ". Затѣмъ Талейранъ шепнулъ „какъ бы по довѣрію", что иначе „принуждены будутъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ" и что „новыя затрудненія будутъ приписаны не-

доброжелательству къ Пруссіи“ самого Моркова. Тутъ нашъ дипломатъ „задумался“. Припомнивъ „необузданный и рѣзкій нравъ“ Бонапарта, а также „частые приказы щадить его“, чтобы „не вызывать взрыва“, онъ придумалъ своеобразный выходъ, изумившій дипломатовъ Европы. 3 іюня подписали ноту въ двухъ экземплярахъ для своихъ полномочныхъ при сеймѣ, а рядомъ—*Соглашеніе* (№ 168), уничтожающее ее въ случаѣ, если не послѣдуетъ согласія императора „въ теченіе 50 дней или, если можно, раньше“. Такъ поступилъ дипломатъ, который тутъ же „смиренно“ заявлялъ своему императору убѣжденіе, что нота 3-го іюня „слишкомъ очевидное зло“, что она произведетъ „полный переворотъ въ Германіи“ въ пользу „потока французскаго честолюбія“: единственный оплотъ противъ этого потока, Австрія, „потеряетъ все свое значеніе и вліяніе“, а „принцы, могущество которыхъ усилится, благодаря Франціи, навсегда останутся ея приверженцами и слугами“ (№ 169). Онъ забылъ прибавить, что коллегія курфюрстовъ перерождалась къ погибели Австріи: введеніе въ нее Бадена, Вюртемберга и Гессенъ-Касселя превращало ее изъ католической (5 католиковъ и 3 протестанта) въ протестантскую (4 католика и 6 протестантовъ), т.-е., на будущихъ выборахъ Габсбурги должны были распроститься съ императорскою короной. Это объяснилъ ему самъ Бонапартъ, сказавъ, что, за исключеніемъ *только* этого, даже Вѣна будетъ довольна его планомъ (№ 170).

Талейранъ не боялся Вѣны, если Петербургъ согласится. Онъ спѣшилъ воспользоваться дружелюбіемъ Куракина, положеніе котораго уже подрывалось „англоманами“. Онъ самъ написалъ ему, 6 іюня, письмо, въ которомъ объяснялъ необходимость поднять Пруссію и Баварію, какъ „противовѣсъ Австріи“, и восхвалялъ свой трудъ, какъ верхъ „безпристрастія и уваженія къ политической благопристойности“. А главное—онъ доказывалъ, какъ „опасна малѣйшая проволочка въ такую минуту, когда всѣ страсти возбуждены, всѣ козни пущены въ ходъ“, и просилъ „ни на минуту не откладывать дѣйствія славнаго третейскаго суда, который призваны совершить Франція и Россія“ (№ 172). Письмо сопровождала депеша Эдувилю, въ оправданіе дѣла предназначенная для двора и свѣта (№ 173). Это единственная изъ напечатанныхъ нами до сихъ поръ, весьма длинная и вполнѣ обработанная депеша Талейрана, а по содержанію и формѣ—его Маренго, одинъ изъ блестящихъ памятниковъ дипломатическаго искусства: столько здѣсь ясности слога, изящества передержекъ, самоувѣренной доказательности, напускной теплоты, учености и торжественности! Только вслушиваясь въ эту дипломатическую симфонію, сплошь написанную (въ черновой) рукой Талейрана, чувствуешь мастера, проработавшаго всѣ извивы макіавелизма, и соболѣзнуешь о положеніи Моркова. Авторъ могъ надѣяться на успѣхъ: такъ хорошо доказалъ онъ, что вся забота Бонапарта состояла въ „угожденіи“ Александру I и даже Моркову, въ усиліяхъ „установить навсегда за Россіей право прямаго вмѣшательства въ дѣла

Германіи“. Впрочемъ, при всемъ своемъ убѣжденіи въ сочувствіи „всѣхъ честныхъ и просвѣщенныхъ людей“, онъ считалъ нужнымъ посредствомъ страха „побороть страсти, разрушить предубѣжденія, исправить понятія“. Онъ приказывалъ Эдувилю „сопротивляться всякимъ измѣненіямъ“ и „особенно настаивать на быстромъ рѣшеніи“, чтобъ „не надѣялись выиграть время для отправки курьеровъ въ Вѣну“. Въ случаѣ неудачи, Эдувиль долженъ былъ немедленно послать курьера въ Парижъ, чтобы тамъ „успѣли принять сподручныя мѣры, чтобы заговорить на сеймѣ именемъ одной Франціи“.

Работа кипѣла: 24 іюня вечеромъ „съ необычайною быстротой“ прискакалъ французскій курьеръ Дюкло съ бумагами отъ 6-го числа, и ему приказано было возвратиться обратно „не позже, какъ черезъ 10 дней“. 25-го утромъ Эдувиль передалъ бумаги Куракину (161), который въ тотъ-же день отправилъ ихъ въ Мемель. Тревожно, съ изъявленіемъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ чувствъ, „умолялъ“ онъ императора одобрить планъ и поторопиться. Пышными фразами изъ депеши Талейрана превозносилъ онъ планъ, которымъ „всѣ должны быть довольны“, который доставляетъ Австріи „все, чего она сама требовала раньше“. Въ то же время къ Александру I спѣшилъ другой курьеръ, съ письмомъ Бонапарта. Писали ему прямо и прусскій король съ маркграфомъ баденскимъ, прося одобрить планъ (№№ 176, 177). А дипломаты фюрстовъ осаждали наше министерство. Пользуясь этимъ случаемъ, Куракинъ отправилъ 3-го іюля другой докладъ (№ 180). Основываясь на словахъ баварскаго посла, онъ писалъ объ „единодушномъ“ восторгѣ „всѣхъ“ нѣмецкихъ князей и еще горячѣе распространялся о своей „искренней радости“, о своемъ „счастьѣ“ по поводу того, что пришелъ наконецъ „самый удобный моментъ сохранить за Россіей то значеніе и вліяніе, которое пріобрѣли ей блестящія царствованія предшественниковъ“ Александра I, которому судьба уготовала славу „покровителя Германіи и ангела мира вселенной“ (162).

Старикъ поспѣшилъ радоваться. Мемель хранилъ молчаніе, которому придавало зловѣщій смыслъ слѣдующее донесеніе Эдувиля Талейрану: „Курьеръ Моркова, пріѣхавшій на русскую границу въ одно время съ Дюкло, отправился прямо за императоромъ въ окрестности Вильны. Я узналъ отъ шведскаго посланника и баварскаго министра, что Морковъ возобновилъ передъ императоромъ съ прежнимъ упорствомъ всѣ возраженія, которыми онъ осаждалъ васъ“. Затѣмъ прибавлено: „я имѣю основаніе предполагать, что Кочубей раздѣляетъ его взглядъ“ (№ 186). И онъ былъ правъ: Кочубей назвалъ многотрудное произведеніе Куракина (№ 176) „докладомъ довольно страннымъ или глупымъ“ (163): онъ выступилъ передъ царемъ адвокатомъ взгляда, противоположнаго мнѣнію Куракина (164).

Дѣло въ томъ, что уже 26 іюня къ Куракину снова пришелъ Эдувиль, который, какъ видно, именно тогда узналъ отъ камергера императора, „француза, женившагося въ Петербургѣ на важной особѣ“,

что „вице-канцлеръ чрезвычайно польщенъ подаркомъ, предназначеннымъ ему первымъ консуломъ“ (№ 185). Рѣшившись сгоряча тотчасъ-же пустить входъ всю свою артиллерію, онъ далъ ему понять, что, въ случаѣ отказа, придется прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ. Куракинъ, предвидя „большія противорѣчія въ совѣтѣ“, которыя не замедлили встрѣтиться, посовѣтовалъ ему сходить къ Кочубею, который „ближе него стоитъ къ этому важному дѣлу“. Эдувиль явился къ Кочубею 27-го. Онъ былъ пораженъ увѣреніями, что императоръ будетъ согласенъ въ главномъ; впрочемъ займется дѣломъ лишь по своемъ возвращеніи въ столицу; да и самому Кочубею нужно время, чтобы „рѣшиться на что-нибудь“, изучивши предварительно права князей, которыхъ „очень много“—до 34. „Не ожидая добра отъ такой мѣшкотности“, Эдувиль подалъ, 28 числа, ноту (№ 179), по значенію сходную съ знаменитой нотой Колычева (стр. XLIV). Здѣсь было „замѣчено въ отвѣтъ на возраженія“, что „отказъ принять планъ *purement et simplement* заставитъ искать другихъ сдѣлокъ, и въ особенности строгаго вознагражденія эрцгерцога, помимо Зальцбурга“. Тутъ гроза была не въ одной формѣ, но и въ содержаніи. Для Австріи не было ничего выгоднѣе, какъ промѣнять, подъ видомъ вознагражденія ея эрцгерцога, отдаленную и чуждую Тоскану на такія сопредѣльныя, нѣмецкія, воинственныя и богатыя своими солеварнями земли, какъ Зальцбургъ и Берхтесгаденъ. То былъ, въ миніатюрѣ, знаменитый планъ „обмѣна земель“ Іосифа II, вызвавшій стараго Фридриха II на войну за баварское наслѣдство, которая привела къ пресловутой нашей „инфлюенціи“ по Тешенскому миру. Понятно, какъ Габсбургъ, а за нимъ всѣ враги Пруссіи и Бонапарта, крѣпко схватились за это условіе. И до сихъ поръ они были спокойны: въ люневильскомъ договорѣ Зальцбургъ и Берхтесгаденъ были выставлены, какъ „основный предметъ вознагражденія“ эрцгерцога, что̀ и заставляло Австрію чуть не гордиться этимъ актомъ опозоренія ея вѣковаго величія. Можно представить себѣ ихъ ужасъ, когда въ нотѣ 28 іюня оправдались чисто-военныя слова Талейрана Эдувилю: „статья люневильскаго договора о Зальцбургѣ не можетъ служить препятствіемъ“, такъ какъ она „предполагаетъ, что могли еще столковаться насчетъ разцѣнки“ взаимныхъ вознагражденій (№№ 173, 176).

Кочубей нашелъ ноту Эдувиля „строгою и неумѣстною“, такъ какъ онъ еще „недостаточно высказался“, чтобы дѣлать ему „довольно рѣшительное заявленіе“. Эдувиль стоялъ на своемъ, да еще потребовалъ, чтобы, въ случаѣ согласія, ускорили дѣло, давъ приказъ не черезъ Парижъ, а прямо русскому министру въ Регенсбургъ. Кочубей нашелъ этотъ способъ „неудобнымъ“, тѣмъ болѣе что на сеймъ посылается нами для столь важнаго дѣла нашъ министръ въ Мюнхенѣ, Бюлеръ. 30-го іюня Куракинъ пригласилъ къ себѣ Эдувиля. У него сидѣлъ Кочубей. Русскіе дипломаты потребовали взять назадъ ноту, „въ которой заключается какъ-бы угроза“, но прибавили: „вы не нахвалитесь рѣшеніемъ императора, которое мы передадимъ вамъ въ концѣ

недѣли". Эдувиль согласился, „соображая, что нота уже произвела свое дѣйствіе", но пригрозилъ возвратить ее, если не согласятся вполнѣ на планъ вознагражденія Пруссіи, Баваріи и Австріи. Дѣйствіе было произведено на самомъ дѣлѣ. Какъ ни осаждалъ австрійскій посланникъ наше министерство, какъ ни требовалъ онъ наддачи эрцгерцогу, крича, что планъ совсѣмъ нелѣпъ, словно его составляли „въ Великой Индіи", опасенія подѣйствовали, въ соединеніи съ чарами Мемеля и съ личною перепиской съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, по замѣчанію С. Воронцова. 16 іюля императоръ согласился вполнѣ, потребовавъ только назвать ноту сейму *Объявленіемъ на сеймъ*. Объявленіе тогда же отправлялось Моркову (№ 186) для препровожденія Бюлову вмѣстѣ съ такою же бумагой Талейрана его полномочному въ Регенсбургѣ (165).

Англо-руссы выходили изъ себя. С. Воронцовъ восклицалъ: „нельзя не сознаться, что эти проклятыя нѣмецкія вознагражденія заставили насъ сыграть скверную роль". Но Александръ I уже далъ отвѣтъ историкамъ въ двухъ откровенныхъ и ясныхъ рескриптахъ Моркову отъ 17 іюля (№№ 188, 189). Онъ съ трудомъ „превозмогъ" свою „первую мысль" — отказаться отъ участія въ продѣлкахъ Бонапарта. Но его сломило опасеніе, что дѣло будетъ сдѣлано и безъ Россіи, такъ какъ изнуренная войной Австрія была вяла, а противъ нея стояли Франція, Пруссія и другія главныя государства Германіи: упорство могло породить лишь пріятное для парижскихъ смутниковъ замѣшательство и лишить Австрію даже предоставляемыхъ ей выгодъ. Какъ только согласіе императора пришло въ Парижъ, опять съ необычной быстротой Талейранъ тотчасъ же, 4 августа, послалъ свой экземпляръ „Объявленія" французскому министру въ Мюнхенѣ, Лафорэ, котораго перевелъ для этого въ Регенсбургъ, предписавъ ему „вполнѣ соединяться" съ Бюлеромъ во всемъ, и увѣрилъ въ этомъ царя черезъ Эдувиля. 8 сентября сеймъ принялъ „Объявленіе" въ формѣ conclusum'а (предварительнаго заключенія), гдѣ, ради Австріи, было сказано, что могутъ быть допущены „измѣненія" (№№ 193, 201).

Повидимому, участь Германіи была рѣшена. Въ сущности же такой хаосъ, какъ пресловутая конституція священной Римско-нѣмецкой имперіи, могъ быть разсѣянъ только ея истребленіемъ, какъ вскорѣ доказала исторія. Пока въ Регенсбургѣ писался „конклюзумъ", возникла цѣлая куча неладныхъ вопросовъ. Александръ I тотчасъ же заговорилъ о „своихъ близкихъ родственникахъ", къ которымъ онъ питалъ „особенную любовь" (166). Онъ думалъ (не безъ участія Куракина): если создаются три новыхъ курфюрста, то отчего бы не сдѣлать четвертаго въ лицѣ герцога мекленбургъ-шверинскаго, „состоящаго въ столь близкомъ со мною свойствѣ?" Это значило помогать Пруссіи, подрывать поддерживаемую нами Австрію, т.-е. ставить вопросъ такъ же, какъ ставилъ сардинское дѣло Павелъ I, увлекаясь чувствами. Но оказалось, послѣ многихъ хлопотъ и стараній самого Бонапарта и Пруссіи, что герцогъ мекленбургскій „и не желалъ курфюрстскаго достоинства, которое

было бы ему въ тягость“ (№№ 176, 186, 188, 189, 193, 227, 229). Но больше всего пекся императоръ о „своемъ дядѣ по браку“, епископѣ любекскомъ, герцогѣ Ольденбургскомъ, съ которымъ онъ былъ связанъ также „личнымъ знакомствомъ и дружбой“. Цѣлый рядъ депешъ, рескриптовъ и даже личныхъ писемъ Бонапарту посвященъ хлопотамъ о вознагражденіи чѣмъ-нибудь этого фюрста за потерю доходовъ съ одной упраздненной таможни (№№ 186, 188, 189, 191, 193, 205, 206, 211, 220, 222, 227, 229, 239). Всячески старались обдѣлить сосѣдей и соперниковъ Любека — вольные города, особенно Гамбургъ, доказывая, что Бонапартъ давалъ имъ слишкомъ много (№№ 173, 227, 243). Дѣло затихло только тогда, когда епископъ получилъ „легкую надбавку“ и когда были исполнены новыя просьбы маркграфа баденскаго „и другихъ родственныхъ князей“ (№№ 220, 239). Впрочемъ императоръ сначала осторожно хлопоталъ о курфюршескомъ достоинствѣ для своего тестя, будучи увѣренъ, что оно, „конечно, произведетъ и неудовольствіе, и жалобы“, — фраза, которую поясняютъ слова Эдувиля о „ревности императрицы-матери къ выгодамъ баденскаго дома“ (№№ 166, 197). За родственными чувствами выступали пристрастія къ Даніи и Ганноверу (167).

А тамъ возникали требованія епископа льежскаго и курфюрста майнцскаго. Даже Георгъ III англійскій, въ качествѣ ганноверскаго курфюрста, чувствовалъ стѣсненіе отъ вольныхъ городовъ и „крайне стоялъ“ за свои „старинныя фамильныя притязанія“ на епископства Гильдесгеймъ и Корвей, переходившія къ Пруссіи; но его успокоили епископствомъ Оснабрюкомъ. Одна Пруссія была „довольна всѣмъ“ и уже ходатайствовала за насъ въ мелочахъ предъ Бонапартомъ (№№ 174, 176, 198, 218, 227, 229): она такъ радовалась установленію согласія между Россіей и Франціей,—этого „существеннаго условія для *новыхъ* плановъ!“... (168).

Хуже всего было то, что Австрія никакъ не хотѣла ложиться и умирать. Она держалась спокойно, въ сторонкѣ, только пока препирались изъ-за нея между собой Россія и Франція: тогда Ф. Кобенцль хранилъ такое молчаніе, что выводилъ Моркова изъ терпѣнія и далъ поводъ Талейрану подсмѣиваться надъ послѣднимъ, какъ надъ „рыцаремъ Австріи“. Какъ только дѣло было кончено, Австрія стала „обнаруживать нѣкоторое нежеланіе“ принять планъ, какъ писалъ Александръ Бонапарту (№ 191). Но въ Парижѣ предвидѣли это. Чтобы обуздать Вѣну, а отчасти и воздѣйствовать на Петербургъ, Бонапартъ уже за двѣ недѣли до отправки Дюкло сталъ опутывать фюрстовъ искусною бумажною сѣткой. 20-го мая герцогъ вюртембергскій отказался отъ своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна въ виду выгодныхъ вознагражденій. 23-го мая то же сдѣлалъ прусскій король, разыгравшій при этомъ жалкую роль. Бонапартъ вдругъ сократилъ свои обѣщанія: не давалъ Пруссіи ничего ни въ Вестфаліи, ни во Франконіи. На упреки Люкезини стращали Россіей, потомъ прибавили кусокъ епи-

скопства Мюнстерскаго съ городомъ Мюнстеромъ. Тогда Люкезини подписалъ съ Талейраномъ тайную конвенцію, которая обезпечивала за Пруссіей ея индемнизацію, причемъ она должна была въ тотъ же день гарантировать нассаускому дому вознагражденіе за Голландію. Мало того. Пруссія и Нассау получили право взять свои доли тотчасъ же, не спрашивая Германіи (169). Когда Морковъ развѣдалъ, Люкезини сказалъ ему въ оправданіе: „а развѣ вы сами не переговаривались безъ моего вѣдома насчетъ Германіи?“ Въ успокоеніе онъ замѣтилъ, что всѣ планы Берлина уже получили одобреніе императора въ Мемелѣ. 5-го сентября Бонапартъ устроилъ другую конвенцію съ Пруссіей и Баваріей, чтобы не дать пикнуть Австріи, тѣмъ болѣе что Россія уже была у него въ рукахъ съ 16-го іюля: тутъ обезпечивались за Баваріей и ея старыя владѣнія, и свѣженькія вознагражденія. И эта конвенція была совершена за спиной Моркова. А потомъ оправдывались, что, вѣдь, онъ взялъ бы на доношеніе, а „нельзя было терять ни минуты“, въ виду посягательствъ Австріи на нѣкоторыя части Баваріи. Бонапартъ находилъ, что еще лучше, если Россія „по собственному побужденію“ пристанетъ къ сдѣлкѣ, на которую она, конечно, посмотритъ „съ удовольствіемъ“, такъ какъ она именно создаетъ противовѣсъ Берлину и Вѣнѣ, „полагая основаніе третьей державѣ путемъ сосредоточенія и расширенія Баваріи“. Несмотря на подводимыя подъ него интриги, проученный Морковъ уже не подписалъ этой конвенціи: его не смутили даже увѣренія Люкезини, будто ему извѣстно, что царь доволенъ конвенціей 5 сентября. Пруссія и Баварія настаивали въ Петербургѣ на утвержденіи конвенціи, такъ какъ уже пора было принять „сильныя мѣры“ противъ неугомонной Австріи. Александръ I горячо одобрилъ воздержность своего посланника. Онъ отказывался „отъ всякаго вида принужденія, неприличествующаго званію посредника“, и даже послалъ Моркову строгій рескриптъ (№ 219) противъ насилій надъ Австріей (170). Испуганный Фридрихъ-Вильгельмъ III поспѣшилъ заявить, что Люкезини подписалъ конвенцію „безъ его позволенія“ (№№ 184, 201, 212, 214, 215).

Сильныя мѣры не мѣшало принять. Сначала молчавшая Австрія вдругъ отвергла, 24-го августа, планъ 3-го іюня, находя болѣе выгоднымъ для себя октябрьскія „русскія таблицы“. Горячо поддерживаемый Морковымъ, Ф. Кобенцль все упорнѣе добивался въ Парижѣ увеличенія надѣла своего государя, и именно насчетъ Баваріи, а въ Петербургѣ Францъ II предлагалъ даже составить тройной союзъ съ Пруссіей, на что послѣдовалъ отвѣтъ: „Поздно! Мы сами предлагали вамъ это, годъ тому назадъ, но безуспѣшно“ (171). Мало того. Въ августѣ же австрійцы заняли Пассау (172), хотя и по примѣру пруссаковъ, которые вступили во владѣніе Мюнстеромъ и Гильдесгеймомъ, да не пропустили бы и Аугсбурга, еслибы не грозный видъ войскъ эрцгерцога Карла. Взбѣшенный Бонапартъ сказалъ Ф. Кобенцлю: „я лучше васъ знаю черезъ моихъ тайныхъ агентовъ, что вѣнскій кабинетъ все еще руково-

дится духомъ Тугута!“ Грозила бѣда. Александръ I потребовалъ отъ Франца II немедленнаго очищенія Пассау, а Бонапарту посовѣтовалъ сдѣлать какую-нибудь уступку. Пошелъ торгъ, неясные слухи о которомъ сильно смущали Моркова. Бонапартъ предлагалъ Францу II разные планы, прибѣгая даже иногда къ собственноручной перепискѣ. Сначала это были вздорныя уступки: напримѣръ, придать блеску великому магистру Тевтонскаго Ордена, т.-е. эрцгерцогу Карлу. Наконецъ Бонапартъ предложилъ отнять для Австріи у Баваріи епископство Эйхштедтъ (173), но прибавилъ: „это—уже послѣднее“ (№№ 191, 208, 211, 212, 218). Кобенцль отказался и отъ этого (174). Бонапартъ сталъ открыто грозить войной, такъ что напугалъ даже Талейрана. Тогда и Александръ I строго замѣтилъ Францу II, что онъ „зашелъ слишкомъ далеко“ и идетъ противъ всѣхъ: онъ даже замѣтилъ, что въ случаѣ войны Россія будетъ не на его сторонѣ. А Бонапарту онъ внушалъ, будто Ф. Кобенцль дѣйствовалъ „по личному неблагоразумію“: въ Вѣнѣ согласятся на Эйхштедтъ, особенно если сдѣлать „легкую надбавку“. Францъ II принужденъ былъ воспользоваться деликатнымъ выходомъ изъ имъ же созданнаго нелѣпаго положенія.

Тутъ поднялась Баварія. По словамъ А. Воронцова, „ея министры вездѣ совались, чтобы Эйхштедта отъ нихъ не отбирали“. Ихъ поддерживали пруссаки, по „вкорененной ихъ ненависти къ Вѣнѣ“. Но Бонапартъ внезапно вступилъ въ переговоры съ Ф. Кобенцлемъ, по обыкновенію выставивъ противъ него своего брата, Іосифа, и опять за спиной у Моркова, будучи увѣренъ, что „Россія всегда подпишетъ все, что ему угодно“. Но Морковъ добился участія „во всѣхъ обсужденіяхъ“. И кстати. По мѣткому выраженію А. Воронцова, Ф. Кобенцль и тутъ „не могъ удержаться, чтобъ не торговаться“. Онъ выставилъ „множество нелѣпыхъ требованій“, но Морковъ уговорилъ его сдаться. 26-го декабря была подписана сдѣлка между Іосифомъ Бонапартомъ и Кобенцлемъ, къ которой присоединилась Россія. Моденскому Габсбургу прибавили австрійскій Ортенау, за который вознаградили Франца II секуляризованными епископствами Тріентомъ и Бриксеномъ; а эрцгерцогу Тосканскому, который становился курфюрстомъ зальцбургскимъ, „наддали“ епископство Эйхштедтъ. Баварію обѣщали вознаградить нѣсколькими клочками земли, которыми „еще не успѣли распорядиться“. Талейранъ, который уже собирался выходить въ отставку, негодуя на Бонапарта за близость войны изъ-за индемнизацій, радостно писалъ на другой день Эдувилю: „при искреннемъ содѣйствіи императора, окончательное рѣшеніе дѣла объ индемнизаціяхъ, безъ сомнѣнія, совершится въ нѣсколько недѣль“ (№№ 211, 214, 218, 219, 220, 221, 229, 230, 234, 237, 239, 240, 242). Бонапартъ съ радости наговорилъ Люкезини кучу любезностей, къ которымъ не привыкъ несчастный посланникъ, столько разъ ошельмованный въ присутствіи всѣхъ дипломатовъ. Того же 26-го декабря Австрія признала въ тайномъ договорѣ королевство Этрурію (стр. LXIII) и „всѣ измѣненія въ Италіи съ люневильскаго мира“ (175). Вѣнскій

профессоръ, Фурнье, говоритъ: „такъ погибло старое могущество Австріи и въ Италіи, и въ Германіи, а Л. Кобенцль былъ веселъ и находилъ, что многое спасъ“. А. С. Воронцовъ негодовалъ на то, что въ Регенсбургѣ Бюлеръ игралъ роль „прихвостня и раболѣпнаго слуги французскихъ министровъ“.

Хотя нѣмецкій вопросъ не завершился въ теченіе 1802 года, онъ переставалъ быть узломъ политики съ августа, когда было послано въ Регенсбургъ торжественное объявленіе Россіи и Франціи. Съ того времени онъ уступалъ мѣсто второму основному вопросу текущей дипломатіи—восточному, который развивался отчасти подъ невинной личиной русско-французской торговли. Помимо горячаго характера Бонапарта, у котораго на минуту освобождались руки на западѣ, еще одно важное обстоятельство дѣлало его опаснымъ и мудренымъ. Онъ не разрѣшался даже при полномъ единодушіи между Россіей и Франціей: уже тогда онъ былъ неразрывно связанъ съ жизненными интересами Англіи. Это прекрасно обозначилось въ первой же конференціи Эдувиля съ нашимъ министерствомъ, 17 апрѣля. Заговоривъ о коммерціи вообще, нашъ гость сталъ особенно напирать на выгоды черноморской торговли „для Россіи“. Кочубей поправилъ его: Россія заботится о ней только ради Франціи. Но она не перестанетъ твердить (стр. XLVI), что Бонапартъ долженъ прежде всего замириться съ Портой и успокоить ее насчетъ Египта выводомъ своихъ войскъ изъ Неаполитанскаго королевства. Эдувиль тотчасъ указалъ на присутствіе англичанъ въ самой Александріи, подъ обычнымъ предлогомъ „безначалія“ въ странѣ, не говоря уже о Мальтѣ, которая ближе Неаполя даже къ африканскимъ владѣніямъ султана (№ 156).

Кочубей замѣтилъ что̀-то неладное: Эдувиль стѣснялся или недоумѣвалъ. Еще болѣе недоумѣвалъ Морковъ мѣсяцъ спустя: когда султанъ уже приступилъ къ амьенскому миру, Талейранъ, разсуждая о мемельскомъ свиданіи, замѣтилъ вскользь: „я слышалъ, цѣль его—сдѣлка насчетъ Турціи“. Туманъ сгущался отъ странныхъ дѣлъ на Іоническихъ островахъ. Тамъ внезапно появился англійскій морской отрядъ, хотя и безъ него кипѣла борьба партій: Бонапартъ увѣдомлялъ царя, что велѣлъ своему повѣренному въ Корфу, Ромьё, во всемъ слушаться Моцениго, которому писали о томъ же изъ Петербурга; а Моцениго, подстрекаемый Морковымъ, жаловался, что ему житья нѣтъ отъ Ромьё; Ромьё же точно также жаловался на Моцениго. Въ Парижѣ также шли перекоры между Морковымъ и Талейраномъ по этому поводу (176). Да и давно ли тамъ собирались отдать острова сардинскому королю или Австріи, лишь бы совсѣмъ отнять ихъ у султана? Невольно забывался пессимизмъ Моркова и вѣрилось его мнѣнію, что Бонапартъ самъ завладѣетъ островами и что онъ вообще замышляетъ что-то противъ Турціи. У Кочубея возникала даже мысль спасти острова отъ когтей Бонапарта, подкупивъ Талейрана, чтобы онъ самъ предложилъ ихъ Неаполю (177). Александръ I торопилъ Бонапарта съ турецкимъ миромъ, совѣтуя даже

покуда отложить вопросъ о черноморской торговлѣ. Впрочемъ онъ выхлопоталъ-таки пропускъ купеческихъ судовъ Франціи въ Черное море. А Бонапартъ заключилъ миръ съ Портой 25-го іюня, привлекши къ участію въ немъ Пруссію и устранивъ посредничество Россіи (№№ 161, 163, 175, 182, 212, 222, 229, 243), которую, однако, благодарилъ за помощь (178).

Когда, вслѣдъ за конвенціями и договорами съ Россіей, Англіей и Германіей, и Порта была опутана трактатомъ, завѣса приподнялась. 4-го августа, послѣ офиціальнаго обѣда, Бонапартъ былъ очень любезенъ съ Морковымъ, „много и неоднократно" бесѣдовалъ съ нимъ. Вдругъ онъ сказалъ, что, на его взглядъ, Турція „разрушается до того, что остается только подобрать ея развалины". „Впрочемъ—прибавилъ онъ—турки народъ храбрый и воинственный: будь у нихъ хорошіе вожди, Россія никогда не достигла бы нынѣшняго могущества и блеска. Да нѣтъ ли во владѣніяхъ его величества какого-нибудь *предполагаемаго* наслѣдника константинопольскаго престола?" На шутку Моркова отвѣтомъ была шутка: „Мнѣ нуженъ мусульманинъ: я слышалъ отъ васъ, что въ Россіи проживаютъ нѣкоторые татарскіе принцы, потомки Чингизъ-хана". Затѣмъ однажды Бонапартъ замѣтилъ небрежно, что его вовсе не интересуютъ дѣла Персіи. „И неправда, доносилъ Морковъ: помимо того, что въ его журналахъ говорится о нихъ съ цѣлью распространить тревогу насчетъ ихъ исхода, онъ возвратился къ мысли отправить полковника Себастьяни въ Тегеранъ" (№ 192). Недѣлю спустя, Талейранъ началъ распространяться передъ Морковымъ объ „окончательномъ и весьма близкомъ разложеніи Порты". Еще черезъ недѣлю Бонапартъ отвѣчалъ на приставанья Моркова съ сардинскимъ дѣломъ, что готовъ помѣстить Карла-Эммануила IV въ Турціи или Алжирѣ. Онъ объяснился: „Турецкая имперія готова рухнуть въ Европѣ, и ея сосѣдки, Россія съ Австріей, естественно пожелаютъ имѣть свою долю въ ея развалинахъ. Я ничему не воспротивлюсь, если только предоставятъ Франціи сподручныя ей доли. Еслибы не изъ чего было образовать удѣлъ сардинскому королю въ Греціи, то можно бы завести рѣчь о берегахъ Африки, когда тамъ будетъ разрушена берберская сила, чѣмъ я займусь немедленно" (№ 195). Послѣднее рѣшеніе засѣло въ мстительномъ сердцѣ корсиканца, такъ какъ алжирскій бей оскорбилъ его тогда своею заносчивостью. Онъ писалъ даже Александру I, что нужно сговориться для истребленія африканскихъ пиратовъ — этого „позора" всей Европы. Царь отвѣчалъ выраженіемъ своего „восторга" да поздравленіемъ, когда возмездіе совершилось съ помощью французскихъ фрегатовъ (№№ 198, 213). Въ началѣ октября Бонапартъ опять „повелъ" Моркова „на востокъ Европы и въ Африку", все по причинѣ сардинскаго короля. Впрочемъ, замѣтивши „чувства" собесѣдника „по глазамъ" его, онъ поспѣшилъ прибавить: „я и самъ хорошо понимаю, что всѣ эти идеи слишкомъ неясны и ненадежны". А въ концѣ того же мѣсяца, когда царь совѣтовалъ дать Эйхштедтъ эрцгерцогу, Бонапартъ

воскликнулъ: „австрійскій домъ и безъ того слишкомъ могущественъ; и онъ станетъ еще сильнѣе, когда его естественно призовутъ къ раздѣлу развалинъ Отоманской имперіи, которой угрожаетъ близкое разложеніе". Морковъ замѣтилъ въ своемъ донесеніи: „эта мысль насчетъ Турціи появляется во всѣхъ его разговорахъ со мною" (№№ 209, 212).

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше увлекался Бонапартъ восточнымъ вопросомъ. Онъ уже добивался пропуска *военныхъ* кораблей въ Черное море, чтобы защищать купеческія суда „отъ пиратовъ", вѣроятно, африканскихъ. Онъ все настойчивѣе и язвительнѣе упрекалъ Моцениго въ противодѣйствіи французамъ, напоминая письмо Александра I, послѣ коронаціи, о совмѣстномъ дѣйствіи на Іоническихъ островахъ (№ 122). Съ другой стороны, онъ завлекалъ насъ содержать войска на островахъ „подольше" и довести ихъ до 5.000, а также прислать туда 3—4 фрегата, которые могли бы, вмѣстѣ съ французскими кораблями, захватить всѣ суда варварійцевъ. Англійскій министръ въ Парижѣ былъ „въ истинной тревогѣ", опасаясь за Египетъ и Морею. Морковъ негодовалъ, распинаясь за Порту, хотя самъ тогда же (№ 238) охотно вступилъ въ тайныя сношенія съ турецкимъ бунтовщикомъ, виддинскимъ пашой, Пасванъ-Оглу (179). Онъ кричалъ о стремленіи Бонапарта „впутать насъ въ серьезное препирательство съ Портой", особенно когда провѣдалъ черезъ шпіона-грека, что новому французскому посланнику при Портѣ, Брюну, дается инструкція подстрекать султана къ низверженію господарства въ Молдавіи и Валахіи (№№ 192, 229, 238, 239, 241, 243).

Но этотъ планъ нужно было ловко сплести съ другою задачей, лежавшею тяжелымъ бременемъ на плечахъ Бонапарта, — съ борьбой противъ непримиримой соперницы, Англіи. Необходимо было положить пропасть между Петербургомъ и Лондономъ. Еще въ апрѣлѣ Бонапартъ попробовалъ мелкое средство. Мы видѣли, какъ опасалась наша дипломатія ревности Англіи въ черноморскомъ вопросѣ (стр. LXXIX). Талейранъ далъ слово Моркову сохранить въ глубокой тайнѣ наши хлопоты въ Константинополѣ. Но на другой день испанскій министръ, а на третій — англійскій, стали распрашивать объ этомъ нашего бѣднаго дипломата. Морковъ къ Тайлерану съ упреками. Но тотъ просилъ извинить „природную откровенность перваго консула, которая иногда мѣшаетъ ему скрывать свои надежды". „Столь важное для всякой торговой націи" обстоятельство оставило жало въ сердцѣ Джона Буля. Затѣмъ сами англичане помогли дѣлу. Они неловко затронули вопросъ, мелкій съ виду, но касавшійся почти всей Европы. Это — судьба Мальты, встревожившая даже папу и Неаполь, а также Баварію и Испанію, которымъ принадлежали нѣкоторые пріораты Ордена. Черезчуръ опасаясь длинныхъ рукъ Бонапарта, англичане устроили въ амьенскомъ договорѣ X статью, замѣчательную въ лѣтописяхъ дипломатіи по своей безтактности (180). Здѣсь постановлялось, безъ предварительнаго согласія императора, что Россія, наравнѣ съ другими держа-

вами, обезпечиваетъ независимость возвращаемой Ордену Мальты. Понятно удручающее впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ актомъ, который, не заключая въ себѣ всѣми ожидаемаго обезпеченія Неаполя и Сардиніи, блисталъ такою статьею, продиктованною вдобавокъ тѣми самыми англичанами, которыхъ никакъ нельзя было вытѣснить съ острова. Тамъ сразу поняли, какая страшная обуза наваливалась на Россію, и безъ всякаго возмездія, чтò могло смутить самого творца страннаго мальтійскаго вопроса. Ктому же Александръ I строго относился къ народнымъ заработкамъ: Эдувиль слышалъ, что онъ думаетъ совсѣмъ развязаться съ Мальтійскимъ Орденомъ, чтобы „сберечь для Россіи" деньги, которыя тратилъ на него Павелъ I (№№ 157, 158, 202).

И вотъ, произошелъ новый дипломатическій скандалъ,—одинъ изъ многихъ, которыми наполнена описываемая эпоха. Императоръ, только-что вполнѣ согласившійся на сдѣлку о Мальтѣ (стр. LXV), вдругъ возсталъ противъ нея, притомъ вопреки мнѣнію большинства своего совѣта, слѣдуя главнымъ образомъ указанію Куракина. Поэтому, какъ только С. Эленсъ заговорилъ о X статьѣ, ему дали понять, чтобы не надѣялись на согласіе царя, тѣмъ болѣе что „между гарантами Россія поставлена ниже Гишпаніи". Тоже заявили Эдувилю (№№ 157, 165). Бонапартъ написалъ Александру, что „ни на шагъ не отступитъ отъ его желаній", заявивъ то же самое Моркову (№№ 163, 170). Но Англія торопила и дѣйствовала съ рѣдкою настойчивостью, несмотря на три отказа въ три мѣсяца, такъ что Эдувилю подумалось, не хочетъ ли она сдѣлать изъ этого „яблоко раздора между первымъ консуломъ и Александромъ I", а самой „подольше удержать Мальту?" Наконецъ Талейранъ предписалъ Эдувилю поддержать ее и такъ, чтобы „Россія оказалась лишь приступающею державой", т.-е. не могла бы выводить отсюда права „на какое-либо особое покровительство надъ Мальтой и ея Орденомъ" (№№ 182, 187, 193, 197, 229). 3-го ноября Эдувиль и англійскій посолъ подали тожественную ноту, приглашавшую царя къ гарантіи Ордена (№ 217). Намъ нельзя было ставить вопросъ круто: въ августѣ уже Австрія приняла X статью. А. Воронцовъ и отвѣчалъ нотой 24-го ноября (№ 225), что императоръ не отказывается, но предлагаетъ собственный проектъ дополнительной статьи къ амьенскому договору или особой конвенціи, которая „исправляла" X статью, присоединяя, между прочимъ, Неаполь къ числу поручителей. Бонапартъ тотчасъ согласился (№ 234) и приглашалъ къ тому же Англію (181).

Между двумя единственными преградами властолюбію Бонапарта произошелъ разладъ въ ту минуту, когда съ ихъ стороны требовалось наиболѣе единодушія.

Къ концу 1802 года политическій небосклонъ омрачался. Побѣдитель у Маренго чувствовалъ приливъ силъ, сознавалъ всеобщее оцѣпенѣніе подъ давленіемъ сходившихся въ его рукахъ нитей дипломатіи, и массы отборнаго войска, готоваго ринуться на знакомый путь торжествъ. И его бурная природа, и это побѣдоносное воинство скучали безъ

дѣла, которое такъ легко доставляло имъ рай земной. Имъ овладѣвали жажда внѣшней дѣятельности, самовластіе, ярость. Чуялось ему, что пришла пора раздавить одинокую соперницу за Каналомъ и залечь Соловьемъ-Разбойникомъ всѣ дороги, отъ угрюмыхъ озеръ Шотландіи до улыбающихся береговъ Босфора, до опьяняющихъ нѣгой водъ Инда. Горе было ставшимъ ему на пути! Баловня судьбы въ военномъ мундирѣ не остановили бы ни годная для простыхъ смертныхъ мораль, ни склоняющаяся предъ мечомъ дипломатія.

Судьба Англіи, казалось, была уже рѣшена. Бонапартъ ненавидѣлъ ее, какъ исчадіе ада: „онъ живетъ только мыслью объ ея уничтоженіи", доносилъ Морковъ наканунѣ Новаго года. Онъ, отчасти не безъ основанія, всюду видѣлъ ея козни: въ Тамплѣ содержался только-что изловленный новый охотникъ изъ ея арміи заговорщиковъ и убійцъ (№ 234). Въ портахъ Тулона и Марсели снаряжались грозные фрегаты; у устьевъ Рейна скоплялись красные мундиры. И какъ ни шумно повелитель материка развивалъ мысль Карла V о крестовомъ походѣ цивилизаціи противъ варварства полумѣсяца въ Африкѣ, въ воображеніи общества невольно воскресала картина Непобѣдимой Армады (№ 244). Бонапартъ не могъ только совладать съ своею „природной откровенностью". Джаксону становилось невыносимо. И его пріятелю, Моркову, приходилось больше всѣхъ выслушивать свистъ корсиканскихъ стрѣлъ, летѣвшихъ за Каналъ. Въ ноябрѣ, когда, чтобы оправдать новый титулъ, давались совѣты царю не сокращать властной руки какою-то конституціей (стр. LXXXIV), онъ былъ пораженъ такими словами: „поднятыя послѣднею бурей волны не настолько улеглись, чтобы не опасаться новой грозы; а въ случаѣ новаго взрыва *императоръ Галлій* выйдетъ противъ своихъ враговъ". Затѣмъ полились проклятія на „непомѣрное честолюбіе англичанъ въ Великой Индіи", посыпались перечисленія ихъ „постоянныхъ захватовъ". А въ заключеніе вопросъ: „не правда ли, вы могли бы даже сухимъ путемъ сдѣлать съ этой стороны большую диверсію и противопоставить оплотъ ихъ грабительству?" Нашъ маленькій Наполеонъ по пылкости и спѣси „согласился и даже представилъ ему эту возможность въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ самъ думалъ". Но онъ вдругъ вспомнилъ рескрипты и прибавилъ: „впрочемъ, хоть на время не должно касаться такихъ мыслей" (№ 233).

Но если въ воображеніи Бонапарта гордый островъ становился роскошнымъ подножіемъ славы императора всея Галліи, то откладывать-ли судьбу такъ тѣсно связаннаго съ нимъ восточнаго вопроса? И отчего изъ львиной доли „развалинъ" Порты не дать клочка другому, еще болѣе восточному колоссу въ Европѣ? Ктому же нужно было отвлечь вниманіе этого колосса отъ Запада, пока тамъ будетъ происходить кровавая расправа съ его вчерашними друзьями. Отсюда, именно въ самомъ концѣ года, особенныя ласки и заигрыванья съ нимъ. Тогда-то пошли въ ходъ и версальскіе оружейники, и французскія модистки (стр. LXXXIV). Явились мелкія уступки на Мальтѣ и Корфу, да громкое

приглашеніе раздѣлить славу Франціи въ борьбѣ за „человѣколюбіе и честь націй“ (№ 241). Довольный вписаніемъ въ исторію „вѣчно прекрасной страницы“, благодаря Россіи (дѣло индемнизаціи), Бонапартъ находилъ „превосходною“ политику „столь уважаемаго и любимаго имъ“ государя, какъ Александръ I. Онъ внушалъ Эдувилю „держаться возможно ближе“ къ царю и царицѣ и сойтись съ Чарторижскимъ, вообще же „сохранять и расширять довѣріе, пріобрѣтенное Франціей въ Россіи за послѣдніе годы“. „Это важно для спокойствія Европы— прибавлялъ Талейранъ: нельзя думать, чтобы въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ не было чувствъ досады и смутничества; только тѣсное соединеніе Франціи съ Россіей въ состояніи предотвратить дурныя послѣдствія отсюда“ (№№ 210, 239). Казалось, совсѣмъ неумѣстна была иронія Кочубея, по поводу первой конференціи съ Эдувилемъ: „сей министръ распространялся нѣсколько тѣми разсужденіями, какія неоднократно знаменованы были въ разныхъ бумагахъ правительства французскаго, — что *обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а соединясь, важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ* (№ 156).

Но колоссъ не ловился на удочку. Здѣсь-то царь былъ особенно остороженъ. Словно не понимая намековъ Сирены съ береговъ Сены, онъ твердилъ о честности преимущественно въ отношеніи къ сосѣдямъ. Вопреки всеобщему мнѣнію, что Петръ I и Екатерина II завѣщали своимъ преемникамъ виды на Константинополь (15) онъ, подобно своему отцу, оборонялъ султана, какъ въ первые дни своего правленія (стр. XLVI), такъ и въ послѣдніе дни 1802 года (№ 244). И вотъ, Эдувиль получаетъ приказаніе „не стѣсняться отправками курьеровъ“, чтобы „доставлять болѣе частыя и обстоятельныя извѣстія обо всемъ, происходящемъ вокругъ него“, такъ какъ „первый консулъ придаетъ большое значеніе“ этому. Онъ обѣщалъ посылать даже „нарочныхъ“ (№№ 210, 228). Его депеши становятся все интереснѣе къ концу года: съ 10-го декабря къ нимъ прилагаются особые бюллетени новостей. А въ Парижѣ слѣдуетъ рядъ мелкихъ уколовъ самолюбію колосса, и даже тамъ, гдѣ ему было обѣщано, что „ни на шагъ не отступять отъ его желаній“ (стр. XCVII). Въ то время, какъ нота Эдувиля (№ 217) обязывала Францію признать магистромъ Мальтійскаго Ордена кліента Россіи, избраннаго папой на основаніи амьенскаго договора, Морковъ извѣщалъ (№ 195), что папа принужденъ измѣнить свой выборъ „по наущенію французскаго правительства“. А когда былъ избранъ новый магистръ, Русполи, Бонапартъ схватилъ ѣхавшую къ нему депутацію отъ папы и, чтобы не пропустить его въ Римъ, велѣлъ ему прибыть въ Парижъ, а оттуда въ Тулонъ, гдѣ онъ сядетъ на французскія суда, которыя отвезутъ его на Мальту (№ 244). Бѣдному Моркову становилось едва ли не хуже, чѣмъ Джаксону. Бесѣды съ нимъ версальскаго Юпитера, на офиціальныхъ обѣдахъ, все сильнѣе оглушали его своимъ задоромъ и внезапностью оборотовъ. Онъ жаловался царю: „ревность къ могуществу в. в—ва про-

является часто, и не только въ рѣчахъ перваго консула, но и въ издаваемыхъ подъ его вліяніемъ сочиненіяхъ“ (№ 192). Когда, въ концѣ октября, Морковъ упрекнулъ Бонапарта за то, что принятое обѣими сторонами посредничество Россіи въ мирѣ съ Турціей было замѣнено вмѣшательствомъ чуждой дѣлу державы, тотъ воскликнулъ: „того требовала сама Порта, которую тревожатъ воспоминанія прошлаго и страхъ за будущее“ (№ 212).

Въ ноябрѣ и декабрѣ становилось душно (182). Мирнымъ, осторожнымъ императоромъ овладѣвало безпокойство. „Столько важныхъ дѣлъ, еще не приведенныхъ къ концу! восклицалъ онъ: не успѣешь покончить одно, какъ другое готовитъ тебѣ новыя затрудненія“ (№ 219). Все перепутывалось и осложнялось. Возникали новые вопросы—мальтійскій, англійскій, польскій, который подсовывался Бонапартомъ всюду, даже къ Сардиніи. Принималъ новый видъ вопросъ восточный. А старыя злобы дня не исчезали. Дѣло индемнизаціи было кончено только формально, да и то еще ожидалось утвержденіе со стороны главнаго участника, нѣмецкаго императора. Щекотливая сардинская исторія, если шла къ концу, то, казалось, къ самому худому. Въ Парижѣ вдругъ стали приставать къ Моркову съ „многократными и сильными настояніями“, чтобы провести свое non possumus относительно Пьемонта (№ 232). А въ Петербургѣ еще болѣе внезапно и формально потребовали „исполненія тайной конвенціи“, не желая болѣе терпѣть „уклончивости“ и „двуличности“; тамъ рѣшили, что „Пьемонтъ не долженъ навѣки оставаться въ рукахъ Франціи“, которая должна отдѣляться отъ Италіи Альпами; царь ни въ какомъ случаѣ не дастъ „ни своего полномочія, ни своей гарантіи ни на что подобное“ (№№ 243, 244). Тѣмъ же тономъ заговорила наша дипломатія по отношенію къ Швейцаріи: даже, вопреки принципу царя, она начинала высказываться о ея внутреннихъ дѣлахъ (№№ 242, 244).

Но задорнѣе всего выступала она въ сношеніяхъ съ Франціей.

Въ концѣ декабря Морковъ снова съ полною „откровенностью“ отчиталъ Бонапарта въ лицо за все, начиная съ своего пріѣзда (№ 234). А изъ сферъ, куда недавно посылались съ береговъ Сены алмазы мира и любви, доносились грозныя проповѣди нравственности. Офиціальный вождь англомановъ, А. Воронцовъ, сталъ болѣе развязнымъ, видя, что царь не станетъ сдерживать ихъ пылъ съ прежнею силой. Онъ осмѣлился даже сказать Эдувилю (№ 229), что дружелюбное письмо царя первому консулу объ Іоническихъ островахъ было написано „вопреки его мнѣнію“ и что тутъ „Россія должна дѣйствовать въ одиночку“ (183). Канцлеръ заподозрѣвалъ Бонапарта во всемъ. Онъ предписывалъ Моркову слѣдить за отправкой Брюна въ Константинополь, „котораго будетъ сопровождать цѣлый весьма многочисленный штабъ изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, въ особенности же изъ инженерныхъ“. Ему „пришло въ голову“, что, подъ предлогомъ отправки великаго магистра, Бонапартъ хочетъ „выпустить свои суда изъ Тулона; а разъ они достигнутъ

Мальты, имъ легко будетъ двинуться оттуда въ Африку, въ Грецію и даже въ Египетъ“ (№ 244). А въ канцлерскихъ наставленіяхъ Моркову говорилось, по поводу отказа султана въ пропускѣ военныхъ судовъ Франціи въ Черное море: „Какъ бы ни рѣшила тутъ Порта, его величество ни въ какомъ случаѣ не согласится на такую уступку... Его вовсе не обманываютъ фразы Бонапарта. Онѣ не тревожатъ его и не заставятъ думать, что и ему слѣдуетъ бросить правила справедливости и честности, которыми онъ намѣренъ руководиться. Онъ и безъ того очень хорошо понимаетъ, какъ мало вообще должно полагаться на добросовѣстность перваго консула и въ особенности на его доброжелательство къ Россіи... Двумъ великимъ державамъ слѣдовало бы объясняться между собой откровенно и безъ неумѣстныхъ недомолвокъ, чтобы во-время устранять возможныя взаимныя непріятности и не давать накопляться причинамъ недоразумѣній, которыя могли бы, дойдя до извѣстнаго предѣла, привести къ непріятному и вредному охлажденію или даже къ вспышкамъ, исхода которыхъ никогда нельзя предвидѣть“ (№ 243).

Этотъ тонъ получаетъ страшное значеніе въ виду того, что А. Воронцовъ очень печалился объ отсутствіи „тѣсной связи съ берлинскимъ дворомъ, которая была бы крайне умѣстна“. А Александръ I такъ утѣшалъ себя послѣ мемельскаго свиданія, разочаровавшись въ Пруссіи: „внутреннее положеніе Россіи улучшится и, возстановивъ порядокъ въ своихъ разстроенныхъ частяхъ, она будетъ въ состояніи, при первомъ удобномъ случаѣ, показаться на европейской сценѣ въ достойномъ ея величія видѣ“. Если нельзя было полагаться на „коварный“ Берлинъ, за то, по наблюденіямъ Эдувиля, начали „быстро слѣдовать другъ за другомъ“ курьеры изъ Петербурга въ Вѣну и обратно. Еще дѣятельнѣе становились пересылки между Петербургомъ и Лондономъ, несмотря на неумѣстный мальтійскій вопросъ. Канцлеръ радовался, что с.-джемскій дворъ „выходилъ изъ летаргіи“. Послѣдній дѣйствительно волновался. Онъ сознавалъ, какой крупный промахъ съ его стороны пресловутый амьенскій миръ. Гренвиль недаромъ сказалъ въ парламентѣ, по его поводу: „мы утвердили за Франціей обладаніе Италіей и господство на материкѣ“. Съ другой стороны, Талейранъ да и самъ Бонапартъ открыто говорили, что миръ не продлится болѣе двухъ лѣтъ. Англійскій кабинетъ началъ помогать намъ даже въ швейцарскомъ дѣлѣ, а главное, уже обратился къ намъ съ таинственными „откровенными сообщеніями“. Смыслъ послѣднихъ раскрывается изъ *Записки*, поданной канцлеромъ императору 18-го ноября, по поводу отвѣта на предложеніе Англіи. Здѣсь доказывалось, что пришла пора позаботиться о „принятіи *общихъ* мѣръ“, по поводу „затѣй перваго консула“, для „сохраненія тишины въ Европѣ“ и для „воздержанія французскаго правительства отъ всякихъ новыхъ нарушеній“ (№№ 224, 229, 244). Въ этомъ смыслѣ въ Лондонъ были посланы, въ концѣ декабря, особенныя тайныя инструкціи, а Моркову предписывалось „сговариваться“

съ англійскимъ министромъ въ Парижѣ (№ 244). Въ нашемъ архивѣ скоплялся рядъ интересныхъ бумагъ, которыя доказываютъ, что Эдувиль былъ правъ, называя „англомановъ“ еще „партіей войны“. Въ последніе дни 1802-г. главы этой партіи, А. Воронцовъ и Морковъ, уже производили, такъ сказать, смотръ французской арміи (184).

Но, къ прискорбію „англомановъ“, канцлеръ принужденъ былъ и теперь повторять обычный припѣвъ своего императора объ осторожности. Говоря объ „общихъ“ мѣрахъ, онъ спѣшилъ прибавить, что „еще не приспѣло время для мѣръ *рѣшительныхъ*“. Моркову онъ твердилъ (№№ 243, 244): „старайтесь, однакожъ, чтобъ не подумали, будто ужъ существуетъ какое-либо соглашеніе между Россіей и Англіей; это подало бы поводъ французскому правительству безполезно и некстати заподозрить, что предпринимается что-нибудь противъ него“.

И такъ, „соединеніе двухъ державъ, на крайностяхъ Европы находящихся“, этотъ основный предметъ документовъ, представляемыхъ, въ этомъ томѣ, на судъ науки и общества, оставалось „благимъ пожеланіемъ“, вопросомъ будущаго.

ДОКУМЕНТЫ.

1800.

№ 1.—Талейранъ графу Панину.

Paris, 1 thermidor an VIII.

*) Monsieur le comte, le premier consul de la République française n'a rien ignoré de toutes les circonstances de la campagne, qui a précédé son retour en Europe. Il sait, que c'est au concours des troupes russes que les Anglais et les Autrichiens ont dû tous leurs succès, et comme il honore le courage, comme il n'a rien plus à cœur, que de témoigner son estime à de braves troupes, il avait été empressé de faire proposer aux commissaires chargés par l'Angleterre et l'Autriche de l'échange des prisonniers, que les Russes, qui se trouvent en France, fussent compris dans cet échange et obtinssent même quelque préférence en raison de ce qu'étant moins acclimatés dans ce pays, le séjour pouvait leur en être plus nuisible.

Cependant cette proposition, quoique si naturelle et réitérée plusieurs fois, est demeurée sans effet. Les Anglais eux-mêmes, qui ne peu-

---

Парижъ, 7/19 іюля 1800.

*) Графъ, первый консулъ Французской республики зналъ всѣ обстоятельства похода, который предшествовалъ его возвращенію въ Европу. Онъ знаетъ, что англичане и австрійцы обязаны всѣми своими успѣхами содѣйствію русскихъ войскъ; и такъ какъ онъ почитаетъ мужество, такъ какъ онъ больше всего стремится выразить свое уваженіе къ храбрымъ войскамъ, онъ поспѣшилъ распорядиться, чтобы комисарамъ, которымъ порученъ былъ Англіей и Австріей обмѣнъ плѣнныхъ, предложено было включить въ этотъ обмѣнъ и русскихъ, находившихся во Франціи, и даже оказать имъ нѣкоторое предпочтеніе, такъ какъ они менѣе привычны къ этому климату, и пребываніе въ этой странѣ могло быть имъ вредно.

Но это предложеніе, столь естественное и повторенное нѣсколько разъ, осталось безъ успѣха. Сами англичане, которые не могутъ не сознаться, что

vent se dissimuler, que c'est aux Russes, qu'ils doivent et leurs premiers succès en Batavie, et les fruits, qu'ils en ont exclusivement recueillis, et la sécurité de leur retraite (car sans les Russes pas un Anglais n'aurait pu se rembarquer), les Anglais, dis-je, quoiqu'ils ayent en ce moment chez eux vingt mille prisonniers français, ne se sont pas montrés disposés à opérer l'échange des Russes.

Frappé de cette injustice et ne voulant pas laisser dans une plus longue détention de si braves troupes, que de perfides alliés abandonnent après les avoir compromises, le premier consul a ordonné, que tous les Russes, qui se trouvent prisonniers en France au nombre d'environ six mille, retourneraient en Russie sans échange et avec tous les honneurs de la guerre. A cet effet ils seront habillés à neuf, réarmés, et leurs drapeaux leur seront restitués.

Sa Majesté Impériale de toutes les Russies jugera, s'il lui convient d'exiger, que l'Angleterre fasse repasser en France un pareil nombre de prisonniers français, mais l'intention du premier consul n'est que de témoigner d'une façon toute particulière son estime pour les armées russes et le désir qu'il a de faire quelque chose, qui soit agréable à Sa Majesté Impériale de Russie.

Il sera seulement nécessaire, Monsieur le comte, que votre excellence veuille bien me faire connaître quelle route Sa Majesté Impériale désire, que ses troupes prennent et suivent pour retourner dans son Em-

---

они обязаны русскимъ и своими первыми успѣхами въ Батавіи, и плодами, которые они пожали безраздѣльно, и своимъ безопаснымъ отступленіемъ (потому что безъ русскихъ ни одному англичанину не удалось бы сѣсть на корабль), англичане, говорю я, имѣющіе въ эту минуту у себя двадцать тысячъ плѣнныхъ французовъ, не согласились на обмѣнъ русскихъ.

Пораженный этою несправедливостью и не желая далѣе удерживать такихъ храбрыхъ воиновъ, которыхъ покидаютъ коварные союзники, сперва выдавъ ихъ, первый консулъ приказалъ, чтобы всѣ русскіе, находящіеся въ плѣну во Франціи, числомъ около 6 тысячъ, возвратились въ Россію безъ обмѣна и со всѣми военными почестями. Ради этого случая они будутъ обмундированы заново, получатъ новое оружіе и свои знамена.

Его Императорское Величество, Всероссійскій Государь, рѣшитъ, слѣдуетъ ли ему потребовать, чтобы Англія вернула во Францію подобное же число французскихъ плѣнныхъ, но первый консулъ стремится лишь засвидѣтельствовать свое отмѣнное уваженіе къ русскимъ войскамъ и свое желаніе сдѣлать что-нибудь пріятное Русскому Императору.

Только необходимо будетъ, графъ, чтобы ваше сіятельство изволили сообщить мнѣ, по какому пути Его Императорское Величество желаетъ на-

pire, et je dois prier votre excellence de m'adresser sa réponse assez à temps pour que les troupes de Sa Majesté Impériale puissent se mettre en route avant l'arrière-saison.

Paris. 139, 197. Черновая.

№ 2.—Талейранъ графу Панину.

Paris, 8 fructidor an VIII.

*) Le premier consul de la République française, persuadé qu'il est de l'intérêt de tous les états du continent de mettre des bornes à la puissance des Anglais, dont la marine est plus forte en ce moment que toutes les marines réunies de l'Europe, m'a chargé de faire connaître à V. E., que l'ile de Malte, bloquée par l'escadre anglaise depuis plusieurs années, peut encore tenir quelques mois, au bout desquels il est possible cependant, que la garnison, manquant de vivres, soit obligée de rendre la forteresse aux troupes assiégeantes.

Dans cette supposition, le premier consul n'ayant égard qu'à l'intérêt général des puissances du continent, préfererait pouvoir prendre des arrangements, pour que l'ile de Malte ne tombât et ne demeurât point dans les mains de l'Angleterre, et pour parvenir à ce but il ne serait pas éloigné de faire dès à présent tous les sacrifices, qui pourraient paraître nécessaires.

править свои войска для возвращенія въ его имперію, и я долженъ просить ваше сіятельство не замедлить отвѣтомъ, чтобы войска Его Императорскаго Величества могли пуститься въ путь до наступленія осени.

Парижъ, 14/26 августа 1800.

*) Первый консулъ французской Республики, будучи вполнѣ убѣжденъ, что интересъ всѣхъ государствъ континента положить предѣлъ могуществу англичанъ, флотъ которыхъ въ настоящую минуту сильнѣе всѣхъ флотовъ Европы, соединенныхъ вмѣстѣ, поручилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству, что островъ Мальта, обложенный англійскою эскадрой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можетъ еще продержаться нѣсколько мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ, однако, возможно, что гарнизонъ, лишенный съѣстныхъ припасовъ, будетъ принужденъ сдать крѣпость осаждающимъ войскамъ.

Въ силу этого предположенія, первый консулъ, заботясь только объ общемъ интересѣ континентальныхъ державъ, предпочелъ бы принять мѣры, чтобы островъ Мальта не палъ и не достался въ руки Англіи, и чтобы достигнуть этой цѣли, онъ не прочь теперь же принести всѣ жертвы, которыя оказались бы необходимыми.

C'est pour remplir cet objet, qu'il m'a autorisé à faire partir monsieur de Sergejeff major au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, qui se trouvait prisonnier en France, et qui remettra à V. E., avec la présente notification, une lettre précédemment écrite et qui lui serait parvenue plutôt, s'il s'était offert une occasion favorable pour la lui adresser.

V. excellence sentira combien il est désirable, que le retour de m. de Sergejeff soit rapide, afin que les intentions de Sa Majesté Impériale ne tardent point à nous être connues tant par rapport au retour de ses troupes en Russie, qu'aux arrangements à prendre à l'occasion de Malte.

Paris. 139, 208, Черновая.

№ 3.—Записка графа Панина.

Pétersbourg, 9/21 septembre 1800.

*) Le danger, qui menace l'Autriche au moment de la reprise des hostilités, est aussi évident que les suites en sont allarmantes pour la sûreté future de l'Europe. Tous les rapports s'accordent à dire, que les armées autrichiennes sont trop faibles pour soutenir une nouvelle lutte, que le découragement et l'insubordination y sont à leur comble, que

---

Съ этою цѣлью онъ уполномочилъ меня отправить бывшаго въ плѣну во Франціи господина Сергѣева, маіора службы Его Величества Императора Всероссійскаго, который передастъ вашему сіятельству, вмѣстѣ съ настоящимъ сообщеніемъ, письмо, написанное раньше, которое Вы уже давно получили бы, если бы представился удобный случай переслать его.

Ваше сіятельство поймете, насколько желательно быстрое возвращеніе г. Сергѣева, дабы мы не замедлили узнать намѣренія Его Императорскаго Величества, какъ относительно возвращенія его войскъ въ Россію, такъ и относительно мѣръ, касающихся Мальты.

Петербургъ, 9/21 сентября 1800.

*) Опасность, угрожающая Австріи съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, такъ очевидна, что ея послѣдствія заставляютъ тревожиться за будущее спокойствіе Европы. Всѣ донесенія единогласно свидѣтельствуютъ, что австрійскія войска слишкомъ слабы, чтобы выдержать новую борьбу, что упадокъ духа и дисциплины достигли въ нихъ крайнихъ предѣловъ, что общественное мнѣніе

l'esprit public en Allemagne est perverti et que la partie méridionale de cet empire renferme tous les éléments d'une désorganisation prochaine; qu'en Hongrie même le mécontentement est général. Quelles que soient les conséquences qu'on tire de ces données, elles conduisent à deux résultats certains et ne laissent de doute, que dans cette alternative:

ou l'Autriche subira la loi du vainqueur, sans s'exposer aux hasards des combats, en sacrifiant tout à sa propre conservation par une paix honteuse;

ou elle succombera, en entraînant dans sa chute tout l'édifice de la constitution germanique.

L'une et l'autre hypothèse expose l'Empire de Russie aux dangers les plus éminens et ils ne peuvent être prévenus que par l'emploi de la force, avant l'époque, malheureusement trop prochaine, où il faudrait combattre dans ses foyers et pour sa propre défense.

Si on jette les yeux sur la carte, on voit par la position militaire des armées françaises, qu'une seule bataille gagnée peut les conduire rapidement au centre des états héréditaires, soit par le Tyrol, soit par la Bohême. Attendre l'issue de cette bataille, pour prendre les mesures nécessaires à la sûreté de la Russie, c'est se mettre hors d'état de prévenir le mal, c'est centupler gratuitement les forces de l'ennemi et réduire à proportion les moyens de résistance; c'est sacrifier tous les avan-

---

въ Германіи извращено и что южная часть этой имперіи заключаетъ въ себѣ всѣ элементы близкаго разложенія; что даже въ Венгріи господствуетъ всеобщее недовольство. Какое бы заключеніе ни вывели изъ этихъ данныхъ, они приводятъ къ двумъ несомнѣннымъ результатамъ, и можно сомнѣваться только въ томъ, что̀ произойдетъ:

подчинится ли Австрія закону побѣдителя, не подвергаясь случайностямъ войны, пожертвовавъ всѣмъ ради своего собственнаго сохраненія посредствомъ постыднаго мира;

или она падетъ, увлекая въ своемъ паденіи все зданіе германской конституціи?

Та и другая гипотезы подвергаютъ Россійскую Имперію самымъ большимъ опасностямъ, которыя можно предупредить, только употребивъ силу, не дожидаясь того времени, которое къ несчастью слишкомъ недалеко, когда придется сражаться у своего очага, ради собственной защиты.

Если бросить взглядъ на карту, то видно, по боевому расположенію французскихъ войскъ, что одно выигранное сраженіе можетъ быстро привести ихъ въ центръ наслѣдственныхъ владѣній, или черезъ Тироль, или черезъ Богемію. Ждать исхода этой битвы, чтобы принять необходимыя мѣры для ограждения Россіи отъ опасности, это значитъ лишить себя возможности предупредить зло, это значитъ добровольно усилить во-сто-кратъ силы непріятеля и настолько же ослабить средства къ сопротивленію; это значитъ

tages, que la crise actuelle offre à l'Empereur, pour être l'arbitre des destinées de l'Europe.

S'il est incontestable, que la maison d'Autriche ne peut succomber sans ébranler les fondemens de toutes les puissances légitimes et sans donner gain de cause au systhème de la démocratisation universelle, il n'est pas moins notoire, que l'intervention seule de la Russie peut la sauver. Les intérêts les plus essentiels de l'état semblent s'unir dans cette circonstance à ceux de la gloire et de la dignité de notre Auguste Souverain pour l'y déterminer. Ses justes motifs de ressentiment contre le cabinet de Vienne, bien loin d'affaiblir ces considérations, leur prêtent une nouvelle force. J'ose le dire avec assurance et s'il m'était permis d'en appeller au sentiment personnel de Sa Majesté Impériale, je ne craindrais pas d'être démenti, lorsque j'affirme, que le moment approche, où Elle peut punir le cabinet de Vienne et où Elle s'applaudira d'en avoir tiré la seule vengeance digne de sa grande âme, en sauvant la monarchie Autrichienne au bord de l'abime.

C'est aussi l'époque la plus favorable pour accomplir ses généreux dessins, en faveur des princes désignés comme victimes de la cupidité de l'Autriche, puisque c'est alors que Sa Majesté Impériale peut lui imposer ses loix, avec la conviction du succès.

пожертвовать всѣми выгодами, которыя настоящій кризисъ представляетъ императору, чтобы стать рѣшителемъ судебъ Европы.

Если неоспоримо, что австрійскій домъ не можетъ пасть, не поколебавъ основъ всѣхъ законныхъ державъ и не предоставивъ успѣха системѣ всеобщей демократизаціи, то не менѣе очевидно, что только вмѣшательство Россіи можетъ его спасти. Повидимому, самые существенные государственные интересы соединяются въ этомъ случаѣ съ требованіями славы и достоинства нашего Августѣйшаго Государя, чтобы склонить его къ этому. Справедливые поводы къ недовольству вѣнскимъ кабинетомъ не только не могутъ ослабить этихъ соображеній, напротивъ, придаютъ имъ еще больше силы. Я смѣло утверждаю это, и если бы мнѣ было дозволено воззвать къ личному чувству Его Императорскаго Величества, я не боялся бы изобличенія во лжи, утверждая, что приближается моментъ, когда Онъ можетъ наказать вѣнскій кабинетъ, и когда Онъ будетъ радоваться, что отомстилъ ему единственно достойнымъ его великой души образомъ—спасая австрійскую монархію на краю пропасти.

Это также самое удобное время для выполненія его великодушныхъ намѣреній относительно князей, которые намѣчены, какъ жертвы алчности Австріи, ибо тогда Его Императорское Величество можетъ предписывать ей законы, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ.

Ces deux grandes considérations m'ont porté à méditer sur les moyens d'exécution. Quel plan pourrait avoir une base plus solide que celui, qui se fonde sur la grandeur d'âme et la générosité de Paul 1-r?

Des forces respectables sont déjà prêtes à se porter au-devant du péril, il ne reste qu'à déterminer le moment, où elles doivent s'ébranler, en s'assurant du concours, qu'on peut attendre des puissances également menacées. Ce moment doit être décisif et tout dépendra des mesures, qui seront prises pour ne pas le manquer. Si cette réflexion est juste, on conviendra aussi, qu'il est indispensable d'avoir dès à présent une personne de confiance à la proximité du théâtre des opérations, investie de pouvoirs étendus et spécialement autorisée d'offrir à l'empereur des Romains les secours de S. M. I. a l'instant même (prévu par ses instructions), où une plus longue inaction de notre part rendrait les secours inefficaces ou trop tardifs. Le négociateur présenteroit en même tems à l'empereur-roi les conditions, auxquelles ce monarque peut être sauvé, et ces conditions *sine qua non* formeraient les articles d'un traité à conclure, avant de faire marcher les troupes russes.

Les instructions de notre plénipotentiaire ou ambassadeur pourraient être rédigées sur les bases suivantes.

Эти два великія соображенія заставили меня подумать о средствахъ для исполненія. Какой планъ можетъ имѣть болѣе прочное основаніе, чѣмъ тотъ, который опирается на величіе души и на благородство Павла I?

Значительныя силы уже готовы броситься на-встрѣчу опасности: остается только опредѣлить моментъ, когда онѣ должны тронуться, удостовѣрившись въ томъ, какого содѣйствія можно ожидать отъ державъ, которымъ угрожаетъ одинаковая опасность. Этотъ моментъ долженъ быть рѣшителенъ, и все будетъ зависѣть отъ мѣръ, которыя будутъ приняты, чтобы не упустить его. Если это соображеніе вѣрно, то согласятся также и съ тѣмъ, что теперь же необходимо имѣть вблизи театра военныхъ дѣйствій довѣренное лицо, облеченное широкими полномочіями и которому было бы спеціально поручено предложить Римскому императору помощь е. и. в-ва въ ту самую минуту (указанную въ его инструкціяхъ), когда дальнѣйшее бездѣйствіе съ нашей стороны могло бы сдѣлать эту помощь недѣйствительною или слишкомъ запоздалою. Посредникъ представилъ бы въ то же время императору-королю условія, на которыхъ этотъ монархъ можетъ быть спасенъ, и эти условія sine qua non составили бы статьи договора, который долженъ быть заключенъ до выступленія русскихъ войскъ.

Инструкціи нашему уполномоченному или посланнику могли бы быть составлены на слѣдующихъ основаніяхъ.

1. Premier séjour à Berlin, a l'effet de déterminer le roi de Prusse à une médiation armée soutenue par une démonstration.

2. Autorisation de rester dans cette ville, ou de la quitter pour se rapprocher du théâtre des opérations et même pour se présenter au quartier général de l'empereur, selon les circonstances.

3. Ordres d'entrer en négociation avec ce prince lui-même, immédiatement après la perte d'une bataille, ou après la retraite de l'armée du Rhin en Bohême.

4. A cette même époque le ministre de S. M. I. offrira les secours et présentera les conditions.

5. A l'heure même de la signature du traité il expédiera un courrier au général commandant notre armée d'observation, et ce général, en vertu d'un ordre éventuel et secret de Sa Majesté, marchera aussitôt sur le point le plus menacé.

6. Ces mesures seront suivies de l'offre de la médiation de la Russie aux parties belligérantes soit de concert avec la Prusse, soit au nom seul de l'empereur, selon les dispositions de la cour de Berlin.

7. Le négociateur supposé sera muni de pleins pouvoirs pour toutes les parties intéressées et de lettres de créance aux cours de Vienne et de Berlin.

---

1. Прежде всего поѣздка въ Берлинъ, съ цѣлью побудить прусскаго короля къ вооруженному посредничеству, которое онъ долженъ поддержать демонстраціей.

2. Разрѣшеніе остаться въ этомъ городѣ или покинуть его, чтобы приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій и даже чтобы явиться въ главной квартирѣ императора, смотря по обстоятельствамъ.

3. Приказаніе вступить въ переговоры съ этимъ государемъ, тотчасъ послѣ проиграннаго сраженія или послѣ отступленія рейнской арміи въ Богемію.

4. Въ это самое время министръ Е. И. В—ва предложитъ помощь и представитъ условія.

5. Въ то самое время, когда будетъ подписываться договоръ, онъ отправитъ курьера къ генералу, командующему нашей обсерваціонной арміей, и этотъ генералъ, въ силу предварительнаго, тайнаго приказа, немедленно пойдетъ къ наиболѣе угрожаемымъ пунктамъ.

6. Эти мѣры будутъ сопровождаться предложеніемъ посредничества Россіи воюющимъ сторонамъ, или сообща съ Пруссіей, или отъ имени одного императора, смотря по расположенію берлинскаго двора.

7. Предположенный посредникъ будетъ снабженъ полномочіями для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ и вѣрительными граматами къ вѣнскому и берлинскому дворамъ.

Les articles à proposer à l'empereur des Romains porteraient en substance:

I. L'engagement de ne traiter avec l'ennemi, soit d'un armistice, soit de la paix, que sous la médiation de S. M. I.

II. Un plan d'opérations militaires, qui ne pourra être modifié en aucune façon, sans l'acquiescement du commandant de nos troupes.

III. Que l'armée impériale et royale, la plus exposée sera mise sous les ordres de l'archiduc Charles et que ce prince sera indépendant du conseil de guerre.

IV. Que le portefeuille des affaires étrangères sera retiré des mains de Thugut.

V. Que l'empereur-roi remet à la justice de S. M. I. de dicter la réparation due pour l'affaire d'Ancône, s'y soumettant à l'avance.

VI. L'intégrité de la Bavière, du Piemont, des Deux Siciles et du duché de Wurtemberg.

VII. L'engagement de communiquer à Sa Majesté l'Empereur toutes les conditions de la paix de l'Autriche dans le cas même, où notre Auguste Maître n'y interposerait pas sa médiation.

VIII. L'engagement de pourvoir à l'approvisionnement et à la solde

---

Сущность статей, которыя слѣдуетъ предложить Римскому императору, должна заключаться въ слѣдующемъ:

I. Обязательство не входить въ переговоры съ непріятелемъ ни о перемиріи, ни о мирѣ иначе, какъ при посредничествѣ Е. И. В—ва.

II. Планъ военныхъ дѣйствій, который никоимъ образомъ не можетъ быть измѣненъ безъ согласія предводителя нашихъ войскъ.

III. Что императорскою и королевскою арміей, которая будетъ находиться въ самомъ опасномъ мѣстѣ, будетъ командовать эрцгерцогъ Карлъ и что этотъ принцъ будетъ независимъ отъ военнаго совѣта.

IV. Что портфель иностранныхъ дѣлъ будетъ отнятъ у Тугута.

V. Что императоръ-король предоставляетъ справедливости Е. И. В—ва предписать вознагражденіе за анконское дѣло, на которое онъ заранѣе соглашается.

VI. Неприкосновенность Баваріи, Пьемонта, Обѣихъ Сицилій и герцогства Вюртембергскаго.

VII. Обязательство сообщить Е. И. В—ву всѣ условія австрійскаго мира даже въ томъ случаѣ, если нашъ Августѣйшій Государь не противоставитъ своего посредничества.

VIII. Обязательство снабжать провіантомъ и жалованьемъ русскую армію

de l'armée russe pendant toute la guerre, excepté le corps de 12000 hommes stipulés par l'alliance.

IX. En retour de notre part la promesse d'une coopération active jusqu'à la paix.

X. Et d'assurer à la cour de Vienne des dédommagemens équitables en Italie.

Si ce plan était agréé dans ses bases principales, il semblerait indispensable de fixer dès à présent le choix du ministre et de l'expédier le plutôt possible.

Pétersbourg. Ministère, 1800, 1. Подлинникъ.

№ 4.—Нота графа Ростопчина.

Gatschina, 26 septembre (8 octobre) 1800

*) Sa Majesté Impériale l'Empereur de toutes les Russies, ayant eu connaissance des lettres écrites à son vice-chancelier, comte de Panin, m'a ordonné de faire savoir au premier consul, que la bonne harmonie avec mon Maître ne peut être établie que par l'accomplissement de Ses désirs, déjà annoncés au général de Beurnonville.

1. La reddition de l'île de Malte avec ses dépendances à l'Ordre

---

во все время войны, исключая отряда въ 12000 человѣкъ, входящаго въ условія союза.

IX. Взамѣнъ этого, мы, съ нашей стороны, обѣщаемъ усердное содѣйствіе до заключенія мира.

X. И обезпеченіе за вѣнскимъ дворомъ справедливыхъ вознагражденій въ Италіи.

Если бы этотъ планъ былъ принятъ въ его главныхъ основаніяхъ, то казалось бы необходимо теперь же опредѣлить выборъ министра и отправить его какъ можно скорѣе.

Гатчина, 26 сентября (8 октября) 1800.

*) Его Императорское Величество, Всероссійскій Императоръ, ознакомившись съ письмами, полученными его вице-канцлеромъ, графомъ Панинымъ, приказалъ мнѣ довести до свѣдѣнія перваго консула, что дружественныя отношенія съ моимъ Государемъ могутъ быть установлены только посредствомъ исполненія Его желаній, уже заявленныхъ генералу Бёрнонвилю.

1. Возвращеніе острова Мальты со всѣми его владѣніями Ордену Св.

de St. Jean de Jérusalem, dont l'Empereur de toutes les Russies est le Grand Maître;

2. Le rétablissement du roi de Sardaigne dans ses états, tels qu'ils étaient avant l'entrée des Français en Italie;

3. L'intégrité des états du roi des Deux Siciles;

4. De ceux de l'electeur de Bavière, et

5. De ceux du duc de Wurtemberg.

Comte de Rostopsin.

Paris. 140, 1. Подлинникъ.

№ 5.—Инструкція Спренгпортену.

Gatschina, 28 septembre (10 oct.) 1800.

*) Sa Majesté l'Empereur autorise le général de Sprengporten de déclarer aux ministres français, avec lesquels il pourra se trouver à traiter, que: „Quoique Sa Majesté au commencement de cette guerre n'avait pas pu se dispenser, pour la sûreté de ses propres états, de prendre part à une querelle, dont la source semblait menacer la tranquillité de l'Europe entière, elle n'avait pas cependant balancé un moment de retirer ses troupes de la coalition, aussitôt qu'elle s'était aperçue, que les vues de ces puissances tendaient à des aggrandissements, que sa loyauté et son désintéressement n'ont pu permettre; et comme les deux états

---

Іоанна Іерусалимскаго, котораго Всероссійскій Императоръ состоитъ Великимъ Магистромъ.

2. Водвореніе Сардинскаго короля въ его владѣніяхъ въ томъ видѣ, какъ они были до вступленія французовъ въ Италію.

3. Неприкосновенность земель короля Обѣихъ Сицилій,

4. владѣній курфюрста Баварскаго и

5. владѣній герцога Вюртембергскаго.

Графъ Ростопчинъ.

Гатчина, 28 сентября (10 октября) 1800.

*) Его Величество Императоръ уполномочиваетъ генерала Спренгпортена объявить французскимъ министрамъ, съ которыми ему пришлось бы вступить въ переговоры, что: „Хотя Его Величество въ началѣ этой войны не могъ, ради безопасности собственнаго государства, не принять участія въ этой ссорѣ, причина которой могла грозить спокойствію всей Европы, однако онъ, не колеблясь ни минуты, отозвалъ свои войска изъ коалиціи, какъ только замѣтилъ, что эти державы стремятся къ захватамъ, которыхъ его честность и безкорыстіе не могли допустить; и такъ какъ взаимно оба государства, Францiя и Россійская имперія, находясь далеко другъ отъ друга,

respectifs de la France et de l'empire de Russie par leurs distances éloignées ne pourront jamais se trouver dans le cas de se nuire réciproquement, ils pourront aussi, réunis et dans l'entretien constant d'une bonne harmonie, empêcher, que les autres par leur envie de s'aggrandir et de dominer ne parviennent à faire tort à leurs intérêts. Et ces sentiments, expressions des intentions de Sa Majesté, qu'elle maintiendra toujours, elle veut et ordonne au général de Sprengporten de manifester à tous ceux, à qui il appartiendra". Paul.

Paris. 140, 2. Списокъ.

№ 6.—Талейранъ Спренгпортену.

Paris, vendemiaire an IX.

*) Le soussigné est chargé d'exprimer à m. le général de Sprengporten le désir, qu'il fasse connaître à Sa Majesté l'Empereur de Russie ce qui vient d'arriver.

Par suite des succès de l'armée française, qui vient de pénétrer dans les états héréditaires et qui n'est plus qu'à quarante lieues de Vienne, l'empereur d'Allemagne a fait déclarer par son plénipotentiaire à Lunéville, qu'il était prêt à négocier et à conclure indépendamment et sans le concours des anglais, pourvu qu'on lui assurât en Italie les trois légations et la ligne de l'Oglio pour limite.

никогда не могутъ быть вынуждены вредить другъ другу, то они могутъ, соединившись и постоянно поддерживая дружественныя отношенія, воспрепятствовать, чтобы другіе, своимъ стремленіемъ къ захватамъ и господству, не могли повредить ихъ интересамъ. И эти чувства, какъ выраженіе намѣреній Его Величества, которымъ онъ будетъ неизмѣнно слѣдовать, онъ желаетъ и приказываетъ генералу Спренгпортену объявить всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ".

Парижъ, октябрь 1800.

*) Нижеподписавшемуся поручено выразить генералу Спренгпортену желаніе, чтобы онъ сообщилъ Его Величеству Императору Россійскому о томъ, что произошло.

Вслѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій французской арміи, которая проникла въ наслѣдственныя земли и находится всего въ сорока льё отъ Вѣны, Нѣмецкій императоръ объявилъ черезъ своего уполномоченнаго въ Люневилѣ, что онъ готовъ вступить въ переговоры и заключить миръ самостоятельно и безъ содѣйствія англичанъ, если только ему будутъ обезпечены, въ Италіи, три легатства и пограничная линія Ольо.

Cet accroissement de territoire et de population serait immense et mettrait la République française dans l'impossibilité de restituer au roi de Sardaigne l'intégrité de ses états.

Le premier consul désire donc, que Sa Majesté l'Empereur de Russie soit instruite de cette circonstance, afin qu'elle use de son influence pour que l'Autriche demeure dans la limite de l'Adige, ce qui rendra plus facile la délimitation des autres états d'Italie d'après les arrangements, qui seraient concertés en commun.

Et comme l'empereur d'Allemagne, tout en accordant la limite du Rhin à la République française, propose pour l'Allemagne même des dispositions, qui s'opposeraient aux dédommagements des princes de Bavière et de Wurtemberg, dédommagements désirés par Sa Majesté l'Empereur de Russie, il devient plus urgent, que Sa Majesté fasse connaître ses intentions d'une manière explicite et qu'elle envoie un plénipotentiaire muni de ses pleins pouvoirs pour concourir à l'arrangement définitif des affaires tant en Europe que dans les autres parties du monde.

Il est superflu d'observer à m. le général de Sprengporten combien il est nécessaire, que ces communications demeurent secrètes. La confiance toute particulière, que met le premier consul dans le caractère de Sa Majesté Impériale a pu seule le déterminer à sortir des formes

---

При такомъ огромномъ увеличеніи земли и населенія, Французской республикѣ было бы невозможно возстановить цѣльность владѣній Сардинскаго короля.

Вотъ почему первый консулъ желаетъ, чтобы Его Величество Россійскій Императоръ былъ увѣдомленъ объ этомъ обстоятельствѣ и употребилъ все свое вліяніе, чтобы Австрія удовольствовалась границей по Эчу; тогда облегчится разграниченіе другихъ итальянскихъ владѣній по общему соглашенію.

А такъ какъ нѣмецкій императоръ, соглашаясь сдѣлать Рейнъ границей Французской республики, въ то же время предлагаетъ для самой Германіи такое распредѣленіе земель, при которомъ невозможно было бы вознагражденіе государей Баварскаго и Вюртембергскаго,—вознагражденіе, котораго такъ желаетъ Его Величество Россійскій Императоръ, то становится крайне необходимымъ, чтобы Его Величество выразилъ свои намѣренія точно и прислалъ уполномоченнаго, снабженнаго всѣми полномочіями, чтобы окончательно уладить дѣла, какъ въ Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ Свѣта.

Излишне напоминать г. генералу Спренгпортену, насколько необходимо, чтобы эти сообщенія оставались тайными. Лишь особенное довѣріе перваго консула къ характеру Его Императорскаго Величества побудило его,

diplomatiques et à lui adresser ainsi sans préparation et sans intermédiaire d'un ministre accrédité des ouvertures, dont Sa Majesté appréciera la loyauté et l'importance.

Paris. 140, 4. Черновая.

№ 7.—Кларкъ Бонапарту.

Bruxelles, 19 frimaire an IX.

*) Citoyen consul, Je vous rends compte de l'entrevue, qui a eu lieu ce matin entre le général russe baron de Sprengporten et moi.

Après l'avoir félicité sur son arrivée, je lui ai remis la lettre, dont le ministre des rélations extérieures m'avait chargé pour lui, et l'ai invité à se rendre à Paris. Il a lu la lettre, dont il a témoigné par geste son contentement. Avant de répondre il a demandé, où étaient les prisonniers russes. Je l'ai satisfait sur cet objet, puis il s'est lancé dans une longue conversation précédée de quelques compliments, qui m'étaient personnels.

Voici le précis de cette conversation:

„A peine l'empereur Paul a-t-il reçu l'offre loyale, que lui a faite le premier consul au sujet de Malte, qu'il m'a dépêché à Berlin avec

---

оставивъ дипломатическія формы, обратиться къ нему безъ подготовки и безъ посредства акредитованнаго министра съ сообщеніями, искренность и важность которыхъ оцѣнитъ Его Величество.

Брюссель, 28 ноября (10 декабря) 1800.

*) Гражданинъ консулъ, отдаю вамъ отчетъ о моемъ свиданіи, сегодня утромъ, съ русскимъ генераломъ барономъ Спренгпортеномъ.

Поздравивъ его съ пріѣздомъ, я передалъ ему письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ и пригласилъ его пріѣхать въ Парижъ. Онъ прочелъ письмо и выразилъ жестомъ свое удовольствіе. Прежде чѣмъ отвѣчать, онъ спросилъ, гдѣ находятся русскіе плѣнные. Я удовлетворилъ его любопытству; тогда онъ пустился въ длинный разговоръ, высказавъ предварительно нѣсколько комплиментовъ на мой счетъ.

Вотъ сущность этого разговора:

„Какъ только императоръ Павелъ получилъ честное предложеніе, сдѣланное ему первымъ консуломъ по поводу Мальты, онъ тотчасъ же снарядилъ меня въ Берлинъ, приказавъ мнѣ отправиться во Францію. Сначала

l'ordre de venir en France. Le premier projet était de mettre dans Malte une garnison composée d'Autrichiens, d'Anglais et de Russes en nombre égal; mais j'ai fait sentir à Sa Majesté, que cette marche serait soumise à une foule d'inconvénients, et elle s'était déterminée, d'après mes représentations, à y mettre une garnison uniquement composée de Russes, ce qui était convenable à cause de la qualité, qu'a l'empereur de grand-maître de l'ordre de Malte. Je lui proposai alors, comme le meilleur moyen de former la nouvelle garnison de Malte, de former plusieurs régiments des prisonniers qui sont en France et d'obtenir du premier consul les moyens de les transporter à Malte. L'empereur m'expédia des instructions pour l'exécution de ce projet, me nomma gouverneur de l'Isle, me chargea d'y rétablir le chapitre etc., me donna un de ces régiments, dont vous me voyez l'uniforme, et en donna un à m. le lieutenant-général de Saken, prisonnier à Lille. La prise de Malte a déconcerté ces mesures et S. M. l'Empereur ayant eu lieu de penser, que les Anglais se conduiraient à son égard avec déloyauté dans cette occasion, m'a commandé de perdre de vue cet objet.

„La France est une grande puissance, ajouta-t-il, et la Russie est aussi une grande puissance. Elles sont situées de telle sorte, qu'elles ne peuvent guère se nuire. Elles ont l'avantage d'être séparées par une autre puissance, qui ne peut rien sans le concours de l'une ou de

---

предполагалось устроить на Мальтѣ гарнизонъ изъ австрійцевъ, англичанъ и русскихъ поровну; но я представилъ Его Величеству, что этотъ способъ повлечетъ за собою множество неудобствъ, и онъ рѣшился, по моему совѣту, поставить тамъ гарнизонъ, состоящій только изъ русскихъ, чтó было прилично, потому что императоръ состоитъ великимъ магистромъ ордена Мальты. Тогда я предложилъ ему, какъ лучшій способъ составить новый гарнизонъ для Мальты, образовать нѣсколько полковъ изъ плѣнныхъ, находящихся во Франціи, выхлопотавъ у перваго консула средства для перевозки ихъ на Мальту. Императоръ прислалъ мнѣ инструкцію для исполненія этого проекта, назначилъ меня губернаторомъ острова, поручилъ мнѣ возстановить тамъ капитулъ и проч., далъ мнѣ одинъ изъ этихъ полковъ, мундиръ котораго вы видите на мнѣ, и далъ также одинъ полкъ генералъ-лейтенанту Сакену, находящемуся въ плѣну въ Лиллѣ. Взятіе Мальты разстроило эти мѣры, и его величество императоръ, имѣя основаніе думать, что въ этомъ случаѣ англичане будутъ вести себя относительно его вѣроломно, приказалъ мнѣ не думать болѣе объ этомъ предметѣ.

„Франція—великая держава, прибавилъ онъ, и Россія тоже великая держава. Обѣ онѣ такъ расположены, что рѣшительно не могутъ вредить другъ другу. Ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что онѣ раздѣлены третьей

l'autre, et il n'est de l'intérêt de la France, ni de la Russie de s'attaquer mutuellement ou de souffrir, que cette troisième puissance offense l'une ou l'autre, ou fasse quelque chose, qui soit opposée au système des deux autres. On la tient là en respect; et cette position offre quelques avantages pour le repos de l'Europe.

L'empereur de Russie désire la paix, et si m. de Krudener avait bien compris la situation, dans laquelle se trouvent les choses, il aurait eu plustôt des pleins pouvoirs, semblables à ceux du général Beurnonville. C'est ce que j'ai expliqué à l'empereur en lui expédiant de Berlin un courrier, dont j'attends le retour, et comme il se passera une quinzaine de jours, avant que cette réponse ne vienne, sur ce que vous me dites qu'il faut encore ce temps pour que nos prisonniers soient habillés, je me détermine d'autant plus volontiers à me rendre à Paris, que S. M. l'empereur m'a permis de m'y rendre et l'a même désiré, si cela était nécessaire".

Là-dessus m. de Sprengporten m'a fait lecture d'une instruction de son empereur, qui annonce des dispositions amicales. Elle a déjà été communiquée par lui à l'ambassadeur français à Berlin. Je suis loin de la considérer au surplus ccmme un pouvoir pour la paix. Il paraît, qu'il attend ce pouvoir, et il donne à croire qu'il ne doute pas de l'obtenir.

державой, которая безсильна безъ поддержки той или другой изъ нихъ; и, какъ Франціи, такъ и Россіи, нѣтъ никакой выгоды нападать другъ на друга или допускать, чтобы эта третья держава обижала ту или другую, или предприняла что-нибудь противное системѣ двухъ другихъ. Ее держатъ въ существующихъ предѣлахъ, и это положеніе представляетъ нѣкоторыя выгоды для спокойствія Европы.

„Русскій Императоръ желаетъ мира, и еслибы г. Крюднеръ хорошо понялъ положеніе дѣлъ, онъ раньше получилъ бы полномочія, подобныя тѣмъ, какими снабженъ генералъ Бернонвиль. Именно это объяснялъ я императору въ письмѣ, посланномъ изъ Берлина съ курьеромъ, возвращенія котораго я ожидаю; а такъ какъ пройдетъ дней пятнадцать, прежде чѣмъ я получу отвѣтъ, и къ тому же, какъ вы говорите, это время пойдетъ на обмундировку нашихъ плѣнныхъ, то я тѣмъ охотнѣе отправлюсь въ Парижъ, что его величество императоръ далъ мнѣ на это позволеніе и даже желалъ этого, если бы оказалось нужнымъ".

Затѣмъ г. Спренгпортенъ прочелъ мнѣ инструкцію своего императора, возвѣщающую дружескія чувства. Онъ уже сообщалъ ее въ Берлинѣ французскому посланнику. Впрочемъ, я нисколько не смотрю на нее, какъ на полномочіе для заключенія мира. Онъ, кажется, ожидаетъ этого полномочія и показываетъ видъ, что не сомнѣвается получить его.

Il s'est plaint des anglais; je lui ai envoyé les gazettes de Londres, qui parlent de l'embargo mis sur les vaisseaux russes. Il semble craindre l'ambition de la maison d'Autriche; je lui ai dit, qu'elle voudrait obtenir la plus grande partie de l'Italie. Il s'est récrié pour qu'on l'en empêchât. Il a trouvé légitime l'invasion de la Toscane. Je l'ai motivée sur les attaques de la levée en masse, opérée par m. de Sommariva en violation de l'armistice. Il m'a témoigné de grandes craintes pour la cour de Naples en m'assurant, que vous fesiez marcher une quinzaine de mille hommes contre cette puissance. Je lui ai témoigné mon étonnement de cette nouvelle, à laquelle j'ai refusé de croire et que j'ignore entièrement.

Le général Sprengporten a souvent amené la conversation sur les négociations de Lunéville. Je lui ai dit, qu'elles continuaient et que c'était à la cour de Vienne à voir s'il était de son intérêt de prolonger la guerre et de ne pas faire la paix continentale; que je présumais que m. de Cobenzl attendait à Lunéville des ordres précis sur cet objet. Le général russe désirait surtout savoir, si les hostilités avaient été reprises? Je lui ai répondu affirmativement, en motivant cette reprise d'armes d'une manière convenable.

Il a cru devoir rappeler tous les points de discussion qu'a traités à Berlin le général Beurnonville par l'intermédiaire de m. de Haug-

---

Онъ жаловался на англичанъ; я послалъ ему лондонскія газеты, въ которыхъ говорится о запрещеніи, наложенномъ на русскія суда. Честолюбіе австрійскаго дома, повидимому, внушаетъ ему страхъ; я сказалъ ему, что онъ хотѣлъ бы получить бóльшую часть Италіи. Онъ воскликнулъ, что этому надо помѣшать. Онъ находитъ законнымъ вторженіе въ Тоскану. Я оправдывалъ его направленнымъ противъ насъ поголовнымъ ополченіемъ, составленнымъ г. Соммаривой и нарушающихъ перемиріе. Онъ сказалъ мнѣ, что сильно опасается за неаполитанскій дворъ, увѣряя, будто вы отправили тысячъ пятнадцать войска противъ этой державы. Я выразилъ свое удивленіе по поводу этого извѣстія, которому я отказался повѣрить и о которомъ рѣшительно ничего не слышалъ.

Генералъ Спренгпортенъ часто заводилъ рѣчь о переговорахъ въ Люневилѣ. Я сказалъ ему, что они продолжаются и что дѣло вѣнскаго двора рѣшить, насколько ему выгодно продолжать войну и отказаться отъ мира на материкѣ; что я полагаю, что г. Кобенцль ждетъ въ Люневилѣ точныхъ приказаній по этому вопросу. Русскій генералъ желалъ особенно узнать, возобновились ли непріязненныя дѣйствія? Я отвѣчалъ ему утвердительно, представивъ приличныя объясненія этого возобновленія.

Онъ счелъ нужнымъ напомнить всѣ спорные вопросы, о которыхъ дого-

witz. Je lui ai dit, que c'était au seul désir de l'empereur Paul que devait s'attribuer l'accueil fait par nous à m. Cetto, plénipotentiaire de l'electeur de Bavière, que ce plénipotentiaire négociait en ce moment à Paris, ou était sur le point d'entamer une négociation. Il est échappé à m. de Sprengporten de dire, que l'empereur russe n'accordait qu'un faible intérêt à l'electeur. Il me paraît, qu'il n'en est pas de même du duc de Wurtemberg, dont le frère est à Pétersbourg. J'ai assuré ce général russe, que loin d'avoir à se plaindre de la France, le duc de Wurtemberg avait en quelque sorte à s'en louer, puisque les habitants de son duché, soit à cause de la mauvaise administration, dont on s'y plaignait, soit par une exaltation facile à expliquer à raison du séjour des troupes françaises en Allemagne et surtout de la disposition des esprits, avaient depuis 4 ou 5 ans été dans une très grande fermentation et que le gouvernement français avait été fréquemment sollicité de créer en Souabe une ou plusieurs républiques, semblables aux Républiques Cisalpine et Ligurienne. „En s'y refusant, ajoutai-je, le premier consul a donné un gage de plus de son désir de repousser tout ce qui pourrait inquiéter les autres états, prolonger la guerre et jeter de nouvelles semences de discorde en Europe. Quant aux contributions imposées sur m. le duc de Wurtemberg lui-même, elles ne l'ont été qu'à la

---

варивался въ Берлинѣ генералъ Бернонвиль черезъ посредство г. Гаугвица. Я ему сказалъ, что пріемъ, оказанный нами уполномоченному Баварскаго курфюрста, г. Четто, слѣдуетъ приписать единственно желанію императора Павла; что этотъ уполномоченный ведетъ въ эту минуту переговоры въ Парижѣ или готовъ приступить къ нимъ. Г. Спренгпортенъ проговорился, что русскій императоръ не особенно заботится о курфюрстѣ. Мнѣ кажется, что иначе относятся къ Герцогу Вюртембергскому, братъ котораго находится въ Петербургѣ. Я увѣрилъ русскаго генерала, что герцогъ Вюртембергскій не только не можетъ жаловаться на Францію, напротивъ, онъ долженъ быть доволенъ ею, такъ какъ жители его герцогства, вслѣдствіе ли дурной администраціи, на которую тамъ жаловались, или вслѣдствіе возбужденія, легко объясняемаго присутствіемъ французскихъ войскъ въ Германіи и въ особенности расположеніемъ умовъ, въ продолженіе 4—5 лѣтъ, весьма сильно волновались и не разъ просили французское правительство устроить въ Швабіи одну или нѣсколько республикъ, на подобіе Цисальпійской и Лигурійской. „Отказываясь отъ этого, прибавилъ я, первый консулъ представилъ новое доказательство своего желанія отклонить все, что могло бы встревожить другія государства, продлить войну и посѣять новыя сѣмена раздора въ Европѣ. Что касается до контрибуцій, наложенныхъ на самого герцога Вюртембергскаго, это было сдѣлано единственно по просьбѣ всѣхъ жителей его госу-

demande de l'universalité des habitants de son état, sur lesquels il avait fait peser la presque totalité des contributions demandées dans les campagnes précédentes".

J'ai terminé cette affaire en apprenant à m. de Sprengporten, que sur la demande de sa cour des passeports avaient été expédiés pour un ministre de Wurtemberg et que cette négociation serait conduite avec les ménagements, que l'empereur de Russie pourrait désirer.

„Vous donnerez, sans doute, des dédommagements au roi Sarde pour la perte de la Savoie?" „Je ne pense pas, ai-je répliqué, qu'il en demande pour un pays aussi pauvre et qui lui était plus à charge qu'à profit. Il y a formellement renoncé; mais la paix se fesant avec la Russie et les intérêts de la France étant à couvert, comme il est juste de croire qu'ils le seront, le premier consul, surtout par égard pour l'empereur Paul, fera pour le roi de Sardaigne tout ce qu'il est raisonnable d'attendre de la part d'une puissance, qui n'a point envie d'étendre ses frontières actuelles".

C'est à cela que s'est bornée la conversation de ce matin.

— A 10 heures du soir.

Il résulte d'une conversation, que j'ai eue ce soir avec m. de Sprengporten:

1. Qu'il n'a aucun pouvoir pour traiter de la paix avec la France,

---

дарства, на которыхъ онъ возложилъ почти всю тяжесть контрибуцій, потребованныхъ за предшествовавшія войны".

Въ заключеніе я сообщилъ г. Спренгпортену, что по просьбѣ его двора были отправлены паспорты для вюртембергскаго министра и что эти переговоры будутъ вестись съ такою снисходительностію, какой только можетъ желать русскій императоръ.

„Вы, безъ сомнѣнія, вознаградите Сардинскаго короля за потерю Совойи?" —„Не думаю, возразилъ я, чтобы онъ сталъ требовать вознагражденія за столь бѣдную страну, которая не столько приносила ему выгодъ, сколько была въ тягость. Онъ формально отказался отъ этого; но, въ виду мира съ Россіей, который, можно надѣяться, оградитъ интересы Франціи, первый консулъ, въ особенности изъ уваженія къ императору Павлу, сдѣлаетъ для Сардинскаго короля все, чего можно разумно ожидать отъ державы, не стремящейся расширять свои настоящія границы.

Этимъ ограничился разговоръ сегодняшняго утра.

— Въ 10 часовъ вечера.

Изъ разговора, который у меня былъ сегодня вечеромъ съ Спренгпортеномъ, слѣдуетъ:

Во 1-хъ, что онъ не имѣетъ никакихъ полномочій, чтобы вести съ Фран-

mais qu'il en attend et qu'il expédiera demain un courrier à sa cour pour lui rendre compte de la situation des choses et du bon accueil, qui lui a été fait. Ses pouvoirs actuels se bornent à ceux, qui lui sont nécessaires pour recevoir les prisonniers et à la faculté de donner des assurances amicales, qu'il n'est pas inutile que vous receviez à Paris.

2. Que la Prusse, la Suède, le Danemark et la Russie se sont entendus pour former une neutralité armée dans le Nord de l'Europe; que la Suède fournira 10 vaisseaux de guerre, que le Danemark en pourra donner autant; que le contingent de la Russie sera de 12 ou même de 20, et que la Prusse pourrait agir contre l'electorat de Hanovre, si la chose était nécessaire.

3. Que l'embargo mis sur les vaisseaux russes en Angleterre a été accompagné d'une déclaration hostile et provocante de la part de la Grande-Bretagne, contre laquelle l'empereur russe à Pétersbourg et m. de Haugwitz à Berlin sont fort animés, si j'en crois m. de Sprengporten....

P. S. M. de Sprengporten assure, que ses instructions lui ont été dictées par l'empereur Paul lui-même et qu'elles n'ont été lues par aucune autre personne. Il dit qu'il possède toute la confiance de Sa Majesté et la représente, comme pénétrée d'estime *pour vous et pour vos talents militaires.*

Paris. 140, 17. Подлинникъ.

цiей переговоры о мирѣ, но что онъ ожидаетъ ихъ и пошлетъ завтра курьера къ своему двору, чтобы отдать ему отчетъ о положенiи дѣла и о хорошемъ прiемѣ, который ему былъ оказанъ. Его настоящiя полномочiя даютъ ему лишь право принять плѣнныхъ и представить увѣренiя въ дружбѣ, которыя вамъ не безполезно принять въ Парижѣ.

Въ 2-хъ, что Пруссiя, Швецiя, Данiя и Россiя сговорились составить вооруженный нейтралитетъ на Сѣверѣ Европы; что Швецiя доставитъ 10 военныхъ судовъ, Данiя дастъ столько же; что Россiя представитъ контингентъ отъ 12 до 20, а Пруссiя будетъ дѣйствовать противъ Ганноверскаго курфюрста, если бы потребовалось.

Въ 3-хъ, что запрещенiе, наложенное на русскiя суда въ Англiи, сопровождалось враждебнымъ и вызывающимъ со стороны Великобританiи заявленiемъ, которое, если вѣрить Спренгпортену, вызвало сильное раздраженiе русскаго императора въ Петербургѣ и г. Гаугвица въ Берлинѣ....

Г. Спренгпортенъ увѣряетъ, что императоръ Павелъ самъ продиктовалъ ему его инструкцiи, что никто ихъ не читалъ. Онъ говоритъ, что пользуется полнымъ довѣрiемъ его величества и представляетъ его проникнутымъ уваженiемъ *къ вамъ и вашимъ военнымъ талантамъ.*

№ 8.—Кларкъ Талейрану.

Bruxelles, 22 frimaire an IX.

*) ...Hier, M. de Sprengporten me demanda par écrit un moment de conférence. Rendu chez lui, il m'exposa, que S. M. l'empereur de Russie avait fait connaître au 1-r consul les conditions au moyen desquelles la bonne harmonie pouvait être rétablie entre la France et l'empire de Russie; que satisfait des réponses obtenues sur les cinq articles proposés par Paul 1-r, il restait seulement à connaître quels étaient les avantages, que la République française pouvait demander lors de la conclusion d'un arrangement définitif. Le général russe rappelant alors l'embargo, mis par son maître sur les vaisseaux anglais, qui sont dans les ports de Russie, et celui que le roi de la Grande-Bretagne a mis par représailles sur les bâtiments russes, qui sont dans ses ports, ainsi que les déclarations, qui ont été faites par les deux puissances dans cette occasion, puis parcourant rapidement l'état actuel du Nord de l'Europe, sans assurer, comme il l'avait fait la veille, que la neutralité armée fût entièrement conclue, et se bornant à dire, qu'elle devait l'être en ce moment, il s'est attaché à me faire convenir, que l'état des choses était tellement critique, qu'il importait extrêmement de ne pas perdre une

---

Брюссель, 1/13 декабря 1800.

*) .... Вчера г. Спренгпортенъ пригласилъ меня запиской на минуту къ себѣ побесѣдовать. Когда я пришелъ къ нему, онъ разсказалъ мнѣ, что его величество русскій императоръ сообщилъ 1-му консулу условія, при которыхъ можетъ быть возстановлено согласіе между Франціей и Россіей; что при удовлетворительности отвѣтовъ на пять статей, предложенныхъ Павломъ I, остается только узнать, какихъ выгодъ можетъ потребовать Французская республика при окончательномъ заключеніи договора. Затѣмъ, русскій генералъ напомнилъ о запрещеніи, наложенномъ его государемъ на англійскія суда, находящіяся въ русскихъ гаваняхъ, и о запрещеніи, наложенномъ, въ отвѣтъ, королемъ Великобританіи на русскія суда, находящіяся въ его портахъ, а также о заявленіяхъ, сдѣланныхъ обѣими державами по этому поводу; потомъ онъ бѣгло нарисовалъ настоящее положеніе Сѣвера Европы, не утверждая, какъ наканунѣ, что вооруженный нейтралитетъ окончательно состоялся, а только говоря, что онъ долженъ состояться въ эту минуту: онъ старался довести меня до сознанія, что положеніе дѣлъ было такъ затруднительно, что чрезвычайно важно, не теряя ни часа, сообщить императору Павлу требованія Франціи и уступки, какія она могла бы сдѣ-

seule heure pour faire connaître à l'empereur Paul les demandes de la France et les facilités, qu'elle pouvait offrir pour amener un arrangement définitif entre elle et la Russie. M. de Sprengporten n'a pas manqué de me faire souvenir, qu'il espérait recevoir incessamment des pleins pouvoirs de sa cour, qui mettraient fin à l'espèce de langueur dans laquelle les incertitudes ou l'irrésolution de m. de Krudener avaient jeté la négociation à Berlin. Il a ajouté, que le courrier, par lequel il rendait compte à l'empereur de Russie des méprises de m. de Krudener, qui attendait encore des réponses de Paris, lorsqu'il en avait reçu de suffisantes sur chaque point, était parti 5 jours avant que ce ministre en eût expédié un pour entretenir son maître du même objet.

Vivement pressé de m'expliquer par M. de Sprengporten, je lui ai répété, que j'avais été envoyé ici plutôt pour l'écouter et transmettre les propositions, qu'il pourrait faire, que pour lui communiquer les vues du gouvernement français, que s'il eût été muni des plains pouvoirs nécessaires pour conclure l'arrangement définitif, dont il me parlait, j'aurais pu aborder officiellement la question, qu'il me soumettait, en laissant toutefois au gouvernement le soin de confirmer ce que j'aurais avancé; mais que dans la circonstance présente, à raison de l'influence, qu'il semblait craindre lui-même de la part des Anglais sur le cabinet de Pétersbourg et pour en prévenir à temps, autant qu'il était en moi,

---

лать, чтобы достигнуть окончательнаго соглашенія между нею и Россіей. Г. Спренгпортенъ не преминулъ напомнить мнѣ, что онъ надѣется скоро получить отъ своего двора полномочія, которыя прекратятъ то томительное положеніе, въ которомъ находятся, такъ сказать, берлинскіе переговоры, благодаря сомнѣніямъ или нерѣшительности г. Крюднера. Онъ прибавилъ, что курьеръ, съ которымъ онъ послалъ русскому императору отчетъ объ ошибкахъ Крюднера, отправился 5-ю днями раньше курьера, отправленнаго этимъ министромъ къ его государю по тому же поводу, такъ какъ Крюднеръ ожидалъ еще отвѣта изъ Парижа, хотя и получилъ удовлетворительные отвѣты на каждый пунктъ.

Г. Спренгпортенъ такъ настойчиво требовалъ отъ меня объясненій, что я долженъ былъ высказать ему, что я присланъ сюда скорѣе для того, чтобы слушать его и передавать предложенія, которыя онъ могъ бы сдѣлать, нежели для того, чтобы сообщать ему виды французскаго правительства; что, еслибы онъ имѣлъ необходимыя полномочія для заключенія окончательнаго соглашенія, о которомъ онъ говоритъ, я могъ бы отвѣчать на предложенный имъ вопросъ офиціально, предоставляя, впрочемъ, правительству подтвердить то, что я выскажу; но что въ настоящемъ случаѣ, имѣя въ виду вліяніе англичанъ на петербургскій кабинетъ, котораго онъ, повидимому, самъ боится, и

les funestes effets, je me déterminais à lui répondre verbalement d'une manière en quelque sorte confidentielle, en le priant toutefois de considérer ce que j'allais lui dire plutôt comme une conversation dégagée de tout caractère officiel, que comme un acte, qui peut être considéré, par la suite, comme pouvant servir de base certaine pour terminer la négociation. J'ai ajouté, citoyen ministre, que cette base serait posée à Paris par le premier consul et par vous, et que cependant je présumais, qu'elle s'écarterait peu ou même qu'elle ne s'écarterait aucunement pour les conditions de ce que je pourrais dire au général russe.

Après cet exorde, j'ai dit à m. de Sprengporten, que rien ne me paraissait plus facile, que l'arrangement à faire pour la paix entre la France et la Russie; que cet arrangement pouvait être formé et ne contenir qu'un seul article, qui stipulerait, que toutes choses seraient sur le même pied qu'elles l'étaient avant la guerre entre les deux puissances, ou même à l'époque des années 1786 et 1787. Sauf à améliorer, s'il en était besoin et d'une manière également avantageuse aux deux états, les stipulations relatives au commerce, qui étaient en vigueur à cette époque.

Et comme les diverses demandes, faites par l'empereur Paul, étaient de nature à être insérées dans un acte particulier, j'ai dit, que ce que la France désirerait obtenir devrait pareillement faire partie de cet

---

желая предупредить во-время, насколько отъ меня зависитъ, его пагубныя послѣдствія, я рѣшаюсь отвѣчать ему словесно, такъ-сказать, конфиденціально, прося его во всякомъ случаѣ, смотрѣть на то, что я скажу, скорѣе какъ на бесѣду, лишенную всякаго официальнаго характера, чѣмъ какъ на шагъ, который впослѣдствіи можно бы сдѣлать точкой опоры для заключенія переговоровъ. Я прибавилъ, гражданинъ министръ, что эта исходная точка будетъ установлена въ Парижѣ первымъ консуломъ и вами, и что, впрочемъ, я полагаю, что она мало, или даже совсѣмъ не отступитъ отъ тѣхъ условій, которыя я могу высказать русскому генералу.

Послѣ этого вступленія, я сказалъ г. Спренгпортену, что, по мнѣ, нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть соглашенія въ дѣлѣ мира между Франціей и Россіей; что это соглашеніе можетъ заключаться въ одной статьѣ, постановляющей, что все останется въ томъ видѣ, какъ было до войны между обѣими державами или даже въ эпоху 1786—1787 годовъ Еслибы потребовалось, можно было бы только улучшить, ко взаимной выгодѣ обоихъ государствъ, постановленія относительно торговли, которыя дѣйствовали въ ту эпоху.

А такъ какъ различныя требованія, выставленныя императоромъ Павломъ, должны, по своему существу, быть внесены въ особый договоръ, то я сказалъ, что и желанія Франціи должны точно также войти въ этотъ дого-

acte, qui serait dressé en même temps et signé au même moment, que l'acte de paix. J'ai borné cet objet à la conservation de la rive gauche du Rhin pour limite de la République, réservant au gouvernement français d'ajouter quelques détails, s'il le juge convenable, à cette condition, dont la Russie garantirait l'exécution.

Paris. 140, 21. Подлинникъ.

№ 9.—Бонапартъ Императору Павлу I.

Paris, 30 frimaire an IX.

*) J'ai vu hier avec grand plaisir M. le Général Sprengporten. Je l'ai chargé de faire connaître à Votre Majesté Impériale, que par des considérations politiques, comme par des considérations d'estime pour Elle, je désire voir promptement et irrévocablement réunies les deux plus puissantes nations du monde.

J'ai tenté en vain depuis douze mois de donner le repos et la tranquillité à l'Europe: je n'ai pas pu y réussir et l'on se bat encore sans raison et, à ce qu'il paraît, à la seule instigation de la politique anglaise.

Vingt quatre heures après que Votre Majesté Impériale aura chargé quelqu'un, qui ait toute Sa confiance et qui soit dépositaire de Ses dé-

---

воръ, который долженъ быть составленъ и подписанъ въ одно время съ договоромъ о мирѣ. Я ограничился здѣсь сохраненіемъ лѣваго берега Рейна, какъ границы Республики, предоставляя французскому правительству дополнить, если оно найдетъ нужнымъ, нѣкоторыми подробностями это условіе, исполненіе котораго будетъ обезпечено Россіей.

Парижъ, 9/21 декабря 1800

*) Я имѣлъ великое удовольствіе видѣть вчера г. генерала Спренгпортена. Я поручилъ ему передать В. И. В-ву, что столько же вслѣдствіе политическихъ соображеній, сколько изъ уваженія къ Вамъ, я желаю видѣть скорый и неизмѣнный союзъ двухъ могущественнѣйшихъ націй въ мірѣ.

Я тщетно пытался въ теченіе года возстановить миръ и спокойствіе въ Европѣ: мнѣ не удалось это; еще продолжаютъ драться безъ причины и, какъ кажется, единственно благодаря подстрекательству англійской политики.

Но стоитъ В. И. В-ву снабдить какое-нибудь лицо, пользующееся Вашимъ довѣріемъ и знающее Ваши желанія, особенными и неограниченными

sirs, de Ses spéciaux et pleins pouvoirs, le continent et les mers seront tranquilles. Car, lorsque l'Angleterre, l'Empereur d'Allemagne et toutes les autres puissances seront convaincues, que les volontés comme les bras de nos deux grandes nations tendent à un même but, les armes leur échapperont des mains et la génération actuelle bénira Votre Majesté Impériale de l'avoir arrachée aux horreurs de la guerre et aux déchiremens des factions.

Si ces sentiments sont partagés par Votre Majesté Impériale, comme la loyauté et la grandeur de Son caractère me portent à le penser, je crois qu'il serait convenable et digne, que simultanément les limites des différents Etats se trouvassent réglées, et que l'Europe connût, dans le même jour, que la paix est signée entre la France et la Russie, et les engagemens réciproques, qu'elles ont contractés pour pacifier tous les Etats.

Cette conduite forte, franche et loyale pourra déplaire à quelques cabinets, mais elle réunira les suffrages de tous les peuples et ceux de la postérité.

Je prie Votre Majesté Impériale de croire aux sentiments de considération toute particulière, que j'ai pour Elle, et dont les sentiments, exprimés dans cette lettre, sont la plus grande preuve que je puisse lui donner. Bonaparte.

Pétersbourg. Cabinet, France, 1800, 2. Подлинникъ.

полномочіями,—и чрезъ двадцать четыре часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Ибо, когда Англія, Нѣмецкій императоръ и всѣ другія державы убѣдятся, что какъ желанія, такъ и руки нашихъ двухъ великихъ націй соединяются въ стремленіи къ одной цѣли, оружіе выпадетъ у нихъ изъ рукъ, и современное поколѣніе будетъ благословлять В. И. В-во, избавившее его отъ ужасовъ войны и раздоровъ партій.

Если В. И. В-во раздѣляетъ эти чувства, въ чемъ я не сомнѣваюсь, зная Вашъ искренній и возвышенный характеръ, то, я думаю, приличіе и достоинство требуютъ, чтобы одновременно были распредѣлены границы различныхъ государствъ и чтобы Европа узнала въ тотъ же самый день о подписаніи мира между Франціей и Россіей и о взаимныхъ обязательствахъ, принятыхъ ими на себя для умиротворенія всѣхъ государствъ.

Это твердое, откровенное и честное поведеніе можетъ не понравиться нѣкоторымъ кабинетамъ, но оно вызоветъ одобреніе всѣхъ народовъ и потомства.

Я прошу В. И. В-во вѣрить чувству уваженія, которое я къ Вамъ питаю; чувства, выраженныя въ этомъ письмѣ, служатъ тому самымъ высшимъ доказательствомъ, какое только я могу Вамъ представить. Бонапартъ.

№ 10.—Талейранъ графу Ростопчину.

Paris, 30 frimaire an IX.

*) Le soussigné, ministre des relations extérieures de la République française, a mis sous les yeux du premier consul la note en date du 26 septembre, qui lui a été adressée par son excellence monsieur le comte de Rostopsin.

Le soussigné est chargé de déclarer, que les bases renfermées dans la note de son excellence, ont paru justes et convenables en tout point et le premier consul les adopte.

Dans les divers entretiens, que le soussigné a déjà eus avec monsieur le général de Sprengporten et dans lesquels il s'est expliqué avec lui de tout ce qui peut intéresser les deux états, il lui a fait connaître combien le premier consul désirait de voir réunies deux puissances, qui peuvent seules amener le rétablissement de la paix et en garantir la durée. Monsieur le général de Sprengporten a été en conséquence invité de témoigner à Sa Majesté Impériale, que le vœu du premier consul est, que les affaires d'Allemagne et d'Italie, celles qui intéressent la liberté générale du commerce et les droits de la neutralité se traitent d'un commun accord entre la Russie et la France.

Et que pour arriver à ce concert de vues et de mesures, dont les

---

Парижъ, 9/21 декабря 1800.

*) Нижеподписавшійся, министръ иностранныхъ дѣлъ Французской республики, представилъ первому консулу ноту отъ 26 сентября, полученную имъ отъ его сіятельства графа Ростопчина.

Нижеподписавшемуся поручено объявить, что основанія, заключающіяся въ нотѣ его сіятельства, показались справедливыми и удобными во всѣхъ отношеніяхъ и что первый консулъ принимаетъ ихъ.

Во время разныхъ разговоровъ нижеподписавшагося съ г. генераломъ Спренгпортеномъ, въ которыхъ они объяснились насчетъ всего, что можетъ касаться обоихъ государствъ, первый сообщилъ второму, какъ сильно первый консулъ желаетъ союза двухъ державъ, который одинъ можетъ возстановить и упрочить миръ. Вслѣдствіе этого, генерала Спренгпортена просили засвидѣтельствовать его и. в-ву, что первый консулъ желаетъ, чтобы дѣла, касающіяся Германіи и Италіи, а также общей свободы торговли и правъ нейтралитета, обсуждались Россіей и Франціей съ ихъ общаго согласія.

А чтобы достигнуть этого единодушія во взглядахъ и мѣрахъ, кото-

nobles et vastes résultats peuvent avoir tant d'influence pour la tranquillité générale de l'Europe et pour la prospérité particulière des deux états, il paraîtrait nécessaire, qu'au préalable la personne, investie de la confiance de Sa Majesté Impériale eût des pouvoirs suffisants pour négocier et conclure sur tous les points.

Le soussigné annonce en même temps, que partout, où il se trouvera un négociateur russe, muni de pleins pouvoirs, il se trouvera pareillement un négociateur français aussi amplement autorisé.

Paris. 140, 28. Черновая. — Pétersbourg. Paris, 1800, 306. Списокъ.

№ 11.—Императоръ Павелъ I Бонапарту.

Pétersbourg, 18/30 décembre 1800.

*) Monsieur le Premier Consul. Il est du devoir de ceux à qui Dieu a remis le pouvoir de gouverner les peuples, de penser et s'occuper de leur bien-être. Je Vous propose à cette fin de convenir entre nous des moyens de finir et faire finir les maux, qui désolent depuis onze ans l'Europe entière. Je ne parle, ni ne veux discuter ni des droits de l'homme, ni des principes des différents gouvernements, que chaque pays a adopté. Cherchons à rendre le repos et le calme au monde, dont il a tant be-

---

рое, по своимъ благороднымъ и широкимъ послѣдствіямъ, можетъ такъ сильно повліять въ пользу общаго спокойствія Европы и особенно въ пользу благоденствія обоихъ государствъ, было бы необходимо, чтобы предварительно лицо, облеченное довѣріемъ его и. в-ва, имѣло достаточныя полномочія для переговоровъ и рѣшеній по всѣмъ вопросамъ.

Нижеподписавшійся возвѣщаетъ въ то же время, что вездѣ, гдѣ будетъ находиться русскій посредникъ, снабженный неограниченными полномочіями, онъ встрѣтитъ французскаго посредника, столь же уполномоченнаго.

Петербургъ, 18/30 декабря 1800.

*) Господинъ Первый Консулъ. Тѣ, кому Богъ вручилъ власть управлять народами, должны думать и заботиться объ ихъ благѣ. Въ виду этого я Вамъ предлагаю условиться съ нами относительно мѣръ къ прекращенію бѣдствій, которыя въ теченіе 11 лѣтъ угнетаютъ всю Европу. Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правахъ человѣка, ни о принципахъ различныхъ правительствъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается и ко-

soin et qui semble être si conforme aux loix immuables de l'Eternel. Me voici prêt à Vous écouter et m'entretenir avec Vous. Et Je crois être d'autánt plus fondé en droit de Vous le proposer et le faire, que j'étais loin de la lutte, à laquelle si même j'ai participé, ce n'a été que comme auxiliaire fidèle de ceux, qui ne l'ont pas été vis-à-vis de moi. Vous connaissez déjà et saurez encore ce que Je propose, ce que Je désire, mais ce n'est pas tout, Je Vous invite à rétablir avec Moi la paix générale, qui, si Nous le voulons, difficilement pourrait Nous être ravie. C'est Vous en dire assez pour Vous faire apprécier ma façon de penser et mes sentiments. Que Dieu Vous ait en Sa Sainte et digne Garde. Paul.

Mon plénipotentiaire Kolitcheff va suivre cette lettre.

Pétersbourg. Cabinet, France, 1800, 1. Списокъ.

1801.

№ 12.—Императоръ Павелъ I Бонапарту.

Pétersbourg, 2/14 janvier 1801.

*) Monsieur le Premier Consul. J'ai reçu Votre lettre et le rapport de mon Général Sprengporten sur les communications, qui lui ont été

торыя такъ соотвѣтствуютъ непреложнымъ законамъ Предвѣчнаго. Теперь Я готовъ Васъ слушать и бесѣдовать съ Вами. И я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ предлагать Вамъ это и это сдѣлать, что я былъ далекъ отъ борьбы, и если участвовалъ въ ней, то лишь какъ вѣрный помощникъ тѣмъ, которые со мною поступали иначе. Вы уже знаете и еще узнаете, что Я предлагаю, чего Я желаю, но это не все, Я предлагаю Вамъ вмѣстѣ со Мною возстановить всеобщій миръ, который, если Мы этого пожелаемъ, врядъ ли кто можетъ у насъ отнять. Сказаннаго довольно, чтобы Вы могли оцѣнить мой образъ мыслей и мои чувства.

Да осѣнитъ Васъ Богъ Своимъ Святымъ и достойнымъ Покровомъ. Павелъ.

Мой уполномоченный, Колычевъ, отправится вслѣдъ за этимъ письмомъ.

Петербургъ, 2/14 января 1801.

*) Господинъ Первый Консулъ. Я получилъ Ваше письмо и донесеніе моего генерала Спренгпортена о сообщеніяхъ, которыя были ему сдѣланы госпо-

faites par le S-r Talleyrand. Mon plénipotentiaire Kolitcheff partira déjà demain muni d'instructions, qui Vous montreront mes sentiments et répondront aux différents points de Votre lettre. Je désire de mon côté la paix à l'Europe, que nous pourrons certes donner. Mais je ne veux pas m'ingérer autrement de prescrire des limites soit en Italie, soit en Allemagne, pour éviter les suites, que cela entraînerait. Il est sûr que deux grandes puissances, qui s'entendent entre elles, influeront d'une manière positive sur le reste de l'Europe. Et je suis prêt à le faire. Sur ce je prie Dieu, Monsieur le Premier Consul, qu'Il Vous ait en Sa Sainte et digne Garde. Paul.

Pétersbourg. Cabinet, France, 1801, 4. Черновая.

№ 13.—Рескриптъ Колычеву.

Pétersbourg, 8/20 janvier 1801.

*) Monsieur le vice-chancelier Kolitcheff. Le ministre de S. M. Sicilienne nous ayant communiqué le désir du roi, son maître, d'envoyer une personne munie de ses pleins pouvoirs pour traiter avec le gouvernement français et obtenir une paix avantageuse en détachant entièrement ses intérêts de la cour de Vienne, nous avons acquiescé d'autant plus volontiers à cette demande qu'elle est entièrement conforme au plan, que

---

диномъ Талейраномъ. Мой уполномоченный, Колычевъ, отправляется уже завтра, снабженный инструкціями, которыя обнаружатъ Вамъ мои чувства и послужатъ отвѣтомъ на различные вопросы Вашего письма. Я желаю, съ своей стороны, мира Европѣ, который мы, конечно, можемъ дать. Но я не хочу вмѣшиваться для предписанія границъ въ Италіи или въ Германіи чтобы избѣжать послѣдствій, которыя это повлечетъ за собою. Несомнѣнно, что двѣ большія державы, въ согласіи между собою, будутъ имѣть положительное вліяніе на остальную Европу. Я готовъ это сдѣлать. Затѣмъ прошу Бога, господинъ Первый Консулъ, да осѣнитъ онъ Васъ Своимъ Святымъ и достойнымъ Покровомъ. Павелъ.

Петербургъ, 8/20 января 1801.

*) Господинъ вице-канцлеръ Колычевъ. Такъ какъ министръ его Сицилійскаго величества сообщилъ намъ желаніе его государя-короля прислать лицо, снабженное полномочіями, чтобы вести переговоры съ французскимъ правительствомъ и заключить съ нимъ миръ съ тѣмъ, чтобы оно окончательно отдѣлило свои интересы отъ вѣнскаго двора, то мы тѣмъ охотнѣе

nous nous sommes tracé. Et c'est pour le mettre en exécution, que nous vous prescrivons dans les ouvertures, que vous ferez au premier consul, de lui déclarer, que le rapprochement entre la Russie et la France une fois opérée, la ligue des puissances en opposition avec la maison d'Autriche et l'Angleterre est faite pour donner la loi au reste. Car on peut à la Russie et à la France ajouter l'Espagne, la Hollande, le roi des Deux Siciles et la Porte Ottomane, en laissant aux plus faibles une porte ouverte pour entrer dans mes vues. Vous soignerez les intérêts de S. M. Sicilienne en guidant de vos conseils son plénipotentiaire à Paris, et vous tâcherez de lui assurer le succès dans ses négociations. Sur ce je prie Dieu, monsieur le vice-chancelier Kolitcheff, qu'Il vous ait en sa sainte et digne garde. Paul.

Pétersbourg. Paris, 1801, 31. Подлинникъ.

№ 14.—Рескриптъ Колычеву.

Петербургъ, 8/20 января 1801.

(Тайное). Господинъ вицъ-канцлеръ Колычевъ. Желая дабы въ наставшихъ сношеніяхъ Нашихъ съ французскимъ правительствомъ безкорыстные и спасительные виды Наши оказывались во всемъ, находимъ за нужное объявить вамъ волю Нашу, дабы никто изъ употребленныхъ въ негоціаціи съ Бонапартомъ не принималъ никакихъ ни отъ его, ни отъ имени правительства подарковъ, ни деньгами, ни бриллiантами, распространяя сіе и на всѣхъ подчиненныхъ нынѣ и впредь. Павелъ.

Pétersburg. Paris, 1801, 32. Списокъ.

согласились на эту просьбу, что она совершенно подходитъ къ начертанному нами плану.

И именно для его исполненія мы предписываемъ вамъ въ сообщеніяхъ, которыя вы сдѣлаете первому консулу, объявить ему, что какъ только произойдетъ сближеніе между Россіей и Франціей, лига державъ, враждебныхъ австрійскому дому и Англіи, будетъ предписывать законы остальнымъ; такъ какъ къ Россіи и Франціи можно присоединить Испанію, Голландію, короля Обѣихъ Сицилій и Оттоманскую Порту, предоставивъ болѣе слабымъ свободу присоединиться къ моимъ взглядамъ. Вы будете охранять интересы его Сицилійскаго величества, руководя вашими совѣтами его уполномоченнаго въ Парижѣ, и поможете ему достигнуть успѣха въ его переговорахъ. Затѣмъ я молю Бога, господинъ вице-канцлеръ Колычевъ, чтобы Онъ осѣнилъ васъ своимъ святымъ и могучимъ покровомъ. Павелъ.

№ 15.—Нота Талейрана.

Paris. 1 pluviôse an IX.

*) Le soussigné s'empresse de communiquer à m. le général Sprengporten la décision, qui a été prise hier par les consuls de la République concernant la navigation des vaisseaux de S. M. I. de Russie.

C'est au moment même, où l'on a été instruit des mesures violentes prises en Angleterre, que le premier consul a désiré de faire cesser aussitôt ce qu'il y avait encore d'hostile dans les rapports de la France et de la Russie.

Le premier consul a considéré, que la Russie ne se voyait aujourd'hui exposée aux entreprises de l'Angleterre, que parce qu'elle s'était énergiquement prononcée contre les usurpations maritimes de cette puissance, et il n'a pas voulu, que les navires russes, poursuivis sur les mers par la vengeance et la rapacité des Anglais eussent encore quelque chose à craindre de la part des croiseurs français.

Le premier consul est d'ailleurs dans l'intime persuasion, que les dispositions de S. M. I. sont toutes pour le rétablissement de la paix, et ne pouvant imputer qu'au grand éloignement des pays respectifs le

---

Парижъ, 8/20 января 1801.

*) Нижеподписавшійся спѣшитъ сообщить господину генералу Спренгпортену рѣшеніе, которое было принято вчера консулами Республики насательно навигаціи судовъ его и. в-ва, императора Россійскаго.

Въ ту самую минуту, когда было получено извѣстіе о насильственныхъ мѣрахъ, принятыхъ въ Англіи, первый консулъ пожелалъ, чтобы немедленно было прекращено все, что еще оставалось враждебнаго въ отношеніяхъ Франціи къ Россіи.

Первый консулъ разсудилъ, что Россія подвергается теперь преслѣдованіямъ Англіи лишь потому, что она энергически высказалась противъ злоупотребленій этой державы на морѣ, и онъ не желаетъ, чтобы русскіе корабли, преслѣдуемые на морѣ местью и хищничествомъ англичанъ, должны были еще чего-нибудь опасаться со стороны французскихъ крейсеровъ.

Сверхъ того, первый консулъ искренно убѣжденъ, что всѣ намѣренія его и. в-ва клонятся къ возстановленію мира, и приписывая замедленіе подписи лишь большому разстоянію между обѣими странами, онъ не поколебался прекратить на дѣлѣ враждебныя дѣйствія, прежде нежели они могли быть прекращены по праву, въ силу заключенія договора. Его и. в-во не

retard de la signature, il n'a pas hésité à faire cesser de fait les hostilités avant même qu'elles puissent cesser de droit par la conclusion d'un traité.

S. M. I. ne pourra pas manquer de voir dans cette détermination spontanée du premier consul une preuve sensible de l'estime toute particulière, dont il est rempli pour S. M. et pour la grandeur de son caractère.

Des courriers extraordinaires vont être expédiés en Espagne, en Hollande et à Gênes pour engager ces trois gouvernements à prendre des mesures semblables à celles du gouvernement français, et il n'est pas à douter, qu'ils ne s'y montrent empressés.

Le soussigné en transmettant à m. général de Sprengporten l'arrêté ci-joint, l'invite à en donner immédiatement connaissance à sa cour.

Paris. 140, 115. Черновая.

№ 16.—Императоръ Павелъ I Бонапарту.

Pétersbourg, 15/27 janvier 1801.

*) M. le Premier Consul. Je profite de cette occasion pour Vous écrire celle-ci, y étant obligé par la conduite, que les anglais tiennent non seulement vis-à-vis de la Russie, mais vis-à-vis des autres puissances du Nord surtout. Ce n'est point à moi à Vous indiquer ce que Vous avez

---

можетъ не увидѣть въ этомъ добровольномъ рѣшеніи перваго консула явное доказательство особеннаго уваженія, которымъ онъ преисполненъ къ его в-ву и къ благородству его характера.

Чрезвычайные курьеры будутъ отправлены въ Испанію, Голландію и Женеву, чтобы пригласить эти три правительства присоединиться къ мѣрамъ правительства французскаго, и нѣтъ сомнѣнія, что они изъявятъ свою готовность.

Нижеподписавшійся, передавая генералу Спренгпортену прилагаемое при этомъ рѣшеніе, проситъ его немедленно сообщить о немъ своему двору.

Петербургъ, 15/27 января 1801.

*) Господинъ Первый Консулъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы написать Вамъ это письмо, такъ какъ меня принуждаетъ къ тому поведеніе англичанъ не только относительно Россіи, но и относительно другихъ сѣверныхъ державъ въ особенности. Не мнѣ указывать Вамъ, что Вамъ слѣдуетъ дѣлать, но я

à faire, mais je ne puis ne pas Vous proposer, s'il ne serait pas possible d'entreprendre ou du moins produire quelque chose sur les côtes de l'Angleterre, qui au moment, où elle se voit isolée, peut produire un effet à la faire répentir de son despotisme et de son arrogance. Je Vous prie de prendre en considération ce que je Vous propose et Vous indique. Que Dieu Vous ait en sa sainte et digne garde.

Pétersbourg. Cabinet, France, 1801, 5. Списокъ.

№ 17.—Ростопчинъ Колычеву.

Петербургъ, 15/27 января 1801.

Скоро весьма ваше высокопревосходительство ѣхать изволите, желаю весьма, чтобъ безъ остановокъ доѣхали до Парижа. Изъ бумагъ берлинскихъ увидите вы, какъ Гаугвицъ боится, чтобы чего-нибудь не заключили и не забыли ихъ. Теперешняя негоціація ваша принуждаетъ берлинскій дворъ ожидать всего отъ насъ, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, Бонапартъ не имѣлъ никакого къ нему уваженія; а съ другой—онъ ничего не получитъ въ замѣнъ взятаго у него, какъ по согласію Государя съ Бонапартомъ. Мнѣ казалось, что вы не весьма были хорошо расположены къ берлинскимъ затѣямъ, и не легко приступите къ обложенію голыхъ нѣмецкихъ владѣтелей. Въ Берлинѣ все хочется епископства Бамбергскаго и Вюрцбургскаго для учрежденія въономъ дому Оранскаго. Я увѣренъ, что если англичане не вдругъ по пріѣздѣ ихъ завладѣютъ Египтомъ и истребятъ французскую тамъ армію, то кампанія ихъ неудачна будетъ, и постановленіе касательно сей земли, о коемъ упомянуто въ нынѣшнемъ государевомъ посланіи, легко произведено въ дѣйство быть можетъ. Но ежели же англичане укрѣпятся въ Египтѣ, то весьма трудно и силою ихъ оттуда выжить, по той причинѣ, что,

---

не могу не предложить Вамъ, нельзя ли предпринять или, по крайней мѣрѣ, произвести что-нибудь на берегахъ Англіи, что̀ въ то время, когда она видитъ себя изолированною, можетъ заставить ее раскаяваться въ своемъ деспотизмѣ и въ своемъ высокомѣріи. Прошу Васъ принять въ соображеніе то, что̀ я Вамъ предлагаю и указываю. Да осѣнитъ Васъ Богъ своимъ святымъ и достойнымъ покровомъ.

владѣя моремъ и Мальтою, всегда свѣжія войска привозить въ Египетъ могутъ и открыто противъ Порты дѣйствовать, которая, дивясь своей глупости, будетъ сидя плакать на одномъ мѣстѣ. Видя, не помню гдѣ, что при замиреніи французовъ съ королемъ неаполитанскимъ они намѣрены отъ него требовать возвращенія въ его области всѣхъ тѣхъ, кои изъ оныхъ изгнаны были за поведеніе и за мнѣнія противъ законнаго правительства, то если бы сіе требованіе и послѣдовало, то надобно его отвергнуть и примѣтить, что оно служить яснымъ доказательствомъ о продолженіи системы нарушенія порядка въ земляхъ благоустроенныхъ. Постарайтесь поскорѣе, установя вещи, доставить проектъ трактата съ Франціею, потому что сіе откроетъ путь къ новымъ постановленіямъ....

Pétersbourg. Paris, 1801, 40. Подлинникъ.

№ 18.—Ростопчинъ Колычеву.

Петербургъ, 15/27 января 1801.

По Высочайшему повелѣнію. — Вслѣдствіе полученныхъ донесеній бароновъ Крюденера и Спренгпортена и посланника Тамары, съ коихъ при семъ препровождаются къ в. высокопр-ву копіи, е. и-му в-ву угодно было снабдить васъ нѣкоторыми объясненіями о предположеніяхъ его касательно Мальты и Египта.

Въ трактованіи вашемъ о возвращеніи Мальты Государю домогайтесь упорно, дабы Франція обязалась не заключать съ Англіею иначе мира, какъ помѣстя въ договорахъ своихъ особенный пунктъ о возвращеніи Мальты е. и-му в-ву, яко великому магистру державнаго Ордена С. Іоанна Іерусалимскаго.

О возвращеніи Египта весьма легко первому консулу завести прямую негоціацію съ Портою, препоруча оную гишпанскому у оной пребывающему министру. Государь въ семъ дѣлѣ изволитъ принимать особливое участіе, какъ для соблюденія пользы союзника своего, султана турецкаго, такъ и для уничтоженія видовъ Англіи на завладѣніе Египтомъ, слѣдственно и всею торговлею Средиземнаго и Краснаго морей. Предлагая Портѣ, со стороны Франціи, упраздненіе Египта отъ войскъ сей послѣдней державы, должна она удостовѣриться и со стороны Порты, что войска

англійскія никогда въ Египтѣ терпимы не будутъ и что сія земля должна попрежнему возвратиться въ единственное Порты обладаніе. Въ случаѣ же занятія англичанами Египта и упорности возвратить оную, е. и-е в-о намѣренъ, купно съ Портою, Франціей, Даніей и Швеціей, употребить силу для достиженія предполагаемой цѣли и для сего, если предложеніе сіе принято будетъ первымъ консуломъ и дастъ по оному препорученіе гишпанскому въ Константинополѣ министру, то вы ускорите отправленіемъ онаго чрезъ Яссы, адресуя при письмѣ отъ васъ къ нашему тамъ генеральному консулу, коллежскому совѣтнику Малиновскому, который, предупрежденъ бывъ отсюда, доставитъ чрезъ нарочнаго въ Константинополь, гдѣ и министръ Тамара снабженъ будетъ по сему нужными наставленіями для содѣйствія съ своей стороны у министерства турецкаго, кое найдетъ въ семъ подвигѣ сильнѣйшее и новое доказательство попеченія Государя о пользѣ Порты Оттоманской.

Отвѣта на посланное отъ графа Гаугвица сообщеніе не воспослѣдовало, и Государю угодно продлить сіе до времени, довольствуясь даннымъ уже словеснымъ согласіемъ на пріобрѣтеніе при общемъ мирѣ Пруссіей удовлетворенія въ Германіи. Ратификація изъ Берлина морской конвенціи вскорѣ доставлена будетъ. Копенгагенскій дворъ ободренъ увѣреніями о исполненіи всего положеннаго между сѣверными дворами для сохраненія правъ торговли и мореплаванія. Шведскому королю отпускается хлѣба двадцать тысячъ четвертей сверхъ означеннаго числа въ союзномъ 1799 года трактатѣ со Швеціей. Отправленному изъ Стокгольма въ Лондонъ бар. Еренсвердту для освобожденія захваченныхъ англичанами шведскихъ судовъ милордъ Гренвиль отвѣчалъ безнадежно и съ сердцемъ, увѣряя, что если министерство англійское въ 780-мъ году посрамило себя терпѣніемъ заключеннаго морского нейтралитета, то нынѣшнее поведетъ себя совсѣмъ иначе и не допуститъ до нарушенія правъ Англіи.....

Pétersbourg. Paris, 1801, 41 Подлинникъ.

№ 19.—Рескриптъ Колычеву.

Pétersbourg, 21 janvier (2 février) 1801.

*) Monsieur le vice-chancelier Kolitschew, d'après les communications officielles, qui nous ont été données, se trouve placé l'évènement récemment arrivé dans les états du duc de Wurtemberg, où des paysans, s'étant ameutés, ont voulu proclamer un autre gouvernement, ayant à leur tête un certain Schwartz, natif de Stuttgart. Cet homme séditieux, arrêté par le commendant français, a été soustrait à la justice malgré les réclamations de la régence du pays, sous prétexte, qu'il devait être renvoyé au quartier du général en chef Moreau. Le duc de Wurtemberg a enjoint au sieur de Norman, qui se trouve à Paris, d'insister sur l'extradition et la punition de ce Schwartz. Vous appuyerez sa demande en notre nom, en faisant observer à cette occasion au premier consul, que nous ne reconnaissons nullement dans cette protection, accordée à un sujet rebelle, l'esprit de justice, que le gouvernement de la France se plait à manifester, pour faire oublier les anciens principes révolutionnaires. Que Dieu vous ait, m. le vice-chanc. Kolitschew, en sa sainte et digne garde.

Pétersbourg. Paris, 1801, 32 b. Подлинникъ.

Петербургъ, 21 января (2 февраля), 1801.

*) Господинъ вице-канцлеръ Колычевъ. Изъ оффиціальныхъ сообщеній, которыя намъ были сдѣланы, мы узнали о событіи, которое недавно произошло въ государствѣ герцога Вюртембергскаго, гдѣ крестьяне, возмутившись, хотѣли провозгласить другое правительство съ какимъ-то Шварцомъ во главѣ, уроженцемъ Штутгарта. Этотъ бунтовщикъ, схваченный французскимъ военачальникомъ, былъ вырванъ изъ рукъ правосудія, несмотря на требованія регентства страны, подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть отосланъ въ квартиру главнокомандующаго Моро. Герцогъ Вюртембергскій приказалъ господину де-Норману, который находится въ Парижѣ, настаивать на изгнаніи и наказаніи этого Шварца. Вы поддержите его просьбу отъ нашего имени, давъ замѣтить при этотъ случаѣ первому консулу, что мы нисколько не признаемъ въ этомъ покровительствѣ мятежному подданному духа правосудія, который французское правительство старается выказывать, чтобы заставить забыть прежніе революціонные принципы. Да осѣнитъ васъ Богъ, г. вице-канцлеръ Колычевъ, своимъ святымъ и достойнымъ покровомъ.

№ 20.—Рескриптъ Колычеву.

Pétersbourg, 4/16 février 1801.

*) Monsieur le vice-chancelier Kolitschev. L'Angleterre en gardant toujours le silence le plus profond sur l'île de Malte, a fait mettre l'embargo sur les vaisseaux russes, suédois et danois, et m'a déclaré la guerre. Quand son manifeste me parviendra, j'y répondrai par un autre. Fermement résolu à soutenir mes droits et ceux de mes alliés, je veux amener cette puissance despotique sur les mers à me rendre raison de ses procédés et à satisfaire à mes demandes. L'union intime des puissances du Nord rendra le succès plus facile, et pour géner encore plus le commerce des anglais et les rendre plus dociles, je vous ordonne de vous entendre à ce sujet avec le premier consul et de lui faire envisager le bien, qui résulterait pour la ligue du Nord, si le gouvernement français, de concert avec l'Espagne, obtenait de la cour de Lisbonne son accession au traité de la convention maritime, conclue ici en dernier lieu, et d'y porter également les Etats Unis de l'Amérique. Vous mettrez la main à l'œuvre, aussitôt que vous serez convenu avec le premier consul du mode le plus sûr. Sur ce je prie Dieu, qu'il vous ait, monsieur le vice-chancelier Kolitschev, en sa sainte et digne garde.

Pétersbourg. Paris, 1801, 33. Списокъ.

Петербургъ, 4/16 февраля 1801.

*) Господинъ вице-канцлеръ Колычевъ. Англія, продолжая хранить самое глубокое молчаніе относительно острова Мальты, велѣла наложить запрещеніе на суда Россіи, Швеціи и Даніи и объявила мнѣ войну. Когда я получу ея манифестъ, я буду отвѣчать тѣмъ же. Твердо рѣшившись поддерживать мои права и права моихъ союзниковъ, я хочу заставить эту деспотическую на моряхъ державу отдать мнѣ отчетъ въ ея поступкахъ и удовлетворить моимъ требованіямъ. Тѣсный союзъ сѣверныхъ державъ облегчитъ успѣхъ, и чтобы еще больше стѣснить торговлю англичанъ и сдѣлать ихъ посговорчивѣе, я повелѣваю вамъ войти по этому поводу въ соглашеніе съ первымъ консуломъ и выставить ему, какое благо было бы для сѣверной лиги, еслибы французское правительство, сообща съ Испаніей, добилось отъ лиссабонскаго двора присоединенія къ трактату морской конвенціи, заключенной здѣсь недавно, и привлечь къ этому также Соединенные Штаты Америки. Вы приступите къ дѣлу тотчасъ же, какъ только условитесь съ первымъ консуломъ относительно самыхъ вѣрныхъ мѣръ. Затѣмъ я прошу Бога, да осѣнитъ Онъ васъ, г. вице-канцлеръ Колычевъ, своимъ святымъ и достойнымъ покровомъ.

№ 21.—Бонапартъ Императору Павлу I.

Paris, 8 ventôse an IX.

*) J'ai reçu la lettre de V. M. du 18 décembre: elle m'annonçait l'arrivée de monsieur de Kolitschew; mais ce plénipotentiaire n'étant pas encore arrivé, je prends le parti de répondre promptement à V. M. sur le contenu de sa lettre du quinze janvier.

L'arrogance et l'insolence des anglais n'ont point d'exemple. Je vais réunir, comme V. M. paraît le désirer, trois ou quatre cents chaloupes canonnières dans les ports de Flandre, où je réunirai une armée. J'ai donné les ordres pour rassembler en Bretagne une armée, qui pourra être embarquée sur l'escadre de Brest.

Une division de l'armée française est sur les frontières du royaume de Naples. J'ai demandé au roi des Deux Siciles, qu'il mit embargo sur les bâtiments anglais, qui se trouvent dans les ports de ses états. Monsieur le marquis de Gallo, muni de ses pleins pouvoirs, est arrivé. Je n'ai pu que lui faire témoigner ma surprise et mon mécontentement de ce, que les ministres de l'empereur d'Allemagne et du roi d'Angleterre se trouvaient nommés dans ses pleins pouvoirs, comme devant traiter conjointement avec lui, tandis que les ministres de V. M. n'y étaient pour rien. Avant l'échange du traité, il devra se procurer

---

Парижъ, 15/27 февраля 1801.

*) Я получилъ письмо В-го В-ва отъ 18 декабря; оно извѣщало меня о прибытіи господина Колычева; но такъ какъ этотъ уполномоченный еще не пріѣхалъ, то я рѣшаюсь поспѣшить отвѣтить В. В-ву на содержаніе вашего письма отъ 15 января.

Заносчивость и наглость англичанъ безпримѣрны. Я соединю, какъ, повидимому, желаетъ В. В-во, 3 или 4 сотни канонерскихъ шлюпокъ въ портахъ Фландріи, гдѣ я соберу армію. Я отдалъ приказъ, чтобы въ Бретани была собрана армія, которую можно будетъ посадить на эскадру въ Брестѣ.

Одна дивизія французской арміи находится на границахъ Неаполитанскаго королевства; я просилъ короля Обѣихъ Сицилій, чтобы онъ наложилъ запрещеніе на англійскія суда, которыя стоятъ въ портахъ его владѣній. Господинъ маркизъ де-Галло пріѣхалъ съ своими полномочіями. Я могъ только выразить ему мое удивленіе и мое неудовольствіе по поводу того, что министры нѣмецкаго императора и англійскаго короля названы въ его полномочіяхъ, какъ лица, которыя должны переговариваться совокупно съ нимъ, тогда какъ министры В. В-ва поставлены ни во что. До обмѣна договора онъ

d'autres pouvoirs. Dans la situation maritime actuelle de l'Europe, il est essentiel, que le roi des Deux Siciles sache bien, qu'il ne doit la conservation de ses états qu'à la protection de V. M.

J'ai envoyé un renfort de dix vaisseaux de Brest à Toulon, qui y sont heureusement arrivés. L'Espagne réunit une escadre à Cadix, afin que, si les circonstances se présentent, ces escadres puissent se combiner avec celle, que V. M. a dans la mer Noire.

Mais pour cet effet il me paraît nécessaire de pouvoir être assuré d'un port en Sicile, d'un sur la côte de Tarente, et il n'y aura de surêté pour les escadres, qui seront dans ces ports, que lorsqu'ils seront occupés par des troupes russes et françaises. C'est pourquoi je désirerai, qu'il y eût garnison russe dans un des principaux ports de la Sicile et garnison française dans un des ports du golfe de Tarente.

Monsieur le marquis de Lucchesini m'a communiqué une note du roi de Prusse, par laquelle il paraît, que ce prince vient enfin de faire ce que V. M. et l'Europe attendaient de lui, en fermant l'Elbe et le Veser aux anglais. Ne paraîtrait-il pas convenable à Votre Majesté, en occupant le Hannovre jusqu'à la paix générale, d'y envoyer les troupes de monsieur Sprengporten, auxquelles on pourrait joindre une

---

долженъ будетъ достать себѣ другія полномочія. При теперешнемъ морскомъ положеніи Европы важно, чтобы король Обѣихъ Сицилій хорошо зналъ, что онъ обязанъ сохраненіемъ своихъ владѣній покровительству В. В-ва.

Я отправилъ въ подкрѣпленіе изъ Бреста въ Тулонъ 10 кораблей, которые и прибыли туда благополучно. Испанія сосредоточиваетъ эскадру въ Кадиксѣ, дабы эти эскадры, если обстоятельства потребуютъ, могли соединиться съ черноморской эскадрой В. В-ва.

Но для этой цѣли, мнѣ кажется, необходимо быть обезпеченнымъ относительно одного порта въ Сициліи и одного—у береговъ Тарента; и эскадры, которыя будутъ находиться въ этихъ портахъ, только тогда будутъ въ безопасности, когда послѣдніе будутъ заняты русскими и французскими войсками. Вотъ почему я бы желалъ, чтобы русскій гарнизонъ находился въ одномъ изъ главныхъ портовъ Сициліи, а французскій въ одномъ изъ портовъ Тарентскаго залива.

Г. маркизъ Люкезини сообщилъ мнѣ ноту прусскаго короля, изъ которой видно, что, кажется, этотъ государь исполнилъ, наконецъ, то, чего ожидали отъ него В. В-во и Европа, закрывъ Эльбу и Везеръ англичанамъ. Не считаетъ ли В. В-во приличнымъ, занявъ Ганноверъ до всеобщаго замиренія, отправить туда войска г. Спренгпортена, къ которымъ можно бы было

division de troupes françaises? Je me chargerai dans le cas de lui fournir tout l'attirail de guerre, dont elles pourront avoir besoin.

Si V. M. tient la main à ce que les anglais ne fassent aucun commerce avec les puissances du nord, si le corps de monsieur de Sprengporten se porte dans le Hannovre pour ne mettre aucune espèce de doute à la fermeture de l'Elbe et du Veser, un corps d'observation que j'ai envoyé à Bordeaux forçant le Portugal à fermer ses ports à l'Angleterre et ceux de Naples et de la Sicile leur étant également fermés, les anglais n'auront aucune communication avec l'Europe.

Je recommande à V. M. les prisonniers français, qui sont dans les bagnes du Constantinople.

Les anglais tentent un débarquement dans l'Egypte. L'intérêt de toutes les puissances de la Méditerranée, comme de celle de la mer Noire, est, que l'Egypte reste à la France. Le canal Suez, qui joindrait la mer de l'Inde à la Méditerranée est déjà tracé; c'est un travail facile et de peu de temps, qui peut produire des avantages incalculables au commerce russe. Si V. M. est toujours dans l'opinion, qu'elle a manifestée souvent, de faire faire une partie du commerce du nord par le midi, elle peut attacher son nom à une aussi grande entreprise, qui aura tant d'influence sur la situation future du continent,

---

присоединить одну французскую дивизію? Я взялся бы, въ такомъ случаѣ, доставить ему всѣ военные снаряды, которые могутъ понадобиться.

Если В. В-во настоитъ на томъ, чтобы англичане не производили никакой торговли съ сѣверными державами, если отрядъ г. Спренгпортена отправится въ Ганноверъ, чтобы не оставалось сомнѣнія въ закрытіи Эльбы и Везера, между тѣмъ какъ обсерваціонный корпусъ, посланный мною въ Бордо, принудитъ Португалію закрыть для Англіи ея порты, въ то время какъ Неаполь и Сицилія тоже закроютъ свои, то англичане не будутъ имѣть никакого сообщенія съ Европой.

Я поручаю В. В-ву французскихъ плѣнныхъ, которые находятся на каторгѣ въ Константинополѣ.

Англичане пытаются высадиться въ Египтѣ. Интересъ всѣхъ державъ Средиземнаго, а также и Чернаго морей требуетъ, чтобы Египетъ остался за Франціей. Суэзскій каналъ, который долженъ соединить Индѣйское море съ Средиземнымъ, уже начертанъ; это работа легкая и не требующая много времени, которая можетъ принести неисчислимыя выгоды русской торговлѣ. Если В. В-во все еще держитесь мнѣнія, которое Вы часто высказывали, чтобы часть торговли сѣвера перешла на югъ, то Вы можете связать свое имя съ такимъ великимъ предпріятіемъ, которое такъ сильно повліяетъ на будущее положеніе материка, взявъ на себя посредничество передъ Портой

en intervenant auprès de la Porte dans les affaires d'Egypte. Dans le traité de paix, qui a été conclu entre la France et l'Autriche, V. M. aura vu, que tout a été calculé pour pouvoir remplir tous ses désirs.

J'attends avec impatience monsieur de Kolitschew. Dès qu'il sera arrivé, j'expédierai un officier à V. M. Je la prie de donner les ordres sur la frontière, pour qu'il y trouve l'autorisation nécessaire.

Je prie V. M. de me croire avec les sentiments tous particuliers, qu'elle m'a inspirés.

Pétersbourg. Cabinet, France, 1801, 1. Подлинникъ.

№ 22.—Колычевъ двору.

Парижъ, 25 февраля (9 марта) 1801.

Sire. Долгомъ почитаю донести в. и. в-ву, все то, что могъ увидѣть изъ первой конференціи съ Талейраномъ. Соглася слова его съ тѣмъ, что узналъ дорогою и отъ нѣкоторыхъ людей здѣсь, Бонапарте, видя, что власть утверждена только на близкомъ воспоминаніи побѣдъ и потому неосновательна, и принужденъ будучи согласовать противныя партіи, у коихъ онъ въ нѣкоторомъ родѣ зависимости, имѣетъ цѣлью продолжать войну, дабы, удаля войска и лучшихъ генераловъ, успѣхами ихъ занять общее вниманіе, обезсилить другія державы и основать собственную власть свою. Не взирая на чрезвычайныя почести и словесныя увѣренія, кажется, что въ сближеніи Франціи съ Россіею ни малѣйшей нѣтъ искренности, ибо здѣшнее правительство, оказавъ только наружное уваженіе къ покровительству в. и. в-ва королю Неаполитанскому, отказало послу его здѣсь вступить съ нимъ въ переговоры, и, удаля отъ владѣній его свои войска, принудитъ вѣроятно заключить миръ, неприличный ни выгодамъ его, ни достоинству в. и. в-ва; и въ томъ намѣреніи посланъ въ Неаполь уполномоченный Алкьерь, бывшій прежде

въ египетскихъ дѣлахъ. Въ мирномъ договорѣ, заключенномъ между Франціей и Австріей, В. В-во конечно видѣли, что все было разсчитано такъ, чтобы исполнить всѣ ваши желанія.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю г. Колычева. Какъ только онъ пріѣдетъ, я отправлю къ В. В-ву офицера. Прошу васъ отдать приказаніе на границѣ, чтобы онъ нашелъ тамъ необходимое разрѣшеніе.

Прошу В. В-во принять отъ меня увѣреніе въ особенныхъ чувствахъ, которыя Вы мнѣ внушили.

посломъ въ Гишпаніи. О семъ не преминулъ я въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ объясниться съ Талейраномъ. Сверхъ того, весьма ясно желаніе правительства вовлечь Россію въ убыточную войну не только съ Англіей, но и съ самою Портою, дабы лишить ее сего союзника и, удаля современемъ отъ Пруссіи, ослабить и унизить государство, которое одно только можетъ удержать равновѣсіе Европы. Талейранъ предложилъ уже мнѣ употребить противъ Англіи находящіяся здѣсь россійскія войска. Въ разсужденіи Египта, кажется, Бонапарте никакъ не согласится оставить его, тѣмъ паче, что завладѣніе онымъ весьма согласно съ видами его противу Порты. Талейранъ говорилъ мнѣ о выгодахъ, кои россійская торговля имѣть можетъ въ Египтѣ. Я искренно желаю, чтобъ мнѣніе мое было несправедливо; доношу только о немъ по самой справедливости, коею обязанъ я по долгу и по честности. Весьма долго продолжая переговоры мои съ Талейраномъ, надѣюсь на сихъ дняхъ отправить къ в. и. в-ву проектъ трактата.

Pétersbourg. Paris, 1801, 62. Подлинникъ.

№ 23.—Колычевъ Ростопчину.

Paris, 25 février (9 mars) 1801.

*) En me référant à la relation, que j'ai l'honneur d'adresser aujourd'hui à S. M. I., j'ajouterai encore à v. excell., que je doute beaucoup de l'exécution des différents articles, qui seront même stipulés avec nous. Je doute en général du succès de ma mission. Il y a ici une ambition démesurée depuis l'abaissement de l'Autriche et depuis notre rupture avec l'Angleterre, à quoi il faut ajouter l'envie de continuer la guerre n'importe où afin d'occuper une partie des troupes et de con-

---

Парижъ, 25 февраля (9 марта) 1801.

*) (Шифровано). Ссылаясь на донесеніе, которое я имѣю честь оправить сегодня е. и. в-ву, прибавлю еще в. с-ву, что я очень сомнѣваюсь въ исполненіи различныхъ статей, въ которыхъ мы даже условились бы. Вообще я сомнѣваюсь въ успѣхѣ моего порученія. Здѣсь господствуетъ чрезмѣрное честолюбіе со времени ослабленія Австріи и со времени нашего разрыва съ Англіей; къ этому нужно прибавить желаніе продолжать войну гдѣ бы то ни было, чтобы за-

tenir les officiers et les généraux, dont le dernier désire de remplacer un jour le premier consul et cherchera à intriguer dès qu'il sera désœuvré. En supposant même que le gouvernement soit assez sûr pour le moment, comme on le croit, parce que tout le monde est las des troubles et se rallie autour de lui en apparence, au moins il reste encore douteux, s'il resistera aux scélérats et à plusieurs généraux, auxquels le premier consul inspire de la jalousie. D'ailleurs le tout ne repose que sur un seul individu. Comment garantir sa vie, et ne peut-il pas dans peu mourir de mort naturelle?

Je doute fort que nous ayons quelque chose de bon à attendre de la France; je le repète, elle cherche à nous brouiller avec tout le monde, à nous embarrasser dans l'intention peut-être de faire revivre les troubles en Pologne. Je vous supplie en grâce, monsieur le comte, de me tirer d'ici le plutôt possible; je vois tout en noir et j'en suis malade; d'ailleurs en vérité je sens, que ma mission est au-dessus de mes forces et je doute de mon succès. Envoyez-moi un successeur, le service y gagnera; il sera plus heureux peut-être et certainement plus adroit. J'ose vous en prier sérieusement. Vous me tirerez d'un grand embarras en me rapellant d'ici. Je ne m'accoutumerai jamais aux gens, qui gouvernent ici; je ne me fierai jamais à ces derniers. Spreng-

---

нять часть войска и сдержать офицеровъ и генераловъ, изъ которыхъ последній желаетъ современемъ занять мѣсто перваго консула и будетъ стараться интриговать, какъ только онъ останется безъ дѣла. Допустимъ даже, что въ настоящую минуту правительство довольно прочно, какъ думаютъ, потому что всѣ устали отъ смутъ и, повидимому, соединяются вокругъ него; но еще остается сомнительнымъ, устоитъ ли оно противъ злодѣевъ и многихъ другихъ генераловъ, которымъ первый консулъ внушаетъ зависть? Къ тому же все держится лишь одною единственною личностью. Какъ обезпечить его жизнь? И развѣ онъ не можетъ въ короткое время умереть естественною смертью?

Я очень сомнѣваюсь, чтобы мы дождались чего-нибудь хорошаго отъ Франціи; повторяю, что она старается поссорить насъ со всѣми, поставить насъ въ затрудненіе, съ намѣреніемъ, можетъ быть, вызвать смуту въ Польшѣ. Умоляю васъ, графъ, убрать меня отсюда какъ можно скорѣе: я все вижу въ черномъ свѣтѣ и оттого заболѣлъ; къ тому же, въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что мое порученіе свыше моихъ силъ, и сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Пришлите мнѣ преемника: служба отъ этого выиграетъ; онъ, можетъ быть, будетъ счастливѣе и, конечно, ловчѣе. Осмѣливаюсь просить васъ объ этомъ серьезно. Вы выведете меня изъ большого затрудненія, отозвавъ меня отсюда. Я никогда не привыкну къ людямъ, которые здѣсь управляютъ,

porten est rempli de zèle, mais il n'a pas le sens commun; il est enthousiasmé de Paris; il a trop flatté le gouvernement, qui croit que la Russie a besoin de lui. Il faut avec les gens, qui gouvernent ici, tenir ferme et ne rien céder, encore moins entrer dans leurs vues. Il faut exiger d'eux des égards et ne les croire, que quand ils exécuteront leurs promesses, car il ne faut jamais oublier, qu'ils visent à dominer partout en nous flattant et qu'ils ne veulent de nous qu'un instrument, afin de nous tromper et mieux parvenir au but, qu'ils se proposent. Leur intention est de nous embarrasser et de subjuguer l'Europe; enfin ils savent, qu'ils ne peuvent y atteindre qu'en nous embarrassant.

Pétersbourg. Paris, 1801, 135. Подлинникъ.

№ 24.—Колычевъ Талейрану.

Paris, 21 ventôse an IX.

*) Citoyen ministre. Ayant réfléchi sur ce que vous m'avez fait l'honneur de me dire relativement aux objets, que nous avons à traiter, je me vois dans la nécessité de vous demander une décision touchant ce qui regarde les affaires de Naples. Je vous prie, citoyen ministre, de vouloir bien me faire connaître, si le premier consul a décidé définiti-

---

и никогда не буду имъ довѣрять. Спренгпортенъ исполненъ усердія, но у него нѣтъ здраваго смысла; онъ въ восторгѣ отъ Парижа; онъ слишкомъ льстилъ правительству, которое думаетъ, что Россія въ немъ нуждается. Съ людьми, которые здѣсь управляютъ, нужно быть твердымъ и ни въ чемъ не уступать имъ, еще менѣе входить въ ихъ виды. Нужно требовать отъ нихъ уваженія и вѣрить имъ лишь тогда, когда они будутъ исполнять свои обѣщанія, ибо никогда не нужно забывать, что они стремятся господствовать повсюду, льстя намъ, и что мы нужны имъ лишь, какъ орудіе, чтобы, обманувъ насъ, они могли лучше достигнуть предначертанной цѣли. Ихъ намѣреніе—запутать насъ и поработить Европу; наконецъ, они знаютъ, что могутъ достигнуть этого, лишь запутавъ насъ.

Парижъ, 28 февраля (12 марта) 1801.

*) Гражданинъ министръ! Обдумавъ то, что вы изволили сказать мнѣ относительно предметовъ, о которыхъ мы должны договариваться, я вижу необходимость просить у васъ рѣшенія дѣлъ, касающихся Неаполя. Прошу васъ, гражданинъ министръ, соблаговолите сообщить мнѣ, чтó рѣшилъ первый консулъ окончательно: должны ли происходить эти переговоры здѣсь, при

vement, si cette négociation doit se faire ici sous l'intervention de l'empereur, mon maître, comme il avait été convenu; ou bien s'il est résolu de la faire en Italie. Dans le premier cas je dois exiger, que le premier consul veuille bien faire suspendre sur le champ toute autre négociation entamée en Italie, qu'elle soit ouverte ici avec le plénipotentiaire néapolitain et qu'il soit également ordonné d'arrêter tout acte d'hostilité. Si au contraire le premier consul préfère d'ouvrir la négociation en Italie, je ne dois pas vous cacher, que cela se trouverait en opposition avec mes instructions et avec l'attente de S. M. l'empereur, et alors je me bornerai à en rendre compte à ma cour, puisqu'une telle démarche change essentiellement l'objet de ma mission relativement aux affaires du roi de Naples. Ce sont ces motifs, citoyen ministre, qui m'obligent de vous prier de me faire connaître positivement les intentions du premier consul.

Paris, 140, 98. Подлинникъ.

№ 25.—Протоколы конференцій между Талейраномъ и Колычевымъ.

Paris 21—24 ventôse an IX.

I.

*) *Première conférence.* 21 ventôse an IX. — La conférence s'est ouverte à quatre heures. Le citoyen Charles Maurice Talleyrand, mi-

---

посредничествѣ императора, моего государя, какъ было условлено; или же онъ рѣшился вести ихъ въ Италіи. Въ первомъ случаѣ я долженъ требовать, чтобы первый консулъ соблаговолилъ немедленно прекратить всякіе переговоры, начатые въ Италіи, чтобы они были открыты здѣсь съ неаполитанскимъ уполномоченнымъ, и чтобы было приказано также прекратить всѣ враждебныя дѣйствія. Если, напротивъ, первый консулъ предпочитаетъ открыть переговоры въ Италіи, я не долженъ отъ васъ скрывать, что это противорѣчитъ моимъ инструкціямъ и ожиданіямъ е. в. и-ра; и въ такомъ случаѣ я ограничусь только тѣмъ, что извѣщу объ этомъ мой дворъ, такъ какъ подобный поступокъ существенно измѣняетъ предметъ моего порученія по дѣламъ неаполитанскаго короля. Вотъ что побуждаетъ меня, гражданинъ министръ, просить васъ сообщить мнѣ положительно намѣренія перваго консула.

Парижъ, 28 февраля (12 марта)—3/15 марта 1801.

I.

*) *Первая конференція.* 28 февраля (12 марта). Конференція открылась въ 4 часа. Гражданинъ Шарль-Морисъ Талейранъ, министръ иностранныхъ

nistre des relations extérieures, plénipotentiaire, nommé par le premier consul, et m. de Kolitscheff, conseiller privé etc., plénipotentiaire, nommé par S. M. l'Empereur de Russie, se sont présenté mutuellement leurs pouvoirs, qu'ils ont reconnus pour suffisants et rédigés en forme convenable; après quoi ils ont procédé à la discussion du projet de traité présenté par m. de Kolitscheff.

L'article premier, portant le rétablissement de la paix entre les deux puissances, a été convenu en ces termes: „Il y aura paix, amitié, bonne intelligence et correspondance entre la République française et S. M. l'Empereur de Russie".

L'article second a été pareillement convenu en ces termes: „En conséquence toutes hostilités cesseront entre les deux puissances à compter de l'échange des ratifications du présent traité, et aucune d'elles ne pourra à partir de la même époque fournir aux ennemis de l'autre, tant intérieurs qu'extérieurs, aucun secours ou contingent en hommes ou en argent, à quelque titre et sous quelque dénomination que ce soit".

L'article 3 a été proposé en ces termes par m. Kolitscheff: „Les deux parties contractantes, n'ayant rien plus fortement à coeur, que d'affermir et consolider le repos des peuples, en mettant l'ordre social sous une sauvegarde inviolable, désavouent à l'avance et solennellement

---

дѣлъ, уполномоченный перваго консула, и г. Колычевъ, тайный совѣтникъ и проч., уполномоченный е. в-ва и-ра россійскаго, представили другъ другу свои полномочія, которыя они признали удовлетворительными и составленными въ должной формѣ; послѣ чего они приступили къ обсужденію проекта договора, представленнаго г. Колычевымъ.

Первая статья, касающаяся возстановленія мира между двумя державами, была условлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „миръ, дружба, согласіе и сношенія устанавливаются между французской Республикой и е. в-мъ и-мъ россійскимъ".

Точно также и вторая статья была условлена въ такихъ выраженіяхъ: „Слѣдовательно всѣ враждебныя дѣйствія прекратятся между обѣими державами, считая со времени обмѣна ратификацій настоящаго трактата, и съ того же времени ни одна изъ нихъ не должна оказывать врагамъ другой, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ, какого-либо содѣйствія, ни людьми, ни деньгами, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и наименованіемъ.

Статья 3 была предложена г. Колычевымъ въ такихъ выраженіяхъ: „Обѣ договаривающіяся стороны, больше всего желая укрѣпить и упрочить спокойствіе народовъ, поставивъ общественный порядокъ подъ нерушимую защиту, обоюдно заранѣе и торжественно отрекаются отъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые позволятъ себѣ поддерживать какія бы то ни было сно-

tous ceux de leurs sujets respectifs, qui se permettront d'entretenir une correspondance quelconque, soit directe, soit indirecte, avec les ennemis intérieurs du gouvernement actuel des deux états, d'y propager des principes contraires à leurs constitutions respectives, ou d'y fomenter des troubles; par une suite de cet heureux concert, tout sujet de l'une des deux puissances, qui, en séjournant dans les états de l'autre, attenterait à sa sûreté, subira de suite la peine de la déportation et ne pourra en aucun cas être réclamé par son gouvernement".

Il a été observé par le cit. Talleyrand, qu'il serait convenable, que S. M. l'Empereur de Russie, annonçat la disposition de faire comprendre la stipulation proposée dans les divers traités, qu'elle pourrait être dans le cas de conclure avec d'autres états d'Europe. Sur quoi m. de Kolitscheff a répondu, que l'observation lui paraissait naturelle, mais qu'il avait besoin de demander et demanderait de nouveaux ordres à cet égard.

Il a été observé en outre par le cit. Talleyrand et par rapport à la rédaction du dit article 3, qu'il pourrait être ainsi rédigé: „Les deux parties contractantes voulant autant qu'il est en elles contribuer à la consolidation et à la tranquillité des gouvernements établis et reconnus par elles, se promettent mutuellement de ne pas souffrir, qu'aucun de leurs sujets respectifs se permette d'entretenir une correspondance quel-

---

шенія, прямыя или косвенныя, съ внутренними врагами существующаго правительства въ обоихъ государствахъ, или распространять тамъ принципы, противные ихъ конституціи, или возбуждать смуты; вслѣдствіе этого счастливаго соглашенія, всякій подданный одной изъ двухъ державъ, который, находясь во владѣніяхъ другой державы, покусится на ея безопасность, тотчасъ будетъ подвергнутъ ссылкѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вытребованъ своимъ правительствомъ."

Гражд. Талейранъ сдѣлалъ замѣчаніе, что его в-ву и-ру россійскому слѣдовало бы объявить желаніе, чтобы предлагаемое условіе было включаемо въ различные договоры, которые ему, можетъ быть, придется заключать съ другими государствами Европы. На это г. Колычевъ отвѣчалъ, что замѣчаніе казалось ему естественнымъ, но что ему нужно спросить и что онъ попроситъ новыхъ приказаній на этотъ счетъ.

Гражд. Талейранъ замѣтилъ, сверхъ того, относительно изложенія сказанной 3 статьи, что она могла бы быть изложена такъ: „Обѣ договаривающіяся стороны, желая, насколько это отъ нихъ зависитъ, содѣйствовать укрѣпленію и спокойствію установленныхъ и признанныхъ ими правительствъ, обѣщаютъ взаимно не допускать, чтобы кто-либо изъ ихъ подданныхъ позволилъ себѣ поддерживать какія бы то ни было сношенія, прямыя или кос-

conque soit directe, soit indirecte avec les ennemis intérieurs du gouvernement actuel des deux états, d'y propager des principes contraires à leurs constitutions respectives ou d'y fomenter des troubles. Par une suite de cet heureux concert tout sujet de l'une des deux puissances, qui en séjournant dans les états de l'autre attenterait à sa sûreté, sera de suite éloigné du dit pays et transporté hors des frontières sans pouvoir en aucun cas se réclamer de la protection de son gouvernement".

En proposant cette nouvelle rédaction de l'article 3, le cit. Talleyrand a observé, que si elle était adoptée, il se départirait de sa première observation tendante à demander, qu'une clause du même genre fût insérée dans les traités futurs, que la Russie ferait avec d'autres gouvernements. Sur quoi m. de Kolitscheff a pareillement annoncé l'intention d'en référer à sa cour.

Le cit. Talleyrand a demandé, que le rétablissement des légations respectives fût stipulé dans le traité et qu'il y fût convenu, que les deux puissances s'enverraient réciproquement des ministres de premier ordre. Qu'il y fût pareillement inséré un article relatif au cérémonial entre les deux puissances et entièrement analogue à l'article 23 du traité de Campo Formio renouvellé par celui de Lunéville, entre la république française et l'empereur d'Allemagne. Que de même il fût stipulé, que le présent

---

венныя, съ внутренними врагами нынѣшняго правительства въ обоихъ государствахъ, или распространять тамъ принципы, противные конституціи соотвѣтственнаго государства, или возбуждать тамъ смуты. Вслѣдствіе этого счастливаго соглашенія, всякій подданный одной изъ двухъ державъ, который, находясь въ предѣлахъ другой, посягнетъ на ея безопасность, будетъ немедленно удаленъ изъ сказанной страны и вывезенъ за границу, не имѣя ни въ какомъ случаѣ права ссылаться на защиту своего правительства".

Предлагая эту новую редакцію 3 статьи, гражд. Талейранъ замѣтилъ, что еслибы она была принята, то онъ взялъ бы назадъ свое первое замѣчаніе, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы подобная же статья была включена въ будущіе договоры Россіи съ другими правительствами. Колычевъ объявилъ, что онъ намѣренъ и объ этомъ донести своему двору.

Гражд. Талейранъ просилъ, чтобы обоюдное возстановленіе миссій было условлено въ договорѣ, и чтобы тамъ же было опредѣлено, что обѣ державы будутъ посылать другъ другу министровъ перваго разряда. Должна быть также включена статья относительно церемоніала между обѣими державами, совершенно сходная съ 23 статьей договора въ Кампо-Форміо, возобновленной люневильскимъ договоромъ между французской республикой и нѣмецкимъ

traité serait déclaré commun à la république Batave. M. de Kolitscheff a annoncé, qu'il prenait ces demandes *ad referendum.*

L'article 4 du projet, présenté par m. de Kolitscheff, a été convenu en ces termes: „Le présent traité sera ratifié et les ratifications échangées à Paris dans le terme de cinquante jours pour tout délai à compter du jour de la signature". Talleyrand. De Kolitscheff.

II.

Seconde conférence. 22 ventôse an IX.—La conférence s'est ouverte à 2 heures. Le protocole de la conférence d'hier a été lu, reconnu exact et signé entre les plénipotentiaires.

M. de Kolitscheff a proposé d'insérer dans le corps du traité de paix et d'amitié un article en ces termes: „Les articles accessoires du présent traité de paix et d'amitié, déterminant les bases de la pacification générale des puissances de l'Europe, auront la même force et valeur, que le dit traité de paix et d'amitié. Ils seront signés le même jour et ne feront qu'un seul acte avec lui".

Le cit. Talleyrand a observé, que cet article lui paraissait dire

---

императоромъ. Должно быть также поставлено въ условіе, что настоящій договоръ будетъ распространяться и на Батавскую республику.

Г. Колычевъ объявилъ, что онъ принимаетъ эти просьбы ad referendum.

4 статья проекта, представленнаго г. Колычевымъ, была условлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Настоящій договоръ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Парижѣ, самое позднее въ теченіе 50 дней, считая со дня подписанія". Талейранъ. Колычевъ.

II.

Вторая конференція. 1/13 марта.—Конференція открылась въ 2 часа. Протоколъ вчерашней конференціи былъ прочтенъ, признанъ вѣрнымъ и подписанъ уполномоченными.

Г. Колычевъ предложилъ включить въ составъ мирнаго и дружественнаго договора одну статью, выраженную такъ: „Побочныя статьи настоящаго мирнаго и дружественнаго договора, опредѣляющія основы всеобщаго замиренія европейскихъ державъ, будутъ имѣть одинаковую силу и значеніе со сказаннымъ мирнымъ и дружественнымъ договоромъ. Онѣ будутъ подписаны въ тотъ же день и составятъ съ нимъ одинъ документъ".

Гражд. Талейранъ замѣтилъ, что эта статья, кажется, выражаетъ то,

plus qu'il n'était dans l'intention des contractants; il se proposait de se borner à insérer au protocole la déclaration suivante: „Les plénipotentiaires, ayant achevé dans les conférences d'hier la discussion des articles du traité portant le rétablissement de la paix entre les deux puissances, et voulant remplir l'intention de leurs gouvernements, en accompagnant le traité de paix et d'amitié d'une convention, dans laquelle seraient réglés les divers points relatifs aux affaires d'Europe, qui seraient reconnues d'un intérêt commun entre les deux puissances, laquelle convention ils ont résolu de signer le même jour que le traité de paix, et ont entamé immédiatement les discussions, qui y ont rapport".

M. de Kolitscheff a proposé, comme premier des articles à arrêter, celui relatif à Malte, qu'il a présenté ainsi rédigé: „La république française reconnaît formellement S. M. I. l'Empereur de toutes les Russies en qualité de grand-maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem et lui garantit expressément la possession de l'île de Malte avec toutes ses dépendances, forts et villes, tels que les ci-devant grands-maîtres l'ont possédée, y compris l'artillerie et les fortifications sur le pied où elles se sont trouvées lors de la reddition de l'île aux anglais. Elle s'engage par une suite de cette reconnaissance et garantie à ne point faire la paix avec l'Angleterre sans y admettre, comme une clause essentielle et *sine qua non*, la restitution de l'île de Malte et de ses

---

что не входило въ намѣренія договаривающихся; онъ предполагалъ ограничиться внесеніемъ въ протоколъ слѣдующаго заявленія: „Уполномоченные, окончивъ во вчерашнихъ конференціяхъ обсужденіе статей договора, касающихся возстановленія мира между обѣими державами, и желая исполнить намѣреніе своихъ правительствъ, присоединивъ къ мирному и дружественному договору конвенцію, которая опредѣляла бы различные европейскіе вопросы, касающіеся интересовъ обѣихъ державъ, рѣшили подписать эту конвенцію въ одинъ день съ мирнымъ и дружественнымъ договоромъ и немедленно приступили къ преніямъ по этому поводу".

Г. Колычевъ предложилъ въ первой статьѣ поставить вопросъ о Мальтѣ изложивъ ее такъ: „Франц. республика признаетъ формально е. в—во и—ра всея Россіи гросмейстеромъ верховнаго Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго и гарантируетъ ему именно обладаніе островомъ Мальтой со всѣми его владѣніями, фортами и городами, какъ имъ владѣли прежніе гросмейстеры, включая артиллерію и укрѣпленія въ томъ положеніи, въ какомъ они находились во время сдачи острова англичанамъ. Она обязывается, въ силу этого признанія и обезпеченія, не заключать мира съ Англіей, не включивъ въ него, какъ существенную статью sine qua non, возвращеніе острова Мальты и его владѣній е. в—ву и—ру Всея Россіи, какъ гросмейстеру верховнаго Ордена Св.

dépendances à S. M. l'Empereur de toutes les Russies, comme grand-maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem. Le premier consul, considérant toute l'importance de ces stipulations et combien il est nécessaire, qu'elles soient admises généralement, invitera tous les alliés de la république fr. et nommément S. M. le roi d'Espagne à les admettre et se charge de les engager à concourir avec la France pour obtenir le but ci-dessus annoncé tant pour la reconnaissance de S. M. I. l'Empereur de Russie en sa qualité de grand-maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem, que pour la garantie de la possession de l'ile de Malte avec toutes ses dépendances, tels que les ci-devant grands-maîtres l'ont possédée. Il s'engage en outre de procurer au dit Ordre de St. Jean de Jérusalem une indemnisation juste et proportionnée aux pertes, qu'il a essuyées par la cession de la rive gauche du Rhin à la république fr. Le premier consul s'engage pareillement à employer ses bons offices pour procurer la restitution des biens de l'Ordre de Malte en Italie et le rétablissement des prieurés avec tous les privilèges et droits de l'Ordre, comme ils étaient avant la guerre".

La séance a été terminée à quatre heures et demie.

Іоанна іерусалимскаго. Первый консулъ, принимая во вниманіе какъ важны эти условія и какъ необходимо, чтобы они были всѣми признаны, пригласитъ всѣхъ союзниковъ франц. республики, и именно его в—во испанскаго короля, принять ихъ и берется заставить ихъ содѣйствовать Франціи въ достиженіи вышеуказанной цѣли, какъ относительно признанія е. в—ва и—ра всея Россіи въ качествѣ гросмейстера верховнаго Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго, такъ и относительно обезпеченія обладанія островомъ Мальтой со всѣми его владѣніями, какъ было при прежнихъ гросмейстерахъ. Кромѣ того онъ обязывается доставить сказанному Ордену Св. Іоанна іерусалимскаго справедливое вознагражденіе, соотвѣтствующее утратамъ, понесеннымъ имъ вслѣдствіе уступки лѣваго берега Рейна франц. республикѣ. Первый консулъ обязывается также употребить свои старанія, чтобы выхлопотать возвращеніе имуществъ Мальтійскаго Ордена въ Испаніи и возстановленіе пріорствъ со всѣми ихъ преимуществами и правами Ордена, которыми онъ пользовался до войны".

Засѣданіе кончилось въ $4^1/_2$ часа.

III.

Troisième conférence. 23 ventôse an IX.—La conférence s'est ouverte à trois heures. Le protocole de la conférence d'hier a été lu, reconnu exact et signé entre les plénipotentiaires.

En réponse à l'article proposé dans la conférence d'hier par m. de Kolitscheff relativement à Malte, le cit. Talleyrand a annoncé, que le gouvernement français était disposé à reconnaître formellement l'Empereur de Russie pour grand-maître de l'Ordre de St. Jean de Jérusalem et à employer ses bons offices, tant pour déterminer ses alliés et notament S. M. le roi d'Espagne à reconnaître pareillement S. M. I. en la dite qualité, que pour moyenner la restitution des biens de l'Ordre en Italie et le rétablissement des prieurés s'en remettant quant à l'indemnisation des pertes éprouvées par l'ordre à la rive gauche du Rhin, par le fait de la cession de l'empire, aux éclaircissements ultérieurs, qui seraient obtenus. Mais que le gouv. français ne pouvait prendre l'engagement formel de ne traiter avec l'Angleterre, que sous la condition de la restitution de Malte et de ses dépendances, à moins qu'il ne fût convenu, que les forces navales de S. M. l'Empereur de Russie se réuniraient à celles de France et d'Espagne pour reprendre

---

III.

Третья конференція. 2/14 марта 1801 г.—Конференція открылась въ 3 часа. Протоколъ вчерашней конференціи былъ прочтенъ, признанъ вѣрнымъ и подписанъ уполномоченными.

Въ отвѣтъ на статью, предложенную на вчерашней конференціи г. Колычевымъ относительно Мальты, гражд. Талейранъ объявилъ, что франц. правительство готово формально признать и—ра Россійскаго гросмейстеромъ Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго и употребить свои старанія, какъ для того, чтобы склонить своихъ союзниковъ, и именно е. в—во испанскаго короля, признать точно также е. и. в—во въ сказанномъ достоинствѣ, такъ и для того, чтобы устроить возвращеніе владѣній Ордена въ Испаніи и возстановленіе пріорствъ; что же касается до вознагражденія потерь, понесенныхъ Орденомъ на лѣвомъ берегу Рейна вслѣдствіе прекращенія имперіи, оно будетъ основываться на разъясненіяхъ, которыя получатся впослѣдствіи. Но франц. правительство можетъ принять на себя формальное обязательство не договариваться съ Англіей иначе, какъ на условіи возвращенія Мальты и ея владѣній, только въ томъ случаѣ, если е. в — во россійскій и — ръ согласится соединить свои морскія силы съ французскими и испанскими, чтобы

cette île et que S. M. I. se servirait de son influence pour empêcher la Porte d'approvisionner Malte et d'ouvrir ses ports à l'ennemi commun.

M. de Kolitscheff a déclaré, qu'il en réfèrerait à sa cour.

Les plénipotentiaires, ayant ainsi discuté la question relative à Malte, m. de Kolitscheff a demandé à connaître avant de passer à la discussion relative à S. M. le roi de Naples, le lieu, où le premier consul était résolu d'ouvrir la négociation touchant les affaires de S. M. le roi des Deux Siciles, si cette négociation aurait lieu ici sous l'intervention de S. M. l'Empereur de Russie ou si elle se continuerait en Italie, ce qui se trouverait en opposition avec ses instructions et l'attente de S. M. I. Le cit. Talleyrand a répondu—qu'un armistice avait été conclu en Italie entre les armes françaises et napolitaines;—que des deux parts on était pressé de finir;—que le roi de Naples avait fait témoigner au général Murat son impatience;—que le gouv. français la partageait, parce qu'il pouvait tirer de sa paix avec Naples des moyens de porter des secours à l'armée d'Orient, ce qui était aujourd'hui (il ne craignait pas de le dire) son affaire la plus importante, celle, à laquelle il mettait le plus d'intérêt;—que lorsque m. de Gallo s'était présenté à Paris, il avait exhibé des pouvoirs, dans lesquels il n'était question que du concours des plénipotentiaires anglais et autrichiens; que cependant, s'il avait eu les instructions nécessaires et qu'il eût jugé lui-même

---

отнять этотъ островъ, и употребить свое вліяніе, чтобы помѣшать Портѣ снабжать провіантомъ Мальту и открывать ея гавани общему врагу.

Г. Колычевъ объявилъ, что онъ донесетъ объ этомъ своему двору.

Когда уполномоченные обсудили, такимъ образомъ, вопросъ о Мальтѣ, г. Колычевъ пожелалъ узнать, прежде чѣмъ переходить къ преніямъ по поводу е. в—ва неаполитанскаго короля, въ какомъ мѣстѣ первый консулъ намѣренъ открыть переговоры касательно дѣла е. в—ва короля Обѣихъ Сицилій; будутъ ли эти переговоры происходить здѣсь, при посредничествѣ е. и. в—ва и—ра россійскаго, или же они будутъ продолжаться въ Италіи, что было бы противно его инструкціямъ и ожиданіямъ е. и. в—ва. Гражд. Талейранъ отвѣчалъ, что въ Италіи между французскими и неаполитанскими войсками заключено перемиріе; — что обѣ стороны спѣшатъ покончить;—что неаполитанскій король приказалъ выразить генералу Мюрату свое нетерпѣніе; — что франц. правительство его раздѣляетъ, потому что миръ съ Неаполемъ можетъ доставить ему возможность послать помощь восточной арміи, что̀ составляетъ для него теперь (онъ не боится высказать это) самое важное, болѣе всего интересующее его дѣло; — что когда г. де-Галло явился въ Парижъ, онъ предъявилъ полномочія, въ которыхъ говорилось только о содѣйствіи англійскихъ и австрійскихъ уполномоченныхъ; но впрочемъ, еслибы у него были

ses pouvoirs suffisants pour accorder ce que l'intérêt de l'armée d'Orient exigeait, on aurait traité avec lui; mais que vu leur ancienneté et leur insuffisance reconnu pour la circonstance actuelle, on avait du les regarder comme non avenus;—que du reste le traité de la république avec Naples, soit qu'il se conclût à Paris, soit en Italie, reposerait sur un fort petit nombre d'articles et ne devrait rencontrer aucune difficulté, puisque indépendamment de la disposition, où se trouvait le gouv. français de reconnaître l'intégrité des états de Naples, ainsi qu'il avait été précédemment convenu avec S. M. I., la seule clause, qu'on ajoutait aux propositions déjà connues de S. M. Sicilienne, était de donner passage à un corps de troupes françaises pour se rendre à Otrante et à Brindisi à l'effet de s'y embarquer, et, en cas d'empêchement, d'y rester jusqu'au dénouement de l'expédition anglaise dans la Méditerrannée, sans toutefois, que ce séjour pût en aucun cas excéder une année;—que S. M. le roi des Deux Siciles s'était apperçu, qu'elle n'avait dû la modération du gouv. français qu'à l'intervention de m. de Lewatschow; mais qu'en définitif les retards, que la mauvaise saison avait fait éprouver à m. de Kolitscheff, avaient empêché, qu'on ne pût l'attendre et qu'au moment de son arrivée les choses se trouvaient trop avancées pour qu'elles pussent être discutées de nouveau et terminées à Paris...

необходимыя инструкціи и еслибы онъ самъ считалъ свои полномочія достаточными для того, чтобы согласиться на то, чего требовали интересы восточной арміи, то съ нимъ вступили бы въ переговоры; но что въ виду ихъ давности и неудовлетворительности, признанной при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ихъ должны были признать не существующими; — что впрочемъ договоръ республики съ Неаполемъ, будетъ ли онъ заключенъ въ Парижѣ или въ Италіи, будетъ состоять изъ очень небольшого числа статей и не долженъ встрѣтить никакихъ затрудненій, потому что, помимо намѣренія франц. правительства признать цѣлость владѣній Неаполя, какъ было раньше условлено съ е. и. в—мъ, единственная статья, которую прибавляютъ къ извѣстнымъ уже предложеніямъ е. в—ва короля Сицилій, состоитъ въ пропускѣ одного французскаго отряда, отправляющагося въ Отрантъ и Бриндизи, чтобы тамъ сѣсть на корабли и, въ случаѣ помѣхи, остаться тамъ до развязки англійской экспедиціи въ Средиземномъ морѣ, съ тѣмъ однако, что это пребываніе ни въ какомъ случаѣ не продлится долѣе года;—что е. в—во король Обѣихъ Сицилій понялъ, что обязанъ умѣренностью франц. правительства только посредничеству г. Левашова; но что въ концѣ концовъ задержки, которыя испыталъ г. Колычевъ, благодаря дурному времени года, помѣшали дождаться его, и ко времени его пріѣзда дѣла уже зашли такъ далеко, что нельзя было начать снова ихъ обсужденіе и покончить въ Парижѣ...

M. de Kolitscheff a cru devoir répondre aux objections du cit. ministre des relations extérieures pour lui montrer combien l'article additionnel, dont il est question, est inadmissible dans les circonstances actuelles et combien il va mettre d'entraves à la réussite du plan conçu par S. M. l'Empereur, son auguste maître. Les objections du cit. Talleyrand portent 1) sur la non-validité des pleins pouvoirs du marquis de Gallo; 2) sur l'insuffisance de ses instructions et 3) sur le retard, que l'arrivée de m. de Kolitscheff a essuyé par la mauvaise saison. M. de Kolitscheff n'a pas manqué de prendre connaissance des pleins pouvoirs du marquis de Gallo; il a trouvé, qu'il était autorisé par eux, à traiter non seulement de concert avec les plénipotentiaires anglais et autrichiens ou conjointement avec tout autre ministre d'une cour amie et alliée de S. M. Sicilienne, mais même de traiter tout seul, si le cas l'exigeait,—ce qui lui donnait toute la latitude nécessaire pour ouvrir la négociation à Paris. Quant à ce qui regarde l'insuffisance des instructions du marquis de Gallo, il lui eût été peut-être très facile de s'en procurer de plus amples, si on lui en eût laissé le temps. Il est bien vrai, que la mauvaise saison a mis quelques retards à l'arrivée de m. de Kolitscheff à Paris, et ce que son impatience a souffert à cet égard était une suite de son désir de voir arriver l'époque, où l'on devait s'occuper des bases de la paix générale, et, par un accord à établir, mettre

---

Г. Колычевъ счелъ долгомъ отвѣчать на возраженія гражданина министра иностр. дѣлъ, выставивъ ему на видъ, насколько дополнительная статья, о которой идетъ рѣчь, немыслима при теперешнихъ обстоятельствахъ и какъ сильно она помѣшаетъ исполненію плана, начертаннаго е. в—мъ императоромъ, его августѣйшимъ государемъ. Возраженія гражд. Талейрана касаются, во-1-хъ, недѣйствительности полномочій маркиза де-Галло, во-2-хъ, неполноты его инструкцій и въ 3-хъ, замедленія пріѣзда г. Колычева, благодаря дурному времени года. Г. Колычевъ не преминулъ познакомиться съ полномочіями марк. де-Галло; онъ нашелъ, что они даютъ ему право договариваться не только сообща съ англійскими и австрійскими уполномоченными или совокупно со всякимъ другимъ министромъ дружественнаго и союзнаго съ е. в—вомъ сицилійскимъ королемъ двора, но даже, въ случаѣ нужды, вступать въ переговоры и одному. Все это даетъ ему всѣ необходимыя права, чтобы открыть переговоры въ Парижѣ. Что касается до неполноты инструкцій марк. де-Галло, то ему, можетъ быть, очень легко было бы выхлопотать себѣ болѣе широкія инструкціи, еслибы ему дали на это время. Совершенно справедливо, что дурное время года нѣсколько замедлило пріѣздъ г. Колычева въ Парижъ и то, что его терпѣніе испытало по этому поводу, было слѣдствіемъ его желанія увидѣть наступленіе эпохи, когда должны были заняться основами

un terme aux maux, dont l'Europe était affligée. Mais ces retards n'ont pu apporter aucun délai à la paix à conclure entre S. M. le roi des Deux Siciles et la France, puisque ce n'est que la veille du jour même où m. de Kolitscheff arrivait à Paris, que l'on a fait partir le cit. Alquier muni des pleins pouvoirs nécessaires pour terminer avec la cour de Naples. M. de Kolitscheff ne peut se dissimuler, que l'intention seule d'éloigner d'ici la négociation, n'ait dirigé le gouv. français. Cet objet est, dit-on, trop avancé. Eh! pouvait-il se terminer plutôt qu'ici sous les auspices de S. M. I. L'empereur ayant expressément ordonné à m. de Kolitscheff d'appuyer de toute son influence le plénipotentiaire napolitain, qui se trouverait à Paris, y a été détérminé par l'intérêt, qu'il prend à S. M. Sicilienne et par son désir de voir le plénipotentiaire de cette cour prendre part au concert à établir contre l'ennemi commun. Le cit. Talleyrand a trouvé ce plan consigné dans ce rescript du 8/20 janvier, dont il a eu connaissance. M. de Kolitscheff doit d'ailleurs également observer, que la présence d'un corps des troupes françaises, qui doit être reçu dans les ports et états de S. M. Sicilienne et y séjourner même un an, si les circonstances l'exigènt, compromet l'indépendance, l'intégrité et les droits du royaume de Naples, donne le plus juste ombrage à la Porte Ottomanne sur les vues du gouv. français, augmente l'influence du cabinet Britannique sur le Divan, et

---

всеобщаго мира и, возстановивъ согласіе, положить конецъ бѣдствіямъ, удручавшимъ Европу. Но это замедленіе никакъ не могло быть причиною отсрочки мирныхъ переговоровъ между е. в—мъ королемъ Обѣихъ Сицилій и Франціей, такъ какъ только наканунѣ того самаго дня, когда г. Колычевъ пріѣхалъ въ Парижъ, былъ отправленъ гражд. Альвье съ полномочіями, необходимыми для окончанія переговоровъ съ неаполитанскимъ дворомъ. Г. Колычевъ не́ можетъ скрыть отъ себя, что франц. правительствомъ руководило лишь желаніе удалить отсюда переговоры. Говорятъ, это дѣло ужъ далеко подвинулось впередъ. Да, но гдѣ-же ему скорѣе кончиться, какъ не здѣсь, подъ надзоромъ его и—го в—ва? Императоръ, приказавъ именно г. Колычеву поддержать всѣмъ своимъ вліяніемъ неаполитанскаго уполномоченнаго, который будетъ находиться въ Парижѣ, былъ побуждаемъ къ тому сочувствіемъ къ е. в—ву сицилійскому королю и своимъ желаніемъ, чтобы уполномоченный этого двора принялъ участіе въ заключеніи союза противъ общаго врага. Гражд. Талейранъ видѣлъ, что этотъ планъ находится въ рескриптѣ отъ 8/20 января, который ему былъ извѣстенъ. Къ тому же г. Колычевъ долженъ также замѣтить, что присутствіе отряда французскихъ войскъ, который долженъ быть принятъ въ гаваняхъ и владѣніяхъ е. в—ва сицилійскаго короля и даже можетъ пробыть тамъ цѣлый годъ, если того потребуютъ

éloigne nécessairement les moyens de parvenir à une paix solide entre la France et le grand-seigneur, ami et allié de S. M. l'Empereur.

Paris. 140, 101.—Pétersbourg. Paris, 1801, 67.—Paris. 140, 99—101. Подлинникъ.—Pétersbourg. Paris, 1801, 67. Списки.

IV.

Quatrième conférence. 24 ventôse an IX.—La conférence s'est ouverte à ... heures. Le protocole de la conférence d'hier à été reconnu exact et signé entre les plénipotentiaires.

Paris. 140, 102. Черновая.

№ 26.—Актъ императорскаго министерства.

Pétersbourg, 2/14 mars 1801.

*) Le ministère impériale, d'après l'ordre exprès de S. M. l'Empereur, signifié au vice-chancelier prince Kourakin le 2 mars 1801, par lequel il lui a fait reconnaître les dernières et immuables intentions par rapport aux dédommagements, qu'il désire voir accorder en Allemagne à Sa Majesté le roi de Prusse, à l'électeur Bavaro-Palatin et au duc de Wurtemberg de même qu'au Danemark et à la Suède, et qu'il s'en tiendra

---

обстоятельства, компрометтируетъ независимость, цѣлость и права неаполитанскаго королевства, внушаетъ самую справедливую тревогу Оттоманской Портѣ относительно видовъ франц. правительства, усиливаетъ вліяніе британскаго кабинета на Диванъ и неизбѣжно удаляетъ средства достигнуть прочнаго мира между Франціей и е. в—мъ султаномъ, другомъ и союзникомъ е. в—ва и—ра.

IV.

Четвертая конференція. 3/15 марта 1801 г.— Конференція открылась въ..... часу. Протоколъ вчерашней конференціи былъ признанъ вѣрнымъ и подписанъ уполномоченными.

Петербургъ, 2/14 марта 1801.

*) Императорское министерство, по особому приказу е. и. в—ва, объявленному вице-канцлеру князю Куракину 2 марта 1801 г., гдѣ онъ сообщилъ ему о своихъ послѣднихъ и неизмѣнныхъ намѣреніяхъ относительно вознагражденій, которыя должны быть даны въ Германіи его в—ву королю прус-

strictement à l'ultimatum de ces dispositions, écrites sous sa propre dictée par le prince Kourakin et revêtues de son seing et qui ont déjà été déclarés à la cour de Berlin et à la France, et qu'il rejettera toute proposition ou tout objet de négociation, qui n'admettrait pas dans toute sa plénitude l'accomplissement des désirs de S. M. I. y annoncés, en dresse cet acte, afin qu'il lui serve de règle parfaite et immuable pour l'avenir à cet égard.

Pétersbourg. Ministère, 1801, 16. Подлинникъ.

№ 27.—Куракинъ Колычеву.

Pétersbourg, 3/15 mars 1801.

*) S. M. l'Empereur ayant pris en considération, que dans les ordres, qui vous ont été adressés hier, par courrier, par rapport aux différentes indemnités à accorder en Allemagne, elle avait omis de vous recommender les intérêts de la Suède, j'ai reçu à cette occasion ordre exprès de vous charger de témoigner au premier consul de la part de S. M. I. son désir, que S. M. Suédoise obtînt la concession de la ville de Lubeck, comme étant entièrement à sa convenance.

скому, баваро-пфальцскому курфюрсту и герцогу вюртембергскому, а также Даніи и Швеціи, а еще о томъ, что онъ будетъ строго держаться ультиматума этихъ намѣреній, записанныхъ подъ его собственную диктовку княземъ Куракинымъ и скрѣпленныхъ его подписью и которыя уже были объявлены берлинскому двору и Франціи, и что онъ отвергнетъ всякое предложеніе и всякій предметъ переговоровъ, который не допустилъ бы самаго широкаго исполненія желаній его и. в—ва, которыя тамъ выражены, составляетъ объ этомъ сей актъ, дабы онъ служилъ ему на будущее совершеннымъ и неизмѣннымъ правиломъ въ этомъ отношеніи.

Петербургъ, 3/15 марта 1801.

*) Его в—во императоръ, усмотрѣвъ, что въ приказаніяхъ, посланныхъ вамъ вчера съ курьеромъ относительно различныхъ вознагражденій, которыя должны быть розданы въ Германіи, онъ забылъ поручить вамъ позаботиться о Швеціи, далъ мнѣ особое приказаніе поручить вамъ передать первому консулу отъ имени его и. в—ва его желаніе, чтобы его в—ву, королю Швеціи, былъ уступленъ городъ Любекъ, какъ наиболѣе сподручный.

Vous ferez aussi parvenir à la connaissance du premier consul et du gouvernement français, que l'Empereur, vu les liens du sang, qui l'unissent au duc, évêque de Lubeck, et par une suite de l'intérêt particulier, qu'il prend à ce prince, son proche parent, désirait qu'il fût également dédommagé pour la cession de Lubeck à la Suède, et que se reposant sur la réciprocité des sentiments d'amitié du roi de Prusse, il s'était adressé à S. M. pour l'engager de contribuer de sa part à faire assurer au duc évêque, comme équivalent de cette perte, la possession de la ville de Bremen, avec son territoire, ou bien la principauté de Verden.

Pétersbourg. Paris, 1801, 47. Подлинникъ.

№ 28.—Колычевъ двору.

Парижъ, 3/15 марта 1801.

Изъ подносимой у сего выписки протокола в. и. в-во усмотрѣть изволите, что отвѣтъ Талейрана на письмо мое, которое я имѣлъ честь поднести сегодня, есть ничто иное, какъ сплетеніе ложныхъ обстоятельствъ, для оправданія поступка несправедливаго и съ искреннимъ желаніемъ мира несогласнаго; ибо правительство здѣшнее знало, что я 4/16 генв. выѣхалъ изъ Петербурга для переговору съ нимъ о мирѣ съ Россіею и союзниками ея; а 6/18 заключило оно, или лучше сказать, поспѣшило принудить заключить короля Неаполитанскаго перемиріе, дабы основать на ономъ миръ ни съ выгодами его, ни съ обѣщаніемъ перваго консула, ни съ обязательствами в. и. в-ва съ королемъ Неаполитанскимъ несогласный. Да и сверхъ того, не только оправдывать сей насильственный поступокъ, но исправить оный отрекается.

Pétersbourg. Paris, 1801, 65. Подлинникъ.

Вы также доведете до свѣдѣнія перваго консула и французскаго правительства, что императоръ, въ силу кровныхъ связей, которыя соединяютъ его съ герцогомъ, епископомъ любекскимъ, и въ силу того, что онъ принимаетъ особенное участіе въ этомъ князѣ, своемъ близкомъ родственникѣ, желалъ бы, чтобы онъ также былъ вознагражденъ за уступку Любека Швеціи, и что, опираясь на взаимность дружественныхъ чувствъ прусскаго короля, онъ обращался къ его в—ву, приглашая его, съ своей стороны, посодѣйствовать утвержденію за герцогомъ-епископомъ, въ вознагражденіе за эту потерю, владѣнія городомъ Бременомъ, съ его территоріей, или княжество Верденъ.

№ 29.—Нота Талейрана.

Paris, 27 ventôse an IX.

*) Le soussigné ministre des relation extérieures s'étant empressé de mettre sous les yeux du premier consul les protocoles des quatre conférences, qui ont déjà eu lieu entre son excellence m. de Kolitscheff, plénipotentiaire de S. M. I. l'Empereur de Russie, et le soussigné, le premier consul a jugé que la forme de négociation et de traité, proposée par son excellence et qui paraissait faire dépendre le rétablissement de la paix entre la France et la Russie des conditions, qui dans leur ordre naturel ne devaient être au contraire que des conséquences du rétablissement de la bonne amitié, n'était point compatible avec la dignité de la nation française, en même temps, qu'elle ne paraissait pas s'accorder avec les intentions amicales, qui ont rapproché S. M. l'Empereur de Russie de la république française.

Le soussigné est autorisé à signer un traité de paix et d'amitié conforme pour la forme aux articles, qui ont été arrêtés dans le protocole et auxquels il n'ajoute que quelques stipulations d'usage et qui ne sont susceptibles d'aucune difficulté. Il en joint ici ce projet.

Парижъ, 6/18 марта 1801.

*) Нижеподписавшійся, министръ иностранныхъ дѣлъ, поспѣшилъ представить первому консулу протоколы 4-хъ конференцій, которыя уже происходили между его превосходительствомъ г. Колычевымъ, уполномоченнымъ его в—ва, императора Россійскаго, и нижеподписавшимся. Первый консулъ нашелъ, что форма переговоровъ и договора, предложенная его прев—ствомъ, которая, повидимому, ставила возстановленіе мира между Франціей и Россіей въ зависимость отъ условій, долженствующихъ, въ силу естественнаго порядка вещей, напротивъ, быть лишь послѣдствіями добрыхъ отношеній, несовмѣстима съ достоинствомъ французской націи и въ то же время она, кажется, не согласуется съ дружественными намѣреніями, сблизившими его в—во императора Россійскаго съ французскою республикой.

Нижеподписавшійся уполномоченъ подписать мирный и дружественный договоръ, соотвѣтствующій относительно формы статьямъ, внесеннымъ въ протоколъ и къ которымъ онъ прибавляетъ лишь нѣсколько обычныхъ условій, не способныхъ вызвать никакихъ затрудненій. Онъ прилагаетъ здѣсь ихъ проектъ.

Le soussigné est autorisé en outre à déclarer, que les cinq propositions, faites par S. M. l'Empereur de Russie, savoir: 1) la restitution de Malte à l'Ordre de St. Jean et la reconnaissance de S. M. l'Empereur de Russie, comme grand-maître; 2) l'indemnité de l'électeur de Bavière; 3) celle du duc de Wurtemberg; 4) l'intégrité du royaume de Naples; 5) le rétablissement du roi de Sardaigne, sont consenties, adoptées et recevront leur *) exécution.

L'armistice, conclu avec Naples, et la négociation, entamée avec cette cour pour la paix définitive, le traité de Luneville, la reconnaissance, que fait le premier consul de S. M. I. pour grand-maître de l'Ordre de St. Jean de Jérusalem sont déjà autant de preuves du système, adopté par le gouvernement français, et qui est en tout point conforme aux désirs énoncés par S. M. I. l'Empereur de Russie.

Aussitôt que le traité de paix et d'amitié aura été signé ici (ce qui pour le plus grand avantage des parties contractantes pourrait avoir lieu dans le jour même), les discussions pourront être ouvertes sur le point le plus important sans doute et le plus pressé, qui est l'arrangement des affaires d'Allemagne. De même les conférences relatives au Piémont pourront être immédiatement entamées avec m. de St. Marsan et sous la médiation de S. M. l'Empereur de Russie, le premier consul

---

Нижеподписавшійся, кромѣ того, уполномоченъ объявить, что пять предложеній, сдѣланныхъ его в—вомъ императоромъ Россійскимъ, именно: 1) возвращеніе Мальты Ордену Св. Іоанна и признаніе его в—ва Россійскаго императора гросмейстеромъ; 2) вознагражденіе баварскаго курфюрста; 3) вознагражденіе герцога вюртембергскаго; 4) цѣлость неаполитанскаго королевства; 5) возстановленіе сардинскаго короля,—признаны, приняты и будутъ исполнены.

Перемиріе, заключенное съ Неаполемъ, и переговоры, начатые съ этимъ дворомъ для окончательнаго мира, Люневильскій договоръ, признаніе первымъ консуломъ его и. в—ва гросмейстеромъ Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго—все это суть доказательства системы, принятой французскимъ правительствомъ, которая во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ желаніямъ, заявленнымъ его в—вомъ, императоромъ россійскимъ.

Какъ только мирный и дружественный договоръ будетъ подписанъ здѣсь (что могло бы произойти въ тотъ же день къ величайшей выгодѣ договаривающихся сторонъ), могутъ быть открыты переговоры, безъ сомнѣнія, о самомъ важномъ и самомъ спѣшномъ вопросѣ, а именно, объ устройствѣ германскихъ дѣлъ. Также и конференціи, касающіяся Пьемонта, могутъ быть немедленно начаты съ г. С. Марсаномъ и при посредничествѣ е. в—ва императора рос-

*) Въ бумагѣ парижскаго архива вмѣсто „leur“ стоитъ „une complète“.

étant porté à adopter pour base de la négociation avec le roi de Sardaigne la principale stipulation proposée par son excellence m. de Kolitscheff, savoir: la possession des états actuels en Italie.

Son excellence verra par la démarche franche et précisée, que le soussigné a été autorisé à faire, la ferme résolution où est le premier consul de ne pas retarder d'un moment la conclusion de la paix entre les deux gouvernements, si bien faits pour s'estimer, et de réaliser en même temps tout ce qu'il sait être agréable à S. M. l'Empereur de Russie, bien convaincu par la connaissance, qu'il a de la grandeur d'âme de S. M. I., qu'elle sentira à son tour, qu'il est de sa dignité, non moins que d'une politique habile et prévoyante, d'intervenir pour les établissements français en Egypte, qui tiennent de si près à la gloire et aux sentiments les plus chers du premier consul.

Pétersbourg. Paris, 1801, 67. Подлинникъ. 1801, 293. Списокъ.—Paris. 140, 56. Черновая.

сійскаго, такъ какъ первый консулъ готовъ принять за основаніе переговоровъ съ сардинскимъ королемъ главное условіе, предложенное его превосходительствомъ г. Колычевымъ, а именно: владѣніе теперешними государствами Италіи.

Его прев—ство увидитъ изъ откровеннаго и прямого поступка, на который нижеподписавшійся былъ уполномоченъ, твердую рѣшимость перваго консула не откладывать ни на минуту заключеніе мира между двумя правительствами, какъ бы созданными для того, чтобы уважать другъ друга, и въ то же время исполнить все, что могло бы быть пріятно его в—ву императору россійскому; зная великодушіе его и. в—ва, онъ твердо убѣжденъ, что императоръ, въ свою очередь, пойметъ, что его достоинство, а равно и искусная, прозорливая политика требуютъ вступиться за французскія учрежденія въ Египтѣ, которыя такъ тѣсно связаны со славою и съ самыми дорогими чувствами перваго консула.

№ 30.—Мирный проектъ Талейрана.

Paris, 27 ventôse an IX.

*) *Article 1.* Il y aura paix, amitié et bonne intelligence et correspondance entre la république française et S. M. l'Empereur de Russie.—*Art. 2.* En conséquence toutes hostilités cesseront entre les deux puissances à compter du jour des ratifications du présent traité; et aucune d'elles ne pourra, à partir de la même époque, fournir aux ennemis de l'autre tant intérieurs, qu'extérieurs, aucun secours ou contingent en hommes ou en argent, à quelque titre et sous quelque dénomination, que ce soit.—*Art 3.* Les deux parties contractantes, voulant autant qu'il est en elles contribuer à la consolidation et à la tranquillité des gouvernements établis et reconnus par elles, se promettent mutuellement de ne pas souffrir, qu'aucun de leurs sujets respectifs se permettent d'entretenir une correspondance quelconque, soit directe, soit indirecte, avec les ennemis intérieurs du gouvernement actuel des deux états, d'y propager des principes contraires à leurs constitutions respectives ou d'y fomenter des troubles, et par une suite de cet heureux concert, tout sujet de l'une des deux puissances, qui en séjournant dans les états

---

Парижъ, 6/18 марта 1801.

*) *Статья 1.* Между французской республикой и его в—вомъ императоромъ Россійскимъ устанавливаются миръ, дружба, согласіе и сношенія.—*Ст. 2.* Въ силу этого всѣ враждебныя дѣйствія между двумя державами прекратятся, считая со дня ратификаціи настоящаго договора; и ни одна изъ нихъ не должна, съ этой минуты, оказывать врагамъ другой, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, никакой помощи ни людьми, ни деньгами, ни подъ какимъ предлогомъ и ни подъ какимъ названіемъ.—*Ст. 3.* Обѣ договаривающіяся стороны, желая, насколько это отъ нихъ зависитъ, содѣйствовать упроченію и спокойствію установленныхъ и признанныхъ ими правительствъ, обѣщаютъ взаимно не допускать, чтобы кто-нибудь изъ подданныхъ того и другого государства осмѣлился поддерживать какія бы то ни было сношенія, прямыя или косвенныя, съ внутренними врагами существующаго правительства обоихъ государствъ, распространять у нихъ принципы обоюдно противные ихъ политическому строю или возбуждать смуту; въ силу этого счастливаго соглашенія, всякій подданный одной изъ двухъ державъ, который, находясь во владѣніяхъ другой, посягнулъ бы на ея безопасность, будетъ немедленно удаленъ изъ сказанной страны и вывезенъ за границу, не будучи

de l'autre attenterait à sa sûreté, sera de suite éloigné du dit pays et transporté hors des frontières, sans pouvoir en aucun cas se réclamer de la protection de son gouvernement.—*Art. 4.* Les deux parties contractantes reconnaissent et garantissent la république Jonienne, comme étant composée des îles ci-devant vénitiennes: de Corfou, St. Maure, Zéphalonie, Zante et Cérigo.—*Art. 5.* S. M. I. l'Empereur de Russie promet d'employer ses bons offices pour faire rendre les prisonniers français, faits à Corfou, et ceux qui sont détenus tant à Constantinople, que dans les autres parties de l'empire turc.—*Art. 6.* Les deux parties contractantes conviennent de s'en tenir, quant au rétablissement des légations respectives et au cérémonial à suivre entre les deux gouvernements à ce qui était d'usage immédiatement avant la guerre, qui a eu lieu.—*Art. 7.* Les deux parties contractantes conviennent pareillement, qu'en attendant la confection d'un nouveau traité de commerce entre les deux états, les relations commerciales seront rétablies entre eux sur le pied où elles étaient avant la guerre actuelle.—*Art. 8.* Le présent traité est déclaré commun à la république Batave.—*Art. 9.* Le présent traité sera ratifié et les ratifications échangées dans cinquante jours pour tout délai.

Pétersbourg. Paris, 1801, 67. Подлинникъ.—Paris. 140, 51. Черновая.

ни въ какомъ случаѣ въ правѣ ссылаться на защиту своего правительства.—*Ст. 4.* Обѣ договаривающіяся стороны признаютъ Іоническую республику и обезпечиваютъ за ней составъ островов, бывшихъ венеціанскихъ: Корфу, Санта Мавра, Кефалонія, Цанте и Чериго.—*Ст. 5.* Его в—во императоръ Россійскій обѣщаетъ употребить свои усилія, чтобы заставить отдать французскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Корфу, и тѣхъ, которые задержаны какъ въ Константинополѣ, такъ и въ другихъ частяхъ турецкой имперіи.—*Ст. 6.* Обѣ договаривающіяся стороны соглашаются придерживаться, касательно обоюднаго возстановленія посольствъ и церемоніала, который долженъ быть установленъ между обоими правительствами, обычаевъ, которые господствовали передъ самымъ началомъ происходившей войны.—*Ст. 7.* Обѣ договаривающіяся стороны соглашаются также, что въ ожиданіи составленія новаго торговаго договора между обоими государствами, торговыя сношенія будутъ возстановлены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было до настоящей войны.—*Ст. 8.* Настоящій договоръ объявляется обязательнымъ и для Батавской республики.—*Ст. 9.* Настоящій договоръ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ обмѣнены самое позднее въ 50 дней.

№ 31.—Нота Колычева.

Paris, 7/19 mars 1801.

*) Le soussigné a très exactement reçu la note du citoyen Talleyrand, min. des rel. ext., ainsi que le projet de traité y annexé, et ne manquera pas de les faire parvenir, l'un et l'autre, à la connaissance de S. M. I. l'Empereur, son auguste maître.

Le soussigné croit de son devoir d'observer, qu'en proposant le mode de négociation, qui a été adopté et suivi jusqu'à présent, et en réunissant les objets, qui intéressent S. M. I. l'Empereur, il n'a fait que remplir strictement les vues, pour lesquelles il a plu à son auguste maître de le munir des pleins pouvoirs, qui autorisent le soussigné de signer, d'après ses instructions, les articles d'une convention, qui doivent dorénavant servir de base à la pacification générale des puissances d'Europe.

Le soussigné s'était flatté, en proposant ce mode, d'avoir d'autant mieux rencontré les intentions du gouvernement français, que le principe de réunir, sous un seul point de vue, le rétablissement formel de l'harmonie entre les deux puissances et les articles, qui doivent servir de base à la pacification des puissances de l'Europe, avait été déterminé

Парижъ, 7/19 марта 1801.

*) Нижеподписавшійся очень исправно получилъ ноту гражд. Талейрана, министра иностранныхъ дѣлъ, равно какъ и приложенный къ ней проектъ договора, и не замедлитъ довести то и другое до свѣдѣнія его и. в—ва, своего августѣйшаго государя.

Нижеподписавшійся считаетъ своимъ долгомъ замѣтить, что, предлагая способъ переговоровъ, который былъ принятъ и которому слѣдовали до сихъ поръ, и соединяя предметы, интересующіе его и. в—во, онъ лишь точно исполнилъ намѣренія, ради которыхъ его августѣйшему государю угодно было дать ему полномочія; послѣднія даютъ также право нижеподписавшемуся подписывать, согласно съ его инструкціями, статьи конвенціи, которыя впредь должны служить основаніемъ для всеобщаго замиренія державъ Европы.

Предлагая этотъ способъ, нижеподписавшійся льстилъ себя надеждою, что онъ тѣмъ болѣе сойдется во взглядѣ съ французскимъ правительствомъ, что принципъ—разсмотрѣть съ одной точки зрѣнія формальное возстановленіе согласія между обѣими державами и статьи, которыя должны лечь въ основаніе замиренія европейскихъ державъ, былъ установленъ отвѣтомъ отъ 30

par la réponse en date du 30 frimaire, que le citoyen Talleyrand avait été autorisé de faire à la lettre de son excellence monsieur le comte de Rostoptchine en date du 26 septembre.

Le soussigné ne pouvant prendre sur lui de signer un acte, dans lequel les bases de la pacification générale des puissances de l'Europe ne se trouveraient point comprises, ne manquera pas, en portant cet objet à la connaissance de S. M. I. l'Empereur, de demander les ordres nécessaires de son auguste maître. Il se flatte, que le citoyen ministre des relations extérieures, qui a connaissance de ses pleins pouvoirs et des lettres, dont il a été question ci-dessus, appréciera à sa juste valeur la retenue du soussigné et sentira les obligations, qui lui sont imposées.

L'article 7 du projet du traité, annexé à la note du citoyen Talleyrand, portant le rétablissement préalable des relations commerciales entre les deux états sur le pied, où elles étaient avant la guerre, le soussigné croit, qu'il est nécessaire d'ajouter, qu'elles le seront avec les modifications et changements, que le temps et les circonstances ont amenés, par les règlements faits depuis en Russie.

Le soussigné, n'ayant aucun ordre relatif à l'objet, compris dans l'article 4, il se bornera d'en référer à sa cour.

L'article 5 ne peut souffrir de difficultés, vu les ordres préalables

---

фримера, который гражд. Талейранъ былъ уполномоченъ дать на письмо его пр—ства графа Ростопчина, отъ 26 сентября.

Нижеподписавшійся, не смѣя взять на себя подписанія документа, который не заключалъ бы въ себѣ основаній общаго замиренія европейскихъ державъ, не преминетъ довести это дѣло до свѣдѣнія его в—ва и—ра и испросить необходимыя приказанія отъ своего августѣйшаго государя. Онъ льститъ себя надеждою, что гражд. министръ иностранныхъ дѣлъ, знающій его полномочія и письма, о которыхъ упоминалось выше, оцѣнитъ по достоинству сдержанность нижеподписавшагося и пойметъ, какими онъ связанъ обязательствами.

Ст. 7 проекта договора, приложенная къ нотѣ гражд. Талейрана, касается предварительнаго возстановленія торговыхъ сношеній между обоими государствами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было до войны; нижеподписавшійся думаетъ, что необходимо прибавить, что они будутъ возстановлены съ измѣненіями и перемѣнами, вызванными временемъ и обстоятельствами, согласно съ распоряженіями, сдѣланными съ тѣхъ поръ въ Россіи.

Не имѣя никакихъ приказаній относительно предмета, заключающагося въ ст. 4, нижеподписавшійся ограничится доведеніемъ его до свѣдѣнія своего двора.

Ст. 5 не можетъ встрѣтить затрудненій, въ виду предварительныхъ

que S. M. I. a donné relativement aux prisonniers français en Turquie.

Le soussigné a vu avec le plus grand plaisir, que les 5 propositions, faites par S. M. l'Empereur, ont été adoptées de nouveau, sans la moindre objection, et qu'elles recevront leur exécution. Il ne doute par conséquant pas, que leur rédaction en articles ne pût être prompte, si le gouvernement français, ainsi que le citoyen Talleyrand l'a fait insérer au protocole de la seconde conférence, est intentionné d'accompagner le traité de paix et d'amitié d'une convention, qui sera signée le même jour et par laquelle on déterminera tous les objets reconnus d'un intérêt commun.

Le soussigné espère, que les propositions, qu'il est expressément chargé de faire et d'appuyer auprès du gouvernement français, n'éprouveront plus de difficultés et que leur adoption, facilitant les moyens de rédiger un acte, qui doit mettre un terme aux maux, dont l'Europe est affligée, accélérera en même temps l'établissement d'un concert, dont chaque instant démontre davantage la nécessité.

Celle de ses propositions, à laquelle S. M. I. attachera le plus grand prix, regarde la Sublime Porte Ottomane, son allié et ami. Le soussigné a ordre de demander, comme base à établir, pour parvenir à une paix stable entre le grand-seigneur et la république française,

---

приказаній, данныхъ его и. в—вомъ относительно французскихъ подданныхъ въ Турціи.

Нижеподписавшемуся очень пріятно было видѣть, что 5 предложеній, сдѣланныхъ его в—вомъ императоромъ, были снова приняты безъ малѣйшаго возраженія и что они будутъ исполнены. Поэтому, онъ не сомнѣвается, что ихъ изложеніе по статьямъ состоится скоро, если французское правительство, какъ велѣлъ внести въ протоколъ 2-ой конференціи гражд. Талейранъ, намѣрено присоединить къ мирному и дружественному договору конвенцію, которая будетъ подписана въ тотъ же день, и опредѣлитъ всѣ предметы, касающіеся общихъ интересовъ.

Нижеподписавшійся надѣется, что предложенія, которыя ему особенно поручили сдѣлать и поддерживать у французскаго правительства, не встрѣтятъ больше затрудненій и что ихъ принятіе, облегчая составленіе документа, который долженъ положить конецъ бѣдствіямъ, удручающимъ Европу, въ то же время ускоритъ соглашеніе, необходимость котораго обнаруживается каждую минуту все сильнѣе.

Изъ этихъ предложеній самое важное для его и. в—ва то, которое касается Высокой Порты Оттоманской, его союзницы и друга. Нижеподписавшійся получилъ приказаніе требовать, какъ залога прочнаго мира между

l'évacuation prompte de l'Egypte. Il n'a pas manqué d'offrir au citoyen Talleyrand les facilités nécessaires pour ouvrir sur cet objet à Constantinople une négociation directe avec le Divan, en la confiant au ministre d'Espagne, qui s'y trouve accrédité, et il ne lui a pas laissé ignorer, que monsieur de Tamara, envoyé extraordinaire de S. M. l'Empereur auprès du grand-seigneur, serait muni d'instructions amples pour appuyer cette négociation de tout son crédit. Après avoir exposé ces objets, comme les ordres de S. M. le prescrivent au soussigné, il se réserve d'en référer à sa cour sans délai pour lui représenter tout le prix, que le premier consul attache aux établissements français en Egypte et combien cet objet tient à ses sentiments les plus chers; il ne manquera pas en même temps de demander de nouvelles instructions à sa cour.

Le mode de la négociation sur les affaires du Piémont, qui doit avoir lieu ici sous la médiation de S. M. I., remplissant absolument les vues du soussigné, il ne balance pas de proposer de l'adopter également pour la conclusion de la paix définitive avec la cour de Naples sur la base reconnue entre la Russie et la France de l'intégrité du royaume des Deux Siciles.

Le citoyen Talleyrand verra par cette réponse aussi franche que détaillée le désir sincère de S. M. I. d'établir, sur les bases les plus solides, ses relations d'amitié avec la république française. Le soussigné

султаномъ и французской республикой, быстраго очищенія Египта. Онъ не преминулъ предложить гражд. Талейрану необходимое содѣйствіе, чтобы открыть въ Константинополѣ объ этомъ предметѣ прямые переговоры съ Диваномъ, поручивъ ихъ испанскому министру, который тамъ акредитованъ; онъ не скрылъ отъ него, что г. Тамара, чрезвычайный посолъ его и. в—ва при дворѣ великаго государя, будетъ снабженъ полными инструкціями, чтобы поддержать эти переговоры всѣмъ своимъ вліяніемъ. Изложивъ эти предметы, согласно приказаніямъ, даннымъ его в—иъ нижеподписавшемуся, онъ предоставляетъ себѣ донести немедленно своему двору, представивъ, какъ высоко цѣнитъ первый консулъ французскія учрежденія въ Египтѣ и какъ близокъ его сердцу этотъ предметъ; онъ не преминетъ также испросить у своего двора новыхъ инструкцій.

Такъ какъ способъ переговоровъ о дѣлахъ Пьемонта, которые должны происходить здѣсь при посредничествѣ его и. в—ва, вполнѣ соотвѣтствуетъ видамъ нижеподписавшагося, то онъ не колеблется предложить принять его также и для заключенія окончательнаго мира съ неаполитанскимъ дворомъ на основѣ неприкосновенности королевства Обѣихъ Сицилій, признанной Россіей и Франціей.

Гражд. Талейранъ увидитъ изъ этого отвѣта, столь же откровеннаго,

a ordre de saisir toutes les occasions pour en réitérer l'assurance au gouvernement français et lui donner en même temps des preuves efficaces des dispositions amicales de S. M. l'Empereur et de son estime personnelle, que les talents et les qualités du premier consul lui ont inspiré.

Tels sont les véritables sentimens de S. M. l'Empereur, le soussigné a ordre exprès d'en donner dans toutes les occasions, en son nom, l'assurance positive au gouvernement français. Il prie en conséquance le citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, de vouloir bien ne les pas laisser ignorer au premier consul.

Paris. 140, 108. Подлинникъ.—Pétersbourg. Paris, 1801, 67.

№ 32.—Колычевъ двору.

Paris, 13/25 mars 1801.

*) Sire. Je n'ai pas manqué d'informer V. M. I. qu'aussitôt après mon arrivée à Paris, j'avais demandé à voir le premier consul, et que je lui avais remis la lettre, par laquelle il vous avait plu, Sire, de m'accréditer auprès du gouvernement français.

Buonaparte n'a pas tardé de nommer un négociateur pour traiter

---

какъ и обстоятельнаго, искреннее желаніе его и. в—ва утвердить на самыхъ прочныхъ основаніяхъ свои дружественныя отношенія къ французской республикѣ. Нижеподписавшемуся приказано пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы повторять это французскому правительству и въ то же время представлять ему несомнѣнныя доказательства дружественнаго расположенія его и. в—ва и его личнаго уваженія, внушеннаго ему талантами и качествами перваго консула. Таковы истинныя чувства его в—ва императора, и нижеподписавшемуся данъ особый приказъ удостовѣрять въ этомъ французское правительство при каждомъ удобномъ случаѣ отъ имени государя. Поэтому онъ проситъ граж. Талейрана, министра иностранныхъ дѣлъ, потрудиться довести ихъ до свѣдѣнія перваго консула.

Парижъ, 13/25 марта 1801.

*) Государь, я не преминулъ извѣстить ваше и. в—во, что тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Парижъ, я просилъ аудіенціи у перваго консула и что я передалъ ему письмо, которымъ вамъ угодно было, государь, акредитовать меня у французскаго правительства.

Бонапартъ не замедлилъ назначить лицо для переговоровъ со мною, и его

avec moi, et son choix tomba sur le ministre des relations extérieures Talleyrand. Dans notre première entrevue nous nous sommes communiqués nos pleins pouvoirs respectifs et les ayant trouvé en forme, on convint de tenir un protocole de chaque conférence, qui serait signé par les plénipotentiaires. Nous passâmes ensuite à la discussion des différents objets, qu'il a plu à V. M. I. de confier à mes soins; je proposai d'abord les articles d'un traité de paix et d'amitié entre la Russie et la France, qui devait faire cesser l'état de guerre entre les deux pays et faciliter les discussions ultérieures. J'exprimai fortement au ministre Talleyrand, que l'intention expresse de V. M. I. étant de donner une paix solide à l'Europe désolée, le but principal de la négociation devait être de poser les bases de la pacification générale des puissances d'Europe. Je lui fis sentir, que les facilités, que je rencontrerai à cet égard de la part du gouvernement français, prouveraient le systême pacifique, qu'il a envie de suivre, et son désir sincère de contribuer aux vues magnanimes de V. M. I., dont la franchise et la loyauté doivent être à jamais l'objet de la reconnaissance des peuples; que du rapprochement des deux gouvernements devait naître d'abord la paix continentale et ensuite un concert, que l'intérêt général prescrivait contre l'ennemi commun.

Le ministre Talleyrand m'assura en termes généraux, que je ren-

---

выборъ палъ на министра иностранныхъ дѣлъ, г. Талейрана. Въ первое наше свиданіе мы сообщили другъ другу наши обоюдныя полномочія; найдя ихъ составленными по формѣ, мы условились вести протоколъ каждой конференціи, который будутъ подписывать уполномоченные. Затѣмъ мы перешли къ обсужденію различныхъ предметовъ, заботу о которыхъ в. и. в—ву угодно было ввѣрить мнѣ. Прежде всего я предложилъ статьи мирнаго и дружественнаго договора между Россіей и Франціей, который долженъ былъ остановить военныя дѣйствія между обѣими странами и облегчить дальнѣйшіе переговоры. Я твердо высказалъ министру Талейрану, что такъ какъ намѣреніе в. и. в—ва состоитъ именно въ томъ, чтобы дать прочный миръ сокрушенной Европѣ, то главная цѣль переговоровъ положить основы для всеобщаго замиренія европейскихъ державъ. Я далъ ему понять, что уступчивость, которую я встрѣчу со стороны французскаго правительства, докажетъ его мирное направленіе и его искреннее желаніе содѣйствовать человѣколюбивымъ видамъ в. и. в—ва; что ваша искренность должна быть навсегда предметомъ благодарности народовъ; что сближеніе обоихъ правительствъ должно породить прежде всего миръ на материкѣ, потомъ согласіе, котораго требовала польза всѣхъ противъ общаго врага.

Министръ Талейранъ увѣрилъ меня въ общихъ выраженіяхъ, что я встрѣчу всѣ возможныя уступки со стороны его правительства, а между тѣмъ

contrerai toutes les facilités possibles de la part de son gouvernement, cependant je ne tardai pas à m'apercevoir, que nous différions d'opinion et de principes sur différents objets importants. Il chercha d'abord à m'engager de signer préalablement la paix particulière entre la Russie et la France; je lui remarquai, que les vues de V. M. I. ne seraient point remplies par là, que d'après mes pleins pouvoirs même, il pouvait voir, que l'objet de ma mission était de poser les bases préalables de la pacification générale. Je proposais en conséquence à la seconde conférence un article additionnel, ainsi qu'il est rédigé dans le protocole; il tend a réunir en un seul acte tous les objets, qui intéressent V. M. I., accordant la même force et valeur aux articles, qui doivent déterminer les bases de la pacification générale, qu'à ceux qui rétabliront la paix entre la Russie et la France. Le ministre Talleyrand proposa un changement de rédaction, ainsi qu'il apparaît par le protocole de la seconde conférence.

Je passai ensuite à l'article, qui concerne la reconnaissance de V. M. I. en sa qualité de grand-maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem et la restitution de l'île de Malte et de ses dépendances. Vous verrez par les protocoles, Sire, la manière, dont j'ai proposé cet article. L'engagement de la part du gouvernement français de ne point faire de paix avec l'Angleterre sans y stipuler positivement cette resti-

---

я вскорѣ замѣтилъ, что мы расходимся во мнѣніяхъ и принципахъ относительно различныхъ важныхъ предметовъ. Онъ пытался сначала заставить меня подписать предварительно частный миръ между Россіей и Франціей. Я замѣтилъ ему, что это не будетъ исполненіемъ видовъ в. и. в—ва; что изъ самыхъ моихъ полномочій онъ можетъ видѣть, что предметъ моей миссіи—установить предварительныя основы для всеобщаго замиренія. Вслѣдствіе этого я предложилъ на второй конференціи дополнительную статью въ томъ видѣ, какъ она изложена въ протоколѣ; она стремится соединить въ одномъ документѣ всѣ предметы, интересующіе в. и. в—во, и даетъ одинаковую силу и значеніе какъ статьямъ, которыя должны опредѣлить основанія всеобщаго замиренія, такъ и тѣмъ, которыя должны возстановить миръ между Россіей и Франціей. Министръ Талейранъ предложилъ перемѣну редакціи, какъ видно изъ протокола второй конференціи.

Затѣмъ я перешелъ къ статьѣ, которая касается признанія в. и. в—ва въ качествѣ гросмейстера верховнаго Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго и возстановленія острова Мальты и его владѣній. Вы увидите, государь, изъ протоколовъ, какимъ образомъ я предложилъ эту статью. Обязательство со стороны французскаго правительства не заключать мира съ Англіей, не вставивъ положительно этого возстановленія какъ непремѣннаго условія, встрѣтило

tution, comme clause expresse, a souffert une opposition marquée, en ce que le premier consul ne veut point s'engager à cette clause, à moins que V. M. I. ne consente à envoyer une partie de ses forces navales pour reconquérir cette île conjointement avec les français et les espagnols.

Après avoir établi cette différence dans le protocole, et avant de passer à la discussion relative à sa majesté le roi de Naples, il était instant de connaître l'endroit, où le premier consul était décidé de faire marcher la négociation avec cette cour. Je demandai à le savoir positivement, ne laissant point ignorer à monsieur de Talleyrand, que l'intention de mon auguste maître était de faire participer le plénipotentiaire napolitain aux négociations ultérieures, qui pourraient avoir lieu pour un concert à établir contre l'ennemi commun.

Par le protocole de la troisième conférence, Sire, V. M. I. verra les objections et les raisons, que le ministre français a alléguées, pour transporter la négociation en Italie, et la réponse, que j'ai cru devoir y faire, tant pour relever les erreurs de fait, que pour montrer tous les inconvéniens de l'article additionnel, proposé à la cour de Naples et que l'impérieuse nécessité peut seule faire adopter. Il était instant de fixer la négociation à Paris. Il n'y avait ici de la part de la cour de Naples que le marquis de Gallo; j'ignorais, si on enverrait bientôt

---

сопротивленіе, объясняемое тѣмъ, что первый консулъ не хочетъ обязываться этою статьей иначе, какъ на условіи, что в. и. в—во согласитесь отправить часть своихъ морскихъ силъ, чтобы отвоевать этотъ островъ сообща съ французами и испанцами.

Когда эта разница была внесена въ протоколъ, и прежде, чѣмъ переходить къ преніямъ по поводу его в—ва, неаполитанскаго короля, необходимо было узнать, въ какомъ мѣстѣ первый консулъ намѣренъ вести переговоры съ этимъ дворомъ. Я потребовалъ, чтобы мнѣ это сказали положительно и не скрылъ отъ г. Талейрана, что мой августѣйшій государь желаетъ, чтобы неаполитанскій уполномоченный присутствовалъ на дальнѣйшихъ переговорахъ, которые могутъ возникнуть по поводу соединенія противъ общаго врага.

Изъ протокола 3-й конференціи, государь, в. и. в—во увидитъ какіе возраженія и доводы приводилъ французскій министръ, чтобы перенести переговоры въ Италію, и то, что я счелъ долгомъ отвѣтить ему, какъ для того, чтобы возстановить истинный смыслъ фактовъ, такъ и для того, чтобы показать всѣ неудобства дополнительной статьи, предложенной неаполитанскому двору, которую можно принять развѣ въ случаѣ крайней необходимости. Необходимо было назначить переговоры въ Парижѣ. Отъ неаполитанскаго двора здѣсь былъ только маркизъ де-Галло; я не зналъ, пришлютъ ли скоро

quelqu'un d'autre; j'ai dû en conséquence de l'urgence soutenir, que les pleins pouvoirs, dont il était muni, étaient suffisants pour que l'on traitât avec lui. Aujourd'hui, que je reçois la nouvelle, que S. M. Sicilienne va envoyer ici une personne exprès pour traiter de la paix, je vais essayer de nouvelles démarches pour établir ici le foyer de la négociation. Les vues du gouvernement français, en demandant le libre passage d'un corps de troupes déstiné à être embarqué à Otrante et à Brindisi, sont étroitement liées à la conservation de l'Egypte; il ma été même impossible d'entamer sur ce point une discussion suivie; j'ai vainement éssayé de faire remarquer au plénipotentiaire français, que de telles dispositions étaient incompatibles avec des bases solides de la pacification générale et entraveraient considérablement le plan conçu par V. M. I. pour le concert à établir entre les puissances continentales.

Ce mode de négociation, ayant paru désavantageux au premier consul et dévoilant ses vues et le système, qu'il a envie de suivre, il m'a fait remettre par le ministre des relations extérieures la note ci-jointe pour rejeter le mode suivi et en faire adopter un autre. Le but principal du gouvernement français étant de séparer la paix particulière avec la Russie des bases de la pacification générale des puissances de l'Europe; monsieur Talleyrand a accompagné cette note d'un projet de paix entre la Russie et la France et a annoncé l'acceptation formelle

---

кого-нибудь другого.; въ силу необходимости, я долженъ былъ доказывать, что полномочія, которыми онъ былъ снабженъ, были достаточны для того, чтобы договариваться съ нимъ. Теперь, когда я узналъ, что его в—во король Сициліи пришлетъ сюда особую личность, чтобы договариваться о мирѣ, я сдѣлаю новую попытку, чтобы утвердить здѣсь центръ переговоровъ. Виды французскаго правительства, которое требуетъ свободнаго пропуска отряда, предназначеннаго для посадки на суда въ Отранто и Бриндизи, тѣсно связаны съ сохраненіемъ Египта; мнѣ даже было невозможно начать объ этомъ предметѣ послѣдовательныя пренія; я тщетно пытался дать замѣтить французскому уполномоченному, что такія намѣренія несовмѣстимы съ прочными основами всеобщаго замиренія и значительно помѣшаютъ плану, составленному в. и. в—вомъ для объединенія материковыхъ державъ.

Этотъ способъ переговоровъ показался невыгоднымъ первому консулу и разоблачающимъ его виды и систему, которой ему хочется слѣдовать; поэтому онъ вручилъ мнѣ черезъ министра иностранныхъ дѣлъ прилагаемую здѣсь ноту, въ которой онъ отвергаетъ принятый способъ и предлагаетъ иной. Такъ какъ главная цѣль французскаго правительства отдѣлить частный миръ съ Россіей отъ основъ всеобщаго замиренія европейскихъ державъ, то г. Талейранъ присоединилъ къ этой нотѣ проектъ мира между Россіей и Франціей

des cinq propositions, faites au nom de V. M. I. par son excellence monsieur le comte de Rostoptchine.

J'y ai répondu par la note, dont je joins également ici une copie. V. M. I. verra par son contenu, que sans énoncer l'objet en termes trop précis, je me suis contenté de rappeler au ministre Talleyrand la lettre de son excellence monsieur le comte de Rostoptchine, du 26 septembre, dont le contenu avait été adopté par le premier consul dans la réponse du ministre Talleyrand, que d'après ce qui avait été déterminé alors, il n'était plus permis de séparer les deux objets, l'accomplissement des articles relatifs à la pacification générale étant le seul moyen de parvenir au rétablissement de l'harmonie avec S. M. I.

Le ministre Talleyrand a remis une note à monsieur de St. Marsan pour l'engager de signer préalablement un armistice au nom du roi, son maître, et de s'engager à la cloture des ports de Sardaigne aux anglais. Je joins ici cette note et la réponse de monsieur de St. Marsan, ainsi que ce dernier me les a communiqués. Dans la conférence, qu'il a eue avec le ministre Talleyrand, il a cherché à lui faire sentir combien la clôture des ports de Sardaigne, mesure que le roi, son maître, ne pourrait pas soutenir avec l'énergie nécessaire, donnerait de facilités aux anglais dans la Méditerrannée et mettrait peut-être S. M. Sarde dans la plus triste position, en lui faisant perdre le seul royaume, qui

---

и объявилъ формальное признаніе пяти предложеній, сдѣланныхъ отъ имени в. и. в—ва его превосход—вомъ графомъ Ростопчинымъ.

Я отвѣчалъ на это нотой, копію съ которой также прилагаю здѣсь. В. и. в—во увидитъ изъ ея содержанія, что, не высказываясь слишкомъ опредѣленно, я только напомнилъ министру Талейрану о письмѣ его прев—ва графа Ростопчина отъ 26 сентября, содержаніе котораго было принято первымъ консуломъ, какъ это видно изъ отвѣта министра Талейрана; а также о томъ, что послѣ того, что было тогда рѣшено, непозволительно раздѣлять оба предмета; такъ какъ исполненіе статей, касающихся всеобщаго замиренія, есть единственное средство достигнуть соглашенія съ в. и. в—вомъ.

Министръ Талейранъ вручилъ г. С. Марсану ноту, которою приглашаетъ его подписать предварительно перемиріе отъ имени его государя, короля, и обязаться закрыть гавани Сардиніи для англичанъ. Прилагаю здѣсь эту ноту и отвѣтъ г. С. Марсана, который мнѣ сообщилъ и то, и другое. На конференціи съ министромъ Талейраномъ отъ старался дать ему понять, насколько закрытіе портовъ Сардиніи—мѣра, которую его государь, король, не могъ бы поддержать съ необходимою энергіей—помогла бы англичанамъ въ Средиземномъ морѣ и, можетъ быть, поставила бы его в—во, короля сардинскаго, въ самое печальное положеніе, лишивъ его единственнаго королевства,

lui restait avant d'avoir recouvré ses autres états. Je joins ici une lettre de monsieur de St. Marsan sur le même objet.

Je n'ai point encore de réponse à ma dernière note. Le ministre des relations extérieures est occupé de la rédaction d'un projet de convention pour établir les bases de la pacification générale. Comme on n'y fera point mention de l'évacuation de l'Egypte, article, sur lequel on se tait, je ne vois plus d'autre parti que de proposer au gouvernement français la médiation de V. M. I., pour la paix avec la Porte, sans parler de l'Egypte.

Je vais remettre une note pour accompagner les articles, qui n'ont point encore été discutés.

Quant aux affaires de l'Empire germanique, je prends la liberté de soumettre à l'approbation de V. M. I. un article secret à ajouter à la convention, tel qu'il se trouve annexé ici.

Tel est l'état actuel de la négociation, qu'il a plu à V. M. I. de me confier; en soumettant ma conduite à son approbation, j'ose la supplier de me faire connaître ses hautes intentions sur les points, ou il m'a été impossible de tomber d'accord avec le gouvernement français.

Pétersbourg. Paris, 1801, 67. Подлинникъ.

которое у него осталось, пока онъ еще не возвратилъ своихъ другихъ владѣній. Прилагаю здѣсь письмо г. С. Марсана о томъ же.

Я еще не получилъ отвѣта на мою послѣднюю ноту. Министръ иностранныхъ дѣлъ занятъ составленіемъ проекта конвенціи, чтобы установить основы всеобщаго замиренія. Такъ какъ тамъ не будетъ упомянуто объ очищеніи Египта—объ этой статьѣ молчатъ—то я не вижу другого выхода, какъ предложить французскому правительству посредничество в. и. в—ва для заключенія мира съ Портой, не говоря о Египтѣ.

Я собираюсь вручить ноту, касающуюся статей, которыя еще не обсуждались.

Относительно же дѣлъ Нѣмецкой имперіи, осмѣливаюсь предложить на усмотрѣніе в. и. в—ва тайную статью, которую можно бы прибавить къ конвенціи въ томъ видѣ, какъ она изложена здѣсь въ приложеніи.

Таково настоящее положеніе переговоровъ, которые в. и. в—ву угодно было поручить мнѣ; повергая на ваше обсужденіе мое поведеніе, осмѣливаюсь умолять васъ сообщить мнѣ высочайшія намѣренія относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ мнѣ невозможно было согласиться съ французскимъ правительствомъ.

№ 33.—Проектъ тайной статьи къ конвенціи.

*) Les deux hautes parties contractantes considérant, que, lors de la paix de Teschen, l'accòrd, qui a régné entre la Russie et la France, a été du plus grand avantage pour les deux gouvernements et a amené la paix définitive, considérant d'ailleurs, que leur intérêt est le même dans les affaires de l'Empire, désirant conserver autant que possible les bases de la constitution germanique, s'engagent réciproquement à agir d'un commun accord relativement aux bases à établir pour les indemnités, à se communiquer leurs vues et à former un concert parfait pour faire adopter leurs plans par les parties intéressées.

Pétersbourg. Paris, 1801, 67. Списокъ.

№ 34.—Колычевъ двору.

Парижъ, 13/25 марта 1801.

Всемилостивѣйшій Государь. В. и. в-о изволите усмотрѣть изъ подносимыхъ мною протоколовъ и реляціи подъ № 12, сколь неискренно желаніе сближенія съ Россіею со стороны Франціи, и сколь виды ея противны основаніямъ, на коихъ угодно в. и. в-ву утвердить всеобщій миръ.

Благонамѣренные здѣсь люди желаютъ, чтобы Франція, давъ справедливый и прочный миръ Европѣ, пріобрѣла чрезъ то тѣсный союзъ съ Россіею, ввела войска въ свои владѣнія и, употребя нужную часть оныхъ на храненіе границъ, самой природою уже укрѣпленныхъ, дала свободу остальной и обратила бы оную на обогащеніе свое хлѣбопашествомъ и торговлею, и притомъ занялась бы умноженіемъ морскихъ силъ, кои въ самомъ дурномъ теперь состояніи.

---

*) Обѣ высокія договаривающіяся стороны, принимая въ соображеніе, что согласіе, которое господствовало между Россіей и Франціей во время тешенскаго мира, было какъ нельзя болѣе выгодно для обоихъ правительствъ, принимая къ тому же въ соображеніе, что ихъ интересы сходятся въ дѣлахъ Имперіи, и желая сохранить, насколько возможно, основы германской конституціи, обязываются взаимно дѣйствовать съ общаго согласія относительно основъ для вознагражденій, сообщать другъ другу свои виды и соблюдать полное согласіе, чтобы заставить заинтересованныя стороны принять ихъ планы.

Необузданное славолюбіе Бонапарте другую цѣль имѣетъ.

Франція, сохраняя токмо имя республики, безмолвно покорена волѣ перваго консула; благодарность и почтеніе къ славному генералу, равно какъ и близкое воспоминаніе ужасовъ революціи, суть основанія оной. Но совсѣмъ тѣмъ есть противныя партіи. Якобинцы желаютъ для обогащенія своего анархіи, республиканцы—вольности, за которую столько пролили крови, роялисты —законнаго короля вмѣсто чужестранца, заграбившаго неограниченную скоро власть; генералы хотятъ быть консулами и имѣютъ сильныя партіи офицеровъ и арміи; легкомысленный народъ готовъ на все, желаетъ новостей и, не будучи занятъ побѣдами, скоро обратитъ вниманіе на себя. Гдѣ же возможность заключить общій миръ, ввести войско, которое безъ денегъ, безъ хлѣба и одежды, готово быть орудіемъ перваго, кому служить выгоднѣе? Сіе-то положеніе принуждаетъ Бонапарте оставить армію въ Піемонтѣ, Сизальпинѣ и Неаполѣ, продолжить пребываніе ея въ Германіи, послать въ Египетъ и противъ Порты, завладѣть венеціанскими островами, стараться ввести Россію въ войну съ Турціею, дабы между тѣмъ отдѣлить отъ нея Пруссію, возмутить Польшу и тогда безпрепятственно удовлетворять гордые и корыстолюбивые виды свои.

Третьяго дня, послѣ размѣна ратификацій, далъ Талейранъ ноту, въ коей правительство здѣшнее требуетъ отъ Австріи, чтобы войска его остались десять дней сверхъ срока въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ императора, каждый же день содержанія оныхъ стоитъ Австріи 150 тысячъ гульденовъ.

Война Гишпаніи съ Португаліею увеличиваетъ еще власть Франціи на землѣ и Англіи на морѣ, ибо вѣроятно, что сія послѣдняя скоро завладѣетъ Бразиліею, новымъ для нея источникомъ богатства, слѣдственно, сіе положеніе вещей полезно только Англіи и Франціи, которыя, наконецъ, заключатъ миръ для обоихъ выгодный. Франція сама собою вредить долго Англіи не можетъ, ибо послѣдніе тринадцать кораблей ея заперты въ Тулонѣ и еслибы могли оттуда выйдти, то, не дойдя до назначенія своего, окончили бы совершенно уничтоженіе французскаго флота. Что же касается до высадки на берега Англіи, то она имѣла бы уже давно мѣсто, еслибы была возможность; война на твердой землѣ выгодна для правительства и обогащаетъ генераловъ, на морѣ же она должна вовлечь въ издержки, коихъ Франція сдѣлать не можетъ.

По мнѣнію моему, союзъ Франціи никому полезенъ и ни съ кѣмъ искрененъ быть не можетъ въ теперешнемъ ея состояніи, въ разсужде-

ніи коего, кажется, я не ошибаюсь, ибо все выше донесенное изволите, в. и в.—во, усмотрѣть изъ словъ здѣшняго министерства, я же видѣлъ изъ разговоровъ разныхъ людей и самого перваго консула.

Pétersbourg. Paris, 1801, 68. Подлинникъ.

№ 35.—Колычевъ двору.

Парижъ, 13/25 марта 1801.

Изъ словъ нѣкоторыхъ, здѣсь находящихся, швейцарцевъ увидѣлъ я, что Франція намѣрена оставить войска свои въ Швейцаріи. Новый здѣсь министръ гельвецкой республики равномѣрно въ томъ меня увѣрилъ. Онъ былъ у меня и просилъ о предстательствѣ в. и. в-ва въ разсужденіи независимости сей земли какъ отъ Франціи, такъ и отъ Австріи. Пребываніе французскихъ войскъ въ оной, несвободный всегда пропускъ ихъ черезъ нее, совершенно обѣщанную Франціей независимость сію нарушаетъ. Сверхъ того, здѣшнее правительство намѣрено, оставя себѣ Вале, отдать вмѣсто онаго Фрикталь, и въ семъ обмѣнѣ открывается намѣреніе его, ибо въ ономъ нѣтъ никакой взаимности, какъ въ разсужденіи пространства земли, такъ и населенія ея.

Франція намѣрена, кажется, постоянно слѣдовать системѣ увеличенія своего, противу блага государствъ и народовъ, присоединенныхъ ли въ ней оружіемъ или дружествомъ. Подносимое у сего объявленіе префекта департаментовъ лѣваго берега Рейна объ исключительномъ правѣ судоходства Франціи по Рейну и объ учрежденіи таможенъ на правомъ берегу онаго есть новое насиліе, нарушающее священныя права трактатовъ.

В. и. в—во изволите увидѣть изъ подносимой у сего выписки изъ газетъ, что Гишпанія объявила войну Португаліи. Бонапарте побудилъ ее къ сему, отдавъ, при заключеніи мира въ Люневилѣ, герцогу Пармскому Тосканское государство, дабы между тѣмъ замѣна владѣній герцога Тосканскаго, будучи назначена въ имперіи, послужила предлогомъ къ несогласію берлинскаго двора съ вѣнскимъ. Сіе равномѣрно обнаруживаетъ виды здѣшняго правительства.

Pétersbourg. Paris, 1801, 69. Подлинникъ.

№ 36.—Колычевъ Ростопчину.

Paris, 13/25 mars, 1801.

*) Il sera facile à v. exc. de voir par le contenu de mes relations, que l'objet de la pacification générale des puissances de l'Europe est loin d'être aussi avancé, qu'il l'avait paru d'abord; la diversité de système sur un point essentiel, celui de l'évacuation de l'Egypte par l'armée française, a une influence trop directe sur les intérêts du continent et trop important par ses suites pour ne pas fixer l'attention la plus soigneuse du ministre de S. M. I.

Le but magnanime de notre auguste maître de parvenir a une paix générale après en avoir posé les bases préalables avec le gouvernement français, pourra-t-il être rempli, tant que le premier consul nourrira l'espérance de conserver l'Egypte, et qu'il menacera d'envahir une partie des états européens de la Porte Ottomane? Lorsque sur des points d'une importance aussi majeure les vues diffèrent, la marche peut-elle être uniforme, un concert peut-il exister entre la Russie et la France, si les vues magnanimes de S. M. I., son impartiale franchise éprouvent une opposition marquée, lorsqu'il s'agit des intérêts d'un des ses

---

Парижъ, 13/25 марта 1801.

*) Вашему прев—ству легко будетъ видѣть изъ содержанія моихъ донесеній, что предметъ всеобщаго замиренія европейскихъ державъ далеко не такъ подвинутъ, какъ это казалось сначала; разногласіе въ системахъ относительно существеннаго пункта, именно, очищенія французскими войсками Египта, имѣетъ слишкомъ прямое вліяніе на интересы континента и слишкомъ важно по своимъ послѣдствіямъ, чтобы не приковать къ себѣ самаго тщательнаго вниманія министра его и. в—ва.

Можетъ ли быть достигнута человѣколюбивая цѣль нашего августѣйшаго государя —устроить всеобщій миръ, уговорившись объ его предварительныхъ основахъ съ французскимъ правительствомъ, покуда первый консулъ будетъ питать надежду сохранить Египетъ и будетъ грозить захватить часть европейскихъ владѣній Порты Оттоманской? Если расходятся во взглядахъ на пункты такой громадной важности, можетъ ли дѣло идти гладко и можетъ ли господствовать согласіе между Россіей и Франціей, если человѣколюбивые виды е. и. в—ва, его безпристрастная искренность встрѣчаютъ замѣтный отпоръ, когда дѣло идетъ объ интересахъ одного изъ его главныхъ союзниковъ? Франція, конечно, имѣетъ какіе-нибудь тайные замыслы противъ Турціи; она, можетъ быть, надѣется заставить Россію принять ихъ; первый консулъ

principaux alliés? La France a, sans doute, un plan secret contre la Turquie; elle espère peut-être le faire adopter à la Russie: le premier consul ne m'a pas caché son opinion sur la Porte, il la regarde, comme n'ayant qu'une existance très précairé, sans force et tout à fait nulle dans le systême politique. Il me fit entendre, qu'il serait nécessaire de changer la face des affaires dans cette partie de l'Europe et voulut me prouver jusqu'à quel point ce gouvernement était faible, puisque rien n'avait pu l'engager à prendre un parti pour la France.

Les inconvéniens qui résultent de l'établissement d'un nouveau gouvernement en Turquie sous l'influence de la France, sont trop évidents pour qu'il soit nécessaire de les rappeler. Outre que les avantages, que la Russie pourrait retirer de sa coopération a un tel plan, doivent répugner naturellement aux vues désinteressées de S. M. l'Empereur; ils seront nuls par toutes les facilités, que le gouvernement français retirera de ce point de contact avec la Russie, pour fomenter des troubles dans la ci-devant Pologne.

L'état actuel de la France d'ailleurs n'est pas satisfaisant sous bien des rapports. Le gouvernement se trouve très embarrassé de la rentrée des troupes. Elle vient d'éprouver un retard considérable en Empire, et le ministre Talleyrand a annoncé au comte Cobentzell, que le séjour des armées en Allemagne serait prolongé de 10 jours au-delà du terme

---

не скрылъ отъ меня своего мнѣнія о Портѣ; онъ думаетъ, что ея существованіе очень непрочно, что она безсильна и представляетъ полное ничтожество въ политической системѣ. Онъ далъ мнѣ понять, что нужно бы перемѣнить положеніе дѣлъ въ этой части Европы и хотѣлъ мнѣ доказать, до какой степени это правительство было слабо, потому что ничто не могло принудить его принять сторону Франціи.

Неудобства, связанныя съ учрежденіемъ въ Турціи новаго правительства подъ вліяніемъ Франціи, слишкомъ очевидны, чтобы о нихъ напоминать. Помимо того, что выгоды, которыя Россія могла бы извлечь изъ своего содѣйствія подобнымъ замысламъ, должны естественно претить безкорыстнымъ видамъ е. и. в—ва; онѣ обратятся въ ничто, благодаря возможности, которую пріобрѣтетъ французское правительство поселять смуты въ бывшей Польшѣ изъ этого пункта соприкосновенія съ Россіей.

Къ тому же настоящее положеніе Франціи неудовлетворительно во многихъ отношеніяхъ. Правительство поставлено въ большое затрудненіе возвращеніемъ войскъ. Послѣднее встрѣтило въ Имперіи значительную задержку, и министръ Талейранъ возвѣстилъ графу Кобенцлю, что войска пробудутъ въ Германіи 10 днями долѣе срока, назначеннаго Люневильскимъ миромъ. Что касается Италіи, то она еще долго не освободится отъ этого бремени. Француз-

fixé par la paix de Lunéville. Quant à l'Italie elle supportera encore longtemps ce fardeau. Le gouvernement français craint cette rentrée des troupes, et doit chercher d'en faire vivre une partie aux fraix de l'étranger.

Tout repose sur la tête du Buonaparte, la grande majorité est pour lui, mais il 'a des ennemis, surtout parmi les généraux naguère ses compagnons, ses émules, aujourd'hui forcés d'obéir à ses ordres. L'Armée doit être occupée; de là les vues sur la Turquie, la guerre de l'Espagne contre le Portugal. La rentrée de l'armée pourrait empêcher des changements dans le gouvernement, qui, sans doute, sont près d'être exécutés, mais pour lesquels on ne croit pas encore les choses assez mûres. Il résulte de ces deux considérations, que les vues du gouvernement français ne pouvant tendre vers une paix générale et prompte, parce qu'il ne se trouve pas encore assez fort pour faire rentrer ses armées et faire passer subitement la nation de l'état d'une guerre des plus actives au repos d'une paix générale, il doit nécessairement traîner les affaires d'Italie pour y faire subsister une partie de ses troupes et nourrir quelque projet pour occuper les esprits encore trop échauffés.

Pétersbourg. Paris, 1801, 139. Подлинникъ.

ское правительство боится этого возвращенія войскъ и должно стараться, чтобы часть ихъ жила насчетъ иностранцевъ.

Все зависитъ отъ личности Бонапарта; огромное большинство за него, но у него есть и враги, въ особенности среди генераловъ, его бывшихъ товарищей, его соперниковъ, принужденныхъ теперь повиноваться его приказаніямъ. Войско должно быть занято; отсюда виды на Турцію, война Испаніи съ Португаліей. Возвращеніе арміи могло бы помѣшать перемѣнамъ въ правленіи, которыя, конечно, готовы къ осуществленію, но для которыхъ, полагаютъ, еще не настало время. Изъ этихъ двухъ соображеній выходитъ, что виды французскаго правительства не могутъ клониться ко всеобщему и быстрому миру, такъ какъ оно еще не достаточно сильно, чтобы возвратить свои войска и заставить націю внезапно перейти отъ одной изъ самыхъ дѣятельныхъ войнъ къ спокойствію всеобщаго мира; поэтому, оно неизбѣжно должно оттягивать дѣла Италіи, чтобы прокормить тамъ часть своихъ войскъ, и сочинять какіе-нибудь проекты, чтобы занимать слишкомъ разгоряченные еще умы.

№ 37.—Колычевъ Ростопчину.

Парижъ, 13/25 марта 1801.

Маркизъ Лукезини, сохраняя въ обращеніи своемъ со мною наружную искренность, скрываетъ подъ оною намѣреніе прусскаго двора обольстить насъ безполезнымъ дружествомъ, пріобрѣсть связью съ нами уваженіе Франціи и достигнуть до цѣли своей, если не посредствомъ, то бездѣйствіемъ Россіи. Поступки Пруссіи съ Англіею не довольно ли показываютъ ясно, что она не токмо бережетъ ее на случай мира оной съ Франціей, но даже хочетъ малымъ временемъ раздора ея со всѣми, въ разсужденіи торговли своей, воспользоваться? Для чего Англія не положила амбарго на прусскія суда, тогда когда она знаетъ, что сія послѣдняя торжественно приступила къ Сѣверной конвенціи? Для чего Пруссія до сихъ поръ не запираетъ ей рѣкъ своихъ? Не очевидно ли льститъ она Англіи и вмѣстѣ намъ, желая выиграть время въ разсужденіи дѣлъ имперіи?

Съ нашей стороны теперь должно, по мнѣнію моему, подписать миръ съ Франціей и конвенцію о извѣстныхъ пяти пунктахъ; а еслибы за оною послѣдовалъ миръ съ Англіею и возстановленіе переписки съ вѣнскимъ дворомъ, то бы Россія, поставя себя въ самое лучшее и важное положеніе, не только бы уничтожила замыслы Пруссіи, но и въ общихъ дѣлахъ Европы пріобрѣла бы чрезмѣрное и неоспоримое вліяніе.

Конвенція съ Франціей хотя ничего сама по себѣ не значитъ, ибо Франція не все то исполняетъ, что сдѣлать обяжется, но она даетъ намъ право вступиться въ общія дѣла, а особливо въ Имперіи, препятствовать увеличиванію Пруссіи и настоять, чтобы Имперія осталась на прежнемъ почти основаніи, особливо въ разсужденіи трехъ духовныхъ курфирстовъ.

Россія унизила Австрію, но на то ли, чтобы усилить и распространить Пруссію, гораздо для нея опаснѣйшую, по положенію, силѣ и системѣ коварной политики своей? Теперь должно намъ спѣшить ограничить власть ея, теперь время для сего безцѣнное, котораго послѣ малѣйшей медленности ничемъ воротить будетъ невозможно. Франція, столь сильно дѣйствующая въ дѣлахъ Имперіи, не желаетъ, конечно, усилить Пруссію, равномѣрно для нея опасную, и какъ скоро будетъ заключенъ съ нами миръ и она увидитъ намѣреніе наше, то вѣрно не преминетъ содѣйствовать видамъ Россіи, тѣмъ болѣе, что они согласны

съ ея собственными. Ей уже нѣтъ нужды унижать императора, одна Пруссія опасна для нея въ Имперіи, но она только по связи оной съ Россіей уважаетъ ее, ничего однакоже не сдѣлавъ до сихъ поръ въ пользу ея.

Pétersbourg. Paris, 1801, 140. Подлинникъ.

№ 38.—Колычевъ Ростопчину.

Парижъ, 13/25 марта 1801.

Я писалъ къ Его И. В-ву самаю правду и что долгъ чести и службы мнѣ повелѣваетъ. Будучи вамъ обязанъ всемъ тѣмъ, что я есть, я не могъ отъ васъ скрыть правды. Въ протчемъ, когда бы мои донесенія и не приняты были, я надѣюсь на великодушіе его величества и на вашу справедливость и дружбу, личныхъ видовъ никакихъ не имѣя и ничего болѣе не желая, какъ воротится въ Питербургъ и быть употреблену, не только какъ я есть, но какъ за благо разсудитъ Государь И-ръ, или совсемъ не быть употреблену съ пенсіею ли или безъ пенсіи. Но я рѣшился здѣсь оставатся только до техъ поръ, какъ подпишу трактатъ и конвенцію, ежели то у насъ рѣшено будитъ, и для того прошу в. с-во выходить мнѣ позволеніе выѣхать въ томъ качествѣ, какомъ я нынѣ имѣю, въ Германію, ибо оное сходно съ достоинствомъ нашего двора и оное обезпечитъ и огродитъ мѣня отъ опасности и наглости. Въ Германіи же рѣшите мою судбу. Другъ мой, Хотинской, въ настоящихъ обстоятельствахъ сюда присланъ быть не можетъ. Здѣсь надо независимаго человѣка, скромнаго, прозорливаго и твердаго и, можетъ быть, спесиваго. Г. А. К. Разумовской или А. I. Морковъ были бы годны, ибо здѣсь узнаетъ тотъ или другой коварства и все замыслы и Пруссіи, и Франціи, въ чистосердечіи коихъ я сумнѣваюсь, и ежели противъ сихъ державъ не будутъ приняты другія мѣры, то мы найдемся въ большихъ затрудненіяхъ, будемъ о семъ желеть, но будетъ поздно. По отвѣтамъ, даннымъ мнѣ на все предложеніи, *сіе видно*. Окончиваю тѣмъ, что надо заключить съ Франціею миръ и конвенцію, дабы имѣть что ни есть поставленнаго, а потомъ миръ съ Англіею и переписку возстановить съ Австріею. Тогда Государь И-ръ найдется въ положеніи коварства сихъ земель или дворовъ пренебречь, и рѣшится какъ за благо разсудитъ. Вотъ мое мнѣніе. Простите мое неограниченное чистосердечіе, ибо оное основано на преданности моей къ Государю И-ру и на благодарности моей къ вамъ, и сдѣлайте милость, вывезете

мѣня какъ можно скорей отъсюда, ибо черезъ сіе вы мѣня спасти можете; я чувствaю, что я не вытерплю; ежели не получу отъ васъ желаемаго отвѣта, попрашусь самъ и подвергну себя бѣдамъ.

Прошу покорнѣйше о семъ ни жене моей, никому не говорить, исполнить мою прозбу и изадрать мое писмо.

P. S. Писмо в. с-ва отъ 17 февраля, черезъ нарочнаго отъ барона Криднера, съ другими бумагами я имѣлъ честь получить. Приказанія Его И. В-ва будуть исполнены, но дозвольте примѣтить, какъ за временныя мѣры, коихъ Пруссія въ точности по обѣщанію своему, можетъ быть, и не исполнитъ, мы обѣщали сей послѣдней ее увеличить противъ нашихъ интересовъ и испортить всю конституцію Германіи въ пользу ея, которая, конституція, никакого вреда не могла дѣлать Россіи, и приступить къ генеральному грабежу, который въ ея плановъ, безъ пользы Россіи. Мы Австрію унизили, на что намъ увеличивать Пруссію и пріобрѣтеніями ея, и слѣдовать ея системѣ въ перемѣны конституцій, и въ увеличиваніи ей принцевъ преданныхъ, которые намъ льстятъ по приказанію Пруссіи? Б. Криднеръ совсѣмъ присталъ и преданъ, кажется, болѣе Пруссіи чѣмъ Россіи, и прислалъ ко мнѣ Убрія за мной присматривать тогда, когда уже и б. Шприкпортенъ подлымъ своимъ здѣсь поведеніемъ всѣ дѣла наши испортилъ; сего послѣдняго должно бы отзвать, ибо войска наши здѣсь останутся въ закладѣ, ежели мы согласимся ихъ отдать съ Франціею содѣйствовать. Я сіе предвѣщаю.

Pétersbourg. Paris, 1801, 142. Подлинникъ.

№ 39.—Нота Талейрана.

Paris, 6 germinal an IX.

*) Le soussigné ministre des relations extérieures a mis sous les yeux du premier consul la note en date du 7 mars 1801, que s. exc. m. le comte de Kolitscheff lui a fait l'honneur de lui adresser.

Парижъ, 15/27 марта 1801.

*) Нижеподписавшійся министръ иностранныхъ дѣлъ представилъ первому консулу ноту отъ 7 марта 1801 г., которую прислалъ ему его с—во графъ Колычевъ.

Le premier consul ayant remarqué cette phrase: „*Le soussigné ne pouvant prendre sur lui de signer un acte, dans lequel les bases de la pacification générale de l'Europe ne se trouveraient pas comprises*", a ordonné sur le champ au soussigné de présenter à s. exc. m. de Kolitscheff le projet ci-joint de convention secrète, qui fixe les dites bases et qui pourrait être signée vingt quatre heures après le traité de pacification.

Le premier consul se persuade, que m. le comte de Kolitscheff, voyant ainsi tout ce qu'il a demandé au nom de sa cour accordé, sera disposé à signer sans retard les deux traités, dont les projets sont à présent dans ses mains.

Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Подлинникъ.—Paris. 140, 138. Черновая.

№ 40.—Проектъ тайной конвенціи для подписанія 24 часа спустя послѣ подписанія мира между Французской республикой и Его И. В. Россійскимъ Императоромъ.

Paris, 6 germinal an IX.

*) *Article 1.* La République française reconnaît S. M. l'Empereur de Russie, comme grand-maître de l'Ordre de Malte; elle s'engage à réunir ses efforts à ceux de S M. l'Empereur de Russie pour reprendre l'île de Malte sur les anglais et dans tous les cas à employer toute son in-

---

Замѣтивъ фразу: „*нижеподписавшійся, не смѣя взять на себя подписаніе документа, въ который не были бы включены основы всеобщаго замиренія Европы*", первый консулъ немедленно приказалъ нижеподписавшемуся представить его прев—ву г. Колычеву приложенный здѣсь проектъ тайной конвенціи, которая опредѣляетъ сказанныя основы и которая могла бы быть подписана 24 часа спустя послѣ мирнаго договора.

Первый консулъ убѣжденъ, что графъ Колычевъ, увидѣвъ такимъ образомъ, что всѣ просьбы его двора уважены, согласится немедленно подписать оба договора, проекты которыхъ находятся теперь въ его рукахъ.

Парижъ, 15/27 марта 1801.

*) *Ст. 1.* Французская республика признаетъ его в—во и—ра россійскаго гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена; она обязывается помочь е. в—ву и—ру россійскому отнять у англичанъ Мальту и во всякомъ случаѣ употребить все свое вліяніе, чтобы достигнуть возвращенія о. Мальты Ордену. Она обѣщаетъ

fluence pour opérer la restitution de l'île de Malte à l'Ordre. Elle promet pareillement l'emploi de ses bons offices les plus actifs et les plus soutenus pour décider ses alliés à reconnaître pareillement S. M. l'Empereur de Russie, comme grand-maître de l'Ordre de Malte.—*Art. 2.* La République française s'engage à procurer au duc de Wurtemberg une indemnité en Empire, juste, convenable et conforme aux désirs de S. M. l'Empereur de Russie.—*Art. 3.* La république française prend le même engagement par rapport à l'électeur palatin de Bavière.—*Art. 4.* La République française consent à traiter de la paix avec le plénipotentiaire de S. M. le Roi de Sardaigne sous la médiation de S. M. l'Empereur de Russie.—*Art. 5.* La République française consent pareillement à conclure la paix avec S. M. le Roi des Deux Siciles en lui garantissant l'intégrité de ses états.

Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Подлинникъ.—Paris. 140, 139. Черновая.

№ 41.—Замѣчанія Колычева на проектъ тайной конвенціи.

Paris, 16/28 mars 1801.

*) 1) On n'a accordé que les cinq propositions préalables, et sur ce que m. de Kolitscheff avait demandé, il n'a rien été répondu. 2) On propose de signer la convention vingt-quatre heures après le traité de paix,

---

также употреблять свои дѣятельныя и неустанныя старанія, чтобы заставить своихъ союзниковъ также признать е. в—во и—ра россійскаго гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена.—*Ст. 2.* Французская республика обязывается доставить герцогу вюртембергскому вознагражденіе въ имперіи, справедливое, приличное и соотвѣтствующее желаніямъ е. в—ва и—ра россійскаго.—*Ст. 3.* Французская республика беретъ на себя то же обязательство и относительно палатино-баварскаго курфюрста.—*Ст. 4.* Французская республика соглашается вести переговоры о мирѣ съ уполномоченнымъ его в—ва сардинскаго короля при посредничествѣ е. в—ва и—ра россійскаго.—*Ст. 5.* Французская республика соглашается также заключить миръ съ е. в—вомъ королемъ Обѣихъ Сицилій, обезпечивая ему цѣлость его владѣній.

Парижъ, 16/28 марта 1801.

*) Во-1-хъ, принято только 5 предварительныхъ предложеній, а на требованія г. Колычева не отвѣчали ничего. Во-2-хъ, предлагаютъ подписать конвенцію 24 часа спустя послѣ мирнаго договора; а между тѣмъ было условлено

cependant il avait été convenu de signer le même jour, ainsi que le citoyen Talleyrand l'a fait insérer au protocole. 3) L'article sur Malte dit moins, que la déclaration du citoyen Talleyrand. Les termes mêmes de la rédaction ne peuvent rester en ce que l'Empereur est reconnu pour grand-maître de l'Ordre de Malte et non pour celui de St. Jean de Jérusalem. Au reste il est instant de déclarer, que l'Empereur exige comme une condition *sine qua non*, que la France s'engage à faire reconnaître par l'Espagne S. M. l'Empereur en sa qualité de grand-maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem et de la faire jouir de tous droits et prérogatives des ci-devant grands-maîtres en Espagne. 4) Les art. 2, 3, 4 ne parlent que des indémnités et ne disent rien de l'intégrité des états de Wurtemberg, Bavière et Sardaigne, cette intégrité ayant été reconnue par l'acceptation des 5 propositions. 5) Il est nécessaire d'expliquer d'une manière plus claire et plus précise l'art. 5 pour dire le lieu, où la négociation avec le plénipotentiaire aura lieu, ains que l'a demandé m. de Kolitscheff.

Paris. 140, 122. Подлинникъ.

подписать ее въ тотъ же день, какъ это велѣлъ записать въ протоколъ гражд. Талейранъ. Въ-3-хъ, статья о Мальтѣ выражаетъ меньше, нежели декларація гражд. Талейрана. Самая форма редакціи не можетъ оставаться въ томъ смыслѣ, что и—ръ признается гросмейстеромъ Ордена Мальты, а не Св. Іоанна Іерусалимскаго. Къ тому же, необходимо объявить, что и—ръ ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Франція обязалась заставить Испанію признать е. в—во и—ра гросмейстеромъ державнаго Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго и доставить ему всѣ права и преимущества, которыми пользовались въ Испаніи бывшіе гросмейстеры. Въ-4-хъ, ст. 2, 3, 4, говорятъ лишь о вознагражденіяхъ и ничего не говорятъ о цѣлости владѣній Вюртемберга, Баваріи и Сардиніи, тогда какъ эта цѣлость была признана принятіемъ 5 предложеній. Въ-5-хъ, необходимо опредѣлить яснѣе и точнѣе ст. 5, чтобы назначить мѣсто гдѣ будутъ происходить переговоры съ уполномоченнымъ, какъ просилъ г. Колычевъ.

№ 42.—Предметы, на которые необходимъ положительный отвѣтъ и которые даютъ основу для статей конвенціи.

Paris, 16/28 mars 1801.

*) M. de Kolitscheff a ordre de S. M. l'Empereur, son maître, de proposer les articles suivants, sur lesquels il prie le citoyen Talleyrand de vouloir bien lui répondre dans le plus court délai, afin que monsieur de Kolitscheff puisse faire parvenir à sa cour le projet de la convention en son entier.

1) L'acceptation de la médiation de l'Empereur pour la paix à conclure avec la Sublime Porte Ottomane. 2) L'acceptation de la médiation de l'Empereur pour la paix avec le pape. 3) De convenir, qu'il ne sera admis à la pacification générale d'autres bases pour les indemnités en Allemagne que celles, qui auront été arrêtées entre la Russie, la Prusse et la France. 4) L'accession de la France à la convention maritime des puissances du Nord, aussitôt après la paix générale.

de Kolitscheff.

Paris. 140, 121. Подлинникъ.—Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Списокъ.

Парижъ, 16/28 марта 1801.

*) Г. Колычеву приказано е. в—вомъ государемъ и—ромъ предложить слѣдующія статьи, на которыя онъ проситъ гражд. Талейрана отвѣтить ему, какъ можно скорѣе, чтобы г. Колычевъ могъ представить своему двору полный проектъ конвенціи.

Во-1-хъ, принятіе посредничества и—ра для заключенія мира съ Портой Оттоманской. Во-2-хъ, принятіе посредничества и—ра для заключенія мира съ папой. Въ-3-хъ, согласиться, чтобы всеобщее замиреніе состоялось лишь на тѣхъ основаніяхъ для вознагражденій въ Германіи, которыя будутъ установлены сообща Россіей, Пруссіей и Франціей. Въ-4-хъ, присоединеніе Франціи къ морской конвенціи сѣверныхъ державъ тотчасъ послѣ всеобщаго замиренія.

№ 43.—Докладъ Талейрана первому консулу.

Paris, 7 germinal an IX.

*) M. de Kolitscheff ayant reçu les deux projets de traités, qui lui ont été transmis, l'un patent, l'autre secret, présente aujourd'hui quelques nouveaux points, dont il demande la solution, savoir... **).

Ces nouvelles demandes sont au moins extraordinaires; les premières communications de la cour de Russie ne contenaient rien, qui les fit prévoir et c'est d'après ces communications, que la négociation à dû s'établir, c'est uniquement sur elles qu'elle doit porter. Si, à l'imitation de S. M. I. de Russie le gouvernement français voulait jeter dans la discussion des éléments imprévus et d'une nature tout à fait étrangère à la négociation principale, il n'y aurait aucune raison pour qu'elle pût être terminée.

D'ailleurs chacune des demandes, que fait aujourd'hui m. de Kolitscheff, donne lieu à des objections très fondées.

1. L'Empereur de Russie demande, que sa médiation soit acceptée pour la paix à conclure avec la Porte Ottomane; mais une médiation doit être surtout réclamée par les parties, sur lesquelles elle doit agir,

---

**) Здѣсь приведены условія, поставленныя въ № 42.

Парижъ, 16/28 марта 1801.

*) Получивъ оба проекта договора, одинъ явный, другой тайный, г. Колычевъ представляетъ теперь на разрѣшеніе нѣкоторые новые пункты, а именно...

Эти новыя требованія, по меньшей мѣрѣ, чрезвычайны; первыя сообщенія русскаго двора не заключали въ себѣ ни малѣйшаго на нихъ намека, а между тѣмъ переговоры должны были основываться на этихъ сообщеніяхъ и касаться только ихъ. Еслибы по примѣру е. в—ва и—ра россійскаго французское правительство вздумало ввести въ обсужденіе непредвидѣнные элементы, совершенно противные главнымъ переговорамъ, тогда имъ не предвидѣлось бы конца.

Къ тому же каждое изъ требованій, предъявленныхъ сегодня г. Колычевымъ, вызываетъ весьма основательныя возраженія.

Во-1-хъ, русскій и—ръ требуетъ, чтобы было принято его посредничество для заключенія мира съ Портой Оттоманской; но посредничества должны особенно желать стороны, на которыя оно должно дѣйствовать, а мы не ви-

et nous ne voyons pas, que la Porte, dont les liaisons avec l'Angleterre sont en pleine activité, fasse aucune démarche pour obtenir la médiation de la Russie. En tout cas et vu l'état présent des affaires, cette médiation ne pourrait être acceptée qu'autant que la Russie consentirait à intervenir, pour que nous conservions l'Egypte. Car on ne peut hésiter à reconnaître que cette contrée ne peut plus demeurer sous la domination affaiblie des turcs, et qu'évacuer en ce moment l'Egypte, ce n'est pas faire autre chose que d'en assurer la possession aux anglais.

2. La médiation offerte pour la paix à conclure avec le pape est absolument sans objet. Des rapports directs sont établis entre Rome et Paris. Un ministre français réside déjà près le St. Siége. Ce qui restait de points à régler entre les deux états le sera amiablement et sans qu'on ait besoin d'aucune intervention.

3. Aussi longtemps que la guerre a subsisté entre la République et l'empereur d'Allemagne, le gouvernement français n'a cessé de provoquer la cour de Berlin à s'unir à lui pour régler les conditions de la paix germanique. La Prusse a constamment éludé une proposition, qu'il eût été si facile alors d'étendre jusqu'à la Russie et qui aurait amené alors le concert exclusif, qu'on réclame aujourd'hui; mais la France toujours seule sur le champ de bataille a bien dû finir par s'arranger

---

димъ, чтобы Порта, которая находится въ самыхъ дѣятельныхъ связяхъ съ Англіей, искала русскаго посредничества. Во всякомъ случаѣ, въ виду существующаго положенія дѣлъ, это посредничество могло бы быть принято лишь на условіи, чтобы Россія вступилась за сохраненіе нами Египта, ибо нельзя сомнѣваться, что эта страна не можетъ долѣе оставаться подъ ослабленнымъ господствомъ турокъ и что очистить въ эту минуту Египетъ, значитъ ни больше, ни меньше, какъ передать его англичанамъ.

Во-2-хъ, посредничество, предложенное для заключенія мира съ папой, не имѣетъ никакого основанія. Между Римомъ и Парижемъ установлены прямыя сношенія. У св. престола уже проживаетъ французскій министръ. Если какіе пункты оставались еще невыясненными между двумя государствами, то они будутъ улажены полюбовно и не требуя никакого вмѣшательства.

Въ-3-хъ, покуда продолжалась война между республикой и нѣмецкимъ и—ромѣ, французское правительство не переставало уговаривать берлинскій дворъ соединиться съ нимъ, чтобы установить условія германскаго мира. Пруссія постоянно избѣгала предложенія, которое тогда такъ легко было бы распространить и на Россію; и тогда состоялась бы исключительная сдѣлка, которой добиваются теперь. Но Франція, постоянно предоставленная себѣ самой на полѣ битвы, поневолѣ должна была кончить тѣмъ, что вступила въ прямыя

directement avec la cour de Vienne, et les arrangements, qui sont à prendre aujourd'hui en Allemagne, n'étant que des conséquences du traité de Lunéville, il paraît impossible d'en exclure la puissance, qui est partie contractante dans le dit traité.

Néanmoins le gouvernement français demeurera disposé à se concerter de préférence avec les cours de Pétersbourg et de Berlin, mais il ne peut se lier par un engagement aussi formel que celui, qu'on lui propose.

4. Quant à l'accession de la France à la convention maritime des puissances du Nord, si le gouvernement ne peut y donner une accession entière qu'après que la guerre maritime actuelle aura été terminée, il n'est pas moins disposé à manifester dès ce moment par une déclaration, qu'il reconnaît les principes, sur lesquels cette convention est basée, comme étant ceux, qu'il importe de faire prévaloir en Europe.

M. de Kolitscheff, ayant joint à ses nouvelles propositions quelques remarques sur les projets de traités, qui lui ont été remis, je dois les placer aussi sous les yeux du premier consul, quoique elles ne soient renfermées que dans une note non signée.

Je pense, qu'on peut riposter à ces remarques en disant:

1. Que la convention addittionnelle au traité sera signée ou 24

сношенія съ вѣнскимъ дворомъ; и такъ какъ преобразованія, которыя теперь должны произойти въ Германіи, суть лишь послѣдствія Люневильскаго договора, то очевидно, что невозможно устранить отъ нихъ державу, которая есть одна изъ договаривающихся сторонъ сказаннаго договора.

Тѣмъ не менѣе французское правительство всегда предпочтетъ войдти въ соглашеніе съ петербургскимъ и берлинскимъ дворами, но не связывая себя такимъ формальнымъ обязательствомъ, какъ то, которое ему предлагаютъ.

Въ-4-хъ, что же касается до присоединенія Франціи къ морской конвенціи сѣверныхъ державъ, то, хотя оно и можетъ состояться вполнѣ лишь по окончаніи существующей морской войны, французское правительство тѣмъ не менѣе готово объявить теперь же, что оно признаетъ принципы, на которыхъ основана эта конвенція, заслуживающими содѣйствія ихъ господству въ Европѣ. Такъ какъ г. Колычевъ присоединилъ къ своимъ новымъ предложеніямъ нѣсколько замѣчаній о проектахъ договоровъ, которые были ему переданы, то я долженъ тоже представить ихъ первому консулу, хотя нота, въ которой они высказаны, даже не подписана.

Я думаю, что на нихъ можно отвѣтить слѣдующее:

Во-1-хъ, что дополнительная конвенція къ договору будетъ подписана или 24 часа спустя, или немедленно послѣ сказаннаго договора: это не составляетъ большой важности.

heures, ou immédiatement après le dit traité, sans qu'on mette à cela grande importance.

2. Que l'Empereur sera reconnu grand-maître de l'Ordre de St. Jean de Jérusalem; que toutes démarches seront faites auprès de la cour d'Espagne pour que pareille reconnaissance ait lieu de sa part; mais que vis-à-vis d'un gouvernement aussi respectable, étant aussi indépendant, la France ne peut pas promettre autre chose que ses bons offices, quelque confiance qu'elle eût dans leur succès.

3. Que par rapport au duc de Wurtemberg et à l'électeur palatin de Bavière, il ne peut être question d'intégrité de leurs états, puisque eux mêmes viennent de consentir avec l'empire germanique à la cession de ce qu'ils possédaient à la rive gauche du Rhin, et qu'il n'y a lieu à leur égard que de leur procurer une indemnité convenable.

Que de même le roi de Sardaigne ayant par son traité renoncé sans indemnité à la Savoie, au comté de Nice et autres objets, le mot intégrité n'étant pas convenable à employer à l'égard des états, qui peuvent lui être restitués.

4. Que la négociation avec Naples sera conduite au lieu, où elle pourra être plus promptement terminée, et que ce lieu est en Italie.

Je propose donc au premier consul, si c'est dans le sens de ces observations, qu'il faut répondre à m. de Kolitscheff.

Во-2-хъ, что императоръ будетъ признанъ гросмейстеромъ Ордена Св. Іоанна іерусалимскаго и что будутъ употреблены всѣ старанія, чтобы испанскій дворъ сдѣлалъ то же съ своей стороны; но что относительно такого почтеннаго, независимаго правительства Франція можетъ обѣщать только свои добрыя услуги, какъ бы она ни вѣрила въ ихъ успѣхъ.

Въ-3-хъ, что касается до герцога вюртембергскаго и курфюрста баваро-палатинскаго, то не можетъ быть и рѣчи о неприкосновенности ихъ владѣній, потому что они сами согласились уступить Германской имперіи свои земли на лѣвомъ берегу Рейна, и относительно ихъ дѣло идетъ только о приличномъ вознагражденіи.

Точно также и сардинскій король отказался въ своемъ договорѣ безъ вознагражденія отъ Савойи, Ниццы и другихъ земель, и поэтому неприлично употреблять слово неприкосновенность относительно владѣній, которыя могутъ быть ему возвращены.

Въ-4-хъ, что переговоры съ Неаполемъ будутъ вестись въ томъ мѣстѣ, гдѣ они могутъ быть скорѣе окончены, и что это мѣсто въ Италіи.

Итакъ, я предлагаю первому консулу отвѣчать г. Колычеву въ смыслѣ этихъ замѣчаній.

Le premier consul examinera sans doute aussi, s'il ne serait pas d'une bonne politique de communiquer à m. de Kolitscheff la note de mylord Hawkesbury et la réponse officielle, que le citoyen Otto sera chargé d'y faire.

Paris. 140, 225. Подлинникъ.

№ 44.—Спренгпортенъ двору.

Paris, 16/28 mars 1801.

*) Il me reste, Sire, à vous rendre compte d'une conversation, qui se passa avec le p. consul à sa petite maison de campagne, où, à l'occasion de prendre congé, je fut invité à dîner avec lui.

Après avoir renouvellé dans les termes les plus marquants sa vénération personelle pour la personne sacrée de V. M. I., son désir sincère de se lier avec elle, *par des sacrifices mêmes, s'il le faut*, en appuyant sur les avantages réciproques, que les deux nations trouveront dans cette alliance, il me témoigna une véritable inquiétude, qu'on mettait en avant des objets, dont il n'avait pas encore été question; qu'on insistait sur *l'évacuation de l'Egypte*, et même *sur des indemnisations pécuniaires aux princes d'Italie*, auxquels V. M. accorde sa haute protection. „Je m'offre (me dit-il) de signer la paix, que personne ne désire

---

Первый консулъ, конечно, обсудитъ также, не требуетъ ли политическая добросовѣстность сообщить г. Колычеву ноту милорда Гоуксбери и оффиціальный отвѣтъ на нее, который будетъ порученъ г-ну Отто.

Парижъ, 16/28 марта 1801.

*) Мнѣ остается, государь, отдать вамъ отчетъ въ одной бесѣдѣ, которую я имѣлъ съ первымъ консуломъ въ его загородномъ домикѣ, куда я былъ приглашенъ отобѣдать съ нимъ и кстати проститься.

Изъявивъ снова въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ свое личное уваженіе къ священной особѣ в. и. в—ва, свое искреннее желаніе вступить съ вами въ союзъ, *хотя бы даже цѣною жертвъ*, такъ какъ этотъ союзъ принесетъ взаимныя выгоды обѣимъ націямъ, онъ выразилъ, что не на шутку встревоженъ тѣмъ, что выдвигаютъ на первый планъ предметы, о которыхъ еще не было рѣчи, что настаиваютъ на *очищеніи Египта* и даже *на денежномъ вознагражденіи итальянскихъ государей*, которые находятся подъ высокимъ покровительствомъ в. в—ва. „Я готовъ, сказалъ онъ мнѣ, подписать миръ, котораго никто не желаетъ искреннѣе меня, причемъ я буду сообразоваться

plus sincèrement que moi, en me conformant aux 5 points établis par S. M. lui-même, me conformant en cela à ses désirs. Je la signerai quand il voudra; mais quant à l'Egypte, cet objet est un article absolument séparé. Je ne la cèderais pas volontairement. Cette colonie est le prix du sang le plus pur des français, utile d'ailleurs sous mille rapports aux arts, aux commerce des deux nations, à l'humanité entière. C'est la seule possession, au moyen de laquelle la France puisse parvenir à balancer un jour l'énorme pouvoir maritime des anglais aux Indes. J'ai peu de chose à refuser à votre Empereur; mais qu'il daigne lui-même peser ces grands intérêts, et je crois, qu'il verra, que les siens s'y liaient avec les nôtres. Les turcs, dans l'épuisement où ils croupissent, que peuvent-ils nous opposer? Nous en ferons ce que nous voudrons et nous partagerons les avantages réciproques d'un commerce lucratif sur une mer, où les anglais peuvent et doivent s'exclure ou au moins ne jouir que des privilèges, qu'on voudra leur accorder: ils sont assez puissants dans le reste du monde. Ce sont là mes sentiments, que vous me ferez plaisir de communiquer à S. M., votre maître. Si les anglais veulent la guerre, nous la ferons, nous nous batterons tant qu'ils voudrons. Vous ne resterez pas indifférent, jespère, à cette querelle! Votre prince n'a pas moins d'intérêt que nous d'abaisser leurs dominations; nous pouvons, nous voulons terminer au plutôt cette lutte, sentant par-

---

съ 5 пунктами, установленными самимъ его в—вомъ, сообразуясь въ этомъ съ его желаніями. Я подпишу его, когда онъ захочетъ; но что касается Египта, это совершенно особая статья. Я не уступлю его добровольно. Эта колонія куплена цѣною самой чистой французской крови; къ тому же она тысячекратъ полезна искусствамъ, торговлѣ обѣихъ націй, всему человѣчеству. Это—единственное владѣніе, посредствомъ котораго Франція можетъ современемъ противустоять огромному морскому могуществу англичанъ въ Индіи. Мнѣ рѣдко приходится отказывать вашему и—ру; но пусть онъ самъ взвѣситъ эти великія выгоды, и я думаю, что онъ увидитъ, что и его интересы здѣсь совпадаютъ съ нашими. Что могутъ выставить противъ насъ турки, коснѣющіе въ истощеніи? Мы сдѣлаемъ съ ними, что захотимъ, и раздѣлимъ взаимныя выгоды доходной торговли на морѣ, гдѣ англичане могутъ и должны исчезнуть, или пользоваться лишь привилегіями, которыя имъ захотятъ дать: они достаточно могущественны въ остальномъ мірѣ. Таковы мои чувства, которыя вы потрудитесь сообщить его в—ву, вашему государю. Если англичане захотятъ войны, мы будемъ драться, сколько имъ угодно. Надѣюсь, вы не останетесь равнодушны къ этой распрѣ! Вашъ государь не менѣе насъ заинтересованъ въ томъ, чтобы подавить ихъ господство; мы хотимъ и можемъ окончить эту войну въ самомъ непродолжительномъ времени, отлично созна-

faitement bien, combien elle pèse sur les divers intérêts de votre coalisation; nous pouvons effectuer par une descente une diversion puissante—le seul moyen peut-être de faire cette guerre courte et bonne. La distance seule, où nous sommes de chez vous, m'empêche de m'abuser là-dessus avec l'Empereur; je pense, que si je pouvais avoir le moyen de m'entretenir avec lui, nous aurions bientôt fini à régler de concert nos mesures. Par les démonstrations, que je ferai faire contre les côtes de l'Irlande, j'ai des moyens de cacher mes forces réelles de la Belgique, lesquels joints aux Hollandais (qui se plaisaient assez à la revanche) tomberont comme une bombe au milieu des anglais. Que votre prince se consulte sur tout cela. Qu'il daigne me faire connaître ses intentions. Nous lui offrons de notre côté amitié franche et sincère et tous nos moyens pour la justice de sa cause. La confiance, que j'ai dans ses principes et dans sa rare loyauté, me fait espérer un retour également sincère. En attendant, j'écarterai autant que cela se peut tout ce qui pourra troubler nos intentions réciproques de conclure une paix désirée sur la base établie".

Pétersbourg. Paris, 1801, 17. Подлинникъ.

вая, какъ тяжело она отзывается на интересахъ вашей коалиціи; мы можемъ высадкой произвести сильную диверсію—единственный способъ, можетъ быть, окончить эту войну скоро и удачно. Только разстояніе, отдѣляющее насъ отъ васъ, мѣшаетъ мнѣ столковаться съ императоромъ; я думаю, что еслибы я имѣлъ возможность побесѣдовать съ нимъ, то мы скоро уладили бы вопросъ объ общихъ мѣрахъ. Приказавъ сдѣлать демонстрацію у береговъ Ирландіи, я имѣю возможность скрыть мои настоящія силы въ Бельгіи, которыя, соединившись съ голландцами (довольно склонными къ отмщенію), упадутъ англичанамъ, какъ снѣгъ, на голову. Пусть вашъ государь подумаетъ обо всемъ этомъ и сообщитъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ. Мы предлагаемъ ему, съ нашей стороны, откровенную и искреннюю дружбу и всѣ наши силы для защиты его праваго дѣла. Довѣріе мое къ его принципамъ и къ его рѣдкой честности заставляетъ меня надѣяться на такую же искренность съ его стороны. Покуда я буду устранять, насколько возможно, все, что могло бы разстроить наши взаимныя стремленія заключить желаемый миръ на установленныхъ основахъ.

№ 45.—Нота Колычева.

Paris, 17/29 mars 1801.

*) Le soussigné ayant été à même de se persuader par tout ce que lui a dit le citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, que les vues de S. M. l'Empereur, son maître, et celles du premier consul, relativement aux affaires de l'Empire, s'accordent en tout point, et que l'intention des deux gouvernements est de conserver autant que possible les bases de la constitution de l'Empire Germanique, s'empresse de proposer au citoyen Talleyrand d'adopter un article séparé, accessoire à la convention secrète et de la teneur suivante **):

Pour ne pas retarder l'établissement de ce concert, il paraît nécessaire et le soussigné s'empresse de le proposer au citoyen Talleyrand *de prendre dès à présent l'article ci-dessus énoncé pour base de la conduite des deux gouvernements dans tout ce qui concernera l'Empire Germanique.*

Il espère, que le citoyen ministre des relations extérieures, en soumettant cet article à l'acceptation du premier consul voudra bien lui faire remarquer, qu'il doit naturellement accélérer la marche de la négociation, en établissant d'avance un accord de mesures entre les deux gouvernements.

**) Здѣсь вставленъ текстъ бумаги № 33, съ ничтожными стилистическими поправками.

Парижъ, 17/29 марта 1801.

*) Нижеподписавшійся, убѣдившись изъ всего сказаннаго гражд. Талейраномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, что виды его в—ва государя и—ра и перваго консула относительно дѣлъ Имперіи совпадаютъ во всѣхъ пунктахъ, и что оба правительства стремятся къ сохраненію, насколько возможно, основъ конституціи Нѣмецкой имперіи, спѣшитъ предложить гражд. Талейрану принять отдѣльную статью, въ дополненіе тайной конвенціи, слѣдующаго содержанія.

Чтобы не затягивать установленія этого соглашенія, кажется, необходимо—и нижеподписавшійся спѣшитъ предложить это гражд. Талейрану—принять теперь же вышеупомянутую статью за основаніе поведенія обоихъ правительствъ во всемъ, что будетъ касаться Нѣмецкой имперіи.

Онъ надѣется, что гражд. министръ иностранныхъ дѣлъ, предлагая первому консулу принять эту статью, потрудится ему замѣтить, что она естественно должна ускорить ходъ переговоровъ, установивъ заранѣе согласіе между мѣрами обоихъ правительствъ.

Le soussigné espère, que la franchise de cette proposition sera pour le gouvernement français une nouvelle preuve des dispositions amicales de S. M. l'Empereur et de sa confiance dans les vues et le caractère personnel du premier consul.

Il espère en outre, que le citoyen Talleyrand y trouvera également un garant des sentiments, qui portent le soussigné à saisir tous les moyens d'accélérer et de consolider le rapprochement entre les deux états.

Paris. 140, 124. Подлинникъ.—Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Списокъ.

№ 46.—Нота Талейрана.

Paris, 9 germinal an IX.

*) Le soussigné a mis sous les yeux du premier consul la note de s. e. m. le comte de Kolitscheff, vice-chancelier de l'empire, ministre plénipotentiaire de S. M. l'Empereur de Russie (en date du 29 mars).

Le premier consul a vu avec la plus sensible peine, que s. e. paraissait éloigner chaque jour la signature de la paix.

Cependant les évènements de l'Europe se succèdent avec une grande rapidité, les affaires d'Allemagne, d'Italie, d'Angleterre, sous le double

---

Нижеподписавшійся надѣется, что искренность этого предложенія будетъ для французскаго правительства новымъ доказательствомъ дружественнаго расположенія его и. в—ва и его довѣрія къ намѣреніямъ и личному характеру 1-го консула.

Онъ надѣется, кромѣ того, что гражд. Талейранъ увидитъ въ этомъ также доказательство чувствъ, побуждающихъ нижеподписавшагося пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы ускорить и упрочить сближеніе обоихъ государствъ.

Парижъ, 18/30 марта 1801.

*) Нижеподписавшійся представилъ 1-му консулу ноту его пр—ва, графа Колычева, вице-канцлера имперіи, полномочнаго министра его в—ва россійскаго императора (отъ 29 марта).

1-му консулу очень тяжело было видѣть, что его пр—во какъ бы отдаляетъ каждый день подписаніе мира.

Между тѣмъ событія въ Европѣ быстро смѣняются одно другимъ; дѣла Германіи, Италіи, Англіи требуютъ самаго быстраго союза между Россіей и Франціей, чтобы рѣшить войну или миръ.

rapport de guerre ou de paix, ont besoin du concert le plus prompt entre la Russie et la France.

La paix avec Rome est faite. Celle avec Naples doit pareillement être conclue à cette heure.

Le premier consul a déjà demandé à S. M. l'Empereur de Russie sa médiation pour les affaires d'Egypte et en conséquence il a ordonné au général Menou de suspendre toute expédition en Syrie.

La stipulation secrète, que s. e. m. Kolitscheff a proposé relativement aux affaires d'Allemagne, a paru conforme aux intérêts de la France et au système du premier consul. Mais le moment présent est le seul où la réunion de la France et de la Russie puisse par son influence remplir en Allemagne les vues des deux états. Un plus long retard à la signature de la paix continuerait à laisser l'une et l'autre puissance isolée chacune dans son système. Ce qui pour la guerre comme pour la paix serait une calamité. Ce qui serait surtout la chose la plus contraire aux intentions déjà manifestées par les deux gouvernements. Le premier consul est persuadé, que l'importance de ces considérations sera sentie par m. le comte de Kolitscheff, et qu'il se déterminera en conséquence à faire un usage plus immédiat de ses pouvoirs.

Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Подлинникъ.—Paris. 140, 132. Черновая.

Миръ съ Римомъ заключенъ. Миръ съ Неаполемъ тоже долженъ быть теперь уже заключенъ.

1-й консулъ уже просилъ у его в—ва россійскаго и—ра посредничества въ египетскихъ дѣлахъ и вслѣдствіе этого онъ приказалъ генералу Мену вполнѣ прекратить экспедицію въ Сиріи.

Тайное условіе, предложенное его пр—вомъ г. Колычевымъ, относительно германскихъ дѣлъ, оказалось подходящимъ къ интересамъ Франціи и къ системѣ 1-го консула. Но настоящая минута единственная, когда союзъ Россіи съ Франціей можетъ содѣйствовать своимъ вліяніемъ исполненію видовъ обоихъ правительствъ въ Германіи. А покуда подписаніе мира все болѣе замедляется, та и другая держава остаются одинокими въ своей системѣ. Это было бы бѣдствіемъ, какъ для мира, такъ и для войны и совсѣмъ было бы противно намѣреніямъ, уже заявленнымъ обоими правительствами.

1-й консулъ убѣжденъ, что г. Колычевъ пойметъ важность этихъ соображеній и вслѣдствіе этого рѣшится воспользоваться поскорѣе своими полномочіями.

№ 47.—Нота Колычева.

Paris, 19/31 mars 1801.

*) Le soussigné s'empresse de répondre à la note du citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, en date d'hier:

Le soussigné partage sincèrement la peine, que le premier consul éprouve de voir la signature de la paix encore retardée. La diversité d'opinions, qui régne entre les deux gouvernements sur tous les points hors celui des affaires d'Empire, force le soussigné à recourir à de nouvelles instructions de sa cour.

L'évacuation de l'Egypte, le passage des troupes françaises sur le territoire de Naples pour être embarquées à Otrante et à Brindisi; la garantie formelle de la possession de Malte; la condition demandée, que la République française ne fit point de paix avec l'Angleterre sans y stipuler la restitution de l'île de Malte à S. M. l'Empereur de Russie, comme grand-maître de l'ordre souverain de St. Jean de Jérusalem; l'incertitude sur les termes relatifs à la reconnaissance par l'Espagne et, enfin, l'intégrité des états de S. M. Sarde, tels qu'ils étaient avant la guerre, à l'exception de la Savoie et du comté de Nice, pour lequel il lui serait accordé un dédommagement en Italie: sont autant de points, sur lesquels on n'a pu s'accorder jusqu'à présent.

Парижъ, 19/31 марта 1801.

*) Нижеподписавшійся спѣшитъ отвѣтить на ноту гражд. Талейрана, министра иностранныхъ дѣлъ, отъ вчерашняго дня.

Нижеподписавшійся искренно раздѣляетъ огорченіе 1-го консула по поводу того, что подписаніе мира снова замедляется. Различіе въ мнѣніяхъ обоихъ правительствъ, обнаруживающееся во всѣхъ пунктахъ, кромѣ дѣлъ Имперіи, заставляетъ нижеподписавшагося просить новыхъ инструкцій у своего двора.

Очищеніе Египта, прохожденіе французскихъ войскъ черезъ неаполитанскія земли, чтобы сѣсть на корабли въ Отранто и Бриндизи; формальная гарантія владѣнія Мальтой; условіе, чтобы французская республика не заключала мира съ Англіей, не выговоривъ возвращенія острова Мальты е. в—ву и—ру россійскому, какъ гросмейстеру державнаго ордена Св. Іоанна іерусалимскаго; неопредѣленность выраженій относительно признанія Испаніей и наконецъ цѣлость владѣній его в—ва короля Сардиніи, въ томъ видѣ, какъ они были до войны, за исключеніемъ Савойи и графства Ниццы, за которое ему дано будетъ вознагражденіе въ Италіи,—все это пункты, относительно которыхъ до сихъ поръ не могли придти къ соглашенію.

Le soussigné voit avec la plus grande peine le retard, que ces circonstances apportent à la conclusion de la paix, et toutes les suites, qui peuvent en résulter pour la cause générale et celle de l'Empire germanique en particulier.

Si cependant le premier consul pour entrer dans les vues magnanimes de S. M. I. et asseoir la paix continentale sur des bases solides et durables, croit pouvoir acquiescer aux propositions, faites au nom de l'Empereur: alors le soussigné proposera sans délai au citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, un projet de paix et d'amitié, auquel sera annexé celui d'une convention pour déterminer les bases de la pacification générale et l'article secret sur les affaires de l'Empire germanique. La conclusion de la paix ne dépendra plus alors que de l'acceptation du premier consul.

Mais quels que soient les désirs du soussigné à cet égard, ses instructions sont trop précises pour lui permettre de céder sur aucun des points, qu'il a proposés, et il se verra forcé, afin de ne pas retarder la confection de l'œuvre, de demander de nouveaux ordres à S. M. I. Il prie en conséquence le citoyen Talleyrand, dans le cas où ce seul moyen de terminer sur le champ ne soit point accepté, de vouloir bien lui envoyer un passeport pour un courrier, qu'il est décidé d'expédier sur le champ pour St. Pétersbourg.

Paris. 140, 125. Подлинникъ.—Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Списокъ.

Нижеподписавшемуся чрезвычайно больно видѣть, что эти обстоятельства замедляютъ заключеніе мира, что можетъ имѣть важныя послѣдствія какъ для общаго дѣла, такъ и для дѣлъ Нѣмецкой имперіи.

Впрочемъ, если 1-ый консулъ, желая войти въ великодушные виды е. и. в—ва и утвердить миръ на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, думаетъ, что можетъ согласиться на предложенія, сдѣланныя отъ имени и—ра, тогда нижеподписавшійся немедленно предложитъ гражд. Талейрану, министру иностранныхъ дѣлъ, проектъ мира и дружбы, присоединивъ къ нему проектъ конвенціи, чтобы опредѣлить основы всеобщаго замиренія, и тайную статью о дѣлахъ Нѣмецкой имперіи. Тогда заключеніе мира будетъ зависѣть только отъ согласія 1-го консула.

Но каковы бы ни были въ этомъ отношеніи желанія нижеподписавшагося, его инструкціи слишкомъ опредѣленны и не позволяютъ ему уступить ни въ одномъ изъ предложенныхъ пунктовъ; чтобы не задерживать окончанія дѣла, онъ принужденъ будетъ просить новыхъ приказаній у е. и. в—ва. Поэтому онъ проситъ гражд. Талейрана, въ случаѣ, еслибы это единственное средство покончить немедленно не было принято, прислать ему паспортъ для курьера, котораго онъ рѣшился отправить немедленно въ Петербургъ.

№ 48.—Паленъ Колычеву.

Pétersbourg, 19/31 mars 1801.

*) Votre exc. verra par mon autre dépêche de ce jour, quel langage notre auguste Maître veut, qu'elle tienne au gouvernement français. S. M. I. m'a pourtant ordonné de vous faire savoir, m-r, qu'elle désirait vous voir adopter, dans vos conversations avec le premier consul, toute la politesse, due au premier personnage d'une grande puissance, sans néanmoins vous départir dans la moindre chose des principes de fermeté, qui peuvent seuls obtenir aux négociations, qui vous sont confiées, un succès désiré. L'Empereur vous charge de dire au premier consul, qu'il désirait de son amour pour la justice, qui lui avait valu une réputation aussi brillante que juste, qu'il remplirait ses angagements envers S. M. l'Empereur défunt et ne persisterait pas dans les conditions onéreuses, qui viennent en dernier lieu d'être imposées au roi de Naples pour prix d'une paix, qu'on lui avait fait espérer honorable par l'acceptation des articles proposés de notre part, mais qui, fondée sur des bases aussi peu justes que celles proposées nouvellement, serait déshonorable pour la dignité du roi et désastreuses pour ses états.

Pétersbourg. Paris, 1801, 49. Подлинникъ.

Петербургъ, 19/31 марта 1801.

*) Ваше пр—ство увидитъ изъ моей другой депеши отъ сегодняшняго дня, какія рѣчи нашъ августѣйшій государь повелѣваетъ вамъ вести съ французскимъ правительствомъ. Впрочемъ, е. и. в—во приказалъ мнѣ сообщить вамъ, что онъ желаетъ, чтобы вы относились къ 1-му консулу со всею вѣжливостью, подобающею первому лицу великой державы; но тѣмъ не менѣе вы не должны ни въ какомъ случаѣ отступать отъ правилъ твердости, которая одна можетъ обезпечить ввѣреннымъ вамъ переговорамъ желаемый успѣхъ. И—ръ поручаетъ вамъ передать 1-му консулу, что онъ надѣется, что его любовь къ справедливости, доставившая ему столь блестящую и заслуженную славу, заставитъ его исполнить его обязательства относительно е. в—ва покойнаго и—ра и не настаивать на тяжелыхъ условіяхъ, которыя были въ послѣднее время предписаны неаполитанскому королю, надѣявшемуся на почетный миръ, вслѣдствіе статей, предложенныхъ съ нашей стороны; но если миръ будетъ основанъ на столь несправедливыхъ условіяхъ, какъ предложенныя недавно, то онъ будетъ позоренъ для достоинства короля и гибеленъ для его владѣній.

№ 49. —Паленъ Колычеву.

Pétersbourg, 19/31 mars 1801.

*) Les dernières nouvelles reçues de Paris sur ce qui s'est passé entre le gouvernement de France et le roi des Deux Siciles sont d'un présage très défavorable à la foi des traités, qui doivent passer entre nous et le premier consul. L'acceptation des cinq articles proposés d'abord au gouvernement français, en réponse à ses ouvertures spontannées et ses instances très empressées, a pu seule motiver la mission de v. exc. Un de ces articles était l'intégrité des états du roi de Naples, auquel notre cour prend le plus vif intérêt. L'étonnement et le déplaisir de S. M. I. devaient donc être la suite naturelle des avis, que nous venons de recevoir, de la manière insidieuse et outrageante, dont on traite à Paris le plénipotentiaire de S. M. Sicilienne.

L'empressement de plus, qu'a montré le gouvernement français à terminer, d'une manière ou d'autre, les négociations avec le marquis de Gallo, avant l'arrivée de v. exc. à Paris, prouve jusqu'à l'évidence le peu de sincérité, qu'on met dans cette capitale aux engagements les plus formels. Tout ceci a porté l'Empereur, notre auguste maître, à vous charger, m-r, d'insister fortement auprès du premier consul et du mi-

---

Петербургъ, 19/31 марта 1801.

*) Послѣднія извѣстія о томъ, что произошло между французскимъ правительствомъ и королемъ Обѣихъ Сицилій, не предвѣщаютъ ничего добраго относительно вѣрности договорамъ, которые должны состояться между нами и 1-мъ консуломъ. Только принятіе 5-ти статей, предложенныхъ сначала французскому правительству въ отвѣтъ на его добровольныя предложенія и усердныя просьбы, вызвало отправленіе в. пр— ва. Одна изъ этихъ статей касалась неприкосновенности владѣній неаполитанскаго короля, въ которомъ нашъ дворъ принимаетъ самое живое участіе. Удивленіе и неудовольствіе е. и. в—ва было естественнымъ послѣдствіемъ извѣстія, которое мы получили, о коварномъ и оскорбительномъ обращеніи въ Парижѣ съ уполномоченнымъ е. в—ва короля Сициліи. — Къ тому же поспѣшность, съ которою французское правительство старалось покончить такъ или иначе переговоры съ маркизомъ де-Галло до прiѣзда в. пр—ства въ Парижъ, ясно доказываетъ, какъ неискренно относятся въ этой столицѣ къ самымъ формальнымъ обязательствамъ. Все это заставило и—ра, нашего августѣйшаго государя, поручить вамъ, м. г., твердо настаивать у 1-го консула и у французскаго министерства, чтобы предложенныя нами статьи

nistère français sur les articles énoncés de notre part comme base inévitable aux négociations, qui vous ont été confiées et auxquelles vous ne pouvez procéder sans l'entier accomplissement des susdits articles. V. exc. fera en conséquence les insinuations nécessaires au premier consul et s'abstiendra, en cas de refus ou des réponses évasives et dilatoires, de traiter sur quoi que ce soit avec le gouvernement français jusqu'à nouvel ordre, en déclarant, que ni l'armistice de Foligno, ni les conditions pour la paix, proposées au marquis de Gallo et transmises, à son refus, au général Murat, pour être extorquées du chevalier Micheroux, ne seraient jamais reconnues justes par notre cour, étant totalement contraires aux promesses du premier consul.

Pétersbourg. Paris, 1801, 49. Подлинникъ.

№ 50.—Колычевъ двору.

Парижъ, 19/31 марта 1801.

Поднесенныя мною В. И. В-ву сообщенія маркиза Лукезини чрезмѣрно удивили здѣшнее правительство и удостовѣрили его, что Франція никакимъ образомъ удовлетворить желаній берлинскаго двора не можетъ; вслѣдствіе сего нашелъ я перваго консула склоннымъ согласиться на секретный артикулъ, который имѣлъ я честь поднести съ курьеромъ Дюжиковымъ при реляціи подъ № 12.

Франція видитъ сколь опасно для нея усиливать Пруссію и, унизя Австрію, создать снова въ имперіи державу, которая бы современемъ нарушила равновѣсіе Европы и сосѣдственнымъ государствамъ угрожала безпрестанно завоеваніями. Выгоды Франціи и Россіи въ семъ случаѣ столь согласны, что Бонапарте, на сообщенное мною предписаніе В. И. В-ва отъ 16-го февраля, отвѣтствовалъ, что онъ не желаетъ, чтобы

были неизбѣжно положены въ основу переговоровъ, которые вамъ были ввѣрены и къ которымъ вы не можете приступить, если не будутъ совершенно выполнены сказанныя статьи. Слѣдовательно, ваше пр—ство сдѣлаете 1-му консулу необходимыя внушенія и, въ случаѣ отказа или уклончивыхъ и мѣшкотныхъ отвѣтовъ, воздержитесь договариваться о чемъ бы то ни было съ французскимъ правительствомъ до новыхъ приказаній; вы объявите, что ни фолиньское перемиріе, ни условія мира, предложенныя маркизу де-Галло и переданныя, за его отказомъ, генералу Мюрату, для вынужденія у кавалера Мишеру, не будутъ никогда признаны справедливыми нашимъ дворомъ, такъ какъ они составляютъ полную противоположность обѣщаніямъ 1-го консула.

Пруссія непосредственно учавствовала въ дѣлахъ имперіи, ибо намѣреніе ея завладѣть половиною Германіи непріятныя навлечь можетъ слѣдствія.

Такимъ образомъ дѣлается теперь безполезною для Пруссіи система ее, сохранять нѣсколько лѣтъ постыдный неутралитетъ, взирать хладнокровно на бѣдствія Европы, въ то время, когда одно движеніе ея войскъ могло окончить оныя, дать миръ и ограничить власть Франціи. Прусское министерство увѣрено было, что уступя другимъ державамъ славу, столько крови и золота имъ стоющую, замѣнитъ себѣ оную большими выгодами при заключеніи мира, и надежда коварной политики сей теперь уничтожается...

Pétersbourg. Paris, 1801, 73. Подлинникъ.

№ 51.—Колычевъ двору.

Paris, 22 mars (3 avril) 1801.

*) Sire, par ma relation du 13/25 mars j'ai annoncé à V. M. I., que le gouvernement français était occupé de la rédaction des articles d'une convention, qui accompagnerait le traité de paix et d'amitié projeté. Le ministre Talleyrand m'a remis la note ci-annexée et le projet de convention. Par ces deux pièces V. M. I. verra, que le plénipotentiaire français cherche toujours à séparer la paix particulière de la Russie des bases de la pacification générale, et qu'il a proposé de signer la convention 24 heures après le traité de paix. Cet objet ayant été déterminé à la seconde conférence, mon premier soin a été d'en témoigner ma surprise au ministre Talleyrand; il m'a répondu, que lorsqu'il s'agirait de conclure on signerait en même temps les deux pièces:

Парижъ, 22 марта (3 апрѣля) 1801.

*) Государь, въ моемъ донесеніи отъ 13/25 марта я извѣстилъ в. и. в—во, что французское правительство занято составленіемъ статей конвенціи, которая должна сопровождать предполагаемый мирный и дружественный договоръ. Министръ Талейранъ вручилъ мнѣ прилагаемую здѣсь ноту и проектъ конвенціи. Изъ этихъ двухъ бумагъ в. и. в—во увидите, что французскій уполномоченный постоянно старается отдѣлить частный миръ съ Россіей отъ основъ всеобщаго замиренія, и что онъ предложилъ подписать конвенцію 24 часа спустя послѣ мирнаго договора. Такъ какъ этотъ предметъ былъ рѣшенъ на второй конференціи, то первою моею заботою было выразить удивленіе по этому поводу министру Талейрану; онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда дѣло

qu'ils ne feraient aucune difficulté. Je lui ai remarqué ensuite, que l'article relatif à Malte, rédigé comme il l'est dans le projet de la convention, disait moins que la déclaration, qu'il avait fait insérer au protocole de la troisième conférence; je lui ai annoncé, que V. M. I. exigeait comme une condition expresse, que la France s'engage à vous faire reconnaître, Sire, par l'Espagne, en votre qualité de grand-maître de l'Ordre Souverain de St. Jean de Jérusalem. Il me répondit, que le premier consul était prêt de faire tout ce qui dépendrait de lui, et d'employer ses bons offices les plus soutenus pour y parvenir; mais qu'il espérait en revanche, que V. M. I., pour faciliter la chose, consentirait à un règlement particulier pour la langue espagnole, à cause de la religion catholique, que cette langue professe. Je lui ai remarqué encore, que l'article V de son projet n'était point clair, en ce qu'il ne disait pas où la négociation pour la paix avec la cour de Naples aurait lieu; il me répondit, ainsi qu'il l'avait fait précédemment, en me disant, que les choses étaient trop avancées pour rompre les négociations entamées en Italie. Telles sont, Sire, les remarques, que j'ai cru devoir faire sur le projet présenté, et la manière, dont le ministre Talleyrand y a répondu. D'après les instructions de V. M. I. il me restait encore différents objets à discuter; j'ai remis en conséquence hier au ministre Talleyrand, par écrit, les différents points, sur lesquels je le priais de me

---

дойдетъ до заключенія, то подпишутъ обѣ бумаги разомъ: что они не будутъ противиться. Затѣмъ я замѣтилъ ему, что статья, касающаяся Мальты, составлена въ проектѣ конвенціи такъ, что она меньше выражаетъ, чѣмъ заявленіе, записанное по его требованію въ протоколѣ 3-ей конференціи; я объявилъ ему, что в. и. в—во ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Франція обязалась заставить Испанію признать васъ гроссмейстеромъ верховнаго ордена св. Іоанна іерусалимскаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что 1-ый консулъ готовъ сдѣлать все, что отъ него будетъ зависѣть, и употребить свои добрыя услуги самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы этого добиться; но что онъ надѣется, что взамѣнъ в. и. в—во для облегченія дѣла согласитесь сдѣлать особое постановленіе относительно испанскаго языка, такъ какъ испанцы исповѣдуютъ католическую религію. Я замѣтилъ ему еще, что ст. V его проекта неясна, такъ какъ не сказано, гдѣ будутъ происходить мирные переговоры съ неаполитанскимъ дворомъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ и прежде, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко и нельзя прервать начатыхъ въ Италіи переговоровъ. Таковы, государь, замѣчанія, которыя я счелъ долгомъ сдѣлать относительно представленнаго проекта, и таковы отвѣты министра Талейрана. Согласно инструкціямъ в. и. в—ва мнѣ нужно было переговорить еще о нѣкоторыхъ вещахъ, и вслѣдствіе этого вчера я изложилъ министру Талейрану

dire définitivement les intentions du gouvernement français; je joins ici une copie de ma demande au ministre Talleyrand, ainsi que je la lui ai remise. En réponse il m'envoya la note. Elle contient plutôt un appel à la prompte conclusion de l'œuvre, qu'une réponse à mes demandes. Le premier consul exprime son désir de terminer au plus vite, en mettant en avant la situation actuelle de l'Europe, qui exige un prompt concert entre la Russie et la France. Cette considération m'a engagé à lui remettre la note pour rappeler au plénipotentiaire français, que si la conclusion de la paix était retardée la cause en était dans la diversité d'opinions, qui régnait entre les deux gouvernements sur tous les points hors celui, qui concerne les affaires de l'Empire; je lui offris ensuite de lui proposer un projet de paix avec V. M. I. et de convention additionnelle sur les bases générales de la pacification des puissances de l'Europe; le citoyen Talleyrand ayant goûté cette proposition, m'a demandé de les lui remettre. L'article, qui concerne l'engagement de n'admettre à la pacification générale d'autres bases pour les indemnités, que celles qui auraient été arrêtées entre la Russie, la Prusse et la France, a été rejeté sur le champ. Le ministre Talleyrand exprima d'une manière positive son désir, que le gouvernement français pût s'entendre purement et simplement avec V. M. I. relativement à un objet où les intérêts des deux gouvernements paraissent être les mêmes. Il

---

письменно различные пункты, относительно которыхъ просилъ его высказать мнѣ окончательныя намѣренія французскаго правительства; прилагаю здѣсь копію съ моей просьбы министру Талейрану, которую я ему передалъ. Въ отвѣтъ на это онъ прислалъ мнѣ ноту. Она содержитъ скорѣе воззваніе къ быстрому окончанію дѣла, нежели отвѣтъ на мои просьбы. 1-ый консулъ выражаетъ желаніе окончить какъ можно скорѣе, выставляя на видъ настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ, которое требуетъ быстраго соглашенія между Россіей и Франціей. Это соображеніе заставило меня передать ему ноту, чтобы напомнить французскому уполномоченному, что если заключеніе мира затягивается, то причиною этому различіе во мнѣніяхъ, которое обнаруживается у обоихъ правительствъ, относительно всѣхъ пунктовъ, кромѣ дѣлъ Имперіи; я предложилъ ему потомъ представить ему проектъ мира съ в. и. в—вомъ и дополнительной конвенціи на общихъ началахъ замиренія державъ Европы; это предложеніе понравилось гражд. Талейрану, и онъ просилъ меня дать ему то и другое. Статья, которая касается обязательства не допускать въ вопросѣ о всеобщемъ замиреніи другихъ основъ для вознагражденій, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ установлены между Россіей, Пруссіей и Франціей, была немедленно отвергнута. Министръ Талейранъ выразилъ положительно свое желаніе, чтобы французское правительство могло безусловно

me fit sentir, qu'il serait nécessaire de convenir d'un plan général pour empêcher les cours de Berlin et de Vienne de saisir cette occasion, pour acquérir en Allemagne au-delà de ce qu'elles avaient vraiment droit de prétendre. Les instructions de V. M. I. expriment d'une manière aussi claire que précise sa magnanime résolution de prévenir les suites funestes des vues d'agrandissement de ces deux cours; j'ai cru, pour ne pas perdre de temps et prévenir des arrangements particuliers, devoir proposer un article séparé, qui sera accessoire à la convention secrète, mais qui commencera à avoir son effet dès qu'il aura été adopté. Je joins ici une copie de la note explicative pour l'accompagner, ainsi que je l'ai présentée au ministre Talleyrand. V. M. I. verra, qu'il doit en résulter l'avantage de conserver autant que possible les bases de la constitution germanique, de tenir les deux cours rivales dans un juste équilibre et augmenter l'influence de votre cabinet, Sire, en soumettant tous les arrangements en Empire à sa coopération. J'ai l'honneur de porter à la connaissance de V. M. I. les projets, tels que je les ai remis, et dont le but est d'assurer pareillement, Sire, votre influence en Italie. J'attends aujourd'hui la réponse du gouvernement français.

Pétersbourg. Paris, 1801, 75. Подлинникъ.

согласиться съ в. и. в—вомъ относительно вопроса, въ которомъ интересы обоихъ правительствъ, повидимому, сходятся. Онъ далъ мнѣ понять, что необходимо было бы условиться относительно общаго плана, чтобы помѣшать берлинскому и вѣнскому дворамъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы захватить въ Германіи больше того, на что они имѣютъ право. Инструкціи в. и. в—ва выражаютъ столь же ясно, какъ и точно, ваше человѣколюбивое намѣреніе предупредить пагубныя послѣдствія стремленія къ захвату со стороны этихъ обоихъ дворовъ. Я счелъ нужнымъ, чтобы не терять времени и предупредить частныя сдѣлки, предложить отдѣльную статью, въ дополненіе къ тайной конвенціи, но которая вступитъ въ дѣйствіе, какъ только будетъ принята. Прилагаю здѣсь копію съ объяснительной ноты, которую я представилъ министру Талейрану. В. и. в—во увидитъ, что, благодаря этому, мы сохранимъ, какъ можно больше, основы германской конституціи, будемъ держать въ должномъ равновѣсіи оба соперничествующіе двора и усилимъ вліяніе вашего кабинета, государь, подчинивъ всѣ распоряженія въ Имперіи вашему содѣйствію. Имѣю честь довести до свѣдѣнія в. и. в—ва проекты, которые я представилъ и цѣль которыхъ точно также утвердить ваше вліяніе въ Италіи. Сегодня ожидаю отвѣта отъ французскаго правительства.

№ 52.—Колычевъ двору.

Парижъ, 22 марта (3 апрѣля) 1801.

Франція рѣшилась постоянно препятствовать усиленію Пруссіи; она заключаетъ съ вѣнскимъ дворомъ конвенцію, въ силу которой Австрія должна будетъ на основаніи мира уменьшить число войскъ своихъ. Цѣль сего безпримѣрнаго доселѣ поступка очевидна. Здѣшнее правительство хочетъ склонить или принудить Пруссію къ заключенію подобной конвенціи, дабы воспрепятствовать тѣмъ занятію Франконіи. Намѣреніе сіе перваго консула оказывается только теперь поступками его съ прусскимъ посланникомъ, которому холоднымъ съ нимъ обращеніемъ и медленностью въ дѣлахъ даетъ онъ чувствовать сколь мало Франція склонна къ удовлетворенію гордыхъ видовъ берлинскаго двора; какъ же скоро увидитъ Бонапарте, что В. И. В-во системѣ его содѣйствовать изволите, то безъ сомнѣнія приметъ онъ гораздо сильнѣйшія мѣры для сохраненія, сколь возможно, конституціи имперіи; и Пруссія принуждена будетъ пожертвовать большей частью непомѣрныхъ требованій своихъ соединеннымъ выгодамъ Россіи и Франціи.

Pétersbourg. Paris, 1801, 78. Подлинникъ.

№ 53.—Нота Колычева.

Paris, 27 mars (8 avril) 1801.

*) Le soussigné en remettant au cit. Talleyrand, min. des rel. ext., les différents projets relatifs aux engagements réciproques entre la France et la Russie, s'était flatté d'avoir facilité les moyens de terminer au plutôt l'œuvre commencée du rapprochement des deux états. Quelle ne doit pas être sa surprise et sa peine de n'avoir jusqu'à présent reçu aucune réponse de la part du gouvernement français. Cependant sous tous les

---

Парижъ, 27 марта (8 апрѣля) 1801.

*) Нижеподписавшійся, передавая гражд. Талейрану, мин. ин. дѣлъ. различные проекты относительно взаимныхъ обязательствъ между Франціей и Россіей, льстилъ себя надеждой, что облегчилъ путь къ скорѣйшему окончанію начатаго дѣла сближенія обоихъ государствъ. Каково же было его удивленіе и огорченіе, когда онъ не получилъ до сихъ поръ отвѣта отъ фран-

rapports et, comme l'a remarqué le premier consul, sous les points de vue de guerre et de paix, le moment actuel est le seul peut-être, où le concert entre les deux états puisse produire efficacement les résultats désirés et procurer à l'Europe une paix prompte, générale, assise sur des bases stables, justes et conformes à l'intérêt de toutes les puissances. Cependant près de cinq semaines se sont écoulées depuis l'arrivée du soussigné à Paris sans avoir avancé l'œuvre, considérée naguère comme presque terminée, et qui éprouve aujourd'hui des retards et des obstacles à chaque pas. L'Europe entière a les yeux fixés sur cette négociation; l'influence des deux gouvernements est trop grande pour ne pas rendre tous les cabinets attentifs, non-seulement aux mesures qui seront prises, mais même au degré d'harmonie, qui règnera entre la Russie et la France, et c'est dans ce moment et lorsqu'il s'agit des plus grands intérêts de l'Europe, que d'inutiles retards arrêtent encore la signature de la paix. Le soussigné attend la réponse du gouvernement français; il a informé sa cour de la remise de ses projets, et espérait sous peu pouvoir lui annoncer la signature de ses actes, ou demander à S. M. I. de nouveaux ordres pour suplier à l'insuffisance de ses instructions. En rappelant au cit. Talleyrand cet objet, le soussigné espère, qu'il voudra bien porter à la connaissance du premier consul la franchise, qui a dirigé cette nouvelle tentative de sa part pour amener à sa fin l'objet si

---

цузскаго правительства. Между тѣмъ, во всѣхъ отношеніяхъ, и, какъ замѣтилъ 1-ый консулъ, съ точки зрѣнія войны и мира, настоящій моментъ, можетъ быть, единственный, когда согласіе между двумя державами можетъ привести дѣйствительно къ желаемымъ результатамъ и доставить Европѣ быстрый, всеобщій миръ, опирающійся на основанія прочныя, справедливыя и соотвѣтствующія интересамъ всѣхъ державъ. Между тѣмъ, вотъ уже около 5 недѣль прошло съ пріѣзда нижеподписавшагося въ Парижъ, а дѣло не подвинулось впередъ, хотя прежде и считали его почти оконченнымъ, но теперь оно на каждомъ шагу наталкивается на проволочки и препятствія. Вся Европа слѣдитъ за этими переговорами; вліяніе обоихъ правительствъ слишкомъ велико, чтобы не приковать вниманія всѣхъ кабинетовъ не только къ мѣрамъ, которыя будутъ приняты, но даже къ степени согласія, которое будетъ господствовать между Россіей и Франціей. И въ эту-то минуту, когда дѣло идетъ о величайшихъ интересахъ Европы, безконечныя проволочки опять задерживаютъ подписаніе мира. Нижеподписавшійся ожидаетъ отвѣта отъ французскаго правительства; онъ извѣстилъ свой дворъ о передачѣ своихъ проектовъ и надѣялся вскорѣ возвѣстить ему подписаніе своихъ документовъ или просить новыхъ приказаній, чтобы пополнить недостаточность своихъ инструкцій. Напоминая объ этомъ гражд. Талейрану, нижеподписав-

désiré du rapprochement entre la Russie et la France. Les nouvelles ouvertures, dont le soussigné est chargé, sont d'une nature trop importante pour pouvoir souffrir un plus long retard, mais elles ne sauraient avoir lieu avant l'objet principal, et le soussigné se verra à regrêt forcé d'informer S. M. l'Empereur des motifs, qui lui ont imposé la triste nécessité de différer l'exécution de ses volontés. Le soussigné espère, que cette démarche de sa part amènera de nouvelles explications, facilitera les moyens de s'entendre sur les points, où les deux gouvernements diffèrent d'opinion, et accélèrera la signature de la paix.

Paris. 140, 137. Подлинникъ. — Pétersbourg. Paris, 1801, 82. Списокъ.

№ 54.—Талейранъ Колычеву.

Paris, 18 germinal an IX.

*) Le soussigné a été chargé par le premier consul de communiquer à m. le comte de Kolitscheff la note, qu'il a reçu de m. le marquis de Lucchesini relativement aux affaires d'Allemagne avec la réponse, qui lui a été faite. S. M. le roi de Prusse a pensé avec raison, qu'elle ne devait sortir de la ligne de neutralité et prendre possession d'un pays quelconque (ce qui préjugerait la question de l'Allemagne), qu'après

---

шійся надѣется, что онъ доведетъ до свѣдѣнія 1-го консула искренность, которая руководила этой новой попыткой съ его стороны подвинуть къ окончанію столь желаемое сближеніе Россіи съ Франціей. Новыя предложенія, которыя поручено сдѣлать нижеподписавшемуся, слишкомъ важны и не могутъ быть откладываемы въ долгій ящикъ; но объ нихъ нельзя говорить прежде главнаго предмета, и нижеподписавшійся съ прискорбіемъ долженъ будетъ увѣдомить императора, по какимъ причинамъ онъ былъ вынужденъ, къ сожалѣнію, отложить исполненіе его воли. Нижеподписавшійся надѣется, что этотъ поступокъ съ его стороны вызоветъ новыя объясненія и облегчитъ путь къ соглашенію въ пунктахъ, относительно которыхъ оба правительства расходятся во мнѣніяхъ, и ускоритъ подписаніе мира.

Парижъ, 27 марта (8 апрѣля) 1801.

*) Первый консулъ поручилъ нижеподписавшемуся сообщить гр. Колычеву ноту, полученную имъ отъ марк. Люкезини, о дѣлахъ Германіи, а также и отвѣтъ на нее. Его в—во прусскій король справедливо думаетъ, что онъ не долженъ выходить за предѣлы нейтралитета и завладѣвать какой бы то ни было страной (что предрѣшило бы нѣмецкій вопросъ) иначе, какъ съ со-

s'être entendu avec la France et la Russie. Le premier consul désire donc connaître le système de S. M. l'Empereur de Russie sur un objet d'une si grande importance et qui tient si essentiellement aux bases de la politique de l'Europe, qui ne peut être définitivement assise, que par la similitude des principes des grandes puissances.

Pétersbourg. Paris, 1801, 297. Подлинникъ.

№ 55.—Нота Талейрана.

Paris, 21 germinal an IX.

*) Le soussigné, min. des rel. ext., a mis sous les yeux du premier consul la note en date du 1-er avril, qui m'a été remise par s. exc. m. le vice-chancelier de Kolitscheff avec les deux projets de traité et convention, qui y étaient annexés. Le premier concul a autorisé le soussigné à conclure et signer immédiatement le traité de paix et d'amitié tel qu'il est proposé par son excellence, parce qu'il a été reconnu conforme aux sentiments de justice et de réciprocité, qui peuvent seuls servir de règle et de base entre deux puissances également grandes, également fortes, tant par le nombre et la bravoure de leurs armées, que par la valeur réelle de leur territoire. Mais par rapport à la convention, qui doit être annexée au traité, le premier consul n'a pu s'em-

---

гласія Франціи и Россіи. Итакъ, первый консулъ желаетъ знать систему его в—ва императора россійскаго относительно столь важнаго предмета, такъ существенно связаннаго съ основами европейской политики, которая можетъ быть окончательно утверждена лишь на единствѣ принциповъ великихъ державъ.

Парижъ, 30 марта (11 апрѣля) 1801.

*) Нижеподписавшійся, мин. иностр. дѣлъ, представилъ первому консулу ноту отъ 1-го апрѣля, врученную ему его прев—вомъ, г. вицеканцлеромъ Колычевымъ, а также приложенные къ ней проекты договора и конвенціи. Первый консулъ уполномочилъ нижеподписавшагося заключить и подписать непосредственно мирный и дружественный договоръ, предложенный его прев—вомъ, такъ какъ онъ былъ признанъ соотвѣтствующимъ чувствамъ справедливости и взаимности, которыя одни должны служить правиломъ и основой въ отношеніяхъ двухъ державъ, одинаково великихъ, одинаково сильныхъ, какъ относительно численности и храбрости ихъ войскъ, такъ и относительно дѣйствительной стоимости ихъ владѣній. Но касательно конвенціи,

pêcher de trouver, que le projet présenté par m. le comte de Kolitscheff confirmait des dispositions tout-à-fait nouvelles, contraires aux espérances et aux vues du gouvernement français. En effet, comment la république pourrait-elle être engagée à évacuer l'Egypte, fruit de tant de travaux, objet de tant d'espérance pour l'humanité, lorsque les anglais, qui ont envahi l'Inde, le Cap, Ceylon, toutes les îles d'Amérique, resteraient en possession de leurs conquêtes? Ce serait donc ôter à la France le seul moyen de contrebalancer l'immense domination des anglais sur les mers, ce serait assurer au contraire la prépondérance de cette nation, dont l'Europe est dès longtemps victime et contre laquelle les états du Nord paraissaient vouloir efficacement s'unir. L'article relatif à Malte ne peut non plus être admis qu'autant que S. M. réunirait ses flottes aux flottes françaises, comme le soussigné l'a déjà proposé pour arracher cette île des mains des anglais. En résultat il a été pénible de remarquer, que le ton général des notes remises par m. le vice-chancelier de Kolitscheff et de toutes les pièces de la négociation ouverte avec son excellence n'est pas celui, qui est d'usage entre des états indépendants, ramenés à des idées de paix par une estime mutuelle et des intérêts réciproques et non par des motifs de crainte et d'infériorité. Le premier consul n'a pu y reconnaître ces sentiments pleins de dignité, de grandeur et d'un généreux élan, qu'il avait trouvés si bien exprimé dans les lettre mêmes

---

которая должна быть присоединена къ договору, первый консулъ не могъ не высказать, что проектъ, представленный граф. Колычевымъ, обличаетъ совершенно новыя намѣренія, противныя надеждамъ и видамъ французскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать, чтобы республика очистила Египетъ, плодъ столькихъ трудовъ, предметъ столькихъ надеждъ для человѣчества, въ то время, какъ англичане, завладѣвшіе Индіей, Мысомъ, Цейлономъ, всѣми островами Америки, будутъ владѣть своими завоеваніями? Вѣдь это значитъ, отнять у Франціи единственное средство противостоять громадному могуществу англичанъ на морѣ; это значитъ, напротивъ, утвердить господство этой націи, которая давно угнетаетъ Европу и противъ которой сѣверныя державы, очевидно, хотятъ составить сильный союзъ. Статья о Мальтѣ тоже можетъ быть принята лишь съ тѣмъ, чтобы его в—во присоединилъ свой флотъ къ французскому, какъ уже предлагалъ нижеподписавшійся, чтобы отнять этотъ островъ у англичанъ. Въ концѣ-концовъ, тяжело было замѣтить, что общій тонъ нотъ г. вице-канцлера Колычева и всѣхъ бумагъ, касающихся переговоровъ съ его прев—вомъ, не соотвѣтствуетъ тону, принятому между независимыми государствами, пожелавшими мира въ силу обоюднаго уваженія и взаимныхъ интересовъ, а не изъ побужденія страха и подчиненности. Первый консулъ не могъ въ нихъ узнать тѣхъ чувствъ, пол-

de S. M. l'Empereur de Russie, ce qui a dû le déterminer à expédier à Pétersbourg un de ses officiers pour rendre S. M. juge elle-même des difficultés, qui s'élèvent, car dans l'état de crise, où se trouvent les affaires de l'Europe, il est vrai de dire, qu'il n'y a peut-être pas un moment à perdre pour prévenir de nouveaux déchirements et pour empêcher que le gouvernement britannique ne réussisse à faire sanctionner ses usurpations. Il serait naturel d'espérer, que m. le vice-ch. de Kolitscheff, frappé de l'importance de ces considérations et du danger des retards, qu'éprouve aujourd'hui la négociation entre la France et la Russie, serait porté à faire un plus prompt et plus satisfaisant usage des pleins pouvoirs, qu'il a reçus de son auguste empereur, et c'est avec la confiance, que s. exc. prendra à cet égard une détermination avantageuse aux deux états, que le soussigné, etc.

Paris. 140, 142. Черновая.

№ 56.—Колычевъ двору.

Парижъ, 1/13 апрѣля 1801.

Ссылаясь во всемъ, что принадлежитъ до возложеннаго на меня дѣла, на прежнія реляціи мои, долгомъ почитаю довести В. И. В-ву о настоящемъ положеніи вещей.—Война Россіи съ Англіей, удаленіе оной отъ Австріи и желаніе прусскаго двора основать непомѣрную силу свою на разрушеніи имперской конституціи, увеличили гордость Бонапарте и благопріятствуютъ видамъ его. Цѣль его есть завести войну

———

ныхъ достоинства, величія и великодушныхъ порывовъ, которыя такъ ясно были выражены въ письмахъ самого е. в—ва императора россійскаго. Это побудило его отправить въ Петербургъ одного изъ своихъ чиновниковъ, чтобы предоставить е. в—ву самому судить о возникающихъ затрудненіяхъ, потому что, при настоящемъ критическомъ положеніи Европы, справедливость требуетъ сказать, что, быть можетъ, нельзя терять ни одной минуты, чтобы предупредить новые раздоры и не дать британскому правительству добиться освященія его злоупотребленій. Естественно было бы надѣяться, что г. вице-канцлеръ Колычевъ, пораженный важностью этихъ соображеній и опасностью замедленія переговоровъ между Франціей и Россіей, поспѣшитъ сдѣлать быстрое и болѣе удовлетворительное употребленіе изъ полномочій, полученныхъ имъ отъ своего августѣйшаго и ра. Надѣясь, что его прев—во приметъ въ этомъ отношеніи выгодное для обоихъ государствъ рѣшеніе, нижеподписавшійся и проч.

между Пруссіею и Австріею; препятствовать неумѣреннымъ желаніямъ первой и управлять другою, обѣщая герцогу тосканскому выгоды въ Имперіи; вооружить, сколь можно болѣе, Россію противу Англіи, дабы принудить сію къ поспѣшному миру; поссорить Россію съ Портою, дабы завладѣть Египтомъ и возмутить между тѣмъ Польшу; наконецъ же, какъ силою, такъ и вліяніемъ своимъ господствовать въ Европѣ. Обстоятельства сильнѣйшихъ государствъ возвели уже Францію на высочайшую степень величія и силы. Границы ея неприступны. Рейнъ и нѣсколько рядовъ крѣпостей съ одной, важнѣйшія горы Швейцаріи съ другой и цѣлая Италія съ третьей стороны дѣлаютъ ее безопасною отъ всякаго нападенія, между тѣмъ, какъ союзныя или, лучше сказать, принадлежащія ей республики содержатъ ея войска и служатъ ей щитами отъ непріятеля. Въ такомъ положеніи должна вся Европа покориться законамъ ея и одна Россія можетъ противиться ея силѣ. Провидѣніе очевидно ввѣрило вамъ, всемилостивѣйшій Государь, спасеніе и счастье Европы. В. И. В-во токмо ограничить можете власть Франціи, усмирить гордость Пруссіи и дать, наконецъ, столь давно желаемый миръ утомленной бѣдствіями вселенной; воля Вашего И-го В-ва есть судьба оной.

Pétersbourg. Paris, 1801, 84. Подлинникъ.

№ 57.—Инструкція гражданину Дюроку.

Paris, 4 floréal an IX.

*) Vous partirez le 6 floréal pour Pétersbourg. Vous passerez par Berlin, où vous pourrez séjourner deux jours. Vous vous ferez présenter au roi. Vous saisirez l'occasion favorable pour lui dire, que j'ai profité de votre passage à Berlin pour féliciter S. M. de l'occupation du pays de Hanovre et lui réitérer les sentiments d'estime et de considération, que j'ai pour elle. Vous ne demanderez de passeport ni à m. de Krude-

---

Парижъ, 12/24 апрѣля 1801

*) Вы поѣдете 14/26 апрѣля въ Петербургъ. Вы проѣдете черезъ Берлинъ гдѣ можете пробыть два дня. Вы представитесь королю. Вы уловите удобный случай, чтобы сказать ему, что я воспользовался вашимъ проѣздомъ черезъ Берлинъ, чтобы поздравить е. в—во съ занятіемъ Ганновера и повторить ему чувства уваженія и почтенія, которыя къ нему питаю. Вы не будете просить паспорта ни у г. Крюднера, ни у кого бы то ни было другого. Вы

ner, ni à qui que ce soit. Vous irez droit à Memel, où vous trouverez probablement les ordres pour passer. Arrivé à Pétersbourg, vous irez voir le vice-chancelier et vous lui demanderez de remettre en mains propres à S. M. I. la lettre ci-jointe. Si vous avez l'occasion d'être présenté à l'impératrice, vous aurez bien soin de lui parler de l'estime et de l'attachement, que j'ai pour sa famille et pour le margrave de Bade. Avant de partir de Paris vous demanderez à m. de Kolitscheff les lettres, dont il voudrait vous charger. Tant à Berlin qu'à Pétersbourg vous parlerez toujours de l'Egypte, comme si nous étions assurés de sa possession; du roi de Sardaigne, comme nous plaignant beaucoup de ce que les flottes anglaises étaient ravitaillées à Cagliari et que des convois considérables alimentaient l'armée du général Abercromby; du roi de Naples, comme en parfaite paix avec lui, et bien décidé à le maintenir, ainsi qu'à conserver l'intégrité de ses états; de l'expédition des anglais en Egypte comme manqué, en ajoutant toujours, que, si elle réussissait, ce serait un très grand malheur pour le continent de l'Europe; de Catherine II, comme d'une princesse, qui avait prévu la chute de l'empire turc et qui avait senti, qu'il n'y aurait de prospérité pour le commerce russe, que lorsqu'il se ferait par le midi. En parlant de nos relations actuelles, vous direz, que la chose la plus pressée, c'est de faire la paix;—que les lenteurs sont d'autant plus préjudiciables

---

поѣдете прямо въ Мемель, гдѣ вы найдете, вѣроятно, приказъ о пропускѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, вы отправитесь къ вице-канцлеру и попросите его передать е. и. в—ву въ собственныя руки прилагаемое здѣсь письмо. Если будете имѣть случай представиться императрицѣ, вы не забудете высказать ей мое уваженіе и привязанность къ ея семейству и къ маркграфу баденскому. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа вы спросите г. Колычева, не желаетъ ли онъ поручить вамъ писемъ. Какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ вы всегда будете говорить объ Египтѣ, какъ будто бы мы были увѣрены въ обладаніи имъ; о сардинскомъ королѣ вы скажете, что мы очень жалуемся на то, что англійскій флотъ снабжаютъ провіантомъ и что армія генерала Аберкромби подкрѣпляется значительными подвозами; о неаполитанскомъ королѣ—что мы въ совершенномъ мирѣ съ нимъ и твердо рѣшились поддерживать его, а также сохранить неприкосновенность его владѣній; объ экспедиціи англичанъ въ Египетъ—что она неудачна, прибавивъ, что если бы она удалась, то это было бы весьма большимъ несчастіемъ для европейскаго материка; объ Екатеринѣ II—что это была государыня, которая предвидѣла паденіе Турецкой имперіи и понимала, что русская торговля можетъ процвѣтать только тогда, когда будетъ производиться черезъ югъ. Говоря о нашихъ настоящихъ отношеніяхъ, вы скажете, что прежде всего необходимо заключить миръ;—что

que les deux états sont plus éloignés et que les évènements en Allemagne et en Italie se multiplient avec une grande rapidité;—que nous avons toujours regardé l'intérêt, que Paul I prenait à quelques princes d'Italie, comme un intérêt individuel et non pas comme un intérêt politique;—que nous sentions cependant, qu'il était possible, que la Russie prît quelque intérêt au roi de Naples à cause du commerce de la mer Noire et de la Méditerranée;—que désormais la paix signée était définitive et stable;—que le roi de Sardaigne avait tellement mécontenté ses sujets, qu'il serait difficile, à moins d'une armée nombreuse, de pouvoir l'y maintenir;—que d'ailleurs, outre que ce prince se conduisait extrêmement mal, il était facile de sentir, que le gouvernement français ne pouvait pas aimer les revenants;—que d'ailleurs, dans le nouveau système des affaires d'Italie, considérablement changé par la possession des états de Venise par l'empereur d'Allemagne, le roi de Sardaigne ne serait plus d'un intérêt politique;—que si la Russie continuait son système de neutralité armée, dont il ne paraît pas qu'elle puisse s'éloigner avec honneur, la France, qui avait déjà proposé d'y entrer et avait été refusée, était encore dans les mêmes sentiments. S'il était question des ouvertures, qui avaient été faites par les anglais au gouvernement, vous direz, que tous les bruits sont dénués de fondement, et que c'est une politique bien aisé à saisir, de la part de l'Angleterre, de faire croire

---

проволочки особенно вредны, такъ какъ оба государства очень удалены другъ отъ друга, и событія въ Германіи и въ Италіи растутъ съ каждымъ днемъ. Вы скажете, что мы всегда считали участіе, которое Павелъ I принималъ въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государяхъ, интересомъ частнымъ, а не политическимъ;—что, впрочемъ, мы понимали, что Россія можетъ принимать нѣкоторое участіе въ неаполитанскомъ королѣ, вслѣдствіе торговли на Черномъ и Средиземномъ моряхъ;—что съ этихъ поръ подписанный миръ утвердится окончательно и прочно;—что сардинскій король до того раздражилъ своихъ подданныхъ, что трудно будетъ поддержать его на престолѣ иначе, какъ при помощи многочисленной арміи;—что, кромѣ того, что этотъ государь очень дурно поступалъ, легко понять, что французское правительство не можетъ любить мертвецовъ;—что, къ тому же, при новой системѣ итальянскихъ дѣлъ, сильно измѣнившихся, вслѣдствіе того, что венеціанскія владѣнія отошли къ нѣмецкому императору, сардинскій король не представляетъ никакого политическаго интереса; — что если Россія продолжаетъ держаться системы вооруженнаго нейтралитета, отъ котораго она, повидимому, не можетъ отказаться съ честью, Франція, однажды уже предлагавшая присоединиться къ нему и получившая отказъ, думаетъ по прежнему. Если бы зашла рѣчь о предложеніяхъ, сдѣланныхъ англичанами правительству, вы скажете, что всѣ

qu'elle va traiter avec nous, tandis que ses flottes sont dans la Baltique. Vous resterez à Pétersbourg le plus que vous pourrez; vous visiterez les établissements, les arsénaux, l'armée, la flotte, tout ce que vous pourrez voir sans déplaire et sans donner de l'inquiétude. Vous écrirez par tous les courriers, soit de Berlin, soit de Pétersbourg, comme si vos lettres devaient être lues par l'empereur et tous ses ministres, par le roi de Prusse et tous ses ministres. Vous profiterez des courriers de l'ambassadeur batave, et quelques jours après votre arrivée vous expédierez un de vos officiers. En voyant le ministre batave, vous n'aurez point l'air de vous appuyer exclusivement à lui. Les ministres de Prusse, de Danemark et de Suède vous offriront des rendez-vous de société. Quant aux émigrés français, qui pourraient se trouver en crédit à Pétersbourg, vous les recevrez tous sans en aller voir aucun. Vous pourrez cependant charger un des deux officiers, que vous avez, de se mêler avec eux, afin de rassembler un plus grand nombre de renseignements.

Paris. 140, 149. Черновая.

эти слухи лишены основанія, и что это очень понятная политическая уловка со стороны Англіи, чтобы заставить думать, будто она вступаетъ съ нами въ договоръ въ то время, какъ ея флотъ находится въ Балтійскомъ морѣ. Вы останетесь въ Петербургѣ, какъ можно дольше; вы осмотрите учрежденія, арсеналы, армію, флотъ, все, что можете увидѣть, не возбуждая неудовольствія и безпокойства. Вы будете писать со всѣми курьерами изъ Берлина ли, изъ Петербурга ли, такъ, какъ будто ваши письма будутъ читать императоръ со всѣми его министрами и прусскій король со всѣми его министрами. Вы воспользуетесь курьерами батавскаго посланника, а черезъ нѣсколько дней послѣ вашего пріѣзда вы отправите одного изъ вашихъ чиновниковъ. Когда встрѣтитесь съ батавскимъ министромъ, то не показывайте вида, будто вы близки только съ нимъ. Прусскій, датскій и шведскій министры будутъ приглашать васъ къ себѣ. Что касается до тѣхъ французскихъ эмигрантовъ, которые пользуются уваженіемъ въ Петербургѣ, то вы примете ихъ, но не пойдете ни къ одному изъ нихъ. Но вы можете поручить одному изъ двухъ вашихъ чиновниковъ сходиться съ ними, чтобы собрать побольше свѣдѣній.

№ 58.—Нота Колычева.

Paris, 14/26 avril 1801.

*) Le soussigné s'empresse de faire connaître au citoyen Talleyrand, min. des rel. ext., les ordres, qui viennent de lui parvenir.—S. M. l'Empereur de toutes les Russies, par une suite de l'opinion, qu'elle a conçue de l'amour du premier consul pour la justice, amour, qui lui avait valu une réputation aussi brillante que justement acquise, espère qu'il remplira les engagements pris envers S. M. l'Empereur défunt et qu'en conséquence il ne persistera pas dans les conditions onéreuses, qui viennent d'être imposées au roi de Naples.—Le soussigné croit devoir rappeler au cit. Talleyrand, min. des rel. ext., que l'acceptation des cinq articles proposés au gouvernement français en réponse à ses ouvertures spontanées et à ses instances très empressées, a seule motivé la mission du soussigné à Paris. Les nouvelles instructions, qu'il vient de recevoir, lui enjoignent expressement d'insister auprès du gouvernement français, pour que ces cinq propositions, énoncées comme base inévitable des négociations, reçoivent promptement leur pleine exécution. Par ces articles, l'intégrité du royaume des Deux-Siciles et le rétablissement du roi de Sardaigne dans ses états, tels qu'ils étaient avant l'entrée des français

---

Парижъ, 14/26 апрѣля 1801.

*) Нижеподписавшійся спѣшитъ сообщить гражд. Талейрану, мин. ин. дѣлъ, присланныя ему приказанія.—Его в—во всероссійскій и—ръ, имѣя высокое мнѣніе о любви 1-го консула къ справедливости, которая стяжала ему столь же блестящую, какъ и заслуженную славу, надѣется, что онъ исполнитъ обязательства, принятыя имъ относительно его в—ва покойнаго и—ра, и что, слѣдовательно, онъ не будетъ настаивать на тягостныхъ условіяхъ, которыя только что были предписаны неаполитанскому королю.—Нижеподписавшійся считаетъ долгомъ напомнить Талейрану, мин. ин. дѣлъ, что только принятіе 5-ти статей, представленныхъ французскому правительству въ отвѣтъ на его добровольныя предложенія и усердныя просьбы, вызвало отправленіе нижеподписавшагося въ Парижъ. Новыя, полученныя имъ инструкціи приказываютъ ему особенно настаивать у французскаго правительства, чтобы эти 5 предложеній, объявленныя неизбѣжной основой переговоровъ, были исполнены быстро и всецѣло. Въ этихъ статьяхъ были условлены между обѣими державами цѣлость королевства Обѣихъ Сицилій и возстановленіе сардинскаго короля въ его владѣніяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были до вступленія францу-

en Italie, ont été convenus entre les deux puissances. Tout récemment encore le cit. min. des rel. ext. a été autorisé de donner l'assurance, que ces articles étaient acceptés de nouveaux et qu'ils recevraient leur exécution. Cependant les conditions arrachées à la cour de Naples par la force des armes et la conduite aussi inattendue qu'extraordinaire, tenue vis-à-vis du plénipotentiaire de S. M. Sarde, sans qu'on ait eu égard à la promesse du rétablissement de ce prince dans ses états, ni à l'acceptation formelle de la médiation de S. M. I. pour la paix définitive entre la France et la Sardaigne, font naître de justes défiances et feraient même soupçonner la sincérité des vues du gouvernement français, s'il n'était lui-même empressé, ainsi que le soussigné s'en flatte, de revenir sur des mesures, que des circonstances mal appréciées peuvent lui avoir suggérées.—Le soussigné réitère au cit. Talleyrand, min. des rel. ext., l'assurance positive, que l'accomplissement des cinq propositions, faites préalablement au gouvernement français et acceptées par lui, est le seul moyen de parvenir au rétablissement de l'harmonie entre les deux états. C'est par ordres exprès de sa cour, qu'il déclare, que „ni l'armistice de Foligno, ni les conditions pour la paix proposées au marquis de Gallo et transmises à son refus au général Murat pour être extorquées au chevalier Micheroux, ne seraient jamais reconnues par S. M. l'Empereur, comme étant totalement contraires aux promesses du pre-

---

зовъ въ Италію. Еще недавно гражд. мин. ин. дѣлъ былъ уполномоченъ удостовѣрить, что эти статьи вновь приняты, и что онѣ будутъ исполнены. Между тѣмъ условія, вынужденныя у неаполитанскаго двора силою оружія, и столь же неожиданное, какъ и необыкновенное поведеніе относительно уполномоченнаго его в—ва сардинскаго короля, несмотря ни на обѣщаніе возстановить этого государя въ его владѣніяхъ, ни на формальное принятіе посредничества е. и. в—ва для окончательнаго мира между Франціей и Сардиніей, вызываютъ справедливое недовѣріе и могли бы даже заставить заподозрить искренность намѣреній французскаго правительства, еслибы оно само не поспѣшило, какъ надѣется нижеподписавшійся, отказаться отъ мѣръ, которыя могли быть ему внушены плохо оцѣненными обстоятельствами.—Нижеподписавшійся снова положительно увѣряетъ гражд. Талейрана, мин. ин. дѣлъ, что исполненіе 5-ти предложеній, сдѣланныхъ предварительно французскому правительству и принятыхъ имъ, есть единственное средство возстановить согласіе между обоими государствами. По особому повелѣнію своего двора онъ объявляетъ, что „ни фолиньское перемиріе, ни условія мира, предложенныя маркизу де-Галло и переданныя, за его отказомъ, генер. Мюрату для вынужденія у кавалера Мишеру, никогда не будутъ признаны е. и. в—вомъ, какъ совершенно противныя обѣщаніямъ 1-го консула“. Таково содержаніе при-

mier consul".—Telles est la teneur des ordres, qui viennent de parvenir au soussigné; il doit ajouter encore, que les intentions du premier consul, sa modération hautement annoncée, avaient fait espérer à toute l'Europe, que le moment d'une pacification générale n'était plus éloigné, qu'il était enfin possible de songer avec sécurité à l'avenir, que le système d'envahissement, suivi par le directoire, n'existait plus. Ces dispositions seules avaient engagé S. M. l'Empereur d'envoyer un plénipotentiaire à Paris pour rétablir ses relations d'amitié avec le gouvernement français.—Le soussigné espère, que le premier consul voudra bien peser dans sa sagesse, combien il y va de sa gloire de réaliser les espérances, que l'on avait conçues de lui pour la tranquillité de l'Europe et le rétablissement d'une paix générale. Il prie en conséquence le cit. Talleyrand de vouloir bien porter à sa connaissance le contenu de cette note.—Le soussigné prie en outre le cit. min. des rel. ext. de vouloir bien lui faire connaître au plutôt le parti, que le premier consul aura jugé à propos de prendre.

Paris. 140, 151. Подлинникъ. — Pétersbourg. Paris, 1801, 92. Списокъ.

казаній, полученныхъ нижеподписавшимся. Онъ долженъ еще прибавить, что намѣренія 1-го консула и его громко провозглашенная умѣренность подали всей Европѣ надежду, что уже недалека минута всеобщаго замиренія; что, наконецъ, возможно спокойно думать о будущемъ; что система захватовъ, которой слѣдовала директорія, не существуетъ болѣе. Единственно эти стремленія побудили е. и. в—во отправить въ Парижъ уполномоченнаго для возстановленія своихъ дружественныхъ отношеній съ французскимъ правительствомъ.—Нижеподписавшійся надѣется, что 1-ый консулъ взвѣситъ своимъ мудрымъ разумомъ, какъ велика будетъ его слава, если онъ осуществитъ надежды, которыя возлагали на него для возстановленія спокойствія и всеобщаго мира въ Европѣ. Поэтому онъ проситъ гражд. Талейрана не отказаться довести до свѣдѣнія 1-го консула содержаніе этой ноты.—Нижеподписавшійся проситъ, кромѣ того, гражд. мин. ин. дѣлъ не отказаться извѣстить его какъ можно скорѣе о томъ, на что рѣшится 1-ый консулъ.

№ 59.—Бонапартъ Императору Александру I.

Paris, 6 floréal an IX.

*) Monsieur de Kolitscheff nous a remis la lettre, par laquelle V. M. nous instruit de la mort de son auguste père et de son avènement au trône impérial de toutes les Russies.—Nous avons été vivement affectés de la perte inattendue, que V. M. vient de faire.—Nous n'avons éprouvé de véritable consolation, qu'en apprenant l'avènement de V. M. à l'empire.—Elle nous trouvera disposés à faire tout ce qui dépendra de nous pour lui être agréable.—Nous sommes disposés à signer tout d'abord un traité, qui établisse une paix définitive entre les deux états et si V. M. partage les idées de son auguste père sur la liberté et l'équilibre des mers, elle nous trouvera prêts à resserrer encore davantage les liens entre les deux états, de manière de réunir leurs efforts pour le repos et le bonheur de la génération présente.—Il nous tarde de voir se rétablir d'une manière régulière les relations des deux gouvernements.—Nous avons chargé le citoyen Duroc, notre premier aide de camp, de remettre cette lettre en mains propres à V. M. Il ne pourra jamais assez lui dire l'intérêt, que nous portons à la gloire du règne de V. M. et à la prospérité de ses peuples.—Nous prions V. M. d'ajouter foi à tout

---

Парижъ, 14/26 апрѣля 1801.

*) Г. Колычевъ передалъ намъ письмо, въ которомъ в. в—во извѣщаетъ насъ о смерти своего августѣйшаго отца и о своемъ восшествіи на императорскій престолъ всея Россіи.—Мы были глубоко тронуты неожиданной потерей, понесенной в. в—вомъ.—Мы почувствовали истинное облегченіе лишь тогда, когда узнали о восшествіи на императорскій престолъ в. в—ва.—Вы увидите, что мы готовы сдѣлать все, что будетъ отъ насъ зависѣть, чтобы быть вамъ пріятными.—Мы готовы, прежде всего, подписать договоръ, который возстановилъ бы окончательный миръ между обоими государствами, и если в. в—во раздѣляете мысли вашего августѣйшаго отца о свободѣ и равновѣсіи морей, то найдете насъ готовыми еще тѣснѣе скрѣпить узы между обоими государствами, чтобы соединить ихъ силы для достиженія спокойствія и счастія нынѣшняго поколѣнія.—Намъ хотѣлось бы поскорѣе возстановить правильныя отношенія между обоими правительствами.—Мы поручили гражд. Дюроку, нашему первому адъютанту, передать это письмо въ собственныя руки в. в—ву. Онъ никогда не будетъ въ состояніи вполнѣ выразить вамъ то участіе, какое мы принимаемъ въ славѣ царствованія в. в—ва и въ счастіи

ce que cet officier pourra lui dire de notre part et de rester persuadée des sentiments d'estime et de considération toute particulière, que nous avons pour elle.

Pétersbourg. Cabinet. 1801, 2. Подлинникъ.

№ 60.—Колычевъ двору.

Paris, 15/27 avril 1801.

*) ...Ce manque de ménagement et une conduite aussi hautaine faisant entrevoir le peu d'effet, que l'on doit attendre des promesses du premier consul, j'ai cru ne pouvoir mieux remplir les vues de V. M. I. et me conformer à ses ordres qu'en remettant ici une note au ministre Talleyrand, dans laquelle, prenant pour base inévitable de ma négociation les cinq articles proposés préalablement au gouvernement français et acceptés par lui, j'exige l'accomplissement de ses engagements.—J'ai cru devoir préférer cette marche à une simple communication, qui eut eu moins de force. Il était instant de tenir au ministère français le langage ferme et juste, qui convient au plénipotentiaire de V. M. I. et qui seul peut conduire au succès de la négociation. L'Europe entière est intéressée à arracher aux français la domination de l'Italie; d'après mes entretiens avec messieurs d'Azara, Cobenzl et Lucchesini, je ne

---

вашихъ народовъ.—Просимъ в. в—во довѣрять всему, что скажетъ вамъ этотъ чиновникъ отъ нашего имени и быть увѣренными въ чувствахъ уваженія и отмѣннаго почтенія, которое мы къ вамъ питаемъ.

Парижъ, 15/27 апрѣля 1801.

*) ..Этотъ недостатокъ снисходительности, а также надменное поведеніе показываютъ, какъ мало можно ожидать отъ обѣщаній 1-го консула; поэтому, чтобы лучше исполнить намѣренія в. и. в—ва и сообразоваться съ вашими приказаніями, я передалъ здѣсь ноту мин. Талейрану. Въ ней я поставилъ неизбѣжной основой моихъ переговоровъ 5 статей, предварительно предложенныхъ французскому правительству и принятыхъ имъ, и требую исполненія его обѣщаній. — Я думалъ, что надо предпочесть этотъ путь простому сообщенію, которое имѣло бы меньше значенія. Необходимо было обратиться къ французскому министру съ твердой и правдивой рѣчью, достойной уполномоченнаго в. и. в—ва, которая только и можетъ обезпечить успѣхъ переговоровъ. Вся Европа заинтересована въ томъ, чтобы отнять у французовъ господство въ Италіи. Изъ моихъ разговоровъ съ гг. д'Азарой, Кобенцлемъ и

doute pas, que leurs cours respectives ne désirent vivement de voir la république Cisalpine effacée du tableau politique; ils ne se déguisent pas, qu'elle ne sera que le foyer du jacobinisme, dangereux non-seulement à l'Italie, mais même à la France. Monsieur Melzi, grand d'Espagne, refuse depuis 3 mois la place de premier consul dans cette république et a dit à plusieurs reprises à Bonaparte tous ces inconvénients. Le sort de l'Italie pourrait être fixé avantageusement pour la tranquillité de l'Europe, si en laissant en Toscane le grand-duc actuel, on donnait au duc de Parme les pays déstinés à former la Cisalpine, sans les dédommagements, que l'on pourrait accorder au roi de Sardaigne pour la Savoie et le comté de Nice.—Un tel plan faciliterait à la foi l'arrangement des affaires d'Empire et préserverait la constitution germanique de grands changements. V. M. I. seul peut proposer un tel projet et engager les cours de Berlin et de Vienne à l'appuyer...

Pétersbourg. Paris, 1801, 89. Подлинникъ.

№ 61.—Замѣчанія къ проекту мирнаго договора.

Pétersbourg, 15/27 avril 1801.

*) Pourvu que la préambule ne renferme rien, qui déroge à la dignité de S. M. I, sa rédaction est assez indifférente, et si le ministre

---

Люкезини я убѣдился, что ихъ дворы горячо желаютъ вычеркнуть на политической картѣ Цисальпинскую республику; они не скрываютъ отъ себя, что это будетъ притонъ якобинства, опасный не только для Италіи, но и для самой Франціи. Г. Мельзи, испанскій грандъ, вотъ уже три мѣсяца отказывается отъ мѣста 1-го консула въ этой республикѣ и не разъ высказывалъ Бонапарту всѣ эти неудобства. Судьба Италіи могла бы выгодно устроиться для спокойствія Европы, еслибы, оставивъ въ Тосканѣ нынѣшняго великаго герцога, отдали герц. пармскому земли, изъ которыхъ хотѣли образовать Цисальпинію, за исключеніемъ вознагражденій, которыя можно было бы дать сардинскому королю за Савойю и графство Ниццу.—Такой планъ въ одно и то же время облегчилъ бы устройство дѣлъ Имперіи и предохранилъ бы нѣмецкую конституцію отъ большихъ перемѣнъ. Ваше и. в—во одни можете предложить такой проектъ и пригласить берлинскій и вѣнскій дворы поддержать его....

Петербургъ, 15/27 апрѣля 1801.

*) Лишь бы вступленіе не заключало въ себѣ ничего унизительнаго для достоинства е. и. в—ва, можно не стоять особенно за его редакцію, и

des rel. ext. propose quelques changements à celui-ci, m. de Kolitscheff est autorisé à y faire les modifications, qu'il jugera convenables. — *Ad article I.* L'omission du mot *correspondance*, qui est inutile, est le seul changement fait à cet article, mais rien n'empêche de le rétablir, si on insistait sur ce mot.—*Ad art. II.* On ne peut pas dire, *que les hostilités cesseront* quand la suspension d'armes existe déjà par le fait. Cette considération seule a motivée la nouvelle rédaction des premières lignes.—*Ad art. III.* Cet article ayant déjà été consenti, n'exige aucun commentaire d'autant plus, qu'il est à peu près conforme au projet de Talleyrand.—*Ad art. IV.* La cour de Versailles affichait autrefois la prétention de la préséance sur la nôtre. Avant d'adopter la partie de cet article relative au cérémonial, il faut que m. de Kolitscheff s'assure, que le gouvernement républiquain ne veut pas renouveller cette prétention absurde.—*Ad art. V.* Ce n'est point l'intention de S. M. I. de renouveller le traité de commerce avec la France, mais les mots soulignés peuvent servir utilement à nos négociations avec la cour de Londres, en lui inspirant la crainte de perdre les avantages de commerce avec la Russie.—*Ad art. VII.* Annoncer l'existence d'une convention, qui doit rester secrète, c'est donner l'éveil aux autres puissances et se préparer des entraves. S. M. I. préfèrerait par cette considération, que l'art. VII fût omis, à moins que le gouvernement français n'insiste sur son adop-

---

если министръ ин. дѣлъ предложитъ какія-нибудь перемѣны въ немъ, г. Колычевъ уполномоченъ сдѣлать въ немъ измѣненія, которыя онъ найдетъ нужными.—*Къ ст. I.* Пропускъ слова *переписка*, которое ненужно, это—единственная перемѣна въ этой статьѣ; но его можно и возстановить, еслибы на немъ настаивали.—*Къ ст. II.* Нельзя сказать, *что враждебныя дѣйствія прекратятся*, такъ какъ они на дѣлѣ уже прекратились. Только это соображеніе и вызвало новую редакцію первыхъ строчекъ.—*Къ ст. III.* Такъ какъ эта статья уже была принята, то она не требуетъ никакого комментарія, тѣмъ болѣе, что она почти согласна съ проектомъ Талейрана.—*Къ ст. IV.* Версальскій дворъ, бывало, выставлялъ передъ нашимъ свое право предсѣданія. Прежде чѣмъ принять часть этой статьи, относящуюся къ церемоніалу, г. Колычевъ долженъ удостовѣриться, не хочетъ ли республиканское правительство возобновить эту безсмысленную претензію.—*Къ ст. V.* Е. и. в—во не намѣренъ возобновлять торговаго договора съ Франціей, но подчеркнутыя слова могутъ быть полезны для нашихъ переговоровъ съ лондонскимъ дворомъ, возбуждая въ немъ опасенія потерять выгоды торговли съ Россіей.—*Къ ст VII.* Объявить о существованіи конвенціи, которая должна остаться тайною, это значитъ возбудить вниманіе другихъ державъ и приготовить себѣ препятствія. Е. и. в—во предпочелъ бы, въ силу этого соображенія, чтобы

tion, et alors m. de Kolitscheff prendra les ouvertures du ministère ad referendum sans procéder à la conclusion de l'acte.

Pétersbourg. Paris, 1801, 35 Черновая.

№ 62.—Рескриптъ Колычеву.

Pétersbourg, 16/28 avril 1801.

*) Un de mes premiers soins, en montant sur le trône de mes ancêtres, a été de prendre une connaissance exacte des relations de mon empire avec les puissances étrangères et des instructions, qui servaient à diriger la conduite de mes ministres auprès d'elles. En m'occupant de ce travail, je n'ai pu voir qu'avec un vif regret l'insuffisance des ordres, qui devaient servir à régler vos démarches auprès du gouvernement français et combien le ministère de feu l'empereur de glorieuse mémoire a peu secondé alors les vues bienfaisantes de mon auguste père, pour le rétablissement de la paix, les intérêts de la Russie et ceux de mes alliés. Quelque soit donc mon désir constant de maintenir tout ce qui est susceptible de l'être, des considérations du plus grands poids m'obligent de faire une exception à ce principe, à l'égard de l'instruction, dont vous avez été muni le 19 décembre de l'année dernière, en

---

ст. VII была пропущена, если только французское правительство не будетъ настаивать на ея принятіи: иначе г. Колычевъ приметъ предложенія министра ad referendum, отложивъ заключеніе договора.

Петербургъ, 16/28 апрѣля 1801.

*) Одною изъ моихъ первыхъ заботъ, когда я вступалъ на престолъ моихъ предковъ, было собрать точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ моего государства къ иностраннымъ державамъ и объ инструкціяхъ, которыми руководилось поведеніе моихъ министровъ при ихъ дворахъ. Занимаясь этимъ дѣломъ, я могъ только съ глубокимъ прискорбіемъ увидѣть недостаточность указаній, которыя должны были руководить вашими сношеніями съ французскимъ правительствомъ и какъ мало министерство покойнаго, блаженной памяти, императора содѣйствовало тогда благодѣтельнымъ видамъ моего августѣйшаго родителя возстановить миръ и обезпечить интересы Россіи и моихъ союзниковъ. Итакъ, каково бы ни было мое неизмѣнное желаніе сохранить все, насколько возможно, самыя вѣскія соображенія заставляютъ меня сдѣлать исключеніе изъ этого правила относительно инструкціи, которою вы были снабжены 19 декабря прошедшаго года; я предписываю вамъ не принимать

vous prescrivant de la considérer comme non avenue pour la suite de vos négociations, et de puiser dans la présente seule les règles de votre conduite.—Je ne peux au surplus qu'aprouver celle, que vous avez tenue à Paris dans vos négociations relativement à la paix, et qu'applaudir à la juste circonspection, avec laquelle vous avez prévenu et écarté le dessein de séparer la paix particulière avec la Russie de l'arrangement, qui doit servir de base à la pacification générale, et c'est avec plaisir, que je vous donne à cet égard le premier témoignage de ma satisfaction.—C'est sur ce dernier objet, que doit porter principalement mon attention, comme celui, auquel je suis le plus intéressé. Aujourd'hui que tout ce qui peut avoir rapport à Malte est écarté, nous n'avons plus, strictement parlant, d'objet direct ou qui nous soit personnel avec la France. Mais il m'importe infiniment, que les négociations ultérieures, qui en seront la suite, soient dirigées vers un principe stable, et que dans les réintégrations des princes dépossédés, comme dans les indemnisations à accorder à ceux qui sont lésés, une mesure sage et équitable soit observée de manière à établir un équilibre, qui garantisse respectivement et assure le repos de l'Europe. Tel a dû être et est effectivement le but essentiel du rapprochement avec la France. Désintéressé pour moi-même et animé du seul désir de coopérer au bien général, en accélérant l'œuvre salutaire de la pacification, mes vues ne peuvent être suspectes;

ея въ соображеніе при продолженіи вашихъ переговоровъ и почерпать только въ настоящей правила вашего поведенія.—Сверхъ того, я могу только одобрить ваше поведеніе въ Парижѣ во время вашихъ переговоровъ о мирѣ и похвалить справедливую осторожность, съ которою вы предупредили и устранили намѣреніе отдѣлить частный миръ съ Россіей отъ соглашенія, которое должно служить основаніемъ для всеобщаго умиротворенія; съ радостью даю вамъ по этому поводу первое доказательство того, что я вами доволенъ. — На этотъ послѣдній предметъ должно быть преимущественно направлено мое вниманіе, такъ какъ я наиболѣе имъ заинтересованъ. Теперь, когда устранено все. что имѣетъ отношеніе къ Мальтѣ, у насъ нѣтъ болѣе, строго говоря, прямаго или личнаго соприкосновенія съ Франціей. Но для меня чрезвычайно важно, чтобы дальнѣйшіе переговоры, которые будутъ слѣдствіемъ этого, были направлены къ прочному правилу и чтобы при возстановленіи низверженныхъ принцевъ, равно какъ и при вознагражденіи тѣхъ, которые потерпѣли убытки, были соблюдаемы мудрыя и справедливыя мѣры, дабы возстановить равновѣсіе, которое взаимно оградило бы ихъ и упрочило бы миръ въ Европѣ. Такова должна была быть и такова дѣйствительно главная цѣль сближенія съ Франціей. Такъ какъ я не преслѣдую никакихъ личныхъ интересовъ и одушевленъ единственнымъ желаніемъ содѣйствовать общему благу, ускоряя спа-

mais la dignité de l'empire commande, que le caractère en soit imprimé aux négociations, conduites sous mon entremise.—Le sort de l'Allemagne et ce qui sera réglé par rapport à l'Italie sont les deux objets les plus dignes de ma sollicitude.—L'altération du premier de ces corps politiques, par le démembrement de la rive gauche du Rhin, donne lieu à une infinité de demandes en indemnités, et il n'est point de moyen de les satisfaire, qu'en adoptant le principe déjà consenti des sécularisations; mais dans le nombre des prétentions, qui s'élèvent de toute part, celles des deux puissances prépondérantes dans l'Empire méritent avant tout la plus grande considération et demandent un examen et une discussion également approfondis.—Si d'un côté l'Autriche, poursuivant l'indemnité à accorder au grand-duc de Toscane, se montre immodérée dans ses demandes, et que réunissant dans sa maison des domaines aussi considérables que ceux, qui semblent réservés à ce prince, elle porte encore les vues de son ancienne convoitise sur des démembrements de la Bavière, on sent que ce serait accroître sa prépondérance et détruire l'équilibre entre elle et la Prusse, si nécessaire pour le salut du reste de l'Allemagne. La France doit être particulièrement intéressée à l'empêcher, et nous ne pouvons que partager cet intérêt. La Russie se trouve replacée avec elle à cet égard au point de notre commune médiation à Teschen, et les mêmes motifs, qui l'ont déterminée alors, ne peuvent avoir

---

сительное дѣло умиротворенія, то мои взгляды не могутъ быть заподозрѣны; но достоинство имперіи требуетъ, чтобы оно отражалось въ переговорахъ, которые ведутся при моемъ посредничествѣ.—Участь Германіи и то, что будетъ установлено относительно Италіи — вотъ два главные предмета моихъ заботъ. — Измѣненіе перваго изъ этихъ политическихъ тѣлъ раздробленіемъ лѣваго берега Рейна ведетъ къ безконечнымъ просьбамъ о вознагражденіи, и нѣтъ возможности удовлетворять ихъ иначе, какъ принявъ уже признанное начало секуляризацій. Но изъ числа требованій, подымающихся со всѣхъ сторонъ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ прежде всего требованія двухъ главныхъ государствъ Имперіи; ихъ нужно разсмотрѣть и обсудить основательно.—Если, съ одной стороны, Австрія, основываясь на вознагражденіи, слѣдуемомъ великому герцогу тосканскому, будетъ выказывать неумѣренность въ своихъ требованіяхъ и если, соединяя въ рукахъ своего дома владѣнія, столь же обширныя, какъ и тѣ, которыя, повидимому, предназначены для этого принца, она возобновитъ свои старыя желанія насчетъ расчлененія Баваріи, то ясно, что это значило бы усилить ея господство и разрушить равновѣсіе между нею и Пруссіей, столь необходимое для остальной Германіи. Франція должна быть особенно заинтересована въ томъ, чтобы не допустить этого, и мы можемъ лишь раздѣлять этотъ интересъ. Въ этомъ

rien perdu de leur validité, ni de leur importance. Des traités plus récents m'imposent l'obligation de maintenir l'intégrité de la Bavière. Sous ce rapport mes intérêts coïncident encore avec ceux de la France, à laquelle il ne saurait être indifférent qu'une puissance sécondaire en Allemagne puisse tempérer les vues ambitieuses de l'Autriche ou de la Prusse, suivant qu'il pourrrait être nécessaire de faire pencher la balance, en la faisant déclarer pour l'une ou l'autre de ses monarchies. Il est donc aussi juste que convenable non seulement que la maison électorale de Bavière soit maintenue dans ses possessions actuelles, mais encore qu'elle puisse obtenir par les sécularisations des indémnités proportionnées à ses pertes, et cet objet est particulièrement recommandé à vos soins.—La Prusse annonce d'un autre côté des demandes, qui, dictées par la jalousie contre l'Autriche, n'ont aucun caractère de modération. En vain les colore-t-elle du prétexte de pouvoir s'opposer efficacement à l'ambition de cette puissance; elles sont trop exagérées pour pouvoir être admissibles. En échange du chétif territoire du duché de Clèves et de Moeurs, elle demande cinq évéchés et huit villes libres impériales avec leur territoire, dont l'un équivaut en population, en revenus et en force relative à tout ce que la Prusse a perdu sur la rive gauche du Rhin. J'ai ordonné, que le tableau comparatif, qui a été dressé par

---

отношеніи Россія стала съ нею въ положеніе нашего общаго посредничества въ Тешенѣ, и тѣ мотивы, которые вызвали его тогда, не могли потерять ни своей законности, ни важности. Договоры, болѣе недавніе, налагають на меня обязательство соблюдать неприкосновенность Баваріи. Въ этомъ отношеніи мои интересы тоже сходятся съ интересами Франціи, для которой весьма важно, чтобы второстепенная держава въ Германіи могла сдерживать честолюбивые замыслы Австріи или Пруссіи, смотря по тому, куда нужно наклонить вѣсы, заставивъ ее поддерживать ту или другую монархію. Слѣдовательно, одинаково справедливо и прилично не только, чтобы домъ баварскаго курфюрста сохранилъ свои настоящія владѣнія, но чтобы, кромѣ того, онъ могъ получить, посредствомъ секуляризацій, вознагражденія, соотвѣтствующія его потерямъ, и этотъ предметъ особенно поручается вашимъ заботамъ.—Съ другой стороны, Пруссія заявляетъ требованія, которыя продиктованы завистью къ Австріи и нисколько не отличаются скромностью. Напрасно она выдвигаетъ предлогъ, будто можетъ дѣйствительно воспротивиться честолюбію этой державы: ея требованія слишкомъ преувеличены и потому не могутъ быть приняты. Въ обмѣнъ за ничтожныя земли герцогства Клеве и Мёрсъ, она проситъ пять епископствъ и 8 вольныхъ имперскихъ городовъ съ ихъ владѣніями, изъ которыхъ одно, по населенію, доходамъ и по относительной силѣ, равняется всему, что Пруссія потеряла на лѣвомъ берегу Рейна. Я приказалъ, чтобы

mon ministère, des ses pertes et de ses demandes, telles qu'elles m'ont été communiquées, fût annexé ici pour votre information. Les motifs, qui s'opposent aux vues ambitieuses de l'Autriche, sont également applicables à celles de la Prusse et c'est à contenir et à régler cette lutte de cupidité, que doit servir le plus efficacement notre concert avec la France. Il est essentiel de connaître la mesure du concours, que le premier consul prêtera à ce plan salutaire; vous ne pouvez mettre trop de soins et de vigilence à le pénétrer, pour que ma médiation ne soit pas compromise, étant bien résolu de ne l'accorder qu'aux arrangements, qui porteront l'empreinte de l'impartialité et de la justice. Si l'inquiétude du consul, en égard aux prétentions de la Prusse, est réelle et l'ouverture, qu'il vous en a faite, sincère, je ne vois pas ce qui peut l'empêcher de convenir dès à présent, avec moi, du principe des indémnités et de faire entrer cet objet dans la convention à conclure. Si les motifs de confiance, qui ont amené mon rapprochement avec ce premier magistrat, sont aussi fondés que je l'espère, s'il est dans la conviction, que le concours de la Russie peut non-seulement être d'une utilité inappréciable, mais encore d'une nécessité absolue pour asseoir sur un fondement solide l'œuvre de la pacification, il n'est qu'une manière de répondre à mon attente, celle de nous communiquer sans reserve le plan général, que ce gouvernement a adopté pour les indemnités; il en ré-

---

составленная моимъ министерствомъ сравнительная таблица ея потерь и требованій въ томъ видѣ, какъ они были мнѣ сообщены, была присоединена при этомъ для вашего свѣдѣнія. Побужденія, которыя заставляютъ противиться честолюбивымъ замысламъ Австріи, одинаково примѣнимы къ Пруссіи, и нашъ союзъ съ Франціей долженъ служить самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы сдерживать и направлять эту алчную борьбу. Важно знать, въ какой мѣрѣ первый консулъ будетъ содѣйствовать этому спасительному плану; вы должны употребить какъ можно больше заботъ и бдительности, чтобы разузнать это, дабы мое посредничество не было скомпрометировано; я же твердо рѣшился даровать его лишь въ такомъ случаѣ, когда соглашеніе будетъ носить печать безпристрастія и справедливости. Если безпокойство консула относительно притязаній Пруссіи дѣйствительно серьезно, и признаніе, которое онъ вамъ сдѣлалъ на этотъ счетъ, искренно, я не вижу, что можетъ помѣшать ему теперь же условиться со мною о принципѣ вознагражденій и внести этотъ предметъ въ конвенцію, которую мы имѣемъ заключить. Если причины моего довѣрія, вызвавшія мое сближеніе съ этимъ первымъ сановникомъ, вполнѣ основательны, какъ я надѣюсь, если онъ убѣжденъ, что содѣйствіе Россіи можетъ быть не только неоцѣненно, но и положительно необходимо, чтобы утвердить миръ на прочномъ основаніи, то есть только одинъ

sultera un concert plus étroit, qui doit conduire au but d'utilité, que je me suis proposé. Vous ne sauriez trop insister sur cette demande, et la manière, dont elle sera accueillie, nous servira de règle pour apprécier les vues du gouv. français. Il ne vous sera point difficile au reste de trouver des arguments propres à démontrer l'utilité d'une semblable ouverture tels que la facilité, qu'elle donnera pour influencer la pacification avec plus de succès, pour prévenir la Prusse dans les usurpations, qu'elle médite, pour que mon ministère, et celui de la république puissent tenir un langage uniforme aux différentes cours, lorsqu'on adressera à l'un ou à l'autre des demandes d'indemnités, et qu'on ne perde pas un temps précieux à se concerter sur chaque nouvel incident etc. etc.—Par tout ce que je viens de vous annoncer de mes intentions à l'égard de l'Allemagne, vous avez déjà compris que l'*ultimatum*, que vous avez précédemment reçu, ne peut avoir de suite, ni d'effet. J'en ai trouvé les dispositions inadmissibles, si ce n'est celles, qui ont rapport aux indémnités à accorder à la maison ducale de Wurtemberg, que je ne détermine point, comme elles l'avaient été dans cette pièce, mais qu'il me tient également à cœur de lui voir obtenir. Si cependant vous aviez déjà fait quelque usage de ce qui vous est préscrit par cette pièce, et que vous soyez par là obligé à retractation, il vous est recommandé de le faire dans les termes les plus décents et de manière à ne pas

---

способъ отвѣчать на мое ожиданіе, именно—сообщить намъ безъ утайки общій планъ, который это правительство приняло относительно вознагражденій. Это поведетъ къ болѣе тѣсному соглашенію, которое должно содѣйствовать достиженію полезной цѣли, которую я себѣ предначерталъ. Вы должны какъ можно болѣе настаивать на этомъ требованіи, и, смотря по тому, какъ оно будетъ принято, мы будемъ судить о намѣреніяхъ фр—го правительства. Впрочемъ, вамъ не трудно будетъ найти доводы для доказательства пользы подобнаго откровеннаго сообщенія; напр., легче будетъ болѣе успѣшно вліять на умиротвореніе, предупредить замышляемые Пруссіей захваты; мое министерство и министерство республики будутъ въ состояніи держать одинаковыя рѣчи съ различными дворами, когда къ тому или другому обратятся съ требованіями о вознагражденіи; и не пропадетъ драгоцѣннаго времени на соглашенія относительно каждаго отдѣльнаго случая и т. д., и т. д.—Изъ всего, что я только-что сообщилъ вамъ о моихъ намѣреніяхъ касательно Германіи, вы уже поняли, что *ультиматумъ*, который вы раньше получили, не можетъ имѣть ни послѣдствій, ни значенія. Я нашелъ, что высказанные въ немъ взгляды невозможны, развѣ только тѣ, которые относятся къ вознагражденію дома герцога вюртембергскаго: хотя я опредѣляю его не такъ, какъ сказано въ этой бумагѣ, тѣмъ не менѣе желаю, чтобы онъ его получилъ.

compromettre la mémoire de feu l'empereur, mon auguste père.—Quant à l'Italie deux objets y fixent principalement mon attention: la sûreté du royaume de Naples et la réintégration de la maison de Savoie dans ses possessions en Italie.—L'intégrité des états de S. M. Sicilienne avait été une des conditions du rapprochement avec la France, et elle avait été acceptée. Je ne puis qu'être étonné de la conduite du gouv. français à cet égard, puisqu'en nous déclarant, que la paix avec cette puissance se négocie en Italie, il ne cesse d'inquiéter le roi des Deux-Siciles pour extorquer le consentement de ce monarque aux demandes les plus extraordinaires, entre autres celle du séjour des troupes françaises dans ses états. Outre les sentiments d'intérêt et d'amitié, qui m'attachent à S. M. Sicilienne, j'ai encore à remplir les obligations, qui résultent des traités récents, qui contiennent l'engagement de maintenir l'intégrité de ses royaumes. Si cette intégrité fut une des conditions du rapprochement avec la France, elle doit être aussi celle expresse et *sine qua non* de mon accommodement avec la république. Je tiens trop religieusement aux obligations, dont je reconnais la justice et la validité, pour pouvoir consentir à me relâcher sur ce point, et si la paix, qu'on nous annonce se traiter en Italie, n'est pas encore conclue, il sera à propos d'exiger, que les négociations en soient transférées à Paris, afin qu'elles soient suivies plus immédiatement sous l'influence de notre mé-

---

Впрочемъ, если вы уже примѣнили что-нибудь изъ того, что вамъ предписано этой бумагой, и если вы будете принуждены отступить, то постарайтесь сдѣлать это какъ можно приличнѣе, чтобы не скомпрометировать памяти покойнаго императора, моего августѣйшаго родителя.—Что касается Италіи, два предмета въ особенности останавливаютъ мое вниманіе: безопасность Неаполитанскаго королевства и возстановленіе савойскаго дома въ его владѣніяхъ въ Италіи. — Неприкосновенность владѣній его сицилійскаго в—ва была однимъ изъ условій сближенія съ Франціей, и она была принята. Меня изумляетъ поведеніе ф—го правительства въ этомъ случаѣ; потому что, объявляя намъ, что переговоры о мирѣ съ этой державой ведутся въ Италіи, оно не перестаетъ тревожить короля Обѣихъ Сицилій, чтобы вынудить согласіе этого монарха на самыя необыкновенныя требованія, между прочимъ, на пребываніе французскихъ войскъ въ его владѣніяхъ. Помимо сочувствія и дружбы, которыя связываютъ меня съ его сицилійскимъ в—вомъ, я долженъ еще выполнить обязательства, вытекающія изъ новыхъ договоровъ, въ силу которыхъ должна быть сохранена неприкосновенность его королевствъ. Если эта неприкосновенность была однимъ изъ условій сближенія съ Франціей, она должна быть и теперь непремѣннымъ условіемъ и *sine qua non* моего соглашенія съ республикой. Я слишкомъ свято соблюдаю обязательства, которыя считаю

diation, que le premier consul ne peut écarter sans contredire l'engagement formel, inséré dans la note du 27 ventôse du ministre des rel. ext.—Une des conditions du rapprochement était aussi la réintégration du roi de Sardaigne dans ses états du Piémont. Le sacrifice, qu'il avait dû faire de la Savoie et du comté de Nice, était déjà bien assez pénible; mais les mesures, qu'on voit prendre aux français dans les états de S. M. Sarde en Italie, n'annoncent rien moins qu'une disposition de leur part de remplir à cet égard leurs engagements avec feu l'empereur de glorieuse mémoire. J'ai vu par les différentes pièces jointes à votre rapport, que, sans articuler même le mot de restitution, on assujetit aujourd'hui l'arrangement indéfini, qu'on offre au roi de Sardaigne, à l'accomplissement de conditions, qu'il est impossible à ce prince d'accorder, qui compromettraient le reste d'existence que lui offre encore l'île de Sardaigne, lorsqu'il n'a aucune certitude de recouvrer ce qu'on avait promis tant de fois de lui rendre.—Un objet non moins important et auquel j'ai un intérêt plus direct encore qu'aux précédents, c'est la situation de la Porte Ottomane vis-à-vis de la France. L'occupation de l'Egypte par les français, l'obstination qu'ils manifestent de vouloir se maintenir dans cette conquête me fait entrevoir dans cette mesure une source inépuisable de difficultés et de contestations, qui par leurs rapports et leur influence ne laissent pas la Russie hors de leurs at-

---

справедливыми и законными, чтобы согласиться отступиться отъ нихъ. И если миръ, о которомъ, какъ насъ извѣщаютъ, ведутся переговоры въ Италіи, еще не заключенъ, то прилично будетъ потребовать, чтобы переговоры о немъ были перенесены въ Парижъ; тогда они будутъ вестись подъ болѣе прямымъ вліяніемъ нашего посредничества, котораго первый консулъ не можетъ устранить, не противорѣча формальному обязательству, высказанному въ нотѣ министра ин. дѣлъ отъ 27 вантоза.—Однимъ изъ условій сближенія было также возстановленіе сардин. короля въ его Пьемонтскихъ владѣніяхъ. Вынужденное пожертвованіе Савойей и графствомъ Ниццей уже было и безъ того довольно тяжело; но мѣры, которыя принимаютъ французы на глазахъ у всѣхъ во владѣніяхъ его сардинскаго в—ва въ Италіи, обнаруживаютъ менѣе всего желаніе съ ихъ стороны выполнить въ этомъ отношеніи обязательства, данныя ими покойному императору блаженной памяти. Я видѣлъ изъ разныхъ бумагъ, присоединенныхъ къ вашему донесенію, что, даже не упоминая ни единымъ словомъ о возстановленіи, теперь выдвигаютъ какую-то неопредѣленную сдѣлку, которую предлагаютъ сардинскому королю, требуя исполненія условій, которыя этотъ государь не можетъ принять, такъ какъ они подорвали бы окончательно благосостояніе, которое еще предоставляетъ ему островъ Сардинія,—теперь, когда у него нѣтъ никакой увѣренности возвра-

teintes. Un semblable voisinage ne peut être que très inquiétant pour l'empire Ottoman. Aujourd'hui nous sommes allié avec lui. Il fallait sans doute des circonstances aussi extraordinaires que celles, qui ont eu lieu depuis la révolution française, pour produire une aussi singulière combinaison; mais je n'en suis pas moins obligé de remplir à son égard les engagements, que j'ai contractés, et le service le plus essentiel, que la Porte puisse obtenir de moi, c'est de devoir à ma sollicitude et à mes bons offices l'évacuation de l'Egypte. Je vois par tout ce qui accompagne vos rapports, que le premier consul tient fortement à cette possession, qu'il se plait à envisager, comme son ouvrage, et il serait fâcheux, que cette prédilection dût arrêter l'effet de vos instances. Lorsque vous aurez épuisé tous les moyens capables de le déterminer à cet acte de justice, il ne nous restera plus que celui d'offrir ma médiation en faveur de la Porte Ottomane, et je me plais à croire que celui-ci rencontrera moins de difficultés; alors le sort de l'Egypte resterait indécis en ajournant la discussion jusqu'à la pacification de la France avec la Porte Ottomane.—Les termes, où j'en suis avec les puissances du Nord par rapport au système de la neutralité armée et les engagements, qui ont été contractés à cet égard, sont des objets d'une trop grande importance, pour que le gouv. français ne soit pas très attentif à en suivre

---

тить то, что столько разъ обѣщали ему отдать.—Предметъ, не менѣе важный и который интересуетъ меня еще болѣе предыдущаго — это положеніе Оттоманской Порты относительно Франціи. Занятіе Египта французами и упорство, съ которымъ они хотятъ сохранить это завоеваніе, заставляютъ меня предвидѣть въ этой мѣрѣ неисчерпаемый источникъ затрудненій и споровъ, которые, по своимъ отношеніямъ и своему вліянію, не могутъ не задѣть Россію. Подобное сосѣдство не можетъ не быть очень безпокойно для Оттоманской имперіи. Теперь мы съ нею въ союзѣ. Конечно, нужны были такія необыкновенныя обстоятельства, какъ тѣ, которыя произошли послѣ французской революціи, чтобы вызвать столь странную комбинацію, но тѣмъ не менѣе я обязанъ исполнять относительно нея принятыя на себя обязательства; а главная услуга, которую Порта можетъ ожидать отъ меня, это моя забота и мое стараніе объ очищеніи Египта. Изъ всего, что сопровождаетъ ваши донесенія, я вижу, что первый консулъ сильно дорожитъ этимъ пріобрѣтеніемъ, которое онъ считаетъ дѣломъ своихъ рукъ, и досадно было бы, еслибы это пристрастіе остановило дѣйствіе вашихъ настояній. Когда вы испробуете всѣ средства, способныя заставить его рѣшиться на это справедливое дѣло, намъ останется только одно — предложить мое посредничество въ пользу Порты Оттоманской; и я надѣюсь, что это средство встрѣтитъ менѣе затрудненій. Тогда участь Египта осталась бы нерѣшенною, такъ какъ обсужденіе ея

les combinaisons et à en désirer la consolidation. Il croirait peut-être me donner une preuve de déférence, en m'offrant d'accéder à cet arrangement et se reserverait de s'en prévaloir à la première occasion pour obtenir le relâchement de quelques unes des mes conditions dans le cours des conférences. C'est pourquoi j'ai jugé convenable de vous prescrire à cet égard le silence le plus absolu et de ne provoquer en aucune manière, que cette question pût être agitée. Si elle l'était de leur part, vous pourrez, sans accueillir, ni sans rejeter précisément cette proposition, vous ménager les moyens de traîner en longueur, sans jamais donner à cet égard de réponse, ni de solution positive.—Pour que vos négociations prennent cependant une marche régulière et déterminée, j'ai chargé mon ministère de rédiger un contre-projet de traité à conclure avec le gouv. français d'après les principes, qui sont exposés ici, et ce que je vous ai manifesté de mes intentions; et pour ne rien laisser à désirer sur l'esprit et les sens des stipulations, que renferme ce projet, chaque article sera accompagné d'un commentaire, qui vous fera connaître plus particulièrement le développement de mes vues. —Trouvant ainsi dans ce rescrit et dans le projet de traité, qui y est annexé, l'ensemble des règles de conduite, qui doivent diriger vos pas, vous arriverez plus sûrement au but, que je me propose, si ce n'est pas celui de ménager

---

отложено было бы до примиренія Франціи съ Портой Оттоманской.—Мои отношенія къ сѣвернымъ державамъ, связанныя съ системой вооруженнаго нейтралитета, и обязательства, которыя я на себя принялъ по этому поводу, суть предметы слишкомъ важные, чтобы фр—кое правительство не слѣдило съ полнымъ вниманіемъ за ихъ послѣдствіями и не желало ихъ утвержденія. Оно подумаетъ, пожалуй, что докажетъ мнѣ свою уступчивость, предложивъ мнѣ примкнуть къ этой сдѣлкѣ, и при первомъ случаѣ поставитъ это себѣ въ заслугу, чтобы потребовать отъ меня уступки относительно нѣкоторыхъ изъ моихъ условій въ теченіе переговоровъ. Вотъ почему я счелъ за лучшее предписать вамъ по этому поводу полнѣйшее молчаніе и избѣгать всего, что могло бы возбудить этотъ вопросъ. Еслибы они сами подняли его, вы можете, не принимая и не отвергая прямо этого предложенія, тянуть дѣло, никогда не давая по этому поводу положительнаго отвѣта или рѣшенія.—Но, чтобы ваши переговоры шли правильно и опредѣленно, я поручилъ моему министерству составить контръ-проектъ договора съ французскимъ правительствомъ на основаніи высказанныхъ здѣсь началъ и моихъ намѣреній, которыя я вамъ сообщилъ. И чтобы ничего не упустить изъ духа и смысла условій, которыя заключаются въ этомъ проектѣ, каждая статья будетъ сопровождаться примѣчаніями, изъ которыхъ вы точнѣе увидите развитіе моихъ взглядовъ.—Такимъ образомъ, находя въ этомъ рескриптѣ и въ проектѣ при-

tous les intérêts de mes alliés, celui au moins d'obtenir à ma médiation le dégré de dignité et de considération, que je voudrais lui assurer pour le présent et pour l'avenir; de marquer mon vif intérêt pour le repos et la tranquillité de l'Europe (objet, qui sera et doit être toujours le principal); de donner dès le commencement de mon règne des preuves de mon amour pour la justice et l'exemple de la religieuse observation des traités.—Il ne sera pas sans utilité que pour amener le gouv. français à accueillir les propositions, que vous êtes chargé de lui faire, vous tiriez quelque avantage des dispositions, que je manifeste de vouloir suivre à son égard le système adopté par feu l'empereur, mon auguste père, sous le rapport du rapprochement effectué avec cette puissance. Il pouvait ne pas l'espérer et il ne peut se dissimuler, que ce ne soit pour lui un grand objet de sécurité. — Le sieur de le Coq, colonel au service de Prusse, a été dépêché par sa cour auprès de feu l'empereur de glorieuse mémoire pour obtenir son assentiment à l'occupation de la Franconie et aux indemnités exorbitantes, que le roi réclame. Cet officier est arrivé ici après mon avènement au trône, et il s'est empressé de remettre à mon ministère les notes, dont les copies se trouvent ci-annexées. Désirant de connaître les vues du premier consul sur l'objet de la mission du sieur le Coq, j'ai suspendu toute résolution dé-

---

соединеннаго къ нему договора совокупность правилъ, которыя должны руководить вашимъ поведеніемъ, вы вѣрнѣе достигнете цѣли, которую я себѣ предначерталъ: а эта цѣль—если не вполнѣ соблюсти всѣ выгоды моихъ союзниковъ, то по крайней мѣрѣ доставить моему посредничеству ту степень достоинства и значенія, которую я желалъ бы упрочить за нимъ въ настоящемъ и будущемъ, а также выразить мое живѣйшее участіе къ миру и спокойствію Европы (этотъ предметъ будетъ и всегда долженъ быть главнымъ) и представить съ начала моего царствованія доказательства моей любви къ справедливости и примѣръ святого соблюденія договоровъ. — Не безполезно будетъ, если вы, для того, чтобы заставить фр—кое правительство принять предложенія, которыя вамъ поручено ему сдѣлать, извлечете нѣкоторыя выгоды изъ обнаруживаемаго мною намѣренія слѣдовать политикѣ покойнаго императора, моего августѣйшаго родителя, относительно сближенія съ этою державою. Она могла не ожидать этого и не можетъ не сознавать, что это чрезвычайно важно для ея безопасности.—Господинъ ле-Кокъ, полковникъ прусской службы, былъ отправленъ своимъ дворомъ къ покойному императору блаженной памяти, чтобы получить его согласіе на занятіе Франконіи и на непомѣрныя вознагражденія, которыя требуетъ король. Этотъ офицеръ пріѣхалъ сюда послѣ моего восшествія на престолъ и поспѣшилъ передать моему министерству бумаги, копіи съ которыхъ приложены здѣсь Желая

finitive et diffère ma réponse jusqu'à la réception de vos derniers rapports. Maintenant mon ministère va remettre à l'envoyé prussien un office conforme à celui, qui a été adressé à m. de Lucchesini; c'est à dire en termes honnêtes, quoique évasifs et dilatoires, et on y exprimera péremptoirement l'intention de ne déterminer les indemnisations de la Prusse que de concert avec le gouv. français et sur un plan général pour l'Allemagne, qui embrasse les intérêts et concilie les demandes de toutes les parties lésées. —Vous ne manquerez pas de faire valoir cette détermination de ma part auprès du consul, autant comme une preuve de la loyauté des mes vues que comme un témoignage de confiance fondée sur l'espoir d'un juste retour et sur la communauté d'intérêts à l'égard de la Prusse. Les mêmes motifs doivent encore ajouter le sceau de la conviction aux arguments, par lesquels vous chercherez à obtenir dans le plus court délai la communication du plan général d'indemnités, et j'aime à croire qu'une arme aussi puissante ne restera pas sans utilité entre vos mains. Les pièces remises ici par le colonel de le Coq ne doivent pas cependant être produites au gouv. français par ménagement pour le cabinet de Potsdam, et elles ne vous sont transmises que pour compléter les lumières, qui doivent éclairer votre marche ultérieure. —J'ai pris en considération la demande, que vous avez faite de pouvoir

---

знать взгляды перваго консула на предметъ порученія господина ле-Кока, я пріостановилъ всякое окончательное рѣшеніе и отложилъ мой отвѣтъ до полученія вашихъ послѣднихъ донесеній. Теперь мое министерство вручитъ посланному Пруссіи ноту, подобную той, которая была послана господину Люкезини, т.-е. въ вѣжливыхъ, хотя и уклончивыхъ и отдаленныхъ выраженіяхъ, въ ней будетъ рѣшительно выражено намѣреніе опредѣлить вознагражденія Пруссіи лишь по соглашенію съ французскимъ правительствомъ и по общему плану для Германіи, который обнимаетъ интересы и соглашаетъ требованія всѣхъ пострадавшихъ сторонъ.—Вы не преминете выставить это рѣшеніе съ моей стороны передъ консуломъ, во-первыхъ, какъ доказательство честности моихъ намѣреній, во-вторыхъ, какъ доказательство довѣрія, основаннаго на увѣренности въ возстановленіи справедливости и на общности интересовъ относительно Пруссіи. Тѣ же мотивы должны придать печать убѣжденія доводамъ, посредствомъ которыхъ вы постараетесь добиться какъ можно скорѣе сообщенія общаго плана вознагражденій, и я льщу себя надеждой, что столь сильное оружіе не останется безъ пользы въ вашихъ рукахъ. Впрочемъ, бумагъ, врученныхъ здѣсь полковникомъ ле-Кокомъ, не должно сообщать фр—кому правительству, чтобы не оскорблять потсдамскій кабинетъ, и онѣ переданы вамъ лишь для того, чтобы дополнить совѣты, которые должны руководить вашимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ.—Я принялъ

quitter Paris, et j'y déférerai dès que j'aurai pu vous désigner un successeur. Je n'en compte pas moins sur l'activité de votre zèle jusqu'au moment, que ce remplacement pourra avoir lieu. Votre dévouement au bien de l'état m'assure au reste, que vous vous empresserez à saisir cette occasion d'acquérir de nouveaux titres à mon estime.

Pétersbourg. Paris, 1801, 35. Подлинникъ.

№ 63.—Рескриптъ Колычеву.

Pétersbourg, 16/28 avril 1801.

*) J'ai cru de l'utilité de mon service d'ajouter aux instructions, que vous recevrez aujourd'hui et qui doivent vous servir de guide pour le fond des objets, qui vous sont confiés, quelques nouvelles directions sur la manière de traiter avec le gouv. français. Il est sans doute de la prudence de se tenir en garde contre les piéges, dans lesquels il pourrait chercher à vous entraîner; mais ce serait perdre tout le fruit de cette précaution, que d'en laisser pénétrer le motif. C'est au contraire sous les dehors de la confiance et avec quelque recherche dans les égards, que vous lui marquerez, que vous pourrez plus facilement arriver au but que je désire, celui d'assurer l'efficacité de vos négociations, et je regarderai, comme une nouvelle preuve de votre zèle et de

---

къ свѣдѣнію вашу просьбу о позволеніи выѣхать изъ Парижа и исполню ее, какъ только мнѣ удастся назначить вамъ преемника. Тѣмъ не менѣе, я разсчитываю на ваше неослабное усердіе до той минуты, когда состоится эта замѣна. Впрочемъ, ваша преданность благу государства ручается мнѣ за то, что вы постараетесь воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти новое право на мое уваженіе.

Петербургъ, 16/28 апрѣля 1801.

*) Я счелъ полезнымъ для себя прибавить къ инструкціямъ, которыя вы получите сегодня и которыми вы должны руководиться въ основѣ порученныхъ вамъ вопросовъ, нѣсколько новыхъ совѣтовъ насчетъ переговоровъ съ фр—кимъ правительствомъ. Конечно, нужно быть осторожнымъ и остерегаться сѣтей, въ которыя оно можетъ пытаться васъ завлечь; но значило бы потерять всѣ плоды этой предосторожности, если дать проникнуть ея мотивы. Напротивъ, подъ видомъ довѣрія и при нѣсколько изысканной вѣжливости, которую вы будете ему оказывать, вы легче достигнете цѣли, къ которой я стремлюсь, именно, добьетесь прочныхъ результатовъ вашихъ переговоровъ.

votre dévouement, que vous ne vous écartiez pas dans les différents rapports, que vous aurez, soit avec le premier consul, soit avec le ministère, de ce mode d'obligeance, qui, loin de nuire à l'essentiel des affaires, assure au contraire leur succès.

Pétersbourg. Paris, 1801, 36. Черновая.

№ 64.—Нота Талейрана.

Paris, 8 floréal an IX.

*) Le soussigné, après avoir lu avec la plus grande attention la note remise hier par m. le chevalier de Kolitscheff, l'a trouvée écrite dans un style aussi extraordinaire que de tout point inconvenable envers le gouvernement français. Il lui a donc été impossible de la mettre sous les yeux du premier consul sans s'exposer à manquer lui-même aux profonds égards, qu'il doit au chef du gouvernement. Le soussigné prie m. de Kolitscheff de n'oublier en aucune circonstance, que le min. des rel. ext. ne peut porter à la connaissance du premier consul aucune note, dont la rédaction s'écarterait des formes convenues entre les puissances européennes, et que le gouvernement français est résolu à s'attacher plus que jamais à l'observation rigoureuse de ces formes, qui

---

И я буду видѣть новое доказательство вашего усердія и вашей преданности въ томъ, что въ различныхъ сношеніяхъ, съ первымъ ли консуломъ или съ министромъ, вы не будете уклоняться отъ этого рода услужливости, которая не только не вредитъ сущности дѣла, но, напротивъ, упрочиваетъ его успѣхъ.

Парижъ, 16/28 апрѣля 1801.

*) Нижеподписавшійся, прочитавъ съ величайшимъ вниманіемъ ноту, полученную вчера отъ г. кавалера Колычева, нашелъ, что она написана слогомъ столь же необыкновеннымъ, какъ и неприличнымъ со всѣхъ точекъ зрѣнія относительно французскаго правительства. Поэтому, онъ не могъ представить ее 1-му консулу, не рискуя самъ нарушить то глубокое почтеніе, которое онъ долженъ питать къ главѣ правительства. Нижеподписавшійся проситъ г. Колычева ни при какихъ обстоятельствахъ не забывать, что мин. ин. дѣлъ не можетъ доводить до свѣдѣнія 1-го консула никакой ноты, редакція которой будетъ уклоняться отъ формъ, условленныхъ между европейскими державами, и что французское правительство рѣшилось тверже, чѣмъ когда бы

sont la garantie de l'indépendance réciproque et de la dignité des états souverains.

Paris. 140, 153. Черновая.

№ 65.—Графъ Панинъ Колычеву.

Pétersbourg, 17/29 avril 1801. Secrète.

*) V. exc. verra par les ordres, que l'empereur lui adresse dans le rescrit ci-joint, l'attention particulière, que S. M. I. a apportée aux négociations de paix, et vous aurez en même temps la satisfaction de voir, m., qu'à plusieurs égards notre auguste maître a adopté votre opinion. Il ne me reste donc que peu de choses à ajouter à vos nouvelles instructions et je me bornerai à vous transmettre les volontés de S. M. I. sur quelques objets passés sous silence dans le rescrit pour ne pas en trop augmenter le volume.—L'attention de v. exc. de tenir un protocole exact de chaque conférence avec le ministre Talleyrand a obtenu le suffrage de S. M., et elle désire, que vous continuiez de même, en ne perdant point de vue la mauvaise fois des républicains, mais en évitant avec le même soin tout ce qui décèlerait cette juste défiance.— Vos observations sur l'intérieur et les différents partis, dont les cabales entretiennent toujours une sourde agitation, sont d'un grand intérêt, et

---

то ни было, держаться этихъ формъ, ограждающихъ взаимно независимость и достоинство верховныхъ державъ.

Петербургъ, 17/29 апрѣля 1801. Тайная.

*) Вы, в. пр—во, увидите изъ приказаній, которыя императоръ выражаетъ въ приложенномъ здѣсь рескриптѣ, что е. и. в—во обращаетъ особенное вниманіе на переговоры о мирѣ, и въ то же время вы будете имѣть удовольствіе замѣтить, что во многихъ отношеніяхъ нашъ августѣйшій государь принялъ ваше мнѣніе. Поэтому, мнѣ остается лишь очень немного прибавить къ вашимъ новымъ инструкціямъ, и я ограничусь передачею вамъ желаній е. и. в—ва относительно нѣкоторыхъ предметовъ, о которыхъ ничего не говорится въ рескриптѣ, чтобы онъ не былъ слишкомъ дливенъ.—Намѣреніе в. пр—ва составлять точный протоколъ каждой конференціи съ министромъ Талейраномъ заслужило одобреніе е. в—ва, и онъ желаетъ, чтобы вы такъ же продолжали, не упуская изъ вида лживости реепубликанцевъ, но въ то же время избѣгая столь же тщательно всего, что обнаружило бы эту справедливую недовѣрчивость.—Ваши замѣчанія о внутреннихъ дѣлахъ и о различныхъ

il sera très utile au ministère de recevoir également par la suite des rapports de votre part sur cet objet essentiel.—Ce que vous nous indiquez, m., de vues secrètes de Bonaparte contre la Porte Ottomane, n'est pas moins digne d'une attention suivie, et je me flatte, que v. exc. voudra bien revenir sur cette matière intéressante, en tachant d'éclaircir les intentions malveillantes du consul et de nous communiquer son plan. S. M. n'y prêtera jamais les mains, tous ses soins tendant au rétablissement de la tranquillité publique, et pour en assurer le succès, il est indispensable, qu'elle soit promptement informée de toute entreprise contraire à ses vues magnanimes.—En vous confiant son système à l'égard de la Prusse, l'empereur n'a pas fait mention de m. de Lucchesini dans sa dépêche, mais S. M. m'a commis le soin d'exprimer à v. exc. sa volonté expresse, que toutes vos relations avec le ministre de Prusse soient ménagées de manière à l'entretenir dans une parfaite sécurité sur nos bonnes intentions; en écartant ainsi tout sujet d'ombrage, il faudra gagner le temps nécessaire pour que le plan général des indemnisations soit convenues entre nous et le gouvernement français, avant que le cabinet de Berlin puisse pénétrer le concert, que nous voulons établir, pour mettre des bornes à sa cupidité.—Je ne dois point laisser ignorer à v. exc., que notre auguste souverain a accueillit favorablement les dispositions de la cour de Londres pour le rétablissement

---

партіяхъ, среди которыхъ интриги поддерживаютъ постоянно глухое броженіе, чрезвычайно интересны, и министерству было бы очень полезно получать и впредь отчеты отъ васъ объ этомъ существенномъ предметѣ.—То, что вы сообщаете намъ о тайныхъ намѣреніяхъ Бонапарта относительно Порты Оттоманской, заслуживаетъ не менѣе глубокаго вниманія, и я надѣюсь, что вы возвратитесь къ этому интересному вопросу и постараетесь уяснить недоброжелательныя намѣренія консула и сообщить намъ его планъ. Е. в—во никогда не приложитъ къ этому руку, такъ какъ всѣ его старанія направлены къ возстановленію общественнаго спокойствія; а чтобы обезпечить успѣхъ этого дѣла, необходимо, чтобы онъ какъ можно скорѣе узнавалъ обо всякомъ предпріятіи, противномъ его человѣколюбивымъ намѣреніямъ.—Раскрывая передъ вами свою систему относительно Пруссіи, императоръ не упомянулъ въ депешѣ о г. Люкезини; но е. в—во поручилъ мнѣ выразить в. пр—ву его непремѣнную волю, чтобы всѣ ваши сношенія съ прусскимъ министромъ носили снисходительный характеръ, чтобы онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ нашихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Удаляя, такимъ образомъ, всякую тѣнь неудовольствія, нужно будетъ выиграть необходимое время для того, чтобы условиться съ фр—кимъ правительствомъ относительно общаго плана вознагражденій, прежде, нежели берлинскій кабинетъ узнаетъ о соглашеніи,

de la bonne harmonie, manifestée encore à feu l'empereur et rejetée alors avec dédain. Il a été donné des instructions analogues à m. le comte de Worontzoff, mais nous ne pouvons pas encore en connaître l'effet. Comme cette démarche conciliatoire ne peut être longtemps ignorée à Paris, il sera nécessaire, m., que vous observiez l'impression, qu'elle y produira, et si elle n'attirera point l'empressement du premier consul à s'entendre avec notre cour sur l'arrangement définitif de la paix continentale.—Votre relation № 24 exige par son importance des développements ultérieurs. Nous nous attendons à les recevoir, et je me flatte, m., que j'y trouverai des notions exactes sur cette transaction, par laquelle le gouv. français prétend contraindre la Prusse à diminuer ses forces: il est difficile de concevoir comment Bonaparte croit pouvoir y parvenir et votre premier rapport au sujet sera d'un grand intérêt pour nous.—Le manifeste ci-joint en copie exposera à v. exc. les intentions de l'empereur à l'égard de l'Ordre de Malte, en expliquant l'article du rescrit, où il en est question.—Vous trouverez encore sous ce pli le nouveau plein pouvoir, devenu nécessaire par le changement de règne. L'intention de S. M. I. est que vous n'en fassiez usage pour la signature que dans le cas, où le ministère de la république adopterait en entier les deux projets de convention. Autrement il est enjoint à v. exc. de

---

въ которое мы хотимъ войти, чтобы ограничить его алчность.—Я не долженъ скрывать отъ в. пр—ства, что нашъ августѣйшій государь милостиво принялъ желаніе лондонскаго двора возстановить доброе согласіе,—желаніе, которое онъ выразилъ еще покойному и—ру и которое тогда было отвергнуто съ негодованіемъ. Подобныя же инструкціи были даны графу Воронцову; но намъ еще неизвѣстны ихъ результаты. Такъ какъ этотъ миролюбивый шагъ не можетъ долго оставаться неизвѣстнымъ въ Парижѣ, то вамъ будетъ необходимо наблюдать за впечатлѣніемъ, которое онъ тамъ произведетъ, и не ослабитъ ли онъ готовности 1-го консула войти въ соглашеніе съ нашимъ дворомъ насчетъ окончательнаго устройства континентальнаго мира.—Ваше донесеніе подъ № 24 требуетъ, по своей важности, дальнѣйшихъ разъясненій. Мы ихъ ожидаемъ, и я надѣюсь, что найду въ нихъ точныя свѣдѣнія о той сдѣлкѣ, посредствомъ которой фр—кое правительство надѣется принудить Пруссію сократить свои войска: трудно понять, какимъ образомъ Бонапартъ думаетъ этого достигнуть, и ваше первое донесеніе по этому поводу будетъ для насъ крайне интересно.—Копія съ манифеста, присоединенная сюда, раскроетъ в. пр—ву взглядъ на Мальтійскій Орденъ, служа объясненіемъ къ статьѣ рескрипта, гдѣ о немъ говорится.—Вы найдете также при этомъ письмѣ новое полномочіе, необходимое при перемѣнѣ правленія. Намѣреніе е. и. в—ва состоитъ въ томъ, чтобы вы воспользовались имъ для подписи лишь въ томъ

soumettre à S. M. le contre-projet de la France et d'attendre des ordres ultérieurs avant de conclure.

Pétersbourg. Paris, 1801, 52. Подлинникъ.

№ 66.—Нота Колычева.

Paris, 19 avril (1 mai) 1801.

*) Le soussigné en rappelant au cyt. Talleyrand, min. des rel. ext., qu'il n'a point reçu jusqu'à présent de réponse sur les objets, dont il a eu l'honneur de l'entretenir d'après les ordres de S. M. l'Empereur, le prie de vouloir bien l'informer, si conformément à l'acceptation des cinq articles préalables le gouvernement français veut remplir la promesse de l'intégrité du royaume des Deux-Siciles et du rétablissement de s. m. le roi de Sardaigne dans ses états tels, qu'ils étaient avant l'entrée des français en Italie. Le soussigné croyant inutile d'entrer dans de nouvelles explications sur un objet déjà suffisamment discuté, espère que le cit. Talleyrand voudra bien mettre sous les yeux du premier consul le contenu de cette note et lui faire connaître le parti, qu'il aura jugé à propos de prendre.

Paris. 140, 155. Подлинникъ. — Pétersbourg. Paris, 1801, 95 и 310. Списки.

случаѣ, если министерство республики приметъ вполнѣ оба проекта договора. Въ противномъ случаѣ, в. пр—ву повелѣвается представить е. в—ву контръ-проектъ Франціи и ожидать дальнѣйшихъ приказаній для окончательнаго рѣшенія.

Парижъ, 19 апрѣля (1 мая) 1801.

*) Нижеподписавшійся, напоминая гражд. Талейрану, мин. ин. дѣлъ, что онъ не получилъ до сихъ поръ отвѣта относительно предметовъ, о которыхъ имѣлъ честь съ нимъ бесѣдовать по повелѣнію е. и. в—ва, покорнѣйше проситъ увѣдомить его, желаетъ ли французское правительство, согласно принятымъ имъ 5-ти предварительнымъ статьямъ, исполнить обѣщаніе относительно неприкосновенности королевства Обѣихъ Сицилій и возстановленія е. в—ва сардинскаго короля въ его владѣніяхъ въ томъ видѣ, какъ они были до вступленія французовъ въ Италію. Считая безполезнымъ входить въ новыя объясненія о предметѣ, уже достаточно разсмотрѣнномъ, нижеподписавшійся надѣется, что гражд. Талейранъ потрудится передать 1-му консулу содержаніе этой ноты и сообщить ему, на что онъ рѣшится.

№ 67.—Колычевъ двору.

Paris, 22 avril (4 mai) 1801.

*) Le g-t fr-s très embarrassé de sa réponse à ma note, cherche à gagner du temps et en discutant sur la forme, évite de répondre sur l'objet principal. Le min. Talleyrand après avoir gardé ma note 4 jours, me la rendit, accompagnée d'un office de sa part, dans lequel il dit ne pouvoir la mettre sous les yeux du 1-r consul. J'ai renvoyé ma note et l'office sans réponse, et pour ôter au g-t fr-s la possibilité de se prévaloir des expressions, dont j'ai dû me servir pour donner de la force à ma démarche, j'ai cru devoir remettre une seconde note pour demander simplement, si le g-t fr-s voulait remplir ses promesses relativement aux rois de Naples et de Sardaigne. Je n'ai point encore de réponse, mais autant que je puis voir, le système politique de Bonaparte ne répond pas aux vues de V. M. I. Bonaparte ne pouvant se flatter d'entraîner la Russie dans une guerre contre l'Angleterre, veut se conserver les moyens de terminer avec cette puissance en faisant de l'Italie un objet de compensation, et certainement il ne s'en départira pas avant la paix générale. Aussitôt que j'aurai reçu la réponse du g-t fr-s, que je regarde d'avance, d'après ce qui se passe en Italie, comme ne

---

Парижъ, 22 апрѣля (4 мая) 1801.

*) Фр. правительство, крайне затрудняясь отвѣтомъ на мою ноту, старается выиграть время и, пререкаясь о формѣ, избѣгаетъ отвѣта на главный предметъ. Мин. Тал—нъ, продержавъ мою ноту 4 дня, возвратилъ мнѣ ее съ приложеніемъ официальной бумаги отъ себя, въ которой онъ говоритъ, что не можетъ представить ноту 1-му консулу. Я отослалъ то и другое безъ отвѣта. А чтобы отнять у фр. пр—ва возможность воспользоваться выраженіями, которыя я долженъ былъ употребить, чтобы придать силы моему поступку, я счелъ нужнымъ вручить вторую ноту, чтобы только спросить, намѣрено ли фр. пр—во исполнить свои обѣщанія относительно неаполитанскаго и сардинскаго королей. Я еще не получилъ отвѣта, но, насколько понимаю, политическая система Бонапарта не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ в. и. в—ва. Такъ какъ Б—ту не удалось вовлечь Россію въ войну съ Англіей, то онъ изыскиваетъ средства окончить съ этой державой, извлекая изъ Италіи вознагражденія; и, конечно, онъ отъ этого не откажется до всеобщаго замиренія. Какъ только получу отъ фр. пр—ва отвѣтъ, который заранѣе считаю

pouvant être favorable, je m'obstiendrai de toute négociation ultérieure et j'expédierai un courrier pour en informer V. M. I. et demander aussitôt ses ordres.

Pétersbourg. Paris, 1801, 94. Подлинникъ.

№ 68.—Нота Талейрана.

Paris, 15 floréal an IX.

*) J'avais eu l'honneur de vous prévenir par ma note du 8 floréal, que la vôtre du 26 avril contenait des expressions, qui réellement ne me permettaient pas de la mettre sous les yeux du 1-r consul. Celle que vous m'avez depuis adressée en date du 1 mai, ayant rappelé, dans les termes, qui sont d'usage, toutes les questions, qui n'étaient pareillement que rappelées dans la précédente, j'ai dû trouver, qu'elle la suppléait entièrement et j'aurai soin de la présenter au 1-r consul à mon premier travail.—Pour couper court à ces petites discussions j'ai pris le parti de détruire la note du 26 avril, attendu que celle du 1 mai la rendrait parfaitement inutile et qu'elle ne pouvait d'ailleurs ni être portée à la connaissance du g-t, ni demeurer dans mes archives. Je me persuade, que cette franche et cordiale explication de ma part vous prou-

---

неблагопріятнымъ, судя по тому, чтó происходитъ въ Италіи, я воздержусь отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ и отправлю курьера, чтобы увѣдомить объ этомъ в. и. в. и испросить тотчасъ же вашихъ приказаній.

Парижъ, 23 апрѣля (5 мая) 1801.

*) Моей нотой отъ 16/28 апрѣля я имѣлъ честь предувѣдомить васъ, что ваша нота отъ 26-го апрѣля заключаетъ въ себѣ такія выраженія, что я, въ самомъ дѣлѣ, не могъ представить ее 1-му консулу. Та же, которую вы мнѣ потомъ прислали отъ 1-го мая, напоминаетъ, въ общепринятыхъ выраженіяхъ, всѣ вопросы, точно также только упомянутые въ предшествовавшей нотѣ; и я нашелъ, что она вполнѣ ее замѣняетъ. Ее я и представлю 1-му консулу при моей первой работѣ.—Чтобы прекратить эти мелкія препирательства, я рѣшился уничтожить ноту отъ 26-го апрѣля, въ виду того, что нота отъ 1-го мая дѣлаетъ ее вполнѣ ненужной, и что притомъ она не можетъ быть ни доведена до свѣдѣнія фр. пр—ва, ни оставаться въ моемъ архивѣ. Я убѣжденъ, что это искреннее и дружеское объясненіе съ моей стороны докажетъ вамъ,

vera le désir, que j'ai de contribuer à lever tout obstacle, qui pourrait s'opposer encore au rapprochement de nos deux pays et aux heureux effets, que l'on devait s'en promettre.

Paris. 140, 158. Черновая.

№ 69.—Талейранъ Колычеву.

Paris, 23 floréal an IX.

*) Je reçois à l'instant la lettre en date de ce jour, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, et je suis fondé à vous donner l'assurance, que vous recevrez très incessamment la réponse, que vous désirez, l'intention du 1-r consul étant, qu'elle soit faite dans le plus bref délai et d'une manière cathégorique.

Pétersbourg. Paris, 1801, 96. Подлинникъ.

№ 70.—Нота Талейрана Колычеву.

Paris, 27 floréal an IX.

**) Son exc. m. le chev. de Kolitscheff, ayant demandé par sa note du 1 mai, si le g-t fr-s était disposé à donner suite aux propositions, faites par S. M. I. feu l'E-r Paul I et accuellies par le 1-r consul,

---

какъ сильно мое желаніе содѣйствовать устраненію всякаго препятствія, которое могло бы еще помѣшать сближенію нашихъ двухъ странъ и счастливымъ послѣдствіямъ, какихъ можно отъ этого ожидать.

Парижъ, 1/13 мая 1801.

*) Я только-что получилъ письмо, которое вы мнѣ написали сегодня. Имѣю основаніе увѣрить васъ, что вы немедленно получите желаемый отвѣтъ, такъ какъ 1-й консулъ желаетъ, чтобы онъ былъ данъ въ самый короткій срокъ и рѣшительнымъ образомъ.

Парижъ, 5/17 мая 1801.

**) Его п—во г. кавалеръ Колычевъ спрашивалъ въ своей нотѣ отъ 1-го мая, намѣрено ли фр. прав—во исполнить предложенія, сдѣланныя его и. в—вомъ, покойнымъ и—ромъ Павломъ I и принятыя 1-мъ консуломъ? Ниже-

le soussigné est autorisé à répondre, que le 1-r consul persiste dans les intentions, qu'il a manifestées; mais le soussigné doit en même temps observer, que les rapports, qui s'étaient récemment établis entre la France et la Russie, ayant eu dans le principe et pour objet spécial un double concert à former tant pour combattre un ennemi commun, que pour favoriser les arrangements continentaux d'après un système convenu, il s'était réellement agi entre les deux états de la conclusion d'une véritable alliance, disposition parfaitement réciproque alors, et qui avait amené les explications, que m. de Kolitscheff rappelle aujourd'hui; que par conséquent la première question, qui se présente et qui doit être préalablement résolue, est de savoir, si S. M. I. l'E-r Alexandre est elle-même animée des dispositions manifestées par son aug. père, et si elle demeure résolue à s'entendre avec le g-t fr-s tant sur les affaires maritimes que sur les affaires continentales; car s'il était reconnu, que S. M. I. n'est point dans l'intention de suivre les mêmes principes d'action et d'intimité, la France et la Russie se trouveraient replacées l'une par rapport à l'autre dans l'état de deux puissances, qu'une guerre impolitique avait désunies et qui éprouvent à la fois le désir de la voir terminer. Il ne s'agirait donc plus alors que de procéder à la conclusion d'un simple traité de pacification et il n'y aurait lieu à rien déduire ultérieurement des propositions, qui avaient été faites d'une part et acceptées de l'autre dans

---

подписавшійся уполномоченъ отвѣтить, что 1-ый консулъ не отказывается отъ выраженныхъ имъ намѣреній; но въ то же время ниж—ся долженъ замѣтить, что отношенія, которыя недавно установились между Россіей и Франціей, основывались, главнымъ образомъ, на принципѣ—образовать двойной союзъ, съ одной стороны, для борьбы съ общимъ врагомъ, съ другой—для содѣйствія устройству материка по условленной системѣ. Между обоими государствами дѣйствительно дѣло шло о заключеніи настоящаго союза; и это было тогда вполнѣ взаимное желаніе, вызвавшее переговоры, о которыхъ напоминаетъ теперь г. Колычевъ. Слѣдовательно, первый вопросъ, который теперь представляется и который долженъ быть предварительно рѣшенъ, это—сохраняетъ ли самъ е. и. в. и—ръ Александръ намѣренія, выраженныя его авг. отцомъ, и рѣшается ли онъ войти въ соглашеніе съ фр. пр—вомъ, какъ относительно морскихъ, такъ и материковыхъ дѣлъ? Еслибы оказалось, что его и. в. не намѣренъ слѣдовать тѣмъ же началамъ взаимнаго содѣйствія и дружбы, то Россія и Франція очутились бы снова по отношенію другъ къ другу въ положеніи державъ, разъединенныхъ неполитичной войной и желающихъ одинаково ея окончанія. Тогда дѣло будетъ только въ томъ, чтобы приступить къ заключенію простого мирнаго договора, и нечего будетъ дѣлать предварительныхъ выводовъ изъ предложеній, сдѣланныхъ одною сто-

l'intention réciproque de s'unir de vues et d'efforts pour la répression de l'ennemi commun et le rétablissement de la paix générale.

Pétersbourg. Paris, 1801, 96. Подлинникъ.—Paris. 140, 165. Черновая.

№ 71.—Колычевъ двору.

Paris, 6/18 mai 1801.

*) Ne recevant aucune réponse du g-t fr-s à mes notes du 26 avril et du 1 mai n. st. j'ai cru devoir écrire au min. Talleyrand pour lui demander positivement, si je recevrai une réponse ou non. Le plénipot. fr-s m'a annoncé sur le champ, ainsi que V. M. I. le verra par la lettre ci-jointe, que le 1-r consul avait ordonné de me répondre très incessamment, dans le plus court délai et d'une manière cathégorique. — Cependant malgré cette réponse je ne reçus aucun office du g-t fr-s. Je me décidai alors à dire au min. Tall. dans une entrevue, que j'eus avec lui, que mes ordres me prescrivant de suspendre toute négociation ultérieure dans le cas où la réponse aux objets exigés par mes notes ne fut point cathégorique, ce serait à regret, que je me verrais forcé d'envisager le silence du g-t fr-s comme une mesure déclinatoire; j'ajoutai encore, que le départ de mon courrier ne pouvait être retardé davantage. Talleyrand réitéra alors ses assurances sur la prompte remise de

---

роною и принятыхъ другою, вслѣдствіе взаимнаго желанія соединить стремленія и усилія для подавленія общаго врага и возстановленія всеобщаго мира.

Парижъ, 6/18 мая 1801.

*) Не получая никакого отвѣта отъ фр. пр—ва на мои ноты отъ 26-го апрѣля и 1-го мая н. ст., я счелъ нужнымъ написать мин. Тал—ну, чтобы спросить рѣшительно, получу ли я отвѣтъ, или нѣтъ. Сейчасъ фр. уполномоченный объявилъ мнѣ, какъ в. и. в. увидите изъ прилагаемаго письма, что 1-ый консулъ приказалъ отвѣтить мнѣ немедленно, въ самый короткій срокъ и рѣшительно.—Тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ отвѣтъ, я не получилъ отъ фр. пр—ва никакой офиціальной бумаги. Тогда я рѣшился, при свиданіи съ мин. Т—мъ, сказать ему, что полученныя мною приказанія предписываютъ мнѣ прервать всякіе предварительные переговоры, если я не получу рѣшительнаго отвѣта на требованія, высказанныя въ моихъ нотахъ, и что, къ моему сожалѣнію, я буду вынужденъ считать молчаніе фр. пр—ва за уклон-

sa réponse. Je viens enfin de la recevoir telle que V. M. I. la trouve annexée ci-joint.

Quoique les notes du 26 avril et du 1-r mai n'aient produit aucun changement dans le système du gouvernement français, cependant depuis ce moment il n'a plus pressé le départ de m-r de St. Marsan, qui est resté à Paris, et on a jugé à propos de publier officiellement tant en Italie que dans toutes les feuilles publiques ici, que l'organisation du Piémont et l'ordre de chose, qui s'y établissait, ne devait être considéré que comme une mesure provisoire.

Tout me porte à croire, que le gouvernement français cherche à gagner du temps pour connaître le système, que V. M. I. jugera à propos de suivre, et il laisse entrevoir ses inquiétudes à cet égard.

Pétersbourg. Paris, 1801, 96. Подлинникъ.

№ 72.—Нота Колычева Талейрану.

Paris, 6/18 mai 1801.

*) M. de Kolitscheff a eu l'honneur de recevoir la note du cit. Tall., min. des rel. ext., par laquelle il a bien voulu l'informer, que le 1-r consul persistait dans ses intentions manifestées à S. M. l'E-r défunt. Le soussigné ayant de nouvelles instructions sur les rapports, qu'il

---

чивость. Я прибавилъ еще, что не могу дольше откладывать отправку моего курьера. Тогда Т—ъ принялся увѣрять меня, что я скоро получу его отвѣтъ. Наконецъ я получилъ этотъ отвѣтъ, который в. и. в. найдете при этой бумагѣ.—Хотя ноты отъ 26-го апрѣля и 1-го мая не вызвали никакой перемѣны въ системѣ фр. пр—ва, но съ этой минуты оно не торопилось болѣе отправить г. С. Марсана. Онъ остался въ Парижѣ, и сочли нужнымъ объявить офиціально, какъ въ Италіи, такъ и здѣсь во всѣхъ газетахъ, что на устройство Пьемонта и на порядокъ вещей, который тамъ заводится, нужно смотрѣть, какъ на временныя мѣры.—Все заставляетъ думать, что фр. пр—во старается выиграть время, чтобы узнать систему, которой намѣрены слѣдовать в. и. в., и выказываетъ безпокойство по этому поводу.

Парижъ, 6/18 мая 1801.

*) Г. Колычевъ имѣлъ честь получить ноту гражд. Тал—на, мин. ин. дѣлъ, въ которой онъ увѣдомлялъ его, что 1-ый консулъ остается вѣренъ намѣреніямъ, высказаннымъ его в—ву покойному и—ру. Нижеподписавшійся, получивъ новыя инструкціи въ отвѣтъ на донесенія, посланныя имъ своему

avait envoyés à sa cour au commencement de la négociation, se trouve à même de répondre à la question, qui lui est faite dans la susdite note. Il se flatte, que les éclaircissements, qu'il sera dans le cas de donner au cit. Tall., prouveront au 1-r consul toute l'étendue et la franchise des vues de S. M. l'E-r et le persuaderont en même temps de l'intention bien sincère de S. M. I. d'établir un concert avec le g-t fr-s pour terminer les affaires générales de l'Europe.—Le soussigné prie en conséquence le cit. Tall. de vouloir bien fixer l'heure, à laquelle il pourra avoir l'honneur de le voir aujourd'hui.

Paris. 140, 166. Подлинникъ.

№ 73.—Колычевъ двору.

Paris, 10/22 mai 1801.

*) Dans une conférence, que le c-te Cobenzl a eue avec Joseph Bonaparte, ce dernier a mis en avant les propositions suivantes pour servir de base aux indemnités à accorder en Empire. „1) Au gr.-duc de Toscane, Saltzbourg, Passau, Trente et une petite portion de la Bavière, pour laquelle l'électeur obtiendrait de gré à gré un équivalent en Suabe.—2) A l'électeur de Mayence, Bamberg et Würtzbourg. La portion de l'électorat de Mayence, située à la droite du Rhin, serait donnée en

---

двору въ началѣ переговоровъ, можетъ отвѣчать на вопросъ, предложенный ему въ сказанной нотѣ.—Онъ льститъ себя надеждой, что разъясненія, которыя ему придется дать гражд. Т—у, докажутъ 1-му консулу, насколько широки и откровенны намѣренія е. в—ва и—ра; въ то же время онъ убѣдится въ искреннемъ желаніи его и. в—ва войти въ соглашенія съ фр. пр—вомъ, чтобы покончить общія европейскія дѣла.—Поэтому ниж—ся проситъ гражд. Т—а назначить часъ, въ который онъ можетъ удостоиться чести видѣть его сегодня.

Парижъ, 10/22 мая 1801.

*) Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ графомъ Кобенцлемъ, Іосифъ Бонапартъ выставилъ слѣдующія предложенія, какъ основанія для вознагражденій въ Имперіи. „1) Вел. герцогу тосканскому Зальцбургъ, Тріентъ и часть Баваріи, за которую курфюрстъ получитъ полюбовно соотвѣтственное вознагражденіе въ Швабіи.—2) Курфюрсту майнцскому Бамбергъ и Вюрцбургъ. Часть майнцскаго курфюршества, по правую сторону Рейна, идетъ на вознаграж-

indemnité à des princes séculies.—3) L'électeur de Cologne aurait en Westphalie un état convenable. L'électorat de Trèves serait supprimé.— 4) La Prusse trouverait ses indemnités en Hanovre.—5) On pourrait accorder au gr.-duc de Toscane la voix électorale de Trèves sous le titre de Salzbourg."—Telles sont les propositionsmi ses en avant par Joseph Bonaparte. Le c-te Cobenzl a fait quelques observations en réponse, dont il m'a communiqué la copie ci-annexée et que je crois devoir porter à la connaissance de V. M. I.—Le sort de l'Italie n'a éprouvé aucun changement, toute l'attention du g-t fr-s est fixée sur l'Allemange. Le 1-r consul paraît attendre l'issue de l'expédition anglaise contre l'Egypte et les nouvelles du système, que V. M. I. aura jugé à propos de suivre, pour adopter un plan déterminé.—Le c-te Cobenzl m'a dit, que s'étant rendu à Mortefontaine chez le frère du 1-r consul, Joseph Bonaparte lui avait dit, que l'on pourrait adopter pour l'Italie les bases suivantes: réunir Piémont à la rép. Cisalpine et donner le tout au duc de Parme avec le titre de roi de Lombardie; au gr.-duc de Toscane les trois Légations; à la maison de Savoie la Toscane. Jos. Bonaparte ajouta, que c'était son opinion, personnelle, que si le c-te Cobenzl l'approuvait, il se chargerait d'y faire consentir son frère.—Le lendemain le c-te Cobenzl s'étant rendu à la Malmaison, le 1-r consul lui parla d'un autre projet, de réunir à la Cisalpine le Piémont, de donner au

---

деніе свѣтскихъ князей.—3) Курфюрстъ кёльнскій получаетъ надлежащее владѣніе въ Вестфаліи. Трирское курфюршество уничтожается.—4) Пруссія получаетъ вознагражденіе въ Ганноверѣ.—5) Вел. герцогу тоск—му можно дать курфюршескій голосъ Трира, съ титуломъ зальцбургскаго".—Таковы выставленныя Іос. Б—томъ предложенія. Гр. Кобенцль сдѣлалъ на нихъ нѣсколько замѣчаній, которыя сообщилъ мнѣ въ прилагаемой копіи; а я счелъ долгомъ довести о нихъ до свѣдѣнія в. и. в—ва.—Въ судьбѣ Италіи никакихъ перемѣнъ: все вниманіе франц. прав—ва поглощено Германіей. Кажется, 1-й консулъ выжидаетъ исхода англійской экспедиціи противъ Египта и извѣстій о системѣ, которую приметъ в. и. в—во, чтобы рѣшиться на опредѣленный планъ.—Гр. Кобенцль сообщилъ мнѣ, что недавно онъ былъ въ Мортфонтенѣ, у брата 1-го консула, и что Іос. Б—тъ указалъ ему на слѣд. основы для Италіи: присоединить Пьемонтъ къ Цизальп. республикѣ и отдать все герцогу пармскому съ титуломъ ломбардскаго короля; вел. герцогу тоск—му три Легаціи; савойскому дому Тоскану. Іос. Б—тъ прибавилъ, что по его личному мнѣнію, если только гр. Кобенцль приметъ эти предложенія, онъ берется уговорить своего брата.—На другой день гр. Кобенцль явился въ Мальмезонъ, и 1-й консулъ заговорилъ съ нимъ о другомъ планѣ: Пьемонтъ—къ Цизальпинѣ; вел. герцогу тосканскому—Венецію и ея землю до Эча;

gr.-duc de Toscane Venise et son territoire jusqu'à l'Adige, au roi de Sardaigne la Toscane; la maison d'Autriche aurait en indemnité pour Venise—Saltzbourg, Passau Berchtolsgaden et même une partie de la Bavière.—Le c-te Cobenzl a répondu aux deux propositions, que n'étant nullement autorisé à accéder à de telles conditions, il en référerait à sa cour; qu'il ne devait pas cacher, que l'e-r, son maître, appréhenderait à y accéder malgré les avantages, que la maison d'Autriche pourrait y trouver, parce qu'un tel arrangement devait naturellement indisposer toutes les cours et plus particulièrement la Russie et la Prusse.—Bonaparte enivré de ses succès n'a pas de plan suivi. Plus militaire que politique, il se fie sur son bonheur et n'écoute que son opinion personnelle. Tall. jouit même de peu de crédit et n'est, pour ainsi dire, qu'un commis forcé de suivre aveuglement l'impulsion, qui lui est donnée. L'esprit public n'est plus prononcé avec le même enthousiasme pour Bonaparte; on désire la paix générale, et cet espoir, qui l'a élevé au fête de sa grandeur, se trouvant déçu, commence à miner son pouvoir; il a des ennemis irréconciliables dans les jacobins et ne peut compter sur tous les généraux.

Pétersbourg, Paris, 1801, 97. Подлинникъ.

сард. королю—Тоскану; австр. дому—Зальцбургъ, Пассау, Берхтольсгаденъ и даже часть Баваріи, въ вознагражденіе за Венецію.—Гр. Кобенцль отвѣчалъ на оба предложенія, что, вовсе не будучи уполномоченъ принимать такія условія, онъ доведетъ о нихъ до свѣдѣнія своего двора. Онъ не могъ скрыть, что и—ръ, его г—рь, затруднится дать свое согласіе, несмотря на предстоящія австр. дому выгоды, такъ какъ подобная сдѣлка естественно дурно подѣйствуетъ на всѣ дворы, въ особенности же на Россію и Пруссію.—Опьяненный своими успѣхами, Бонапартъ не имѣетъ опредѣленнаго плана. Болѣе воинъ, чѣмъ политикъ, онъ довѣряетъ собственному счастью и внимаетъ только своему личному мнѣнію. Самъ Талейранъ пользуется небольшимъ довѣріемъ: это, такъ сказать, приказчикъ, слѣпо слѣдующій данному толчку. Общественное мнѣніе уже не съ прежнимъ восторгомъ высказывается за Б—та. Желаютъ общаго мира, и исчезновеніе надежды на него, поднявшей его на вершину величія, начинаетъ подрывать его власть. У него непримиримые враги въ лицѣ якобинцевъ, и не на всѣхъ генераловъ онъ можетъ положиться.

№ 74.—Колычевъ графу Панину.

Paris, 12/24 mai 1801.

*) Je ne manquerai pas d'exécuter ponctuellement les ordres de S. M. l'E-r, notre aug. maître, contenus dans la lettre secrète, que v. exc. m'a fait l'honneur de m'adresser en date du 17 avril, en prenant soin de rendre un compte exacte des vues de Bonaparte contre la Porte Ottomane, autant que cela peut dépendre de moi. Mais toute la difficulté existe de savoir l'époque de l'exécution de ce plan, car tout ce qui le conserne se prépare en Italie, et tout est changé, retardé, accelléré à tout instant. D'après cela vous jugerez donc combien il est difficile à moi de connaître au juste les ordres, qu'on envoie d'ici aux généraux chargés de cette expédition, qui est le plus grand secret pour la France et même pour plusieurs des membres du ministère d'ici.—Ma conduite avec le ministre prussien a toujours été très circonspecte, et j'ai toujours tâché d'éviter à lui donner le moindre sujet d'ombrage; je puis même dire, que je suis sur un très bon pied avec le marquis Lucchesini, et qu'il regarde cela comme un procédé de ma part, attendu qu'il a généralement inspiré de la méfiance ici et qu'il est peu considéré, ainsi que sa femme; ils ont intrigué avec toutes les factions à la fois; plu-

---

Парижъ, 12/24 мая 1801.

*) Не премину точно исполнить приказанія е. в—ва и—ра, нашего авг. государя, переданныя мнѣ тайнымъ письмомъ отъ в. с—ва, которое я имѣлъ честь получить 17-го апрѣля. Постараюсь точно передать намѣренія Бонапарта противъ Оттом. Порты, насколько это можетъ зависѣть отъ меня. Но вся трудность заключается въ томъ, чтобы узнать время исполненія этого плана, потому что все, что его касается, подготовляется въ Италіи, и все мѣняется, передѣлывается, то замедляется, то ускоряется каждую минуту. Изъ этого вы уже можете судить, какъ мнѣ трудно точно узнать, какія посылаютъ отсюда приказанія генераламъ, участвующимъ въ этой экспедиціи; она сама составляетъ величайшую тайну для Франціи и даже для многихъ членовъ здѣшняго мин—ва.—Мое поведеніе относительно прусскаго министра было всегда очень осторожно, и я всегда старался избѣгать подать ему малѣйшій поводъ къ неудовольствію; даже могу сказать, что я въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ марк. Люкезини, и что онъ считаетъ это поступкомъ съ моей стороны, такъ какъ онъ вообще внушилъ здѣсь недовѣріе, и его, а также его жену мало уважаютъ. Они интриговали разомъ со всѣми мелкими парті-

sieurs personnes croient même, qu'il sera obligé de demander son rappel, parce qu'il sait, que Bonaparte cherche à le faire rappeler. Le 1-r consul, qui est très indiscret dans ses expressions, m'a dit dès ma première entrevue et m'a répété depuis, „que Lucchesini était un intriguant italien, qu'il gâtait les affaires de sa cour“. Mais Bonaparte change souvent, cela peut changer encore, d'autant plus, que Lucchesini est adroit, souple et bas. Par conséquent ces deux personnages peuvent s'entendre un jour sur quelques choses, d'ailleurs toutes les paroles et les actions du 1-r consul ont un but quelconque et il faut toujours leur supposer une arrière-pensée.—L'envoie du premier courrier russe à Londres, le départ de lord St. Hélènes pour Pétersb., tout ce qui s'est suivi en Danemark, et enfin l'ouverture de l'Elbe et du Weser ont fait ici sans contredit une forte impression; ajoutez à cela mes deux notes. Effectivement Bonaparte s'attendait, que nous romprons la négociation avec lui. Mais l'arrivée des derniers ordres par Dujikoff ont rassuré Tall. et le 1-r consul, et ils sont bien radieux et bien contents. Mais on ne peut pas encore juger si cela arrêtera les vues ambitieux de Bonaparte, car il agit plutôt par passion et par caprice que d'après un plan réfléchi et raisonnable et tel que l'intérêt de la France aurait dû le lui dicter.—Le 1-r consul est ambitieux au plus haut degré, violent, impétueux, bon général, qui a toujours été heureux, mais très médiocre administrateur,

---

ями: многіе думаютъ даже, что онъ будетъ вынужденъ просить, чтобы его отозвали, такъ какъ онъ знаетъ, что Бонапартъ этого желаетъ. 1-ый консулъ, который не стѣсняется въ своихъ выраженіяхъ, сказалъ мнѣ, при первомъ же свиданіи, и потомъ повторялъ мнѣ, что „Люкезини—итальянскій интриганъ, который портитъ дѣла своего двора“. Но Б—тъ часто мѣняетъ свои мнѣнія, и это можетъ еще измѣниться, тѣмъ болѣе, что Люкезини ловокъ, гибокъ и низокъ. Слѣд., эти два лица могутъ въ одинъ прекрасный день сойтись на чемъ-нибудь; къ тому же всѣ слова и поступки 1-го консула имѣютъ какую-нибудь цѣль, и всегда нужно искать какой-нибудь задней мысли. — Отправка перваго русскаго посла въ Лондонъ, отъѣздъ лорда С.-Эленса въ Петербургъ, событія, происшедшія въ Даніи, и наконецъ открытіе Эльбы и Везера,—все это произвело здѣсь, конечно, сильное впечатлѣніе. Прибавьте къ этому обѣ мои ноты. Въ самомъ дѣлѣ, Б—тъ ожидалъ, что мы прервемъ съ нимъ переговоры. Но полученіе послѣднихъ приказаній съ Дюжиковымъ ободрило Т—на и 1-го консула, и они ликуютъ, очень довольные. Но нельзя еще судить, остановитъ ли это честолюбивые замыслы Б—та, потому что онъ больше дѣйствуетъ по страсти и капризу, нежели по обдуманному, разумному плану, сообразному съ выгодами Франціи.—1-й консулъ въ высшей степени честолюбивъ, горячъ, необузданъ, хорошій генералъ, котораго не покидало счастье,

ne s'entend plus du tout en politique du dehors, et n'écoute les conseils de personne. La seule personne, qui a de l'influence sur lui dans ce moment-ci c'est le min. de police Fouchet, quoique jacobin et scélérat, mais c'est parce que Bonaparte craint d'être assassiné ou empoisonné. Fouchet, qui se fait bien payer par lui, nourrit ces craintes et a l'air de trahir son parti. Il s'est insinué auprès de mad. Bonaparte et jouit de sa confiance. Cette dernière est véritablement ce qu'on appelle une bonne femme; elle est douce, aimable, et a les anciennes formes de la cour de Versailles; elle a même du crédit quelquefois pour arrêter l'impétuosité du caractère de son mari et rectifier les idées incohérentes de sa tête; mais les succès de mad. Bonaparte sont rares, par conséquent on ne peut guère compter sur elle.—Le prince de Parme dont, d'après les un on veut faire un roi de Toscane, d'Etrurie ou de Lombardie, et d'après les autres même de France, arrive ce soir sous le nom de c-te de Livourne. Il logera chez l'amb-r d'Espagne. On lui prépare de très belles fêtes, et il a été très bien reçu par toute la France dans les endroits, qu'il a traversé. A Bayonne le peuple a crié: „vive le rejeton de Henri IV!". A Bordeaux au théâtre — „vive le roi!" et trois jacobins — „à bas les rois!". Les derniers ont été mis en prison, à ce qu'on dit. On fait là-dessus beaucoup de contes. J'attends des notions plus exactes pour en parler dans mes rapports, et nous verrons

---

но очень посредственный правитель, ничего не понимающій во внѣшней политикѣ и не слушающій ничьихъ совѣтовъ. Единственная личность, которая имѣетъ на него вліяніе въ сію минуту, это—министръ полиціи, Фуше. Хотя это якобинецъ и злодѣй, но такъ какъ Бонапартъ боится быть убитымъ или отравленнымъ, Фуше, котораго онъ отлично оплачиваетъ, поддерживаетъ въ немъ страхъ и показываетъ видъ, будто готовъ предать свою партію. Онъ вкрался въ довѣріе къ г-жѣ Бонапартъ. Эта послѣдняя, что называется, добрая женщина; она мягка, любезна и сохраняетъ старую внѣшность версальскаго двора. Иногда она даже въ состояніи остановить неистовство своего супруга и направить его безсвязныя мысли; но ея успѣхи рѣдки, и потому нельзя разсчитывать на нее. — Принцъ пармскій, котораго одни прочатъ въ короли Тосканы, Этруріи и Ломбардіи, другіе—даже въ короли Франціи, прибудетъ сегодня вечеромъ, подъ именемъ графа Ливорнскаго. Онъ помѣстится у испанскаго посланника. Ему готовятъ прекраснѣйшія празднества, и его отлично принимали по всей Франціи, гдѣ ни проѣзжалъ онъ. Въ Байонѣ народъ кричалъ: „да здравствуетъ отпрыскъ Генриха IV!"; въ Бордо, въ театрѣ— „да здр. король!", а три якобинца—„долой королей!". Послѣдніе, говорятъ, брошены въ тюрьму. Объ этомъ много толкуютъ. Жду болѣе точныхъ свѣдѣній, чтобы разсказать въ моихъ донесеніяхъ; тогда увидимъ, чтó выйдетъ

tout ce que cela deviendra. En attendant il faut l'avouer, qu'il paraît très singulier de voir ici un prince de la maison de Bourbon.

Pétersbourg. Paris, 1801, 160. Подлинникъ.

№ 75.—Дюрокъ Бонапарту.

Pétersbourg, 6 prairial an IX.

*) ...Je me suis présenté chez m. de Pahlen, auquel j'ai fait part de l'objet de mon voyage. C'est lui, qui a annoncé mon arrivé à l'E-r et c'est lui aussi, qui m'a présenté aujourd'hui à S. M.—L'E-r m'a reçu seul dans son cabinet; je lui ai remis la lettre, dont vous m'avez chargé; j'en ai reçu l'accueil le plus affable. Il m'a chargé de vous témoigner combien il était reconnaissant pour les sentiments, que je lui ai exprimés de votre part; que depuis longtemps il désirait voir ici quelqu'un envoyé par notre g-t, auquel il put dire ceux, qu'il avait pour vous, et qu'il avait prévenu vos désirs en donnant des ordres pour terminer la négociation. M. de Pahlen est toujours à la tête des affaires et paraît avoir la grande influence. M. de Panin est conseiller privé actuel et particulièrement chargé de tout ce qui est relatif aux négociations, aux ministres et envoyés des puissances. Le pr. Kourakin est vice-chancelier. Je me suis adressé directement à m. de Pahlen, auquel j'étais ad-

---

изъ всего этого. А покуда должно признаться, что весьма странно видѣть здѣсь принца Бурбонскаго дома.

Петербургъ, 14/26 мая 1801.

*) ...Я представился г. Палену и доложилъ ему о предметѣ моего путешествія. Онъ-то возвѣстилъ и—ру о моемъ прибытіи и представилъ меня сегодня е. в—ву. И—ръ принялъ меня одинъ въ своемъ кабинетѣ. Я передалъ ему порученное вами письмо. Пріемъ былъ самый привѣтливый. И—ръ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ, какъ онъ признателенъ за выражаемыя мной ваши чувства и какъ давно желалъ онъ видѣть здѣсь кого-нибудь отъ нашего прав—ва, чтобы выразить ему собственныя чувства къ вамъ. Онъ прибавилъ, что предупредилъ ваши желанія, отдавши приказъ кончить переговоры. Г. Паленъ все еще во главѣ дѣлъ и, кажется, пользуется большимъ вліяніемъ. Г. Панинъ — дѣйств. т. сов—къ и завѣдующій всѣмъ, что относится до переговоровъ, министровъ и посланниковъ державъ. Кн. Куракинъ—вице-канцлеръ. Я обратился прямо къ Палену, къ которому у меня было

ressé par une lettre de m. de Kolitscheff, et en effet m. de Pahlen m'a dit, que c'était lui, qui devait être chargé de me présenter à l'E-r. Immédiatement après ma visite à l'E-r, je me suis dépéché de vous écrire pour profiter du courrier, qui allait partir, et vous annoncer mon arrivée ici; ensuite je me suis rendu chez m. de Panin, que m. de Pahlen m'a dit d'aller voir en sortant de chez l'E-r et qui se trouvait chez lui lorsque j'y suis arrivé. M. de Panin, m'ayant fait entrer dans son cabinet, m'a dit, que l'E-r lui avait communiqué votre lettre et qu'il ne pouvait que me répéter ce que S. M. m'avait dit elle-même de ses intentions pour la paix. Il m'a demandé, si votre intention était, que les négociations se continuassent à Paris ou si vous désiriez, que le lieu en fût changé et les continuer à Pétersbourg, et si dans ce cas j'avais des pouvoirs et des instructions pour traiter. Je lui ai répondu, que vous ne m'aviez envoyé auprès de S. M. que pour la féliciter sur son avènement au trône imp-l, et pour lui faire connaître les sentiments d'estime et de considération, que vous aviez pour sa personne, et je lui ai répété ce que j'avais dit à l'E-r du désir, que vous aviez de voir les négociations terminées; que les deux g-ts, étant aussi éloignés, les lenteurs en devenaient d'autant plus préjudiciables, que les évènements se succédaient rapidement en Italie et en Allemagne. Il m'a dit, que dans les premiers moments l'on n'avait pu que se borner à charger m. de Kolitscheff d'annoncer l'avènement de S. M. au trône; que de-

---

письмо отъ г. Колычева, и дѣйствительно, г. Паленъ сказалъ мнѣ, что именно ему поручатъ представить меня и—ру. Тотчасъ послѣ визита и—ру, я поспѣшилъ написать вамъ, пользуясь отъѣзжавшимъ курьеромъ, и извѣстить васъ о моемъ пріѣздѣ. Затѣмъ я отправился къ г. Панину, къ которому г. Паленъ совѣтовалъ мнѣ зайти, вышедши отъ и—ра. Онъ былъ дома. Введя меня въ свой кабинетъ, г. Панинъ сказалъ, что и—ръ сообщилъ ему ваше письмо и что онъ, съ своей стороны, можетъ только повторить сказанное е. в—вомъ насчетъ его мирныхъ намѣреній. Онъ спросилъ, желаете ли вы, чтобы переговоры продолжались въ Парижѣ или чтобы они были перенесены въ Петербургъ и, въ послѣднемъ случаѣ, есть ли у меня полномочія и инструкціи для переговоровъ. Я отвѣчалъ, что вы послали меня лишь для поздравленія е. в—ва съ восшествіемъ на имп—кій престолъ и для заявленія вашего уваженія и почтенія къ его особѣ. Я повторилъ ему сказанное и—ру, именно, что вы желаете окончить переговоры и что, при такой отдаленности обоихъ правительствъ, замедленія въ нихъ были бы тѣмъ опаснѣе, что событія въ Италіи и Германіи быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Онъ сказалъ, что на первыхъ порахъ можно было только извѣстить чрезъ г. Колычева о восшествіи е. в—ва на престолъ; но что потомъ г. К—въ долженъ

puis il avait dû recevoir des instructions si détaillées, qu'il ne dépendait plus que de vous de terminer. Nous avons parlé de Naples. Je lui ai dit, que vous sentiez bien, que S. M. I. dût prendre intérêt à s. m. le roi des Deux-Siciles à cause du commerce de la mer Noir et de la Méditerranée; mais que votre intention était de lui maintenir l'intégrité de ses états et que la paix serait stable. M. de Panin m'a répondu, que S. M. I. avait espéré, que les négociations avec Naples se feraient à Paris, que d'abord entamées par le gén. Murat, elles avaient ensuite été terminées tout d'abord par un plénipotentiaire envoyé à son quartier général. Je lui ai répondu, que le gén. Murat n'avait été chargé d'aucune négociation, qu'il avait fait, comme gén. en chef, un armistice pour terminer les hostilités; que vous n'avez envoyé un plénip. que parce que m. de Gallo n'avait pas de pouvoirs suffisants pour terminer de suite, et que le g-t fr-s avait voulu profiter de ses avantages pour avoir des moyens de faire passer plus promptement et plus sûrement des secours en Egypte, qui se trouvait dans ce moment menacée d'une expédition formidable de la part des anglais, et je lui ai répété, que votre intention était de maintenir à s. m. sicil. l'intégrité de ses états.— M. de Panin m'a répété le vif intérêt, que S. M. I. prenait au roi de Naples et que non-seulement nous ne nous étions pas contentés d'occuper une partie de ses états, mais qu'aussi on l'avait forcé à des cessions formelles, telles que celle de Piombino, et il m'a dit, qu'au reste

---

былъ получить такія подробныя инструкціи, что только отъ васъ зависѣло заключеніе дѣла. Говорили о Неаполѣ. Я сказалъ, что вы отлично понимаете участіе, принимаемое е. в—вомъ въ королѣ Обѣихъ Сицилій, по причинѣ торговли на Черномъ и Средиз. моряхъ, но что вы намѣрены сохранить его государство въ цѣлости и что миръ будетъ проченъ. Г. Панинъ отвѣчалъ, что е. и. в—во надѣялся, что переговоры съ Неаполемъ будутъ происходить въ Парижѣ, а они были открыты ген. Мюратомъ и вдругъ окончены полномочнымъ, посланнымъ въ его главную квартиру. Я отвѣчалъ, что ген. Мюрату не поручалось никакихъ переговоровъ; что онъ, какъ главнокомандующій, заключилъ перемиріе для прекращенія враждебныхъ дѣйствій; что вы потому только послали полномочнаго, что у г. Галло не было достаточныхъ полномочій для немедленнаго докончанія; что фр. прав—во желало воспользоваться своими выгодами, чтобы имѣть возможность поскорѣе и повѣрнѣе послать помощь въ Египетъ, которому угрожала тогда сильная экспедиція англичанъ. Я повторилъ, что вы намѣрены сохранить владѣнія его сицил. в—ва въ цѣлости.—Г. Панинъ повторилъ мнѣ о живомъ участіи его и. в—ва къ неаполит. королю и о томъ, что мы не только не удовольствовались занятіемъ части его владѣній, но еще принудили его къ такимъ формальнымъ

la conclusion des affaires d'Egypte ne pouvait plus tarder, ou que les anglais par les flôttes nombreuses, dont ils couvraient la mer, rendraient inutile l'envoi de tout secours en Egypte et que les forçes, qui y avaient débarqué et qui paraissaient avoir eu quelques premiers succès, parviendraient à s'en emparer, ou que le gén. Menou sortirait victorieux de cette nouvelle attaque, que dès lors nous ne pouvions plus occuper une partie des états du roi de Naples, car cela ne s'appellerait pas maintenir l'intégrité de ses états.—Je lui ai parlé du roi de Sardaigne, des sujets de mécontentement, que vous aviez contre lui, des difficultés, qu'on éprouvait à le maintenir dans la possession du Piémont, et que d'ailleurs vous aviez regardé l'intérêt, que feu l'E-r prenait à lui, comme personnel, que l'occupation du Piémont par le roi de Sard. n'était plus d'aucun intérêt politique depuis celle des états de Venise par la maison d'Autriche.—Il m'a répondu, qu'il y aurait beaucoup plus de sûreté pour l'Italie, si le roi de Sard. occupait le Piémont, que si nous nous en emparions; qu'il paraissait, que votre intention était de le faire par les ordres, qui ont été donnés pour sa division et son administration et par plusieurs proclamations.—Il m'a dit aussi, que les arrangements, qui devaient suivre le traité de Lunéville, étaient loin d'être terminés; que dans le temps vous aviez paru désirer vous réunir à S. M. I. pour terminer les affaires de l'Empire et décliner l'influence de la Prusse, dont l'esprit d'envahissement est insatiable. Je lui ai répondu, que je

---

уступкамъ, какъ Пьомбино. Онъ сказалъ мнѣ, наконецъ, что рѣшеніе египетскихъ дѣлъ не можетъ замедлиться: или англичане, съ ихъ многочисленнымъ, покрывающимъ море, флотомъ сдѣлаютъ безполезною всякую помощь въ Египтѣ, и высаженныя ими силы, кажется имѣвшія уже первый успѣхъ, овладѣютъ имъ; или же ген. Мену выйдетъ побѣдителемъ изъ этого новаго нападенія, и тогда намъ уже не слѣдъ занимать часть владѣній неаполит. короля, ибо это не будетъ значить сохранять его владѣнія въ цѣлости.—Я говорилъ ему о сардин. королѣ, о причинахъ вашего недовольства имъ, о неудобствѣ сохранять за нимъ Пьемонтъ, о томъ, что на вашъ взглядъ участіе къ нему покойнаго и—ра было чисто личное и что занятіе Пьемонта сардин. королемъ потеряло политическое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ венец. владѣнія заняты австр. домомъ.—Онъ отвѣчалъ, что для Италіи было бы гораздо безопаснѣе, еслибы сардин. король, а не мы занимали Пьемонтъ; а мы-де, кажется, хотимъ овладѣть имъ, судя по приказамъ, даннымъ вашей дивизіи и администраціи, и по многимъ воззваніямъ.—Онъ сказалъ также, что сдѣлки, вытекающія изъ люневильскаго договора, далеко не завершены, и что въ свое время вы, кажется, желали присоединиться къ е. и. в—ву для окончанія имперскихъ дѣлъ и для отклоненія вліянія Пруссіи, отличающейся не-

n'avais aucune instruction pour cet objet; que je ne doutais pas que votre désir ne fût celui de vous joindre à S. M. I. pour la tranquillité de l'Europe et que c'était à deux grandes puissances, comme la France et la Russie, à la conserver.—Je lui ai parlé du désir, que vous aviez manifesté dans le temps d'accéder au traité de neutralité armée, mais que la demande, qui en avait été faite, avait été rejetée. Il me dit, qu'il ne comprenait pas comment une puissance belligérante demandait à être comprise dans une alliance, dont le nom seul de neutralité l'excluait nécessairement; qu'il n'en avait vu aucun exemple dans l'histoire. Je lui ai dit, que les anglais, ayant agi hostilement et attaqué les danois, ce n'était plus une neutralité, mais une alliance défensive; qu'en attaquant une seule des puissances, ils déclaraient la guerre à toutes celles, qui avaient accédé à la neutralité.—Il m'a répondu, qu'il n'y avait jamais eu de déclaration de guerre entre la Russie et l'Angleterre.—J'ai parlé ensuite à m. de Panin du départ pour Paris de m. de Morcoff, que j'avais appris devoir remplacer m. de Kolitscheff. Il m'a dit, que jusqu'à présent le départ de m. de Morcoff n'avait été différé, que parce que l'on m'attendait ici et l'on avait désiré savoir, si j'apportais quelque chose relatif aux négociations, que dès à présent m. de Morcoff ne pouvait plus tarder à partir...

Paris. 140, 168. Подлинникъ.

насытною жаждой захватовъ. Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ инструкцій на этотъ предметъ; что я не сомнѣваюсь въ вашемъ желаніи присоединиться къ е. и. в—ву ради спокойствія Европы; и что соблюденіе послѣдняго—дѣло двухъ такихъ великихъ державъ, какъ Франція и Россія.—Я говорилъ ему, что въ свое время вы заявляли желаніе приступить къ договору о вооруженномъ нейтралитетѣ, но ваша просьба была отвергнута. Онъ сказалъ, что не понимаетъ, какъ воюющая держава могла требовать принятія въ союзъ, одно нейтральное имя котораго исключало ее неизбѣжно: онъ-де не видѣлъ такого примѣра въ исторіи. Я сказалъ ему, что, вѣдь, англичане дѣйствовали враждебно противъ датчанъ и напали на нихъ: слѣд., это былъ уже не нейтралитетъ, а оборонительный союзъ; нападая на одну изъ державъ, они объявляли войну всѣмъ, приступившимъ къ нейтралитету.—Онъ отвѣчалъ, что между Россіей и Англіей никогда не было объявленія войны.—Затѣмъ я говорилъ г. Панину объ отправленіи въ Парижъ г. Моркова, который, какъ слышно, долженъ замѣстить г. Колычева. Онъ сказалъ, что покуда отъѣздъ г. Моркова откладывался въ виду моего прибытія: желали знать, не привезу ли я чего-нибудь относительно переговоровъ. Но теперь г. Морковъ не замедлитъ отправиться...

№ 76.—Дюрокъ Талейрану.

Pétersbourg, 9 prairial an IX.

*) Je suis arrivé à Pétersb. dans la nuit du 4 au 5. Je n'ai trouvé sur la frontière aucun passeport, ni personne pour m'accompagner; aussi je n'ai pas été aussi bien servi par la poste, que je l'eusse été, si le g-t eût donné des ordres pour mon passage. Les officiers, qui ont accompagné m. de Sprengporten, que j'ai vus ici et auxquels j'étais bien aise de parler des lenteurs, que j'avais éprouvées dans mon voyage, en me témoignant tous leurs regrets, rappelaient les soins et les attentions, que notre g-t avait eus pour le leur et celui de m. de Kolitscheff. Au reste, j'en suis bien dédommagé par la manière, dont j'ai été reçu ici... Le cabinet de Pétersbourg veut être bien avec tout le monde; ainsi nous pouvons donc compter, qu'il fera la paix. La manière, dont m'a parlé l'E-r, le désir que m. de Panin m'a laissé entrevoir, que ce fût la France et la Russie, qui arrangeassent les affaires d'Allemagne, et d'en écarter surtout le cabinet de Berlin, me persuadent, que l'on pourrait faire quelque chose de plus.—M. de Panin et tout le cabinet passent pour être attachés aux anglais; je crois que la balance penche en leur faveur, mais pas encore bien fort. Depuis l'embargo il n'était pas sorti, ni entré un seul vaisseau dans les ports de Russie. Les russes ne commercent qu'avec les anglais. Les négociants russes, en convenant, qu'il

---

Петербургъ, 17/29 мая 1801.

*) Я прибылъ въ Петерб. въ ночь съ 4-го на 5-е. На границѣ не нашелъ ни паспорта, ни спутника; почта служила мнѣ также не такъ хорошо, какъ въ случаѣ, еслибы прав—во дало приказы касательно моего проѣзда. Сопровождавшіе г. Спренгпортена офицеры, которыхъ я видѣлъ здѣсь и съ которыми радъ былъ поговорить о задержкахъ, испытанныхъ мною въ пути, изъявили мнѣ все свое сожалѣніе и припоминали заботы и вниманіе, которыми былъ окруженъ путь ихъ и г. Колычева со стороны нашего прав—ва. Впрочемъ, я былъ вознагражденъ здѣшнимъ пріемомъ... Петерб. кабинетъ желаетъ находиться въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми: стало быть, можемъ разсчитывать на миръ. Тонъ рѣчей и—ра и проявленное г. Панинымъ желаніе, чтобы Франція и Россія устроили нѣмецкія дѣла, устраняя особенно берл. кабинетъ, убѣждаютъ меня, что можно сдѣлать что-нибудь и побольше.— Г. Панинъ и весь кабинетъ слывутъ приверженцами англичанъ; я думаю, что вѣсы склоняются на ихъ сторону, но еще не слишкомъ. Съ установленія морского запрета ни одно судно не вышло изъ русскихъ портовъ и ни одно не

fallait résister à leur despotisme et à leur insolence, parlaient de l'état de souffrance, dans lequel ils se trouvaient, et pour le faire cesser on a parlé d'arrangement...

J'ai vu m. de Morcoff, qui remplace m. de Kolitscheff, que l'on prétend avoir demandé son rappel pour arranger ses affaires domestiques. On pense bien ici sur le compte de m. de Kolitscheff, comme on l'a fait à Paris.—M. de Morcoff vous est connu; il passe ici pour avoir de l'esprit. Je presse son départ autant que je le puis...

Le nouvel E-r est très aimé, parce qu'il fait tout ce qu'il peut pour l'être, et qu'à la gêne et à la tyrannie, sous laquelle on vivait sous Paul I, il a fait succéder une grande liberté.

Paris. 140, 170. Подлинникъ.

№ 77.—Дюрокъ Бонапарту.

Pétersbourg, 9 prairial an IX.

*) Les détails de la mort de Paul I sont trop connus pour que je vous en parle encore. Paul I était bien revenu sur le compte des français; il était enthousiaste de vous et vous aimait beaucoup; il ne faisait que parler de ce que vous faisiez et entrait dans les moindres détails à votre sujet. Il avait l'esprit chevaleresque; son plaisir était de faire jouer ici par la troupe des comédiens français des pièces, qui rappelaient

---

вошло. Русскіе торгуютъ только съ англичанами. Русскіе купцы, сознаваясь, что необходимо противиться ихъ деспотизму и наглости, толковали о переносимыхъ ими страданіяхъ—и здѣсь заговорили о сдѣлкахъ для прекращенія послѣднихъ... Видѣлъ г. Моркова, замѣстителя г. Колычева, который, говорятъ, просилъ отозвать его для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. Здѣсь, какъ и въ Парижѣ, хорошаго мнѣнія о г. Колычевѣ.—Вы знаете г. Моркова; онъ считается здѣсь умнымъ. Я всячески тороплю его съ отъѣздомъ... Новаго и—ра очень любятъ: онъ дѣлаетъ все, чтобы заслужить любовь; онъ ввелъ большую свободу на мѣсто стѣсненія и тиранніи временъ Павла I.

Петербургъ, 17/29 мая 1801.

*) Мнѣ нечего повторять слишкомъ извѣстныхъ подробностей о смерти Павла I. Павелъ I сталъ-было совсѣмъ иначе судить о французахъ: онъ былъ вашимъ поклонникомъ и очень полюбилъ васъ; у него только и рѣчи было, что о вашихъ дѣлахъ; онъ входилъ въ малѣйшія подробности относительно васъ. Онъ обладалъ рыцарскимъ духомъ: франц. актеры исполняли у него, къ его

l'ancienne chevalerie. Il était très libéral et même prodigue pour donner. Aimable dans son particulier il n'était tyran qu'hors de son palais. Il était changeant et emporté. Dans le fort même de sa guerre contre les français, il en parlait, comme un homme, qui les estimait, et il convenait depuis qu'il avait été trompé par l'Autriche et par l'Angleterre et qu'il avait agi contre ses intérêts. — Son g-t était insupportable; il avait fait de sa capitale un désert, rien ne pouvait y arriver, rien ne pouvait entrer dans l'empire; les prisons étaient pleines, on était mutilé et exilé pour la moindre chose. Il ne s'est pas trouvé avoir un ami, qui l'ait prévenu de la conspiration tramée contre lui. M. de Pahlen, qui passe pour l'avoir dirigée, s'était si bien arrangé, que l'on ne pouvait rien lui dire, si le coup n'eût pas réussi. M. de Pahlen a beaucoup de pouvoir, c'est un général, qui a servi avec distinction et qui, en sa qualité de gouverneur, est très craint des troupes. Aussi la nuit de la mort de Paul I, lorsque les officiers haranguaient et voulaient gagner leurs compagnies, les soldats disaient: *„Oui, mais Pahlen le veut-il?“* —Oui, oui, disaient les officiers, et en effet c'est Pahlen, qui releva et changea toutes les gardes. — Les frères Souboffs et quelques de la garde ont exécuté le coup, on leur fait à tous mauvaise mine. Un de ces chefs vient de mourir, il y a deux jours; il commandait un des régiments des gardes. Les deux frères Constantin et Alexandre vi-

---

наслажденію, пьесы, напоминавшія старое рыцарство. Онъ былъ очень щедръ, даже расточителенъ въ издержкахъ. Любезный въ частномъ быту, онъ былъ тираномъ лишь за предѣлами дворца. Онъ былъ перемѣнчивъ и горячъ. Въ разгаръ войны съ французами, онъ отзывался о нихъ съ уваженіемъ и потомъ признавался, что его обманули Австрія съ Англіей и что онъ поступалъ вопреки своимъ выгодамъ.—Его правленіе было невыносимо. Онъ обратилъ столицу въ пустыню: ничто не могло проникнуть въ нее, также какъ и въ имперію. Тюрьмы были переполнены; калѣчили и ссылали за пустяки. Не нашлось друга, который предупредилъ бы его о замышляемомъ противъ него заговорѣ. Г. Паленъ, котораго считаютъ руководителемъ послѣдняго, такъ хорошо все подстроилъ, что ничего нельзя было сказать ему, еслибы ударъ не удался. Г. Паленъ въ большой силѣ. Это—заслуженный генералъ, который сталъ, въ качествѣ губернатора, грозой войскъ. Въ ночь смерти Павла I, когда офицеры обратились съ рѣчами къ своимъ ротамъ, чтобы склонить ихъ къ своему дѣлу, солдаты спрашивали: „Ладно, но угодно ли это Палену?“— „Да, да“, отвѣчали офицеры. И дѣйствительно, именно Паленъ смѣнилъ всѣхъ часовыхъ.—Братья Зубовы и нѣсколько начальниковъ гвардіи совершили дѣло; на всѣхъ на нихъ смотрятъ косо. Два дня тому назадъ одинъ изъ этихъ начальниковъ умеръ: онъ командовалъ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ.

vent très bien ensemble, toute la cour est très unie. Les frères Souboffs paraissent avoir encore bien peu de crédit et qui ne peut durer. — Dernièrement l'E-r était allé visiter sa flotte à Cronstadt et ne revint que très avant dans la nuit. On répandit quelques mauvais bruits dans la ville; aussitôt tous les régiments sans ordre et spontanément ont pris les armes et se sont assemblés devant leurs casernes, en demandant leur E-r. Pour les satisfaire, le prince Constantin a envoyé un officier à son frère pour hâter son retour dans sa capitale.—La cour est ici très brillante et d'un luxe imposant. La liberté, dont on jouit à présent, a attiré un grand nombre d'étrangers à Pétersb. Il n'y a cependant pas de plaisirs à cause de deuil.—Le couronnement de l'E-r doit se faire au mois de septembre. Les monuments et les édifices publics de cette ville sont bien beaux; tout est grand et majestueux.—La garnison est environ de 30,000 hommes, dont 10—12 m. hommes de la garde de l'E-r, qui est très belle et bien exercée.

Paris, 140, 172. Подлинникъ.

Братья, Константинъ и Александръ, живутъ очень согласно; весь дворъ весьма единодушенъ. Братья Зубовы, кажется, пользуются еще довѣріемъ, но не большимъ, и оно не можетъ быть продолжительнымъ.—На-дняхъ и—ръ ѣздилъ къ своему флоту въ Кронштадтъ и возвратился очень поздно ночью. Въ городѣ распространились дурные слухи, — и вдругъ всѣ полки, сами собой, безъ приказа, схватили оружіе и собрались передъ своими казармами, требуя своего и—ра. Желая удовлетворить ихъ, князь Константинъ послалъ офицера къ брату, чтобы онъ поспѣшилъ въ столицу.—Здѣшній дворъ очень блестящъ и отличается поразительною роскошью. Свобода, которою наслаждаются теперь, привлекла множество иностранцевъ въ Петерб. Но увеселеній нѣтъ по причинѣ траура.—Коронація будетъ въ сентябрѣ. Очень хороши въ этомъ городѣ памятники и общественныя зданія: все обширно и величественно.—Гарнизонъ простирается до 30,000 чел. Изъ нихъ 10—12 т. императорской гвардіи: она прекрасна и хорошо обучена.

№ 78.—Докладъ Талейрана.

Paris, vers le 9 prairial an IX.

*) M. de Kolitscheff, ayant reçu de sa cour de nouveaux ordres et des pouvoirs en bonne et due forme, présente un projet de traité, dans lequel on reconnaît avec satisfaction quelque fruit des discussions, qui ont eu lieu précédemment à Paris entre le min. des rel. ext. et l'envoyé de Russie.—En effet les articles I—V sont présentés tels qu'ils avaient été convenus et peuvent être par conséquent acceptés sans modifications.—Mais il paraît nécessaire: 1) de comprendre dans l'art. VI les républiques helvétique, cisalpine et ligurienne; 2) supprimer entièrement l'art. VII, car il est sans exemple, que les articles secrets d'un traité soient annoncés dans le traité, et les conventions à faire pour les arrangements d'Europe étant tout-à-fait indépendantes du rétablissement de la paix entre la France et la Russie, il est au moins superflu, que le traité de pacification les mentionne, L'art. VIII peut être adopté dans sa rédaction.—Je passe aux stipulations additionnelles et secrètes proposées par m. de Kolitscheff. L'art I peut être admis. La phrase importante est la dernière et elle est parfaitement analogue aux intérêts et aux vues du g-t fr-s.—Il serait à désirer, qu'il ne fût pas question de l'Italie, mais il paraît impossible de repousser tout-à-fait l'intervention

---

Парижъ, ок. 17/29 мая 1801.

*) Получивъ отъ своего двора новыя приказанія и полномочія въ хорошей и надлежащей формѣ, г. Колычевъ представляетъ проектъ договора, въ которомъ съ удовольствіемъ можно видѣть нѣкоторые плоды предшествовавшихъ переговоровъ въ Парижѣ между мин. ин. дѣлъ и русскимъ посломъ.—Въ самомъ дѣлѣ, статьи I—V изложены такъ, какъ это было условлено, и, слѣдовательно, могутъ быть приняты безъ измѣненій.—Но, кажется, необходимо: 1) включить въ VI ст. гельветскую, цизальпинскую и лигурійскую республики; 2) исключить вовсе VII ст., потому что нѣтъ примѣра, чтобы тайныя статьи договора вносились въ него; а такъ какъ конвенціи, которыя должны быть заключены для устройства Европы, нисколько не зависятъ отъ возстановленія мира между Франціей и Россіей, то по меньшей мѣрѣ излишне упоминать о нихъ въ мирномъ договорѣ. VIII статью можно принять, какъ она есть.—Перехожу къ дополнительнымъ и тайнымъ статьямъ, предложеннымъ г. Колычевымъ. I ст. можетъ быть принята. Важна послѣдняя фраза, и она вполнѣ тождественна съ выгодами и взглядами фр. пр—ва.—Желательно, чтобы не упоминалось объ Италіи, но, кажется, невозможно совсѣмъ отстранить вмѣ-

de la Russie à cet égard; il faut seulement la maintenir dans des termes convenables.—L'art. II, qui est général et qui ne spécifie rien, peut donc être adopté sans inconvénient.—L'art. III est celui où l'on remarque le plus de changements apportés à Pétersb. par les délibérations, qui avaient eu lieu à Paris. On se rappelle, que Paul I demandait l'évacuation de l'Egypte, il n'en est pas question ici, et l'art. est très admissible.—L'art. IV doit être rédigé ainsi: „La dite république s'engage à maintenir d'après les bases du traité de paix, qui vient d'être conclu le .... avec la cour de Naples, l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux-Siciles, ami et allié de S. M. l'E-r de toutes les Russies. Les troupes fr-ses, qui occupent le pays de Bari et d'Otrante, ne pourront en aucun cas y séjourner plus longtemps, qu'il n'a été convenu avec s. m. sicilienne".—L'art. V devra pareillement être ainsi rédigé: „Il est convenu entre les deux puissances, que la discussion relative à s. m. le roi de Sardaigne n'aura lieu qu'au moment de la pacification générale, sans qu'il puisse être rien préjugé pour ou contre son rétablissement, des formes d'administration employées dans le Piémont et les autres états, qu'il possédait en Italie".—L'art. VI peut être admis sans aucune difficulté.—L'art. VII en présente une. Il s'agit de savoir jusqu'à quel point nous pouvons garantir à l'électeur palatin l'intégrité absolue de ses possessions actuelles en Empire. Il paraîtrait préférable

---

шательство Россіи въ это дѣло; нужно только удержать его въ приличныхъ границахъ.—Ст. II—общая и не касается ничего въ частности; поэтому, ее удобно принять.—Въ III ст. болѣе всего замѣтно перемѣнъ, произведенныхъ въ Петербургѣ обсужденіями, происходившими въ Парижѣ. Вы помните, что Павелъ I требовалъ очищенія Египта: здѣсь объ этомъ не говорится, и статья очень сносна.—IV ст. должна быть изложена такъ: „Сказанная республика обязывается сохранять, согласно основнымъ положеніямъ мирнаго договора, который заключенъ (тогда-то) съ неаполитанскимъ дворомъ, цѣлость владѣній его в—ва короля Обѣихъ Сицилій, друга и союзника его в—ва, и—ра всероссійскаго. Фр—кія войска, занимающія земли Бари и Отранто, не должны ни въ какомъ случаѣ оставаться тамъ дольше, чѣмъ было условлено съ его в—вомъ королемъ Сициліи".—Точно также и V ст. должна быть изложена такъ: „Между обѣими державами условлено, что переговоры касательно его в—ва сардинскаго короля будутъ происходить только во время всеобщаго замиренія, и ничего нельзя предрѣшать ни за, ни противъ его возстановленія или формъ правленія въ Пьемонтѣ и другихъ его владѣніяхъ въ Италіи".—VI ст. можетъ быть принята безъ всякихъ затрудненій.—Въ VII ст. представляется одно затрудненіе. Нужно знать, до какой степени мы можемъ обезпечить курфюрсту пфальцскому полную цѣлость его настоящихъ владѣній

de retrancher ces mots: *en lui garantissant* etc., en faisant entendre à m. de Kolitscheff, que l'électeur lui-même pouvant s'accorder avec l'Autriche pour quelque échange de territoire, il n'y a pas lieu à stipuler une garantie si formelle. — Les art. VIII—XI peuvent être adoptés dans leur forme et teneur.

Paris. 140, 226. Подлинникъ.

№ 79.—Массонъ Талейрану.

Coblentz, 10 prairial an IX.

*) Je suis très sensible à la lettre, dont vous m'avez honoré; elle redoublerait, s'il était possible, mon zèle et mon empressement à vous adresser toutes les notions, qui me semblent intéressantes sur la Russie, bien assuré qu'une seule idée juste et utile, que vous pourriez y trouver, me fera pardonner de votre part le hors-d'œuvre des autres réflexions.—Les évènements paraissent avoir déjà mis au jour le système, qui fait le sujet de mes premières observations. Alexandre sur le trône se montre approchant, comme je l'avais peint. Tout ce qu'il fait était dans son cœur, mais pas encore dans sa tête; il est puissamment influencé et même dominé par les chefs du conseil, qu'il s'est donné de la plu-

---

въ Имперіи? Лучше было бы выкинуть эти слова: *гарантируя ему и т. д.* и объяснить г. Колычеву, что курфюрстъ самъ можетъ согласиться съ Австріей относительно какого-нибудь обмѣна земель, и поэтому нѣтъ надобности ставить въ условіе такую формальную гарантію.—Ст. VIII—XI могутъ быть приняты, какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

Кобленцъ, 18/30 мая 1801.

*) Меня очень тронуло письмо, которымъ вы почтили меня. Оно удвоитъ (если это возможно) мое рвеніе и стараніе передать вамъ всѣ, на мой взглядъ интересныя, свѣдѣнія о Россіи; я же увѣренъ, что за одну вѣрную и полезную мысль въ нихъ вы простите мнѣ излишество остальныхъ размышленій.—Обстоятельства, кажется, уже выяснили систему, которая составляетъ предметъ моихъ первыхъ замѣчаній. Александръ на престолѣ оказывается приблизительно схожимъ съ моимъ портретомъ. Все, что онъ сдѣлалъ, исходитъ покуда изъ его сердца, но еще не изъ головы: надъ нимъ сильно тяготѣетъ вліяніе, даже господство главъ совѣта, взятыхъ имъ большею частью изъ среды дѣятелей послѣдней революціи.—Гр. Николай Салтыковъ, бывшій

part des auteurs de la dernière révolution.—Le c-te Nicolas Soltikoff, ci-devant son gouverneur et min. de la guerre, *est le cardinal Fleury* de ce nouveau règne. J'ai été plusieurs années son aide de camp; c'est lui qui m'avait placé auprès d'Alexandre. Les liaisons, que j'avais par là contractées avec lui et surtout avec ses deux fils, dont j'achevai l'éducation, m'ont fait un devoir de bienséance de laisser en blanc son article dans mes mémoires. C'est d'ailleurs un homme timide et minutieux, il ne cherche qu'à gagner le ciel et de l'argent, et il concilie ces deux goûts un peu opposés avec un peu d'hipocrisie. C'est un russe de l'ancienne cour. Ses moyens sont une grande assiduité, une vie très mystique et très régulière et des attentions continuelles pour la santé de son ci-devant élève. Routinier, sans système politique, il aime la paix et ne hait point la France, où il accompagna jadis Paul I. Mais sa femme, espèce de folle très singulière, le domine et le tourmente. Elle déteste les français. Le prélat anglomane, dont j'ai eu l'honneur de vous parler, est son directeur. C'est Soltikoff, qui avait aussi donné Souboff pour favori à Catherine, et l'un de ses fils, déjà conseiller intime, est le parfait contraste de son père. Il aime la France, a beaucoup de mérite, d'initiative et de vues générales. Ce serait un grand avantage, si l'on pouvait le faire envoyer un jour en France. Il a été élevé avec l'E-r, qui l'estime, et si l'on pouvait influencer un choix, en demandant

---

его воспитатель и военный министръ,—*кардиналъ Флёри* новаго царствованія. Я много лѣтъ былъ его адъютантомъ; онъ-то приблизилъ меня къ Александру. Мои связи съ нимъ, въ особенности же съ его двумя сыновьями, воспитаніе которыхъ было закончено мною, заставили меня, по долгу приличія, выкинуть главу о немъ въ моихъ Запискахъ. Впрочемъ, это человѣкъ боязливый и мелочный; онъ старается только объ одномъ — достигнуть неба и денегъ, и соединяетъ эти два, нѣсколько противоположныя, вожделѣнія съ нѣкоторымъ лицемѣріемъ. Это—старый русскій царедворецъ. Его сила въ большой усидчивости, въ крайне мистической и правильной жизни да въ непрестанныхъ заботахъ о здоровьѣ своего бывшаго воспитанника. Рутинеръ, безъ политической системы, онъ любитъ миръ и не питаетъ ненависти къ Франціи, куда онъ сопровождалъ когда-то Павла I. Но имъ командуетъ, его терзаетъ жена—нѣчто въ родѣ весьма странной дурочки. Она не терпитъ французовъ: ею руководитъ владыка-англоманъ, о которомъ я уже имѣлъ честь говорить вамъ. Солтыковъ-то устроилъ Зубова любимцемъ Екатерины. Одинъ изъ его сыновей, уже тайный сов—къ, — полная противоположность отцу. Онъ любитъ Францію, обладаетъ многими достоинствами, предпріимчивостью и широкими взглядами. Было бы весьма выгодно, еслибы его отправили какъ-нибудь во Францію. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ и—ромъ, который уважаетъ

Alexandre Nicolaewitsch Soltikoff pour quelque mission, on flatterait son père, on ne déplairait pas à l'E-r et l'on avancerait la négociation.—Je n'entrevois que deux moyens pour décider favorablement pour nous l'E-r de Russie: 1) profiter de notre guerre avec la Porte et de notre situation en Italie pour attaquer la Grèce et appeler la Russie à accomplir les projet de Catherine; 2) le second serait de persuader à ce cabinet, que la prospérité et la gloire de l'empire exigent l'établissement d'une marine marchande, pour que les anglais n'exploitent pas les productions de la Russie, comme celles de leurs propres colonies. Cela changerait les rapports politiques de ces deux puissances trop inclinées à se rapprocher. Car je crains bien que les anglais ne réussissent à force d'humiliations et de bassesses à satisfaire l'orgueil de la Russie en paraissant lui tout accorder, pour demeurer en effet les tyrans et les arbitres des mers et du commerce. La Prusse ne s'y opposera pas sérieusement. — Pour seconder et faire prévaloir à la cour du jeune E-r les idées libérales et généreuses, il faudrait y avoir des hommes sûrs, qui puissent y influencer les jeunes seigneurs en crédit. L'ex-directeur La Harpe y serait très utile, c'est dommage, qu'il ne soit pas français. — Au reste c'est avec douleur, que je vois Alexandre environné des assassins de son père, n'osant les punir, ni même faire mention dans ses manifestes, d'ailleurs si sages, d'un attentat, qui l'a fait E-r malgré lui. Il se forme

---

его. Еслибы можно было повліять на выборъ, попросивши назначить Александра Николаевича Солтыкова въ какую-нибудь миссію, то это польстило бы его отцу, не было бы непріятно и—ру и подвинуло бы впередъ дѣло.—Вижу лишь два средства расположить въ нашу пользу русскаго и—ра: 1) воспользоваться нашею войной съ Портой и нашимъ положеніемъ въ Италіи, чтобы напасть на Грецію и призвать Россію къ исполненію замысловъ Екатерины; 2) убѣдить здѣшній кабинетъ въ томъ, что благоденствіе и слава имперіи требуютъ устройства торговаго флота, чтобы англичане не пользовались произведеніями Россіи, точно своей колоніи. Это измѣнило бы политическія отношенія между этими двумя державами, слишкомъ наклонными къ сближенію: боюсь, какъ бы англичане не добились своего, удовлетворяя русской гордыни униженіями, низостями и всякими кажущимися уступками, чтобы остаться на дѣлѣ тиранами и распорядителями морей и торговли. Пруссія не воспротивится этому серьезно.—Чтобы поддержать либеральныя и великодушныя идеи при дворѣ молодого и—ра, нужно бы имѣть тамъ вѣрныхъ людей, которые могли бы вліять на молодыхъ господъ, пользующихся довѣріемъ. Экс-директоръ Ла-Гарпъ былъ бы весьма полезенъ; жаль, что онъ не французъ.—Въ заключеніе, мнѣ прискорбно видѣть, что Александръ окруженъ врагами своего отца и не смѣетъ не только наказать ихъ, но даже упомянуть въ своихъ,

déjà un parti autour de Constantin, qui, dès son enfance, voulait régenter son frère aîné. Le petit nombre des amis du czar Paul, le grand nombre des turbulents et des mécontents se rallient déjà autour de ce prince, vivante image de son père, qui de plus jouit de la plus grande popularité. Il pourrait bien encore arriver une révolution en Russie...

Paris. 140, 173. Подлинникъ.

№ 80.—Нота Талейрана Колычеву.

Paris, 13 prairial an IX.

*) Après l'examen le plus approfondi du projet de convention secrète présenté itérativement par m. le chev. de Kolitscheff, le soussigné a été autorisé à lui observer. — 1) Que le g-t fr-s, étant résolu à porter la plus entière franchise dans ses engagements, comme dans ses négociations, ne peut adopter la rédaction de l'art. IV, qui donnerait lieu à des discussions interminables; qu'il a fait connaître par quels motifs il avait désiré de faire stationner momentanément quelques troupes à l'entrée de la mer Adriatique; que ces motifs sont légitimes et puissants; qu'en conséquence il ne peut se désister de la proposition, qu'il a faite de rédiger le dit art. ainsi qu'il suit: „La rép. fr-se s'en-

---

вообще мудрыхъ, манифестахъ о покушеніи, которое сдѣлало его и—ромъ вопреки его волѣ. Уже образуется партія вокругъ Константина, который съ дѣтства стремился управлять своимъ старшимъ братомъ. Небольшое число друзей царя Павла и множество смутниковъ и недовольныхъ уже соединяются вокругъ этого принца, этого живого подобія своего отца, который, къ тому же, пользуется огромною популярностью. Въ Россіи весьма возможенъ новый переворотъ...

Парижъ, 21 мая (2 іюня) 1801.

*) По самомъ внимательномъ разсмотрѣніи проекта тайной конвенціи, вторично предложеннаго г. кавалеромъ Колычевымъ, нижеподписавшемуся поручено замѣтить ему:—1) Рѣшившись поступать, въ своихъ обязательствахъ и переговорахъ, съ полною откровенностью, фр—е прав—во не можетъ принять редакцію VI-й ст., которая привела бы къ безконечнымъ препирательствамъ. Оно заявило о побужденіяхъ, по которымъ ему желательно оставить на короткое время нѣсколько войскъ у входа въ Адріатич. море. Эти побужденія законны и могущественны; а потому оно не можетъ отступить отъ своего предложенія изложить сказанную статью такимъ образомъ: „Франц.

gage à maintenir, d'après les bases du traité de paix, qui vient d'être conclu le 16 germinal dernier avec la cour de Naples, l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux-Siciles, ami et allié de S. M. l'E-r de toutes les Russies. Les troupes fr-ses, qui occupent le pays de Bari et d'Otrante, n'y demeureront qu'autant qu'il sera nécessaire pour terminer les affaires d'Orient". — 2) Que le soussigné n'insistera point sur l'adoption de l'art. V tel qu'il l'avait proposé et qu'il admettra celui de m. de Kolitscheff en le réduisant aux termes qui suivent: „Il est convenu entre les deux puissances de rétablir de gré à gré et quand il sera jugé convenable s. m. le roi de Sardaigne dans ses états". -- 3) Que dans l'art. VII il est indispensable de stipuler la garantie de la Russie en même temps que celle de la France. — 4) Que dans l'art X, il convient également de faire mention de l'établissement d'un juste équilibre, dans les différentes parties du monde, de la liberté des mers et du maintien des droits de la neutralité, ainsi qu'il a été proposé dans le contre-projet remis à m. de Kolitscheff. — Telles sont les observations que le soussigné a reçu ordre de présenter au plénipot. de S. M. l'E-r de Russie et qu'il ne doit pas hésiter à lui faire connaître, comme exprimant l'opinion invariable et la volonté dernière du g-t fr-s, en conséquence de quoi le soussigné se réfère au contre-projet, qu'il a remis à m. de Kolitscheff sauf les modifications admises par la présente note.

Pétersbourg. Paris, 1801, 103. Подлинникъ.—Paris. 140, 175. Черновая.

республика обязывается сохранять въ цѣлости владѣнія е. в. короля Обѣихъ Сицилій, друга и союзника е. и. в. и—ра всероссійскаго, согласно съ основаніями мирнаго договора, только-что заключеннаго, 16 жерминаля, съ неаполит. дворомъ. Фр. войска, занимающія земли Бари и Отранто, останутся тамъ лишь до тѣхъ поръ, пока того потребуетъ окончаніе восточныхъ дѣлъ".—2) Ниж—ся не будетъ настаивать на принятій V-й ст. въ предложенномъ имъ видѣ. Онъ допуститъ ее въ формѣ г. Колычева, сводя ее къ слѣд. выраженіямъ: „обѣ державы условились полюбовно и когда сочтется удобнымъ возстановить е. в. короля сардинскаго въ его владѣніяхъ".—3) Въ VII-й ст. необходимо опредѣлить русское обезпеченіе одновременно съ фр—мъ.—4) Также въ X-й ст. слѣдуетъ упомянуть объ установленіи, въ разныхъ частяхъ Свѣта, свободы морей и о сохраненіи правъ нейтралитета, какъ было предложено въ контрпроектѣ, врученномъ г. Колычеву.—Вотъ замѣчанія, которыя поручено нижеподписавшемуся представить полномочному е. в. русскаго и—ра и которыя онъ долженъ передать ему безъ колебаній, какъ неизмѣнное мнѣніе и послѣднюю волю фр—го прав—ва. Посему, нижеподписавшійся ссылается на поданный имъ г. Колычеву контр-проектъ, за исключеніемъ измѣненій, допущенныхъ настоящею нотой.

№ 81.—Бонапартъ Талейрану.

Paris, 13 prairial an IX.

*) Vous trouverez ci-jointe la note, qui a été remise par m. Galeppi au gén. Murat. Vous verrez, qu'il est difficile d'être aussi impertinent et bête que m. de Kolitscheff. Il paraît, que cette note aura été également communiquée à Naples. Envoyez au cit. Alquier votre réponse et un petit historique de cette affaire, afin qu'il en fasse part au cabinet de Naples, afin qu'il ne s'imagine pas, que nous sommes disposés à nous laisser fouetter.—Le roi de Sardaigne a quitté Rome et s'est rendu à Naples, où l'on croit, qu'il s'embarquera pour la Sardaigne.

Paris. 140, 174. Списокъ.

№ 82.—Нота Колычева Талейрану.

Paris, 22 mai (3 juin) 1801.

**) Le soussigné après avoir mûrement réfléchi sur les observations, que le cit. Talleyrand, min. des rel. ext., a eu ordre de lui présenter, comme exprimant l'opinion invariable du g-t fr-s, se trouve à regret dans la nécessité de lui déclarer, que ses instructions ne lui permettent pas de souscrire aux conditions exigées par note en date d'hier, et qu'il se voit

---

Парижъ, 21 мая (2 іюня) 1801.

*) Вы найдете при этомъ, гражд. министръ, ноту, которую г. Галеппи передалъ генер. Мюрату. Вы увидите, что трудно быть болѣе дерзкимъ и глупымъ, нежели г. Колычевъ. Кажется, эта нота точно также была сообщена и Неаполю. Пошлите гражд—ну Алькье вашъ отвѣтъ и маленькую исторію этого дѣла, чтобы онъ сообщилъ ее неаполит. кабинету: пусть онъ не думаетъ, что мы намѣрены подставлять спину.—Сардинскій король уѣхалъ изъ Рима и отправился въ Неаполь, откуда онъ, какъ полагаютъ, отплыветъ въ Сардинію.

Парижъ, 22 мая (3 іюня) 1801.

**) Зрѣло обсудивъ замѣчанія, которыя было приказано министру ин. дѣлъ, гражд. Талейрану, представить ему, какъ неизмѣнное мнѣніе фр—го прав—ва, нижеподписавшійся долженъ, къ своему сожалѣнію, объявить, что инструкціи не дозволяютъ ему подписаться подъ условіями вчерашней ноты

forcé d'attendre les nouveaux ordres, qu'il plaira à S. M. l'E-r de lui faire parvenir.

Pétersbourg. Paris, 1801, 103. Списокъ.

№ 83.—Колычевъ двору.

Paris, 22 mai (3 juin) 1801.

*) Par ma relation № 20 je n'ai pas manqué de porter à la connaissance de V. M. I. les premières démarches que, conformément à ses ordres, j'avais cru devoir faire auprès du g-t fr-s, ainsi que de la réponse verbale, que le min. Talleyrand avait été chargé de me faire alors de la part du 1-r consul. Quoique le plénipotent. fr-s m'eût annoncé sous peu une réponse satisfaisante, cependant je fus quelques jours sans la recevoir. Il me remit ensuite les deux contre-projets annexés ci-joint. Dans la conférence, que j'eus ensuite, il se relâcha sur la clause, qui se trouve au VI art. du contre-projet du traité de paix, et par conséquent nous avons été d'accord sur tous les art. patents. — Quant à la convention secrète, V. M. I. verra dans le contre-projet la différence des vues du g-t fr-s.—L'art. I a été réduit et on a omis la condition de fixer les indemnités de la Prusse, de l'Autriche, du gr.-duc de Toscane et du prince d'Orange, en laissant subsister l'art. dans toutes ses dispositions générales. Cependant cet objet n'a pas été un obstacle à

и что онъ принужденъ выждать новыхъ приказовъ, которые е. в. и--ру угодно будетъ дать ему.

Парижъ, 22 мая (3 іюня) 1801.

*) Въ донесеніи № 20 я не преминулъ увѣдомить в. и. в. о первыхъ моихъ шагахъ при фр—мъ пр—вѣ, согласно съ вашими приказами, а также объ устномъ отвѣтѣ, который тогда поручено было мин. Талейрану дать мнѣ со стороны 1-го консула. Хотя фр. полномочный возвѣстилъ, что вскорѣ дастъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ, однако я не получалъ его нѣсколько дней. Потомъ онъ вручилъ мнѣ два прилагаемые контр-проекта. При послѣдовавшей бесѣдѣ онъ отступилъ отъ оговорки въ VI ст. контр-проекта мирнаго договора, и мы пришли къ соглашенію насчетъ всѣхъ явныхъ статей.—Что же касается тайной конвенціи, в. и. в. увидите въ контр-проектѣ разницу во взглядахъ фр. прав—ва.—Ст. I сокращена; опущено условіе опредѣлить вознагражденія Пруссіи, Австріи, вел. герцога тосканскаго и принца оранскаго;

la conclusion, et le g-t fr-s ne m'a pas paru tenir fortement à sa rédaction. — Les articles II et III ont été adoptés sans aucun changement. — Quant à l'article IV, la paix entre la France et la cour de Naples ayant été signée et les ratifications échangées, j'ai été forcé de donner à cet art. une autre rédaction et j'ose la soumettre ci-joint à V. M. I.—Si le g-t fr-s a mis une opposition marquée relativement à cet objet, il n'a pas été moins facile pour ce qui regarde s. m. Sarde, et l'art. V a apporté de plus grandes entraves encore à la conclusion. La différence, qui existe dans le contre-projet fr-s, est trop marquante. Elle confirme ce dont au reste on ne se défend point ici, que l'intention est de laisser le sort d'Italie incertain, pour en faire ensuite un objet de compensation lors de la paix avec l'Angleterre.—Tous les autres art. ont éprouvé des changements et des additions, sur lesquelles il m'était impossible de transiger. L'art. XI a été totalement omis, et le min. Talleyrand m'a dit, que le 1-r consul ne pouvait consentir à signer à la fois les deux actes: que pour sa dignité il fallait antidater le traité de paix au moins de 24 heures. — Je me suis rendu une seconde fois chez le plénipot. fr-s. Je lui ai détaillé les avantages, qui résulteraient pour la France de terminer au plutôt avec la Russie. Je lui ai exprimé combien le retard, qui serait une suite naturelle de la nécessité, où je me trouverais de demander de nouvelles instructions, arrêterait l'établissement du concert, dont le salut de l'Europe dépendait. Je lui ai

---

а всѣ общія основанія статьи сохранены. Впрочемъ, это не мѣшало докончанію, и мнѣ казалось, что фр. прав—во не будетъ крѣпко держаться своей редакціи.—Ст. II и III были приняты безъ всякихъ измѣненій.—Касательно ст. IV, такъ какъ между Франціей и неапол. дворомъ былъ заключенъ миръ и размѣнены ратификаціи, то я былъ принужденъ дать статьѣ другую редакцію, которую осмѣливаюсь приложить здѣсь для в. и. в—ва.—Если фр. прав—во выказало явное противодѣйствіе по этому предмету, то не болѣе сговорчиво было оно по отношенію къ е. сардин. в—ву, и ст. V представила еще больше препятствій къ докончанію. Разница во фр. контр-проектѣ слишкомъ замѣтна. Она подтверждаетъ (отъ чего и не отрекаются здѣсь), что намѣрены оставить судьбу Италіи нерѣшенною, дабы сдѣлать изъ нея предметъ вознагражденія послѣ мира съ Англіей.—Всѣ остальныя статьи потерпѣли измѣненія и прибавки, на которыя я не могъ согласиться.—Ст. XI была совсѣмъ опущена, и мин. Тал—нъ сказалъ мнѣ, что 1-й консулъ не согласится подписать разомъ два акта и что его достоинство требуетъ помѣтить мирный договоръ по крайней мѣрѣ на 24 ч. раньше.—Я второй разъ отправился къ фр. полномочному. Я выставилъ ему въ подробности выгоды скорѣйшаго докончанія съ Россіей для Франціи. Я сказалъ ему, какъ было бы

remis une seconde fois le projet de la convention secréte, en affaiblissant autant que j'ai cru le pouvoir l'art. IV et lui dónnant la rédaction, dont je joins ici une copie. Je ne laissai point ignorer au min. fr-s, que les ordres de V. M. I. ne me permettaient pas d'y apporter le moindre changement.—Le min. Talleyrand vient de me remettre la note ci-annexée, qui contient l'ultimatum des intentions du 1-r consul. Il ne m'est resté d'autre parti, que de lui déclarer l'impossibilité, où je me trouve de souscrire aux conditions, qu'il exige, et je lui ai remis en conséquence la note ci-jointe. —*Art. IV.* La république fr-se s'engage à maintenir, d'après les bases du traité de paix, conclu en 1796 entre la France et le royaume de Naples, l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux-Siciles, ami et allié de S. M. l'E-r de toutes les Russies. En conséquence les troupes fr-ses évacueront le territoire napolitain dans le plus bref délai. —*Art. IV.* La république fr-se s'engage à maintenir l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux-Siciles, ami et allié de S. M. l'E-r de toutes les Russies. En conséquence les troupes fr-ses évacueront incessamment le territoire napolitain.

Pétersbourg. Paris, 1801, 103. Подлинникъ.

задержано необходимое для благоденствія Европы установленіе согласія, вслѣдствіе необходимости испрашивать мнѣ новыя инструкціи. Вторично вручилъ я ему проектъ тайной конвенціи, ослабивши, насколько могъ, ст. IV и давши ей прилагаемую здѣсь въ спискѣ редакцію. Я не скрылъ отъ фр. министра, что приказы в. и. в—ва не допускаютъ тутъ никакихъ измѣненій.—Сейчасъ мин. Талейранъ вручилъ мнѣ прилагаемую ноту—ультиматумъ намѣреній 1-го консула. Мнѣ оставалось только объявить ему, что я не могу подписаться подъ требуемыми условіями, и я далъ ему прилагаемую ноту.—*Ст. IV.* Фр. республика обязуется, согласно основамъ мирнаго договора 1796 года между Франціей и Неаполит. королевствомъ, сохранить въ цѣлости владѣнія е. в. короля Обѣихъ Сицилій, друга и союзника е. в. и—ра всероссійскаго. По сему фр. войска очистятъ неаполит. земли въ самый короткій срокъ.—*Ст. IV.* Фр. республика обязуется сохранять въ цѣлости владѣнія е. в. короля Обѣихъ Сицилій, друга и союзника е. в. и—ра всероссійскаго. Посему фр. войска немедленно очистятъ неаполит. земли.

№ 84.—Талейранъ г-ну Алькье.

Paris, 16 prairial an IX.

*) Nous avons été informés, que m. Galeppi avait remis au gén. Murat, sans doute pour appuyer des réclamations ou des plaintes, copies de deux notes présentées ici par m. de Kolitscheff. Il paraît, que le plénipot. avait été pressé de tirer vanité des démarches, qu'il s'était permises, et sans doute ces fameuses notes auront aussi été portées à votre connaissance. Mais ce que m. de Kolitscheff ne vous aura pas dit, il faut que je vous l'apprenne: c'est qu'à sa note du 26 avril je répondis par celle, que je joins ici en date du 8 flor., et qui exprimait un refus formel de recevoir son inconvenante diatribe. Il évita à son tour de recevoir ma réponse, et par sa note du 1 mai, il se contènta de demander une réponse sur les points, qui étaient en discussion. Je répliquai alors par la note en date du 15 flor., dont copie est ci-jointe, et conformément aux expressions qu'elle renferme, la note du 26 avril fut regardée, comme non-avenue. Ce qui n'a point empêché, que la négociation ait suivi son cours. Il est à prévoir cependant, qu'elle ne sera pas conduite à fin par m. de Kolitscheff, car on nous mande de Berlin, qu'il est rappelé et que c'est m. de Morcoff, qui le remplace.—J'ai été bien aise de vous donner ces éclaircissements, afin que la publicité au

---

Парижъ, 24 мая (5 іюня) 1801.

*) Насъ увѣдомили, что г. Галеппи вручилъ ген. Мюрату, конечно, съ цѣлью поддержать просьбы или жалобы, копію съ двухъ нотъ, представленныхъ здѣсь г. Колычевымъ. Повидимому, уполномоченный спѣшилъ похвастаться поступками, которые онъ себѣ позволилъ, и, конечно, эти знаменитыя ноты будутъ тоже вамъ сообщены. Но чего вамъ не сказалъ г. Колычевъ, то я долженъ вамъ сказать, а именно: на его ноту отъ 26-го апрѣля я отвѣчалъ нотой отъ 8-го флореаля, которую прилагаю здѣсь и которая выражаетъ формальный отказъ принять его неприличную брань. Онъ, въ свою очередь, уклонился отъ принятія моего отвѣта и въ своей нотѣ отъ 1-го мая удовольствовался просить отвѣта на обсуждавшіеся пункты. Тогда я отвѣчалъ нотой отъ 15-го флореаля, копія которой приложена здѣсь; а нота отъ 26-го апрѣля, вслѣдствіе заключавшихся въ ней выраженій, считалась несуществовавшей. Это не помѣшало переговорамъ идти своимъ чередомъ. Но можно предвидѣть, что г. Колычевъ не доведетъ ихъ до конца, такъ какъ насъ извѣщаютъ изъ Берлина, что онъ будетъ отозванъ и замѣненъ г. Морковымъ.—Я очень радъ былъ дать вамъ эти разъясненія, чтобы по меньшей мѣрѣ нескромная

moins indiscrète donnée par le plénip. russe à ses communications, vous mette dans le cas de relever suivant l'occasion le ridicule d'une pareille conduite. — Vous ferez bien de donner connaissance au gén. Murat de ce que je vous écris et des pièces incluses. — Par précaution je joins encore ici les copies communiquées par m. Galeppi au gén. Murat.

Paris. 140, 179. Черновая.

№ 85.—Дюрокъ Бонапарту.

Pétersbourg, 16 prairial an IX.

*) Aujourd'hui à la parade j'ai présenté à l'E-r les deux officiers de notre garde, que vous m'avez donnés pour m'accompagner.—Dans l'après-midi je suis allé me promener dans un jardin public de cette ville, où j'ai rencontré l'E-r, qui est venu à moi, a fait retirer quelques aides-de-camp, qui l'accompagnaient, et m'a mené dans des allées peu fréquentées pour causer. — Mon entretien avec lui a roulé sur les mêmes objets, que celui que j'ai eu la veille avec m. de Panin. Après m'avoir protesté de sa franchise, de son désir pour la paix, de l'estime, qu'il a eue pour nous non-seulement depuis que vous êtes à la tête du g-t, mais aussi longtemps avant, de l'intérêt qu'il prenait à la France et aux français, qu'il a toujours aimés, il m'a parlé des difficultés, qui s'é-

---

огласка русскимъ уполномоченнымъ его сообщеній дала вамъ возможность указать при случаѣ смѣшную сторону подобнаго поведенія.—Вы хорошо сдѣлаете, сообщивъ ген. Мюрату то, что я вамъ пишу, а также приложенныя бумаги.—Изъ предосторожности присоединяю сюда и копіи, переданныя г-мъ Галеппи ген. Мюрату.

Петербургъ, 24 мая (5 іюня) 1801.

*) Сегодня, на парадѣ, я представилъ и—ру двухъ офицеровъ вашей гвардіи, которыхъ вы дали мнѣ въ спутники.—Послѣ обѣда пошелъ я прогуляться въ общественный садъ, гдѣ встрѣтилъ и—ра, который подошелъ ко мнѣ, далъ знакъ сопровождавшимъ его адъютантамъ удалиться и повелъ меня въ малолюдныя аллеи побесѣдовать.—Разговоръ касался тѣхъ же предметовъ, какъ наканунѣ съ г. Панинымъ. Заявивши о своей искренности, о своемъ желаніи мира, объ уваженіи, которое онъ пріобрѣлъ къ вамъ задолго до того, какъ вы стали во главѣ прав—ва, о своемъ участіи къ Франціи и къ французамъ, которыхъ онъ всегда любилъ, и—ръ заговорилъ о препят-

taient présentées pour la conclusion de la paix. — „D'abord, m'a-t-il dit, il avait été demandé par feu mon père, que l'on évacuât l'Egypte: j'ai bien pensé, que les français ne voudraient pas le faire".—Je lui parlai des avantages, qui résulteraient pour le commerce de la Russie de l'occupation de l'Egypte par les français et du malheur, qui résulterait au contraire pour le continent, si les anglais venaient à bout de s'en emparer. Il m'a répondu, que son désir avait toujours été de la voir entre les mains des français; qu'il avait ordonné à m. de Kolitscheff de ne pas insister sur ce point; qu'il avait même offert Malte aux anglais pour que nous restassions paisibles possesseurs de l'Egypte; que sa conduite toute récente avec l'Angleterre était pour parvenir à ce but; qu'il avait chargé son ministre à Constantinople d'agir auprès des turcs pour les engager à rester tranquilles; qu'il le ferait encore; et que si par malheur les anglais venaient à bout de s'en emparer, il se joindrait volontiers aux puissances d'Europe pour les forcer à l'abandonner et à la remettre aux turcs. — Nous avons parlé ensuite des affaires d'Italie. — „L'intérêt, que feu mon père prenait au roi de Sardaigne, était en effet, m'a-t-il dit, un intérêt personnel: je ne connais aucun de ces princes; je conviens des torts, que le roi de Sardaigne a vis-à-vis du g-t fr-s. Mais quelle résistance voulez-vous, qu'il oppose aux demandes de secours et d'approvisionnements, qui lui sont faites par des escadres puissantes, qui environnent et menacent son île de toutes parts? Je vois avec beau-

---

ствіяхъ къ заключенію мира.—„Прежде всего,—сказалъ онъ,—мой покойный родитель потребовалъ очищенія Египта: я и думалъ, что французы не согласятся".—Я заговорилъ о выгодахъ для русской торговли отъ занятія Египта французами и о бѣдствіяхъ, которыя испытаетъ материкъ, если имъ овладѣютъ англичане. Онъ отвѣчалъ, что всегда желалъ видѣть его въ рукахъ французовъ; что онъ приказалъ г. Колычеву не настаивать на этомъ пунктѣ и даже предложилъ англичанамъ Мальту, чтобы мы спокойно владѣли Египтомъ; что къ тому же клонятся его послѣдніе поступки съ Англіей; что онъ поручилъ своему министру въ Константинополѣ успокоивать турокъ и повторитъ приказъ; что, наконецъ, еслибы, къ несчастью, англичане овладѣли Египтомъ, онъ охотно присоединится къ европ. державамъ, чтобы принудить ихъ покинуть его и возвратить туркамъ.—Потомъ рѣчь шла объ Италіи.— Онъ сказалъ: „Участіе моего покойнаго родителя къ сард. королю было дѣйствительно личное; я не знаю никого изъ этихъ принцевъ и согласенъ, что сард. король неправъ предъ фр. прав—вомъ. Но, скажите, какъ онъ могъ отказывать въ помощи и провіантѣ могучимъ эскадрамъ, которыя грозно окружаютъ его островъ со всѣхъ сторонъ? Мнѣ весьма прискорбно видѣть, что фр. прав—во какъ будто намѣрено овладѣть Пьемонтомъ. Читанныя нами

coup de peine, que le g-t fr-s ait l'air de vouloir s'emparer du Piémont. Les dernières proclamations, que nous avons lues, l'administration civile du pays, assimilée à celle de la répiblique, donne lieu de croire, qu'il veut le faire. Je sais bien qu'il était utile et même indispensable pour la rép-que fr-se d'occuper dans le royaume de Naples des positions, qui faciliteraient le passage des secours à envoyer en Egypte; mais ce n'est pas cela seulement que l'on a fait, on a exigé des cessions et obligé le roi de Naples à des impositions et des fournitures, qu'il se trouve hors d'état de faire. Je prends intérêt au roi de Naples, auquel je suis lié par des traités, et ces objets sont de trop petite conséquence pour une grande nation, comme la France, pour qu'elle ne fasse pas en sorte de faire cesser toutes les criailleries, que cela occasionne et dont je suis obsédé.—J'ai toujours désiré, m'a-t-il ajouté, de voir la France et la Russie unies; ce sont deux nations grandes et puissantes, qui se sont donné réciproquement des preuves d'estime et qui doivent s'entendre pour faire cesser les petites divisions du continent. Des ouvertures avaient été faites à ce sujet à feu mon père; je désirerais beaucoup m'entendre directement avec le 1-r consul, dont le caractère loyal m'est bien connu, et sans passer par tant d'intermédiaires toujours dangereux. Je vous parle à cœur ouvert, dites-le lui bien de ma part; mais soyez discret: il n'est pas même nécessaire que vous en parliez à un ministre. Ne vous servez pas de la poste: vos

---

послѣднія воззванія и сходное съ фр—мъ гражданское управленіе страны даютъ поводъ такъ думать. Знаю, что для фр. республики было полезно и даже необходимо занять нѣкоторыя мѣста въ Неаполит. королевствѣ для прохода вспомогательныхъ войскъ въ Египетъ. Но этимъ не ограничились: отъ неаполит. короля потребовали уступокъ, налоговъ и провіантовъ, которыхъ онъ не въ состояніи дать. Я принимаю участіе въ неаполит. королѣ, съ которымъ меня связываютъ договоры; да и слишкомъ мелочны эти вопросы для такой великой націи, какъ Франція, чтобы она не постаралась прекратить поводы къ этой, надоѣдающей мнѣ, крикливости.—Я всегда (прибавилъ онъ) желалъ видѣть Францію и Россію соединенными: это—двѣ великихъ и могучихъ націи, которыя доказали взаимное уваженіе и должны сойтись, чтобы прекратить мелкіе раздоры на материкѣ. Моему покойному родителю были сдѣланы предложенія въ этомъ смыслѣ; я же очень желаю прямо сговориться съ 1-мъ консуломъ, искренній характеръ котораго мнѣ хорошо извѣстенъ, избѣгая столькихъ и всегда опасныхъ посредниковъ. Говорю съ вами чистосердечно: заявите ему объ этомъ отъ моего имени. Но будьте скромны: не нужно даже говорить ни одному министру. Избѣгайте почты: ваши письма пройдутъ чрезъ слишкомъ много рукъ. Еще скажите ему, что я привязанъ къ его славѣ и

lettres passeront par trop de mains. Dites-lui aussi, que je suis attaché à sa gloire et qu'il ne faut pas qu'on pense de lui, qu'il veuille envahir". — Je lui parlai alors des avantages, que la Russie trouverait dans le commerce du midi etc. Il ajouta: „Je ne veux rien pour moi, je ne veux que contribuer à la tranquillité de l'Europe". — „Je dois vous parler, m'a-t-il ajouté, de ma position vis-à-vis des anglais. Un traité passé avec l'Angleterre disait qu'en cas de rupture, les négociants des deux pays auraient un an pour arranger leurs affaires; ainsi l'embargo, mis sur les bâtiments anglais, était injuste, et en le levant je n'ai consulté que la justice; ce n'était pas pour ravoir ce qu'ils nous avaient séquestré, c'est de trop peu de conséquence; le commerce qu'ils font avec nous ou que nous faisons avec eux se fait généralement sur leurs bâtiments, et les danois et les suédois ont plutôt souffert que nous de la répresaille, dont ils ont usé. La flotte de Réval devait se rendre la campagne dernière à Copenhague; réunie aux flottes danoise et suédoise, le passage du Sund était inexpugnable; mais on n'a réellement pas pu la faire partir avant la mauvaise saison, parce qu'elle manquait absolument des objets nécessaires à son armement. Les suédois sont restés tranquilles spectateurs du passage de la flotte anglaise et n'ont rien fait pour s'y opposer". — Je lui ai dit, que la France avait offert d'accéder à la neutralité armée; que les anglais ayant attaqué et agi hostilement, on ne pouvait y opposer aucune difficulté; et que si

---

что не нужно, чтобы считали его завоевателемъ".—Тутъ я сказалъ ему о предстоящихъ Россіи выгодахъ отъ южной торговли и т. д. Онъ прибавилъ: „мнѣ ничего не нужно; я желаю только содѣйствовать спокойствію Европы."—„Скажу вамъ о моихъ отношеніяхъ къ англичанамъ,—прибавилъ онъ.—Въ договорѣ съ Англіей было сказано, что, въ случаѣ разрыва, купцамъ обѣихъ странъ дается годъ для устройства ихъ дѣлъ: слѣд. наложенное на ихъ суда запрещеніе было несправедливо, и, снимая его, я слѣдовалъ только чувству справедливости. Тутъ было дѣло вовсе не въ томъ, чтобы возвратить захваченное ими у насъ: это—пустяки. Наша торговля съ ними вообще производится ихъ судами, и не столько мы, сколько датчане и шведы пострадали отъ ихъ принудительныхъ мѣръ. Въ послѣдній походъ ревельскій флотъ долженъ былъ отправиться въ Копенгагенъ на соединеніе съ флотами Даніи и Швеціи,—и Зундскій проходъ становился неприступнымъ; но на дѣлѣ онъ не могъ выйти до дурной погоды, такъ какъ совсѣмъ былъ лишенъ необходимаго вооруженія. Шведы остались спокойными зрителями прохода англ. флота и ничего не сдѣлали, чтобы воспротивиться ему".—Я сказалъ ему, что Франція предлагала приступить къ вооруженному нейтралитету и не должна бы была встрѣтить отказа, въ виду нападеній и враждебныхъ дѣйствій англичанъ; и что тогда вы нашли бы

cela eût été fait, vous eussiez trouvé moyen de porter au Danemark, qui se trouvait le plus exposé et le premier menacé, de prompts secours, que la saison ne permettait pas à la Russie de lui envoyer. — Voilà à peu près le résumé d'une conversation assez longue, que j'ai eue avec S. M. l'E-r. Il m'a mis parfaitement à mon aise. Je lui ai dit, que je comptais vous expédier un officier; il m'a bien recommandé de vous répéter ce qu'il m'avait dit; qu'il était très content de voir ici quelqu'un envoyé par notre g-t, qu'il le désirait depuis longtemps; qu'il aimerait à voir les communications fréquentes et directes entre les deux g-ts; qu'il désirait, que vous envoyassiez de nos courriers pour ne pas se confier aux autres et à la poste; qu'il sentait, que cela n'avait pas pu se faire auparavant; qu'il ne voulait pas se mêler des affaires intérieures de personne; que chacun pouvait se donner le g-t, qui lui convenait; qu'il désapprouvait ceux, qui voulaient s'y opposer. — Je lui ai parlé de la situation de la France, de sa tranquillité parfaite, de la stabilité du g-t et de ses principes, des reproches, que l'on a fait à ceux, qui ont précédé celui actuel de vouloir établir leur système partout. Il m'a répondu, que l'on avait pris ce mauvais prétexte pour ce mêler de nos affaires; que quant à l'état florissant, dans lequel se trouvait la France, il le connaissait aussi bien que qui que ce soit.—L'E-r joint à un physique beau et agréable beaucoup de douceur et d'hon-

---

средства быстро оказать помощь Даніи, которая подвергалась наибольшей опасности и первымъ угрозамъ, чего погода не позволяла сдѣлать Россіи.— Вотъ приблизительный очеркъ моей довольно долгой бесѣды съ е. в. и—ромъ. Мнѣ было совсѣмъ легко съ нимъ. Я сказалъ ему, что думаю послать къ вамъ одного офицера. Онъ очень просилъ меня повторить вамъ его слова и заявить, что онъ весьма радъ видѣть здѣсь посланцевъ нашего прав—ва, чего давно желалъ; что ему всегда пріятно будетъ имѣть частыя и прямыя сношенія съ нами; что желательно, чтобы вы присылали курьеровъ, не довѣряясь постороннимъ и почтѣ; что онъ понимаетъ, какъ это было невозможно раньше; что онъ не желаетъ вмѣшиваться въ чужія внутреннія дѣла, ибо всякій воленъ избирать себѣ удобное ему прав—во; что онъ осуждаетъ тѣхъ, которые поступаютъ иначе.—Я говорилъ ему о положеніи Франціи, объ ея полномъ спокойствіи, о прочности ея прав—ва и основъ, объ упрекахъ прежнему прав—ву въ стремленіи повсюду установить свою систему. Онъ отвѣчалъ, что за этотъ-то дурной предлогъ и хватались, чтобы вмѣшиваться въ наши дѣла; что же касается процвѣтанія Франціи, то никто больше него не убѣжденъ въ этомъ.—Въ и—рѣ красивая и пріятная внѣшность соединяется съ большою мягкостью и вѣжливостью. Онъ, кажется, обладаетъ хорошими пра-

nêteté; il paraît avoir de bons principes et de l'instruction; il a le goût du militaire; il est aimé du soldat, qu'il voit souvent et qu'il fait exercer sans le molester, ni le fatiguer; des officiers, envers lesquels il est très affable et qu'il cherche satisfaire; du peuple pour ses manières simples et la grande liberté, qu'il a accordée et qui contraste si fort avec la gêne, dans laquelle on vivait sous l'autre règne, et les usages rigoureux, auxquels on était assujetti sous Paul I.—L'E-r m'a très bien accueilli, et toutes les fois qu'il me rencontre j'en reçois quelque honnêteté. Il paraît aussi qu'on m'a vu arriver avec plaisir dans ce pays et que l'on désirait bien y voir quelque envoyé par notre g-t. J'ai cherché à me conduire de mon mieux suivant les instructions, que vous m'avez données. Trop peu instruit des négociations avec la Russie, mes instructions n'étaient pas assez étendues sur bien des objets; si je savais quelque chose de plus, je ne l'avais appris, qu'en l'air ou par conversation; mais je puis vous affirmer, que je n'ai rien dit au-delà de ce que vous m'avez prescrit. Il y a si loin de Pétersb. à Paris, qu'il se passe bien du temps et des évènements pendant le voyage d'un courrier. Peut-être jugerez-vous à propos d'envoyer ici quelqu'un avec un grand caractère et du pouvoir. J'ai parlé encore à S. M. du départ de m. de Morcoff; elle m'a dit, qu'elle lui avait ordonné de ne pas le différer. Quelque bien détaillées, que seront ses instructions, poussera-t-

---

вилами и образованностью. У него есть вкусъ къ военному. Его любятъ солдаты, которыхъ онъ часто видитъ и заставляетъ упражняться, но не утруждая и не утомляя ихъ. Его любятъ офицеры, съ которыми онъ очень ласковъ, стараясь всячески удовлетворять ихъ. Его любитъ народъ за простое обхожденіе и за ту большую свободу, которая такъ противоположна стѣснительной жизни въ прошлое царствованіе, суровымъ обычаямъ, тяготѣвшимъ при Павлѣ I.—И—ръ отлично принялъ меня, и какъ ни встрѣчу его, какая-нибудь новая любезность. Кажется также, что рады были моему пріѣзду и что весьма желаютъ видѣть здѣсь кого-нибудь со стороны нашего прав—ва. Я старался вести себя возможно лучше, сообразуясь съ данными вами инструкціями. Послѣднія, во многихъ отношеніяхъ, недостаточно подробны для меня, такъ мало знакомаго съ нашими сношеніями съ Россіей. Если я что узналъ лучше, то лишь съ вѣтру да изъ разговоровъ. Но могу увѣрить, что я не сказалъ ничего, чтó выходило бы изъ предѣловъ предписаннаго вами. Парижъ такъ далекъ отъ Петербурга, что проходитъ много времени и событій, пока ѣдетъ курьеръ. Не сочтете ли умѣстнымъ прислать сюда важное и властное лицо? Я говорилъ еще е. в—ву насчетъ отъѣзда г. Моркова: онъ отвѣчалъ, что приказалъ ему не медлить. Но какъ бы ни были подробны

il les négociations avec la chaleur, que pourrait y mettre ici un négociateur habile et qui connaîtrait parfaitement vos intentions?

Paris. 140, 169. Подлинникъ.

№ 86.—Талейранъ Дюроку.

Paris, 17 prairial an IX.

*) Depuis votre départ m. de Kolitscheff a reçu de S. M. I. l'E-r Alexandre de nouvelles lettres de créance, ainsi que des pouvoirs et des instructions pour suivre les négociations entamées. En conséquence il m'a remis un projet de traité, dans lequel le 1-r consul a reconnu avec satisfaction, que les observations précédemment transmises à Pétersbourg n'avaient pas été sans quelque poids auprès du g-t actuel. Les articles proposés pour le rétablissement de l'état de paix ont paru admissibles sauf de très légères modifications, que m. de Kolitscheff a lui même adoptées, et il en est résulté, qu'on est presque entièrement d'accord sur la rédaction du traité patent. — Mais quoiqu'il soit parfaitement reconnu des deux parts, que l'intérêt de l'Europe, non moins que celui des deux parties contractantes, demande que la Russie et la France s'entendent sur l'arrangement définitif des affaires du continent, c'est dans la rédaction d'une convention secrète y relative, qu'il s'élève

---

его инструкціи, можетъ ли онъ двинуть дѣло съ такимъ жаромъ, какъ присланный сюда искусный дѣлецъ, который вполнѣ зналъ бы ваши намѣренія?

Парижъ, 25 мая (6 іюня) 1801.

*) Послѣ вашего отъѣзда, г. Колычевъ получилъ отъ е. и. в—ва и—ра Александра новыя вѣрительныя грамоты, а также полномочія и инструкціи для продолженія начатыхъ переговоровъ. Посему онъ вручилъ мнѣ проектъ договора, изъ котораго 1-й консулъ усмотрѣлъ съ удовольствіемъ, что переданныя въ Петербургъ замѣчанія не остались безъ вліянія на нынѣшнее прав—во. Статьи, предложенныя для возстановленія мира, показались доступными, за исключеніемъ весьма легкихъ перемѣнъ, принятыхъ самимъ г. Колычевымъ. Такъ, пришли почти къ полному соглашенію относительно редакціи явнаго договора.—Но, хотя взаимно вполнѣ признали, что и Европѣ, и договаривающимся сторонамъ выгодно, чтобы Россія и Франція сошлись насчетъ окончательнаго устройства материковыхъ дѣлъ, однако, именно редакція относящейся сюда тайной конвенціи встрѣтила нѣкоторыя затрудненія.—

quelques difficultés. — L'E-r de Russie n'ayant plus aucune prétention par rapport à Malte, il n'existe point d'embarras à cet égard. De même on a senti à Pétersb. combien il était peu convenable de nous proposer d'évacuer l'Egypte, surtout quand il n'était pas douteux, que les anglais ne cherchent à nous en expulser que pour s'y établir, et l'E-r se contente aujourd'hui d'offrir sa médiation pour un traité avec la Porte. Cette médiation sera acceptée avec empressement et reconnaissance. — On est d'accord sur la nécessité de donner à l'électeur palatin et au duc de Wurtemberg une indemnité convenable. — On est d'accord sur l'indépendance de la république des Sept Iles.—On est d'accord sur la nécessité d'agir en commun en tout ce qui concerne le bien général et le repos de l'humanité, la liberté des mers et l'indépendance des états neutres. — Les seuls points, sur lesquels il s'élève quelque difficulté sérieuse, c'est par rapport aux rois de Naples et de Sardaigne. — Nous venons de conclure un traité avec Naples; le traité est la base de nos rapports et de notre conduite mutuelle; nous ne pouvons rien stipuler avec la Russie, qui soit contraire aux engagements directs existants entre la rép. et Naples.—Quant au roi de Sard., on demande son rétablissement intégral, comme au commencement de 1792, ou une indemnité pour la Savoie et le comté de Nice. C'est demander plus que ne lui accordait son traité de 1796. C'est exiger, que le résultat d'une

---

Относительно Мальты нѣтъ препятствій: русскій и-ръ не имѣетъ на нее притязаній. Въ Петербургѣ поняли также, какъ неумѣстно было предлагать намъ очистить Египетъ, когда именно не было сомнѣнія, что англичане для того только и стараются вытѣснить насъ оттуда, чтобы самимъ водвориться тамъ: и—ръ довольствуется теперь предложеніемъ своего посредничества для договора съ Портой. Это посредничество будетъ принято съ радостью и признательностью.—Согласились насчетъ необходимости дать приличное вознагражденіе курфюрсту пфальцскому и герцогу вюртемб.—Согласились насчетъ независимости республики Семи Остр.—Согласились насчетъ необходимости дѣйствовать совмѣстно во всемъ, что касается общаго блага и спокойствія человѣчества, свободы морей и независимости нейтральныхъ.—Только короли неаполит. и сард—ій представляютъ нѣкоторыя серьезныя затрудненія.—Мы только-что заключили договоръ съ Неаполемъ; договоръ—основа нашихъ отношеній и нашего нынѣшняго поведенія; мы не можемъ ничего постановлять съ Россіей, что было бы противно прямымъ обязательствамъ между респ—кой и Неаполемъ.—Что касается сардин. короля, то требуютъ полнаго его возстановленія, какъ въ началѣ 1792-го, или же вознагражденія за Савойю и за графство Ниццу. Это значитъ требовать больше, чѣмъ по договору 1796-го. Это значитъ требовать, чтобы вторая война, въ которой онъ все потерялъ, доста-

seconde guerre, dans le cours de laquelle il a tout perdu, soit à son avantage; c'est faire une proposition de tout point inadmissible. — Le 1-r consul est en parfaite disposition de rétablir le roi de Sardaigne; mais tous les intérêts du moment lui font une loi de ne pas dessaisir prématurément la république des conquêtes, qui pourront servir de moyens de compensation au moment de la paix avec l'Angleterre.—Il ne peut donc consentir au rétablissement immédiat; mais il ne fait pas de difficulté de le promettre pour l'époque, qui sera jugée convenable. — Pour votre plus particulière instruction, je joins ici copie du dernier projet, présenté par m. de Kolitscheff, et copie de la note, par laquelle j'y ai répondu. Cette note renferme l'*ultimatum* du g-t fr-s. Cet *ultimatum* n'a rien qui ne soit parfaitement raisonnable.—Il est très malheureux, que m. de Kolitscheff ne se soit pas cru autorisé à signer; car un pareil accord entre la France et la Russie eût pu être suivi dans le plus bref délai des meilleurs arrangements, au lieu que le temps se perd en discussion et que les évènements, qui nous pressent, ne permettent pas de calculer jusqu'à quel point l'impuissance ou l'indécision du plénipotentiaire russe peuvent nuire aux résultats, que promettait pour le repos du continent et pour la cause des états neutres une prompte union entre la France et la Russie et l'entière association de leurs vues et de leurs efforts pour le règlement des affaires d'Europe.

Paris. 140, 181. Подлинникъ.

вила ему выгоды. Это—невозможное предложеніе, съ какой стороны ни взглянуть на него.—1-й консулъ вполнѣ готовъ возстановить сардин. короля; но интересы минуты предписываютъ ему не уступать преждевременно завоеваній респ—ки, которыя могли бы послужить вознагражденіемъ при мирѣ съ Англіей.—Слѣд., онъ не можетъ согласиться на возстановленіе немедленное; но онъ не прочь обѣщать его въ удобную минуту.—Для вашего особаго свѣдѣнія прилагаю списокъ съ послѣдняго проекта, представленнаго г. Колычевымъ, и списокъ съ моей отвѣтной ноты. Эта нота — *ультиматумъ* франц. прав—ва. Въ немъ нѣтъ ничего, что не было бы вполнѣ благоразумно.—Весьма прискорбно, что г. Колычевъ не счелъ себя въ правѣ подписаться, ибо подобное соглашеніе между Франціей и Россіей могло бы привести, въ самый короткій срокъ, къ наилучшимъ сдѣлкамъ, вмѣсто того, чтобы терять время въ пререканіяхъ. Къ тому же, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и не сообразишь, до чего можетъ быть вредно безсиліе или нерѣшительность русскаго полномочнаго относительно послѣдствій, ожидаемыхъ, для спокойствія материка и для дѣла нейтральныхъ, отъ быстраго соединенія Франціи съ Россіей, отъ полнаго сліянія ихъ взглядовъ и усилій ради упорядоченія европейскихъ дѣлъ.

№ 87.—Колычевъ двору.

Paris, 25 mai (6 juin) 1801.

*) Dans ma dernière entrevue le min. Talleyrand m'a dit, qu'il espérait que V. M. I. ne ferait point de difficulté de reconnaître l'infant de Parme en qualité du roi d'Etrurie. Il m'a prié de porter cet objet à la connaissance de V. M. I. et d'en faire la demande au nom du g-t fr-s. Quant aux républiques cisalpine, helvétique et ligurienne, il a été d'accord avec moi de remettre cet objet à un autre temps. — Le bruit court, que le g-t anglais a fait ici les propositions suivantes pour servir de préliminaires à la paix: que l'Egypte fût évacuée par les deux parties et les hostilités contre le Portugal suspendues. On ajoute que le ministère britannique demande également, qu'il soit stipulé en sa faveur la possession du cap de Bonne Espérance et de l'île de Ceylan. Quelques fondements que ses bruits aient en effet, ils ne laissent cependant pas que d'être une arme entre les mains du g-t fr-s. Bonaparte ne cherche qu'à gagner du temps. Il attend tout de sa fortune et des évènements: l'expédition projetée contre la Grande-Bretagne n'est pas le seul espoir qui l'anime. La santé du roi d'Angleterre, que l'on dit de nouveau critique, les embarras, dans lesquels se trouverait le nouveau ministère, pour qui l'opinion publique n'est point prononcée

---

Парижъ, 25 мая (6 іюня) 1801.

*) На послѣднемъ свиданіи мин. Талейранъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что в. и. в. не затруднитесь признать инфанта пармскаго королемъ Этруріи. Онъ просилъ довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія и просить васъ отъ имени фр. прав—ва. Что же касается республикъ цизальпинской, гельветической и лигурійской, то онъ согласился отложить это дѣло до другого времени.—Ходятъ слухи, что англ. прав—во сдѣлало здѣсь слѣд. предложенія, въ смыслѣ предварительныхъ условій мира: Египетъ долженъ быть очищенъ обѣими сторонами и враждебныя дѣйствія противъ Португаліи прекращаются. Прибавляютъ, что британское министерство требуетъ также уступки ему мыса Доброй Надежды и о. Цейлона. Основательны эти слухи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они служатъ орудіемъ въ рукахъ фр. прав—ва. Бонапарту лишь бы выиграть время. Онъ ожидаетъ всего отъ своего счастья и отъ обстоятельствъ: предположенный походъ въ Великобританію — лишь одна изъ одушевляющихъ его надеждъ. Здоровье англ. короля, которое, говорятъ, опять находится въ критическомъ положеніи, затрудненія, которыя встрѣ-

d'une manière très favorable, tout concourt à flatter les projets ambitieux du 1-r consul et lui fait entrevoir dans cet ordre de choses une nécessité pour l'Angleterre de terminer avec la France. — Le marq. de Lucchesini m'a confié sous le sceau du secret, que le g-t fr-s avait formé une armée d'observation d'environ 40,000, hommes, entre Mastricht et Coblence. J'ignore si cette conjecture du min. de Prusse est fondée ou non; mais il me paraît, que l'intention du g-t fr-s est de brouiller autant qu'il pourra les cours de Berlin et de Vienne, afin de gagner plus de temps pour le développement de son plan. L'ambition de Bonaparte est aussi démésurée que ses plans en politique paraissent incohérents. Mais cette incohérance peut être simulée, afin de mieux cacher son véritable but. Talleyrand, en me parlant de la guerre contre le Portugal, m'a dit, qu'il fallait faire la conquête de ce royaume afin d'avoir des *gages* pour la paix avec l'Angleterre.

Pétersbourg. 1801, 104. Подлинникъ.

№ 88.—Колычевъ графу Панину.

Paris, 11/23 juin 1801.

*) Par mes rapports v. exc. verra ce qu'on doit attendre des promesses du g-t d'ici. Il paraît qu'on ne cherche qu'à tromper toutes

---

чаетъ новое министерство, не особенно благопріятно принятое общественнымъ мнѣніемъ,— все льститъ честолюбивымъ замысламъ 1-го консула и внушаетъ ему мысль, что Англія принуждена будетъ замириться съ Франціей.—Марк. Люкезини сообщилъ мнѣ по секрету, что фр. прав—во выставило, между Мастрихтомъ и Кобленцомъ, наблюдательную армію въ 40,000 чел. Не знаю, насколько правды въ этомъ предположеніи прус. министра; но мнѣ кажется, что цѣль фр. прав—ва — всячески ссорить дворы берлинскій и вѣнскій, чтобы выиграть побольше времени для развитія своего плана. Честолюбіе Бонапарта столь же безмѣрно, какъ его политическіе планы, повидимому, смутны. Но это, пожалуй, и притворная смутность, цѣль которой — хорошенько скрыть истинный замыселъ. Говоря о войнѣ съ Португаліей, Талейранъ сказалъ мнѣ, что нужно завоевать это королевство, дабы заручиться *залогами* для мира съ Англіей.

Парижъ, 11/23 іюня 1801.

*) Изъ моихъ донесеній вы усмотрите, чего можно ожидать отъ обѣщаній здѣшняго прав—ва. Кажется, только и думаютъ, какъ бы обмануть всѣ

les cours. On nous promet l'intégrité de la Bavière et on promet à d'autre de la démembrer. Le c-te de Cobenzl est cajolé ici. Il voit souvent le 1-r consul, et il retourne encore à Morfontaine chez Joseph Bonaparte pour continuer la négociation, tandis que dans le protocole on lui dit, qu'il lui faut d'autres instructions. Le marq. Lucchesini est maltraité aux audiences du 1-r consul; il lui tourne le dos; mais qui peut compter, que d'un autre côté on ne promet pas quelque chose à sa cour, car on veut embrouiller les affaires d'Allemagne et profiter du désir malheureux, que la Prusse et l'Autriche ont de s'agrandir, pour les désunir et les brouiller, désirant toujours d'allumer une guerre entre ces deux puissances...

Pétersbourg. Paris, 1801, 171. Подлинникъ.

№ 89.—Графъ Панинъ Колычеву.

A ma campagne près de Pétersbourg, 19 juin (1 juillet) 1801.

*) (Circulaire). S. M. I désirant d'établir un meilleur ordre dans la correspondance ministérielle a jugé à propos de prescrire à son ministère les dispositions suivantes. — 1) Les amb-rs, ministres et autres agents publics sépareront dorénavant dans leurs dépêches les objets, qui

---

дворы. Намъ обѣщаютъ сохранить Баварію въ цѣлости, а другимъ—раздробить ее. Гр. Кобенцля здѣсь приласкиваютъ. Онъ часто видитъ 1-го консула да еще заѣзжаетъ въ Морфонтенъ, къ Іосифу Бон—ту, продолжать переговоры; а въ протоколѣ ему говорятъ, что его инструкціи недостаточны. Съ марк. Люкезини дурно обращаются на аудіенціяхъ у 1-го консула, который повертывается къ нему спиной. Но кто поручится, что, съ другой стороны, не обѣщаютъ чего-нибудь его двору? Вѣдь, здѣсь стараются замутить Германію и воспользоваться злополучнымъ стремленіемъ Пруссіи и Австріи къ расширенію, чтобы разъединить ихъ и перессорить, вѣчно желая возжечь войну между этими державами...

Въ моей деревнѣ подъ Петербургомъ, 19 іюня (1 іюля) 1801.

*) (Циркуляръ). Желая установить лучшій порядокъ въ министерской перепискѣ, е. и. в. счелъ своевременнымъ предписать своему министерству слѣд. распоряженія.—1) Отнынѣ посланники, министры и прочіе политическіе агенты должны раздѣлять, въ своихъ депешахъ, предметы, не имѣющіе пря-

n'ont pas de rapports directs entre eux. — 2) Les réponses aux ordres immédiats de l'E-r, munis de sa signature, et sous les rapports politiques seront rédigées en forme de relation au nom de S. M. I. avec une enveloppe à mon adresse. On aura particulièrement soin de s'y exprimer avec clarté et précision, et de ne pas y hasarder des conjectures, qui ne seraient fondées que sur des notions vagues et incertaines. Le jugement personnel du ministre et ses observations peuvent cependant y trouver place. Ces relations en cour seront numérotées. — 3) Les doutes du ministre, les combinaisons, qu'il peut former sur les affaires générales, les demandes d'instructions seront le sujet de sa correspondance officielle avec moi. Quand le contenu de la dépêche, soit en clair, soit en chiffres, sera d'une grande importance et exigera le secret, on aura soin de mettre sur l'adresse *en mains propres*. — 4) Toutes les lettres à l'E-r, aux princes et princesses du sang impérial ne pourront jamais être jointes, comme annexes à une dépêche, mais seront accompagnées d'une lettre indicative à mon adresse. — 5) Toute affaire et demande particulière, de même que celles, qui sont du ressort du collége, seront adressées à m. le vice-chancelier par une dépêche et chaque objet séparément. Au haut de la feuille à gauche on mettra l'étiquette: *affaire particulière, affaire de succession ou d'héritage, affaire de commerce* etc. Il en sera de même des affaires de finances du collége, dans lesquelles entreront les comptes extraordinaires etc.—6) On laissera toujours entre

---

мой связи между собой.—2) Отвѣты на непосредственные приказы и—ра за его подписью, которые касаются политики, составлять въ формѣ донесенія на имя е. и. в—ва, съ моимъ адресомъ на конвертѣ. Въ нихъ особенно стараться говорить ясно и точно и не пускаться въ соображенія, основанныя лишь на понятіяхъ неопредѣленныхъ и невѣрныхъ. Впрочемъ, здѣсь допускаются личныя мнѣнія министра и его замѣчанія. Эти донесенія двору должно нумеровать.—3) Предметомъ дѣловой переписки со мной будутъ сомнѣнія министра, его соображенія объ общихъ дѣлахъ, просьбы объ инструкціяхъ. Если содержаніе простой или шифрованной депеши слишкомъ важно и требуетъ тайны, писать на адресѣ: *въ собственныя руки*.—4) Письма къ и—ру, къ князьямъ и княгинямъ императорской крови никогда не присоединять къ депешѣ, какъ приложеніе, а сопровождать ихъ указательнымъ письмомъ по моему адресу.—5) Всякія дѣла и просьбы частнаго свойства или подвѣдомыя коллегіи адресовать г. вице-канцлеру въ депешѣ, и о каждомъ предметѣ отдѣльно. Наверху листа, на лѣвой сторонѣ, надписывать: *частное дѣло, дѣло о наслѣдствѣ, торговое дѣло* и т. д. То же относительно финансовыхъ дѣлъ коллегіи, въ которыя будутъ входить чрезвычайные отчеты и пр.— 6) Между шифрованными строками всегда оставлять достаточно мѣста

les lignes chiffrées l'espace nécessaire pour le déchiffrement; et pour toutes les dépêches on se servira du format de la présente.

Pétersbourg. Paris, 1801, 52. Подлинникъ.

№ 90.—Дюрокъ Талейрану.

Pétersbourg, 13 messidor an IX.

*) ...J'ai eu occasion de parler à S. M. I. des difficultés, qui avaient empêché la signature du traité de paix entre S. M. et la rép. fr-se; elle m'a promis de donner les ordres pour les applanir et faire en sorte que chacun soit satisfait.—Dans l'entretien, que j'ai eu à ce sujet avec m. de Panin, il convenait, que notre position en Egypte nous obligeait à occuper les points de l'Italie les plus à portée pour secourir notre armée, mais il prétendait fixer dans le traité un terme pour cette occupation et que l'article, que proposait le 1-r consul, était trop vague. Je lui ai fait l'observation, que cette occupation étant déterminée par les circonstances et les évènements de la guerre présente en Orient, n'était que momentanée, mais qu'il était impossible d'en fixer le terme. Il m'a ajouté, que S. M. désirait, que s. m. le roi des Deux-Siciles ne fût pas tenu à des impositions et des furnitures qu'elle se trouve hors d'état de donner. — Je lui ai parlé de la disposition, où se trouvait le 1-r consul de rétablir s. m. le roi de Sardaigne, mais que les intérêts

---

для дешифровки; для всѣхъ депешъ обязателенъ форматъ настоящей депеши.

Петербургъ, 20 іюня (2 іюля) 1801.

*) ...Я имѣлъ случай говорить съ е. и. в—мъ о препятствіяхъ къ подписанію мирнаго договора между е. в. и фр. республикой; онъ обѣщалъ приказать устранить ихъ, такъ чтобы всѣ были удовлетворены.—Въ разговорѣ со мной по этому поводу г. Панинъ согласился, что наше положеніе въ Египтѣ обязывало насъ занять части Италіи, наиболѣе удобныя для поданія помощи нашей арміи; но онъ считалъ нужнымъ опредѣлить въ договорѣ срокъ этого занятія и находилъ предложенную 1-мъ консуломъ статью слишкомъ неопредѣленною. Я замѣтилъ, что это занятіе, вызванное обстоятельствами и событіями нынѣшней войны на Востокѣ, кратковременно, но что нельзя опредѣлить ему срока. Онъ прибавилъ, что е. в. желаетъ, чтобы е. в. король Обѣихъ Сицилій былъ освобожденъ отъ налоговъ и провіантовъ, которыхъ онъ не въ силахъ дать.— Я говорилъ ему о намѣреніи 1-го консула

actuels de la rép. fr-se ne lui permettaient pas de se dessaisir des conquêtes, qui peuvent lui servir de moyens de compensation au moment de la paix avec l'Angleterre. Il ne m'a objecté que l'incertitude, que laissait l'article que proposait le 1-r consul et le terme indéfini, auquel il rejetait le rétablissement de s. m. Sarde. — Il convient, que l'on doit dans l'art. VII stipuler la garantie de la Russie pour l'électeur de Bavière. On parlera aussi dans l'art. X de la liberté des mers et du juste équilibre à maintenir dans les différentes parties du monde.— Il demande dans le traité patent la suppression de l'article concernant les rép-ques batave, ligurienne, helvétique et cisalpine, parce que S. M. I. ne se trouve en guerre avec aucune de ces républiques.—M. de Panin a bien voulu me promettre de me faire part de la réponse, qui serait faite à votre dernière note, et j'ai cru m'appercevoir, que l'on préférait faire partir m. de Morcoff et que l'on avait beaucoup de confiance dans ses talents. J'ai représenté autant qu'il m'a été possible combien il était pressant de terminer. Ce courrier porte probablement de nouvelles instructions à m. de Kolitscheff. Je désire bien qu'il veuille prendre sur lui les objets, sur lesquels il ne se croira pas parfaitement instruit, et ne pas renvoyer de nouveaux courriers, car cela ne finira jamais.—J'ai eu une conférence sur le même objet avec m. le pr. Kourakine, vice-chancelier; il m'a fait à peu près les mêmes réponses que m. le c-te de Panin et m'a beaucoup parlé du désir qu'avait S. M. I.

возстановить е. в. короля сард—го, но что текущіе интересы фр. респ—ки не дозволяютъ отказаться отъ завоеваній, которыя могутъ служить ей средствомъ вознагражденій при мирѣ съ Англіей. Онъ указалъ мнѣ только на неопредѣленность въ предложенной 1-мъ консуломъ статьѣ и на неточный срокъ возстановленія е. сард—го в—ва. — Онъ согласился, что въ VII ст. должно постановить о поручительствѣ Россіи для баварскаго курфюрста; а въ X ст. будетъ сказано о сохраненіи свободы морей и справедливаго равновѣсія въ различныхъ частяхъ свѣта.—Въ явномъ договорѣ онъ требуетъ выпустить статью о респ—кахъ батавской, лигурійской, гельветійской и цизальпинской, такъ какъ е. и. в. не находится въ войнѣ ни съ одною изъ нихъ.— Г. Панинъ обѣщалъ довести до моего свѣдѣнія отвѣтъ на вашу послѣднюю ноту; а я замѣтилъ, что предпочли бы отправить г. Моркова, къ талантамъ котораго питаютъ большое довѣріе. Я всячески доказывалъ, какъ нужно спѣшить съ докончаніемъ. Посылаемый курьеръ, вѣроятно, везетъ новыя инструкціи г. Колычеву. Очень хотѣлось бы, чтобы послѣдній взялъ на себя то, чего нѣтъ, по его мнѣнію, въ инструкціяхъ, и не посылалъ новыхъ курьеровъ: иначе этому конца не будетъ.—Я бесѣдовалъ о томъ же съ вице-канцлеромъ, кн. Куракинымъ. Онъ отвѣчалъ почти то же, что г. Панинъ, и распростра-

de rétablir la bonne harmonie avec la France, afin que les deux g-ts puissent agir de concert pour maintenir la tranquillité de l'Europe, et que, d'après les instructions, que S. M. avait envoyées à m. de Kolitscheff, le 1-r consul avait dû voir la continuation des sentiments de feu l'E-r pour sa personne et pour la France. — M. de Pahlen m'a paru convenir de la justice de vos observations et de vos demandes, mais il n'est plus employé. — Le 9 au soir m. de Pahlen a reçu de S. M. l'ordre de se rendre dans son g-t de Livonie et de Courlande. M. de Pahlen a demandé sa démission de cet emploi, il l'a obtenu sur le champ et il est parti pour ses terres en Courlande. Il est remplacé, comme gouverneur de Pétersbourg, par le gén. Koutousoff et dans le g-t de Livonie et de Courlande, par un prince de Wurtemberg, frère de l'impératrice douairière.—M. de Pahlen était gouverneur g-al de Pétersbourg, premier membre du collége des affaires étrangères et membre du conseil. Voici le sujet de sa disgrâce. On avait placé dans une église, qui se trouve sous la direction de S. M. l'Imp-ce douairière, une image représentant Paul I assassiné avec une prière à Dieu pour le repos de son âme et pour qu'il préserve le reste de la famille imp-le du fer de ses assassins. M. de Pahlen a fait enlever et brûler cette image. L'imp-ce a porté des plaintes amères à son fils contre m. de Pahlen. S. M. a eu à ce sujet avec lui des entretiens, dans lesquels m. de Pahlen, qui est très vif, n'a pas su se conteuir, et cela a fini par l'ordre, qu'il a reçu le

---

нился о желаніи е. и. в—ва возстановить доброе согласіе съ Франціей, чтобы оба прав—ва могли дѣйствовать за-одно для сохраненія спокойствія Европы. Онъ прибавилъ, что изъ инструкцій, посланныхъ е. в—мъ г. Колычеву, 1-й консулъ усмотритъ продолженіе чувствъ покойнаго и—ра къ его особѣ и къ Франціи.—Г. Паленъ, кажется, признаетъ справедливость вашихъ замѣчаній и требованій; но онъ не у дѣлъ.—9-го, вечеромъ, г. Паленъ получилъ приказъ е. в-ва отправиться къ своему губернаторству въ Лифляндіи и Курляндіи. Г. Паленъ просилъ уволить его отъ этой должности. Тотчасъ же последовало согласіе, и онъ уѣхалъ въ свои земли, въ Курляндію. Въ качествѣ губернатора Петербурга, онъ замѣненъ ген. Кутузовымъ, а въ качествѣ лифл. и курл—го губернатора—принцемъ вюртембергскимъ, братомъ вдовствующей императрицы.—Г. Паленъ былъ петерб—мъ генералъ-губернаторомъ, первымъ членомъ коллегіи иностр. дѣлъ и членомъ совѣта. Вотъ причина его паденія. Въ церкви, находящейся въ вѣдѣніи ея в. вдовствующей и—цы, помѣстили икону, на которой изображенъ погибшій Павелъ I и подписана молитва объ успокоеніи его души и о томъ, чтобы Господь охранилъ остальныхъ членовъ имп—ой фамиліи отъ покушеній. Г. Паленъ велѣлъ снять и сжечь икону. И—ца горько жаловалась сыну на г. Палена. Е. в. имѣлъ съ нимъ разговоръ по этому поводу.

9 de se retirer. — M. de Pahlen avait dans le g-t une grande influence, que lui donnaient nécessairement le grand travail, qu'il faisait, les services qu'il a rendus, et la considération, dont il jouit dans la capitale et dans l'empire...

Paris. 140, 197. Подлинникъ.

№ 91.—Дюрокъ Бонапарту.

Pétersbourg, 13 messidor an IX.

*) ...La Russie par sa position géographique et ses ressources est la puissance, dont l'alliance sera la plus avantageuse à la France sous les points de vue de politique et de commerce. —Le système connu du cabinet de Pétersbourg, de ne vouloir aucun agrandissement, lui a attiré la confiance et la considération des autres puissances et chacun recherche son appui. — On peut lui reprocher d'avoir plié sous l'Angleterre, mais outre la raison de commerce et du commencement d'un nouveau règne, il ne serait pas difficile de démontrer, que les anglais eussent pu avoir, en continuant leurs opérations dans la Baltique, les mêmes succès, qu'ils ont eus devant Copenhague.—Il n'y a aucun système de défense, ni aucune prévoyance dans la coalition. On a déclaré la guerre, les armements n'étaient pas faits et la saison d'hiver, si rude dans ces climats,

---

Г. Паленъ, очень горячій, не сдержался—и дѣло кончилось приказомъ удалиться, который онъ получилъ 9-го числа. — Г. Палену принадлежало большое вліяніе въ правленіи, естественно пріобрѣтенное большимъ трудолюбіемъ, оказанными услугами и значеніемъ, которымъ онъ пользовался въ столицѣ и въ имперіи...

Петербургъ, 20 іюня (2 іюля) 1801.

*) ...Россія, по своему географическому положенію и по своимъ богатствамъ, представляетъ державу, союзъ которой будетъ какъ нельзя болѣе выгоденъ для Франціи съ точки зрѣнія политической и торговой.—Извѣстная система петерб. кабинета не желать пріобрѣтеній доставила ему довѣріе и уваженіе другихъ державъ, и всякій ищетъ у него опоры.—Его можно упрекнуть за то, что онъ уступилъ Англіи; но, помимо торговыхъ причинъ и начала новаго царствованія, не трудно было бы доказать, что еслибы англичане продолжали свои дѣйствія въ Балт. морѣ, то они имѣли бы такой же успѣхъ, какъ и передъ Копенгагеномъ.—У коалиціи нѣтъ никакой системы защиты,

ne permettait pas de la continuer, elle ne permettait pas non plus la réunion des forces, on devait donc être assuré, que les anglais auraient l'avantage. S. M. I. sent bien aussi qu'en s'unissant à la France elle maintiendra la tranquillité de l'Europe. En accordant de justes indemnités à l'Autriche et à la Prusse, elle ne veut pas permettre, que la première, qu'elle regarde comme notre ennemie naturelle, s'agrandisse trop, comme elle espère, que vous n'augmenterez pas trop la puissance de la seconde, regardée comme l'ennemi de la Russie. — Le gén. Levacheff, qui en allant et revenant de Naples a traversé nos armées d'Italie, parle avec enthousiasme de nos officiers, de nos soldats et de la réception, que lui ont faite nos généraux; il joint ses éloges à ceux que prodiguent partout à la nation fr-se et au chef de son g-t m. le gén. Sprengporten et les officiers russes, qui ont été à Paris...

Paris. 140, 199. Подлинникъ.

№ 92.—Рескриптъ Колычеву.

Kamenoi-Ostrow, 22 juin (4 juillet) 1801.

*) Les rapports, que vous m'avez adressés successivement, ont passé sous mes yeux et j'ai vu avec satisfaction que les ordres, que je

---

никакой предусмотрительности. Объявили войну, не успѣвъ вооружиться; а зима, очень суровая въ этомъ климатѣ, не позволяла ее кончить; она мѣшала также соединенію силъ; уже вслѣдствіе этого нужно было ожидать, что англичане возьмутъ верхъ. Его и. в. тоже хорошо понимаетъ, что, соединясь съ Франціей, онъ поддержитъ спокойствіе въ Европѣ. Даруя справедливыя вознагражденія Австріи и Пруссіи, онъ не хочетъ допустить, чтобы первая, которую онъ считаетъ нашимъ естественнымъ врагомъ, слишкомъ увеличилась; точно также онъ надѣется, что вы не слишкомъ увеличите могущество второй, которая считается врагомъ Россіи.—Ген. Левашевъ, который, проѣздомъ въ Неаполь и обратно, встрѣчался съ нашими итальянскими войсками, съ восторгомъ говоритъ о нашихъ офицерахъ, о нашихъ солдатахъ и о пріемѣ, устроенномъ ему нашими генералами. Онъ вторитъ похваламъ, расточаемымъ повсюду французской націи и главѣ ея пр—ва ген. Спренгпортеномъ и русскими офицерами, побывавшими въ Парижѣ...

Каменный-Островъ, 22 іюня (4 іюля) 1801.

*) Просмотрѣвши послѣдовательно присланные вами отчеты, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что посланные вамъ 17-го апр. приказы не пропали

vous ai fait tenir en date du 17 avril, n'ont pas été infructueux pour la négociation confiée à vos soins. — Le nouveau projet de traité remis par le min. des rel. ext. se rapproche à quelques égards de mes intentions et si le 1-r consul se désiste de la prétention d'en faire un *ultimatum*, il y a lieu d'espérer encore, que les bases de la pacification pourront être arrêtées entre mon cabinet et celui des Thuileries. — Les articles du traité patent peuvent être adoptés jusqu'au V inclusivement; mais pour l'art. VI la nouvelle rédaction ne peut point être admise et vous insisterez sur celle, qui a déjà été proposée de ma part. C'est avec la France que je négocie et non avec les républiques, ses alliées; d'ailleurs il n'y a point eu de rupture entre mon empire et les nouveaux g-ts établis en Suisse et en Italie, et lorsque feu l'E-r de glorieuse mémoire y a porté ses armes, c'était pour combattre les français. On objectera en vain, que la France est liée par ses engagements avec les dites républiques et que ses traités particuliers avec elles l'obligent de les comprendre dans ses négociations. Quand le g-t fr-s ne veut pas avoir égard à mes engagements avec mes alliés et qu'ils se trouvent ainsi frustrés des avantages qu'ils pouvaient attendre de ma garantie, à quel titre le 1-r consul pourrait-il me demander une déférence, qu'il se refuse de prendre pour exemple? Mon ministère en s'exprimant dans ce sens avec le gén. Duroc lui a fait entendre, que je pourrais consentir à l'adoption

---

безплодно для переговоровъ, которые были вамъ поручены.—Новый проектъ договора, переданный мин—мъ иностр. дѣлъ, подходитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ моимъ взглядамъ, и если 1-й консулъ откажется отъ притязанія сдѣлать изъ него *ультиматумъ*, то есть еще надежда, что мой кабинетъ можетъ согласиться съ тюльерійскимъ насчетъ основъ мира. — Статьи явнаго договора могутъ быть приняты до V включительно; что же касается до ст. VI, то я не могу принять новую редакцію, и вы будете настаивать на той, которая уже была мною предложена. Я веду переговоры съ Франціей, а не съ ея союзницами—республиками; къ тому же не было никакого разрыва между моей имперіей и новыми прав—вами, установленными въ Швейцаріи и Италіи; и когда покойный и—ръ блаженной памяти явился туда съ оружіемъ, то именно для того, чтобы сражаться съ французами. Напрасно будутъ возражать, что Франція связана обязательствами съ упомянутыми республиками, и что частные договоры съ ними заставляютъ ее включить ихъ въ ея переговоры. Если фр. прав—во не желаетъ принимать въ разсчетъ мои обязательства относительно моихъ союзниковъ и если они, такимъ образомъ, лишены выгодъ, которыхъ могли бы ожидать отъ моего покровительства, то на какомъ основаніи могъ бы 1-й консулъ требовать отъ меня уступчивости, которой онъ отказывается подражать? Мое министерство, высказы-

de l'art. VI tel qu'il est proposé, si le 1-r consul s'engageait en retour de respecter et de maintenir l'intégrité des états protégés par ma garantie. Il en résulterait, que l'Egypte sera évacuée et rendue à la Porte Ottomane, le roi de Naples remis dans la possession entière de ses états et délivré de la charge onéreuse, que lui impose l'armée fr-se, le Portugal rassuré contre l'invasion, dont il est menacé. — Il est facile de pressentir, que le cabinet des Thuileries trouvera ces conditions peu avantageuses; aussi mon ministère a ajouté dans son explication avec m. Duroc, qu'il lui semblait plus prudent de remettre à la pacification définitive tout ce qui concerne les nouvelles rép-ques. Il a dû en convenir. — Si l'art. VI était déjà rétabli conformément à la première rédaction, vous ne ferez aucun usage des observations, que je viens de vous communiquer; mais dans le cas où l'on demanderait encore, que toutes les 4 rép-ques fussent nommées dans cet article, vous vous expliquerez à cet égard dans des termes analogues à ceux, que mon ministère a employés en conférant avec le gén. Duroc., vous éviterez cependant avec soin tout ce qui pourrait aigrir et vous me rendrez un compte exact de la manière, dont vos observations seront accueillies. Il sera d'autant plus nécessaire d'entrer en détail sur cet objet, que votre dépêche (№ 22) ne contient aucune explication des motifs, qui ont porté le ministère fr-s à changer cet article. Quand un ministère rend compte d'une pro-

---

ваясь въ этомъ смыслѣ ген. Дюроку, объявило ему, что я согласился бы принять VI-ю ст. въ томъ видѣ, какъ она предложена, еслибы 1-й консулъ обязался, взамѣнъ того, уважать и поддерживать неприкосновенность государствъ, которыя я взялъ подъ свое покровительство. Тогда Египетъ былъ бы очищенъ и возвращенъ Портѣ Оттом., неаполитанскій король получилъ бы всѣ свои владѣнія и былъ бы избавленъ отъ бремени фр. арміи; Португалія была бы ограждена отъ угрожающаго ей нашествія.—Легко предвидѣть, что тюльерійскій кабинетъ найдетъ эти условія невыгодными; потому-то мое министерство прибавило, въ своемъ объясненіи съ ген. Дюрокомъ, что ему кажется благоразумнѣе отложить до окончательнаго замиренія все, что касается новыхъ республикъ. Онъ долженъ былъ съ этимъ согласиться.—Еслибы ст. VI уже была окончательно возстановлена согласно съ первой редакціей, то вы не воспользуетесь замѣчаніями, которыя я только-что сообщилъ вамъ; но въ случаѣ, еслибы все еще требовали, чтобы всѣ 4 республики были упомянуты въ этой статьѣ, вы объяснитесь по этому поводу въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя мое министерство употребило при переговорахъ съ ген. Дюрокомъ. Впрочемъ, вы должны тщательно избѣгать всего, что могло бы раздражить, и отдадите мнѣ подробный отчетъ насчетъ того, какъ будутъ приняты ваши замѣчанія. Тѣмъ болѣе будетъ необходимо разсмотрѣть подробно этотъ предметъ, что

position nouvelle et inattendue, qui lui est faite, il est de son devoir d'exposer en même temps le résultat des soins, qu'il a dû prendre pour en découvrir les causes et savoir quelle raison engage la partie adverse à modifier ses propositions. Un article déjà accepté ne semblerait non plus pouvoir donner lieu à une discussion nouvelle. — Vous m'assurez, il est vrai, que le min. des rel. ext. se relâcha dans la conférence suivante sur la clause relative aux rép-ques Cisalpine, Helvétique et Ligurienne; mais comme la dernière note de ce ministre n'admet point d'autres modifications au contre-projet que celles, qui sont exprimées dans cet office, la question reste encore en doute. — Les I — III art. secrets peuvent être acceptés tels qu'on les propose. — Quant au IV le terme de l'évacuation des états napolitains par les troupes fr-ses y est exprimé d'une manière si vague, qu'il est impossible d'admettre ce texte, sans laisser le roi de Naples dans une dépendance absolue du g-t fr-s. Sous le prétexte, qu'on médite encore une expédition en Egypte pour reconquérir cette province, on pourrait toujours dire, que *les affaires d'Orient* ne sont pas terminées et, tant que la paix ne sera pas rétablie entre la Porte Ottomane et la France, celle-ci ne manquera pas de se prévaloir d'une semblable stipulation pour entretenir une armée en Italie aux dépens de s. m. sicilienne. — A la place de cet art. IV vous proposerez celui, qui se trouve dans le projet ci-joint sub lit. A. S'il rencontrait

---

ваша депеша (№ 22) не содержитъ никакого объясненія побужденій, заставившихъ фр. министерство измѣнить эту статью. Когда какое-нибудь министерство отдаетъ отчетъ въ новомъ и неожиданномъ предложеніи, которое ему сдѣлано, оно обязано въ то же время изложить послѣдствія мѣръ, принятыхъ имъ, чтобы объяснить дѣло и узнать, какая причина побудила противную сторону измѣнить предложенія. Притомъ уже принятая статья, кажется, не должна бы служить предметомъ новаго обсужденія. — Правда, вы увѣряете, что, на последней конференціи, министръ иностр. дѣлъ уступилъ въ статьѣ касательно республикъ Цизальпинской, Гельветійской и Лигурійской; но такъ какъ послѣдняя нота этого мин. не допускаетъ другихъ измѣненій въ контръ-проектѣ, кромѣ тѣхъ, которыя высказаны въ этой бумагѣ, вопросъ остается еще подъ сомнѣніемъ. — I—III тайныя статьи могутъ быть приняты въ томъ видѣ, какъ онѣ предложены. — Что касается IV ст., то время очищенія отъ фр. войскъ неаполитанскихъ владѣній выражено въ ней такъ неопредѣленно, что невозможно допустить этотъ текстъ, не оставляя неаполитанскаго короля въ полной зависимости отъ фр. прав—ва. Подъ предлогомъ, что затѣваютъ еще походъ въ Египетъ, чтобы вновь завоевать эту провинцію, могутъ всегда сказать, что *восточныя дѣла* не кончены; а покуда не возстановленъ миръ между Портой Оттом. и Франціей, эта послѣдняя не преминетъ воспользоваться

trop de difficultés et après avoir épuisé tous les moyens de persuasion, qui peuvent être en votre pouvoir, vous y substituerez la seconde rédaction sub lit. B. Enfin, si celle-ci rencontrait encore une opposition soutenu et dans le cas où cet article deviendrait le seul obstacle à la conclusion de l'acte, je vous autorise de proposer comme dernière condition le projet suivant sub lit. C. — Quelle que soit la décision du 1-r consul à cet égard, vous insisterez sur le nouvel article qui est le V du projet annexé à la présente. Il est de toute justice, que la cour de Naples obtienne les avantages de la neutralité après l'évacuation de l'Egypte, comme une faible compensation des pertes, que lui impose son dernier traité avec la France, et le 1-r consul ne saurait se refuser à cette demande, sans manquer aux égards, qu'il doit à mon intervention. — L'art. VI du nouveau projet, que je vous adresse, correspond au V des art. secrets proposés par le min. Talleyrand. La clause, qu'il renferme, est au nombre de celles, dont je ne vous permets point de vous départir et elle ne peut admettre aucune modification nouvelle.—L'addition proposée à l'art. VII relatif à la Bavière deviendra indispensable s'il est vrai que le 1-r consul se soit engagé à dédommager le gr.-duc de Toscane aux dépens de l'électeur et si cette stipulation n'est pas révoquée par un arrangement amiable entre l'Autriche et la France, en

---

этимъ условіемъ, чтобы содержать войско въ Италіи насчетъ е. сицил—го в—ва.—Вмѣсто этой IV ст. вы предложите ту, которая находится въ прилагаемомъ проектѣ подъ буквой А. Еслибы она встрѣтила слишкомъ много препятствій, и когда вы истощите всѣ средства къ убѣжденію, которыя могутъ быть въ вашей власти, вы замѣните ее второю редакціей подъ б. В. Наконецъ, если и эта встрѣтитъ упорное сопротивленіе, и въ случаѣ, если эта ст. сдѣлалась бы единственнымъ препятствіемъ къ заключенію договора, уполномочиваю васъ предложить, какъ послѣднее условіе, проектъ, изложенный подъ б. С. — Каково бы ни было рѣшеніе 1-го консула по этому поводу, вы будете настаивать на новой статьѣ, которая составляетъ V ст. проекта, присоединеннаго къ настоящей бумагѣ. Вполнѣ справедливо, чтобы неаполитанскій дворъ воспользовался выгодами нейтралитета послѣ очищенія Египта, какъ слабымъ вознагражденіемъ потерь, которыя онъ несетъ, благодаря своему послѣднему договору съ Франціей; и 1-й консулъ не можетъ отказать въ этой просьбѣ, если не желаетъ выказать неуваженіе къ моему посредничеству.—Ст. VI новаго проекта, которую посылаю вамъ, соотвѣтствуетъ V-й изъ тайныхъ статей, предложенныхъ мин. Талейраномъ. Оговорка, которую она заключаетъ, принадлежитъ къ тѣмъ, отъ которыхъ я не позволяю вамъ отступаться, и она не допускаетъ никакихъ новыхъ измѣненій. — Прибавка, предложенная къ VII ст. относительно Баваріи, сдѣлается необходимою, если

assignant au gr.-duc un dédommagement en Italie. — Cette disposition serait sans doute préférable à tous les égards, car si ces dédommagements sont pris en Allemagne, ils ne peuvent qu'être très considérables, si leur mesure est équivalente aux moyens de prospérité du gr.-duché, qui comprend une grande étendue d'un sol fertil et quantité d'autres avantages dûs à sa position et à son commerce, ce qui ne pourrait se faire sans un démembrement considérable de l'Empire Germanique. Ce serait d'ailleurs éveiller toutes les jalousies et la soif de l'ambition de la Prusse, qui ne manquerait pas de se prévaloir de l'accroissement de puissance qu'acquerrait l'Autriche, par l'établissement de la branche cadette de sa maison, en identifiant pour ainsi dire ce nouveau domaine à ses anciennes possessions. D'un autre côté ces indemnités se prenant sur la Bavière et celles de cette maison sur d'autres états de l'Allemagne, ce sera multiplier les demandes en équivalent et augmenter les embarras par le nombre des réclamations, au lieu qu'en Italie des états à peine formés et dans la dépendance absolue du g-t fr-s présenteraient bien moins d'obstacles à vaincre et de difficultés à surmonter. Une semblable compensation serait bien plus encore à la bienséance du gr.-duc, qui a l'habitude des mœurs, des usages et des coutumes de ces contrées. Ces réflexions doivent vous diriger dans vos conférences avec le mi-

---

вѣрно, что 1-й консулъ обязался вознаградить вел. герцога тосканскаго насчетъ курфюрста и если это условіе не замѣнено полюбовнымъ соглашеніемъ между Австріей и Франціей, предназначающимъ вел. герцогу вознагражденіе въ Италіи. — Такое рѣшеніе было бы, конечно, предпочтительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, потому что, еслибы эти вознагражденія были взяты въ Германіи, они были бы очень значительны, чтобы равняться средствамъ цвѣтущаго вел. герцогства, которое обнимаетъ большое пространство плодородной земли и множество другихъ выгодъ, вытекающихъ изъ его положенія и его торговли; а этого нельзя бы было сдѣлать безъ значительнаго раздробленія Германской имперіи. Къ тому же, это повело бы къ возбужденію всей зависти и честолюбивыхъ желаній Пруссіи, которая не преминула бы воспользоваться увеличеніемъ могущества Австріи, такъ какъ послѣдняя, при возстановленіи младшей линіи ея дома, отождествляла бы, такъ сказать, этотъ новый удѣлъ со своими прежними владѣніями. Съ другой стороны, такъ какъ эти вознагражденія будутъ произведены насчетъ Баваріи, а этотъ домъ будетъ вознагражденъ насчетъ другихъ государствъ Германіи, то это увеличитъ соотвѣтственно требованія и прибавитъ затрудненія количествомъ просьбъ; тогда какъ въ Италіи государства, которыя едва образовались и находятся въ полной зависимости отъ фр. прав—ва, представятъ гораздо менѣе препятствій и затрудненій. Подобное вознагражденіе было бы еще тѣмъ удобнѣе для

nistère fr-s, lorsque vous tâcherez d'approfondir les vues du 1-r consul à l'égard de l'établissement futur du gr.-duc de Toscane.—Les articles suivants sont presque littéralement conformes à l'ultimatum du 1-r consul, et comme il n'est pas probable, que leur adoption puisse rencontrer le moindre obstacle, ils n'exigent aucun développement. — Si le nouveau projet, qui vous est adressé, n'était pas adopté en son entier, il ne peut vous être permis de consentir à aucun changement, mon intention étant de faire expédier sous peu de jours des instructions finales, pour lesquelles j'attends des éclaircissements de la part de la cour de Berlin et surtout de celle de Vienne, qui me témoigne le désir le plus empressé et le moins équivoque de rétablir les anciennes liaisons, qui ont subsistées entre nos deux monarchies. Il est aisé de sentir que ces ouvertures peuvent me donner des lumières très utiles pour ma détermination ultérieure. En cas de nouvelles difficultés de la part du g-t fr-s, vous pouvez même lui annoncer l'envoi très prochain de mes dernières instructions. — Si les dispositions du 1-r consul sont sincères en égard aux stipulations du I article secret, on ne peut y donner suite qu'en convenant des indemnités, et pour établir un système à cet égard, il faut que je connaisse au préalable les engagements pris par la France avec la cour de Berlin et celle de Vienne. Les articles secrets du traité de Lu-

---

великаго герцога, что онъ привыкъ къ нравамъ, привычкамъ и обычаямъ этихъ странъ. Эти воззрѣнія должны руководить вами въ вашихъ совѣщаніяхъ съ франц. министерствомъ, когда вы будете стараться изучить взгляды 1-го консула насчетъ будущаго устройства вел. герцога тосканскаго.—Дальнѣйшія статьи почти буквально соотвѣтствуютъ ультиматуму 1-го консула; и такъ какъ, по всей вѣроятности, онѣ будутъ приняты безъ всякаго препятствія, то онѣ не требуютъ никакого поясненія.—Еслибы новый проектъ, который вамъ посланъ, не былъ принятъ въ цѣлости, вамъ не дозволяется соглашаться ни на какую перемѣну, такъ какъ я намѣренъ черезъ нѣсколько дней отправить окончательныя инструкціи, для которыхъ жду разъясненій со стороны дворовъ берлинскаго и въ особенности вѣнскаго, который выказываетъ мнѣ самое сильное и наименѣе двусмысленное желаніе возобновить старинныя связи, существовавшія между нашими двумя монархіями. Легко понять, что эти сообщенія могутъ дать мнѣ очень полезныя свѣдѣнія для моего окончательнаго рѣшенія. Въ случаѣ новыхъ затрудненій со стороны фр. прав—ва, можете даже объявить ему о скорой присылкѣ моихъ послѣднихъ инструкцій.— Если намѣренія 1-го консула искренни касательно условій I тайной ст., ее можно допустить, лишь уговорившись о вознагражденіяхъ; а чтобы установить какую-нибудь систему относительно этого вопроса, мнѣ нужно знать предварительно обязательства, принятыя на себя Франціей

néville renferment certainement tout ce qui peut éclairer sur les vues et les intentions des deux cabinets. C'est une connaissance, qu'il m'importe infiniment d'acquérir et que vous ne pouvez trop vous attacher à obtenir. Quant à la Prusse, il n'est pas plus de l'intérêt de la France que du mien qu'elle s'aggrandisse au-delà des bornes, qu'un juste équilibre doit mettre à sa puissance. J'y ai un intérêt de plus aujourd'hui en égard à la contiguïté de nos frontières. Il ne faudra donc rien omettre pour pénétrer sur ce point les vues du g-t fr-s, et si dans la position actuelle des choses on se propose de laisser au roi de Prusse la tranquille possession de l'électorat de Hanovre. — Pour ce qui concerne la signature des actes, je préfèrerais, qu'elle eût lieu en même temps et que les articles secrets fussent conclus le même jour que le traité de paix. Cette forme généralement suivie à toutes les cours de l'Europe, serait préférable sous tous les rapports et vous ferez une nouvelle tentative pour en convaincre le ministère fr-s; mais si cette difficulté assez futile en elle-même était le seul obstacle à la confection définitive de l'acte et en présupposant, que le nouveau projet annexé ici fût accepté sans restriction, il ne faudra point faire dépendre d'une question de pure formalité la solution des plus grands intérêts. Vous pourrez donc consentir *alors* que le traité de paix soit antidaté de 24 h., quoique la signa-

предъ дворами берл. и вѣнскимъ. Тайныя статьи люневильскаго договора заключаютъ, конечно, все, что можетъ уяснить взгляды и намѣренія обоихъ кабинетовъ. Мнѣ очень важно пріобрѣсти эти свѣдѣнія, и вы должны употребить всѣ усилія, чтобы добыть ихъ. Что касается Пруссіи, одинаково въ интересахъ Франціи, какъ и въ моихъ, чтобы она не увеличивалась дальше предѣловъ, которые справедливое равновѣсіе должно поставить ея могуществу. Теперь это меня еще болѣе интересуетъ, такъ какъ наши границы соприкасаются. Итакъ, ничего не надо будетъ упускать для того, чтобы выпытать взгляды фр. прав—ва на этотъ предметъ и узнать, намѣреваются ли, при теперешнемъ положеніи вещей, предоставить прусскому королю спокойное обладаніе Ганноверскимъ курфюршествомъ?—Что касается до подписанія бумагъ, я предпочелъ бы, чтобы оно произошло одновременно, и чтобы тайныя статьи были заключены въ тотъ же день, какъ и мирный договоръ. Эта форма, обыкновенно соблюдаемая при всѣхъ европейскихъ дворахъ, была бы во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе, и вы снова попытаетесь убѣдить въ этомъ фр. министерство. Но если это затрудненіе, само по себѣ довольно пустое, было бы единственнымъ препятствіемъ къ окончательному заключенію договора, и предполагая, что новый проектъ, присоединенный здѣсь, будетъ принятъ безъ ограниченій, не нужно ставить въ зависимость отъ вопроса чисто формальнаго рѣшеніе вопросовъ величайшей важности. Итакъ, вы можете со-

ture des articles secrets ait lieu en même temps, condition indispensable et dont je ne vous permets de vous départir en aucun cas quelconque. — Vous pourrez témoigner dans l'occasion au 1-r consul, que j'ai été très satisfait du s-r Duroc. Sa conduite est aussi honnête que modeste, et mon ministère m'a rendu compte, que dans les différents rapports qu'il avait eus avec lui, il n'avait eu qu'à se louer de ses bonnes intentions.

Pétersbourg. Paris, 1801, 37. Подлинникъ.

№ 93.—Инструкція Моркову, отправляющемуся въ Парижъ.

Kamenoi-Ostrow, 27 juin (9 juillet) 1801.

*) Le zèle et les talents, que vous avez déployés dans les négociations les plus importantes sous le règne de mon immortelle aïeule, me persuadent, qu'en vous accordant une égale confiance, je rencontrerai moins d'obstacles à mettre en exécution les principes politiques de cette grande souveraine, que je considère comme l'héritage le plus précieux de ses successeurs. C'est en France que se traitent aujourd'hui les affaires les plus importantes, et le développement du système tracé à mon ministère dépend essentiellement de leur résultat. Cette considération m'a déterminé à vous confier de préférence la mission de Paris, où votre

---

гласиться *тогда*, чтобы мирный договоръ былъ помѣченъ заднимъ числомъ на 24 часа, хотя бы подписаніе тайныхъ статей происходило въ то же время; это—неизбѣжное условіе, отъ котораго не позволяю вамъ отступаться ни подъ какимъ видомъ.—Вы можете высказать при случаѣ 1-му консулу, что я былъ очень доволенъ г. Дюрокомъ. Его поведеніе столь же учтиво, какъ и скромно, и мое министерство сообщило мнѣ, что, входя съ нимъ въ различныя сношенія, оно не могло нахвалиться его доброжелательствомъ.

Каменный островъ, 27 іюня (9 іюля) 1801.

*) Усердіе и дарованія, выказанныя вами въ самыхъ важныхъ переговорахъ въ царствованіе моей безсмертной бабки, убѣждаютъ меня въ томъ, что, оказывая вамъ такое же довѣріе, я встрѣчу менѣе препятствій къ исполненію политическихъ началъ этой великой монархини, которыя считаю самымъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ ея преемниковъ. Во Франціи рѣшаются теперь самыя важныя дѣла, и развитіе плана, начертаннаго для моего министерства, зависитъ существенно отъ ихъ исхода. Это соображеніе побудило меня поручить вамъ преимущественно дѣла въ Парижѣ, гдѣ вашъ долгій опытъ и свѣдѣнія, которыя вы пріобрѣли, могутъ быть всего полезнѣе госу-

longue expérience et les lumières, que vous avez acquises, peuvent être le plus utile à l'état et où la réunion des plus grands intérêts offre à votre dévouement le prix le plus flatteur, comme le plus honorable. — Afin d'en retirer tout le fruit que je peux en attendre, je commencerai par vous découvrir le but, auquel tous vos soins doivent se réunir, et vous développer les modifications, dont mon système est susceptible, d'après les circonstances, qui peuvent être prévues. — En me déterminant à poursuivre les négociations entamées avec la France vers la fin de l'année dernière, j'ai été guidé par un double motif, — celui d'assurer à mon empire un état de paix et de tranquillité nécessaire pour rétablir l'ordre dans les différentes parties de l'administration, et en même temps de concourir, autant qu'il serait en mon pouvoir, à l'accélération d'une paix définitive, qui donne du moins à l'Europe le temps de restaurer l'édifice du système social, ébranlé jusque dans ses fondements, si la providence ne permet pas encore de tarir la source des fléaux, qui affligent l'humanité.—Le premier objet est du nombre de ceux, qu'on peut espérer d'attendre en alliant la fermeté à la justice et à la modération. Les réponses reçues des différentes cours de l'Europe aux premières ouvertures de mon ministère et l'heureuse issue de ma négociation pour terminer les différences dans le Nord m'encouragent même à croire, que mes peuples pourront goûter sans trouble les douceurs d'un état de

---

дарству, и гдѣ соединеніе величайшихъ интересовъ представляетъ для вашей преданности самую лестную и почтенную цѣль.—Чтобы извлечь изъ этого всю выгоду, какой я могу ожидать, я открою вамъ прежде всего цѣль, къ которой должны стремиться всѣ ваши труды, и разовью вамъ всѣ измѣненія, которыя допускаетъ моя система, смотря по предполагаемымъ обстоятельствамъ.—Рѣшаясь продолжать переговоры, начатые съ Франціей въ концѣ прошлаго года, я руководился двумя соображеніями, — съ одной стороны я желалъ бы утвердить въ моей имперіи миръ и спокойствіе, необходимые для возстановленія порядка въ различныхъ частяхъ управленія; съ другой стороны, я желалъ бы содѣйствовать, насколько это въ моей власти, ускоренію окончательнаго замиренія, которое дало бы по крайней мѣрѣ Европѣ время возстановить зданіе общественной системы, потрясеннаго до самаго основанія, если провидѣніе еще не дозволяетъ уничтожить самый источникъ бѣдствій, угнетающихъ человѣчество.—Первый предметъ изъ числа такихъ, которые могутъ быть достигнуты, если соединить твердость со справедливостью и умѣренностью. Отвѣты разныхъ дворовъ Европы на первыя сообщенія моего министерства и счастливый исходъ моихъ переговоровъ съ цѣлью прекратить распри на Сѣверѣ подаютъ мнѣ даже надежду, что мои подданные будутъ наслаждаться безмятежно прелестями спокойнаго и безопаснаго положенія.

calme et de sécurité; mais le second objet, que je viens d'indiquer, embrasse un plan si vaste et peut être éloigné par tant de vicissitudes, que je ne me dissimule point les difficultés nombreuses, qu'on aura à surmonter, de la part des puissances mêmes, dont le concours devrait être certain.—Si le 1-r consul de la république fr-se continue à faire dépendre le maintien et l'affermissement de son pouvoir de la discorde et des troubles, qui agitent l'Europe, s'il ne reconnaît pas, que la puissance, fondée sur l'injustice, est toujours précaire, parce qu'elle nourrit la haine et légitime l'insurrection, s'il se laisse entraîner par le torrent de la révolution, s'il se confie enfin à la fortune seule, — la guerre pourra se prolonger, l'Allemagne et l'Italie porteront tour à tour le joug de la république et dans cet ordre de choses, mes soins pour le rétablissement de la tranquillité générale ne pouvant être que faiblement secondés, le négociateur chargé des mes intérêts en France devra se borner à observer la marche du g-t et à amuser le tapis, jusqu'à ce que des circonstances plus propices permettent l'usage de moyens plus efficaces. Mais dans le cas où le 1-r consul, mieux éclairé sur ses véritables intérêts et sensible à la vraie gloire, voudrait fermer les plaies de la révolution et donner à son autorité une base plus solide, en respectant l'indépendance des g-ts, plusieurs considérations du plus grand poids peuvent lui faire désirer un accord sincère avec la Russie et une combinai-

---

Но второй предметъ, на который я только-что указалъ, обнимаетъ столь обширный планъ и можетъ быть отдаленъ, благодаря разнымъ превратностямъ, которыя я не скрываю отъ себя, и многочисленнымъ затрудненіямъ со стороны самихъ державъ, на содѣйствіе которыхъ можно бы вполнѣ разсчитывать.—Если 1-й консулъ фр. республики будетъ продолжать поддерживать и укрѣплять свою власть путемъ ссоръ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не сознаетъ, что могущество, основанное на несправедливости, всегда непрочно, потому что оно внушаетъ ненависть и узакониваетъ возмущенія; если онъ дастъ увлечь себя потоку революціи; если наконецъ онъ довѣрится только счастью,—война можетъ продолжаться, Германія и Италія по очереди будутъ подвергаться игу республики, и при такомъ порядкѣ вещей мои старанія о возстановленіи всеобщаго спокойствія могутъ быть поддержаны лишь весьма слабо, а потому и мой уполномоченный во Франціи долженъ будетъ ограничиваться наблюденіемъ за ходомъ управленія и заниматься пустяками, покуда болѣе благопріятныя обстоятельства позволятъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Но еслибы 1-й консулъ, лучше понимая свои истинные интересы и сознавая истинную славу, захотѣлъ залѣчить раны революціи и построить свою власть на болѣе прочныхъ основахъ, уважая независимость правительствъ, то много соображеній величайшей важности заставили бы

son de mesures tendantes au rétablissement de l'équilibre en Europe. Dès lors cette œuvre salutaire dépendrait essentiellement du succès de vos soins, et les négociations entamées à Paris pourraient conduire aux résultats les plus satisfaisants. — C'est dans cette hypothèse, que votre prédécesseur a eu ordre de proposer au ministère fr-s plusieurs articles secrets, qui peuvent servir de bases à une pacification générale. La facilité que Bonaparte manifeste à les admettre en grande partie ne m'offre point un gage suffisant de son adhésion à mes vues; il est possible, qu'il se prête de bonne foi à y concourir lorsqu'il connaîtra mieux leur loyauté et leur désintéressement; mais il est certain, que sous le règne de feu l'E-r de glorieuse mémoire, le consul avait particulièrement en vue de se ménager l'appui de mon aug. père contre la Grande-Bretagne et aujourd'hui peut-être il ne cherche qu'à gagner du temps pour connaître mon système et régler en conséquence ses opérations politiques, sans égard aux engagements, qu'il pourra contracter dans l'intervalle. La conduite ultérieure décidera mon jugement à cet égard et une juste circonspection ne me permet pas encore de la déterminer. Pour ne rien omettre néanmoins de ce qui peut ramener le g-t fr-s à la voie de la justice et établir ainsi quelque confiance dans les négociations, il sera nécessaire que vous fassiez connaître à Bonaparte les principes, qui dirigent toutes mes relations avec les puissances étrangères.—

его желать искренняго согласія съ Россіей и пріисканія средствъ къ возстановленію равновѣсія въ Европѣ. Тогда это спасительное дѣло будетъ зависѣть преимущественно отъ успѣха вашихъ стараній, и начатые въ Парижѣ переговоры могутъ повести къ самымъ утѣшительнымъ результатамъ.—Въ силу этого-то предположенія вашъ предшественникъ получилъ приказаніе предложить фр. министерству нѣсколько тайныхъ статей, которыя могутъ послужить основаніемъ для всеобщаго умиротворенія. Легкость, съ какою Бонапартъ принимаетъ ихъ въ значительной части, не служитъ для меня достаточнымъ ручательствомъ его присоединенія къ моимъ взглядамъ. Быть можетъ, онъ охотнѣе станетъ содѣйствовать имъ, когда лучше узнаетъ ихъ искренность и безкорыстіе; но несомнѣнно, что въ царствованіе покойнаго и—ра блаженной памяти консулъ имѣлъ преимущественно въ виду пріобрѣсти поддержку моего авг. отца противъ Великобританіи, а теперь онъ, можетъ быть, только старается выиграть время, чтобы узнать мою систему и, смотря по тому, направлять свои политическія дѣла, не обращая вниманія на обязательства, которыя онъ можетъ заключить въ промежутокъ этого времени. Отъ его дальнѣйшаго поведенія будетъ зависѣть мое сужденіе объ этомъ предметѣ; а покуда справедливая осторожность не позволяетъ мнѣ выразить его. Тѣмъ не менѣе, желая ничего не упустить для того, чтобы возвратить фр. прав—во на путь

Respectant l'indépendance des nations, je ne prendrai jamais aucune part à leurs dissensions intestines et quelle que soit la forme de g-t, qu'elles se donnent, par le voeu public, elles peuvent maintenir une parfaite intelligence avec mon empire tant que le même esprit d'équité les animera.—En prenant les rênes de l'empire je me suis trouvé lié par des engagements politiques, dont plusieurs étaient en opposition manifeste avec les intérêts de l'empire et quelques uns incompatibles avec la position géographique et les convenances réciproques des parties contractantes. Voulant néanmoins donner l'exemple trop rare du respect dû à la foi publique, je me suis imposé la charge onéreuse de remplir ces engagements, autant qu'il est en mon pouvoir, ou que la loi imprescriptible et sacrée du bien de mes peuples m'en laissait la faculté. C'est ainsi que l'Europe m'a vu prêt à soutenir mes alliés par la voie des armes dans une cause étrangère à mon empire, mais qui lui était devenue commune avant mon avènement. Quand le Ciel a béni mes efforts pour terminer ces différents à l'amiable, les intérêts de ces mêmes puissances ont été ménagés dans les négociations de mon cabinet et il suffit de jeter les yeux sur le traité, pour se convaincre du soin que j'ai mis à maintenir les droits, que mes alliés pouvaient raisonnablement faire valoir dans la position allarmante, où ils se trouvaient engagés par leur imprévoyance. Mon intervention soutenue en faveur du roi des Deux-

---

справедливости и установить такимъ образомъ нѣкоторое довѣріе въ переговорахъ, вамъ необходимо будетъ сообщить Бонапарту начала, которыя управляютъ всѣми моими сношеніями съ иностранными державами.—Уважая независимость націй, я никогда не приму никакого участія въ ихъ внутреннихъ раздорахъ, и какова бы ни была форма избраннаго ими правленія по общему желанію, онѣ могутъ находиться въ полномъ согласіи съ моей имперіей до тѣхъ поръ, покуда у ихъ будетъ господствовать тотъ же духъ справедливости.—Принимая бразды правленія, я оказался связаннымъ политическими обязательствами, изъ которыхъ многія прямо противорѣчили интересамъ имперіи, а другія были несовмѣстимы съ географическимъ положеніемъ и взаимными выгодами договаривающихся сторонъ. Тѣмъ не менѣе. желая подать слишкомъ рѣдкій примѣръ уваженія къ публичному обѣщанію, я взялъ на себя тягостную задачу выполнять эти обязательства, насколько это въ моей власти и насколько нерушимый и священный законъ блага моихъ подданныхъ позволитъ мнѣ это. Вотъ почему Европа видѣла, что я былъ готовъ поддерживать моихъ союзниковъ силою оружія въ дѣлѣ, чуждомъ интересамъ моей имперіи, но къ которому она присоединилась до моего восшествія на престолъ. Когда Небо благословило мои старанія полюбовно окончить эти распри, интересы этихъ самыхъ державъ были соблюдены при переговорахъ съ моимъ кабинетомъ; и стоитъ

Siciles, sans aucun intérêt direct, est encore un témoignage irréfragable de ma fidélité à ce principe, qu'on doit donner l'exemple de ce qu'on exige d'autrui. — Si je pense, que la véritable grandeur, qui doit faire l'apanage du trône, se fond sur la justice et la bonne foi, je suis également convaincu, que la fermeté doit l'accompagner, et toute atteinte aux droits de mes peuples et de ma couronne, toute infraction aux engagements contractés avec l'empire, que la providence m'a confié, mettra un terme au système de modération, que je me suis tracé. — On ne saurait prétendre, que cette manière de penser soit connue dans les premiers mois de mon règne des puissances étrangères; c'est pourquoi j'ai jugé à propos de la développer dans ces instructions, et si en anticipant sur l'avenir vous réussissez à convaincre Bonaparte de mon attachement à ces principes, vous aurez déjà acquis des droits à ma gratitude, car je peux espérer, que ce premier fonctionnaire de la nation fr-se y trouvera des motifs de confiance et qu'ainsi vous aurez applani les voies à une conciliation très utile pour le bien général. — Les notions que vous avez puisées dans la correspondance ministérielle, vous ont déjà donné un aperçu de l'état de mes affaires avec les différentes cours de l'Europe. Je crois cependant nécessaire de vous en retracer ici le tableau, pour faciliter la tâche, que vous aurez à remplir, et diriger en même temps votre conduite avec les ministres étrangers résidants à Paris. —

взглянуть на договоръ, чтобы убѣдиться, сколько я приложилъ усилій, чтобы соблюсти права моихъ союзниковъ, которыя они могли справедливо выставить въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ которое они были поставлены своею непредусмотрительностью. Мое твердое заступничество за короля Обѣихъ Сицилій, безъ всякой прямой выгоды, есть также неопровержимое доказательство моей вѣрности правилу, что нужно подавать примѣръ того, чего требуешь отъ другихъ.—Если я думаю, что истинное величіе, которое должно быть достояніемъ трона, основывается на справедливости и довѣріи, я точно также убѣжденъ, что оно должно сопровождаться твердостью; и всякое покушеніе на права моихъ подданныхъ и моего престола, всякое нарушеніе обязательствъ, заключенныхъ съ имперіей, ввѣренной мнѣ Провидѣніемъ, положитъ конецъ тому плану умѣренности, который я себѣ предначерталъ.—Нельзя требовать, чтобы эти взгляды были извѣстны иностраннымъ державамъ въ первые мѣсяцы моего царствованія; вотъ почему я счелъ умѣстнымъ развить ихъ въ настоящей инструкціи. И если, предупредивъ будущее, вы съумѣете убѣдить Бонапарта въ моей преданности этимъ началамъ, вы уже пріобрѣтете право на мою благодарность, такъ какъ я могу надѣяться, что этотъ первый сановникъ фр. націи почерпнетъ въ нихъ поводъ къ довѣрію, и такимъ образомъ вы проложите путь къ соглашенію, весьма полезному для общаго блага. — Свѣ-

Celle de la cour de Vienne, dès l'instant où elle crut pouvoir se flatter de consolider sa puissance en Italie, sans le concours de son généreux allié, et particulièrement son opposition au retour du roi de Sardaigne et du souverain pontife dans leurs états confirmèrent feu l'E-r de glorieuse mémoire dans l'opinion désavantageuse, qu'il avait conçue de ce cabinet. Dès la prise de Mantoue S. M. avait jugé, que m-r de Thugut, considérant désormais la Lombardie et les dépouilles de la maison de Savoie comme une proie assurée, ne chercherait qu'à se débarrasser d'un témoin incommode, en éloignant le sauveur de la monarchie autrichienne, et que ce ministre, n'agissant pas de bonne foi dans la cause, qui arma la Russie, jetterait le masque pour ne plus songer qu'à satisfaire sa cupidité. Les entraves, que le généralissime à dû surmonter et la retraite de l'archiduc Charles avant la bataille de Zurich, mirent le comble au ressentiment de mon aug. père. Vous connaissez les déterminations successives, qu'il lui inspira et qui rompirent bientôt les derniers liens de l'alliance entre les deux cours impériales. La scène d'Ancône et la longueur des procédures contre les fauteurs de cette insulte le déterminèrent ensuite de rompre toute correspondance avec le cabinet de Vienne, en supprimant l'ambassade de Russie. — Cette interruption totale de tous les rapports politiques entre les deux empires dura depuis près de 10 mois, lorsque les décrets impénétrables de la providence

---

дѣнія, которыя вы почерпнули въ министерской корреспонденціи, уже раскрыли передъ вами положеніе моихъ дѣлъ при различныхъ дворахъ Европы. Тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ набросать вамъ здѣсь картину ихъ, чтобы облегчить предстоящую вамъ задачу и въ то же время направить ваше поведеніе относительно иностранныхъ министровъ, пребывающихъ въ Парижѣ.—Поведеніе вѣнскаго двора съ той минуты, когда онъ вознамѣрился упрочить свое могущество въ Италіи безъ содѣйствія своего великодушнаго союзника, и преимущественно его сопротивленіе возвращенію сардинскаго короля и папы въ ихъ государства утвердили въ покойномъ и—рѣ блаженной памяти невыгодное мнѣніе объ этомъ кабинетѣ. Со взятія Мантуи е. в. рѣшилъ, что г. Тугутъ, считая впредь Ломбардію и расхищенное наслѣдіе савойскаго дома вѣрною добычей, будетъ стараться только освободиться отъ неудобнаго свидѣтеля, удаливъ спасителя австрійской монархіи, и что этотъ министръ, поступая неискренно въ дѣлѣ, за которое вооружалась Россія, сброситъ маску и будетъ думать только объ удовлетвореніи своей алчности. Препятствія, которыя генералиссимусъ долженъ былъ преодолѣть, и отступленіе эрцгерцога Карла предъ битвой при Цюрихѣ довершили гнѣвъ моего авг. родителя. Вы знаете, какой рядъ мѣръ онъ внушилъ ему,— мѣръ, которыя вскорѣ разорвали послѣднія нити союза между двумя императорскими дворами. Сцена въ Анконѣ и мед-

divine m'appelèrent au trône. Persuadé que l'union des grandes puissances pouvait seule opérer le rétablissement de la paix et de l'ordre social, dont les perturbateurs applaudissaient à cette scission funeste, un de mes premiers soins fut de déjouer leur espérance, en manifestant à la cour de Vienne le désir sincère d'ensévelir tout le passé dans l'oubli et de renouer les anciennes liaisons, dont une longue suite d'années avait constaté les avantages réciproques. — Un empressement égal, fondé sur les mêmes motifs, porta l'e-r des romains à aller au-devant de mes vœux. Sans attendre la notification de mon avènement au trône, ce prince m'exprima par une lettre autographe le désir le plus vif de rétablir tous les rapports de bonne harmonie, qui existaient entre nos deux cours, en me promettant une pleine et entière confiance. Pour premier gage de la sincérité de ses sentiments il annonçait une communication prochaine de ses plans politiques et de ses dispositions pour l'arrangement général des affaires. En effet le prince de Schwarzenberg arrivé récemment à ma cour a été porteur des explications les plus satisfaisantes sur cet objet. Mon ministère est autorisé à vous en donner connaissance. Je recommande particulièrement à votre attention ce qui concerne les indemnités, afin que vous soyez en état de déterminer le degré de confiance que méritent ces ouvertures du cabinet de Vienne, en les comparant avec les notions, que vous pourrez recueillir en France et en

---

ленность наказанія виновниковъ этой обиды заставили его потомъ разорвать всякія сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ и отозвать русскаго посла. — Это полное прекращеніе всѣхъ политическихъ отношеній между двумя имперіями продолжалась съ тѣхъ поръ болѣе 10 мѣс., когда неисповѣдимая воля Провидѣнія призвала меня на престолъ. Убѣжденный, что только союзъ великихъ державъ можетъ возстановить миръ и общественный порядокъ, возмутители котораго радовались этому разрыву, я прежде всего постарался обмануть ихъ надежду, выразивъ вѣнскому двору искреннее желаніе предать все прошлое забвенію и возобновить древнія связи, взаимныя выгоды которыхъ доказаны долгими годами. — Подобное же желаніе, основанное на тѣхъ же причинахъ, побудило и римскаго и—ра идти на встрѣчу моимъ желаніямъ. Не ожидая извѣщенія о моемъ восшествіи на престолъ, этотъ государь выразилъ мнѣ собственноручнымъ письмомъ самое горячее желанïе возстановить всѣ добрыя отношенія, которыя существовали между обоими нашими дворами, обѣщая мнѣ полное и всестороннее довѣріе. Какъ первый залогъ искренности своихъ чувствъ, онъ обѣщалъ вскорѣ сообщить свои политическіе планы и свои намѣренія относительно общаго устройства дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, кн. Шварценбергъ, недавно прибывшій къ моему двору, привезъ самыя удовлетворительныя объясненія на этотъ счетъ. Мое министерство уполномочено познако-

surveillant les démarches du comte de Cobenzl. Je ne tarderai pas au reste de vous faire connaître en détail mes intentions à l'égard des indemnités à adjuger aux principales parties intéressées, dès que mon ministère aura mis la dernière main à ce travail. Il doit servir au premier objet de mes négociations avec la cour de Vienne, et si elle veut concourir sincèrement à mes vues salutaires, je réunirai mes soins et mes efforts aux siens pour faire adopter au cabinet de Potsdam le plan, dont nous serions convenus, et agir ensuite d'un commun accord auprès du g-t fr-s à l'effet d'écarter les entraves, qu'il pourrait apporter à son exécution. — Vous n'ignorez pas, que la correspondance avec la cour de Berlin fût également interrompue en 1799, lorsque le roi de Prusse, prêt à unir ses armes à celles des deux cours impériales, changea subitement de résolution et crut pouvoir obtenir du g-t fr-s, par ses seules sollicitations, la restitution de ses provinces transrhénanes et l'affranchissement de la Hollande. Par une réaction inévitable la brouillerie survenue quelques mois après avec la cour de Vienne rapprocha la Russie de la Prusse et une réconciliation, difficile en toute autre occurrence, s'opéra avec un égal empressement des deux parts. L'année suivante le traité d'alliance fut renouvelé et bientôt la scission survenue entre la Grande-Bretagne et les cours du Nord ajouta un nouveau lien par la confédération formée entre elles pour le maintien des droits de la neu-

---

мить васъ съ ними. Преимущественно обращаю ваше вниманіе на то, что̀ касается вознагражденій, чтобы вы были въ состояніи опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно довѣрять этимъ сообщеніямъ вѣнскаго кабинета, сравнивъ ихъ со свѣдѣніями, которыя вы можете собрать во Франціи и наблюдая за дѣйствіями гр. Кобенцля. Впрочемъ я не замедлю сообщить вамъ подробно мои намѣренія касательно вознагражденій, которыя слѣдуетъ присудить главнымъ заинтересованнымъ сторонамъ, какъ только мое министерство окончательно справится съ этою работой. Она должна послужить первому предмету моихъ переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ; и если онъ искренно хочетъ содѣйствовать моимъ спасительнымъ намѣреніямъ, я соединюсь съ нимъ въ заботахъ о томъ, чтобы заставить потсдамскій кабинетъ принять нашъ планъ и чтобы потомъ дѣйствовать сообща на фр. пр—во и уничтожить препятствія, которыя оно могло бы выставить исполненію этого плана.—Вамъ не безъизвѣстно, что сношенія съ берлинскимъ дворомъ тоже были прерваны въ 1799, когда прусскій король, готовый присоединиться къ обоимъ императорскимъ дворамъ, внезапно перемѣнилъ рѣшеніе, воображая, что можетъ добиться отъ фр. пр—ва одними своими просьбами возвращенія своихъ зарейнскихъ провинцій и освобожденія Голландіи. Въ силу неизбѣжнаго воздѣйствія, ссора, происшедшая нѣсколько мѣсяцевъ спустя съ вѣнскимъ дворомъ, сблизила Россію съ Прус-

tralité. Vous connaissez les évènements, qui en furent la suite, et il serait superflu de rappeler ici les motifs, qui déterminèrent mon aug. prédécesseur à remettre l'électorat de Hanovre entre les mains de la Prusse. Cette prise de possession devait cependant être momentanée et servir de gage jusqu'à l'arrangement définitif des affaires du Nord. Aujourd'hui qu'elles sont terminées par mon entremise, j'ai fait valoir ce titre pour insister sur l'évacuation du pays de Hanovre, et la réponse, que j'attends encore à cette juste demande, servira de règle à mes relations ultérieures avec la cour de Berlin. Il ne tiendra pas à ma bonne volonté qu'elles ne se maintiennent dans les termes d'une parfaite intelligence, si désirable pour le bien public et pour les intérêts respectifs des deux états. Quel que soit mon penchant pour ce système, il ne saurait toutefois me faire départir du principe d'un juste équilibre entre les monarchies autrichienne et prussienne, que réclame la sûreté de la Russie, et un de mes soins les plus actifs sera de veiller au maintien de cet équilibre dans l'arrangement des indemnités. Il vous offre aussi un devoir important à remplir pendant votre mission en France, en suivant les ordres consignés à cet égard dans la dernière expédition adressée à votre prédécesseur. — Au reste je me confie à vos propres lumières et à la connaissance, que vous avez acquise du caractère de m. de Lucchesini pour régler votre conduite avec ce ministre de façon à ne donner aucun om-

сіей, и примиреніе, трудное при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, состоялось съ одинаковой готовностью и съ той, и съ другой стороны. На слѣдующій годъ союзный договоръ былъ возобновленъ, и вскорѣ разрывъ, происшедшій между Великобританіей и сѣверными дворами послужилъ новою связью, благодаря конфедераціи, образовавшейся между ними для поддержанія правъ нейтралитета. Вы знаете послѣдствія этого, и было бы излишне напоминать здѣсь о причинахъ, побудившихъ моего авг. предшественника передать Ганноверское курфюршество Пруссіи. Но это завладѣніе должно было быть временнымъ и должно было служить залогомъ до окончательнаго рѣшенія дѣлъ Сѣвера. Теперь, когда они окончены, благодаря моему посредничеству, я воспользовался этимъ правомъ, чтобы настоять на очищеніи Ганновера, и отвѣтъ, котораго я еще ожидаю на это справедливое требованіе, послужитъ руководствомъ для моихъ дальнѣйшихъ сношеній съ берлин. дворомъ. Дѣло не станетъ за моею готовностью поддерживать ихъ въ полномъ согласіи, которое столь желательно для общаго блага и для взаимныхъ интересовъ обоихъ государствъ. Какова бы ни была моя привязанность къ этой системѣ, она все-таки не заставитъ меня отказаться отъ начала справедливаго равновѣсія между монархіями австрійской и прусской, котораго требуетъ безопасность Россіи, и одною изъ моихъ дѣятельнѣйшихъ заботъ

brage à sa cour. — La plupart des princes, qui composent l'association du corps germanique, recourent à mon appui et à mon intervention pour le maintien de leurs droits et de leurs intérêts, lorsque la paix définitive, en suppléant aux stipulations très imparfaites du traité de Lunéville, donnera une nouvelle forme à l'Allemagne et fixera, après tant de désastres et de vicissitudes, l'organisation politique de ce vaste empire. Son indépendance et sa sûreté tiennent de trop près à la tranquillité future de l'Europe, pour que je puisse y être indifférent et négliger l'occasion, que m'offre l'état présent des affaires, pour conserver à la Russie une influence prépondérante dans les affaires de l'Empire. Un de ses principaux membres, l'électeur Bavaro-Palatin a d'ailleurs des droits irrécusables à faire valoir par la garantie de ses possessions, que feu l'E-r lui a assurée en arrêtant le traité d'alliance du 20 sept. (10 oct.) 1799. Vous connaissez les démarches faites en conséquence auprès du g-t fr-s, et les rapports de m. de Kolitscheff vous ont appris, que les dispositions du 1-r consul semblent favorables aux intérêts de la maison palatine. Elles ne s'accordent point cependant avec ce que l'e-r des romains m'a confié des négociations de Lunéville et des ouvertures faites récemment au c-te de Cobenzl. Je dois recommander à votre vigilance la plus active l'éclaircissement de ce point essentiel, qui est développé dans mes derniers ordres à votre prédécesseur. — Les relations de mon

будетъ слѣдить за соблюденіемъ этого равновѣсія при распредѣленіи вознагражденій. Оно налагаетъ также на васъ важную обязанность на время вашего посольства во Франціи, которую вы можете исполнить, слѣдуя предписаніямъ, выраженнымъ въ послѣдней депешѣ, отправленной вашему предшественнику.—Затѣмъ я полагаюсь на вашъ собственный умъ и на ваше знакомство съ характеромъ г. Люкезини, которые могутъ руководить вашимъ поведеніемъ относительно этого министра, такъ, чтобы не подать его двору никакого повода къ неудовольствію.—Большая часть князей, входящихъ въ составъ Германіи, прибѣгаютъ къ моей поддержкѣ и моему посредничеству для поддержанія ихъ правъ и интересовъ, когда окончательный миръ, замѣнивъ весьма несовершенныя условія люневильскаго договора, придастъ новую форму Германіи и упрочитъ, послѣ столькихъ несчастій и переворотовъ, политическое устройство этой обширной имперіи. Ея независимость и безопасность слишкомъ связаны съ будущимъ спокойствіемъ Европы, чтобы я могъ быть равнодушенъ къ этому и пренебречь случаемъ, который представляетъ мнѣ современное положеніе дѣлъ, чтобы сохранить преобладающее вліяніе Россіи въ дѣлахъ Имперіи. Къ тому же одинъ изъ ея главнѣйшихъ членовъ, курфюрстъ баваро-пфальцскій, можетъ выставить неоспоримыя права, на основаніи гарантіи его владѣній, данной ему покойнымъ и ромъ въ

cabinet avec celui de S. James étaient très intimes jusque vers la fin de l'année 1799; mais à cette époque les liens se relâchèrent par le refus inopiné des secours, dont le g-t britannique avait tiré de si grands avantages et dont il ne sut pas se servir dans la malheureuse expédition de Hollande.—Les pertes considérables que mes troupes essuyèrent par l'ignorance du duc d'York, la désunion des généraux, les négociations prolongées avec le ministère autrichien à l'insu de feu l'E-r, la conduite du commodore Sidney Smith, qui lui sembla suspecte: toutes ces causes durent nécessairement agir d'une manière défavorable sur l'esprit d'un monarque, dont chaque démarche portait l'empreinte de son caractère, et le défaut des communications, occasionné par la rigueur de la saison, contribua encore à l'aigrir en retardant l'arrivée du capitaine Popham et les explications, qu'on attendait alors du cabinet de Londres. Dans cette intervalle la personne du ministre britannique, qui résidait ici ayant déplue à feu S. M. I., cette circonstance éleva de nouvelles entraves aux communications confidentielles entre les deux cours. Les passeports, que le lord Whitworth demandait pour ses courriers, lui furent refusés, comme un témoignage d'improbation et de malveillance personnelle; tandis qu'à Londres on l'interprêta comme une infraction au droit des gens et un manque prémédité d'égards au caractère public du ministre. Les explications, qui s'en suivirent, ne pouvaient plus être

---

союзномъ договорѣ 20 сент. (10 окт.) 1799 г. Вамъ извѣстно, какія были приняты мѣры предъ франц. прав—мъ вслѣдствіе этого, и донесенія г. Колычева открыли вамъ, что намѣренія 1-го консула, кажется, благопріятны интересамъ пфальцскаго дома. Однако они не согласны съ тѣмъ, что передалъ мнѣ римскій и—ръ о люневильскихъ переговорахъ и сообщеніяхъ, недавно сдѣланныхъ гр. Кобенцлю. Предоставляю вашей самой дѣятельной бдительности разъясненіе этого существеннаго пункта, который развитъ въ моихъ послѣднихъ приказаніяхъ вашему предшественнику.—Отношенія моего кабинета къ с.-джемскому были очень дружественны до конца 1799 г.; но въ эту пору связи ослабѣли, вслѣдствіе внезапнаго отказа въ помощи, изъ которой британское пр—во извлекло такія большія выгоды и которыми оно не съумѣло воспользоваться въ несчастную голландскую экспедицію.—Значительныя потери, понесенныя моими войсками, благодаря невѣжеству герцога Іоркскаго, разногласіе генераловъ, продолжительные переговоры съ австр. министерствомъ тайкомъ отъ покойнаго и—ра, поведеніе командора Сиднея Смита, которое казалось ему подозрительнымъ,—всѣ эти причины непремѣнно должны были неблагопріятно подѣйствовать на умъ монарха, каждый шагъ котораго носилъ отпечатокъ его характера; а недостатокъ сообщеній, вслѣдствіе суровости времени года, еще болѣе содѣйствовалъ его ожесточенію, замедляя

sur le ton de cordialité, qui régna si longtemps entre les deux cabinets, et dès lors les moindres causes devaient produire des conséquences fâcheuses, comme on l'a vu par les évènements, qui précédèrent et accompagnèrent le renvoi de toute la mission britannique.—Les choses étaient parvenues à ce point, lorsque la prise de la frégate danoise „La Freya" offrit une occasion aux cabinets de Copenhague et de Stockholm de faire tourner à leur avantage le ressentiment de mon aug. père contre la cour de Londres. Ils réussirent sans peine à le faire entrer dans leurs vues, en peignant des couleurs les plus odieuses les entraves, qu'éprouvait leur commerce souvent frauduleux. Telle fut l'origine de cette convention du 4/16 décembre de l'année dernière, par laquelle on renouvela les principes de la neutralité armée, en donnant même une plus grande latitude aux droits de la navigation neutre; cependant aucune mesure efficace n'avait été combinée pour soutenir la ligue du Nord, et vous avez été témoin du passage du Sund, effectué, pour ainsi dire, sans aucune opposition.—Les évènements, qui se succédèrent après ce premier acte hostile, sont si récents, qu'il est superflu de les retracer à votre mémoire. La bonne intelligence entre mon empire et la Grande-Bretagne a été heureusement rétablie et consolidée par la convention du 5/17 de ce mois, qui embrasse les intérêts des deux puissances maritimes engagées dans

---

пріѣздъ капитана Попгема и объясненія, которыхъ ожидали тогда отъ лондонскаго кабинета. Въ это время личность британскаго посланника, который проживалъ здѣсь, не понравилась покойному е. и. в—ву, и это обстоятельство вызвало новыя препятствія для конфиденціальныхъ сообщеній между обоими дворами. Лорду Уайтворту отказали выдать паспорты, которые онъ требовалъ для своихъ курьеровъ, въ доказательство неодобренія и личнаго недоброжелательства; между тѣмъ въ Лондонѣ это приняли за нарушеніе международнаго права и преднамѣренное неуваженіе къ общественному положенію министра. Послѣдовавшія затѣмъ объясненія не могли происходить въ дружелюбномъ тонѣ, который такъ долго господствовалъ между обоими кабинетами; и съ тѣхъ поръ всякая бездѣлица вела къ непріятнымъ послѣдствіямъ, какъ видно изъ событій, которыя предшествовали и сопровождали отозваніе всего британскаго посольства.—Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда взятіе датскаго фрегата „Фрейи", представило случай копенгагенскому и стокгольмскому кабинетамъ воспользоваться къ своей выгодѣ неудовольствіемъ моего авг. родителя противъ лондонскаго двора. Имъ удалось безъ труда вовлечь его въ свои планы, описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ препятствія, которыя встрѣчала ихъ торговля, часто незаконная. Таково происхожденіе этой конвенціи 4/16 декабря прошлаго года, которою возобновлялись начала вооруженнаго нейтралитета и даже расширялись права нейтральнаго плаванія.

cette cause. Leur accession aux arrangements conciliatoires, dont je suis convenu avec s. m. britannique, mettra incessamment le dernier sceau à cette œuvre salutaire et il ne restera plus qu'à déterminer la cour de Berlin d'y concourir en révoquant toutes les mesures dirigées contre les possessions du roi d'Angleterre en Allemagne. Les premières démarches dans ce but sont déjà faites, comme vous l'avez vu plus haut.— S. m. britannique n'a pas attendu, que les négociations de son ambassadeur à ma cour fussent terminées pour s'expliquer confidentiellement avec moi sur l'état présent des affaires. Vous puiserez dans les dernières dépêches du c-te de Worontzoff des lumières intéressantes relativement aux négociations entamées entre le cabinet de Londres et celui des Thuileries. Quant à la proposition d'une garantie commune des possessions européennes de la Porte Ottom., j'ai prescrit à mon ministère de ne pas donner de réponse positive à l'ambassadeur brit., afin de ne point fournir un nouveau sujet d'ombrage à la méfiance de Bonaparte, avant que vous ayez pu du moins vous assurer de ses intentions, car il est facile de prévoir, que la pacification du Nord excitera vivement sa jalousie.— Le soupçon d'une coalition nouvelle dirigée contre la France pourrait porter son g-t à de nouvelles violences, qui prolongeraient encore les calamités publiques en rallumant le feu de la guerre. Il faudra donc

---

Между тѣмъ, не было принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, чтобы поддержать Сѣверную лигу, и вы были свидѣтелемъ, какъ почти безъ всякаго, такъ сказать, препятствія былъ пройденъ Зундъ.—Событія, которыя послѣдовали за этимъ первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ, такъ недавни, что излишне напоминать ихъ вамъ. Къ счастью, согласіе между моей имперіей и Великобританіей было возстановлено и утверждено конвенціей 5/17 этого мѣсяца; она обнимаетъ интересы обѣихъ морскихъ державъ, затронутыхъ этимъ дѣломъ. Ихъ присоединеніе къ мирному соглашенію, въ которомъ я условился съ е. британ. в—вомъ, немедленно положитъ послѣднюю печать на это спасительное дѣло, и останется только убѣдить берлинскій дворъ содѣйствовать этому, отмѣнивъ всѣ мѣры, направленныя противъ владѣній англ. короля въ Германіи. Первые шаги съ этою цѣлью уже сдѣланы, какъ вы видѣли выше.— Е. брит. в—во, не дожидаясь окончанія переговоровъ его посла при моемъ дворѣ, объяснился со мною конфиденціально о теперешнемъ положеніи дѣлъ. Вы найдете въ послѣднихъ депешахъ гр. Воронцова любопытныя объясненія касательно переговоровъ, начатыхъ между лондонскимъ и тюльерійскимъ кабинетами. Что касается предложенія гарантировать сообща европейскія владѣнія Порты Оттом., то я предписалъ моему министерству не давать положительнаго отвѣта брит. посланнику, чтобы не подать новаго повода къ возбужденію подозрительности Бонапарта, по крайней мѣрѣ покуда вы не узнаете

mettre tous vos soins à détruire une semblable opinion, et vous pouvez donner au 1-r consul l'assurance la plus positive, qu'il n'entre aucune vue hostile dans mon rapprochement avec les cours de Vienne et de Londres, que ni l'une, ni l'autre ne m'a fait aucune ouverture d'alliance offensive, et que je suis très éloigné d'y prêter les mains, tant que le g-t fr-s voudra respecter lui-même les droits et l'indépendance de mes alliés. — Tous mes soins et mes efforts tendent à un seul but, celui du rétablissement de la paix et de la tranquillité, pour lequel je serai toujours prêt à me concerter avec le 1-r consul. — Ma conduite à l'égard du g-t batave lui offre une preuve non équivoque de la sincérité de ces dispositions, et vous ne manquerez pas de la faire valoire en annonçant, que je viens de rétablir les rapports politiques avec la Hollande par la nomination d'un chargé d'affaires à ce poste. — La négociation, par laquelle les différents survenus entre la Grande-Bretagne et les cours du Nord ont été terminés, indique suffisamment les termes, dans lesquels je me trouve vis-à-vis de la Suède et du Danemark et je n'en fais mention ici que pour vous recommander d'avoir l'œil attentif à la conduite de leurs agents en France. Ceci s'applique plus particulièrement au cabinet de Stockholm, qui, selon des données certaines, cherchera avec plus d'assiduité aujourd'hui à se ménager la bienveillance du g-t con-

---

его намѣреній, потому что легко предвидѣть, что умиротвореніе Сѣвера сильно возбудитъ его зависть.—Подозрѣніе въ новой коалиціи, направленной противъ Франціи, могло бы побудить его правительство къ новымъ насиліямъ, которыя продлили бы общественныя бѣдствія, снова возжегши войну. Итакъ, вамъ надобно будетъ приложить всѣ staранія, чтобы разрушить подобное мнѣніе и увѣрить 1-го консула самымъ положительнымъ образомъ, что въ моемъ сближеніи съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ нѣтъ никакой враждебной цѣли, что ни тотъ, ни другой не дѣлалъ мнѣ никакихъ предложеній наступательнаго союза, и что я какъ нельзя болѣе далекъ отъ мысли содѣйствовать ему, покуда фр. правительству самому угодно будетъ уважать права и независимость моихъ союзниковъ.—Всѣ мои заботы и усилія направлены къ одной цѣли—къ возстановленію мира и спокойствія, и для нея я всегда готовъ буду войти въ соглашеніе съ 1-мъ консуломъ.—Мое поведеніе относительно батавскаго правительства служитъ ему прямымъ доказательствомъ искренности этихъ намѣреній, и вы не преминете выставить его, объявивъ, что я возобновилъ политическія сношенія съ Голландіей назначеніемъ на этотъ постъ повѣреннаго въ дѣлахъ.—Переговоры, благодаря которымъ окончилась распря между Великобританіей и сѣверными дворами, достаточно обнаруживаютъ мои отношенія къ Швеціи и Даніи, и я упоминаю объ этомъ здѣсь лишь для того, чтобы вы внимательнѣе слѣдили за поведеніемъ ихъ аген-

sulaire.—Pour ce qui concerne l'Italie vous avez pu juger, par les derniers ordres envoyés à Paris, que quel que soit l'intérêt que j'attache à son indépendance et au maintien des gouvernements légitimes, qui ont échappés jusqu'à ce jour à la faulx de la révolution dans cette partie intéressante de l'Europe, je donne au 1-r consul toutes les facilités imaginables pour que mon intervention en faveur des rois de Naples et de Sardaigne n'apportent point d'obstacles réels à la conciliation désirée. Méconnaître ma condescendance à cet égard serait un aveu tacite des projets subversifs et attentatoires à la sûreté générale. Ce serait me contraindre de recourir à d'autres mesures pour mettre un frein à une ambition incompatible avec le repos de l'Europe; puisque dès lors il ne sera plus permis d'attendre du 1-r consul aucune modération dans ses vues politiques. — Jusqu'ici la Porte Ottom. à été fidèle à ses engagements avec la Russie et je n'ai à cet égard aucun sujet de plaintes à former contre elle. Son intérêt lui en faisait une nécessité, tant qu'exposée elle-même aux invasions des français et à tous les fléaux révolutionnaires, qu'ils entrainent après eux, elle pouvait envisager dans l'alliance de la Russie un moyen d'éloigner ces désastres par la protection efficace, qu'elle lui assure dans le cas, où leurs progrès auraient pu lui faire craindre des pertes dans ses possessions en Europe. Mais lorsque

---

товъ во Францiи. Это особенно относится къ стокгольмскому кабинету, который, судя по вѣрнымъ даннымъ, будетъ теперь съ большимъ усердiемъ стараться прiобрѣсти благосклонность консульскаго правительства.—Что касается Италiи, вы могли судить по послѣднимъ приказамъ, посланнымъ въ Парижъ, что каково бы ни было мое участiе къ ея независимости и къ поддержанiю законныхъ правительствъ, которыя до сихъ поръ избѣгли косы революцiи въ этой интересной части Европы, я предоставляю 1-му консулу всевозможныя облегченiя, чтобы мое вмѣшательство въ пользу королей неаполитанскаго и сардинскаго не вызвало дѣйствительныхъ препятствiй къ желанному соглашенiю. Не признавать моего снисхожденiя въ этомъ отношенiи, значило бы молчаливо сознаться въ разрушительныхъ намѣренiяхъ и посягательствѣ на общую безопасность. Это значило бы принудить меня прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ честолюбiю, вредному для спокойствiя Европы, такъ какъ съ той поры уже нельзя будетъ ожидать отъ 1-го консула никакой умѣренности въ его политическихъ замыслахъ.—Порта Оттом. была доселѣ вѣрна своимъ обязательствамъ относительно Россiи, и я не имѣю никакого повода жаловаться на нее. Къ этому ее побуждали собственныя выгоды, такъ какъ она сама открыта для нападенiя французовъ и для всѣхъ бичей революцiи, которые они приносятъ съ собою; въ союзѣ съ Россiей она могла видѣть средство удалить всѣ эти бѣдствiя, благодаря дѣятельному покровительству,

l'Egypte sera soustraite du joug de l'ennemi (évènement qu'on peut regarder comme prochain), ce ne serait peut-être pas prévoir les choses de trop loin, que d'appréhender que la haine du nom chrétien ne se réveille contre nous à Constantinople et qu'elle ne prenne un caractère sérieux. — Quoiqu'il en puisse être il ne tiendra pas à ma modération de prévenir tout sujet de mésintelligence entre mon empire et la Porte Ottom. Eloigné autant par mes principes que par mon penchant naturel de tout projet de conquête et d'agrandissement, persuadé que cette ambition doit être étrangère au souverain d'un vaste empire, comblé des plus grands bienfaits de la nature et qui renferme dans son propre sein toutes les sources de la félicité publique avec tous les éléments de la force et de la puissance, une des bases de mon système politique sera toujours de concourir de tous mes moyens à la conservation d'un état, dont la faiblesse et la mauvaise administration est un gage précieux de sécurité.—Il ne fallait rien moins que des circonstances aussi extraordinaires que celles, dont nous sommes les témoins depuis la chute du trône des Bourbons, pour former une alliance défensive entre deux états aussi éloignés sous tous les rapports que l'empire de Russie et le Portugal. Dès l'instant, où mon aug. prédécesseur a pris la détermination de ne plus concourir activement aux efforts des coalisés, cette alliance n'offrait plus la

---

которое она окажетъ ей въ случаѣ, еслибы ихъ успѣхъ грозилъ ей потерпѣть ущербъ въ ея европейскихъ владѣніяхъ. Но когда Египетъ будетъ освобожденъ отъ непріятельскаго ига (событіе, которое вѣроятно совершится скоро), то не нужно особеннаго дара предвидѣнія, чтобы опасаться, что ненависть къ христіанскому имени пробудится въ Константинополѣ и приметъ серьезный характеръ противъ насъ.—Но что бы ни было, дѣло не станетъ за моею готовностью предупреждать всякій поводъ къ недоразумѣнію между моей имперіей и Портой Оттом. Далекій, какъ въ силу моихъ правилъ, такъ и въ силу моей естественной склонности, отъ всякихъ плановъ завоеванія и захвата, убѣжденный, что это честолюбіе должно быть чуждо государю обширной имперіи, одаренной величайшими благами природы и заключающей въ собственныхъ нѣдрахъ всѣ источники народнаго благосостоянія со всѣми задатками силы и могущества,—я буду основывать свою политическую систему всегда на томъ, чтобы содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня средствами сохраненію государства, слабость и дурное правленіе котораго служатъ драгоцѣннымъ залогомъ безопасности.—Нужны были такія необыкновенныя обстоятельства, какъ тѣ, которыхъ мы были очевидцами со времени паденія престола Бурбоновъ, чтобы вызвать оборонительный союзъ между двумя государствами, столь далекими во всѣхъ отношеніяхъ, какъ Россійская имперія и Португалія. Съ той минуты, какъ мой авг. предшественникъ

compensation d'intérêt, qui est la base de toute transaction publique, et elle devint une charge onéreuse. L'envahissement du Portugal est un malheur, auquel je ne puis être insensible, puisqu'en offrant au g-t fr-s de nouvelles ressources et en livrant une nouvelle proie au génie malfaisant de la révolution, il peut influer sur les affaires générales et faire naître encore une entrave à l'accomplissement des voeux de l'humanité; mais il n'est pas dans mon pouvoir de le prévenir. Mes secours et mon intervention seraient également tardifs, et l'impossibilité physique de remplir les engagements contractés par feu l'E-r avec la cour de Lisbonne rend cette alliance illusoire.—Pour ce qui concerne l'Espagne je me réfère à l'instruction particulière, qui vous sera remise et par laquelle vous serez informé de mes intentions. à l'égard du rétablissement des anciennes relations avec cette puissance. — Il résulte du tableau que je viens d'esquisser, que c'est avec les cours de Vienne, de Londres et de Berlin, que l'entérêt général, aussi bien que ceux de mon empire, me portent à désirer une solide union; que les deux premières, allant au-devant de mes voeux, semblent par leur empressement en reconnaître l'utilité; que le ministère prussien, caractérisé par une grande fluctuation de principes et poursuivant toujours ses vues de cupidité, me laisse encore dans l'incertitude sur le parti qu'il embrassera; qu'un concert sur lès indemnités et les changements qu'éprouvera la constitution germanique

---

рѣшился не оказывать помощи усиліямъ коалиціи, этотъ союзъ не представлялъ болѣе взаимности интересовъ, которая служитъ основой всѣхъ государственныхъ сдѣлокъ, и онъ сдѣлался тяжкимъ бременемъ. Захватъ Португаліи есть несчастіе, къ которому я не могу оставаться равнодушнымъ, потому что, доставляя фр. правительству новыя силы, а злому генію революціи новую добычу, онъ можетъ повліять на общія дѣла и прибавить новое препятствіе къ исполненію человѣколюбивыхъ желаній; но не въ моей власти его предотвратить. Моя помощь и мое вмѣшательство одинаково опоздали бы; а физическая невозможность исполнить обязательства, взятыя на себя покойнымъ и—ромъ, относительно лиссабонскаго двора, дѣлаетъ этотъ союзъ неосуществимымъ.—Что касается Испаніи, ссылаюсь на особую инструкцію, которая будетъ вручена вамъ: она ознакомитъ васъ съ моими намѣреніями насчетъ возстановленія старыхъ сношеній съ этою державой.—Изъ набросанной мною картины вытекаетъ слѣдующее: какъ общій интересъ, такъ и выгоды моей имперіи порождаютъ во мнѣ желаніе прочно соединиться съ дворами вѣнскимъ, лондонскимъ и берлинскимъ. Первые два идутъ на встрѣчу моимъ стремленіямъ и, судя по ихъ полной готовности, признаютъ ихъ пользу. Прусское же министерство, которое отличается большою шаткостью началъ и всегда преслѣдуетъ свои алчныя цѣли, все еще внушаетъ мнѣ сомнѣнія насчетъ

peut incessamment s'établir avec l'Autriche; que je crois très utile d'y faire intervenir également le roi de Prusse; et que dans tous les cas, pourvu que le 1-r consul apprécie la loyauté de mes vues, je ne suis pas moins disposé de m'entendre avec lui sur les mesûres, qui peuvent rétablir l'équilibre en Europe. — Une conséquence non moins évidente des combinaisons développées dans ces instructions, c'est que le moment est venu, où la conduite du 1-r consul décidera nécessairement la marche, que les grandes puissances doivent suivre pour leur propre sûreté; que la manière, dont on accueillera les ouvertures, dont vous êtes l'organe, aura une influence décisive sur cette détermination; et qu'ainsi les motifs les plus graves semblent conseiller au premier magistrat de la république fr-se de ne pas livrer au hazard ce qu'il peut attendre avec confiance d'un système modéré et équitable.—Il me reste peu de choses à ajoutér aux ordres, que votre prédécesseur recevra peu de jours avant de vous remettre les affaires. Il ne lui était pas permis de procéder à la conclusion du traité dans le cas, où le nouveau projet de mon ministère ne serait pas accepté dans sa teneur littérale; mais me confiant dans votre expérience et votre dextérité je veux bien donner une plus grande étendue à vos pouvoirs et je vous autorise de faire à ce projet les modifications, que vous jugerez compatibles avec les vues, qui ont dirigé cette négociation, pourvu que mes alliés ne soient pas abandonnés à leur sort,

своего дальнѣйшаго пути. Касательно вознагражденій и перемѣнъ въ устройствѣ Германіи можно думать, что немедленно установится согласіе съ Австріей; но я считаю весьма полезнымъ тутъ и содѣйствіе Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, я равно расположенъ сойтись съ 1-мъ консуломъ насчетъ мѣръ къ возстановленію европейскаго равновѣсія, если только онъ оцѣнитъ честность моихъ намѣреній.—Не менѣе того явствуетъ изъ развитыхъ въ этой инструкціи соображеній, что пришло время, когда отъ поведенія 1-го консула неизбѣжно будутъ зависѣть пути, которымъ послѣдуютъ великія державы въ видахъ собственной безопасности. Пріемъ, который встрѣтятъ передаваемыя черезъ васъ сообщенія, будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на эти рѣшенія. Поэтому, самыя, кажется, важныя побужденія должны бы внушать первому правителю фр. республики не оставлять на произволъ случая того, что онъ можетъ съ довѣріемъ ожидать отъ системы умѣренности и справедливости.—Остается немногое прибавить къ приказамъ, которые получитъ вашъ предмѣстникъ за нѣсколько дней до передачи вамъ дѣлъ. Ему не дозволялось заключать договоръ въ случаѣ, если новый проектъ моего министерства не будетъ принятъ дословно; но, довѣряя вашей опытности и умѣнью, я хочу дать самый большой просторъ вашимъ полномочіямъ. Уполномочиваю васъ дѣлать въ этомъ проектѣ измѣненія, которыя вы найдете совмѣстимыми съ видами, руково-

que le roi de Naples soit délivré du joug républicain, après l'évacuation de l'Egypte, que le roi de Sardaigne soit rétabli à la paix définitive, que la Porte Ottomane, l'électeur palatin et le duc de Wurtemberg ressentent les effets de ma protection et que le I article secret soit maintenu. Je vous abandonne le choix des termes, persuadé que vous ne laisserez aucune prise à la mauvaise foi, et si ces points principaux sont réglés d'une manière satisfaisante, vous pourrez conclure les deux actes, sans les soumettres de nouveau à ma sanction. Il me serait sans doute très agréable d'obtenir la neutralité du royaume de Naples, mais je n'en fais point une condition sine qua non. — En traitant avec celui, qui est investi en France d'un pouvoir plus grand que celui des rois, on ne saurait se refuser d'admettre les formes établies et convenues entre les grandes cours; d'autant plus que le g-t républicain ne manquera pas de se prévaloir de l'exemple de ses transactions antérieures. Vous ne vous refuserez donc point à l'alternative des titres et des signatures dans les actes.—Vous avez vu par les derniers rapports de Kolitscheff, qu'on lui a fait une insinuation pour m'engager à reconnaître l'infant de Parme, comme roi d'Etrurie. Cet objet a été passé sous silence dans mes derniers ordres, afin d'éluder une demande, pour le moins trop prématurée. Si le cabinet des Thuileries la renouvelle, vous ferez sentir au ministre des rel. ext. qu'une semblable prétention est sans exemple dans l'histoire

---

дившими этимъ дѣломъ, но съ условіемъ: чтобы мои союзники не были покинуты на произволъ судьбы; чтобы неаполит. король былъ освобожденъ отъ республиканскаго ига по очищеніи Египта отъ войскъ; чтобы сард. король былъ возстановленъ при окончательномъ замиреніи; чтобы Оттом. Порта, курфюрстъ пфальц. и герцогъ вюртемб. узнали дѣйствіе моего покровительства, и чтобы была сохранена I тайная статья. Оставляю выраженія на вашъ выборъ, въ убѣжденіи, что вы не дадите потачки недобросовѣстности. И когда эти главныя условія будутъ установлены удовлетворительно, вы можете совершить оба акта, не подвергая ихъ снова моему освященію. Конечно, мнѣ было бы весьма пріятно добиться нейтралитета неаполит. королевства; но я не ставлю этого, какъ conditio sine qua non.—Имѣя дѣло съ тѣмъ, кто облеченъ во Франціи властью, превышающею власть королей, нельзя уклоняться отъ формъ, принятыхъ и установленныхъ въ средѣ великихъ дворовъ, тѣмъ болѣе, что республиканское правительство не преминетъ выставить примѣръ своихъ прежнихъ сдѣлокъ. Посему не отказывайтесь отъ альтернативы въ титулахъ и подписяхъ на бумагахъ.—Вы видѣли изъ послѣднихъ донесеній Колычева, что съ нимъ заговаривали насчетъ моего признанія инфанта пармскаго королемъ Этруріи. Этотъ предметъ обойденъ молчаніемъ въ моихъ послѣднихъ приказахъ, съ цѣлью уклониться отъ просьбы, по меньшей мѣрѣ слиш-

et qu'avant de prendre une détermination quelconque au sujet du nouveau souverain de la Toscane, je dois le voir dans son royaume, dont l'existence n'est connue que par les feuilles de Paris. Il est difficile en effet de se persuader que le 1-r consul ait cru de bonne foi qu'un mot dit par Talleyrand suffisait pour faire reconnaître un roi, qui lui-même n'a vu sa monarchie que sur la carte.— On peut s'attendre que la nomination d'un ministre de France à ma cour suivra de près la confection du traité. Une ambassade serait gênante à bien des égards et comme l'ancienne cour de Versailles tenait un ministre du second ordre en Russie, vous pourrez alléguer l'usage établi entre les deux états, pour écarter le projet de m'envoyer un ambassadeur et vous emploirez tous les moyens en votre pouvoir pour que le choix du 1-r consul tombe sur un homme estimable et qui n'ait pas joué un rôle odieux dans la révolution, en me réservant toutefois de l'agréer ou d'en demander un autre, déférence généralement admise entre les cours.— Après vous avoir ainsi fait connaître tout ce qui peut contribuer aux succès, que j'attends de votre zèle éprouvé et de votre expérience dans les affaires publiques, je crois superflu d'ajouter aucune observation sur la conduite la plus propre à vous concilier la confiance du g-t fr-s. Je me bornerai à vous rappeler que le souvenir de votre ministère (dont tous les efforts étaient dirigés par une suite du système de Catherine contre les fac-

---

комъ преждевременной. Если тюльерійскій кабинетъ возобновитъ ее, вы дадите понять министру ин. дѣлъ, что подобное притязаніе безпримѣрно въ исторіи и что прежде, чѣмъ придти къ какому-либо рѣшенію по поводу новаго государя Тосканы, я долженъ видѣть его въ его королевствѣ, о существованіи котораго покуда извѣстно лишь изъ парижскихъ газетъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно подумать, чтобы 1-й консулъ искренно вѣрилъ, будто достаточно одного слова Талейрана, чтобы признали короля, который и самъ лишь на картѣ видѣлъ свою монархію.—Можно ожидать, что вскорѣ за заключеніемъ договора послѣдуетъ назначеніе франц. министра при моемъ дворѣ. Посольство было бы стѣснительно во многихъ отношеніяхъ, и такъ какъ старый версальскій дворъ держалъ въ Россіи второразряднаго министра, то вы можете ссылаться на установленный между двумя государствами обычай, чтобы отстранить планъ посылки ко мнѣ посланника. При этомъ вы употребите всѣ, зависящія отъ васъ, мѣры, чтобы выборъ 1-го консула палъ на лицо почтенное и не игравшее ненавистной роли въ революціи. Во всякомъ случаѣ, оставляю за собой право принять его или потребовать другого,—уступка общепринятая при дворахъ.—Итакъ, изложивъ вамъ все, что можетъ содѣйствовать успѣхамъ, мною ожидаемымъ отъ вашего испытаннаго усердія и опытности въ государственныхъ дѣлахъ, считаю излишнимъ прибавлять насчетъ поведенія, наибо-

tions, qui déchiraient la France) pourrait inspirer quelqu'ombrage et il ne serait peut-être pas hors de saison de faire entendre, lorsque l'occasion s'en présentera, que vous ne croyez point applicables aux circonstances actuelles les principes, qui vous dirigeaient alors. Ce ménagement sera d'autant plus à sa place dans un pays, où le pouvoir de l'opinion est sans limites.—Je ne doute point au reste que dans cette commission honorable vous acquerrez des nouveaux titres aux sentiments d'estime, avec lesquels je suis etc.

Pétersbourg. Paris, 1801, 213. Черновая.

№ 94.—Талейранъ Дюроку.

Paris, 29 messidor an IX.

*) Le 1-r consul avait reconnu avec plaisir dans l'accueil, qui vous a été fait à Pétersbourg, l'indice le plus favorable des dispositions de S. M. I., et il s'attendait à voir la négociation entamée avec la cour de Russie pour le rétablissement de la paix incessamment conduite à une fin satisfaisante.—Cependant quoique les premières communications du nouveau cabinet eussent éloigné quelques unes des difficultés, qui s'étaient présentées dans les premières discussions, on a pu être étonné de ne pas voir m. de Kolitscheff pleinement autorisé à signer au moins, sans délai,

---

лѣе способнаго снискать вамъ довѣріе франц. правительства. Ограничусь замѣчаніемъ, что воспоминаніе о вашемъ министерствѣ (всѣ его усилія были направляемы системой Екатерины противъ мелкихъ партій, раздиравшихъ Францію), пожалуй, внушитъ нѣкоторое недовольство: быть можетъ, не было бы неумѣстнымъ дать понять, при случаѣ, что вы не считаете руководившія вами тогда начала приложимыми къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Такая осторожность особенно умѣстна въ странѣ, гдѣ сила общественнаго мнѣнія безгранична.—Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что при этомъ почетномъ порученіи вы пріобрѣтете новыя права на уваженіе, съ которымъ и проч.

Парижъ, 6/18 іюля 1801.

*) Въ пріемѣ, сдѣланномъ вамъ въ Петербургѣ, 1-й консулъ съ удовольствіемъ увидѣлъ самый благопріятный знакъ расположенія е. и. в—ва; онъ ожидалъ, что начатые съ русскимъ дворомъ переговоры о возстановленіи мира немедленно приведутъ къ удовлетворительному концу.—Между тѣмъ, хотя первыя сообщенія новаго кабинета и устранили нѣкоторыя затрудненія, встрѣтившіяся въ началѣ обсужденій, однако, къ нашему изумленію, г. Ко-

le traité de paix définitif, sur les conditions duquel on paraissait entièrement d'accord, et qui dans l'ordre naturel et accoutumé devait essentiellement précéder toute autre convention relative aux affaires d'Europe.—Quand on a su, que m. de Kolitscheff était rappelé, on a cru que son successeur allait immédiatement arriver avec des instructions et des pouvoirs suffisants pour conclure. Il est d'autant plus difficile d'interpréter aujourd'hui les retards de cette nouvelle mission, que celle de m. de Kolitscheff se trouve évidemment dans l'impossibilité de produire aucun fruit depuis que son rappel est connu. D'ailleurs il est vrai de dire que m. de Kolitscheff a paru mettre personnellement peu de zèle au rapprochement des deux pays. Vous avez eu dans le temps cannaissance de tout ce qu'il apportait de lenteur et d'entraves dans la négociation. Peu de jours après votre départ il présenta une note relative au rois de Naples et de Sardaigne, et tellement inconvenante pour la forme et pour le style, que le cit. Talleyrand refusa de la recevoir. M. de Kolitscheff n'en a tenu compte. Il a communiqué lui-même la note refusée à Naples, à Rome etc., et il s'est gardé de dire qu'elle n'avait été ni acceptée, ni répondue. Cette conduite est-elle celle d'un homme, qui travaille sincèrement au rétablissement de la paix et de la bonne harmonie?—On ne peut guères douter que l'esprit, dont m. de Kolitscheff se montre animé, ne dirige encore plusieurs hommes influents à Pétersbourg et sans doute la présence de lord St. Hélènes aura eu pour premier effet de mettre

---

лычевъ оказался не совсѣмъ уполномоченнымъ къ немедленному подписанію даже окончательнаго мирнаго договора на основаніяхъ, казалось бы, совсѣмъ принятыхъ; а этотъ договоръ, по естественному и обычному порядку, необходимо долженъ былъ предшествовать всякой другой конвенціи касательно европейскихъ дѣлъ.—Узнавши объ отозваніи г. Колычева, думали, что его преемникъ прибудетъ немедленно съ достаточными для докончанія инструкціями и полномочіями. Теперь тѣмъ труднѣе понять задержку этой новой миссіи, что миссія г. Колычева очевидно не можетъ вести ни къ чему съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно его отозваніе Къ тому же, нужно сказать правду, г. Колычевъ, кажется, и лично мало радѣлъ о сближеніи между двумя странами. Въ свое время вы были извѣщены о всѣхъ препятствіяхъ и задержкахъ, которыя встрѣчали переговоры съ его стороны. Немного спустя послѣ вашего отъѣзда, онъ представилъ ноту на счетъ королей Неаполя и Сардиніи, до того неприличную по формѣ и слогу, что гражд. Талейранъ отказался принять ее. Г. Колычевъ не обратилъ вниманія на это. Онъ самъ сообщилъ отвергнутую ноту въ Неаполь, Римъ и т. д., не говоря, что она не была принята и осталась безъ отвѣта. Такъ ли поступаютъ люди, искренно работающіе надъ возстановленіемъ мира и добраго согласія?—Нѣтъ сомнѣнія, что одушевляющій

en mouvement tout le parti anglais. Mais le 1-r consul est trop rempli d'estime pour S. M. I. pour ne pas être persuadé qu'elle repoussera des suggestions, qui seraient contraires au bien et à la gloire de son empire.— Dans les entretiens que S. M. I. vous a accordés, vous n'aurez pas manqué de lui remettre sous les yeux tous les motifs d'intérêt commun, qui doivent unir la Russie et la France.- Afin de nourrir vos conversations et de les rendre profitables je dois vous donner une esquisse de nos affaires présentes.—L'état intérieur de la république s'améliore et se fortifie chaque jour. Ses rapports extérieurs ne suivent pas une marche moins avantageuse. Vous trouverez dans les numéros du „Moniteur", que je joins ici, quelques articles, qui ont été insérés pour mettre en évidence la politique du g-t français et pour répondre aux bruits absurdes ou ridicules, qu'on fait circuler en Europe et qui dans l'éloignement surtout pourrait produire quelque impression. Ainsi vous n'aurez pas de peine à relever ce qui a été dit par rapport au pape, au roi de Naples, à celui de Sardaigne. Il n'a point été question d'enlever au pape sa souveraineté temporelle. Nos arrangements avec la cour de Rome et qui sont uniquement relatifs aux rapports religieux, se négocient de gré à gré et ne peuvent manquer d'être réglés bientôt d'une manière satisfaisante.—Le roi de Naples reviendra sans doute bientôt dans sa capitale, et le passage ainsi que le séjour de quelques troupes françaises dans ses états n'auront servi qu'à y ramener la tranquillité et à l'y

---

г. Колычева духъ руководитъ еще многими вліятельными лицами въ Петербургѣ, и конечно присутствіе лорда С.-Эленса прежде всего содѣйствовало возбужденію всей англійской партіи. Но 1-й консулъ слишкомъ уважаетъ е. и. в., чтобы не быть убѣжденнымъ, что онъ отклонитъ внушенія, противныя благу и славѣ его имперіи.—Въ разговорахъ съ е. и. в—мъ вы не преминете выставить ему всѣ общія выгоды, которыя должны вести къ соединенію Россіи съ Франціей.— Чтобы дать вамъ матеріалъ для бесѣдъ и сдѣлать ихъ выгодными, я долженъ обрисовать вамъ наши нынѣшнія дѣла.—Внутреннее положеніе республики съ каждымъ днемъ улучшается и укрѣпляется. Не менѣе выгодны ея внѣшнія сношенія. Въ прилагаемыхъ №№ «Монитера» вы найдете статьи, напечатанныя съ цѣлью разъяснить политику франц. прав—ва и отвѣтить на нелѣпые или смѣшные слухи, распространяемые въ Европѣ, которые могутъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе, особенно вдали. Такъ, вамъ не трудно будетъ опровергнуть то, что говорилось насчетъ папы и королей Неаполя и Сардиніи. Никто не думалъ отнимать у папы свѣтской власти. Наши сдѣлки съ римскимъ дворомъ, сдѣлки чисто религіознаго свойства, происходятъ полюбовно и не преминутъ вскорѣ окончиться удовлетворительнымъ образомъ.—Неаполитанскій король безъ сомнѣнія скоро возвратится въ свою столицу; и про-

maintenir. — Le roi de Sardaigne a eu connaissance des conditions préliminaires, auxquelles il devait souscrire pour que la négociation de paix fût entamée avec lui. Une observation, que j'ai faite à m. de Kolitscheff et que vous pourrez avoir occasion de répéter, c'est qu'il est au moins extraordinaire de voir la Russie toute étrangère qu'elle est de fait aux évènements d'Italie et aux intérêts de la maison de Savoie, prendre si chaudement ceux du roi de Sardaigne, tandis que de ses alliés, des deux cabinets, qui l'ont entraîné à la guerre, l'un l'a déjà entièrement sacrifié et l'autre, qui a des moyens si grands pour le servir, n'annonce aucune intention de le faire. Cependant c'est en définitif par la paix avec l'Angleterre, que devra être réglé la condition du roi de Sardaigne. — Je ne vous parlerai point de la Prusse. Vous aurez apprécié depuis longtemps les bruits, qu'on répandait d'une rupture entre elle et la république. Il n'y a ni brouillerie, ni froideur. Le 1-r consul ne varie point dans le système, que vous lui connaissez par rapport à la Prusse, et il a de nouvelles raisons de se confier à la loyauté du roi.—A ce que je viens de vous dire, je dois encore ajouter ce qui suit.—Il paraît que les anglais se sont fait un système de redoubler d'efforts pour répandre des bruits de toutes espèces faux et mensongers.—Les rapports de la France sont liés avec les principales puissances par les traités de Bâle, Lunéville, Tolentino et Florence. Tous les traités sont et seront scrupuleusement exécutés par le g-t fr-s; et il faut bien remarquer, que le traité de Lu-

---

ходъ чрезъ его владѣнія нѣкоторыхъ франц. войскъ и пребываніе ихъ тамъ лишь помогутъ его возвращенію и водворенію спокойствія.—Сард. королю извѣстны предварительныя условія, которыя онъ долженъ подписать, чтобы начались съ нимъ мирные переговоры. Вы можете повторить одно замѣчаніе, сдѣланное мною г. Колычеву, именно, что по меньшей мѣрѣ странно видѣть, какъ Россія, въ сущности столь чуждая итальянскимъ событіямъ и интересамъ савойскаго дома, принимаетъ столь горячее участіе въ сард. королѣ, между тѣмъ какъ его союзники, вовлекшіе его въ войну кабинеты поступаютъ иначе: одинъ изъ нихъ уже совсѣмъ пожертвовалъ имъ, другой вовсе не обнаруживаетъ склонности служить ему, хотя и обладаетъ для этого громадными средствами. Впрочемъ, судьба сард. короля опредѣлится, въ концѣ концовъ, лишь при мирѣ съ Англіей.—Не стану говорить о Пруссіи. Вы конечно давно оцѣнили распространяемые слухи о разрывѣ между нею и республикой. Нѣтъ ни ссоры, ни охлажденія. 1-й консулъ неизмѣненъ въ извѣстной вамъ системѣ по отношенію къ Пруссіи, и у него есть новыя причины довѣрять честности короля.—Къ сказанному я долженъ прибавить еще слѣдующее.—Повидимому англичане приняли систему съ удвоеннымъ усердіемъ распространять всякаго рода ложные слухи.—Отношенія Франціи къ глав-

néville est entier et complet, que son exécution et son intégrité sont indépendantes de tous les arrangements, qui pourront avoir lieu en Allemagne.—Le traité de Tolentino a réglé les rapports de la république avec le pape comme souverain temporel. Une convention vient d'être signée ici le 26 messidor (15 juillet) avec le cardinal Gonsalvi. Elle lève toutes les difficultés, qui existaient quant au spirituel.—L'intégrité du royaume de Naples est stipulée par le traité de Florence. L'occupation de la rive occidentale de l'Adriatique n'est qu'une stipulation passagère relative aux affaires d'Orient. Je l'ai dit à m. de Kolitscheff et vous ne devez pas hésiter à le répéter en toute occasion.—Il y a déjà plusieurs jours, que nous avions reçu de Hambourg la première nouvelle de la convention du 17 juin. Nous avions hésité à y croire. C'est vous dire assez, que la confirmation en étant acquise, nous n'avons pas appris sans étonnement et sans regret avec quelle facilité le g-t britannique est venu à bout de faire admettre ses prétentions et de réduire à rien toutes les espérances, qu'on avait pu former sur l'association des puissances du Nord pour le maintien des droits de la neutralité. S'il faut en croire les papiers anglais (et dans cette occasion il est à craindre, qu'ils aient dit la vérité) l'Angleterre vient d'obtenir tout ce qu'elle avait désiré. Ce ne sont pas seulement les principes mis en avant par l'E-r Paul I, qui sont abandonnés, mais ceux mêmes, qui avaient été consacrés dans la

---

нымъ державамъ связаны съ договорами базельскимъ, люневильскимъ, толентинскимъ и флорентійскимъ. Всѣ договоры тщательно соблюдаются и будутъ соблюдаться фр. прав—вомъ; и нужно твердо помнить, что люневильскій договоръ представляетъ полное цѣлое, и что его исполненіе и неприкосновенность не могутъ зависѣть ни отъ какихъ будущихъ сдѣлокъ въ Германіи.—Толентинскимъ договоромъ установлены отношенія республики къ папѣ, какъ къ свѣтскому государю. 26 мессидора (15 іюля) здѣсь подписана конвенція съ кардиналомъ Гонсальви: она устраняетъ послѣднія затрудненія въ духовныхъ дѣлахъ.—Неприкосновенность неаполит. королевства установлена флорентійскимъ договоромъ. Занятіе зап. берега Адріатики—лишь временное условіе, связанное съ дѣлами Востока: я сказалъ это г. Колычеву, и вы не стѣсняйтесь повторять то же при всякомъ случаѣ.—Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы впервые узнали изъ Гамбурга о конвенціи 17-го іюня. Мы не рѣшались вѣрить. Довольно сказать вамъ, что, удостовѣрившись, мы не безъ удивленія и прискорбія познали, какъ легко британское прав—во провело свои притязанія и разрушило всѣ надежды на соединеніе сѣв. державъ для соблюденія правъ нейтралитета. Если вѣрить англ. газетамъ (а въ данномъ случаѣ боюсь, что онѣ говорятъ правду), Англія только-что получила все, чего желала. Это ужъ покинуты не только начала, выставленныя и—ромъ Павломъ I, но и начала,

convention de 1780, ouvrage mémorable de Catherine II. — Quand la convention sera textuellement connue, j'aurai soin de vous entretenir davantage de l'impression qu'elle aura faite ici.

Paris. 140, 204. Черновая.

№ 95.—Нота Талейрана Колычеву.

Paris, 15 thermidor an IX.

*) Le soussigné a reçu et mis sous les yeux du 1-r consul le nouveau projet d'articles secrets présenté par m. de Kolitscheff dans la dernière conférence. — Le soussigné déclare de nouveau, qu'il est prêt à signer le traité portant le rétablissement de la paix et des relations habituelles entre la France et la Russie sur les termes, qui ont été précédemment convenus entre m. de Kolitscheff et lui.—Mais l'usage établi entre les puissances qui se trouvent en état de guerre étant de faire cesser cet état hostile et de conclure leur propre pacification avant de s'occuper d'arrangements relatifs aux autres puissances, si le g-t fr-s a consenti précédemment a discuter un projet de convention secrète avant d'avoir conclu la paix, il est nécessaire de remonter aux motifs, qui dans cette circonstance avaient guidé le 1-r consul. — L'E-r Paul I de glorieuse mémoire avait conçu le noble et vaste projet d'intervenir dans les affaires de l'Europe pour rétablir l'équilibre tant sur les mers

---

освященныя конвенціей 1780 года, этимъ достопамятнымъ созданіемъ Екатерины II.—Когда узнаемъ самый текстъ конвенціи, я постараюсь больше сказать вамъ о произведенномъ ею здѣсь впечатлѣніи...

Парижъ, 22 іюля (3 августа) 1801.

*) Нижеподписавшійся получилъ и представилъ 1-му консулу новый проектъ тайныхъ статей, предложенныхъ г. Колычевымъ на послѣдней конференціи.—Нижеподписавшійся снова объявляетъ, что онъ готовъ подписать договоръ о возстановленіи мира и обычныхъ сношеній между Франціей и Россіей на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ онъ предварительно уговорился съ г. Колычевымъ.—Но обычай требуетъ, чтобы обѣ воюющія державы прекратили враждебныя дѣйствія и заключили между собою миръ, прежде чѣмъ приступать къ устройству другихъ державъ. Если прежде фр. прав—во согласилось предварительно обсуждать проектъ тайной конвенціи, до заключенія мира, то необходимо возвратиться къ побужденіямъ, которыя въ данномъ случаѣ руководили 1-мъ консуломъ. Блаженной памяти и—ръ Павелъ I составилъ благородный и

que sur le continent. Le 1-r consul s'empressa d'aller au-devant d'une entreprise aussi salutaire à l'humanité et de lever tous les obstacles, qui pouvaient s'opposer à son exécution. Le sort de l'Italie n'était à cette époque fixé encore par aucun traité et le 1-r consul adopta d'autant plus volontiers l'idée de s'entendre avec S. M. I. Paul I pour régler les affaires de cette partie de l'Europe, ainsi que celles d'Allemagne, qui se trouvaient aussi sans conclusion, qu'il s'agissait d'enlever pour jamais le continent à l'influence de l'Angleterre et de mettre en même temps un terme au despotisme, que cette nation exerçait sur les mers. — Mais l'éloignement des deux capitales et les longueurs inséparables d'une négociation de cette importance, lorsque surtout les plénipotentiaires ne se trouvent pas des deux parts munis de pleins pouvoirs, amenèrent des délais, pendant lesquels le traité de Lunéville se trouva conclu et fixa les rapports fondamentaux de l'Allemagne et de l'Italie.— Sur ces entrefaites S. M. I. l'E-r Alexandre monta sur le trône et parut animé du désir de maintenir les principes de la neutralité; les négociations continuèrent entre la France et la Russie; mais d'un autre côté la négociation avec Naples, qui amena le traité de Florence, et celle avec le pape, qui remit en pleine vigueur le traité de Tolentino, achevèrent de fixer jusque dans ses détails le sort de l'Italie. — Le roi de Sardaigne seul, toujours mal conseillé et livré à une conduite constamment hostile envers le g-t fr-s, ne vit pas son sort définitivement réglé,

---

обширный проектъ вступиться въ дѣла Европы, чтобы возстановить равновѣсіе, какъ на моряхъ, такъ и на материкѣ. 1-ый консулъ поспѣшилъ отозваться на такое спасительное для человѣчества предпріятіе и уничтожить всѣ преграды, которыя могли бы помѣшать его исполненію. Тогда судьба Италіи еще не была опредѣлена никакимъ договоромъ, и 1-й консулъ тѣмъ охотнѣе рѣшился войти въ соглашеніе съ е. и. в—вомъ Павломъ I для устройства дѣлъ этой части Европы, а также и Германіи, что вопросъ шелъ о томъ, чтобы навсегда освободить материкъ отъ вліянія Англіи и въ то же время положить предѣлъ деспотизму этой націи на морѣ.—Но далекое разстояніе обѣихъ столицъ и неизбѣжная медленность столь важныхъ переговоровъ, въ особенности когда уполномоченные обѣихъ сторонъ не снабжены достаточными полномочіями, затянули дѣло; а между тѣмъ люневильскій договоръ уже былъ заключенъ и установилъ основныя отношенія между Германіей и Италіей. Въ это время е. в. и—ръ Александръ вступилъ на престолъ и, повидимому, былъ проникнутъ желаніемъ поддерживать начала нейтралитета. Переговоры между Франціей и Россіей продолжались; но, съ другой стороны, переговоры съ Неаполемъ, закончившіеся флорентійскимъ договоромъ, и переговоры съ папой, возстановившіе во всей силѣ толентинскій

et le g-t fr-s proposa dans son projet, article V, de remettre à la paix générale la discussion relative à ce prince, attendu que comme il n'avait fait la guerre qu'à l'instigation et avec l'argent des anglais, il était juste que le rétablissement de cet allié de la Grande-Bretagne procurât à l'Espagne et à la Batavie, alliés de la France, la restitution de leurs colonies. — Dans cet intervalle de nouveaux évènements sont survenus. La cour de Russie a dissous elle-même le pacte de neutralité armée qu'elle avait formé et a paru reconnaître, que la souveraineté des mers était dévolue au pavillon anglais. Il est donc vrai de dire, que les arrangements, qu'il s'était agi de concerter entre la France et la Russie, manquent aujourd'hui de leur objet principal et que la convention secrète, proposée par m. de Kolitscheff, serait pour la France nulle et sans profit, puisqu'elle se trouve obligée à présent de lutter seule dans les différentes parties du monde pour l'indépendance et pour l'équilibre du commerce. — La France ne saurait donc se réserver trop de gages pour traiter avec l'Angleterre, et les évènements survenus en Egypte pouvant faire craindre, que cette contrée ne tombe au pouvoir des anglais, sont encore pour le g-t fr-s un nouveau motif de retenir ce qu'il a dans les mains et dans un moment où les moyens de l'Angleterre s'augmentent par le désarmement du Nord. Le 1-r consul a dû être extrêmement affligé de voir la nouvelle clause proposée par m. de Ko-

---

договоръ, опредѣлили до малѣйшихъ подробностей участь Италіи.—Одинъ сардинскій король, окруженный дурными совѣтниками и постоянно враждующій съ фр. пр—вомъ, считалъ свою судьбу неустроенной. Поэтому фр. пр—во предложило въ своемъ проектѣ, въ V-й ст., отложить до всеобщаго замиренія обсужденіе участи этого государя. Въ виду того, что онъ воевалъ лишь по наущенію и на деньги Англіи, справедливость требуетъ, чтобы возстановленіе этого союзника Великобританіи повлекло за собою возвращеніе колоній союзницамъ Франціи—Испаніи и Батавіи.—Въ этотъ промежутокъ времени произошли новыя событія. Русскій дворъ самъ уничтожилъ устроенный имъ договоръ о вооруженномъ нейтралитетѣ, признавая, повидимому, что господство на моряхъ досталось англійскому флагу. И такъ, совершенно справедливо будетъ сказать, что тѣхъ условій, ради которыхъ требовалось соглашеніе между Франціей и Россіей, теперь не существуетъ, и что тайная конвенція, предложенная г. Колычевымъ, не имѣла бы для Франціи никакого значенія и никакой выгоды, такъ какъ теперь ей приходится одной бороться въ различныхъ частяхъ Свѣта за независимость и равновѣсіе торговли.—Поэтому Франція должна теперь заручиться, чѣмъ только можетъ, для переговоровъ съ Англіей; а событія, происшедшія въ Египтѣ и заставившія опасаться, чтобы и эта страна не досталась англичанамъ, еще больше побуждаютъ

litscheff dans son art. V, stipulation si peu prévue et qui est toute entière à l'avantage des anglais, en même temps qu'elle est évidemment contraire à l'art. XI du même projet, où il est dit, que les parties contractantes *s'occuperaient de consolider la paix générale*, de rétablir un *juste équilibre* dans *les différentes parties du monde* et *d'assurer la liberté des mers*.—Certes ce n'est pas en favorisant l'Angleterre avec la partialité que montre cet article V, que la Russie parviendrait à diminuer cette puissance, dont le colosse pèse sur toutes les mers et menace d'écraser le commerce de toute autre nation.—Après avoir établi que cette convention secrète proposée par le plénipotentiaire de S. M. I. de Russie se trouve aujourd'hui sans objet, et que l'art. V est particulièrement inadmissible, il est à peu près superflu d'ajouter, que la rédaction de l'art. VI est elle-même inconvenable, puisqu'elle ôterait à la France un moyen puissant de compensation vis-à-vis de l'Angleterre, et qu'en général il n'y aurait sur chacune de ces clauses particulières que la rédaction proposée par le soussigné, qui pût remplir les vues des contractants et se concilier avec leurs intérêts.—M. de Kolitscheff sera à même de juger par les explications franches, contenues dans la présente note, avec combien de sincérité le g-t fr-s a désiré et désire encore un rapprochement avec la Russie, persuadé que les intérêts communs des deux états étant plus particulièrement appréciés par l'effet des

---

фр. пр—во удержать то, что находится въ его рукахъ, въ особенности въ ту минуту, когда силы англичанъ увеличиваются, благодаря разоруженію Сѣвера. 1-ый консулъ былъ крайне огорченъ, встрѣтивъ новое условіе, такъ неожиданно предложенное г. Колычевымъ въ V ст. и клонящееся совершенно въ пользу Англіи; вдобавокъ оно очевидно противорѣчитъ статьѣ XI того же проекта, гдѣ сказано, что договаривающіяся стороны *займутся упроченіемъ всеобщаго мира, возстановленіемъ справедливаго равновѣсія въ различныхъ частяхъ Свѣта и обезпеченіемъ свободы морей*.—Конечно, не пристрастнымъ поощреніемъ Англіи, выразившимся въ этой V ст. Россія можетъ умалить эту державу, которая, какъ колоссъ, царитъ надъ всѣми морями, грозя уничтожить торговлю всякой другой націи.—Разъ установлено, что тайная конвенція, предложенная уполномоченнымъ е. в—ва и—ра россійскаго, не имѣетъ теперь значенія, и что V ст. особенно не можетъ быть принята, почти излишне прибавлять, что редакція VI-й ст. сама по себѣ неумѣстна, такъ какъ она лишила бы Францію могущественнаго средства возмездія относительно Англіи; и вообще эти частныя условія могутъ быть изложены лишь такъ, какъ предлагаетъ нижеподписавшійся, чтобы удовлетворить намѣренія договаривающихся и согласоваться съ ихъ интересами.—Изъ откровенныхъ объясненій, заключающихся въ этой нотѣ, г. Колычевъ можетъ судить, какъ искренно фр. пр—во

relations, qui s'établiraient entre eux, il en résulterait un désir et une facilité réciproques à former une association plus intime et dont l'Europe entière serait appelée à recueillir le fruit.

Paris. 140, 213. Черновая.

№ 96.—Нота Колычева Талейрану.

Paris, 26 juillet (7 août) 1801.

*) Le soussigné a lu avec la plus grande attention la note, que le cit. Talleyrand, min. des rel. ext., lui a fait l'honneur de lui adresser en date du 15 thermidor.—Avant que de la porter à la connaissance de sa cour le soussigné doit auparavant exposer aux yeux du g-t fr-s les véritables intentions de S. M. I., afin de détruire les appréhensions d'un changement de système de sa part, relativement à la pacification générale. — „L'E-r Paul I, de glorieuse mémoire, est-il dit dans la note du cit. Talleyrand, avait conçu le noble et vaste projet d'intervenir dans les affaires de l'Europe pour rétablir l'équilibre tant sur les mers que sur le continent". — Des motifs non moins généreux pour le bien de l'humanité dirigent son aug. successeur; loin de renoncer à la tâche aussi brillante, loin de chercher à décliner les engagements, qui peuvent l'entraîner dans des mesures de vigueur pour donner à son in-

---

желало и продолжаетъ желать сближенія съ Россіей: оно убѣждено, что отношенія, которыя установятся между ними, лучше выяснятъ ихъ общіе интересы и вызовутъ взаимное желаніе и содѣйствіе для устройства болѣе тѣснаго союза, который отзовется плодотворно на всей Европѣ.

Парижъ, 26 іюля (7 августа) 1801.

*) Нижеподписавшійся съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ ноту, которую министръ иностр. дѣлъ, гражд. Талейранъ, сдѣлалъ ему честь прислать 15-го термидора.—Прежде чѣмъ довести ее до свѣдѣнія своего двора, нижеподписавшійся долженъ предварительно изложить предъ фр. прав—вомъ истинныя намѣренія е. и. в—ва, чтобы разрушить опасенія насчетъ перемѣны системы съ его стороны касательно общаго замиренія.—Въ нотѣ гражд. Талейрана сказано: „славной памяти и—ръ Павелъ I создалъ благородный и широкій проектъ вмѣшательства въ дѣла Европы для возстановленія равновѣсія, какъ на моряхъ, такъ и на материкѣ".—Столь же великодушныя побужденія ко благу человѣчества руководятъ его август. преемникомъ. Вовсе не думая отказываться отъ столь блестящей задачи, вовсе не стараясь укло-

tervention le degré de force, dont elle a besoin d'être environnée; il s'empresse au contraire de proposer au g-t fr-s par l'article XI d'agir avec lui d'un commun accord dans toutes les mesures de conciliation et de vigueur, afin de consolider la paix générale sur les bases de la convention secrète, de rétablir un juste équilibre dans les différentes parties du monde et d'assurer la liberté des mers. — Aussi impartiale que juste, S. M. I. ne peut être soupçonnée d'avoir par sa convention avec l'Angleterre rompu le pacte de neutralité, qu'elle avait conclu avec les puissances du Nord. En rappelant l'époque de cette association et les motifs qui ont engagé les cours du Nord à se réunir, on verra facilement, que cette association n'avait pour but que de défendre les droits du pavillon neutre. La convention conclue avec l'Angleterre a rétabli les droits de la neutralité sur les mêmes bases qu'en 1780. Ces principes, que l'on avait négligé de rappeler dans le cours de cette guerre, ont reçu une nouvelle sanction et le commerce neutre une sauvegarde assurée.—Mais cette convention pour être jugée devrait être plus connue qu'elle ne l'est. Elle ne peut renfermer l'idée d'une reconnaissance de la souveraineté des mers devant le pavillon britannique. Cette erreur provient sans doute d'informations inexactes et sera détruite aussitôt qu'on aura des renseignements plus positifs. —Le soussigné doit observer, que le traité de Lunéville et les transactions faites avec le St.

няться отъ обязательствъ, могущихъ увлечь его къ принятію принудительныхъ мѣръ для приданія его вмѣшательству необходимой силы, онъ, напротивъ, спѣшитъ предложить фр. прав—ву статьей XI дѣйствовать сообща во всѣхъ мѣрахъ соглашенія и принужденія, съ цѣлью упрочить общій миръ на основахъ тайной конвенціи, возстановить справедливое равновѣсіе въ различныхъ частяхъ Свѣта и обезпечить свободу морей.—Настолько же безпристрастный, какъ и справедливый, е. и в—во не можетъ быть заподозрѣнъ въ уничтоженіи нейтральнаго договора съ сѣв. державами посредствомъ конвенціи съ Англіей. Припоминая время этого договора и побужденія, по которымъ соединились сѣв. дворы, легко убѣдиться, что единственною цѣлью этого соединенія была защита правъ нейтральнаго флага. Конвенція съ Англіей возстановила права нейтральности на тѣхъ же основахъ, какъ и въ 1780. Эти основы, забытыя въ эту войну, получили новое освященіе, а нейтральная торговля—твердую защиту.—Но нужно лучше знать эту конвенцію, чтобы судить о ней. Въ ней не можетъ быть мысли о признаніи морской державности за британскимъ флагомъ. Это заблужденіе, конечно, проистекаетъ изъ неточныхъ свѣдѣній; оно тотчасъ исчезнетъ, какъ только получатся болѣе положительныя извѣстія.—Нижеподписавшійся долженъ замѣтить, что люневильскій договоръ и сдѣлки со Св. Престоломъ могутъ лишь въ весьма малой

Siége ne peuvent fixer le sort de l'Italie et de l'Allemagne que d'une manière très-imparfaite et ne sauraient être regardées comme une base déterminée et solide de la pacification générale. Cette vérité a été sentie par le g-t fr-s, et le 1-r consul animé du même désir que la cour de Russie de faire cesser les maux, dont l'Europe est affligée, avait lui-même conçu l'idée de parvenir avec la Russie au but salutaire de cette pacification générale. Ce fut le motif de la mission du soussigné à Paris, c'est la cause, qui l'a prolongée et qui a été l'objet jusqu'à ce jour des conférences avec le cit. Talleyrand.—Pour ce qui est de l'usage, établi entre les puissances en guerre, de faire d'abord cesser l'état hostile avant de s'occuper des arrangements relatifs aux autres puissances, le soussigné ne saurait sans des ordres exprès de sa cour se départir du mode convenu de réunir les deux objets. Cependant pour faciliter autant qu'il est en son pouvoir la confection de l'oeuvre, il s'empresse de réitérer au cit. Talleyrand ce qu'il a déjà eu l'honneur de lui dire de vive voix, qu'il sera prêt à antidater le traité de paix aussitôt que les articles secrets auront été arrêtés et convenus. — Le cit. Talleyrand dit en dernière analyse, qu'il n'y aurait sur les clauses exprimées dans les articles V et VI que la rédaction proposée par le g-t fr-s, qui pût remplir les vues des contractants et se concilier avec leurs intérêts. La rédaction de l'article V, telle qu'elle a été proposée par le soussigné, ne

---

мѣрѣ опредѣлять судьбу Италіи; на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на окончательную и твердую основу всеобщаго замиренія. Фр. прав—во поняло эту истину, и 1-й консулъ, воодушевленный однимъ съ русскимъ дворомъ желаніемъ прекратить угнетающія Европу бѣдствія, самъ пришелъ къ мысли достигнуть, за одно съ Россіей, спасительной цѣли этого всеобщаго замиренія. Это и послужило причиной отправленія нижеподписавшагося въ Парижъ, а также продолжительности его миссіи и предметомъ его переговоровъ съ гражд. Талейраномъ до сего дня.—Что касается обычая, въ средѣ воюющихъ державъ, прекращать враждебныя дѣйствія прежде, чѣмъ приступать къ сдѣлкамъ насчетъ другихъ державъ, то нижеподписавшійся не можетъ, безъ особыхъ приказовъ своего двора, отступить отъ принятаго способа соединять два предмета. Тѣмъ не менѣе, желая облегчить, насколько въ его власти, довершеніе дѣла, онъ спѣшитъ повторить гражд. Талейрану то, что онъ имѣлъ честь сказать ему устно, именно: онъ готовъ помѣтить мирный договоръ заднимъ числомъ, какъ только будутъ установлены и приняты тайныя статьи.— Гражд. Талейранъ говоритъ, въ заключеніе, что только предложенная фр. прав—вомъ редакція оговорокъ въ V и VI статьяхъ въ состояніи отвѣчать видамъ договорщиковъ и согласоваться съ ихъ выгодами. Предложенная нижеподписавшимся редакція V ст. отнюдь не благопріятствуетъ Англіи. Она

favorise nullement l'Angleterre; sa disposition est purement éventuelle et en fixe l'exécution après que le sort de l'Egypte aura été décidé; mais le sort de cette contrée ne saurait être considéré comme décidé, si cette province tombait au pouvoir des anglais. Si cette considération a fait regarder l'article V comme favorisant l'Angleterre avec partialité, certes la crainte n'en est point fondée et ne peut même jamais exister. Quant aux engagements réciproques, que cet article renferme, celui de la France se trouve déjà en quelque sorte exprimé dans la déclaration du cit. Talleyrand insérée au protocole de la troisième conférence. — D'ailleurs cette neutralité du royaume des Deux-Siciles demandée par S. M. l'E-r, n'est qu'un faible équivalent pour l'intégrité de ce royaume, promise à la Russie; et le 1-r consul devrait d'autant moins se refuser à cet acte de justice que la Russie de son côté s'engage à faire reconnaître cette neutralité par la Grande-Bretagne et par la Porte Ottomane. — Quant à l'article VI, le g-t fr-s en alléguant ses motifs de refus, a fait connaître les raisons, qui ont dicté sa rédaction, qu'il propose à la place de celle du soussigné. Sans chercher à les combattres davantage, le soussigné croit devoir proposer un moyen conciliatoire, que, malgré les ordres les plus précis de sa cour de ne se départir en rien sur cet article, il croit cependant pouvoir prendre sur lui afin d'amener les choses à une heureuse fin.—Le désir du 1-r consul étant de

---

составлена чисто на случай, и исполненіе опредѣляется ею послѣ того, какъ будетъ рѣшена судьба Египта; а судьба этой страны не будетъ считаться рѣшенной, если эта провинція подчинится англичанамъ. Если, въ силу этого соображенія, V ст. показалась благопріятною Англіи и пристрастною, то этотъ страхъ поистинѣ неоснователенъ и даже никогда не можетъ существовать. Что же касается взаимныхъ обязательствъ въ этой ст., то французское обязательство уже заключается нѣкоторымъ образомъ въ заявленіи гражд. Талейрана въ протоколѣ 3-й конференціи.—Впрочемъ эта, требуемая е. в. и—ромъ, нейтральность королевства Обѣихъ Сицилій составляетъ лишь слабое возмѣщеніе обѣщанной Россіи неприкосновенности этого королевства; и 1-й консулъ тѣмъ менѣе долженъ отказываться отъ этого акта справедливости, что Россія обязуется, съ своей стороны, заставить Великобританію и Оттоманскую Порту признать эту нейтральность.—Что касается VI ст., фр. прав—во, приводя побужденія своего отказа, раскрыло причины редакціи, предложенной имъ вмѣсто редакціи нижеподписавшагося. Не думая больше опровергать ихъ, нижеподписавшійся считаетъ долгомъ предложить примирительное средство, принимая его на себя, вопреки самымъ точнымъ приказамъ своего двора ничего не уступать по этой ст., лишь бы только привести дѣло къ счастливому концу.—Такъ какъ 1-й консулъ желаетъ имѣть въ рукахъ возможно больше залоговъ

se ménager le plus de gages possibles pour traiter avec l'Angleterre, le soussigné déclarera par une note, en même temps que la convention se signera, l'engagement du ministère de S. M. I. de tenir cet article absolument secret jusqu'à ce que les bases de la paix entre la France et l'Angleterre soient arrêtées. — Dans la situation actuelle des affaires, où il s'agit de régler les plus grands intérêts et de décider le sort futur de l'Allemagne et de l'Italie, c'est de la nature des engagements et de la combinaison des relations entre les principales puissances de l'Europe que dépend la durée et la solidité de la paix générale. — La négociation, qui existe à Paris entre la Russie et la France, fixe l'attention de tous les cabinets et suspend leur détermination; c'est son issue, qui va influer sur leur résolution. La convention secrète proposée par le soussigné, détermine les bases d'une association plus intime entre la Russie et la France. Elle établit un concert entre les deux cabinets dont l'effet pourra être plus particulièrement apprécié par la suite; et sous ce point de vue cette convention ne peut être considérée comme nulle et sans profit pour la France. — Telles sont les remarques, que le soussigné a cru devoir faire. La franchise que le g-t fr-s a mis dans le contenu de sa note, a engagé le soussigné à ne rien négliger pour mettre sous un véritable point de vue les intentions impartiales et désintéressées de sa cour. S. M. I., animée du seul désir de terminer les maux, dont

---

при переговорахъ съ Англіей, то нижеподписавшійся, одновременно съ подписаніемъ конвенціи, заявитъ нотой объ обязательствѣ министерства е. и. в—ва сохранять эту ст. въ полной тайнѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ установлены основы мира между Франціей и Англіей.—При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, когда приходится опредѣлять главнѣйшіе интересы и рѣшать будущую судьбу Германіи и Италіи, продолжительность и прочность всеобщаго замиренія зависятъ отъ свойства обязательствъ и отъ сплетенія отношеній между главными державами Европы.—Идущіе въ Парижѣ переговоры между Россіей и Франціей привлекаютъ вниманіе всѣхъ кабинетовъ и задерживаютъ ихъ рѣшенія: ихъ-то исходъ повліяетъ на ихъ рѣшимость. Предложенная нижеподписавшимся тайная конвенція опредѣляетъ основы болѣе тѣснаго соединенія между Россіей и Франціей. Она установляетъ согласіе между двумя кабинетами, дѣйствіе котораго можетъ быть оцѣнено потомъ въ подробности; и съ этой точки зрѣнія эту конвенцію нельзя считать пустою и безполезною для Франціи.—Вотъ замѣчанія, которыя нижеподписавшійся счелъ долгомъ сдѣлать. Откровенность, съ которою составлена нота фр. прав—ва, заставила нижеподписавшагося не пожалѣть ничего, чтобы выставить въ истинномъ свѣтѣ безпристрастныя и безкорыстныя намѣренія его двора. Одушевленный единственнымъ желаніемъ прекратить удручающія Европу бѣдствія, е. и. в. на-

l'Europe est affligée, croit par cette convention secrète jeter les fondements d'un concert avec la France, qui en établissant les bases de la pacification générale donne aux parties contractantes les moyens de faire adopter leurs plans. — Le soussigné verrait le plus cher de ses voeux remplis, si ces réflexions pouvaient amener le g-t fr-s à entrer dans les vues de S. M. l'E-r. Il prie le cit. Talleyrand de vouloir bien mettre sous les yeux du 1-r consul le contenu de cette note.

Paris. 140, 214. Подлинникъ.

№ 97.—Талейранъ Дюроку.

Paris, 21 thermidor an IX.

*) En même temps que je recevais votre lettre du 11 messidor, il parvenait à m. de Kolitscheff de nouveaux ordres de sa cour et nous avions droit d'attendre, que, puisque le voyage de m. de Morcoff était différé, m. de Kolitscheff trouverait dans les instructions, qui lui étaient transmises, des moyens de terminer une pacification et des arrangements déjà si retardés.—Quel a donc été l'étonnement du 1-r consul, lorsque m. de Kolitscheff avec l'extrait d'une dépêche de S. M. I. a remis un nouveau projet de convention secrète, dans lequel le cabinet de Russie, en paraissant admettre quelques unes de nos observations, en détruit

---

дѣется положить этою тайною конвенціей начало согласію съ Франціей, которое установило бы основы всеобщаго замиренія и въ то же время дало бы договорщикамъ средства провести свои планы.—Нижеподписавшійся счелъ бы исполнившимся самое дорогое изъ своихъ желаній, если бы эти разсужденія заставили фр. правительство войти въ виды е. в. и—ра. Онъ проситъ гражд. Талейрана представить 1-му консулу содержаніе этой ноты.

Парижъ, 28 іюля (9 августа) 1801.

*) Когда я получилъ ваше письмо отъ 11 мессидора, къ г. Колычеву пришли новые приказы отъ его двора, и мы были въ правѣ ожидать, что, такъ какъ отъѣздъ г. Моркова отложенъ, то г. Колычевъ найдетъ въ присланныхъ инструкціяхъ средства покончить съ замиреніемъ и со сдѣлками, уже такъ затянувшимися.—Каково же было удивленіе 1-го консула, когда г. Колычевъ вручилъ, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ одной депеши е. и. в—ва, новый проектъ тайной конвенціи, гдѣ русскій кабинетъ, какъ бы допуская нѣкоторыя изъ нашихъ замѣчаній, въ сущности разрушаетъ ихъ дѣйствіе внесеніемъ V-й ст., которая, очевидно, представляетъ средство отнести вопросъ о Неа-

cependant l'effet par l'insertion d'un article V, qui ne présente évidemment qu'un moyen de replacer à la paix générale l'état de Naples sous l'influence exclusive du g-t britannique; et quand on pense que la proposition de cet article suit immédiatement la conclusion des arrangements avec l'Angleterre, il est difficile de ne pas supposer, qu'il ait été dicté par lord St. Hélènes.—Je vais plus loin et je remarque combien il est peu naturel d'insister si vivement sur un accord relatif aux arrangements de l'Italie, lorsqu'il est connu, que des traités récents, publics et réciproquement obligatoires ont fixé le sort de la presque totalité des états de cette contrée; lorsque, par exemple, les rapports politiques avec le St. Siége se trouvent déterminés par le traité de Tolentino, qui est en pleine vigueur; lors enfin que le roi de Sardaigne est le seul prince italique, dont le sort ne soit pas réglé et qu'il n'a pas été contesté par la cour de Russie elle-même, que cette partie d'arrangements devait entrer dans le traité avec l'Angleterre, car c'est avec l'argent des anglais que le roi de Sardaigne a fait la guerre, et c'est par leur intervention qu'il doit voir sa querelle terminée.—Quoiqu'il en soit et malgré la juste surprise qu'avait causée les dernières propositions du ministre russe, je m'étais montré tout prêt à les discuter, espérant bien lui prouver facilement qu'elles étaient inadmissibles. Et en effet m. de Kolitscheff n'avait rien eu à répondre à mes objections, et comme il se retranchait sur la nature même des articles proposés, qui devaient demeu-

---

полит. государствѣ къ общему миру, подъ исключительнымъ вліяніемъ британскаго правительства; а какъ подумаешь, что предложеніе этой ст. слѣдуетъ непосредственно за сдѣлками съ Англіей, то трудно не предположить, что оно продиктовано лордомъ С. Эленсомъ.—Я иду дальше. Я замѣчаю, какъ неестественно столь горячо настаивать на соглашеніи насчетъ Италіи, когда извѣстно, что обнародованные и взаимно обязательные новѣйшіе договоры опредѣлили участь почти всѣхъ государствъ этой страны; когда, напр., политическія отношенія къ Св. Престолу установлены сохраняющимъ полную силу толентинскимъ договоромъ; когда, наконецъ, сардинскій король—единственный государь, судьба котораго не опредѣлена, и самъ русскій дворъ не отрицалъ, что эта часть сдѣлокъ должна войти въ договоръ съ Англіей, ибо сардинскій король воевалъ на англійскія деньги и, стало-быть, онъ долженъ ожидать рѣшенія своей жалобы отъ вмѣшательства англичанъ.—Какъ бы то ни было, несмотря на справедливое изумленіе, причиненное послѣдними предложеніями русскаго министра, я высказалъ полную готовность обсуждать ихъ, надѣясь легко доказать ихъ неумѣстность. Дѣйствительно г. Колычевъ не могъ ничего отвѣчать на мои возраженія. Но такъ какъ онъ ссылался на самое свойство предложенныхъ статей, долженствующихъ остаться тайными, то я

rer secrets, j'ai dû lui répliquer avec un peu de vivacité et d'humeur, que nous ne savions pas ce que c'était que le secret, dont il parlait, lorsque nous voyons imprimés, colportés en Europe des notes relatives à ces mêmes conventions secrètes et qui, quoique non admises à Paris, avaient été communiquées par m. de Kolitscheff à Naples, à Rome, au roi de Sardaigne, peut-être à Londres, puisqu'elles se trouvaient livrées aux journalistes et aux pamphlétaires. — M. de Kolitscheff n'a rien eu à dire sur mon observation et il est rentré alors dans le rôle, dont il ne s'est point départi jusqu'à ce jour, qui est de se présenter comme ne pouvant prendre sur lui de rien changer aux articles, qui lui sont envoyés de Pétersbourg.— Quelle étrange négociation que celle où l'un des plénipotentiaires ne peut prendre sur lui le changement d'un mot, la rédaction d'un article, et lorsque ce plénipot. est à 600 lieues de sa cour! Quel terme peut on entrevoir aux affaires, dont il est chargé!—Je vous fais toutes ces observations, afin que dans vos conversations à m. de Panin, avec les autres ministres et avec S. M. I. elle-même vous insistiez en termes convenables sur ce que j'ai dit à m. de Kolitscheff.— Si on vous rappelle l'espèce d'engagement, que le 1-r consul avait pris avec l'E-r Paul 1, vous ne manquerez pas d'observer qu'à l'époque où on répondit à la note de m. de Rostopsin et dans les communications, qui s'ensuivirent, on avait le juste espoir de voir la Russie concourir activement à la répression de l'Angleterre, et qu'il s'agissait par

---

долженъ былъ возразить ему, съ нѣкоторою живостью и недовольствомъ, что мы не понимаемъ, какая это такая тайна, когда печатають и разносятъ по Европѣ ноты, касающіяся этихъ самыхъ тайныхъ конвенцій,—ноты, не принятыя въ Парижѣ и тѣмъ не менѣе сообщенныя г. Колычевымъ въ Неаполь, Римъ, сард. королю, быть можетъ даже въ Лондонъ, такъ какъ онѣ были переданы журналистамъ и памфлетистамъ.—Г. Колычевъ ничего не могъ сказать противъ моего замѣчанія и вошелъ въ роль, которую разыгрываетъ до сего дня: онъ-де не можетъ ничего брать на себя, не можетъ ничего измѣнять въ статьяхъ, присланныхъ ему изъ Петербурга.—Что за странные переговоры, гдѣ одинъ изъ полномочныхъ не можетъ взять на себя измѣнить ни словечка, никакой редакціи статьи, и этотъ полномочный—за 600 лье отъ своего двора! Когда же кончатся порученныя ему дѣла!—Сообщаю вамъ всѣ эти замѣчанія съ тѣмъ, чтобы вы настаивали, въ приличныхъ выраженіяхъ, на сказанномъ мною г. Колычеву, въ вашихъ бесѣдахъ съ Панинымъ, съ другими министрами и съ самимъ е. и. в—мъ.—Если вамъ напомнятъ о своего рода обязательствѣ, принятомъ 1-мъ консуломъ предъ и—ромъ Павломъ I, вы не преминете замѣтить, что когда отвѣчали на ноту г. Ростопчина, а также въ послѣдующихъ сообщеніяхъ, справедливо надѣялись,

conséquent d'une véritable alliance entre la France et la Russie, alliance, pour laquelle le 1-r consul aurait fait volontiers des avances et des sacrifices, parce qu'il y trouvait de grands avantages pour le continent. Mais qu'aujourd'hui la question est entièrement changée; que bien loin que la Russie soit en disposition d'armer en faveur de la république, on vient de la voir terminer avec une précipitation au moins extraordinaire, à l'insu de ses propres alliés, sans aucune participation au g-t fr-s, et l'on peut dire, sans profit réel et sans gloire, des différends, dont l'Europe commerçante et maritime attendait bien d'autres résultats; que par conséquent la république fr-se n'a plus aucun intérêt à faire accorder ses vues avec celles de la Russie, et qu'il serait sans exemple, comme sans motif, que n'ayant rien à attendre d'elle, elle s'attachât à lui complaire aux dépens mêmes de ses propres intérêts. A cette occasion vous ferez entendre, avec les ménagements, qui sont convenables, que l'empire russe s'était trouvé en mesure de saisir une grande, salutaire et glorieuse influence dans les affaires d'Europe par son association avec la république fr-se; mais que la préférence, qu'il a donnée à son arrangement avec l'Angleterre, ne peut manquer de tenir le continent en inquiétude et de l'éloigner par conséquent de rechercher à Pétersbourg conseil, appui ou amitié. — Du reste, vous aurez soin d'ajouter, que le 1-r consul n'en demeure pas moins très-empressé de conclure la paix avec la Russie;

что Россія будетъ живо содѣйствовать подавленію Англію и что, стало быть, дѣло шло о настоящемъ союзѣ между Франціей и Россіей,—союзѣ, ради котораго 1-й консулъ охотно сдѣлалъ бы уступки и принесъ жертвы, находя въ немъ великія выгоды для материка. Но теперь совсѣмъ другой вопросъ. Теперь Россія не только очень далека отъ того, чтобы вооружиться въ пользу республики: она только-что покончила распри, отъ которыхъ торговая и морская Европа ожидала совсѣмъ другихъ послѣдствій, покончила съ поспѣшностью, по меньшей мѣрѣ необычайною, безъ вѣдома собственныхъ ея союзниковъ, не сказавъ слова фр. прав—ву, и, можно сказать, безъ собственной пользы и славы. Посему у фр. республики нѣтъ болѣе интереса согласовать свои виды съ видами Россіи, и было бы безпримѣрно и безпричинно, если бы, ничего не ожидая отъ нея, она старалась угождать ей даже въ ущербъ собственнымъ выгодамъ. По этому случаю, вы дадите знать, съ приличною осторожностью, что у русской имперіи было средство взяться за великую, спасительную и славную роль въ дѣлахъ Европы, благодаря соединенію съ франц. республикой; но она предпочла сдѣлку съ англичанами, которые неминуемо будутъ держать материкъ въ тревогѣ и отучатъ его искать совѣта, поддержки и дружбы въ Петербургѣ.—Впрочемъ, вы постараетесь прибавить, что, при всемъ томъ, 1-й консулъ весьма радъ заключить миръ съ Россіей, и я готовъ

que je suis prêt à la signer sur les termes convenus; et que quand ce premier pas aura été fait, quand le rétablissement de tous les rapports politiques et commerciaux entre les deux pays aura permis d'apprécier entièrement les intérêts communs, le 1-r consul se persuade qu'il y aura des deux parts empressement et facilité à s'unir par des stipulations plus particulières pour l'établissement et le maintien d'un parfait équilibre en Europe, ainsi que pour y maintenir l'indépendance du commerce et les droits de la neutralité.—P. S. Je joins à cette lettre: copie de ma note du 15 thermidor; copie de la réponse de m. de Kolitscheff; copie de ma réplique en date de ce jour. Toutes ces pièces vous serviront à connaître et à établir les dispositions du g-t fr-s. Elles ont constamment été telles qu'à chaque époque de la négociation on aurait pu conclure, si m. de Kolitscheff avait voulu le prendre sur lui. Mais il est triste de penser que pour la plus légère différence dans les opinions respectives il faut 2 mois de délai et que pendant cet intervalles les évènements marchent avec une rapidité, qui ne peut manquer d'influer sur les combinaisons réciproques aussi longtemps qu'elles ne seront pas définitivement arrêtées. — Le 1-r consul a eu connaisance de l'ordre donné par S. M. l'E-r à tous ses agents dans les cours étrangères de vivre en bonne intelligence avec les agents français; il a été sensible à ce témoignage des dispositions de S. M., qui elle-même aura eu la preuve,

---

подписать его на принятыхъ условіяхъ. И когда будетъ сдѣланъ этотъ первый шагъ, когда возстановленіе всѣхъ политическихъ и торговыхъ сношеній между двумя странами позволитъ вполнѣ оцѣнить общія выгоды, 1-й консулъ убѣжденъ, что тогда обѣ стороны съ радостью и легко соединятся путемъ болѣе частныхъ постановленій, съ цѣлью установить и соблюдать полное равновѣсіе въ Европѣ, а равно охранять независимость торговли и права нейтральности.—P. S. Прилагаю къ этому письму: списокъ моей ноты 15-го термидора, списокъ отвѣта г. Колычева и списокъ моего возраженія отъ нынѣшняго дня. Всѣ эти бумаги послужатъ вамъ къ уразумѣнію и установленію намѣреній фр. пр—ва. Они всегда были таковы, что каждую минуту можно было привести переговоры къ концу, если бы только г. Колычевъ взялъ это на себя. Прискорбно думать, что самая легкая разница во взаимныхъ мнѣніяхъ вызываетъ двухмѣсячную отсрочку; а въ этотъ промежутокъ времени событія мчатся съ такой быстротой, что она неизбѣжно должна вліять на взаимныя соображенія до тѣхъ поръ, пока эти соображенія не будутъ окончательно опредѣлены.—1-му консулу извѣстенъ приказъ, данный е. в. и—ромъ всѣмъ своимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ, жить въ добромъ согласіи съ французскими агентами. На него подѣйствовалъ этотъ знакъ расположенія е. в. и—ра, который, съ своей стороны, получитъ доказательства

par l'empressement que tous les agents français auront mis à répondre aux prévenances des ministres russes, des ordres, qu'ils avaient depuis longtemps reçus à cet égard.

Paris. 140, 218. Черновая.

№ 98.—Нота Талейрана Колычеву.

Paris, 21 thermidor an IX.

*) Le soussigné s'est empressé de mettre sous les yeux du 1-r consul la note en date du 7 août, que m. de Kolitscheff lui a fait l'honneur de lui adresser. — La convention entre la Russie et l'Angleterre, touchant les affaires maritimes, étant une chose conclue et signée, le 1-r consul regarde comme inutile de chercher, si véritablement les bases de cette convention sont conformes aux principes de l'indépendance des nations et de la neutralité de 1780 établie par Catherine la Grande. — Le soussigné abordera donc immédiatement les points, qui sont en discussion, et il continuera à mettre dans ses communications la précision et la franchise, que méritent une question de la décision de laquelle dépend la réunion de deux puissances, réunion qui depuis longtemps est l'objet le plus cher des vœux du 1-r consul. — On est d'accord sur la rédaction entière du traité de paix. — On est d'accord sur la convenance de signer ce traité 24 h. avant la convention secrète, qui doit y être

---

приказовъ, давно данныхъ въ этомъ смыслѣ всѣмъ французскимъ агентамъ, замѣчая ихъ готовность отвѣчать на предупредительность русскихъ министровъ.

Парижъ, 28 іюля (9 августа) 1801.

*) Нижеподписавшійся поспѣшилъ представить 1-му консулу ноту отъ 7 авг., которую онъ имѣлъ честь получить отъ г. Колычева.—Такъ какъ конвенція между Россіей и Англіей, касающаяся морскихъ дѣлъ, уже заключена и подписана, то 1-й консулъ считаетъ безполезнымъ разбирать, согласны ли дѣйствительно основы этой конвенціи съ началами независимости націй и нейтралитета 1780 г., установленнаго Екатериной Вел.—Итакъ, нижеподписавшійся приступитъ прямо къ спорнымъ пунктамъ и будетъ продолжать изъясняться съ точностью и откровенностью, какой заслуживаетъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ союзъ двухъ державъ, составляющій давно самый дорогой предметъ желаній 1-го консула.—Согласились относительно всей редакціи мирнаго договора.—Согласились на условіе подписать этотъ договоръ за 24 ч. до тайной конвенціи, которая должна быть присоединена

annexée.—On est d'accord sur tous les arrangements à prendre en Allemagne par rapport à l'électeur de Bavière et au duc de Wurtemberg.—On est d'accord sur ce qui concerne le roi des Deux-Siciles. — Le seul art. VI, relatif au roi de Sardaigne est encore un objet de discussion.—La rédaction de cet article, telle qu'elle est proposée par m. de Kolitscheff, est regardée comme inadmissible par le 1-r consul, qui est décidé à agir envers ce prince allié de l'Angleterre de la même manière, dont l'Angleterre agira envers la Hollande et l'Espagne, alliées de la république, et qui propose en conséquence une rédaction conforme aux véritables intérêts de la France et de la Russie et à la substance de l'art. XI. — Si m. de Kolitscheff continue à rejeter la rédaction proposée par le soussigné, il faut au moins qu'il en présente une, par laquelle ne serait point contrarié le but indiqué, ainsi qu'il l'est essentiellement par celle de son dernier projet.—Le soussigné attendra avec impatience, que m. de Kolitscheff s'explique à cet égard, mais en même temps il est chargé de lui faire connaître, que le 1-r consul n'a pu voir sans regrets, que dans une discussion d'intérêts aussi majeurs que ceux, qui sont aujourd'hui communs entre la France et la Russie, la Russie se montre livrée à des vues secondaires et qu'au lieu d'unir ses vastes et puissants efforts à ceux de la république pour assurer la paix, le commerce et le bonheur du monde, elle ne paraît s'occuper exclusivement que d'un prince, dont après tout le sort personnel se trouve

---

къ нему.—Согласились относительно всѣхъ распоряженій въ Германіи касательно курфюрста баварскаго и герцога вюртембергскаго.—Согласились относительно короля Обѣихъ Сицилій.—Одна статья, касающаяся сардинскаго короля, составляетъ предметъ спора.—Изложеніе этой статьи, предложенное г. Колычевымъ, не можетъ быть принято 1-мъ консуломъ. Онъ рѣшился поступить съ этимъ принцемъ-союзникомъ Англіи, точно также, какъ Англія поступитъ съ союзницами республики, Голландіей и Испаніей. Поэтому онъ предлагаетъ редакцію, соотвѣтствующую дѣйствительнымъ интересамъ Франціи и Россіи и сущности XI-й ст.—Если г. Колычевъ намѣренъ продолжать отвергать редакцію, предложенную нижеподписавшимся, то пусть онъ представитъ по крайней мѣрѣ такую, которая не противорѣчила бы указанной цѣли, какъ самая сущность статьи его послѣдняго проекта.—Нижеподписавшійся съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать, чтобы г. Колычевъ высказался по этому поводу. Но въ то же время ему поручено сообщить, что 1-й консулъ не могъ видѣть безъ сожалѣнія, что обсуждая такіе важные интересы, какъ соединяющіе нынѣ Францію и Россію, послѣдняя увлекается второстепенными цѣлями. Вмѣсто того, чтобы соединить свои обширныя и могущественныя средства съ силами республики и упрочить миръ, торговлю и счастіе всего Свѣта,

suffisamment assuré par l'article, qu'a proposé le soussigné, et dont le rétablissement immédiat n'importe pas assez à la balance politique, pour qu'on mette sur le champ en oubli les torts réels, qu'il a eus envers la France, et les incovénients nombreux, qui pourraient résulter de son voisinage pour le maintien de la tranquillité générale.

Pétersbourg. Paris, 1801, 117. Подлинникъ.—Paris. 140, 217. Черновая.

№ 99.—Колычевъ двору.

Парижъ, 28 іюля (9 августа) 1801.

В. И. В-ву извѣстно, что до сихъ поръ я не былъ на аудіенціяхъ, кои даетъ каждую недѣлю первый консулъ чужестраннымъ министрамъ; а былъ только нѣсколько разъ въ другіе дни приглашенъ къ обѣду. Послѣ же ноты отъ 19-го термидора, Талейранъ объявилъ мнѣ, что первый консулъ, не взирая на то, что мирный трактатъ съ Россіею не заключенъ еще, желаетъ видѣть меня на аудіенціяхъ своихъ въ уваженіе къ Высочайшему двору, тѣмъ болѣе, что и Дюрокъ на оныхъ въ С.-Петербургѣ бываетъ съ прочими министрами. Не почтя приличнымъ отъ сего отказаться, я отвѣтствовалъ, что мнѣ весьма пріятно будетъ имѣть сей новый случай видѣться съ первымъ консуломъ, и на другой день былъ у него. Онъ принялъ меня весьма учтиво и пригласилъ къ обѣду. Я объявилъ ему Высочайше предписанное мнѣ о Дюрокѣ и онъ, принявъ сіе съ величайшею благодарностію, весьма откровенно распространился о изящныхъ качествахъ В. И. В-ва, о щастіи Россіи, о почтеніи цѣлой Европы къ монарху, прославившему начало царствованія своею мудростью и благотвореніемъ. Почитаю долгомъ примѣтить, что на другой день послѣ сего было напечатано въ здѣшней офиціальной газетѣ, что я былъ на аудіенціи перваго консула, въ качествѣ уполномоченнаго для заключенія мира съ Франціею. Бонопарте желаетъ при всякомъ случаѣ показать публикѣ, что онъ весьма старается о сближеніи съ Россіею и успѣваетъ въ ономъ.

Pétersbourg. Paris, 1801, 116. Подлинникъ.

она исключительно занимается однимъ принцемъ, личная судьба котораго въ концѣ концовъ достаточно обезпечена статьей, предложенной нижеподписавшимся: вѣдь его немедленное возстановленіе не такъ уже важно въ политикѣ, чтобы тотчасъ же забыть его дѣйствительную вину передъ Франціей и безчисленныя неудобства его сосѣдства для всеобщаго спокойствія.

№ 100.—Нота Колычева Талейрану.

Paris, 31 juillet (12 août) 1801.

*) Le soussigné s'empresse d'accuser au cit. Talleyrand, ministre des rel. ext., la réception de sa note en date du 21 thermidor. — C'est avec une bien véritable satisfaction, qu'il a vu, que presque tous les obstacles à la confection de l'œuvre se trouvaient applanis et que la rédaction du seul article VI offrait encore un sujet de discussion. — Le soussigné n'a pas laissé ignorer au cit. Talleyrand, que les ordres les plus exprès de sa cour lui prescrivent de ne se départir en rien sur la clause, que cet article renferme, et quel que soit son désir à cet égard, il ne saurait, sans contrevenir à ses instructions, admettre la rédaction proposée par le plénipotentiaire français, et s'exposerait à un désavœu formel.—Cependant le g-t fr-s en regardant la rédaction de l'article VI telle qu'elle a été proposée par la Russie, comme inadmissible, a demandé au soussigné d'en présenter une autre, par laquelle le but, que le g-t f-s désire atteindre, ne soit point contrarié. — C'est pour remplir cette tâche et pour accélérer la réunion des deux puissances, que le soussigné croit devoir proposer en dernière analyse la rédaction suivante à la place de celle, qui se trouvait dans son projet: „Comme le sort de s. m. le

---

Парижъ, 31 іюля (12 августа) 1801.

*) Нижеподписавшійся спѣшитъ увѣдомить гражд. Талейрана, министра ин. дѣлъ, что онъ получилъ его ноту отъ 21 термидора.—Ему по-истинѣ пріятно было видѣть, что почти всѣ препятствія къ совершенію дѣла устранены и только изложеніе VI-й ст. еще составляетъ спорный вопросъ.—Нижеподписавшійся не скрылъ отъ гражд. Талейрана, что получилъ отъ своего двора самый строгій приказъ ни въ чемъ не отступать относительно оговорки, высказанной въ этой ст.; каково бы ни было его желаніе, онъ не можетъ принять изложеніе, предложенное фр—мъ уполномоченнымъ, не нарушая своихъ инструкцій и не навлекая на себя формальнаго неодобренія.—Между тѣмъ, фр. правительство, считая изложеніе VI-й статьи, предложенное Россіей, невозможнымъ, просило нижеподписавшагося представить другое, которое не противорѣчило бы его цѣлямъ.—И вотъ, чтобы исполнить это требованіе и ускорить союзъ обѣихъ державъ, нижеподписавшійся считаетъ своимъ долгомъ предложить, какъ послѣднее средство, слѣдующую редакцію, вмѣсто той, которая находилась въ его проектѣ: „Такъ какъ участь е. в—ва короля сардинскаго уже была опредѣлена полюбовно между обѣими державами, то онѣ условились возста-

roi de Sardaigne avait déjà été arrêté de gré à gré entre les deux puissances, il est convenu entre elles de rétablir ce prince dans ses états à la pacification générale, lorsqu'il s'agira de régler les intérêts des puissances belligérantes". — Cette rédaction renferme la clause, dont S. M. I. n'a pas permis au soussigné de s'écarter, et elle facilite au g-t fr-s les moyens d'atteindre le but, qu'il se propose vis-à-vis de l'Angleterre, en ce que cet article, étant secret, ne sera publié que lorsque l'intérêt mutuel des parties contractantes le permettra.—Si l'on se rappele tout ce qui avait été convenu entre les deux puissances sur le sort de s. m. le roi de Sardaigne, lorsque l'on considère toutes les assurances, que le cit. Talleyrand a été dans le cas de donner, on verra que l'article se trouve plus que renfermé dans ses déclarations précédentes. — Le but de la convention secrète est de consolider la pacification générale et d'établir un juste équilibre dans les différentes parties du monde, en assurant la liberté des mers. Tous les moyens, que le g-t fr-s emploiera pour parvenir à ce but si désiré, entreront sous ce rapport dans les vues de S. M. I.; et certes alors l'intérêt des deux puissances engagera le ministère de S M. l'E-r à tenir cette clause secrète, afin de ne point priver la France d'un moyen puissant de parvenir au but, qu'on se propose. — Cette considération puissante vient à l'appui du désir, si hautement prononcé par la Russie et la France d'établir un concert pour

---

новить этого принца въ его владѣніяхъ при всеобщемъ замиреніи, когда дѣло будетъ идти о распредѣленіи интересовъ воюющихъ державъ".—Эта редакція передаетъ условіе, отъ котораго е. и. в—во не дозволилъ нижеподписавшемуся отступать и даетъ фр. правительству возможность достигнуть желаемой цѣли относительно Англіи, ибо эта статья, какъ тайная, будетъ объявлена лишь тогда, когда позволятъ взаимные интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ.—Если припомнить все, что было условлено между обѣими державами касательно участи е. в—ва короля сардинскаго, если разсмотрѣть всѣ увѣренія, которыя высказывалъ при случаѣ гражд. Талейранъ, то окажется, что статья болѣе чѣмъ сдержанна въ своемъ предшествующемъ изложеніи.—Цѣль тайной конвенціи—упрочить всеобщее замиреніе и установить справедливое равновѣсіе въ различныхъ частяхъ Свѣта, обезпечивъ свободу морей. Всѣ средства, которыя употребитъ фр. правительство для достиженія столь желанной цѣли, будутъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствовать видамъ е. и. в—ва, и, конечно, тогда интересъ обѣихъ державъ заставитъ министерство е. и. в—ва держать въ тайнѣ это условіе, чтобы не лишить Францію могущественнаго средства достигнуть предположенной цѣли.—Это важное соображеніе поддержитъ желаніе, такъ открыто заявленное Россіей и Франціей, устроить союзъ для обезпеченія счастія и спокойствія Европы посред-

assurer le bonheur et la tranquillité de l'Europe en fixant un juste équilibre. — La convention secrète proposée par la Russie jette les fondements d'un système garanti par l'intérêt des deux puissances, dont la réunion est depuis longtemps jugée utile au bien-être des deux nations. — Le soussigné espère que des considérations aussi puissantes engageront le 1-r consul à ne point différer davantage la conclusion de l'œuvre. Il prie le cit. Talleyrand de vouloir bien l'instruire du parti, qu'il aura jugé à propos de prendre, afin qu'il puisse sans délai en informer sa cour.

Paris. 140, 221. Подлинникъ.—Pétersbourg. Paris, 1801, 312. Списокъ.

№ 101.—Колычевъ двору.

Paris, 6/18 août 1801.

*) Par mon dernier rapport j'ai porté à la connaissance de V. M. I. la note du plénipotentiaire français, par laquelle il m'a informé, que toutes les difficultés étaient levées et que le seul article VI de la convention secrète offrait encore un sujet de discussion et un obstacle à la confection de l'œuvre. — Invité par cette note de présenter une nouvelle rédaction de l'article VI, je l'ai proposé ainsi qu'elle suit: „Comme le sort de s. m. le roi de Sardaigne avait déjà été arrêté de gré à gré entre les deux puissances, il est convenu entre elles par le présent ar-

---

ствомъ установленія справедливаго равновѣсія.—Тайная конвенція, предложенная Россіей, кладетъ основаніе системѣ, обусловленной интересами обѣихъ державъ, союзъ которыхъ давно считается полезнымъ для благосостоянія обѣихъ націй. — Нижеподписавшійся надѣется, что столь важныя соображенія побудятъ 1-го консула не откладывать болѣе довершенія дѣла. Онъ проситъ гражд. Талейрана увѣдомить его, какъ онъ намѣренъ поступить, чтобы безотлагательно извѣстить объ этомъ свой дворъ.

Парижъ, 6/18 августа 1801.

*) Въ моемъ донесеніи я сообщилъ в. и. в—ву ноту фр. уполномоченнаго, въ которой онъ извѣщаетъ меня, что всѣ затрудненія устранены и что одна VI ст. тайной конвенціи еще представляетъ предметъ споровъ и помѣху окончанію дѣла.—Такъ какъ въ этой нотѣ мнѣ предлагали представить новую редакцію VI ст., то я изложилъ ее такъ: „Такъ какъ участь е. в—ва сардинскаго короля уже была опредѣлена полюбовно между обѣими державами, то онѣ условились по этой статьѣ возстановить этого принца въ его владѣніяхъ при всеобщемъ замиреніи“.—Я далъ понять министру ин. дѣлъ, какъ

ticle de rétablir ce prince dans ses états à la pacification générale". — Je fis sentir au ministre des rel. ext., combien il m'était difficile de changer la rédaction de cet article, attendu que celle, qui se trouve dans le projet, ne renferme que la simple clause du rétablissement de s. m. le roi de Sardaigne, dont il m'était impossible de me départir. — Talleyrand me proposa succéssivement deux rédactions: 1) „Il est convenu entre les puissances contractantes de déterminer à la paix générale l'époque, à laquelle le roi de Sardaigne sera rétabli; 2) il est convenu entre les deux puissances de rétablir s. m. le roi de Sardaigne dans ses états à la pacification générale. Ce rétablissement sera déterminé d'après la conduite des anglais vis-à-vis des alliés de la république fr-se". — J'observai au plénipotentiaire fr-s, que la clause principale se trouvait trop affaiblie et que le rétablissement du roi de Sardaigne devenait précaire et incertain; que cet objet avait été promis à la Russie; que ce rétablissement, vu la position géographique et l'insignifiance des états du roi de Sardaigne, ne procurerait aucun avantage à l'Angleterre, si même il avait lieu sur le champ et à plus forte raison le moment en étant éloigné et éventuel; qu'il était encore très douteux que l'Angleterre voulût en échange du Piémont céder quelque conquête d'outremer, tandis que si cette province restait entre les mains de la France, toute l'Europe réclamerait contre. — Talleyrand s'est borné à me dire, que le

---

трудно мнѣ измѣнить редакцію этой статьи въ виду того, что въ проектѣ высказана просто лишь оговорка о возстановленіи е. в—ва сардинскаго короля, отъ которой мнѣ невозможно отступиться.—Талейранъ предложилъ мнѣ одну за другою двѣ редакціи: 1) „Договаривающіяся стороны соглашаются опредѣлить, при всеобщемъ замиреніи, время возстановленія сардинскаго короля; 2) обѣ державы согласились возстановить сардинскаго короля при всеобщемъ замиреніи. Это возстановленіе будетъ обусловлено поведеніемъ англичанъ относительно союзниковъ фр. республики". — Я замѣтилъ фр. уполномоченному, что главная оговорка слишкомъ ослаблена, и возстановленіе сард. короля становится невѣрнымъ и неопредѣленнымъ. Я прибавилъ, что это было обѣщано Россіи и что это возстановленіе, въ виду географическаго положенія и ничтожности владѣній сард. короля, не можетъ доставить никакой выгоды англичанамъ, если бы даже оно произошло теперь же; вдобавокъ, этотъ моментъ далекъ и гадателенъ; еще очень сомнительно, захочетъ ли Англія уступить за Пьемонтъ какія-нибудь завоеванія за моремъ; а между тѣмъ, если эта провинція останется въ рукахъ Франціи, вся Европа будетъ роптать.—Талейранъ только сказалъ мнѣ на это, что 1-й консулъ другого мнѣнія: онъ надѣется, что англичане пойдутъ на жертвы, лишь бы воз-

1-r consul l'envisageait autrement et qu'il espérait, que les anglais feraient des sacrifices pour replacer ce prince dans ses états. — La mauvaise foi du g-t fr-s perce partout. Comment proposer l'article ainsi, qu'il se trouve rédigé par Talleyrand? Comment ne pas admettre la rédaction, qui se trouve dans le projet, si on a véritablement l'intention de terminer avec la Russie? — Je dois encore ajouter, qu'outre cet article, le g-t fr-s paraît vouloir supprimer le second. La dernière note du ministre des rel. ext. n'en fait pas mention; il m'a dit, que le sort de l'Italie était une affaire terminée et que les g-ts liguriens et cisalpins allaient être organisés. Je lui ai répondu, que V. M. I. ne prenait pas un moindre intérêt à ce qui regarde l'Italie qu'aux affaires de l'Allemagne et que d'après mes notions je ne pouvais considérer le sort de l'Italie comme déterminé. — Il me paraît, que le but du système actuel est d'ôter en Italie l'influence à toutes les cours, en persuadant aux peuples, qui l'habitent, que la France seule, d'un consentement tacite de toute l'Europe, y exerce une prépondérance marquée; d'ailleurs le désir de traîner et d'embrouiller les affaires jusqu'à la paix avec la Grande-Bretagne perce journellement davantage. — Bonaparte cherche à conserver ce qu'il a conquis; il exige de la cour de Londres la restitution de tout ce qu'elle a pris à la France et à ses alliés et ne veut en compensation lui donner que ce, que toute l'Europe a droit de réclamer,

---

становить этого принца въ его владѣніяхъ.—Недобросовѣстность фр. правительства проглядываетъ всюду. Можно ли предлагать подобную редакцію статьи, какъ это сдѣлалъ Талейранъ? Какъ не принять редакціи, которая находится въ проектѣ, если дѣйствительно намѣрены поладить съ Россіей?—Я долженъ еще прибавить, что, кромѣ этой ст., фр. правительство, кажется, желаетъ выкинуть II. Послѣдняя нота министра ин. дѣлъ не упоминаетъ объ ней. Онъ сказалъ мнѣ, что съ судьбой Италіи уже кончено и что приступятъ къ устройству лигурійскаго и цисальпинскаго правительствъ. Я ему отвѣтилъ, что е. и. в—во столько же интересуется дѣлами Италіи, какъ и Германіи, и что, по моимъ свѣдѣніямъ, я не могу считать участь Италіи рѣшенною.—Мнѣ кажется, что цѣль нынѣшней системы—уничтожить вліяніе въ Италіи всѣхъ дворовъ, увѣряя живущіе въ ней народы, что одна Франція, съ безмолвнаго согласія всей Европы, имѣетъ въ ней замѣтный перевѣсъ; къ тому же желаніе затянуть и запутать дѣла до заключенія мира съ Великобританіей проглядываетъ каждый день все болѣе и болѣе.—Бонапартъ старается удержать то, что онъ завоевалъ. Онъ требуетъ отъ англичанъ возвращенія всего, что они отняли у Франціи и ея союзниковъ, а въ вознагражденіе имъ хочетъ дать лишь то, чего въ правѣ требовать вся Европа—

l'indépendance des pays envahis, qui gémissent sous le joug de la France. Ce même but fait aussi traîner les affaires de l'Empire. C'est dans cette vue, que l'on engage la Prusse à ne point évacuer le Hanovre, et le cabinet de Berlin paraît comme autrefois suivre les plans de la France. — Pour terminer cette discussion, j'ai cru devoir remettre la note ci-annexée, afin de proposer en dernière analyse une rédaction, qui, en renfermant la clause, dont V. M. I. ne m'a pas permis de me départir, ne paraisse pas contrarier le but, que le g-t fr-s se propose.—Quand j'ai été hier chez le ministre des rel. ext., il m'a dit, qu'il n'y aurait pas de réponse à cette note, que le g-t fr-s restait attaché à son opinion et que le gén. Duroc serait chargé d'expliquer encore plus précisément les motifs, qui forçaient le 1-r consul à ne point se départir sur cet article; que pour ce qui regarde les affaires de l'Allemagne, on continuerait à agir d'après les bases convenues, qui se trouvent exprimées dans le projet de la convention. — Je terminerai mon très humble rapport en faisant part à V. M. I, que la première note de Talleyrand avait été dictée sur le champ, par l'humeur et la précipitation: elle dévoile tout leur plan. La seconde est venue après la réflexion, afin de diminuer le mal et l'impression de la première, en cherchant à faire croire, que l'on veut sincèrement faire quelque chose pour la Russie. Mais le désir véritable est d'isoler l'Angleterre, de traîner la conclusion de la conven-

---

независимость завоеванныхъ странъ, которыя стонутъ подъ игомъ Франціи. Изъ-за этой самой цѣли тянутъ и дѣла Имперіи. Въ этихъ-то видахъ требуютъ, чтобы Пруссія не очищала Ганновера, и берлинскій кабинетъ по обыкновенію, кажется, слѣдуетъ планамъ Франціи.—Чтобы покончить это препирательство, я счелъ долгомъ послать прилагаемую ноту; она предлагаетъ, какъ послѣднее средство, редакцію оговорки, отъ которой в. и. в—во не позволили мнѣ отступать; она, кажется, не противорѣчитъ цѣли, которою задалось фр. правительство.—Вчера, когда я былъ у министра ин. дѣлъ, онъ сказалъ мнѣ, что на эту ноту не будетъ отвѣта; что фр. прав—во остается при своемъ мнѣніи, и что ген. Дюроку будетъ поручено объяснить еще точнѣе причины, побуждающія 1-го консула не уступать въ этой статьѣ. Что же касается германскихъ дѣлъ, то ихъ будутъ продолжать вести на условленныхъ основаніяхъ, высказанныхъ въ проектѣ конвенціи.—Я окончу мой нижайшій докладъ в. и. в—ву сообщеніемъ, что первая нота Талейрана была написана внезапно, подъ вліяніемъ досады и поспѣшности: она разоблачаетъ весь ихъ планъ. Вторая явилась послѣ размышленія, чтобы загладить ошибку и впечатлѣніе отъ первой: въ ней стараются увѣрить, будто искренно хотятъ сдѣлать что-нибудь для Россіи. На самомъ дѣлѣ желаютъ только изолировать

tion secrète avec la Russie, afin de ne signer que le traité de paix et d'amitié simplement.

Pétersbourg. Paris, 1801, 119. Подлинникъ.

№ 102.—Колычевъ графу Панину.

Paris, 14/26 août 1801.

*) Le comte de Cobenzl m'a communiqué la lettre autographe de S. M. l'E-r, notre aug. maître, à l'e-r et roi en date du 7 juillet, ainsi que la note de m. de Mouravieff du 8 août et celle du 12, donnée en réponse par le ministère autrichien. Le comte de Cobenzl en applaudissant à la sagesse des vues de notre aug. cour m'a dit, qu'il désirait vivement de son côté, qu'on pût amener la Prusse d'agir de concert avec les deux cours impériales pour parvenir à faire entendre raison au 1-r consul sur bien des objets et nommément de transporter les indemnités du gr.-duc de Toscane en Italie; que c'était le vœu constant de l'e-r, son maître, et qu'il était autorisé de signer l'acte, qui lui assurerait ses indemnités dans ce pays; qu'il avait fait plusieurs démarches ici, mais qu'elles ont été toutes sans succès; qu'il désespère entièrement, qu'on pût porter le cabinet de Berlin à faire ici quelques démarches là-dessus; que jusqu'à présent on était à lutter contre lui pour soutenir la

---

Англію и затянуть заключеніе тайной конвенціи съ Россіей, чтобы подписать просто-на-просто мирный и дружественный договоръ.

Парижъ, 14/26 августа 1801.

*) Графъ Кобенцль сообщилъ мнѣ собственноручное письмо е. и. в—ва, нашего авг. государя, къ и—ру и королю отъ 7-го іюля, а также ноту г. Муравьева отъ 8-го авг. и отвѣтную ноту австр. министерства отъ 12-го августа. Похваливъ мудрыя намѣренія нашего двора, гр. Кобенцль сказалъ, что онъ горячо желаетъ, съ своей стороны, чтобы Пруссію уговорили дѣйствовать за-одно съ обоими императ. дворами: тогда можно будетъ заставить 1-го консула уступить во многомъ, а именно, перенести вознагражденіе вел. герцога тосканскаго въ Италію, такъ какъ это было постояннымъ желаніемъ его государя, и—ра, и онъ уполномоченъ подписать бумагу, которая обезпечитъ ему вознагражденіе въ этой странѣ. Онъ сдѣлалъ здѣсь много попытокъ, но безуспѣшно, и совершенно отчаявается въ возможности принудить берлинскій кабинетъ предпринять здѣсь что-нибудь въ пользу этого дѣла. До сихъ поръ приходится бороться съ этимъ кабинетомъ изъ-за сохраненія германской кон-

constitution germanique; que la Prusse ne visait qu'à opprimer les états ecclésiastiques pour étendre le principe de sécularisation; qu'elle cherchait à présent d'empêcher l'élection d'un électeur de Cologne et celle de l'évêque de Munster; qu'en outre elle voulait en toutes occasions plaire à la France et d'entrer dans ses vues; que c'était d'après ce principe, que le cabinet de Berlin tardait d'évacuer le Hanovre occupé par les troupes prussiennes, en ne faisant pas aussi aucune démarche ici, ni en faveur de l'Italie, ni de la Suisse et de la Hollande. — Le comte de Cobenzl en prolongeant son discours, m'a fait entendre, que sa cour n'attachait aucun prix, qu'un des archiducs fût élu électeur de Cologne; qu'elle s'en désisterait même, à condition que cet électorat ecclésiastique, nécessaire à la constitution germanique, fût conservé; que si le chapitre de Cologne et celui de Munster élisaient un de leurs chanoines, n'importe lequel, on en serait très content à Vienne; que le premier objet de sa cour était la conservation des trois électeurs ecclésiastiques, de faire le moins qu'il sera possible de sécularisations, et qu'enfin aucun prince, qui a droit à des indemnités, ne reçût que l'équivalent, de ce qu'il avait perdu sur la rive gauche, sans chercher à s'agrandir. — Un courrier de Duroc vient d'arriver ici. J'ignore ce qu'il a pu apporter. Talleyrand, en m'annonçant son arrivée, m'a dit, qu'on croyait à St. Pétersbourg, que j'avais signé le traité et que j'avais assez de latitude

---

ституціи. Пруссія такъ и старается притѣснять духовныя владѣнія, чтобы расширить начало секуляризаціи. Теперь она силится помѣшать избранію кельнскаго курфюрста и мюнстерскаго епископа; кромѣ того, она всегда желаетъ нравиться Франціи и слѣдовать ея планамъ. Въ силу этого-то правила берлинскій кабинетъ медлитъ очищеніемъ Ганновера, занятаго прусскими войсками, и не дѣлаетъ ни шагу ни въ пользу Италіи и Швейцаріи, ни въ пользу Голландіи.—Продолжая разговоръ, гр. Кобенцль сказалъ мнѣ, что его дворъ нисколько не дорожитъ избраніемъ одного изъ эрцгерцоговъ кельнскимъ курфюрстомъ; онъ даже отказался бы отъ этого, лишь бы было сохранено это духовное курфюршество, необходимое для германской конституціи; если бы кельнскій и мюнстерскій капитулы избрали одного изъ своихъ канониковъ, все равно какого, то въ Вѣнѣ были бы этимъ очень довольны; первую заботу его двора составляетъ сохраненіе трехъ духовныхъ курфюрстовъ, и по возможности уменьшеніе секуляризацій; наконецъ, ни одинъ изъ принцевъ, имѣющій право на вознагражденіе, не долженъ получить больше того, что онъ потерялъ на лѣвомъ берегу Рейна, и не долженъ пытаться увеличить свои владѣнія.—Сюда только-что пріѣхалъ курьеръ отъ Дюрока. Не знаю, что онъ привезъ. Объявляя мнѣ объ его пріѣздѣ, Талейранъ сказалъ, что въ Петербургѣ думаютъ, будто я подписалъ договоръ, и

dans mes pouvoirs pour le faire. J'ai répondu à ce ministre, qu'on serait certainement fort étonné des nouvelles difficultés de son g-t après toutes les facilités, que ma cour avait données pour la signature de cet acte, facilités qui montraient ses désirs sincères de s'entendre avec la France sur la pacification générale. Autant que j'ai pu savoir par différents canaux, il paraît, que le sens des rapports de Duroc était, qu'il ne fallait plus penser à ramener la Russie aux vues de la France, mais qu'on pouvait être assuré, qu'elle était hors d'état de lui nuire actuellement. Le reste consiste dans un tas de nouvelles absurdes et ridicules, que ce citoyen français donne sur la Russie, lesquelles ne méritent que du mépris.

Pétersbourg. Paris, 1801, 204. Подлинникъ.

№ 103.—Талейранъ Дюроку.

Paris, 9 fructidor an IX.

*) Le courrier Duclos est arrivé hier avec vos lettres du 19 thermidor.—Ou les dernières instructions, transmises à m. de Kolitscheff, n'étaient pas aussi conciliantes que m. de Panin vous l'avait annoncé, ou m. de Kolitscheff a voulu rester en dehors de ses instructions. Quoiqu'il en soit, nous attendons l'arrivée de son successeur pour savoir enfin à

что мои полномочія достаточно обширны для этого. Я отвѣчалъ этому министру, что, конечно, тамъ будутъ очень поражены новыми затрудненіями, создаваемыми его правительствомъ, послѣ того, какъ мой дворъ устроилъ всевозможныя облегченія для подписанія этого акта,—облегченія, свидѣтельствующія объ его искреннемъ желаніи сойтись съ Франціей ради всеобщаго замиренія. Насколько я могъ узнать изъ разныхъ источниковъ, кажется, смыслъ донесеній Дюрока таковъ, что нечего и думать о склоненіи Россіи къ видамъ Франціи, но что она навѣрно не въ состояніи вредить ей теперь. Остальное—куча нелѣпыхъ и смѣшныхъ новостей французскаго гражданина о Россіи, которыя заслуживаютъ одно презрѣніе.

Парижъ, 14/26 августа 1801.

*) Курьеръ Дюкло пріѣхалъ вчера съ вашими бумагами отъ 19 термидора.—Или послѣднія инструкціи, переданныя г. Колычеву, не были такъ миротворны, какъ говорилъ вамъ г. Панинъ, или г. Колычевъ хотѣлъ дѣйствовать помимо этихъ инструкцій. Какъ бы то ни было, мы подождемъ пріѣзда его преемника, чтобы знать наконецъ, какъ намъ относиться къ намѣреніямъ русскаго

quoi nous en tenir sur les dispositions de la cour de Russie. Je calcule que m. de Morkoff sera ici dans un mois. — Dans le long intervalle entre l'ouverture et le dénouement de nos négociations avec la Russie, les dispositions du g-t n'ont pas varié un moment. Il vient encore de faire une des choses, qui doivent être le plus agréables à S. M. I. en concluant avec l'électeur palatin un traité particulier, par lequel il s'engage à concourir efficacement à la fixation d'une indemnité pleine et avantageuse pour la maison palatine. C'est un des premiers points qu'avait réclamés l'E-r Paul; la France n'aura pas même attendu la signature de son traité de paix avec la Russie pour s'engager en faveur de l'électeur de Bavière conformément au désir de la cour de Pétersbourg et elle est prête à prendre les mêmes engagements avec la maison de Wurtemberg, en ayant déjà avec celle de Bade, qu'elle saura remplir. Vous ne manquerez pas de faire valoir cette détermination. — L'intention du 1-r consul est que vous alliez à Moscou pour le couronnement. Il m'a chargé de vous ouvrir à Pétersbourg un crédit de 600,000 francs, et j'ai pris à cet égard les mesures nécessaires avec le cit. Perregaux; mais sur cette somme le 1-r consul suppose, que vous ne serez dans le cas d'employer pour votre dépense personnelle, tant à Pétersbourg qu'à Moscou et pendant le reste de votre voyage, que celle de 100,000 fr. Vous devez avoir une existence honorable, brillante même; mais votre jeunesse et votre uniforme vous dispensent de ce qui n'est que d'apparat

---

двора. Я разсчитываю, что г. Морковъ будетъ здѣсь черезъ мѣсяцъ.—Въ длинный промежутокъ времени между началомъ и развязкой нашихъ переговоровъ съ Россіей, намѣренія правительства не измѣнялись ни на минуту. Оно только-что сдѣлало одну вещь, которая должна быть очень пріятна е. и. в—ву: оно заключило съ курф. пфальцскимъ частный договоръ, которымъ обязывается дѣятельно помогать назначенію полнаго и выгоднаго вознагражденія пфальцскому дому. Это одинъ изъ главныхъ пунктовъ, которыхъ требовалъ и—ръ Павелъ; Франція, даже не дожидаясь подписанія своего мирнаго договора съ Россіей, обязалась помогать баварскому курфюрсту, согласно желанію петербургскаго двора, и готова принять на себя такія же обязательства относительно вюртембергскаго дома и уже дала подобныя же обѣщанія дому баденскому, и съумѣетъ ихъ исполнить. Прошу васъ не преминуть указать на это рѣшеніе. — 1-й консулъ намѣренъ послать васъ въ Москву на коронованіе. Онъ поручилъ мнѣ открыть вамъ въ Петербургѣ кредитъ въ 600,000 франк., и я принялъ для этого нужныя мѣры съ гражд. Перрго; но 1-й консулъ полагаетъ, что изъ этой суммы вамъ придется употребить для вашихъ личныхъ издержекъ въ Петербургѣ и Москвѣ и на остальное ваше путешествіе лишь 100,000. Вы должны имѣть обстановку приличную, даже блестящую;

et de ce qui n'appartient qu'au caractère reconnu d'ambassadeur. Dans tous les cas vous resterez en Russie jusqu'à ce que vous ayez reçu de nouveaux ordres.—Si on vous offre un présent, vous ne devez point faire difficulté d'accepter le portrait de l'E-r. — On s'occupe ici du présent du général Sprengporten; ce sera le portrait du 1-r consul enrichi de diamants.

Paris. 140, 249. Черновая.

№ 104.—Рескриптъ Колычеву.

Kamenoi-Ostrow, 23 août (4 septembre) 1801.

*) Vos dépêches du 28 juillet m'ont été très agréables et j'y ai reconnu avec une satisfaction particulière le zèle, qui vous anime pour le bien de mon service. — Le VI art. secret était le seul, sur lequel le ministère de la république élevait encore des difficultés. Pour donner au 1-r consul un témoignage non équivoque du prix, que j'attache à l'établissement du concert projeté entre nous, je veux bien consentir à modifier cet article et j'en joins ici une nouvelle rédaction analogue aux vues qu'il vous a fait connaître.—Si le comte de Morcoff ne se trouve pas encore à Paris, vous proposerez le nouvel art. VI au ministre des rel. ext.; mais dans le cas contraire, en supposant que votre successeur dévance

---

но ваша молодость и вашъ мундиръ избавляютъ васъ отъ излишней пышности и отъ того, что̀ составляетъ исключительную особенность посланника. Во всякомъ случаѣ, вы останетесь въ Россіи до полученія новыхъ приказаній.— Если вамъ предложатъ подарокъ, вы не должны отказываться принять портретъ и—ра.—Здѣсь заняты подаркомъ ген. Спренгпортену; это будетъ портретъ 1-го консула, украшенный алмазами.

Каменный Островъ, 23 августа (4 сентября) 1801.

*) Ваши депеши отъ 28 іюля были мнѣ очень пріятны, и я съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ усердіе, съ которымъ вы мнѣ служите.—VI тайная ст. была единственная, которая еще встрѣчала затрудненія со стороны министерства республики. Чтобы дать 1-му консулу несомнѣнное доказательство того значенія, какое я придаю установленію предположеннаго между нами соглашенія, я готовъ пойти на измѣненіе этой статьи и присоединяю здѣсь новую редакцію, соотвѣтствующую тѣмъ взглядамъ, которые онъ вамъ высказалъ.—Если гр. Моркова еще нѣтъ въ Парижѣ, вы предложите новую ст. VI министру ин. дѣлъ; въ противномъ же случаѣ, если вашъ преемникъ опере-

la présente, c'est à lui que s'adressent les ordres, qu'elle renferme et que je confie leur exécution. — Au reste que ce soit vous ou un autre, qui mettiez la dernière main à l'œuvre salutaire de la pacification, vos titres seront les mêmes auprès de moi et je me ferai un plaisir de reconnaître les soins, que vous avez pris pour écarter les entraves, qui ont prolongé la négociation.

Pétersbourg. Paris, 1801, 39. Подлинникъ.

№ 105.—Новая редакція VI-й статьи.

*) L'époque du rétablissement du roi de Sardaigne dans ses états sera l'objet d'un concert ultérieur entre les deux puissances contractantes et le 1-r consul de la république fr-se s'engage à y apporter toutes les facilités compatibles avec les intérêts, qui doivent être réglés dans la négociation de paix entre la Grande-Bretagne et la France.

Pétersbourg. Paris, 1801, 39. Подлинникъ.

№ 106.—Рескриптъ Моркову.

Kamenoi-Ostrow, 23 août (4 septembre 1801).

**) Les rapports de votre prédécesseur m'apprennent que dans les derniers jours de juillet il était déjà d'accord avec le ministère répu-

---

дитъ эту бумагу, то приказанія, выраженныя въ ней, относятся къ нему, и ему я поручаю ихъ исполненіе.—Впрочемъ, вы или кто другой окончитъ спасительное дѣло умиротворенія, ваши заслуги передо мной останутся тѣ же, и я съ удовольствіемъ признаю ваши заботы объ устраненіи препятствій, затянувшихъ переговоры.

*) Срокъ возстановленія сардинскаго короля въ его владѣніяхъ составитъ предметъ окончательнаго соглашенія между двумя договаривающимися державами, и первый консулъ французской республики обязуется содѣйствовать тому всѣми способами, соотвѣтствующими интересамъ, которые должны быть соблюдены въ мирныхъ переговорахъ между Великобританіей и Франціей.

Каменный Островъ, 23 августа (4 сентября) 1801.

**) Изъ донесеній вашего предшественника я узналъ, что въ послѣдніе дни іюля онъ достигъ соглашенія съ республиканскимъ министерствомъ отно-

blicain sur tous les points discutés, hors un seul article relatif au roi de Sardaigne. Craignant que ce courrier ne vous trouvât pas encore à votre poste et voulant accélérer la conclusion définitive du traité, j'adresse au conseiller privé act de Kolitscheff une nouvelle rédaction de cet article conforme aux voeux du 1-r consul et j'espère, que la dernière difficulté sera applanie par ce moyen. - Si les ordres expédiés aujourd'hui à votre prédécesseur lui parviennent en votre présence, vous procèderez à leur exécution et vous pourrez même en vertu de vos pouvoirs modifier encore le nouvel article, s'il est nécessaire. — Pour donner au 1-r consul un gage certain de la sincérité de mes dispositions (dans lequel vous trouverez en même temps une preuve de ma confiance dans vos lumières et votre sagesse), je charge le porteur de mes ratifications pour les deux actes. Le nom du plénipotentiaire est en blanc, de même que le III et VI art. secrets, dont le dispositif peut subir quelques modifications. Je vous autorise de les remplir en vous servant de la main du cons. de collége Gervais, qui a été employé pour ces ratifications. — En passant sous silence les intérêts de la maison de Bade dans la négociation de paix, j'ai voulu écarter tout ce qui n'avait pas un rapport immédiat au but essentiel de mon rapprochement avec la France et j'ai pensé qu'une stipulation expresse était superflue pour engager le 1-r consul d'avoir égard à ma sollicitude pour un prince, auquel je suis uni par les liens

---

сительно всѣхъ обсуждавшихся вопросовъ, кромѣ одной статьи, касающейся сардинскаго короля. Опасаясь, что этотъ курьеръ не застанетъ васъ на вашемъ посту и желая ускорить окончательное заключеніе договора, посылаю д. т. сов. Колычеву новую редакцію этой статьи, согласно желанію 1-го консула, и надѣюсь, что такимъ образомъ будетъ устранено послѣднее затрудненіе.— Если приказанія, отправленныя сегодня вашему предшественнику, придутъ при васъ, вы приступите къ ихъ исполненію и можете даже, въ силу вашихъ полномочій, еще измѣнить новую статью, если это потребуется.—Желая дать 1-му консулу несомнѣнный залогъ искренности моихъ намѣреній (вы найдете въ немъ въ то же время и доказательство моего довѣрія къ вашимъ познаніямъ и благоразумію), посылаю съ подателемъ сего мои ратификаціи обоихъ документовъ: для имени уполномоченнаго оставленъ пробѣлъ, а также для III и VI тайныхъ статей, расположеніе которыхъ можетъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ. Уполномочиваю васъ восполнить этотъ пробѣлъ рукой кол. сов. Жерве, который употреблялся для этихъ ратификацій.—Умалчивая въ мирныхъ переговорахъ объ интересахъ баденскаго дома, я хотѣлъ устранить все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ главной цѣли моего сближенія съ Франціей; я думалъ, что излишне заключать нарочно условіе, чтобы побудить 1-го консула принять во вниманіе мое расположеніе къ принцу, съ

les plus chers. J'aime à croire, qu'il justifiera ma confiance, quand vous lui énoncerez mon désir de ménager les intérêts de la maison de Bade dans l'arrangement des indemnités et de lui assurer une compensation équitable de ses pertes.

Pétersbourg. Paris, 1801, 214. Подлинникъ.

№ 107.—Колычевъ Панину.

Парижъ, 23 августа (4 сентября) 1801.

Мнѣ невозможно было узнать, точно ли заключена съ Пруссіею конвенція, о коей доношу я въ реляціи: всѣ переговоры идутъ въ Берлинѣ. В. с-во удобнѣе моего сіе повѣрить въ состояніи. Положительно только то, что виды Пруссіи теперь открыты. Она совершенно ввѣрилась Бонапарте, и будетъ имъ обманута, какъ скоро онъ увидитъ выгоду для себя въ сближеніи съ Австріею, тѣмъ паче, что Франціи опасно усиливать протестантовъ въ Имперіи. И такъ, есть ли Пруссія не соединится со всею Европою противъ Франціи, то она въ видахъ своихъ обманется. Бонапарте, конечно, не намѣренъ усиливать ее, онъ хочетъ только, давая ей надежду, замѣшивать общія дѣла.

Pétersbourg. Paris, 1801, 207. Подлинникъ.

№ 108.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Kamenoi Ostrow, 27 août (8 septembre) 1801.

*) Cit. 1-r consul! La sensibilité, avec laquelle j'ai reçu le voeu que vous avez bien voulu m'adresser par le porteur de la présente, ne me permet pas de le laisser partir sans vous en exprimer ma recon-

---

которымъ меня соединяютъ самыя дорогія узы. Надѣюсь, что онъ оправдаетъ мое довѣріе, когда вы объявите ему мое желаніе оградить интересы баденскаго дома при распредѣленіи вознагражденій и дать ему удовлетвореніе, равное его потерямъ.

Каменный Островъ, 27 августа (8 сентября) 1801.

*) Гражд. 1-й консулъ! Глубоко тронутый вашими благопожеланіями, которыя вы прислали мнѣ съ подателемъ этого письма, я не могу отпустить его, не выразивъ вамъ моей благодарности. — Вашъ 1-й адъютантъ вполнѣ

naissance.—Votre premier aide de camp a parfaitement justifié le choix que vous avez fait de sa personne pour cette mission, et il me serait très agréable d'apprendre, que ce témoignage contribuera à lui assurer votre suffrage.—Il pourra mieux que tout autre vous rendre compte de mes sentiments et de l'impartialité de mes vues politiques qui tendent uniquement au bonheur et à la tranquillité de l'Europe. Mon ministère ne lui a fait aucune ouverture, qui ne puisse servir à concerter une parfaite confiance et à vous convaincre de la satisfaction, que j'éprouverai en l'établissant.

Pétersbourg. Cabinet. 1801, 8. Черновая.

№ 109.—Декларація Талейрана.

Paris, 18 vendémiaire an X.

*) Une convention secrète relative aux affaires d'Europe, ayant été conclue et signée aujourd'hui 18 vendémiaire an X (10 octobre 1801), entre les plénipotentiaires de France et de Russie soussignés, le cit. Ch. Maur. Talleyrand, ministre plénipot. du g-t fr-s, a déclaré: qu'en conséquence de l'article II de la dite convention secrète, la république fr-se n'entendait pas, qu'il fût dérogé en rien aux traités, qui ont fixé le sort des états d'Italie et notamment à ceux de Tolentino, de Lunéville et de Florence, et par

---

оправдалъ вашъ выборъ его особы для этого дѣла, и мнѣ очень пріятно было бы узнать, что это свидѣтельство обезпечитъ за нимъ ваше одобреніе.— Онъ лучше всякаго другого можетъ засвидѣтельствовать передъ вами мои чувства и безпристрастіе моихъ политическихъ намѣреній, которыя направлены единственно къ счастію и спокойствію Европы. Всѣ сообщенія, сдѣланныя ему моимъ министерствомъ, могутъ лишь вызвать полное довѣріе и убѣдить васъ въ томъ, что я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось это устроить.

Парижъ, 28 сентября (10 октября) 1801.

*) Когда тайная конвенція, касающаяся европейскихъ дѣлъ, была заключена и подписана сегодня, 10 окт. 1801 г., нижеподписавшимися уполномоченными Франціи и Россіи, гражд. Ш. Мор. Талейранъ, полномочный министръ фр. правительства, объявилъ: въ силу ст. II сказанной тайной конвенціи, фр. респ—ка не допуститъ никакихъ отступленій отъ договоровъ, установившихъ судьбу итальянскихъ государствъ, а именно, толентинскаго, люневильскаго и флорентійскаго; что касается ст. VIII, фр. прав—во уже приняло на

rapport à l'article VIII, le g-t fr-s avait déjà pris avec l'électeur de Bavière des engagements, d'après lesquels il ne pouvait consentir à aucun démembrement des états actuels de l'électeur en Allemagne. Le min. plénip. fr-s a déclaré en outre, que le 1-r consul, pour faire une chose, particulièrement agréable à S. M. l'E-r de Russie, et par estime personnelle pour le margrave de Bade, était disposé à se regarder comme engagé en faveur de ce prince de la même manière qu'il l'est en faveur de l'électeur Palatin et du duc de Wurtemberg et comme s'il existait à cet égard une clause expresse dans la convention secrète de ce jour.—M. le c-te de Morcoff, ministre plénip. de S. M. l'E-r de Russie, a reconnu avoir reçu cette déclaration.—Ch. Maur. Talleyrand. Arcadi c-te de Morcoff.

Paris. 141, 10. Списокъ.

№ 110.—Бонапартъ Императору Александру I.

Paris, 18 vendémiaire an X.

*) J'envoie auprès de V. M. le cit. Collincour, colonel des carabiniers, pour lui exprimer combien j'éprouve de bonheur de voir enfin signé et ratifié le traité de paix entre nos deux grandes nations. Cela a été pour toute la France un sujet de joie proportionnée à l'estime

---

себя обязательства относительно курф. баварскаго, въ силу которыхъ оно не можетъ согласиться ни на какое раздробленіе настоящихъ владѣній курфюрста въ Германіи. Франц. полномочный мин. объявляетъ, кромѣ того, что 1-й консулъ, желая особенно угодить е. в—ву и—ру россійскому, а также изъ личнаго уваженія къ маркграфу баденскому, готовъ принять тѣ же обязательства и относительно этого принца, какія приняты имъ относительно курф. пфальцскаго и герцога вюртембергскаго, какъ будто бы это было поставлено непремѣннымъ условіемъ въ сегодняшней тайной конвенціи.—Г. гр. Морковъ, полномочный министръ е. в—ва и—ра россійскаго, призналъ, что получилъ это заявленіе.—Ш. Мор. Талейранъ. Аркадій гр. Морковъ.

Парижъ, 28 сентября (10 октября) 1801.

*) Отправляю къ в. в—ву полковника карабинеровъ, гражд. Коленкура, чтобы выразить вамъ, какъ я счастливъ, что, наконецъ, подписанъ и ратификованъ мирный договоръ между нашими двумя великими націями. Это было для всей Франціи предметомъ радости, равной тому уваженію, которое

qu'a la nation fr-se pour les braves et loyaux sujets de Votre Majesté.— L'électeur de Bavière m'ayant consulté sur la proposition, que lui a faite la maison d'Autriche, d'aliéner une partie de la Bavière, j'ai cru agir de concert avec V. M. en lui conseillant de ne pas changer dans le siècle où nous vivons ses états héréditaires contre d'autres états.— Par les préliminaires de paix, qui ont été heureusement signés entre la France et l'Angleterre, il a été convenu, que l'île de Malte serait rendu à l'ordre sous la protection d'une grande puissance. Je prie V. M. de me faire connaître ce qu'elle désire relativement à cette île et à l'ordre de Malte, dont son auguste père à été reconnu grand-maître. — La république des Sept Iles Unies est dans la plus cruelle anarchie et les peuples de ces pays sont journellement aux mains. Les turcs sont peu propres dans leur position actuelle à y faire régner un g-t équitable et juste. La religion de V. M. se trouve intéressée à aviser de concert à quelques moyens de faire jouir ces peuples de la constitution, qui leur a été donnée.—Le reste de la division russe, qui était en France, va s'embarquer pour arriver plus promptement en Russie.—Il me reste à prier V. M. de protéger notre commerce. La concurrence ne peut qu'être utile à ses sujets, et si elle nous faisait accorder quelque préférence pour les bois et autres objets nécessaires aux approvisionnements de la marine, V. M. aiderait par là le rétablissement de la marine fr-se,

---

питаетъ фр. нація къ храбрымъ и благороднымъ подданнымъ в. в—ва.—Баварскій курфюрстъ спрашивалъ моего совѣта относительно предложенія, сдѣланнаго ему австрійскимъ домомъ, уступить часть Баваріи; я думалъ, что сойдусь съ в. в—вомъ во взглядѣ, посовѣтовавъ ему не мѣнять въ нашъ вѣкъ наслѣдственныхъ земель на другія владѣнія.—Въ предварительныхъ условіяхъ мира, къ счастью, подписанныхъ Франціей и Англіей, постановлено, что о. Мальта будетъ возвращенъ ордену подъ покровительствомъ великой державы. Прошу в. в. сообщить мнѣ ваши желанія относительно этого о. и мальтійскаго ордена, гросмейстеромъ котораго былъ признанъ вашъ авг. отецъ.—Республика Семи Соединенныхъ О—въ переживаетъ самую ужасную анархію, и среди народовъ этихъ странъ происходятъ ежедневныя междоусобія. Турки, въ ихъ настоящемъ положеніи, неспособны установить тамъ строгое и справедливое правительство. Религіозный интересъ в. в—ва заставляетъ подумать сообща о мѣрахъ, которыя дали бы возможность этимъ народамъ пользоваться дарованной имъ конституціей.—Остатки русской дивизіи, находящіеся во Франціи, будутъ посажены на корабли, чтобы поскорѣе отправиться въ Россію.—Мнѣ остается просить в. в. покровительствовать нашей торговлѣ. Соревнованіе можетъ лишь быть полезно вашимъ подданнымъ; и если бы вы повелѣли даровать намъ нѣкоторыя преимущества относительно лѣса и др. предметовъ, необходимыхъ для мореход-

qui ne peut qu'être avantageux à toutes les puissances maritimes du Nord.—J'ai vu avec regret, qu'aucun ambassadeur fr-s ne se trouvait au couronnement de V. M. à Moscou pour lui faire sa cour. Je la prie de recevoir mes félicitations et mes désirs pour le bonheur et la prospérité de son règne.

Pétersbourg. Cabinet, 1801, 3. Подлинникъ.

№ 111.—Морковъ двору.

Paris, 1/13 octobre 1801.

*) Par ma dépêche à m. le comte de Panin V. M. I. aura déjà été instruite du moment de mon arrivée à Paris. L'absence du ministre des rel. ext., qui dura pendant 5 jours, a retardé jusque là ma première entrevue avec lui, ainsi que mes audiences auprès du 1-r consul de la république. J'ai demandé d'y être introduit sans aucun cérémonial et cela fut exécuté, comme je l'avais demandé, 2 heures après les audiences publiques, que ce même jour il avait données au corps diplomatique. Il n'y avait de présent à mes audiences que le min. Talleyrand, et je n'ai remis au 1-r consul que la lettre de cabinet, dont V. M. I. avait bien voulu me charger pour lui, supprimant les lettres de créance, dont j'étais muni, pour écarter de ma mission tout caractère de publicité.—En re-

---

ныхъ запасовъ, в. в—во помогли бы тѣмъ возстановленію франц. мореходства, которое можетъ лишь быть выгодно всѣмъ морскимъ державамъ Сѣвера.—Очень сожалѣю, что ни одинъ франц. посланникъ не присутствовалъ при коронаціи в. в—ва въ Москвѣ, чтобы привѣтствовать васъ. Прошу принять мои поздравленія и мои пожеланія счастливаго и благополучнаго царствованія.

Парижъ, 1/13 октября 1801.

*) Изъ моей депеши къ гр. Панину вы, в. и. в—во, конечно, узнали о моемъ пріѣздѣ въ Парижъ. Отсутствіе министра ин. дѣлъ въ продолженіе 5 дней замедлило мое первое свиданіе съ нимъ, а также мою аудіенцію у 1-го консула республики. Я просилъ видѣться съ нимъ безъ всякаго церемоніала, что и было исполнено, 2 ч. спустя послѣ публичныхъ аудіенцій, которыя онъ давалъ въ этотъ самый день дипломатическому корпусу. На моей аудіенціи присутствовалъ одинъ мин. Талейранъ, и я вручилъ 1-му консулу только кабинетное письмо, которое в. и. в—ву угодно было мнѣ поручить, скрывъ мои вѣрительныя грамоты, чтобы не придавать публичнаго характера моей миссіи.—Передавая письмо в. и. в—ва я высказалъ привѣтствіе, подобное его

mettant la lettre de V. M. I., je l'ai accompagnée d'un compliment analogue à son contenu et exprimant son désir de s'entendre avec la France pour travailler à la consolidation de la tranquillité générale et de donner dans toutes les occasions des témoignages particuliers de son estime et de sa considération pour la personne du 1-r consul.— Après y avoir répondu par des assurances de dispositions parfaitement réciproques, le 1-r consul manifesta ses regrets de ce que, malgré cette réciprocité d'intentions, la négociation entre les deux puissances s'entravait par des demandes, qui se fondaient sur des engagements pris avec le défunt E-r Paul I de glorieuse mémoire; que ces engagements n'étaient que personnels et motivés uniquement par les conceptions vastes et nobles de ce souverain et qui entraient si parfaitement dans les vues de la France, que lui, 1-r consul, n'aurait point hésité, pour les accomplir, de se faire lieutenant de Paul I; mais qu'actuellement que V. M. I. rentrait dans les bornes d'une politique sage et modérée, mais ordinaire, il fallait tenir la marche, qu'elle était accoutumée à suivre; qu'il ne doit être question maintenant que de faire la paix, sans la tenir en suspens par des considérations aussi sécondaires que devaient l'être pour V. M. I. celles de l'intérêt pour le *roitelet* de Sardaigne, qu'il faudrait, si même on le rétablissait en Piémont, soutenir par des boyonnettes, attendu que ses sujets étaient unanimement déclarés contre son retour,

---

содержанію и выражающее ваше желаніе войти въ сношенія съ Франціей, чтобы работать надъ утвержденіемъ всеобщаго спокойствія и выказывать постоянно ваше чрезвычайное почтеніе и уваженіе къ особѣ 1-го консула.— Отвѣтивъ на это увѣреніемъ въ полной взаимности чувствъ, 1-й консулъ изъявилъ сожалѣніе въ томъ, что несмотря на эту взаимность намѣреній, переговорамъ между двумя державами мѣшали требованія, основанныя на обязательствахъ, данныхъ покойному и—ру блаженной памяти, Павлу I. Эти обязательства, сказалъ онъ, были чисто личныя и вызваны исключительно широкими и благородными взглядами этого государя; и они до того соотвѣтствовали намѣреніямъ Франціи, что онъ, 1-й консулъ, не задумался бы для ихъ исполненія сдѣлаться намѣстникомъ Павла I. Но, такъ какъ теперь в. и. в—во возвратились въ границы мудрой и умѣренной, но обычной политики, то и нужно идти общепринятымъ путемъ. Теперь нужно заботиться только о мирѣ, не задерживая его столь ничтожными соображеніями, какъ участіе къ сардинскому *корольку*; если бы даже его возстановить въ Пьемонтѣ, то его нужно бы было поддерживать штыками, такъ какъ его подданные единодушно противятся его возвращенію. Къ тому же это участіе было высказано въ такихъ выраженіяхъ, которыя какъ бы предписывали законъ и обращались къ Франціи, какъ къ какой-нибудь Луккской республикѣ. Тутъ

intérêt d'ailleurs manifesté dans des termes, qui semblaient dicter la loi et traiter la France comme la république de Lucques. Il rappela alors la note, que mon prédécesseur avait donnée à ce sujet et se plaignit de ce, qu'elle fût rendue publique par la voie des gazettes, ajoutant que c'est cette note, qui portait le coup mortel au roi de Sardaigne. Il fit une longue énumération de ses condescendances envers V. M. I., qu'il fit consister dans les facilités, qu'il avait apportées dans ce qui concerne l'électeur de Bavière et le duc de Wurtemberg et dans la cession des conquêtes, que les armes de V. M. I. avaient faites sur lui des îles ci-devant venitiennes, dont il plaignit beaucoup le sort à cause des vexations, que les turcs y exerçaient Il finit par dire: „faisons la paix d'abord et puis nous parlerons d'autre chose".— J'ai répliqué tranquillement, que je ne m'étais nullement attendu au langage, que je venais d'entendre;—que je pensais avec tout le monde, que les engagements, qui se prenaient entre les chefs des états, se prenaient d'état à état et n'avaient d'autres limites que celles, dont ils convenaient entre eux;— que ces limites n'ont point eu lieu dans les engagements pris entre le défunt E-r et le 1-r consul et que par conséquent ils devaient avoir leur effet même à présent; — que les vues et les conceptions de V. M. I. n'étaient pas moins nobles et moins vastes que celles de son aug. prédécesseur, puisqu'elles embrassaient la paix et le bonheur du monde;—

онъ припомнилъ ноту, которую прислалъ ему по этому поводу мой предшественникъ; онъ жаловался, что она была разглашена путемъ газетъ, и прибавилъ, что именно эта нота и нанесла смертельный ударъ сардинскому королю. Онъ долго перечислялъ уступки в. и. в—ву, которыя состояли, по его словамъ, относительно курфюрста баварскаго и герцога вюртембергскаго въ уступкѣ завоеванныхъ у него войсками в. и. в—ва, бывшихъ венеціанскихъ, о—вовъ, объ участи которыхъ онъ очень сожалѣетъ, въ виду ихъ притѣсненія турками. Наконецъ онъ сказалъ: „заключимъ сперва миръ, а потомъ поговоримъ о другомъ".—Я возразилъ спокойно, что никакъ не ожидалъ услышать подобныя рѣчи, думая, какъ и всѣ, что договоры, заключаемые между главами государствъ, относятся и къ самимъ государствамъ и имѣютъ лишь тѣ границы, которыя они установятъ между собою; а такъ какъ этихъ границъ нѣтъ въ обязательствахъ между покойнымъ и—ромъ и 1-мъ консуломъ, то слѣдовательно послѣднія должны и теперь имѣть силу. Я прибавилъ, что намѣренія и убѣжденія в. и. в—ва не менѣе благородны и широки, чѣмъ у вашего август. предшественника, ибо они обнимаютъ спокойствіе и счастіе всего Свѣта, и что, съ одной стороны, постоянное желаніе в. в—ва войти съ нимъ въ соглашеніе по такому великому дѣлу, съ другой—сознаніе имъ собственной силы, казалось, должно было исключить въ сношеніяхъ между в. в—вомъ

que le désir, que V. M. n'avait cessé de manifester de s'entendre avec lui sur un aussi grand objet, joint au sentiment, qu'il devait avoir de sa propre force, semblait écarter des rapports, qui pouvaient exister entre V. M. I. et lui, toute idée d'humiliation préméditée;—que l'intérêt, que V. M. I. prenait au roi de Sardaigne, n'était pas moins dicté par ses sentiments de justice et d'amitié envers ce prince que par des considérations, qui ne peuvent la laisser indifférente sur le sort d'aucune des puissances de l'Europe;—qu'il serait bien malheureux, que celui de ce prince en particulier dépendit d'un incident, comme celui de la note en question et dont il était parfaitement innocent;—que la paix entre nous existait de fait depuis longtemps et que la confection d'un traité à ce sujet n'était plus qu'une pure formalité;—que l'objet de ma mission a été celui de régler et d'établir les résultats, qu'elle devait amener pour la pacification générale et que je voyais à regret dès mon début, que loin de mettre la dernière main à une oeuvre aussi salutaire, comme j'ai eu tout lieu de m'en flatter d'après les assurances aussi positives que celles, qui ont été données par ce g-t-ci, je n'aurai à annoncer à ma cour qu'une marche entièrement rétrograde, qu'il adopte et qui semble prouver une parfaite indifférence pour un rapprochement, qu'elle croyait au moins également partagé.—Le 1-r consul reprit, en me disant, qu'il ne pensait pas du tout à rétrograder, qu'il m'avait parlé

и 1-мъ консуломъ всякую мысль о предумышленномъ униженіи. Что же касается до участія в. в—ва къ сардин. королю, то я замѣтилъ, что оно вызвано столько же вашимъ чувствомъ справедливости и дружбы къ этому принцу, сколько соображеніями, въ силу которыхъ вы не можете оставаться равнодушны къ судьбѣ какой бы то ни было европейской державы; и было бы, весьма прискорбно, если бы именно участь этого принца зависѣла отъ случайности, въ родѣ упомянутой ноты, въ которой онъ былъ совершенно невиненъ. Я сказалъ, что миръ между нами на дѣлѣ существуетъ давно и что составленіе договора объ этомъ предметѣ составляетъ лишь пустую формальность; а цѣль моей миссіи опредѣлить и установить послѣдствія, которыя должны произойти отсюда для всеобщаго замиренія. Между тѣмъ, я съ сожалѣніемъ вижу, съ первыхъ моихъ шаговъ, что вмѣсто того, чтобы приложить послѣднюю руку къ столь спасительному дѣлу, какъ я имѣлъ полное основаніе надѣяться послѣ такихъ положительныхъ увѣреній здѣшняго правительства, мнѣ придется возвѣстить моему двору, что оно идетъ совершенно назадъ, выказывая тѣмъ полное равнодушіе къ сближенію, которое онъ считалъ по крайней мѣрѣ обоюднымъ желаніемъ. — 1-й консулъ возразилъ, что онъ вовсе не думаетъ отступать, и что онъ говорилъ со мною откровенно съ перваго раза, потому что таковъ его характеръ; но это не мѣшаетъ ему питать самыя миро-

avec franchise dès le premier moment, parce que tel était son caractère, mais qu'il n'en était pas moins dans les dispositions les plus conciliantes et qu'il espérait, qu'en discutant les objets dans des conférences réglées, on parviendrait à tout arranger à l'amiable et que l'esprit de conciliation, pour lequel j'étais réputé, lui en inspirait principalement la confiance. Comme il fit un mouvement pour se retirer, je l'arrêtai pour m'acquitter des ordres, que V. M. I. m'avait donnés pour rendre auprès de lui témoignage de la bonne conduite du sieur Duroc. — Le soir du même jour j'ai revu m. Talleyrand chez lui et revenant sur la conversation, que j'ai eue avec le 1-r consul, je l'ai prié d'avoir soin de bien assurer ce dernier, qu'on était tout aussi éloigné chez nous de penser à traiter la république fr-se comme celle de Lucques que de craindre d'ici, qu'on voulût traiter avec la Russie comme avec l'Etrurie ou la Cisalpine;— qu'au contraire, les intentions de V. M. I. étaient bien prononcées d'établir et de cultiver avec la France les relations les plus amicales et surtout de s'entendre avec elle dans la plus intime confiance sur tous les objets relatifs à un prompt et solide rétablissement de la tranquillité générale; — que du reste instruit depuis mon arrivée, que toutes les difficultés de la négociation, établie entre nous, étaient applanies, et qu'il n'en restait plus que sur la rédaction de l'article par rapport au roi de Sardaigne, pour lequel m. de Kolitscheff ainsi que m.

любивыя намѣренія, и онъ надѣется, что при обсужденіи вопросовъ на правильныхъ совѣщаніяхъ все уладится дружелюбно, и что духъ миролюбія, которымъ я славился, внушаетъ ему особенное довѣріе. Когда онъ собирался уходить, я остановилъ его, чтобы исполнить приказаніе в. и. в—ва и засвидѣтельствовать предъ нимъ хорошее поведеніе г. Дюрока.—Въ тотъ же день вечеромъ я увидѣлся снова съ Талейраномъ у него. Я припомнилъ разговоръ съ 1-мъ консуломъ и просилъ его постараться увѣрить этого послѣдняго, что у насъ такъ же далеки отъ мысли поступать съ франц. республикой, какъ съ луккской, какъ и отъ опасенія, что здѣсь будутъ поступать съ Россіей, какъ съ Этруріей или Цизальпиной. Я сказалъ, что, напротивъ, в. и. в. высказали совершенно ясно намѣреніе установить и поддерживать съ Франціей самыя дружескія отношенія и въ особенности сговориться съ нею вполнѣ откровенно обо всѣхъ вопросахъ, касающихся быстраго и прочнаго возстановленія всеобщаго спокойствія; впрочемъ, такъ какъ по пріѣздѣ моемъ я узналъ, что всѣ препятствія, которыя встрѣчали наши переговоры, улажены и остается только одно—редакція статьи, касающейся сардинскаго короля, о которой г. Колычевъ и г. Дюрокъ должны переговорить съ моимъ дворомъ, и такъ какъ съ часа на часъ я жду курьера, который долженъ привезти мнѣ рѣшеніе в. в—ва по этому поводу, то я счелъ необходимымъ отложить

Duroc étaient chargés de se référer à ma cour et qu'un courrier, qui devait m'apporter sa détermination à cet égard, allait arriver incessamment, je croyais devoir remettre à ce moment mes conférences formelles avec lui. — Avant mon arrivée mon prédécesseur avait rendu compte à V. M. I. des discours, que Bonaparte a tenu au vice-chancelier comte de Cobenzl et dans lesquels il lui avait annoncé son intention de garder le Piémont, et sur l'observation, que m. de Cobenzl lui a faite, que toute l'Europe réclamerait contre cette usurpation, il répondit: „hé bien. qu'elle vienne le reprendre". Cela me fut confirmé par l'ambassadeur d'Autriche et ne prouve que trop, que cette résolution ne fût pas l'effet d'une prétendue humeur, que la note de m. de Kolitscheff a pu inspirer, mais bien celui d'un plan prémédité et arrêté depuis longtemps.—C'est dans ces termes que m'a trouvé le conseiller de collége Gervais, porteur des ordres de V. M. I. en date du 23 août dernier. Je n'ai pas perdu un instant pour demander un entretien à m. Talleyrand afin de lui en faire part. Après avoir marqué l'heure 2 jours de suite et m'avoir remis chaque fois sous prétexte d'avoir été appelé chez le 1-r consul, je parvins à le trouver le 3-me jour et, entrant en matière, je lui ai exposé historiquement tout ce qui s'était passé entre notre cabinet et le leur. Je lui ai rappelé les 5 points proposés de notre part et acceptés par eux; ce qui, à mon avis, leur donnait la force et la valeur de préli-

---

до того времени мои формальныя совѣщанія съ нимъ.—До моего пріѣзда мой предшественникъ отдалъ в. и. в—ву отчетъ о томъ, что говорилъ Бонапартъ вице-канцлеру гр. Кобенцлю между прочимъ по поводу своего намѣренія удержать Пьемонтъ. На замѣчаніе же г. Кобенцля, что вся Европа возстанетъ противъ этого похищенія, онъ возразилъ: „ну и пусть она придетъ и отниметъ его». Это подтвердилъ мнѣ австрійскій посланникъ. Отсюда слишкомъ ясно, что это рѣшеніе было слѣдствіемъ не мнимой досады, вызванной якобы нотой г. Колычева, но давно обдуманнаго, опредѣленнаго плана.—Въ такое-то время засталъ меня колл. сов. Жерве, посланный съ приказаніями в. и. в—ва отъ 23 августа. Не теряя ни минуты, я просилъ бесѣды у г. Талейрана, чтобы сообщить ихъ ему. Назначивъ мнѣ часъ два дня сряду, онъ каждый разъ отказывалъ мнѣ подъ предлогомъ, что его позвалъ 1-й консулъ. Наконецъ, на 3-й день я засталъ его дома и, приступивъ къ дѣлу, изложилъ ему исторически все, что произошло между нашимъ и ихъ кабинетомъ. Я напомнилъ ему о 5 пунктахъ, предложенныхъ съ нашей стороны и принятыхъ ими, что, по моему мнѣнію, придавало имъ, по всей формѣ, силу и значеніе предварительныхъ условій мира и должно было предупредить тѣ нескончаемыя препирательства, которыя они встрѣтили съ ихъ стороны. Онъ оспаривалъ это значеніе 5-ти статей и отнесся къ нимъ, какъ къ про-

minaires de paix en toute forme et ce qui aurait dû éloigner toutes les discussions interminables, auxquelles on s'était livré de leur côté. Il contesta ce caractère à ces 5 articles, les traita de simples propositions, acceptées à la verité, mais auxquelles on sousentendait des concessions réciproques, qui n'ayant point eu lieu et les évènements d'ailleurs ayant marché en sens contraire, il était tout naturel de revenir à de nouvelles idées. — Sans consentir à cette assertion, je lui produisit la rédaction du VI-me article séparé et secret, qui était joint au rescript de V. M. I. Après l'avoir lue, il m'a dit, qu'il la trouvait assez approchante de leur sens, mais qu'elle avait besoin encore de quelqu'autre modification, sur laquelle il demanda du temps pour réfléchir. Ensuite il me dit, qu'on lui mandait de Pétersbourg, que le courrier, qui venait de m'arriver, m'avait apporté les ratifications des actes, que nous devions passer, et que j'avais un plein pouvoir absolu de les modifier à ma volonté. Ne m'étant point attendu, qu'il dût être instruit de cette circonstance et ne voulant point, en la niant, lui donner mauvaise opinion de ma franchise, j'en convins et lui fis sentir tout le prix de l'empressement et de la droiture, avec lesquels V. M. I. voulait bien procéder dans toute cette négociation. Quant aux pleins pouvoirs, qu'il me supposait, il était vrai, qu'ils étaient tels pour les termes, mais nullement pour les intentions, que V. M. I. avait manifestées et dont elle ne pré-

---

стымъ предложеніямъ, правда, принятымъ, но которыя предполагали взаимныя уступки; а такъ какъ уступокъ не послѣдовало, да и событія приняли противоположный оборотъ, то совершенно естественно было стать на новую точку зрѣнія.—Не соглашаясь съ этимъ увѣреніемъ, я воспроизвелъ ему редакцію VI особой тайной статьи, которая была приложена къ рескрипту в. и. в—ва. Прочитавъ ее, онъ сказалъ, что она довольно близко подходитъ къ ихъ мыслямъ, но требуетъ еще нѣкоторыхъ измѣненій, о которыхъ онъ просилъ дать ему время подумать. Потомъ онъ сказалъ, что его извѣщаютъ изъ Петербурга, что новоприбывшій курьеръ привезъ мнѣ ратификаціи актовъ, которые мы должны заключить, и что мнѣ дано безусловное полномочіе измѣнять ихъ по моему желанію. Не будучи приготовленъ къ тому, что ему извѣстно это обстоятельство, и не желая вызвать въ немъ дурного мнѣнія о моей откровенности, я сознался и далъ ему понять всю цѣну той готовности и прямоты, съ какою в. и. в—ву угодно было поступать во всѣхъ этихъ переговорахъ. Что же касается до полномочій, которыя будто бы мнѣ даны, то они, правда, таковы относительно выраженій, но не намѣреній, выраженныхъ в. и. в—вомъ, отъ которыхъ вы не думаете отказываться ни въ какомъ случаѣ. Тогда онъ пересмотрѣлъ всѣ отдѣльныя тайныя статьи и, за исключеніемъ I, нашелъ почти всѣ лишними и непримѣнимыми къ настоящимъ об-

tendait se désister d'aucune manière. Il reprit alors tous les articles séparés et secrets et à l'exception du I il les trouva presque tous superflus et inapplicables aux circonstances présentes, disant que le II art. concernant l'Italie était surtout inutile, attendu que le sort de cette contrée était fixé par les traités de Tolentino, de Lunéville et de Florence; que celui, qui garantit la neutralité aux royaumes de Naples et de Sicile, était trop favorable à l'Angleterre, et que celui de la Bavière était même inadmissible, attendu qu'il supposait la possibilité du démembrement de cet électorat, tandis que le 1-r consul s'est déjà entendu avec l'électeur pour n'en permettre jamais, et il finit par vouloir me ramener à la signature du seul traité patent. Je me levai alors, en lui demandant un passeport pour un courrier, avec lequel je rendrai compte des dispositions, que j'avais rencontrées ici, aussi peu correspondantes à celles, que V. M. I. témoignait. Il me retint en me disant, que si je fesais un pareil rapport, je ne rendrai pas justice aux véritables sentiments qu'on avait ici; que le 1-r consul était sincèrement porté à complaire à V. M. I. et que si lui, Talleyrand, m'avait fait quelques objections, c'était qu'elles naissaient de la nature même des choses, mais qu'elles n'en étaient pas cependant moins accomodables et qu'il espérait m'en convaincre tout-à-fait à la première entrevue, que nous aurions. — Les bruits d'un accomodement prochain avec l'Angleterre avaient succédé

стоятельствамъ. Въ особенности II ст., касающуюся Италіи, онъ счелъ безполезной, въ виду того, что судьба этой страны уже была устроена договорами толентинскимъ, люневильскимъ и флорентійскимъ. Статья, обезпечивающая нейтралитетъ Неаполитанскаго королевства и Сициліи, по его мнѣнію, слишкомъ выгодна для Англіи; а статья о Баваріи и совсѣмъ невозможна, ибо она допускаетъ возможность раздѣла этого курфюршества, между тѣмъ какъ 1-й консулъ сговорился съ курфюрстомъ, чтобы этого никогда не было. Въ концѣ концовъ онъ хотѣлъ заставить меня подписать одинъ явный договоръ. Тогда я всталъ и попросилъ у него паспорта для курьера, чтобы послать отчетъ о расположеніи, которое я здѣсь встрѣтилъ и которое такъ мало соотвѣтствуетъ расположенію, заявленному в. и. в—вомъ. Онъ удержалъ меня, сказавъ, что если я сдѣлаю такое донесеніе, то буду несправедливъ къ истиннымъ чувствамъ, которыя здѣсь питаютъ. 1-й консулъ искренно-де желаетъ угодить в. и. в—ву; и если онъ, Талейранъ, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько возраженій, то это потому, что ихъ порождаютъ сами обстоятельства, но что это нисколько не мѣшаетъ имъ быть удобосогласимымъ, и онъ надѣется убѣдить меня въ этомъ вполнѣ при нашемъ первомъ свиданіи.—Слухи о скоромъ соглашеніи съ Англіей распространились вскорѣ послѣ моего пріѣзда сюда, и я считалъ ихъ довольно основательными, судя по медленности, съ

de bien près à mon arrivée dans cette ville et leur fondement m'était en quelque façon garanti et par les lenteurs qu'on avait mises à ma légitimation, et par les nouvelles difficultés, qu'on suscitait à la négociation, dont je suis chargé. En effet il ne s'est passé qu'un jour d'intervalle entre la conférence, dont je viens de rendre compte à V. M. I., et la nouvelle officielle de la signature des préliminaires. Je fus le même jour en faire compliment au min. Talleyrand en le priant d'assurer le 1-r consul, que cet évènement serait infiniment agréable à V. M. I., et passant à un entretien particulier, je lui ai reparlé de l'article cencernant le roi de Sardaigne. Il leva alors tout-à-fait le masque et sans me dire que ce fût un parti pris, il me fit sentir qu'on garderait le Piémont, à moins que l'Angleterre ne se désistât de l'acquisition de l'île de Ceylan. Il ajouta, qu'il s'en ouvrait à moi confidentiellement. Je lui répondis, que je pouvais l'assurer aussi confidentiellement, que quelle que fût la rédaction, dont nous tomberions d'accord pour l'article touchant le roi de Sardaigne, V. M. I. ne cesserait d'insister sur le rétablissement de ce prince dans ses états et qu'elle se joindrait à toutes les puissances, qui concourraient au même but. Il me répliqua qu'aucune puissance ne s'y intéressait, et que l'Angleterre même, ayant parlé dans ses préliminaires de l'Italie et du roi de Naples, n'avait fait aucune mention du roi de Sardaigne. Nous nous séparâmes, en convenant de nous retrouver après-

---

какою признали мои полномочія, и по новымъ затрудненіямъ, которыя встрѣтили порученные мнѣ переговоры. Дѣйствительно, прошелъ всего одинъ день между конференціей, о которой я только-что доложилъ в. и. в—ву, и офиціальнымъ извѣстіемъ о подписаніи предварительныхъ условій мира. Въ тотъ же день я отправился поздравить съ этимъ мин. Талейрана, прося его увѣрить 1-го консула, что это событіе будетъ чрезвычайно пріятно в. и. в—ву. Переходя къ частной бесѣдѣ, я снова заговорилъ съ нимъ о статьѣ, касающейся сардинскаго короля. Тогда онъ совсѣмъ сбросилъ маску и, не говоря, что это дѣло рѣшенное, далъ мнѣ понять, что Пьемонтъ отдадутъ развѣ въ томъ случаѣ, если Англія откажется отъ пріобрѣтенія о. Цейлона. Онъ прибавилъ, что говоритъ со мною тайно. Я отвѣчалъ, что могу увѣрить его также тайно, что какова бы ни была редакція, которую мы установимъ для статьи, касающейся сардинскаго короля, в. и. в—во не перестанете настаивать на возстановленіи этого принца въ его владѣніяхъ и что вы присоедитесь ко всякой державѣ, которая будетъ стремиться къ той же цѣли. Онъ возразилъ, что ни одна держава этимъ не интересовалась и что даже сама Англія, говоря въ своихъ предварительныхъ условіяхъ объ Италіи и неаполитанскомъ королѣ, ни словомъ не упомянула о сардинскомъ королѣ. Мы разстались, условившись увидѣться послѣзавтра въ домѣ ин. дѣлъ.—Заклю-

demain à l'hôtel des rel. ext.—L'évènement de la paix avec l'Angleterre et la connaissance, que j'avais des intentions pacifiques de V. M. I., m'ont convaincu de la convenance absolue de terminer son arrangement avec la France. C'est dans cette conviction, mais parfaitement renfermée dans ma pensée, que j'ai rejoint m. Talleyrand. Il reprit alors pour la dernière fois tous les articles séparés et secrets. Il n'objecta rien contre le I, mais se borna à le faire valoir, comme concédant à V. M. I. de très grands avantages par l'influence, qu'il lui donnait dans les affaires d'Allemagne. Je lui ai répondu, que cette influence existait depuis longtemps et existerait toujours non par cet article, mais par la force des choses et celle des moyens, que la Providence avait départis à V. M. I., et qu'en la combinant avec celle de la France elle n'avait d'autres vues que de faciliter le rétablissement de la paix générale. Il passa à l'art. II et me proposa de l'expliquer par une note, qu'il joindrait au traité et par laquelle il exprimerait, que les deux parties contractantes ne voulaient pas que par cet article il fût dérogé en rien aux traités de Tolentino, de Lunéville et de Florence, qui réglaient le sort de l'Italie etc. Je lui ai fait connaître, que je ne pouvais pas admettre cette note, ainsi rédigée, attendu qu'elle impliquerait la reconnaissance de ces traités par V. M. I., lesquels ne lui ont jamais été communiqués, mais que s'il disait dans cette note, que la France n'entendait pas déroger aux

---

ченіе мира съ Англіей и извѣстныя мнѣ миролюбивыя намѣренія в. и. в—ва убѣждаютъ меня въ безусловной необходимости покончить ваше соглашеніе съ Франціей. Съ этимъ-то совершенно внутреннимъ убѣжденіемъ я пошелъ къ г. Талейрану. Тогда онъ въ послѣдній разъ пересмотрѣлъ всѣ особыя и тайныя статьи. Онъ ничего не возразилъ на I ст.; но только высказалъ мнѣніе, что онъ уступаетъ в. и. в—ву очень большія выгоды въ смыслѣ вліянія на дѣла Германіи. Я возразилъ, что это вліяніе существовало давно и будетъ всегда существовать, не въ силу этой статьи, а въ силу вещей и средствъ, предоставленныхъ Провидѣніемъ в. и. в—ву, и что, желая соединить ихъ съ силой Франціи, вы преслѣдовали одну только цѣль—облегчить возстановленіе всеобщаго мира. Онъ перешелъ къ ст. II и предложилъ разъяснить ее нотой, которую онъ присоединитъ къ договору. Въ ней онъ выскажетъ, что обѣ договаривающіяся стороны не желаютъ, чтобы этой статьей отмѣнялось что-либо въ договорахъ толентинскомъ, люневильскомъ и флорентійскомъ, которыми установлена участь Италіи и т. д. Я замѣтилъ ему, что не могу допустить такой редакціи ноты, въ виду того, что она заключала бы въ себѣ признаніе в. и. в—вомъ этихъ договоровъ, которыхъ вамъ никогда и не показывали; но если онъ скажетъ въ нотѣ, что Франція не намѣрена отступать отъ сказанныхъ договоровъ, и что условіе обязательно лишь для одной стороны, то я ее приму, хотя и считаю совершенно лишней: вѣдь, въ са-

traités susmentionnés et que la stipulation ne fût qu'unilatérale, je l'accepterais, quoique je la regarde comme absolument superflue, attendu que l'article de lui-même ne parle que d'affaires *ultérieures* et que cette épithète seule porte avec soi qu'on ne s'occuperait plus de celles, qui se trouvaient arrangées. Il adopta ma proposition, mais insista sur la nécessité de la note. A l'art. III et au mot de *pacification* il demanda qu'on ajoutât l'épithète „définitive", car il était, a-t-il dit, sur le point de signer ici les préliminaires avec l'ambassadeur turc. J'y ai consenti. L'art. VI fut le sujet de nouveaux et de très longs débats. Après avoir insisté en vain sur l'insertion du mot du *rétablissement* du roi de Sardaigne dans ses états, j'ai enfin proposé la rédaction suivante: „Les intérêts de s. m. le roi de Sardaigne et de ses états seront discutés et réglés dans un concert ultérieur entre S. M. l'E-r de toutes les Russies et le 1-r consul de la république fr-se".—Je n'ai pu emporter cette rédaction toute insignifiante qu'elle était et j'ai dû préférer celle, que m. Talleyrand lui avait substituée, en protestant toutefois que je m'exposais peut-être à un désaveu complet et qu'après cela je ne pourrais plus procéder à l'échange des ratifications jusqu'à nouvel ordre. — Le min. Talleyrand proposa, que l'art. VIII concernant la Bavière entra aussi dans la note explicative. Comme cette explication est absolument insignifiante et rentre dans la rédaction de l'article même, qui ne stipule aucun engagement, mais offre des facilités de s'arranger de gré à gré et à l'ami-

---

мой статьѣ говорится только о дѣлахъ *будущихъ*; одинъ этотъ эпитетъ означаетъ, что не будутъ заниматься дѣлами уже устроенными. Онъ принялъ мое предложеніе, но настаивалъ на необходимости ноты. Въ III ст. онъ попросилъ, чтобы къ слову *замиреніе* былъ прибавленъ эпитетъ „окончательное", такъ какъ, по его словамъ, онъ собирался подписать здѣсь предварительныя условія съ турецкимъ посланникомъ. Я на это согласился. VI ст. была предметомъ новыхъ и очень длинныхъ споровъ. Послѣ тщетныхъ настояній на вставкѣ слова *возстановленіе* сардинскаго короля въ его владѣніяхъ, я наконецъ предложилъ слѣдующую редакцію: „интересы е. в—ва короля сардинскаго и его владѣній будутъ обсуждены и установлены на будущихъ совѣщаніяхъ между е. в—вомъ и—ромъ всея Россіи и 1-мъ консуломъ франц. респ—ки".—Я не могъ провести эту редакцію, несмотря на всю ея незначительность, и долженъ былъ предпочесть ту, которою замѣнилъ ее г. Талейранъ. Впрочемъ я все-таки возразилъ, что, можетъ быть, я подвергаюсь полному неодобренію, и послѣ этого не могу приступить къ обмѣну ратификацій впредь до новыхъ приказаній. — Мин. Талейранъ предложилъ, чтобы VIII ст., касающаяся Баваріи, тоже вошла въ объяснительную ноту. Такъ какъ это объясненіе рѣшительно не имѣетъ значенія и входитъ въ са-

able, j'ai adopté cette proposition en me contentant de faire observer son inutilité. — A l'art. IX m. Talleyrand a fait une tentative pour faire une restriction à la garantie de l'indépendance et de la constitution des Sept Iles Unies, ci-devant venitiennes, en en exceptant, disait-il, quelques villages situés en terre ferme et dont il voulait favoriser quelques individus, qui avaient rendu des services aux français, lorsqu'ils en étaient les maîtres. J'ai rejeté totalement cette proposition, et le vrai but en était de pouvoir cultiver les connexions, qu'ils ont établies dans ces parages et qu'il importe plutôt de détruire que de faciliter.— Enfin il proposa de changer l'intitulé des articles séparés et secrets en celui de convention secrète. Lorsque je lui eus demandé la raison de ce changement, il me répondit, que leur g-t était nouveau et que chaque pas qu'il faisait était pour lui un sujet d'hésitation. Comme ce n'en est pas un de grande importance, j'y ai consenti. — Il insista ensuite sur la nécessité de procéder à un échange immédiat des ratifications respectives, alléguant que cette mesure était essentielle *pour l'accélération du concert*, que la convention secrète établissait entre les deux puissances. — Les instructions, dont j'ai été muni à mon départ, me prescrivant dans certaines hypothèses (qui n'y ont été que trop bien appréciées et dont malheureusement malgré la brièveté de mon séjour ici la réalité ne m'a été que trop démontrée) d'observer la marche du g-t et d'amuser le tapis jusqu'à de nouvelles circonstances, j'ai cru qu'il

---

мое изложеніе статьи, которая не заключаетъ никакого обязательства, но лишь облегчаетъ добровольное и полюбовное соглашеніе, то я принялъ это предложеніе, замѣтивъ только, что оно лишнее.—Въ IX ст. г. Талейранъ пытался ограничить обезпеченіе независимости и конституціи Семи Соединенныхъ О—вовъ, бывшихъ венеціанскихъ, исключивъ изъ нихъ, какъ онъ сказалъ, нѣсколько деревень, расположенныхъ на материкѣ, которыми онъ хотѣлъ наградить нѣсколько личностей, оказавшихъ услуги французамъ, когда они ими владѣли. Я совершенно отвергъ это предложеніе: его настоящая цѣль была та, чтобы поддерживать заведенныя тамъ ими связи, которыя скорѣе нужно уничтожить, чѣмъ облегчать.—Наконецъ, онъ предложилъ переименовать особыя и тайныя статьи въ тайную конвенцію. На мой вопросъ о причинѣ такой перемѣны онъ отвѣчалъ, что при молодости ихъ правительства всякій шагъ заставлялъ его быть осторожнымъ. Такъ какъ это не особенно важно, то я согласился.—Затѣмъ онъ настаивалъ на необходимости приступить къ немедленному обмѣну взаимныхъ ратификацій, ссылаясь на то, что эта мѣра существенно необходима *для ускоренія согласія*, устанавливаемаго тайною конвенціей между обѣими державами. — Такъ какъ наставленія, полученныя мною при отъѣздѣ, предписывали мнѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (они слишкомъ

n'y avait pas de meilleur moyen de remplir ces intentions de V. M. I. que d'accepter les actes dans la forme et la teneur, dans lesquels nous sommes parvenus avec le ministre fr-s à les rédiger, et en conséquence nous étant rassemblés le 26 sept. (8 oct.) nous avons respectivement signé les actes au nombre de 3, savoir: le traité de paix, la convention secrète, en la postdatant de 2 jours, et la note y annexée, qui renferme une stipulation faite en faveur de monseigneur le margrave de Bade, que le consul fit ajouter par le désir de donner à V. M. I. une nouvelle marque de sa considération pour elle. En pesant bien la raison ci-dessus énoncée, que le min. Talleyrand m'a alléguée, j'ai consenti aussi à procéder à l'échange des ratifications; ce qui s'est également effectué 2 jours après, c'est-à-dire le 28 sept. (10 oct.), et j'ai l'honneur de mettre ci-joint tous les actes aux pieds de V. M. I.—Si mon zèle a égaré ma raison et que celle-ci ne justifie pas la confiance, dont V. M. I. a daigné m'honorer, j'ose invoquer son indulgence magnanime en faveur du motif, qui m'avait guidé.

Pétersbourg. Paris, 1801, 245. Подлинникъ.

хорошо были предусмотрѣны; въ ихъ дѣйствительности я, къ несчастью, убѣдился, при всей кратковременности моего пребыванія здѣсь) слѣдить за поступками правительства и проводить время въ пустякахъ, въ ожиданіи новыхъ обстоятельствъ, то я думалъ, что нѣтъ лучшаго средства исполнить намѣренія в. и. в—ва, какъ принять акты въ той формѣ и съ тѣмъ содержаніемъ, какъ мнѣ съ франц. министромъ удалось ихъ изложить. И вотъ, собравшись 26 сент. (8 окт.), мы взаимно подписали 3 акта, а именно: мирный договоръ, тайную конвенцію, обозначивъ ее заднимъ числомъ на два дня, и присоединенную къ ней ноту объ условіи въ пользу маркграфа баденскаго, которую консулъ велѣлъ прибавить, какъ новое доказательство своего уваженія къ в. и. в—ву. Взвѣсивъ хорошо указанную причину, выставленную мин. Талейраномъ, я согласился также приступить къ обмѣну ратификацій, что и произошло 2 дня спустя, т.-е. 28 сент. (10 окт.). Эти документы честь имѣю повергнуть къ стопамъ в. и. в—ва.—Если мой разсудокъ помутился отъ рвенія и не оправдываетъ довѣрія, коимъ в. и. в—во соблаговолили почтить меня, то смѣю просить вашей великодушной снисходительности ради руководившаго мною побужденія.

№ 112.—Морковъ двору.

Paris, 1/13 octobre 1801.

*) Aussitôt après mon arrivée à Paris l'ambassadeur d'Espagne, y résidant, vint me trouver chez moi et me renouvela les instances, qu'il avait faites à mon prédécesseur verbalement et par écrit à l'effet de rétablir les anciennes relations de paix et de bonne intelligence, qui avaient subsisté entre les deux puissances. Il m'a proposé pour cela une forme de déclaration ou d'acte, que j'ai trouvé tout à fait conforme aux intentions de V. M. I., d'écarter de ce rapprochement toute apparence de transaction solennelle et en conséquence j'ai adopté le mode, qu'il m'a proposé. Il en est résulté l'acte, que j'ose mettre ci-joint aux pieds de V. M. I., en la suppliant, si elle daigne l'approuver, de me faire connaître là-dessus ses aug. volontés, afin que je puisse en instruire l'amb-r d'Espagne.—Je n'ai pas voulu faire intervenir dans cet arrangement le cabinet de Tuileries, parce qu'il n'est que trop porté de lui-même à s'arroger une espèce de droit de s'immiscer dans toutes les transactions entre les puissances et il l'exerce surtout à l'égard de l'Espagne, qui, à ce que m'a dit l'amb-r, commence à sentir vivement le poids de ce joug et n'attend que des circonstances plus propices, que

---

Парижъ, 1/13 октября 1801.

*) Не успѣлъ я пріѣхать въ Парижъ, какъ ко мнѣ явился проживающій тамъ испанскій посланникъ. Онъ повторилъ мнѣ просьбы, съ которыми обращался къ моему предшественнику устно и письменно, о возстановленіи прежнихъ мирныхъ и дружелюбныхъ отношеній, которыя существовали между двумя державами. Для этого онъ предложилъ мнѣ форму деклараціи или акта, который, по мнѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ в. и. в—ва избѣгать при этомъ сближеніи всякихъ торжественныхъ сдѣлокъ; поэтому я принялъ предложенный имъ способъ. Отсюда произошелъ документъ, который осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ в. и. в—ва, умоляя васъ, если вамъ угодно будетъ одобрить его, сообщить мнѣ вашу августѣйшую волю относительно этого дѣла, чтобы я могъ извѣстить объ этомъ испанскаго посланника.—Я не хотѣлъ вмѣшивать въ эту сдѣлку тюльерійскій кабинетъ, потому что онъ самъ и безъ того слишкомъ склоненъ присвоивать себѣ какъ бы право вмѣшиваться во всѣ сдѣлки между державами и въ особенности пользуется имъ по отношенію къ Испаніи. По словамъ посланника, она начинаетъ живо чувствовать тяжесть этого ига и ожидаетъ только болѣе благопріятныхъ

celles d'à présent, pour le secouer. Il pèse également sur tous les états environnants, et leurs ambassadeurs et ministres accrédités ici offrent plutôt l'idée d'une troupe de clients que celle d'un corps de représentants de leur commettants.—Le min. Talleyrand, dans ses dispositions arbitraires ou celles de son principal, m'a parlé, à la suite de l'article touchant l'île de Malte dans les préliminaires de paix avec l'Angleterre, de l'idée de faire démolir toutes les fortifications de cette île et d'en faire un *hôpital-général*; ce fut son expression, prétendant, que l'objet de son institution n'existait et ne pouvait plus exister. Je lui ai fait connaître, que V. M. I. avait là-dessus des intentions tout-à-fait contraires; qu'elle voulait rendre cette île à son institut primitif; qu'elle avait déjà fait quelques démarches en conséquence et qu'elle avait tous les droits imaginables pour exiger, qu'on ne statuât rien à cet égard sans son aveu et son consentement. Il me demanda, quelles étaient ces démarches? Et lorsque je lui eus dit, que V. M. I. entre autres convoquait le chapitre de l'ordre pour procéder à l'élection d'un grand-maître, il me dit, que selon les canons de l'église romaine l'ancien grand-maître, le bar. de Hompesch, n'avait jamais cessé de l'être et que tant qu'il vivrait on ne pourrait pas en élire un autre. Je lui ai répondu, que je ne croyais pas, que cet ordre de choses, après les changements, qu'il avait subit, ne fût susceptible de se plier aux intentions ultérieures, que V. M. I.

обстоятельствъ, чтобы его свергнуть. Оно одинаково тяготѣетъ надъ всѣми окружающими государствами; ихъ посланники и министры, акредитованные здѣсь, изображаютъ собой скорѣе сборище кліентовъ, нежели составъ представителей своихъ правительствъ.—По поводу статьи о Мальтѣ, въ предварительныхъ условіяхъ мира съ Англіей, мин. Талейранъ, руководившійся властолюбивыми намѣреніями своими или своего начальника, высказалъ мнѣ мысль —разрушить всѣ крѣпости этого острова и устроить тамъ *всеобщую больницу*: такъ онъ выразился, воображая, что тамошняго учрежденія уже не существуетъ и не можетъ болѣе существовать. Я сообщилъ ему, что в. и. в. имѣете на это совсѣмъ противоположный взглядъ: вы желаете возвратить этотъ островъ его первоначальному учрежденію и уже сдѣлали нѣкоторыя соотвѣтствующія распоряженія, имѣя всевозможныя права требовать, чтобы не дѣлали никакихъ постановленій на этотъ счетъ безъ вашего вѣдома и согласія. Онъ спросилъ меня, что это за распоряженія? Когда я сказалъ ему, что в. и. в—во созываете, между прочимъ, капитулъ ордена, чтобы приступить къ избранію гросмейстера, онъ возразилъ, что, по уставамъ римской церкви, прежній гросмейстеръ, баронъ Гомпешъ, не слагалъ своего званія и, покуда онъ живъ, не могутъ избрать другого. Я отвѣчалъ, что не думаю, чтобы этотъ порядокъ вещей, послѣ столькихъ перемѣнъ, не былъ способенъ усту-

ferait connaitre à cet égard, et que je le priais, lui, m. de Talleyrand, très instamment d'avoir égard au titre de protecteur de l'ordre, que V. M. I. portait de l'aveu de tout le monde, d'autant plus que peu de jours avant la signature de la paix avec l'Angleterre il m'a entretenu de l'idée d'engager V. M. I. de mettre une garnison russe dans le fort de Malte.—On croit que le lord Cornwallis, désigné pour signer la paix définitive à Amiens, avant de se rendre à cette destination, viendra passer ici quelques jours. Je lui parlerai de l'île de Malte dans des termes généraux, jusqu'à ce que je reçoive là-dessus des instructions positives de V. M. I.

Pétersbourg. Paris, 1801, 246. Подлинникъ.

№ 113.—Морковъ графу Панину.

Paris, 1/13 octobre 1801.

*) Après avoir rendu dans mon rapport à l'E-r un compte détaillé de toutes les circonstances, qui ont précédé et accompagné la négociation, qui vient de se terminer avec la France, je me suis réservé d'exposer à v. exc. les considérations qui m'ont guidé et les motifs qui m'ont déterminé. — Lorsque je suis arrivé ici, je n'ai pas tardé d'apprendre, que les espérances d'une paix prochaine avec l'Angleterre ac-

---

пить будущимъ намѣреніямъ, которыя в. и. в—во сообщите на этотъ счетъ. Я просилъ его, г. Талейрана, именно обратить вниманіе на титулъ покровителя ордена, который носитъ в. и. в—во съ согласія всѣхъ, тѣмъ болѣе, что незадолго до подписанія мира съ Англіей онъ высказывалъ мнѣ мысль просить в. и. в—во поставить русскій гарнизонъ въ мальтійскую крѣпость. — Думаютъ, что лордъ Корнвалисъ, назначенный для подписанія аміенскаго мира, проведетъ здѣсь нѣсколько дней, прежде чѣмъ поѣхать къ мѣсту своего назначенія. Я поговорю съ нимъ объ островѣ Мальтѣ въ общихъ выраженіяхъ, покуда не получу отъ в. и. в—ва положительныхъ наставленій на этотъ счетъ.

Парижъ, 1/13 октября 1801.

*) Отдавъ, въ моемъ донесеніи и—ру, подробный отчетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали только-что окончившіеся переговоры съ Франціей и предшествовали имъ, я предоставилъ себѣ изложить в. с—у руководившія мною соображенія и побужденія.—Пріѣхавъ сюда, я тотчасъ же узналъ, что надежда на миръ съ Англіею становится со дня на день все

queraient de jour en jour de nouveaux degrés de certitude et que le langage et le ton du ministère d'ici en étaient considérablement renforcés. Je m'en suis d'abord aperçu moi-même dès les premiers entretiens que j'ai eus avec le min. Talleyrand. A des protestations polies, mais générales, sur le désir de rétablir la bonne harmonie avec nous, il ajoutait toujours qu'il ne devait pas l'emporter sur les avantages majeurs, que la position actuelle de la France semblait lui promettre. Ce n'était plus l'article seul du roi de Sardaigne, c'était celui de l'Italie entière et même de l'Allemagne qui donnait lieu aux réflexions, qu'il m'insinuait dans des phrases entortillées, mais dont le sens était, qu'il serait tout aussi facile et bien plus commode pour les deux parties de s'entendre sur tous ces objets amicalement, à mesure qu'ils se développeraient que de se lier par des engagements formels et positifs. Il appuyait beaucoup sur le changement qui s'était opéré dans les évènements, et sur l'influence qu'ils devaient avoir dans les déterminations. Oui, sans doute, lui dis-je, mais il ne s'agit pas de déterminations, mais d'engagements, qui, quand ils sont pris d'avance, doivent commander aux évènements et non les suivre. Tout est convenu entre nous et l'article du roi de Sardaigne est le seul, dont je puis admettre une nouvelle discussion. — Quand je revis m. de Talleyrand 2 ou 3 jours après la nouvelle de la signature des préliminaires avec l'Angleterre, je l'ai trouvé,

---

вѣрнѣе и что рѣчи и тонъ здѣшняго министерства значительно окрѣпли вслѣдствіе этого. Я убѣдился въ этомъ самъ съ первыхъ же разговоровъ съ мин. Талейраномъ. Увѣряя, въ вѣжливыхъ, но общихъ выраженіяхъ, въ желаніи возстановить доброе согласіе съ нами, онъ всегда прибавлялъ, что оно не должно брать верхъ надъ высшими преимуществами, которыя, повидимому, сулитъ Франціи ея теперешнее положеніе. Теперь уже не только статья о сардинскомъ королѣ, но и статьи обо всей Италіи и даже Германіи требовали размышленій. Онъ излагалъ ихъ мнѣ запутанными фразами, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что будетъ очень легко и гораздо удобнѣе для обѣихъ сторонъ сговариваться дружелюбно относительно всѣхъ этихъ предметовъ по мѣрѣ ихъ развитія, нежели связывать себя формальными и положительными обязательствами. Онъ сильно упиралъ на перемѣну, которая произошла въ событіяхъ, и на вліяніе, которое они должны имѣть на рѣшенія. Да, безъ сомнѣнія, сказалъ я ему, но дѣло идетъ не о рѣшеніяхъ, но объ обязательствахъ, которыя, разъ они приняты, должны стоять выше событій, а не подчиняться имъ. Все условлено между нами, и только объ одной статьѣ о сардинскомъ королѣ я могу допустить новыя пренія. — Когда я опять увидѣлся съ г. Талейраномъ, 2 или 3 дня спустя послѣ извѣстія о заключеніи предварительныхъ условій съ Англіей, я нашелъ его, какъ и ожи-

comme je m'y étais bien attendu, bien plus affirmatif dans ses énoncés que la première fois. Il essaya de convertir le I art. secret touchant l'Allemagne en préambule, mais il n'y insista pas longtemps. Quant à celui, qui concerne le roi de Sardaigne, il en proposa la rédaction, telle qu'elle est insérée dans l'acte, comme condition *sine qua non*. — D'avance j'ai réfléchi mûrement à ce que la circonstance de la paix avec l'Angleterre pouvait ajouter de roideur et d'opiniâtreté à l'esprit d'un gouvernement enivré de ses succès et de ses prospérités. J'ai pensé qu'il n'était pas impossible, que disposant à son gré de l'Allemagne il trouvât plus commode d'y agir sans associé et rompit toute négociation avec nous; qu'après cet évènement de la paix avec l'Angleterre il ne nous restait d'autres moyens d'imposer que de garder l'attitude, dans laquelle nous étions jusqu'à présent, attitude qui, pour peu qu'elle nous convienne, est facile à reprendre et à laquelle ce même article du roi de Sardaigne nous ramènera naturellement, car il n'annulle d'aucune manière nos droits d'intercession en faveur de ce prince, et s'il est devenu plus vague, par là même il est plus convenable à l'état actuel des choses, en nous laissant les maîtres du degré d'insistance et d'énergie que notre cour jugera à propos d'y porter. Mais ce qui a achevé de me déterminer, c'est l'envoie des ratifications éventuelles. J'ai cru voir dans cet acte une expression si claire et si prononcée de la haute volonté de notre aug. maître

---

далъ, гораздо болѣе твердымъ въ своихъ выраженіяхъ, чѣмъ въ первый разъ. Онъ пытался обратить I тайную ст., касающуюся Германіи, во вступленіе, но долго не настаивалъ на этомъ. Что же касается до ст. о сардинскомъ королѣ, онъ предложилъ для нея ту редакцію, которая помѣщена въ актѣ, какъ условіе *sine qua non*.—Я заранѣе зрѣло обдумалъ, насколько заключеніе мира съ Англіей могло увеличить гордость и упрямство правительства, опьяненнаго своими успѣхами и счастьемъ. Я подумалъ, что, распоряжаясь по своему усмотрѣнію Германіей, оно, пожалуй, нашло болѣе удобнымъ орудовать тамъ безъ товарищей и прервало всякіе переговоры съ нами. Послѣ заключенія мира съ Англіей, намъ не оставалось другихъ средствъ внушить уваженіе, какъ только сохранить прежнее положеніе, къ которому легко воротиться, если только оно подходитъ къ намъ. Самая статья о сардинскомъ королѣ естественно вернетъ насъ къ нему, такъ какъ она ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ нашего права ходатайствовать въ пользу этого принца. Если же она стала менѣе опредѣленною, то это еще лучше въ настоящемъ положеніи дѣлъ: она предоставляетъ намъ свободу настаивать съ тою силой и энергіей, къ какой сочтетъ нужнымъ прибѣгнуть нашъ дворъ. Но что̀ заставило меня окончательно рѣшиться, это присылка предварительныхъ ратификацій. Изъ этого акта я такъ ясно увидѣлъ высоч. волю нашего августѣйшаго государя заключить договоръ

de conclure tout au plutôt, que je n'ai ni voulu, ni osé balancer d'admettre les modifications, d'ailleurs insignifiantes, qu'on m'a proposées. Si j'ai bien ou mal raisonné et agi, c'est ce que décideront les réponses, dont v. exc. voudra bien m'honorer, et elle peut penser avec quelle impatience je les attendrai. — Je suis bien plus tranquille sur l'acte que j'ai signé avec l'ambassadeur d'Espagne, car je suis convenu avec lui que si ce mode ne convient pas à notre aug. cour il sera regardé comme non avenu, et la sienne se prêtera à celui, qui lui sera proposé. – Quoique je sois ici depuis plus de 3 semaines, je n'ose encore rien avancer, ni sur ce que j'ai vu, ni sur ce que j'ai entendu, l'un et l'autre a besoin d'être vérifié; on parle de partis, de factions, de haine et de jalousie. Mais tout est muet, tout fléchit sous la volonté du maître le plus absolu. J'ai vu les fêtes publiques, qui se sont données à l'occasion de l'établissement de la république. Le peuple y a assisté avec un calme, qui tenait du morne. La nouvelle de la paix avec l'Angleterre n'a pas influé favorablement sur les effets publics; ils ont même baissé d'un demi pour cent le lendemain de cette nouvelle. On dit, que cela tient à quelques spéculations dérangées par cet évènement. Toutes les richesses actuelles prennent leur source dans les calamités publiques, et il n'est pas étonnant, qu'elle tarisse dans leur cessation ou leur diminution.

Pétersbourg. Paris, 1801, 265. Подлинникъ.

какъ можно скорѣе, что не желалъ и не смѣлъ колебаться въ допущеніи предложенныхъ мнѣ измѣненій, вдобавокъ ничтожныхъ. Хорошо или дурно я разсуждалъ и дѣлалъ, это рѣшать отвѣты, которыми в. с—во соблаговолите удостоить меня; и можете судить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю ихъ.— Менѣе безпокоитъ меня актъ, подписанный мною вмѣстѣ съ испанскимъ посланникомъ, такъ какъ я условился съ нимъ, что если этотъ способъ не удобенъ для нашего двора, онъ будетъ считаться не существующимъ, и его дворъ согласится на тотъ, который будетъ ему предложенъ. — Хотя я здѣсь уже болѣе 3 недѣль, не смѣю высказаться ни на счетъ видѣннаго, ни на счетъ слышаннаго: то и другое нуждается въ провѣркѣ; говорятъ о партіяхъ и партійкахъ, о ненависти и зависти. Но все нѣмѣетъ, все преклоняется предъ волей самаго неограниченнаго господина. Видѣлъ публичныя празднества по поводу установленія республики. Народъ держалъ себя съ спокойствіемъ, близкимъ къ угрюмости. Извѣстіе о мирѣ съ Англіей не имѣло благопріятнаго дѣйствія на общественныя бумаги: онѣ даже понизились, на другой день, на ½%. Говорятъ, это—слѣдствіе нѣкоторыхъ спекуляцій, лопнувшихъ отъ этого событія. Всѣ нынѣшнія богатства проистекаютъ изъ общественныхъ бѣдствій: немудрено, что этотъ источникъ изсякаетъ, по мѣрѣ прекращенія или уменьшенія послѣднихъ.

№ 114.—Морковъ графу Панину.

Paris, 1/13 octobre 1801.

*) ...J'ai été fort réservé dans mes rapports officiels. J'ai dû l'être et par défiance de moi-même et par la crainte d'être accusé de précipitation. Mais je ne crois pas me tromper en disant, qu'il y a peu de fonds à faire sur la droiture et la bonne foi de ce cabinet-ci. Outre la fausseté et l'arrogance qui sont depuis quelque temps sa routine, il est livré à une fluctuation perpétuelle d'idées, suggérées souvent par le caprice et l'arbitraire, qui forment le caractère du principal gouvernant. C'est ainsi qu'après avoir, par une clause de traité, laissé à l'électeur de Bavière la liberté de s'arranger de gré à gré avec l'Autriche, il en est revenu tout à coup et exige maintenant qu'il ne soit fait aucun démembrement de l'électorat. Cela paraît même en contradiction avec le système favori qu'on paraît avoir adopté ici, celui de déplacement le plus général qu'il est possible, système cohérant avec celui de la subversion totale, car il tend à rompre les liens d'habitude qui attachent plus ou moins les sujets aux souverains et ceux-ci aux premiers. En partant de là, m. de Talleyrand m'a proposé d'assigner au roi de Sardaigne une indemnité en Allemagne. Je n'en ai point rendu compte dans

---

Парижъ, 1/13 октября 1801.

*) ...Я очень сдерживался въ моихъ должностныхъ донесеніяхъ. Я считалъ это моимъ долгомъ и по недовѣрію къ себѣ самому, и изъ страха подвергнуться обвиненію въ поспѣшности. Но врядъ ли ошибусь, если скажу, что мало основаній надѣяться на прямоту и добросовѣстность здѣшняго кабинета. Кромѣ лживости и высокомѣрія, ставшихъ съ нѣкотораго времени его колеей, онъ подверженъ вѣчной перемѣнчивости въ мысляхъ, которыя внушаются часто капризомъ и произволомъ, составляющими характеръ главнаго правителя. Такъ, предоставивъ, по одной оговоркѣ въ договорѣ, свободу баварскому курфюрсту полюбовно раздѣлаться съ Австріей, онъ вдругъ измѣнилъ рѣшеніе: теперь уже требуетъ, чтобы не было никакихъ раздѣловъ курфюршества. Это, повидимому, даже противорѣчитъ излюбленной здѣсь системѣ перемѣщеній во что бы ни стало, системѣ, близкой къ полному перевороту, ибо она ведетъ къ нарушенію привычекъ, болѣе или менѣе связывающихъ государей съ подданными. Въ силу этого, г. Талейранъ предложилъ мнѣ назначить сардинскому королю вознагражденіе въ Германіи. Въ моихъ должно-

mes rapports officiels, comme d'une idée par trop absurde et que j'ai repoussée comme telle...

Pétersbourg. Paris, 1801, 269. Подлинникъ.

№ 115.—Морковъ графу Панину.

Paris, 7/19 octobre 1801.

*) M'étant rendu avant-hier chez le min. Talleyrand pour l'entretenir de l'affaire du duc de Wurtemberg dont je rends compte à v. exc. dans ma dépêche, il m'a dit qu'à la signature de la paix de Lunéville son gouvernement avait fait un présent à m. le comte de Cobenzl, que celui-ci avait accepté et que l'on devait agir de la même manière avec moi. Je l'ai remercié de cette intention disant toutefois que je ne pourrai pas en profiter sans l'agrément de ma cour, à laquelle je me faisais un juste scrupule de la demander. Il combattit ma délicatesse, alléguant qu'il ne s'en piquerait pas moins que moi et que quoiqu'il s'attendît dans cette occasion à une parfaite réciprocité, il ne faisait pas cependant de difficulté de m'en parler comme d'une chose d'usage reçu. Comme je l'ai quitté sans me charger de faire rapport de cette ouverture, il me fit demander par le prince de Nassau de quel genre je voulais le présent, si c'est décoration d'ordre, boites ou montres, que l'on voulait savoir ce qui serait le plus de mon goût, afin de

---

стныхъ донесеніяхъ я умолчалъ объ этомъ, какъ о мысли черезчуръ нелѣпой, которую я и отвергъ въ этомъ смыслѣ....

Парижъ, 7/19 октября 1801.

*) Когда я третьяго дня отправился къ мин. Талейрану, чтобы побесѣдовать о дѣлѣ герцога вюртембергскаго, о которомъ я отдаю отчетъ в. с—у въ моей депешѣ, онъ сказалъ мнѣ, что при подписаніи люневильскаго мира его правительство сдѣлало подарокъ графу Кобенцлю, и тотъ его принялъ; и что со мною поступятъ точно также. Я поблагодарилъ его за это намѣреніе, замѣтивши, что я во всякомъ случаѣ не могу воспользоваться имъ безъ согласія моего двора, у котораго мнѣ совѣстно объ этомъ спрашивать. Онъ старался побѣдить мою щекотливость, ссылаясь на то, что онъ самъ былъ не менѣе смущенъ, и хотя ожидалъ въ данномъ случаѣ полной взаимности, тѣмъ не менѣе рѣшился сказать мнѣ объ этомъ, какъ объ общепринятомъ обычаѣ. Такъ какъ я ушелъ, не обѣщая донести объ этомъ предложеніи, то онъ поручилъ принцу нассаускому спросить меня, что я желалъ бы получить—орденъ-

commander l'ouvrage sans perte de temps et que la valeur du présent serait la même que celle du présent, qui a été fait au comte de Cobenzl, c'est-à-dire de 230 mille livres avec une somme de 20 mille francs pour ma chancellerie. Je n'ai, comme v. e. peut bien le penser, fait aucun choix et j'ai répondu au prince de Nassau, comme à m. de Talleyrand. — Mon prédécesseur n'a pas jugé à propos de rendre compte de ce qui s'est passé à la paix de Lunéville sur l'article des présents. Mais voici ce que je tiens de lui. M. de Cobenzl a en effet reçu un présent de la valeur ci-dessus mentionnée. Il en avait offert de la part de sa cour un pareil à m. Talleyrand. Celui-ci l'a refusé, disant que leur usage était d'en faire à la signature d'un acte et qu'à ce titre il n'y avait que m. Joseph Bonaparte, qui pourrait en accepter un. M. de Cobenzl fut chargé d'offrir un bouquet à la femme du consul et celui-ci fit dire que si l'on voulait que sa femme acceptât le présent, il faudra que celui qui le lui ferait ou que m. de Cobenzl retirât son offre; mais le bouquet n'en resta pas moins là, car madame, à qui m. de Cobenzl l'offrit, s'en accommoda. Je n'ajouterai aucune observation à cette exposition. Je vous prie de me transmettre au plutôt les ordres de l'E-r sur la conduite que je dois tenir dans cette circonstance.

Pétersbourg. Paris, 1801, 270. Подлинникъ.

ли, табакерку-ли, или часы, такъ какъ хотятъ знать, что мнѣ больше нравится, чтобы, не теряя времени, заказать; стоимость моего подарка будетъ та же, что и подарка графу Кобенцлю, т. е. 230.000 ливровъ, да 20.000 франковъ для моей канцеляріи. Я не сдѣлалъ никакого выбора, какъ в. с—во можете себѣ представить, и отвѣчалъ принцу нассаускому то же самое, что и г. Талейрану.— Мой предшественникъ не счелъ нужнымъ отдать отчетъ о томъ, что произошло при люневильскомъ мирѣ по поводу подарковъ. Но вотъ что онъ мнѣ сказалъ. Г. Кобенцль въ самомъ дѣлѣ получилъ подарокъ на вышеупомянутую сумму. Онъ предложилъ отъ своего двора такой же г. Талейрану. Тотъ отказался, говоря, что они имѣютъ обыкновеніе дѣлать подарокъ при подписаніи акта и что, на этомъ основаніи, только Іосифъ Бонапартъ можетъ принять его. Г. Кобенцлю поручили поднести букетъ женѣ консула; но тотъ сказалъ, что если хотятъ, чтобы его жена приняла подарокъ, то пусть тотъ, кто его поднесетъ ей или г. Кобенцль возьметъ обратно свой подарокъ; но букетъ тѣмъ не менѣе остался тамъ, потому что мадамъ, которой г. Кобенцль поднесъ его, приняла его. Не прибавлю никакого замѣчанія къ этому разсказу. Прошу передать мнѣ какъ можно скорѣе приказанія и—ра на счетъ того, какъ мнѣ поступать въ данномъ случаѣ.

№ 116.—Морковъ графу Панину.

Paris, 1/13 novembre 1801.

*) Vendredi dernier 6 de ce mois le 1-r consul a donné aux Tuileries un dîner diplomatique, auquel j'ai été également invité. Au sortir de table il m'aborda et me demanda, si j'avais des instructions pour entrer en matière avec le ministère français sur l'arrangement des affaires d'Allemagne. Sur la réponse que je lui fis, que je ne pouvais avoir ces instructions qu'après la nouvelle, qu'on recevrait chez nous de la signature de nos traités, il me fit entendre qu'il serait à désirer qu'elles pussent me parvenir, attendu qu'il était important pour le bien et la tranquillité particulière de l'Europe que ces affaires fussent arrangées et terminées au plutôt. J'ai saisi cette occasion pour demander un entretien particulier, où je puisse m'expliquer sur cet objet comme sur quelques autres plus à loisir; que je ne pouvais le faire dans le moment, où il me faisait l'honneur de me parler. Il me l'accorda 2 jours après, c'est-à-dire le 8. Nous sommes restés plus de 2 heures. Je lui ai parlé au sujet des affaires d'Allemagne. J'ai beaucoup insisté sur celle du roi de Sardaigne, lui rappelant les engagements formels, qu'il prit à cet égard avec feu l'E-r et qu'il avait paru vouloir observer vis-à-

---

Парижъ, 1/13 ноября 1801.

*) Въ пятницу, 6-го сего мѣсяца, 1-й консулъ давалъ дипломатическій обѣдъ въ Тюльери, на который и я былъ приглашенъ. При выходѣ изъ-за стола, онъ остановилъ меня и спросилъ, есть ли у меня инструкціи для переговоровъ съ франц. министерствомъ объ устройствѣ нѣмецкихъ дѣлъ. На мой отвѣтъ, что онѣ получатся лишь послѣ того, какъ у насъ узнаютъ о подписаніи нашихъ договоровъ, онъ далъ мнѣ понять, что желательно, чтобы онѣ были присланы, такъ какъ важно для блага и особенно спокойствія Европы, чтобы эти дѣла были улажены и покончены возможно скорѣе. Я воспользовался случаемъ попросить особаго разговора, гдѣ я могъ бы свободно изъясниться объ этомъ предметѣ, а также и о нѣкоторыхъ другихъ, чего нельзя сдѣлать въ минуту, когда онъ удостоилъ меня бесѣдой. Онъ назначилъ мнѣ аудіенцію черезъ два дня, т.-е. 8-го. Она продолжалась болѣе 2 часовъ. Я заговорилъ о нѣмецкихъ дѣлахъ. Я настаивалъ на дѣлѣ сардинскаго короля, напоминая ему его формальныя обязательства предъ покойнымъ и—ромъ, которыя онъ, кажется, желалъ соблюсти и относительно нынѣ царствующаго

vis de l'E-r actuellement régnant. Ne pouvant aucunement réfuter cette allégation il ne s'est pas fait scrupule de m'avouer, qu'il n'a jamais eu l'intention de tenir cette promesse et qu'il ne l'avait fait que dans l'intention de gagner du temps et d'entraîner notre cour dans ses vues et de se ménager dans tous les cas la possibilité de garder le Piémont;—qu'après avoir fait sa paix avec cette puissance, il s'était plus déterminé que jamais à ne point revenir sur cette résolution; — qu'avant la signature de notre traité il en avait fait prévenir l'E-r, notre maître, par le s-r Duroc; — que cependant, malgré les sujets de plaintes qu'il avait contre le roi de Sardaigne, il tâcherait à lui procurer quelques indemnités, soit en argent, soit en territoires, s'il s'en trouve un disponible; — que je pourrai à ce sujet me concerter avec m. Talleyrand, qui faisait insister sur la retention du Piémont. Il avait allégué celle (sic) de sa propre sûreté, prétendant qu'il y avait en Piémont plus de 20 mille jacobins, qui ne pouvant demeurer sous domination de leur ancien maître, reflueraient tous en France, y augmenteraient le nombre de cette secte et renforceraient la fermentation. Il ne me fut pas difficile de lui démontrer la futilité de ces assertions, et ce fut sans effet sur ses détermination. J'ai demandé du moins que le roi de Sardaigne pût envoyer ici en cette qualité un ministre pour traiter directement de ses intérêts avec le gouvernement français. Le 1-r consul s'y est refusé sous

---

и—ра. Будучи не въ силахъ отвергать этотъ доводъ, онъ не посовѣстился признаться, что никогда и не думалъ сдержать это обѣщаніе, данное лишь съ цѣлью выиграть время, вовлечь нашъ дворъ въ свои виды и во всякомъ случаѣ заручиться возможностью оставить за собой Пьемонтъ. Онъ прибавилъ, что, заключивши миръ съ этой державой, онъ рѣшился, больше чѣмъ когда-либо, отнюдь не измѣнять этого намѣренія, о чемъ и извѣстилъ нашего государя и—ра чрезъ г. Дюрока до подписанія нашего договора. Впрочемъ, несмотря на свое недовольство сардин. королемъ, онъ постарается доставить ему какое-нибудь вознагражденіе деньгами или землей, если таковое будетъ въ его распоряженіи; и я могу согласиться на этотъ счетъ съ г. Талейраномъ, который настаивалъ на удержаніи Пьемонта. Онъ выставлялъ интересы собственной безопасности, утверждая, что въ Пьемонтѣ болѣе 20,000 якобинцевъ, которые не могутъ оставаться подъ властью своего прежняго господина и всѣ бросятся во Францію, гдѣ увеличатъ собой эту секту и усилятъ броженіе. Мнѣ не трудно было доказать ему вздорность этихъ доводовъ; но это не подѣйствовало на его рѣшенія. Я просилъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, позволили сардинскому королю прислать сюда полномочнаго министра для прямыхъ переговоровъ съ франц. правительствомъ объ его интересахъ. 1-й консулъ отказалъ,

le prétexte que cette démarche serait encore prématurée; de là il se porta à des réflexions et des plaintes contre notre dernier traité avec l'Angleterre, prétendant qu'il était dérogatoire à l'indépendance et même à la dignité des puissances à cause de l'article supprimé des convois. Je lui ai répondu, qu'il était mal informé à cet égard; qu'il n'y avait d'article qui supprimât ces convois; qu'il y en avait un, qui parait aux abus faits et qu'on pouvait faire par la suite. J'ai lieu de croire, que ces idées lui ont été suggérées par le ministre danois Dreyer, grand intriguant. Au sortir de cette conférence je fus trouver le min. Talleyrand et j'ai remis avec lui sur le tapis le même sujet. Il me dit qu'il faudrait s'occuper à placer le roi de Sardaigne quelque autre part que dans le Piémont. J'ai cru devoir me tenir à des généralités sur cet article, comme sur tous les autres. Je n'en sortirai pas jusqu'à ce que v. e. me fasse parvenir des ordres précis à cet égard. J'ai vu lord Cornwallis; il m'a parlé avec confiance; je lui ai demandé, s'il avait des ordres pour agir en faveur du roi de Sardaigne. Il m'a dit qu'il en avait, mais qui lui préscrivent une très grande circonspection à cet égard, attendu que sa cour n'avait aucun traité avec ce prince qui l'autorisait à traiter de ses intérêts. Je n'entretiendrai point v. e. des fêtes, qu'on a célébrées ici le 18 brumaire à la double occasion de l'établissement du gouvernement actuel en France et à celle de la con-

---

ссылаясь на то, что такой шагъ былъ бы преждевременен ъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ возраженіямъ и жалобамъ по поводу нашего послѣдняго договора съ Англіей, утверждая, что онъ нарушаетъ независимость и даже достоинство державъ, вслѣдствіе отмѣны статьи о конвояхъ. Я отвѣчалъ, что ему невѣрно передали: вовсе нѣтъ статьи, отмѣняющей конвои, а есть статья, устраняющая старыя и будущія злоупотребленія. Имѣю основаніе думать, что эти мысли внушены ему датскимъ министромъ, Дрейеромъ, большимъ интриганомъ. Послѣ этой бесѣды я видѣлся съ мин. Талейраномъ и затронулъ тотъ же вопросъ. Онъ сказалъ, что нужно постараться помѣстить сардинскаго короля гдѣ-нибудь помимо Пьемонта. Я почелъ долгомъ придерживаться общихъ выраженій, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Такъ и останусь, пока не получу отъ в. с—ва точныхъ приказаній въ этомъ отношеніи. Видѣлся съ лордомъ Корнвалисомъ; онъ говорилъ со мной довѣрчиво. Я спрашивалъ, нѣтъ ли у него приказаній дѣйствовать въ пользу сардин. короля. Онъ сказалъ, что есть; но ему предписывается соблюдать тутъ крайнюю осторожность, въ виду того, что у его двора нѣтъ договора съ этимъ государемъ, который уполномочивалъ бы его вести дѣло объ его интересахъ. Не стану занимать вниманіе в. с—ва здѣшними празднествами 18 брюмера, по поводу установленія нынѣшняго правительства и заключенія

clusion de la paix générale. Les papiers publics en rendent compte avec le détail le plus satisfaisant.

Pétersbourg. Paris, 1801, 274. Подлинникъ.

№ 117.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 4/16 ноября 1801.

Донесенія ваши получилъ я съ особливымъ удовольствіемъ, нашедъ въ нихъ все то, чего ожидать могъ отъ искуства и большой опытности вашей въ дѣлахъ. Не удивили меня ни странный тонъ перваго консула въ разговорахъ съ вами, ни замашки мин. Талейрана, чтобы или совсѣмъ уничтожить многое уже въ продолженіе негоціаціи нашей условленное, или чтобы по крайней мѣрѣ ослабить разныя постановленія. Первое есть слѣдствіе степени, на которую Бонапарте возведенъ будучи щастіемъ не знаетъ приличныхъ формъ; что же касается до министра внѣшнихъ сношеній, онъ слѣдовалъ съ вами той чертѣ поведенія, которую страшные успѣхи оружія французскаго или добровольныя или принужденныя угожденія разныхъ дворовъ ввели въ обыкновеніе въ кабинетѣ Тюлерійскомъ. Я потому не могу довольно одобрить мѣру твердости, смѣшанную съ разумомъ согласія, кою употребили вы, въ отвѣтахъ вашихъ, желая чтобъ и впредь старалися вы оную соблюсти, уклоняясь однакожъ отъ всего того, что бы могло дать поводъ къ какимъ-либо непріятнымъ раздробленіямъ съ правленіемъ столь заносчивымъ, каково есть французское, и съ коимъ тѣмъ осторожнѣе поступать должно, что въ настоящемъ положеніи вещей не существуетъ способовъ укротить оное. Не имѣвъ другихъ средствъ въ переговорахъ съ Франціей, кромѣ убѣжденія, нельзя не жалѣть, что лондонскій дворъ не включилъ въ прелиминарныя постановленія свои интересовъ короля Сардинскаго. Прилагаемое у сего донесеніе гр. Воронцова покажетъ вамъ, что министерство аглицкое встрѣтило тѣ же трудности по сему случаю, какія и вамъ были предъявлены, но что притомъ комиссаръ Отто объявилъ готовность перваго консула войти въ изъясненіе о пользахъ короля Сардинскаго при переговорахъ въ Аміенсѣ. Обстоятельство сіе дало мнѣ поводъ предписать гр. Воронцову учинить нужные подвиги о убѣжденіи министерства аглицкаго употребить старанія свои къ обезпеченію будущаго жребія государя, которому обѣщавъ добрыя

общаго мира. Газеты самымъ удовлетворительнымъ образомъ сообщаютъ подробности о нихъ.

мои услуги, обязанностію почитаю оныя ему по возможности моей продолжить. Статья III секретной конвенціи, сколько ни есть въ терминахъ генеральныхъ заключенная, не меньше даетъ намъ право заступленія. Оное предъявлять вамъ при случаяхъ и препоручаю, наблюдая, какъ выше сказалъ, ту мѣру, которая наипаче нужна нынѣ, когда примиреніе съ Англіею сугубо еще развязываетъ руки правленію французскому.—Желательно конечно было бы, чтобъ отложа мысль присоединенія Піемонта и ограничиваясь въ предѣлахъ, торжественно республикою для владѣній своихъ объявленныхъ и естествомъ, такъ сказать, у Альпійскихъ горъ опредѣленныхъ, согласилося оно возвратить край сей законному владѣтелю; но ежели же встрѣтится неминуемое упорство, чтобъ сіе возъимѣло мѣсто, и ежели должно повиноваться закону настоящихъ обстоятельствъ, то большою выгодою казалося бы, чтобъ Піемонтъ по крайней мѣрѣ составилъ или совсѣмъ новую республику, или присоединенъ былъ къ Сизалпиніи, яко средство, кое въ продолженіе времени обращено быть можетъ къ установленію удобнѣйшаго порядка вещей; вмѣсто того что король Сардинскій получитъ другое устроеніе въ Италіи отдѣленіемъ ли части той же Сизалпиніи или другимъ соображеніемъ. Тутъ заключаются единыя разсужденія мои, предоставляя впрочемъ все дѣятельному наблюденію вашему въ увѣренности, что вы ничего не упустите, что̀ можетъ отъ васъ зависѣть для достиженія цѣли моей: а дабы удобнѣе сіе вамъ исполнить можно было, вы можете сноситься съ гр. Воронцовымъ, который получаетъ повелѣніе соображать съ вами все то, чего по сему дѣлу отъ содѣйствія Англіи желать можно.—Включаемыя здѣсь копіи съ наставленій, посланныхъ при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы къ гр. Разумовскому и къ тайн. сов-камъ, бар. Криденеру и бар. Бюлеру, заключаютъ виды мои касательно индемнизацій въ Германіи. Въ ожиданіи пока получены будутъ отповѣди на сіи откровенія мои, свѣдѣнія сіи должны единственно остаться для руководства вашего и къ соображенію отзывовъ, которые вслѣдствіе 1-й статьи секретной конвенціи вы можете иногда найтиться въ необходимости чинить; само по себѣ разумѣется однакожъ, что упоминаемое мое въ инструкціи гр. Разумовскому содѣйствіе ваше у правительства французскаго употребить вы не упустите, естьли по соглашенію дворовъ вѣнскаго и берлинскаго оное министрами ихъ требуемо отъ васъ будетъ. Въ полной довѣренности моей къ вамъ, не скрою однакожъ отъ васъ, что предположивъ твердо сохранить столь нужное для государства спокойствіе столь долго, сколько возможно сіе будетъ, не намѣренъ я настоять, чтобы предложенія мои въ разсужденіи ин-

демнизацій непремѣнно приняты были.—Въ трудности сообразить интересы вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, по свойственной имъ взаимной ненависти, я счелъ нѣкоторою обязанностію сообщить имъ безпристрастныя соображенія мои касательно запутанныхъ дѣлъ сихъ. Естьли совѣты мои вняты ими будутъ, то ощущу я не малое удовольствіе въ мысли, что не былъ я безполезенъ къ достиженію столь желаемой цѣли устройства въ Германіи; естьли же, по корыстолюбію или прежнимъ примѣрамъ, иначе руководствоваться будутъ они, то останется мнѣ только сожалѣніе, что безъуспѣшны были старанія мои. Впротчемъ какъ планъ мой главнѣйше основанъ на томъ: чтобъ утвердить курфирста Баварскаго, въ которомъ и республика французская интересуется; чтобъ вел. герцогу Тосканскому дать индемнизацію въ Германіи, а не въ Италіи, какъ того вѣнскій дворъ желалъ; чтобъ при томъ сдѣлать приличное, но не изъ мѣры выходящее, удовлетвореніе королю Прусскому; то и казалося бы, что предположенія мои довольно сходствовать могутъ съ видами Тюлерійскаго кабинета. Въ разсужденіи герцога Виртембергскаго и маркграфа Баденскаго вы можете равнымъ образомъ изъ упомянутыхъ наставленій почерпать нужныя свѣдѣнія при встрѣтиться могущихъ сообщеніяхъ вашихъ съ министерствомъ французскимъ, предваряя притомъ здѣсь васъ, что декларація, размѣненная вами съ онымъ касательно интересовъ послѣдняго принца сего и заключающая изъясненіе правительства французскаго, что оно не мыслитъ нарушить смыслу трактатовъ люневильскаго, толентинскаго и флоренційскаго, при донесеніяхъ вашихъ не прислана. — Впротчемъ не нужнымъ почитаю упоминать здѣсь о наблюденіи вами, чтобъ постановленія, съ Франціею заключенныя, сохранены были со стороны ея во всей ихъ цѣлости. Что до меня касается, къ тому обращено будетъ полное мое вниманіе и первый консулъ извѣщенъ долженъ уже быть, что стараніемъ министра моего въ Константинополѣ освобождены всѣ плѣнные французскіе и, по послѣднимъ оттоль донесеніямъ, частью уже отправлены во свояси. Извѣстно притомъ здѣсь, что и находившійся гарнизонъ войскъ моихъ въ Корфу оставилъ уже островъ сей, слѣдовательно статьи IX и X предварительно уже исполнены. Предписано будетъ при томъ тайн. сов. Тамарѣ, дабы по первой Порту предварилъ онъ о постановленіи не имѣть иностраннаго войска во владѣніяхъ Семи Соединенныхъ Острововъ. Что же принадлежитъ до примиренія Порты съ Республикою французскою, которая по увѣреніямъ Талейрана прелиминарныя соглашенія уже вскорѣ подписать имѣла, я буду ожидать извѣстій отъ васъ о кондиціяхъ оныхъ; а между тѣмъ поручу министру моему въ Констан-

тинополѣ внушить дивану, сколь нужно во всѣхъ случаяхъ для Порты быть можетъ, а наипаче по невѣжеству агентовъ ея, чтобъ она не входила сама собою въ соображенія съ министерствомъ столь изворотливымъ, каково есть французское, а чтобъ посолъ ея въ Парижѣ заимствовался руководствомъ вашимъ; нужно притомъ предостеречь васъ, что драгоманъ турецкій, Кудрика, буде о немъ вы упоминаете въ депешѣ вашей къ гр. Панину, есть человѣкъ совершенно и издавна интересамъ фр-го правленія преданный и что поэтому въ сношеніяхъ вашихъ съ нимъ полезно быть можетъ соблюсти всякую осторожность. Въ заключеніе возобновлю я здѣсь предписанія, заключенныя въ инструкціи, вамъ данной, о наблюденіи до времени теченія правленія, при коемъ вы узаконены, и о содержаніи его въ благопріятныхъ расположеніяхъ (d'amuser le tapis). Вы легко ощутите, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ и пока обстоятельства настоящія продолжатся, не остается ничего другого дѣлать. Выжидая благопріятнѣйшихъ случаевъ и не хотя отнюдь связать себѣ рукъ, дабы потомъ съ удобностію поступить на такія мѣры, какія признаны быть могутъ полезными для имперіи моей, располагаюся я такъ себя вести, чтобъ не дать никому подозрѣнія на щетъ видовъ или предпочтенія моего къ кому бы то ни было. Въ семъ намѣреніи, когда въ Москвѣ учинены были въ терминахъ генеральныхъ внушенія посломъ, графомъ Саурау, о возобновленіи съ вѣнскимъ дворомъ прежнихъ связей, я счелъ, что сколь сіи ни могутъ быть естественны обѣимъ имперіямъ, удобнѣе возстановлены быть могутъ, когда генеральное спокойствіе возъимѣвъ полное дѣйствіе, подобное между обоихъ дворовъ соображеніе не можетъ возродить никакого сомнѣнія и когда приступить можно будетъ къ составленію системы, клонящейся къ тому, дабы на будущее время покой сколь можно былъ сохраненъ. Въ семъ смыслѣ изъяснилося министерство мое съ посломъ австрійскимъ, обнадеживая его впрочемъ, что и безъ существованія положительныхъ постановленій дворъ его всегда найдетъ меня совершенно склоннымъ всякую чинить ему угодность. На семъ основаніи можете и вы располагать отзывы ваши, естьлибъ римско-императорскій посолъ самъ вступилъ съ вами въ какія-либо по сему случаю изъясненія, увѣряя его, какъ вамъ въ полной мѣрѣ извѣстно, что я отнюдь не даю предпочтенія Пруссіи, а руководствуюся единымъ безпристрастіемъ. Вы сами безъ труда посудить можете, что, кромѣ всѣхъ уваженій сихъ, побуждаютъ еще къ нѣкоторой осторожности и перемѣны, происходящія въ Вѣнѣ отъ разныхъ борющихся еще тамъ партій.

Pétersbourg. Paris, 1801, 218. Подлинникъ.

№ 118.—Кочубей Моркову.

Pétersbourg, 8/20 novembre 1801.

*) J'ai mis sous les yeux de l'E-r la lettre chiffrée concernant le présent, que le gouvernement français se propose de vous faire à l'occasion de la signature de notre traité de paix. S. M. I. me charge de vous marquer, que vous pouvez vous conformer à l'usage introduit à cet égard et d'accepter le présent qui vous est destiné. — L'E-r avait fait le choix d'une boîte de 16 m. roubles pour m. de Talleyrand aussitôt après la réception de vos dépêches qui accompagnaient le traité; mais la magnificence du présent qui doit être fait à v. exc. a fait changer cette première résolution et comme il ne s'est rien trouvé de beau pour le moment parmi les effets du cabinet, on a commandé une boîte fort riche, qui vous sera envoyée par le premier courrier que nous expédierons à Paris. V. exc. peut en attendant, si elle le juge à propos, en prévenir dans l'occasion le ministre des relations extérieures, et quant au présent pour le premier commis et pour l'argent qui peut être donné à la chancellerie ou au bureau de m. de Talleyrand, vous voudrez bien, pour leur remise, suivre la marche, qui vous paraîtra dans ce cas la plus convenable, soit en les délivrant avant ou en même temps que le présent de m. de Talleyrand.

Pétersbourg. Paris, 1801, 233. Подлинникъ.

Петербургъ, 8/20 ноября 1801.

*) ...Я представилъ и—ру ваше шифрованное письмо, касающееся подарка, который франц. правительство намѣревается вамъ сдѣлать по случаю подписанія нашего мирнаго договора. Е. и. в—во поручаетъ мнѣ заявить вамъ, что вы можете подчиниться заведенному обычаю и принять предназначенный для васъ подарокъ. — И—ръ выбралъ табакерку въ 16 т. руб. для г. Талейрана тотчасъ по полученіи вашихъ депешъ, сопровождавшихъ договоръ, но великолѣпіе предназначеннаго вамъ подарка заставило измѣнить это первое рѣшеніе. Такъ какъ среди вещей кабинета, въ данную минуту, нѣтъ ничего хорошаго, то заказали богатѣйшую табакерку, которая будетъ отправлена вамъ съ первымъ курьеромъ въ Парижъ. А покуда вы можете, если найдете умѣстнымъ, при случаѣ предупредить объ этомъ министра ин. дѣлъ. Что же касается подарка первому чиновнику и денегъ на канцелярію или отдѣленіе г. Талейрана, то въ передачѣ ихъ поступайте, какъ сочтете наиболѣе приличнымъ: вручите ихъ раньше или въ одно время съ подаркомъ г. Талейрану.

№ 119.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 ноября 1801.

Отправленіе къ вамъ курьера будучи разными препятствіями замѣшкано, получены третьяго дня съ шефомъ бригады Коленкуромъ письмы ваши отъ 7-го октября. Снабдивъ уже васъ обстоятельными наставленіями, нужнымъ почитаю, не упуская времени, присоединить только здѣсь о учиненномъ вамъ отзывѣ мин. Талейрана касательно необходимости приступить къ окончательному постановленію по дѣламъ Имперіи Германской и Италіи, по коимъ правительство французское желало бы видѣть откровеній со стороны нашей. — Свѣдѣнія о видахъ моихъ по вопросу индемнизаціи, нынѣ вамъ сообщаемыя, доставятъ вамъ нужныя по первому предмету на сей случай свѣдѣнія. Что же касается до устроенія вещей въ Италіи, отъ правительства французскаго ожидать, кажется, должно теперь предложеній. Со стороны онаго чинимы были утвердительные отзывы, что не мнитъ оно опровергать разныхъ трактатовъ своихъ, болѣе или менѣе жребія Италіи интересующихъ; мы же настояли напротивъ о возстановленіи короля сардинскаго во владѣніяхъ его и постановили секретною конвенціею цѣлость владѣній короля Обѣихъ Сицилій, а Англія равнымъ образомъ упомянула въ прелиминарныхъ пунктахъ о владѣніяхъ папскихъ; такъ что генеральныя предположенія наши и двора лондонскаго министерству французскому отчасти уже извѣстны. Но виды 1-го консула не согласуютъ съ симъ, и именно: по случаю устроенія жребія короля сардинскаго; какъ разумѣетъ онъ цѣлость владѣній папскихъ, такъ ли, какъ существовали они до отходу трехъ Легацій къ Сизалпиніи, въ чемъ, если должно вѣрить сообщеніямъ, въ откровенности отъ его святѣйшества здѣсь учиненнымъ, Бонапарте кардинала Конзальве увѣрялъ; какъ полагаетъ онъ о постановленіи ненарушевія владѣній короля Неапольскаго, такъ ли, какъ они были до войны, или удерживая то, что можетъ постановленіями государя сего съ Франціею быть отдѣлено. По всѣмъ пунктамъ симъ нужно знать намѣреніе кабинета Тюлерійскаго, а наипаче, чѣмъ полагаетъ онъ удовлетворить короля сардинскаго.—Предоставляя открытіе сего искустному наблюденію вашему, полезнымъ считаю при томъ, чтобъ существовало въ подвигахъ вашихъ и таковыхъ уполномоченнаго отъ лондонскаго двора въ Аміенсѣ нѣкоторое по симъ пунктамъ единодушіе, дабы отдалить тѣ неудобства, которыя Франція родить желаетъ, видя несогласующія предъ-

усмотрѣнія по предметамъ симъ; а потому и можете вы сноситься всегда съ посломъ гр. Воронцовымъ, снабженнымъ на таковой случай нужными предписаніями.

Pétersbourg. Paris, 1801, 222. Подлинникъ.

№ 120.—Коленкуръ Талейрану.

Pétersbourg, 29 brumaire an X.

*) J'ai l'honneur de vous rendre compte que je suis arrivé ici le 26. Le terrible ouragan qui s'est fait sentir d'une manière si cruelle sur les côtes prussiennes, ayant rompu ponts et chaussées, m'a extraordinairement retardé, quoique je ne suis pas sorti de voiture depuis Berlin.— En arrivant je me suis présenté chez m. le comte de Kotschubaye qui avait remplacé m. de Panin et auquel j'ai remis votre dépêche; ensuite, comme cela est d'usage ici, chez le vice-chancelier prince Kourakin pour lui demander une audience de S. M. L'E-r m'en a accordé une particulière aujourd'hui à 7 h. et dans son cabinet. Je lui ai remis la dépêche du 1-r consul et me suis exprimé conformément au contenue des instructions, que vous m'avez remises. S. M. a commencé par me demander des nouvelles du 1-r consul; ensuite elle a ajouté, qu'elle avait fortement désiré le rétablissement des rapports d'amitié entre les deux états; — qu'elle ne désirait rien plus que de les rendre éternels et de les resserrer de plus en plus; — qu'elle était fort attachée au 1-r con-

---

Петербургъ, 8/20 ноября 1801.

*) Честь имѣю донести вамъ, что я прибылъ сюда 5/17 ноября. Страшная буря, жестоко давшая себя почувствовать у береговъ Пруссіи, разрушивши мосты и шоссе, сильно задержала меня, несмотря на то, что съ самаго Берлина я не вылѣзалъ изъ кареты. — По пріѣздѣ, представился замѣстнику г. Панина, гр. Кочубею, которому вручилъ вашу депешу, и, по здѣшнему обычаю, вице-канцлеру, кн. Куракину, у котораго просилъ объ аудіенціи е. в—ва. И—ръ далъ мнѣ особую аудіенцію сегодня, въ 7 ч., въ собственномъ кабинетѣ. Я вручилъ ему депешу 1-го консула и выразился согласно съ содержаніемъ данныхъ вами наставленій. Е. в. прежде всего спросилъ о здоровьѣ 1-го консула. Затѣмъ прибавилъ, что онъ очень желаетъ возстановленія дружественныхъ отношеній между двумя государствами, ни о чемъ столько не думаетъ, какъ чтобы сдѣлать ихъ вѣчными и все болѣе и болѣе тѣсными. Онъ заявилъ, что весьма привязанъ къ 1-му консулу и всегда

sul et qu'elle verrait toujours avec un grand plaisir toutes les personnes que le 1-r consul enverrait ici; — qu'il suffisait, qu'un ministre fût choisi par lui pour lui être parfaitement et *particulièrement* agréable. — S. M. a eu la bonté d'ajouter encore des choses personnellement flatteuses pour moi, m'a engagé à rester longtemps ici, qu'elle désirait, que ce séjour pût m'être agréable, puisqu'elle avait infiniment plaisir à m'y voir; et par une marque particulière de bonté, elle a ajouté qu'elle voulait me présenter elle-même à S. M. l'Impératrice; j'en ai été accueilli avec la même distinction et bonté. — J'ai trouvé partout une prévenance particulière. M. le vice-chancelier m'a répété à plusieurs reprises: „la France doit beaucoup au 1-r consul, mais l'Europe autant, car elle lui doit la paix". — J'ai remis au gén. Sprengporten la lettre, que vous avez bien voulu me donner pour lui. Il sent tout le prix du portrait et de la distinction particulière que le 1-r consul lui destine, puisque personne ne l'a encore eu. S. M., à laquelle il a fait part de votre lettre et de cette annonce, l'en a publiquement félicité; cela a fait grand plaisir à l'E-r, il l'a hautement témoigné. — M. le vice-chancelier m'a chargé de vous remercier de l'intérêt que vous avez mis à l'affaire de m. de Choiseuil, je lui ai remis son paquet à mon arrivée. — Le cit. Duroc est fort regretté ici; l'E-r, dit-on, avait cru, qu'il y resterait en qualité de ministre. Comme il doit être maintenant à Paris, vous êtes sans doute instruit de la conduite que m. de Panin a tenu pour qu'il ne restât

---

приметъ съ большимъ удовольствіемъ всякаго, кого ни пришлетъ сюда 1-й консулъ: довольно, чтобы министръ былъ избранъ послѣднимъ, — и онъ будетъ совершенно и *особенно* пріятенъ ему. — Онъ соблаговолилъ прибавить много лестнаго для меня лично, приглашалъ меня пожить здѣсь подольше и желалъ, чтобы мое пребываніе было мнѣ пріятно, такъ какъ мое присутствіе доставляетъ ему безконечное удовольствіе. Онъ прибавилъ, что желаетъ самъ представить меня ея в—ву императрицѣ: я былъ принятъ ею съ тѣмъ же отличіемъ и такъ же милостиво.—Всюду меня встрѣчали съ особенною предупредительностью. Г. вице-канцлеръ не разъ повторялъ мнѣ: „Франція многимъ обязана 1-му консулу, но не меньше и Европа, которой онъ даровалъ миръ".— Я передалъ ген. Спренгпортену порученное мнѣ вами письмо. Онъ чувствуетъ всю цѣну портрета и особаго отличія, которымъ удостоиваетъ его 1-й консулъ, такъ какъ никто еще не пользовался этимъ. Е. в—во, которому онъ доложилъ объ этомъ письмѣ и объ этомъ заявленіи, публично поздравилъ его: это доставило и—ру большое удовольствіе, и оно было громко засвидѣтельствовано имъ.—Г. вице-канцлеръ просилъ поблагодарить васъ за участіе къ дѣлу г. Шуазеля: я вручилъ ему, тотчасъ по пріѣздѣ, его пакетъ. — Здѣсь очень сожалѣютъ о гражд. Дюрокѣ: говорятъ, и—ръ надѣялся, что онъ оста-

pas au couronnement, comme le 1-r consul le lui avait fait dire par m. Joras, et comme l'E-r le désirait. Je vais donc simplement ajouter les faits, qui ont eu lieu après le départ du cit. Duroc. — L'E-r qui en fut étonné fit venir l'aide de camp qu'il avait chargé d'engager le cit. Duroc à se rendre au couronnement. L'explication avec m. de Panin fut vive et claire, car l'aide de camp répéta ce que m. de Panin avait dit au cit. Duroc, ce qui se trouvait absolument contraire aux intentions manifestées par S. M., et cela dévoila tout de suite les intentions et la partialité de ce ministre. Le surlendemain il eut une querelle avec le vice-chancelier, prétendant que les conférences étaient de son seul ressort et ne regardaient point de vice-chancelier, et il fut renvoyé 2 jours après avec ordre de voyager pendant 3 ans. Le choix de m. le comte de Kotschubaye dont l'impartialité est connue prouve, que S. M. veut des ministres attachés à la gloire de son empire et non à telle ou telle puissance ou individu. — La paix avec l'Angleterre a fait ici la plus grande sensation; elle a prouvé combien les intentions de la France étaient loyales et pacifiques, et il paraît que c'est ce dont on doutait un peu relativement à l'Angleterre, tant ce gouvernement cherchait à persuader ici, que les prétentions de la France étaient sans bornes; la paix a prouvé la fausseté de toutes ces assertions et je puis vous assurer que la confiance, que le gouvernement français inspire, a

---

нется здѣсь въ качествѣ министра. Такъ какъ онъ теперь долженъ быть въ Парижѣ, то вы, конечно, уже знаете, какъ г. Панинъ устроилъ, чтобы онъ не остался на коронацію, вопреки приказу 1-го консула, переданному ему г. Жорасомъ, и желанію самого и—ра. Теперь просто разскажу о происшествіяхъ со времени отъѣзда гражд. Дюрока.—Изумленный и—ръ призвалъ адъютанта, которому онъ поручилъ пригласить гражд. Дюрока на коронацію. Послѣдовало оживленное объясненіе съ г. Панинымъ вчистую, такъ какъ адъютантъ повторилъ слова Панина Дюроку, которыя вполнѣ противорѣчили заявленнымъ и—ромъ намѣреніямъ, что̀ тотчасъ разоблачило намѣреніе и пристрастіе этого министра. На другой день у и—ра былъ крупный разговоръ съ вице-канцлеромъ: онъ утверждалъ, что конференціи—дѣло его одного, а не вице-канцлера. Два дня спустя, послѣдній былъ уволенъ съ приказаніемъ путешествовать въ теченіе 3 лѣтъ. Выборъ извѣстнаго своимъ безпристрастіемъ гр. Кочубея доказываетъ, что е. в. желаетъ имѣть министровъ, приверженныхъ къ славѣ его имперіи, а не къ той или другой державѣ или личности.—Миръ съ Англіей произвелъ здѣсь сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ доказалъ всю честность и миролюбіе намѣреній Франціи, въ чемъ, кажется, немного сомнѣвались по отношенію къ Англіи: такъ, правительство послѣдней старалось убѣдить здѣсь, что притязанія Франціи безграничны. Миръ разоблачилъ ложность всѣхъ этихъ

augmenté de cent pour cent au détriment des anglais depuis cette nouvelle...

Paris. 141, 26. Подлинникъ.

№ 121.—Морковъ Талейрану.

Paris, 16/28 novembre 1801.

*) Le soussigné, ayant vu dans l'exposé de la situation de la république, inséré dans le „Moniteur", papier officiel du gouvernement, un passage concernant le Piémont, se croit en devoir de prévenir les ordres de sa cour et de mettre de lui-même sous les yeux du citoyen ministre des relations extérieures quelques observations résultantes des négociations, qui ont précédé le traité de paix entre la Russie et la France, ainsi que de la convention secrète conclue récemment entre ces deux puissances.—Ces observations portent essentiellement.— 1, sur la promesse positive de la France, promesse consignée dans une lettre du citoyen ministre des relations extérieures au ministre des affaires étrangères de feu l'E-r Paul I de glorieuse mémoire, de rétablir le roi de Sardaigne dans ses états, comme base principale et préliminaire du rapprochement entre les deux puissances, et, en effet, cette base a été constamment mise en avant et soutenue par le prédécesseur du soussigné et par lui-même.—

увѣреній. Могу васъ увѣрить, что съ этого извѣстія довѣріе къ французскому правительству возрасло на 100% въ ущербъ англичанамъ.

Парижъ, 16/28 ноября 1801.

*) Нижеподписавшійся, увидѣвши въ изложеніи состоянія республики, помѣщенномъ въ „Монитерѣ", офиціальномъ журналѣ правительства, мѣсто, касающееся Пьемонта, считаетъ долгомъ предупредить приказъ своего двора и отъ себя представить гражд. министру ин. дѣлъ нѣсколько замѣчаній, которыя вытекаютъ изъ переговоровъ предъ миромъ между Россіей и Франціей и изъ тайной конвенціи, недавно заключенной между этими двумя державами.— Во-1-хъ, укажу на положительное обѣщаніе Франціи, подтвержденное письмомъ гражд. министра ин. дѣлъ къ министру ин. дѣлъ покойнаго и—ра Павла I блаж. памяти,—обѣщаніе возстановить сардинскаго короля въ его владѣніяхъ: это—главная и предварительная основа сближенія между двумя державами, и на самомъ дѣлѣ ее всегда выставляли и поддерживали, какъ предмѣстникъ нижеподписавшагося, такъ и онъ самъ.—Во-2-хъ, укажу на II ст. тайной конвенціи, гдѣ постановлено о полномъ согласіи между е. и. в—мъ

2, sur l'art. II de la convention secrète, qui stipule un concert intime entre S. M. I. de toutes les Russies et le 1-r consul de la république française pour terminer les affaires ultérieures de l'Italie. Or, comme le Piémont fait incontestablement partie de cette contrée et qu'il n'a rien été statué à son sujet dans les traités de Tolentino, de Florence et de Lunéville, dont les clauses sont exceptées par une déclaration particulière de la convention secrète entre la France et la Russie, il s'ensuit nécessairement qu'aucune des deux parties contractantes ne peut disposer du Piémont unilatéralement et sans le concours de l'autre; et—3, sur l'art. VI de la même convention, qui traite spécialement des intérêts du roi de Sardaigne.—Le soussigné en appelle au témoignage du citoyen ministre des relations extérieures, qu'en adoptant et signant la rédaction de cet article telle qu'elle a été proposée, il lui a déclaré à plusieurs reprises avant et après la signature de l'acte, que cette rédaction n'était accordée qu'aux égards que semblait exiger une aussi grande puissance que la France de ne point recevoir comme condition absolue ce que sa propre justice et sa générosité devaient lui inspirer; mais qu'elle ne préjudiciait en rien au droit de l'E-r, son maître, de réclamer en faveur du roi de Sardaigne la restitution de son ancien patrimoine. — Mais indépendamment de ce titre et prenant l'art. VI dans sa teneur littérale et isolée, à moins de le rendre tout-à-fait illusoire, il porte avec soi l'obligation de s'occuper des intérêts du roi de Sardaigne et d'y

---

всероссійскимъ и—ромъ и 1-мъ консуломъ франц. республики касательно окончательнаго рѣшенія итальянскихъ дѣлъ. Такъ какъ Пьемонтъ безспорно часть этой страны, и о немъ ничего не постановлено въ договорахъ толентинскомъ, флорентійскомъ и люневильскомъ, оговорки коихъ исключены особою декларацiей при тайной конвенціи между Франціей и Россіей, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ располагать Пьемонтомъ односторонне, безъ содѣйствія другой.—И, въ-3-хъ, укажу на VI ст. той же конвенціи, гдѣ говорится спеціально объ интересахъ сард. короля. — Нижеподписавшійся беретъ гражд. министра ин. дѣлъ въ свидѣтели, что, принимая и подписывая эту статью, какъ она была предложена, онъ заявлялъ ему неоднократно, до и послѣ подписанія акта, слѣдующее: эта редакція допускается лишь въ тѣхъ видахъ, что, пожалуй, такая великая держава, какъ Франція, не должна принимать, какъ неограниченное условіе, то, что должны внушать ей ея собственная справедливость и великодушіе; но она отнюдь не стѣсняетъ права его г—ря и—ра требовать возстановленія сардинскаго короля въ его старой отчинѣ. — Но независимо отъ этого права, если взять ст. VI отдѣльно и въ ея буквальномъ смыслѣ и не превращать ея совсѣмъ въ мечту, она заключаетъ въ себѣ обязательство заняться интересами сардин-

pourvoir équitablement. Or, quels peuvent être ses intérêts, si ce n'est de se voir rétabli dans la possession des états qui lui appartiennent si légitimement et dont il se trouve privé sans y avoir donné le moindre sujet, ou tout au moins d'en être dédommagé par un équivalent équitable et proportionnel? — En admettant l'une ou l'autre de ces deux alternatives comme fondées en justice et en équité, il en résulte la conséquence de la nécessité d'aborder incessamment cette question, et pour la discuter et la résoudre il semble que rien n'est plus convenable que d'appeler ici un ministre ou quelque autre agent muni de pleins-pouvoirs suffisants de la part de s. m. sarde comme partie principalement intéressée à l'arrangement, dont on pourrait convenir. Cette marche est si parfaitement d'accord avec la justice de la chose en elle-même, avec les engagements précédents et actuels de la France vis-à-vis de la Russie et avec les idées libérales de générosité, d'équité et de modération que le 1-r consul a manifestées si solennellement et en tant d'occasions, que le soussigné, en appelant sur cet objet l'attention du citoyen ministre des relations extérieures, se repose avec une confiance entière sur la justice qu'il saura rendre à la pureté et à la droiture des motifs, qui font parler et agir le soussigné et qui ne sont point autres que ceux, qu'il a déjà développés dans le cours de la négociation, qui lui a été confiée, en employant tous ses soins et tous ses efforts à rétablir entre son pays et la France les rapports de bonne har-

---

скаго короля и справедливо удовлетворить ихъ. А что же это за интересы, если не возстановленіе его во владѣніяхъ, принадлежащихъ ему столь законно и которыхъ онъ лишился безъ всякаго повода съ своей стороны, или по крайней мѣрѣ вознагражденіе за нихъ справедливою и соразмѣрною долей?—Признавая то или другое изъ этихъ рѣшеній справедливымъ и правильнымъ, приходимъ къ заключенію, что необходимо тотчасъ же приступить къ вопросу. А, кажется, нѣтъ ничего приличнѣе для его обсужденія и рѣшенія, какъ призвать сюда министра или иного агента, снабженнаго достаточными полномочіями его сардинскаго в—ва, какъ стороны, наиболѣе заинтересованной въ имѣющей совершиться сдѣлкѣ. Такой ходъ дѣлъ вполнѣ согласуется съ справедливостью самаго дѣла, съ прежними и нынѣшними обязательствами Франціи предъ Россіей и съ либеральными идеями великодушія, справедливости и умѣренности, которыя заявлены 1-мъ консуломъ такъ торжественно и при стольнихъ случаяхъ. Обращая на этотъ предметъ вниманіе гражд. министра ин. дѣлъ, нижеподписавшійся съ полнымъ довѣріемъ надѣется, что онъ отдастъ справедливость чистотѣ и искренности побужденій, заставляющихъ его говорить и дѣйствовать. Это тѣ самыя побужденія, которыми онъ руководился въ теченіе ввѣренныхъ ему переговоровъ, употребляя всѣ старанія и уси-

monie et de bonne intelligence, qui leur peuvent être si avantageux, et à les cimenter de plus en plus par une stricte et respective observation des traités.

Paris. 141, 33. Подлинникъ. — Pétersbourg. Paris, 1801, 255. Списокъ.

№ 122.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Pétersbourg, 3/15 décembre 1801.

*) Citoyen premier consul. La lettre dont vous avez chargé le colonel Colincour, m'a été remise par cet officier. Je suis aussi sensible à cette marque de votre attention, qu'aux sentiments que vous m'exprimez à l'occasion de la paix qui vient d'être conclue entre la Russie et la France. Je partage sincèrement la joie de cet heureux rétablissement des anciennes liaisons et il me sera bien agréable de pouvoir les consolider pour l'utilité des deux pays.—Je partage également, citoyen premier consul, votre opinion, qu'il serait préférable pour l'électeur de Bavière qu'il pût ne pas se désister d'une partie de ses états héréditaires en échange de ceux qu'il pourrait acquérir; mais si ce prince trouvait de son intérêt de s'arranger de gré-à-gré avec la cour de Vienne pour un échange à leur convenance et qui offrit à l'électeur une parité d'avantages, *il ne me paraît pas, que cette transaction pût être* contraire aux

---

лія, чтобы установить между своей страной и Франціей доброе согласіе и расположеніе, которыя могутъ быть имъ такъ выгодны, и чтобы укрѣплять ихъ все болѣе и болѣе посредствомъ строгаго и взаимнаго соблюденія договоровъ.

Петербургъ, 3/15 декабря 1801.

*) Гражданинъ первый консулъ. Письмо, порученное вами полковн. Коленкуру, доставлено мнѣ этимъ офицеромъ. Меня столько же тронулъ этотъ знакъ вашего вниманія, сколько и чувства, которыя вы выражаете по поводу мира, только что заключеннаго между Россіей и Франціей. Искренно раздѣляю радость по причинѣ этого счастливаго возстановленія старыхъ связей, и мнѣ будетъ очень пріятно споспѣшествовать ихъ упроченію на пользу обѣихъ странъ.—Равномѣрно раздѣляю ваше мнѣніе, гражд. первый консулъ, что для курфюрста баварскаго было бы лучше не отказываться отъ части его наслѣдственныхъ владѣній для промѣна ихъ на тѣ, которыя могутъ достаться ему; но если этотъ государь находитъ выгоду въ полюбовной сдѣлкѣ съ вѣнскимъ дворомъ для сподручнаго имъ промѣна, который доставлялъ бы ему равныя выгоды, то, *по мнѣ, такая сдѣлка не можетъ быть* противна интересамъ франц. пра-

intérêts du gouvernement français.—Rien ne pouvait mieux répondre à mes vues que d'assurer la restitution de l'île de Malte à son ordre, en lui rendant son ancienne existence. Je verrai avec plaisir cette mesure effectuée sous les auspices d'un grand-maître élu par les grands prieurés subsistants, d'après les formes et les usages établis. Quant à la protection à donner pour l'île de Malte en conséquence des préliminaires signés entre la France et l'Angleterre, le roi de Naples par la proximité de ses états paraît être plus à même qu'aucune autre puissance à assurer à l'ordre la mesure de protection, qui lui convient; surtout si la France et l'Angleterre conviennent de la neutralité de cette possession, mesure à laquelle de mon côté j'accèderai avec plaisir. — Les troubles, qui règnent dans la république des Sept-Iles réunies m'ont vivement affecté. J'attends des informations plus précises sur les derniers évènements qui y ont eu lieu, pour juger avec quelque fondement des mesures, qu'il peut convenir de prendre pour remédier au mal et *je me ferai un plaisir de vous les communiquer*. J'acquiesce *bien volontiers* à la demande, que vous me faites, de protéger le commerce de la France. Les anciennes liaisons étant rétablies, cette protection en sera *une* suite naturelle. Un intérêt réciproque et mes dispositions particulières me porteront à en assurer à la nation française les avantages.— Je suis bien reconnaissant des nouvelles mesures, que vous avez prises

---

вительства. — Ничто такъ не соотвѣтствуетъ моимъ намѣреніямъ, какъ обезпеченіе возврата о. Мальты его ордену, который черезъ то воспринимаетъ свое старое существованіе. Съ удовольствіемъ увидѣлъ бы я исполненіе этой мѣры, подъ покровительствомъ великаго магистра, избраннаго уцѣлѣвшими великими пріоратами, согласно съ установленными формами и обычаями. Что касается покровительства, которое должно быть дано о. Мальтѣ въ силу предварительныхъ условій между Франціей и Англіей, то самый близкій къ нему по разстоянію, неаполитанскій король, можетъ, кажется, лучше всякой другой державы обезпечить его ордену въ надлежащей степени, особенно если Франція и Англія согласятся признать нейтралитетъ за этимъ владѣніемъ,—мѣра, къ которой я, съ своей стороны, присоединяюсь съ удовольствіемъ.—Меня сильно тронули смуты, царствующія въ республикѣ Семи Соединенныхъ Островов. Ожидаю болѣе точныхъ извѣстій о послѣднихъ событіяхъ тамъ, чтобы судить съ нѣкоторою основательностью о мѣрахъ къ прекращенію зла, *о которыхъ сообщу вамъ съ удовольствіемъ*. *Вполнѣ охотно* склоняюсь къ вашей просьбѣ насчетъ покровительства франц. торговлѣ. Разъ возстановились старыя связи, это покровительство становится *однимъ* изъ ихъ естественныхъ послѣдствій. Взаимный интересъ и мое особое расположеніе заставятъ меня обезпечить его выгоды франц. націи.—Очень признателенъ за принятыя вами новыя мѣры къ воз-

pour assurer le retour de la dernière division de mes troupes et ne suis pas moins sensible à tout ce que vous m'exprimez de vos voeux. Les miens pour tout ce qui peut intéresser *le bien-être de la France* et votre satisfaction ne sont pas moins sincères.—Recevez, citoyen premier consul, les assurances de mon estime et de ma considération distinguée.

Pétersbourg. Cabinet, 1801, 9. Черновая.

№ 123.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Pétersbourg, 5/17 décembre 1801.

*) A la suite de la lettre, que je vous écris aujourd'hui, citoyen premier consul, en réponse à celle que j'ai reçue de vous, je dois encore vous entretenir confidentiellement d'un objet qui n'a aucun rapport direct entre nous: c'est de la Suisse.—Sans admettre tous les raisonnements du mémoire ci-joint, qui m'a été communiqué confidentiellement aussi, son contenu a dû me frapper. Il me vient d'un homme dont les principes me sont connus depuis longtemps et qui ne peut être suspect à la France, puisqu'il y a placé sa fortune et établi son domicile. — Comme lui, je pense que celui-là pourrait le mieux venir à bout de l'anarchie en Suisse, qui l'a comprimée avec tant de gloire dans sa patrie. Le bon peuple de ce pays mérite bien, qu'on le soustraie à la

---

вращенію послѣдняго отряда моихъ войскъ; столько же тронутъ я всѣмъ, что вы выражаете мнѣ насчетъ вашихъ пожеланій. Не менѣе искренни мои собственныя пожеланія относительно всего, что можетъ касаться *благополучія Франціи* и вашего удовлетворенія.—Примите, гражд. первый консулъ, увѣреніе въ моемъ почтеніи и въ моемъ отличномъ уваженіи.

Петербургъ, 5/17 декабря 1801.

*) Послѣ письма, написаннаго мною вамъ сегодня въ отвѣтъ на ваше письмо, гражд. первый консулъ, я долженъ еще побесѣдовать съ вами тайно объ одномъ дѣлѣ, которое прямо не касается насъ: это о Швейцаріи.—Хотя я и не раздѣляю всѣхъ соображеній прилагаемой записки, которая была сообщена мнѣ также тайно, однако ея содержаніе должно было поразить меня. Она доставлена мнѣ человѣкомъ, правила котораго извѣстны мнѣ издавна и который не можетъ быть подозрителенъ для Франціи, гдѣ онъ помѣстилъ свое состояніе и основалъ свое мѣстожительство.—Я думаю, подобно ему, что тотъ лучше всего справится съ безначаліемъ въ Швейцаріи, кто такъ славно подавилъ его въ собственномъ отечествѣ. Добрый народъ этой страны вполнѣ

domination des factions dont l'exemple est si pernicieux.—Relativement aux moyens, je ne doute pas que vous ne vous décidiez à n'employer que ceux qui peuvent être agréables aux suisses et aux puissances amies de la paix. Le désir de ces dernières s'accorde avec l'intérêt de la France qui exige, à mon avis, que ce pays intermédiaire et dépendant en quelque manière d'elle par sa position et ses relations acquiert plus de consistance. — Quoiqu'il en puisse être, je désirerais savoir, citoyen premier consul, votre opinion à ce sujet. Il serait sans doute digne de vous, qui venez d'ajouter un nouveau lustre à votre gloire en rendant la France à la paix, de contribuer aussi à l'établissement d'un ordre de choses, qui assurerait le bonheur d'un pays voisin.—Je saisis avec empressement, citoyen premier consul, cette occassion pour vous renouveller l'expression de mon estime particulière et de ma considération distinguée.

Pétersbourg, Cabinet, 1801, 10. Черновая.

№ 124.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 5/17 декабря 1801.

Задержавъ отправленіе курьера въ ожиданіи извѣстій изъ Вѣны, въ намѣреніи доставить вамъ полное свѣдѣніе о негоціаціяхъ моихъ, нынѣ могу сіе исполнить, препровождая у сего для собственнаго свѣдѣнія вашего копіи съ сообщеній, учиненныхъ здѣсь римско-императорскимъ посломъ, и съ предписаній, отправленныхъ къ послу гр. Разумовскому и къ т. сов. бар. Криденеру. Въ послѣднихъ сихъ найдете вы устремленіе стараній моихъ согласить разновидныя намѣренія дво-

---

заслуживаетъ, чтобы его избавили отъ господства мелкихъ партій, примѣръ которыхъ такъ гибеленъ. — Что же касается средствъ, то я не сомнѣваюсь, что вы намѣрены употреблять лишь такія, которыя были бы пріятны швейцарцамъ и державамъ, любящимъ миръ. Желаніе послѣднихъ согласуется съ интересами Франціи, которые, по мнѣ, требуютъ, чтобы эта промежуточная страна, въ нѣкоторомъ родѣ зависимая отъ нея по своему положенію и по своимъ отношеніямъ, пріобрѣла больше устойчивости.—Какъ бы то ни было, мнѣ хотѣлось бы знать, гражд. первый консулъ, ваше мнѣніе объ этомъ. Конечно было бы достойно васъ, который только что прибавилъ новый лучъ къ своей славѣ возвращеніемъ мира Франціи, содѣйствовать установленію порядка вещей, который обезпечилъ бы счастье сосѣдней страны.—Спѣшу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ, гражд. первый консулъ, выраженіе моего особаго почтенія и отличнаго уваженія.

ровъ вѣнскаго и берлинскаго, наблюдая, чтобъ послѣдній удовольствовался тѣмъ, что мы ему опредѣлить справедливымъ признали, а первый чтобъ согласился не перечить видовъ сихъ. Вліяніе правительства французскаго конечно существенно дѣйствовать тутъ должно, а потому и нужно обратить попеченіе ваше, чтобъ оно согласовало съ предложеніями моими, въ чемъ кажется ласкаться и потому можно, что Пруссія, по всѣмъ свѣдѣніямъ столь тѣсно съ Франціею связанная, не разнствуетъ въ главныхъ соображеніяхъ, отсель представленныхъ.—Въ другихъ приложеніяхъ, заключающихъ повелѣнія, данныя въ Парижѣ гр. Кобенцелю и равнымъ образомъ дворомъ его сообщенныхъ, усмотрите вы предложенія вѣнскаго двора на случай присоединенія къ Франціи Піемонта. Старанію вашему предоставляю открыть, какія быть могутъ намѣренія кабинета австрійскаго и поколику Бонапарте удовлетворить онымъ желаетъ.—Донесеніе ваше съ шифромъ отъ 1/13 ноября, заключающее разговоры ваши съ первымъ консуломъ, не могли не произвести во мнѣ прискорбнаго чувствованія. Не рѣдко конечно случалося, что иные кабинеты не чистосердечно руководствуются; но по крайней мѣрѣ искали они всегда соблюсти какую-либо наружность; тутъ же видно ясное признаніе Бонапарте въ худой вѣрѣ тогда, какъ любилъ ласкаться я, что личныя качества и положеніе сего консула прекратятъ наконецъ превратныя правила, кои разныя послѣдовавшія правительства французскія руководствовали. Счастливое положеніе республики сея и склонность двора лондонскаго найскорѣе привести къ окончанію примиреніе свое чинятъ весьма сомнительнымъ какое-либо сильное заступленіе со стороны моей за короля Сардинскаго; но не меньше долгомъ служенія вашего будетъ продолжать настоянія ваши объ удовлетвореніи государя сего не денежно, а областями; давая чувствовать, что по мѣрѣ снисхожденій къ представительству моему, можно только ожидать и снисхожденій или благопріязни со стороны моей.—Чувствую конечно въ полной мѣрѣ я, что Россія не можетъ и не должна теперь одна съ Франціею завязываться, да и вообще всякая подобная рѣшимость противна была бы расположеніямъ моимъ и попеченію о пользѣ государственной; но чувствую при томъ и то, что и Франція не можетъ вредить Россіи безпосредственно. На семъ основаніи я искренно желаю сохранить дружбу и лучшее сношеніе съ Франціею; иначе же можетъ оно между двумя столь отдаленными державами и не существовать. Сообщая вамъ образъ мыслей моихъ, желаю однакожъ, чтобъ вы руководствовалися съ тою осторожностію и благоразуміемъ, кои вамъ свойственны. Во всѣхъ же поступкахъ вашихъ касательно

короля Сардинскаго удобно можетъ быть было бы согласовать ихъ съ тѣми настояніями, кои чинимы будутъ лордомъ Корнвалисомъ по предмету сему.

Pétersbourg. Paris, 1801, 225. Подлинникъ.

№ 125.—Куракинъ Моркову.

Pétersbourg, 5/17 décembre 1801.

*) Les intentions, qui ont dirigé l'E-r dans les plans, que sa sagesse lui a fait concevoir pour l'arrangement des indemnités en Allemagne et que sa sollicitude pour les intérêts de ses alliés l'a déterminé à leur proposer, seront trop connues à v. exc., après qu'elle en aura pris communication, pour que je ne sois pas bien persuadé, qu'elle en appréciera la loyauté et le désintéressement dans toute leur étendue. L'objet d'utilité qui doit en résulter, c'est le maintien du corps germanique, autant que les diverses modifications auxquelles les circonstances l'ont condamné peuvent le permettre. — Quelque incertain que l'on soit encore des vues et des projets de la France à cet égard, il me semble qu'un aussi pressant intérêt doit la porter, ainsi que nous, à y contribuer. Si je ne me suis pas trompé dans cette conjecture, nos intérêts se confondent, se réunissent en un même point et nous doivent reporter tout naturellement à la situation, où nous étions l'un et l'autre lors de la pacification de Teschen. Rien n'est plus digne du rôle assigné

Петербургъ, 5/17 декабря 1801.

*) В. с—во получитъ сообщеніе насчетъ намѣреній, руководившихъ и—ромъ въ планахъ устройства вознагражденій въ Германіи, которые онъ воспріялъ въ своей мудрости и рѣшился предложить своимъ союзникамъ въ заботахъ объ ихъ выгодахъ. Вы слишкомъ хорошо познаете ихъ, чтобы у меня не было сомнѣнія, что ихъ честность и безкорыстіе будутъ оцѣнены вами во всей полнотѣ. Польза, которая должна проистечь изъ нихъ, состоитъ въ сохраненіи Германіи, насколько позволятъ различныя перемѣны, на которыя она осуждена обстоятельствами. — Какъ еще ни темны виды и проекты Франціи на этотъ счетъ, мнѣ кажется, что такой же живой интересъ, какъ у насъ, долженъ заставить ее содѣйствовать дѣлу. Если не ошибаюсь, наши интересы сливаются, соединяются въ одной точкѣ, и они должны вполнѣ естественно возвратить насъ къ нашему взаимному положенію временъ тешенскаго мира. Самая достойная великихъ державъ роль, это—роль примирителей. Это весьма важное дѣло. Вы достаточно знаете сердце нашего авг.

aux grandes puissances que celui de conciliateur. Un grand degré de considération y est attaché et vous connaissez assez le coeur de notre auguste maître, pour savoir combien il serait sensible à cette gloire, combien il désire affermir par là l'idée, qu'on doit se faire de ses principes et celle du caractère, qu'il veut imprimer aux négociations, auxquelles il est appelé à concourir. — Jusqu'ici l'E-r a eu lieu d'être satisfait des premières réponses, qu'ont données les cours de Vienne et de Berlin à la communication de ces plans. Elles en admettent les principes; mais on ne peut pas être également sûr que dans leur application il ne s'élève entre elles des controverses et même des difficultés, suite inévitable d'un ancien système de rivalité et de jalousie et qu'aucune considération, pas même celle du bien général, n'a pu leur faire abjurer. C'est à contenir cette lutte de cupidité, que doit s'attacher l'impartialité du conciliateur; c'est là, que le caractère auguste, qu'il déploie, devient un bienfait pour l'humanité. Jamais l'Europe n'eut plus besoin de voir, pour la durée de son répos, couper par la racine ces dissentions, toujours prêtes à la troubler et à reproduire tous les malheurs! — Je ne sais pas jusqu'à quel point ces idées et ces sentiments pourraient être partagés par le 1-r consul; mais si à côté de la gloire obtenue par les armes, il n'était pas insensible à celle de coopérer efficacement avec l'E-r, par un système de modération, à poser les bases immuables des futurs arrangements et à prononcer de concert avec

---

повелителя, чтобы понимать, какъ его трогаетъ эта слава, какъ ему хочется утвердить этимъ путемъ должное мнѣніе о своихъ правилахъ и о характерѣ, которымъ онъ желаетъ запечатлѣть дѣла, вызывающія его участіе.—Покуда и—ръ доволенъ первыми отвѣтами дворовъ вѣнскаго и берлинскаго на пред-ложеніе этихъ плановъ. Они допускаютъ ихъ основы. Но нельзя съ тако же увѣренностью ожидать, чтобы между этими дворами не возникло прере-каній и даже затрудненій при ихъ приложеніи: таково неизбѣжное слѣд-ствіе старой системы соперничества и зависти, отъ которой ничто, ни да соображеніе объ общемъ благѣ, не могло отклонить ихъ. Сюда-то, къ обу-данію этой алчности, должно быть направлено безпристрастіе примирител здѣсь-то его священный характеръ становится благодѣяніемъ человѣчеств Никогда еще Европа такъ не нуждалась, для прочности своего спокойстві въ искорененіи этихъ раздоровъ, всегда готовыхъ возмутить его и возроди всѣ бѣдствія!—Не знаю, насколько 1-й консулъ можетъ раздѣлять эти мысл и эти чувства. Но если, наряду со славой, пріобрѣтенной оружіемъ, онъ глухъ къ славѣ дѣятельно и путемъ умѣренности содѣйствовать, вмѣстѣ с и—ромъ, установленію нерушимыхъ основъ будущаго устройства и, вмѣст съ нимъ же, высказаться, въ приложеніи этихъ началъ, съ самымъ строги

lui, dans l'application de ces principes, d'après la plus stricte impartialité, il me semble, qu'il pourrait ne pas être peu flatteur pour Bonaparte de se voir associé aux fonctions augustes de médiateur, avec un monarque dont la puissance et les vertus assurent également une respectueuse déférence à son intervention.—Investi, comme vous devez l'être, de notions plus précises sur les hommes et les choses, que vous êtes à portée d'observer, votre sagacité, plus encore que ce que je pourrais vous indiquer, vous mettra à même d'apprécier jusqu'à quel point l'idée, que vous présente cette dépêche, pourrait être adoptée. Je désire vivement que l'effet de vos soins pour la réaliser soit complet et remplisse le voeu que je forme par ce zèle ardent dont je suis animé pour la gloire personelle de l'E-r et que vous partagerez sans doute avec moi dans toute son étendue.

Pétersbourg. Paris, 1801, 236. Подлинникъ.

№ 126.—Коленкуръ Талейрану.

Pétersbourg, 26 frimaire an X.

*) Un courrier porte à m. le comte de Morcoff, pour la remettre au 1-r consul, la réponse de S. M. I. à la lettre que j'ai eu l'honneur de lui remettre de sa part, conformément à l'ordre que vous m'en

---

безпристрастіемъ, то, по мнѣ, Бонапарту было бы довольно лестно стать, въ священной роли посредника, бокъ-о-бокъ съ монархомъ, могущество и добродѣтели котораго равно обезпечиваютъ почтительную снисходительность къ его вмѣшательству.—Обладая, какъ это и должно быть, болѣе точнымъ пониманіемъ людей и обстоятельствъ, состоящихъ подъ вашимъ наблюденіемъ, вы найдете въ вашей проницательности еще больше, чѣмъ въ моихъ указаніяхъ, средства оцѣнить, насколько можетъ быть усвоенъ смыслъ настоящей депеши. Горячо желаю, чтобы ваши старанія насчетъ его осуществленія увѣнчались полнымъ успѣхомъ и чтобы исполнилось мое завѣтное желаніе, внушенное пылкою ревностью къ личной славѣ и—ра, которая одушевляетъ меня и конечно вполнѣ раздѣляется вами.

Петербургъ, 5/17 декабря 1801.

*) Курьеръ везетъ гр. Моркову отвѣтъ е. и. в—ва на письмо 1-го консула, которое я имѣлъ честь вручить ему, согласно вашему приказу. Я вызывался самъ отвезти его, но е. в. заявилъ, что желаетъ, чтобы я оставался хоть до пріѣзда назначеннаго состоять при немъ министра. Такъ какъ вы

aviez donné. J'ai proposé de m'en chargé, mais S. M. m'a témoigné qu'elle désirait que je restasse ici au moins jusqu'à l'arrivée du ministre qui doit résider près d'elle. Comme vous m'y avez autorisé et qu'elle m'a encore fait renouveler la même invitation hier par le second vice-chancelier comte de Kotschubey, en me faisant prévenir que sa réponse était prête et allait partir, j'attends ici, citoyen ministre, vos ordres ultérieurs. Ce ministre m'a chargé en même temps de vous faire connaître que S. M. I. avait répondu avec d'autant plus d'empressement à l'objet de la lettre du 1-r consul qui regarde le commerce, *qu'elle verrait avec un grand plaisir celui de France reprendre son ancienne activité dans ses états et s'améliorer même par suite des arrangements que l'on pourrait prendre; que le commerce pouvait compter sur la protection la plus entière et sur toutes facilités.* — Ces motifs et ceux que je vais avoir l'honneur de vous soumettre, vous détermineront sans doute à hâter l'envoi d'un ministre. Il semble que l'on tient beaucoup à cette nomination, car l'on m'en parle souvent; on a même répondu aux instances réitérées de l'envoyé batave pour le choix d'un ministre résident près de son gouvernement que la France n'en avait pas encore nommé pour la Russie. D'autre part il faut quelqu'un qui soit à même, par ses instructions, de surveiller les démarches et balancer les notes du cabinet autrichien qui se tourmente pour faire intervenir la Russie dans l'affaire des indemnités des princes d'Allemagne, quoique

---

уполномочили меня на это, а е. в. вчера повторилъ свое приглашеніе черезъ второго вице-канцлера, гр. Кочубея, предупреждая меня, что отвѣтъ уже готовъ и посылается, то ожидаю здѣсь, гражд. министръ, вашихъ дальнѣйшихъ приказаній. Этотъ министръ поручилъ мнѣ, въ то же время, увѣдомить васъ, что е. и. в. особенно спѣшилъ отвѣчать 1-му консулу по вопросу о торговлѣ, такъ какъ *ему было бы очень пріятно, еслибы французская торговля достигла прежняго оживленія въ его государствѣ и даже улучшилась въ силу доступныхъ сдѣлокъ, и она можетъ разсчитывать на полное покровительство, на всякія облегченія.*—По этимъ причинамъ, а также на основаніи того, что сейчасъ буду имѣть честь сообщить вамъ, вы конечно поспѣшите прислать министра. Здѣсь, кажется, очень интересуются этимъ назначеніемъ: мнѣ часто говорятъ о немъ; батавскій посланникъ, настаивающій на отправленіи министра-резидента къ его правительству, получилъ даже такой отвѣтъ, что Франція еще не сдѣлала того же относительно Россіи. Съ другой стороны, нуженъ человѣкъ, который могъ бы, въ силу своихъ инструкцій, надзирать за поступками австр. кабинета и уравновѣшивать дѣйствіе его нотъ: считаю долгомъ предупредить васъ, что Австрія ухищряется втянуть Россію въ дѣло вознагражденія нѣмецкихъ князей, хотя все это,

tout cela ne semble exciter qu'un demi-intérêt, je crois de mon devoir de vous en prévenir. — Si l'on ne peut prétendre pour le moment aux avantages que le dernier traité de commerce et ses actes additionnels (dont quelques-uns sont secrets) assurent à l'Angleterre, au moins faut-il chercher à les balancer, soit par nous-mêmes, soit par nos alliés actuels qui ont toujours plus fréquenté ces mers que la marine française; et malgré toutes les instantes démarches du ministre batave, on ne termine rien avec lui pour le traité de commerce; sous ce rapport même il faut un ministre ici et le plutôt sera le mieux, car l'influence de l'Angleterre dans ce pays est réelle. L'anglomanie au plus haut point; cette influence ressemble peut-être aux vieilles habitudes auxquelles on tient souvent sans trop savoir pourquoi. Mais elle ne diminuera qu'avec le temps et quand les rapports politiques et commerciaux auront rétabli entièrement les anciennes liaisons, accoutumé la cour et les habitants à recevoir et échanger avec d'autres les objets que les anglais fournissent seuls depuis quelques années.— M. de Kolitscheff est arrivé ici le 24, on l'attendait depuis 15 jours; il paraît en apparence très-satisfait de son séjour à Paris, mais j'ai certitude qu'il l'est peu dans le fond et surtout du cadeau qu'il a reçu; celui fait à m. de Morkoff a fait sensation ici et grand plaisir. Il paraît que m. de Kolitscheff auquel on destinait l'ambassade de Suède préfère rester ici et va entrer au sénat, ou remplacer dans quelque temps à Vienne le c-te de Rasou-

---

повидимому, возбуждаетъ лишь второстепенный интересъ.—Если въ данную минуту и нельзя надѣяться на выгоды, доставляемыя Англіи послѣднимъ торговымъ договоромъ и его дополненіями (нѣкоторыя изъ нихъ тайныя), слѣдуетъ, однако, стараться уравновѣсить ихъ или намъ самимъ, или нашимъ союзникамъ, которые всегда чаще нашего флота посѣщали эти моря. А съ батавскимъ министромъ ничего не рѣшаютъ насчетъ торговаго договора, несмотря на всѣ его настоянія: и въ этомъ отношеніи требуется здѣсь министръ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, такъ какъ вліяніе Англіи въ этой странѣ положительно. Англоманія дошла до высшей степени: быть можетъ, это вліяніе— плодъ старыхъ привычекъ, которыхъ часто держатся, сами не зная почему. Но оно уменьшится лишь современемъ, когда политическія и торговыя сношенія совсѣмъ возстановятъ старыя связи, когда онѣ пріучатъ дворъ и обитателей получать отъ другихъ товары, которые уже нѣсколько лѣтъ доставляются одними англичанами.—Г. Колычевъ прибылъ сюда 24-го. Его ждали уже 15 дней. Съ виду онъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ; но я знаю, что въ сущности онъ не очень-то удовлетворенъ, особенно относительно полученнаго подарка; подарокъ г. Моркову произвелъ здѣсь впечатлѣніе и вызвалъ большое удовольствіе. Кажется г. Колычевъ, которому предназначался

mowski dont il est question ainsi que de m. de Krudner qui est à Berlin pour remplacer m. de Morkoff, qui viendrait ici prendre les affaires étrangères, m. de Kotschubey désirant, dit-on, aller en Angleterre. Dans ce cas m. de Worontzoff qui est à Londres reviendrait ici. Il est possible que ces changements n'aient lieu qu'au 1 janvier et seulement en partie; mais il paraît certain que m. de Morkoff reviendra pour prendre le portefeuille des affaires étrangères... On me traite toujours avec une bienveillance particulière et distinction. L'E-r que j'ai assez souvent l'honneur de rencontrer m'accueille toujours de la manière la plus flatteuse, me parle. Le gr. duc m'a fait voir lui-même son régiment et l'établissement militaire. J'ai retrouvé ici dans le plus grand nombre des personnes en place et en crédit, celles que j'avais connues autrefois en France et avec lesquelles mes parents avaient même été fort liés. Cette réunion d'avantages contribue à me donner une existence fort agréable et me mettra à même de pouvoir être utile jusqu'à l'arrivée du ministre...

Paris. 141, 40. Подлинникъ.

постъ посланника въ Швеціи, предпочитаетъ остаться здѣсь; онъ вступитъ въ сенатъ или замѣнитъ графа Разумовскаго въ Вѣнѣ, котораго прочатъ, наравнѣ съ проживающимъ въ Берлинѣ г. Крюднеромъ, въ замѣстители г. Моркова, имѣющаго получить иностранныя дѣла, такъ какъ г. Кочубею, по слухамъ, хочется отправиться въ Англію; г. Воронцовъ же, въ такомъ случаѣ, возвратится сюда изъ Лондона. Пожалуй, эти перемѣны произойдутъ лишь 1-го января, и не всѣ; но, кажется, вѣрно, что г. Морковъ возвратится, чтобы принять портфель иностранныхъ дѣлъ... Со мной попрежнему обращаются съ особенною любезностью и отличіемъ. И—ръ, съ которымъ довольно часто имѣю честь встрѣчаться, всегда принимаетъ меня самымъ лестнымъ образомъ; говоритъ со мной. Вел. князь самъ показалъ мнѣ свой полкъ и свои военныя заведенія. Среди большинства высокопоставленныхъ и довѣренныхъ лицъ я встрѣтилъ моихъ старыхъ знакомыхъ во Франціи и даже весьма близкихъ къ моей роднѣ. Соединеніе такихъ выгодъ доставляетъ мнѣ весьма пріятное существованіе и дастъ мнѣ возможность быть полезнымъ, покуда пріѣдетъ министръ...

№ 127.—Нота Моркова Талейрану.

Paris, 8/20 décembre 1801.

*) Le soussigné ayant eu l'honneur de communiquer au citoyen ministre des relations extérieures, dans le dernier entretien qu'il a eu avec lui, les différents objets qui entraient dans les instructions qu'il vient de recevoir de sa cour par un courrier exprès, se croit en devoir de retracer ici ceux qui ont été principalement commis à ses soins et à ses instances.—L'article IV de la convention secrète conclue dernièrement entre la Russie et la France stipule la retraite des troupes françaises des états du roi des Deux-Siciles aussitôt que le sort de l'Egypte serait décidé. Comme le séjour de ces troupes ne peut qu'être très onéreux au pays qu'elles occupent, et que le motif de sa prolongation à déjà cessé depuis longtemps, l'E-r par une suite de l'intérêt qu'il prend à s. m. sicilienne, son alliée, réclame instamment la prompte et stricte exécution de cette stipulation. — N'en prenant pas moins au sort du roi de Sardaigne et se fondant également sur les art. II et VI de la même convention, S. M. I. désire aussi vivement, qu'un ministre de s. m. sarde puisse venir à Paris pour traiter des intérêts du roi son maître et les régler conformément à la teneur de ces articles. Le soussigné se refère

---

Парижъ, 8/20 декабря 1801.

*) Нижеподписавшійся, имѣвъ честь заявить гражданину министру иностранныхъ дѣлъ, въ своемъ послѣднемъ разговорѣ, о различныхъ предметахъ, входившихъ въ инструкціи, только-что полученныя имъ чрезъ нарочнаго курьера, считаетъ долгомъ очертить здѣсь тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе поручены его заботамъ и настояніямъ.—Ст. IV тайной конвенціи, недавно заключенной между Россіей и Франціей, опредѣляетъ удаленіе французскихъ войскъ изъ владѣній короля Обѣихъ Сицилій, какъ только рѣшится участь Египта. Такъ какъ присутствіе этихъ войскъ, конечно, весьма обременительно для занимаемой ими страны, а причина его продленія уже давно исчезла, то и—ръ, движимый своимъ участіемъ къ своему союзнику, е. сицилійскому в—ву, настоятельно требуетъ быстраго и строгаго исполненія этого условія.—Не менѣе того принимая участіе въ судьбѣ сардинскаго короля и равно опираясь на ст. II и VI той же конвенціи, е. и. в. столь же горячо желаетъ, чтобы министръ е. сардинскаго в—ва былъ допущенъ въ Парижъ для переговоровъ объ интересахъ своего государя и для установленія послѣднихъ по силѣ этихъ статей. Въ этомъ отношеніи нижеподписавшійся

à cet égard à l'office qu'il a eu l'honneur de passer au ministre des relations extérieures en date du 16/28 novembre dernier et qui est resté jusqu'ici sans réponse. Il a en même temps la satisfaction d'annoncer que tous ceux des engagements, que l'E-r a contractés de son côté et auxquels il a été en son pouvoir de donner plein effet, l'ont reçu sans aucun délai ni restriction et nommement les art. IX et X, par la retraite déjà effectuée des troupes russes des Sept-Iles-Unies et par la délivrance des prisonniers français détenus à Constantinople, demandée et obtenue même avant la signature de la susdite convention. — L'E-r a eu trop de preuves de la justice du 1-r consul de la république française et de ses dispositions à cultiver les rapports de bonne intelligence et de bonne harmonie qui se trouvent heureusement rétablis entre les deux puissances, pour ne pas se flatter que des demandes aussi équitables et aussi légitimes ne soient accueillies avec ces mêmes dispositions, et il se fera un plaisir de les reconnaître et d'y répondre en toutes occasions par un empressement parfaitement réciproque.

Paris. 141, 46. Подлинникъ.

ссылается на бумагу, которую онъ имѣлъ честь препроводить министру иностранныхъ дѣлъ отъ 16/28 ноября и которая до сего дня осталась безъ отвѣта. Въ то же время ему пріятно возвѣстить, что и—ръ безъ замедленія и сокращенія исполнилъ, насколько было въ его власти, всѣ обязательства, принятыя имъ съ своей стороны, а именно выговоренное въ ст. IX и X удаленіе русскихъ войскъ изъ Семи Соединенныхъ Островов и освобожденіе французскихъ плѣнныхъ въ Константинополѣ, которое было потребовано и поручено даже до подписанія упомянутой конвенціи. — Имѣя столько доказательствъ справедливости 1-го консула французской республики и его желанія утвердить, къ счастью возстановленныя, добрыя и согласныя отношенія между двумя державами, и—ръ не можетъ не надѣяться, что столь справедливыя и законныя требованія встрѣтятъ соотвѣтственный откликъ. Онъ съ удовольствіемъ призналъ бы его расположеніе и всегда спѣшилъ бы отвѣчать на него полною взаимностью.

№ 128.—Морковъ двору.

Paris, 13/25 décembre 1801.

*) (Secrète). Depuis mon arrivée en France je n'ai pas cessé de chercher à m'instruire de l'état réel de ce pays et de la situation véritable de Bonaparte. J'ai puisé là-dessus quelques notions dans la conversation des personnes qui m'on paru le plus au fait et les plus impartiales, et d'après cela j'ose présenter ici à V. M. I. les opinions que j'ai pu recueillir et que je crois de mon devoir de soumettre à ses hautes lumières. — Tant d'enthousiasme pour des personnes aujourd'hui oubliées ou méprisées, tant de changements et de malheurs ont rendu les français le peuple le plus indifférent qui soit au monde; il ne désire plus rien fermement; il n'estime personne par conviction, et c'est aujourd'hui l'opinion de l'Europe qui forme la sienne. Cette opinion de l'Europe est si favorable à Bonaparte, qu'on peut assurer qu'il lui doit la considération dont il jouit en France, et le congrès d'Amiens est en ce moment la plus forte garantie de son pouvoir. Aucun parti ne sera assez fort pour tenter de le renverser tant qu'on discutera la paix, parce que tous les partis craignent le retour de la guerre, et qu'il n'en est aucun qui ait un homme prêt ou propre à remplacer Bonaparte.

Парижъ, 13/25 декабря 1801.

*) (Тайное). Съ пріѣзда во Францію я не переставалъ искать случаевъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ этой страны и съ истиннымъ положеніемъ Бонапарта. Я черпалъ нѣкоторыя данныя изъ бесѣдъ съ людьми, которые казались мнѣ наиболѣе свѣдущими и безпристрастными. Поэтому осмѣливаюсь представить в. и. в—ву собранныя мною мнѣнія, считая долгомъ повергнуть ихъ на судъ вашего высокаго разумѣнія. — Послѣ стольких восторговъ предъ лицами, теперь забытыми или презираемыми, послѣ стольких перемѣнъ и бѣдствій, французы стали самымъ равнодушнымъ въ мірѣ народомъ. Французъ ничего не желаетъ крѣпко и не представляетъ собой человѣка убѣжденій: теперь его мнѣнія сообразуются съ мнѣніями Европы. А мнѣніе Европы такъ благопріятно Бонапарту, что онъ, можно сказать съ увѣренностью, обязанъ ему своимъ уваженіемъ во Франціи; въ настоящую минуту амьенскій конгрессъ — главная опора его власти. Ни одна партія не сильна настолько, чтобы пытаться низвергнуть его, пока идутъ переговоры о мирѣ: всѣ партіи боятся возвращенія войны; и нѣтъ у нихъ человѣка готоваго или годнаго замѣнить Бонапарта. Да и никто не пожелалъ бы его паденія, чтобы

D'ailleurs personne ne voudra sa chute pour lui substituer un homme de la révolution. — Pour se faire une juste idée des chances pour et contre Bonaparte, il faut entrer avec impartialité dans les détails de sa position. — Dans les pays étrangers on a de lui une grande idée et cependant on ne croit pas qu'il soit très difficile de le renserver. En France c'est absolument le contraire; les intérêts opposés aux siens ont appris à l'estimer à sa juste valeur; mais on croit généralement que la chute pourra se balancer encore longtemps. De la différence de ces deux opinions il résulte, que l'estime dont il jouit en Europe assure réellement son pouvoir en France et que les rois, qui craignent que la stabilité d'un usurpateur ne soit d'un exemple dangereux pour tous les peuples, deviennent la première cause de cette stabilité en traitant Bonaparte avec une considération excessive. Peut-être aujourd'hui est-il impossible que cela soit autrement, car toujours le passé commande à l'avenir, mais aussi ne faut-il pas se faire illusion; tant que durera le congrès d'Amiens Bonaparte règnera invinciblement sur le trône des Bourbons. En toutes autres circonstances il n'est que l'homme de la révolution; par la première il est réellement l'homme de la France. Le congrès d'Amiens terminé, il perd le plus grand de ses avantages et alors il faudra l'examiner seulement dans ses rapports avec la révolution; et voici quels paraissent être ces rapports. — Il n'y a eu en France que

---

не сталъ на его мѣсто какой-нибудь революціонеръ.—Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ условіяхъ въ пользу Бонапарта и противъ него, нужно безпристрастно войти въ частности его положенія. — За границей высокаго мнѣнія о немъ, а между тѣмъ, не считаютъ его низверженія дѣломъ слишкомъ труднымъ. Во Франціи совсѣмъ наоборотъ: люди противныхъ ему интересовъ съумѣли оцѣнить его по достоинству; но вообще думаютъ, что до его паденія еще далеко. Изъ различія этихъ двухъ взглядовъ вытекаетъ, что уваженіе, которымъ онъ пользуется въ Европѣ, дѣйствительно утверждаетъ его власть во Франціи; и короли, которые страшатся, какъ бы прочность похитителя власти не стала опаснымъ примѣромъ для всѣхъ народовъ, становятся первою причиной этой прочности, обращаясь съ Бонапартомъ съ крайнимъ уваженіемъ. Быть можетъ, въ данную минуту иначе и быть не можетъ, потому что всегда прошедшее управляетъ будущимъ, но во всякомъ случаѣ не должно обольщаться: пока будетъ длиться амьенскій конгрессъ, Бонапартъ непоколебимо будетъ занимать престолъ Бурбоновъ. При всѣхъ другихъ обстоятельствахъ это—не больше, какъ человѣкъ революціи; но, благодаря первому, это—дѣйствительно человѣкъ Франціи. Окончится амьенскій конгрессъ —и онъ теряетъ самое главное изъ своихъ преимуществъ; и тогда нужно будетъ оцѣнять только его отношенія къ революціи. А эти отношенія, повидимому, та-

deux partis, les royalistes et les philosophes, cette dernière désignation renferme toutes les nuances de républicains et de révolutionnaires. Les royalistes sont très nombreux et ne peuvent absolument rien, parce qu'ils ne forment pas un parti actif, et de longtemps ils n'en formeront un, capable d'influer directement sur les évènements; la raison en est toute simple; depuis la révolution les royalistes n'ont jamais eu de chefs dans l'intérieur. Louis XVI même n'était pas le leur. Ils ont sans cesse vu hors de France les Bourbons et les nobles dont les noms pouvaient être un point de ralliement; ils ont espéré dans les succès des armées étrangères. Depuis la paix les royalistes sont entièrement déconcertés; il est vrai que dans les temps, où les partis révolutionnaires se déchiraient, il s'en trouvait toujours un qui flattait le parti royaliste pour gagner l'opinion dont en effet les royalistes seuls disposaient; mais le parti qui s'unissait à eux, les perdait quand il succombait, ou les abandonnait quand il triomphait. — Tel doit être en effet le sort des royalistes, toujours obligés, pour être quelque chose, de chercher un chef hors d'eux. Quand tous les partis révolutionnaires sont d'accord ou restent sans s'agiter, le parti royaliste devient entièrement nul. — Tel est sa position aujourd'hui. Il faut le regarder comme le plus fort dans l'opinion et le plus faible en action; tout ce qu'il peut est d'aider à amener la division entre les autres partis; tout ce qu'il doit aujourd'hui

---

ковы. — Во Франціи не было другихъ партій, кромѣ роялистовъ и философовъ: послѣднее названіе обнимаетъ всѣ оттѣнки республиканцевъ и революціонеровъ. Роялисты очень многочисленны, но рѣшительно ничего не могутъ сдѣлать, такъ какъ не составляютъ дѣятельной партіи. И они долго еще не составятъ партіи, способной прямо вліять на событія. Причина очень простая: съ революціи у роялистовъ не было вождей внутри страны. Самъ Людовикъ XVI не былъ ихнимъ. Они все за-границей искали Бурбоновъ и вельможъ, имена которыхъ могли бы служить соединительнымъ звеномъ; они полагались на успѣхи иностранныхъ армій. Послѣ мира роялисты совсѣмъ пали. Правда, что въ минуты, когда революціонныя партіи терзали другъ друга, всегда одна изъ нихъ льстила роялистамъ, ради общественнаго мнѣнія, которымъ они одни дѣйствительно располагали; но примыкавшая къ нимъ партія губила ихъ при своемъ паденіи, или покидала ихъ при торжествѣ.— Такова и должна быть судьба роялистовъ, которые всегда обязаны были, чтобы быть чѣмъ нибудь, искать вождя внѣ своей среды. Когда же всѣ революціонныя партіи живутъ въ согласіи или остаются безъ движенія, роялисты становятся совсѣмъ ничтожны.—Таково теперь положеніе партіи роялистовъ. Нужно смотрѣть на нее, какъ на самую сильную въ общественномъ мнѣніи и самую слабую въ дѣйствіи. Она можетъ только способствовать разъединенію

est de préparer le rétablissement de toutes les idées, de tous les usages favorable à la monarchie; et on croit qu'il remplit à présent son devoir et agit selon son pouvoir. — Les philosophes depuis la révolution n'ont cessé de gouverner la France que pendant le règne de la terreur, et à leurs yeux le plus grand tort de Robespierre, celui qui décida sa mort, fut de les avoir méprisé dans ses discours ou confondu parmi ses victimes. Ils ont fait et défait les hommes qui lui ont succédé. Ils ont fait Bonaparte; ils le soutiennent quand il faiblit et l'attaquent sourdement, mais avec succès, quand il essaie de marcher sans eux; ils font sa plus grande fortune et son plus grand danger. — Par la voie de l'assemblée constituante la philosophie a dégagé les français de tout respect pour les anciennes institutions. On lui doit cette apparence de gouvernement représentatif qui change pour la forme et jamais dans le fond, qui fait honte au bon sens, mais qui satisfait tant de prétentions et qui sous ce rapport est la plus chère propriété de ceux qui croient que l'esprit suffit pour arriver à tout; c'est le plus grand nombre en France. La philosophie n'a pu prolonger l'enthousiasme de la révolution, elle ne dissimule plus même l'horreur qu'inspire tant de crimes; mais elle s'est fait des complices: 1) des spoliateurs des biens du clergé et des proscrits, 2) des hommes qui ont pris une part directe aux assassinats et 3) de ceux qui ont profité du scandale de tant de loix désastreuses et

---

другихъ партій. Ея долгъ теперь — лишь подготовлять возстановленіе всѣхъ мыслей и обычаевъ, благопріятныхъ монархіи; думаютъ, что нынѣ она исполняетъ свой долгъ и дѣйствуетъ по мѣрѣ силъ. — Философы не переставали управлять Франціей со временъ революціи, за исключеніемъ эпохи террора; и по ихъ мнѣнію, самою главною ошибкой Робеспьера, рѣшившею его смерть, было то, что онъ презиралъ ихъ въ своихъ рѣчахъ или смѣшивалъ ихъ со своими жертвами. Они ставили и низвергали слѣдовавшихъ за нимъ людей. Они создали Бонапарта. Они поддерживаютъ его, когда онъ ослабѣваетъ, и втихомолку, но успѣшно нападаютъ на него, когда онъ пытается обходиться безъ нихъ. Это—его величайшее счастье и величайшая опасность.—Путемъ учредительнаго собранія философія освободила французовъ отъ всякаго почитанія старыхъ учрежденій. Ей обязаны этимъ видомъ представительнаго правительства, который измѣняется только по формѣ, но никогда въ своемъ существѣ, который поражаетъ здравый смыслъ, но удовлетворяетъ столько претензій и, съ этой стороны, служитъ самымъ дорогимъ достояніемъ тѣхъ, что мнятъ, будто съ однимъ умомъ дойдешь до всего; а таковы французы въ большинствѣ. Философія не могла продлить революціоннаго восторга: она и не скрываетъ своего ужаса предъ такой массой преступленій. Но она подобрала себѣ соумышленниковъ въ лицѣ: 1) грабителей имущества духовенства

immorales. Elle se fait chaque jour des assossiés par l'argent que le gouvernement consulaire prodigue aux beaux esprits dans toutes les grandes et les petites places. Elle mène Bonaparte, comme elle a mené le directoire; elle le rend responsable de tous les malheurs passés en le forçant constitutionellement à prolonger leur effet; en un mot, la philosophie règne encore plus sur le 1-r consul qu'il ne règne sur la France: la facilité étonnante, avec laquelle il a perdu sa popularité, que lui avait acquise la signature des préliminaires de paix avec l'Angleterre, annonce clairement, à quiconque connaît la révolution, le projet formé de le perdre aussitôt qu'on croira pouvoir s'en passer, et on pense, que la fin du congrès d'Amiens marquera pour lui le terme des ménagements du parti philosophe et républicain.—Ici se place naturellement une observation très importante. Bonaparte trouve des maîtres dans les philosophes et des rivaux dans les généraux qui ne veulent pas descendre au métier de courtisans; c'est le plus grand nombre. Les uns sont retenus par une certaine fierté, les autres par la grossièreté même de leurs manières, tous par l'ambition. Il faut donc qu'il marche entre les républicains qui le supportent avec peine pour chef et n'en voudront jamais pour maître, entre les royalistes dont il est forcé de ménager les habitudes, parce qu'elles sont favorables au gouvernement d'un seul, et entre les militaires dont l'impatience de lui succéder ne peut pas

---

и опальныхъ, 2) прямыхъ участниковъ убійствъ, и 3) тѣхъ, кто воспользовался срамомъ стольких гибельныхъ и безнравственныхъ законовъ. Она ежедневно пріобрѣтаетъ товарищей посредствомъ денегъ, которыми консульское правительство осыпаетъ умниковъ на всѣхъ, великихъ и малыхъ, мѣстахъ. Она руководитъ Бонапартомъ, какъ руководила директоріей. Она взваливаетъ на него отвѣтственность за всѣ прошлыя бѣдствія, заставляя его конституціонно продолжать ихъ слѣдствія. Словомъ, философія еще больше заправляетъ 1-мъ консуломъ, чѣмъ онъ — Франціей. Изумительная легкость, съ которой онъ потерялъ популярность, доставленную ему подписаніемъ предварительныхъ условій мира съ Англіей, ясно показываетъ тому, кто знаетъ революцію, что есть планъ погубить его, какъ только найдутъ, что можно обойтись безъ него: думаютъ, что конецъ амьенскаго конгресса будетъ концомъ пощады, которую оказываетъ ему партія философовъ и республиканцевъ. — Здѣсь умѣстно одно весьма важное замѣчаніе. Философы — господа Бонапарта, а генералы — его соперники. Они не желаютъ снизойти до роли царедворцевъ: таково огромное большинство ихъ. Однихъ удерживаетъ отъ этой роли извѣстная гордость, другихъ — самая грубость манеръ, а всѣхъ — честолюбіе. Итакъ, ему приходится пробираться между республиканцами, которые едва считаютъ его своимъ вождемъ и никогда не признàютъ господи-

toujours se modérer par des formes. Cette position n'est pas tenable; aussi son pouvoir est-il moins assuré après deux ans d'usurpation qu'il ne l'était le premier jour. — Quoique cette vérité soit de fait, il est bon de remonter à sa cause. Les philosophes, seuls auteurs, seuls propagateurs, seuls soutiens de la révolution, ont toujours craint l'ascendant du pouvoir militaire, et pendant dix années leur soin le plus constant fut d'éloigner du gouvernement tout homme qui avait commandé des armées. Quand le directoire ne fut plus assez fort pour garantir les républicains, ils pensèrent sérieusement à députer vers le roi, et dans leur lassitude toutes leurs prétentions se bornaient à obtenir quelques conditions pour les fauteurs de la révolution. Bonaparte revint d'Egypte à cette époque; les philosophes mirent en discussion les dangers du rétablissement de la monarchie et les dangers de l'ascendant militaire. La monarchie parut plus dangereuse, parce qu'elle ne laissait plus d'espérance, et Bonaparte fut choisi par les philosophes. — Certes, malgré la réputation dont il jouit en Europe, on peut assurer qu'il n'est pas un seul général qui à sa place n'eût commencé par se débarasser de toute la révolution. Bonaparte, dit-on, le pouvait; mais il tient de la philosophie cette prétention à l'esprit, si ridicule et si dangereuse dans tout homme qui gouverne, et il se fit héritier de la révolution, lorsqu'il pouvait devenir son juge le plus sévère. — La révo-

---

номъ, между роялистами, привычки которыхъ онъ принужденъ щадить, такъ какъ онѣ благопріятны единоличному правленію, и между военными, нетерпѣніе которыхъ занять его мѣсто не всегда можетъ быть умѣряемо формами. Положеніе непрочное. Такъ, послѣ двухъ лѣтъ похитительства, его власть менѣе обезпечена, чѣмъ въ первый день.—Хотя это—фактъ, однако, не мѣшаетъ углубиться въ причину сей истины. Философы, эти единственные творцы, распространители и опоры революціи, всегда опасались возвышенія военной власти; въ теченіе 10 лѣтъ ихъ самою упорною заботой было устранять отъ правленія всякаго, кто начальствовалъ арміями. Когда директорія уже не была въ силахъ обезпечить республиканцевъ, они серьезно думали отправить выборныхъ къ королю; и, при своемъ изнеможеніи, они ограничивались въ своихъ требованіяхъ нѣкоторыми условіями въ пользу зачинщиковъ революціи. Тутъ возвратился Бонапартъ изъ Египта. Философы стали разсуждать, гдѣ меньше опасности — въ возстановленіи ли монархіи, или въ возвышеніи военщины? Монархія показалась болѣе опасною, такъ какъ она не оставляла никакихъ надеждъ, — и выборъ философовъ палъ на Бонапарта. — Конечно, вопреки мнѣнію о немъ въ Европѣ, онъ—не единственный генералъ, который, на его мѣстѣ, началъ бы съ уничтоженія всякой революціи. Говорятъ, Бонапартъ смогъ. Да, но онъ заимствовалъ у философіи эту претензію на умничанье,

lution pèse donc toute entière sur lui, et sa position devient chaque jour plus pénible. Après s'être laissé lier par les philosophes, tout effort qu'il fait pour secouer le joug ne sert qu'à le rendre plus pesant. Les républicains qui avaient tremblé de l'ascendant militaire se sont rassurés, et ils semblent conserver provisoirement Bonaparte, puisqu'ils le regardent avec raison, parmi tous les généraux, comme le moins rétif à la philosophie, ne fût ce que par sa prétention à tous les genres d'esprit et de connaissance. -- C'est de cette situation que sortira la première révolution. La philosophie et l'amour du pouvoir se combattent dans l'âme de Bonaparte. La philosophie et la haine du pouvoir militaire se mêlent dans le caractère de tous les révolutionnaires. Les généraux pressent les évènements par dépit et par ambition. Les royalistes les attendent dans la persuasion que quels qu'ils soient ils seront favorables à la royauté dans un avenir plus ou moins éloigné. — Tel est le tableau que j'ai pu tracer d'après les notions, que j'ai puisées dans la conversation des personnes que j'ai indiquées ci-dessus.—C'est de ces mêmes personnes, que j'ai appris qu'avant le 3 nivôse, époque de l'explosion de la machine infernale, Bonaparte avait paru pencher pour le parti de rappeler le roi; mais qu'après cet évènement, auquel il soupçonna ce prince d'avoir eu quelque part, il écarta cette idée. Cependant l'on m'a assuré que même à présent il a autour de lui

---

столь смѣшную и опасную во всякомъ правителѣ; и онъ сдѣлался наслѣдникомъ революціи, тогда какъ могъ бы быть ея строжайшимъ судьей.—Итакъ, революція лежитъ на немъ всею своею тяжестью; и его положеніе становится съ каждымъ днемъ мучительнѣе. Давши связать себя философамъ, онъ ничего не можетъ сдѣлать: всякое его усиліе сбросить иго дѣлаетъ послѣднее еще болѣе тяжкимъ. Дрожавшіе передъ возвышеніемъ военщины республиканцы успокоились. Они, повидимому, временно берегутъ Бонапарта, справедливо считая его изъ всѣхъ генераловъ менѣе враждебнымъ философіи уже потому, что онъ обнаруживаетъ претензію на всякаго рода умствованія и знанія.—Изъ этого-то положенія выйдетъ первая революція. Въ душѣ Бонапарта борятся между собой философія и властолюбіе, а къ чертамъ всякаго революціонера примѣшиваются философія и ненависть къ военной власти. Генералы ускоряютъ событія съ досады и изъ честолюбія. Роялисты поджидаютъ ихъ въ убѣжденіи, что, каковы бы они ни были, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ они поблагопріятствуютъ королевской власти.—Вотъ картина, которую я могъ набросать по даннымъ, почерпнутымъ мною изъ бесѣдъ съ выше указанными лицами. -- Отъ нихъ же узналъ я, что передъ 3 нивозомъ (день взрыва адской машины) Бонапартъ какъ будто склонялся къ мысли призвать короля; но онъ оставилъ эту мысль послѣ этого событія, въ кото-

quelques personnes, auxquelles il prend confiance et à qui il permet de l'entretenir de cette même idée, sans cependant laisser connaître en rien quelle est là-dessus son opinion.

Pétersbourg. Paris, 1801, 253. Подлинникъ.

№ 129.—Морковъ двору.

Парижъ, 26 декабря 1801 (7 января 1802)

...Преисполненъ будучи убѣжденія о миролюбивыхъ намѣреніяхъ, которыя в. и. в-во въ письменныхъ и словесныхъ наставленіяхъ изъявить мнѣ изволили, старался я при всѣхъ случаяхъ внушать, какъ самому первому консулу, такъ и всѣмъ окружающимъ его, что в. и. в-во, ища сближенія съ Франціею, не можете подозрѣваемы быть ни въ страхѣ, ни въ надеждѣ, ибо отъ перваго ограждаютъ васъ совершенно какъ могущество, такъ и разстояніе областей вашихъ, а вторая состоитъ токмо въ томъ, чтобы утвердить и обезпечить спокойствіе и тишину Европы; Франція же, соотвѣтствуя оному, обрететъ превосходную пользу, открывъ себѣ торговыя съ Россіею сношенія, столь нужныя для возстановленія истребленныхъ морскихъ силъ ея,—сношенія, кои облегчить или затруднить всегда отъ воли в. и. в-ва зависѣть будетъ и въ коихъ натуральнымъ образомъ в. в. руководствоваться будете по мѣрѣ ограниченія Франціи въ тѣхъ предѣлахъ, кои сначала возвѣстила она нужными къ собственной ея безопасности, не присоединяя излишняго, и именно Піемонта, ни къ чему иному не служащаго, какъ къ возрожденію всеобщихъ подозрѣній о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ ея нарушить независимость Италіи и тревожить смежныя съ нею области. Рѣчи сіи и поведеніе, съ оными сообразное, кажется по сіе время не сдѣлали предосужденія ни видамъ в. и. в-ва, ни собственному моему здѣсь положенію, а посему, не будучи еще извѣщенъ о благоволеніи в. и. в-ва на учиненныя мною здѣсь постановленія, не усумнился я сдѣлать подвигъ въ пользу короля Сардинскаго, основанный на словахъ и разумѣ послѣдней нашей секретной конвенціи; въ чемъ оный состоялъ, то в. и. в-во усмотрѣть изволите изъ подносимой у сего копіи съ ноты,

---

ромъ онъ заподозрѣлъ участіе сего принца. Впрочемъ, меня увѣряли, что и теперь есть подлѣ него довѣренныя лица, которымъ онъ дозволяетъ говорить объ этой самой мысли; самъ однакожъ отнюдь не заявляетъ своего мнѣнія на этотъ счетъ.

здѣшнему министерству мною поданной; таковую же копію препроводилъ я къ гр. Семену Романовичу Воронцову.— Не настоялъ я у здѣшняго министерства объ отвѣтѣ на ноту сію въ ожиданіи высочайшаго в. и. в-ва утвержденія всего, прежде мною сдѣланнаго; получивъ же оное, требовалъ я свиданія съ министромъ Талейраномъ, на которомъ объявилъ ему, что хотя в. и. в-во и соблаговолили одобрить перемѣны въ изреченіяхъ, кои дозволилъ я себѣ изъ уваженія къ здѣшней области, но тѣмъ не менѣе полагать изволите, что исполненіе обязательствъ со стороны ея послѣдуетъ согласно съ прежними увѣреніями и обѣщаніями ея, какъ словесными, такъ и письменными; и въ слѣдствіе сего просилъ, во первыхъ, чтобы по содержанію ноты моей приступили они къ рѣшенію жребія короля сардинскаго и чтобы для того дозволено было министру сардинскому пріѣхать въ Парижъ; потомъ спросилъ, дано ли повелѣніе о упраздненіи Неаполитанскихъ областей французскими войсками. На первое Талейранъ сказалъ мнѣ, что дѣло сіе такого свойства, что требуетъ дальнѣйшихъ соображеній, въ кои они еще войти не въ состояніи; но что во всякомъ случаѣ присутствіе сардинскаго министра здѣсь для государя сего безполезно, а для нихъ можетъ быть заботливо, ибо возмутить можетъ въ Піемонтѣ тѣхъ, кои страшатся возвратиться подъ власть прежняго государя своего. На второе объявилъ онъ мнѣ утвердительно, что повелѣнія о выводѣ войскъ изъ областей Неаполитанскихъ уже посланы.—Нѣсколько дней послѣ сихъ объясненій, встрѣтился я случайно съ ген. Мюратомъ, зятемъ перваго консула и командующимъ французскими войсками въ Италіи, и войдя съ нимъ въ разговоръ, спросилъ я у него, дѣйствительно ли выведены войска изъ Неаполитанскихъ областей? На сіе отвѣтствовалъ онъ мнѣ, что оныхъ выведено оттуда только 2,000 человѣкъ; но 10,000 оставлены по причинѣ трудности перехода настоящею порою черезъ Апеннинскія горы, и что сверхъ того войска тѣ могутъ еще тамъ остаться, ибо де по трактату нашему съ Англіею войска не должны выступить оттуда прежде истеченія мѣсяца по подписанію окончательнаго мирнаго трактата. Оставя всякое съ нимъ изъясненіе о обязательствѣ Франціи съ нами по сему же пункту, обратилъ я нечувствительно рѣчь на Піемонтъ. Тутъ услышалъ я отъ него отзывъ, по увѣренію его и по собственному моему мнѣнію нисколько не соображенный съ извѣстными ему мыслями перваго консула, но единственно основанный на его воинскихъ усмотрѣніяхъ, и именно, что Франція никакъ не можетъ возвратить Піемонта, ежели и-ръ римскій не оставитъ Венеціанскихъ своихъ владѣній. Разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что ген. Мюратъ

увѣрилъ меня, что, по собственному убѣжденію его и доброхотству къ королю Неаполитанскому, желаетъ онъ, чтобы сей былъ скорѣе освобожденъ отъ бремени содержанія чужихъ войскъ въ предѣлахъ своихъ, и что онъ уже неоднократно предлагалъ о семъ первому консулу. — Увѣрясь такимъ образомъ въ неосновательности даннаго мнѣ Талейраномъ отвѣта, почелъ я долгомъ требовать отъ него письменно исполненія статьи, до сего касающейся, въ конвенціи нашей. Записку, у сего въ копіи подносимую, вручилъ я ему самъ; и онъ, прочтя ее при мнѣ, вступилъ въ изъясненія, совсѣмъ мною неожиданныя, говоря, что держась самихъ словъ артикула секретной конвенціи о выводѣ войскъ изъ земель Неаполитанскихъ, *какъ скоро жребій Египта рѣшится*, не можно сего теперь еще требовать; ибо де жребій Египта тогда только таковымъ почтется, когда трактатъ съ Англіею и Портою подписанъ будетъ. Не могъ я скрыть отъ него удивленія, симъ отзывомъ его во мнѣ произведеннаго, а потомъ напомнилъ ему тѣ объясненія, которыя дѣлали мы при сочиненіи сего артикула и въ коихъ точно постановлено и соглашено было, что войска французскія оставятъ Неаполитанскія владѣнія въ то самое время, какъ оныя выступятъ изъ Египта, и что когда въ семъ послѣднемъ никакого нѣтъ сомнѣнія, то и въ первомъ его быть не должно. Талейранъ не заврился оспаривать и того, что войска ихъ совершенно оставили Египетъ, говоря, что на то никакихъ нѣтъ доказательствъ, кромѣ публичныхъ вѣдомостей. Я просилъ отвѣта сего письменно, опасаясь будто бы, чтобы, по странности и совершенной несообразности его съ предшедшимъ, не былъ приписанъ онъ у насъ единому недоразумѣнію моему. И онъ обѣщалъ удовлетворить меня въ семъ, однакоже, не исполня того, уѣхалъ въ Ліонъ, откуда писалъ ко мнѣ о пропускѣ привезенныхъ мнѣ изъ Лондона экипажей, но не упомянулъ ни слова о вышеозначенной статьѣ.—Сей примѣръ послужитъ новымъ доводомъ той неискренности, съ которою поступаетъ здѣшнее правительство во всѣхъ дѣлахъ своихъ съ иностранными державами. Вся тонкость человѣка свѣтскаго и благовоспитаннаго недостаточна къ сокрытію коварства, заносчивости и гордости, Талейрану гораздо еще болѣе свойственныхъ, нежели кому другому изъ участвующихъ въ семъ правленіи.—Вчера увидясь въ первый разъ, послѣ полученія моего курьера, съ первымъ консуломъ на церемоніальномъ обѣдѣ, къ которому пригласилъ онъ дипломатическій корпусъ, я нашелъ случай сдѣлать ему привѣтствіе отъ имени в. и. в-ва по случаю благополучнаго совершенія актовъ, возстановляющихъ прежнее доброе согласіе между обѣими державами, сопроводивъ оное внушеніемъ въ пользу короля Сардинскаго

и такимъ же о скорѣйшемъ выводѣ войскъ французскихъ изъ Неаполитанскихъ владѣній, основывая и то, и другое какъ на словахъ нашихъ трактатовъ, такъ и на примѣрѣ, который в. и. в-во подать изволили, приведя къ немедленному исполненію принятыя съ вашей стороны обязательства, одержавъ у Порты Отоманской освобожденіе французскихъ плѣнныхъ и повелѣвъ войскамъ своимъ, въ Семи Соединенныхъ Островахъ находившимся, оттуда выступить, что уже и дѣйствительно исполнено. Отвѣтствовавъ приличнымъ образомъ на привѣтствіе мое, первый консулъ прошелъ въ молчаніи внушеніе о королѣ Сардинскомъ и отвѣчалъ на второе, что онъ уже давно занимается мѣрами, нужными для упраздненія Неаполитанскихъ владѣній отъ войскъ французскихъ, но что встрѣчаетъ въ томъ разныя препятствія, причиняемыя особливо настоящимъ неудобнымъ для сего временемъ, кои однакоже надѣется онъ скоро превозмочь. Въ слѣдъ за симъ спросилъ онъ у меня, получилъ ли я достаточныя наставленія по дѣламъ германскимъ. На положительный мой о семъ отвѣтъ сказалъ онъ мнѣ, что по возвращеніи изъ Ліона онъ обратитъ вниманіе свое къ сему предмету.—Разногласіе между отзывами перваго консула и министра его доказываетъ истину, давно уже всѣми иностранными министрами, здѣсь пребывающими, узнанную, что сей послѣдній не всегда и не во всей точности доноситъ первому о чинимыхъ ему внушеніяхъ и требованіяхъ или переиначиваетъ оныя по своему; но со всѣмъ тѣмъ весьма трудно пособить сему неудобству, ибо Талейранъ видитъ съ великимъ негодованіемъ всякое, по дѣламъ его части, прямое отношеніе къ Бонапарте, увѣряя всѣхъ и меня самого, что онъ ею управляетъ и совсѣмъ отъ него не зависимо.—На первомъ свиданіи моемъ съ симъ министромъ (по полученіи рескриптовъ отъ 4, 7 и 8 ноября), не преминулъ я коснуться въ общихъ выраженіяхъ до дѣлъ германскихъ, и совершенно былъ доволенъ его отзывами, ибо не только здраво, но и безпристрастно судилъ онъ поступки дворовъ вѣнскаго и берлинскаго и предполагалъ, что дворы сіи никогда между собою не согласятся и что рано или поздно необходимо будетъ, чтобъ в. и. в-во и здѣшній кабинетъ развязку сему сдѣлали, опредѣливъ каждой участвующей сторонѣ жребій по справедливости и по обоюднымъ обязательствамъ, ей принадлежащій. Почитая, что таковое предположеніе можетъ согласно быть съ мыслями и намѣреніями в. и. в-ва, я не оставилъ одобрить онаго; и Талейранъ сказалъ мнѣ, что тотчасъ по возвращеніи его изъ Ліона примется онъ за сіе дѣло. Между тѣмъ, слышалъ я стороною, что онъ дѣйствительно занимался имъ и подалъ планъ на разсмотрѣніе перваго консула, но

въ чемъ оный состоитъ мнѣ еще неизвѣстно.—Поведеніе мое съ турецкимъ посломъ, здѣсь находящимся, образовано было, съ самаго моего сюда пріѣзда, небреженіемъ его войти со мною не токмо въ дружескія сношенія, каковыхъ требовалъ бы союзъ между в. и. в-мъ и Портою Отоманскою существующій, но даже и въ личное знакомство; такъ что по сіе время я съ нимъ совсѣмъ не видался. Единый отзывъ, который я къ нему сдѣлалъ чрезъ посредство его драгомана, я о немъ въ свое время имѣлъ честь донести; не получивъ на оный никакого отвѣта и узнавъ чрезъ здѣшнія публичныя бумаги, въ чемъ состояли прелиминарные пункты, имъ подписанные, я и болѣе оставилъ всякое попеченіе о сведеніи съ нимъ знакомства. Сіе само собою предохранило меня отъ всякой въ разсужденіи его нескромности, опричъ того, что принятіе подобныхъ прелиминарій утвердило меня въ мнѣніи, что какъ онъ самъ, такъ и руководствующій имъ драгоманъ Кудрико здѣшнему правительству совершенно преданы. — За нѣсколько предъ симъ Талейранъ хвалился предо мною съ примѣтною гордостію, что, по полученнымъ имъ изъ Царяграда извѣстіямъ, заключеніе сего мира произвело какъ въ народѣ турецкомъ, такъ и въ министерствѣ крайнее восхищеніе. Но я знаю чрезъ гр. Семена Романовича Воронцова, что лондонскій дворъ точное имѣетъ свѣдѣніе, что Порта напротивъ того не захотѣла ратификовать тѣхъ прелиминарій, а намѣрена держаться постановленій, Англіею по сему учиненныхъ; въ надеждѣ таковой ея рѣшимости я не теряю изъ виду всего того, что можетъ исторгнуть Піемонтъ изъ рукъ Франціи. Я отнесся къ гр. Семену Романовичу, предлажа ему совокупить содѣйствіе в. и. в-ва съ королемъ великобританскимъ, если то возможно будетъ, и потомъ уговорить Порту, чтобы, приведя торговыя постановленія въ негоціаціи съ Франціею, поставить уступки и снисхожденіе ея по сей матеріи въ цѣну возвращенія Піемонта и независимости Италіи, яко такого края, чрезъ который Франція можетъ опять возобновить покушенія свои на Египетъ или на другія владѣнія турецкія. Въ томъ же смыслѣ писалъ я и къ г. т. сов. Тамарѣ; но корабельный капитанъ Брea, съ коимъ я отправилъ письмо сіе, ѣхавъ въ Марселію и переправляясь чрезъ рѣку Рону, имѣлъ несчастіе утонуть, а съ нимъ и письмо мое. Зная справедливую важность, которую приписываетъ Франція какъ къ нашей, такъ и къ левантской торговлѣ, дѣйствительно думаю я, что Франція уваженіемъ симъ прихотью своею удержать Піемонтъ пожертвовать можетъ. Въ сей мысли утверждаетъ меня и находящійся здѣсь папскій легатъ, кардиналъ Капрара, съ которымъ я имѣю довольно откровенныя сношенія по дѣламъ итальянскимъ...

Pétersbourg. Paris, 1801, 255. Подлинникъ.

№ 130.—Конференція вице-канцлера съ графомъ Саурау.

26 décembre 1801 (7 janvier 1802).

*) J'ai référé sur le contenu de la lettre de l'E-r à son maître de 7 de juillet, et sur la note verbale de Mourawieff, au sujet de la conservation de la constitution germanique et des indemnités à accorder qui ne doivent pas outrepasser la stricte valeur des pertes d'un chacun. — Il a témoigné les plus vives inquiétudes de sa cour sur l'idée, qu'elle supposait à l'E-r de vouloir partager l'Allemagne en 5 grandes maisons homogènes, capables de la défendre et de lui servir de boulevard contre la France; que cette mesure annulerait entièrement la constitution germanique. Je lui ai répondu, que ces inquiétudes me jetaient dans le plus grand étonnement; que par ces maisons on ne pouvait entendre que les indemnités que la Russie proposait d'adjuger à la Prusse, à la Bavière etc. et qui sont clairement énoncés dans les tableaux comparatifs que nous avons envoyés; que l'E-r n'avait jamais songé à la destruction de la constitution de l'Empire; qu'il s'était borné à donner les conseils que son entière impartialité lui avait dictée et qu'après les avoir fait connaître c'était aux membres du corps germanique à savoir les apprécier en s'y conformant; qu'au reste la conservation de trois électeurs ecclésiastiques lui serait même fort agréable, si

---

26 декабря 1801 (7 января 1802).

*) Я изложилъ содержаніе письма и—ра къ его государю, отъ 7 іюля, и изустной ноты Муравьева по поводу сохраненія германской конституціи и вознагражденій, которыя не должны превосходить точной стоимости потерь каждаго.—Онъ обнаружилъ самое сильное безпокойство своего двора по поводу предполагаемаго желанія и—ра раздѣлить Германію на 5 великихъ однородныхъ домовъ, способныхъ защищать ее и служить ей подступомъ къ Франціи: эта мысль совсѣмъ-де уничтожитъ германскую конституцію. Я отвѣчалъ, что это безпокойство крайне удивляетъ меня: подъ этими домами нельзя понимать ничего иного, кромѣ предполагаемыхъ Россіей вознагражденій Пруссіи, Баваріи и т. д., ясно указанныхъ въ посланныхъ нами сравнительныхъ таблицахъ; и—ръ никогда не помышлялъ о разрушеніи Нѣмецкой имперіи; онъ ограничился совѣтами, внушенными ему полнымъ безпристрастіемъ; дѣло членовъ Имперіи оцѣнить ихъ и послѣдовать имъ, или нѣтъ; наконецъ, ему даже очень пріятно сохраненіе трехъ духовныхъ курфюрстовъ, если только возможно доставить имъ владѣнія и доходъ, достаточныя для поддержанія ихъ достоинства. Посланникъ возразилъ, что мой отвѣтъ совершенно успокоиваетъ

on pouvait leur assigner un état et des revenus suffisants pour le soutien de leur dignité. L'ambassadeur m'a répliqué que cette réponse de ma part le rassurait parfaitement, mais que pour faire agréer encore mieux la représentation qu'il en ferait à sa cour, et pour la tranquilliser elle-même, il me demandait et me priait avec instance de lui donner cette réponse par écrit sous telle forme et rédaction que je le voudrais. — La cour de Vienne demande que le siége de la négociation sur ces indemnités soit établi à Vienne, et que si on n'y consent pas, que ce ne soit pas aussi à Berlin, où elle suspecte tout le ministère d'intelligence avec la France et notre ministre Krudner de partialité marquée envers la Prusse, mais au moins dans un lieu tiers, quel qu'il soit. — Il m'a déclaré finalement que sa cour adoptait généralement tous les articles du plan des indemnités de la nôtre, mais réclamait simplement contre le lot trop considérable adjugé à la Prusse, soutenant que les revenus de l'évêché de Munster étaient du double plus forts que ceux de ses pays au-de-là du Rhin cédés à la France. — Plaintes et reproches de ce que nous abandonnions l'Autriche; que nous faisions tout pour la Prusse et rien pour elle; que notre prédilection envers la Prusse était palpable; que nous adoptions dans les affaires de l'Allemagne toutes ses vues; que par l'envoi même de ce plan d'indemnités à Berlin en même temps qu'à Vienne, sans nous être concerté au préalable sur son contenu avec l'Autriche, indiquait déjà notre grande partialité.

Pétersbourg. Ministère, 1801, 63. Подлинникъ.

его; но чтобы успокоить свой дворъ и легче склонить его къ принятію моего отвѣта, онъ требовалъ и настоятельно просилъ дать ему сей отвѣтъ письменно въ какой угодно мнѣ формѣ и редакціи.—Вѣнскій дворъ требуетъ, чтобы переговоры объ этихъ вознагражденіяхъ происходили въ Вѣнѣ, а если не согласятся на это, то въ какомъ-либо третьемъ мѣстѣ, но только не въ Берлинѣ, гдѣ все министерство, по его подозрѣнію, находится въ стачкѣ съ Франціей, а нашъ министръ Крюднеръ отличается явнымъ пристрастіемъ къ Пруссіи.—Въ заключеніе, онъ заявилъ мнѣ, что вообще его дворъ принимаетъ всѣ статьи нашего плана вознагражденій; онъ возражаетъ только противъ слишкомъ большой доли, предназначаемой Пруссіи, увѣряя, что доходы мюнстерскаго епископства вдвое больше доходовъ ея зарейнскихъ земель, уступленныхъ Франціи.—Затѣмъ жалобы и упреки: вы-де покинули Австрію; вы все дѣлаете для Пруссіи и ничего для нея; ваше пристрастіе къ Пруссіи осязательно; вы усвоили всѣ ея взгляды въ дѣлахъ Германіи; ваше великое пристрастіе доказывается даже тѣмъ, что вы отправили этотъ планъ вознагражденій одновременно въ Берлинъ и въ Вѣну, не условившись предварительно съ Австріей насчетъ его содержанія.

№ 131.—Допросъ гражданина Фулью.

Paris, 20 nivôse an X.

*) L'an dix de la république française, le vingt nivôse, pardevant nous, Pierre Fardel, substitut magistrat de sûreté du 1-r arrondissement de Paris, a été amené, en vertu de notre mandat d'amener, le citoyen Fouilhoux, prévenu d'être le rédacteur salarié d'une feuille séditieuse, dont l'objet était d'avilir et de renverser le gouvernement; à l'interrogatoire duquel nous avons procédé ainsi qu'il suit.—„Quels sont vos nom, prénom, âge, profession, demeure et lieu de naissance?" — Je m'appelle Charles Fouilhoux, âgé de 43 ans; homme de lettres, natif de Lyon, demeurant à Paris, rue et maison des Filles St. Thomas.—„Ne rédigez vous pas une feuille contre le gouvernement?" — Je rédige une feuille que j'entendais diriger plutôt contre les abus introduits dans le gouvernement que contre le gouvernement lui-même. — „Voyez cette série de feuilles au nombre de 21 que je vous présente, et déclarez-moi, si vous les reconnaissez pour les avoir rédigées?" — Je les reconnais, j'en suis le rédacteur. – „Ne sont-elles pas de votre propre écriture?"—Elles sont toutes de mon écriture.—„Parafez-les?"—Je vais les parafer.

Il les a parafées.

„A qui les livriez-vous?"—A m. le comte de Morkoff.—„Ces feuilles ne renferment que des calomnies indécentes contre la personne des

---

Парижъ, 29 декабря 1801 (10 января 1802).

*) 29 декабря 1801 (10 янв. 1802), намъ, полицейскому помощнику 1-го округа Парижа, Петру Фарделю, былъ представленъ, по нашему требованію, гражданинъ Фулью, обвиняемый въ наемномъ редактированіи одного возмутительнаго листка, цѣлью котораго было униженіе и ниспроверженіе правительства. Допросъ его происходилъ такъ. — „Какъ ваше имя и прозвище? Чѣмъ занимаетесь? Гдѣ проживаете и гдѣ родились?" — Я—Шарль Фулью, 43-хъ лѣтъ, писатель, уроженецъ Ліона, проживаю въ Парижѣ, на улицѣ и въ домѣ Дочерей св. Ѳомы. — „Не издаете ли вы одного противоправительственнаго листка?" — Я издаю листокъ, направленный, по мнѣ, скорѣе противъ злоупотребленій правительства, чѣмъ противъ самого правительства. — „Взгляните на предъявленный вамъ рядъ листовъ, числомъ 21, и объявите, тѣ ли это, которые вы издавали?" — Да, я редактировалъ ихъ. — „Не вашею ли рукой писаны они?" — Всѣ моей рукой. — „Подпишите ихъ". — Извольте.

Онъ подписалъ ихъ.

„Кому вы отдавали ихъ?"—Г. графу Моркову.—„Въ этихъ листахъ нѣтъ ничего, кромѣ неприличныхъ клеветъ на первыя правительственныя лица

premiers magistrats et des interprétations odieuses de toutes les opérations du gouvernement français; quels motifs ont pu vous déterminer à les rédiger pour un ambassadeur étranger?" — Je les faisais telles quelles m'avaient été demandées par m. de Morkoff.— „Combien y a-t-il que vous rédigiez cette feuille?"—Il y a deux mois et demi.—„Comment m. le comte de Morkoff vous proposa-t-il de lui faire cette feuille?" — J'étais allé le voir pour lui demander quels moyens je pouvais employer pour aller à Pétersbourg et y obtenir une éducation. J'y suis même allé plusieurs fois, et c'est dans ces entrevues qu'il me proposa de lui faire part de l'opinion publique et des aventures secrètes du gouvernement en lui faisant une feuille.— „Vous expliqua-t-il dans quel sens il entendait qu'elle fût rédigée?"—Oui, dans celui où elle se trouve rédigée.— „Par quelle voie lui faisiez-vous parvenir?"—Ordinairement je la lui portais moi-même; cependant lorsque j'avais des demandes d'argent à lui faire, je la lui envoyais par une dame d'Invaux chez laquelle je demeure.— „Quel traitement vous faisait-il?"—Il ne me donnait que 600 livres. A la vérité il me faisait espérer un traitement avantageux dans un temps déterminé.— „Puisque vous voyiez souvent m. de Morkoff et que vous écriviez pour lui, vous avez pu savoir ce qu'il attendait et quel était son objet; je vous invite à me donner quelques renseignements là-dessus". — Il se cache sous une apparence de patriotisme et d'attachement au gouvernement français. On ne peut le connaître que dans

да гнусныхъ истолкованій всѣхъ мѣръ франц. правительства: что могло заставить васъ составлять ихъ для иностраннаго посланника?"—Я составлялъ ихъ, какъ требовалъ г. Морковъ.—„Давно ли вы ихъ составляете?"—2½ мѣсяца.— „Какимъ образомъ гр. Морковъ сдѣлалъ вамъ предложеніе составлять для него этотъ листокъ?"—Я ходилъ къ нему спросить, что мнѣ сдѣлать, чтобы попасть въ Петербургъ и получить тамъ учительство? Я бывалъ у него даже часто; и, вотъ, однажды онъ предложилъ мнѣ сообщить ему объ общественномъ мнѣніи и о тайныхъ похожденіяхъ правительства, въ видѣ листка. — „Объяснялъ ли онъ вамъ, какой смыслъ хотѣлось бы ему видѣть въ изданіи?"—Да, тотъ смыслъ, въ которомъ составлялся листокъ.—„Какимъ путемъ доставляли вы ему листокъ?"—Обыкновенно я самъ носилъ его; но когда мнѣ приходилось просить денегъ, я посылалъ ему черезъ г-жу д'Энво, у которой живу.—„Какое жалованье платилъ онъ вамъ?"—Онъ платилъ всего 600 ливр.; но, сказать правду, обѣщалъ чрезъ извѣстный срокъ хорошее жалованье.— „Такъ какъ вы часто видѣлись съ г. Морковымъ и писали для него, то могли бы знать, чего онъ добивался и какая была у него цѣль: прошу васъ объяснить мнѣ это сколько-нибудь".—Онъ скрывается подъ личиной патріотизма и приверженности къ франц. правительству. Его можно постигнуть лишь

la chaleur des entretiens, où il laisse échapper des phrases coupées, des mots équivoques qui le décèlent à la perspicacité de l'esprit attentif. Il est difficile de le convaincre d'intentions criminelles sur le gouvernement français; mais on a pu savoir et deviner l'intérêt qui l'animait et l'opinion qu'il a conçue de tous les travaux du gouvernement. Sa diplomatie, par exemple, qui est toujours influencée par celle du cabinet de St. James, est de vouloir toujours savoir la pensée des gouvernés, parce que c'est d'eux qu'elle attend le moment de contraindre l'adoption d'un nouvel ordre de choses.—„Avez-vous compris s'il fixait à une époque bien éloignée ce moment de contraindre l'adoption d'un nouvel ordre de choses, et sur quoi il la fondait?"—A un temps indéfini, mais il l'espère, et il la fonde ou sur un évènement malheureux, qui pourrait arriver au 1-r consul; ou sur une division marquée des trois corps souverains avec le conseil d'état; ou sur une brouille bien déterminée des généraux avec le 1-r consul; ou le mécontentement de tous les officiers réformés; ou une pénurie de finances et l'impossibilité, qu'il pense fort prochaine, de voir les contribuables en état de pouvoir acquitter leurs diverses impositions.—„Ne deviez-vous pas craindre que cette feuille ne fût tôt ou tard connue du gouvernement qui doit vous punir d'avoir ainsi vendu votre plume à un étranger, qui se servait de vos talents pour l'avilir?"—Oui, je l'ai craint, mais j'ai été rassuré par la promesse que nous nous sommes faite de garder le plus grand secret

---

въ жару разговора, когда у него вырываются отрывочныя фразы и двусмысленныя слова, которыя изобличаютъ его предъ проницательностью внимательнаго ума. Трудно изобличить его въ преступныхъ замыслахъ противъ франц. правительства; но можно было замѣтить и угадать одушевлявшій его интересъ и мнѣніе, которое онъ составилъ себѣ обо всѣхъ дѣлахъ правительства. Такъ, его дипломатія, всегда руководимая с.-джемскимъ кабинетомъ, состоитъ въ томъ, чтобы знать мысль управляемыхъ: отсюда-то ожидаетъ онъ минуты, когда можно будетъ заставить принять новый порядокъ вещей.—„Какъ вамъ показалось, считалъ ли онъ далекимъ эту минуту принудительнаго принятія новаго порядка вещей, и на что онъ разсчитывалъ?"—Время не опредѣлялось. Но онъ надѣялся и разсчитывалъ то на возможное несчастье съ 1-мъ консуломъ, то на явное разъединеніе между тремя верховными учрежденіями и государственнымъ совѣтомъ, то на рѣшительный разладъ между генералами и 1-мъ консуломъ, то на недовольство всѣхъ преобразованныхъ офицеровъ, то на истощеніе казны и на невозможность со стороны податныхъ справиться съ различными, тяготѣющими на нихъ, налогами, что, по его мнѣнію, весьма недалеко.—„И вы не боялись, что рано или поздно правительство узнаетъ про этотъ листокъ и накажетъ васъ за то, что вы продавали свое перо иностранцу, который пол-

sur l'existence de cette feuille. - „Indépendamment de la feuille que vous rédigiez, n'avez-vous pas donné des notes à m. le comte de Morkoff?“ — Non, si ce n'est qu'ayant entrepris d'écrire un mémoire diplomatique sur la Russie et l'état de son gouvernement depuis Pierre I jusqu'à nos jours, je lui offris de lui en faire part, ce qu'il accepta; et il a encore à sa disposition mon manuscrit, en 2 parties, que je me propose de retirer aussitôt que je serai libre.

Lecture faite, a dit ses réponses contenir vérité, y persister et à signer avec nous. Fardel. Ch. Fouilhoux.

Paris. 141, 57. Подлинникъ.

№ 132.—Циркуляръ русскимъ посланникамъ и министрамъ.

Pétersbourg, 30 décembre 1801 (11 janvier 1802).

*) La-situation à laquelle se trouve reduit m. le comte de Lille (Louis XVIII) à une époque, où la tranquillité publique après tant d'orages n'a pu être rétablie qu'aux dépens des droits de sa naissance, ne peut être indifférente à tous les souverains de l'Europe. Déchu du milieu d'eux par l'enchaînement des circonstances, il est de leur dignité de ne pas laisser ce prince et toute sa famille dans un abandon qui les expose à éprouver le besoin le plus pressant. Tel serait cependant

---

зовался вашимъ талантомъ, чтобы унижать его?“—Да, я боялся; но меня успокоило взаимное обѣщаніе хранить въ глубочайшей тайнѣ существованіе этого листка. — „Помимо этого листка, не давали ли вы г. гр. Моркову еще замѣтокъ?“—Нѣтъ, если не брать въ разсчетъ, что, собираясь писать дипломатическую записку о Россіи и ея правительствѣ съ Петра I до нашихъ дней, я предложилъ ему показать ее, на что онъ согласился. У него и теперь моя рукопись въ 2 частяхъ, которую я намѣренъ взять тотчасъ послѣ моего освобожденія.

По прочтеніи сего, заявилъ, что его отвѣты правдивы, что онъ стоитъ на нихъ и готовъ подписать вмѣстѣ съ нами.—Фардель. Ш. Фулью.

Петербургъ, 30 декабря 1801 (11 января 1802).

*) Положеніе, до котораго доведенъ графъ Лильскій (Людовикъ XVIII) въ ту минуту, когда послѣ стольких бурь, общественное спокойствіе могло быть возстановлено лишь насчетъ правъ его рожденія, не можетъ быть безразличнымъ для всѣхъ монарховъ Европы. Въ силу собственнаго достоинства, они не должны оставлять этого принца, удаленнаго изъ ихъ среды сцѣпленіемъ обстоятельствъ, а равно и его семьи въ забвеніи, которое заставляетъ

le sort infailliblement réservé à cette malheureuse famille, si par des mesures de bienveillance les souverains ne s'empressent de venir à son secours.—Ceux qui lui ont été donnés par feu l'-E-r, ceux que lui a fait tenir tout récemment encore S. M. I. ont pu suffir jusqu'ici à ses besoins; mais quelque sensible que soit notre auguste maître à la situation de ce prince, quelque porté qu'il soit à l'adoucir, il ne peut supporter la charge trop onéreuse de fournir seul à cette dépense. Il croit que les autres souverains voudront la partager, et c'est dans le dessin de les engager à assurer à ce malheureux prince, par une contribution volontaire, des moyens d'existence qui le mettent hors de l'atteinte du besoin, que l'E-r s'adresse aujourd'hui à quelques cours, plaçant une pleine confiance dans leurs sentiments et leur générosité. — En faisant connaître ce voeu de l'E-r à celle, où vous residez, S. M. I. vous prescrit de vous assurer de ses dispositions à concourir à ce plan de bienfaisance, des moyens qu'elle y destine, du mode de payement qu'elle adoptera, et de l'époque à laquelle elle l'effectuera, afin que cette résolution généreuse une fois prise, m. le comte de Lille n'éprouve ni retard, ni inconvénient dans la rentrée des fonds.

Pétersbourg. Paris, 1801, 243. Списокъ.

ихъ испытывать самую тягостную нужду. А именно такая судьба предстоитъ этой злополучной семьѣ, если монархи не поспѣшатъ придти къ ней на помощь путемъ доброхотныхъ мѣръ.—До сихъ поръ на его нужды хватало того, что удѣляли ему покойный и—ръ и недавно е. и. в—во; но какъ ни чувствителенъ нашъ авг. государь къ положенію сего принца, какъ ни желаетъ онъ облегчить его, онъ не можетъ одинъ выносить слишкомъ тяжелое бремя такихъ издержекъ. Онъ надѣется, что другіе монархи пожелаютъ раздѣлить его. Оттого-то и—ръ обращается теперь къ нѣкоторымъ дворамъ, съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ чувствамъ и великодушію, приглашая ихъ обезпечить добровольными взносами этому злосчастному принцу безбѣдное существованіе.—Е. и. в. предписываетъ вамъ заявить объ этомъ его желаніи двору, при которомъ вы состоите, причемъ вы должны удостовѣриться въ расположеніи помогать сему плану благотворительности и узнать, сколько дадутъ, какъ и когда будутъ выплачивать, чтобы, разъ будетъ принято это великодушное рѣшеніе, графъ Лильскій уже не испытывалъ ни задержекъ, ни неудобствъ въ полученіи суммъ.

1802.

№ 133.—Коленкуръ Талейрану.

Pétersbourg, 12 pluviôse an X.

*) Le petit différend qui a eu lieu à Vienne entre le citoyen Champagny et m. de Rasoumowski avait élevé ici quelques nuages; on paraissait vouloir expédier un courrier extraordinaire pour demander des explications; beaucoup de personnes envenimaient encore le premier et peu exact rapport fait par l'ambassadeur russe; il était tel que j'ai hautement soutenu qu'il ne pouvait être vrai et qu'il fallait attendre les détails. L'évènement a justifié mon assertion, et le second rapport rétablit les faits dans toute leur clarté. La vérité a de nouveau prouvé et combien le gouvernement français est loyal, et combien ses ministres sont pénétrés de ses principes de droiture et d'union. Le vice-chancelier m'a dit et répété combien S. M. I. mettait de prix aux rapports d'amitié qui existent entre les deux états, et combien elle avait été satisfaite des explications qui avaient été la suite de ce différend. — Le vice-chancelier prince Kourakin qui avait été fortement indisposé de la goutte est entièrement rétabli, son crédit augmente tous les jours et il est presque le seul qui apprécie tous les avantages d'une liaison intime entre cet empire et notre république. Il est plus question que jamais

---

Петербургъ, 20 января (1 февраля) 1802.

*) Маленькое пререканіе въ Вѣнѣ между гражд. Шампаньи и г. Разумовскимъ нагнало здѣсь тучки: кажется, хотѣли послать нарочнаго курьера, чтобы потребовать объясненій. Многіе прибавляли яду къ первому и не очень вѣрному донесенію русскаго посланника: оно было таково, что я громко утверждалъ, что это неправда и что нужно выждать подробностей. Дѣло оправдало мое убѣжденіе: второе донесеніе возстановило факты во всей ихъ ясности. Правда снова доказала, до какой степени франц. правительство честно, а его министры проникнуты его правилами прямоты и единодушія. Вице-канцлеръ нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, какъ е. и. в. цѣнитъ дружественныя отношенія между обоими государствами и какъ онъ доволенъ объясненіями, которыми закончилось это пререканіе.—Вице-канцлеръ кн. Куракинъ, сильно заболѣвшій - было подагрой, совсѣмъ поправился; его вліяніе возрастаетъ съ каждымъ днемъ; и это почти единственный человѣкъ, который цѣнитъ всѣ выгоды тѣсной связи между этою имперіей и нашею республикой. Никогда

de rappeler m. de Morkoff pour remplacer m. de Kotschubey.—Si par suite des traités conclus le gouvernement se décidait à faire un présent au vice-chancelier, je crois que la chose qui ferait le plus d'effet serait une belle vaisselle, car c'est ce que personne n'a dans les belles formes; on a ici des diamants plus que partout ailleurs. La cour de Vienne a envoyé au vice-chancelier un superbe service de porcelaine, mais personne n'a une belle vaisselle. La famille Kourakin est nombreuse et la plus en crédit, elle occupe les grands emplois et son autorité est établie sur des bases de confiance, d'estime, d'attachement qui la rendront de longue durée.—La nomination du général Hédouville a fait le plus grand plaisir sous tous les rapports. Le général Beurnonville m'en a fait part, et je l'ai communiqué au vice-chancelier. - Le général Duroc a pu vous fair connaître, combien ce pays est dur à habiter; c'est dans une telle proportion, que le rouble papier que les banquiers nous vendent 3 francs de France représente à peine 20 sols dans les dépenses. J'apporte aux miennes la plus sévère économie, mais malgré cela, celles absolument indispensables sont si fortes, quelque mesquine existence que l'on ait, que je vous prie de vouloir bien mettre quelques fonds à ma disposition au moins pour la fin de mon séjour et mon retour, car ceux que vous avez bien voulu m'assigner ne me mèneront pas jusqu'à l'arrivée du ministre.

Paris. 141, 65. Подлинникъ.

еще не говорили столько объ отозваніи г. Моркова для замѣны г. Кочубея.—Если, вслѣдствіе заключенныхъ договоровъ, правительство рѣшится сдѣлать подарокъ вице-канцлеру, то, по мнѣ, больше всего произведетъ впечатлѣніе хорошая посуда: здѣсь нѣтъ ни у кого посуды изящныхъ формъ; а алмазовъ здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо. Вѣнскій дворъ прислалъ вице-канцлеру роскошный фарфоровый приборъ; но ни у кого нѣтъ красивой посуды столовой. Семья Куракина многочисленна и наиболѣе вліятельна: она занимаетъ высокія мѣста; ея власть основана на такомъ довѣріи, уваженіи и привязанности, что она долго не прекратится.—Назначеніе ген. Эдувиля доставило величайшее удовольствіе во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ сообщилъ о томъ ген. Бернонвиль, а я увѣдомилъ вице-канцлера.—Ген. Дюрокъ могъ разсказать вамъ, какъ тяжело жить въ этой странѣ: доходитъ до того, что бумажный рубль, который банкиры продаютъ намъ за 3 франц. франка, равняется едва 20 су въ расходованіи. Я экономничаю строжайшимъ образомъ; при всемъ томъ, какъ бы вы нищенски ни жили, самыя необходимыя издержки такъ велики, что прошу васъ снабдить меня нѣкоторою суммой хоть до конца моего прожитія и на возвратъ: того, что вы соблаговолили назначить, не достанетъ мнѣ до пріѣзда министра.

№ 134.—Воронцовъ Моркову.

Pétersbourg, 29 janvier (10 février) 1802.

*) S. M. l'E-r vous prescrit d'éviter, au sujet de l'Italie, toute transaction subséquente à celle, que vous allez conclure relativement au roi de Sardaigne et sur laquelle j'ai eu déjà l'honneur de vous faire passer les instructions et l'autorisation de notre auguste maître. L'E-r désire ne pas se trouver dans le cas de reconnaître et encore moins de garantir tout ce qui s'est fait en Italie depuis la paix de Lunéville. Un acte pareil de notre part serait en effet vu avec beaucoup de peine et de déplaisir par toutes les cours qui nous intéressent le plus, et ne pourrait que faire baisser l'opinion et la considération qui est due à la Russie en Europe. Tous les changements, qui ont eu lieu en Italie depuis la paix de Lunéville, ont été faits par la France sans la participation de notre cour, malgré que l'article du traité secret nous donna le droit d'y prétendre, et, de plus, ces changements sont tels qu'il n'y a qu'une dure nécessité qui puisse excuser ceux, qui sont forcés d'y donner leur sanction. Le modique dédommagement accordé au roi de Sardaigne peut-il entrer en ligne de compte avec ce qu'il a perdu? Et garantir le Piémont à la France et la présidence de la République Ita-

---

Петербургъ, 29 января (10 февраля) 1802.

*) Е. в. и—ръ предписываетъ вамъ, относительно Италіи, избѣгать всякой сдѣлки, послѣ той, которую вы заключите о сардинскомъ королѣ, согласно съ посланными вамъ инструкціями и полномочіями нашего августѣйшаго государя. И—ръ не желаетъ очутиться въ необходимости признать и тѣмъ менѣе гарантировать все, что произошло въ Италіи съ люневильскаго мира. Дѣйствительно, такой актъ съ нашей стороны вызвалъ бы большое неудовольствіе при дворахъ, которыми мы наиболѣе интересуемся, и только понизилъ бы мнѣніе и значеніе, которыми Россія пользуется въ Европѣ. Всѣ перемѣны въ Италіи съ люневильскаго мира произведены Франціей безъ участія нашего двора, хотя статья тайнаго договора давала намъ право на это. Мало того. Эти перемѣны таковы, что только жестокая необходимость могла бы оправдать того, кто освятилъ бы ихъ своимъ признаніемъ. Жалкое вознагражденіе, дарованное сардинскому королю, можетъ ли быть сравниваемо съ тѣмъ, что онъ потерялъ? А гарантировать Франціи Пьемонтъ и Бонапарту президентство Итальянской республики, не значило бы это освятить смуту, несправедливости и опасеніе всякихъ бѣдствій для этой страны? Итальян-

lienne à Bonaparte, n'est-ce pas consacrer les troubles, les injustices et la crainte de tous les malheurs pour cette contrée? Les princes et les états de l'Italie, le roi de Sardaigne lui-même, s'il reçoit son indemnité, n'auront pour tout qu'une existence extrêmement précaire laquelle dépendra uniquement du bon plaisir du 1-r consul, qui pourra les déposséder d'un moment à l'autre. S. M. I. ne veut pas qu'on puisse dire qu'elle a voulu favoriser ou qu'elle s'est prêtée à consolider un pareil ordre de choses. — V. exc. tâchera donc d'éloigner autant que possible les propositions semblables de la part du ministère français, et s'il les répétait, elle se défendra d'y consentir, en donnant pour raison le manque d'autorisation suffisante. Dans le cas qu'on vous reparlât du partage de la Pologne, vous pourrez dire que c'est un objet, qui est depuis longtemps terminé et sur lequel il serait inutile de revenir. L'on ne le pourrait d'ailleurs sans y faire entrer toutes les trois cours qui ont pris part à ce partage et dont la garantie mutuelle a paru toujours très suffisante. Lorsque la France s'est incorporé les Pays-Bas et qu'elle s'est donnée le Rhin et les Alpes pour frontières, son gouvernement a dit, que c'était une compensation qui lui était due pour ce que d'autres avait pris en Pologne. Ces acquisitions de la France surpassent déjà celles que nous avons faites alors, et je ne puis croire que le cabinet de Tuileries pense à reproduire encore ce genre d'arguments relativement au régime qu'il exerce actuellement en Italie. Pour ce qui est

---

скіе государи и государства, самъ сардинскій король, если онъ получитъ свое вознагражденіе, будутъ влачить лишь жалкое существованіе, зависящее единственно отъ произвола 1-го консула, который будетъ въ состояніи каждую минуту лишить ихъ владѣній. Е. и. в. не желаетъ, чтобы сказали, что онъ хотѣлъ покровительствовать или помогать утвержденію такого порядка вещей. — Итакъ, вы, в. с—во, постараетесь, насколько можно, отстранять подобныя предложенія французскаго министерства, а при ихъ повтореніи—отнюдь не соглашаться, ссылаясь на недостаточность полномочій. Въ случаѣ, если снова заговорятъ съ вами о раздѣлѣ Польши, можете сказать, что это—давно рѣшенное дѣло, къ которому безполезно возвращаться. Да и нельзя, не затронувши всѣхъ трехъ дворовъ, принимавшихъ участіе въ этомъ раздѣлѣ, взаимная гарантія которыхъ всегда считалась весьма достаточною. Когда Франція присоединяла къ себѣ Нидерланды и назначала себѣ границами Рейнъ и Альпы, ея правительство говорило, что это — должное ей вознагражденіе за чужія пріобрѣтенія въ Польшѣ. Эти пріобрѣтенія Франціи уже превосходятъ то, что мы получили тогда; и я не могу повѣрить, чтобы тюльерійскій кабинетъ вздумалъ опять выставлять такого рода доводы относительно его нынѣшняго распорядительства въ Италіи. Что касается подданныхъ той и другой

des sujets respectifs, l'article du traité de paix avec la France qui les regarde ne demande aucune addition. D'ailleurs S. M. I. se confie dans la justice et la bienfaisance de son gouvernement, qui sont une meilleure garantie de la fidélité des habitants de ses nouvelles provinces que toutes les sûretés que pourrait lui offrir un gouvernement étranger, auprès duquel il ne conviendait ni à sa dignité, ni à son caractère vertueux d'avoir l'air de chercher de l'appui contre ses propres sujets.

Pétersbourg. Paris, 1802, 24. Подлинникъ.

№ 135.—Куракинъ Моркову.

Pétersbourg, 31 janvier (12 février) 1802.

*) Au sentiment général d'approbation qu'ont obtenue les rapports de v. exc., arrivés par son dernier courrier, je dois ajouter ceux de la satisfaction particulière que j'ai éprouvée, en lui voyant adopter les idées que je lui avais transmises relativement au concert, qui pourrait s'établir entre nous et la France pour la fixation des indemnités en Allemagne et aux espérances qu'elle conçoit du succès de cette proposition. Un même intérêt semblerait devoir en être le garant, et si ce gouvernement était disposé à y apporter autant d'impartialité que nous de désintéressement, rien ne pourrait être plus avantageux, ni plus propre

---

стороны, то относящаяся къ нимъ статья мирнаго договора съ Франціей не требуетъ добавленій. Къ тому же е. и. в. ввѣряется справедливости и человѣколюбію своего правительства, которыя служатъ лучшею порукой въ вѣрности обитателей его новыхъ провинцій, чѣмъ всякое обезпеченіе со стороны чужого правительства, у котораго и—ру не пристало какъ бы искать поддержки противъ собственныхъ подданныхъ: это противно и его достоинству, и его добродѣтельному характеру.

Петербургъ, 31 января (12 февраля) 1802.

*) Къ общему одобренію донесеній в. с—ва, прибывшихъ съ послѣднимъ курьеромъ, считаю долгомъ присоединить мое особое удовольствіе по поводу того, что вы усвоили переданныя мною мысли относительно возможнаго согласія между нами и Франціей для упроченія вознагражденій въ Германіи и относительно надеждъ на успѣхъ этого предложенія. Одинакій интересъ долженъ бы служить тутъ порукой. И если это правительство готово выказать здѣсь столько же безпристрастія, сколько мы обнаружили безкорыстія, то не

à nous faire arriver à la conclusion de cette importante affaire. Que si on abandonnait au contraire aux passions, aux jalousies de l'Autriche et de la Prusse la discussion de ce différend, elle deviendrait interminable. – Ce que v. exc. nous transmet des dispositions du 1-r consul à cet égard semble en effet pouvoir nous donner l'espérance de le voir entrer dans les vues de l'E-r. S'il a été sincère, et qu'il ait réellement la bonne volonté bien prononcée d'assurer le sort de l'Allemagne et sa tranquillité, il serait aisé de lui faire sentir, que rien n'y contribuerait plus efficacement qu'une aussi puissante médiation dont l'exemple a déjà existé à Teschen en 1779, dans des circonstances, où il ne s'agissait pas moins de mettre des bornes à la cupudité et de fixer, par une décision indépendante et impartiale, le sort des principaux états de ce corps politique.— Un premier embarras résulte de la difficulté de fixer le siége des négociations, l'Autriche et la Prusse témoignant une égale répugnance de le voir établi dans les états l'une de l'autre; mais nous sommes informés que la première de ces puissances a le projet, pour trancher cette difficulté, de le transporter à Paris. Ce serait avoir déjà beaucoup gagné que de les avoir soustraites par là à l'activité des menées et des intrigues intérieures. — Je ne puis que désirer en mon particulier, d'après la conviction qui m'y conduit, que ce moyen terme soit adopté, et particulièrement par l'opinion que je conçois de l'avantage, qu'il y aurait de voir cette importante négociation confiée à vos

---

было бы ничего болѣе выгоднаго и способнаго привести насъ къ окончанію этого важнаго дѣла. Если же, напротивъ, предоставить разборъ этой тяжбы произволу страстей, завистливости Австріи и Пруссіи, то ему не будетъ конца.— Все, чтó вы сообщаете о намѣреніяхъ 1-го консула въ этомъ отношеніи, кажется, дѣйствительно подаетъ намъ надежду, что онъ входитъ въ виды и—ра. Если онъ искрененъ, если онъ дѣйствительно и явно желаетъ обезпечить судьбу и спокойствіе Германіи, то легко внушить ему, что лучшимъ средствомъ достигнуть цѣли было бы столь могущественное посредничество, примѣръ котораго поданъ въ Тешенѣ, въ 1779, когда точно также приходилось обуздывать алчность и обезпечивать судьбу главныхъ государствъ этого политическаго тѣла посредствомъ независимаго и безпристрастнаго рѣшенія.— Первое затрудненіе состоитъ въ опредѣленіи мѣста переговоровъ, такъ какъ Австрія и Пруссія одинаково гнушаются тѣмъ, чтобы оно было во владѣніяхъ одной изъ нихъ. Но мы освѣдомились, что первая изъ этихъ державъ желаетъ предложить Парижъ, чтобы устранить это затрудненіе. Этимъ устранилась бы работа внутреннихъ интригъ и происковъ: это уже было бы большимъ выигрышемъ.—Я лично, по моему взгляду на дѣло, желалъ бы, чтобы этотъ средній путь былъ принятъ. Именно я считаю выгоднымъ поручить это важное дѣло ва-

soins, à votre expérience et à l'activité de votre zèle, et je n'en compterais que plus sûrement sur la plénitude du succès.

Pétersbourg. Paris, 1802, 25. Подлинникъ.

№ 136.—Морковъ Кочубею.

Paris, 3/15 février 1802,

*) ...J'ai rencontré chez le second consul m. Talleyrand qui me dit de passer chez lui le lendemain pour lui faire part des communications que je lui avais annoncées sur les affaires d'Allemagne. Je fus donc le trouver. Après avoir exposé ce qui s'était passé entre notre auguste cour et celles de Vienne et de Berlin antérieurement à la signature de notre traité de paix avec la France, je lui ai remis les différents tableaux qui accompagnaient l'expédition du courrier Prochnizky. Il les a examinés avec attention et les a trouvés très approchants des idées du 1-r consul sur ce même objet. Il m'a dit qu'il ne tarderait pas de les lui communiquer et de me faire connaître son opinion définitive à cet égard; en attendant il m'a observé que ce gouvernement désirerait que l'évêché de Ratisbonne, qui dans notre plan faisait partie du lot de l'électeur de Bavière, fût adjugé à celui de Mayence qu'il voudrait y placer, afin de l'éloigner davantage de ses anciennes possessions à la suite du principe général, qu'on avait adopté en France, de

---

шимъ заботамъ, вашей опытности, вашему усердію: тогда я больше надѣялся бы на полный успѣхъ.

Парижъ, 3/15 февраля 1802.

*) ....Я встрѣтился у второго консула съ г. Талейраномъ, который позвалъ меня къ себѣ завтра для сообщенія ему заявленныхъ мною бумагъ о дѣлахъ Германіи. Я пришелъ. Изложивши, что происходило между нашимъ авг. дворомъ и дворами вѣнскимъ и берлинскимъ до подписанія нашего мирнаго договора съ Франціей, я вручилъ ему различныя таблицы, приложенныя къ бумагамъ курьера Прохницкаго. Онъ прочелъ ихъ со вниманіемъ и нашелъ, что онѣ весьма близки ко взглядамъ 1-го консула на этотъ предметъ. Онъ сказалъ, что не замедлитъ сообщить ихъ ему и увѣдомить меня объ его окончательномъ мнѣніи. А покуда онъ замѣтилъ, что здѣшнее правительство желаетъ, чтобы регенсбургское епископство, входящее, по нашему плану, въ долю курфюрста баварскаго, было присуждено курфюрсту майнцскому: ему хочется удалить послѣдняго подальше отъ его прежнихъ владѣній, въ силу

repartir toutes les indemnités de manière qu'elles fussent les plus distantes qu'il serait possible des états précédemment possédés; qu'à la place de l'évêché de Ratisbonne on chercherait quelque autre dédommagement pour l'électeur; qu'enfin il ne croyait pas que la Prusse se contentât du lot qu'on lui assignait, et qu'enfin celui du margrave de Bade lui paraissait également trop modique, et que le 1-r consul qui en faisait un cas infini désirerait le traiter plus libéralement. Je lui ai répondu sur cette dernière observation que rien ne devait prouver davantage le désintéressement et l'équité qui avaient présidé à la rédaction du plan que l'E-r proposait, que cette modération qu'il avait mise à l'égard d'un prince, qui l'intéressait à tant de titres; qu'au reste il ne verrait qu'avec plaisir et satisfaction tout ce que les dispositions du 1-r consul envers monseigneur le margrave de Bade lui suggèreraient de plus favorable à ce prince. Ces dispositions ne sont pas les mêmes envers monseigneur le duc de Wurtemberg; mais j'ai fait sentir à m. Talleyrand la pureté d'intérêt, de sollicitude, que ce prince inspirait à S. M. I., et qu'elle se flattait d'y rencontrer d'autant plus de facilité qu'en effet les demandes qu'elle faisait pour lui ne pouvaient pas équitablement être capables d'indiscrétion. M. Talleyrand, en établissant d'abord qu'avant qu'il fût assuré de l'opinion du 1-r consul sur ces affaires en général tout ce qui se disait entre nous ne devait être regardé que comme une simple conversation, continua en me disant que la marche

---

принятаго во Франціи общаго правила такъ распредѣлять всѣ вознагражденія, чтобы они возможно дальше отстояли отъ прежнихъ владѣній. Онъ прибавилъ, что вмѣсто регенсбургскаго епископства пріищутъ другое вознагражденіе для курфюрста; что Пруссія, по его мнѣнію, врядъ ли удовольствуется назначенною ей долей и что, наконецъ, ему кажется также крайне скромною доля маркграфа баденскаго, котораго 1-й консулъ желалъ бы наградить побольше, придавая этому вопросу огромное значеніе. Я отвѣчалъ на послѣднее замѣчаніе, что ничто лучше не доказываетъ безкорыстія и справедливости и—ра въ составленіи предложеннаго плана, какъ эта умѣренность по отношенію къ принцу, интересовавшему его по многимъ причинамъ: впрочемъ онъ увидитъ съ удовольствіемъ все, что 1-й консулъ вознамѣрится сдѣлать хорошаго для маркграфа баденскаго. Не таково расположеніе консула къ герцогу вюртембергскому. Но я далъ понять г. Талейрану всю чистоту интереса и заботъ, внушаемыхъ е. и. в—ву этимъ принцемъ. Я замѣтилъ, что и—ръ тѣмъ легче надѣется достигнуть цѣли, что поистинѣ нельзя назвать нескромными его требованія въ пользу герцога. Г. Талейранъ заявилъ, что, покуда онъ не заручится мнѣніемъ 1-го консула на эти дѣла, всѣ вообще наши разговоры должны считаться простою бесѣдой. Затѣмъ онъ вполнѣ одобрилъ наше стрем-

de notre cour de concilier préalablement les vues et les intentions des cours de Vienne et de Berlin était la plus convenable et dont ces cours-là paraissaient elles-mêmes d'accord; mais que comme elles ne convenaient pas du siége à fixer pour cette négociation, l'un ne voulant pas de Berlin et l'autre de Vienne, on pourrait l'établir à Paris, comme dans un endroit tiers; je lui ai proposé à son choix en Allemagne un endroit qui fut plus à portée de Pétersbourg, d'où l'on serait peut-être dans le cas de demander des résolutions sur des propositions. Il n'a pas non plus combattu cette idée et a fini par remettre le tout au rapport qu'il ferait au 1-r consul de mes ouvertures et à la réponse qu'il le chargerait de me faire. Je l'ai beaucoup pressé de me la donner le plutôt possible, afin que je puisse la transmettre à ma cour; mais il y aura demain presque 8 jours, qu'il ne m'en a pas reparlé. Le comte de Cobenzl le presse aussi beaucoup, mais sans en être plus avancé...

Pétersbourg. Paris, 1802, 140. Подлинникъ.

№ 137.—Бонапартъ Императору Александру I.

Paris, 27 pluviôse an X.

*) J'ai reçu la lettre de V. M. du 5 décembre dernier. Le tendre intérêt que V. M. prend aux affaires de l'Helvétie est tout-à-fait digne du caractère paternel que V. M. déploie dans le gouvernement de ses

---

леніе согласовать предварительно виды и намѣренія вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, которые, кажется, и сами сходятся въ этомъ. Но такъ какъ они не сходятся насчетъ мѣста переговоровъ, одинъ не желаетъ Берлина, другой Вѣны, то можно открыть ихъ въ Парижѣ, какъ въ третьемъ мѣстѣ. Я предложилъ на выборъ какое-нибудь мѣсто въ Германіи, болѣе близкое къ Петербургу, откуда могутъ потребоваться рѣшенія насчетъ предложеній. Онъ не возражалъ и кончилъ тѣмъ, что предоставитъ все своему докладу 1-му консулу о моихъ сообщеніяхъ и отвѣту, который онъ поручитъ дать мнѣ. Я настаивалъ на скорѣйшемъ отвѣтѣ, чтобы передать его моему двору; но завтра уже 8 дней, какъ онъ не заговаривалъ со мной снова объ этомъ. Гр. Кобенцль также сильно настаиваетъ, но успѣлъ не больше моего....

Парижъ, 4/16 февраля 1802.

*) Я получилъ письмо в. в—ва отъ 5 декабря. Теплое участіе, принимаемое в. в—мъ въ дѣлахъ Гельвеціи, вполнѣ достойно отеческаго характера в. в—ва въ управленіи собственнымъ государствомъ, за который благословляютъ васъ

états et qui la fait bénir de ses peuples. J'ai un plaisir tout particulier à faire connaître à V. M. ce que j'ai pu faire pour tâcher de ramener la tranquillité chez cette bonne nation. — M. Reding qui paraît jouir d'un grand crédit parmi ses compatriotes est venu à Paris; je lui ai conseillé d'user de toute son influence pour concilier les différents partis, étouffer toutes les haines, afin de retrouver leur esprit national. Un sénat composé des hommes les plus éclairés et les plus probes de toutes les factions s'occupe de l'organisation définitive de l'Helvétie, et je suis dans l'espérance que sous peu de mois la nation se trouvera réorganisée et tout-à-fait digne de reprendre sa place parmi les nations indépendantes. Je joins ici la note des individus qui composent le sénat, ainsi que les différents articles qui m'ont paru convenir et devoir être mis en exécution. Les troupes françaises évacueront l'Helvétie dès l'instant que le sénat croira pouvoir s'en passer, afin d'éviter le retour de l'anarchie et du désordre: je lui ai fait témoigner publiquement que je n'étais animé que du désir du bien-être de l'Helvétie, et que la France ne regarderait à aucun sacrifice pour la reconstituer avec le plus de dignité possible. — Je me trouvais à Lyon, lorsque j'ai reçu la lettre de V. M. Je me suis empressé de faire connaître au commerce de cette grande ville la protection qu'elle voulait bien lui promettre. Ce sera pour les fabricants de Lyon un nouveau motif d'encouragement qui les mettant à même d'ouvrir des communications directes,

---

подданные. Съ особеннымъ удовольствіемъ увѣдомляю в. в. о всемъ, что я могъ сдѣлать, стараясь возстановить спокойствіе у этой доброй націи.—Въ Парижъ прибылъ г. Редингъ, который, кажется, пользуется большимъ довѣріемъ среди своихъ соотечественниковъ: я совѣтовалъ ему употребить все свое вліяніе, чтобы привести къ согласію разныя партіи, подавить всѣ злобы, чтобы возродился ихъ національный духъ. Сенатъ, изъ самыхъ просвѣщенныхъ и честныхъ людей всѣхъ мелкихъ партій, занимается окончательнымъ устройствомъ Гельвеціи, и я надѣюсь, что въ нѣсколько мѣсяцевъ нація преобразуется и будетъ вполнѣ достойна снова занять свое мѣсто среди независимыхъ націй. Прилагаю ноту сенаторовъ, а также различныя статьи, которыя, на мой взглядъ, сподручны и должны быть приведены въ исполненіе. Франц. войска очистятъ Гельвецію, какъ только сенатъ найдетъ, что можно и безъ нихъ избѣгнуть возобновленія безначалія и безпорядковъ: я публично заявилъ ему, что одушевленъ лишь желаніемъ добра Гельвеціи и что Франція не пощадитъ жертвъ для ея возстановленія въ самомъ достойномъ видѣ.—Я былъ въ Ліонѣ, когда получилъ письмо в. в—ва. Я поспѣшилъ извѣстить купцовъ этого большаго города о покровительствѣ, которое вамъ угодно было обѣщать торговлѣ. Это послужитъ новымъ ободреніемъ для ліонскихъ фабрикантовъ,

sera extrêmement utile aux sujets de V. M.—Je m'étais rendu à Lyon pour mettre un terme aux discussions et à l'anarchie qui affligeaient l'Italie. V. M. trouvera ci-joint ce qui m'a paru les mettre d'accord, et j'espère que cette nouvelle puissance dont je me suis chargé de guider encore les premiers pas, organisée à l'abri des convulsions intérieures et de l'anarchie, sera tout à la fois dans les intérêts de la Russie et de la France, puisque cette puissance intermédiaire met un frain à l'accroissement de l'Autriche, déjà bien puissante en Italie par l'acquisition de Venise. — J'espère pouvoir annoncer bientôt à V. M. la signature du traité d'Amiens. Malte sera restituée à l'ordre; nous entendions par l'ordre le grand-maître que les chevaliers nommeront en conséquence de l'invitation qui lui en a été faite par le grand-prieuré de Russie. L'Angleterre et la France prieront V. M. d'intervenir dans cet arrangement, afin que dans les guerres qui pourraient survenir ni l'une, ni l'autre de ces puissances ne puissent profiter de la faiblesse de l'ordre pour lui faire aucune espèce de tort. — Les affaires d'Allemagne me paraissent aller lentement. V. M. a des rapports d'alliance avec la maison de Bade qui a beaucoup souffert pendant la guerre. Je désirerais connaître le degré d'appui que V. M. voudrait donner à cette maison. Ce serait le moment favorable pour lui procurer un accroissement raisonnable et proportionné à l'honneur qu'a cette maison d'être alliée à V.

получающихъ возможность открыть прямыя сношенія, весьма полезныя и для подданныхъ в. в–ва.—Я отправился въ Ліонъ съ цѣлью положить конецъ пререканіямъ и безначалію, которыя угнетаютъ Италію. В. в—во увидите изъ приложеній, что я считалъ нужнымъ для ея успокоенія, и надѣюсь, что эта новая держава, первыми шагами которой я взялся руководить, охраняемая новымъ устройствомъ отъ внутреннихъ судорогъ и безначалія, будетъ полезна какъ Россіи, такъ и Франціи: эта посредствующая держава налагаетъ узду на возвеличеніе Австріи, которая уже обладаетъ значительнымъ могуществомъ въ Италіи, благодаря пріобрѣтенію Венеціи.—Надѣюсь, что вскорѣ можно будетъ извѣстить в. в. о подписаніи амьенскаго договора. Мальта будетъ возвращена ордену: подъ орденомъ мы понимаемъ вел. магистра, котораго выберутъ рыцари по приглашенію, сдѣланному вел. русскимъ пріоратомъ. Англія и Франція попросятъ соучастія в. в—ва въ этой сдѣлкѣ, чтобы, въ случаѣ новыхъ войнъ, ни та, ни другая изъ этихъ державъ не могла воспользоваться слабостью ордена и принести ему вредъ. — Дѣла Германіи, по мнѣ, идутъ медленно. В. в. въ союзѣ съ баденскимъ домомъ, который много пострадалъ во время войны. Мнѣ хотѣлось бы знать, насколько в. в—ву угодно будетъ поддерживать этотъ домъ. Предстоитъ благопріятный случай доставить ему достаточное приращеніе, сообразно съ его честью быть союзникомъ в. в—ва. Если бы

M. Si cela pouvait s'arranger, ce serait une dette que la France paierait à un prince, si recommandable par ses vertus, qui s'est toujours conduit avec une grande sagesse. — Les états de V. M. et la France auraient beaucoup à gagner, si l'on pourrait ouvrir, de nos ports de la Méditerrannée, un commerce direct avec la Russie, par la mer Noire. Catherine avait eu ce projet. Ce serait un des mouvements de commerce les plus utiles, en ce qu'il est le plus direct et sur des mers toujours navigables entre les états de V. M. et la France. Nous pourrions, de Marseille, porter directement dans les ports de la mer Noire le produit de nos colonies et de nos manufactures, et recevoir, en échange, les blés, le bois et les autres objets qui arriveraient facilement par les grands fleuves qui débouchent dans la mer Noire. S'il entrait dans les vues de V. M. de protéger ce commerce et de lui donner un mouvement, cela illustrerait son règne et cimenterait sur un nouvel intérêt commun la réunion de nos deux grandes puissances. — Je prie V. M. d'ajouter peu de foi aux différents bulletins à la main et secrets que des agents subalternes pourraient lui envoyer et qui sont la source des mauvais bruits dont on remplit l'Europe sur la situation de la France. Il me reste à prier V. M. de croire au désir que j'ai de lui être agréable.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 1. Подлинникъ.

это устроилось, Франція уплатила бы долгъ столь почтенному, по своимъ добродѣтелямъ, принцу, поведеніе котораго всегда отличалось великою мудростью.- Государство в. в—ва и Франція пріобрѣли бы много выгодъ, если бы открылась прямая торговля между нашими портами на Средиз. морѣ и Россіей чрезъ Черное м. У Екатерины былъ такой планъ. То было бы одно изъ самыхъ полезныхъ торговыхъ движеній: оно самое прямое и пошло бы по морямъ, всегда доступнымъ плаванію между владѣніями в. в—ва и Франціей. Мы могли бы везти изъ Марсели прямо въ порты Чернаго м. произведенія нашихъ колоній и мануфактуръ, а взамѣнъ получали бы хлѣбъ, лѣсъ и др. предметы, легко доставляемые по большимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное м. Если бы входило въ виды в. в—ва покровительствовать этой торговлѣ и дать ей движеніе, это прославило бы ваше царствованіе и скрѣпило бы новыми общими выгодами соединеніе нашихъ двухъ великихъ державъ.—Прошу в. в. не очень довѣрять разнымъ тайнымъ и поспѣшно составленнымъ бюллетенямъ, которые могутъ доставлять вамъ мелкіе агенты и которые служатъ источникомъ дурныхъ слуховъ въ Европѣ насчетъ положенія Франціи. Мнѣ остается просить в. в. вѣрить моему желанію быть вамъ пріятнымъ.

№ 138.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 февраля 1802.

За нѣсколько дней до полученія съ присланнымъ отъ васъ курьеромъ свѣдѣній о перепискѣ вашей съ гр. Воронцовымъ касательно недоразумѣній, происшедшихъ по поводу окончательнаго примиренія Порты Оттоманской съ Франціею, доставлены имъ же, гр. Воронцовымъ, и лордомъ Сентъ-Еленсомъ пространныя по сему самому предмету изъясненія, кои для руководства вашего присемъ находятся.—Съ опытностію и знаніями сего аглицкаго посла въ дѣлахъ, не могъ онъ не ощутить, при первомъ объясненіи всѣхъ обстоятельствъ и видя бумаги, до негоціаціи турецкой относящіяся, кои велѣлъ я ему сообщить, что дѣло сіе имѣло самое естественное теченіе; что не долженствовало оно произвести столь чувствительной импрессіи надъ кабинетомъ Сенъ-Жемскимъ, и что по-истиннѣ естьли и можетъ быть тутъ что ни есть не свойственное, то заключается сіе, можетъ быть, въ какихъ-либо личностяхъ, кои въ маломъ кругѣ, подобномъ Перѣ, могли дѣйствовать надъ лордомъ Ельгинымъ и министромъ моимъ. — Изъ донесеній послѣдняго и другихъ свѣдѣній вижу я въ дѣлѣ семъ теченіе довольно сообразное существу его. Порта съ самаго начала просила о предъявленіи въ Парижѣ добрыхъ моихъ услугъ къ примиренію ея съ Франціею, и настоянія ея по сему случаю возобновлены неоднократно были. Вслѣдствіе чего предмѣстникъ вашъ и вы имѣли предписанія, сему желанію соотвѣтствующія. Неизвѣстно отнюдь намъ было, что Англія располагается въ прелиминарныхъ пунктахъ своихъ включить Порту; да естьли бы и было сіе, то не могли мы не упомянуть о Портѣ въ трактатѣ нашемъ, не подвергнувшись нареканіямъ отъ нея, что интересы ея упущены были, какъ сіе и подлинно случилося до полученія министерствомъ оттоманскимъ извѣстія о секретной конвенціи, въ Парижѣ вами подписанной.—За симъ чего требовалъ отъ Порты т. сов. Тамара? Чтобъ, вслѣдствіе упомянутаго постановленія, негоціація объ окончательномъ мирѣ перенесена была въ Константинополь, согласно съ всегдашнимъ желаніемъ самой Порты и приступленію къ тому Франціи договоромъ ея съ Россіею. Тутъ лордъ Ельгинъ, не имѣвшій тогда еще никакихъ отъ двора своего по сему предмету предписаній, предъявилъ Портѣ требованіе, чтобъ въ Аміенсъ перенесена была турецкая негоціація; и диванъ, не смѣя поступить противно желанію

посла аглицкаго, но внутренно недовольный мѣрою, имъ предложенною, и жалуяся на него, рѣшился дать извѣстныя вамъ предписанія послу турецкому, въ Парижѣ находящемуся, оставаяся притомъ самъ въ немаломъ недоумѣніи и безпокойствѣ.— Но какъ бы все сіе ни было, интересы Россіи и Англіи въ отношеніи Порты не могутъ быть раздѣленными; да и вообще показать и малѣйшее недоразумѣніе по какому бы предмету ни было, было бы превыше всего споспѣшествовать видамъ Франціи, чтобъ всѣхъ содержать раздѣленными. Показавъ сію истину, предложена была лорду Сентъ-Еленсу министерствомъ моимъ мѣра, удовлетворить могущая всѣмъ сторонамъ, и которая, будучи имъ принята на донесеніе, при увѣреніи однакожъ, что дворъ его конечно къ ней приступитъ, здѣсь въ руководство ваше изложена быть имѣетъ.— Вмѣсто негоціаціи въ Аміенсѣ или Константинополѣ, положено, что откроетъ оную въ Парижѣ посолъ турецкій, подъ руководствомъ вашимъ и г. Жаксона и подъ медіаціею Россіи и Англіи, буде послѣдняя того пожелаетъ. Въ случаѣ же, что предпочтетъ она, дабы транзакція послѣдовала единственно подъ медіаціею моею, то полагается, что Англія трактатомъ своимъ, въ Аміенсѣ предназначаемымъ, утвердитъ гарантіею своею миръ, между Портою и Франціею полагаемый.—Такимъ образомъ изъяты быть могутъ всѣ недоразумѣнія и удовлетворить даже вѣроятно можно самымъ желаніямъ правительства фр-го, которое по всѣмъ соображеніямъ предпочтетъ въ Парижѣ дѣло сіе довершить, нежели перенести его въ Аміенсъ, гдѣ первый консулъ неохотно, какъ кажется, смѣшиваетъ или умножаетъ дѣла. — Но дабы негоціація сія возымѣла наилучшее теченіе и приведена была наискорѣе къ концу, то нужнымъ почитаю предписать вамъ: 1) взять подъ руководство ваше всѣ подвиги посла турецкаго и даже сочиненіе актовъ, буде, какъ въ томъ сомнѣваться нельзя, онъ приступитъ къ исполненію совѣтовъ вашихъ, и — 2) составить окончательный трактатъ въ смыслѣ того, какъ присланъ проектъ къ Али Ефендію; но для соображенія съ предположеніями нашими касательно острововъ Іоническихъ составя 3-й пунктъ онаго, какъ при семъ особенно означено, дабы утвердить неопредѣленнѣе независимость области сей; и за симъ не включая уже никакихъ постановленій касательно возвращенія Піемонта и другихъ, до Порты прямо не касающихся.—Причины, побуждающія на таковое соображеніе, заимствуются изъ самаго существа вещей. — Вы описываете сами, что посольство турецкое совершенно повинуется правительству фр-му, слѣдовательно никакое внушеніе ваше, никакой подвигъ не останутся отъ него скрыты; а потому навлечете вы на себя лично не-

благорасположеніе безъ всякой пользы не только для дѣлъ моихъ, но даже и для интересовъ самой Порты, которая въ крайней слабости своей принужденною найдется немного позже или ранѣе уступить настояніямъ французовъ. Вслѣдствіе всего чего единый оборотъ, что можетъ съ удобностію вами быть данъ турецкой негоціаціи, состоитъ въ томъ, чтобъ показать министерству фр-му и послу Порты склонность вашу привести дѣло къ концу образомъ, обѣимъ сторонамъ удовольствительнымъ. — Что касается до Піемонта, то полагая навѣрно, что Порта не согласится употребить имени своего въ требованіи семъ, увѣрену притомъ заранѣе быть можно, что французы, знающіе столь хорошо слабость имперіи Оттоманской и имѣющіе весьма надежные въ Константинополѣ способы, мало вняли бы предстательству Порты и, испытавъ испугать ее, рѣшилися бы притомъ, можетъ быть, и на мѣры крайне вредныя, какъ-то: удержаніе войскъ своихъ въ королевствѣ Неапольскомъ или покушеніи на Морею или на Архипелагскіе острова,— предпріятія тѣмъ для нихъ теперь удобнѣйшія, что примиреніе съ Англіею весьма развязываетъ имъ въ сей части руки и что въ полномъ убѣжденіи должны находиться они, что лондонскій дворъ, однажды примирившися, съ трудомъ безъ важнаго предлога подымется на новую брань.—Относительно же постановленія, которое внесено было въ прелиминаріи, посломъ турецкимъ въ Парижѣ подписанныя, что Франція пользоваться имѣетъ выгодами въ торговлѣ, другимъ уступленными, оно соотвѣтствуетъ тому, что во всѣхъ трактатахъ Россіи, Англіи, Франціи и Австріи обыкновенно вносилося, что будутъ они трактованы наравнѣ съ державами, наиболѣе благопріятствуемыми; слѣдовательно кондиція сія внесена въ окончательный трактатъ быть можетъ, естьли правительство фр-ое того требовать будетъ, понеже, ipso facto и на основаніи прежнихъ договоровъ своихъ, привилегіи, другимъ націямъ присвоенныя, Франціи принадлежатъ. — Т. сов-ку Тамарѣ предписано извѣстить Порту о всемъ томъ, что вамъ нынѣ поручается, и требовать дабы посолъ ея соображался симъ предположеніемъ. Съ другой стороны, посолъ аглицкій имѣлъ писать къ лорду Ельгину о пресѣченіи имъ вопреки того всякихъ подвиговъ, а ген. отъ инфантеріи, гр. Воронцовъ, получаетъ полныя по всему дѣлу сему изъясненія.—Въ протчемъ, вѣдая всѣ заботы и безпокойство Порты, дѣятельному попеченію вашему поручаю стараться какъ наискорѣе привести дѣло сіе въ благому концу.

Pétersbourg. Paris, 1802, 3 Подлинникъ.

№ 139.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 февраля 1802.

Донесенія ваши оправдываютъ въ полной мѣрѣ довѣренность, которую имѣю я къ дѣятельности и искуству вашему въ дѣлахъ. Ободряя всѣ подвиги ваши, нужнымъ почитаю войти здѣсь въ нѣкоторыя изъясненія для дальняго вашего руководства.—Въ отвѣтахъ мин. Талейрана и молчаніи перваго консула вижу я продолжительное намѣреніе отклонить справедливое требованіе о возвращеніи Піемонта королю Сардинскому; съ другой стороны, открываю изъ отзывовъ, вамъ маркизомъ Корнвалисомъ учиненныхъ, изъ совершеннаго невѣденія о томъ, что въ Аміенсѣ происходитъ, что намѣрена Англія вмѣшаться сколько можно меньше въ дѣла, непосредственно ея неинтересующія. Тутъ и представляется, что вмѣсто единодушныхъ подвиговъ съ полномочнымъ аглицкимъ, кои предписаны вамъ были, находитесь вы одни дѣйствующимъ; а потому, продолжая настоянія ваши у министерства фр-го по предмету сему, нужно, быть можетъ, распоряжать внушенія ваши съ нѣкоторою осторожностію, размѣряя поступки ваши по мѣрѣ того, какъ настоять будетъ нѣкоторая видимость въ удовлетвореніи онымъ, и дабы не навлечь иногда непріятнаго отказа. Прискорбно, конечно, что лондонскій дворъ не пріемлетъ въ дѣлѣ семъ того участія, на которое я ласкался; да и вообще сожалительно, что конгрессъ аміенскій есть, такъ сказать, непроницаемая тайна, вмѣсто того, что и по другимъ дѣламъ соглашеніе могло бы быть полезно. Впротчемъ, располагаюся, какъ и прежде писано вамъ было, имѣть къ Франціи снисхожденіе по мѣрѣ какъ оказывать будетъ она уваженіе къ дѣламъ, въ коихъ участіе я пріемлю, по случаю ли могущихъ быть требованій со стороны ея о признаніи республики Сизальпинской и короля Етрурійскаго, или когда министръ ея, прибывъ сюда, предъявитъ желаніе, кое правительство его особливо кажется питаетъ, чтобъ заключить съ Россіею торговыя постановленія. Тогда размѣряться станетъ здѣсь податливость моя по мѣрѣ той, каковою первый консулъ руководствоваться будетъ въ дѣлахъ Германіи и Италіи. Заимствуя и изъ сего, при случаѣ, доводы ваши, не оставляйте, какъ и до сего чинимо уже вами было, показывать полное убѣжденіе ваше, что Франція, которая нынѣ обращаетъ все вниманіе свое на возстановленіе торговли своей, конечно, болѣе имѣетъ нужду въ Россіи, нежели послѣдняя въ ней, и безъ того всегда одинакіе къ из-

бытку продуктовъ своихъ способы имѣющая.—Отзывы министра внѣшнихъ сношеній касательно упраздненія областей короля Неапольскаго войсками фр-ми были, конечно, довольно неожиданны, и тѣмъ болѣе нужно, чтобъ обязательства республики фр-ой возъимѣли по случаю сему дѣйствіе свое, что его сицилійское в-во желаетъ сохранить войско мое до выхода французовъ, чѣмъ затрудниться можетъ исполненіе предположеній моихъ употребить упомянутую часть воинскаго ополченія моего сперва въ Корфу, а потомъ возвратить оное въ черноморскіе наши порты. Естьли бы же затруднился паки Талейранъ тѣмъ, что не подписанъ окончательный миръ съ турками, то въ томъ, получая нынѣ обстоятельныя предписанія, можете вы дать полное обнадеживаніе, что скоро сіе можетъ послѣдовать.—Съ нетерпѣливостію, впротчемъ ожидать буду отъ васъ подробныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ поѣздки перваго консула въ Ліонъ и о дальнихъ изъясненіяхъ вашихъ съ министерствомъ фр-мъ, желая, чтобъ сколько можно чаще доставляли вы сюда свѣденія, употребляя чрезвычайные случаи или почту; а для безпечности переписки вашей по послѣдней, часто перемѣняемы будутъ шифры, коихъ новые два экземпляра уже для васъ и заготовляются.

Pétersbourg. Paris, 1802, 4. Подлинникъ.

№ 140.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 февраля 1802.

Выписки изъ депешей посла гр. Разумовскаго, присемъ препровождаемыя, извѣстятъ васъ о случившемся въ новый годъ недоразумѣніи между него и посла республики фр-ой Шампани, по случаю обыкновеннаго въ сей день во дворцѣ съѣзда. Несомнѣваяся, чтобъ поведеніе сіе не было дѣйствительно слѣдствіе неосторожности личной, и увѣренъ будучи, что первый консулъ долженъ быть весьма чуждъ малостямъ подобнымъ етикету, я не меньше нужнымъ счелъ однакожъ доставить вамъ свѣденія сіи, поручая при случаѣ изъявить министру внѣшнихъ дѣлъ удовольствіе мое, что дѣло сіе окончено образомъ, свойственнымъ дружественнымъ сношеніямъ, между обѣими державами существующимъ; но тутъ же, или при другой встрѣчѣ, и безъ всякой афектаціи, не оставьте почувствовать дать, что, лично весьма мало склонности имѣя обращать и малѣйшее вниманіе къ вещамъ подобнымъ церемоніаламъ, не меньше однакожъ обязанъ буду удерживать права свои противу

всѣхъ тѣхъ, кои оспаривать оныя пожелать могутъ, и что на основаніи мирнаго постановленія съ Франціею прежній етикетъ будучи возстановленъ, и министры мои прежнимъ же правиламъ и предписаніямъ, имъ даннымъ, будутъ соображаться.

Pétersbourg. Paris, 1802, 5. Подлинникъ.

№ 141.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 февраля 1802.

Усматривая въ послѣднихъ донесеніяхъ вашихъ, что первый консулъ и мин. Талейранъ, по возвращеніи изъ Ліона, полагали приступить къ соображенію устройства дѣлъ германскихъ, и заключая изъ отзывовъ послѣдняго вамъ, что Франція можетъ тутъ руководствоваться не столь пристрастно, какъ многіе въ разсужденіи Пруссіи ее почитаютъ, нужно вамъ, быть можетъ, имѣть для руководства вашего все то, чтб по дѣламъ симъ происходило между здѣшнимъ и дворами вѣнскимъ и берлинскимъ, а потому и доставляются при семъ здѣсь: копіи съ донесеній гр. Разумовскаго и предписаній ему данныхъ; копіи съ таковыхъ же бар. Криденера и повелѣній ему посланныхъ и сообщенія графовъ Саурау и Лузи министерству моему.—Въ бумагахъ сихъ откроете вы два главныя обстоятельства: что ни вѣнскій, ни берлинскій дворы не были довольны предположеніями нашими, и что послѣдній, желая пріобрѣсти больше, а первый въ намѣреніи конечно не допустить ему распространиться, перенесли дѣло сіе въ Парижъ. — Въ невозможности согласить Австрію и Пруссію, обстоятельство сіе представить можетъ существенныя удобства, естьли наипаче полагаться можно на отзывы къ вамъ по предмету сему министерства фр-го. Полезно было бы, естьлибъ послѣднее, убѣждаяся согласно со мною, что претензіи Пруссіи суть непомѣрны, но что и кабинетъ австрійскій слишкомъ строго судить можетъ желанія соперницы своей, приступлено къ соображенію такъ вещей, чтобъ умѣрены были виды распространенія Пруссіи и чтобъ Австрія, получивъ приличное пристроеніе для вел. герцога Тосканскаго, не могла наносить другимъ лишняго безпокойства или испровергнуть въ Германіи всякое равновѣсіе.—Тутъ подлинно Россія и Франція существенное участіе имѣть могутъ, и буде первый консулъ приметъ въ случаѣ семъ правила умѣренности и безпристрастія, то заранѣе увѣренъ быть можетъ въ охотномъ и дѣятельномъ содѣйствіи моемъ къ приведенію въ дѣйство того, что между нами положено будетъ.—О

предложеніяхъ правительства фр-го двору берлинскому на устроеніе индемнизацій извѣстно только, что герцогства Мекленбургскія имѣли поступить въ замѣнъ епископства Минстерскаго и проч., какъ усмотрите вы изъ переписки бар. Криденера. Какія же дальныя были виды перваго консула и въ чемъ состояли желанія Пруссіи, взаимно изъявленныя, сіе также, не дошедъ до свѣдѣнія моего, не позволяетъ совокупно чинить никакого новаго соображенія; напередъ предугадать однакожъ можно, что планъ мой, вамъ доставленный, не встрѣтился съ видами перваго консула, не желающаго имѣть, въ сопряженіи Франціи, ни республики Батавской, значущихъ сосѣдей. Но какъ исполненіе намѣреній моихъ нашло также затрудненія и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, то и невозможно будетъ придерживаться точно смыслу первыхъ предположеній моихъ, а удобно быть можетъ войти въ соображеніе, поколику возможно уравнивающее новыя пріобрѣтенія съ прямыми потерями разныхъ интересованныхъ владѣній.—Не опредѣляя потому ничего здѣсь положительнаго, одну вещь по возможности наблюденію вашему поручаю: чтобъ при случаѣ сношеній вашихъ съ министерствомъ фр-мъ старалися вы отклонять, дабы епископство Оснабрикское и духовное Корвейское владѣніе, на кои курфюрстъ гановерскій имѣетъ права, не отошли королю прусскому. Е. в-во король аглицкій, интересуяся въ сохраненіи правъ, дому его въ Германіи принадлежащихъ, я считаю приличнымъ, естьли не воспротивиться мѣрѣ сей, буде секуляризаціи должны обнять и сіи владѣнія, то по крайней мѣрѣ не участвовать въ вещи непріятной державѣ, съ коею дружественныя сношенія намѣренъ я соблюсти, а потому и не оставите вы, при случаѣ, въ смыслѣ семъ г. Жаксону отзываться. Впротчемъ вообще желательно было бы, чтобъ свѣтскія владѣнія осталися въ настоящемъ ихъ положеніи, а не были перемѣщеніями поводомъ сугубаго замѣшательства.—Графъ Саурау, извѣщая министерство мое о предписаніяхъ, посланныхъ къ гр. Филиппу Кобенцелю по дѣламъ германскимъ, просилъ именемъ двора своего, чтобъ предписано было вамъ подкрѣплять представленія его. Сіе было ему обѣщано; да желаніе мое и подлинно есть, чтобъ вы содѣйствовали послу цесарскому поколику требованія его основаны будутъ на умѣренности, въ чемъ однакожъ къ сожалѣнію по учиненнымъ уже испытаніямъ не много кажется предстоитъ надежды. Послѣднее обстоятельство сіе старанію вашему поручаю, увѣренъ будучи, что первый консулъ не только (sic) желать можетъ, чтобъ дѣла въ настоящей нерѣшимости осталися, сколько настоящая польза оныхъ требуетъ видѣть ихъ скоро разрѣшенными. — По извѣстіямъ, сюда доходящимъ, заключать

можно, что между Франціей и Пруссіей существуетъ совершенное единодушіе. Ген. Бернонвиль съ нарочитою поспѣшностію подавался на всѣ предложенія министерства прусскаго и увѣрялъ его, что первый консулъ поступитъ на всякія выгодныя для Пруссіи соображенія. Многіе полагаютъ, что тутъ дѣйствовать много можетъ лично желаніе ген. Бернонвиля быть пріятнымъ двору, при коемъ онъ находится акредитованнымъ; но не меньше полезно быть можетъ утвердиться въ основаніи или неправдѣ свѣдѣній сихъ.

Pétersbourg. Paris, 1802, 6. Подлинникъ.

№ 142.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 февраля 1802.

Рескриптомъ 28 дек. 1801 предварены были вы, что въ слѣдствіе письма, коимъ первый консулъ между протчимъ приглашаетъ меня обратить вниманіе на республику Семи Соединенныхъ Острововъ, доставлены будутъ вамъ нужныя свѣдѣнія касательно положенія острововъ сихъ и способовъ, кои представляются мнѣ наиудобнѣйшими для приведенія тамъ порядка.—Получа съ тѣхъ поръ обстоятельнѣйшія увѣдомленія о послѣднихъ тамъ случившихся происшествіяхъ, нынѣ могу доставить вамъ записку, заключающую безпристрастное извлеченіе изъ всѣхъ обстоятельствъ, кои съ самаго начала и поднѣсь на островахъ сихъ происходили. Тутъ первый консулъ увидитъ причины безпорядковъ. Онѣ состоятъ кажется главнѣйше въ необузданности жителей, въ неудовольствіи ихъ на конституцію, имъ данную, въ присвоеніи Портѣ власти верховности (droit de suveraineté). — Предписанія графу Моцениго, присемъ въ копіи для собственнаго свѣдѣнія и руководства вашего препровождаемыя, извѣстятъ васъ о мѣрахъ, кои употребить полагаю я для перемѣны бѣдственнаго положенія сея новыя области. Войско мое, въ Неаполѣ находящееся, нынѣ, какъ французы на основаніи постановленій нашихъ съ ними должны очистить области его Сицилійскаго в-ва, имѣютъ возвратиться во свояси, я временно полагаю обратить ихъ въ Корфу и въ другіе острова, и таковымъ предположеніемъ надѣюся удовлетворить желанію перваго консула. Встрѣтить виды его щитаю такъ же, приступая къ мысли, что область Семи Соединенныхъ Острововъ неограниченно должна быть независимая и что перемѣнить нужно отношенія ея съ Портою Оттоманскою, яко совсѣмъ несообразныя, побудивъ притомъ послѣднюю дать на независимость

сію ту гарантію, каковую я, Францiя и Англія ей предназначаемъ.— Сообщая свѣдѣнія сіи министерству фр-му и поставляя въ цѣну уваженіе мое къ изъявленнымъ мнѣ намѣреніямъ перваго консула, не оставьте склонять его къ тому, дабы содѣйствуемо было со стороны фр-го правительства достиженію цѣли сея. Увѣрясь, что ни въ чемѣ иномъ состоятъ намѣренія мои, какъ только, чтобъ дать покой области, которую Францiя сама утвердила, и что не могутъ заключаться тутъ никакіе собственные виды мои, не затруднится конечно кабинетъ тюлерійскій предписать, 1-е, повѣренному въ дѣлахъ при Портѣ, чтобъ онъ утверждалъ ее въ необходимости отложить всякое притязаніе на верховность султана турецкаго и, 2-е, министру ли фр-му, въ Неаполѣ находящемуся, или другимъ агентамъ своимъ, кои могутъ имѣть сношенія съ островами Іоническими и содержутъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ нихъ партіи, поручить прекратить происки ихъ и споспѣшествовать такимъ образомъ успѣшному окончанію дѣла сего. Министръ мой въ Неаполѣ или гр. Моцениго могутъ доставлять вамъ свѣдѣнія о всемъ томъ, что въ дѣйство производимо будетъ, а вы съ вашей стороны можете сообщать оныя первому консулу. Впротчемъ на благоразуміе ваше предоставляю, чтобъ отзывы ваши касательно содѣйствія правительства фр-го въ Константинополѣ распорядили вы такъ, дабы не могло оно воспользоваться случаемъ симъ къ возрожденію у Порты каковыхъ либо на щетъ нашъ подозрѣній, въ чемъ предуспѣть можете вы, давая всему видъ болѣе снисхожденія нашего къ видамъ его, нежели желанія что либо привести въ дѣйство противу турокъ, поведеніемъ коихъ я имѣю всякій поводъ быть довольнымъ.—Съ т. сов Тамарою можете вступить по дѣлу сему въ безпосредственное сношеніе, равнымъ образомъ можете имѣть по оному переписку и съ гр. Воронцовымъ, который получилъ всѣ тѣ свѣдѣнія, кои нынѣ вамъ сообщаются, присоединяя притомъ здѣсь для соображенія вашего, что лордъ Сентъ-Еленсъ положительныя увѣренія здѣсь чинилъ, что всѣ предположенія мои совершенно соотвѣтствуютъ видамъ двора его и что вездѣ будутъ они подкрѣплены; вслѣдствіе чего и не было писано отъ него къ лорду Гауксбюри на случай, естьлибъ было еще время снабдить лорда Корнвалиса нужными предписаніями по пункту окончательнаго постановленія, до островов сихъ относящагося.—Въ ожиданіи отъ васъ извѣстій, какимъ образомъ приняты будутъ сообщенія ваши, присоединить нужнымъ почитаю, чтобъ въ случаѣ, чего однако ожидать не можно, естьли бы правительство фр-ое встрѣтило васъ тутъ съ каковыми трудностями, отправили вы о томъ заблаговременно извѣщеніе къ гр. Мо-

ценигѣ, въ отвращеніи каковыхъ либо недоразумѣній, каковыя быть могутъ на основаніи постановленія нашего съ Франціею, что не должны находиться иностранныя войска на островахъ Іоническихъ; но тутъ не трудно будетъ дать почувствовать, что настоящій случай составляетъ исключеніе, бывъ наипаче слѣдствіе желаній самого перваго консула. Впротчемъ естьли бы встрѣтилися каковыя рекламаціи, или что изобрѣтено было какое другое средство для приведенія порядка на упомянутыхъ островахъ, то, дѣйствуя единственно для пользы ихъ, я охотно приступлю и на всякое другое, цѣли моей споспѣшествующее соображеніе.

Pétersbourg. Paris, 1802, 7. Подлинникъ.

№ 143.—Талейранъ Коленкуру.

Paris, 1 ventôse an X.

*) Le 1-r consul avait reçu à Lyon une lettre particulière de S. M. l'E-r de Russie par laquelle il témoignait prendre intérêt aux affaires de l'Helvétie. Le 1-r consul a été empressé d'y répondre et de donner à S. M. I. les communications qu'elle pouvait désirer. Tel est l'objet principal de la lettre que je joins ici et que vous remettrez à S. M. après avoir demandé une audience à cet effet.—Dans cette lettre le 1-r consul entre aussi dans quelques détails par rapport aux résultats de la consulte de Lyon. Il remercie en même temps l'E-r des dispositions favorables qu'il montre pour le commerce de la ville de Lyon et il propose quelques moyens d'étendre davantage les relations commerciales entre les deux pays. On peut dire en un mot que la lettre du 1-r consul est l'expression franche et complète du désir dont il est animé de donner chaque jour plus d'intensité et de développement aux

---

Парижъ, 8/20 февраля 1802.

*) 1-й консулъ получилъ, въ Ліонѣ, частное письмо е. в—ва русскаго и—ра, въ которомъ обнаруживается его участіе къ дѣламъ Гельвеціи. 1-й консулъ поспѣшилъ отвѣчать и дать желательныя е. и. в—ву свѣдѣнія. Таковъ главный предметъ прилагаемаго письма, которое вы вручите е. в—ву, испросивъ на то аудіенцію.—Въ этомъ письмѣ 1-й консулъ входитъ также въ нѣкоторыя подробности относительно ліонской консульты. Въ то же время онъ благодаритъ и—ра за ліонскую торговлю и предлагаетъ нѣкоторыя средства для расширенія торговыхъ сношеній между двумя странами. Словомъ, письмо 1-го консула есть откровенное и полное выраженіе одушевляющаго его желанія съ каждымъ днемъ развивать и укрѣплять дружественныя отношенія.

rapports de bonne amitié qui lient en ce moment la France et la Russie, et sans doute l'E-r Alexandre qui a provoqué cette correspondance secrète est digne d'apprécier tout l'intérêt qu'y porte l'illustre chef du gouvernement français. Il y a aussi dans cette lettre une phrase par laquelle le 1-r consul invite S. M. I. à n'ajouter aucune foi aux bruits ridicules qu'on fait circuler sur la tranquillité intérieure de la république.—Il faut vous dire que ces bruits avaient leur source dans de misérables bulletins, à la composition desquels il s'est trouvé que m. de Morkoff n'était pas étranger, car le libelliste Fouilhoux a déclaré dans son interrogatoire qu'il avait été *excité, payé, dirigé* par le ministre de Russie.—Sans mettre à ces petites intrigues plus d'importance qu'elles n'en méritent, le 1-r consul n'a pu s'empêcher de s'en exprimer avec quelque moquerie vis-à-vis de m. de Morkoff. Si on voulait traiter la chose plus sérieusement, on pourrait observer combien cette espèce d'encouragement accordé d'un écrivailleur qui ne chercha qu'à jeter du trouble, est contraire aux termes formels du traité qui a été récemment conclu et par lequel on s'est promis les plus grands égards pour les gouvernements respectifs. Mais il suffira que dans vos conversations vous vous attachiez à relever légèrement avec mesure et finesse toutes les inconséquences de la conduite de m. de Morkoff, conduite évidemment opposée aux sentiments connus et proclamés de sa cour. — Vous pourrez aussi laisser échapper quelque chose sur la vie mesquine qu'il

---

которыя связываютъ въ эту минуту Францію и Россію; и, конечно, и—ръ Александръ, вызвавшій эту тайную переписку, достоинъ оцѣнить весь интересъ, который вноситъ сюда знаменитый вождь французскаго правительства. Въ этомъ письмѣ есть еще фраза, приглашающая е. и. в—во не вѣрить смѣшнымъ слухамъ, которые распускаются насчетъ внутренняго спокойствія республики. — Нужно сказать вамъ, что эти слухи проистекаютъ изъ негодныхъ бюллетеней, составленію которыхъ не былъ чуждъ г. Морковъ: пасквилянтъ Фулью объявилъ на допросѣ, что его *возбуждалъ*, *оплачивалъ* и *направлялъ* русскій министръ.—Не придавая этимъ интрижкамъ больше значенія, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, 1-й консулъ не удержался выразиться о нихъ передъ г. Морковымъ съ нѣкоторой насмѣшкой. Если посмотрѣть на дѣло серьезнѣе, можно бы замѣтить, какъ такая поддержка писаки, который старался только посѣвать смуту, противорѣчитъ прямымъ условіямъ недавно заключеннаго договора, гдѣ обѣщано величайшее взаимное уваженіе къ обоимъ правительствамъ. Но будетъ достаточно, если вы, въ вашихъ бесѣдахъ, постараетесь слегка въ мѣру и съ тонкостью, коснуться всей несообразности поступка г. Моркова, — поступка, явно противорѣчащаго извѣстнымъ и возвѣщеннымъ чувствамъ его двора.—Можете также проронить словечко насчетъ его скаредной

mène à Paris. Il est vrai de dire que depuis qu'il y réside il n'a pas donné un dîner et qu'on sait à peine où il demeure. Il n'est sûrement pas dans les intentions de son gouvernement qu'il ait ici une existence aussi modeste, et si on ne croyait pas y reconnaître l'effet d'une spéculation économique, on ne pourrait s'empêcher d'y voir peu de référence pour le gouvernement qui l'emploie, peu d'égard pour celui, auprès duquel il est envoyé...

Paris. 141, 75. Черновая.

№ 144.—Морковъ двору.

Paris, 11/23 février 1802.

*) L'acceuil qu'a fait le ministre des relations extérieures aux premières ouvertures que je lui ai faites, par ordres de V. M. I., des bases qu'elle proposait pour l'arrangement de l'affaire des indemnités en Allemagne, et dont j'ai rendu compte dans ma dépêche chiffrée à m. le comte de Kotschoubey en date du 3/15 février, m'avait fait espérer qu'en expédiant aujourd'hui mon courrier, je serai à même de faire un rapport décisif des déterminations de ce cabinet à ce sujet; mais ayant revu le ministre au bout de 8 jours et ayant remis le même objet sur le tapis, j'ai entendu un langage tout différent du précédent. C'étaient des divagations générales sur la conformité des tableaux que je lui

---

жизни въ Парижѣ. По правдѣ, онъ еще не далъ ни одного обѣда, и едва знаютъ, гдѣ онъ живетъ. Конечно, не въ видахъ его правительства, чтобы онъ велъ такую скромную жизнь. И еслибъ не видѣли тутъ экономическаго разсчета, непремѣнно признали бы недостатокъ почтенія къ своему правительству и уваженія къ правительству, къ которому онъ посланъ...

Парижъ, 11/23 февраля 1802.

*) Пріемъ, сдѣланный министромъ иностранныхъ дѣлъ первымъ сообщеніямъ, сдѣланнымъ ему мною, по приказу в. и. в—ва, насчетъ основаній, предложенныхъ вами для улаженія вопроса о вознагражденіяхъ въ Германіи (я отдалъ отчетъ о немъ въ моей шифрованной депешѣ гр. Кочубею отъ 3/15 февраля), подалъ мнѣ надежду, что я буду въ состояніи послать съ нынѣшнимъ курьеромъ окончательное донесеніе о рѣшеніи этого кабинета по сему поводу. Но снова повидавшись съ министромъ, дней 8 спустя, и опять поднявши тотъ же вопросъ, я услышалъ совсѣмъ другую рѣчь. Пошли общія разглагольствованія насчетъ сходства врученныхъ мною таблицъ съ

avais remis avec ceux que la cour de Vienne avait présentés, tandis que le 1-r consul s'attendait à de nouvelles idées; c'était difficulté de concilier les prétentions des parties intéressées qu'on affectait de vouloir ménager; c'est défaut de temps, tout absorbé par l'attention que demande le congrès d'Amiens et qui ne permet pas au 1-r consul, tant que ce congrès n'est pas terminé, de s'occuper de cette question avec la maturité de réflexion qu'elle exige; et en dernière analyse m. de Talleyrand m'a déclaré qu'on ne l'entamerait sérieusement qu'après l'affaire d'Amiens achevée. — Le comte de Cobenzl n'a pas été plus heureux que moi dans les tentatives qu'il avait faites pour entrer en matière. Il ne s'est pas contenté de parler, comme j'ai eu l'honneur d'en rendre compte dans mon rapport du même 3/15 février; il a remis une note d'après le projet qu'il m'avait communiqué et dont je joins ici une copie; mais il n'a encore jusqu'à présent reçu aucune réponse. — Cependant instruit par le baron de Krudner que les négociations entre la cour de Berlin et ce cabinet-ci étaient en pleine activité, et que quelques objets y étaient clairement articulés et énoncés, j'en ai parlé à m. de Talleyrand, provoquant sa confiance par celle que V. M. I. lui marquait, en lui communiquant ses sentiments et ses opinions. Mais il a tout désavoué, traitant ses négociations de simples pourparlers qui ne devaient tendre qu'à éclaircir la matière, et promettant de ne rien conclure que dans un parfait concert avec V. M. I. Toutefois

---

таблицами, представленными вѣнскимъ дворомъ, тогда какъ 1-й консулъ ожидалъ-де новыхъ мыслей. Затѣмъ—трудность согласить притязанія заинтересованныхъ сторонъ, которыя якобы желаютъ щадить, да недосугъ, такъ какъ ихъ вниманіе поглощено амьенскимъ конгрессомъ, который не даетъ 1-му консулу заняться этимъ вопросомъ съ должною зрѣлостью сужденія. Наконецъ, г. Талейранъ объявилъ мнѣ, что серьезно не начнутъ дѣла, пока не кончится амьенскій вопросъ.—Гр. Кобенцль не былъ счастливѣе меня въ попыткахъ начать дѣло. Онъ не ограничился словами, какъ я имѣлъ честь заявить въ томъ же донесеніи отъ 3/15 февраля, но подалъ ноту, согласно прилагаемому списку проекта, который былъ сообщенъ мнѣ; но до сихъ поръ не получалъ отвѣта. Между тѣмъ, узнавши отъ барона Крюднера, что переговоры между дворами берлинскимъ и здѣшнимъ въ полномъ ходу и нѣкоторые вопросы уже ясно выставлены и опредѣлены, я сказалъ объ этомъ г. Талейрану, вызывая его на довѣріе, соотвѣтственно съ тѣмъ довѣріемъ, которое оказали в. и. в., сообщивши ему свои чувства и мысли. Но онъ отрекся отъ всего, называя эти переговоры простыми бесѣдами лишь для уясненія дѣла и обѣщая ничего не кончать безъ полнаго согласія съ в. и. в—вомъ. Впрочемъ, онъ долженъ былъ сознаться, что сдѣлалъ нѣкоторыя

il n'a pas pu disconvenir qu'en effet il avait fait faire à cette cour-là quelques ouvertures par rapport au Mecklembourg; mais ce fut, disait-il, pour s'assurer, si elle conservait encore les idées que Fréderic II avait fait apercevoir à cet égard. — Toutes les lenteurs avec lesquelles on procède ici à l'arrangement définitif de ces affaires d'Allemagne n'indiquent que trop le projet d'y prolonger la confusion, d'engourdir et d'enchaîner les cours par l'espoir d'obtenir des lots plus ou moins considérables selon le plus ou le moins de déférence qu'elles montreront pour les plans ultérieurs de ce pays-ci, pour frapper encore un coup semblable à celui de la Cisalpine. Ce coup ne peut porter que sur la Suisse et s'annonce déjà par le prélude des actes d'autorité et de vexations qu'on y exerce. J'en ai également rendu compte dans ma dépêche du 29 nov. (11 déc.) 1801 et dont le dublicata accompagne cette expédition.—L'opération de la Cisalpine a excité beaucoup de murmures dans Paris. Bien des personnes de sens et de jugement y ont vu le germe d'un prochain renouvellement de guerre. Le 1-r consul, informé de ces murmures, se hâta de rédiger lui-même un écrit à ce sujet et le fit insérer dans les papiers publics. Je l'en ai fait extraire et le soumets ici à la connaissance de V. M. I., s'il n'y est déjà parvenu par la voie de l'impression. Si cet écrit est bien calculé pour calmer la fermentation des caffés, il ne l'est point assez pour dissiper les alarmes et les craintes des cabinets. On le sent ici parfaitement bien; mais on est sûr

---

откровенія тому двору насчетъ Мекленбурга; но, сказалъ онъ, это лишь для того, чтобы удостовѣриться, продолжаютъ ли въ Берлинѣ держаться мыслей, проглядывавшихъ у Фридриха II въ этомъ направленіи.—Всѣ затяжки въ окончательномъ устроеніи этихъ германскихъ дѣлъ слишкомъ ясно обнаруживаютъ намѣреніе длить смуту, обременять и затягивать дворы надеждой получить болѣе или менѣе значительныя доли сообразно со степенью ихъ почтенія къ окончательнымъ планамъ здѣшней страны, наконецъ, устроить новую неожиданность, въ родѣ Цизальпины. Эта неожиданность должна оказаться именно въ Швейцаріи: преддверіемъ къ ней уже служатъ проявленія тамъ власти и угнетенія. Я далъ отчетъ и объ этомъ въ депешѣ отъ 29 ноября (11 декабря) 1801, дубликатъ которой при семъ препровождаю.—Цизальпинская продѣлка возбудила большой ропотъ въ Парижѣ. Многіе смышленые и разсудительные люди увидѣли въ ней зародышъ новой войны. Узнавши объ этомъ ропотѣ, 1-й консулъ самъ написалъ статью и поспѣшилъ напечатать ее въ журналахъ. Я сдѣлалъ выписку изъ нея, которую и предлагаю здѣсь къ свѣдѣнію в. и. в—ва, если она уже не дошла до васъ путемъ печати. Если эта статья хорошо разсчитана на успокоеніе возбужденія въ кофейняхъ, она недостаточна, чтобы разсѣять тревогу и опасенія кабинетовъ. Это отлично по-

d'imposer aux états voisins par l'appareil de la force et on se flatte d'endormir ceux qui sont encore hors de son atteinte par de fausses démonstrations d'égards et de considérations jusqu'à ce que tout eût croulé autour d'eux. Tel est nommement le plan adopté vis-à-vis de V. M. I. Le général Hédouville part demain, chargé probablement de le mettre en exécution. Il emmène avec lui pour coopérateurs une colonie entière, savoir 2 secrétaires d'ambassade, 2 aides de camp et 8 élèves. Très probablement aussi il ouvrira ses négociations par la proposition d'un traité de commerce, auquel on attache ici la plus grande importance et avec raison, puisqu'il facilitera beaucoup le rétablissement de la marine française dont on s'occupe avec la plus grande sollicitude comme d'un moyen indispensable non seulement pour consolider, mais pour agrandir encore le colosse de puissance déjà existant. Aux ouvertures qui m'ont été faites relativement à ce même objet, j'ai toujours répondu que quelque disposée que soit V. M. I. à étendre ses relations avec la France, elles ne doivent et ne peuvent être qu'une suite de l'établissement d'un système général en Europe qui fixe d'une manière stable et solide à chaque état ses limites et ses bornes et lui assure une tranquillité et une paix durable, et qu'aussi longtemps que le sort de l'Allemagne et celui de l'Italie resteront incertains, V. M. ne saurait regarder que comme précaire ou secondaire tout autre objet de ses engagements avec la France. Je ne sais si en tenant ce langage

---

нимаютъ здѣсь, но вполнѣ надѣятся запугать сосѣднія государства показомъ силы и усыпить отдаленныхъ ложными заявленіями уваженія и почтенія, пока все не рухнетъ вокругъ нихъ. Именно такой планъ усвоенъ относительно в. и. в—ва. Вѣроятно, для его исполненія отправляется завтра генералъ Эдувиль. Онъ беретъ съ собой цѣлую колонію сотрудниковъ, именно 2 секретарей посольства, 2 адъютантовъ и 8 воспитанниковъ. Весьма вѣроятно, что онъ начнетъ съ предложенія торговаго договора, которому придаютъ здѣсь огромное значеніе, и недаромъ: онъ сильно двинетъ дѣло возстановленія французскаго флота, которому посвящается величайшее вниманіе, какъ необходимому средству не только утвердить, но и еще возвеличить уже существующій колоссъ могущества. На откровенія по этому предмету я всегда отвѣчалъ, что какъ вы ни расположены къ расширенію сношеній съ Франціей, послѣднія могутъ и должны быть лишь слѣдствіемъ установленія общей европейской системы, которая утвердила бы прочно и нерушимо границы каждаго государства и обезпечила бы спокойствіе и долгій миръ. Я прибавлялъ, что пока судьбы Германіи и Италіи останутся неопредѣленными, в. в—во будете считать всѣ другія свои обѣщанія Франціи шаткими или второстепенными. Не знаю, уловилъ ли я намѣренія в. и. в—ва; но мнѣ казалось,

j'ai saisi l'intention de V. M. I., mais il m'a semblé qu'en effet elle avait celle de ne contracter d'engagement avec aucune puissance qu'après le débrouillement du chaos actuel. Ce système, adopté dans sa sagesse, me paraît, selon mon faible jugement, propre à remplir le double but, et de contenir l'ambition démesurée de la France, et de relever l'esprit des autres cabinets, trop affaissé sous le joug qui pèse sur eux, et qui ne verront qu'avec un nouveau découragement et une nouvelle crainte toute espèce de liaison qu'elle formerait avec ce pays-ci. Déjà la cour de Londres en montre une espèce de jalousie, et son ministre résident ici, le sieur Jackson, m'a témoigné beaucoup d'inquiétude au sujet de la lettre de m. de Talleyrand au maire de Lyon, par laquelle il lui annonce, sans doute avec exagération, les avantages que V. M. I. promettait dans ses états au commerce français. Pour tranquilliser m. Jackson sur ce sujet, j'ai cru devoir lui montrer le passage de la lettre de V. M. au 1-r consul qui en faisait mention. — Enfin ce ministre anglais a reçu ordre de sa cour de faire une démarche en faveur de l'admission du ministre du roi de Sardaigne à Paris pour traiter des intérêts de son maître. Il s'en est acquitté hier et est venu me dire qu'elle a été aussi infructueuse que toutes celles que j'ai faites à ce même sujet et à différentes reprises. Il me paraît que le sort de ce prince est tout-à-fait décidé, malgré que m. d'Hédouville, à qui j'en ai parlé discoursivement, m'eût dit que le 1-r consul ferait à cet égard

---

что вы дѣйствительно рѣшились не вступать ни въ какія обязательства съ державами, пока не разсѣется нынѣшній хаосъ. Эта система вашей мудрости кажется моему слабому уму способною достигнуть двоякой цѣли: и сдержать необузданное честолюбіе Франціи, и поднять, слишкомъ павшій подъ тяжкимъ игомъ, духъ другихъ кабинетовъ, которые еще болѣе смутились бы и устрашились при видѣ всякой вашей связи съ здѣшнею страной. Лондонскій дворъ уже проявляетъ нѣкоторую зависть: его здѣшній министръ-резидентъ, г. Джаксонъ, выразилъ мнѣ сильное безпокойство по поводу письма г. Талейрана ліонскому мэру, гдѣ возвѣщается, конечно, въ преувеличенномъ видѣ, о выгодахъ, которыя в. в. сулите французской торговлѣ въ вашихъ владѣніяхъ. Чтобъ успокоить г. Джаксона на этотъ счетъ, я счелъ долгомъ показать ему относящееся сюда мѣсто письма в. в—ва 1-му консулу.— Наконецъ, этотъ англійскій министръ получилъ приказъ отъ своего двора сдѣлать представленіе въ пользу допущенія министра сардинскаго короля въ Парижъ для переговоровъ объ интересахъ его государя. Онъ исполнилъ это вчера и пришелъ сказать мнѣ, что имѣлъ такъ же мало успѣха, какъ и мои неоднократныя представительства по этому поводу. Мнѣ кажется, что судьба этого принца совсѣмъ рѣшена, хотя г. Эдувиль, съ которымъ я заговорилъ

et au moment, où V. M. s'y attendrait le moins, quelque chose qui lui serait assurément agréable. Mais ce sont des paroles auxquelles je ne crois devoir prendre aucune confiance...

Pétersbourg. Paris. 1802, 73. Подлинникъ.

№ 145.—Морковъ Кочубею.

Paris, 11/23 février 1802.

*) Le présent que m. de Talleyrand m'a remis de la part du 1-r consul consiste dans une gause de chapeau en forme de branche d'olivier. Il a été estimé par les joailliers à la somme de 199,800 livres tournois qu'ils offraient de me compter, si je voulais me défaire de ce bijou. Le présent que j'ai remis de mon côté à m. de Talleyrand et un autre à son 1-r commis le s-r Durand n'ont été évalué tous deux qu'à 100,000 livres. M. de Talleyrand n'a témoigné avoir fait aucune attention à cette différence de valeur dans nos présents respectifs. Bien loin de là, quoiqu'il ne fût pas dans l'usage de prendre du tabac, il avait porté sur lui pendant plusieurs jours la boîte qu'il avait reçue, montrant à tout le monde le portrait qui la couvrait, et contemplant avec plaisir la figure qu'il représentait. Mais ses entours ont parlé pour lui et m'ont fait connaître que si, par supplément et par une juste réciprocité, il plaisait à l'E-r de lui envoyer une collection de médailles

---

объ этомъ мимоходомъ, сказалъ мнѣ, что 1-й консулъ сдѣлаетъ тутъ нѣчто, конечно, пріятное в. в—ву, когда вы менѣе всего будете ожидать. Но это —слова, которымъ я не считаю долгомъ вѣрить...

Парижъ, 11/23 февраля 1802.

*) Подарокъ, врученный мнѣ г. Талейраномъ отъ имени 1-го консула, состоитъ въ шляпномъ украшеніи въ формѣ оливковой вѣтви. Ювелиры оцѣнили его въ 199.800 ливровъ и предлагали уплатить деньгами, еслибы я пожелалъ отдѣлаться отъ этой бездѣлки. Подарки, которые я, съ своей стороны, передалъ г. Талейрану и его 1-му чиновнику, секретарю Дюрану, оцѣнили оба лишь въ 100.000 ливровъ. Г. Талейранъ показалъ видъ, будто не обратилъ вниманія на эту разницу въ цѣнѣ нашихъ взаимныхъ подарковъ. Мало того. Онъ нѣсколько дней носилъ съ собой полученную имъ табакерку, хотя самъ не нюхаетъ, и показывалъ всѣмъ портретъ на ней, любуясь изображеннымъ лицомъ. Но близкіе къ нему люди говорили за него и дали мнѣ знать, что, если бы, въ дополненіе и по справедливой взаимности, и—ру угодно

de Russie, cela lui ferait d'autant plus de plaisir, qu'il s'en formait un cabinet, auquel il serait bien aise de les ajouter. Je me suis chargé de faire part à v. exc. de cette insinuation et je viens de m'en acquitter, ne me permettant d'y ajouter rien autre chose, sinon que m. de Talleyrand est infiniment sensible à ce genre d'attention.

Pétersbourg. Paris, 1802, 142. Подлинникъ.

№ 146.—Инструкція Эдувилю.

Paris, 7 ventôse an X.

*) Général, vous avez pris connaissance, dans les archives et dans les bureaux du département, de la correspondance des précédents ministres français près la cour de Russie. Vous avez particulièrement étudié les pièces relatives aux négociations qui ont amené l'entier rapprochement consommé par le traité du 16 vendémiaire, et vous vous serez convaincu que votre mission commence sous les meilleurs auspices.—En effet, l'état de paix ne s'est pas seulement rétabli, mais les deux gouvernements se sont montrés empressés d'unir leurs vues et leurs efforts quant à l'arrangement des affaires d'Allemagne. Depuis une correspondance particulière et directe s'est établie entre le 1-r consul et S. M. I., correspondance qui embrasse dans son intimité tous les grands intérêts de l'Europe.—Vous devez donc vous attendre à recevoir en Russie

---

было прислать ему собраніе русскихъ медалей, это было бы тѣмъ болѣе пріятно ему, что онъ составляетъ кабинетъ медалей, къ которымъ хорошо было бы присоединить и русскія. Я взялся доложить в. с—ву объ этомъ намекѣ и исполняю обѣщаніе, не позволяя себѣ прибавить ничего, кромѣ одного: г. Талейранъ чрезвычайно чувствителенъ къ такого рода вниманію.

Парижъ, 14/26 февраля 1802.

*) Генералъ, въ архивахъ и отдѣленіяхъ департамента вы познакомились съ перепиской прежнихъ французскихъ министровъ при русскомъ дворѣ. Въ особенности вы изучили бумаги насчетъ переговоровъ, которые привели къ полному сближенію, увѣнчанному договоромъ 8-го октября, и вы могли убѣдиться, что ваше посольство начинается при лучшихъ предзнаменованіяхъ.—Въ самомъ дѣлѣ, не только возстановилось мирное положеніе, но оба правительства поспѣшили соединить свои намѣренія и усилія для устройства нѣмецкихъ дѣлъ. Затѣмъ установилась личная и прямая переписка между 1-мъ консуломъ и е. и. в—мъ, которая обнимаетъ, въ своей задушев-

le meilleur accueil. Nous en avons pour garantie celui, qui a déjà été fait aux citoyen Duroc et Caulaincourt. — Ce n'est pas qu'il faille prévoir qu'il existe encore à Pétersbourg un parti puissant, qui ne s'occupe qu'à resserrer les liens de la Russie avec l'Autriche et l'Angleterre, au détriment de ceux qui devraient l'unir à la France et à la Prusse; peut-être même faut-il penser que m. de Morkoff est le premier moteur de cette influence, ce qui explique l'inconvenance de sa conduite à Paris. Mais tant de motifs d'intérêt commun doivent attacher l'une à l'autre la France et la Russie, qu'on se persuade qu'il vous sera facile de triompher des directions opposées et de cimenter chaque jour davantage l'union des deux pays. — Vous aurez à cet égard deux points importants à traiter et à faire ressortir. — Le premier est l'avantage mutuel que les deux états doivent trouver à favoriser de concert soit un bon arrangement dans les affaires d'Allemagne, soit le triomphe des principes libéraux par rapport à la navigation et au commerce des nations.— Le second est aussi l'avantage qu'auraient les deux pays à profiter des circonstances favorables du moment pour se procurer l'entière et libre navigation de la mer Noire à l'effet d'ouvrir par cette voie un commerce direct entre les provinces méridionales des deux états. Je joins ici à ce sujet un mémoire qui m'a paru renfermer des vues utiles, et je me réserve d'ailleurs de vous en entretenir plus particulièrement

---

ности, всѣ великіе интересы Европы.—Стало быть, вы должны ожидать въ Россіи наилучшаго пріема. Въ этомъ ручается уже пріемъ, сдѣланный гражданамъ Дюроку и Коленкуру.—Ясно и безъ предвидѣнія, что въ Петербургѣ существуетъ сильная партія, которая только и заботится о томъ, чтобы закрѣпить узы, связующія Россію съ Австріей и Англіей, въ ущербъ ея связямъ съ Франціей и Пруссіей; быть можетъ даже нужно думать, что г. Морковъ—первый двигатель этого вліянія, чѣмъ и объясняется непристойность его поведенія въ Парижѣ. Но столько общихъ интересовъ должны привязывать Францію и Россію другъ къ другу, что конечно вамъ будетъ легко восторжествовать надъ противоположными направленіями и съ каждымъ днемъ скрѣплять единеніе двухъ странъ.—Съ этою цѣлью вы должны вести и выдвигать два важныхъ пункта.—Первый—это взаимная выгода обоихъ государствъ отъ согласія насчетъ хорошаго устройства нѣмецкихъ дѣлъ или торжества свободныхъ началъ въ дѣлѣ мореплаванія и торговли націй.—Второй пунктъ— также выгода обоихъ государствъ, если они воспользуются благопріятными обстоятельствами минуты, чтобы добиться полнаго и свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ съ цѣлью открыть этимъ путемъ прямую торговлю между южными провинціями обоихъ государствъ. Прилагаю, по этому поводу, записку, которая, по мнѣ, заключаетъ полезныя соображенія;

lorsque vous jugerez vous-même qu'il y aura lieu à s'occuper de cet important objet. — Je dois de même vous engager à ne regarder cette première lettre que comme une instruction purement provisoire, à laquelle j'aurai soin de suppléer à mesure que l'occasion s'en présentera, c'est-à-dire à mesure que les affaires générales s'approcheront davantage de leur dénouement. — Je joins ici, 1) un extrait d'instructions générales sur la conduite à temps pour les agents extérieurs de la république. Je mettrai d'ailleurs la plus grande attention à ce que ma correspondance habituelle vous porte avec détail et célérité toutes les directions particulières qui pourront vous être utiles. Je n'ai pas besoin de vous engager à rendre la vôtre aussi fréquente et aussi instructive qu'il vous sera possible. – Il vous sera remis une collection complète de chiffres avec une instruction à laquelle vous aurez soin qu'on se conforme scrupuleusement dans les bureaux de votre légation pour assurer le secret de votre correspondance tant avec moi qu'avec les agents de la république dont les relations vous seront utiles.

Paris. 141, 78. Черновая.

впрочемъ предоставляю себѣ поговорить съ вами объ этомъ болѣе подробно, когда вы сами увидите, что будетъ умѣстно заняться этимъ важнымъ предметомъ.—Я долженъ также просить васъ смотрѣть на это первое письмо, лишь какъ на чисто временную инструкцію, которую я постараюсь пополнять при случаѣ, т.-е. по мѣрѣ того, какъ общія дѣла будутъ приближаться къ своей развязкѣ.—Прилагаю при семъ, во 1-хъ, извлеченіе изъ общихъ инструкцій о поведеніи, данныхъ въ свое время внѣшнимъ агентамъ республики. Впрочемъ, я буду слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ за тѣмъ, чтобы моя обычная переписка давала вамъ подробно и быстро всѣ частныя указанія, которыя могутъ быть вамъ полезны. Не считаю нужнымъ просить васъ, чтобы ваша переписка была возможно часта и поучительна.—Вы получите полное собраніе шифровъ съ наставленіемъ, котораго должны тщательно держаться чиновники вашего посольства, чтобы была обезпечена тайна вашей переписки, какъ со мной, такъ и съ тѣми агентами республики, сношенія съ которыми вамъ будутъ полезны.

№ 147.—Коленкуръ Талейрану.

Pétersbourg, 24 ventôse an X.

*) Le courrier que vous m'avez expédié le 1-r ventôse n'est arrivé que le 21, le dégel des rivières l'a retardé. — Conformément à votre lettre du 1 ventôse, j'ai écrit au vice-chancelier pour le prier de demander une audience pour moi à S. M. I. Elle me l'a accordée pour le lendemain 22 et je lui ai remis la lettre du 1-r consul dont il me demande toujours des nouvelles. Après une conversation tête-à-tête d'une demi-heure sur nos campagnes, sur la France, dans laquelle il a plusieurs fois témoigné son admiration pour l'auguste chef de notre gouvernement, il m'a encore répété: „la France doit son bonheur au 1-r consul, l'Europe lui doit la paix". Il a ajouté en terminant cette conversation: „J'ai ouï dire que certaine personne a fait des sottises; parbleu, si j'en avais la certitude, j'en ferais une justice exemplaire, je ne souffrirai pas que l'on fasse une infamie en mon nom".—Comme vous m'avez prescrit de ne parler du *pas de clerc* de m. de Morcoff que comme d'une inconséquence qui lui est toute personnelle, sans y attacher d'importance, l'E-r ne me faisant aucune question à ce sujet, j'ai simplement répondu: „Le caractère loyal et franc de V. M. I. est trop

---

Петербургъ, 2/14 марта 1802.

*) Курьеръ, посланный вами 19 февраля, прибылъ лишь 11 марта: его задержало таяніе рѣкъ.—Согласно вашему письму отъ 19 февр., я письменно просилъ вице-канцлера испросить мнѣ аудіенцію у е. и. в—ва. Она была дана мнѣ 12 марта, и я вручилъ письмо 1-го консула е. в—ву, который постоянно спрашиваетъ меня о немъ. Послѣ получасовой бесѣды съ глазу на глазъ о нашихъ походахъ и о Франціи, причемъ онъ многократно выразилъ свое удивленіе предъ августѣйшимъ вождемъ нашего правительства, онъ еще разъ повторилъ: „Франція обязана своимъ благополучіемъ 1-му консулу, Европа—миромъ". Онъ прибавилъ, въ заключеніе: „Я слышалъ, что одна особа надѣлала глупостей. Клянусь, знай я достовѣрно, она была бы примѣрно наказана: не дозволю дѣлать низости моимъ именемъ".—Такъ какъ вы предписали мнѣ говорить о продѣлкѣ г. Моркова, лишь какъ о чисто личной его несообразности, не придавая ей значенія, а и—ръ ничего не спросилъ у меня по ея поводу, то я отвѣчалъ просто: „Честный и искренній характеръ в. и. в—ва слишкомъ извѣстенъ, чтобы французское прав—во могло всегда различать въ поведеніи вашего министра то, что принадлежитъ наставле-

connu pour que le gouvernement français ne démêle pas toujours dans la conduite de son ministre ce qui appartient à ses instructions et aux intentions de V. M. I. d'avec ce qui peut tenir à ses petites vues particulières ou à un caractère d'intrigue".—Les №№ 9 et 10 d'un bulletin à la main qui est fait dans des termes trop français pour ne pas vous être bien connu avaient depuis quelques jours fait connaître la conduite de m. de Morcoff. La gazette française, imprimée à Londres (dit *„Courier de Londres"*), qui rapporte mot à mot ces bulletins, a achevé de mettre ce gouvernement au courant des menées de son ministre. Le vice-chancelier m'en a parlé et fait parler par différentes personnes avec l'accent du mécontentement qu'une telle conduite inspire. J'ai répondu toujours dans le même sens qu'à l'E-r, en ajoutant qu'à en juger d'après les bruits, cela était au moins très inconséquent et bien opposé aux termes du traité et à l'intimité des relations actuelles. Les ministres dirigeants de ce moment sont étrangers à cette affaire; d'après tout ce que je recueille, je ne pourrais en dire autant de ceux qui les ont précédés, car on était et on est toujours bien anglais. Dans ce moment on repousse cela avec horreur, on en jette l'odieux et l'inconséquence sur m. de Morcoff qui, soit qu'il ait agi en cela d'après des instructions, soit qu'il n'ait suivi que son penchant naturel à l'intrigue, a servi sa haine bien prononcée contre la France républicaine.

ніямъ и намѣреніямъ в. в—ва, отъ того, что связано съ его личною недальновидностью или съ интриганствомъ".—№№ 9 и 10 бюллетеня, составленнаго въ выраженіяхъ слишкомъ французскихъ, чтобы вы не знали его хорошо, объяснили здѣсь, въ послѣдніе дни, поведеніе г. Моркова. Напечатанная въ Лондонѣ французская газета (по имени *„Лондонскій Курьеръ"*), повторяющая эти бюллетени слово въ слово, окончательно познакомила здѣшнее правительство съ продѣлками его министра. Вице-канцлеръ самъ и черезъ разныхъ лицъ говорилъ мнѣ о нихъ съ недовольствомъ, какое возбуждаетъ подобное поведеніе. Я всегда отвѣчалъ въ томъ же смыслѣ, какъ и—ру, прибавляя, что, судя по слухамъ, это по меньшей мѣрѣ непослѣдовательно и весьма противно условіямъ договора и близости нынѣшнихъ отношеній. Правящіе въ сію минуту министры чужды этому дѣлу; но. судя по доходящимъ до меня извѣстіямъ, нельзя сказать того же объ ихъ предшественникахъ: они были и остаются настоящими англичанами. Въ сію минуту съ ужасомъ отрекаются отъ этого: всю гнусность и несообразность дѣла сваливаютъ на г. Моркова, который, по наставленіямъ ли или по собственной страсти къ интригамъ, обнаружилъ свою отъявленную ненависть къ республиканской Франціи. Это дѣло бросило свѣтъ на его неумѣлость въ веденіи польскихъ дѣлъ и на его промахи въ затѣянномъ и даже налаженномъ шведскомъ бракѣ. Сравненіе

Cette affaire a remis au jour sa maladresse dans la direction des affaires de Pologne, ses bévues lors du mariage projeté et même arrangé avec la Suède; ce parallèle avec sa conduite actuelle, puisque ce sont les trois occasions où il a été employé en chef, lui casse le col. Son excessive économie contraste fort mal avec la magnificence de son traitement et la prodigalité de ses compatriotes, et cela achève de le peindre ici, où on ne l'aime pas. — Il y a environ un mois que l'on dit à l'E-r que m. de Morcoff était tombé en démence. Ce bruit s'accrédite assez pour qu'un aide de camp de confiance de l'E-r m'en parla. Je répondis que je n'en savais rien, que je présumais que ces bruits étaient faux. Aujourd'hui on les ressuscite; les nombreux partisans de l'impératrice-mère, qui sont le parti du ministère actuel et qui détestent m. de Morcoff, les soutiennent; et ses amis, ne sachant comment justifier sa sottise, aiment mieux le donner pour fou que pour bête, un de ces deux vernis lui restera. — Sans ces bruits de démence, il était rappelé et avait le portefeuille des affaires étrangères; j'ai déjà eu l'honneur de vous mander qu'il en était fort question, cette nomination à été au moment d'être faite, il y a un mois: l'esprit qu'on lui croit, le peu qu'en ont les autres personnes chargées des affaires, le faisait triompher de ses nombreux ennemis. — Il n'a rien mandé ici par la poste, ni par courrier, on attend avec impatience de ses nouvelles. M. d'Aubay, ex-se-

---

ихъ съ нынѣшнимъ поведеніемъ губитъ его: вѣдь, это три случая, въ которыхъ ему была дана роль начальника. Чрезмѣрная бережливость сильно противорѣчитъ щедрости его жалованья и расточительности его соотечественниковъ: это дорисовываетъ его здѣсь, гдѣ онъ не любимъ.—Уже съ мѣсяцъ говорятъ императору, что г. Морковъ впалъ въ помѣшательство. Этотъ слухъ до того упоренъ, что мнѣ говорилъ о немъ довѣренный адъютантъ императора. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю и думаю, что это—ложь. Сегодня слухи воскресли. Ихъ поддерживаютъ многочисленные приверженцы императрицы-матери: это—партія нынѣшняго министерства, которая ненавидитъ г. Моркова. А его друзья, не зная, какъ оправдать его глупость, предпочитаютъ лучше выдавать его за безумца, чѣмъ за дурака. Одно изъ этихъ двухъ прозвищъ останется за нимъ.—Еслибъ не эти слухи о помѣшательствѣ, онъ былъ бы вызванъ и получилъ бы портфель иностранныхъ дѣлъ: я уже докладывалъ вамъ, что сильно поговаривали объ этомъ; мѣсяцъ тому назадъ, это назначеніе чуть не состоялось. Приписываемый ему умъ и недостатокъ этого качества у другихъ дѣльцовъ давали ему перевѣсъ надъ множествомъ враговъ.— Онъ ничего не доносилъ сюда ни почтой, ни черезъ курьеровъ: съ нетерпѣніемъ ждутъ отъ него извѣстій. 14-го послали къ нему экс-секретаря берлинской легаціи, г. д'Обэ, чтобы онъ собралъ подробности о его поведеніи;

crétaire de légation à Berlin, lui a été expédié le 14, il est chargé de donner quelques détails sur sa conduite; mais cet homme est encore anglais par lui et par les siens. Quoique son départ ait été tenu secret, je vous en ai prévenu dès le 12. Ma lettre ne contenant rien qui pût la faire garder, j'espère qu'elle vous sera parvenue. — M. de Morcoff a avec lui un nommé Christine, suisse d'origine, ancien secrétaire de m. de Calonne, employé par ce gouvernement à plusieurs intrigues et notamment en Suède; c'est l'âme damnée de m. de Morcoff. Cependant on lui a envoyé l'ordre de s'en défaire, je ne sais pourquoi? C'est un intrigant coquin. Comme en sa qualité de suisse il eût pu s'insinuer et être accueilli par notre gouvernement, ayant d'ailleurs passé par son pays pour se rendre en France, afin de ne pas avoir l'air de tenir à m. de Morcoff, et que j'ai été mis fort au courant de tout cela par un heureux hasard, je vous disais à cet égard tout ce que je pouvais confier à la poste par ma lettre. — Sur une demande d'une réponse on m'a répondu que la lettre du 1-r consul en était une à celle de l'E-r. Cependant comme j'ai dit à S. M. que j'attendrais ses ordres pour expédier le courrier et que je sais positivement et de son intimité, que l'E-r a été très content du contenu de la lettre que je lui ai remise, j'espère obtenir une réponse et l'avoir satisfaisante. — L'E-r eut désiré cependant avoir une réponse relativement aux communications faites pour le roi de Sardaigne, les ministres m'en ont parlé. J'ai répondu que je

---

но—это опять англичанинъ и самъ по себѣ, и по своей роднѣ. Хотя его отправку держали въ тайнѣ, я предупредилъ васъ о ней 12-го. Надѣюсь, мое письмо дошло: въ немъ не было ничего такого, чтобы задержать его.— При г. Морковѣ состоитъ нѣкто Кристинъ, швейцарецъ родомъ, бывшій секретарь г. Калонна, котораго здѣшнее правительство употребляло для многихъ интригъ, и именно въ Швеціи: это — рабъ г. Моркова. Впрочемъ, послѣднему посланъ приказъ отдѣлаться отъ него: не знаю, почему? Это—негодный интриганъ. Въ качествѣ швейцарца, онъ могъ бы прокрасться и быть принятымъ у нашего правительства, притомъ проѣхавши во Францію черезъ свою страну, чтобы скрыть свои сношенія съ г. Морковымъ. Все это я разузналъ по счастливому случаю и передалъ вамъ все, что можно было довѣрить почтѣ.—На мою просьбу объ отвѣтѣ сказали, что письмо 1-го консула было отвѣтомъ на письмо императора. Тѣмъ не менѣе, надѣюсь получить отвѣтъ и удовлетворительный, такъ какъ я сказалъ императору, что буду ждать его приказаній для отправки курьера, и я положительно знаю отъ него самого, что онъ весьма доволенъ содержаніемъ переданнаго мною письма.—Между тѣмъ, министры сказали мнѣ, что императоръ желаетъ имѣть отвѣтъ на сообщеніе касательно сардинскаго короля. Я отвѣчалъ, что не

n'avais aucune connaissance de cette affaire; mais comme ils sont chacun dans leur audience revenus sur cet objet; comme je savais que la lettre de l'E-r au 1-r consul n'en avait pas fait mention, j'ai répondu: „S. M. I. n'en ayant pas écrit directement au 1-r consul, il n'y a aucune raison pour s'étonner qu'il ne réponde pas directement à cet objet". Les ministres me rejettent aussi souvent que S. M. I. voit avec regret que les affaires d'Allemagne n'avancent pas. Ils m'ont chargé de vous témoigner encore le désire qu'aurait S. M. I. que le 1-r consul consentît à rendre la France et la Russie les *médiateurs arbitres* des indemnités de l'Allemagne et que cette affaire se traite à Paris. Les assurances données par le 1-r consul pour le margrave de Bade ont fait le plus grand plaisir. On se plaint fortement, mais secrètement, des vues dites ambitieuses de la Prusse; quoiqu'elle ait positivement déclaré que la proposition relative au Mecklembourg venait de la France et lui était *absolument* étrangère, on la lui impute. L'Angleterre qui en a eu vent tout de suite et qui s'est rappelée l'utilité dont a été le port de Rostock à son escadre dans son expédition de la Baltique a de suite insinué, que l'indépendance de cette mer et du Nord exigeait que cette propriété ne devînt pas prussienne, et a entièrement abondé dans son sens.—Le roi de Prusse qui avait fait formellement déclarer, il y a un mois, qu'il ne formait aucune demande pour la sécularisation à son pro-

---

имѣю понятія объ этомъ дѣлѣ. Но такъ какъ каждый изъ нихъ, въ своихъ аудіенціяхъ, возвращался къ этому предмету, а я зналъ, что императоръ не упоминалъ о немъ въ своемъ письмѣ 1-му консулу, то и отвѣчалъ: „такъ какъ е. и. в. не писалъ объ этомъ прямо 1-му консулу, то нѣтъ причины удивляться, что тотъ не отвѣчаетъ прямо по этому дѣлу". Министры также часто выставляютъ мнѣ на видъ, что е. и. в. видитъ съ прискорбіемъ, что нѣмецкія дѣла не подвигаются впередъ. Они поручили мнѣ еще засвидѣтельствовать вамъ желаніе е. и. в—ва, чтобы 1-й консулъ согласился сдѣлать Францію и Россію *посредниками-рѣшителями* въ вознагражденіяхъ Германіи и чтобы это дѣло велось въ Парижѣ. Увѣренія 1-го консула насчетъ маркграфа баденскаго доставили здѣсь величайшее удовольствіе. Сильно, но тайкомъ, жалуются на такъ-называемые честолюбивые замыслы Пруссіи. Ей приписываютъ предложеніе насчетъ Мекленбурга, несмотря на ея положительное заявленіе, что оно идетъ изъ Франціи и *рѣшительно* чуждо ей. Англія, которая тотчасъ пронюхала объ этомъ и припомнила, какъ былъ полезенъ ея эскадрѣ ростокскій портъ въ ея балтійскую экспедицію, немедленно внушила, что независимость этого моря и всего Сѣвера требуетъ, чтобы эта земля не стала собственностью Пруссіи; она совсѣмъ уперлась въ это.—Прусскій король, формально заявившій, мѣсяцъ тому назадъ, что не требуетъ секуляризаціи

fit d'Osnabruck, a fait notifier il y a 4 jours que la sûreté et l'indépendance du nord de l'Allemagne exigeaient qu'il obtînt cette indemnité soit sous les rapports politiques, soit sous le point de vue militaire; le ministre de Prusse en a spirituellement parlé en même temps à l'ambassadeur d'Angleterre qui n'a pas manqué de faire jouer toutes ses batteries pour opposer cette cour à cette proposition. Je donne tous ces détails au citoyen Bignon à Berlin, afin qu'il ait la mesure du crédit de la Prusse ici. Je pense que vous approuverez ma conduite.

Paris. 141, 83. Подлинникъ.

№ 148.—Конференція вице-канцлера съ графомъ Саурау.

12/24 mars 1802.

*) En me communiquant la réponse qu'il venait de recevoir, par notre courrier, du comte Ph. Cobenzl de Paris et ses inquiétudes sur le silence que Bonaparte continuait à garder vis-à-vis de sa cour et des autres sur l'arrangement définitif des affaires de l'Allemagne, de l'Italie et de la Suisse, a répété que sa conviction se portait à croire que, dans les circonstances actuelles, l'ambition et les entreprises toujours plus audacieuses de la France ne pouvaient être contenues, et que l'Europe ne pouvait être sauvée qu'autant que les quatres grandes puissan-

---

Оснабрюка въ свою пользу, указалъ, 4 дня тому назадъ, что безопасность и независимость сѣвера Германіи требуютъ этого, какъ съ политической, такъ и съ военной точки зрѣнія; въ то же время прусскій министръ сболтнулъ объ этомъ англійскому посланнику, который не преминулъ выставить всѣ свои баттареи, чтобы настроить здѣшній дворъ противъ этого предложенія. Передаю всѣ эти подробности гражд. Биньону въ Берлинѣ, чтобы онъ видѣлъ, какимъ довѣріемъ пользуется здѣсь Пруссія. Надѣюсь, вы одобрите мое поведеніе.

12/24 марта 1802.

*) Сообщивъ мнѣ отвѣтъ графа Фил. Кобенцля изъ Парижа, только-что полученный имъ чрезъ нашего курьера, а также заявивши свое безпокойство по поводу молчанія, которое Бонапартъ все еще хранилъ предъ его дворомъ и предъ другими насчетъ окончательнаго устройства Германіи, Италіи и Швейцаріи, онъ повторилъ мнѣ слѣдующее. По его убѣжденію, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, есть одно только средство обуздать честолюбіе и возрастающую дерзость предпріятій Франціи, а также спасти Европу: это—обо-

ces se décideraient à former entre elles une alliance défensive qui n'aie uniquement pour but que la conservation de leur existence politique et de l'état des choses et des possessions différentes, tel qu'il a été stipulé par la France elle-même, en vertu de ses derniers engagements avec la Russie, par son dernier traité avec elle, avec l'Autriche, par le traité de Lunéville, et avec l'Angleterre, par ses préliminaires signées à Londres qui allaient être transformées en traité de paix définitif à Amiens; et qu'il y voyait une urgence parfaite pour elle. Je lui ai observé—que je ne croyais pas le moment favorable pour la formation de cette quadruple alliance, quelque nécessaire et salutaire qu'elle puisse être pour le bien général, puisqu'il n'avait qu'à se rappeler que la Prusse n'avait jamais pu être portée à renoncer à son impassibilité et que son système reconnu d'économie et d'irrésolution y mettrait un constant obstacle;—que l'Angleterre semblait avoir oubliée ses anciennes relations avec le continent et n'être occupée que de son commerce et de ses affaires intérieures;—et que sa cour ne me paraissait pas aussi en attitude de vouloir s'occuper actuellement d'autres objets que de ceux qui nécessitent une prompte réparation des maux de la guerre désastreuse dont elle venait de sortir. Il m'a répliqué que ce serait à S. M. l'E-r de concevoir le premier et de proposer cette quadruple alliance; — qu'à sa voix l'Autriche ne tarderait pas de déférer en tout

---

ронительный союзъ четырехъ великихъ державъ съ единственною цѣлью сохранить свое политическое существованіе и положеніе дѣлъ и различныхъ владѣній въ томъ видѣ, въ какомъ они были признаны самою Франціей, въ силу ея послѣднихъ соглашеній съ Россіей (по ея послѣднему договору съ нею), съ Австріей (по договору люневильскому) и съ Англіей (по ея предварительнымъ условіямъ, подписаннымъ въ Лондонѣ, которыя должны были перейти въ окончательный мирный договоръ въ Амьенѣ). Онъ прибавилъ, что видитъ въ этомъ крайнюю необходимость для Европы. Я замѣтилъ ему, что не считаю своевременнымъ образованіе этого четвернаго союза, какъ бы онъ ни былъ необходимъ и спасителенъ для общаго блага: пусть только онъ припомнитъ, что никогда нельзя было заставить Пруссію отказаться отъ своего безстрастія и что ея признанная система сбереженій и нерѣшимости будетъ вѣчно препятствовать этому. Я прибавилъ, что Англія, повидимому, забыла свои старыя связи съ материкомъ и занимается только своею торговлей и внутренними дѣлами; да и его собственный дворъ, по мнѣ, не въ такомъ положеніи, чтобы заниматься теперь чѣмъ-нибудь, кромѣ быстраго и необходимаго исправленія зла, принесеннаго только-что конченною несчастною войной. Онъ возразилъ, что е. в. императоръ долженъ первый задумать и предложить этотъ четверной союзъ. На его голосъ Австрія не замед-

à sa volonté; — que l'Angleterre s'empresserait certainement de suivre le même exemple, parce qu'elle était trop intéressée à empêcher les sinistres effets de l'agrandissement et d'une prépondérance trop marquée de la France;—et qu'il était persuadé que la Prusse ayant lieu d'être mécontente de se voir tromper dans l'espérance qu'elle avait conçue de l'assistance et des bonnes dispositions de la France en sa faveur, et devant craindre pour sa propre sûreté à l'avenir ne se refuserait pas de concourir à ces vues pûrement défensives, éloignées de toute agression et tendentes à conserver l'état actuel de paix dont jouit actuellement chacune de ces puissances.

Pétersbourg. Ministère, 1802, 44. Подлинникъ.

№ 149.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Pétersbourg, 14/26 mars 1802.

*) Citoyen premier consul. J'ai reçu votre lettre du 4 février—27 pluviôse. Je vous dois des remerciments de tous les détailes qu'elle renferme. J'apprendrai avec une véritable satisfaction que la Suisse ait obtenu son indépendance et que son bonheur et sa liberté soient assurés sur des bases solides. — Je vois comme vous avec peine que les affaires d'Allemagne s'acheminent lentement vers leur dénouement. J'attends avec impatience que le comte de Morcoff m'aprenne le résultat

---

литъ предоставить себя его волѣ во всемъ, а Англія конечно поспѣшитъ послѣдовать тому же примѣру, ибо она слишкомъ заинтересована въ томъ, чтобы воспрепятствовать зловѣщимъ слѣдствіямъ увеличенія и крайне явнаго преобладанія Франціи. Онъ высказалъ убѣжденіе, что Пруссія, имѣющая причины быть недовольною, Пруссія, которую обманула надежда на помощь и благорасположеніе Франціи, и которая должна опасаться въ будущемъ за собственное существованіе, не откажется содѣйствовать этимъ, чисто оборонительнымъ мѣрамъ, лишеннымъ всякаго наступательнаго характера и направленнымъ къ сохраненію нынѣшняго мира, которымъ наслаждается теперь каждая изъ этихъ державъ.

Петербургъ, 14/26 марта 1802.

*) Гражданинъ первый консулъ. Я получилъ ваше письмо отъ 4 февр., 27 плювіоза. Благодарю за всѣ подробности. Истинно пріятно будетъ мнѣ узнать, что Швейцарія получила свою независимость и что ея благополучіе и свобода покоятся на твердыхъ основаніяхъ.—Подобно вамъ, вижу съ прискорбіемъ, что нѣмецкія дѣла медленно подвигаются къ развязкѣ. Съ нетер-

des ouvertures qu'il a faites par mes ordres au gouvernement français. Il serait bien à désirer que cet objet important fût réglé, et je ne doute pas que vous n'y apportiez de votre côté toutes les facilités, qui sont en votre pouvoir. Je ne saurais qu'être infiniment sensible à tout ce que vous me témoignez en faveur du margrave de Bade et surtout aux motifs de ces dispositions favorables dont je sens tout le prix. Mon ministre à Paris a déjà reçu des instructions relatives aux indemnités de ce prince. Je vais lui en faire expédier de nouvelles qui le mettront à même de cultiver cette bonne volonté que vous lui témoignez et de convenir avec le gouvernement français de tout ce qui pourrait la lui assurer de la manière la plus avantageuse.—Ce que vous m'annoncez de l'espérance, où vous êtes de la signature prochaine de la paix d'Amiens, m'a été très agréable. J'apprendrai cet évènement désirable avec une satisfaction particulière. Je n'en éprouverais pas moins, si j'apprenais bientôt que nos engagements par rapport à l'Italie ont été entièrement réalisés. Quant à l'Ordre de Malte, les dispositions que vous m'annoncez se rapportent absolument à mes vues, et je m'empresserai d'intervenir, d'une manière analogue à vos désirs et à ceux de la cour de Londres, dans les arrangements qui seront arrêtés à cet égard entre la France et l'Angleterre.—Je vous ai assuré, citoyen premier consul, que le commerce de France obtiendrait en Russie protection et y trouverait toutes les facilités désirables. Par une suite de ces dispositions, je

---

пѣніемъ ожидаю отъ гр. Моркова извѣстій о послѣдствіяхъ предложеній, сдѣланныхъ франц. правительству по моему приказу. Весьма желательно, чтобы это важное дѣло было покончено; и не сомнѣваюсь, что вы, съ вашей стороны, всѣми мѣрами пособите этому. Безконечно благодаренъ за все, что вы сдѣлали ради меня въ пользу баденскаго маркграфа, въ особенности же за побужденія къ этому благорасположенію, которыя вполнѣ цѣню. Мой министръ въ Парижѣ уже получилъ наставленія касательно вознагражденій этого принца. Посылаю ему еще новыя инструкціи, чтобы онъ могъ поддерживать благорасположеніе, оказанное ему вами, и согласоваться съ франц. правительствомъ во всемъ, что можетъ наиболѣе обезпечить его за нимъ.—Мнѣ очень пріятно, что вы надѣетесь на близкое подписаніе амьенскаго мира. Съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчу это желательное событіе. Я испыталъ бы то же чувство, еслибы вскорѣ пришло извѣстіе, что вполнѣ исполнены наши обязательства насчетъ Италіи. Что касается Мальтійскаго ордена, заявленныя вами намѣренія совершенно сходятся съ моими видами, и я поспѣшу, согласно съ желаніями вашими и лондонскаго двора, вмѣшаться въ сдѣлку, которая будетъ устроена на этотъ конецъ между Франціей и Англіей.—Я удостовѣрялъ васъ, гражд. 1-й консулъ, что франц. торговля получитъ покровительство въ Россіи и встрѣтитъ тамъ всѣ желае-

désire aussi sincèrement que celui des échanges, plus directes encore par la mer Noire, puisse s'établir à la satisfaction et à l'avantage des deux pays. J'y porterai toute mon attention et en attendant, comme cet objet exige quelques éclaircissements, vous voudrez bien que je m'en réfère à ce que mon ministre vous exposera à ce sujet. — Il me reste, citoyen premier consul, à vous parler des bulletins et autres nouvelles à la main, sur lesquels vous appelez mon attention. J'ai toujours dédaigné ces sortes de productions et je n'aurais pas même su à quoi pourrait se rapporter la demande que vous me faites, si je n'avais vu dans quelques gazettes un article aussi indécent que déplacé, par lequel on a impliqué le comte de Morcoff dans la connaissance qu'on lui suppose de semblables pamphlets. Il vous sera aisé, je pense, de sentir combien je suis peu porté à donner la moindre attention à ce que peuvent débiter des folliculaires qui n'ont aucune attache de leur gouvernement, aussi ne me suis-je nullement arrêté aux imputations qui ont été faites au comte de Morcoff. Ce ministre connaît trop mes intentions de cultiver et de cimenter la meilleure harmonie avec la France, pour avoir jamais pu encourager aucune démarche contraire à ses vues et aux intérêts de son gouvernement.—Je vous prie, citoyen premier consul, de croire à la sincérité de ces sentiments et aux voeux que je fais pour votre bonheur.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 5. Черновая.

мыя облегченія. Въ силу этого расположенія, столь же искренно желаю, чтобы установился еще болѣе прямой обмѣнъ товаровъ по Черному м. къ удовлетворенію и выгодѣ обѣихъ странъ. Я устремлю на это все мое вниманіе; а такъ какъ это дѣло требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій, то покуда позвольте мнѣ сослаться на то, что мой министръ изложитъ вамъ по сему предмету.—Остается сказать о бюллетеняхъ и другихъ ходячихъ новостяхъ, на которыя вы, гражд. 1-й консулъ, обращаете мое вниманіе. Я всегда презиралъ подобнаго рода произведенія и даже не зналъ бы, къ чему относится ваша просьба, еслибы не увидѣлъ въ нѣкоторыхъ газетахъ столь же неприличную, какъ и неумѣстную статью, которая навлекла на гр. Моркова обвиненіе въ предполагаемомъ знакомствѣ съ подобными памфлетами. Надѣюсь, вы легко поймете, какъ мало я склоненъ обращать малѣйшее вниманіе на розсказни писакъ, не знающихъ никакой привязанности къ своему правительству: понятно, что я и не задумывался надъ обвиненіями, взведенными на гр. Моркова. Этотъ министръ слишкомъ хорошо знаетъ мое стремленіе развивать и укрѣплять полнѣйшее согласіе съ Франціей, чтобы рѣшиться потворствовать чему-либо, противному ея видамъ и интересамъ ея правительства.—Прошу васъ, гр. 1-й консулъ, вѣрить искренности этихъ чувствъ и моему желанію видѣть васъ счастливымъ.

№ 150.—Коленкуръ Талейрану.

Pétersbourg, 6 germinal an X.

*) J'ai l'honneur de vous adresser ci-incluse une lettre de S. M. l'E-r qu'elle vient de me faire remettre à l'instant; je vous expédie en conséquence le courrier, auquel je recommande de faire diligence. Le vice-chancelier et le comte de Kotschubey m'ont fait les communications suivantes qui servent de développement au contenu de la lettre de l'E-r au 1-r consul. — S. M. y parle du désir qu'elle a de voir terminer les affaires de l'Allemagne sous les auspices immédiats de la France et de la Russie. — Elle donne son consentement formel à l'exploitation du commerce de la mer Noire pour la France, assurant d'une protection toute particulière. Les ministres engagent à garder le plus grand secret sur cet objet comme le seul moyen de le faire réussir à Constantinople. M. de Morcoff, auquel on expédiera un courrier demain, vous donnera les mêmes assurances. M. de Tamara recevra très-incessamment l'ordre d'appuyer toutes les négociations de la France près la Sublime Porte, relatives à l'ouverture de la mer Noire. L'essentiel est que l'Angleterre ignore ce projet, car elle ferait tout au monde pour en empêcher l'exécution, cette faveur lui ayant été refusée par les turcs

---

Петербургъ, 15/27 марта 1802.

*) Честь имѣю отправить вамъ прилагаемое письмо е. в—ва и—ра, только что врученное мнѣ; поэтому посылаю курьера, которому приказываю поспѣшить. Вице-канцлеръ и гр. Кочубей сдѣлали мнѣ слѣдующія сообщенія, которыя служатъ развитіемъ содержанія письма и—ра къ 1-му консулу.— Е. в. говоритъ въ немъ о своемъ желаніи видѣть конецъ нѣмецкимъ дѣламъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Франціи и Россіи.—Онъ даетъ полное согласіе на развитіе франц. торговли въ Черномъ м., увѣряя въ своемъ особомъ покровительствѣ. Министры просятъ хранить глубочайшее молчаніе насчетъ этого дѣла, такъ какъ это—единственное средство провести его въ Константинополѣ. Тѣ же обѣщанія дастъ вамъ г. Морковъ, къ которому завтра посылаютъ курьера. Г. Тамара немедленно получитъ приказъ поддерживать всѣ переговоры Франціи въ высокой Портѣ касательно открытія Чернаго м. Главное, чтобы Англія не провѣдала объ этомъ планѣ: она пойдетъ на все, чтобы разстроить его, такъ какъ 8 мѣсяцевъ тому назадъ турки отказали ей въ этой милости.—Е. и. в. даетъ согласіе на предположенныя сдѣлки между Франціей и Англіей насчетъ Мальты; вотъ уже 6 недѣль, какъ г. Моркову

il y a 8 mois.—S. M. I. donne son assentiment aux arrangements projetés entre la France et l'Angleterre pour Malte; m. de Morcoff a depuis 6 semaines des instructions dans ce sens.—Satisfaction de S. M. I. sur les communications que le 1-r consul lui a faites relativement à la consulte de Lyon et aux affaires d'Helvétie.— S. M. désire l'accomplissement des stipulations relatives au royaume de Naples; cependant par suite des dires des ministres, on ne s'attend pas à nous voir retirer nos troupes avant la paix définitive avec l'Angleterre, quoique le ministre de Naples fasse tout ce qu'il peut pour que cette cour demande l'évacuation entière dans ce moment. — L'E-r témoigne au 1-r consul combien il est satisfait de l'espoir qu'il lui donne de voir bientôt les travaux du congrès d'Amiens terminés par une paix définitive. — Enfin il s'étend dans sa réponse au paragraphe de la lettre du 1-r consul qui lui parle de la fausseté des bruits qui circulent sur la situation intérieure de la république. Il l'assure qu'il méprise trop tous ces folliculaires pour ajouter aucune foi à toutes leurs diatribes; qu'il n'a jamais reçu de ces bulletins; que m. de Morcoff n'en a jamais envoyé et que tout ce qu'aurait pu faire son ministre à cet égard serait contre ses intentions, ses vues étant franches et son admiration pour le 1-r consul réelle.—Voilà les communications qui m'ont été faites sur cette dépêche. Je vais entrer maintenant dans le détail de celles qu'elle ne contient pas et dans ceux des mes conversations avec les ministres de-

---

посланы наставленія въ этомъ смыслѣ.—Е. и. в. доволенъ сообщеніями, сдѣланными ему 1-мъ консуломъ насчетъ ліонской консульты и дѣлъ Гельвеціи.—Е. в. желаетъ исполненія условій, касающихся Неаполитанскаго королевства; впрочемъ, по словамъ министровъ, не думаютъ, чтобы наши войска удалились до окончательнаго мира съ Англіей, хотя неаполитанскій министръ дѣлаетъ все возможное, чтобы здѣшній дворъ потребовалъ полнаго очищенія сію минуту.—И—ръ свидѣтельствуетъ 1-му консулу, какъ онъ радъ надеждѣ вскорѣ увидѣть завершеніе работъ амьенскаго конгресса окончательнымъ миромъ.—Наконецъ, онъ распространяется въ своемъ отвѣтѣ о томъ мѣстѣ въ письмѣ 1-го консула, гдѣ говорится о ложности ходячихъ слуховъ насчетъ внутренняго состоянія республики. Онъ увѣряетъ его, что слишкомъ презираетъ всѣхъ этихъ писакъ, чтобы вѣрить всякой ихъ брани: онъ-де никогда не получалъ этихъ журналовъ; г. Морковъ никогда не присылалъ ихъ ему; что бы ни дѣлалъ его министръ въ этомъ смыслѣ, все это было бы вопреки его намѣреніямъ, ибо его стремленія искренни, а его почитаніе 1-го консула дѣйствительно.—Вотъ что сообщили мнѣ объ этой депешѣ. Перехожу къ подробностямъ о томъ, чего въ ней нѣтъ, и о моихъ бесѣдахъ съ министрами со времени прибытія сюда (8/20 марта) курьера, посланнаго г. Морковымъ 14/26 февраля (это—

puis l'arrivée du courrier expédié par m. de Morcoff le 7 ventôse dernier et qui est arrivé ici le 29 (c'est m. Gervais, l'un de ses secrétaires de légation). — Je commence par le roi de Sardaigne, parce que c'est l'article sur lequel reviennent toujours les ministres. Voilà leur dires. Ils voient qu'il faut renoncer à l'espoir de lui voir rendre le Piémont, mais S. M. I. prenant un intérêt tout particulier à la position de ce malheureux prince, désire et espère que le 1-r consul lui fasse obtenir quelque indemnité, soit en Italie, soit en Allemagne; les revenus de la Sardaigne ne peuvent le faire vivre et cet acte de justice du gouvernement français en serait un de magnanimité du 1-r consul.— Avant l'arrivée de m. Gervais, le vice-chancelier me demanda dans la conversation, si je ne pourrais lui donner quelques détails sur le faux pas de m. de Morcoff, soit verbalement, soit par écrit. Je lui répondis qu'une inconséquence ne pouvait se traiter comme une affaire d'état; que c'était de ces choses qui sont du ressort de l'opinion publique et non de celui des gouvernements; que le mien n'y ajoutait aucune importance, parce qu'il connaissait les intentions réelles et franches de S. M. I.; que d'ailleurs c'était de ces gentillesses qui font plus de tort à ceux, qui les inventent, qu'à ceux, contre lesquels ils les dirigent. La conversation fut gaie, mais il ne peut pas souffrir m. de Morcoff et il m'en dit plus de mal encore que je n'en pensais. Il ajouta: on voit, par la difficulté que m. de Morcoff éprouve pour obtenir une réponse

---

г. Жервэ, одинъ изъ его секретарей посольства).—Начинаю съ сардинскаго короля: это статья, къ которой вѣчно возвращаются министры. Вотъ что они говорятъ. Они видятъ, что приходится отказаться отъ надежды на возвращеніе ему Пьемонта; но е. и. в., принимающій совсѣмъ особое участіе въ положеніи этого несчастнаго государя, желаетъ и надѣется, что 1-й консулъ доставитъ ему какое-нибудь вознагражденіе въ Италіи или въ Германіи, такъ какъ ему нельзя жить на доходы въ Сардиніи, и это дѣло справедливости франц. правительства было бы также свидѣтельствомъ великодушія 1-го консула.—Передъ прибытіемъ г. Жервэ, вице-канцлеръ спросилъ меня, въ разговорѣ, не могу ли я сообщить ему нѣкоторыя подробности о промахѣ г. Моркова письменно или устно. Я отвѣчалъ, что нельзя смотрѣть на несообразность, какъ на государственное дѣло: это одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые касаются общественнаго мнѣнія, а не правительствъ. Я прибавилъ, что мое правительство не придало ему значенія, зная дѣйствительныя и искреннія намѣренія в. и. в—ва, и что подобныя прелести больше вредятъ ихъ изобрѣтателямъ, чѣмъ тѣмъ, противъ которыхъ онѣ направлены. Бесѣда шла въ веселомъ тонѣ; но онъ терпѣть не можетъ г. Моркова и наговорилъ мнѣ о немъ больше дурного, чѣмъ я думалъ. Онъ прибавилъ: такъ какъ г. Мор-

quelconque et le silence que garde le gouvernement français sur toutes les communications qu'il lui a faites, que sa personne ne lui est pas agréable; comme S. M. I. a le désir de n'avoir près du gouvernement français qu'un ministre qui lui soit parfaitement agréable, elle remplacerait m. de Morcoff, si elle pensait qu'il n'a pas justifié sa confiance. Je répondis que la consulte de Lyon et le congrès d'Amiens légitimaient assez ces retards, sans chercher des motifs qui n'existaient sûrement pas. J'avais été prévenu d'avance de cette botte et que l'on serait bien aise de trouver un prétexte pour rappeler m. de Morcoff et le mettre sous la remise; mais comme vous ne m'avez donné aucun ordre à cet égard et qu'il est d'ailleurs moins dangereux à Paris qu'ici, où il se relèverait tôt ou tard, peut-être tout de suite, à cause de la pénurie de gens intélligents, j'ai gardé une mesure extrême dans mes réponses, afin de né pas achever de lui casser le col et de le laisser à Paris, où il sera souple comme un intriguant démasqué; tandis qu'ici il nous contrequarrerait soit pour les affaires politiques, soit pour le traité de commerce. Quand le général Hédouville sera ici, on pourra traiter beaucoup de choses, sans que m. de Morcoff sache rien. J'espère donc que vous approuverez la conduite que j'ai tenue à cet égard.—M. Gervais dit qu'il ne fait rien, qu'il n'a pas été question à Paris de l'affaire dont parle le *Courrier de Londres*. M. de Morcoff donne dans ses dépêches les détails suivants. „Fouilhoux lui aurait écris à son arrivée

---

кову трудно добиться какого-либо отвѣта, и франц. правительство молчитъ на всѣ его сообщенія, то здѣсь видятъ, что его личность непріятна послѣднему; а такъ какъ е. и. в. желаетъ имѣть при франц. правительствѣ лишь вполнѣ пріятнаго послѣднему министра, то онъ смѣнитъ г. Моркова, если убѣдится, что онъ не оправдалъ его довѣрія. Я отвѣчалъ, что ліонская консульта и амьенскій конгрессъ достаточно оправдываютъ эти проволочки; и нечего искать побужденій, которыхъ, конечно, не существовало. Я былъ предупрежденъ объ этой выходкѣ и о томъ, что здѣсь были бы очень рады предлогу отозвать г. Моркова и лишить его мѣста. Но, не имѣя вашихъ приказаній на этотъ счетъ и разсчитывая, что Морковъ менѣе опасенъ въ Парижѣ, чѣмъ здѣсь, гдѣ онъ поднимется рано или поздно, если не сейчасъ же, въ силу недостатка въ интеллигентныхъ людяхъ, я соблюдалъ крайнюю осторожность въ моихъ отвѣтахъ: лучше не ломать ему шеи совсѣмъ и оставить его въ Парижѣ; тамъ онъ будетъ сговорчивъ, какъ изобличенный интриганъ; здѣсь же онъ будетъ вредить намъ либо въ политикѣ, либо въ торговомъ договорѣ. Когда будетъ здѣсь ген. Эдувиль, можно будетъ дѣлать многое безъ вѣдома г. Моркова. Надѣюсь, вы одобрите мое поведеніе по этому дѣлу.—Г. Жервэ говоритъ, что онъ не при чемъ и что въ Парижѣ не было и рѣчи о дѣлѣ, о которомъ

à Paris pour lui proposer de s'abonner à son bulletin, ce qu'il a fait pour un louis par mois; il recevait ces bulletins, à peine les parcourrait-il, jamais ils ne sont sortis de son cabinet. Fouilhoux pendant la consulte de Lyon avait fait une sortie contre le ministre de la police qui, mécontent de cela, l'avait fait arrêter et apposer les scellés sur ses papiers. On avait trouvé le nom de m. de Morcoff sur la liste des abonnés, de là tous les *on-dit*. Un jour d'audience le 1-r consul lui aurait dit: „On fait courir beaucoup de bulletins, m. de Morcoff, ne trouvez-vous pas qu'ils sont assez mal faits?" Il aurait répondu: „Je l'ai ouï dire". Le 1-r consul aurait ajouté en sortant de table: „M. de Morcoff, j'espère que vous ne les prenez pas pour base des comptes que vous rendez à votre cour?" Il aurait répondu: „Que la preuve du contraire était la lettre de S. M. I. relative entre autres choses au commerce de Lyon qu'il avait été chargé de lui remettre". M. de Morcoff aurait voulu pousser cette explication plus loin, mais le 1-r consul lui aurait répondu: „C'est une plaisanterie" et lui aurait parlé d'autres choses. M. de Morcoff aurait été le lendemain chez vous pour s'en expliquer d'une manière sérieuse; il aurait voulu entrer dans beaucoup de détails, mais vous lui auriez répondu, „que tout cela était au plus un malentendu dont il ne fallait plus parler; que si vous fussiez revenu plus tôt de Lyon il n'en aurait même pas été question; que le 1-r con-

---

говоритъ *Лондонскій Курьеръ*. Г. Морковъ сообщаетъ въ своихъ депешахъ слѣдующія подробности. „По его прибытіи въ Парижъ, Фулью прислалъ ему письмо съ предложеніемъ подписаться на его журналъ, что онъ и исполнилъ за луидоръ въ мѣсяцъ. Онъ получалъ этотъ журналъ, едва пробѣгалъ его и никогда не выпускалъ изъ своего кабинета. Во время ліонской консульты, Фулью сдѣлалъ выходку противъ министра полиціи, который съ досады арестовалъ его и опечаталъ его бумаги. На листѣ подписчиковъ нашли имя г. Моркова: отсюда всѣ *толки*. На одной аудіенціи 1-й консулъ будто бы сказалъ ему: „ходитъ много журналовъ, г. Морковъ; не находите ли вы, что они довольно плохо составлены?" Онъ будто отвѣтилъ: „Да, слышалъ". 1-й консулъ прибавилъ-де, выходя изъ-за стола: „г. Морковъ, надѣюсь, вы не кладете ихъ въ основаніе вашихъ докладовъ вашему двору?" А онъ будто бы отвѣчалъ: „доказательство противнаго—порученное передать ему письмо е. и. в—ва, которое касается, между прочимъ, ліонской торговли". Г. Морковъ хотѣлъ продолжить это объясненіе, но 1-й консулъ будто бы отвѣчалъ ему: „это шутка" и заговорилъ съ нимъ о другомъ. Г. Морковъ былъ, на другой день, у васъ, чтобы серьезно объясниться. Онъ хотѣлъ вдаться въ большія подробности, но вы отвѣтили: „все это по большей мѣрѣ недоразумѣніе, о которомъ не стоитъ говорить; возвратись я раньше изъ Ліона, объ этомъ не

sul, ni vous ne conceviez même pas un doute à cet égard" et que vous aviez encore ajouté, sur l'observation qu'il vous fit, que si l'on avait quelque chose contre lui ou qu'il ne fût pas agréable, que connaissant les intentions de sa cour il s'empresserait de demander son remplacement, que loin de cela, „le 1-r consul le voyait avec plaisir et qu'il lui donnerait toujours des preuves de son estime"; enfin „qu'il était parfaitement traité depuis".—Vous voyez qu'il cherche à donner le change sur cette affaire dont on ne paraît cependant pas être la dupe. Comme m. le comte de Kotschubey en m'entretenant de ces détails qui, me disait-il, avaient justifiés m. de Morcoff aux yeux de S. M. I. qui était, sur l'exposé du *Courrier de Londres*, fort mécontent de lui, et qu'il ajoutait que l'exposé de cette gazette sur m. de Morcoff était indécent, je lui répondis que le gouvernement français méprisait tellement les libelles que ses journaux n'avaient point parlé de cela, qu'au reste si cet article était indécent, il l'était bien plus de tenir une conduite qui pouvait y donner lieu, et comme il revenait encore sur *l'indécence* de cet article et ajoutant que m. de Morcoff n'était qu'abonné à ce bulletin, comme nous étions tête-à-tête, je répondis que m. de Morcoff *devrait alors en vouloir cruellement au peu reconnaissant Fouilhoux qui faisait de son confiant abonné son directeur et même son trésorier*. Cette conversation a fini gaiement et en abandonnant celui dont il était ques-

---

было бы и рѣчи; ни 1-й консулъ, ни я не допускаемъ даже сомнѣній на этотъ счетъ". Онъ замѣтилъ, что если имѣютъ что-либо противъ него или если онъ непріятенъ, то, зная намѣренія своего двора, онъ поспѣшитъ просить смѣны. Вы отвѣчали что, напротивъ, „1-й консулъ видитъ его съ удовольствіемъ и всегда будетъ давать ему доказательства своего уваженія". Наконецъ, г. Морковъ прибавляетъ, что „съ тѣхъ поръ съ нимъ обращаются превосходно".—Вы видите, онъ хочетъ извернуться, но, кажется, не обманетъ. Говоря со мной объ этихъ подробностяхъ, гр. Кочубей сказалъ, что онѣ оправдали г. Моркова въ глазахъ е. и. в—ва, который очень сердился на него, вслѣдствіе статьи *Лонд. Курьера*. Когда онъ прибавилъ, что статья этой газеты о г. Морковѣ неприлична, я возразилъ: франц. правительство до того презираетъ журналы, что его собственныя газеты даже не говорили объ этомъ; впрочемъ, если эта статья неприлична, то еще болѣе неприлично было поведеніе, способное подать къ тому поводъ. Такъ какъ онъ возвратился къ *неприличію* этой статьи, прибавляя, что г. Морковъ былъ лишь подписчикомъ на этотъ журналъ, я возразилъ, пользуясь бесѣдой съ глазу на глазъ: „въ такомъ случаѣ г. Морковъ долженъ страшно злиться на неблагодарнаго Фулью, который сдѣлалъ изъ своего довѣрчиваго подписчика своего директора и даже своего казначея". Эта бесѣда кончилась шутливо, и мы предоставили того, о комъ шла рѣчь,

tion à son mauvais génie, quand ils ne savent plus que dire, ils tombent sur le nommé Christine qui, disait-il, peut l'avoir compromis, sans qu'il en sache rien. — On a donné des ordres à m. de Morcoff pour vivre plus convenablement, et on lui adresse par le courrier qui part demain maints reproches...

Paris. 141, 89. Подлинникъ.

№ 151.—Конфиденціальная записка Кочубея.

16/28 марта 1802.

Гр. Кочубей, пригласивъ къ себѣ г. Колленкура, сказалъ ему, что взаимствуя сообщенію, которое онъ ему сдѣлалъ о письмѣ перваго консула е. и. в—ву, онъ, съ своей стороны, увѣдомитъ его, что въ отвѣтѣ къ первому консулу, который отъ вице-канцлера онъ получитъ, государь и—ръ изъявляетъ упованіе свое, что Гельвеція вскорѣ обрѣтетъ вольность и независимость свою; показываетъ, сколь желательно было бы, чтобъ дѣла германскія движеніе дѣятельнѣйшее возымѣли, и благодаритъ за добрую волю, маркграфу баденскому показываемую; упоминаетъ о торговлѣ вообще и особенно о торговлѣ черноморской; что по сему обстоятельству е. и. в—во не могъ войти въ большія подробности въ письмѣ своемъ, но ссылается на предписанія, гр. Моркову даемыя, въ коихъ обстоятельно изъяснено, какія средства удобнѣе въ Константинополѣ употреблены быть могутъ для достиженія цѣли правительства французскаго. Гр. Кочубей примѣтилъ, что, видѣвъ самъ столицу Оттоманскую и зная людей, г. Колленкуръ судить можетъ, съ какою тайною подобная негоціація производиться должна, и вошедъ по сему въ нѣкоторыя раздробленія, обратилъ наконецъ рѣчь къ главному предмету свиданія своего—къ части письма Бонапарта, о разныхъ рукописныхъ извѣстіяхъ упоминающей. Гр. Кочубей сказалъ, что е. и. в—во вошелъ по случаю сему нѣсколько пространнѣйше отзыва перваго консула; что государь не зналъ бы, о чемъ онъ мнилъ упомянуть, естьли бы не соизволилъ

его злому генію. Но здѣсь всегда хватаются за нѣкоего Кристина, когда нечего сказать; и гр. Кочубей сказалъ, что, быть можетъ, онъ скомпрометтировалъ г. Моркова, который и не зналъ ничего.—Г. Моркову приказано жить приличнѣе; и ему посылаютъ кучу упрековъ съ курьеромъ, который отправляется завтра...

найти въ одной газетѣ, что гр. Моркова хотѣли замѣшать въ сочиненія сіи по поводу какого-то бюллетина, Фоильгу издаваемаго; что е. в. всегда съ презрѣніемъ взиралъ и на авторовъ подобныхъ и на все то, чтó могутъ писать газеты, столь многое себѣ нынѣ позволяющія; что е. в. увѣренъ, что первый консулъ одинакія съ нимъ мысли по сему предмету имѣетъ; что какая могла быть цѣль гр. Моркова подстрекать кого бы то ни было писать противу правительства фр-го; что расположенія е. и. в—ва довольно извѣстны; и что вслѣдствіе оныхъ государь и—ръ съ сожалѣніемъ видѣлъ, что правительство фр-ое продолжаетъ имѣть много людей, частно неблагорасположенныхъ; что е. в. считаетъ, что упомянутая статья въ газетѣ Courier de Londres, которая многими правительству фр-му приписуется, напечатана была какимъ-либо недоброхотомъ онаго, ибо какъ можно полагать, чтобъ первый консулъ, имѣя съ е. в—мъ откровенную переписку, не принесъ въ оной жалобы на гр. Моркова, естьли бы къ тому имѣлъ поводъ; что таковый ходъ есть свойственъ дворамъ или правительствамъ, и что тутъ дѣйствительно долженъ быть худой умыселъ кого-нибудь изъ людей, въ газетахъ всякую пустошь писать привыкшій; что е. в. никогда отъ министра своего въ Парижѣ не имѣлъ никакихъ извѣстій или бюллетиновъ, кои однакожъ изъ другихъ мѣстъ десятками сюда доходятъ; и что впрочемъ государь столь увѣренъ въ опытности и дарованіяхъ гр. Моркова, что никогда не подумаетъ, чтобы онъ что-либо противное высочайшимъ намѣреніямъ его сдѣлать могъ.—Г. Колленкуръ довольно смущенъ былъ послѣдними замѣчаніями сими. По увѣреніямъ его, первый консулъ не имѣлъ конечно намѣренія приносить жалобу на гр. Моркова, и что Бонапарте, зная, сколь въ большомъ количествѣ посылаются внѣ Франціи всякія несообразныя сочиненія, хотѣлъ только предварить, чтобъ онымъ не давали вѣры.—Въ продолженіи изъясненій сихъ гр. Кочубей увѣдомилъ г. Колленкура о бывшихъ между гр. Моркова и г. Талейрана (разговорахъ) и что первый не оставилъ сказать ему, что и подлинно справедливо, что принявъ постъ, ему ввѣренный, изъ единаго повиновенія къ монаршей волѣ, отнюдь не дорожитъ онъ имъ и готовъ оставить оный, коль скоро не будетъ увѣренъ онъ, что первый консулъ не имѣетъ противу него предубѣжденій.—Г. Колленкуръ увѣрялъ, что ни каковыхъ не существуетъ; въ разговорѣ же, когда дѣло шло о содержаніи отвѣта е. и. в—ва, онъ, проходя всѣ пункты, сказалъ: „о республикѣ Италійской что и—ръ пишетъ?“, но гр. Кочубей не вошелъ ни въ какое съ нимъ изъясненіе, вызвавшись только, что е. и. в—во первому консулу изъявилъ упованіе свое, что постановленія касательно Италіи, между

обѣими державами подписанныя, возымѣютъ въ скоромъ времени полное ихъ дѣйствіе.

Pétersbourg. Ministère, 1802, 45. Подлинникъ.

№ 152.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 19/31 марта 1802.

....Можетъ предстать удобность воспользоваться добрыми расположеніями перваго консула къ маркграфу баденскому. Въ семъ предположеніи можете вы предъявить министру баденскому, въ Парижѣ находящемуся, всю готовность вашу вступить въ сношеніе съ министерствомъ фр-мъ о удовлетвореніи маркграфа, коего предварилъ я въ отвѣтѣ моемъ о повелѣніяхъ, вамъ данныхъ, присоединяя притомъ въ руководство ваше, что при всемъ доброжелательствѣ моемъ къ дому баденскому сожалѣлъ бы я, естьлибъ интересы онаго, въ видѣ каковыхъ-либо важныхъ пріобрѣтеній, послужили препоною къ развязкѣ дѣлъ германскихъ. Впротчемъ, не имѣя свѣденія о томъ, чтó можетъ присоединено быть къ владѣніямъ маркграфа баденскаго, я долженъ сослаться на тѣ изъясненія, кои доставлены вамъ будутъ министромъ его свѣтлости.—Торговля черноморская или, можно сказать, пропускъ флага фр-го чрезъ проливъ Константинопольскій, о коей въ письмѣ моемъ къ Бонапарте ссылаюся я на объясненія ваши, представляя дѣйствительно для Россіи нѣкоторыя выгоды, не встрѣтитъ конечно никакихъ со стороны моей препятствій. Увѣряя въ томъ министерство фр-ое, вы можете внушить ему, что у Порты должно добиваться о полученіи на пропускъ судовъ въ Черное море дозволенія, и что я охотно предпишу, и дѣйствительно въ слѣдъ за симъ и исполню то, т. сов—ку Тамарѣ поддержать въ Константинополѣ представленія повѣреннаго въ дѣлахъ фр-го. Но тутъ же замѣтить можете вы министру внѣшнихъ дѣлъ, сколько Порта дорожитъ правами своими; что сіе требованіе фр-ое встрѣтитъ конечно большія трудности и что въ предъявленіи онаго должно употребить всевозможную осторожность и тайну, дабы мнительное министерство турецкое не вздумало выводить тутъ каковыхъ заключеній и не затруднило сугубо дѣла сего. Впрочемъ снисхожденія сего не упустите поставить въ цѣну, воспользовавшися буде возможно онымъ къ предъуспѣянію въ другихъ дѣлахъ, старанію вашему препорученныхъ. Трудно конечно весьма будетъ склонить Порту на удовлетвореніе желанія перваго консула, ибо извѣстно, что и Англія при всемъ своемъ вліяніи не могла еще на то диванъ

склонить.—Въ заключеніе усмотрите вы, что не упустилъ я опровергнуть слуховъ на счетъ вашъ разнесшихся, по поводу какихъ-то письменныхъ бюллетеновъ. Не имѣя отъ васъ по непріятному дѣлу сему никакихъ изъясненій, я ограничуся, въ ожиданіи оныхъ, замѣчаніемъ, сколько нужно, чтобъ вы съ особливою осторожностью размѣряли всѣ ваши поступки, удаляяся отъ всего того, чтó можетъ быть поводомъ къ каковымъ-либо непріятностямъ и особливо убѣгая всего того, чтó не имѣетъ съ дѣлами никакой связи, въ сихъ же послѣднихъ руководствуяся откровенностью и твердостью, образу мыслей моихъ свойственными. Другое обстоятельство требуетъ, чтобъ вниманіе ваше къ нему вы обратили. По разнымъ свѣденіямъ, сюда дошедшимъ, надв. сов - къ Христинъ замѣшанъ былъ въ семъ происшествіи, почему и не должно замедлить удаленіемъ его подъ какимъ-либо приличнымъ предлогомъ отъ миссіи вашей.

Pétersbourg. Paris, 1802, 8. Подлинникъ.

№ 153.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 19/31 марта 1802.

По изготовленіи рескрипта, который написанъ былъ къ вамъ вслѣдствіе письма, отъ перваго консула мною полученнаго, доставлены кол. сов-мъ Жерве донесенія ваши отъ 11/23 февраля, изъ коихъ усматриваю я, что правительство фр-ое продолжаетъ постоянно слѣдовать правиламъ своимъ, оставляя дѣла въ прежней нерѣшимости и приготовляя, вѣроятно, способы устроить оныя сообразно собственнымъ видамъ своимъ. — Въ такомъ трудномъ положеніи вещей, не могу я не одобрить той осторожности, съ которою распоряжаете вы поступки ваши съ министерствомъ фр-мъ. Изъ мѣры вышедшее могущество Франціи и нравственность перваго консула, вами описываемая, нужными чинятъ наибольшую осмотрительность. Не въ томъ положеніи конечно Россія состоитъ, чтобъ можно было ей чего-либо собственно для себя опасаться; но не можетъ настоять для нея пользы, чтобъ отъ новыхъ замѣшательствъ потерпѣть могли другіе, и именно между прочими вѣнскій дворъ, опасающійся паче всего компрометировать себя съ Франціею. Съ другой стороны, и разныя другія уваженія утверждаютъ въ убѣжденіи, что должно предпочесть сохраненіе съ правительствомъ симъ всякой наружности. Извѣстно отъ источниковъ весьма надежныхъ, что въ планъ Бонапарте вмѣщается составить, въ одно время съ индемнизаціями, союзъ съ королемъ прусскимъ, курфюрстомъ баварскимъ и нѣ-

которыми другими германскими князьями. — Соображеніе сіе могло бы имѣть для дѣлъ общихъ важныя неудобства, но надѣюсь я, что въ исполненіи своемъ встрѣтитъ не малыя трудности.—Впрочемъ и Англія не меньше Австріи питаетъ желаніе достигнуть спокойнаго положенія, чтó все и намъ, по крайней мѣрѣ до времени, должно показывать черту поведенія, интересамъ нашимъ свойственную. — Взявъ предлогомъ письмо ко мнѣ перваго консула и что онъ упоминаетъ о немедленности теченія дѣлъ германскихъ, можете вы однакожъ продолжать отзывы ваши, чтобъ правительство фр-ое сообщило вамъ виды свои касательно индемнизацій. Первый консулъ полагаетъ, кажется, чтобъ негоціація сія въ Парижѣ производилася; я вопреки того ничего не имѣю, только однимъ желаніемъ будучи побуждаемъ, чтобъ развязка дѣлъ сихъ скоро мѣсто возъимѣла. — Равнымъ образомъ съ осмотрительностію поступать должно и по дѣламъ короля сардинскаго. По прибытіи сюда ген. Гедувиля не иначе конечно податливость найдетъ онъ здѣсь въ дѣлахъ, кои поручены ему будутъ, какъ по мѣрѣ податливости или оказанія взаимства министерства фр-го по негоціаціямъ нашимъ. Генеральныя выраженія въ письмѣ моемъ къ Бонапарте, что торговля французская будетъ имѣть здѣсь покровительство, не могутъ означать, что приступлено будетъ къ заключенію торговаго договора; а что касается до пропуска флага фр-го въ Черное море, то тщетно было бы каковое-либо сопротивленіе; Порта несомнѣнно удовлетворитъ тому, будучи обязанною, и лучше намъ показать правительству фр-му добрую со стороны нашей въ семъ случаѣ волю.— Другое постановленіе касательно Италіи весьма полезно было бы видѣть выполненнымъ: я разумѣю о выводѣ войскъ фр-хъ изъ областей Неапольскихъ, пребываніе коихъ не можетъ дѣйствительно не только для самого королевства Неапольскаго, но и для Порты Оттоманской представить безопасности. Вы сіе усмотрите лучше изъ сообщаемаго вамъ письма министра Талейрана къ Рейсъ-Ефендію, изъ Ліона писаннаго. Другія извѣстія, не имѣющія однакожъ одинакаго вѣроподобія, утверждаютъ, что войско фр-ое изъ областей Неапольскихъ употреблено быть имѣетъ на устроеніе островов Іоническихъ. Я ласкаюся, что извѣстіе сіе не имѣетъ никакого основанія; но какъ нужно, чтобъ не произошло каковаго-либо недоразумѣнія по случаю, что и мое войско изъ Неаполя въ Корфу отправиться имѣетъ, то и можете вы изъясниться съ министромъ внѣшнихъ сношеній, есть ли сообщенія ваши касательно экспедиціи гр. Моцениго не были уже поводомъ приведенія въ полную ясность всѣхъ обстоятельствъ сихъ.— Не изъ числа вещей невозможныхъ, что первый консулъ найдетъ со-

мнительнымъ или несоотвѣтственнымъ мнимой искренности, которую онъ мнѣ показываетъ, молчаніе мое о республикѣ Италійской и что или самъ онъ, или Талейранъ о томъ къ вамъ отзовутся.—Новое сіе событіе можетъ развѣ тогда успокоить, когда можно будетъ имѣть удостовѣреніе, что новая сія республика не выйдетъ изъ предѣловъ, кои составляли Сизальпину. Въ случаѣ по тому какихъ-либо отзывовъ, вы можете отвѣтствовать, что въ убѣжденіи, что первый консулъ не имѣетъ намѣренія распространить область сію, довольно равнодушно принялъ я обстоятельство, безпосредственно Россію не интересующее, и потому конечно ничего объ ономъ въ письмѣ къ Бонапарте не упомянулъ. Время покажетъ, имѣетъ ли тутъ послѣдній каковые-либо дальные виды, а между тѣмъ откроется также, какъ взираютъ на происшествіе сіе разныя державы и что по сему сообразить будетъ можно.—При изъясненіяхъ вашихъ съ Талейраномъ о подвигахъ, нужныхъ въ Константинополѣ, касательно пропуска судовъ фр-хъ въ Черное море, не оставьте дать ему почувствовать, что первою мѣрою къ тому почитаете заключеніе окончательнаго мира и что нужно бы наискорѣе оный подписать. Событіе сего дѣйствительно тѣмъ нужнѣе чинится, что сильные подвиги повѣреннаго въ дѣлахъ фр-го въ Константинополѣ и настоянія посла аглицкаго, чтобъ негоціація турецкая въ Аміенсъ перенесена была, и по послѣднимъ извѣстіямъ еще продолжающіеся, въ крайнее безпокойство привели министерство Оттоманское. — Остается мнѣ изъявить вамъ, что я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ донесеній вашихъ, что обстоятельства непристойнаго поведенія съ вами Бонапарте суть различны отъ тѣхъ, кои имъ или министромъ полиціи Фуше были конечно разсѣяны. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ.

Pétersbourg. Paris, 1802, 9. Подлинникъ.

№ 154.—Морковъ Кочубею.

Paris, 20 mars (1 avril) 1802.

*) Au sortir du dîner qui a suivi la dernière audience que le 1-r consul avait donné au corps diplomatique, il me prit à part et après m'avoir adressé quelques honnêtetés sur ce que je venais d'être fixé en

---

Парижъ, 20 марта (1 апрѣля) 1802.

*) По окончаніи обѣда, который слѣдовалъ за послѣдней аудіенціей, данной 1-мъ консуломъ дипломатическому корпусу, онъ отвелъ меня въ сто-

France, il passa au discours sur les affaires en général et me parla spécialement de celle des indemnités en Allemagne, protestant de nouveau de ses dispositions d'y être favorable aux intérêts des princes que l'E-r protégeait, et de ne s'écarter des plans et des vues que S. M. lui avait fait connaître qu'autant qu'une convenance générale et absolue pourrait exiger. Il ajouta qu'il chargerait le ministre des relations extérieures d'entrer incessamment en matière avec moi sur cet objet. Il m'entretint ensuite des Sept-Iles-Unies, exprimant dans les termes les plus forts ses regrets d'y voir régner secrètement une anarchie complète et de les savoir assujetties à la dépendance d'une puissance aussi barbare que la Turquie. Je lui ai répondu, en me félicitant avec lui de l'accord que j'appercevais entre ses vues et celles de notre cour sur les objets dont nous venions de nous entretenir; et j'ai cru devoir saisir encore ce moment pour lui parler du sort du roi de Sardaigne, comme le seul point qui manquait au complément de cet accord et qui réclamait également et la justice, et la générosité du 1-r consul. Il me fit une réponse qui peint l'inflexibilité de ses principes et la dureté de son caractère; il me dit ces propres termes: „La justice des états est leur intérêt et leur convenance. La générosité, quand elle est contrariée, devient passion ou plutôt faiblesse. Je ne me dessaisirai pas du Piémont aussi longtemps que les autrichiens garderont un pouce de terrain en Italie et je croirais

---

рону и, сказавъ нѣсколько любезностей по поводу моего водворенія во Франціи, перевелъ разговоръ на дѣла вообще и на вознагражденія въ Германіи. Онъ снова указывалъ на свои старанія дѣйствовать въ пользу князей, состоящихъ подъ покровительствомъ и—ра, и отступать отъ плановъ и намѣреній е. в—ва лишь настолько, насколько безусловно потребуютъ того общіе интересы. Онъ прибавилъ, что поручитъ министру иностранныхъ дѣлъ немедленно войти со мною въ переговоры по этому предмету. Потомъ онъ бесѣдовалъ со мною о Семи Соединенныхъ Островахъ, высказывая въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ свою скорбь о тайномъ господствѣ тамъ полнаго безначалія и о подчиненіи ихъ такой варварской державѣ, какъ Турція. Я отвѣчалъ, что очень радъ видѣть, какое согласіе господствуетъ между его взглядами и взглядами нашего двора на вещи, о которыхъ мы только-что говорили. Я счелъ долгомъ воспользоваться этой минутой, чтобы еще поговорить съ нимъ объ участи сардинскаго короля, какъ объ единственномъ условіи, котораго недоставало для совершеннаго согласія и которое взывало одинаково и къ справедливости, и къ великодушію 1-го консула. Онъ далъ мнѣ отвѣтъ, который обрисовываетъ непреклонность его правилъ и жестокость его характера. Вотъ что именно сказалъ онъ мнѣ: „Справедливость государствъ, это—ихъ выгоды и удобства. Вынужденное великодушіе есть страсть или, скорѣе, слабость. Я не отдамъ

manquer de bonne foi, si je vous tenais un autre langage. Il reste au roi de Sardaigne un établissement, qu'il aille vivre tranquillement à Cagliari". Sur l'observation que je lui ai faite de la modicité des revenus de ce royaume montant à peine à 600 mille livres par an et par conséquent insuffisant à l'entretien de la dignité royale, il me répliqua que quant à l'argent il entrerait en telle composition qu'on lui proposerait, et ne se refuserait pas à suppléer à ce qui pourrait manquer à l'entretien du roi de Sardaigne; qu'il ne s'opposait pas même à ce qu'on lui procurât un établissement hors de l'Italie et nommément à ces Sept-Iles dont il m'avait parlé, et qu'il verrait sans contradiction passer sous la domination ou de l'Autriche, ou de telle autre (puissance), qu'on voudrait proposer, pourvu qu'elles fussent arrachées à la tyrannie des turcs. Il mêla dans cet entretien une assertion tout-à-fait impropre et inaplicable au roi de Sardaigne: il prétendit qu'il y avait des inconvénients politiques à le faire remonter de l'état abject où il était tombé, à son premier poste. Je n'ai point relevé cette assertion, précisément parce qu'elle était destituée de tout fondement et qu'elle lui était échappé faute de bonnes raisons à alléguer...

Pétersbourg. Paris, 1802, 165. Подлинникъ.

Пьемонта, покуда у австрійцевъ останется хоть пядь итальянской земли, и я считалъ бы себя лгуномъ, еслибы говорилъ съ вами иначе. У сардинскаго короля остается одно владѣніе: пусть себѣ живетъ спокойно въ Кальяри". На мое замѣчаніе о ничтожности доходовъ этого королевства, доходящихъ едва до 600.000 ливровъ въ годъ, и, слѣдовательно, недостаточныхъ для поддержанія королевскаго достоинства, онъ возразилъ, что касательно денегъ онъ пойдетъ на сдѣлку, какую ему предложатъ, и не откажется пополнить то, чего не хватитъ на содержаніе сардинскаго короля. Онъ даже не противъ того, чтобы ему дали какія-нибудь владѣнія внѣ Италіи, а именно на Семи Островахъ, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ. Онъ ничего не сказалъ бы, еслибы острова подпали подъ господство Австріи, или какое-нибудь другое, которое пожелали бы предложить, лишь бы вырвать ихъ у турецкой тиранніи. Онъ вставилъ въ этомъ разговорѣ замѣчаніе, совершенно неподходящее и непримѣнимое къ сардинскому королю: онъ утверждалъ, что было бы неудобно въ политическомъ отношеніи возстановить его на прежнемъ посту послѣ того, какъ онъ упалъ такъ низко. Я не возражалъ на это увѣреніе, именно потому, что оно лишено всякаго основанія и вырвалось у него просто за недостаткомъ лучшихъ доводовъ.

№ 155.—Морковъ Кочубею.

Paris, 20 mars (1 avril) 1802.

*) Le traité d'Amiens, en stipulant l'accession de la Porte Ottomane, termine l'état de guerre entre elle et la France, mais il ne fixe point leurs rapports de paix. Cette dernière sent les inconvénients de cette situation et voudrait y remédier, en signant un traité ici à Paris avec l'ambassadeur turc. — M. de Talleyrand l'a fait venir chez lui et lui en a fait la proposition; il ne s'y est pas refusé, mais a insisté sur la teneur littérale du projet qu'il lui a communiqué et dont v. exc. possède la copie. Le ministre français y veut quelques changements, qui doivent emporter implicitement la navigation de la mer Noire. Il s'en est expliqué avec moi et il croit, qu'en insérant seulement l'expression de *nation la plus favorisée*, cet objet y sera compris. Mais il ne croit pas, et avec raison, reconnaître au ministre turc de pleins pouvoirs suffisants à la conclusion d'un acte quelconque; en effet, ceux qu'il avait reçus dernièrement ne sont applicables qu'au congrès d'Amiens, où il n'a pas pu les déployer. Cependant son désir de complaire en tout à ce gouvernement-ci l'aurait fait passer sur cette considération, s'il n'avait été retenu par la clause de ne traiter de rien qu'avec le concours des alliés

---

Парижъ, 20 марта (1 апрѣля) 1802.

*) Амьенскій миръ, постановляя присоединеніе Оттоманской Порты, прекращаетъ войну между нею и Франціей, но не опредѣляетъ ихъ мирныхъ отношеній. Послѣдняя чувствуетъ неудобства такого положенія и хотѣла бы поправить дѣло, подписавъ здѣсь, въ Парижѣ, мирный договоръ съ турецкимъ посланникомъ.—Г. Талейранъ пригласилъ его къ себѣ и сдѣлалъ предложеніе; тотъ не отказывался, но настаивалъ на буквальномъ содержаніи сообщеннаго имъ проекта, копія съ котораго находится у в. с—ва. Французскій министръ требуетъ въ немъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, смыслъ которыхъ состоитъ въ правѣ плаванія по Черному морю. Онъ объяснился по этому поводу со мною и думаетъ, что если вставить только выраженіе *наиболѣе благопріятствуемая нація*, то это обстоятельство само собою будетъ въ немъ заключаться. Но онъ справедливо не считаетъ полномочія турецкаго министра достаточными для заключенія какого бы то ни было договора: дѣйствительно, тѣ, которыя недавно получены послѣднимъ, годятся только для амьенскаго конгресса, гдѣ ему не пришлось ихъ примѣнить. Впрочемъ, его желаніе во всемъ угождать здѣшнему правительству заставило бы его пренебречь этимъ

de la Porte. Après lui avoir fait quelques observations sur la nature de ce plein pouvoir, je lui ai conseillé de voir le ministre d'Angleterre et de lui en parler. J'ai été moi-même trouver ce dernier, mais il m'a dit d'abord qu'il manquait totalement d'instructions à cet égard, et ensuite, que le traité d'Amiens, ayant pourvu à la pacification de la Porte et réglé la marche qu'elle avait à suivre pour sa confection, son ministre ne pouvait en dévier sous aucun prétexte sans s'exposer à être désavoué par les commettants, comme il l'avait déjà été par les préliminaires. Cette objection est fondée et doit influer sur la part que je dois avoir dans la négociation directe proposée par la France; si la Porte rejette en effet la transaction que son prétendue plénipotentiaire aura passée ici, la médiation de notre cour sera compromise, et je dois avoir d'autant plus cette crainte que m. de Talleyrand lui-même paraît la partager. J'ai donc conseillé au dit ambassadeur turc de demander de nouveaux ordres à la Porte et de ne pas passer outre avant de les avoir reçus. Il serait bien désirable que cet homme fût rappelé, car il est tout-à-fait livré à ce pays-ci; au reste, je me confirme dans l'idée qu'on nourrit ici des projets contre la Turquie. On a fait traduire et imprimer en grec plusieurs ouvrages prétendus philosophiques et par conséquent révolutionnaires qu'on se propose d'envoyer ou qu'on

---

соображеніемъ, еслибы его не удерживало условіе не договариваться ни о чемъ безъ участія союзниковъ Порты. Сдѣлавъ ему нѣсколько замѣчаній о свойствѣ этого полномочія, я посовѣтовалъ ему повидаться съ англійскимъ министромъ и поговорить съ нимъ объ этомъ. Я самъ былъ у этого послѣдняго. Но онъ сказалъ мнѣ сперва, что совсѣмъ не имѣетъ инструкцій на этотъ счетъ; а потомъ прибавилъ, что амьенскій договоръ установилъ замиреніе Турціи и указалъ путь, которому она должна слѣдовать для его довершенія; поэтому ея министръ не можетъ уклониться отъ него ни подъ какимъ видомъ, не подвергаясь выговору своихъ довѣрителей, какъ это уже случилось при предварительныхъ переговорахъ. Это возраженіе основательно, и оно должно повліять на мое участіе въ прямыхъ переговорахъ, предложенныхъ Франціей: если Порта дѣйствительно отвергнетъ сдѣлку, которую устроитъ здѣсь ея мнимый уполномоченный, то посредничество нашего двора будетъ скомпрометировано. И я тѣмъ болѣе долженъ опасаться этого, что самъ г. Талейранъ, повидимому, раздѣляетъ мой страхъ. Итакъ, я посовѣтовалъ сказанному турецкому посланнику просить новыхъ приказаній у Порты и не предпринимать ничего, не получивъ ихъ. Очень было бы желательно, чтобы этого человѣка отозвали, потому что онъ совершенно предался этой странѣ; впрочемъ, я утверждаюсь въ мысли, что здѣсь замышляютъ планы противъ Турціи. Перевели на греческій языкъ и напечатали много сочиненій, якобы философ-

a déjà envoyés dans la Morée et dans les îles de l'Archipel. Je me suis procuré un exemplaire de l'ouvrage de Beccari traduit et imprimé dans cette langue. Le Contrat Social de Rousseau est également sous presse. M. Talleyrand m'a annoncé qu'on attendait incessamment des députés des Sept-Iles-Unies pour porter leur doléances et demander protection. La chaleur, avec laquelle le 1-r consul parle dans toutes les occasions de cette petite république, et la proposition qu'il fait de la soustraire à la dépendance de la Turquie, me semblent également suspectes. En l'offrant, comme il le fait, tantôt à une puissance, tantôt à une autre, il me paraît se ménager des facilités de s'en rendre maître sans se compromettre vis-à-vis de la Porte. A l'appui de cette opinion je me rappelle que le 1-r consul m'a fait, à ma première audience, des plaintes de ce que les armes de la Russie lui avaient enlevée cette conquête...

Pétersbourg. Paris, 1802, 166. Подлинникъ.

№ 156.—Конференціальная записка Кочубея.

5/17 апрѣля 1802.

Гр. Кочубей, приглася ген. Гедувиля на конференцію, имѣлъ намѣреніе: 1) поближе познакомиться съ министромъ симъ; 2) подкрѣпить приличными внушеніями негоціаціи, гр. Морковымъ производимыя, и узнать, не имѣетъ ли онъ каковыхъ по онымъ преподать изъясненій, и 3) примѣтить, гдѣ случай представится, сколь мало основанія имѣть могутъ тѣ слухи касательно внутренняго положенія нашего, о коихъ онъ, вице-канцлеръ, отзывался.—Гр. Кочубей, сдѣлавъ приличныя при

скихъ и, слѣдовательно, революціонныхъ, которыя предполагаютъ послать или уже послали въ Морею и на острова Архипелага. Я досталъ экземпляръ сочиненія Бекаріи, напечатаннаго въ греческомъ переводѣ. „Общественный договоръ“ Руссо тоже печатается. Г. Талейранъ объявилъ мнѣ, что ежеминутно ждутъ депутатовъ отъ Семи Соединенныхъ Островов, имѣющихъ принести жалобы и просить покровительства. Горячность, съ какою 1-й консулъ при всякомъ удобномъ случаѣ говоритъ объ этой маленькой республикѣ, и его предложеніе освободить ее отъ турецкой зависимости кажутся мнѣ одинаково подозрительными. Предлагая ее то той, то другой державѣ, онъ, кажется, облегчаетъ себѣ средства захватить ее, не компрометируя себя передъ Портой. Я еще болѣе утверждаюсь въ этомъ мнѣніи, припоминая, что 1-й консулъ, на первой аудіенціи, жаловался мнѣ, что русское оружіе лишило его этого завоеванія...

новомъ знакомствѣ привѣтствія, сказалъ, что онъ желалъ имѣть случай видѣть его у себя и сообщить ему всѣ свѣдѣнія касательно положенія дѣлъ нашихъ съ правительствомъ фр-мъ, полагая, что, оставивъ Францію нѣсколько уже тому, послѣднія сношенія наши, можетъ быть, ему не извѣстны; что онъ, конечно, будучи въ Парижѣ, видѣлъ, какое теченіе дѣла наши имѣли; что е. и. в., положивъ при вступленіи своемъ на престолъ сблизиться съ Франціею, обратилъ къ тому все вниманіе свое, не имѣя никакого другого побужденія, кромѣ искренняго желанія, чтобъ событіе сіе возымѣло мѣсто; что таковыя расположенія е. в-ва не имѣли, конечно, другого побужденія, ибо, кто знаетъ Россію и положеніе ея въ разсужденіи Франціи, тотъ, безъ сумнѣнія, признается, что обѣ державы сіи сколько безпечны другъ отъ друга быть могутъ, столь взаимно вредить могутъ другимъ; что е. в., нашедъ открытою негоціацію, тотчасъ продолжать ее на первоначальномъ своемъ основаніи рѣшился, снисходя даже до того, что одѣланы въ нѣкоторыхъ статьяхъ отмѣны, дабы сблизиться съ видами Франціи, и именно, напримѣръ, по поводу постановленія о королѣ сардинскомъ, упоминающаго, что е. в., подавая такіе опыты прямыхъ расположеній своихъ, ласкаться изволитъ, что, конечно, заплачено будетъ ему совершеннымъ взаимствомъ; что потому поручено было гр. Моркову настоять о выполненіи статей, касательно Италіи относящихся, и что е. в. не иного, конечно, уваженія правительству фр-му оказывать можетъ, какъ по мѣрѣ тѣхъ, кои къ особѣ ли государя и-ра или къ дѣламъ, въ коихъ мы интересуемся, дворъ нашъ встрѣтитъ со стороны Франціи. — Ген. Гедувиль, находя замѣчанія сіи совершенно основательными и распространяся нѣсколько тѣми разсужденіями, кои неоднократно знаменованы были въ разныхъ бумагахъ правительства фр-го, *что обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а соединяся, важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ*, касательно короля сардинскаго сказалъ: что первый консулъ поручилъ ему при случаѣ е. и. в-ву донести, что при искреннемъ желаніи его удовлетворить благорасположительнымъ видамъ государя и-ра къ принцу сему, не можетъ онъ того исполнить, понеже распаленіе умовъ въ Піемонтѣ такъ велико, что весьма дурная услуга оказана была бы королю сардинскому, еслибъ область сія была ему возвращена; что въ разсужденіи выхода войска фр-го изъ королевства Неапольскаго Бонапарте такъ же е. и. в-ву велѣлъ представить, что безпечность негоціаціи Аміенской требовала, чтобъ до приведенія оной къ концу секретное наше по сему пункту постановленіе не было приведено въ дѣйствіе; что послѣднее гласитъ,

что войско фр-ое оставитъ области Неапольскія, когда жребій Египта будетъ рѣшенъ; что Египетъ освобожденнымъ отъ англичанъ почитать не можно было, пока находилися они въ Мальтѣ и Александріи, и что нынѣ, по заключеніи окончательнаго мира, постановленіе наше, конечно, будетъ исполнено.—Гр. Кочубей, оговорившися, что министръ фр-ій въ устахъ его всегда услышитъ истину и откровенность, свойственныя собственно ему, но наипаче видамъ и правиламъ государя и-ра, возразилъ: что онъ не можетъ не найти нѣсколько натянутымъ толкованія сего о Египтѣ; что прелиминаріи лондонскія положивъ, что оный возвращенъ будетъ, достаточно сего было, чтобъ англичанъ побудить оставить оный, что̀ и дѣйствительно учинено было бы, если бъ Порта, по причинѣ неустройствъ, происшедшихъ между беевъ и верховнаго визиря, не просила сама лондонскій дворъ, чтобъ оставленъ былъ гарнизонъ аглицкій въ Александріи; что, слѣдуя разсужденію г. генерала, теперь можетъ первый консулъ оставить войско фр-ое въ королевствѣ Неапольскомъ подъ предлогомъ, что миръ съ Портою Оттоманскою не заключенъ и что нужно, быть можетъ, для видовъ правительства фр-го по сему пункту, чтобъ войско его не двигалося изъ владѣній е. сицилійскаго в-ва.—Ген. Гедувиль, увѣряя гр. Кочубея, что сего, конечно, не случится, сей послѣдній, обратя рѣчь къ королю сардинскому, примѣтилъ, что какая нужда первому консулу, есть ли найдетъ онъ трудности въ Піемонтѣ и не удержится въ ономъ, буде самъ государь сей желаетъ подвергнуться опасностямъ, кои описаны были г. генераломъ?—Г. Гедувиль сказалъ, что тутъ первый консулъ менѣе въ виду имѣетъ интересы короля сардинскаго, нежели пользы всей Италіи; что новая респ. Италійская такъ еще молода, что нужно ей имѣть вождя, и что вліяніе надъ нею удобнѣе посредствомъ Піемонта имѣть можно.—Гр. Кочубей возразилъ, что Піемонтъ и съ королемъ такъ же бы въ зависимости Франціи остался, какъ и въ настоящемъ его образованіи. Но вопреки сказалъ г. Гедувиль, показывая на трактатъ аміенскій, на столѣ лежавшій: „вы судить можете, что первый консулъ, конечно, убѣдительные доводы имѣлъ въ удержаніи предположеній своихъ если ничего упомянуто не было“.—Гр. Кочубей отозвался, что имѣетъ ли по крайней мѣрѣ первый консулъ какія другія предложенія въ пользу короля сардинскаго сдѣлать? что вслѣдствіе искреннихъ расположеній къ нему государя и-ра и желанія, чтобъ общее спокойствіе твердо основать могло блаженство всѣхъ европейскихъ владѣній, не можетъ е. в. не желать, чтобъ первый консулъ умѣренностью и на твердыхъ правилахъ основалъ сношенія разныхъ державъ; что самъ онъ,

г. Гедувиль, судить можетъ, каковы должны быть внутренно расположенія всѣхъ государей, если будутъ видѣть они примѣръ, что безъ всякаго повода и уваженія одинъ изъ нихъ лишается владѣній своихъ; что Бонапарте, показавъ себя столь великимъ генераломъ и искуснымъ правителемъ, долженъ бы, по слабому его, гр. Кочубея, мнѣнію, слѣдовать въ политикѣ внѣшней тѣмъ правиламъ, кои руководствовали его во внутренней политикѣ республики; что тутъ старался онъ уничтожать всѣ партіи и дать полную къ правительству довѣренность, что тамъ долженъ бы такъ же утвердить всѣхъ въ мнѣніи, что онъ имѣетъ должное уваженіе ко всѣмъ независимымъ державамъ; что онъ, ген. Гедувиль, судить можетъ, что до тѣхъ поръ, пока безпечность сія существовать не будетъ, то не можно имѣть довѣренности къ правительству фр-му, и настоящее спокойствіе будетъ, такъ сказать, для многихъ принужденное.—Ген. Гедувиль, признавая разсужденія сіи основательными, приписывалъ большія похвалы глубокимъ видамъ Бонапарте и сколь преобразована имъ Франція со времени 18 брюмера, вызываясь при томъ, что онъ, конечно, стараться будетъ поведеніемъ своимъ въ дѣлахъ внѣшнихъ отнять всякой поводъ къ безпокойству другихъ. — Засимъ гр. Кочубей прошелъ вкратцѣ, какимъ образомъ производилися со вступленія государя и-ра на престолъ негоціаціи здѣшнія вообще и въ послѣднее время какія сношенія были между гр. Моркова и Талейрана по дѣламъ германскимъ, и что ожидаютъ теперь здѣсь изъясненій министерства фр-го по предмету сему. — Ген. Гедувиль отвѣчалъ, что трудность сообразить множество различныхъ видовъ не позволила дать дѣлу сему скораго теченія; но что при отъѣздѣ его занимался 1-й консулъ составленіемъ плана, въ которомъ главною цѣлью состоять будетъ удовлетвореніе сколько можно безпристрастное дворовъ вѣнскаго и берлинскаго, и что также въ планѣ семъ, конечно, всѣ тѣ владѣнія германскія, въ коихъ и-ръ интересоваться изволитъ, всѣми мѣрами благопріятствуемы будутъ.—По образу отзыва сего, рѣчь вскользь сказанной, что сіе можетъ быть скоро исполнено, гр. Кочубею показалося, что Франція можетъ тотчасъ имѣть намѣреніе привести въ дѣйство предположенія свои; а сіе и было поводомъ къ возраженію г. Гедувилю: что, по смыслу секретныхъ постановленій съ Франціею, мы ожидать причину имѣемъ, что предварительно каковаго-либо рѣшительнаго положенія мы, конечно, предварены объ ономъ будемъ, и что безъ взаимнаго согласія считаетъ онъ, гр. Кочубей, что и дворы вѣнскій и берлинскій не могли бы найти въ пріобрѣтеніяхъ своихъ полной твердости, ибо ничто не можетъ (помѣшать) государю и-ру теперь или въ другое время дать имъ

почувствовать удовольствіе или неудовольствіе свое. Отвѣтъ г. Гедувиля состоялъ въ томъ, что графу Моркову все, конечно, предварительно сообщено будетъ, вслѣдствіе желанія перваго консула дать е. и. в-ву опыты искреннихъ расположеній правительства фр-го. — Гр. Кочубей, обратяся къ письму перваго консула къ государю и-ру, пересказалъ г. Гедувилю содержаніе отзыва е. в-ва. Тутъ остановился онъ особливо разсужденіями о торговлѣ и пропускѣ флага фр-го въ Черное море и о части письма Бонапарте касательно разныхъ разглашеній и письменныхъ бюлетеновъ.—По послѣднему пункту сему гр. Кочубей прочелъ, такъ сказать, наизустъ письмо е. и. в-ва и повторилъ все то, что́ было сказано имъ г. Коленкуру. Отвѣты ген. Гедувиля состояли въ положительнѣйшихъ увѣреніяхъ, что не случилося бы гр. Моркову извѣстной непріятности, если бы первый консулъ не былъ въ отлучкѣ; что послѣдній въ шуткѣ, такъ сказать, упомянулъ гр. Моркову о семъ происшествіи; что министръ е. и. в-ва пользуется должнымъ уваженіемъ; и что отнюдь правительство фр-ое ничего противу него не имѣетъ, отдавая полную справедливость достоинствамъ его. Ген. Гедувиль присоединилъ, что пылкая голова министра полиціи, Фуше, наиболѣе тутъ участвовала.— Касательно же торговли французской гр. Кочубей возобновилъ увѣренія, что она всякое покровительство въ Россіи найдетъ и что гр. Морковъ преподать имѣлъ фр-му министерству совѣты, какимъ образомъ открыть можно въ Константинополѣ, при подкрѣпленіи министра нашего, негоціацію о пропускѣ флага.—Ген. Гедувиль, находя предложенія наши основательными, старался убѣдить гр. Кочубея, сколько торговля сія на Черномъ морѣ полезна для Россіи быть можетъ; а послѣдній въ возраженіяхъ своихъ старался показать, что въ согласіи по предмету сему дѣйствовало единственно желаніе дать опытъ дружественнаго снисхожденія правительству фр-му, нежели каковое либо другое соображеніе.— Въ заключеніи, когда обращена была рѣчь о разныхъ обстоятельствахъ Франціи, какъ-то первомъ консулѣ, о партіяхъ, и пр., ген. Гедувиль упомянулъ самъ, что „мы-де немного вѣтрены“; вызвался, что онъ не оставитъ наблюденіе имѣть, чтобъ французы, здѣсь находящіеся, не давали никакого поводу къ неудовольствію, и что онъ проситъ увѣдомить его, буде что́ случится, дабы могъ онъ тотчасъ взять приличныя мѣры.—Но о какихъ французахъ разумѣете вы? сказалъ гр. Кочубей. Что до свиты вашей касается, то правительство, конечно, ничего никогда не сдѣлаетъ, не предваря васъ; въ разсужденіи же другихъ французовъ, они подчинены обыкновенному теченію полиціи и, какъ русскіе должны повиноваться въ Парижѣ законамъ и обычаямъ тамош-

нимъ, такъ въ сей столицѣ французы должны подчинены быть законамъ и обычаямъ здѣшнимъ; что онъ самъ уже имѣлъ случай удостовѣриться, колико государь наблюдаетъ правила сіи въ отзывахъ е. и. в-ва о заступленіи его за эмигрантовъ, и что онъ, гр. Кочубей, желая отвратить всякія недоразумѣнія, радъ при первомъ случаѣ изъясниться съ нимъ; что сколь всякое уваженіе и гостепріимство чинимо будетъ тѣмъ французамъ, кои поведеніемъ своимъ заслужить оное стараться будутъ, столь напротивъ съ должною строгостію поступаемо будетъ съ тѣми, кои станутъ иначе поступать. — Г. Гедувиль, кажется, мало свѣдущій о различіяхъ, кои существовать должны по праву народному или обыкновеннымъ законамъ гражданскимъ, вызвался, что онъ разумѣлъ о французахъ путешественникахъ, или иначе сюда пріѣзжать могущихъ, ибо-де касательно купцовъ многіе изъ нихъ записаны здѣсь, къ присягѣ были приведены и вообще, такъ сказать, сдѣлалися здѣшними подданными.—Гр. Кочубей на сіе примѣтилъ, что и путешественники не могутъ исключены быть изъ общаго положенія и что по сему случаю е. в. имѣетъ самыя твердыя правила, кои недавно были приведены въ дѣйство по случаю высылки маркиза Салинесъ, позволившаго себѣ вопреки законовъ нашихъ играть въ запрещенныя игры, и что е. в. принялъ съ удовольствіемъ увѣренія его, что изъ многолюдной свиты его не оставитъ онъ тотчасъ отправитъ обратно, кто бы не посмѣлъ себя вести образомъ не сообразнымъ съ намѣреніями правительства фр-го, чтобъ всякое почтеніе къ обычаямъ той земли, гдѣ кто находится, оказываемо было. Ген. Гедувиль повторилъ, что сіе въ точности имъ соблюдено будетъ.— Сіи изъясненія подали поводъ гр. Кочубею сказать, что отъ вице-канцлера слышалъ онъ, что нѣчто уже и случилося здѣсь съ нимъ, г. Гедувилемъ, доказывающее, что подлинно иногда легко судятъ о вещахъ единоземцы его. Г. Гедувиль отвѣчалъ, что дѣйствительно одинъ французъ, пришедъ къ нему, весьма легко судилъ о разныхъ вещахъ и что онъ ему почувствовать далъ, что *мы-де находимся здѣсь не для того, чтобъ мѣшаться въ вещи, до насъ не касающіяся, и что мы должны довольными быть, что насъ принимаютъ благопріязненно.* Гр. Кочубей, примѣтя, что г. Гедувиль, конечно, смѣялся подобнымъ нелѣпостямъ, вызвался, что потому самому, что такія вещи суть только смѣшны, не упомянетъ онъ объ оныхъ государю и-ру, ни будетъ настоять, чтобъ онъ, г. Гедувиль, наименовалъ того или тѣхъ, кто переносятъ ему таковыя несообразности, увѣренъ будучи, что, если бы услышалъ онъ что-либо, нѣкоторое вниманіе заслуживающее, то поспѣшилъ бы, какъ то обыкновенно между дружественныхъ державъ чинится, сообщить о томъ

министерству и наименовать источника, отколь онъ свѣдѣнія свои почерпаетъ. Ген. Гедувиль увѣрялъ гр. Кочубея, что такъ, конечно, себя бы онъ руководствовалъ. – При окончаніи конференціи гр. Кочубей изъявилъ упованіе свое, что министръ фр-ій не оставитъ донести правительству своему о всемъ содержаніи настоящаго его съ нимъ сношенія, яко заключающаго мысли или желанія е. и. в-ва, и тутъ же возобновилъ еще, неоднократно повторенное имъ въ теченіе конференціи, что е. и. в. во всемъ ожидаетъ взаимства со стороны правительства фр-го и что отнюдь и не иначе, какъ по мѣрѣ уваженія онаго къ государю и-ру, и. е. в. благопріязнь свою первому консулу оказывать можетъ. — Въ продолженіи разговоровъ, при рѣчи о туркахъ гр. Кочубей весьма настоялъ о удобности для самой Франціи, чтобъ миръ наискорѣе съ Портою въ Парижѣ былъ подписанъ; и впрочемъ изъ отзывовъ г. Гедувиля вообще заключилъ, что онъ или имѣетъ весьма ограниченныя наставленія, поставляющія его болѣе въ пассивное, нежели дѣятельное положеніе, или что онъ малую въ дѣлахъ имѣетъ опытность.

Pétersbourg. Ministère, 1802, 47. Подлинникъ.

№ 157.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 9 floréal an X.

*) Dans la conférence qui a eu lieu hier le vice-chancelier est encore revenu sur les stipulations relatives à l'Ordre de Malte dans le traité d'Amiens. — Pour me donner, m'a-t-il dit, une preuve de sa confiance en moi, et de celle qu'il désirait m'inspirer, il m'a communiqué (non officiellement) que le ministère russe pensait que les conventions faites entre la France et l'Angleterre, n'ayant pas été rappelées dans ces stipulations, S. M. I. pouvait regarder comme non avenu l'article de ces conventions qui mettait à sa charge la moitié de la solde de la

---

Петербургъ, 17/29 апрѣля 1802.

*) На вчерашней конференціи вице-канцлеръ снова заговорилъ объ условіяхъ, касающихся мальтійскаго ордена въ амьенскомъ договорѣ.—Чтобы дать мнѣ, сказалъ онъ, доказательство своего довѣрія ко мнѣ и желанія внушить мнѣ такое же довѣріе, онъ сообщилъ (не официально), что, по мнѣнію русскаго министерства, такъ какъ конвенціи, заключенныя между Франціей и Англіей, не упоминаются въ этихъ условіяхъ, то е. и. в—во можетъ считать недѣйствительною ту ихъ статью, которою онъ обязывается платить половину

garnison provisoire de Malte, et qu'elle ne devait point accepter la garantie de ces stipulations qu'il ne lui paraissait pas nécessaire de partager avec l'empereur et la Prusse. — Je l'ai engagé à déterminer S. M. I. à suspendre toute décision à cet égard jusqu'à ce qu'elle ait reçu l'invitation de participer à la garantie, invitation qui, je n'en doute pas, sera accompagnée d'explications qui lui prouveront que les stipulations sur l'Ordre de Malte n'ont pas pu être faites différemment. J'ai ajouté, qu'au surplus, on ne pouvait pas présumer que S. M. I. refusât de garantir l'existence et l'indépendance d'un ordre qui doit en partie sa conservation à la Russie.

Paris. 141, 107. Подлинникъ

№ 158.—Морковъ двору.

Paris, 18/30 avril 1802.

*) Dans un entretien, que j'ai eu avec m. Talleyrand il y a 4 jours, il m'a informé qu'il avait des nouvelles de Constantinople, qui lui annonçaient l'expédition prochaine d'un des premier secrétaires du reiss-effendi, chargé de négocier ici le rétablissement des rapports d'amitié et de bonne intelligence qui ont subsisté entre la Turquie et la France avant la guerre. Il m'a fait connaître en même temps qu'il se flattait

---

жалованья временному гарнизону Мальты, и что онъ не долженъ соглашаться на гарантію этихъ условій, не видя необходимости раздѣлять ее съ и—ромъ и съ Пруссіей.—Я просилъ его убѣдить е. и. в—во не принимать на этотъ счетъ никакого рѣшенія, покуда его не пригласятъ принять участіе въ гарантіи: это приглашеніе, безъ сомнѣнія, будетъ сопровождаться объясненіями, которыя докажутъ ему, что условія касательно мальтійскаго ордена не могли быть написаны иначе. Я прибавилъ, что, сверхъ того, нельзя предполагать, чтобы е. и. в—во отказался обезпечить существованіе и независимость ордена, который отчасти обязанъ Россіи своимъ сохраненіемъ.

Парижъ, 18/30 апрѣля 1802.

*) Четыре дня тому назадъ, г. Талейранъ, въ разговорѣ, сообщилъ мнѣ, что у него есть извѣстія изъ Константинополя о близкой отправкѣ сюда одного изъ первыхъ секретарей рейсъ-эффенди для переговоровъ о возстановленіи дружескихъ отношеній и согласія, которыя существовали между Турціей и Франціей до войны. Въ то же время онъ извѣстилъ меня, что этотъ уполномоченный будетъ въ правѣ согласиться съ предложеніями Франціи отно-

que ce plénipotentiaire serait autorisé à acquiescer aux propositions de la France à l'égard de son commerce dans la mer Noire, et qu'il espérait que je les appuyerai de mon côté. Instruit des intentions de V. M. I. sur cet objet par ses ordres antérieurs, je n'ai pas hésité de donner au ministre des relations extérieures l'assurance de concourir à l'accomplissement de ce vœu en appelant toutefois son attention particulière sur les ménagements et le secret qui devaient accompagner une négociation, dont le but était si important pour toute nation commerçante. Il parut sentir toute la justesse de cette observation et me promit que cette négociation serait conduite dans le plus grand secret. Le lendemain de cet entretien je rencontrai le ministre d'Espagne qui m'apprit que le 1-r consul venait de lui dire, qu'il attendait incessamment un négociateur ottoman qui serait autorisé de traiter librement du commerce de la France sur la mer Noire, et que non seulement il était sûr que V. M. ne s'y opposerait, mais qu'elle y prêterait même son appui. Quelques jours après m. Merri, ministre d'Angleterre, me tint le même langage, en manifestant son chagrin de l'accord qui régnait sur ce sujet entre V. M. I. et ce gouvernement-ci. Je crus devoir en parler à m. Talleyrand et lui observer qu'on s'écartait du secret au moment même, où l'on en convenait. Il s'appuya sur la franchise naturelle du 1-r consul qui ne lui permettait pas quelquefois de dissimuler les espérances qu'il concevait. Ce nouveau négociateur turc est attendu sous 15 jours, et

---

сительно ея торговли въ Черномъ морѣ, и что онъ надѣется, что я поддержу ихъ съ своей стороны. Зная намѣренія в. и. в—ва на этотъ счетъ изъ вашихъ прежнихъ приказаній, я не поколебался увѣрить министра иностранныхъ дѣлъ, что буду содѣйствовать исполненію этого желанія; во всякомъ случаѣ я требовалъ отъ него особаго соблюденія осторожности и тайны, которыми должны быть окружены переговоры, столь важные для всякой торговой націи. Онъ, повидимому, понялъ всю справедливость этого замѣчанія и обѣщалъ вести дѣло въ самой строгой тайнѣ. На другой день послѣ этого разговора я повстрѣчался съ испанскимъ министромъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что 1-й консулъ сейчасъ сказалъ ему, что скоро ожидаетъ полномочнаго Порты для свободныхъ переговоровъ о французской торговлѣ на Черномъ морѣ и что онъ увѣренъ не только въ согласіи, но даже въ поддержкѣ со стороны в. в—ва въ этомъ дѣлѣ. Нѣсколько дней спустя, англійскій министръ, г. Мерри, говорилъ со мной о томъ же, выражая сожалѣніе, что тутъ водворилось согласіе между в. и. в—мъ и здѣшнимъ правительствомъ. Я счелъ долгомъ поговорить съ г. Талейраномъ и замѣтить ему, что нарушаютъ тайну въ ту самую минуту, какъ только условились соблюдать ее. Онъ сослался на природную откровенность 1-го консула, которая подчасъ мѣшаетъ ему скрывать

malgré l'indiscrétion de ce gouvernement-ci, je me croirai en devoir de suivre les ordres que j'ai reçus de V. M. I. et de concourir au plus prompt achèvement de cette négociation. — M. Talleyrand m'a également annoncé que le 1-r consul venait de fixer ses idées sur l'affaire des indemnités. Il a ajouté: — que V. M. I. acquerrait à cette occasion une nouvelle preuve du désir qu'a le gouvernement français de lui complaire; — que les tableaux qu'elle avait fait remettre ici serviraient de base à son travail pour l'indemnisation des maisons de Wurtemberg et de Bade; — qu'on tâcherait de maintenir la constitution germanique autant qu'il serait possible; — que l'on ménagerait à l'archiduc son indemnité pour le grand duché de Toscane telle qu'elle serait proposée par V. M. I.; — que quant à la clause de remplir les plans qu'on s'était proposés d'éloigner des possessions françaises et bataves tout contact immédiat avec elles et pour satisfaire aux engagements antérieurs, la France croyait devoir lui accorder ce qu'elle avait demandé à V. M. I. dans la note du 28 janvier dernier que le comte de Haugwitz avait remise au baron de Krudener, en en exceptant toutefois la ville de Munster avec toutes ses appartenances et les parcelles en Franconie; — qu'on n'avait encore fixé aucun territoire pour le prince d'Orange, mais que le 1-r consul lui assignerait un apanage de 300,000 saxons qui composeraient sa domination sur un local dont on conviendrait par la suite; — que la distribution de toutes ces indemnisations pourrait difficilement

---

свои надежды. Этого новаго полномочнаго Порты ждутъ въ теченіе 15 дней; и, несмотря на нескромность здѣшняго правительства, я считаю долгомъ слѣдовать приказамъ в. и. в—ва и содѣйствовать скорѣйшему окончанію этого дѣла.—Г. Талейранъ заявилъ мнѣ еще, что 1-й консулъ сейчасъ остановилъ свое вниманіе на дѣлѣ о вознагражденіяхъ. Онъ прибавилъ слѣдующее. При этомъ случаѣ, в. и. в—во получите новое доказательство желанія французскаго правительства угодить вамъ. Предложенныя вами таблицы послужатъ основаніемъ его труда о вознагражденіи домовъ вюртембергскаго и баденскаго. Постараются сохранить германскую конституцію насколько возможно. За эрцгерцогомъ сохранятъ вознагражденіе за великое герцогство тосканское, какъ оно будетъ предложено в. и в—мъ. Что касается оговорки насчетъ взаимно предложеннаго плана избѣгать прямаго соприкосновенія между французскими и батавскими владѣніями, то Франція, желая исполнить его, а также свои прежнія обязательства, считаетъ долгомъ уступить ему то, что просилъ у в. и. в—ва въ нотѣ отъ 28 января, врученной г. Гаугвицомъ барону Крюденеру, за исключеніемъ, впрочемъ, города Мюнстера со всѣми его принадлежностями и участковъ во Франконіи. Принцу Оранскому еще не опредѣлили земли; но 1-й консулъ назначитъ ему въ удѣлъ 300.000 саксонцевъ, имѣю-

être combinées avec la conservation des trois électorats ecclésiastiques, mais qu'on pourrait maintenir celui de Mayence et peut-être même l'un de ceux de Cologne ou de Trèves; — que par une suite de l'intérêt que le gouvernement français mettait à complaire à V. M. I., il lui offrait de transférer la dignité électorale, qui viendrait à vaquer dans ce cas, sur la maison de Bade; et enfin pour effectuer et terminer cet arrangement il m'a proposé une forme qui m'a parue tout à fait incompatible avec les égards que l'on doit aux grandes puissances que cet arrangement concerne et intéresse le plus directement, — c'est d'appeler les ambassadeurs d'Autriche et de Prusse à une conférence et de leur remettre deux notes uniformes, l'une signée par lui, ministre des relations extérieures, et l'autre par moi, qui contiendraient ces propositions, comme conditions péremptoires et sans appel. Les modifications signifiantes qu'il proposait dans la répartition des lots aux parties intéressées, aussi bien que la manière de les mettre en exécution, ont excité naturellement des objections de ma part. Je lui ai demandé des évaluations et des comparaisons exactes entre les lots offerts par V. M. I. et ceux qu'il proposait maintenant. Il m'a promis de s'en occuper et de me communiquer son travail. Quant aux formes à suivre, il m'a dit que celle qu'il proposait était la meilleure en ce qu'elle coupait court à toutes les discussions et terminait tout sur le champ; qu'il fallait se comporter dans cette occasion, comme si l'on était en guerre, et la regarder, comme

---

щихъ составить его владѣніе въ мѣстности, о которой условятся впослѣдствіи. Распредѣленіе всѣхъ этихъ вознагражденій трудно совмѣстить съ сохраненіемъ трехъ духовныхъ курфюршествъ; но можно оставить курфюрста майнцскаго, а, пожалуй, еще одного изъ двухъ — кельнскаго или трирскаго. Въ такомъ случаѣ, желая угодить в. и. в—ву, французское правительство предлагаетъ вамъ перенести освобождающееся курфюршеское достоинство на баденскій домъ. Наконецъ, чтобы осуществить и закончить эту сдѣлку, онъ предложилъ форму, которая показалась мнѣ совсѣмъ не отвѣчающею должному вниманію къ великимъ державамъ, наиболѣе прямо заинтересованнымъ въ этой сдѣлкѣ. Именно, онъ предложилъ пригласить посланниковъ Австріи и Пруссіи на конференцію и вручить имъ двѣ одинакія ноты—одну за подписью его, министра иностранныхъ дѣлъ, другую за моею подписью: въ нотахъ будутъ эти предложенія, какъ рѣшительныя и безапелляціонныя условія. Само собою разумѣется, что значительныя измѣненія въ распредѣленіи долей заинтересованныхъ сторонъ, а также способъ ихъ исполненія, вызвали возраженія съ моей стороны. Я попросилъ у него оцѣнокъ и точныхъ сравненій между долями, которыя были предложены в. и. в—мъ и которыя онъ предлагалъ теперь. Онъ обѣщалъ заняться этимъ и сообщить мнѣ свою работу. Что же

une dernière campagne que l'on faisait. Je lui ai répondu que cela n'était pas trop équitable à eux et tout-à-fait inconvenable à V. M. I., attendu que loin d'avoir été en guerre avec les puissances dont il s'agissait, elle avait été ou était leur alliée, et j'ai insisté absolument qu'on accordât au moins quelques jours à leurs plénipotentiaires respectifs pour délibérer; je l'ai obtenu, mais dans un terme si court qu'il ne leur laisserait seulement pas le temps de s'en reférer à leur cour. J'attends ce plan que m. de Talleyrand doit dresser sur cet objet. Ce qu'il m'a dit de vive voix offre tant de vague que difficilement même il pourra se ranger sur le papier. C'est sous peu de jours qu'il m'a annoncé devoir me remettre ce plan, et ce ne sera qu'alors que je pourrai me déterminer sur l'application, que j'aurai à faire des ordres de V. M. I. et des intentions qu'elle a daigné me faire connaître.

Pétersbourg. Paris, 1802, 82. Подлинникъ.

№ 159.—Морковъ двору.

Paris, 28 avril (10 mai) 1802.

*) ...Dans plus d'une conférence que j'ai eue avec le ministre des relations extérieures il m'a fait connaître enfin que son gouvernement adoptait en

---

касается способовъ, онъ сказалъ, что лучше всего предложенный имъ, такъ какъ имъ прекращаются всякія пререканія и все сразу кончается: въ этомъ случаѣ нужно-де дѣйствовать, какъ на войнѣ, и должно считать его какъ бы послѣднимъ походомъ. Я возразилъ, что это не совсѣмъ справедливо въ отношеніи ихъ и совсѣмъ не сподручно в. и. в—ву: вовсе не участвуя въ войнѣ съ державами, о которыхъ идетъ рѣчь, вы, напротивъ, были ихъ союзникомъ. Я рѣшительно настаивалъ, чтобы дали по крайней мѣрѣ нѣсколько дней ихъ полномочнымъ для совѣщанія. Согласились, но дали такое короткое время, что они не успѣютъ даже снестись съ своими дворами Ожидаю плана, который г. Талейранъ долженъ начертать по этому дѣлу. Все сказанное имъ такъ неясно, что трудно и изложить на бумагѣ. Онъ заявилъ, что чрезъ нѣсколько дней вручитъ мнѣ этотъ планъ. Тогда только я буду въ состояніи рѣшить, какъ мнѣ воспользоваться приказаніями в. и. в—ва и намѣреніями, которыя вы удостоили меня знать.

Парижъ, 28 апрѣля (10 мая) 1802.

*) ...Много конференцій было у насъ съ министромъ ин. дѣлъ. Наконецъ онъ сообщилъ мнѣ, что его правительство принимаетъ вполнѣ планъ в. и.

entier le plan de V. M. I. par rapport à l'indemnité du grand-duc de Toscane, de même que celui au sujet de l'électeur de Bavière à l'exception de Ratisbonne, où l'on voulait placer l'ancien électeur de Mayence sauf à indemniser ailleurs celui de Bavière. Pour le margrave de Bade, outre une augmentation de territoire, le 1-r consul propose son élévation à la dignité électorale et la même chose pour le duc de Wurtemberg, mais uniquement en considération de l'intérêt que V. M. I. voulait bien y prendre. J'ai demandé aussi des indemnités pour le grand prieuré d'Allemagne et l'on m'a promis de s'en occuper et y satisfaire également. Tout a été, à ce qui me semble, parfaitement bien jusque-là; mais quand nous en sommes venus à l'article du roi de Prusse et à celui du prince d'Orange, j'y ai vu une si grande différence entre les idées de V. M. et celles de ce cabinet-ci que j'ai cru devoir y faire les plus fortes objections. Ce dernier propose pour la Prusse, à ce qu'il dit, une lisière de l'évêché de Munster qui comprend cependant une population de 200,000 habitants sur la totalité de 300,000 que cet évêché renferme, le duché de Westphalie en entier et les évêchés de Paderborn et de Hildesheim. Talleyrand prétendait que le 1-r consul voulait encore y joindre des enclaves en Franconie et la ville d'Erfurt, mais qu'il tâcherait de l'en faire désister. Quant au prince d'Orange, on lui destine, outre l'évêché de Fulde qui contient 95,000 hab. et qui porte

---

в—ва относительно вознагражденій великаго герцога тосканскаго, а также курфюрста баварскаго, за исключеніемъ Регенсбурга, куда хотятъ помѣстить бывшаго майнцскаго курфюрста, а баварскаго вознаградить въ другомъ мѣстѣ. Что касается маркграфа баденскаго, то, кромѣ увеличенія его владѣній, 1-ый консулъ предлагаетъ возвести его въ курфюршеское достоинство, также какъ и герцога вюртембергскаго, но только ради участія, которое в. и. в—во принимаете въ нихъ. Я просилъ также вознагражденій для главнаго пріорства Германіи, и мнѣ обѣщали заняться этимъ и точно также исполнить. До сихъ поръ все, кажется, шло превосходно; но когда мы дошли до статьи о прусскомъ королѣ и о принцѣ Оранскомъ, я увидѣлъ такую разницу между идеями в. в—ва и здѣшняго кабинета, что долженъ былъ сдѣлать самыя сильныя возраженія. Этотъ послѣдній предлагаетъ для Пруссіи, какъ онъ выражается, полосу мюнстерскаго епископства, на которую однако приходится 200.000 жителей изъ 300.000, населяющихъ это епископство, все вестфальское герцогство и епископства Падерборнъ и Гильдесгеймъ. Талейранъ говорилъ, будто-бы 1-ый консулъ хочетъ присоединить къ нимъ еще земли во Франконіи и городъ Эрфуртъ; но что онъ постарается отговорить его отъ этого. Что касается принца Оранскаго, то ему предназначается, кромѣ епископства Фульдскаго съ 95.000 жителей и 600.000 флориновъ дохода, еще какое-нибудь дру-

600,000 florins de revenu, quelqu'autre supplément sur lequel on ne s'est pas expliqué, mais qui doit faire monter la population à 300,000 âmes. Comme je me suis récrié sur l'exorbitance de ce lot, m. de Talleyrand me fit connaître qu'il n'était point destiné en entier au prince d'Orange, mais qu'il y devait faire participer ses agnats et nommément le prince Nassau qui a été amiral au service de Russie et dont les titres ont toujours été méconnus et rejetés en Allemagne. J'ai cru devoir exprimer à m. de Talleyrand que ces dernières propositions étaient si éloignées des intentions de V. M. I. que je ne pouvait y adhérer sans de nouveaux ordres de sa part. Il me fit entendre que cette marche entraînant des délais, les parties intéressées à un arrangement plus prompt pourraient en prendre une autre, et sur la demande que je lui fis quelle pourrait être cette marche, il me répondit qu'on pourrait y procéder par des occupations immédiates. Je lui ai répliqué que ces procédés entraîneraient des suites contraires aux vues de V. M. I. et à celles que lui a fait connaître le 1-r consul de terminer et d'arranger ces affaires par des voies paisibles et amiables, et j'ai terminé mon entretien en priant le ministre de me donner par écrit les idées et les intentions de son gouvernement sur ces affaires. Deux jours après cet entretien et nommément le 15, à l'issue du dîner ordinaire chez le 1-r consul, j'ai eu une très longue conversation avec lui dans laquelle il m'exposa à peu près les mêmes intentions; mais comme j'ai également insisté sur l'im-

---

гое добавленіе, о которомъ умалчиваютъ, но которое должно довести населеніе до 300.000 душъ. Когда я возразилъ противъ непомѣрности этой доли, г. Талейранъ объявилъ мнѣ, что она не вся предназначается для принца Оранскаго и что послѣдній долженъ подѣлиться съ своими родственниками, а именно съ принцемъ Нассаускимъ, бывшимъ адмираломъ русской службы, права котораго никогда не признавались и отвергались въ Германіи. Я счелъ долгомъ высказать г. Талейрану, что эти послѣднія предложенія были такъ далеки отъ намѣреній в. и. в—ва, что я не могу присоединиться къ нимъ безъ новыхъ приказаній съ вашей стороны. Онъ замѣтилъ мнѣ, что этотъ путь ведетъ къ проволочкамъ, и стороны, желающія поскорѣе покончить дѣло, могутъ избрать другой путь. А когда я спросилъ его, какой это можетъ быть путь, онъ отвѣчалъ, что могутъ приступить къ немедленному занятію. Я возразилъ ему, что такіе поступки повлекли бы за собою послѣдствія, противоположныя намѣреніямъ в. и. в—ва и заявленному вамъ желанію 1-го консула покончить и устроить эти дѣла мирнымъ и дружескимъ образомъ. Въ заключеніе разговора я просилъ министра изложить мнѣ письменно мысли и намѣренія его правительства относительно этихъ дѣлъ. Два дня спустя послѣ этой бесѣды, а именно 15 числа, въ концѣ обѣда у 1-го консула, я имѣлъ

possibilité d'admettre sans modification tout ce que m'avait proposé son ministre à moins d'une autorisation expresse de V. M. I., il parut consentir à l'attendre, quoique à regret et paraissant craindre que quelque circonstance ne portât atteinte à l'accord qu'il voulait garder dans ces affaires avec V. M. I. Mais m. de Talleyrand, quoique je l'eusse instruit de ma conversation avec le 1-r consul, n'en fut pas moins insistant pour en venir sans aucun délai à une déclaration à faire à l'ambassadeur d'Autriche et au ministre de Prusse dans les termes qu'il proposait sauf quelques restrictions admissibles que je pourrais suggérer et ensuite à envoyer cette même déclaration à nos ministres respectifs à Ratisbonne. Je ne me suis engagé à rien avant d'avoir le mémoire qu'il m'avait promis et qu'il doit me remettre ces jours-ci.

Pétersbourg. Paris, 1802, 83. Подлинникъ.

№ 160.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 21 floréal an X.

*) Je n'ai point perdu de vue l'article de vos instructions par lequel vous me faites pressentir, qu'il est possible qu'il existe encore à Pétersbourg un parti puissant, qui ne s'occupe qu'à resserrer les liens

---

съ нимъ длинный разговоръ. Онъ высказалъ мнѣ почти тѣ же намѣренія; но такъ какъ я опять настаивалъ на невозможности принять безъ измѣненій все, что предложилъ мнѣ его министръ, развѣ только въ силу особаго полномочія со стороны в. и. в—ва, то онъ согласился, повидимому, ожидать его, хотя съ сожалѣніемъ: онъ какъ будто боится, какъ бы какое-нибудь обстоятельство не нарушило согласія съ в. и. в—вомъ, которое онъ хочетъ поддержать въ этихъ дѣлахъ. Но г. Талейранъ, котораго я увѣдомилъ о моей бесѣдѣ съ 1-мъ консуломъ, не переставалъ настаивать на томъ, чтобы немедленно объявить австрійскому посланнику и прусскому министру его предложеніе, за немногими возможными ограниченіями, которыя я могу потребовать, и затѣмъ послать это самое объявленіе нашимъ обоимъ министрамъ въ Регенсбургъ. Я не ручался ни за что, пока не получу обѣщанной записки, которую онъ обѣщалъ и долженъ вручить мнѣ на этихъ дняхъ.

Петербургъ, 29 апрѣля (11 мая) 1802.

*) Я не терялъ изъ виду статьи вашихъ инструкцій, въ которой вы предупреждаете меня, что, пожалуй, въ Петербургѣ еще существуетъ могущественная партія, которая только о томъ и хлопочетъ, какъ бы скрѣпить

de la Russie avec l'Autriche et l'Angleterre au détriment de ceux qui devraient l'unir à la France et à la Prusse.—Le parti est d'autant plus fort que j'ai lieu de présumer que les ministres, qui ont l'oreille de l'E-r, y tiennent, et que les ambassadeurs d'Autriche et d'Angleterre les entretiennent dans ces dispositions. Il est probable que l'ambassadeur de Russie à Vienne n'a pas toute la confiance de sa cour, et que tout ce qui est relatif à cet objet y est traité par le comte d'Entraigues. Le chef de brigade Collincourt qui passera par Vienne donnera à l'ambassadeur Champagny les notions, que nous avons sur la confiance que le ministre russe paraît avoir donnée au comte d'Entraigues. — En toute occasion, le ministère russe laisse éclater la jalousie la plus vive contre la Prusse, et elle me paraît si évidente que je ne pense pas que le moment soit encore venu de sonder le ministère russe sur ses dispositions à la triple alliance, qui nous conviendrait, et sur l'avantage qui en résulterait dans la balance des intérêts de l'Europe. Au surplus je m'entendrai sur cet important objet avec le nouveau ministre prussien, m. le comte de Goltz, qui doit remplacer incessamment ici le comte de Luzy, et dans lequel le ministre d'Haugwitz m'a assuré que je pouvais avoir une entière confiance.

Paris. 141, 115. Подлинникъ.

связи Россіи съ Австріей и Англіей, въ ущербъ ея связямъ съ Франціей и Пруссіей.—Эта партія тѣмъ сильнѣе, что, какъ я имѣю основаніе думать, за нее стоятъ министры, пользующіеся довѣріемъ и—ра, а австрійскій и англійскій посланники поддерживаютъ ихъ въ этихъ взглядахъ. Возможно, что русскій посланникъ въ Вѣнѣ не пользуется полнымъ довѣріемъ своего двора и все, что касается этого предмета, ведется тамъ черезъ графа д'Антрэга. Начальникъ бригады Коленкуръ, проѣздомъ черезъ Вѣну, сообщитъ посланнику Шампаньи то, что намъ извѣстно о довѣріи, которымъ пользуется графъ д'Антрэгъ у русскаго министра. — Во всякомъ случаѣ, русское министерство проявляетъ самую горячую ревность къ Пруссіи; это для меня до того очевидно, что, мнѣ кажется, еще не настало время попытать русское министерство насчетъ его расположенія къ тройственному союзу, желательному для насъ, а равно и насчетъ выгоды, которая отъ этого произойдетъ для равновѣсія европейскихъ интересовъ. Сверхъ того, я сговорюсь объ этомъ важномъ предметѣ съ новымъ прусскимъ министромъ, графомъ Гольцомъ, который долженъ въ самомъ скоромъ времени замѣнить здѣсь графа Люзи и къ которому, по словамъ министра Гаугвица, я могу питать полное довѣріе.

№ 161.—Морковъ Кочубею.

Paris, 9/21 mai 1802.

*) En voyant hier le ministre des relations extérieures il m'a parlé de l'entrevue que l'E-r devait avoir à Mémel avec le roi de Prusse. Je lui ai dit que je n'en avais connaissance que par les papiers publics. Il m'a assuré la savoir par des nouvelles officielles de Berlin et confirmées par le marquis de Luccesini qui en a également fait mention, comme d'une chose arrêtée. M. de Talleyrand ajouta qu'il lui était revenu que cette entrevue devait avoir pour motif des arrangements à prendre par rapport à la Turquie. Je n'ai pu lui répondre que par l'expression de mon étonnement, en lui faisant cependant observer que si jamais l'E-r se désistait de son système pacifique surtout à l'égard de la Porte, la France serait la puissance avec laquelle il aimerait à s'entendre avant tout autre. Notre discours sur ce sujet en est resté là, mais j'ai remarqué que l'impression qu'a fait ici la nouvelle de l'entrevue projetée entre les deux monarques pourrait produire si non une extension dans le lot de la Prusse, du moins une grande opiniâtreté vis-à-vis de moi à le maintenir tel qu'il m'avait déjà été proposé. Il m'a dit qu'il avait passé avant'hier une journée entière avec le 1-r consul

---

Парижъ, 9/21 мая 1802.

*) Вчера, когда я былъ у министра ин. дѣлъ, онъ говорилъ мнѣ о предстоящемъ свиданіи и—ра съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ. Я сказалъ ему, что знаю объ этомъ только изъ газетъ. Онъ увѣрялъ меня, что узналъ объ немъ изъ офиціальныхъ берлинскихъ извѣстій, подтвержденныхъ маркизомъ Люкезини, который тоже говорилъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Г. Талейранъ прибавилъ, что онъ слышалъ, будто это свиданіе имѣетъ цѣлью сдѣлки относительно Турціи. Я могъ отвѣчать ему только выраженіемъ удивленія; впрочемъ я замѣтилъ, что если бы и—ръ отступилъ отъ своей миролюбивой системы, въ особенности относительно Порты, то онъ охотнѣе вошелъ бы въ соглашеніе съ Франціей, нежели съ какой-либо другой державой. На этомъ остановились наши разговоры объ этомъ предметѣ; но я замѣтилъ, что впечатлѣніе, произведенное здѣсь извѣстіемъ о предполагаемомъ свиданіи двухъ монарховъ, могло повести если не къ расширенію надѣла Пруссіи, то по крайней мѣрѣ къ упорству относительно содержанія тѣхъ размѣровъ его, которые мнѣ были предложены. Онъ сказалъ мнѣ, что третьяго дня они съ 1-мъ консуломъ провели цѣлый день въ распредѣленіи различныхъ надѣловъ

à régler les différents lots, et qu'ils s'étaient tous deux aperçus de la difficulté de laisser subsister plus d'un électorat ecclésiastique, et c'est cela, qui me fait croire qu'il est question de quelque augmentation pour l'une des parties intéressées. Au reste tout en me parlant de l'urgence de mettre en exécution cette grande mesure, il en laisse traîner le travail et diffère de me le communiquer...

Pétersbourg. Paris, 1802, 178. Подлинникъ.

№ 162.—Бонапартъ Императору Александру I.

Paris, 3 prairial an X.

*) La lettre de V. M. du 4 février m'a été remise par m. de Morcoff. — Les affaires de l'Helvétie se sont encore brouillées. Ce sont des peuples qu'il est difficile d'arranger, lorsqu'on ne veut pas s'y montrer avec la force et qu'on ne veut le faire que par les conseils et les voies de douceur. J'espère toutefois que cet intéressant pays est enfin au moment d'arriver au port.—Les affaires d'Allemagne ont été pesées et discutées avec le ministre de V. M., et je crois que sous peu de jours nous présenterons conjointement à la diète de Ratisbonne la note, dans laquelle nous demanderons le bonnet électoral pour le margrave de Bade et le duc de Wurtemberg, avec tout ce qui peut arranger les

---

и что оба замѣтили, какъ трудно сохранить больше одного духовнаго курфюршества. Это-то и заставляетъ меня думать, что вопросъ идетъ о какой-нибудь прибавкѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Впрочемъ, указывая мнѣ на необходимость привести въ исполненіе эту важную мѣру, онъ тянетъ работу и не спѣшитъ сообщить мнѣ ее...

Парижъ, 11/23 мая 1802.

*) Г. Морковъ передалъ мнѣ письмо в. в—ва отъ 4-го февраля.—Дѣла Гельвеціи еще болѣе запутались. Это такой народъ, съ которымъ трудно справиться, если не хотятъ прибѣгнуть къ силѣ, а хотятъ дѣйствовать только совѣтами и кроткими мѣрами. Я все-таки надѣюсь, что эта интересная страна наконецъ приближается къ пристани.—Дѣла Германіи были взвѣшены и обсуждены съ министромъ в. в—ва, и я думаю, что черезъ нѣсколько дней мы представимъ сообща регенсбургскому сейму ноту, въ которой потребуемъ курфюршеской шапки для маркграфа баденскаго и герцога вюртембергскаго, а также всего, относящагося до устройства различныхъ князей.—Г. Морковъ

différents princes. — M. de Morcoff m'ayant parlé des arrangements relatifs à Malte, je lui ai dit que sur ce point je ne voulai m'écarter en rien de ce que désire V. M. — Je prie V. M. de vouloir bien penser à Corfou. Le chargé d'affaires, que la république y tient, a ordre de suivre l'impulsion qui lui sera donnée par son ministre. Toutes les troupes françaises ont dans ce moment-ci évacué le royaume de Naples et les états du pape.—Nous avons enfin reconquis notre colonie de St. Domingue; mais cela n'a pas été sans beaucoup de mal. J'espère que nous pourrons bientôt entrer en concurrence pour approvisionner l'Europe en denrées coloniales.—Je prie V. M. de croire aux sentiments d'estime et de considération que j'ai pour elle.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 2. Подлинникъ.

№ 163.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Pétersbourg, 12/24 mai 1802.

*) Citoyen 1-r consul, le chef de brigade Collincourt ayant terminé l'objet de sa mission et devant se rendre auprès de vous, je me fais un plaisir de vous témoigner combien j'ai été satisfait de sa conduite et de la manière dont il s'est acquitté des différentes commissions dont il a été chargé près de moi. Il pourra vous transmettre tout ce qu'il

---

говорилъ мнѣ о распоряженіяхъ касательно Мальты; но я сказалъ ему, что въ этомъ вопросѣ я ни на шагъ не могу отступить отъ желаній в. в—ва.— Прошу в. в—во соблаговолить подумать о Корфу. Повѣренный въ дѣлахъ, поставленный тамъ республикой, получилъ приказаніе слѣдовать указаніямъ вашего министра. Всѣ французскія войска въ эту минуту очистили Неаполитанское королевство и владѣнія папы.—Мы наконецъ отвоевали нашу колонію С. Доминго, но не безъ большого труда. Надѣюсь, что скоро мы будемъ въ состояніи конкурировать въ снабженіи Европы колоніальными товарами.— Прошу в. в—во вѣрить чувствамъ уваженія и почтенія, которыя я къ вамъ питаю.

Петербургъ, 12/24 мая 1802.

*) Гражданинъ 1-й консулъ. Такъ какъ начальникъ бригады Коленкуръ исполнивъ свои порученія, отправляется къ вамъ, то я счастливъ, что могу засвидѣтельствовать вамъ, какъ я доволенъ его поведеніемъ и умѣньемъ, съ которымъ онъ исполнилъ возложенныя на него различныя порученія. Онъ передастъ вамъ все, что могъ узнать о моихъ личныхъ чувствахъ къ вамъ

aura été à portée de connaître de mes sentiments particuliers pour vous et pour la nation française en général. Je vous prie de croire à leur sincérité, aussi bien qu'à mon désir constant de vous donner des preuves de ma considération distinguée.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 6. Черновая.

№ 164.—Талейранъ Эдувилю.

Paris, 6 prairial an X.

*) ...Le 1-r consul avait à répondre à la dernière lettre particulière que S. M. I. lui avait adressée. Cette correspondance directe est de trop bon effet pour qu'il ne mette pas du prix à lui donner suite. En conséquence il envoie à Pétersbourg un officier chargé de remettre à S. M. une lettre dans laquelle le 1-r consul lui fait connaître son opinion personnelle par rapport aux affaires d'Allemagne, d'Helvétie et à ce qui concerne l'île de Malte, en lui renouvelant l'assurance que son premier désir est toujours de marcher de concert avec elle.—J'ajouterai que depuis quelque temps j'ai eu les conférences les plus suivies avec m. de Morcoff sur le règlement des indemnités en empire, et qu'incessamment nous ferons d'accord une démarche officielle qui provoquera la conclusion de cette grande affaire. Ce sera vraiment un grand service

---

и къ французской націи вообще. Прошу васъ вѣрить ихъ искренности, равно какъ и моему неизмѣнному желанію дать вамъ доказательства моего отмѣннаго уваженія.

Парижъ, 14/26 мая 1802.

*) ...1-му консулу нужно было отвѣчать на послѣднее личное письмо е. и. в—ва. Эта прямая переписка имѣетъ слишкомъ большое значеніе, чтобы не поспѣшить на нее отозваться. И вотъ, онъ посылаетъ въ Петербургъ чиновника, чтобы передать е. в—ву письмо, въ которомъ 1-й консулъ сообщаетъ ему свое личное мнѣніе касательно дѣлъ Германіи, Гельвеціи и Мальты и снова увѣряетъ его въ своемъ главномъ желаніи дѣйствовать заодно съ нимъ. — Прибавлю, что съ нѣкоторыхъ поръ я имѣю непрерывныя совѣщанія съ Морковымъ по поводу распредѣленія вознагражденій въ Имперіи и что въ непродолжительномъ времени мы сдѣлаемъ сообща офиціальную попытку, которая вызоветъ рѣшеніе этого великаго дѣла. Это дѣйствительно будетъ большая услуга Европѣ—обезпечить только-что возстановленный миръ и по-

rendu à l'Europe que de garantir la durée de la paix, qui vient de lui être rendue en mettant fin aux incertitudes, aux regrets, aux secrètes machinations qu'entretenait le non-complément d'une des stipulations principales du traité de Lunéville. — Je me persuade que sous ce rapport l'entrevue de S. M. I. de Russie avec S. M. prussienne ne pourra avoir qu'un très bon effet et qu'elle atténuera ce qui pourrait se trouver encore d'influence trop autrichienne dans le cabinet de Pétersbourg...

Paris. 141, 120. Черновая.

№ 165.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 16/28 мая 1802.

...Полагая, что Бонапарте легко можетъ проволочить васъ съ тѣми изъясненіями по дѣламъ германскимъ, кои имъ и Талейраномъ были обѣщаны, не хочу я долѣе остаться въ молчаніи, тѣмъ болѣе, что по разнымъ предметамъ нужно, быть можетъ, доставить вамъ нѣкоторое руководство. — Первый изъ нихъ есть дѣло возстановленія мирныхъ между Порты и Франціи сношеній. Изъ прилагаемыхъ у сего послѣднихъ предписаній къ т. сов-ку Тамарѣ, и другихъ приложеній усмотрите вы и продолжающееся безпокойство министерства турецкаго, и желаніе его, чтобы употреблены были старанія мои къ приведенію дѣла сего къ благому концу. Не трудно было предвидѣть, что фр-ое правительство пожелаетъ, независимо упоминанія о туркахъ въ трактатѣ амьенскомъ, подписать особенный договоръ, и вы замѣтите въ послѣднихъ предписаніяхъ министру моему въ Константинополѣ, что вслѣдствіе откровеній, сдѣланныхъ вамъ Талейраномъ, внушено Портѣ быть должно о снабденіи новаго полномочнаго ея нужнымъ къ подписанію окончательнаго мира довѣріемъ. Не полагаю впрочемъ я, чтобы, какъ заключалъ министръ внѣшнихъ дѣлъ, постановленіе съ Портою, что Франція трактована будетъ наравнѣ съ державами, наиболѣе благопріятствуемыми, доставило ей само по себѣ входъ въ Черное море.

ложить предѣлъ неизвѣстности, сожалѣніямъ, тайнымъ ковнямъ, которыя поддерживали неисполненіе одного изъ главныхъ условій люневильскаго договора.—Я убѣждаюсь, что свиданіе е. в—ва, императора россійскаго, съ его в—вомъ, королемъ Пруссіи, можетъ быть только полезно въ этомъ отношеніи и что оно сгладитъ послѣдніе слѣды австрійскаго вліянія на с.-петербургскій кабинетъ.

Тутъ, конечно, встрѣчена будетъ она съ большими трудностями, и безъ особеннаго условія, которое и послѣ на мѣрѣ положено быть можетъ, сумнительно, чтобы Франція предуспѣла въ намѣреніяхъ своихъ. Держава сія, въ монархическомъ образѣ своемъ, и Англія всегда вносили въ капитуляціи свои съ Портою, что націи ихъ трактуемы будутъ наравнѣ съ націями наиблагопріятствуемыми; но ни версальскій, ни лондонскій дворы никогда не выводили изъ того, чтобъ принадлежало имъ право прохода чрезъ проливъ Константинопольскій, а потому естьли бы даже постановленіе сіе заключало, что Франція трактована будетъ, какъ Россія и Австрія, то и тогда еще большія трудности турками предъявлены были бы. Но какъ Порта желаетъ какъ наискорѣе выйти изъ настоящаго нерѣшительнаго положенія своего, то и лучше бы, оставивъ трактатъ такъ, какъ полагаетъ Талейранъ, предоставить впредь рѣшить вопросъ о черноморской торговлѣ. — Копія, при семъ прилагаемая изъ сообщенія, лордомъ Сентъ-Геленсомъ министерству моему сдѣланнаго, извѣститъ васъ о изъясненіяхъ лондонскаго двора касательно постановленій амьенскихъ. Не ожидая формальнаго приглашенія дать гарантію мою, я рѣшился предварительно изъясниться о причинахъ, не позволяющихъ мнѣ принять гарантію сію; вслѣдствіе чего предписано отъ меня повѣренному въ дѣлахъ, бар. Николаю, вручить лорду Гауксбюри записку, которую для свѣдѣнія вашего у сего вы найдете. На основаніи содержанія ея было и лорду Сентъ-Геленсу отвѣтствовано, примѣтя при томъ ему приватно и о нѣкоторомъ удивленіи моемъ, что между гарантами Россія поставлена ниже Гишпаніи, тогда какъ по существующей между обѣими дворами дружбѣ могъ бы я ласкаться, что сколько Франція стараться могла доставить двору мадритскому всякія наружныя уваженія, столько и Англія въ разсужденіи Россіи тѣми же правилами руководствоваться могла, и что все сіе, можетъ быть, согласить можно было, естьлибъ Гишпанія, вмѣщена будучи выше Австріи, яко одна изъ договаривающихся сторонъ, Россія поставлена была въ числѣ гарантовъ тотчасъ подъ послѣднею. Не знаю, поручено ли будетъ ген. Гедувилю отъ правительства его по размѣнѣ ратификацій сдѣлать мнѣ формальное приглашеніе на дачу моей гарантіи; но естьли сіе учинено будетъ, то получитъ онъ отвѣтъ одинакаго содержанія съ тѣмъ, который данъ двору лондонскому.—Донесеніе ваше отъ 1-го апрѣля, гдѣ упоминаете вы о разговорѣ вашемъ съ первымъ консуломъ, по предмету интересовъ короля сардинскаго, показываетъ, какъ справедливо заключаете вы, всю жесткость характера его и что мало уже надежды остается не только доставить государю сему Пьемонтъ, но

даже и удовлетвореніе другое, кромѣ денежнаго.—О послѣднемъ никакъ не должны вы однакожъ входить въ соглашеніе. Маркизъ Сенъ-Марсанъ и гр. Валезъ увѣряютъ, что король принять онаго отъ Франціи ни подъ какимъ видомъ не пожелаетъ, да и подлинно рѣшимости сія нельзя не одобрить, не только по многимъ другимъ уваженіямъ, но и потому, что не можетъ быть увѣренности въ исправности платежей, кои Франція обѣщать можетъ и въ коихъ, такъ какъ и въ другихъ дѣлахъ своихъ, не трудно ей показать одинакую худую вѣру. — Гр. Валезъ, сверхъ того, подалъ министерству моему ноту, которою, вслѣдствіе одинаковыхъ подвиговъ министра сардинскаго въ Лондонѣ, имѣлъ онъ главнѣйше цѣлью убѣдить, что послѣ употребленныхъ уже стараній въ пользу короля можно бы испытать теперь предъявленіе трудностей въ признаніи всего того, что первымъ консуломъ сдѣлано было въ Италіи, какъ-то: составленіе респ. Италійской и королевства Етрурійскаго и пр., поставя въ условіе, что признаніе сіе должно зависѣть отъ удовлетворенія или снисхожденія, которое королю сардинскому показано будетъ. — Посолъ аглицкій, съ другой стороны, отзывался въ равномъ же смыслѣ, и что дворъ его, можетъ быть, соблюдетъ равную черту поведенія и поставитъ также въ цѣну признаніе упомянутыхъ областей. — Министерство мое въ гр. Валезу отвѣтствовало, что извѣстно ему о тѣхъ подвигахъ, кои постоянно вами чинимы были, и что вы ихъ употребите и впредь поколику обстоятельства то позволятъ, признаваяся, что они не суть благопріятны и сугубо таковыми учинилися со времени, когда подписанъ трактатъ амьенскій; касательно же непризнанія респ. Италійской и пр. графу Валезу и лорду Сентъ-Геленсу примѣчено было, что я совершенно нахожуся въ мѣрѣ держаться предположенія сего, соображая даже на семъ какъ предписанія ваши предъ симъ полученныя, такъ и отзывы мои ген. Гедувилю, и что сомнительно впрочемъ, чтобъ Франція приписывала большую важность къ упомянутому признанію какъ Россіею, такъ и Англіею разныхъ актовъ самовластія ея. — Преподавая вамъ свѣдѣнія сіи, предоставляю благоразумію вашему располагать впредь заступленіе ваше за короля сардинскаго съ тою осторожностію, которую предписуютъ и обстоятельства настоящія вообще, и особенно нравственность Бонапарте, которой новый примѣръ видѣлъ я въ сообщенныхъ мнѣ вѣнскимъ дворомъ свѣдѣніяхъ объ образѣ, каковымъ трактованъ былъ гр. Кобенцль въ одномъ изъ разговоровъ своихъ съ симъ верховнымъ правителемъ. — Предложеніе его отдать королю сардинскому владѣнія Семи Соединенныхъ Островов сопряжено съ большими неудобствами, и есть-

ли бы государь сей и желать могъ пріобрѣсти оные, то содѣйствовать тому развѣ тогда только было бы возможно, когда не останется уже никакой надежды пристроить его въ Италіи, а потому при возобновленіи подобныхъ вопросовъ уклоняться сколько можно должно показать и малѣйшій слѣдъ, чтобъ по предложенію сему существовать могла какая-либо со стороны моей податливость; впрочемъ не должно бы ожидать, чтобъ Бонапарте принялъ съ большимъ вниманіемъ депутатовъ республики сея, въ Парижѣ ожидаемыхъ, ибо при всѣхъ монархическихъ формахъ, нынѣ имъ во Франціи вводимыхъ, нельзя, кажется, полагать, чтобъ онъ вздумалъ покровительствовать демократію буйственнѣйшую, каковая существовала, развѣ что вѣроятно обращаетъ онъ всю цѣль свою на собственное водвореніе свое въ островахъ Іоническихъ.—Извѣстія, изъ Вѣны недавно полученныя, упоминаютъ о перемѣнѣ, произведенной въ Корфу аглицкимъ морскимъ отрядомъ и о возстановленіи прежняго аристократическаго правленія, посредствомъ чего исполнено уже главнѣйшее то, что̀ предлежало войску моему, изъ Неаполя туда назначаемому, и теперь вѣроятно останется ему только сохранить тамъ спокойствіе и споспѣшествовать тѣмъ перемѣнамъ, кои въ правительствѣ для общей пользы произведены быть могутъ.— Маркграфъ баденскій вновь просилъ меня, чтобъ я повторилъ вамъ предписанія стараться въ Парижѣ о пользахъ его. Хотя желанія мои по сему предмету въ полной мѣрѣ вамъ уже извѣстны, однакожъ тѣмъ не меньше охотно удовлетворяю я просьбѣ тестя моего, поручая вамъ не терять изъ виду всего того, что̀ пользамъ его споспѣшествовать можетъ.

Pétersbourg. Paris, 1802, 10. Подлинникъ.

№ 166.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 16/28 мая 1802.

Собираяся къ отъѣзду и желая при ономъ не оставить васъ безъ свѣдѣній, написанъ былъ уже рескриптъ, нынѣ вами получаемый, какъ прибыло сюда донесеніе ваше въ шифрахъ отъ 18/30 апр. Содержаніе онаго возбудило все мое вниманіе. Вы описываете отзывы, учиненные вамъ Талейраномъ касательно дѣлъ германскихъ и странное предложеніе его, чтобъ, призвавъ на конференцію посла римско-императорскаго и министра прусскаго, вручить имъ ноты одинаковаго содержанія, одну за подписаніемъ его, а другую за подписаніемъ вашимъ. Благоразумно отринули вы тотчасъ предложеніе сіе, яко жесткостію своею отнюдь не сообразное съ тѣми уваженіями,

которыя по положенію моему съ дворами вѣнскимъ и берлинскимъ имъ принадлежатъ; но потомъ въ той же депешѣ говорите, что „вы настояли, дабы дано было взаимнымъ полномочнымъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней на размышленіе, и что вы въ томъ и предуспѣли, но на такъ короткое время, что едвали успѣютъ они отнестися къ „дворамъ своимъ". Сіе послѣднее обствоятельство приводитъ меня въ нѣкоторое безпокойство. Естьли упомянутое принужденіе учинено будетъ однимъ министерствомъ фр-мъ, то тутъ ничего не произойдетъ, чему бы не было уже со стороны его примѣровъ; но я надѣюся, что вы не пріимите въ ономъ никакого участія, и упованіе сіе тѣмъ болѣе во мнѣ утверждается, что вы со свойственнымъ вамъ благоразуміемъ не полагалися на словесное изъясненіе Талейрана о планахъ перваго консула и ожидали объясненія оныхъ письменно; а тутъ найдете вѣроятно вы разныя несообразности и отмѣны въ предположеніяхъ моихъ, кои побудятъ васъ отнестися сюда, ничего рѣшительнаго отъ имени моего не пріемля.— Разсуждая о томъ, что о планѣ семъ отъ Талейрана вы слышали, сугубо утверждаюся я, что онъ представитъ разные вопросы, кои удержутъ васъ отъ приступленія на каковое-либо окончательное положеніе. Говоря о вел. герцогѣ тосканскомъ, министръ внѣшнихъ дѣлъ сказалъ, что онъ получитъ индемнизацію, которая мною предложена будетъ (qui serait proposée), что по крайней мѣрѣ нѣкоторый неопредѣлительный смыслъ статьѣ сей дастъ. Засимъ назначеніе принцу Оранскому владѣнія, въ 300 миль саксонскихъ состоящее, не зная ни гдѣ, ни какъ они заимствованы будутъ, заключаетъ конечно не малую странность. Послѣ сего обратить вниманіе можно къ удовлетворенію короля прусскаго. Ожидать конечно должно было, что послѣдовать имѣло оно съ покушеніемъ на права курфирста гановерскаго. Но вы изъ предписаній, прежде вслѣдствіе рекламацій короля аглицкаго вамъ данныхъ, видѣли, что я по крайней мѣрѣ хотѣлъ не дать тутъ виду какого-либо участія. Что же касается до предложенія возвести маркграфа баденскаго на курфирстское достоинство, вамъ извѣстно, съ каковымъ разумомъ безпристрастія руководствовался я и прежде, когда въ лицѣ принца сего правительство фр-ое хотѣло показать мнѣ всякое угожденіе; и я въ семъ случаѣ тѣмъ менѣе склонности покажу къ какому-либо содѣйствію, что въ дѣлѣ, которое произведетъ конечно и неудовольствіе, и жалобы, я могу имѣть видъ пожертвованія разными уваженіями въ удовлетвореніе пользъ свойственника моего, и тогда наипаче, когда курфирстское достоинство, будучи обѣщано блаженныя памяти и-мъ родителемъ моимъ совокупно съ и-ромъ римскимъ герцогу виртембергскому,

останется вѣроятно безъ всякаго дѣйствія. — Преподавая вамъ предварительно изъясненія сіи и въ полной увѣренности на испытанную осмотрительность вашу, я ожидать буду донесеній вашихъ, вслѣдъ за симъ конечно прибыть имѣющихъ; и по содержанію оныхъ не премину въ пути или по возвращеніи сюда преподать вамъ новыхъ предписаній, въ случаѣ (чего однакожъ не полагаю) замедленія коихъ, можете вы въ ожиданіи заимствовать, изъ сего краткаго изложенія мыслей моихъ, правила для руководства вашего.

Pétersbourg. Paris, 1802, 11. Подлинникъ.

№ 167.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 12 prairial an X.

*) Aujourd'hui l'E-r est parti pour Mémel avec une suite très peu nombreuse: 2 aides-de-camp généraux, le ministre des affaires étrangères Kotschubey et son secrétaire seuls l'accompagnent.—On parlait déjà de cette conférence il y a 2 mois, à Berlin, à Kœnigsberg et à Mémel. Ici, jusqu'au départ de l'E-r, elle a paru presque douteuse. Chacun raisonne suivant ses goûts ou ses craintes sur cette démarche; mais ceux qui veulent la guerre trouvent plus de moyens, d'après le mouvement des 4 divisions ordonné, de l'expliquer à leur avantage. On avait dit d'abord que l'E-r et le roi de Prusse allaient réunir leurs efforts contre l'e-r d'Allemagne pour le forcer à agir ou à laisser agir contre les turcs qu'on a depuis longtemps le projet de chasser de l'Europe. On écrit à présent de Varsovie que, d'accord avec la France, le roi de

---

Петербургъ, 20 мая (1 іюня) 1802.

*) Сегодня императоръ отправился въ Мемель съ очень немногочисленной свитой: его сопровождаютъ только 2 генералъ-адъютанта, министръ иностр. дѣлъ, Кочубей, и его секретарь.—Объ этой конференціи уже говорили 2 мѣсяца тому назадъ, въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Мемелѣ. Здѣсь въ ней почти сомнѣвались до самаго отъѣзда императора. Всякій разсуждаетъ объ этомъ событіи съ точки зрѣнія своихъ желаній или опасеній; но приверженцы войны скорѣе могутъ объяснить это въ свою пользу, на основаніи движенія 4-хъ дивизій. Сперва говорили, что императоръ и прусскій король соединятъ свои усилія противъ нѣмецкаго императора, чтобы заставить его дѣйствовать или не мѣшать дѣйствовать противъ турокъ, которыхъ давно намѣреваются выгнать изъ Европы. Теперь пишутъ изъ Варшавы, что прусскій король и

Prusse et l'E-r doivent rendre un roi à la Pologne; que l'électeur de Saxe sera proclamé et sa fille mariée à un prince polonais destiné à lui succéder. On croit que ce pourrait être le princ Chartorisky, aimé de l'E-r de Russie; homme d'une trentaine d'années, instruit et de l'une des meilleures familles de Pologne. Alors la Saxe serait donnée en dédommagement à la Prusse, ce qui la rapprocherait de la France et formerait une puissance capable de balancer les forces de l'empire d'Allemagne, sans être à craindre pour la France dont l'alliance serait toujours nécessaire à l'un ou à l'autre. La Russie recevrait en échange la Turquie dont ses coalisés lui garantiraient la conquête, et la France aurait l'Egypte. — Voilà les bruits auxquels a donné lieu cette conférence qui doit nécessairement ~~étonner et peut~~ donner lieu à de grandes conjectures.

Paris. 141, 129. Подлинникъ.

№ 168.—Соглашеніе между Морковымъ и Талейраномъ.

Paris, 22 mai (3 juin) 1802.

*) Les ministres soussignés, en addition et modification de la note concertée entre eux en conséquence des pleins pouvoirs à eux accordés par leurs gouvernements respectifs et destinée à être présentée à la

---

императоръ, въ союзѣ съ Франціей, должны вовстановить въ Польшѣ короля; что саксонскій курфюрстъ будетъ имъ провозглашенъ, и его дочь выдадутъ замужъ за польскаго князя, который долженъ ему наслѣдовать. Думаютъ, что это будетъ князь Чарторижскій, любимецъ русскаго императора, человѣкъ лѣтъ 30-ти, образованный, принадлежащій къ одной изъ лучшихъ польскихъ фамилій. Тогда Саксонію дали бы въ вознагражденіе Пруссіи. Это приблизило бы ее къ Франціи, и она стала бы державой, способной противостоять силамъ Нѣмецкой имперіи, но въ то же время не опасной для Франціи, союзъ съ которой будетъ необходимъ для той и другой. Россія получитъ въ обмѣнъ Турцію, завоеваніе которой будетъ обезпечено ей ея союзниками, а Франція получитъ Египетъ.—Вотъ слухи, которые вызвала эта конференція; она дѣйствительно должна была удивить всѣхъ и можетъ породить множество предположеній.

Парижъ, 22 мая (3 іюня) 1802.

*) Нижеподписавшіеся министры, въ силу полномочій, полученныхъ каждымъ изъ нихъ отъ своего правительства, соглашаясь между собою отно-

diète de l'empire germanique pour le règlement définitif de l'affaire des indemnités, sont convenus de ce qui suit. Le plan de sécularisation et d'assignation des indemnités des états et membres de l'empire d'Allemagne, convenu entre les soussignés, fait en double et signé par chacun d'eux conjointement ce-jourd'hui même, ne sera présenté et soumis aux délibérations de la diète, ni communiqué à aucun autre cabinet comme projet, concert et arrangement communs et convenus entre les deux puissances intervenantes, qu'autant qu'il aura obtenu l'approbation de S. M. l'E-r de toutes les Russies qui sera prié de faire connaître ses intentions dans l'espace de 50 jours ou plutôt si faire se peut; les soussignés déclarent en outre qu'au défaut de cette approbation la note ci-dessus mentionnée sera regardée comme nulle et non avenue et ne pourra jamais servir à aucunes des deux parties intervenantes d'argument ou de titre dans les discussions ultérieures qui pourraient avoir lieu entre elles sur le même objet.—Morcoff. Talleyrand.

Pétersbourg. Paris, 1802, 88. Списокъ.

сительно ноты, которая должна быть предъявлена на сеймъ германской имперіи для окончательнаго рѣшенія дѣла о вознагражденіяхъ, условились въ слѣдующемъ. Планъ секуляризаціи и назначенія вознагражденій государствамъ и членамъ Нѣмецкой имперія, о которомъ условились нижеподписавшіеся, составленный въ двухъ экземплярахъ и подписанный каждымъ изъ нихъ совокупно сегодня же, будетъ представленъ и подвергнутъ обсужденію на сеймѣ, или сообщенъ какому-нибудь другому кабинету въ видѣ проекта, соглашенія или сдѣлки между обѣими вмѣшивающимися державами, лишь въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ одобренъ е. в—вомъ, императоромъ всея Россіи, котораго попросятъ заявить о своихъ намѣреніяхъ въ теченіе 50 дней или, если возможно, раньше. Кромѣ того, нижеподписавшіеся объявляютъ, что если не послѣдуетъ этого одобренія, вышеупомянутая нота не будетъ имѣть никакого значенія и не будетъ признаваться, такъ что не будетъ никогда служить ни одной изъ вмѣшивающихся сторонъ доводомъ или правомъ въ будущихъ пререканіяхъ, которыя могутъ возникнуть между ними о томъ же предметѣ.—Морковъ. Талейранъ.

№ 169.—Морковъ двору.

Paris, 23 mai (4 juin) 1802.

*) Par mes rapports précédents V. M. I. a été informée du commencement de la négociation au sujet des indemnités en Allemagne; ses progrès se développaient dans des entretiens particuliers et à bâton rompu, qu'avait avec moi le ministre des relations extérieures et dans lesquels il tâchait de découvrir mes opinions, mettait au jour une partie des siennes, en les faisant passer pour celles du 1-r consul, mais ne les donnait pas pour règle fixe et invariable, écoutant au contraire mes objections, quand j'étais dans le cas d'en faire et promettant de les prendre en considération, lorsqu'il travaillerait à la rédaction d'un plan général. C'est ainsi que se sont écoulées près de 3 semaines; mais l'avant dernier, mercredi, il me conduisit dans son cabinet et me fit lecture, en présence de deux de ses secrétaires, d'un écrit qu'il avait fait rédiger pour être proposé à la diète de l'Empire au nom de V. M. I. et du 1-r consul et qui renfermait ce plan. Avec quelque rapidité que me fût faite cette lecture il ne m'a pas été difficile de saisir la différence qui existait entre le plan proposé par V. M. I. et celui qu'on voulait lui substituer ici. Cependant je n'ai point voulu entrer dans aucune

---

Парижъ, 23 мая (4 іюня) 1802.

*) Моими предшествующими донесеніями я извѣстилъ в. и. в—во о началѣ переговоровъ по поводу вознагражденій въ Германіи. Они шли урывками, въ частныхъ бесѣдахъ между мною и министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ старался вывѣдать мои мнѣнія и высказывалъ отчасти свои, выдавая ихъ за мнѣнія 1-го консула. Но онъ не выдавалъ ихъ за твердое и неизмѣнное правило; напротивъ, выслушивалъ мои возраженія, когда мнѣ случалось ихъ дѣлать, и обѣщалъ принять ихъ въ соображеніе, когда будетъ работать надъ изложеніемъ общаго плана. Такимъ образомъ прошло около 3 недѣль; но третьяго дня, въ среду, онъ повелъ меня въ свой кабинетъ и прочелъ, въ присутствіи двухъ своихъ секретарей, бумагу, которую велѣлъ составить для предложенія германскому сейму отъ имени в. и. в—ва и 1-го консула: въ ней заключался этотъ планъ. Какъ ни поспѣшно было это чтеніе, мнѣ не трудно было уловить разницу между планомъ, предложеннымъ в. и. в—вомъ, и тѣмъ, которымъ его хотѣли здѣсь замѣнить. Тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ вступить въ пререканія и напомнилъ только г. Талейрану, что около 4 мѣсяцевъ тому назадъ, я вручилъ ему присланныя в. и. в—мъ

discussion, mais rappelant à m. de Talleyrand qu'il y avait près de 4 mois que je lui avais remis les tableaux comparatifs de pertes et d'indemnités que V. M. I. m'avait fait parvenir et que je l'avais sollicité de me faire connaître là-dessus l'opinion du 1-r consul, je lui ai représenté, qu'il était juste de me laisser un temps suffisant pour la confronter avec celle qu'avait déjà énoncé V. M. I., ainsi qu'avec les ordres et les instructions dont j'étais muni à ce sujet, et que pour cela je le priais de me donner une copie du papier qu'il venait de me lire. Il me la promit, s'excusant de me la donner sur l'heure, parce que c'était la première minute qu'il devait relire lui-même et où il ferait peut-être quelques corrections, et qu'il ne s'était empressé de me communiquer que parce qu'il connaissait l'impatience du 1-r consul de voir terminer cette affaire dans le plus court délai possible. Pour lui témoigner un égal empressement de mon côté, je lui ai demandé de m'envoyer celui de ses commis qui avait été employé à la rédaction du plan et à la distribution et à l'évaluation des parts. Celui-ci vint me trouver samedi dernier et comme il n'eut point d'ordre de me laisser les papiers qu'il avait apportés chez moi, j'ai dû en extraire moi-même les relevés des pays et des revenus qu'il s'agissait de repartir. En revoyant m. de Talleyrand le lundi suivant, je me suis trouvé parfaitement en état d'entrer en matière et lorsqu'on eut fini la nouvelle lecture que

---

сравнительныя таблицы потерь и вознагражденій и просилъ его сообщить мнѣ объ этомъ мнѣніе 1-го консула. При семъ я представилъ ему, какъ справедливо было бы дать мнѣ достаточно времени для сравненія этого мнѣнія съ тѣмъ, которое уже выражено в. и. в—мъ, а также съ приказаніями и наставленіями, которыя я получилъ на этотъ счетъ; съ этою цѣлью я просилъ дать мнѣ копію съ бумаги, которую онъ только-что прочелъ мнѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ ее, извиняясь, что не можетъ дать тотчасъ же, такъ какъ это —первая черновая, которую онъ долженъ перечитать самъ и, можетъ быть, нѣсколько исправить; онъ поспѣшилъ-де сообщить ее мнѣ только потому, что знаетъ, съ какимъ нетерпѣніемъ 1-й консулъ ожидаетъ окончанія этого дѣла въ возможно короткій срокъ. Чтобы показать ему одинаковое желаніе съ моей стороны, я просилъ его прислать мнѣ своего чиновника, который работалъ надъ составленіемъ плана, а также распредѣленія и оцѣнки участковъ. Чиновникъ явился ко мнѣ въ прошлую субботу. Такъ какъ онъ не получилъ приказанія оставить мнѣ принесенныя бумаги, то я долженъ былъ самъ сдѣлать выписку странъ и доходовъ, которые нужно было распредѣлять. Увидѣвшись съ г. Талейраномъ въ слѣдующій понедѣльникъ, я уже вполнѣ овладѣлъ этимъ предметомъ: когда окончилось новое чтеніе плана и г. Талейранъ передалъ его мнѣ, какъ проектъ, я счелъ долгомъ высказать ему мои замѣчанія. Я ука-

l'on fit du plan et que m. de Talleyrand me l'eut remis comme projet, je me suis mis en devoir de lui faire mes observations. Elles portèrent d'abord sur la contradiction manifeste entre les principes énoncés dans le préambule et leur application dans le plan. Les principes qu'on avouait étaient ceux de *compenser les pertes reconnues et de conserver entre les maisons principales en Allemagne l'équilibre qui subsistait avant la guerre.* Or d'un côté les compensations excédaient presque partout les pertes et de l'autre on renversait totalement l'équilibre tel qu'il était déterminé et entendu dans le préambule susmentionnée. Je n'ai pas fait de difficulté de céder un moment à l'obstination du ministre français de ne vouloir présenter dans l'indemnité assignée à l'archiduc pour la perte du grand-duché de Toscane qu'une augmentation gratuite et directe de la puissance autrichienne; mais il ne m'en a pas été moins aisé de lui démontrer que même de cette manière on s'éloignerait du principe ci-dessus, car si les rapports existants avant la guerre entre l'Autriche et la Prusse étaient par exemple de 2 à 1, il fallait, si l'on voulait être fidèle à ce principe, les établir actuellement dans la même proportion, au lieu que si l'on ajoutait, à la part prussienne, la part adjugée à la maison d'Orange, ce qu'on devait faire puisqu'on le faisait à l'égard de l'archiduc, il se trouverait que la part de la Prusse excèderait celle de l'Autriche et qu'ainsi l'équilibre ne serait pas maintenu entre elles. Alors

---

залъ прежде всего на явное противорѣчіе въ изложеніи основныхъ началъ вступленія и въ ихъ примѣненіи къ плану. Основнымъ началомъ было—*вознаградить признанныя потери и сохранить между главными домами въ Германіи равновѣсіе, которое существовало до войны.* А между тѣмъ, съ одной стороны, вознагражденія почти вездѣ превышали потери, съ другой—совершенно нарушалось равновѣсіе, опредѣленное и принятое въ вышеупомянутомъ вступленіи. Я рѣшился уступить на минуту упрямству, съ которымъ франц. министръ выставлялъ вознагражденіе эрцгерцога за потерю вел. герцогства Тосканскаго, какъ даровое и прямое усиленіе австрійскаго могущества; но мнѣ не трудно было доказать, что даже и это уже есть отступленіе отъ сказаннаго начала, ибо если до войны Австрія относилась къ Пруссіи, какъ 2 къ 1, то нужно было, оставаясь вѣрнымъ этому началу, возстановить ихъ теперь въ той же пропорціи; тогда какъ, если прибавить къ долѣ Пруссіи долю, присужденную Оранскому дому (что было неизбѣжно въ виду такой же уступки эрцгерцогу), то окажется, что доля Пруссіи превосходитъ долю Австріи: такимъ образомъ равновѣсіе между ними не будетъ соблюдено. Тогда г. Талейранъ принялся оцѣнивать относительную стоимость земель, объ уступкѣ которыхъ этимъ двумъ державамъ шла рѣчь: онъ поднималъ цѣну почвы, источниковъ богатства, выгоднаго положенія австрійской доли и обезцѣнивалъ

m. de Talleyrand se rejeta sur l'appréciation des valeurs relatives des pays qu'il était question de concéder à ces deux puissances, relevant le sol, les sources de richesse, les avantages des positions du lot autrichien et rabaissant les mêmes objets dans celui de la Prusse. Il y ajouta, par manière de confidence, que le 1-r consul se trouvait fort à la gêne dans cette occurrence par les assurances qu'il avait fait donner à la Prusse, et que si V. M. I. ne voulait pas s'entendre avec lui pour l'aider à remplir ses promesses, il se verrait obligé à recourir à d'autres moyens. Il me fit valoir les avantages considérables que l'on accordait aux princes honorés de la protection et de la parenté de V. M. I. et qui demandaient d'elle un juste retour de réciprocité, prétendant d'ailleurs que l'arrangement qu'il proposait serait béni par toute l'Allemagne et même approuvé par V. M. I. Il fortifiait cette dernière assertion de la connaissance qu'il disait avoir des sentiments personnels de V. M. pour le roi de Prusse, dont l'entrevue qu'elle allait avoir avec ce prince était une preuve nouvelle et convaincante à ses yeux. Il a été jusqu'à imputer à ma prétendue malveillance pour la Prusse les difficultés que j'opposait à l'acceptation de son plan et à me rendre responsable de la non participation de V. M. I. à une aussi grande affaire, ou des suites que la part qu'elle y prendrait pourrait entraîner, si elle était dirigée en sens contraire à ce que l'on proposait.—V. M. I. peut

---

тѣ же предметы въ долѣ Пруссіи. Онъ прибавилъ, какъ бы по довѣрію, что 1-й консулъ очень стѣсненъ въ этомъ случаѣ обѣщаніями, которыя приказалъ дать Пруссіи, и что если в. и. в—во не захотите помочь ему выполнить свои обѣщанія, онъ будетъ принужденъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ указалъ на значительныя преимущества, дарованныя принцамъ, которые имѣютъ честь пользоваться покровительствомъ в. и. в—ва или состоять въ родствѣ съ вами и требовали отъ васъ справедливой взаимности. Онъ утверждаетъ, впрочемъ, что вся Германія будетъ благословлять предлагаемую имъ сдѣлку и что ее одобритъ даже в. и. в—во. Въ подтвержденіе этихъ послѣднихъ словъ онъ сказалъ, что знаетъ личныя чувства в. в—ва къ прусскому королю и что готовящееся свиданіе двухъ монарховъ служитъ, въ его глазахъ, новымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ въ этомъ смыслѣ. Онъ дошелъ до того, что приписалъ моему мнимому недоброжелательству къ Пруссіи затрудненія, которыя встрѣчаетъ его планъ съ моей стороны, и взвалилъ на меня отвѣтственность, какъ за отказъ в. и. в—ва принять участіе въ столь великомъ дѣлѣ, такъ и за послѣдствія, которыя вытекутъ изъ этого участія, если оно пойдетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что предлагается теперь.— В. и. в—во можете себѣ представить, что я не смолчалъ на такія пустыя увѣренія. Я отвѣчалъ, что вы, конечно, будете очень благодарны за вни-

penser que je ne suis pas resté court à des assertions aussi futiles. J'ai répondu qu'elle serait assurément très sensible aux égards qu'on avait eus pour les princes ses alliés; que je croyais aussi savoir ses sentiments pour le roi de Prusse; que j'avais également entendu parler de son entrevue avec lui; mais que je savais que chez elle les sentiments d'affection personnelle étaient toujours subordonnés à ses principes de justice et d'impartialité, qualités indispensables dans un arbître ou un médiateur; que la Russie et la France avaient le même intérêt et le même droit à se mêler du sort de l'Allemagne et les mêmes moyens pour les faire valoir, et que V. M. I. a bien pu chercher à ce concilier l'avis du 1-r consul, mais non consentir à le recevoir comme loi; que quant à moi, je trouvais ridicule et absurde de supposer que je fus capable de me livrer à une disposition personnelle, quand je ne dois être que l'aveugle exécuteur des ordres dont je suis chargé; que les miens portaient d'exposer les sentiments de V. M. I., de chercher à les rapprocher avec ceux qu'on me ferait connaître ici, où ceux-ci n'en étaient pas susceptibles, d'en rendre compte et d'attendre de nouvelles instructions; que j'avais rempli une partie de cette tâche et que j'étais prêt à remplir le reste, dès que m. de Talleyrand me ferait connaître que c'est le dernier mot de leur cabinet. J'ai en outre observé que le principal but du concert que V. M. I. avait proposé entre elle et le 1-r

---

маніе къ принцамъ вашимъ союзникамъ; что и я знаю ваши чувства къ прусскому королю и слышалъ о вашемъ свиданіи съ нимъ. Но, прибавилъ я, мнѣ извѣстно также, что у васъ чувства личной привязанности всегда подчинялись правиламъ справедливости и безпристрастія, — качества, необходимыя для третейскаго судьи или посредника. Я замѣтилъ, что Россія и Франція имѣютъ одинаковую выгоду и одинаковое право вмѣшиваться въ судьбу Германіи, а также одинаковыя средства отстоять то и другое, и что в. и. в—во могли, конечно, желать сойтись съ 1-мъ консуломъ, но не согласитесь принимать его мнѣніе за законъ. Что касается меня лично, то я нахожу смѣшнымъ и нелѣпымъ предполагать, будто я способенъ поддаваться личному чувству, тогда какъ мой долгъ—быть лишь слѣпымъ исполнителемъ данныхъ мнѣ приказаній. А эти приказанія требуютъ, чтобы я выразилъ чувства в. и. в—ва и постарался согласить ихъ съ тѣми, которыя встрѣчу здѣсь; а если это невозможно, донести и дожидаться новыхъ наставленій. Я исполнилъ часть этой задачи и готовъ исполнить остальное, какъ только г. Талейранъ извѣститъ меня, что это—послѣднее слово ихъ кабинета. Я замѣтилъ, кромѣ того, что главная цѣль союза, предложеннаго в. и. в—вомъ 1-му консулу, была установить дружелюбное согласіе между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами и что для этого необходимо было переговорить съ упол-

consul était d'amener à un accord amiable les cours de Vienne et de Berlin, et que pour cela il fallait nécessairement en conférer avec les plénipotentiaires de ces cours à Paris. M. de Talleyrand avait goûté dans le principe cet avis; mais à présent il me dit que le 1-r consul trouvant cette marche trop lente et impossible à suivre, parce qu'il le serait de les accorder ensemble, préférait de s'adresser directement à la diète de l'Empire, et pendant qu'il divaguait sur l'urgence de conclure promptement et sur la prétendue équité des dispositions de son plan, je réfléchissais à l'humeur impétueuse et brusque du 1-r consul, aux ordres, si souvent réitérés, que j'ai reçus de la ménager, et aux inconvénients d'en provoquer quelque explosion contraire aux intentions de V. M. I., et je songeais à un expédient qui me mit à couvert de tout reproche et qui vous laissât, sire, absolument le maître de la détermination que vous jugerez à propos, dans votre sagesse, de prendre dans cette grande circonstance. J'ai cru le trouver en convenant avec m. de Talleyrand de signer incessamment la note dressée en deux exemplaires pour être présentée à la diète de l'Empire et de l'envoyer aux ministres respectifs à Ratisbonne avec injonction de n'en faire usage que lorsque le ministre de France sera averti par celui de V. M. I. qu'il en avait reçu l'ordre formel. Nous tombâmes en même temps d'accord de signer un autre acte, par lequel le premier, au défaut de l'approbation de V. M. I., se-

---

номоченными этихъ дворовъ въ Парижѣ. Г. Талейранъ въ основѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Но теперь онъ говоритъ, что 1-й консулъ находитъ этотъ путь слишкомъ медленнымъ и невозможнымъ, такъ какъ скоро ихъ не согласишь, и предпочитаетъ обратиться прямо къ имперскому сейму. Пока онъ распространялся о необходимости быстраго рѣшенія и о мнимой справедливости своего плана, я размышлялъ о необузданномъ и рѣзкомъ нравѣ 1-го консула, а также о столь часто повторяемомъ мнѣ приказѣ щадить его и о неудобствѣ вызвать взрывъ съ его стороны, противный намѣреніямъ в. и. в—ва. Я задумался о способѣ, который, ограждая меня отъ всякаго упрека, предоставилъ бы вамъ, государь, полную свободу принять, какое вамъ будетъ угодно, въ вашей мудрости, рѣшеніе въ этомъ великомъ дѣлѣ. Я думалъ, что нашелъ его, условившись съ г. Талейраномъ подписать немедленно составленную ноту въ двухъ экземплярахъ, для представленія имперскому сейму, и послать ее обоимъ министрамъ въ Регенсбургъ, съ приказаніемъ употребить ее въ дѣло лишь тогда, когда французскій министръ получитъ извѣщеніе отъ министра в. и. в—ва о полученіи вашего формальнаго приказанія. Въ то же время мы согласились подписать другой документъ, въ силу котораго первый не будетъ считаться и признаваться, если не послѣдуетъ согласія в. и. в—ва. 50-дневный срокъ, назначенный для ожиданія согласія в. и.

rait regardé comme nul et non avenu. Le terme réservé à V. M. I. pour donner son consentement étant de 50 jours, réduit l'espèce de transaction, que je viens de passer, à la simple valeur d'une proposition qui lui aurait été faite et qu'il ne tient qu'à elle d'accepter ou de rejeter. — C'est hier que nous avons signé ces deux actes, et je m'empresse de les mettre ci-joints aux pieds de V. M. I. Le courrier qui doit les porter sera accompagné d'un autre que m. de Talleyrand expédie au général Hédouville. Ce ministre ne m'a pas dissimulé qu'il ne s'en fiait pas à moi pour l'apologie de notre ouvrage, et moi, à mon tour, je ne lui ai point caché, que si je n'en disait pas tout le mal que j'en pensais, c'est que ce mal est si évident qu'il se montrerait de soi-même. — En effet, sire, si le plan en question est adopté et exécuté, l'Allemagne éprouvera un bouleversement total. Les princes dont la puissance y sera accrue par la faveur de la France s'attacheront pour jamais à elle, et en servant ses vues ambitieuses, croiront toujours servir les leurs. La seule puissance formidable, l'Autriche, qui pourrait encore opposer quelque digue au torrent de l'ambition française, en perdant toute sa considération et toute son influence, perdra nécessairement une grande partie de ses moyens pour soutenir une lutte aussi inégale. Telle est du moins, sire, mon opinion que je soumets humblement à la sagesse et à la haute pénétration de V. M. I. — M. de Talleyrand, qui avait parfaitement le sentiment de l'iniquité des proportions qu'il avait

---

в—ва, превращаетъ родъ сдѣлки, которую я только что совершилъ, въ простое предложеніе, которое вамъ дѣлаютъ и принятіе или непринятіе котораго зависитъ совершенно отъ васъ.—Оба эти документа мы подписали вчера, и я спѣшу приложить ихъ, чтобы повергнуть къ стопамъ в. и. в—ва. Съ курьеромъ, который ихъ повезетъ, отправится другой отъ г. Талейрана къ генер. Эдувилю. Этотъ министръ не скрылъ отъ меня, что не надѣется, чтобы я похвалилъ нашу работу; а я, въ свою очередь, сказалъ ему, что только потому не высказываю всего моего дурного мнѣнія объ ней, что зло слишкомъ очевидно, и обнаружится само собой.—Въ самомъ дѣлѣ, государь, если принять и исполнить этотъ планъ, въ Германіи произойдетъ полный переворотъ. Принцы, могущество которыхъ усилится, благодаря Франціи, навсегда останутся ея приверженцами и, служа ея честолюбивымъ видамъ, будутъ думать, что служатъ себѣ самимъ. Единственная значительная держава, Австрія, которая могла бы еще служить оплотомъ противъ потока французскаго честолюбія, потерявъ все свое значеніе и вліяніе, неизбѣжно лишится части своихъ средствъ, чтобы поддерживать столь неравную борьбу. Таково по крайней мѣрѣ, государь, мое мнѣніе, которое я смиренно повергаю на судъ мудрости и высокой проницательности в. и. в—ва.—Г. Талейранъ, который отлично чувство-

mis en avant, me soutint que la note, qui les renfermait, ne les énonçait pas d'un ton péremptoire, et qu'il s'en suivait de soi-même que les deux puissances qui les feraient écouteraient les objections, qui leur seraient faites selon le plus ou le moins de fondement qu'elles auraient. Je lui ai remarqué que cette intention était incompatible avec celle de terminer promptement, et avec le terme de 2 mois qu'on fixait aux délibération de la diète; mais il me répondit qu'on n'agirait pas de rigueur et qu'on admettrait les délais. — Cette manière de s'expliquer et d'agir manifeste, ce me semble, l'une des deux pensées, ou celle de surprendre l'adhésion de la diète, ou celle de perpétuer la confusion dans l'Empire germanique. — J'ai eu aussi quelques contestations au sujet des évêchés de Trente et de Brixen... Pour mieux m'assurer de mes notions sur ces évêchés, j'ai cru devoir demander des renseignements à m. le comte de Cobenzl. Il me les a donnés dans un billet de sa main et cijoint en copie. Je l'ai communiqué à m. de Talleyrand qui l'a trouvé exagéré. C'est au reste la seule part que m. de Cobenzl ait pris à cet ouvrage, s'étant toujours renfermé, vis-à-vis du ministre des relations extérieures et vis-à-vis de moi, dans cette courte expression que sa cour ne demandait rien que la stricte exécution du traité de Lunéville qui ne stipulait que la stricte indemnité des pertes de l'archiduc en Toscane et de celles des princes allemands sur la rive gauche du Rhin. Il n'en a pas été de même des autres ministres des cours intéressées au dépè-

---

валъ несправедливость выставленнаго имъ распредѣленія, утверждаетъ, что нота не выставляетъ его рѣшительнымъ тономъ: само собою разумѣется, что обѣ державы, которыя его составляли, примутъ во вниманіе возраженія по мѣрѣ ихъ основательности. Я замѣтилъ, что это намѣреніе не соотвѣтствуетъ ни желанію поскорѣе кончить дѣло, ни 2-мѣсячному сроку, назначенному для совѣщаній сейма; но онъ отвѣчалъ, что не будутъ такъ строги и что допустятъ отсрочки.—Мнѣ кажется, что эта манера выражаться и поступать обнаруживаетъ одинъ изъ двухъ замысловъ,—или внезапностью добиться согласія сейма, или продлить смуту въ Нѣмецкой имперіи.—Я имѣлъ также нѣсколько пререканій по поводу епископствъ тріентскаго и бриксенскаго... Чтобы лучше провѣрить мои свѣдѣнія объ этихъ епископствахъ, я счелъ долгомъ справиться о нихъ у гр. Кобенцля. Онъ прислалъ мнѣ объ этомъ собственноручную записку, копію съ которой прилагаю. Я сообщилъ ее г. Талейрану, который нашелъ ее преувеличенной. Впрочемъ, этимъ и ограничилось участіе гр. Кобенцля въ этомъ дѣлѣ; въ сношеніяхъ съ мин. ин. дѣлъ и со мною, онъ всегда довольствовался краткимъ выраженіемъ, что его дворъ требуетъ лишь точнаго исполненія люневильскаго договора, въ которомъ установлено только строгое вознагражденіе потерь эрцгерцога въ Тосканѣ и нѣмецкихъ князей

cement de l'Allemagne. Ceux de Berlin, de Munich, de Bade, de Nassau ont été écoutés et consultés, le premier par son intermédiaire le général Beurnonville et les autres par eux-mêmes sur les vœux et les convenances de leurs commettants. — Je suis enfin chargé de prier V. M. I. qu'en cas de son adhésion au plan qui lui est proposé elle veuille bien adresser ses ordres en conséquence à son ministre à Ratisbonne, afin qu'il puisse se concerter avec celui de France sur l'usage qu'il aura à en faire.

Pétersbourg. Paris, 1802, 88. Подлинникъ.

№ 170.—Морковъ двору.

Paris, 24 mai (5 juin) 1802.

*) Hier, 4 juin (15 prairial), le 1-r consul donna son audience et son dîner ordinaires au corps diplomatique. J'eus à cette occasion un moment d'entretient particulier dans lequel il m'a parlé de l'acte que j'avais signé la veille avec le ministre des relations extérieures. Il prétendait qu'il conciliait tous les intérêts et tous les vœux, même ceux de la cour de Vienne, à l'exception de l'introduction de nouveaux princes protestants dans le collége électoral. Je lui ai montré des doutes à cet égard, les fondant sur le renversement d'équilibre qui en résulte-

---

на лѣвомъ берегу Рейна. Не такъ поступали другіе министры дворовъ, заинтересованныхъ въ раздѣлѣ Германіи. Министры берлинскій, мюнхенскій, баденскій, нассаускій дѣлали заявленія и подавали совѣты, первый черезъ своего посредника, генер. Бернонвиля; остальные сами, по желанію и соображеніямъ своихъ довѣрителей.—Наконецъ мнѣ поручено попросить в. и. в—во, чтобы вы въ случаѣ вашего согласія съ предложеннымъ планомъ, соблаговолили прислать приказанія по этому поводу вашему министру въ Регенсбургъ, чтобы онъ могъ посовѣтоваться съ французскимъ относительно ихъ примѣненія.

Парижъ, 24 мая (5 іюня) 1802.

*) Вчера, 4 іюня (15 преріаля), 1-й консулъ давалъ обычную аудіенцію и обѣдъ дипломатическому корпусу. По этому случаю я имѣлъ небольшой личный разговоръ, въ которомъ онъ говорилъ мнѣ о документѣ, подписанномъ наканунѣ мною и министромъ ин. дѣлъ. Онъ утверждалъ, что онъ примиряетъ всѣ интересы, даже интересы вѣнскаго двора, кромѣ введенія новыхъ протестантскихъ князей въ избирательную коллегію. Я высказалъ сомнѣніе, основываясь на нарушеніи равновѣсія, которое произошло бы въ Германіи и

rait en Allemagne et qui ne saurait être indifférent aux autres puissances, ni même à quelques états du corps germanique; mais j'ai abrégé la discussion, en disant que l'affaire étant portée à la décision de V. M. I., il ne restait plus qu'à attendre qu'elle la fasse connaître. Il me parla ensuite des rapports qu'il venait de recevoir du général Hédouville, qui lui rendait compte des conférences qu'il a eues avec le ministère de V. M. I. au sujet des affaires de Malte. Il ajouta qu'il apporterait toutes les modifications que V. M. pourrait désirer de lui. Je lui ai demandé, si dans ces rapports le général Hédouville ne faisait pas aussi quelque mention du roi de Sardaigne. „Oui, me répondit-il, mais c'est un parti pris; de l'argent tant que vous voudrez et tant qu'il voudra, et rien de plus".—„Mais, repris-je, puisque la réunion du Piémont à la France, toute insignifiante qu'elle est en elle-même pour l'augmentation de sa puissance, vous tient cependant fortement à cœur, ne pourriez vous pas en offrir un équivalent dans les duchés de Parme et de Plaisance?" Il accueillit cette ouverture, me promit d'y songer et m'autorisa de mander à V. M. I. que n'ayant pas encore disposé de ces duchés même dans sa pensée, il n'en disposerait pas sans s'entendre avec elle là-dessus...

Pétersbourg. Paris, 1802, 89. Подлинникъ.

могло бы не понравиться другимъ державамъ и даже нѣкоторымъ государствамъ германскаго корпуса; но я остановилъ споръ, сказавъ, что такъ какъ дѣло представлено на рѣшеніе в. и. в—ва, то остается только выждать увѣдомленія о немъ. Затѣмъ онъ говорилъ со мною о донесеніяхъ, полученныхъ имъ отъ генерала Эдувиля, насчетъ его конференціи съ министерствомъ в. и. в—ва по поводу мальтійскихъ дѣлъ. Онъ прибавилъ, что готовъ на всякія измѣненія, которыхъ вы могли бы пожелать. Я спросилъ у него, не упоминаетъ ли также ген. Эдувиль въ своихъ донесеніяхъ о сардинскомъ королѣ. „Да, отвѣчалъ онъ; но это уже дѣло рѣшенное: денегъ, сколько онъ и вы пожелаете, но больше ничего".—„Но, возразилъ я, если все-таки вамъ такъ дорого присоединеніе Пьемонта къ Франціи, какъ оно ни ничтожно само по себѣ для увеличенія ея могущества, то не можете-ли вы дать въ вознагражденіе за него герцогства Парму и Пьяченцу"? Онъ принялъ къ свѣдѣнію это предложеніе, обѣщалъ подумать и уполномочилъ меня доложить в. и. в—ву, что, не сдѣлавъ еще никакого распоряженія объ этихъ герцогствахъ даже мысленно, онъ не предприметъ ничего относительно нихъ безъ соглашенія съ вами...

№ 171.—Морковъ двору.

Paris, 24 mai (5 juin) 1802.

*) Ce que j'ai eu l'honneur de mander dans un de mes précédents rapports au sujet du projet de Bonaparte de faire de grands changements dans la constitution de la république acquiert tous les jours de nouveaux degrés de probabilité. M. de Talleyrand lui-même m'a déjà avoué qu'on s'en occupait sérieusement. Quoiqu'il ne m'eût point articulé les objets de ces changements, je crois savoir de bonne source qu'il n'est question de rien moins que de rétablir les anciens titres et les anciennes dignités et de les rendre héréditaires en y admettant quelques unes des nouvelles familles. C'est pour faire participer à cet avantage le duc de Richelieu, qu'on s'est obstiné à ne pas lui accorder la radiation qu'il avait vainement sollicitée pendant le séjour assez considérable qu'il avait fait ici; mais il est insensible à cet appas et a déclaré formellement qu'il s'était dévoué pour la vie au service de V. M. I.; il est en effet résolu de partir ces jours-ci et est déjà venu me demander ses passeports. J'ai parlé à son sujet au 1-r consul lui-même, sans avoir rien pu obtenir qu'une promesse de favoriser ses intérêts de fortune pour les biens qui lui ont encore été conservés. — M. de Choi-

---

Парижъ, 24 мая (5 іюня) 1802.

*) То, чтò я имѣлъ честь доложить вамъ въ одномъ изъ моихъ предшествовавшихъ донесеній по поводу предположенія Бонапарта произвести большія перемѣны въ конституціи республики, становится съ каждымъ днемъ все вѣроятнѣе. Самъ г. Талейранъ признался мнѣ, что этимъ заняты серьезно. Хотя онъ и не вдавался въ подробности, я, кажется, знаю изъ вѣрнаго источника, что дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы возстановить древніе титулы и саны и сдѣлать ихъ наслѣдственными, наградивъ ими нѣсколько новыхъ фамилій. Для того, чтобы заставить воспользоваться этимъ преимуществомъ герцога Ришелье, ему упорно отказывали въ исключеніи изъ списка опальныхъ, о которомъ онъ тщетно просилъ во время своего довольно продолжительнаго пребыванія здѣсь; но онъ остался равнодушенъ къ этой приманкѣ и объявилъ формально, что всю жизнь свою отдаетъ на служеніе в. и. в—ву. Онъ дѣйствительно рѣшился уѣхать на дняхъ отсюда и уже приходилъ ко мнѣ за паспортомъ. Я говорилъ объ немъ съ самимъ 1-мъ консуломъ, не добившись ничего, кромѣ обѣщанія постоять за его имущественные интересы въ имѣніяхъ, которыя еще за нимъ сохранились.—Г. Шуазёль-

seuil Gouffier se trouve également à Paris depuis quelques jours. M. de Talleyrand qui avait été autrefois intimement lié avec lui, sans que cela l'eût empêché de s'appropier une somme très considérable d'argent que m. de Choiseuil avait laissé en dépot chez lui, paraît avoir généreusement oublié ce petit tort et le traite avec confiance et amitié. Il lui a fait aussi confidence du prochain changement de gouvernement et l'a invité à participer aux avantages qu'il offrirait. — Bien de personnes sont persuadées qu'après ce pas Bonaparte lui-même prendrait un autre titre et se ferait appeler empereur des Gaules. Ce ne serait assurément pas un vain titre, car en effet il les a toutes réunies sous la domination française. Il y a déjà quelque temps que m. de Talleyrand m'a insinué, en forme de conversation, qu'il serait fort agréable au 1-r consul que Louis XVIII et toute la famille des Bourbons allât s'établir et vivre à Moscou et que dans ce cas il fournirait abondamment à sa subsistance. Je n'ai pris cette insinuation que comme un simple propos et l'ai laissé tomber, mais je n'en ai pas cru moins de mon devoir d'en rendre compte à V. M. I.

Pétersbourg. Paris, 1802, 90. Подлинникъ.

Гуфье также находится въ Парижѣ, вотъ уже нѣсколько дней. Г. Талейранъ, нѣкогда его близкій пріятель—что, впрочемъ, не помѣшало ему присвоить себѣ очень значительную сумму денегъ, которую поручилъ ему на храненіе г. Шуазёль—кажется, великодушно забылъ эту маленькую вину и обращается съ нимъ довѣрчиво и дружелюбно. Онъ тоже сообщилъ ему о будущихъ перемѣнахъ въ правительствѣ и приглашалъ его воспользоваться преимуществами, которыя онѣ представятъ.—Многіе увѣрены, что послѣ этого шага Бонапартъ самъ приметъ другой титулъ и назовется императоромъ Галлій. Это, конечно, не будетъ пустымъ титуломъ, потому что онъ дѣйствительно соединилъ ихъ всѣ подъ французскимъ господствомъ. Нѣсколько времени тому назадъ, г. Талейранъ внушалъ мнѣ, въ видѣ разговора, что 1-му консулу было бы очень пріятно, еслибы Людовикъ XVIII и все семейство Бурбоновъ поселилось и жило въ Москвѣ: въ такомъ случаѣ онъ обезпечилъ бы ихъ обильными средствами. Я отнесся къ этому намеку, какъ къ простому разговору и пропустилъ его мимо ушей; тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ увѣдомить объ этомъ в. и. в—во.

№ 172.—Талейранъ Куракину.

Paris, 17 prairial an X.

*) J'ai reçu la lettre que v. e. m'a fait l'honneur de m'écrire en m'adressant celle dont il a plu à S. M. I. de vouloir bien m'honorer, et je m'applaudis de pouvoir, en y répondant, me féliciter avec v. e. des résultats que viennent d'obtenir les discussions entamées et suivies entre m. le comte de Morcoff et moi relativement aux indemnités germaniques. — La note que nous avons signée de concert et qui est transmise aujourd'hui à S. M. I. ne pourra manquer d'obtenir son entière approbation, tant par rapport aux bases qui ont été prises qu'aux développements qui leur ont été donnés, et sans doute le général Hédouville, à qui j'ai développé toutes les parties de ce travail, trouvera le cabinet de S. M. parfaitement d'accord avec celui de la république sur tout ce qui regarde cette importante et définitive opération. — En effet, s'il s'est agi de procéder à l'exécution de l'art. VII du traité de Luneville concernant la répartition des indemnités, il n'a pas été reconnu moins nécessaire de conserver ou de rétablir en Allemagne, entre les maisons principales, l'équilibre de force et d'influence qui y subsistait avant la guerre, et l'introduction du grand-duc de Toscane dans le sy-

---

Парижъ, 25 мая (6 іюня) 1802.

*) Я имѣлъ честь получить письмо в. с—ва съ приложеніемъ письма, котораго удостоилъ меня е. и. в—во. Радуюсь, что, отвѣчая на него, могу поздравить васъ и себя съ результатами, увѣнчавшими переговоры, которые начались и продолжались между гр. Морковымъ и мною относительно вознагражденій въ Германіи.—Нота, которую мы подписали сообща и которая послана сегодня е. и. в—ву, не можетъ не вызвать его полнаго одобренія, какъ относительно прибятыхъ основаній, такъ и относительно даннаго имъ развитія. Конечно, генер. Эдувиль, которому я объяснилъ этотъ трудъ во всѣхъ частяхъ, встрѣтитъ въ кабинетѣ е. в—ва полное согласіе съ кабинетомъ республики во всемъ, что касается этого важнаго и окончательнаго предпріятія.—Дѣйствительно, если дѣло шло о томъ, чтобы приступить къ исполненію VII ст. люневильскаго договора, касающейся распредѣленія вознагражденій, то было признано не менѣе необходимымъ сохранить или возстановить между главными домами равновѣсіе силъ и вліянія, какъ было до войны, и введеніе въ германскую систему вел. герцога тосканскаго заставило дать Пруссіи и Баваріи вознагражденія, способныя составить противовѣсъ увеличенію

stème germanique a rendu indispensable de donner à la Prusse et à la Bavière des compensations susceptibles de former quelque contrepoids avec l'accroissement et la concentration de la puissance autrichienne en Allemagne. — Quant aux maisons de Wurtemberg et de Bade, il a été agréable au 1-r consul de proposer lui-même que leur indemnité fût portée aussi haut que pouvaient le permettre les autres arrangements du corps germanique et il s'est estimé heureux que cet accroissement de puissance et de dignité en faveur de deux princes qui touchent de si près à S. M. I. fût d'accord avec la saine politique, qui doit surtout présider à ces arrangements. — Le 1-r consul a une telle conviction qu'il était impossible d'apporter dans la confection de ce travail plus d'impartialité et plus de respect pour les convenances politiques, qu'il ne met pas en doute que la parfaite union des deux états médiateurs suffira pour faire prévaloir auprès de la diète de l'Empire un système qui pourvoit à tous les intérêts, qui compense toutes les pertes, qui balance tous les pouvoirs et qui garantit à la fois la stabilité de la paix en Europe, celle d'un juste équilibre en Empire.—Il s'attend donc que S. M. I. ne voudra pas retarder d'un moment l'effet du glorieux arbitrage que la France et la Russie sont appelées à exercer, et que le même concert qui a préparé le plan arrêté règlera les démarches, qui seront faites en commun pour en assurer le succès.—V. e. sentira elle-même combien dans un moment, où toutes les passions sont éveillées,

---

и сосредоточенію Австрійской державы въ Германіи.—Что касается домовъ вюртембергскаго и баденскаго, то 1-му консулу пріятно было предложить самому, чтобы ихъ вознагражденіе было такъ велико, какъ только это можетъ допустить остальное распредѣленіе германскаго корпуса, и онъ счастливъ, что это увеличеніе могущества и достоинства обоихъ князей, столь близкихъ е. и. в—ву, согласуется съ здравой политикой, которая должна руководить этими распредѣленіями.—1-ый консулъ глубоко убѣжденъ, что невозможно было внести въ составленіе этого труда болѣе безпристрастія, болѣе уваженія къ политической благопристойности; онъ не сомнѣвается, что полнаго согласія обѣихъ державъ-посредницъ достаточно, чтобы дать ходъ, на имперскомъ сеймѣ, системѣ, которая удовлетворяетъ всѣмъ интересамъ, вознаграждаетъ всѣ потери, уравновѣшиваетъ всѣ власти и въ то же время обезпечиваетъ прочность мира въ Европѣ и справедливое равновѣсіе въ Имперіи.—Поэтому онъ надѣется, что е. и. в—во не захочетъ ни на минуту откладывать дѣйствіе славнаго третейскаго суда, который Франція и Россія призваны совершить, и что то же согласіе, которое подготовило принятый планъ, установитъ и дальнѣйшія совокупныя мѣры, чтобы обезпечить его успѣхъ.—В. с—во сами поймете, насколько опасна малѣйшая проволочка въ такую минуту, когда

où toutes les intrigues sont en jeu, le moindre délai est à craindre, et je me persuade qu'elle contribuera avec empressement à les écarter. Je prie au reste v. e. de remarquer surtout dans cette lettre le désir que j'ai eu de causer un peu longuement avec elle sur des matières qui depuis plusieurs mois m'occupent tout entier, et d'attribuer l'abondance de mon expression à celle des idées dont je suis rempli sur le même objet.

Pétersbourg. Ministère, 1802, 31. Списокъ.

№ 173.—Талейранъ Эдувилю.

Paris, 17 prairial an X.

*) Je vous fais passer copie de la note concertée entre m. de Morcoff et moi, qui devra être présentée à la diète de Ratisbonne, comme résolution commune aux deux puissances. Ce n'est pas sans beaucoup de difficultés que m. de Morcoff s'est enfin déterminé à signer cet acte important qui contient les intentions du 1-r consul et dans lequel les lois de l'équité ont été fidèlement observées, de même qu'on a su y ménager les convenances qu'indiquaient et les circonstances, et les considérations les plus légitimes. — Au fond, m. de Morcoff, fort indifférent à ce qu'on ferait pour la Bavière et Bade, ne s'est arrêté qu'à l'égard

---

всѣ страсти возбуждены, всѣ интриги пущены въ ходъ; и я стараюсь увѣрить себя, что вы усердно будете содѣйствовать ихъ устраненію. Въ заключеніе прошу в. с—во замѣтить въ этомъ письмѣ въ особенности мое желаніе нѣсколько распространиться о предметахъ, которые въ теченіе многихъ мѣсяцевъ поглощаютъ меня всего, и приписать мое многословіе обилію мыслей объ этомъ дѣлѣ, наполняющихъ мою голову.

Парижъ, 25 мая (6 іюня) 1802.

*) Посылаю вамъ списокъ ноты, слаженной между мной и г. Морковымъ, которая должна быть представлена сейму въ Регенсбургѣ, какъ общее рѣшеніе обѣихъ державъ. Г. Морковъ не безъ большихъ затрудненій рѣшился, наконецъ, подписать этотъ важный документъ, въ которомъ выражены намѣренія 1-го консула и строго соблюдены законы справедливости, а также пощажены интересы, въ пользу которыхъ говорили и обстоятельства, и самыя законныя причины.—Въ сущности, г. Морковъ, весьма равнодушный къ тому, что будетъ сдѣлано для Баваріи и Бадена, остановится только на условіяхъ, касающихся Австріи и Пруссіи: въ силу помѣщенныхъ въ его инструкціяхъ

des stipulations concernant l'Autriche et la Prusse, parce que suivant les notions renfermées dans ses instructions, notions que nous avons lieu de regarder comme très fautives et que nous n'avons pu admettre, il demeurait persuadé que l'archiduc grand-duc était moins favorablement traité que le roi de Prusse. Cependant il ne saurait se défendre de convenir avec nous qu'à l'égard de la Prusse et de l'Empire l'étendue et la population de la Toscane sont tout-à-fait nulles et qu'elles ne sauraient être comptées qu'à l'égard de la France dans les cas, où la guerre se portât en Italie. Ainsi, tout ce que l'Autriche obtient en hommes et en territoire du côté de la Bavière est un accroissement véritable et non un simple remplacement; cette considération prend plus d'importance encore, quand on réfléchit que dans le seul Saltzbourg l'e-r pourra lever 25,000 chasseurs formés et exercés dont la réputation égale celle des tirailleurs tyroliens, si elle ne les surpasse. Quant au territoire, l'Autriche gagne encore des montagnes et des défilés dont elle n'est pas à ne pas sentir toute la valeur. — Rien de tout cela n'a lieu dans le lot de la Prusse; le roi obtient du plat pays et des paysans, nulle part de frontières closes, nulle part de concentration, de contiguïté, de liaison intime avec le corps de l'état, ainsi que cela se trouve pour l'Autriche; des écarts incohérents, une population disséminée et peu formée aux armes, voilà son partage. La nature des choses ne permettait pas

---

толкованій, которыя мы имѣемъ основаніе считать очень ошибочными и которыхъ мы не могли допустить, онъ былъ увѣренъ, что эрцгерцогъ, въ качествѣ великаго герцога, получилъ менѣе выгодъ, чѣмъ прусскій король. Впрочемъ, онъ не могъ не согласиться съ нами, что относительно Пруссіи и Имперіи пространство и населеніе Тосканы совершенно ничтожны; они могутъ имѣть значеніе только относительно Франціи въ томъ случаѣ, если бы война разразилась въ Италіи. Такъ, все, что Австрія получаетъ людьми и землями со стороны Баваріи, есть дѣйствительное увеличеніе, а не простой обмѣнъ; это соображеніе становится еще важнѣе, когда подумаешь, что въ одномъ Зальцбургѣ и—ръ можетъ набрать 25.000 сформированныхъ и обученныхъ стрѣлковъ, которые славятся не менѣе, если не болѣе, тирольскихъ. Что же касается земель, то Австрія пріобрѣтаетъ еще горы и ущелья, цѣну которыхъ она не можетъ не чувствовать.—Ничего подобнаго нѣтъ въ долѣ Пруссіи: король получаетъ равнину и крестьянъ; нигдѣ нѣтъ закрытыхъ границъ; нигдѣ нѣтъ сосредоточенія, смежности, близкой связи съ ядромъ государства, какъ это оказывается въ Австріи; несвязные куски земли, разсѣянное населеніе, непривыкшее къ оружію—вотъ ея надѣлъ. Въ силу вещей, ее нельзя было надѣлить такими же преимуществами, какъ Австрію: надобно было вознаградить ее по крайней мѣрѣ доходами. Судя по доказательнымъ документамъ Пруссіи,

de lui assurer à cet égard les mêmes avantages qu'à l'Autriche; il fallait du moins la couvrir du côté du revenu. D'après les titres justificatifs de la Prusse nous n'avons pu liquider ce revenu à moins de 1.201,000 flor., non compris le produit net des péages tant à la rive gauche du Rhin qu'à la droite (objet négligé dans les calculs qui guidaient m. de Morcoff, parce que leur suppression paraissait alors indécise) et qui s'élevait annuellement à 571,000 fl. Enfin les arrérages et intérêts de non jouissance pour 8 ans, écoulés depuis l'occupation de la rive gauche, porte le tout à 2.076,000 fl. de revenu annuel qu'il s'agissait de trouver. — A cet effet, nous guidant d'après les notions transmises par l'Autriche elle-même, qui donnent pour les possessions ecclésiastiques une règle moyenne de 3 à 4 fl. par tête pour la Basse-Allemagne et de 5 à 6 fl. pour la Haute, et présumant la population un peu plus forte qu'on ne la trouve communément dans les ouvrages de statistique, nous avons évalué le lot de la Prusse à 214 milles quarés de 15 au degré; nous avons admis environ 2,500 habitants par mille quaré, et sur le pied de 4 fl. par tête, nous avons trouvé les 2 millions de florins exigés par la liquidation. — Pour prouver qu'il n'est entré aucun excès de faveur dans ces évaluations, il suffit d'observer: — qu'à la vérification l'étendue n'excèdera certainement pas celle ci-dessus indiquée; —que la population présumée qui surpasse sensiblement cette portée dans

---

мы не могли высчитать этотъ доходъ менѣе, нежели въ 1.201.000 флор., не считая чистой прибыли таможенъ, какъ на лѣвомъ берегу Рейна, такъ и на правомъ (что было упущено въ разсчетахъ г. Моркова, потому что ихъ уничтоженіе тогда еще не было рѣшено), которая простиралась ежегодно до 571.000 флор. Наконецъ, недоимки и проценты, которыми не пользовались въ теченіе 8 лѣтъ, протекшихъ со времени занятія лѣваго берега, доводятъ сумму до 2.076.000 флор. ежегоднаго дохода, что и нужно было найти.— Поэтому, руководясь свѣдѣніями, сообщенными самою Австріей, которая даетъ для духовныхъ владѣній, въ среднемъ выводѣ, 3—4 флор. съ души въ Нижней Германіи и 5—6 въ Верхней, и предполагая, что населеніе нѣсколько больше, нежели обыкновенно указывается въ статистикѣ, мы оцѣнили надѣлъ Пруссіи въ 214 кв. миль (по 15 въ градусѣ); считая приблизительно 2.500 жителей на кв. милю и по 4 фл. съ души, мы находимъ 2 милл. флор., требуемыхъ ликвидаціей.—Чтобы доказать, что эта оцѣнка сдѣлана безъ всякаго пристрастія, достаточно сдѣлать слѣдующія замѣчанія. При провѣркѣ, пространство, конечно, не привыситъ указанной выше мѣры. Предполагаемое населеніе, значительно превосходящее цифру статистическихъ книгъ, будетъ вѣрно дѣйствительности лишь въ томъ случаѣ, если законы обыкновеннаго приращенія въ этомъ пунктѣ не были нарушены со времени переписи. При

les livres statistiques ne se trouvera conforme à la réalité qu'autant que les lois de la progression ordinaire en ce point n'auront pas été troublées depuis l'époque des dénombrements; — que le revenu public doit être compté net dans l'actif de l'indemnité, comme il l'a été dans le passif des pertes; c'est-à-dire, qu'on ne peut porter en ligne que le net des baillages, déduction faite de leurs frais particuliers, le revenu public ne se comprenant que des finances du prince et du fonds de dépense de l'administration générale; — qu'à cet égard on ne peut s'en rapporter à aucun ouvrage connu, les écrivains ne s'expliquant jamais assez clairement ni sur leurs bases, ni sur leur méthode, et, pour ne citer que deux exemples: l'évêché de Hildesheim, que les tables publiées récemment à Mannheim portent à 750,000 florins de revenu, les notes de l'Autriche ne l'estiment qu'à 450,000 fl., quoiqu'elle fût bien prévenue que la Prusse y portait ses vues et que par conséquent elle n'avait nul intérêt d'en rabaisser le produit, l'évêché de Paderborn, que les mêmes tables élèvent à 600,000 fl. de revenu, les tables de Hœck qui ont fourni la donnée au rédacteur des premières, en portant la totalité du revenu public à 597,800 fl., font assez sentir qu'il s'agit ici d'un revenu brut, lorsqu'il s'agit pourtant de compenser un revenu net. — Le pied commun de 4 fl. par tête est donc assez rigoureux, puisqu'il s'appuie sur les évaluations autrichiennes des évêchés de la Basse-Allemagne, où Paderborn est visiblement forcé. Comme nous croyons la population

---

счетѣ вознагражденій должно брать лишь чистый государственный доходъ точно также, какъ дѣлалось при счетѣ потерь, т. е. можно вносить только чистый доходъ округовъ, за вычетомъ ихъ частныхъ расходовъ, такъ какъ государственный доходъ составляется только изъ финансовъ государя и изъ расходныхъ фондовъ общаго управленія. Тутъ нельзя ссылаться ни на какое извѣстное сочиненіе, такъ какъ писатели не говорятъ достаточно ясно ни о своихъ основаніяхъ, ни о своемъ методѣ. Вотъ хоть два примѣра. Послѣднія таблицы, изданныя въ Мангеймѣ, исчисляютъ доходы епископства Гильдесгеймъ въ 750.000 флор., а австрійскія ноты въ 450.000, несмотря на то, что Австрія была уже предупреждена насчетъ видовъ Пруссіи на эту землю и слѣдовательно вовсе не имѣла интереса понижать ея доходность. Тѣ же таблицы подымаютъ доходы епископства Падерборнъ до 600.000 фл., а въ служившихъ имъ источникомъ таблицахъ Гёка весь государственный доходъ исчисленъ въ 597.800 фл.; тутъ очевидно имѣется въ виду валовой доходъ, тогда какъ нужно брать доходъ чистый.—Итакъ, круглый счетъ въ 4 фл. съ души довольно точенъ, такъ какъ онъ опирается на австрійскихъ выкладкахъ относительно епископствъ Нижней Германіи, въ которыхъ Падерборнъ явно преувеличенъ. Такъ какъ мы считаемъ населеніе болѣе густымъ, то вы увидите изъ при-

plus forte, vous verrez par le tableau ci-joint, que suivant l'Autriche les revenus ecclésiastiques de cette partie de l'Empire n'excèdent guère 4 fl. par tête, que suivant nous ils excèdent à peine $3^1/_2$; qu'ainsi il n'y a de notre part aucune faveur marquée pour la Prusse, puisque nous avons employé dans la computation de son indemnité le pied d'estimation le plus élevé. — A l'égard de la Toscane, comme je l'ai fait observer plus haut, suppression de la population, soldats aguerris, positions militaires, réunion à la masse de la monarchie, convenances politiques et administratives, tout est profit pour la maison d'Autriche. Car on ose d'autant moins insister sur la distinction qu'on cherchait à établir entre la monarchie et le grand-duc, que celui-ci, outre la réversibilité, se trouvera dans une dépendance presque totale de la première. — Il ne s'agissait donc que de faire obtenir à l'archiduc grand-duc le remplacement de ses revenus disponibles. — Le revenu brut de la Toscane au maximum est porté à 4.080,000 fl., mais le revenu net, d'après les mémoires justificatifs et les preuves produites à ce sujet, ne va qu'à 2.460,000 fl.; c'est aussi entre ce maximum et ce minimum que doit rouler la valeur du remplacement. — Le revenu de Berchtesgaden est consenti par l'Autriche à 200,000 fl. Quant à Salzbourg, cette principauté rend suivant Busching 3.200,000 fl., suivant Randel (Annalen der Staats-Kräfte etc. Berlin 1792, page 45), 4.000,000 fl.; suivant Schlœzer et les tables de Mannheim 2.340,000 fl.; Hœck, à la vérité,

---

лагаемой таблицы, что по австрійскимъ выкладкамъ церковные доходы въ этой части Имперіи не выше 4 фл. на душу, а по нашему—врядъ ли выше $3^1/_2$. Такимъ образомъ, съ нашей стороны нѣтъ никакого замѣтнаго пристрастія къ Пруссіи, ибо въ исчисленіи ея вознагражденія мы брали самую высокую оцѣнку.—Что касается Тосканы, то, какъ я замѣтилъ выше, низкое счисленіе народонаселенія, привычные къ войнѣ солдаты, военное положеніе, соединеніе съ землями монархіи, политическія и административныя удобства,—все это выгоды для австрійскаго дома. Кто же осмѣлится настаивать на разницѣ, которую старались выставить между монархіей и вел. герцогомъ, когда этотъ послѣдній, за исключеніемъ возвратныхъ правъ, окажется почти въ полной зависимости отъ первой?—Стало быть, дѣло было только въ томъ, чтобы доставить эрцгерцогу вел. герцогу замѣну находящихся въ его распоряженіи доходовъ.—Валовой доходъ Тосканы исчисляется maximum въ 4.080.000 фл., а чистый—не больше 2.460.000, согласно съ объяснительными записками и провѣрками; между этими maximum и minimum должна лежать цѣна замѣны.—Доходъ Берхтесгадена Австрія принимаетъ въ 200.000 фл. Зальцбургъ даетъ по Бюшингу 3.200.000 фл., по Ранделю (Annalen der Staats-Kräfte etc. Berlin, 1792, стр. 45)—4.000.000, по Шлёцеру и мангеймскимъ таблицамъ—2.340.000. Правда,

ne compte que 1 500,000 fl., mais il est apparent qu'il ne parle que des revenus du pays même et n'y a pas compris les seigneuries et les rentes dispercées en Autriche et en Bavière. La moyenne des données ci-dessus donne 2.760,000 fl. Passau, avec ses seigneuries et rentes considérables situées en Bavière et en Autriche, rend 600,000 fl., dont 220,000 fl. dans la principauté même; comme on en détache la ville et la partie bavaroise, nous réduisons la somme aux $^{2}/_{3}$, ce qui donne 400,000. Trente et Brixen doivent, sur le pied de 5 fl. par tête d'habitant, ce qui est le taux commun de la Haute-Allemagne, donner un revenu de près de 900,000 fl.; mais comme ces deux états immédiats de l'Empire sont en même temps membres des états provinciaux du Tirol et par conséquent soumis à tort ou à droit à la collecte de l'Autriche, on peut ne les considérer que comme faisant, avec les abbayés, chapitres et couvents médiats, avec les domaines réservés au grand-duc en Toscane et l'amélioration résultant du seul fait de la réunion des salines de Berchtesgaden et Salzbourg au domaine de l'Autriche, comme faisant, dis-je, le complément de l'indemnité du grand-duc. Il ne peut rester aucun doute à cet égard, puisque les trois objets seuls de Salzbourg, Passau et Berchtesgaden donnent 3.360,000 fl., qui excèdent déjà la moyenne proportionnelle entre le maximum et le minimum déterminés pour la perte de la Toscane: de sorte qu'on peut compter Trente, Brixen et le reste pour rien, si l'on s'en tient au produit net, comme pour

---

Гёкъ насчитываетъ только 1.500.000, но онъ очевидно говоритъ лишь о доходахъ самой страны, не включая сеньерій и рентъ, разбросанныхъ въ Австріи и Баваріи. Эти числа даютъ въ среднемъ выводѣ 2.760.000 фл. Пассау, съ его сеньеріями и значительными рентами въ Баваріи и Австріи, доставляетъ 600.000 фл., изъ нихъ 220.000 въ самомъ княжествѣ; такъ какъ отъ него отнимаются городъ и баварскій участокъ, то мы сокращаемъ сумму на $^{2}/_{3}$, что составитъ 400.000 фл. Принимая по 5 фл. на душу (обычное обложеніе въ Верхней Германіи), Тріентъ и Бриксенъ дадутъ ок. 900.000 фл. доходу. Но такъ какъ эти два непосредственно-имперскія государства входятъ также въ составъ тирольскихъ провинцій и потому, законно или нѣтъ подвергаются австрійскимъ сборамъ, то ихъ можно считать добавленіемъ къ вознагражденію вел. герцога, наравнѣ съ посредственно имперскими аббатствами, капитулами и монастырями, съ удѣлами вел. герцога въ Тосканѣ и съ выгодами, вытекающими уже изъ одного присоединенія къ Австріи соловаренъ Берхтесгадена и Зальцбурга. Тутъ не можетъ оставаться сомнѣнія: Зальцбургъ, Пассау и Берхтесгаденъ, они одни даютъ 3.360.000 фл., что уже превышаетъ средній выводъ изъ максимума и минимума, опредѣленнаго для потерь въ Тосканѣ; такъ что Тріентъ, Бриксенъ и все остальное идетъ, пожалуй, задаромъ, если держаться чистаго

la Prusse, ou pour supplément suffisant, si l'on veut tenir compte du produit brut. L'opinion universelle de toutes les personnes instruites et de bonne foi, même de celles qui ont un grand intérêt à la satisfaction de l'Autriche, conspire à faire envisager comme indemnité pleine et entière de la Toscane les seules principautés de Salzbourg et Berchtesgaden, eu égard surtout aux avantages militaires et au produit futur des salines réunies. — En y ajoutant les autres objets on a cherché à satisfaire l'extrême insistance de m. de Morcoff, qui trouvait une trop grande différence entre nos éléments et ceux, qui formaient la base de ses instructions. On a été plus loin sur ce dernier point, et pour lui donner une preuve manifeste, que nous sommes intimement convaincus de la plénitude des compensations respectives de la Prusse et de l'Autriche, et de l'équité du procédé que nous avons tenu envers tous les deux, nous sommes convenus ensemble de soumettre les modifications, que les plans de la Russie ont dû recevoir par une discussion plus approfondie, au jugement et à l'approbation ultérieure de l'E-r Alexandre.— En conséquence il ne sera fait, jusqu'à ce qu'il s'en soit expliqué, aucun usage de l'acte signé par m. de Morcoff et par moi. — Quelque pénible que ce nouveau délai soit au désir sincère et pressant de voir l'œuvre de la paix définitivement et complètement terminé, les scrupuleux égards, que le 1-r consul veut que l'on garde envers l'E-r de Russie, m'ont fait un devoir de complaire en ceci à m. de Morcoff, et

---

дохода, какъ въ разсчетахъ съ Пруссіей; или же это достаточная прибавка, если принимать въ разсчетъ валовой доходъ. Всеобщее мнѣніе всѣхъ свѣдущихъ и честныхъ людей и даже тѣхъ, которые очень заинтересованы въ удовлетвореніи Австріи, склоняется къ тому, что одни княжества Зальцбургъ и Берхтесгаденъ составляютъ полное вознагражденіе за Тоскану, въ особенности если имѣть въ виду военныя выгоды и будущіе доходы съ присоединенныхъ соловаренъ.—Прибавивъ сюда другія уступки, старались удовлетворить крайней настойчивости г. Моркова, который находилъ слишкомъ большую разницу между нашими началами и тѣми, которыя положены въ основу его инструкцій. Мы пошли еще дальше въ этомъ отношеніи: желая дать ему блестящее доказательство, что мы искренно убѣждены въ томъ, что Австрія и Пруссія получили полное вознагражденіе и что мы поступали справедливо относительно обѣихъ, мы оба условились представить измѣненія, произведенныя въ русскомъ планѣ, вслѣдствіе болѣе подробнаго обсужденія, на усмотрѣніе и одобреніе и—ра Александра.—Слѣдовательно, до его объясненія подписанный нами съ Морковымъ документъ останется безъ употребленія.— Какъ ни тяжела эта новая отсрочка для искренняго и сильнаго желанія заключить поскорѣе окончательный и полный миръ, но строгое почтеніе, кото-

je ne doute point que S. M. I., prenant en considération nos motifs et se rendant aux arguments ci-dessus exposés, que vous saurez faire valoir auprès de ses ministres, n'accorde à son plénipotentiaire la satisfaction, que la divergence de ses instructions d'avec les miennes lui fait désirer d'obtenir. — Sûr de l'assentiment moral de la majorité de l'Empire et des moyens diplomatiques qui sauront amortir les efforts de l'opposition, le 1-r consul se persuade, que le gouvernement russe ne voudra pas laisser échapper, par un refus d'approbation, l'occasion d'établir enfin et pour toujours un droit d'intervention directe dans les affaires de l'Empire et abandonner à la France seule la gloire de mettre fin aux anxiétés de l'Empire germanique et à la fâcheuse position de la plupart des états, qui ont des indemnités à réclamer. — Parmi ceux-ci il en est que nous rangeons parmi les amis de la Russie. La Bavière et le Wurtemberg sont, de l'aveu de m. de Morcoff, traités avec quelque faveur; le margrave de Bade surtout reçoit au-delà de ses sacrifices une plus-value très considérable; mais le 1-r consul a non seulement désiré faire en ceci quelque chose d'agréable à la Russie, à la Suède, à la Bavière, il a encore voulu signaler la bienveillance de la France envers un prince, qui, dans le moment le plus périlleux, a eu le bon esprit de ne pas désespérer de nos destinées, et qui ayant pour lui le vœu du gouvernement français et l'agrément de la Russie pour l'obtention du 9-me électorat, avait vraiment besoin d'un certain accroissement

---

рое 1-й консулъ хочетъ соблюдать относительно россійскаго и—ра, вмѣняетъ мнѣ въ обязанность угождать тутъ г. Моркову, и я не сомнѣваюсь, что е. и. в—во, принимая въ соображеніе наши побужденія, согласится съ вышеизложенными доводами, которые вы съумѣете поддержать передъ его министрами, и дастъ своему уполномоченному одобреніе, которое онъ желаетъ получить, вслѣдствіе разницы въ нашихъ инструкціяхъ.—Увѣренный въ нравственномъ сочувствіи большинства Имперіи и въ дипломатическихъ средствахъ, которыя съумѣютъ побороть усилія оппозиціи, 1-й консулъ убѣжденъ, что русское правительство не захочетъ, отказывая въ одобреніи, упустить случай установить наконецъ и навсегда право прямого вмѣшательства въ дѣла Имперіи и предоставить одной Франціи славу прекращенія замѣшательствъ въ Нѣмецкой имперіи и ложнаго положенія большинства государствъ, требующихъ вознагражденій.—Среди послѣднихъ есть такія, которыя ставятся нами въ разрядъ друзей Россіи. Къ Баваріи и Вюртембергу отнеслись благопріятно, по сознанію г. Моркова; въ особенности маркграфъ баденскій получаетъ весьма значительную наддачу сравнительно со своими потерями. Но 1-й консулъ не только желалъ тутъ угодить Россіи, Швеціи, Баваріи: онъ хотѣлъ еще выразить расположеніе Франціи къ принцу, который, въ самую опасную минуту, съумѣлъ сохранить вѣру въ нашу

pour pouvoir soutenir sa nouvelle dignité avec bienséance. — On s'est donc prêté de notre part à tout ce qui pouvait flatter les affections particulières de l'E-r Alexandre, en même temps qu'on songeait à pourvoir aux demandes légitimes de tous les princes et états. héréditaires de l'Empire et à maintenir l'équilibre entre l'Autriche et la Prusse, qui en sont les puissances prépondérantes. — M. de Morcoff insistait singulièrement sur la conservation d'un second électeur ecclésiastique; mais cette prétention était tout à fait inadmissible. Les trois archevêques n'étaient membres du collége électoral que par leur qualité d'archichanceliers: l'un de Germanie, l'autre d'Italie, le troisième des Gaules. Mais comme il n'y a plus pour l'Empire ni Gaule, ni Italie, les deux chancelleries titulaires sont devenues tout à fait caduques, et les républiques française et cisalpine ne sauraient plus reconnaître aucune espèce de lien ou de connexion avec l'état germanique. On ne pouvait donc conserver que le chancelier de la nation teutonique, qui seule aujourd'hui constitue le peuple allemand, et en lui laissant deux territoires immédiats, on a pourvu en outre à une dotation assez riche, pour que ce premier dignitaire de l'Empire pût vivre avec éclat et libéralité, sans être tenu à un état militaire.—A l'égard des villes impériales on a adopté d'autant plus facilement l'opinion dès longtemps établie de la futilité de leur état politique, que les tableaux présentés par l'Autriche même présumaient déjà comme convenue l'inféodation de ces paroisses, la plupart très insigni-

---

судьбу. А этотъ принцъ, получивши согласіе франц. правительства и Россіи на пріобрѣтеніе 9-го курфюршества, по-истинѣ нуждался въ извѣстномъ возвеличеніи, чтобы достойно поддержать свой новый санъ.—Итакъ, съ нашей стороны всячески старались польстить особымъ симпатіямъ и—ра Александра, а также удовлетворить законныя требованія всѣхъ князей и наслѣдственныхъ государствъ Имперіи и соблюсти равновѣсіе между Австріей и Пруссіей, этими главными въ ней державами.—Г. Морковъ особенно настаивалъ на сохраненіи второго духовнаго курфюрста; но это—совсѣмъ невозможное притязаніе. Трое архіепископовъ были членами коллегіи курфюрстовъ лишь въ силу своего званія эрцканцлеровъ Германіи, Италіи и Галлій. Но такъ какъ въ Имперіи нѣтъ больше ни Галліи, ни Италіи, то двѣ титулярныя канцеляріи совсѣмъ отжили свое время: французская и цизальпинская республики не станутъ признавать никакой связи съ нѣмецкимъ государствомъ. Стало быть, сохраняется лишь одинъ канцлеръ тевтонской націи, составляющей теперь нѣмецкій народъ; и, оставляя за нимъ двѣ имперско-непосредственныя земли, его снабдили еще довольно богатымъ надѣломъ, чтобы этотъ первый сановникъ Имперіи могъ жить съ блескомъ и щедростью, не содержа военнаго чина.—Что касается имперскихъ городовъ, то къ нимъ былъ приложенъ давно принятый

fiantes. Nous avons seulement excepté les 2 villes consacrées au séjour de la diète et de la chambre impériale, et les 6 grosses villes commerçantes, dont l'indépendance absolue intéresse tout le commerce de l'Europe en général sous les rapports mercantiles aussi bien que sous ceux du change et du mouvement de l'argent. — Une règle uniforme a été suivi pour les princes du second rang, chacun retrouvera à peu près ses pertes; et quant aux autres dispositions, elles n'ont pas même besoin de développement pour faire sentir ou la justice de leurs motifs, ou la réciprocité des avantages qu'elles établissent. Les $^3/_4$ de l'Allemagne font partie de ce grand arbitrage, toute l'Europe en est juge, tous les hommes sincères et éclairés sont les témoins et les appréciateurs. Comment le cabinet de St.-Pétersbourg demeurerait-il assez préoccupé de ses premiers desseins pour refuser son assentiment à des combinaisons, qui achèvent une pacification si longtemps désirée? Elles couvriront d'honneur et de reconnaissance deux gouvernements, dont la puissance et la considération suffisent pour les qualifier modérateurs dans une contestation si compliquée et qui n'ont plus à ajouter à leur réputation de magnanimité que le succès d'une transaction aussi généreuse.—Quoique le 1-r consul s'appuie avec confiance sur la pureté des principes qu'il a suivis dans cette affaire et sur la parfaite convenance des résultats, il reste néanmoins des passions à combattre, des préventions à détruire, des no-

---

взглядъ, и тѣмъ легче, что представленныя самою Австріей таблицы уже предполагали, какъ дѣло рѣшенное, пожалованіе этими приходами, по большей части незначительными. Мы сдѣлали исключеніе только для 2 городовъ, предназначенныхъ служить мѣстопребываніемъ сейма и имперскаго суда, да для 6 большихъ торговыхъ городовъ, въ полной независимости которыхъ заинтересована вся вообще торговля Европы, какъ въ отношеніи товарномъ, такъ и въ отношеніи денежнаго движенія и обмѣна.—Касательно князей второго разряда слѣдовали одинаковому правилу: каждый почти совсѣмъ возвратитъ свои потери. Объ остальныхъ же распоряженіяхъ нѣтъ нужды распространяться: такъ очевидны справедливость ихъ основаній и взаимность постановленныхъ ими выгодъ. $^3/_4$ Германіи затронуты этимъ великимъ рѣшеніемъ жребія; вся Европа его судья; всѣ честные и просвѣщенные люди его свидѣтели и цѣнители. Неужели же петерб. кабинетъ останется до того поглощеннымъ своими первыми намѣреніями, что откажетъ въ своемъ согласіи сдѣлкѣ, которая вѣнчаетъ столь давно желанное дѣло замиренія? Эта сдѣлка покроетъ честью и признательностью два правительства, сила и значеніе которыхъ уже даютъ имъ званіе примирителей въ столь сложной распрѣ: имъ нечего больше прибавить къ своей славѣ великодушныхъ, какъ успѣхъ столь благороднаго дѣла.—Хотя 1-й консулъ довѣрчиво опирается на чистоту правилъ, которымъ онъ слѣдо-

tions à rectifier. Votre zèle et votre activité vous fourniront tous les moyens de réussite. La copie du projet de note que je joins à la présente, avec les tableaux estimatifs pour les deux objets principaux qui aux yeux de m. de Morcoff présentaient le plus de difficultés, les faits et les raisonnements que j'ai indiqués rapidement ci-dessus, vous mettront au fait de la discussion et en mesure de résister à toutes les modifications, que les ministres, par un excessif intérêt pour l'Autriche, pourraient suggérer à l'E-r. Vous les arrêterez toujours par cette seule observation, que ni la France, ni la Prusse, ni la Bavière, ne pouvant admettre les pertes du grand-duc que pour 2.460.000 fl., et la Bavière s'offrant de prendre le lot destiné au grand-duc pour la même somme ou pour toute autre que la Russie pourrait arbitrer, le refus, que ferait l'E-r d'adopter purement et simplement le plan tel qu'il a été concerté entre m. de Morcoff et moi, forcerait nécessairement à d'autre combinaisons et surtout à chercher ailleurs qu'à Salzbourg l'indemnité rigoureuse de l'archiduc. Une déclaration aussi péremptoire termine toute ventilation des valeurs du Salzbourg et accessoires, et à quelque parti que l'on veuille s'arrêter, la bonne foi et l'impartialité de la France sont en parfaite évidence. — Cette option, qui ne laisse aucun subterfuge au parti autrichien, éclaircit tellement les débats, que m. de Morkoff n'a plus pu arguer de lésion l'arrangement proposé pour l'archiduc,

---

валъ въ этомъ дѣлѣ, и на полную примѣнимость результатовъ, однако нужно еще побороть страсти, разрушать предубѣжденія, исправить понятія. Въ вашей ревности и расторопности вы почерпнете всѣ средства успѣха. Прилагаемый списокъ проекта ноты, таблицы съ выкладками для двухъ главныхъ предметовъ, представлявшихъ наиболѣе затрудненій въ глазахъ г. Моркова, факты и разсужденія, бѣгло набросанные мною выше,—все это введетъ васъ въ сущность пререканій и поможетъ вамъ сопротивляться всякимъ измѣненіямъ, которыя министры могутъ внушать и—ру въ своей излишней заботливости объ Австріи. Останавливайте ихъ все однимъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: такъ какъ ни Франція, ни Пруссія, ни Баварія не могутъ исчислять потерь великаго герцога иначе, какъ въ 2.460.000 фл., и такъ какъ Баварія предлагаетъ взять его долю за эту цѣну или за всякую другую, какую назначитъ Россія, то отказъ и—ра принять, какъ есть, планъ, установленный г. Морковымъ и мною, неизбѣжно приведетъ къ другимъ сдѣлкамъ, въ особенности же заставитъ искать строгаго вознагражденія эрцгерцогу не въ Зальцбургѣ, а гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ. Такое рѣшительное заявленіе прекращаетъ всякую разцѣнку стоимости Зальцбурга и его принадлежностей; и къ чему бы ни пришли, честность и безпристрастіе Франціи будутъ вполнѣ очевидны.—Это рѣшеніе, не оставляющее мѣста увердкамъ со стороны Австріи, такъ освѣтило споры, что г. Мор-

ni du côté de la perte, puisqu'on la prend sur le même pied que les pertes de la Prusse, ni du côté du remplacement, puisque la Bavière l'accepte au même taux que l'Autriche. — L'article du traité de Lunéville, qui indique Salzbourg et Berchtesgaden comme objet principal de l'indemnité, ne saurait faire obstacle, puisqu'une telle stipulation suppose nécessairement, qu'on aura pu convenir des valeurs. — M. de Morcoff avait pensé que, pour conserver l'équilibre entre les deux monarchies, il convenait de se régler sur leurs forces respectives; mais cette maxime ne saurait trouver place ici. Seulement il faut faire retrouver aux deux princes, et très complètement, ce qu'ils ont perdu en revenu net et certain. Maintenir l'équilibre ne signifie ici que se servir de même poids et même mesure avec l'un comme avec l'autre. —L'E-r Alexandre sera sans doute personnellement satisfait des avantages qu'on procure aux princes alliés de sa maison, et d'un autre côté le gouvernement russe ne voudra pas par un refus formel ou par des délais prolongés laisser échapper de ses mains l'ascendant séculaire, qu'un aussi grand acte d'équité politique assurera à la France et qu'il dépend de la Russie de partager avec elle. — Vous devez surtout insister sur une prompte détermination; il ne faut pas qu'on pense gagner le temps nécessaire pour envoyer des courriers à Vienne. Si vous voyez que l'affaire est conduite à notre gré, vous vous arrangerez de façon avec les ministres russes

---

ковъ уже не могъ выставлять предложенную эрцгерцогу сдѣлку обидой, ни со стороны потерь, которыя принимались по одной оцѣнкѣ съ потерями Пруссіи, ни со стороны вознагражденія, которое Баварія принимаетъ въ той же цѣнѣ, какъ Австрія.—Статья люневильскаго договора, которая выставляетъ Зальцбургъ и Берхтесгаденъ главнымъ предметомъ вознагражденія, не можетъ служить препятствіемъ: такое условіе неизбѣжно предполагаетъ, что могли столковаться насчетъ оцѣнки.—Г. Морковъ полагалъ, что для соблюденія равновѣсія между двумя монархіями слѣдовало сообразоваться съ ихъ взаимными силами; но это правило здѣсь неумѣстно. Нужно только возвратить двумъ государямъ, и въ полной мѣрѣ, то, что̀ они потеряли въ чистомъ и точномъ доходѣ. Здѣсь соблюдать равновѣсіе значитъ только прилагать одну и ту же мѣрку къ обоимъ. — Конечно и—ръ Александръ лично будетъ доволенъ выгодами, которыя доставляются связаннымъ съ его домомъ князьямъ; съ другой стороны, русское правительство не захочетъ, путемъ формальнаго отказа или долгой отсрочки, упустить изъ своихъ рукъ вѣковое преобладаніе, которое доставитъ Франціи столь великій актъ политической справедливости, — преобладаніе, которое зависитъ отъ Россіи раздѣлить съ нами.—Особенно настаивайте на быстромъ рѣшеніи: пусть не надѣются выиграть время, чтобы послать курьеровъ въ Вѣну. Если увидите, что дѣло идетъ по нашему,

que mon courrier rapporte ici la réponse approbative de l'E-r à m. de Morcoff, et que le courrier russe porte directement la même approbation au chargé d'affaires de la Russie près la diète de Ratisbonne. Si, au contraire, vous jugez les difficultés insurmontables, renvoyez-moi le courrier, même avant l'expiration des 10 jours que ma convention avec m. de Morcoff laisse aux délibérations du cabinet, afin que nous avisions aux mesures convenables pour parler au nom de la France seule à la diète germanique. — *P. S.* M. de Cobenzl ne s'est pas du tout mêlé de cette affaire, l'Autriche avait un trop bon défenseur en m. de Morcoff pour qu'il fût besoin de venir à son secours. Celui-ci ne voulait pas moins que deux électeurs ecclésiastiques pour conserver, disait-il, à l'Autriche toute son influence en Allemagne. Il criait contre l'arrangement de la Bavière, parce que, disait-il, c'était la soustraire à l'ascendant de l'Autriche; il ne voulait pas admettre parmi les objets de compensation du grand-duc les évêchés de Trente et de Brixen, parce que, disait-il, c'étaient des provinces autrichiennes; il blâmait l'amélioration du sort du margrave et la satisfaction des autres princes de l'Empire, parce que, disait-il, c'était atténuer l'indépendance de l'Autriche.—C'était une chose curieuse de voir la France réduite à plaider contre le ministre russe la faveur des amis et des alliés de l'E-r Alexandre, et le ministre russe, qui devait concilier les intérêts de son pays avec les nôtres, n'ou-

---

устройте такъ съ русскими министрами, чтобы мой курьеръ привезъ сюда одобрительный отвѣтъ и—ра г. Моркову, а русскій—повезъ то же одобреніе прямо русскому повѣренному въ дѣлахъ при регенсбургскомъ сеймѣ. Если же препятствія покажутся вамъ непреодолимыми, пошлите ко мнѣ курьера, хотя бы даже не истекъ 10-дневный срокъ, предоставляемый моею конвенціей съ г. Морковымъ для обсужденій кабинета: тогда мы успѣли бы принять сподручныя мѣры, чтобы заговорить на нѣмецкомъ сеймѣ именемъ одной Франціи.— *P. S.* Г. Кобенцль вовсе не вмѣшивался въ это дѣло: у Австріи былъ слишкомъ хорошій защитникъ въ лицѣ г. Моркова, чтобы ей нуждаться въ помощи. Этотъ послѣдній желалъ ни больше, ни меньше, какъ двухъ духовныхъ курфюршествъ, чтобы сохранить, по его словамъ, за Австріей все ея вліяніе въ Германіи. Онъ кричалъ противъ баварской сдѣлки, которая, по его словамъ, освобождала эту страну отъ преобладанія Австріи. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы епископства Тріентъ и Бриксенъ вошли въ составъ вознагражденій великаго герцога: это-де австрійскія провинціи. Онъ осуждалъ улучшеніе участи маркграфа и удовлетвореніе другихъ имперскихъ князей, такъ какъ это, молъ, значило посягать на независимость Австріи. — Любопытное зрѣлище! Франція защищала друзей и союзниковъ и—ра Александра противъ русскаго министра; а русскій министръ, задача котораго — соглашать интересы своей

vrir la bouche que pour préconiser l'Autriche et repousser les avantages, que nous demandions pour nos amis communs.

Paris. 141, 138. Черновая.

№ 174.—Кочубей Моркову.

Мемель, 30 мая (11 іюня) 1802.

P. S. Перьвый консулъ здѣлалъ совершенную пасквинаду присылкою сюда курьера, который, прибывъ вчера въ Полангенъ, требовалъ вручить самому Государю письмо, имъ привезенное. Я ему въ томъ отказалъ, а послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и изъясненія, что онъ долженъ будетъ донести правительству о семъ, въ чемъ я его весьма и похвалилъ, вручилъ онъ мнѣ письмо сіе, доказывающее, что онъ только хотѣлъ бросить пыль въ глаза, въ чемъ и успѣть ему тѣмъ легче можно, что поѣздка наша сюда даетъ весьма сытую на всякія заключенія пищу. Изъ рѣчей курьера французскаго не могу имѣть сомнѣнія, чтобъ Бонапарте не имѣлъ свѣдѣнія о свиданіи И-ра съ королемъ прусскимъ.— Послѣдній сей ни слова не говорилъ еще И-ру о дѣлахъ, и таковое было предварительно здѣлано условіе; но вѣроятно безъ того не обойдется, ибо извѣщенъ я, что прибыло сюда три курьера отъ Гаугвица съ извѣщеніемъ о предложенномъ планѣ индемнизацій. Вещь въ немъ главнѣйше меня озабочивающая суть рекламаціи короля аглицкаго, который крайне стоитъ за Гильдесгеймъ; а вы конечно со мною согласиться изволите, что должно дворъ лондонскій менажировать. Хорошо было бы, естьлибъ можно было уговорить берлинскій дворъ на какой-либо замѣнъ съ курфюрстомъ ганноверскимъ.

Pétersbourg. Paris, 1802, 41. Подлинникъ.

страны съ нашими, открывалъ ротъ лишь для того, чтобы превозносить Австрію и отвергать выгоды, которыя мы требовали для нашихъ общихъ друзей.

№ 175.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Mémel, 30 mai (11 juin) 1802.

*) Citoyen premier consul. Votre lettre du 3 prairial m'a été rendue au moment où je passais la frontière pour avoir une entrevue avec s. m. le roi de Prusse. — Les divers objets qu'elle contient ont déjà été emplement débattus par mon ministre à Paris, et j'attendrai avec impatience qu'il m'apprenne les derniers résultats de ses conférences au sujet des affaires d'Allemagne. — Le comte de Morcoff a été mis à même, citoyen premier consul, de vous faire connaître ma façon de penser sur les stipulations du traité d'Amiens par rapport à l'île de Malte. — Mon commissaire à Corfou ne tardera pas à être informé des ordres que vous avez donnés au chargé d'affaires de France près la république des Sept-Iles-Unies, et je ne doute pas, que ce concert de vues entre nous ne produise un effet salutaire et ne contribue à ramener le bon ordre et à établir un état de choses, qui puisse en garantir la durée pour l'avenir. — Je prends une part bien sincère à vos succès à St. Domingue, ne doutant pas que les mesures sages, que vous aurez prises n'amènent sous peu les résultats les plus satisfaisants pour la France. — Recevez, citoyen premier consul, les assurances de ma considération très distinguée.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 7. Черновая.

Мемель, 30 мая (11 іюня) 1802.

*) Гражданинъ первый консулъ, Ваше письмо отъ 23 мая было передано мнѣ въ ту минуту, когда я переступалъ границу для свиданія съ е. в. прусскимъ королемъ.—Различные вопросы, которые въ немъ затронуты, уже были подвергнуты подробному обсужденію моимъ министромъ въ Парижѣ, и я съ нетерпѣніемъ жду отъ него извѣстій о послѣднихъ результатахъ его конференцій по дѣламъ Германіи.—Графъ Морковъ былъ въ состояніи изъяснить вамъ, гражданинъ первый консулъ, мой образъ мыслей объ условіяхъ амьенскаго договора, касающихся острова Мальты.—Мой коммисаръ въ Корфу будетъ немедленно извѣщенъ о приказаніяхъ, отданныхъ вами французскому повѣренному въ дѣлахъ при республикѣ Семи Соединенныхъ Острововъ; и я не сомнѣваюсь, что наше согласіе во взглядахъ произведетъ спасительное дѣйствіе и поможетъ возстановить спокойствіе и устроить такой порядокъ вещей, который обезпечитъ его въ будущемъ.—Я принимаю искреннее участіе въ вашихъ успѣхахъ въ С. Доминго и не сомнѣваюсь, что мудрыя мѣры, къ которымъ вы прибѣгнете, дадутъ Франціи въ скоромъ времени самые удовлетворительные результаты.—Примите, гражданинъ первый консулъ, увѣреніе въ моемъ отмѣнномъ уваженіи.

№ 176.—Куракинъ двору.

Pétersbourg, 13/25 juin 1802.

*) Le général Hédouville est venu aujourd'hui me communiquer et me lire dans leur entier toutes les dépêches, qu'un courrier français, arrivé hier avec une diligence peu ordinaire, puisqu'il n'a mis que 16 jours pour venir de Paris, lui a apportées de son gouvernement et, d'après le désir que je lui en ai témoigné, il m'en a envoyé ensuite les copies ci-jointes. Leur contenu, comme le désir soutenu du premier consul de plaire et de s'unir en tout à V. M. I., ne peuvent que lui être parfaitement agréables; mais je me permets de désirer en même temps, qu'ils puissent également remplir ses vues et ses intentions. Je vous supplie, Sire, de daigner me les faire connaître, s'il est possible avant votre retour, pour que je sois en état de les transmettre officiellement aussitôt à m. Hédouville, qui m'a demandé avec instance la réponse que je dois lui donner de la part de V. M., parce qu'elle est attendue avec la plus grande impatience par le premier consul, et qu'il a eu ordre de réexpédier son courrier dans 10 jours au plus tard. — L'arrangement provisoire pour les indemnités en Allemagne arrêté et signé par le comte de Morcoff et le ministre des relations extérieures, avec la réserve de

---

Петербургъ, 13/25 іюня 1802.

*) Генералъ Эдувиль явился сегодня сообщить и прочесть мнѣ цѣликомъ депеши, которыя привезъ ему французскій курьеръ отъ его правительства; причемъ послѣдній пріѣхалъ изъ Парижа съ необычайной быстротой,—всего въ 16 дней. По моему желанію, онъ прислалъ мнѣ потомъ копіи съ этихъ депешъ, которыя я здѣсь и прилагаю. Ихъ содержаніе, равно какъ и неизмѣнное желаніе перваго консула угождать вамъ и во всемъ дѣйствовать заодно съ в. и. в—вомъ, могутъ только быть вамъ вполнѣ пріятны: но я позволю себѣ высказать въ то же время желаніе, чтобы при этомъ они соотвѣтствовали вашимъ видамъ и вашимъ намѣреніямъ. Умоляю васъ, государь, соблаговолите сообщить мнѣ ихъ, если возможно, до вашего возвращенія, чтобы я могъ немедленно передать ихъ офиціально г. Эдувилю: онъ настоятельно требовалъ, чтобы я сообщилъ ему отвѣтъ в. в—ва, который ожидается съ величайшимъ нетерпѣніемъ первымъ консуломъ; ему приказано отправить обратно курьера не позже, какъ черезъ 10 дней.—Временное соглашеніе относительно вознагражденій въ Германіи, установленное и подписанное графомъ Морковымъ и министромъ внѣшнихъ сношеній, съ оговоркой насчетъ

l'approbation à y donner par V. M. I., me paraît ne lui présenter aucunes entraves; tous les droits et toutes les prétentions des princes lésés y sont ménagés; les dédommagements, qu'on leur y assure, non-seulement sont proportionnés à leurs pertes, mais les outrepassent en grande partie; tous doivent être contents des lots, qui leurs y sont destinés. V. M. a la satisfaction de voir, que la protection, qu'elle a accordée à l'électeur de Bavière, au margrave de Bade et au duc de Wurtemberg, a eu son plein effet, et que chacun d'eux doit obtenir plus qu'il ne devait espérer; ces princes ne peuvent qu'en désirer l'accomplissement; l'Autriche reçoit pour le grand-duc de Toscane tout ce qu'elle avait antérieurement demandé elle-même, et si elle peut se permettre encore des réclamations, c'est le seul sentiment de sa jalousie toujours malveillante et active contre la Prusse, qui peut les former; mais au scrutin de la justice et de l'impartialité elles doivent se dissiper et rester sans nul effet; le seul électeur ecclésiastique, nécessaire à l'Allemagne par sa charge de chancelier, lui est conservé; sa translocation de Mayence à Ratisbonne étant accompagnée d'un revenu annuel d'un million de florins, plus que suffisant pour lui procurer un entretien convenable à sa dignité, ne doit faire admettre aucune plainte de sa part. L'extinction des deux électeurs de Trèves et de Cologne, dont les pays conquis par la France lui ont été formellement cédés par le traité de

---

согласія со стороны в. и. в—ва, какъ мнѣ кажется, не представляетъ никакихъ препятствій для васъ. Здѣсь соблюдены всѣ права и требованія всѣхъ обиженныхъ князей; утверждаемыя за ними вознагражденія не только соразмѣрны ихъ потерямъ, но по большей части превосходятъ ихъ; всѣ должны быть довольны назначенными надѣлами. В. в—во усмотрите съ удовольствіемъ, что покровительство, оказанное вами курфюрсту баварскому, маркграфу баденскому и герцогу вюртембергскому возымѣло полное дѣйствіе: каждый изъ нихъ долженъ получить болѣе, нежели онъ могъ надѣяться; этимъ князьямъ остается только желать исполненія этого плана. Австрія получаетъ для великаго герцога тосканскаго все, чего она сама требовала раньше; и если она еще позволитъ себѣ высказывать неудовольствія, то это будетъ только изъ чувства зависти и недоброжелательства къ Пруссіи; но передъ судомъ справедливости и безпристрастія они должны разсѣяться и остаться безъ всякихъ послѣдствій. Изъ духовныхъ курфюрстовъ сохраненъ только одинъ, необходимый для Германіи по своей должности канцлера; его перемѣщеніе изъ Майнца въ Регенсбургъ не должно вызывать жалобъ съ его стороны, такъ какъ онъ получитъ милліонъ флориновъ ежегодно дохода, чего слишкомъ достаточно, чтобы доставить ему приличное его сану содержаніе. Уничтоженіе обоихъ курфюрстовъ, трирскаго и кельнскаго, земли которыхъ, завоеванныя Франціей,

Lunéville, n'exige aucune observation et ne peut intéresser que la seule cour de Vienne, qui en les perdant devra perdre aussi de cette influence prépondérante, dont elle avait joui jusqu'à présent dans le collége électoral; mais comme cette influence pesait souvent sur les autres membres du corps germanique, personne d'entre eux ne regrettera et ne se plaindra de lui voir poser de justes bornes; l'élévation à la dignité électorale de trois maisons souveraines les plus considérables de l'Allemagne par l'étendue de leurs territoires ne peut être contestée encore que par la seule cour de Vienne, parce qu'elles sont toutes les trois protestantes et que le nombre des électeurs protestants allant surpasser dans le collége électoral celui des électeurs catholiques, la balance y pencherait naturellement pour le parti des protestants et contre les propres intérêts de la maison du chef actuel de l'Empire; mais nous ne sommes plus aux temps du fanatisme et des controverses de la religion, et la paix de Westphalie n'a-t-elle pas déjà donné l'exemple de l'obligation, qu'il y a de céder à la force des circonstances en s'écartant de la lisière de l'habitude et de la règle d'anciennes institutions? Comme des trois princes désignés pour la dignité électorale deux n'y sont portés que par égard pour V. M. I. à cause de leur proche parenté avec elle, je crois que, si à cette occasion elle voulait faire connaître, qu'il lui serait agréable que l'illustre et ancienne maison ducale de Mecklembourg-Schverin obtînt

---

были формально уступлены ей люневильскимъ договоромъ, не заслуживаетъ никакого замѣчанія и можетъ интересовать только одинъ вѣнскій дворъ, который, теряя ихъ, долженъ потерять отчасти то преобладающее вліяніе, которымъ онъ пользовался до сихъ поръ въ избирательной коллегіи; но такъ какъ это вліяніе часто тяготѣло на другихъ членахъ германскаго корпуса, то никто не будетъ жалѣть о немъ и жаловаться, если оно будетъ поставлено въ извѣстныя границы. Возведеніе въ курфюршеское званіе трехъ державныхъ домовъ Германіи, самыхъ важныхъ по обширности ихъ владѣній, можетъ быть оспариваемо опять-таки однимъ вѣнскимъ дворомъ, потому что они всѣ протестантскіе: такъ какъ протестантскихъ курфюрстовъ будетъ больше нежели католическихъ въ избирательной коллегіи, то естественно, что протестантская партія будетъ преобладать въ ущербъ личнымъ интересамъ дома современнаго главы Имперіи. Но уже прошли времена фанатизма и религіозныхъ споровъ. И развѣ самъ вестфальскій миръ не подалъ примѣра тому, что нужно уступать силѣ обстоятельствъ и отступать отъ общепринятыхъ обычаевъ и правилъ древнихъ учрежденій? Такъ какъ изъ трехъ князей, которые должны получить курфюршеское достоинство, двое повышены лишь изъ уваженія къ в. и. в—ву, благодаря ихъ близкому родству съ вами, то я думаю, что если по этому случаю вы соблаговолите объявить, что вамъ пріятно было бы, чтобы знаме-

la même distinction, que ce désir de sa part n'éprouverait aucune contradiction. Le collége des princes est augmenté; les comtes immédiats de l'Empire sont conservés dans leurs possessions et dans toute leur intégrité; les plus riches et les plus commerçantes des villes libres impériales seront non-seulement conservées, mais reçoivent une existence nouvelle, qui assure encore davantage leur prospérité et leur indépendance; si le lot adjugé actuellement à la Prusse surpasse la valeur de ses pertes en étendue de terrain, en population et en revenu, il est à observer avec vérité que les pays, qui lui sont adjugés, ne sont pas tous contigus entre eux, ni avec ses anciens états, qu'ils ont tous des frontières ouvertes, difficiles et couteuses à défendre, et qu'ils ne lui offrent certainement pas tous les avantages, que la maison d'Autriche aura à retirer de la possession de Salzbourg et de Berchtesgaden, et que quand même le but de la France se remplirait par son désir de faire observer une parfaite égalité dans les indemnités à accorder à l'Autriche et à la Prusse, que l'une n'acquiert dans cette occasion pas plus que l'autre, la puissance intrinsèque de la monarchie autrichienne restera toujours de beaucoup supérieure à celle de la Prusse; par conséquent il me parait qu'il peut être fort indifférent à V. M. I., que les acquisitions de la Prusse vont être un peu plus considérables que celles qu'elle lui avait déjà proposées d'elle-même, et rien ne peut la conduire à redouter les

---

нитый и древній домъ герцоговъ мекленбургъ-шверинскихъ получилъ такое же отличіе, то ваше желаніе не встрѣтитъ препятствій. Коллегія князей увеличилась; имперскіе непосредственные графы удержали свои владѣнія во всей ихъ цѣлости. Самые богатые и торговые изъ вольныхъ имперскихъ городовъ не только будутъ сохранены, но начнутъ новое существованіе, которое еще болѣе упрочитъ ихъ благополучіе и ихъ независимость. Если надѣлъ, присужденный въ настоящее время Пруссіи, превосходитъ цѣну ея потерь количествомъ земель, народонаселенія и дохода, то справедливость требуетъ замѣтить, что изъ назначенныхъ ей странъ не всѣ соприкасаются между собою и съ ея старинными владѣніями: у нихъ вездѣ открытыя границы, которыя трудно и дорого защищать; и онѣ, конечно, далеко не представляютъ тѣхъ выгодъ, которыя можетъ извлечь австрійскій домъ изъ обладанія Зальцбургомъ и Берхтесгаденомъ. И еслибы даже цѣль Франціи достигалась ея желаніемъ соблюсти полное равенство въ присужденіи вознагражденій Австріи и Пруссіи, чтобы ни одна не получила больше другой, то все-таки внутреннее могущество австрійской монархіи всегда будетъ гораздо значительнѣе прусскаго. Слѣдовательно, мнѣ кажется, что в. и. в—во можете быть очень равнодушны къ тому, что пріобрѣтенія Пруссіи будутъ нѣсколько значительнѣе тѣхъ, которыя вы сами уже предложили ей; и вамъ нѣтъ ника-

suites de ce que les deux puissances, ses plus proches voisines, destinées à ne s'unir jamais et à exister toujours dans une rivalité perpétuelle, peuvent s'égaliser en forces et en moyens, d'autant plus que, devant être constamment recherchée par toutes les deux, elle pourra toujours choisir à son gré et d'après les circonstances et compter sur l'entier dévouement de l'une d'entre elles; et l'expérience du passé, la comparaison à faire entre les systèmes connus des cours de Vienne et de Berlin, la conviction à avoir que cette dernière désire l'alliance de la Russie, comme une égide pour elle et pour marcher sur ses traces et non pour la diriger ou vouloir primer sur elle, fixeront certainement la bienveillance et les déterminations de V. M. I. et parleront près d'elle en faveur de la Prusse, gouvernée maintenant par un monarque sage, dont elle peut apprécier à présent elle-même les vertus modestes et l'attachement personnel, qu'il a dû vouer aux siennes! — L'évêché d'Osnabruck, devant être sécularisé et réuni à perpétuité à l'électorat de Hanovre, offre au roi d'Angleterre une compensation très avantageuse pour ses anciennes prétentions de famille sur les évêchés de Hildesheim et de Corbie, et sans doute n'en sera pas méconnue. Toutes ces considérations présentent ce plan dans le jour le plus favorable; toutes les pertes y sont pesées et dédommagées, toutes les prétentions satisfaites, toutes les plaintes calmées, tous les intérêts ménagés pour le présent et

---

кого основанія опасаться послѣдствій того, что обѣ державы, ваши ближайшія сосѣдки, судьба которыхъ никогда не соединяться и вѣчно соперничать между собою, сравняются силами и средствами; къ тому же и та, и другая должны постоянно въ васъ заискивать, и вы можете всегда выбрать любую изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, и разсчитывать на ея полную преданность. А опытъ прошлаго и сравненіе извѣстныхъ системъ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго, убѣжденіе, что послѣдній ищетъ союза съ Россіей, какъ защиты, стремясь идти по ея слѣдамъ, а не управлять или повелѣвать ею, конечно, должны склонить расположеніе и рѣшенія в. и. в—ва въ пользу Пруссіи, тѣмъ болѣе, что ею правитъ теперь мудрый монархъ: вы сами можете оцѣнить его скромныя добродѣтели и личную привязанность его къ вамъ!—Оснабрюкское епископство, которое будетъ секуляризовано и присоединено навсегда къ Ганноверскому курфюршеству, представляетъ для англійскаго короля очень выгодное вознагражденіе за его старинныя фамильныя притязанія на епископства Гильдесгеймъ и Корвей; и, конечно, онъ это оцѣнитъ. Всѣ эти соображенія представляютъ этотъ планъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ: всѣ потери въ немъ взвѣшены и вознаграждены, всѣ притязанія удовлетворены, всѣ жалобы успокоены, всѣ интересы соблюдены въ настоящемъ и упрочены въ будущемъ. Онъ вызоветъ мало сопротивленія и много благо-

assurés pour l'avenir. Il rencontrera peu d'opposants et fera beaucoup de reconnaissants. Il est conforme à cet esprit de justice et de modération, qui guide V. M. I. dans toutes ses actions; il ne s'éloigne pas des vues et des désirs, qu'elle a déjà manifestés sur tous ces objets; j'ose donc le trouver digne de votre approbation, Sire; j'ose vous supplier de daigner l'accorder, en m'ordonnant de l'annoncer à l'envoyé de la république française à votre cour et en faisant ordonner au comte de Morcoff qu'il consomme ce grand travail, qui est si nécessaire pour conserver la paix générale, qui va former une nouvelle destinée pour l'Allemagne et être une source de nouvelles prospérités pour la plupart de ses souverains. — C'est-là, Sire, ce rôle d'arbitre et de médiateur, qui vous est maintenant adjugé, qui vous portera à celui de garant et à cette garantie, qui perpétuera celle dont la Russie est en possession par le traité de Teschen, qui établit son influence dans les affaires générales de l'Europe et la rend d'une manière légale protectrice de la constitution et des membres du corps germanique. — Votre gloire personnelle, Sire, y est intéressée, la gloire et le bien de votre empire en découleront! Par cette identité de vues avec la France, par ce concert nouveau que vous établirez avec elle, vous donnerez une nouvelle vigueur au désir, qu'elle a de vous complaire, et aux liens, qui l'unissent déjà à vous; et sûr d'elle et de son alliance, assuré de l'attachement et de la reconnaissance

---

дарности. Онъ соотвѣтствуетъ тому духу справедливости и умѣренности, который руководитъ в. и. в—вомъ во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ; онъ не отклоняется отъ намѣреній и желаній, уже выраженныхъ вами относительно всѣхъ этихъ предметовъ. Вотъ почему я осмѣливаюсь находить его достойнымъ вашего одобренія, государь. Смѣю умолять васъ соблаговолить одобрить его, приказавъ мнѣ возвѣстить это послу французской республики при вашемъ дворѣ и повелѣвъ графу Моркову, чтобы онъ окончилъ эту великую работу, столь необходимую для сохраненія общаго мира и открывающую новую жизнь для Германіи и новое процвѣтаніе для большинства ея государей.—Вотъ, государь, та роль распорядителя и посредника, которая вамъ теперь предназначена; она дѣлаетъ васъ поручителемъ и увѣковѣчиваетъ то поручительство, которымъ пользуется Россія съ Тешенскаго мира. установившаго ея вліяніе на дѣла Европы вообще и сдѣлавшаго ее законной покровительницей германской конституціи и членовъ Нѣмецкой имперіи.—Здѣсь замѣшана ваша личная слава, государь; отсюда вытекутъ слава и польза вашей имперіи! Этимъ совпаденіемъ во взглядахъ съ Франціей, этимъ новымъ согласіемъ, которое вы установите съ нею, вы придадите новую силу ея желанію вамъ понравиться и тѣмъ связямъ, которыя уже соединяютъ ее съ вами. И когда вы будете увѣрены въ ней и ея союзѣ, въ привязанности и благодарности Пруссіи и са-

de la Prusse et des princes les plus marquants de l'Allemagne, il ne vous restera qu'à vous livrer à votre sollicitude paternelle pour le bonheur de vos sujets, qu'à jouir en paix et sans inquiétude de la plénitude de votre gloire et de votre puissance, et qu'à les employer uniquement au maintien de la balance et de la paix générale de l'Europe!—Pardonnez-moi, Sire, l'effusion de mon zèle; j'ai osé vous entretenir si longtemps aujourd'hui, parce qu'il est question d'un évènement qui vous regarde directement, parce que je ne puis m'empêcher de former à chaque occasion les vœux les plus ardents pour vous et pour la gloire de votre règne. Personne ne peut en former de plus purs, de plus sincères que moi, car indépendamment de mes devoirs de sujet, j'en ai d'autres encore à remplir envers vous, bien chers à mon cœur, qui me sont sacrés et qui m'animeront jusqu'au dernier souffle de ma vie.

Pétersbourg. Ministère, 1802, 33. Подлинникъ.

№ 177.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 8 messidor an X.

*) ...Votre courrier Duclos est arrivé ici le 5 au soir avec vos dépêches du 17. Le 6 au matin j'ai remis au vice-chancelier copie de la note, que vous avez signée avec m. de Morcoff, contenant le projet d'in-

---

мыхъ значительныхъ нѣмецкихъ князей, тогда вамъ останется предаться вашимъ отеческимъ заботамъ о счастіи вашихъ подданныхъ, спокойно и беззаботно наслаждаться полнотой вашей славы и вашего могущества и употреблять ихъ единственно для поддержанія равновѣсія и всеобщаго мира въ Европѣ!—Простите, государь, избытокъ моей ревности. Я осмѣлился такъ долго бесѣдовать съ вами сегодня, потому что дѣло идетъ о событіи, которое васъ прямо касается, и я не могу не проникаться, при всякомъ случаѣ, самыми горячими пожеланіями относительно васъ и славы вашего царствованія. Ни у кого они не могутъ быть такъ чисты и искренни, какъ у меня: помимо моихъ обязанностей подданнаго, я связанъ еще другими, дорогими для моего сердца, обязательствами, которыя священны для меня и будутъ воодушевлять меня до послѣдняго издыханія.

Петербургъ, 15/27 іюня 1802.

*) ....Вашъ курьеръ Дюкло пріѣхалъ сюда 24 іюня вечеромъ съ вашими депешами отъ 6-го. 25-го утромъ, я передалъ вице-канцлеру копію съ ноты, которую вы подписали съ Морковымъ—проектъ вознагражденій—и просилъ

demnités, et l'ai engagé à la faire parvenir sans retard à l'Empereur, qui ne sera, dit-on, de retour ici que dans 8 ou 10 jours. J'ai joint à cette note un exposé des arguments, que votre lettre contient en faveur du projet, et les états qui prouvent l'impartialité qui l'a dicté, et je l'ai pressé de me faire connaître dans le moindre délai possible la détermination de l'Empereur. Le roi de Prusse et le margrave de Bade lui ont écrit directement pour accélérer son assentiment. La dépêche du vice-chancelier pour l'Empereur est partie hier matin. Il me paraît difficile que S. M. puisse faire parvenir sa réponse ici avant les 10 jours, qui vont suivre l'arrivée de Duclos; c'est un contre-temps inévitable. Le vice-chancelier, qui a été *charmé* de votre lettre, est parfaitement disposé pour nous; je lui ai communiqué confidentiellement les preuves d'attachement que le comte de Morcoff a données à l'Autriche dans vos conférences, et il est d'autant plus disposé à les présenter sous leur vrai jour, qu'il n'aime pas ce ministre; mais malheureusement son influence ne répond pas à l'importance de sa place, et cela est tellement marqué, que je ne pourrais rien pressentir des dispositions de l'Empereur avant son retour ici, si sa détermination ne le précède pas. J'ai d'ailleurs lieu d'espérer que S. M. sentira combien il importe à la paix de l'Europe, qu'il participe avec le premier consul à terminer enfin le grand œuvre des indemnités; elles sont tellement bien calculées pour le meil-

---

его доставить ее немедленно императору, который, говорятъ, вернется сюда только черезъ 8—10 дней. Я присоединилъ къ этой нотѣ изложеніе доказательствъ въ пользу проекта, заключающихся въ вашемъ письмѣ, а также счеты, доказывающіе безпристрастіе ея составителя. Я просилъ его сообщить мнѣ какъ можно скорѣе рѣшеніе императора. Прусскій король и маркграфъ баденскій писали ему прямо, прося поскорѣе одобрить. Депеша вице-канцлера императору отправлена вчера утромъ. Мнѣ кажется, врядъ ли получится здѣсь отвѣтъ императора раньше 10 дней послѣ пріѣзда Дюкло: это неизбѣжная помѣха. Вице-канцлеръ былъ *въ восторгѣ* отъ вашего письма: онъ вполнѣ расположенъ къ намъ. Я сообщилъ ему конфиденціально доказательства расположенія графа Моркова къ Австріи, которое обнаружилось на вашихъ конференціяхъ; онъ тѣмъ болѣе готовъ представить ихъ въ истинномъ свѣтѣ, что не любитъ этого министра; но, къ несчастью, его вліяніе не соотвѣтствуетъ важности его мѣста. Это такъ замѣтно, что я ничего не могу предвидѣть относительно намѣреній императора до его возвращенія сюда, если онъ не пришлетъ раньше своего рѣшенія. Впрочемъ, я имѣю основаніе надѣяться, что е. в—во пойметъ, какъ важно для европейскаго мира, чтобы онъ помогъ первому консулу окончить великое дѣло вознагражденій: они такъ хорошо разсчитаны на улучшеніе политической системы Европы,

leur système politique de l'Europe, que vous devez espérer que le projet aura son assentiment. — L'arrivée du capitaine Dumoustier avec des lettres du premier consul pour le roi de Prusse et l'Empereur dans le moment de leur entrevue à Mémel a produit le meilleur effet. Le vice-chancelier m'a dit que le roi de Prusse avait été tellement discret dans cette entrevue, qu'il s'était abstenu de parler d'intérêts politiques: il est difficile de le penser.

Paris. 141, 155. Подлинникъ.

№ 178.—Нота Моркова Талейрану.

Paris, 15/27 juin 1802.

*) Le soussigné, en transmettant ci-joint au citoyen ministre des relations extérieures les lettres de notification, adressées au premier consul par s. m. le roi de Sardaigne au sujet de son avènement au trône, remplit le devoir d'un ministre, dont le souverain n'a cessé de montrer l'intérêt le plus vif et le plus puissant au sort de cette auguste maison. — Par une suite du même devoir il joint ses instances à celles de m. de St. Marsan, muni de pleins pouvoirs les plus amples de son nouveau maître et qui demande à venir à Paris traiter et stipuler pour les intérêts de s. m. Sarde. - Le soussigné y est autorisé par les ordres

---

что вы должны надѣяться, что проектъ будетъ одобренъ.—Пріѣздъ капитана Дюмутье, съ письмами отъ перваго консула къ прусскому королю и къ императору во время ихъ свиданія въ Мемелѣ, произвелъ самое лучшее дѣйствіе. Вице-канцлеръ говорилъ мнѣ, что прусскій король былъ такъ сдержанъ при этомъ свиданіи, что воздержался говорить о политическихъ интересахъ; но этому трудно повѣрить.

Парижъ, 15/27 іюня 1802.

*) Передавая гражданину министру внѣшнихъ сношеній извѣстительныя письма къ первому консулу отъ его в—ва короля Сардиніи по поводу его восшествія на престолъ, нижеподписавшійся исполняетъ долгъ министра, государь котораго не переставалъ выражать самое живое и горячее участіе къ судьбѣ этого августѣйшаго дома.—Въ силу того же долга, онъ присоединяетъ свои просьбы къ просьбамъ г. С. Марсана, снабженнаго самыми обширными полномочіями отъ своего новаго государя: онъ просится въ Парижъ, чтобы переговорить и условиться относительно интересовъ е. в—ва сардинскаго короля.—Нижеподписавшійся дѣйствуетъ на основаніи постоянно возобновляемыхъ

constamment réitérés de sa cour aussi bien que par les intentions généreuses et équitables, que le premier consul a bien voulu lui manifester tout récemment, de réparer les pertes et les malheurs qu'a éprouvés la maison de Savoie par la longue privation de son antique patrimoine. Il croit la circonstance personnelle au roi de Sardaigne, réunie à celle de la pacification générale, où la France par les soins et la sagesse de son chef serait parvenue, entièrement favorable à l'accomplissement de ces intentions et à celui des engagements qu'il avait pris à ce sujet avec l'Empereur, auquel il ne saurait donner une preuve plus convaincante et plus agréable de la réciprocité de son désir de maintenir et de cultiver les rapports heureux de bonne intelligence et de parfaite harmonie, qui subsistent depuis quelque temps entre les deux états, qu'en effectuant, dans le plus court délai possible, le rétablissement du roi de Sardaigne dans un état convenable à son rang et proportionné à celui, dont il se voit déchu par le malheur des circonstances.

Paris. 140, 191. Подлинникъ.

№ 179.—Нота Эдувиля императорскому министерству.

Pétersbourg, 16/28 juin 1802.

*) Pour lever les objections contre le projet d'indemnités concerté et signé à Paris par le ministre des relations extérieures et m. le comte

---

приказаній своего двора; а недавно первый консулъ высказалъ ему также благородное и справедливое намѣреніе вознаградить потери и несчастія, понесенныя савойскимъ домомъ, вслѣдствіе долгаго лишенія своей древней отчины. Онъ считаетъ личныя обстоятельства сардинскаго короля, въ связи со всеобщимъ замиреніемъ, котораго достигла Франція, благодаря заботамъ и мудрости своего главы, вполнѣ благопріятными для исполненія этихъ намѣреній и тѣхъ обязательствъ, которыя онъ принялъ на себя передъ императоромъ. Первый консулъ не можетъ дать послѣднему болѣе убѣдительнаго и пріятнаго доказательства взаимности своего желанія поддерживать и сохранять счастливыя отношенія полнаго согласія и дружбы, которыя установились съ нѣкоторыхъ поръ между двумя государствами, какъ возстановленіе въ самомъ скоромъ времени сардинскаго короля въ положеніи, приличномъ его сану и соразмѣрномъ тому, котораго онъ лишился, вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ.

Петербургъ, 16/28 іюня 1802.

*) Въ отвѣтъ на возраженія противъ проекта вознагражденій, выработаннаго и подписаннаго министромъ внѣшнихъ сношеній и графомъ Морко-

de Morcoff, le général Hédouville, ministre plénipotentiare de la république française, est autorisé à faire observer au ministère impérial, que ni la France, ni la Prusse, ni la Bavière ne pouvant admettre les pertes du grand-duc au-delà de 2.400,000 florins, et la Bavière s'offrant de prendre le lot destiné au grand-duc pour la même somme ou pour toute autre que la Russie pourrait arbitrer, le refus que ferait S. M. l'Empereur d'adopter purement et simplement le plan tel qu'il a été concerté à Paris forcerait nécessairement à d'autres combinaisons et surtout à chercher ailleurs qu'à Salzbourg l'indemnité rigoureuse du grand-duc.

Paris. 141, 173. Списокъ.

№ 180.—Докладъ Куракина императору.

21 juin (3 juillet) 1802.

*) J'ai eu ce matin chez moi les envoyés de Bavière et de Hanovre. — Le baron de Posch, très impatient, d'après les ordres qu'il a reçu de l'électeur son maître, d'obtenir la sanction de V. M. I. de l'arrangement provisoire signé à Paris par le comte de Morcoff pour les indemnités, n'était venu que pour s'informer, si votre volonté, Sire, sur ce grand objet s'était déjà manifestée, et si vous aviez jugé à propos

---

вымъ, генералъ Эдувиль, полномочный министръ французской республики, уполномоченъ замѣтить императорскому министерству, что ни Франція, ни Пруссія, ни Баварія не могутъ допустить, чтобы потери великаго герцога превышали 2.400.000 флориновъ; и такъ какъ Баварія готова принять надѣлъ, предназначенный великому герцогу въ ту же сумму или какую бы то ни было другую, опредѣленную Россіей, то отказъ е. и. в—ва принять прямо и вполнѣ планъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ условленъ въ Парижѣ, по-неволѣ заставитъ искать другихъ сдѣлокъ, и въ особенности строгаго вознагражденія герцога, помимо Зальцбурга.

21 іюня (3 іюля) 1802.

*) Сегодня утромъ у меня были послы Баваріи и Ганновера.—Баронъ Пошъ, сгорая нетерпѣніемъ, въ силу полученныхъ имъ отъ его государя, курфюрста, приказаній, получить отъ в. и. в—ва утвержденіе временнаго соглашенія о вознагражденіяхъ, подписаннаго въ Парижѣ графомъ Морковымъ, пришелъ только освѣдомиться, изъявили ли вы вашу волю, государь, по поводу этого великаго дѣла и не сочли ли вы нужнымъ прислать мнѣ

de m'envoyer à son égard vos ordres? Je lui ai dit que je n'en avais encore reçu aucun et que je ne m'y étais pas même attendu, vu que la rapidité du voyage de V. M. et le nombre d'occupations, auquel il donnait lieu, ne lui permettaient guères de s'occuper à présent de ces affaires qui exigeaient une mure délibération, et qu'il me paraissait probable que ce ne serait qu'à son retour, quand elle aurait pu faire un nouvel examen de tous les mémoires, que les différentes cours d'Allemagne lui avaient envoyées sur leurs prétentions, qu'elle pourrait se décider pour l'acceptation de cet arrangement dans son entier, ou pour les observations, que peut-être elle jugerait nécessaires sur quelques unes de ses parties. Il me répéta, que la bienveillance et la protection de V. M. I. formaient le seul espoir et l'unique soutient de l'électeur; il accumula preuves sur preuves, pour me persuader de ce qui se trouvait déjà profondément gravé dans mon propre cœur, que c'était le moment le plus favorable pour conserver à la Russie cette considération et cette influence, dont les règnes brillants de vos prédécesseurs, Sire, l'avaient mise en possession; que l'évènement, dont il s'agissait, également important par sa nature et ses suites, intéressait directement V. M. par la gloire personnelle, qu'elle aurait d'y participer et de le conduire à sa fin, en en acceptant maintenant l'arbitrage et la médiation et en lui accordant après sa garantie, auxquelles elle est invitée par la France

---

соотвѣтственныя приказанія? Я сказалъ ему, что еще не получилъ ничего и что даже не ждалъ ничего, въ виду быстроты путешествія в. и. в—ва и множества занятій, вызванныхъ имъ, которыя не позволяютъ вамъ заняться теперь этими дѣлами, требующими зрѣлаго размышленія. Я сказалъ, что мнѣ кажется вѣроятнымъ, что лишь по возвращеніи, когда вы вновь разсмотрите всѣ записки, присланныя вамъ различными дворами Германіи объ ихъ желаніяхъ, вы можете рѣшить, примите ли вы это соглашеніе вполнѣ, или сочтете нужнымъ сдѣлать замѣчанія насчетъ нѣкоторыхъ его частей. Онъ повторилъ мнѣ, что расположеніе и покровительство в. и. в—ва составляютъ единственную надежду и опору курфюрста. Онъ приводилъ кучу доказательствъ, чтобы убѣдить меня въ томъ, что уже и безъ того глубоко запечатлѣлось въ моемъ собственномъ сердцѣ, — именно, что это самый удобный моментъ сохранить за Россіей то значеніе и то вліяніе, которое пріобрѣли ей, государь, блестящія царствованія вашихъ предшественниковъ; что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, одинаково важное по своему существу и по своимъ послѣдствіямъ, затрогиваетъ прямо в. в—во личной славой участвовать въ немъ и довести его до конца, если вы примите его теперь подъ ваше руководство и посредничество, а затѣмъ подъ ваше покровительство, къ чему васъ приглашаетъ Францiя и призываютъ единодушныя желанія всѣхъ нѣ-

et appellée par les vœux unanimes de tous les princes d'Allemagne. J'ose vous l'avouer, Sire, en l'écoutant je me suis livré à la plus agréable des jouissances. Tout ce qu'il m'a dit, il ne semblait me le dire, qu'en devinant et voulant partager ma conviction intérieure. Que je serai heureux, Sire, si cette conviction, que me donne mon zèle pour votre personne et votre service, peut aussi rencontrer la vôtre, si vous ne dédaignerez pas les représentations, qu'il m'a dictées et que j'ai pris la liberté de vous adresser! Vous voir respecter dans toute l'Europe, autant que vous êtes chéri par tous vos sujets, voir en vous le protecteur de l'Allemagne et l'ange de la paix pour l'univers, est tout ce que je désire; et votre volonté, un seul mot de votre part peuvent vous y faire parvenir, consommer votre gloire et fonder la prospérité et les destinées futures de tant de souverains, dont la confiance et les espérances sont dirigées vers vous!..

Pétersbourg. Ministère, 1802, 39. Подлинникъ.

№ 181.—Морковъ Кочубею.

Paris, 21 juin (3 juillet) 1802.

*) Le fameux prince de Nassau-Siegen, ce grand vainqueur des ottomans et des suédois, maintenant courtier et facteur diplomatique de Talleyrand, est accourru chez moi deux jours après l'arrivée de mon

---

мецкихъ князей. Осмѣливаюсь признаться, государь, что, слушая его, я предался самой искренней радости. Мнѣ казалось, что онъ говоритъ это, угадывая и раздѣляя мое внутреннее убѣжденіе. Какъ я буду счастливъ, государь, если мое убѣжденіе, вызванное моимъ рвеніемъ къ вашей особѣ и вашей службѣ, встрѣтится съ вашимъ, если вы не пренебрежете внушенными имъ доводами, которые я осмѣлился вамъ изложить! Видѣть васъ уважаемымъ всею Европой настолько же, насколько васъ любятъ ваши подданные; видѣть въ васъ покровителя Германіи и ангела мира вселенной—вотъ все, чего я желаю. Стоитъ вамъ пожелать — и достаточно будетъ одного вашего слова, чтобы завершить вашу славу и упрочить благополучіе и будущую судьбу стольких государей, которые взираютъ на васъ съ довѣріемъ и надеждой!

Парижъ, 21 іюня (3 іюля) 1802.

*) Знаменитый принцъ нассау-зигенскій, этотъ великій побѣдитель оттомановъ и шведовъ, нынѣ дипломатическій маклеръ и факторъ Талейрана, прибѣжалъ ко мнѣ. черезъ два дня послѣ пріѣзда моего курьера, чтобы освѣ-

dernier courrier pour s'informer, si je n'avais pas reçu les médailles, qui avaient été annoncées à son commettant. J'ai répondu, que mon courrier a été expédié fort à la hate et que d'ailleurs il fallait du temps pour rassembler une collection aussi considérable et qu'apparemment celui, qui s'est écoulé depuis l'annonce, n'a pas été suffisant. Je sais que le prince de Nassau est venu chez moi par ordre de m. de Talleyrand, et vous voyez par là que ce grand ministre, qui règle les destinées de l'Europe, ne néglige pas les petits profits. La conviction que j'en ai m'a fait naître l'idée de le tenter par quelque offre considérable pour avancer les intérêts du roi de Sardaigne. J'ai communiqué cette idée au sieur Mussa, qui l'a transmise au marquis de St. Marsan. Celui-ci en a rendu compte au roi et reçu pleine autorisation. J'en ai parlé au baron de Normann, envoyé du duc de Wurtemberg, qui a déjà négocié dans ce genre pour le duc, son maître. Mais il m'a fait une observation assez judicieuse à cet égard, c'est-à-dire, que cette affaire est exclusivement dans la main de Bonaparte. Mais comme celui-ci n'est pas non plus inaccessible à ce genre d'appat, il a voulu sonder là-dessus un nommé Bourienne, secrétaire affidé de Bonaparte. J'ai fortement recommandé au baron de Normann de ne point prononcer mon nom dans cette négociation, ni de laisser seulement soupçonner que j'en fus instruit, mais de faire entendre, que cette proposition venait de Mussa Peut-

---

домиться, не получилъ ли я медалей, которыя были обѣщаны его довѣрителю. Я отвѣчалъ, что моего курьера отправили второпяхъ и что, кромѣ того, нужно время, чтобы собрать такую обширную коллекцію и что, вѣроятно, того срока, который прошелъ со времени обѣщанія, было недостаточно. Я знаю, что принцъ нассаускій пришелъ ко мнѣ по приказанію г. Талейрана: отсюда вы усмотрите, что этотъ великій министръ, управляющій судьбами Европы, не пренебрегаетъ маленькими выгодами. Это убѣжденіе подало мнѣ мысль приманить его какимъ-нибудь значительнымъ подаркомъ въ пользу интересовъ сардинскаго короля. Я сообщилъ эту идею г. Муссѣ, который передалъ ее маркизу С. Марсану. Этотъ послѣдній донесъ объ этомъ королю и получилъ полное разрѣшеніе. Я говорилъ объ этомъ съ посломъ герцога вюртембергскаго, барономъ Норманомъ, который уже велъ подобные переговоры въ пользу герцога, своего государя. Но онъ высказалъ мнѣ по этому поводу весьма дѣльное замѣчаніе, именно, что это дѣло находится исключительно въ рукахъ Бонапарта. Но такъ какъ послѣдній тоже доступенъ этого рода приманкамъ, то онъ хотѣлъ попытать насчетъ этого нѣкоего Бурьена, довѣреннаго секретаря Бонапарта. Я строго наказывалъ барону Норману не поминать моего имени при этихъ переговорахъ и даже не показывать вида, что я знаю о нихъ; но сказать, что это предложеніе идетъ отъ Муссы. Можетъ

être cette démarche ne se fera-t-elle pas du tout; car de sa nature elle est très délicate et le baron de Normann assez prudent pour ne rien hasarder qu'à bonnes enseignes.

Pétersbourg. Paris, 1802, 196. Подлинникъ.

№ 182.—Морковъ двору.

Paris, 22 juin (4 juillet) 1802.

*) Dans un de mes précédents rapports, j'ai rendu compte à V. M. I. de l'intention de ce gouvernement de faire auprès d'elle, à l'instigation de la cour de Londres, une démarche commune pour l'inviter à donner sa garantie aux stipulations du traité d'Amiens concernant l'île de Malte. Ayant reçu immédiatement après, à la suite du rescrit qu'il a plu à V. M. I. de m'adresser en date du 16 mai dernier, la copie de la note que le baron de Nicolay devait remettre au cabinet de St. James sur le même objet, j'ai cru devoir entretenir sur son contenu le ministre des relations extérieures, en lui rappelant à cette occasion les assurances que le premier consul m'avait souvent réitérées de déférer entièrement dans cette occasion aux désirs et aux intentions de V. M. I. M. de Talleyrand n'a pas balancé à me renouveler les mêmes assurances; mais comme je lui ai observé qu'elles ne s'accor-

---

быть это дѣло и не состоится вовсе, потому что оно по существу своему очень щекотливо, а баронъ Норманъ довольно благоразуменъ и возьмется за дѣло лишь при благопріятныхъ условіяхъ.

Парижъ, 22 іюня (4 іюля) 1802.

*) Въ одномъ изъ моихъ прежнихъ донесеній я отдалъ отчетъ в. и. в—ву о намѣреніи здѣшняго правительства обратиться къ вамъ, по наущенію лондонскаго двора, съ общей просьбой гарантировать тѣ статьи Амьенскаго договора, которыя касаются острова Мальты. Получивъ тотчасъ же послѣ этого, при рескриптѣ, который в. и. в—ву угодно было прислать мнѣ отъ 16 мая, копію съ ноты, которую баронъ Николаи долженъ былъ представить с.-джемскому кабинету о томъ же предметѣ, я счелъ долгомъ поговорить объ ея содержаніи съ министромъ внѣшнихъ сношеній. По этому поводу я напомнилъ ему увѣренія, которыя мнѣ часто повторялъ первый консулъ, уступить въ данномъ случаѣ совершенно желаніямъ и намѣреніямъ в. и. в—ва. Г. Талейранъ не задумался повторить мнѣ тѣ же увѣренія; но когда я замѣтилъ ему, что они не согласны съ объявленнымъ мнѣ планомъ просить,

daient point avec le projet, qu'il m'avait annoncé de demander à V. M. de garantir ce qu'elle avait déclaré être absolument opposé à ses vœux et à ses intentions, il m'a répondu qu'en cela il ne faisait que céder aux importunités de l'Angleterre, qui se montrait extrêmement pressée de voir établir dans l'île de Malte l'ordre de choses assigné par le traité d'Amiens; que cependant il ne s'en suivrait pas, que le premier consul ne fût toujours déterminé à faire à cet égard tout ce qui pourrait être le plus agréable à V. M. I.—Il m'a tant de fois tenu ce langage même pendant le cours des négociations d'Amiens qui amenèrent un résultat tout-à-fait contraire, que je me suis cru autorisé à lui montrer quelques doutes sur l'accomplissement de ce qu'il me promettait. Il n'en fut point blessé; mais se rejeta encore sur l'Angleterre, pour imputer à elle seule tout ce qu'il en était arrivé, continuant à m'assurer que le premier consul s'occuperait à y remédier, mais qu'il fallait prendre patience. En attendant, le choix seul qu'on a fait ici du général Vial, homme famé par un esprit d'intrigue et une abnégation totale de toute moralité, pour l'envoyer comme ministre à Malte, suffit pour indiquer des projets de dominer dans cette île ou même de se l'approprier. L'Angleterre nourrit peut-être aussi la première de ces intentions; mais elle reconnaîtra en cette occasion comme dans tant d'autres la supériorité de sa rivale en fait de manége et d'intrigues.—

чтобы в. и. в—во гарантировали то, что́ вы объявили совершенно противнымъ вашимъ желаніямъ и намѣреніямъ, онъ отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ уступаетъ только докучливости Англіи, которая чрезвычайно торопится устроить на островѣ Мальтѣ порядокъ вещей, признанный Амьенскимъ договоромъ. Но, по его словамъ, тѣмъ не менѣе изъ этого не слѣдуетъ, что первый консулъ не расположенъ попрежнему сдѣлать въ данномъ случаѣ все, что́ могло бы быть пріятно в. и. в—ву.—Онъ такъ часто твердилъ мнѣ это даже въ теченіе амьенскихъ переговоровъ, приведшихъ къ совершенно противоположному результату, что я счелъ себя въ правѣ высказать ему нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ исполненія его обѣщаній. Онъ этимъ не обидѣлся, но накинулся опять на Англію, чтобы свалить на нее одну все происшедшее. Онъ продолжалъ увѣрять меня, что первый консулъ постарается поправить дѣло, но что нужно имѣть терпѣніе. А между тѣмъ, уже одно избраніе генерала Віаля, человѣка, вполнѣ безнравственнаго и пользующагося славой интригана, для отправки министромъ на Мальту, свидѣтельствуетъ достаточно о предположеніяхъ властвовать на этомъ островѣ или даже присвоить его. Англія, можетъ быть, тоже питаетъ первое изъ этихъ намѣреній. Но въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, ей придется признать превосходство своей соперницы въ дѣлѣ уловокъ и интригъ.—Испанскій посланникъ, бесѣдуя со мною о положеніи, въ которое

L'ambassadeur d'Espagne en s'entretenant avec moi de la situation, où cette île était réduite par le traité d'Amiens, convenait de l'impossibilité de cette manière d'exister et pensait qu'elle finirait par être cédée au roi de Naples en toute souveraineté, ce qui ne la mettrait pas moins dans la dépendance absolue de la France à la première guerre, qu'elle aurait avec l'Angleterre.—M. de Talleyrand m'a chargé au nom du premier consul d'annoncer à V. M. I. qu'il avait fait adresser au sieur de Romieu, chargé des affaires de France à Corfou, des ordres de se concerter en tout avec le comte de Mocenigo et de ne se refuser à aucunes des démarches, qu'il exigerait de lui en vue d'établir dans les îles Ioniennes tel ordre de choses qu'il plairait à V. M. d'y introduire. J'ai prié m. de Talleyrand d'assurer le premier consul de la satisfaction, avec laquelle elle apprendrait cette marque d'attention qu'il lui donnait; mais en même temps j'ai écrit au comte de Mocenigo et après l'avoir instruit de cette circonstance, je l'ai averti d'être sur ses gardes dans ses rapports avec l'agent français. Tous les miens avec la double députation de Corfou se bornent jusqu'à présent à ce que j'en ai mandé dans mes dépêches précédentes à m. le comte de Kotschubey. J'ignore si cette députation a quelque activité ici; je ne rencontre nulle part aucun de ses membres, ni n'entends parler d'eux. Mais j'ai tout lieu de croire, que Bonaparte s'occupe trop fortement de ces îles Ioniennes

---

поставленъ этотъ островъ амьенскимъ трактатомъ, сознавалъ невозможность подобнаго существованія и думалъ, что дѣло кончится уступкою его въ полное владѣніе неаполитанскому королю, что не помѣшаетъ ему попасть въ полную зависимость отъ Франціи, при первой войнѣ послѣдней съ Англіей.—Г. Талейранъ поручилъ мнѣ отъ имени перваго консула объявить в. и. в—ву, что онъ послалъ приказаніе г. Ромье, французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Корфу, соглашаться во всемъ съ графомъ де-Моцениго и не отказываться ни отъ какихъ поступковъ, которыхъ онъ потребовалъ бы отъ него, чтобы устроить на Іонійскихъ островахъ такой порядокъ вещей, какой пожелаетъ тамъ ввести в. и. в—во. Я просилъ г. Талейрана увѣрить перваго консула, что этотъ знакъ вниманія будетъ принятъ в. в—вомъ съ удовольствіемъ; но въ то же время я написалъ графу Моцениго, увѣдомляя его объ этомъ обстоятельствѣ и предупреждая быть осторожнымъ въ сношеніяхъ съ французскимъ агентомъ. Всѣ мои сношенія съ двойной депутаціей изъ Корфу ограничиваются до сихъ поръ тѣмъ, о чемъ я извѣщалъ въ своихъ прежнихъ депешахъ къ графу Кочубею. Не знаю, дѣлаетъ ли что-нибудь здѣсь эта депутація: не встрѣчаю нигдѣ никого изъ ея членовъ, и ничего не слышу о нихъ. Но я имѣю полное основаніе думать, что Бонапартъ слишкомъ много занимается этими Іонійскими островами, чтобы не имѣть какой-нибудь задней

pour ne pas avoir quelques arrières pensées. Il ne cesse de parler de la nécessité de réformer leur gouvernement ou de les donner à quelque puissance, comme incapables de se maintenir par elles-mêmes, et il ne serait pas impossible qu'il finît par s'en emparer lui-même à la première occasion favorable. Il est vrai qu'il cherche à réintroduire dans l'intérieur de la France les anciennes formes monarchiques pour y affermir sa domination; mais pour l'étendre dehors il ne néglige pas de fomenter ailleurs les troubles et les révolutions. C'est le jeu, qu'il joue à présent en Suisse, et il est probable qu'au premier jour il deviendra la pensée de cette république, comme il l'est devenu de celle d'Italie. On annonce pour le 14 juillet de grands changements dans la constitution de la France; mais je doute qu'ils aient lieu; car on m'a assuré qu'il avait ajourné pour un temps bien plus reculé ceux dont il s'était occupé, savoir, de l'établissement de deux chambres à l'instar de celles qui composent le parlement d'Angleterre. Les gens les plus instruits croient que ce jour du 14 ne sera signalé que par la proclamation de son consulat à vie. - Ce n'est point du tout dans un accès d'humeur ou d'emportement, mais dans une conversation calme et tranquille à laquelle fut admis en tiers le marquis de Gallo, que Bonaparte a tenu à l'ambassadeur d'Autriche les propos qui ont été rapportés à V. M. I., et celui-ci, loin de s'en plaindre, semblait les approu-

мысли. Онъ не перестаетъ говорить о необходимости преобразовать ихъ правленіе или отдать ихъ какой-нибудь державѣ, такъ какъ они неспособны управляться сами собой; и возможно, что онъ кончитъ тѣмъ, что при первомъ удобномъ случаѣ самъ завладѣетъ ими. Правда, онъ старается ввести внутри Франціи прежнія монархическія формы, чтобы упрочить свое господство; но чтобы распространить его дальше, онъ не пренебрегаетъ возбужденіемъ смутъ и революцій въ другихъ мѣстахъ. Въ эту игру онъ играетъ теперь въ Швейцаріи; и возможно, что въ одинъ прекрасный день онъ сдѣлается мечтою этой республики, какъ онъ сдѣлался мечтою Италіи. 14 іюля ожидаютъ большихъ перемѣнъ въ конституціи Франціи; но я сомнѣваюсь, чтобы онѣ осуществились: меня увѣряли, что онъ отложилъ на очень далекое время и тѣ, которыми занимался, а именно, устройство двухъ палатъ на подобіе англійскаго парламента. Наиболѣе свѣдущіе люди думаютъ, что день 14 іюля будетъ ознаменованъ лишь провозглашеніемъ его пожизненнымъ консуломъ.—То, что было передано в. и. в—ву, Бонапартъ говорилъ австрійскому посланнику не въ запальчивости или гнѣвѣ, но въ спокойной и тихой бесѣдѣ, въ которой третьимъ лицомъ былъ маркизъ де-Галло; а этотъ посланникъ, вмѣсто того, чтобы жаловаться, какъ бы одабривалъ эти рѣчи, чтобы еще больше удостовѣрить, что если бы онъ остался на мѣстѣ, то поступалъ бы гораздо благоразумнѣе

ver pour faire d'autant mieux croire que s'il avait été conservé en place, il en aurait agi bien plus sagement que ses successeurs. Au reste Bonaparte, quoique violent et impétueux, sait se contenir quand il le faut, et rien ne prouve mieux sa prudence et ses égards pour V. M. I. que la conduite qu'il tint vis-à-vis de moi lors de cette indigne tracasserie, que ses agents m'ont suscitée. Quoique vivement aigri, il ne se permit aucun mot, ni aucun signe qui put me choquer, et ma tenue vis-à-vis de lui n'a souffert aucune altération. Elle a été et sera toujours celle d'une vrai mesure de ce que je dois à la place, qu'il occupe, et à celle qu'un grand souverain daigne me confier.

Pétersbourg. Paris, 1802, 98. Подлинникъ.

№ 183.—Морковъ Кочубею.

Paris, 22 juin (4 juillet) 1802.

*) (Secrète). Ayant reçu la dépêche que v. exc. m'a fait l'honneur de m'adresser au sujet du sort, que l'Empereur destinait à m. le comte de Lille, j'ai fait part de son contenu à l'ambassadeur d'Espagne, qui m'a dit qu'il en ferait son rapport à sa cour. J'en ai également entretenu m. de Talleyrand, mais discursivement. J'ai rendu compte à v. e. dans une lettre chiffrée du langage que ce ministre m'a tenu à

своихъ преемниковъ. Впрочемъ, Бонапартъ, при всей своей вспыльчивости и необузданности, умѣетъ сдерживаться, когда нужно; и ничто не доказываетъ лучше его осторожности и вниманія къ в. и. в—ву, какъ его поведеніе со мною во время этой недостойной передряги, которую причинили мнѣ его агенты. Хотя онъ былъ очень раздраженъ, но не позволилъ себѣ ни одного слова, ни движенія, которыя могли бы меня оскорбить; и мои отношенія съ нимъ нисколько не измѣнились. Они всегда выражали и будутъ выражать мѣру того уваженія, которое я долженъ оказывать занимаемому имъ посту, а также тому, который соблаговолилъ ввѣрить мнѣ великій государь.

Парижъ, 22 іюня (4 іюля) 1802.

*) (Тайная) Я получилъ депешу, которой вы, в. с—во, удостоили меня по поводу участи графа Лильскаго, предназначенной ему императоромъ, и сообщилъ ея содержаніе испанскому посланнику. Онъ сказалъ, что донесетъ объ этомъ своему двору. Я говорилъ объ этомъ также съ г. Талейраномъ, но лишь въ видѣ разсужденія. Я отдалъ отчетъ в. с—ву въ шифрованномъ письмѣ о томъ, что̀ говорилъ г. Талейранъ по этому поводу; но я выкинулъ нѣкоторыя

ce sujet; mais j'en ai supprimé quelques détails en les réservant à une occasion sûre comme celle-ci. J'ai voulu pressentir m. de Talleyrand, si le premier consul avait quelque propension à accorder en général des secours pécuniaires à cette infortunée famille. Il me répondit, que le premier consul n'en était pas éloigné et qu'il n'attendait peut-être pour cela que le rassemblement de cette famille dans un endroit éloigné de France et qu'il se proposait même de faire des démarches auprès du gouvernement anglais pour faire sortir des pays de sa domination ce qui y restait encore de la maison de Bourbon, savoir le comte d'Artois, les trois fils du dernier duc d'Orléans et le prince de Condé. Faisant semblant d'exciter des doutes, que la délicatesse de Louis XVIII et celle de son frère et de ses neveux leur permît d'accepter des secours de la France, il me dit de me tranquilliser là-dessus; qu'on les avait déjà pressentis à cet égard par Rome et par Naples et qu'ils ne se sont nullement montrés difficiles. Mais peut-être, lui ai-je dit, attacherez vous à la prestation de ces secours quelques conditions humiliantes et préjudiciables pour eux, comme par exemple une renonciation formelle à leurs titres et à leurs droits. Il resta quelque temps à penser et puis me répliqua: „les actes de renonciation ne sont point valides selon les loix de l'ancienne monarchie; mais ce qui les rendra tels, c'est l'avilissement des individus qui sera complet de cette manière". C'est donc à ce motif, que ces princes devront quelques secours passa-

---

подробности, ожидая болѣе надежнаго случая, который теперь представился. Я хотѣлъ вывѣдать у г. Талейрана, намѣренъ ли первый консулъ вообще оказать денежную помощь этому несчастному семейству. Онъ отвѣчалъ, что первый консулъ не прочь отъ этого, что онъ, можетъ быть, только ждетъ, чтобы эта семья собралась гдѣ-нибудь подальше отъ Франціи и что онъ даже собирался обратиться къ англійскому правительству съ просьбой выслать изъ его владѣній послѣднихъ членовъ Бурбонскаго дома, а именно графа д'Артуа, трехъ сыновей послѣдняго герцога Орлеанскаго и принца Конде. Когда я сдѣлалъ видъ, что сомнѣваюсь, позволитъ ли щекотливость Людовика XVIII, его брата и его племянниковъ принять имъ помощь отъ Франціи, онъ сказалъ, чтобъ я объ этомъ не безпокоился: у нихъ-де уже вывѣдывали объ этомъ черезъ Римъ и Неаполь, и они нисколько не противились. Но, сказалъ я ему, можетъ быть, вы присоедините къ приношенію этой помощи какія-нибудь унизительныя, предосудительныя для нихъ условія, какъ напр., формальный отказъ отъ ихъ правъ. Онъ задумался на минуту, потомъ возразилъ: „акты отреченія недѣйствительны по законамъ старой монархіи; этой цѣли скорѣе можно достигнуть посредствомъ униженія этихъ лицъ, которое при этомъ будетъ полное". Вотъ какому побужденію эти принцы будутъ обя-

gers que le premier consul leur accordera et qu'il fera cesser au moment, où il s'apercevra qu'il a suffisamment rempli son objet!

Pétersbourg. Paris, 1802, 199. Подлинникъ.

№ 184.—Морковъ двору.

Paris, 26 juin (8 juillet) 1802.

*) ...Hier m'étant rencontré dans une société avec le marquis de Lucchesini, il m'aborda pour m'entretenir de quelques détails de l'entrevue de V. M. I. avec le roi de Prusse, et par une transition assez peu naturelle il m'a notifié, que vendredi dernier le 20 juin (2 juillet) il avait échangé avec le gouvernement français les ratifications d'un traité de cession et d'indemnités, telles qu'elles m'avaient été communiquées dans le plan proposé en dernier lieu par ce gouvernement-là; qu'au reste les stipulations de ce traité, qui allait incessamment être porté à la connaissance de V. M. I., n'embrassaient que la seule partie des intérêts prussiens, laissant ceux des autres princes d'Allemagne aux délibérations de l'Empire. Sur l'étonnement que je lui ai témoigné d'une transaction aussi brusque, aussi peu analogue à la nature même des objets, sur lesquels on y a statué, qu'à ces rapports d'intimité et d'amitié personnelle qui subsistaient entre V. M. I. et le roi et dont

---

заны нѣкоторою временной помощью, которую разрѣшитъ имъ первый консулъ и которую онъ прекратитъ въ ту минуту, когда увидитъ, что достаточно выполнилъ свои намѣренія!

Парижъ, 26 іюня (8 іюля) 1802.

*) ....Вчера я встрѣтилъ въ одномъ обществѣ маркиза Люкезини, который, обратившись ко мнѣ, сообщилъ нѣкоторыя подробности свиданія в. и. в—ва съ прусскимъ королемъ и потомъ, безъ особенно естественнаго перехода, объявилъ мнѣ, что въ прошедшую пятницу, 20 іюня (2 іюля), онъ обмѣнялся съ французскимъ правительствомъ ратификаціями договора объ уступкахъ и вознагражденіяхъ въ томъ видѣ, какъ они были мнѣ сообщены въ послѣднемъ планѣ, предложенномъ здѣшнимъ правительствомъ. Онъ прибавилъ, впрочемъ, что условія этого договора, которыя должны быть немедленно доведены до свѣдѣнія в. и. в—ва, касаются только прусскихъ интересовъ, а интересы прочихъ нѣмецкихъ князей оставлены на обсужденіе Нѣмецкой имперіи. Когда я выразилъ удивленіе по поводу такой неожиданной сдѣлки, противорѣчащей самому смыслу вещей, на которыхъ она основана,

il venait lui-même de faire un tableau si énergique, il me répondit que dans l'entrevue de Mémel tous les plans de sa cour avaient été soumis à V. M. et avaient reçu son agrément, et qu'en tranchant toutes les difficultés par le moyen d'un traité avec la France, on a cru tirer V. M. de l'embarras qu'elle aurait éprouvé en se voyant placée entre les réclamations des envieux de la Prusse et sa propension pour ses intérêts. Comme il crut lire sur mon visage que je n'étais pas pénétré de la suffisance de ce motif, il crut devoir le renforcer par une récrimination tout-à-fait injuste, en m'alléguant que j'avais bien traité de leurs intérêts sans lui en rien communiquer. Il ne m'avait pas été difficile de lui faire sentir la différence qu'il y avait entre traiter des intérêts et en décider; que s'il était bien instruit de tout ce qui s'était passé entre le ministre des relations extérieures et moi, il ne devait pas ignorer qu'il n'avait été question que d'un plan à concerter entre la Russie et la France et de bases de propositions à faire aux principales parties intéressées; que sa cour devait connaître toute la délicatesse des procédés que V. M. I. avait porté dans cette discussion, et qu'enfin je lui en aurais bien dit davantage sur ce sujet, si la chose était à faire, mais que, puisqu'elle était faite, il ne me restait plus qu'à en faire mon rapport à V. M. I.—J'ai cependant dit en riant à m. de Lucchesini que, comme j'avais renvoyé un courrier dimanche dernier,

---

равно какъ и личнымъ близкимъ и дружескимъ отношеніямъ в. и. в-ва къ прусскому королю, которыя онъ мнѣ только-что расписалъ такими яркими красками, онъ отвѣчалъ, что при свиданіи въ Мемелѣ, в. в—ву были представлены всѣ планы его двора и получили ваше одобреніе, и что, уничтожая всѣ препятствія посредствомъ договора съ Франціей, думали вывести в. в—во изъ затрудненія, въ которое вы были бы поставлены, съ одной стороны, требованіями завистниковъ Пруссіи, съ другой—вашею склонностью къ ея интересамъ. Но, прочитавъ на моемъ лицѣ, что я не убѣжденъ этими доводами, онъ счелъ нужнымъ подкрѣпить ихъ совершенно несправедливой жалобой, будто я переговаривался объ ихъ интересахъ совершенно безъ его вѣдома. Мнѣ не трудно было объяснить ему разницу между обсужденіемъ интересовъ и ихъ рѣшеніемъ. Я сказалъ ему, что если онъ такъ хорошо зналъ, о чемъ я говорилъ съ министромъ внѣшнихъ сношеній, то ему должно быть извѣстно, что дѣло шло только о планѣ, относительно котораго должны были условиться Россія и Франція, и объ основахъ предложеній, которыя должны быть сдѣланы главнымъ заинтересованнымъ сторонамъ. Я сказалъ ему, что его дворъ долженъ знать, какъ деликатно поступали вы, в. и. в—во, во время этихъ переговоровъ, и что наконецъ я сказалъ бы ему гораздо больше объ этомъ, еслибы дѣло надо было рѣшать, но такъ какъ оно уже рѣшено, то мнѣ

il m'aurait, en me faisant cette communication deux ou trois jours plutôt, épargné les fraix d'un second courrier. Il s'en excusa sur ce qu'il ne m'avait pas rencontré; mais il ne disait pas vrai, çar le jour même dè l'échange des ratifications j'ai soupé chez sa femme et l'y ai vu...

Pétersbourg. Paris, 1802, 99. Подлинникъ.

№ 185.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 27 messidor an X.

*) Le vice-chancelier prince Kourakin m'a engagé à vous faire passer la réponse ci-jointe à la lettre, que je lui ai remise de votre part; vous verrez combien il en a été flatté. Il se montre véritablement ami de la France en toutes occasions, et je ne puis assez me louer de tout ce qu'il a fait pour faire adopter par l'Empereur le projet d'indemnités; il m'a avoué qu'il avait éprouvé de grandes oppositions dans le conseil et m'a assuré que c'était l'Empereur, qui avait fait triompher son avis. Il m'a conseillé d'aller à la prochaine parade pour remercier S. M. I. de sa détermination, et je n'y manquerai sûrement pas.—Je sais par m. de Laval, chambellan de l'Empereur, français qui a fait ici un grand mariage, que le vice-chancelier est singu-

---

остается только донести объ этомъ в. и. в—ву.—Я, впрочемъ, сказалъ, смѣясь, г-ну Люкезини, что, такъ какъ я отправилъ курьера въ прошлое воскресенье, то онъ избавилъ бы меня отъ расхода на второго курьера, еслибы сдѣлалъ мнѣ свое сообщеніе двумя или тремя днями раньше. Онъ оправдывался тѣмъ, что не встрѣчалъ меня, но это неправда: въ самый день обмѣна ратификацій я ужиналъ у его жены и видѣлъ его тамъ...

Петербургъ, 4/16 іюля 1802.

*) Вице-канцлеръ, князь Куракинъ, поручилъ мнѣ передать вамъ отвѣтъ на письмо ваше къ нему, который я здѣсь и прилагаю. Вы увидите, какъ онъ былъ польщенъ имъ. Онъ дѣйствительно оказывается другомъ Франціи во всѣхъ обстоятельствахъ, и я не нахвалюсь, какъ много онъ сдѣлалъ, чтобы заставить императора принять проектъ вознагражденій. Онъ признался мнѣ, что встрѣтилъ большія противорѣчія въ совѣтѣ, и увѣрялъ, что только благодаря императору, его мнѣніе восторжествовало. Онъ совѣтовалъ мнѣ отправиться на ближайшій парадъ, чтобы поблагодарить е. и. в—во за его рѣшеніе. и я не премину это сдѣлать.—Я знаю черезъ г. Лаваля, камергера императора, француза, женившагося здѣсь на важной особѣ, что вице-канц-

lièrement flatté du présent que lui destine le premier consul, et que ce qu'on pourrait lui donner de plus agréable est un service en argent, parce qu'il a des diamants à satiété. Persuadé que le vice-chancelier a quelque part dans cette confidence, je vous engage, s'il en est encore temps, à faire déterminer le présent suivant son désir; il y serait d'autant plus sensible, que je ne lui laisserais pas ignorer, qu'il vous devrait cette satisfaction. — Le chef de brigade Caullaincourt, qui sera bientôt à Paris, vous dira combien il est essentiel que nous nous fassions des amis dans le cabinet impérial, qui est singulièrement autrichien et anglais.

Paris. 141, 165. Подлинникъ.

№ 186.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 27 messidor an X.

*) J'ai eu l'honneur de vous rendre compte le 8 de ce mois des démarches que j'avais faites, aussitôt l'arrivée de Duclos, auprès du vice-chancelier pour qu'il fasse parvenir le plus promptement possible à l'Empereur Alexandre votre note contenant le projet d'indemnités. Je n'ai point fait partir cette première lettre par la poste dans l'espoir que l'Empereur se déterminerait assez promptement, pour que Duclos

---

леръ чрезвычайно польщенъ подаркомъ, который предназначаетъ ему первый консулъ, и что пріятнѣе всего ему будетъ серебряный столовый приборъ, такъ какъ у него алмазовъ вдоволь. Убѣжденный въ томъ, что вице-канцлеру не безызвѣстно это сообщеніе, прошу васъ, если еще не поздно, заказать подарокъ по его желанію; это было бы ему тѣмъ пріятнѣе, что я не скрылъ бы, что онъ обязанъ вамъ этимъ удовольствіемъ.—Начальникъ бригады, Коленкуръ, который вскорѣ пріѣдетъ въ Парижъ, скажетъ вамъ, какъ намъ необходимо пріобрѣсть друзей въ императорскомъ кабинетѣ, который замѣчательно привержен къ Австріи и Англіи.

Петербургъ, 4/16 іюля 1802.

*) Я имѣлъ честь отдать вамъ отчетъ 15/27 іюня о попыткахъ, которыя я сдѣлалъ тотчасъ по пріѣздѣ Дюкло, чтобы побудить вице-канцлера какъ можно скорѣе доставить императору Александру вашу ноту, содержащую проектъ вознагражденій. Я не отправилъ этого перваго письма по почтѣ въ надеждѣ, что императоръ не особенно задержитъ свое рѣшеніе, и я успѣю отправить къ вамъ Дюкло до возвращенія сюда е. и. в—ва, которое совершилось

puisse vous être réexpédié avant le retour ici de S. M. I., qui a eu lieu le lundi 16. — Le lendemain j'ai eu une audience de m. le vice-chancelier, dans laquelle je lui ai exposé l'urgence de la décision de l'Empereur, en lui faisant pressentir que si S. M. I. n'adoptait pas purement et simplement le projet d'indemnités, on serait forcé de chercher ailleurs qu'à Salzbourg l'indemnité rigoureuse du grand-duc. Le vice-chancelier m'a paru persuadé qu'il ne fallait avoir aucun égard aux représentations de la cour de Vienne; mais il m'a fait entendre que si le ministère impérial n'avait rien à objecter quant aux indemnités principales, il aurait quelques observations à faire sur les indemnités secondaires; il m'a engagé à aller chez le comte Kotschoubey, qui s'occupait plus directement que lui de cette importante affaire. — Le courrier de m. de Morcoff arrivé à la frontière russe en même temps que Duclos avait été joindre directement l'Empereur dans les environs de Vilna. J'ai su par l'ambassadeur de Suède et le ministre de Bavière que le comte de Morcoff avait renouvelé à l'Empereur, toujours avec ténacité, toutes les objections dont il vous a obsédé dans vos conférences, et j'avais lieu de présumer que le comte de Kotschoubey était dans son sens; il avait même dit au ministre de Bavière, que quoique l'Empereur fût reconnaissant de la bienveillance dont le premier consul a donné de si fortes preuves au margrave de Bade et au duc de Wur-

---

въ понедѣльникъ 23 іюня (5 іюля).—На другой день я былъ на аудіенціи у г. вице-канцлера и объяснилъ ему крайнюю нужду въ рѣшеніи императора, давъ ему понять, что если е. и. в—во не приметъ прямо и вполнѣ проектъ вознагражденій, придется искать, помимо Зальцбурга, строгаго вознагражденія великому герцогу. Мнѣ показалось, что вице-канцлеръ убѣдился въ томъ, что не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на представленія вѣнскаго двора; но онъ замѣтилъ мнѣ, что если императорское министерство не сдѣлаетъ никакихъ возраженій по поводу главныхъ вознагражденій, то оно можетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу второстепенныхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ сходить къ гр. Кочубею, который ближе него стоитъ къ этому важному дѣлу.—Курьеръ г. Моркова, пріѣхавшій на русскую границу въ одно время съ Дюкло, отправился прямо за императоромъ въ окрестности Вильны. Я узналъ отъ шведскаго посланника и баварскаго министра, что графъ Морковъ возобновилъ передъ императоромъ, съ прежнимъ упорствомъ, всѣ возраженія, которыми онъ осаждалъ васъ на вашихъ конференціяхъ. Я имѣлъ основаніе предполагать, что графъ Кочубей раздѣляетъ его взглядъ: онъ даже сказалъ баварскому министру, что, хотя императоръ благодаренъ первому консулу за такія сильныя доказательства его расположенія къ маркграфу баденскому и герцогу вюртембергскому, тѣмъ не менѣе

temberg, l'intérêt que S. M. I prenait à ces deux princes n'influerait pas sur sa manière d'envisager le projet d'indemnités. — Le 18 j'ai vu le comte de Kotschubey; prévenu contre lui, je fus surpris de l'assurance qu'il me donna, qu'il pensait aussi qu'il ne fallait pas s'arrêter aux réclamations de l'Autriche et que l'Empereur Alexandre ne ferait aucune objection sur les indemnités du roi de Prusse, de la Bavière et du grand-duc, mais que la multiplicité des princes, qui ont part aux indemnités, l'obligeait à étudier leurs droits qui jusque-là avaient été inconnus aux ministère impérial; que cependant dans le nombre de ceux-ci l'Empereur avait fort à cœur les intérêts de l'évêque de Lubeck, son parent, qui perdait la portion la plus claire de son revenu par la suppression du péage d'Elsfeldt. Le comte de Kotschubey avait sous les yeux les arguments en faveur du projet que j'avais extraits de votre lettre; je les lui renouvelai en partie et j'y ajoutai que les indemnités de la pluspart des princes, qu'il a remarqué être au nombre de 34, ne consistant qu'en revenus, ne pouvaient entrer dans la balance politique; que quant á celle de l'évêque de Lubeck elle pourrait être augmentée sur les biens des chapitres, abbayes et couvents dont il n'a pas été fait mention dans le projet, conformément au II article des considérations générales à la suite de ce projet. — Pressé vivement de me faire connaître dans le plus court délai la détermination de S. M. I., il m'a

---

участіе, которое е. и. в—во принимаетъ въ этихъ двухъ принцахъ, не повліяетъ на его взглядъ на проектъ о вознагражденіяхъ.—25 іюня (7 іюля) я былъ у графа Кочубея. Такъ какъ я былъ предубѣжденъ противъ него, то меня поразило, что и онъ сталъ увѣрять меня, что не слѣдуетъ останавливаться на требованіяхъ Австріи и что императоръ Александръ не сдѣлаетъ никакихъ возраженій по поводу вознагражденій прусскаго короля, Баваріи и великаго герцога; но такъ какъ князей, подлежащихъ вознагражденію, очень много, то ему надо изучить ихъ права, которыя до сихъ поръ были неизвѣстны императорскому министерству. Впрочемъ, изъ числа этихъ князей императоръ особенно принимаетъ къ сердцу интересы своего родственника, любекскаго епископа, который теряетъ самую видную часть своихъ доходовъ, благодаря уничтоженію таможни въ Эльсфельдтѣ. Графъ Кочубей разсматривалъ доводы въ пользу проекта, извлеченные мною изъ вашего письма. Я отчасти повторилъ ему ихъ, прибавивъ, что вознагражденіе большинства князей, которыхъ было, по его замѣчанію, 34, состоитъ лишь изъ доходовъ и потому не можетъ имѣть значенія на вѣсахъ политики; что же касается епископа любекскаго, то его вознагражденіе можетъ быть увеличено насчетъ имуществъ капитуловъ, аббатствъ и монастырей, о которыхъ не упоминалось въ проектѣ, согласно со II статьей общихъ соображеній, сопрово-

répondu que l'Empereur, en accusant au comte de Morcoff la réception de ses dépêches, lui avait mandé qu'il ne pourrait s'en occuper qu'à son retour ici; le comte de Kotschubey a ajouté qu'il lui fallait encore quelques jours pour prendre son parti. Ne préjugeant rien de favorable de ces lenteurs, je me suis déterminé à lui remettre la note dont je joins ici copie. Le comte l'a trouvé serrée et m'a fait entendre qu'il ne s'était pas encore assez expliqué pour que je fasse une déclaration aussi péremptoire; je n'ai pas moins persisté à lui laisser cette note.— Je lui ai dit que dans le cas, où l'Empereur adopterait purement et simplement le projet d'indemnités, vous désiriez que le ministère impérial envoyât directement la note qui le contient au ministre russe à Ratisbonne, afin que cette grande affaire fût terminée plus promptement. Il m'a objecté que ce mode lui paraissait souffrir des difficultés quant aux formes usitées, et que d'ailleurs leur résident auprès de la diète de Ratisbonne n'étant pas de force à bien remplir les intentions de l'Empereur, on allait y envoyer en qualité de ministre m. de Buhler, dans ce moment auprès de l'électeur de Bavière, et qu'avant qu'il soit rendu à son nouveau poste, la détermination de l'Empereur pouvait être rendu à Paris. — Le 23, j'ai reçu une invitation à me rendre chez le vice-chancelier, où j'ai trouvé le comte de Kotschubey; ils se réunirent pour

---

ждавшихъ этотъ проектъ.—Такъ какъ я усердно настаивалъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе извѣстилъ меня о рѣшеніи е. и. в—ва, то онъ отвѣчалъ, что императоръ, увѣдомляя графа Моркова о полученіи его депешъ, заявилъ, что можетъ заняться ими только по возвращеніи своемъ сюда. Графъ Кочубей прибавилъ, что ему нужно еще нѣсколько дней, чтобы рѣшиться на что-нибудь. Не ожидая ничего добраго отъ этой мѣшкотности, я рѣшился вручить ему ноту, списокъ съ которой прилагаю здѣсь. Графъ нашелъ ее строгою и замѣтилъ, что онъ еще недостаточно высказался, чтобы я могъ сдѣлать довольно рѣшительное заявленіе; тѣмъ не менѣе, я настаивалъ, чтобы онъ ее взялъ.—Я сказалъ ему, что въ случаѣ, если императоръ приметъ прямо и вполнѣ проектъ вознагражденій, то вы желаете, чтобы императорское министерство отправило прямо ноту, заключающую этотъ проектъ, русскому министру въ Регенсбургѣ, чтобы поскорѣе окончить это великое дѣло. Онъ возразилъ, что этотъ способъ ему кажется неудобнымъ въ смыслѣ общепринятыхъ формъ, что къ тому же ихъ резидентъ при регенсбургскомъ сеймѣ не въ силахъ хорошо исполнить намѣренія императора: туда посылаютъ, въ качествѣ министра, состоящаго теперь при баварскомъ курфюрстѣ Бюлера; а пока онъ прибудетъ къ своему новому посту, рѣшеніе императора можетъ быть передано въ Парижъ.—30 іюня (12 іюля), я получилъ приглашеніе явиться къ вице-канцлеру, у котораго засталъ графа Кочубея. Они собрались, чтобы

m'engager à reprendre ma note précitée, sous prétexte qu'elle renferme une espèce de menace, qui pouvait indisposer l'Empereur, et m'assurèrent que je n'aurais qu'à me louer de sa détermination, qu'ils me feraient connaître à la fin de la semaine. Ils ajoutèrent qu'il serait glorieux pour moi de transmettre dans cette circonstance au premier consul les sentiments de l'Empereur. Je leur répondis que la véritable gloire serait pour S. M. I., qui en s'accordant avec le premier consul pour terminer l'affaire des indemnités, consoliderait la paix de l'Europe.—J'ai consenti à retirer ma note, en réfléchissant que l'effet devait en être fait et que cette condescendance pouvait d'autant moins nuire au résultat désirable, que je les ai assurés que je la leur rendrai, si le projet d'indemnités n'était pas entièrement consenti en ce qui regarde la Prusse, la Bavière et le grand-duc.—Le 24 l'ambassadeur de Vienne a reçu un courrier dont les dépêches sont sûrement relatives au projet d'indemnités; il a eu plusieurs conférences avec le ministère impérial, et on n'augure pas qu'il en soit satisfait; il jette les hauts cris sur ce que *Trente* et *Brixen* doivent faire partie de l'indemnité du grand-duc. Il a même dit, m'a assuré le ministre de Bavière, qu'il semblait que le projet d'indemnités eût été fait aux Grandes-Indes, tant il était peu convenable à la constitution germanique; c'est le renard, qui ne trouve

---

предложить мнѣ взять назадъ вышеупомянутую ноту, подъ предлогомъ, что въ ней заключается какъ бы угроза, которая могла бы разстроить императора. При этомъ они увѣряли меня, что я не нахвалюсь его рѣшеніемъ, которое они передадутъ мнѣ въ концѣ недѣли. Они прибавили, что послужило бы къ моей славѣ передать, при этомъ случаѣ, первому консулу чувства императора. Я отвѣчалъ, что истинная слава будетъ принадлежать е. и. в—ву, когда онъ сойдется съ первымъ консуломъ, чтобы покончить дѣло о вознагражденіяхъ для утвержденія европейскаго мира.—Я согласился взять назадъ мою ноту, соображая, что она уже произвела свое дѣйствіе. Къ тому же эта уступка тѣмъ менѣе могла повредить желаемому исходу, что я увѣрилъ ихъ, что возвращу ноту, если не послѣдуетъ полнаго согласія на проектъ вознагражденій относительно Пруссіи, Баваріи и великаго герцога.—1/13 іюля къ вѣнскому посланнику пріѣхалъ курьеръ съ депешами, которыя, конечно, относятся къ проекту вознагражденій. Онъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ императорскимъ министерствомъ, и не думаютъ, чтобы онъ былъ удовлетворенъ: онъ кричитъ, что *Тріентъ* и *Бриксенъ* должны входить въ составъ вознагражденія великаго герцога. Онъ сказалъ даже, какъ увѣрялъ меня баварскій министръ, что проектъ вознагражденій словно составленъ въ Великой Индіи: такъ онъ не подходитъ-де къ германской конституціи. Это—лисица, для которой ягодки нѣтъ зрѣлой: послѣдствія оправдаютъ это мнѣніе.—Въ тотъ же

pas le raisin mûr, et les effets feront justice de cette opinion. — Le même jour un courrier sarde a apporté la nouvelle de l'abdication du roi de Sardaigne en faveur du duc d'Aost, son frère; le ministère sarde, dit-on, assure que le premier consul a promis d'ajouter à la Sardaigne une partie du Piémont et les duchés de Parme et de Plaisance aussitôt qu'il deviendra possible d'en disposer. — *Du vendredi 27 messidor.* Le vice-chancelier vient de me notifier que l'Empereur Alexandre a adopté dans tout son contenu la note concernant le projet d'indemnités, en demandant au premier consul qu'on substitue au terme de *Note*, celui: *Déclaration à la diète de Ratisbonne*, afin de lui donner plus de poids. Cette déclaration, signée par le vice-chancelier prince Kourakin, doit être envoyée, en même temps que cette dépêche, au comte de Morcoff. L'Empereur désire que le premier consul agrée ce changement et que dans ce cas vous signiez une déclaration pareille, que vous enverriez directement à notre ministre près la diète de Ratisbonne en même temps que m. de Morcoff enverrait celle signée par le prince Kourakin au nouveau ministre russe près la diète. — L'Empereur fait deux demandes au premier consul. 1) Celle d'associer au titre électoral le duc de Mecklembourg-Schwerin avec le margrave de Bade, le duc de Wurtemberg et le landgrave de Hesse-Cassel; 2) de dédommager pleinement le prince évêque de Lubeck du revenu, qu'il perd par la suppression du droit

---

день сардинскій курьеръ привезъ новость объ отреченіи сардинскаго короля въ пользу своего брата, герцога аостскаго. Сардинское министерство увѣряетъ, говорятъ, что первый консулъ обѣщалъ прибавить къ Сардиніи часть Пьемонта и герцогствъ Пармы и Пьяченцы, какъ только возможно будетъ располагать ими.—*Пятница, 4/16 іюля.* Сейчасъ вице-канцлеръ увѣдомилъ меня, что императоръ Александръ принялъ, во всемъ ея содержаніи, ноту касательно проекта вознагражденій, требуя у перваго консула только замѣны слова *Нота* словомъ *Объявленіе на регенсбургскомъ сеймѣ*, чтобы дать ей больше вѣсу. Это объявленіе, подписанное вице-канцлеромъ, княземъ Куракинымъ. должно быть отправлено къ графу Моркову въ одно время съ этою депешей. Императоръ желаетъ, чтобы первый консулъ допустилъ это измѣненіе, и въ такомъ случаѣ, вы подпишите подобное же объявленіе и отправите его прямо нашему министру на регенсбургскомъ сеймѣ, а г. Морковъ отправитъ въ то же время объявленіе, подписанное княземъ Куракинымъ, новому русскому министру на сеймѣ.—Императоръ обращается къ первому консулу съ двумя просьбами: 1) Пріобщить герцога мекленбургъ-шверинскаго къ курфюршескому званію, наравнѣ съ маркграфомъ баденскимъ, герцогомъ вюртембергскимъ и ландграфомъ гессенъ-кассельскимъ. 2) Вполнѣ вознаградить князя епископа любекскаго за утрачиваемый имъ доходъ съ упраздненіемъ

de péage d'Elsfeldt, sur les biens des chapitres, abbayes et couvents dont la destination n'est pas encore fixée. Le vice-chancelier m'a engagé instamment à vous faire valoir le vif intérêt que l'Empereur prend au succès de ces deux demandes, les princes qu'elles concernent étant ses proches parents; l'évêque de Lubeck est de plus son oncle par alliance. Si le premier consul peut aussi y avoir égard, je suis convaincu que cette déférence produira le meilleur effet. — Je me suis d'ailleurs assuré, qu'il en sera fait mention dans les instructions du comte de Morcoff et non dans la déclaration signée du vice-chancelier.—Le vice-chancelier m'a témoigné le désir, que vous puissiez faire revêtir notre chargé d'affaires près la diète de Ratisbonne du titre de ministre extraordinaire pour la conclusion de l'affaire des indemnités, titre qu'on donne ici à m. de Buhler... *P. S.* Le vice-chancelier a exigé que Duclos ne parte que dans la journée de demain, afin qu'il n'ait point d'avance sur le courrier russe.

Paris. 141, 166. Подлинникъ.

№ 187.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 27 messidor an X.

*) ...Le baron de Stédingk, ambassadeur de Suède, m'a dit en confidence que le roi n'était pas content du baron d'Ehrensward, parce

---

таможни въ Эльсфельдтѣ, изъ имуществъ капитуловъ, аббатствъ и монастырей, судьба которыхъ еще не опредѣлена. Вице-канцлеръ настойчиво просилъ меня изобразить вамъ то живое участіе, которое принимаетъ императоръ въ успѣхѣ этихъ двухъ просьбъ, такъ какъ принцы, которыхъ онѣ касаются,—его близкіе родственники, а епископъ любекскій еще его дядя по браку. Если и первый консулъ приметъ тутъ участіе, то я увѣренъ, что это снисхожденіе произведетъ отличное дѣйствіе.—Впрочемъ, я убѣжденъ, что объ этомъ будетъ упомянуто въ инструкціяхъ графу Моркову, но не въ объявленіи, подписанномъ вице-канцлеромъ.—Вице-канцлеръ изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы вы облекли нашего повѣреннаго въ дѣлахъ на регенсбургскомъ сеймѣ званіемъ чрезвычайнаго министра для завершенія дѣла о вознагражденіяхъ: это званіе дается здѣсь г. Бюлеру.... *P. S.* Вице-канцлеръ требуетъ, чтобы Дюкло отправился лишь завтра: не хотятъ, чтобы онъ опередилъ русскаго курьера.

Петербургъ, 4/16 іюля 1802.

*) ....Баронъ Стедингкъ, шведскій посланникъ, сказалъ мнѣ за тайну, что король недоволенъ барономъ д'Эренсвардомъ, потому что онъ слишкомъ

qu'il voit trop m. de Morcoff et ses sociétés. Il m'a ajouté que le roi de Suède désirait vivement renouveler avec le premier consul son ancienne amitié avec la France, et que si les circonstances favorisaient ce désir, il serait fort aise que les premières ouvertures en fussent faites entre lui et moi. - Le comte Panin, vice-chancelier avant le prince Kourakin, a essuyé un désagrément qu'il s'est attiré par son obstination. Parti à peu près dans le même temps que l'Empereur pour aller voyager, à son arrivé à la frontière de Finlande le gouverneur suédois lui conseilla de ne pas passer outre. Sans égard à cet avis il continua sa route; le gouverneur, qui n'avait agi que d'après les ordres du roi, lui demanda de nouveaux ordres; le roi lui prescrivit de faire retrograder m. Panin, en lui faisant dire que les griefs personnels, qu'il avait contre lui, motivaient assez cet ordre. Le comte Panin, extrêmement vain, outré de cet affront, est revenu ici, d'où il a porté ses plaintes à l'Empereur encore en tournée; il s'est empressé de faire voir à tous ses amis la réponse de S. M. I., qui le plaint de *la violence* qu'il a éprouvée. La copie de cette réponse, que le baron de Stédingk s'est procuré, a été envoyé au roi de Suède, qui sera sans doute choqué du terme de „violence" qui aura échappé dans la rédaction de la lettre, qu'on attribue au comte de Kotschubey; mais il est probable que cette affaire n'aura pas de suites; au surplus le comte Panin est reparti, il

---

часто видится съ графомъ Морковымъ и его обществомъ. Онъ прибавилъ, что шведскій король горячо желаетъ возобновить чрезъ перваго консула старую дружбу съ Франціей, и еслибы обстоятельства поблагопріятствовали этому желанію, ему было бы очень пріятно видѣть начало дѣла при его и моемъ посредствѣ.—Графъ Панинъ, вице-канцлеръ предъ княземъ Куракинымъ, испыталъ непріятность, благодаря собственному упрямству. Отправившись путешествовать почти въ одно время съ императоромъ, онъ прибылъ на финляндскую границу, гдѣ шведскій губернаторъ совѣтовалъ ему остановиться. Онъ продолжалъ путь, не обращая вниманія на это заявленіе. Губернаторъ, дѣйствовавшій по приказу короля, спросилъ у него новыхъ повелѣній. Король предписалъ ему заставить г. Панина возвратиться, сказавъ ему, что этотъ приказъ достаточно объясняется его личнымъ недовольствомъ. Графъ Панинъ, человѣкъ крайне тщеславный, взбѣшенный этою обидой, возвратился сюда и пожаловался императору, бывшему еще въ отлучкѣ. Онъ носился по своимъ друзьямъ съ отвѣтомъ е. и. в—ва, который жалѣлъ его по поводу испытаннаго *насилія*. Баронъ Стединкъ добылъ списокъ этого отвѣта и послалъ его шведскому королю, который, конечно, обидится словомъ „насиліе", проскользнувшимъ въ редакціи письма, приписываемой графу Кочубею. Впрочемъ, вѣроятно, это дѣло не будетъ имѣть послѣдствій; къ тому же графъ

y a 2 jours, pour aller voyager en Allemagne. Le baron de Stédingk, qui était au camp de Finlande au moment, où Panin s'est présenté sur la frontière, a essayé en vain de faire changer le roi de résolution à son égard; il lui a répondu qu'indépendamment de ses griefs personnels contre Panin, il ne pourrait pas se déterminer à voir un ministre, qui avait trahi la confiance de son maître jusqu'à participer à son assassinat. L'ambassadeur n'a confié qu'à moi cette partie de la réponse du roi.— Le prince Zouboff s'est battu, à coups de sabre, avec le chevalier de Saxe sur la frontière de Saxe; le prince a été blessé si grièvement au bras droit, qu'on croit qu'il sera estropié. — Le malheureux chevalier de Saxe s'est battu ensuite au pistolet avec un jeune prince Scherebatoff, qui lui a passé une balle au travers de la poitrine; il est mort sur le coup aprés avoir eu la force de tirer à son tour sans avoir atteint le russe. Leur querelle remontait à la fin du règne de Catherine. Dans une promenade publique le chevalier de Saxe, emporté par sa vivacité, donna un coup de bâton au prince Scherebatoff, qui lui riposta par un soufflet; le dernier n'avait alors que 14 ans. Le prince Zouboff fit arrêter le chevalier de Saxe et le fit emballer de suite dans un kibitk et conduire à la frontière avec ordre de ne plus remettre le pied en Russie. Voilà ce qui a donné lieu à ces deux duels. Il y a plus d'un mois, que le prince Scherebatoff est parti pour aller chercher

---

Панинъ снова выѣхалъ, 2 дня тому назадъ, для путешествія по Германіи. Баронъ Стединкъ, который находился въ финляндскомъ лагерѣ, когда Панинъ явился на границѣ, тщетно пытался измѣнить рѣшеніе короля: послѣдній отвѣчалъ ему, что, независимо отъ личныхъ причинъ недовольства, онъ не можетъ видѣть министра, который до того злоупотреблялъ довѣріемъ своего государя, что даже принялъ участіе въ его погибели. Посланникъ одному мнѣ довѣрилъ эту часть отвѣта короля.—Князь Зубовъ дрался на сабляхъ съ саксонскимъ кавалеромъ, на границѣ Саксоніи; онъ получилъ такую рану въ правую руку, что, говорятъ, останется калѣкой.—Несчастный саксонскій кавалеръ дрался потомъ на пистолетахъ съ молодымъ княземъ Щербатовымъ, пуля котораго пронизала ему грудь; онъ тутъ же умеръ, собравши силы, чтобы выстрѣлить, въ свою очередь, но не задѣвши русскаго. Ихъ ссора относится къ концу царствованія Екатерины. На одномъ общественномъ гуляньѣ, саксонскій кавалеръ, увлекаемый своею живостью, ударилъ палкой князя Щербатова, который отвѣчалъ ему оплеухой; послѣднему было тогда всего 14 лѣтъ. Князь Зубовъ велѣлъ арестовать саксонскаго кавалера, затѣмъ посадилъ его въ кибитку и выслалъ на границу съ приказомъ, чтобы ноги его не было въ Россіи. Вотъ причина этихъ двухъ поединковъ. Ужъ больше мѣсяца, какъ князь Щербатовъ отправился на поиски своего противника.

son adversaire. Le chevalier de Saxe est fort regretté de ses amis.— *P. S.* Le lord St. Helens m'a engagé à agir de concert avec lui pour demander la garantie de la Russie relativement aux stipulations du traité d'Amiens relatives à l'ordre de Malte...

Paris. 141, 167. Подлинникъ.

№ 188.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 5/17 іюля 1802.

Рескриптомъ отъ 12-го прошлаго мѣсяца предварены уже были вы о полученіи мною донесеній вашихъ и о намѣреніи моемъ, тотчасъ по возвращеніи сюда, приступить къ разсмотрѣнію предложеній правительства французскаго, до индемнизаціи Германіи относящихся.—Первая мысль моя была, чтобъ естьли не отринуть неограниченно положенія, вами подписаннаго, то, по крайней мѣрѣ, удалить всякій видъ моего въ немъ участія, ибо несомнѣнно, чтобъ Франція не руководствовалась тутъ или пристрастіемъ, или каковыми-либо частными интересами; но войдя обстоятельнѣе въ существо дѣла и разсуждая, что препятствія, съ моей стороны предъявленныя, послужили бы, можетъ быть, только къ проволочкѣ и замѣшательству, правительству французскому не непріятнымъ, тогда какъ вся Германія съ нетерпѣливостію желаетъ видѣть жребій свой рѣшеннымъ, тогда какъ Австрія, по признанію самаго вѣнскаго двора, не можетъ отъ ненависти перваго консула ничего себѣ ожидать тогда какъ невозможно утушить и на минуту взаимной вражды обѣихъ преодолѣвающихъ въ Германіи державъ, и когда, при совершенной покорности къ Франціи вѣнскаго двора, изнуреннаго слѣдствіями войны и весьма не твердо поводомъ разныхъ обстоятельствъ руководствующагося, нельзя было ожидать каковаго-либо успѣха въ подкрѣпленіи онаго, имѣя противу себя Францію, Пруссію и другіе главнѣйшіе домы Германскіе; тогда наипаче, какъ существовала увѣренность, что и безъ участія моего не меньше приведено было бы въ дѣйство упомянутое положеніе и что Австрія лишиться могла и тѣхъ выгодъ, кои онымъ великому герцогу Тосканскому назначаются: всѣ уваженія сіи превозмогли надо мною, и я, хотя съ нѣкоторою отда-

---

Друзья очень сожалѣютъ о саксонскомъ кавалерѣ.—*P. S.* Лордъ С. Эленсъ предложилъ мнѣ дѣйствовать заодно, чтобы вытребовать у Россіи гарантію условій амьенскаго договора, касающихся мальтійскаго ордена....

ленностію, рѣшился не преграждать теченія дѣла сего, ожидая наипаче, что возстановленіе общаго покою можетъ быть полезно.—Сообщая министру внѣшнихъ дѣлъ о сей рѣшимости моей, можете вы, буде нужнымъ то признаете, показать ему депешу, которая при семъ препровождается, въ намѣреніи поставить въ нѣкоторую цѣну податливость мою въ семъ случаѣ и чтобъ дать одобреніе поведенію вашему въ сей негоціяціи, противу котораго Талейранъ столько ополчался.—Въ избѣжаніе же каковыхъ-либо недоразумѣній при подачѣ въ Регенсбургѣ ноты, вами совокупно съ министромъ симъ подписанной, удобнѣйшимъ призналъ я, чтобъ вмѣсто оныя вручена была при нотѣ дѣйст. ст. совѣтника Клюпфеля, у сейма регенсбургскаго акредитованнаго, декларація за подписаніемъ вице-канцлера, тогда какъ подобная же декларація за подписью министра внѣшнихъ дѣлъ республики французской повѣреннымъ въ дѣлахъ оныя подана будетъ. Декларація сія, нота г. Клюпфеля и предписанія, ему даемыя, въ подлинникѣ и копіи у сего вы найдете, съ тѣмъ чтобъ, по увѣдомленіи Талейрана о перемѣнѣ сей, могли вы, нимало не мѣшкая, одного изъ фельдъ-егерей, у васъ находящихся, отправить въ Регенсбургъ. Впрочемъ, въ объясненіяхъ о причинахъ перемѣнъ сихъ въ формѣ оригинальнаго акта, можете вы отозваться, что такимъ образомъ пріобрѣтаетъ онъ болѣе твердости и не столь отдаляется отъ общаго порядка, въ составленіи таковыхъ дипломатическихъ актовъ наблюдаемаго, ибо мало было слѣда, чтобъ нота, подписанная вами и министромъ симъ въ Парижѣ, на сеймѣ предъявлена была.—Кромѣ сего обстоятельства, желалъ бы я, чтобъ правительство французское приступило совокупно со мною на подвиги, кои могли бы основать успѣхъ въ двухъ предметахъ, особенно меня интересующихъ. Вамъ извѣстно близкое мое родство съ принцемъ епископомъ любскимъ, личное мое съ нимъ знакомство и дружба суть сугубыя уваженія, побуждающія меня къ принятію въ судьбѣ его искренняго участія. Доходы его главнѣйше состояли изъ платежей, въ Ельсъ-Флетѣ (sic) собираемыхъ, и потеря оныхъ отнюдь замѣнена быть не можетъ удовлетвореніями, ему назначенными; а потому и желалъ бы я, чтобъ при дальнемъ разсмотрѣніи дѣлъ сихъ въ Регенсбургѣ принято было въ уваженіе, чѣмъ убытки принца епископа достаточно пополнены быть могутъ; а сколько здѣсь судить можно, не снесяся съ нимъ предварительно о удовлетвореніяхъ, ему сручныхъ, то кажется, что небольшое владѣніе, Клопенбургъ именуемое, или какой-другой удѣлъ изъ епископства Минстерскаго, смѣжный къ Ольденбургу, были бы выгоднѣйшими для него пріобрѣтеніями. Интересы сіи особенному попеченію вашему поручаю.—

Другой предметъ моего участія есть домъ Мекленбургъ-Шверинскій. Предполагавъ себѣ съ самаго начала правила наистрожайшаго безпристрастія, вамъ извѣстно, что отдаленъ былъ я отъ всякихъ требованій и малѣйше предположеніямъ симъ не соотвѣтствующихъ въ пользу домовъ Баденскаго и Виртембергскаго, кромѣ того, чтó по самой строгости въ удовлетвореніе имъ подлежать могло; но понеже не могли быть соблюдены правила сіи и домы Баденскій и Виртембергскій получаютъ курфирстское достоинство, то пріятно было бъ мнѣ, чтобъ и домъ Мекленбургъ-Шверинскій, знатностію своею въ Германіи, конечно, отличный и въ столь близкомъ со мною свойствѣ состоящій, получилъ при случаѣ семъ то же достоинство. Вы можете отозваться министерству французскому, что сіе было бы мнѣ весьма угодно, а дабы не останавливать главнаго дѣла, то предложить можно, чтобъ французское правительство предложило о семъ послѣ сейму регенсбургскому, на которомъ, при содѣйствіи моемъ, короля прусскаго и можетъ быть и вѣнскаго двора, не встрѣтитъ, вѣроятно, оно никакихъ сопротивленій. А дабы вообще въ сословіи семъ дать болѣе ходу всему дѣлу сему и другимъ соображеніямъ, каковыя случиться тамъ могутъ, предпишу я тайн. сов. барону Бюллеру отправиться въ Регенсбургъ, дабы онъ, состоя въ сношеніи съ повѣреннымъ въ дѣлахъ или министромъ французскимъ, привести могъ въ дѣйствіе общія наши предположенія.— Оканчивая, такимъ образомъ, матерію сію, мнѣ остается только въ полной мѣрѣ одобрить осторожность, которую вы въ негоціяціи сей соблюли, а особливо заключа условія кондиціональныя.

Pétersbourg. Paris, 1802, 13. Подлинникъ.

№ 189.—Рескриптъ Моркову.

Pétersbourg, 5/17 juillet 1802.

*) Mon premier soin, à mon retour ici, a été, comme je vous l'avais marqué dans mon précédent rescrit, de donner à l'affaire des indemnités toute l'attention que demande un objet aussi important. J'ai

---

Петербургъ, 5/17 іюля 1802.

*) Какъ я уже обозначилъ въ предшествовавшемъ рескриптѣ, моею первою заботой, по возвращеніи сюда, было обратить на дѣло вознагражденій все вниманіе, котораго заслуживаетъ предметъ такой важности. По сдѣлан-

eu lieu, à la suite de l'examen plus approfondi, qui a été fait ici, des repartitions des divers lots, de me confirmer dans l'idée que j'avais conçue au premier aperçu de la note, que vous avez signée avec le ministre des relations extérieures, que l'arrangement proposé par la France différait essentiellement de celui que vous avez communiqué au 1-r consul par mon ordre. — J'aurais pu en conséquence et surtout par une suite de l'impartialité, qui a dirigé ma conduite, avoir des observations à faire au gouvernement français sur le plan d'indemnités qu'il a proposé; mais le désir de voir mettre fin à cette affaire, de fixer toutes les incertitudes, qui privent encore l'Allemagne du repos et de la tranquillité dont elle a tant besoin, mon intention enfin de suivre avec la France dans cette occasion une marche uniforme, m'ont fait écarter toutes considérations étrangères au but d'utilité qui doit résulter de ce concert de vues et de démarches; et ces motifs reunis m'ont fait prendre la résolution de ratifier l'arrangement que vous avez arrêté. Mon ministère vous fera passer mes ordres à cet égard. Il vous fera connaître en même temps ce que je désirerais encore pour le duc de Mecklembourg-Schwerin et pour le prince évêque de Lubeck. L'affection particulière, que je porte à ces deux princes, vous est trop connue pour que vous ayez besoin d'autres motifs pour faire valoir près du 1-r consul tout l'intérêt, que je prends à leur bien-être ou à leur convenance.

номъ здѣсь болѣе глубокомъ разсмотрѣніи надѣловъ, я утвердился въ мысли, которая родилась во мнѣ при первомъ взглядѣ на ноту, подписанную вами вмѣстѣ съ министромъ внѣшнихъ сношеній, а именно, что предложенная Франціей сдѣлка существенно отличается отъ той, которую вы сообщили 1-му консулу по моему приказанію.—Вслѣдствіе этого, а особенно въ силу руководившаго мною безпристрастія, я могъ бы сдѣлать замѣчанія французскому правительству насчетъ предложеннаго имъ плана вознагражденій; но желаніе покончить это дѣло, устранить неизвѣстность, которая все еще лишаетъ Германію столь необходимаго ей спокойствія, наконецъ, мое намѣреніе дѣйствовать, въ этомъ случаѣ заодно съ Франціей,—все это подавило во мнѣ всякія соображенія, чуждыя полезной цѣли, которая должна вытечь изъ этого совпаденія видовъ и поступковъ. Всѣ эти побужденія, взятыя вмѣстѣ, привели меня къ рѣшенію утвердить устроенную вами сдѣлку. Мое министерство сообщитъ вамъ мои приказанія по этому предмету. Въ то же время оно увѣдомитъ васъ еще о моихъ желаніяхъ относительно герцога мекленбургъ-шверинскаго и князя епископа любекскаго. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстна особенная любовь, которую я питаю къ этимъ двумъ принцамъ: вы не нуждаетесь въ другихъ побужденіяхъ, чтобы выставить 1-му консулу все участіе, принимаемое мною въ ихъ благополучіи и въ ихъ удобствахъ. Мнѣ хочется

J'aime à croire que le 1-r consul ne fera aucune difficulté à prêter sa coopération, pour assurer les avantages qu'ils désirent pouvoir obtenir.—Je ne puis, en terminant ce rescrit, qu'approuver votre conduite en général dans cette négociation et surtout l'attention que vous avez mise à ne vous écarter, qu'autant qu'il pouvait être utile à son succès, de la lettre de vos précédentes instructions, calquées sur l'impartialité qui convenait à un médiateur.

Pétersbourg. Paris, 1802, 14. Подлинникъ.

№ 190.—Морковъ Кочубею.

Paris, 21 juillet (2 août) 1802.

*) M. Talleyrand étant revenu lundi dernier des eaux de Bourbon, a reçu les ministres étrangers le mercredi suivant, et j'ai profité de cette occasion pour lui parler du renvoi de m. de St. Marsan de Francfort. Il ne sait m'en donner aucune bonne raison, mais il s'attacha à me faire valoir les ménagements qu'on a observés dans cette occasion envers lui, ainsi qu'envers sa cour, prétendant au reste, qu'il était indispensable que le roi de Sardaigne fût à Cagliari pour entamer avec lui une négociation réglée. Je lui ai rappellé l'article VI de notre convention secrète, lequel remettait les intérêts de ce prince à la discus-

вѣрить, что 1-й консулъ не затруднится содѣйствовать обезпеченію желаемыхъ ими выгодъ. — Въ заключеніе, не могу не одобрить вообще вашего поведенія въ этомъ дѣлѣ, въ особенности же того вниманія, съ которымъ вы старались не выходить, безъ пользы для дѣла, изъ предѣловъ, начертанныхъ вамъ прежними инструкціями, основанными на безпристрастіи, приличествующемъ посреднику.

Парижъ, 21 іюля (2 августа) 1802.

*) Возвратившись, въ понедѣльникъ, съ Бурбонскихъ водъ, г. Талейранъ принималъ, въ слѣдующую среду, иностранныхъ министровъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поговорить съ нимъ о высылкѣ г. С. Марсана изъ Франкфурта. Онъ не могъ выставить никакой дѣльной причины, а началъ распространяться о снисходительности въ обращеніи съ нимъ и съ его дворомъ при этомъ случаѣ. Притомъ онъ увѣрялъ, что можно было начать правильные переговоры съ сардинскимъ королемъ только тогда, когда онъ будетъ въ Кальяри. Я напомнилъ ему VI статью нашей тайной конвенціи, которая предоставляла интересы этого государя обсужденію и сдѣлкѣ между

sion et à l'arrangement qui aurait lieu entre l'Empereur et le 1-r consul. Il m'avança qu'avant tout il fallait faire la paix avec le roi de Sardaigne, qui était toujours censé être en état de guerre avec la république française. Je l'ai prié de me dispenser de répondre sérieusement à cette allégation, qui ne prouve que trop l'intention du gouvernement français d'éluder l'article en question et de mettre à sa merci l'infortuné roi de Sardaigne en l'isolant et en écartant de lui tout appui étranger. M. de Talleyrand ne me contesta pas cette opinion, et je n'ai pas cru devoir y insister, sentant toute l'inutilité des arguments que j'aurais employés pour le ramener d'un parti, qui me paraît décidément pris...

Pétersbourg. Paris, 1802, 205. Подлинникъ.

№ 191.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

25 juillet (6 août) 1802.

*) Citoyen premier consul. La cour de Vienne, qui avait témoigné d'abord quelque éloignement d'acquiescer au plan des indemnités, vient de me faire connaître que cependant elle était disposée à se prêter à tous les moyens, qui pourraient en assurer et en accélérer l'exécution.—Elle propose d'en remettre l'examen et la sanction à la députation de

---

императоромъ и 1-мъ консуломъ. Онъ заявилъ, что прежде всего слѣдовало заключить миръ съ сардинскимъ королемъ, который все еще считался состоящимъ въ войнѣ съ французскою республикой. Я просилъ его уволить меня отъ серьезнаго отвѣта на этотъ доводъ, который слишкомъ ясно обнаруживаетъ намѣреніе французскаго правительства уклониться отъ сказанной статьи и подчинить своему произволу несчастнаго сардинскаго короля, поставивъ его въ одинокое положеніе, лишивъ его всякой иностранной опоры. Г. Талейранъ не оспаривалъ этого мнѣнія, а я не счелъ долгомъ настаивать на немъ, зная всю безполезность доводовъ, которые я могъ бы употребить, чтобы отклонить его отъ намѣренія, кажется окончательно принятаго....

25 іюля (6 августа) 1802.

*) Гражданинъ первый консулъ. Вѣнскій дворъ, который обнаружилъ сначала нѣкоторое нежеланіе принять планъ вознагражденій, сейчасъ увѣдомилъ меня, что онъ однако готовъ на все, что́ можетъ упрочить и ускорить его исполненіе.—Онъ предлагаетъ предоставить его разсмотрѣніе и утвержденіе имперской депутаціи и обѣщаетъ не только не препятствовать ея обсужде-

l'Empire et, loin de vouloir entraver ses délibérations, elle promet de contribuer de tout son pouvoir à en rendre le résultat favorable à cet arrangement.—Mais elle me sollicite en même temps de venir à l'appui de la demande qu'elle fait de quelques parties de sécularisations encore praticables et dont il n'a pas été disposé. — Comme médiateurs de cet arrangement, notre commun concours peut seul lui assurer ces avantages, et je n'y vois, pour ce qui me concerne, aucun inconvénient. — Si telle était aussi, citoyen premier consul, votre manière d'envisager une aussi légère addition au lot du grand-duc, il me serait agréable de pouvoir en cela remplir les vœux de la cour de Vienne et la satisfaire sur ce point. Sa bonne volonté n'en serait que plus efficace pour obtenir sans efforts la consolidation d'un plan auquel j'ai accédé et par déférence, et par le désir de voir couronner d'un entier succès un arrangement qui doit assurer le repos et la tranquillité de l'Allemagne. — Recevez, citoyen premier consul, les témoignages réitérés de ma considération distinguée.

Pétersbourg. Paris, 1802, 47. Списокъ.

ніямъ, но всѣми мѣрами содѣйствовать, чтобы ихъ исходъ былъ благопріятенъ этой сдѣлкѣ. — Но въ то же время онъ проситъ, чтобы я поддержалъ его просьбу насчетъ нѣкоторыхъ долей секуляризацій, которая можетъ быть исполнена, такъ какъ онѣ еще не распредѣлены.—Будучи посредниками въ этой сдѣлкѣ, мы одни, съ нашего общаго согласія, могли бы обезпечить за нимъ эти выгоды; и я, съ моей стороны, не вижу никакихъ препятствій къ тому.—Еслибы таковъ же былъ и вашъ взглядъ на эту, столь легкую, прибавку къ долѣ великаго герцога, то мнѣ было бы пріятно исполнить тутъ желаніе вѣнскаго двора и удовлетворить его въ этомъ пунктѣ. Тогда было бы еще дѣйствительнѣе его расположеніе достигнуть безъ усилій утвержденія плана, къ которому я присоединился и по снисхожденію, и изъ желанія видѣть полный успѣхъ сдѣлки, долженствующей обезпечить спокойствіе Германіи.—Примите новыя увѣренія въ моемъ отмѣнномъ уваженіи.

№ 192.—Морковъ двору.

Paris, 27 juillet (8 août) 1802.

*) Le 15 thermidor ou 4 août n. st. il y a eu l'audience ordinaire du corps diplomatique auprès du 1-r consul... Le jour de cette même audience il y eut dîner et cercle du soir sans interruption, et le 1-r consul s'est beaucoup et à plusieurs reprises entretenu avec moi. Sa conversation roula d'abord sur les deux évènements du jour, l'arrivée des courriers, qui ont apporté l'adhésion de V. M. I. au plan des indemnités en Allemagne, et la proclamation de son consulat à vie. Il m'adressa des compliments de satisfaction sur cette adhésion de V. M. et me parla de l'autre objet, comme consolidant le gouvernement de la France et par là même influant avantageusement sur la tranquillité générale de l'Europe. Il passa de là à la situation de l'empire turc, qu'il voyait prêt à crouler, de manière qu'il ne restait plus qu'à recueillir ses débris. Il ajouta, qu'il n'y avait qu'un seul moyen de le relever et s'est que le grand seigneur prît la résolution courageuse de se mettre à la tête de 10,000 hommes, de parcourir toutes les provinces et d'abattre les têtes rebelles à ses volontés et motrices du désordre et de la désorganisation de l'empire ottomane; que les turcs étaient naturelle-

---

Парижъ, 27 іюля (8 августа) 1802.

*) 15-го термидора, или 4 августа н. ст., у 1-го консула была обычная аудіенція для дипломатическаго корпуса.... Въ тотъ же день былъ обѣдъ и вечернее собраніе, безъ перерыва; и 1-й консулъ много и неоднократно бесѣдовалъ со мной. Сначала его разговоръ касался двухъ событій дня—прибытія курьеровъ, привезшихъ приступленіе в. и. в—ва къ плану вознагражденій въ Германіи, и провозглашеніе его пожизненнымъ консуломъ. Онъ заявилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу этого приступленія в. в—ва, а о другомъ предметѣ сказалъ, что онъ упрочиваетъ французское правительство и чрезъ то повліяетъ благопріятно на общее спокойствіе Европы. Затѣмъ онъ перешелъ къ положенію турецкой имперіи, которая, въ его глазахъ, разрушается до того, что остается только подобрать ея развалины. Онъ прибавилъ, что есть одно только средство поднять ее: пусть султанъ приметъ смѣлое рѣшеніе встать во главѣ 10.000 войска, пройти съ нимъ по всѣмъ провинціямъ и снести головы мятежниковъ и двигателей безпорядка и разложенія Оттоманской имперіи. По его мнѣнію, турки—отъ природы народъ храбрый и воинственный; и еслибы у нихъ были хорошіе вожди, Россія никогда не достигла

ment braves et belliqueux et que s'ils avaient été bien guidés et bien conduits, jamais la Russie n'aurait acquis ce degré de puissance et de splendeur, où on la voit actuellement. Je commençais à être embarassé de ces propos, lorsqu'il me fournit heureusement une occasion de les tourner en plaisanterie, en me demandant, s'il n'y avait pas dans les états de V. M. I. quelque héritier présomptif du trône de Constantinople. Je lui ai répondu que je n'en connaissais pas, mais que je pensais qu'il y en avait un en France dans la personne du général Junot, commandant de Paris et une de ses créatures, qui avait épousé la fille ou la nièce d'un Comnène qui se prétendait descendre des empereurs de ce nom, qui ont régné à Constantinople. Il me répliqua en riant, qu'il lui fallait un musulman et qu'il avait entendu me parler de ces princes tartares, descendants de Gengis-chan et dont quelques uns s'étaient établis en Russie. — Cette jalousie contre la puissance de V. M. I. se manifeste souvent non-seulement dans les discours du 1-r consul, mais aussi dans les écrits qu'il fait publier, et si elle daigne lire quelquefois les journaux qui paraissent ici, elle en aura vu plus d'un exemple. Tout le monde s'accorde à croire et le ministre d'Angleterre en a une vraie alarme, que la France médite quelque chose contre ou avec la Porte; les soupçons portent principalement sur la Morée. En attendant le ministre turc, qui se trouve actuellement ici, s'est mis, pour ainsi dire, aux gages de ce gouvernement-ci, qui lui a fait avancer ces

---

бы той степени могущества и блеска, на которой она находится теперь. Меня начинали смущать эти слова, какъ вдругъ онъ, къ счастью, далъ мнѣ поводъ обратить ихъ въ шутку, спросивши меня, нѣтъ ли во владѣніяхъ в. и. в—ва какого предполагаемаго наслѣдника константинопольскаго престола? Я отвѣчалъ, что не знаю, но что, кажется, такой есть во Франціи, въ лицѣ генерала Жюно, парижскаго коменданта и его созданія, который женатъ на дочери или племянницѣ одного Комнена, производящаго свой родъ отъ византійскихъ императоровъ этого имени. Онъ возразилъ, смѣясь, что ему нуженъ мусульманинъ и что онъ слышалъ отъ меня про татарскихъ принцевъ, потомковъ Чингизъ-хана, изъ коихъ нѣкоторые поселились въ Россіи.—Эта ревность къ могуществу в. и. в—ва проявляется часто, и не только въ рѣчахъ 1-го консула, но и въ издаваемыхъ подъ его вліяніемъ сочиненіяхъ: если вы благоволите читать иногда выходящіе здѣсь журналы, то увидите тамъ не одинъ примѣръ. Всѣ согласны въ томъ, а англійскій министръ въ истинной тревогѣ отъ того, что Франція замышляетъ что-то противъ Порты или заодно съ нею; подозрѣнія, главнымъ образомъ, касаются Мореи. А покуда турецкій министръ, находящійся теперь здѣсь, какъ бы поступилъ на жалованье здѣшняго правительства, которое на-дняхъ дало ему

jours-ci la somme de 50,000 francs. C'est un fait, que je tiens à la fois du 1-r consul lui-même et du ministre des relations extérieures.— C'est à mon grand regret, Sire, que je dois déposer aux pieds de V. M. I. l'extrême chagrin, que j'éprouve en perdant tout espoir d'effectuer quelque chose en faveur du malheureux roi de Sardaigne. La dernière fois, que j'en ai parlé au 1-r consul, il y a mis beaucoup de mauvaise grâce, jusqu'à me dire, que cette affaire ne devait pas intéresser plus V. M. I. que ne l'intéressaient lui, 1-r consul, les affaires de Perse. J'avais sur le bout de la langue de lui répliquer qu'il y existait cette différence, qu'il n'y a pas longtemps, que les troupes russes ont été à Turin et qu'il n'y avait pas d'apparence, que celles de France arrivassent jamais à Tiflis. Mais je m'en suis abstenu par prudence. Cependant le 1-r consul a tort de dire qu'il est si indifférent à ces affaires de Perse, car outre qu'il en fait parler dans les journaux de manière à répandre l'alarme sur les suites qu'elles pourraient avoir, il a repris l'idée de faire partir le colonel Sébastiani...

Pétersbourg. Paris. 1802, 103. Подлинникъ.

впередъ 50.000 франковъ. Это — фактъ, о которомъ я узналъ разомъ и отъ самого 1-го консула, и отъ министра внѣшнихъ сношеній.—Къ моему великому прискорбію, я долженъ повергнуть къ стопамъ в. и. в—ва мое сожалѣніе объ утратѣ надежды сдѣлать что-нибудь въ пользу несчастнаго короля Сардиніи. Когда я заговорилъ о немъ въ послѣдній разъ съ 1-мъ консуломъ, онъ былъ до того немилостивъ, что сказалъ, будто это дѣло не должно интересовать в. и. в—во больше, чѣмъ сколько интересуютъ его, 1-го консула, дѣла Персіи. У меня чуть не сорвалось съ языка, замѣчаніе, что тутъ есть разница: недавно русскія войска были въ Туринѣ, а врядъ ли французскія войска когда-либо дойдутъ до Тифлиса. Но благоразуміе заставило меня удержаться. Впрочемъ 1-й консулъ сказалъ неправду насчетъ своего равнодушія къ этимъ персидскимъ дѣламъ: помимо того, что въ его журналахъ говорится о нихъ съ цѣлью распространить тревогу насчетъ ихъ исхода, онъ снова возвратился къ мысли отправить полковника Себастьяни....

№ 193.—Талейранъ Эдувилю.

Paris, 30 thermidor an X.

*) ...Aussitôt que le 1-r consul a eu connaissance de l'entière accession de S. M. l'Empereur de Russie au plan d'indemnisation qui avait été décidé ici et convenu entre m. le comte de Morcoff et moi, il s'est occupé à conformer sans délai sa conduite ultérieure, pour le soin de cette grande affaire, à celle que S. M. I. allait suivre. En conséquence j'ai immédiatement transmis au citoyen Laforest, ministre de la république à Munich, l'ordre de se rendre à Ratisbonne, pour y présenter à la diète de l'Empire la déclaration signée de moi et de tout point conforme à celle, que le prince Kourakin a souscrit. De plus le citoyen Laforest a été pareillement averti de s'unir entièrement de conduite et d'efforts avec m. le baron de Buhler, tant pour la direction générale de la négociation, que pour les points particuliers qui intéressent la cour de Russie, savoir: un supplément d'indemnisation pour le duc d'Oldenbourg, et pour le duc de Mecklembourg-Schwerin la dignité électorale.— S. M. l'Empereur de Russie peut être assuré qu'il ne sera négligé aucun moyen de faire prévaloir les objets qui lui tiennent à cœur, et en toute occasion vous devez insister sur la ferme disposition, où est le 1-r consul, de ne

---

Парижъ, 6/18 августа 1802.

*) ....Какъ только 1-й консулъ освѣдомился о полномъ приступленіи е. в—ва, россійскаго императора, къ плану вознагражденія, рѣшенному и условленному здѣсь между графомъ Морковымъ и мною, онъ тотчасъ же занялся тѣмъ, какъ бы безъ замедленія согласовать свое поведеніе въ заботахъ объ этомъ великомъ дѣлѣ съ поведеніемъ, принимаемымъ е. и. в—вомъ. Вслѣдствіе этого я немедленно послалъ приказъ гражданину Лафорэ, министру республики въ Мюнхенѣ, отправиться въ Регенсбургъ, чтобы предъявить тамъ имперскому сейму объявленіе, подписанное мною и вполнѣ согласное съ тѣмъ, которое подписано княземъ Куракинымъ. Сверхъ того дано знать гражданину Лафорэ, чтобы онъ вполнѣ, какъ въ своемъ поведеніи, такъ и въ своихъ усиліяхъ, соединился съ барономъ Бюлеромъ касательно и общаго направленія дѣла, и особыхъ пунктовъ, интересующихъ русскій дворъ, а именно, насчетъ прибавки вознагражденія герцогу ольденбургскому и доставленія курфюршескаго званія герцогу мекленбургъ-шверинскому.— Е. в. россійскій императоръ можетъ быть увѣренъ, что не пренебрегутъ никакимъ средствомъ провести близкіе его сердцу вопросы; и при всякомъ

faire, de ne proposer, de ne poursuivre absolument rien dans les affaires d'Allemagne, qui ne soit entièrement d'accord avec les vues et le système concerté entre les deux gouvernements.—Je joins ici un pouvoir spécial, qui vous est donné par le 1-r consul pour, de concert avec le ministre d'Angleterre, requérir et recevoir l'accession de la cour de Russie aux stipulations du traité d'Amiens renfermées dans l'article X et qui concerne la restitution de l'île de Malte à l'ordre de St. Jean. Nonobstant le premier paragraphe de l'article X, on est convenu, que pour cette fois le grand-maître serait nommé par le pape, qui choisira parmi les candidats choisis par les prieurés. Il n'y a donc point de difficultés à ce que cette circonstance particulière à la première élection soit consignée dans l'acte d'accession, mais ce à quoi vous devez vous appliquer c'est que dans la rédaction de cet acte la Russie ne paraisse que comme puissance accédante, et qu'il n'en puisse inférer pour l'avenir aucun patronage particulier sur l'île et l'ordre de Malte...

Paris. 141, 195. Черновая.

случаѣ вы должны настаивать на твердомъ намѣреніи 1-го консула рѣшительно ничего не дѣлать, ничего не предлагать, ничему не содѣйствовать въ дѣлахъ Германіи, что не согласовалось бы вполнѣ съ видами и системой, принятой обоими правительствами.—Прилагаю особое полномочіе вамъ отъ 1-го консула, чтобы вы, совмѣстно съ англійскимъ министромъ, добивались и получили приступленіе русскаго двора къ изложеннымъ въ статьѣ X условіямъ амьенскаго договора касательно возвращенія острова Мальты ордену св. Іоанна. Несмотря на 1-й § статьи X, согласились, чтобы на этотъ разъ великій магистръ былъ назначенъ папой изъ числа кандидатовъ, избранныхъ пріоратами. Стало быть, нѣтъ препятствій къ тому, чтобы эта особенность первыхъ выборовъ была упомянута въ актѣ приступленія. Вы должны стараться только объ одномъ,—чтобы въ изложеніи этого акта Россія оказалась лишь приступающею державой и чтобы она впредь не могла выводить изъ него права на какое-нибудь особое покровительство надъ островомъ Мальтой и его орденомъ....

№ 194.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 2 fructidor an X.

*) Le vice-chancelier prince Kourakin vous engage à témoigner de nouveau au 1-r consul le vif intérêt, que l'Empereur Alexandre prend au sort du roi de Sardaigne, et son désir que la volonté, que le 1-r consul a manifesté de lui procurer des indemnités pour le Piémont, ne tarde pas à avoir son effet. Le roi de Sardaigne, regardant l'air de cette île comme contraire à sa santé, a témoigné, combien il était contrarié de ne pouvoir rester à Rome, à l'Empereur Alexandre, qui voudrait que le 1-r consul puisse lui laisser la liberté de rester dans cette ville jusqu'à ce qu'il ait obtenu une indemnité du Piémont. S. M. I. attache le plus grand prix à tout ce que la justice et la générosité du 1-r consul lui dicteront en faveur de ce monarque, et il espère qu'il y trouvera autant de plaisir qu'il en a eu à faire ce qui a pu être agréable au 1-r consul spécialement dans l'affaire des indemnités. Je vous rends les propres expressions du vice-chancelier, qui m'a ajouté que m. le comte de Morcoff allait recevoir l'ordre de redoubler d'efforts en faveur du roi de Sardaigne. Je suis persuadé que l'Empereur Alexandre se-

---

Петербургъ, 7/19 августа 1802.

*) Вице-канцлеръ князь Куракинъ приглашаетъ васъ снова засвидѣтельствовать 1-му консулу живое участіе, которое императоръ Александръ принимаетъ въ судьбѣ сардинскаго короля, а также его желаніе, чтобы не замедлила исполниться заявленная ему воля 1-го консула доставить ему вознагражденіе за Пьемонтъ. Сардинскій король заявилъ императору Александру, какъ ему непріятно, что онъ не могъ остаться въ Римѣ, такъ какъ воздухъ этого острова вреденъ его здоровью; и императоръ желалъ бы, чтобы 1-й консулъ предоставилъ ему свободу оставаться въ этомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока не получится вознагражденіе за Пьемонтъ. Е. и. в—во очень высоко оцѣнитъ все, что чувства справедливости и великодушія внушатъ 1-му консулу въ пользу этого монарха; и онъ надѣется, что ему будетъ это такъ же пріятно сдѣлать, какъ пріятно было ему самому дѣлать все угодное 1-му консулу, въ особенности же въ дѣлѣ вознагражденій. Передаю вамъ собственныя слова вице-канцлера, который прибавилъ, что графу Моркову посылается приказаніе удвоить свои усилія въ пользу сардинскаго короля. Я увѣренъ,

rait satisfait d'apprendre directement du 1-r consul ce qu'il lui sera possible de faire pour ce prince.

Paris. 141, 199. Подлинникъ.

№ 195.—Морковъ Кочубею.

Paris, 9/21 août 1802.

*) M. Barthes, officier sarde, est arrivé ici il y à quelques jours en courrier et m'a apporté une lettre de m. le marquis de St. Marsan, qui me priait de tâcher d'obtenir du gouvernement français un allègement au sort des piémontais, qui se trouvaient au service du roi de Sardaigne et qui étaient traités avec tant de rigueur par le dernier arrêté des consuls concernant les piémontais émigrés... J'ai profité du cercle qu'il y a eu dimanche dernier chez le 1-r consul, pour lui parler de cette affaire et le pressentir de nouveau de s'occuper, conformément aux stipulations de notre convention secrète, des intérêts du roi de Sardaigne. (Il me déclara formellement que jamais il ne rendrait le Piémont de gré; que même il ne verrait pas avec plaisir ce prince établi en Italie, où il craindrait de le voir sans cesse occupé du soin de contrarier les vues et les desseins de la France; mais qu'il s'entendrait volontier avec S. M. I. à lui procurer quelque autre partie, comme

---

что императору Александру было бы пріятно узнать прямо отъ 1-го консула, чтó онъ найдетъ возможнымъ сдѣлать для этого государя.

Парижъ, 9/21 августа 1802.

*) Нѣсколько дней тому назадъ, прибылъ сюда курьеромъ г. Бартъ, сардинскій офицеръ. Онъ привезъ мнѣ письмо маркиза С. Марсана, который проситъ меня попытаться получить отъ французскаго правительства облегченіе участи пьемонтцевъ, которые находились на службѣ у сардинскаго короля и подверглись крайне суровому приговору консуловъ относительно пьемонтскихъ эмигрантовъ.... Я воспользовался собраніемъ у 1-го консула, въ послѣднее воскресенье, чтобы поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и снова побудить его заняться интересами сардинскаго короля, согласно съ условіями нашей тайной конвенціи. Онъ формально объявилъ мнѣ, что никогда не отдастъ Пьемонта добровольно и что ему будетъ непріятно видѣть этого принца поселившимся въ Италіи, гдѣ, какъ онъ опасается, онъ вѣчно будетъ стараться служить помѣхой видамъ и намѣреніямъ Франціи. Впрочемъ, онъ охотно готовъ сговориться съ е. и. в—мъ, чтобы доставить ему какой-либо

par exemple en Turquie ou en Alger. Il profita de l'étonnement que m'a causé cette ouverture, pour continuer à me dire qu'il voyait l'empire turque prêt à crouler en Europe; que dans cette circonstance les puissances, comme la Russie et l'Autriche, qui l'avoisinent, songeront naturellement à se faire leur part de ces débris, et que pourvu qu'on laissât à la France celles qui lui conviennent, il ne s'opposerait à rien; que s'il ne restait pas de quoi former au roi de Sardaigne un établissement honorable en Grèce, on pourrait se rabattre sur les côtes de l'Afrique, lorsque la puissance barbaresque y serait détruite, à quoi il allait travailler incessamment. Lorsque je lui eus allégué d'un côté l'incertitude de ces futures contingents et de l'autre le besoin absolu où se trouvait le roi de Sardaigne de recouvrer incessamment une existance convenable à son rang, il s'offrit à y pourvoir, dès qu'il serait rendu à Cagliari, en concluant avec lui un traité formel et en lui assignant pour le présent un traitement de 2 millions de livres tournois par an. Après lui avoir fait sentir la disproportion de cette offre avec les pertes qu'on faisait essuyer au roi de Sardaigne, j'ai ajouté que je les trouvais si peu admissibles, que je n'en rendrait compte à S. M. I. que pour lui apporter une nouvelle preuve du peu de disposition que lui, 1-r consul, montrait à satisfaire aux droits et aux titres du roi de Sardaigne. Il me répliqua que les intérêts de la France, qu'il devait préférer à

другой удѣлъ, напр., въ Турціи или Алжирѣ. Воспользовавшись моимъ изумленіемъ при такомъ откровеніи, онъ продолжалъ, что, на его взглядъ, турецкая имперія готова рухнуть въ Европѣ и въ такомъ случаѣ такія сосѣднія державы, какъ Россія и Австрія, естественно пожелаютъ имѣть свою долю въ ея развалинахъ: онъ, съ своей стороны, ничему не воспротивится, если только предоставятъ Франціи сподручныя ей доли; и еслибы не изъ чего было образовать въ Греціи достойнаго удѣла для сардинскаго короля, то можно бы было завести рѣчь о берегахъ Африки, когда будетъ разрушено тамъ могущество берберовъ, чѣмъ онъ займется немедленно. Когда я поставилъ ему на видъ, съ одной стороны, невѣрность этихъ будущихъ удѣловъ, съ другой — рѣшительную необходимость немедленно доставить сардинскому королю приличное его сану существованіе, онъ предложилъ позаботиться объ этомъ, какъ только король удалится въ Кальяри, гдѣ съ нимъ заключатъ формальный договоръ и назначатъ ему покуда содержаніе въ 2 милліона ливровъ ежегодно. Показавъ ему несоразмѣрность этого предложенія съ наложенными на сардинскаго короля лишеніями, я прибавилъ, что, въ виду ихъ невозможности, мой отчетъ о нихъ е. и. в—ву послужитъ лишь новымъ доказательствомъ слабаго расположенія со стороны его, 1-го консула, соблюсти права сардинскаго короля. Онъ возразилъ, что интересы Франціи,

tout, ne lui permettaient pas de faire davantage pour ce prince; que quant à ceux de ses sujets, qui craignaient le décret sur le Piémont pour leur propre existence, il ne refuserait pas à leur accorder des délais, qui ne seraient pas totalement incompatibles avec l'ordre qu'il allait établir dans ce nouveau département de la France. Le lendemain de cette conversation je vis m. de Talleyrand et remettant ce sujet sur le tapis avec lui, il réduisit l'offre faite par le 1-r consul de 2 millions pour le traitement du roi à 150,000 livres tournois et le délai accordé à ses sujets piémontais, qui d'ailleurs ne sont que 5 à 6 individus, au terme bien court d'un mois... Dans cet entretien avec m. de Talleyrand je lui ai fait sentir combien peu de réciprocité il y avait dans leurs procédés vis-à-vis de S. M I., qui ne cessait de leur témoigner les égards les plus marqués pour toutes leurs demandes et leurs désirs dans les objets les plus importants, tandis qu'eux lui opposent des difficultés sans fin dans les plus petites choses. Quoique m. de Talleyrand n'en convînt point, il n'en est pas moins vrai de dire que S. M. traite directement avec eux ou avec d'autres, où leur influence peut atteindre, et qu'ils cherchent à entraver et à rendre nul l'intérêt, qu'elle daigne témoigner. J'en puis citer une nouvelle preuve. Il n'y a pas longtemps, que le légat Caprara m'a manifesté que le pape allait incessamment nommer le grand maître de Malte et que son choix était fixé sur le

---

которые онъ долженъ предпочитать всему, не дозволяютъ ему сдѣлать больше для этого государя; что же касается интересовъ тѣхъ изъ его подданныхъ, которые опасаются за собственное существованіе, въ виду указа о Пьемонтѣ, то онъ не откажетъ имъ въ отсрочкахъ, которыя не будутъ совсѣмъ несовмѣстны съ порядкомъ, вводимымъ имъ въ этомъ новомъ французскомъ департаментѣ. На слѣдующій день я видѣлся съ г. Талейраномъ и снова затронулъ этотъ предметъ. Онъ понизилъ предложенные 1-мъ консуломъ 2 милліона до 150.000 ливровъ, а отсрочку пьемонтскимъ подданнымъ, которыхъ впрочемъ всего 5—6 человѣкъ, довелъ до весьма короткаго времени,—до 1 мѣсяца.... Въ этомъ разговорѣ съ г. Талейраномъ я замѣтилъ ему, какъ мало соотвѣтствія между ихъ поведеніемъ относительно е. и. в—ва, который не переставалъ самымъ явнымъ образомъ уважать ихъ просьбы и желанія въ самыхъ важныхъ случаяхъ, тогда какъ они представляютъ ему безконечныя препятствія даже въ пустякахъ. Хотя г. Талейранъ и не согласился съ этимъ, однако должно сказать, что е. в—во прямо дѣйствуетъ съ ними или такъ, куда достигаетъ ихъ вліяніе, а они стараются ослабить и подорвать заявляемое имъ участіе. Вотъ новое доказательство. Недавно легатъ Капрара заявилъ мнѣ, что папа немедленно назначитъ великаго магистра Мальты и что его выборъ остановился на бальи Томази; а теперь онъ только-что ска-

bailli de Thomasi; actuellement il vient de me dire que le pape ferait un autre choix à l'instigation du gouvernement français, qui lui avait fait connaître qu'il ne verrait pas avec plaisir élever à cette place un sujet protégé par S. M. I. Le cardinal Caprara m'a vivement recommandé la plus grande prudence sur cette confidence, qu'il me faisait.

Pétersbourg. Paris, 1802, 209. Подлинникъ.

№ 196.—Рескриптъ Моркову.

Pétersbourg, 12/24 août 1802.

*) La situation à laquelle se trouve réduit le roi de Sardaigne et tout ce que ce prince éprouve de la part du gouvernement français ont bien droit d'exciter la plus vive sensibilité, et ce n'est pas sans le plus extrême déplaisir, que j'ai appris les nouvelles persécutions qu'on lui fait essuyer. Comme s'il n'était pas assez infortuné après avoir perdu la partie la plus essentielle de ses états, on ajoute encore à ses malheurs ceux d'un acharnement personnel, qui le poursuit dans l'espèce de retraite qu'il s'est choisi, pour attendre qu'il soit enfin décidé sur son sort; on lui prescrit de s'éloigner de Rome et de se rendre en Sardaigne. On pourrait croire, si cette idée ne répugnait à celle que je

---

залъ мнѣ, что папа сдѣлаетъ другой выборъ, по наущенію французскаго правительства, которое увѣдомило его, что ему непріятно будетъ возвышеніе на этотъ постъ человѣка, покровительствуемаго е. и. в—мъ. Кардиналъ Капрара горячо совѣтовалъ мнѣ соблюдать величайшую осторожность относительно сообщенія, которое онъ довѣрилъ мнѣ.

Петербургъ, 12/24 августа 1802.

*) Положеніе, до котораго доведенъ сардинскій король, и все, что испыталъ онъ отъ французскаго правительства, вполнѣ въ правѣ возбудить самое живое соболѣзнованіе; и я съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ о новыхъ гоненіяхъ, которымъ подвергся онъ. Словно мало ему несчастія потерять самую существенную часть своихъ владѣній: къ его бѣдствіямъ прибавляютъ личную ненависть, съ которою преслѣдуютъ его въ своего рода убѣжищѣ, которое избралъ онъ, чтобы выжидать рѣшенія своей участи; ему предписываютъ удалиться изъ Рима и отправляться въ Сардинію. Можно бы подумать (еслибы только эта мысль не была противна моему представленію о справедливости 1-го консула), что этимъ удаленіемъ его сардинскаго величества хотятъ на-

me suis faite de la justice du 1-r consul, qu'on ne veut ainsi éloigner s. m. sarde que pour rendre la promesse, qui lui a été faite de lui accorder quelque compensation en Italie, aussi illusoire que l'ont été les promesses de lui rendre le Piémont. Je ne puis le croire encore, mais comme il m'importe de savoir à quelle idée je dois me fixer à cet égard, vous réitérerez vos instances au 1-r consul, pour que cet objet de compensation soit enfin déterminé, et vous en prendrez occasion de lui faire connaître toute la peine que j'ai ressentie des nouveaux procédés du gouvernement contre le roi de Sardaigne. Son séjour à Rome ne paraît sous aucun rapport devoir être inquiétant au point de détresse, auquel on a réduit ce prince; il semble tout naturel au contraire, qu'il veuille uniquement être plus à portée de suivre le cours des évènements et d'attendre l'effet des promesses, qu'on lui a faites, de lui assurer quelque dédommagement en Italie dont le climat d'ailleurs convient davantage à sa santé. Je me flatte encore que ces considérations, représentées au 1-r consul, le porteront à mettre moins de rigueur dans ses procédés contre ce prince. Vous y ajouterez, que je l'attends autant de sa justice que du retour qu'il jugera sans doute convenable d'accorder aux actes multipliés de ma déférence pour tout ce qui m'a été proposé de sa part, et je verrai avec satisfaction que vos représenta-

---

рочно превратить свое обѣщаніе насчетъ вознагражденія въ Италіи въ такую же мечту, какъ первыя обѣщанія дать ему Пьемонтъ. Покуда я еще не могу вѣрить этому. Но такъ какъ для меня важно знать, чего держаться въ этомъ отношеніи, то вы возобновите ваши настоянія у 1-го консула, чтобы это дѣло вознагражденія было, наконецъ, рѣшено. При этомъ случаѣ вы ознакомите его со всѣмъ прискорбіемъ, которое испыталъ я по поводу новыхъ шаговъ правительства противъ сардинскаго короля. Кажется, его пребываніе въ Римѣ ни съ какой стороны не можетъ внушать такихъ опасеній, чтобы доводить его до такихъ бѣдствій. Напротивъ, кажется, вполнѣ естественно, чтобы этотъ государь желалъ только болѣе удобно слѣдить за событіями и выжидать послѣдствій даннаго ему обѣщанія обезпечить за нимъ какое-либо вознагражденіе въ Италіи, климатъ которой вдобавокъ болѣе благопріятенъ его здоровью. Я все еще льщу себя надеждой, что если представить эти соображенія 1-му консулу, то они заставятъ его быть менѣе суровымъ въ своихъ поступкахъ съ этимъ государемъ. Вы прибавите, что я ожидаю этого столько же отъ его чувства справедливости, сколько и отъ взаимности, которую онъ конечно признаетъ умѣстною, въ отвѣтъ на многочисленные случаи моего снисхожденія ко всему, что предлагалось съ его стороны. Мнѣ будетъ пріятно, если ваши представленія доставятъ какое-

tions puissent procurer quelque allégement à la situation facheuse du roi de Sardaigne, au sort duquel je ne cesse de m'intéresser vivement.

Pétersbourg. Paris, 1805, 15. Подлинникъ.

№ 197.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 8 fructidor an X.

*) Les bruits de guerre dont je vous parlais dans le postcript de ma lettre du 17 thermidor se sont évanouis. Un parti considérable qui la désire les renouvelait il y a quelques jours; il est composé des comtes de Woronzoff qui voudraient avoir plus de part au gouvernement, et des généraux qui espèrent être employés. La stricte économie de l'Empereur Alexandre I fait tarir toutes les sources qui alimentaient le luxe des plus puissantes familles, et elles croient que les hazards de la guerre pourraient rétablir cette circulation de dons excessifs, qui ont caractérisé les règnes de Catherine et de Paul I et des dépenses qu'ils entraînaient. L'Empereur Alexandre paraît désirer la paix pour rétablir ses finances; mais il est probable que tôt ou tard il cèdera à l'esprit d'envahissement, que la Russie suit si constamment. Il y a plus de 2 mois que je disais au comte Valérien Zouboff, que si la France et la Russie voulaient s'entendre, on ne tirerait pas un coup de canon

---

либо облегченіе тяжелому положенію сардинскаго короля, участь котораго не перестаетъ живо интересовать меня.

Петербургъ, 13/25 августа 1802.

*) Воинственные слухи, о которыхъ я говорилъ вамъ въ припискѣ къ письму отъ 5 августа, исчезли. Нѣсколько дней тому назадъ, они возобновились, благодаря значительной партіи, желающей войны. Она состоитъ изъ графовъ Воронцовыхъ, желающихъ имѣть побольше участія въ правленіи, и изъ генераловъ, которые надѣятся на полученіе мѣстъ. Строгая бережливость императора Александра I изсушила всѣ источники, которыми питалась роскошь могущественнѣйшихъ фамилій, и онѣ надѣются, что военныя случайности возстановятъ то круговращеніе чрезмѣрныхъ пожалованій и вызываемыхъ ими издержекъ, которымъ отличались царствованія Екатерины и Павла I. Императоръ Александръ I, кажется, желаетъ мира для возстановленія своихъ финансовъ; но возможно, что рано или поздно онъ уступитъ завоевательному духу, которому Россія служитъ съ такимъ постоянствомъ. Болѣе 2 мѣсяцевъ тому назадъ, я сказалъ графу Валеріану Зубову, что если-

en Europe sans leur aveu; il me répondit avec vivacité qu'il en convenait, excepté dans les guerres d'envahissement; je lui répondis que je n'exceptais pas les guerres d'envahissement, qui devaient aussi être concertées. Le général Zouboff, qui me paraît plus franc que ne le sont ordinairement les russes, fait partie de plusieurs comités du collége de la guerre, et s'attire de la considération par son travail; quoiqu'il ait perdu une jambe en Pologne, il a commandé depuis l'armée que Catherine faisait agir contre la Perse lorsqu'elle est morte. Le public le met sur les rangs avec le maréchal de Kamenski et le général Michelson pour commander les armées. Il travaille à faire revenir ici Platon Zouboff, son frère, mais on assure que l'impératrice douairière ne veut pas le revoir. — M. de Kotschubey et m. de Morcoff sont du même bord que les Woronzoff et les emploient pour culbuter le prince Kourakin; j'en serais d'autant plus fâché, qu'ils sont autrichiens et anglais plus que vous ne pouvez le croire. Le ministre en Angleterre Woronzoff, délié courtisan, a toujours quelques mots à dire à l'oreille de l'Empereur dont il étudie tous les mouvements, et il l'amuse par ses contes. On dit qu'il va retourner à Londres; il ne faudra croire à son départ que lorsqu'il sera effectué. — Le lord St. Helens part ces jours-ci par la frégate la „Latone", qui a amené ici le comte de Conaught (le prince William de Glocester). Ce prince restera encore ici quelque temps et

---

бы Франція и Россія пожелали соединиться, не произошло бы ни одного пушечнаго выстрѣла въ Европѣ безъ ихъ согласія. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ живостью, что это такъ, но за исключеніемъ завоевательныхъ войнъ. Я возразилъ, что не исключаю и такихъ войнъ, о которыхъ также должны условливаться заранѣе. Генералъ Зубовъ, который кажется мнѣ болѣе откровеннымъ, чѣмъ вообще русскіе, состоитъ въ разныхъ комитетахъ военной коллегіи и обращаетъ на себя вниманіе своимъ трудолюбіемъ; хотя онъ лишился ноги въ Польшѣ, однако командовалъ потомъ арміей, которую Екатерина двинула противъ Персіи, когда ее постигла смерть. Общественное мнѣніе ставитъ его, относительно военачальства, на одну доску съ маршаломъ Каменскимъ и генераломъ Михельсономъ. Онъ старается возвратить сюда своего брата, Платона Зубова; но увѣряютъ, что вдовствующая императрица не желаетъ его видѣть.—Гг. Кочубей и Морковъ держатся одного берега съ Воронцовыми и пользуются ими для низверженія князя Куракина; это было бы тѣмъ болѣе досадно мнѣ, что они — австрійцы и англичане больше, чѣмъ вы думаете. Министръ въ Англіи, Воронцовъ, тонкій царедворецъ, всегда имѣетъ что̀ сказать на ушко императору, всѣ движенія котораго изучаются имъ; и онъ забавляетъ его своими розсказнями. Говорятъ, онъ возвращается въ Лондонъ; но его отъѣзду можно повѣрить лишь тогда, когда это совершится.—Лордъ

continuera ses voyages par terre. Il n'a pas été très-bien pris ici, quoiqu'il cherche à parler à tout le monde. Il est quelquefois plus que naïf. En se promenant à Péterhof avec le grand-duc Constantin, il lui a fait en propres termes les deux questions suivantes: „De quelle famille est votre mère? Est-ce que votre mère est une bonne femme?" Le grand-duc, qui ne cache pas la haine qu'il porte aux anglais, en a été piqué. Le comte de Conaught lui a demandé le dimanche suivant à la parade, quand il pourrait aller le voir; le grand-duc lui a répondu qu'il le recevrait immédiatement après. Le comte de Conaught l'ayant attendu chez lui en vain, lui a fait dire qu'il y avait été une demie-heure et qu'il ne pouvait rester plus longtemps. Ils se sont portés réciproquement des cartes de visite depuis cette époque; mais le prince anglais hésite de se trouver avec le grand-duc Constantin. Ils étaient cependant tous deux à un bal donné, il y a quelques jours, par le prince Kourakin; mais on a remarqué que le prince anglais n'a pas abordé le grand-duc, et que celui-ci a été longtemps vis-à-vis de la place, où il dansait. — Il n'est pas probable que ce prince soit chargé d'aucune mission importante. — Le ministère impérial a répondu négativement aux démarches du lord St. Helens pour la garantie par l'Empereur de l'indépendance de l'ordre de Malte. La précipitation des anglais dans cette affaire ne cache-t-elle pas un piége? N'ont-ils pas le

---

С. Эленсъ отправляется надняхъ, на фрегатѣ „Латона", который привезъ сюда графа Коноутскаго (принца Уильяма Глочестерскаго). Этотъ принцъ останется здѣсь еще нѣсколько времени и будетъ продолжать свое путешествіе сухимъ путемъ. Его приняли здѣсь не очень-то хорошо, хотя онъ и старается говорить со всѣми. Онъ порой больше, чѣмъ наивенъ. Гуляя, въ Петергофѣ, съ великимъ княземъ Константиномъ, онъ сдѣлалъ ему, слово-въ-слово, слѣдующіе два вопроса: „Изъ какой фамиліи ваша мать? Ваша мать хорошая женщина?". Великій князь, не скрывающій своей ненависти къ англичанамъ, обидѣлся. Въ слѣдующее воскресенье, на парадѣ, герцогъ Коноутскій спросилъ его, когда можетъ застать его; великій князь отвѣчалъ, что приметъ его тотчасъ послѣ парада. Герцогъ Коноутскій тщетно прождалъ у него и велѣлъ сказать, что просидѣлъ у него цѣлыхъ полчаса и не можетъ оставаться дольше. Послѣ того они обмѣнялись визитными карточками; но англійскій принцъ не рѣшается видѣться съ великимъ княземъ Константиномъ. Впрочемъ, нѣсколько дней тому назадъ, они встрѣтились на балу у князя Куракина; но замѣтили, что англійскій принцъ не заговаривалъ съ великимъ княземъ и что послѣдній долго находился напротивъ мѣста, гдѣ онъ танцовалъ. — Врядъ ли этому принцу поручена какая-нибудь важная миссія. — Императорское министерство отвѣчало отказомъ на старанія лорда

désir d'en faire une pomme de discorde entre le 1-r consul et Alexandre I? — Le prince Louis de Bade, dont vous connaissez la mission, a été fort aise d'en trouver l'objet rempli. Il a mieux réussi que le prince d'Angleterre; il m'a singulièrement recommandé de vous engager à parler au général Bonaparte de sa vénération et de sa reconnaissance. — L'impératrice-mère, jalouse des avantages que la maison de Bade a déjà retirés des indemnités, a paru surtout piquée qu'on ait mis dans le projet le margrave de Bade avant le duc de Wurtemberg pour la dignité électorale, parce que la prééminence n'avait pas été jusqu'à présent contestée au duc de Wurtemberg. — On est content en Prusse de tout ce qui est relatif aux indemnités...

Paris. 141, 205. Подлинникъ.

№ 198.—Бонапартъ Императору Александру I.

Paris, 11 fructidor an X.

*) Le colonel Colaincour m'a appris les bontés que V. M. a bien voulu avoir pour lui.—A l'heure qu'il est, la note relative aux affaires d'Allemagne doit être présentée à Ratisbonne par le ministre de V. M. et par celui de France. Sur ces entrefaites l'électeur de Mayence étant

---

С. Эленса добиться отъ императора гарантіи независимости мальтійскаго ордена. Нѣтъ ли западни въ поспѣшности англичанъ въ этомъ дѣлѣ? Не желаютъ ли они сдѣлать изъ него яблоко раздора между 1-мъ консуломъ и Александромъ I?—Принцъ Лудвигъ баденскій, дѣло котораго вамъ извѣстно, очень радъ, что оно исполнилось. Онъ пользовался бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ англійскій принцъ. Онъ особенно просилъ меня, чтобы вы засвидѣтельствовали генералу Бонапарту его почтеніе и признательность.—Императрица-мать, ревнуя къ выгодамъ, которыя уже получены баденскимъ домомъ въ дѣлѣ вознагражденій, кажется, особенно оскорбилась тѣмъ, что маркграфъ баденскій поставленъ въ проектѣ впереди герцога вюртембергскаго относительно курфюршескаго достоинства; а до сихъ поръ никто не оспаривалъ первенства у герцога вюртембергскаго.—Въ Пруссіи довольны всѣмъ, что касается вознагражденій....

Парижъ, 17/29 августа 1802.

*) Полковникъ Коленкуръ извѣстилъ меня о милостяхъ, которыя в. в—во соблаговолили оказать ему.—Въ переживаемый нами моментъ нота о дѣлахъ Германіи должна быть предъявлена въ Регенсбургѣ министромъ в. в—ва и министромъ Франціи. Между тѣмъ, только-что умеръ курфюрстъ майнцскій—

venu à mourir, il ne reste plus qu'un seul électeur ecclésiastique à placer.—J'ai retiré toutes les troupes de l'Helvétie, des états du pape et du royaume de Naples. Sous peu je compte retirer celles, qui se trouvent dans la Toscane, la Ligurie et la Batavie. Je prierai à cette occasion V. M. de vouloir permettre que le roi d'Etrurie lui écrive, ce prince attachant un grand prix à être définitivement reconnu par V. M.—La république Ligurienne se trouvant organisée, si V. M. voulait faire connaître, qu'elle est satisfaite du système qui a été établi, elle ferait un grand plaisir à ces peuples. — La très petite république de Lucques serait également flattée, que V. M. voulût manifester qu'elle agrée et reconnaît son existence. — Le dey d'Alger, après avoir exigé de l'Espagne une forte somme d'argent pour la continuation de la paix, a été assez osé pour me faire dire que si dans 40 jours je ne lui envoyais pas 2 millions, il déclarerait la guerre à la France. Cette conduite est d'autant plus inouie que ces pirates, sentant combien la France est proche d'eux, l'avaient toujours ménagée davantage. J'ai envoyé 3 vaisseaux de guerre à Alger et j'espère que le dey accèdera à toutes les réparations, que j'ai le droit de demander. — L'existence de ces pirates est une honte pour toutes les grandes puissances de l'Europe, et il serait à désirer que l'on pût s'entendre pour les faire vivre en honnêtes gens. Car, puisque la croix ne fait plus la guerre au croissant,

---

и остается устроить только одного духовнаго курфюрста. — Я удалилъ всѣ войска изъ Гельвеціи, изъ папскихъ владѣній и изъ Неаполитанскаго королевства. Вскорѣ разсчитываю отозвать и тѣ, которыя находятся въ Тосканѣ, Лигуріи и Батавіи. При этомъ случаѣ попрошу соизволенія в. в—ва на то, чтобы король Этруріи написалъ вамъ: этотъ принцъ придаетъ большую цѣну окончательному признанію со стороны в. в—ва.—Лигурійская республика уже устроена: еслибы в. в—во соблаговолили заявить, что вы довольны установленной системой, вы сдѣлали бы большое удовольствіе этимъ народамъ.— И крошечная республика Лукка была бы польщена, еслибы в. в—во соблаговолили заявить, что вы принимаете и признаете ея существованіе.—Алжирскій дей, потребовавшій у Испаніи большую сумму денегъ за продолженіе мира, осмѣлился сказать мнѣ, что если въ 40 дней я не пришлю ему 2 милліоновъ, онъ объявитъ войну Франціи. Это тѣмъ болѣе неслыханное поведеніе, что эти пираты, чувствуя близость Франціи, всегда щадили ее особенно. Я послалъ въ Алжиръ 3 военныхъ судна: надѣюсь, дей согласится на всякое удовлетвореніе, какое я въ правѣ требовать.— Существованіе этихъ пиратовъ — позоръ для всѣхъ великихъ державъ Европы: желательно сговориться, чтобы принудить ихъ жить честными людьми. Вѣдь, если крестъ не воюетъ больше съ луной, то съ какой стати сносить отсутствіе взаимности?

pourquoi souffrir que la réciprocité n'ait pas lieu? Les côtes de Barbarie sont fertiles; leurs habitants pourraient vivre tranquils et cultiver leurs terres, sans commettre de pirateries.—Je prie V. M. de croire à l'estime toute particulière que j'ai pour elle.

Pétersbourg. Cabinet. 1802, 3. Подлинникъ.

№ 199.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 22 fructidor an X.

*) Je vous envoie le résumé de ce que le public dit ici sur un complot, qui paraît avoir existé contre la vie de l'E-r Alexandre.—On assure que Choubin a chargé le grand-duc Constantin; je ne pense pas qu'il soit capable de cette atrocité, parce qu'il aime son frère et qu'à une mauvaise tête il joint un bon coeur. Au surplus ayant beaucoup de la violence de son père sans avoir autant d'esprit, il ne jouirait pas ou jouirait peu de temps du fruit d'un pareil crime. Je suis sûr qu'il a dit, que s'il avait le malheur de perdre son frère, il ne voulait pas monter sur le trône pour être aussi assassiné et que dans ce cas il y renoncerait pour le jeune grand-duc Michel. — Beaucoup de personnes croient que les nobles, qui aiment le désordre du gouvernement des femmes, voudraient voir la jeune impératrice sur le trône; elle a du

---

Берега Берберіи плодоносны; ихъ обитатели могли бы жить спокойно и обрабатывать свои земли, не совершая морскихъ разбоевъ. — Прошу в. в—во вѣрить совершенно особенному уваженію, которое я питаю къ вамъ.

Петербургъ, 28 августа (9 сентября) 1802.

*) Посылаю вамъ краткое изложеніе того, что говорятъ здѣсь въ обществѣ о заговорѣ, который будто бы былъ устроенъ противъ жизни и—ра Александра.—Увѣряютъ, что Шубинъ сваливалъ на вел. князя Константина; но я не думаю, чтобы послѣдній былъ способенъ на такое звѣрство: онъ любитъ своего брата, и у него доброе сердце соединяется съ плохой головой. Сверхъ того, обладая въ значительной степени жестокостью своего отца, но уступая ему въ умѣ, онъ не воспользовался бы вовсе или воспользовался бы мало плодомъ подобнаго злодѣянія. Какъ мнѣ извѣстно, онъ сказалъ, что имѣй онъ несчастье потерять брата, онъ не пожелалъ бы вступить на престолъ, чтобы также быть убитымъ, и что въ такомъ случаѣ онъ отрекся бы въ пользу молодого вел. князя Михаила.—Многіе думаютъ, что вельможи, любящіе безпорядокъ женскаго правленія, желали бы видѣть на престолѣ молодую

caractère et de l'instruction, mais elle n'annonce pas d'ambition et ne cherche pas même à prendre aucune influence sur son mari; elle a été couronné avec lui, mais elle n'a pas d'enfants. Sa soeur et deux de ses dames d'honneur font sa société intime. Il n'y a véritablement ici de cour que chez l'impératrice mère, qui se fait des partisans par son affabilité, mais qui n'a point de caractère et est un peu commère.— L'E-r a de temps à autres quelques petites aventures galantes, qui jusqu'à présent n'ont point influé sur le gouvernement et ne l'ont entraîné dans aucune dépense ostensible. — Il a trop peu de représentation, et il est certain que sa bonté et son économie ne sont pas appréciées par les russes et principalement par les nobles, qui veulent être frappés par l'éclat, sont avides de richesses et ont besoin d'être menés durement. Où trouveraient-ils un plus honnête homme et plus occupé du bonheur de ses peuples? Les souverains sont ici plus qu'ailleurs sur un volcan, et leur grandeur ne peut les dédommager de leur pénible existence.

Paris. 141, 221. Подлинникъ.

императрицу: у нея есть характеръ, она образована. Но она не проявляетъ честолюбія, даже не добивается какого-либо вліянія надъ своимъ мужемъ. Она вѣнчана на царство вмѣстѣ съ нимъ; но у нея нѣтъ дѣтей. Ея сестра и двѣ фрейлины составляютъ ея дружескій кружокъ. Дворъ состоитъ здѣсь собственно только при императрицѣ-матери, которая создаетъ себѣ приверженцевъ своею привѣтливостью; но у нея нѣтъ характера, и она немного сплетница.—И—ръ занимается отъ времени до времени любовными приключеньицами; но до сихъ поръ они не имѣли вліянія на правленіе и не вводили его въ значительные расходы.—Онъ совсѣмъ не представителенъ, и несомнѣнно, что его доброта и бережливость не цѣнятся русскими, въ особенности же вельможами: они жадны до богатствъ, любятъ, чтобы ихъ поражали блескомъ, и нуждаются въ строгости. Гдѣ имъ найти болѣе честнаго человѣка, болѣе занятаго счастьемъ своихъ подданныхъ? Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, монархи на волканѣ, и величіе не можетъ вознаградить ихъ за тяжелое существованіе.

№ 200.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 22 fructidor an X.

*) M. Choubin, officier dans un des régiments des gardes, a reçu un coup de pistolet à 10 h. du soir au Jardin d'Eté. Cet évènement a fait le plus grand bruit et a été raconté de mille manières différantes. — Choubin est joueur et libertin; ses affaires sont en désordre, on le dit peu délicat pour se procurer de l'argent, mais il est extrêmement bête; de sorte que si l'on a pu douter de la véracité de son rapport et l'avoir soupçonné de s'être blessé lui-même, du moins son peu d'esprit ferait-il croire qu'il n'a pas été capable d'imaginer et de suivre le plan, que ses dépositions ont fait connaître.—Choubin avait vu depuis 3 semaines très souvent et familièrement un nommé Grégorivanitz, soi-disant fournisseur de filles et qui n'a jamais voulu se faire connaître sous un autre nom. Après avoir sondé Choubin dans plusieurs entrevues, il osa s'ouvrir à lui du plan d'une conjuration contre la vie de l'E-r et lui promit 30 mille roubles. Choubin feignit d'écouter cette proposition, mais bientôt après il va déclarer lui-même le complot à l'E-r. On assure que celui-ci fut prêt à verser des larmes en apprenant qu'on en voulait à une vie, qu'il employait toute entière au bon-

---

Петербургъ, 28 августа (9 сентября) 1802.

*) Офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ, г. Шубинъ, раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ, въ 10 час. вечера, въ Лѣтнемъ саду. Это событіе надѣлало очень много шуму, и о немъ разсказываютъ на тысячу ладовъ.— Шубинъ—игрокъ и развратникъ. Его дѣла запутаны. Говорятъ, онъ не задумывается насчетъ средствъ для добыванія денегъ. Но онъ крайне глупъ, такъ что, если можно было сомнѣваться въ правдивости его доноса и подозрѣвать, что онъ самъ себя ранилъ, то, во всякомъ случаѣ, его слабоуміе заставляетъ думать, что онъ не былъ способенъ создать и исполнить планъ, изложенный въ его дознаніи.—Шубинъ въ теченіе 3 недѣль часто и запросто видѣлся съ нѣкіимъ Григоріемъ Ивановичемъ, мнимымъ поставщикомъ извѣстныхъ женщинъ, который никогда не объявлялъ другого имени. Испытавши Шубина въ нѣсколько свиданій, онъ осмѣлился открыть ему планъ заговора противъ жизни императора и обѣщалъ ему 30,000 рублей. Шубинъ притворился, что склоняется къ этому предложенію, а самъ вскорѣ пошелъ заявить императору о заговорѣ. Императоръ, говорятъ, чуть не расплакался, узнавши, что покушаются на жизнь, которую онъ всецѣло посвящаетъ благу

heur de son peuple; mais le courage prenant le dessus, il dit à Choubin de ne parler de cette confidence à qui que ce soit, et l'engage à continuer ses conférences avec Grégorivanitz, afin de connaître les moyens et les noms des conjurés. L'E-r n'en suivit pas moins son train de vie ordinaire sortant seul ou très peu accompagné, et il parut parfaitement tranquille au bal masqué donné à Péterhof le jour de la fête de sa mère. Choubin revit Grégorivanitz et apprit de lui les noms de trois conjurés: le général *Bauer*, *Ozeroff* aide de camp du grand-duc, *Rozin* colonel aux gardes et plusieurs officiers du même corps. Huit jours après le bal Choubin reçoit un rendez-vous de Grégorivanitz près du Jardin d'Eté. Il prend avec lui un de ses amis, *Poltorasky*, dont la moralité n'est pas moins équivoque que la sienne, et se rend où l'attendait Grégorivanitz. Celui-ci, apercevant deux hommes, appelle Choubin et lui dit qu'il ne veut pas parler devant témoin. Choubin se sépare donc de son second et entre au Jardin d'Eté. A peine arrivé à la première allée Grégorivanitz s'arrête et lui dit: „Vous avez parlé de notre affaire". Choubin nie. „Vous en avez parlé à l'E-r lui-même". repartit Grégorivanitz, „je le tiens des personnes qui sont près de lui, et pour que vous n'en parliez pas davantage"... En disant ces mots il sort un pistolet de dessous son manteau, Choubin veut mettre la main à son epée, le coup part, et il tombe blessé par une balle qui lui tra-

---

своего народа. Но ободрившись, онъ приказалъ Шубину никому не говорить объ этой тайнѣ и продолжать свои совѣщанія съ Григоріемъ Ивановичемъ, чтобы узнать средства и имена заговорщиковъ. А императоръ велъ обычный образъ жизни: ходилъ одинъ или съ ничтожною свитой и казался совершенно спокойнымъ на маскированномъ балу въ Петергофѣ, въ праздникъ рожденія своей матери. Шубинъ видѣлся съ Григоріемъ Ивановичемъ и узналъ отъ него имена трехъ заговорщиковъ — генерала *Бауэра*, адъютанта вел. князя, *Озерова*, и полковника гвардіи, *Розена*,—а также многихъ офицеровъ того же вѣдомства. Восемь дней спустя послѣ бала, Шубинъ явился на свиданіе съ Григоріемъ Ивановичемъ, у Лѣтняго сада. Онъ взялъ съ собой своего друга, *Полторацкаго*, человѣка такой же сомнительной нравственности, какъ онъ самъ, и отправился къ мѣсту, гдѣ ждалъ его Григорій Ивановичъ. Послѣдній, видя двухъ человѣкъ, отзываетъ Шубина и заявляетъ ему, что не станетъ говорить при свидѣтелѣ. Шубинъ разлучается съ своимъ спутникомъ и входитъ въ Лѣтній садъ. Не успѣли они войти въ первую аллею, какъ Григорій Ивановичъ останавливается и говоритъ: „Вы проговорились о нашемъ дѣлѣ". Шубинъ отнѣкивается. „Вы говорили самому императору", возражаетъ Григорій Ивановичъ: „я знаю это отъ его приближенныхъ; и чтобы вы больше не говорили объ этомъ..." При этихъ словахъ, онъ вынимаетъ пи-

verse le téton droit et les chairs du bras droit. Poltorasky accourt au bruit et voyant Choubin renversé, il se sauve et dit à un officier qu'il rencontre aller secourir Choubin, qui vient d'être assassiné. La garde arrive, on cherche vainement. L'assassin avait disparu. La nouvelle en est sur le champ portée à l'E-r qui crée, pour recevoir les dépositions de Choubin et faire des recherches, une commission présidée par le feld-maréchal *Caminsky* et composée du général major *Ouvaroff*, du prince *Volconsky*, tous deux aides de camp généraux, *Troschinsky*, grand maître des requêtes, et *Makaroff*, membre du tribunal secret sous le règne de Paul; le conseiller de cour Narbout est chargé de la procédure. — Les conjurés nommés sont arrêtés, mais à leur interrogatoire sont reconnus innocents et relâchés de suite par ordre de l'E-r. Depuis ce temps, soit pour éloigner les recherches, soit par la connaissance qu'on a du caractère de Choubin, on répand le bruit qu'il s'est battu avec un des amants de sa femme; d'autres, que s'est Poltorasky qui, amoureux de m-me Choubin, a monté le coup pour se défaire d'un mari qui le gênait; d'autres, enfin, que Choubin, espérant une gratification de l'E-r, a imaginé la conjuration et s'est blessé lui-même. Il est extrêmement difficile dans un pays, où toutes les ambitions et les haines se croisent, de démêler la vérité au milieu des bruits que chaque clique répand à son profit. — Ce qu'il y a d'étonnant, c'est que les visites domiciliaires

---

столетъ изъ-подъ пальто. Шубинъ хватается за саблю. Но раздается выстрѣлъ—и онъ падаетъ, раненый пулею, которая прошла черезъ правый сосокъ и черезъ мягкія части правой руки. Полторацкій прибѣгаетъ на шумъ, и, видя Шубина распростертымъ, убѣгаетъ и говоритъ одному повстрѣчавшемуся офицеру, чтобъ онъ шелъ на помощь сейчасъ убитому Шубину. Приходитъ стража; но поиски напрасны: убійца исчезъ. Тотчасъ же извѣщаютъ императора, который назначаетъ коммиссію для снятія допроса съ Шубина и для розысковъ. Предсѣдатель ея—фельдмаршалъ *Каменскій*, члены—генералъ-маіоръ *Уваровъ*, кн. *Волконскій* (оба—генералъ-адъютанты), начальникъ коммиссіи прошеній *Трощинскій* и *Макаровъ*, членъ тайнаго суда при Павлѣ I; ходомъ дѣла поручено завѣдывать надв. совѣтнику Нарбуту. — Названные заговорщики арестованы; но послѣ допроса ихъ признали невиновными и тотчасъ освободили, по приказу императора. Съ тѣхъ поръ распространяютъ разные слухи, съ цѣлью ли отстранить розыски, или на основаніи характера Шубина. Одни говорятъ, что онъ дрался съ однимъ изъ любовниковъ своей жены; другіе—что стрѣлялъ влюбленный въ г-жу Шубину Полторацкій, желавшій отдѣлаться отъ мужа, который стѣснялъ его; третьи — что Шубинъ, надѣясь на награду отъ императора, сочинилъ заговоръ и самъ себя ранилъ. Въ странѣ, гдѣ переплетаются честолюбія и ненависти, крайне трудно узнать

n'ont été faites que 8 jours après l'évènement, ainsi que l'envoi du signalement de Grégorivanitz par des courriers dans tous les gouvernements voisins, et qu'on a fait promettre par la police 5 mille roubles à celui, qui le livrerait. La commission est toujours en activité. — P. S. Choubin vient de mourir, que ce soit de ses blessures ou empoisonné, comme on le dit; dans l'une ou l'autre hypothèse on voit la preuve de l'existence d'un complot. Choubin a persisté jusqu'à la fin à charger des personnages de la plus haute conséquence.—Il est impossible d'imaginer une police plus mal organisée que celle de Pétersbourg. L'E-r vient cependant de s'en occuper; il a remplacé m. *Gléboff*, maître de police, par un de ses aides-de-camp généraux, m. de *Camerofsky*, général-major. Ce jeune homme dévoué à l'E-r est plein d'esprit et de finesse; on espère beaucoup de son administration. On prétend que sa nomination est une suite de l'histoire arrivée à l'E-r et racontée par lui-même... Choubin n'est pas mort; la commission nommé pour le juger a été dissoute, et il est renvoyé au conseil ordinaire de guerre.

Paris. 141, 222. Подлинникъ.

правду среди слуховъ, которые каждая шайка распространяетъ въ свою пользу.—Удивительно одно: домовые обыски были произведены лишь 8 дней спустя послѣ событія; не раньше были разосланы также черезъ курьеровъ, по всѣмъ сосѣднимъ губерніямъ, примѣты Григорія Ивановича и пообѣщана полиціей сумма въ 5.000 руб. тому, кто выдастъ его. Коммиссія не прекращаетъ своихъ дѣйствій. — P. S. Шубинъ только-что умеръ—отъ ранъ или, какъ говорятъ, отъ яду: въ томъ и другомъ случаѣ видятъ доказательство существованія заговора. Шубинъ до конца не переставалъ обвинять самыхъ высокопоставленныхъ особъ.—Трудно представить себѣ хуже устроенную полицію, чѣмъ петербургская. Но императоръ только-что занялся ею: онъ замѣнилъ начальника полиціи, г. *Глѣбова*, однимъ изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, генералъ-маіоромъ *Камеровскимъ*. Этотъ преданный императору молодой человѣкъ полонъ ума и ловкости: отъ его управленія ожидаютъ многаго. Говорятъ, его назначеніе есть слѣдствіе одного случая съ императоромъ, который самъ разсказывалъ о немъ... Шубинъ не умеръ. Слѣдственная коммиссія надъ нимъ распущена, и онъ отданъ подъ обыкновенный военный судъ.

№ 201.—Талейранъ Эдувилю.

Paris, 27 fructidor an X.

*) Je dois ajouter quelques développements à ce que renfermait ma dépêche du 21 sur la convention signée entre m. de Lucchesini, m. de Cetto et moi. — Cette garantie accordée à la Bavière tant pour la portion de son ancien territoire, qui était convoitée par l'Autriche, que pour les dédommagements stipulés en sa faveur, ne peut être considérée que comme une conséquence toute naturelle des principes, qui ont dicté aux gouvernements de France et de Russie leur déclaration du 16 thermidor. J'avais donc pensé que l'engagement souscrit à cet égard aurait dû recevoir aussi la signature du ministre de Russie; mais ayant demandé à m. le comte de Morcoff, s'il avait des pouvoirs pour un semblable engagement, il me répondit qu'il n'en avait pas, et je dus craindre alors que si la négociation s'entamait de concert avec lui, il fallut attendre, pour rien conclure, qu'il eût reçu des ordres de sa cour, ce qui aurait entraîné une perte de temps beaucoup trop considérable et compromis le succès d'une mesure dont le principal mérite était de l'à propos. Il n'y avait pas un moment à perdre, et on dut passer outre, convaincu qu'on était, que l'engagement proposé était de tout point conforme aux intentions personnelles de la Russie, et qu'elle

---

Парижъ, 2/14 сентября 1802.

*) Я долженъ нѣсколько развить то, что было сказано въ моей депешѣ отъ 8 сент. насчетъ конвенціи, подписанной гг. Люкезини, Четто и мною.— На это обезпеченіе за Баваріей, какъ части ея старыхъ владѣній, которой добивается Австрія, такъ и приговоренныхъ ей вознагражденій, должно смотрѣть лишь какъ на вполнѣ естественное слѣдствіе основъ, на которыхъ покоятся французское и русское объявленіе 4 августа. Оттого-то я полагалъ, что подписанное въ этомъ смыслѣ обязательство должно было разсчитывать и на подпись русскаго министра. Но когда я спросилъ гр. Моркова, есть ли у него полномочія для такого обязательства, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. И я долженъ былъ опасаться, что если начинать дѣло въ соглашеніи съ нимъ, то придется выжидать, пока онъ получитъ приказъ отъ своего двора; а это привело бы къ слишкомъ большой потерѣ времени и подорвало бы успѣхъ мѣры, главное достоинство которой состояло въ своевременности. Нельзя было терять ни минуты, — и пришлось продолжать свой путь, въ убѣжденіи, что предложенное обязательство вполнѣ соотвѣтствуетъ личнымъ намѣреніямъ

ne verrait point d'ailleurs sans une sorte de satisfaction qu'on se fût occupé à Paris de lier de nouveau et d'une façon plus particulière au succès du plan général la cour de Prusse, que quelques-uns soupçonnaient déjà d'avoir perdu de son zèle, depuis que son propre intérêt était à couvert. — C'est dans ce sens, que vous devrez vous exprimer, s'il arrivait qu'on vous témoignât de la surprise de ce que le ministre de Russie n'a pas été appelé à signer cette convention de garantie pour la Bavière. On ne lui en a pas fait la proposition formelle, parce qu'on a su qu'il n'en avait pas le pouvoir. Ce qu'il y aurait de mieux à présent, ce serait que l'E-r de Russie accédât de son propre mouvement à la garantie stipulée. — Le 1-r consul, qui fait de son côté tout ce qui est en son pouvoir pour amener les affaires d'Allemagne, sans déchirement et sans secousse, au résultat concerté entre les deux puissances, verrait avec plaisir que S. M. l'E-r de Russie manifeste le même zèle pour arriver au même but.—Nous recevons à l'instant la nouvelle que le 21 de ce mois la députation a pris à la majorité de 5 voix un *conclusum* préliminaire conforme à la proposition des puissances. Ce premier avis nous est donné de Strasbourg par le télégraphe; nous aurons demain les détails. — J'avais tort de ne pas vous dire qu'en sondant m. de Morcoff, pour savoir s'il avait des pouvoirs à l'effet de signer cette convention, je n'ai eu du moins qu'à remarquer en lui la

---

Россіи и что послѣдняя должна увидѣть съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, какъ стараются въ Парижѣ снова и сильнѣе прежняго привязать прусскій дворъ къ успѣху общаго плана,—дворъ, который, по подозрѣнію нѣкоторыхъ, уже охладѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ его собственный интересъ былъ обезпеченъ.—Въ этомъ-то смыслѣ вы должны объясниться, въ случаѣ, еслибы вамъ выразили изумленіе, почему русскій министръ не былъ приглашенъ подписать эту конвенцію о баварскомъ обезпеченіи? Ему не сдѣлали формально предложенія, такъ какъ знали, что у него нѣтъ полномочій. Теперь было бы лучше всего, еслибы русскій императоръ по собственному побужденію присталъ къ условленному обезпеченію. — 1-й консулъ, который дѣлаетъ все, чтобы, безъ разрыва и потрясеній, привести нѣмецкія дѣла къ цѣли, установленной обѣими державами, увидѣлъ бы съ удовольствіемъ, что е. в. русскій императоръ обнаруживаетъ такое же рвеніе въ достиженіи той же цѣли. — Сейчасъ получено извѣстіе, что 8-го сентября депутація приняла, большинствомъ 5 голосовъ, предварительное *заключеніе*, согласно съ предложеніемъ державъ. Оно пришло изъ Страсбурга по телеграфу; завтра получимъ подробности. — Забылъ сказать вамъ, что когда я допытывался у г. Моркова, есть ли у него полномочія подписать эту конвенцію, я замѣтилъ въ немъ, по крайней

meilleure disposition à entrer dans cet engagement et le regret de n'y être pas suffisamment autorisé.

Paris. 141, 225. Черновая.

№ 202.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 1 complémentaire an X.

*) ...Pour me conformer au 2-e article de votre lettre (du 30 thermidor), j'ai engagé le ministre d'Angleterre à se réunir à moi pour faire la demande de l'accession de la cour de Russie aux stipulations de l'art. X du traité d'Amiens relatif à l'ordre de Malte; il m'a objecté que cette garantie ayant été refusée formellement 3 fois au lord St. Helens, il croyait inutile de faire une nouvelle tentative.—J'en ai parlé confidentiellement au vice-chancelier, qui m'a assuré que toute demande de ma part pour obtenir cette garantie serait infructueuse, et m'a donné le résumé ci-joint de la réponse que l'E-r l'a chargé de faire au lord St. Helens sur cet objet. D'après un refus prononcé si affirmativement dans cette réponse, j'ai pensé que vous approuveriez d'attendre vos ordres itératifs avant d'entamer cette affaire pour notre compte. Je ne puis croire qu'il n'y ait quelque arrière-pensée dans la grande précipitation du lord St. Helens en cette affaire. N'espère-t-il pas, que le re-

---

мѣрѣ, полное расположеніе вступить въ это обязательство, а также сожалѣніе, что онъ не имѣетъ достаточно права для этого.

Петербургъ, 6/18 сентября 1802.

*) ...Во исполненіе 2-го пункта вашего письма (отъ 18 августа), я пригласилъ англійскаго министра присоединиться ко мнѣ, чтобы потребовать приступленія русскаго двора къ X статьѣ амьенскаго договора, касающейся мальтійскаго ордена. Онъ возразилъ, что такъ какъ въ этомъ обезпеченіи было трижды отказано лорду С. Эленсу, то онъ считаетъ новую попытку безполезною.—Я говорилъ объ этомъ тайно съ вице-канцлеромъ. Онъ увѣрилъ меня, что всякая просьба, съ моей стороны, насчетъ этого обезпеченія будетъ безплодна, и сообщилъ мнѣ краткое изложеніе отвѣта по этому поводу, который императоръ приказалъ дать лорду С. Эленсу. Послѣ такого рѣшительнаго отказа въ этомъ отвѣтѣ, я полагаю, вы одобрите мое рѣшеніе выждать повторенія вашихъ приказаній, прежде чѣмъ начинать это дѣло за нашъ счетъ. Не могу отказаться отъ подозрѣнія, что была какая-то задняя мысль въ великой поспѣшности лорда С. Эленса по этому дѣлу. Не надѣется ли онъ,

fus de l'accession de la Russie à l'art. X du traité d'Amiens occasionnera entre la France et l'Angleterre quelques difficultés relativement à l'ordre de St. Jean de Jérusalem? Je soupçonne même le lord St. Helens de n'avoir négligé aucune occasion de piquer l'amour-propre du ministère impérial sur l'oubli, qu'on a fait dans le traité d'Amiens d'une convention antérieure.—Je pense d'ailleurs que la Russie a d'autres motifs de son refus que ceux, qu'elle allègue. L'E-r, qui est économe, ne voit pas sans regret que les prodigalités de son père envers l'ordre de Malte font sortir annuellement presqu'un million de roubles de ses états, et quelques personnes croient qu'il se réserve de faire tôt ou tard une scission avec l'ordre pour conserver à la Russie ces fonds. Peut-être espère-t-il, qu'en refusant cette garantie, il trouvera l'occasion de faire valoir les droits de patronage auxquels il prétendait, et les démarches que l'ordre pourrait faire à cet égard seront à surveiller.—S'il est nécessaire que la Russie énonce aussi à la France le refus d'accession à la garantie, j'attendrai vos ordres pour me le faire donner.

Paris. 141, 231. Подлинникъ.

что отказъ Россіи присоединиться къ X статьѣ амьенскаго договора произведетъ нѣкоторыя замѣшательства между Франціей и Англіей по отношенію къ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго? Подозрѣваю даже, что лордъ С. Эленсъ не упускалъ случая колоть самолюбіе императорскаго министерства тѣмъ, что въ амьенскомъ договорѣ забыта прежняя конвенція.—Впрочемъ, я думаю, что у Россіи есть и другія побужденія къ отказу, кромѣ тѣхъ, которыя она выставляетъ. Бережливый императоръ видитъ съ сожалѣніемъ, что щедрость его отца къ мальтійскому ордену ежегодно отнимаетъ у его государства около милліона рубл. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ думаетъ рано или поздно разорвать съ орденомъ, чтобы сберечь эти деньги для Россіи. Быть можетъ, онъ надѣется, что, отвергая это обезпеченіе, онъ найдетъ случай дать силу своему праву покровительства, на которое онъ имѣетъ притязанія: нужно слѣдить за орденомъ, чтобы онъ не сдѣлалъ какого-либо шага въ этомъ смыслѣ.—Если необходимо, чтобы Россія возвѣстила Франціи объ отказѣ приступить къ обезпеченію, то жду вашихъ приказаній, чтобы потребовать этого.

№ 203.—Эдувиль Куракину.

Pétersbourg, ... septembre 1802.

*) (Confidentiel). Mon prince. La confiance que vous m'avez inspirée me détermine à vous faire part, que le ministre Talleyrand me mande que je ne dois pas être surpris, que m. de Cobenzl ne soit pour rien dans la note concernant le plan des indemnités, que l'Autriche avait en m. de Morcoff un défenseur qui suppléait à tout autre; il entrait tellement dans son sens, qu'il ne voulait pas moins de deux électeurs ecclésiastiques et qu'il ne cachait pas que c'était pour conserver à l'Autriche *toute son influence.* Il criait contre l'arrangement de la Bavière, parce que c'était la soustraire à *l'ascendant de l'Autriche.* Il ne voulait pas admettre, parmi les objets d'indemnités pour le grand-duc, *Trente et Brixen* qu'il affectait de regarder, comme étant déjà propriétés autrichiennes, tandis qu'au su de toute l'Allemagne ce sont des évêchés immédiats et souverains, entièrement distincts du domaine de l'Autriche, quoique enclavés dans les états du Tyrol. Il allait jusqu'à trouver exagérée l'amélioration du sort du margrave et à repousser la satisfaction des autres princes, prétendant que c'était donner trop d'importance aux petites choses.—C'était, ajouta-t-il, un point curieux de voir la France réduite à plaider contre un ministre russe la cause des amis

---

Петербургъ, ... сентябрь 1802.

*) (Тайное). Князь, внушенное мнѣ вами довѣріе заставляетъ меня доложить вамъ, что министръ Талейранъ внушаетъ мнѣ не удивляться, что г. Кобенцль ни при чемъ въ нотѣ, касающейся плана вознагражденій: Австрія имѣла въ лицѣ г. Моркова наилучшаго защитника. Послѣдній до того входилъ въ ея виды, что желалъ имѣть не меньше двухъ духовныхъ курфюрстовъ; и онъ не скрывалъ, что это съ цѣлью сохранить за Австріей *все ея вліяніе.* Онъ возставалъ противъ баварской сдѣлки, потому что она освободила бы Баварію отъ *преобладанія Австріи.* Онъ не хотѣлъ причислить *Тріентъ* и *Бриксенъ* къ вознагражденіямъ великаго герцога, считая ихъ безъ того австрійскою собственностью, между тѣмъ какъ вся Германія знаетъ, что это—непосредственныя и державныя епископства, совершенно отдѣльныя отъ австрійскихъ владѣній, хотя и входящія клиномъ въ тирольскую землю. Онъ доходилъ до того, что считалъ излишнимъ улучшеніе судьбы маркграфа и отвергалъ удовлетвореніе другихъ князей, утверждая, будто это значило придавать слишкомъ много значенія пустякамъ.—Забавно было видѣть—

et des alliés de l'Empereur de Russie, et le ministre, qui devait concilier ses intérêts avec les nôtres, n'ouvrir la bouche que pour préconiser l'Autriche et repousser les arrangements qui pouvaient diminuer son influence. C'est confidentiellement, mon prince, que je vous donne ces détails et je vous engage à n'en faire usage que dans le cas où vous jugerez que leur connaissance pourrait influer sur les décisions de S. M. l'Empereur.

Pétersbourg. Ministère, France, 1802, 58. Подлинникъ.

№ 204.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 2-e complémentaire an X.

*) La démission du vice-chancelier, le prince Kourakin, a été acceptée hier; en conséquence j'en ai reçu la note dont copie est ci-jointe. Il s'était fait aimer du corps diplomatique par son obligeance et ses formes honnêtes et aimables plus que par ses talents. Je le regrette de tout mon cœur, parce qu'en toute occasion je n'ai eu qu'à me louer de ses bonnes dispositions pour la France. Il paraît certain qu'il sera remplacé par m. de Woronzoff (Alexandre), ancien ministre du commerce sous le règne de Catherine II, et que vous connaissez par les rapports du citoyen Ségur; il était dès lors partisan de l'Angleterre. J'espère ce-

---

прибавляетъ министръ—какъ Францiя принуждена была защищать противъ русскаго министра дѣло друзей и союзниковъ русскаго императора и какъ министръ, долгъ котораго согласовать свои интересы съ нашими, открывалъ ротъ лишь для того, чтобы превозносить Австрiю и отвергать сдѣлки, способныя сократить ея влiянiе. Сообщаю вамъ, мой князь, эти подробности за тайну и прошу васъ воспользоваться ими лишь въ томъ случаѣ, когда вы увидите, что знакомство съ ними можетъ повлiять на рѣшенiя е. и. в—ва.

Петербургъ, 7/19 сентября 1802.

*) Вчера принята отставка вице-канцлера, кн. Куракина, и я получилъ ноту объ этомъ, которую здѣсь прилагаю. Онъ внушилъ дипломатическому корпусу любовь къ себѣ не столько своими талантами, сколько своею обязательностью и своимъ благороднымъ, любезнымъ обращенiемъ. Я сожалѣю о немъ отъ всего сердца, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ я не могъ нахвалиться его благорасположенiемъ къ Францiи. Кажется несомнѣнно, что его замѣнитъ г. Воронцовъ (Александръ), бывшiй министръ торговли при Екатеринѣ II, котораго вы знаете по донесенiямъ гражданина Сегюра; съ тѣхъ поръ онъ

pendant, qu'il le sera moins que son frère, dont je vous ai parlé dans mes précédentes dépêches, et qu'on dit prêt à retourner à Londres. M. de Morcoff, qui n'est pas plus aimé qu'estimé du prince Kourakin, doit se réjouir de ce changement et n'en sera que plus tracassier. — On dit que m. de Kotschoubey donne aussi sa démission, mais ce bruit n'a probablement d'autre but que de faire prendre le change sur la part qu'il a eu à cet événement; il est préalablement lié avec les Woronzoff, dont il est l'élève...

Paris. 141, 232. Подлинникъ.

№ 205.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Pétersbourg, 8/20 septembre 1802.

*) Citoyen premier consul. Le duc évêque de Lubeck vient de me représenter que la suppression du péage d'Elsfleth, appartenant à son duché d'Oldenbourg, lui occasionnerait une diminution de la meilleure partie de ses revenus; que les objets d'indemnités, qui lui sont assignés, ne peuvent à beaucoup près compenser cette perte en égard au peu de rapport dont les baillages de l'évêché de Munster sont susceptibles, vu la stérilité de leur sol. — Comme d'un autre côté cette mesure a été adopté sans que le duc, qui ne pouvait sous aucun rapport être com-

---

былъ приверженцемъ Англіи, но, надѣюсь, не столько, какъ его братъ, о которомъ я говорилъ въ прежнихъ депешахъ и который, говорятъ, опять собирается въ Лондонъ. Г. Морковъ, котораго кн. Куракинъ также мало любилъ, какъ и уважалъ, долженъ радоваться этой перемѣнѣ и станетъ еще болѣе смутничать.—Говорятъ, что и г. Кочубей подаетъ въ отставку; но въ этомъ слухѣ, кажется, одна цѣль—отклонить участіе, которое онъ принималъ въ этомъ событіи; прежде онъ былъ въ связяхъ съ Воронцовыми; онъ ихъ ученикъ.

Петербургъ, 8/20 сентября 1802.

*) Гражданинъ первый консулъ. Герцогъ епископъ любекскій только-что представилъ мнѣ, что упраздненіе таможни въ Эльсфлетѣ, принадлежащемъ его герцогству Ольденбургскому, причинило бы сокращеніе лучшей части его доходовъ, и что опредѣленное ему вознагражденіе далеко не можетъ уравновѣсить эту утрату: округа мюнстерскаго епископства, въ виду безплодности ихъ почвы, приносятъ мало дохода.—Такъ какъ, съ другой стороны, эта мѣра была принята неожиданно для герцога, который никоимъ образомъ не под-

pris dans l'arrangement des indemnités, dût s'y attendre, sans qu'il eût été à même de faire valoir ses droits et ses représentations, je crois de la justice et dans toutes les convenances de rétablir à cet égard les choses sur l'ancien pied. J'y insisterais avec d'autant plus de raison encore, qu'il ne me paraît pas que le commerce de la France puisse être intéressé à l'établissement ou à la suppression de ce péage, qui n'est pour d'aucune importance et de très peu d'intérêt pour les autres puissances. Si vous n'y trouvez pas d'autres inconvénients que je ne puis prévoir, nous pourrions nous entendre sur cet objet et rectifier sur ce point l'arrangement présenté à la députation. — Il me serait extrêmement pénible que de tous les princes de l'Empire qui sont si avantageusement traités par ce nouvel arrangement le duc, mon proche parent, fût le seul qui eût à s'en plaindre lorsqu'il y a possibilité de le satisfaire ou par ce moyen auquel il s'attache par préférence, comme le plus juste et le plus facile, ou, si enfin de trop grandes difficultés s'y opposaient, par un surcroit de dédommagement qui puisse suffisamment l'en indemniser et m'épargner les regrets d'avoir contribué involontairement et contre mon gré à lui faire éprouver une perte aussi sensible.—Je crois pouvoir compter que la considération de l'intérêt particulier, que je prends à cette affaire, vous engagera à y apporter toutes les facilités qui peuvent dépendre de vous. J'y serai sen-

---

ходилъ къ сдѣлкѣ о вознагражденіяхъ, и такъ какъ онъ не былъ въ состояніи отстаивать свои права и представленія, то я считаю справедливымъ и вполнѣ удобнымъ возстановить тутъ старый порядокъ вещей. Настаиваю на этомъ тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ, что, мнѣ кажется, французская торговля не заинтересована въ возстановленіи или упраздненіи этой таможни, которая не имѣетъ никакого значенія для другихъ державъ и очень мало интересуетъ ихъ. Если вы не видите тутъ другихъ препятствій, которыхъ я не могу предусмотрѣть, то мы могли бы сговориться насчетъ этого дѣла и исправить въ этомъ пунктѣ сдѣлку, предъявленную депутаціи.—Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы изъ всѣхъ имперскихъ князей, такъ выгодно устроенныхъ этой новою сдѣлкой, мой близкій родственникъ, герцогъ, одинъ долженъ былъ жаловаться; тогда какъ есть возможность удовлетворить его или указаннымъ способомъ, за который онъ стоитъ по преимуществу, какъ за самый справедливый и легкій, или, если-жъ это встрѣчаетъ слишкомъ большія затрудненія, посредствомъ прибавки выгодъ, которая достаточно вознаградила бы его и избавила бы меня отъ тяжелаго сознанія, что я невольно и противъ моего желанія содѣйствовалъ тому, чтобы онъ понесъ такую чувствительную потерю.—Надѣюсь и разсчитываю, что въ уваженіе особаго участія, которое я принимаю въ этомъ дѣлѣ, вы облегчите его всѣми зависящими отъ васъ мѣрами.

sible et vous prie, citoyen premier consul, de croire aux sentiments de ma parfaite estime et de ma considération distinguée.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 9. Черновая.

№ 206.—Рескриптъ Моркову.

Петербургъ, 8/20 сентября 1802.

Принцъ епископъ любскій, получа извѣстіе о учиненномъ, при устроеніи индемнизацій въ Германіи, распоряженіи касательно платежей, въ Ельсфлетѣ собираемыхъ, отнесся ко мнѣ, что онъ, уничтоженіемъ оныхъ лишаяся главнѣйшаго доходу своего, никакъ не удовлетворяется тѣмъ, чтб изъ епископства Минстерскаго ему удѣлено быть можетъ, и вслѣдствіе того, какъ меня, такъ и короля прусскаго усильнѣйше просилъ, чтобъ мы употребили старанія наши, дабы предпочтительно первобытное положеніе платежей, на Везерѣ въ Ельфлетѣ собираемыхъ, было оставлено, утверждая при томъ требованіе сіе и на томъ уваженіи, что оно отнюдь не можетъ наносить ущерба торговлѣ французской. — Особливое мое участіе въ интересахъ сего принца и личныя связи мои съ нимъ, сколько прискорбнымъ чинятъ мнѣ, что онъ не находитъ тутъ тѣхъ выгодъ, кои доставить ему, конечно, было мое желаніе, столько служатъ поводомъ къ обращенію особеннаго моего вниманія, чтобъ онъ получилъ полное удовлетвореніе. Для достиженія цѣли сея, средствомъ удобнѣйшимъ призналъ я написать письмо къ 1-му консулу, которое при семъ, вмѣстѣ съ копіею препровождая, поручаю вамъ ему вручить и приложить особенное стараніе ваше, дабы принцъ епископъ былъ удовольствованъ. Всего бы предпочтительнѣе, конечно, было, чтобъ права его были ему сохранены, посредствомъ чего осталися бы части, ему въ удовлетвореніе назначенныя, на удовлетвореніе другихъ; но естьли бы встрѣтилися тутъ непреодолимыя трудности, то въ такомъ случаѣ обратите къ тому попеченія ваши, дабы принцъ епископъ получилъ удовлетвореніе, соотвѣтствующее прямымъ его потерямъ, и чтобъ на таковый конецъ снабженъ былъ министръ республики французской въ Регенсбургѣ нужными предписаніями; но однакожъ повторительно изъясню вамъ, что вы не можете довольно

Это тронуло бы меня. Прошу, гражданинъ 1-й консулъ, вѣрить моимъ чувствамъ совершеннаго уваженія и отмѣннаго почтенія.

употребить стараній вашихъ, дабы обратить 1-го консула предпочтительно на оставленіе въ Ельсфлетѣ положенія вещей, желаніямъ епископа любскаго соотвѣтственнаго.

Pétersbourg. Paris, 1802, 16. Подлинникъ.

№ 207.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 2 vendémiaire an XI.

*) ...La démission du prince Kourakin n'était que l'avant-coureur d'une révolution ministérielle ou plutôt constitutionnelle, les bases en sont posées dans l'ukase dont je joins ici la traduction. M. de la Harpe a dit avoir appris de ses amis, avant de partir de Pétersbourg, que la Russie ne tarderait pas à avoir sa constitution. Ces changements étaient fréquents sous le règne de Paul, mais ils ne tourneront à l'avantage de l'empire qu'autant qu'il y aura un vigoureux bras capable de le diriger. Le ministre de l'intérieur, le comte de Kotschoubey, a la délégation des fonctions les plus essentielles du gouvernement, et la faveur dont il jouit me persuade, qu'il dirigera les fils des autres ministères; mais on assure qu'il est fort au-dessous de sa réputation. Le chancelier Woronzoff, son ami, a la triture des affaires; mais il est entier dans ses opinions, et les efforts, qu'il fait pour rapporter tout à lui, finiront par le brouiller avec son élève.—Je n'augure pas que cette révolution puisse changer d'ici à quelque temps le système politique; mais la France ne saurait trop se

---

Петербургъ, 12/24 сентября 1802

*) ...Отставка кн. Куракина была лишь предвѣстницей министерскаго или, скорѣе, конституціоннаго переворота, основанія котораго изложены въ указѣ, который прилагается здѣсь въ переводѣ. Г. де-ла-Гарпъ сказалъ, что, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ узналъ отъ своихъ друзей, будто Россія не замедлитъ получить свою конституцію. Эти перемѣны часто встрѣчались при Павлѣ; но онѣ принесутъ пользу имперіи только тогда, когда найдется сильная рука для ихъ направленія. Министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, предоставлены самыя существенныя отрасли управленія; а милости, которыми онъ пользуется, убѣждаютъ меня, что въ его рукахъ сосредоточатся и нити другихъ министерствъ; но увѣряютъ, что онъ гораздо ниже своей репутаціи. Канцлеръ Воронцовъ, его пріятель, понаторѣлъ въ дѣлахъ; но онъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, а его усилія все приписывать себѣ, приведутъ къ тому, что онъ поссорится со своимъ ученикомъ.—Не предвѣщаю, что въ теченіе нѣкотораго времени произойдутъ измѣненія въ политической системѣ отъ этого переворота; но Фран-

prémunir contre les menées et les intrigues d'un ministère que l'influence anglaise dirigera encore longtemps.—Je joins ici copie des ukases russes qui diminuent l'amertume du renvoi du prince Kourakin. Les uns disent qu'une des causes de ce renvoi est l'influence que le baron de Steding avait su prendre sur lui; d'autres assurent que c'est la confiance, qu'il me témoignait, et ajoutent que m. de Morcoff a écrit, que je vous avais rendu des comptes que je n'avais pu obtenir que de cette confiance. On ne réfléchit pas que des comptes de cette nature ne seraient sûrement pas connus de m. de Morcoff; mais la faction anglaise a profité de ces bruits absurdes...

Paris. 142, 2. Подлинникъ.

№ 208.—Морковъ двору.

Paris, 15/27 septembre 1802.

*) L'ambassadeur comte de Cobenzl continue ses négociations avec ce gouvernement-ci pour obtenir quelques modifications au plan d'indemnités dans les parties, qui concernent le grand-duc de Toscane et l'électeur de Bavière... M. de Cobenzl a réclamé mon intervention, et je n'ai pas dû m'y refuser en conséquence des ordres itératifs, que j'ai reçus de V. M. I., d'appuyer les démarches de la cour de Vienne, lors-

---

ція должна сильно остерегаться козней и интригъ министерства, которое еще долго будетъ руководиться англійскимъ вліяніемъ.—Прилагаю списки русскихъ указовъ, которые подслащаютъ горечь отставки князя Куракина. Одни говорятъ, что одна изъ причинъ этой отставки—вліяніе, которое возымѣлъ надъ нимъ баронъ Стедингъ; другіе увѣряютъ, что это—довѣріе, которое онъ оказывалъ мнѣ, и прибавляютъ, будто г. Морковъ писалъ, что я доставляю вамъ свѣдѣнія, которыя можно пріобрѣсти только путемъ этого довѣрія. Не соображаютъ, что такого рода свѣдѣнія не могли бы быть извѣстны г. Моркову; но англійская партійка воспользовалась этими нелѣпыми слухами...

Парижъ, 15/27 сентября 1802.

*) Посланникъ графъ Кобенцль продолжаетъ переговоры съ здѣшнимъ правительствомъ, съ цѣлью достигнуть нѣкоторыхъ перемѣнъ въ планѣ вознагражденій касательно великаго герцога тосканскаго и курфюрста баварскаго... Г. Кобенцль просилъ моего содѣйствія, и я не могъ отказать ему, въ виду повторительныхъ приказовъ в. и. в—ва поддерживать шаги вѣнскаго двора, когда они не противорѣчатъ слишкомъ явно намѣреніямъ, которыя в. и. в—ву

qu'elles ne se trouveraient pas en contradiction trop signifiante avec les intentions que V. M. I. a daigné manifester; je n'ai cependant rien demandé à m. de Talleyrand que de s'appliquer à rechercher avec moi quelque terme moyen qui pût combiner à la fois et les intérêts des parties principales, et les vues des puissances intervenantes qui les ont déterminés dans le plan en question. Jusqu'à présent m. de Talleyrand ne m'a fait d'autre réponse, sinon qu'il ne voyait pas ce terme moyen et qu'à l'exception de l'évêché d'Eichstaedt il ne pensait pas que le 1-r consul voulût admettre quelque changement dans les lots assignés au grand-duc de Toscane et à l'électeur de Bavière... Графъ Кобенцль отозвался ко мнѣ, что въ обузданіе прихотей и самовластія Франціи весьма полезно было бы, естьли бы дворы петербургскій, вѣнскій и берлинскій обратились къ первоначальному своему намѣренію рѣшить между собою жребій Германіи, прибавляя, что берлинской дворъ, одержавъ всѣ желаемыя выгоды, не сталъ бы затруднять требованія умѣренныя и справедливыя Австріи; въ семъ предположеніи имѣетъ онъ частые переговоры съ маркизомъ Лукезини. Мысль сія могла показаться весьма спасительною, когда бы не должно было опасаться, что, съ одной стороны, она представляется въ намѣреніи Австріи проволочить и затруднять дѣло, а съ другой, что потсдамской кабинетъ, по крайней своей приверженности къ здѣшнему, не только къ ней не пристанетъ, но и не усумнится ее немедленно сообщить.

Pétersbourg. Paris, 1802, 112. Подлинникъ.

угодно было заявить. Впрочемъ, я просилъ только г. Талейрана постараться изыскать, вмѣстѣ со мною, какое-нибудь средство, которое могло бы согласовать интересы главныхъ сторонъ съ видами державъ-посредницъ, опредѣлившихъ ихъ въ упомянутомъ планѣ. До сихъ поръ г. Талейранъ отвѣчалъ мнѣ только одно: онъ-де не видитъ этого средняго термина и, помимо епископства Эйхштедтскаго, онъ не думаетъ, чтобы 1-й консулъ допустилъ какое-либо измѣненіе въ доляхъ, предназначенныхъ великому герцогу тосканскому и курфюрсту баварскому...

№ 209.—Морковъ двору.

Paris, 4/16 octobre 1802.

*) C'est vendredi 26 septembre (8 octobre), que j'ai eu mon audience particulière chez le 1-r consul. Il ouvrit l'entretien en me disant, qu'il soupçonnait le sujet qui m'amenait chez lui. J'ai jugé à propos, pour mieux appuyer ce que j'avais à lui exposer, de lui faire lecture du rescrit en date du 12 août dernier dont il a plu à V. M. I. de m'honorer. Ensuite je lui ai rappelé les engagements qu'il avait pris avec le feu Empereur de glorieuse mémoire, aussi qu'avec V. M. I. elle-même par les articles III et VI de la convention secrète, que j'ai signée et par laquelle la France s'était engagée à la fois de ne rien innover en Italie que de concert avec V. M. et d'avoir égard aux intérêts du roi de Sardaigne. Il n'opposa à ces raisons que les convenances politiques qui ne permettent point à la France de se dessaisir du Piémont, ni de rien accorder dans ce moment-ci au roi de Sardaigne en Italie, prétendant s'être expliqué positivement vis-à-vis de V. M. I. sur le premier point par l'organe du général Duroc, lorsque celui-ci était encore à Pétersbourg; quant au second point il ne disconvint point qu'il avait promis à V. M. I. de ne point disposer sans l'en prévenir

---

Парижъ, 4/16 октября 1802.

*) Въ пятницу, 26 сентября (8 октября), я имѣлъ личную аудіенцію у 1-го консула. Онъ началъ разговоръ, сказавши, что догадывается о предметѣ, который привелъ меня къ нему. Чтобы лучше поддержать то, что приходилось сказать ему, я счелъ умѣстнымъ прочесть ему рескриптъ отъ 12 августа, котораго в. и. в—во удостоили меня. Затѣмъ я напомнилъ объ его обязательствахъ предъ покойнымъ императоромъ блаженной памяти, а также предъ в. и. в—мъ, въ силу III и VI статей подписанной мною тайной конвенціи, которою Франція обязывалась, какъ не дѣлать никакихъ нововведеній въ Италіи безъ согласія в. в—ва, такъ и уважать интересы сардинскаго короля. Онъ выставлялъ только требованія политики, не дозволяющія Франціи ни уступить Пьемонтъ, ни дать теперь что-либо сардинскому королю въ Италіи. По его мнѣнію, онъ положительно изъяснился в. и. в—ву по 1-му пункту черезъ генерала Дюрока, когда тотъ былъ еще въ Петербургѣ; что же касается 2-го пункта, онъ не отрицалъ, что обѣщалъ в. и. в—ву не распоряжаться Пармой и Пьяченцой безъ вашего вѣдома. Онъ заявилъ, что рѣшился сдержать это обѣщаніе, но покуда не можетъ опредѣлить судьбы этихъ двухъ княжествъ:

de Parme et de Plaisance. Il protesta qu'il était résolu de lui tenir cette promesse, mais qu'il ne pouvait encore rien décider sur le sort de ces deux principautés dont le duc de Parme ne veut point désemparer et à l'abandon desquelles il ne veut point le forcer par des motifs de ménagement qu'il a à garder vis-à-vis de l'Espagne; que d'ailleurs ce dédommagement n'étant point suffisant pour les pertes du roi de Sardaigne, il sentait l'inconvénient, de placer, dans le voisinage des états de la France, un prince, qui joindrait des sujets de ressentiment à son penchant naturel à la connivence avec ses ennemis. Cependant sensible, ajouta-t-il, à toutes les marques de complaisance qu'il a plu à V. M. I. de lui donner, et désirant vivement de lui en témoigner de son côté, il saisirait avec empressement, dans les chances que les affaires pourraient amener, des moyens de pourvoir convenablement au sort du roi de Sardaigne. Il me conduisit de là, comme il l'a déjà fait autrefois, dans l'Orient de l'Europe et en Afrique pour y offrir des établissements à ce prince infortuné. Mais ayant remarqué dans mes yeux le sentiment que m'inspirait ce discours, il prévint toute objection de paroles de ma part, en me disant qu'il sentait fort bien lui-même, que toutes ces idées étaient trop vagues, trop incertaines pour être présentées à V. M. I. et que, pour se résumer, tout ce que pour le présent il m'autorise à mander à V. M. I. se réduisait à l'assurance formelle et positive qu'il donnait de ne point troubler le roi de Sardaigne dans

---

герцогъ пармскій не уступаетъ ихъ, а онъ не хочетъ принуждать его, въ силу снисхожденія, которое онъ долженъ оказыватъ Испаніи. Впрочемъ, прибавилъ онъ, это вознагражденіе не соотвѣтствуетъ потерямъ сардинскаго короля; да и было бы неудобно помѣщать, по сосѣдству съ Франціей, принца, у котораго злопамятство присоединилось бы къ естественной склонности потворствовать ея врагамъ. Однако, прибавилъ онъ, чувствуя снисхожденіе, которое в. и. в—ву угодно было оказывать ему, и горячо желая отвѣчать взаимностью, онъ поспѣшитъ воспользоваться возможными въ дѣлахъ случаями, чтобы прилично устроить судьбу сардинскаго короля. Отсюда онъ повелъ меня, уже во второй разъ, на востокъ Европы и въ Африку, чтобы предложить тамъ владѣнія для этого несчастнаго государя. Но замѣтивши по моимъ глазамъ чувства, внушаемыя мнѣ этою рѣчью, онъ предупредилъ всякія словесныя возраженія съ моей стороны, сказавши, что и самъ отлично понимаетъ, что всѣ эти идеи слишкомъ неясны и ненадежны, чтобы представлять ихъ в. и. в—ву. Словомъ, онъ уполномочилъ меня на этотъ разъ доложить в. и. в—ву только объ одномъ: онъ даетъ формальное и положительное обѣщаніе не тревожить сардинскаго короля въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока это покажется ему удобнымъ, и предлагаетъ выплачивать ему 2 милліона ливровъ ежегодно, не тре-

le séjour qu'il ferait à Rome, aussi longtemps qu'il lui paraîtrait convenable, et à l'offre de 2 millions de livres par an qu'il lui ferait payer sans exiger de lui aucun acte de reconnaissance ou de renonciation à ses droits précédents. Que si ce prince sentait de la répugnance à toucher cette somme directement de lui, 1-r consul, il la lui ferait passer par l'entremise de V. M. I., si elle voulait bien s'en charger. — Tout ce que dans le cours d'un entretien, qui a duré près de 2½ h., j'ai remarqué de satisfaisant dans les discours du 1-r consul, c'est le désir qu'il a de ménager et de conserver l'amitié et la bienveillance de V. M. I., désir trop bien d'accord avec ses intérêts pour n'être pas sincère. Mais celui d'étendre sa domination en Italie éclatait encore davantage; car s'il ne se proposait pas d'y régner exclusivement ou même de s'y ménager un refuge en cas d'évènement en France, Parme et Plaisance jointes à la république de Gênes offriraient une compensation suffisante pour le roi de Sardaigne. Je lui en ai présenté l'idée, et il ne l'a combattit que par le dommage qu'il y aurait de détruire une république aussi ancienne. Au reste on assure que l'esprit des troupes françaises qui sont maintenant en Italie n'est pas des meilleurs et que c'est pour le rectifier, que le 1-r consul vient d'y envoyer son beau-frère le général Murat. On ajoute que cette détermination a été principalement motivée par le refus du commandant de Mantoue de célébrer l'évènement de la prolongation à vie du consulat de Bonaparte.

Pétersbourg. Paris, 1802, 115. Подлинникъ.

буя отъ него никакого акта признательности или отреченія отъ своихъ прежнихъ правъ. И еслибы этому государю претило получать эту сумму прямо отъ него, 1-го консула, то она будетъ выдаваться ему черезъ посредство в. и. в—ва, при условіи согласія съ вашей стороны.—Я замѣтилъ одно только утѣшительное въ теченіе этой бесѣды, длившейся почти 2½ ч.: это—желаніе щадить и сохранить дружбу и благоволѣніе в. и. в—ва, желаніе тѣмъ болѣе искреннее, что оно слишкомъ совпадаетъ съ его интересами. Но еще больше обнаружилось его желаніе распространить свое владычество въ Италіи: еслибы онъ не намѣревался царствовать тамъ одинъ или даже сберечь себѣ тамъ убѣжище на случай извѣстныхъ событій во Франціи, то Парма и Пьяченца, въ соединеніи съ Генуэзской республикой, представили бы достаточное вознагражденіе для сардинскаго короля. Я высказалъ ему эту мысль, и онъ возразилъ только, что было бы жаль уничтожать такую древнюю республику. Въ заключеніе, увѣряютъ, что духъ французскихъ войскъ въ Италіи не изъ лучшихъ и что для его исправленія 1-й консулъ только-что послалъ туда своего зятя, генерала Мюрата. Прибавляютъ, что главною причиной этого распоряженія былъ отказъ коменданта Мантуи праздновать пожизненное консульство Бонапарта.

№ 210.—Талейранъ Эдувилю.

Paris, 27 vendémiaire an XI.

*) Le 1-r consul attend de vous des renseignements exacts et détaillés sur les changements qui viennent de s'opérer dans le ministère russe. Il n'a pas supposé un moment, qu'ils pussent en apporter aucun dans l'excellente politique que dirige ce cabinet, mais il met un grand prix à ce que vous lui transmettiez des notions plus fréquentes et plus circonstanciées sur tout ce qui se passe autour de vous. Ne craignez pas d'envoyer souvent des courriers. — L'intention du 1-r consul est que vous mettiez un soin tout particulier à vous tenir le plus près possible de S. M. l'Empereur et de S. M. l'Impératrice régnante. Il serait bien aise qu'avec tout ce qu'il faut y mettre de délicatesse et de grâce et en parlant à l'Empereur de l'excellence des armes qu'on fabrique ici, vous amenassiez S. M. à vous en demander quelques modèles. Ce serait pour le 1-r consul une occasion fort agréable d'envoyer à un prince, qu'il estime et qu'il affectionne particulièrement, tout ce qui sera sorti de plus beau à la manufacture de Versailles. De même que si vous pouviez exciter la curiosité de l'Impératrice pour les modes françaises, on aurait bientôt rassemblé ici tout ce qu'il y a de plus élégant pour lui en faire hommage.—Vous ferez bien aussi de cultiver particulièrement

---

Парижъ, 7/19 октября 1802.

*) Первый консулъ ожидаетъ отъ васъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній насчетъ перемѣнъ, происшедшихъ въ русскомъ министерствѣ. Онъ ни на мгновеніе не допускалъ мысли, чтобы отсюда проистекло какое-либо измѣненіе въ превосходной политикѣ этого кабинета; но онъ придаетъ большое значеніе тому, чтобы вы доставляли болѣе частыя и обстоятельныя извѣстія обо всемъ происходящемъ вокругъ васъ. Не стѣсняйтесь почаще присылать курьеровъ.—1-й консулъ желаетъ, чтобы вы особенно старались держаться возможно ближе къ е. и. в—ву и къ ея в—ву царствующей императрицѣ. Ему было бы очень пріятно, еслибы вы, бесѣдуя съ императоромъ о превосходствѣ изготовляемаго здѣсь оружія, со всею деликатностью и любезностью привели его къ желанію попросить у васъ нѣкоторые ихъ образцы. Это доставило бы 1-му консулу весьма пріятный случай послать столь уважаемому и любимому имъ государю все, что ни на есть лучшаго въ версальской мануфактурѣ. Точно также, еслибы вамъ удалось возбудить любопытство императрицы касательно французскихъ модъ, мы тотчасъ же преподнесли бы ей все, что нашлось

le prince Chartorysky qui se trouve à la tête du département des affaires étrangères, et en général un des points capitaux de votre mission doit être de conserver et d'étendre le crédit que la France a obtenu en Russie depuis quelques années. Son maintien importe à la tranquillité de l'Europe, car il n'est pas permis de penser qu'il n'existe à Londres et à Vienne aucun regret, aucune velléité de trouble, et c'est dans l'intime association de la France et de la Russie, que ce trouve le préservatif contre les mauvais effets qui en pourraient naître.

Paris. 142, 21. Черновая.

№ 211.—Бонапартъ Императору Александру I.

St. Cloud, 27 vendémiaire an XI.

*) V. M. m'a fait connaître par sa lettre du 25 juillet qu'elle verrait avec plaisir, qu'il fût possible de faire quelque chose qui pût satisfaire davantage l'Autriche et la rendre plus facile à terminer les affaires d'Allemagne.—Des conférences ont été ouvertes avec m. de Cobenzl auquel on a fait connaître les intentions de V. M. On lui a proposé l'évêché d'Eichstaedt; ce qui ferait une diminution de lot pour l'électeur de Bavière et un accroissement de plus de 80,000 âmes pour l'archiduc Ferdinand. — Mais cet accroissement, qu'il devait regarder

---

бы здѣсь самаго изящнаго. — Хорошо было бы также, еслибы вы сблизились съ княземъ Чарторижскимъ, который стоитъ во главѣ департамента иностранныхъ дѣлъ; вообще одною изъ главныхъ задачъ вашего посланничества должно быть сохраненіе и расширеніе довѣрія, пріобрѣтеннаго Франціей въ Россіи за послѣдніе годы. Это важно для спокойствія Европы: нельзя думать, чтобы въ Лондонѣ и Вѣнѣ не было чувствъ досады и смутничества; и только тѣсное соединеніе Франціи съ Россіей въ состояніи предотвратить дурныя послѣдствія, которыя могутъ проистечь отсюда.

С. Клу, 8/20 октября 1802.

*) Письмомъ отъ 25 іюля в. в—во дали мнѣ знать, что вамъ было бы пріятно, если бы можно было сдѣлать что-нибудь для бо́льшаго удовлетворенія Австріи, чтобы она стала податливѣе въ дѣлахъ Германіи.—Начаты переговоры съ г. Кобенцлемъ, которому сообщены намѣренія в. в—ва. Ему предложили епископство Эйхштедтъ, что уменьшило бы надѣлъ курфюрста баварскаго и прибавило бы болѣе 80.000 душъ эрцгерцогу Фердинанду.—Но на эту прибавку, которую онъ долженъ считать неожиданною, еще не послѣдовало со-

comme inattendu, n'a pas encore eu l'assentiment de la cour de Vienne, et la voyant insister pour occuper Passau et l'Inn, nous avons pensé qu'une déclaration faite de concert avec la Prusse dans les termes les plus forts et appuyée par le ministre de V. M., autant que ses instructions le lui permettent, pourrait accélérer les affaires d'Allemagne. — V. m. m'a fait connaître par sa lettre du 8 septembre qu'elle désirait que l'on fit quelque chose pour l'évêque de Lubeck: j'ai fait donner des instructions en conséquence à Ratisbonne, afin que la protection de V. M. pour l'évêque de Lubeck lui fût efficace et qu'il se trouvât promptement satisfait.—V. M. a paru dans le temps s'intéresser au sort des Suisses. J'avais fait évacuer leur territoire par les troupes françaises pour les laisser jouir de leur indépendance. Mais ils se sont mis de nouveau en révolution, et j'ai été contraint, pour arrêter les troubles et la guerre civile, d'intervenir dans leurs différends. Au reste quelque chose que l'on puisse dire, V. M. peut rester persuadé que l'indépendance et le territoire de cette partie de la république seront maintenus dans leur intégrité. — Nous avons été ici un moment fort inquiets d'un attentat contre V. M. Je la prie de me permettre de lui dire, par l'attachement que je lui porte, qu'un peu de pompe et d'entourage est une des charges que doit supporter une personne qui est dans le rang, où elle se trouve. — Je prie V. M. de croire à la haute considération que j'ai pour elle.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 4. Подлинникъ.

гласія вѣнскаго двора. Видя притомъ, что послѣдній настаиваетъ на занятіи Пассау и Инна, мы подумали, что можно ускорить ходъ германскихъ дѣлъ путемъ совмѣстнаго съ Пруссіей объявленія въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, которое поддержалъ бы министръ в. в—ва, насколько позволятъ ему его инструкціи.—Письмомъ отъ 8 сентября в. в—во увѣдомили меня о вашемъ желаніи, чтобы было сдѣлано что-нибудь для епископа любекскаго: я далъ предписанія въ Регенсбургъ, чтобы покровительство, оказываемое в. в—мъ любекскому епископу, помогло ему и чтобы его поскорѣе удовлетворили.—В. в—во какъ-то интересовались, кажется, судьбой швейцарцевъ. Я очистилъ ихъ землю отъ французскихъ войскъ, чтобы дать имъ пользоваться своею независимостью. Но они снова подняли революцію—и я принужденъ былъ вмѣшаться въ ихъ ссоры, чтобы остановить смуту и междоусобіе. Впрочемъ, что бы ни говорили, в. в—во можете быть увѣрены, что независимость и земля этой части республики будутъ сохранены въ неприкосновенности.—Одно время мы очень безпокоились здѣсь насчетъ заговора противъ в. в—ва. Прошу позволенія сказать, по чувству моей привязанности къ вамъ, что немного торжественности и великолѣпія—неизбѣжное бремя для особъ, занимающихъ такое мѣсто, какъ вы.—Прошу в. в—во вѣрить моему глубокому уваженію.

№ 212.—Морковъ Воронцову.

Paris, 8/20 octobre 1802.

*) ...Dans le rapport qui accompagne la présente expédition, je n'ai rendu à l'E-r qu'un compte sommaire de l'entretien particulier que j'ai eu avec le 1-r consul. V. exc. me permettra de lui en exposer tous les détails qui peut-être ne lui paraîtront pas indifférents. Le consul m'invita à déposer le langage diplomatique et à lui parler avec franchise. J'ai cru ne pas devoir balancer de profiter de cette permission et de lui retracer à la fois et tout ce que l'E-r a bien voulu faire à sa seule considération et le peu de retour dont il l'avait payé. Je lui ai rappelé qu'à son avènement au trône l'E-r, déterminé à la vérité par ses sentiments pacifiques à ne plus prendre part à la guerre qui durait encore, aurait pu, sans aucun inconvénient, ni danger, rompre la négociation que son prédécesseur avait entamée avec la France et par là seul prolonger la durée de la guerre, en entretenant l'espérance de l'Angleterre de l'y engager; que bien loin de là, en m'envoyant à Paris, il fit évanouir cet espoir, et cette puissance se détermina à la paix bien plus tôt et à des conditions bien plus modérées que sans cela elle n'aurait assurément pas fait; que dans la rédaction des conditions de sa

---

Парижъ, 8/20 октября 1802.

*) ...Въ донесеніи, сопровождающемъ нынѣшнюю отправку, я отдалъ императору лишь краткій отчетъ о личномъ моемъ разговорѣ съ 1-мъ консуломъ. Да будетъ мнѣ позволено изложить в. с—ву всѣ подробности, которыя, быть можетъ, покажутся вамъ не безинтересными. Консулъ пригласилъ меня бросить дипломатическій языкъ и говорить откровенно. Я не задумался воспользоваться этимъ позволеніемъ и обрисовать ему, какъ все, сдѣланное императоромъ исключительно изъ уваженія къ нему, такъ и недостатокъ взаимности съ его стороны. Я напомнилъ ему, что императоръ, по-истинѣ побуждаемый своимъ миролюбіемъ не принимать участія въ еще не конченной войнѣ, могъ, при своемъ воцареніи, безъ всякаго затрудненія и опасности прервать начатые его предшественникомъ переговоры съ Франціей и уже этимъ продлить войну, поддерживая надежду англичанъ вовлечь его въ нее. Напротивъ того, пославши меня въ Парижъ, онъ разсѣялъ эту надежду, и Англія склонилась къ болѣе быстрому и выгодному миру, чѣмъ случилось бы безъ этого. Въ условіяхъ собственнаго мира онъ щадилъ славу 1-го консула, отказываясь отъ того, на что тотъ согласился, и предоставляя его умѣрен-

propre paix il ménagea la gloire du 1-r consul, en se désistant de celles qu'il avait consenties et en voulant devoir à sa modération tout ce qu'il aurait pu exiger de la rigueur de ces mêmes conditions; que lorsqu'ensuite le 1-r consul lui témoigna le désir de voir rétablir la liberté du commerce entre les deux états, l'E-r, loin d'éluder ses intentions à cet égard, choisit la voie la plus courte pour les seconder, en rétablissant un traité, nul à toutes sortes de titres, par un acte de son autorité; que lorsqu'également il voulût obtenir de la Porte Ottomane la libre navigation de la mer Noir, S. M. s'empressa à y disposer cette puissance et y réussit à l'entière satisfaction de la France; et enfin elle adopta avec une entière complaisance, dans les affaires d'Allemagne, le système que le 1-r consul avait proposé, et concourt efficacement et avec loyauté à le faire recevoir par l'Empire germanique. Quelle a été jusqu'à présent la réciprocité de la part du gouvernement français à des procédés aussi francs et aussi amicals? Un roi dépouillé de ses états invoque en vain jusqu'à présent la protection d'un souverain qui a acquis de si justes droits à l'efficacité de sa magnanime intervention. Sa médiation dans la paix entre la Turquie et la France, formellement demandée d'une part et acceptée de l'autre, est éludée et on lui substitue l'entremise d'une puissance tierce, qui n'a eu aucune part à l'acheminement de cette paix. Tandis qu'on concertait avec lui les mesures pour établir le nouveau système en Allemagne, on les déterminait par un

---

ности все, чего онъ могъ требовать въ силу этихъ самыхъ условій. Когда потомъ 1-й консулъ выразилъ желаніе возстановить свободу торговли между обоими государствами, императоръ не только не уклонился отъ него, но избралъ кратчайшій путь для его исполненія, возстановивши своею властью договоръ, по всѣмъ правамъ уничтоженный. Точно также, когда консулъ захотѣлъ добиться отъ Порты свободнаго плаванія по Черному морю, е. в—во поспѣшилъ склонить эту державу и успѣлъ въ этомъ къ полному удовольствію Франціи. Наконецъ, императоръ вполнѣ любезно принялъ, въ дѣлахъ Германіи, предложенную 1-мъ консуломъ систему и усердно и честно содѣйствуетъ ея принятію Нѣмецкою имперіей. А чѣмъ до сихъ поръ отвѣчало французское правительство на такіе искренніе и дружескіе поступки? Лишенный своихъ владѣній король тщетно взываетъ по сю пору къ покровительству монарха, который пріобрѣлъ столь справедливыя права на дѣйствительность его великодушнаго заступничества. Его посредничество въ мирѣ между Турціей и Франціей, испрошенное одною стороной и принятое другой, устраняется и замѣняется вмѣшательствомъ третьей державы, вовсе не принимавшей участія въ налаживаніи этого мира. Въ то самое время, какъ уговаривались съ нимъ насчетъ мѣръ къ установленію новой системы въ Германіи,

traité fait à son insu avec une autre puissance, tel que le traité du 23 mai conclu avec la Prusse. Enfin après que l'E-r eût déjà donné son entier assentiment au plan d'indemnité et qu'il eût donné des ordres à ses ministres de concourir à son adoption avec ceux de France, on fit encore un traité, également à l'insu de la Russie, avec la Prusse et la Bavière pour garantir à cette dernière un ordre de choses qu'il n'appartient qu'à une autre puissance de déterminer définitivement, savoir l'Empire germanique dont on a tout-à-fait l'air de forcer le consentement; et la France convertit tout à coup son rôle de puissance médiatrice vis-à-vis de lui en celui de puissance contractante, et cela sans aucune nécessité, car si la Russie et la France restaient unies, comme elles le sont pour cette cause, la Bavière s'y joignant comme partie intéressée, et la Prusse par une suite de ses rapports avec les deux puissances, il ne restait aucun doute qu'elle ne triomphât au gré de leurs intentions réunies, au lieu qu'après cette mesure la France, voulant à présent distraire, du lot de la Bavière, l'évêché d'Eichstaedt, se verra dans le cas de demander par voie de négociation ce, dont conjointement avec la Russie elle aurait pu disposer de droit et pour ainsi dire d'autorité. Enfin, ai-je continué, un objet très peu important en lui-même, en comparaison de tous ceux que je viens de toucher et dont je n'aurais pas même fait mention, si son peu d'importance même ne servait pas à prouver encore davantage le peu de complaisance que

---

опредѣляли эти мѣры путемъ договора, заключеннаго, безъ его вѣдома, съ другою державой,—именно, договора 23 мая съ Пруссіей. Наконецъ, уже послѣ того, какъ императоръ далъ свое полное согласіе на планъ вознагражденій и приказалъ своимъ министрамъ помогать министрамъ Франціи въ его исполненіи, заключили еще договоръ съ Пруссіей и Баваріей, также безъ вѣдома Россіи. Этимъ договоромъ обезпечивался Баваріи порядокъ вещей, который могъ быть окончательно установленъ лишь другою державой, именно Нѣмецкою имперіей. Послѣднюю, повидимому, просто хотятъ принудить къ согласію; и въ отношеніи къ ней, Франція вдругъ превратилась изъ державы-посредницы въ державу договаривающуюся. И безъ всякой нужды: оставайся Россія и Франція единодушными въ этомъ дѣлѣ, Баварія прильнула бы къ нимъ, какъ заинтересованная сторона, а Пруссія, въ силу своихъ отношеній къ обѣимъ державамъ,—и Франція конечно восторжествовала бы въ мѣру ихъ соединенныхъ намѣреній; теперь же, вздумавши отнять у Баваріи епископство Эйхштедтъ, она должна будетъ путемъ переговоровъ добиваться того, чѣмъ располагала бы по праву и какъ бы своевластно, при согласіи съ Россіей. Наконецъ, продолжалъ я, вотъ еще предметъ, маловажный самъ по себѣ, въ сравненіи со всѣмъ, чего я коснулся; и я даже не упомянулъ бы

le 1-r consul a témoigné jusqu'ici envers l'E-r, c'est celui de quelques émigrés dont S. M. lui avait demandé la radiation, qu'il avait d'abord accordée et qu'il a révoquée ensuite sans aucun sujet au moins connu de moi. J'ai terminé mon discours en excusant la liberté, avec laquelle je lui ai parlé par l'encouragement qu'il y avait donné, et surtout par le désir, qui m'animait, de voir se perpétuer les rapports actuellement existants entre l'Empereur et lui sur la base d'égards et d'attentions réciproques.— Il me laissa achever tranquillement, et prenant la parole, il me dit qu'il ne méconnaissait pas les services que lui avait rendus l'Empereur; qu'il aurait désiré pouvoir lui en témoigner sa reconnaissance nommément dans la personne du roi de Sardaigne en le rétablissant dans ses états, et alors il allégua les raisons qui l'en empêchaient, telles que je les ai consignées dans mon rapport à l'Empereur. Il y ajouta cependant que l'Angleterre, qui s'était toujours intéressée à ce prince, l'avait enfin abandonné dans cette question, parce qu'elle avait senti qu'en le replaçant en Piémont, on n'en aurait fait qu'un préfet de province française, exposé à être destitué au premier sujet de mécontentement qu'il aurait donné, et par conséquent à jouer un rôle avilissant pour la dignité royale et capable d'exciter entre les cabinets des discussions désagréables et même fâcheuses dans leurs suites; que c'est à la seule considération de l'Empereur, qu'il lui laisse encore la Sardaigne et qu'il avait laissé subsister le royaume de Naples; qu'il n'avait

---

о немъ, еслибы самая маловажность его не доказывала еще больше, какъ мало любезности выказывалъ доселѣ 1-й консулъ императору: это—просимое е. в—мъ исключенie нѣсколькихъ эмигрантовъ изъ опальнаго списка, на которое сначала дали согласіе, а потомъ взяли его назадъ, безъ всякой, по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстной, причины. Я кончилъ, прося извиненія за смѣлость, къ которой онъ самъ побудилъ меня и которая въ особенности была внушена мнѣ желаніемъ видѣть продолженіе нынѣ существующихъ отношеній между имъ и императоромъ, основою которыхъ служитъ взаимное вниманіе.—Онъ далъ мнѣ кончить спокойно и потомъ началъ такъ. Онъ не отрицаетъ оказанныхъ ему императоромъ услугъ Онъ желалъ бы заявить ему свою признательность, именно въ лицѣ сардинскаго короля, возстановивши его въ его владѣніяхъ Тутъ онъ выставилъ причины, мѣшавшія ему сдѣлать это, какъ я изложилъ ихъ въ донесеніи императору. Онъ прибавилъ только, что Англія, которая всегда интересовалась этимъ государемъ, наконецъ покинула его въ этомъ вопросѣ: она поняла, что возстановить его въ Пьемонтѣ, значило лишь сдѣлать изъ него префекта французской провинціи, котораго низложатъ при первомъ поводѣ къ недовольству; а это значило бы заставить его играть роль унизительную для королевскаго достоинства и способную возбудить не-

insisté sur l'éloignement du roi de Sardaigne de Rome que parce que, selón les rapports qui lui étaient parvenus, il ne faisait pas un personnage convenable à son rang et qu'il y était à la suite de tous les cardinaux et des autres personnes considérables de Rome; que lui, 1-r consul, n'avait point en intention d'écarter la médiation de la Russie de la paix avec la Porte Ottomane, mais que le négociateur en avait émis le voeu formel; que le souvenir du passé et la crainte de l'avenir, en entretenant les ombrages de cette puissance, portaient naturellement sa confiance vers une puissance dont elle n'avait aucun danger à craindre et que c'est ainsi, qu'elle s'est adressée de préférence à la Prusse pour être secondée dans sa négociation; que dans les affaires d'Allemagne il s'était particulièrement appliqué à être agréable à S. M. I. en assignant aux princes ses alliés et ses parents des avantages au-delà de leur attente et de leurs droits; que pour lui il n'y avait porté d'autres vues d'intérêt que celles d'établir en Allemagne un système, au moyen duquel l'influence exclusive que s'y étaient arrogées les cours de Vienne et de Berlin pût être balancée, et que pour cela il crut devoir jeter le germe d'une troisième puissance, en concentrant et étendant la Bavière; que comme la Prusse voyait ce système d'un aussi mauvais oeil que l'Autriche, il crût devoir s'assurer d'elle par un traité avant de lui décerner les indemnités qu'elle demandait, connaissant d'ailleurs sa manière d'agir qui était celle de ne plus se soucier des

---

пріятныя и даже опасныя пререканія между кабинетами. Только изъ уваженія къ императору онъ оставляетъ ему покуда Сардинію и сохраняетъ Неаполитанское королевство. Онъ настаивалъ на удаленіи сардинскаго короля изъ Рима лишь вслѣдствіе донесеній, по которымъ тотъ игралъ роль, не подобающую особѣ его званія, состоя въ свитѣ всѣхъ кардиналовъ и другихъ значительныхъ лицъ Рима. Онъ не думалъ устранять посредничества Россіи въ дѣлѣ мира съ Портой; но уполномоченный послѣдней формально потребовалъ этого: воспоминанія прошлаго и страхъ за будущее тревожатъ-де эту державу и естественно склоняютъ ея довѣріе къ державѣ, которой ей нечего бояться; такимъ-то образомъ она предпочла обратиться къ Пруссіи за помощью въ этихъ переговорахъ. Въ нѣмецкихъ дѣлахъ онъ особенно старался угодить е. и. в—ву, надѣляя союзныхъ и родственныхъ ему князей выгодами, которыя превосходили ихъ ожиданія и права. Здѣсь у него не было никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ того, чтобы установить въ Германіи такую систему, при которой уравновѣшивалось бы исключительное вліяніе, на которое претендовали дворы вѣнскій и берлинскій: съ этою цѣлью онъ счелъ долгомъ положить основаніе третьей державы посредствомъ сосредоточенія и расширенія Баваріи. Но такъ какъ Пруссія была столь же недовольна этою системой,

affaires des autres, quand elle a fait les siennes; que quant à la dernière transaction passée entre la France, la Prusse et la Bavière, par les mêmes considérations à l'égard de la seconde, j'avais été appelé à y concourir, mais que je m'y étais refusé faute de pouvoirs et d'autorisation. Je l'ai interrompu ici pour lui dire, qu'il avait été mal informé des raisons que j'avais alléguées; que ce n'était pas faute de pouvoirs, mais faute de convictions sur la convenance de cette mesure; qu'en effet il m'avait paru très peu convenable, que tandis que les déclarations des deux puissances médiatrices laissaient place aux modifications du plan qu'elles proposaient, tandis que la députation de l'Empire ne l'acceptait que sous la réserve de ces mêmes modifications, et que les puissances médiatrices marquaient elles-mêmes l'intention de les admettre en convenant d'augmenter entr'autre le lot du grand-duc de Toscane aux dépens de celui de l'électeur de Bavière, puisqu'on convenait de lui ôter l'évêché d'Eichstaedt, on fit avec ce prince une convention qui lui garantit en totalité tout ce qui lui avait été assigné dans le premier plan. Le 1-r consul parut sentir la force de cette objection et ne la combattit que par la facilité d'obtenir de l'électeur de Bavière un sacrifice aussi léger; „mais aussi, ajouta-t-il, ce sera le dernier que je demanderai ou que je ferai en faveur de la maison d'Autriche, car elle n'est déjà que trop puissante et le deviendra encore

---

какъ и Австрія, то онъ счелъ долгомъ заручиться ею посредствомъ договора, прежде чѣмъ уступить ей требуемыя вознагражденія, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ ея манеру не заботиться о чужихъ дѣлахъ, добившись своего. Что касается послѣдней сдѣлки между Франціей, Пруссіей и Баваріей, то, въ силу тѣхъ же соображеній насчетъ второй изъ нихъ, онъ приглашалъ меня присоединиться, но я отказался за недостаткомъ полномочій и разрѣшенія. Тутъ я прервалъ его, сказавши, что ему недостаточно извѣстны выставленныя мною причины: то былъ недостатокъ не полномочій, а убѣжденія въ умѣстности этой мѣры. Мнѣ дѣйствительно казалось весьма страннымъ такое положеніе: съ одной стороны, объявленіе двухъ державъ-посредницъ допускали измѣненія въ предложенномъ ими планѣ; имперская депутація приняла его подъ условіемъ этихъ самыхъ измѣненій; державы-посредницы сами обнаружили намѣреніе допустить ихъ, согласившись, между прочимъ, увеличить долю великаго герцога тосканскаго насчетъ доли курфюрста баварскаго, и именно отнять у послѣдняго епископство Эйхштедтъ; съ другой—заключается съ этимъ же княземъ конвенція, которая обезпечиваетъ за нимъ все, что назначено ему по первому плану. 1-й консулъ какъ будто почувствовалъ силу этого возраженія. Онъ отстранялъ его только тѣмъ, что легко получить отъ курфюрста баварскаго такую незначительную жертву. „Но, прибавилъ онъ,

davantage lorsqu'elle sera naturellement appelée au partage des débris de l'empire Ottoman menacé d'une dissolution prochaine". Il est à remarquer, que cette idée au sujet de la Turquie se reproduit dans tous les entretiens qu'il a avec moi et que si ce n'est des piéges qu'il me tend pour ranimer les craintes et les soupçons de la Porte, il faut qu'il cherche à préparer les esprits à quelqu'invasion soudaine dans ses possessions actuelles. Enfin il vint au dernier article de mes griefs, celui des émigrés, et m'offrit de faire expédier la radiation du duc de Richelieu telle qu'il l'avait fait dresser sur la première demande que je lui en avais faite. Il fut au reste d'une aménité parfaite dans tout cet entretient. Il répéta plusieurs fois les protestations de son désir de cultiver l'amitié de l'Empereur, — désir fondé, disait-il, sur son penchant autant que sur son intérêt d'être bien avec une puissance dont l'influence ne pourrait que lui être utile et avantageuse dans toutes les occurrences. Il m'adressa personnellement bien des choses obligeantes, que je crois d'autant plus inutile de répéter que je les crois tout aussi peu sincères que les assurances qu'il m'a données de ne songer qu'à consolider le gouvernement et la puissance de la France sans lui vouloir donner aucune extension...

Pétersbourg. Paris, 1802, 233. Подлинникъ.

это будетъ послѣднее, что я потребую отъ него или сдѣлаю въ пользу австрійскаго дома: этотъ домъ ужъ и безъ того слишкомъ могущественъ; и онъ станетъ еще сильнѣе, когда его естественно призовутъ къ раздѣлу развалинъ Оттоманской имперіи, которой угрожаетъ близкое разложеніе". Нужно замѣтить, что эта мысль насчетъ Турціи появляется во всѣхъ его разговорахъ со мною. Если это не сѣти, которыя онъ разставляетъ мнѣ, чтобы возбудить страхъ и недовѣріе Порты, то онъ старается подготовить умы къ какому-нибудь внезапному нападенію на ея нынѣшнія владѣнія. Наконецъ, онъ дошелъ до послѣдняго предмета моихъ жалобъ, до эмигрантовъ, и предложилъ послать исключеніе герцога Ришелье изъ списка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ велѣлъ составить его по первому моему требованію. Впрочемъ, онъ былъ вполнѣ любезенъ въ теченіе всего этого разговора. Онъ много разъ высказывалъ желаніе поддерживать дружбу съ императоромъ,—дружбу, основанную, по его словамъ, столько же на его склонности, сколько на выгодахъ соединенія съ державой, вліяніе которой можетъ только быть ему полезно и прибыльно во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ лично онъ наговорилъ много любезностей. Считаю безполезнымъ повторять ихъ, тѣмъ болѣе, что считаю ихъ столь же мало искренними, какъ и его увѣренія, будто онъ думаетъ только объ упроченіи правительства и могущества Франціи, не помышляя о расширеніи ея границъ....

№ 213.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Pétersbourg, 9/21 octobre 1802.

*) Citoyen premier consul. J'ai été très satisfait en apprenant la justice, que le colonel Colaincourt a rendue à mes intentions envers la république française; elles sont une suite naturelle de la confiance que vous méritez à tant de titres, et qui me fera saisir avec plaisir les occasions de ressérer de plus en plus les relations politiques qui existent entre nous. Vous en aurez trouvé une preuve évidente dans le langage que mon ministre a tenu, et dans les démarches qui ont été faites en mon nom à la diète germanique; et si l'objet des indémnités en Empire éprouve encore quelque opposition et quelques retards, rien ne saurait contribuer plus efficacement à en aplanir les difficultés que l'heureux accord qui règne entre nous, ainsi que notre commune sollicitude pour cette partie considérable de l'Europe. — L'évacuation par les troupes françaises du royaume de Naples, des états du pape et de la Suisse étant un nouveau pas vers l'indépendance de ces états, m'a fait un sensible plaisir. — Je partage entièrement votre opinion relativement aux puissances barbaresques dont l'existence pèse évidemment sur le commerce de toutes le nations européennes, et il serait à désirer sans doute que

---

Петербургъ, 9/21 октября 1802.

*) Гражданинъ 1-й консулъ. Я очень доволенъ, что полковникъ Коленкуръ отдалъ справедливость моимъ намѣреніямъ относительно французской республики: они—естественныя послѣдствія довѣрія, которое вы заслуживаете по столькимъ причинамъ и которое заставитъ меня съ удовольствіемъ пользоваться случаями все тѣснѣе устанавливать политическія отношенія, существующія между нами. Очевиднымъ доказательствомъ этого послужатъ вамъ, какъ слова моего министра, такъ и шаги, сдѣланные моимъ именемъ на германскомъ сеймѣ; и если дѣло вознагражденій въ Имперіи встрѣчаетъ еще нѣкоторое противодѣйствіе и задержки, то ничто такъ не поможетъ устраненію затрудненій, какъ счастливое согласіе, царствующее между нами, а также наши общія заботы объ этой значительной части Европы.—Мнѣ доставило большое удовольствіе очищеніе Неаполитанскаго королевства, папскихъ владѣній и Швейцаріи отъ французскихъ войскъ, какъ новый шагъ къ независимости этихъ государствъ.—Вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ на варварійскія державы: ихъ существованіе очевидно лежитъ тяжелымъ бременемъ на торговлѣ всѣхъ европейскихъ націй; и конечно должно желать, чтобы

l'on parvienne à s'entendre, pour mettre un terme à leurs pirateries. J'ai applaudi aux mesures énergiques que vous avez développées contre le dey d'Alger, et le succès qui les a couronné m'a fait également plaisir. — Il n'y a qu'un seul point, sur lequel mes vues et mes désirs ne s'accordent point avec le système que vous avez adopté. L'intérêt que feu l'Empereur mon père a toujours pris à S. M. Sarde, les engagements du gouvernement français envers feu S. M. pour le rétablissement du roi de Sardaigne dans ses états héréditaires et les démarches, que j'ai faites moi-même en faveur de ce prince malheureux, me faisaient toujours espérer que vous trouveriez les moyens de lui assurer un établissement convenable et qui puisse en quel que sorte le dédommager des pertes considérables, qu'il a essuyées. Aussi longtemps que cet ordre de choses subsistera, il me sera impossible, quelque soit au reste mon désir sincère de vous faire plaisir, de reconnaître le roi d'Etrurie et les républiques d'Italie dont vous faites mention dans votre lettre. Je suis persuadé, citoyen premier consul, que vous apprécierez ces puissants motifs et que vous sentirez que, sans manquer à ce que je me dois à moi-même, je ne saurais agir autrement. Recevez, citoyen premier consul, l'assurance de mon estime et de ma considération distinguée.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 10. Черновая.

пришли къ соглашенію и положили предѣлъ ихъ морскимъ разбоямъ. Я въ восторгѣ отъ энергическихъ мѣръ, принятыхъ вами противъ алжирскаго дея; столь же пріятенъ былъ мнѣ увѣнчавшій ихъ успѣхъ. — Въ одномъ только пунктѣ мои виды и желанія не согласуются съ принятою вами системой. Участіе, которое всегда принималъ покойный императоръ, мой отецъ, въ е. в—вѣ королѣ сардинскомъ, обязательства французскаго правительства предъ покойнымъ е. в—мъ насчетъ возстановленія сардинскаго короля въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ, мои собственныя попытки въ пользу этого несчастнаго государя,—все заставляло меня надѣяться, что вы найдете средства пристроить его прилично и въ нѣкоторомъ родѣ вознаградить его за понесенныя имъ значительныя потери. Пока будетъ длиться такой порядокъ вещей, при всемъ моемъ искреннемъ желаніи доставить вамъ удовольствіе, мнѣ невозможно будетъ признать короля Этруріи и итальянскія республики, о которыхъ вы упоминаете въ вашемъ письмѣ. Я убѣжденъ, что вы, гражданинъ 1-й консулъ, оцѣните эти сильныя побужденія и поймете, что я не могу поступить иначе, не измѣняя самому себѣ. Примите, гражданинъ 1-й консулъ, увѣреніе въ моемъ уваженіи и въ моемъ отличномъ почтеніи.

№ 214.—Рескриптъ Моркову.

Pétersbourg, 10/22 octobre 1802.

*) Vos rapports du 24 août (5 sept.) jusqu'au 28 août (9 sept.) me sont parvenus précisément dans le temps, où les principaux objets, qu'ils renferment, occuppaient aussi mon ministère ici. L'ambassadeur comte de Saurau lui a communiqué les nouvelles propositions de sa cour, en demandant en son nom que je leur prête tout mon appui. Ces propositions, qui ont été également adressées au gouvernement français, tendaient à modifier avantageusement pour l'Autriche le plan d'indemnités présenté à Ratisbonne, au moyen de différentes échanges avec la Bavière et d'une augmentation du lot du grand-duc de Toscane. Comme en agréant dans ce moment de telles propositions, je n'aurais fait qu'encourager de nouveaux délais qui, au point où en sont les affaires, ne peuvent mener à rien de bon, et que ç'aurait été agir en contradiction avec les démarches faites en commun à la diète de l'Empire par les ministres de Russie et de France, je n'ai pu que décliner ces demandes de la cour de Vienne; et l'engageant elle-même à s'en désister et à ne plus refuser la sanction impériale au conclusum de la députation, j'ai insisté surtout que les troupes autrichiennes soient re-

---

Петербургъ, 10/22 октября 1802.

*) Ваши донесенія отъ 24—28 августа (5—9 сентября) были доставлены мнѣ именно въ то время, когда и мое министерство занималось здѣсь главнымъ предметомъ ихъ содержанія. Посланникъ, графъ Саурау, сообщилъ ему новыя предложенія своего двора, требуя его именемъ полной поддержки съ моей стороны. Эти предложенія, сдѣланныя также и французскому правительству, клонятся къ выгодному для Австріи измѣненію плана вознагражденій, предъявленнаго въ Регенсбургѣ: въ нихъ заключаются разные обмѣны съ Баваріей и увеличеніе доли великаго герцога тосканскаго. Но дать въ эту минуту свое согласіе на такія предложенія значило бы поощрять новыя отсрочки, которыя не привели бы ни къ чему хорошему въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ; это значило бы также дѣйствовать въ противорѣчіи съ общими поступками русскаго и французскаго министровъ на имперскомъ сеймѣ. Оттого я не могъ не отклонить этихъ требованій вѣнскаго двора. Приглашая его самого бросить ихъ и не отказывать болѣе рѣшенію депутаціи въ императорскомъ освященіи, я особенно настаивалъ на немедленномъ удаленіи австрійскихъ войскъ изъ Пассау.—Съ другой стороны, послы Пруссіи и Баваріи обра-

tirées de Passau sans retard.—D'une autre part les envoyés de Prusse et de Bavière se sont adressé à mon ministère, pour m'engager, par l'exemple que la France a donné en signant avec leurs cours la convention du 5 septembre, de mettre de côté les moyens plus mesurés et d'employer dès à présent de préférence ceux d'une vigueur que ces gouvernements croient nécessaire, afin de ramener le cabinet de Vienne aux voeux des autres puissances intéressées. Etant convaincu que pour y parvenir il sera non-seulement inutile de recourir à des mesures extrêmes, mais que de plus elles pourraient même gâter et retarder ce qu'on voudrait arranger et terminer par là, je n'ai pu non plus que me refuser aux dites insinuations des cours de Berlin et de Munich, comme je l'avais fait aux demandes de l'e-r d'Allemagne; et de cette manière ne me laissant détourner ni d'un côté, ni de l'autre de la route que je me suis tracée, j'ai voulu conserver et la modération, et la stricte impartialité, qui conviennent si essentiellement au caractère et à l'office de médiateur dont je me suis chargé.—La conduite, que vous avez tenue dans ces circonstances à Paris, est déjà parfaitement conforme aux principes que vous venez de lire; je ne puis donc que vous en exprimer ma satisfaction la plus entière et vous prescrire de continuer d'agir dans le même sens; cependant pour vous mettre à même d'entrer toujours mieux dans les raisons qui ont motivées mes différentes résolutions, j'ai donné ordre qu'on vous envoie ci-joint la copie des rescrits

---

тились къ моему министерству, приглашая меня, по примѣру Франціи, подписавшей съ ихъ дворами конвенцію 5-го сентября, бросить умѣренныя средства и отнынѣ употреблять по преимуществу сильныя мѣры, которыя эти правительства считаютъ необходимыми, чтобы склонить вѣнскій дворъ къ желаніямъ другихъ заинтересованныхъ державъ. Будучи убѣжденъ, что для успѣха дѣла не только безполезно прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, но что онѣ даже могли бы испортить и задержать то, что мы хотѣли ускорить и покончить, я не могъ не отвергнуть этихъ внушеній дворовъ берлинскаго и мюнхенскаго точно также, какъ я отказалъ въ требованіяхъ нѣмецкаго императора. Такъ, не уклоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону отъ предначертаннаго пути, я желалъ сохранить и умѣренность, и строгое безпристрастіе, столь существенно приличествующія характеру и званію посредника, принятому мною на себя.—Ваше поведеніе въ Парижѣ, при этихъ обстоятельствахъ, уже вполнѣ согласно съ сейчасъ изложенными правилами; поэтому могу только выразить вамъ мое полнѣйшее удовольствіе и предписать вамъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Но чтобы наилучше посвятить васъ въ побужденія моихъ различныхъ рѣшеній, я приказалъ послать вамъ прилагаемый списокъ рескриптовъ и депешъ моимъ министрамъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Регенсбургѣ: когда вы освои-

et des dépêches, qui ont été expédiés à mes ministres à Vienne, à Berlin et à Ratisbonne, afin qu'ayant aussi une connaissance complète de ce que je leur ai prescrit, aucun doute ne puisse vous survenir sur la manière dont vous avez à vous comporter dans vos rapports soit avec les ministres d'Autriche et de Prusse à Paris, soit avec celui des relations extérieures de France. Vous garderez les susdites pièces pour votre propre information, et il est bon que vous sachiez qu'aucun de mes autres ministres n'a eu connaissance que de celles, qui le regardaient directement. — Vous trouvant à l'endroit, où vous résidez, pour ainsi dire au centre des négociations qui occupent dans ce moment la plupart des cabitents de l'Europe, vous ne sauriez assez recommander, en mon nom, de la modération à tous les partis et principalement y engager le gouvernement français, qui s'étant déclaré puissance médiatrice se doit à soi-même et à toute l'Europe de remplir les obligations, que ce titre impose. Vous insisterez auprès du ministère français sur la nécessité qu'il y a, lorsqu'on peut arriver à son but par la prévenance et la persuasion, d'éviter tout ce qui aurait l'apparence de la contrainte. Il serait de toute convenance de renouveler, à la cour de Vienne, l'offre de quelqu'augmentation au lot du grand-duc de Toscane, en quoi je compte sur les promesses que vous m'avez fait passer de la part du 1-r consul, comme quoi il se prêtera aux désirs que je lui avais manifestés à cet égard. Vous lui en exprimerez mes remerciments

---

тесь такимъ образомъ со всѣмъ, что я предписывалъ имъ, у васъ уже не будетъ никакихъ сомнѣній насчетъ того, какъ вамъ вести себя съ министрами ли Австріи и Пруссіи въ Парижѣ, или съ французскимъ министромъ внѣшнихъ сношеній. Берегите помянутыя бумаги для вашего собственнаго свѣдѣнія; и вамъ не мѣшаетъ знать, что каждому изъ моихъ министровъ извѣстны лишь тѣ изъ нихъ, которыя касаются его непосредственно.—Находясь, такъ сказать, въ средоточіи переговоровъ, занимающихъ въ эту минуту большинство европейскихъ кабинетовъ, вы не перестанете внушать отъ моего имени умѣренность всѣмъ сторонамъ, въ особенности же французскому правительству, которое объявило себя державой - посредницей и потому должно, передъ собой и передъ всею Европой, исполнить связанныя съ этимъ званіемъ обязательства. Вы будете настаивать у французскаго правительства на необходимости избѣгать всякаго вида принужденія тамъ, гдѣ можно достигнуть цѣли лишь предупредительностью и убѣжденіемъ. Вполнѣ умѣстно вновь предложить вѣнскому двору нѣкоторое увеличеніе доли великаго герцога тосканскаго: тутъ я разсчитываю на обѣщанія, данныя мнѣ черезъ васъ 1-мъ консуломъ, если онъ исполнитъ выраженныя мною по этому поводу желанія. Вы выразите ему за это мою искреннюю признательность. А повторяя, если нужно,

sincères et lui réitérant, s'il le faut, mes instances sur ce même objet, vous pourrez dire que le comte de Cobenzl, en refusant l'évêché d'Eichstaedt, ne paraissait avoir agi que de son propre chef et que, pour une imprudence personnelle à ce ministre, il n'était pas juste de faire pâtir sa cour qui, d'après les insinuations que je lui ai faites, prendra sans doute ses précautions, pour qu'une seconde offre semblable ne soit plus refusée, laquelle, répétée a présent peut-être avec quelque légère addition, serait le meilleur moyen et le plus sûr d'obtenir sans délais la sanction impériale aux décrets de la députation et de finir le tout à l'amiable. L'empereur d'Allemagne n'ayant plus à se plaindre de l'inobservance du traité de Lunéville, dans le plan des indemnités proposé par les puissances médiatrices, se prêterait alors facilement à leurs désirs; et probablement il s'empresserait même de profiter de cette occasion, pour revenir avec honneur et comme de son propre gré sur des résolutions dans lesquelles il s'est avancé trop loin, et qu'il ne peut espérer de soutenir contre le voeu de la majorité de l'Empire, celui de ses membres les plus marquants, et vu l'accord invariable, pacifique, mais prononcé, qui doit exister entre les deux puissances médiatrices. Vous ne manquerez pas de faire remarquer au gouvernement français, combien je tiens à préserver cet accord et combien ma conduite présente vis-à-vis de l'Autriche doit prouver au 1-r consul que je veux

---

мои настоянія по тому же самому предмету, вы можете сказать, что, отказываясь отъ епископства Эйхштедтскаго, графъ Кобенцль, кажется, дѣйствовалъ на собственный страхъ: было бы несправедливо подвергать непріятностямъ вѣнскій дворъ за личное неблагоразуміе этого министра. Въ силу моихъ внушеній, этотъ дворъ конечно поопасается отвергнуть другое подобное предложеніе, которое было бы лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ немедленно получить императорское освященіе рѣшеній депутаціи и все покончить полюбовно, если повторить его теперь, пожалуй, съ легкою надбавкой. Не имѣя болѣе причинъ жаловаться на несоблюденіе люневильскаго договора державами-поруками, нѣмецкій императоръ легко склонился бы на ихъ желанія. По всей вѣроятности, онъ даже поспѣшилъ бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ честью и какъ бы по собственной волѣ отстать отъ намѣреній, въ которыхъ онъ зашелъ слишкомъ далеко и которыхъ онъ не можетъ надѣяться отстоять противъ желаній имперскаго большинства, и именно самыхъ видныхъ его членовъ, и въ виду неизмѣннаго, мирнаго, но явнаго, согласія, долженствующаго существовать между двумя державами-поруками. Вы не преминете дать замѣтить французскому правительству, какъ я дорожу сохраненіемъ этого согласія и какъ мое нынѣшнее поведеніе относительно Австріи доказываетъ 1-му консулу, что я всегда желаю дѣйствовать согласно

toujours agir en conformité des engagements, que j'ai pris de concert avec la France. Si j'ai préféré la route conciliante, ce n'est que pour mieux parvenir au but commun que j'ai cru que les deux gouvernements s'étaient également proposé, en s'entendant entre eux et s'appuyant mutuellement dans leurs opérations présentes en Allemagne. En effet je n'ai consenti à ratifier la convention que vous avez signée à Paris, que dans la ferme conviction que c'était le seul mode de terminer le plutôt que possible l'affaire des indémnités et surtout de prévenir toute explosion en Europe; il me serait tout à fait pénible, si, par une suite de cette même convention, je me voyais forcé à participer à des résultats que je voulais écarter en y accédant; vous employerez donc tous vos soins pour m'éviter l'alternative désagréable dans laquelle je pourrais me trouver, ou bien de me séparer de la France dans les opérations que nous avons commencées en commun, ou bien de contribuer à des mesures diamétralement opposées au but unique que j'ai eu, en consentant d'agir à Ratisbonne conjointement avec le 1-r consul.

Pétersbourg. Paris, 1802, 17. Подлинникъ.

съ обязательствами, которыя приняты мною заодно съ Франціей. Если я предпочелъ путь примиренія, то лишь съ тѣмъ, чтобы лучше достигнуть общей цѣли, которую, думалось мнѣ, оба правительства равно поставили себѣ, согласясь между собой и поддерживая другъ друга въ нынѣшнихъ дѣйствіяхъ въ Германіи. Дѣйствительно, я отказался утвердить подписанную вами въ Парижѣ конвенцію лишь въ твердомъ убѣжденіи, что это единственный способъ возможно скорѣе покончить дѣло вознагражденій, въ особенности же предупредить всякіе взрывы въ Европѣ. Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы мнѣ пришлось, въ силу этой самой конвенціи, участвовать въ послѣдствіяхъ, которыя я желалъ устранить, приступая къ ней. Итакъ, вы употребите всѣ ваши старанія, чтобы избавить меня отъ непріятнаго выбора—или отдѣлиться отъ Франціи въ дѣлѣ, которое мы начали сообща, или содѣйствовать мѣрамъ, прямо противоположнымъ моей единственной цѣли, которую я имѣлъ въ виду соглашаясь дѣйствовать въ Регенсбургѣ совмѣстно съ 1-мъ консуломъ.

№ 215.—Воронцовъ Моркову.

Pétersbourg, 10/22 octobre 1802.

*) En complément aux rescrits que v. exc. recevra par le courrier, qui va lui être envoyé aujourd'hui, j'ajouterai que dans l'intervalle de son expédition le général Hédouville m'a fait parvenir une note, que je joins ici par copie et par laquelle il me communique l'acte de garantie signé le 5 sept. à Paris entre la France, la Prusse et la Bavière, ajoutant que le 1-r consul verrait avec plaisir si S. M. l'E-r y accédait aussi. La réponse que v. e. a déjà faite aux premières ouvertures du gouvernement français sur cet objet a été approuvée par l'Empereur; celle qui sera donnée ici au général Hédouville et ce que v. e. aura encore à dire à ce sujet au ministère français ne pourra sous tous les rapports, qu'être parfaitement conforme aux principes contenus dans le rescrit impérial de ce jour et identique avec les ordres, que m-rs d'Alopeus et de Buhler ont reçus sur ce même objet, et que S. M. I. a ordonné de vous communiquer. Il ne dépendra que de vous d'y ajouter tout ce qui peut s'adresser avec plus de raison et d'à propos encore au ministère d'une puissance, qui étant médiatrice de concert avec la Russie devrait d'autant plus partager les sentiments justes, pacifiques et modérés de S. M. l'Empereur. Au reste d'après différentes notions, que

---

Петербургъ, 10/22 октября 1802.

*) Въ дополненіе къ рескриптамъ, которые в. с—во получите съ нынѣшнимъ курьеромъ, я прибавлю, что передъ его отъѣздомъ генералъ Эдувиль доставилъ мнѣ ноту, прилагаемую здѣсь въ спискѣ. Она извѣщаетъ объ актѣ обезпеченія, подписанномъ, 5-го сентября, въ Парижѣ, Франціей, Пруссіей и Баваріей. Эдувиль прибавилъ, что 1-му консулу было бы пріятно, если бы и е. в. императоръ приступилъ къ нему. Императоръ одобрилъ отвѣтъ, уже данный в. с—мъ на первыя заявленія французскаго правительства по этому поводу. Какъ здѣшній отвѣтъ Эдувилю, такъ и ваши новыя бесѣды съ французскимъ министерствомъ по этому вопросу, конечно, будутъ вполнѣ сообразны съ правилами, изложенными въ нынѣшнемъ рескриптѣ императора и тожественными съ приказаніями Алопеусу и Бюлеру, которыя е. и. в—во повелѣлъ сообщить и вамъ. Ужъ ваше дѣло прибавить все, что найдете разумнымъ и умѣстнымъ относительно министерства той державы, которая, какъ посредница сообща съ Россіей, должна бы особенно раздѣлять справедливыя, мирныя и умѣренныя чувства е. и. в—ва. Впрочемъ, по различнымъ свѣдѣ-

le ministère a eu ici, il ne semble pas que le gouvernement français ait désiré bien vivement, que S. M. I. accède au dit acte de garantie, et que c'est plutôt la Prusse et la Bavière qui auraient beaucoup souhaité de nous engager. — D'après les rapports de v. e. il paraît clair que c'est m. de Cetto, qui par ses insinuations a provoqué la dite transaction; mais comme l'envoyé de Bavière ici m'a très positivement assuré du contraire, rejetant le tout sur la bouillante impatience de Bonaparte, S. M. l'E-r désirerait que vous lui fassiez savoir au juste, de quelle manière cet acte a été conclu; si c'est le gouvernement français qui en a été le premier moteur, ou si au contraire c'est le ministre de Bavière ou bien celui de Prusse qui l'ont demandé et obtenu, ce qu'aucune de ces deux cours ne voudrait avouer ici. Le marquis de Lucchesini en signant cette transaction, à ce qu'assure la cour de Berlin, sans sa permission préablable, nous a fourni un exemple nouveau de la manière singulière, dont se traitent les affaires à Paris, où l'on paraît avoir pris la méthode de les faire par surprise et sans trop avoir égard aux formes ordinairement usitées en diplomatie; cela serait de quoi nous donner quelquefois de l'inquiétude ici, si S. M. l'E-r avait auprès du gouvernement français un autre ministre que v. e., dont la prudence ne se permettra pas de signer aucun acte, qui dépasserait ses pouvoirs, et qui dans ces cas-là saura bien décliner des instances trop pressantes et attendre les ordres nécessaires de l'Empereur. Vous venez

---

ніямъ здѣшняго министерства, французское правительство, кажется, не особенно желало приступленія е. и. в—ва къ помянутому акту обезпеченія: скорѣе Пруссіи и Баваріи очень хотѣлось завлечь насъ сюда.—Судя по донесеніямъ в. с—ва, кажется, ясно, что помянутую сдѣлку вызвалъ г. Четто своими внушеніями. Но такъ какъ здѣшній баварскій посолъ весьма положительно отрицаетъ это, приписывая все кипучему нетерпѣнію Бонапарта, то е. и. в—во желалъ бы узнать отъ васъ навѣрно, какъ устроился этотъ актъ, а именно: изобрѣтеніе ли это французскаго правительства, или его потребовалъ и получилъ баварскій или, наконецъ, прусскій министръ, въ чемъ не желаютъ сознаться здѣсь оба двора? По увѣренію берлинскаго двора, маркизъ Люкезини подписалъ эту сдѣлку безъ его предварительнаго позволенія. Въ такомъ случаѣ, передъ нами новый примѣръ страннаго способа вести дѣла, котораго держатся въ Парижѣ: тамъ, кажется, приняли за правило дѣйствовать внезапно и не обращая особеннаго вниманія на общепринятыя дипломатическія формы. Это могло бы подчасъ безпокоить насъ, еслибы е. и. в—во имѣлъ другого министра при французскомъ правительствѣ; но в. с., при вашемъ благоразуміи, не подпишете акта, выходящаго за предѣлы вашихъ полномочій; вы съумѣете отклонить слишкомъ настойчивыя требованія и выждать

d'en donner une preuve à détruire toute sollicitude à cet égard, en refusant, malgré les instances qu'on vous en a faites de signer le susdit acte de garantie, alléguant pour raison, comme il en est fait mention dans la note du général Hédouville, que vous n'y étiez pas suffisamment autorisé. Cette conduite de votre part a mérité toute l'approbation de l'Empereur, et je suis, on ne peut pas plus, charmé d'être chargé de vous en assurer.

Pétersbourg. Paris, 1802, 53. Подлинникъ.

№ 216.—Морковъ Воронцову.

Paris, 16/28 octobre 1802.

Покорнѣйше прошу в. с—во приказать сію депешу разшифровать тому изъ секретарей вашихъ, который пользуется наиболѣе довѣренностію вашею. — *) La tourbe de polonais de toutes les classes, qui afflue à Paris, devient de jour en jour plus nombreuse. Jusqu'ici ils se sont tenus assez tranquilles; mais il paraissent maintenant vouloir se rallier autour de Kostiuschko, qui vit ici d'une pension de 18.000 francs que le gouvernement lui a accordée à son retour d'Amérique. Ces polonais se sont cottisés à 5 louis par tête pour donner aujourd'hui un dîner à leur ancien chef; je tâcherai de me procurer des détails sur cette orgie qui aura immanquablement donné lieu à l'explosion de

---

необходимыя приказанія императора. Вы разсѣяли всякія опасенія, давши новое доказательство этого тѣмъ, что, вопреки ихъ настояніямъ, вы отказались подписать помянутый актъ обезпеченія, ссылаясь, какъ замѣчено въ нотѣ генерала Эдувиля, на то, что вы недостаточно уполномочены на это. Это ваше поведеніе заслужило полное одобреніе императора, и я необыкновенно радъ увѣрить васъ въ томъ.

Парижъ, 16/28 октября 1802.

*) Толпа поляковъ всѣхъ классовъ, стекающихся въ Парижъ, становится съ каждымъ днемъ многочисленнѣе. До сихъ поръ они держали себя довольно спокойно; но теперь, кажется, хотятъ соединиться вокругъ Костюшка, который живетъ здѣсь пенсіей въ 18.000 франковъ, назначенной правительствомъ по его возвращеніи изъ Америки. Эти поляки сложились, по 5 луидоровъ съ человѣка, чтобы дать обѣдъ сегодня своему бывшему вождю. Постараюсь собрать подробныя свѣдѣнія объ этой оргіи, которая неизбѣжно поведетъ къ

leur sentiment et à des toasts dictés par les principes, qui les animent et qui leur font toujours entrevoir le rétablissement de la république de Pologne comme une chose possible. Je dois ajouter à regret que plusieurs polonais, sujets de S. M., ont pris part à la souscription et nommément le prince Sapiega, honoré du titre de cons. privé, et m. Walicky, qui ne saurait ignorer que la proscription, portée contre Kostiuschko par feu S. M. l'E-r, n'a point été levée. J'ai cru devoir faire part à v. e. de ces détails sans attendre de plus amples informations que je ne manquerai pas de lui transmettre à mesure, que je les aurai recueillies. J'abandonne d'ailleurs entièrement à ses lumières l'usage qu'elle voudra faire des notions contenues dans cette dépêche, et si elle jugeait à propos de n'en faire aucune mention, je la prierai de ne l'envisager que comme dictée pour elle seule. Je ne vous dissimulerai pas que c'est avec répugnance, que je vous adresse ce rapport, mais j'y ai cru intéressé le devoir de ma place.

Pétersbourg. Paris, 1802, 241. Подлинникъ.

№ 217.—Нота Эдувиля Воронцову.

Pétersbourg, 12 brumaire an XI.

*) Le soussigné, ministre plénipotentiaire de la république française, a reçu l'ordre exprès de se joindre à m. l'amiral Warren, ambassadeur

---

обнаруженію ихъ чувствъ и къ тостамъ, внушеннымъ тѣми началами, которыя одушевляютъ ихъ и вѣчно показываютъ имъ въ будущемъ возстановленіе польской республики, какъ дѣло возможное. Я долженъ прибавить съ сожалѣніемъ, что въ подпискѣ приняли участіе многіе изъ поляковъ, подданныхъ е. в—ва, въ томъ числѣ князь Сапѣга, удостоенный чина тайнаго совѣтника, и г. Валицкій, который долженъ знать, что съ Костюшка еще не снята опала, наложенная е. в—вомъ покойнымъ императоромъ. Я счелъ долгомъ донести в. с—ву объ этихъ подробностяхъ, не выжидая болѣе обширныхъ свѣдѣній, которыя не премину сообщать по мѣрѣ ихъ собиранія. Впрочемъ вполнѣ предоставляю вашему разумѣнію рѣшить, какое употребленіе сдѣлать изъ свѣдѣній этой депеши; и если в. с. признаете, что не слѣдуетъ упоминать о ней, то прошу смотрѣть на нее, какъ на предназначенную исключительно для васъ. Не скрою, что посылаю вамъ это донесеніе съ отвращеніемъ; но мнѣ казалось, что это—дѣло моей должности.

Петербургъ, 22 октября (3 ноября) 1802.

*) Нижеподписавшійся, полномочный министръ французской республики, получилъ нарочитое приказаніе присоединиться къ адмиралу Уаррену, послан-

de s. m. britannique, qui se trouve également autorisé, à l'effet d'inviter S. M. l'Empereur de toutes des Russies, au nom et de la part de leurs gouvernements respectifs, de vouloir bien concourir par son accession et sa puissante garantie aux stipulations du traité définitif d'Amiens, qui sont relatives à l'Ordre de St. Jean de Jérusalem et à sa réintégration dans la possession de l'île de Malte et de ses dépendances. Ces stipulations sont renfermées dans l'article X de ce traité dont la teneur est comme il suit... Afin de lever tout sujet de doute ou d'incertitude sur le véritable sens de la clause de cet article qui regarde l'élection d'un grand-maître de l'Ordre de St. Jean, le soussigné a été autorisé à informer la cour impériale de Russie que cette clause a èu pour objet d'assurer la préférence au mode, que S. M. I. avait proposé pour cette élection, moyennant quoi le gouvernement français s'engage a reconnaître en qualité de grand-maître celui que le pape aura choisi parmi les candidats, qui auront été désignés pour cette dignité par les suffrages des différents grands-prieurés, et nommément le bailli romain.—Le 1-r consul reconnaîtra avec sensibilité la nouvelle et précieuse marque de l'amitié de S. M. l'Empereur qui fait l'objet de la présente demande, et il se flatte d'autant plus que S. M. I. voudra bien y déférer, qu'elle aura par ce moyen la satisfaction d'assurer sur une assiette solide l'existence et le bien-être de l'Ordre de St. Jean, et de compléter en même temps l'heureux et salutaire ouvrage de la paix générale. — En engageant m. le chancelier de vou-

---

нику его британскаго величества, также уполномоченному на это, съ тѣмъ, чтобы именемъ ихъ правительствъ пригласить е. в. императора всероссійскаго содѣйствовать своимъ приступленіемъ и своею могущественною гарантіей тѣмъ постановленіямъ окончательнаго амьенскаго мира, которыя относятся къ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго и къ возстановленію его владычества на островѣ Мальтѣ со всѣмъ, ей принадлежащимъ. Эти постановленія заключаются въ X статьѣ этого договора, текстъ которой гласитъ... Чтобы устранить всякій поводъ къ сомнѣнію или недоразумѣнію относительно истиннаго смысла мѣста этой статьи, касающагося избранія великаго магистра ордена св. Іоанна, нижеподписавшійся уполномоченъ увѣдомить русскій императорскій дворъ, что цѣль этого мѣста—обезпечить предложенный е. и. в—мъ способъ этого избранія, въ силу котораго французское правительство обязуется признать великимъ магистромъ лицо, избранное папой изъ кандидатовъ на этотъ санъ, указанныхъ голосомъ различныхъ великихъ пріоратовъ, и именно римскаго бальи.—1-й консулъ съ признательностью увидитъ новый и драгоцѣнный знакъ дружбы со стороны е. и. в—ва, составляющій предметъ настоящей просьбы. Онъ тѣмъ болѣе льститъ себя надеждой на согласіе е. в—ва, что этимъ путемъ императоръ будетъ имѣть удовольствіе прочно установить су-

loir bien porter cette invitation commune des deux gouvernements de la France et de la Grande-Bretagne à la connaissance de S. M. I., le soussigné à l'honneur de lui réitérer les assurances de sa haute considération.

Paris. 142, 28. Списокъ.

№ 218.—Воронцовъ Моркову.

Pétersbourg, 27 octobre (9 novembre) 1802.

*) ...Quoique S. M. ne veuille s'éloigner en rien des principes établis dans la déclaration remise à la diète conjointement avec la France, cependant elle ne se refusera pas à employer ses bons offices auprès du gouvernement français pour l'amélioration du lot du grand-duc de Toscane, autant que cela n'altèrera pas les principes et les bases établis relativement aux indemnités, d'autant plus qu'on ne peut ne pas convenir que l'indemnité fixée pour le grand-duc de Toscane est bien éloignée de la perte, que ce prince a essuyée. V. exc. pourra s'en exprimer dans ces termes vis-à-vis du ministère français en le portant à ajouter quelques augmententions à ce lot, qui rendront en même temps la cour de Vienne plus accommodante sur les affaires d'Allemagne et termineront à la fin tout ce qui concerne les indemnités; mais il faut aussi pour

---

ществованіе и благополучіе ордена св. Іоанна, а также довершить счастливое и спасительное дѣло всеобщаго замиренія.—Прося г. канцлера соблаговолить довести это общее приглашеніе двухъ правительствъ, французскаго и великобританскаго, до свѣдѣнія е. и. в—ва, нижеподписавшійся имѣетъ честь снова увѣрить его въ своемъ глубокомъ почтеніи.

Петербургъ, 27 октября (9 ноября) 1802.

*) ....Хотя е. в—во отнюдь не желаетъ удаляться отъ правилъ, установленныхъ въ объявленіи, поданномъ на сеймѣ совмѣстно съ Франціей, однако онъ не откажется употребить свои добрыя услуги предъ французскимъ правительствомъ для улучшенія доли великаго герцога тосканскаго, насколько это не измѣнитъ правилъ и основъ, принятыхъ въ дѣлѣ вознагражденій, тѣмъ болѣе, что нельзя не признать, что назначенное великому герцогу тосканскому вознагражденіе далеко не соотвѣтствуетъ понесеннымъ имъ потерямъ. В. с—во можете выразиться этими словами предъ французскимъ министерствомъ, склоняя его прибавить что-нибудь къ этой долѣ: это сдѣлало бы также вѣнскій дворъ болѣе сговорчивымъ въ дѣлахъ Германіи и порѣшило

cela, que le comte de Cobenzl mette plus de facilité au tempérament, qu'on lui avait proposé à Paris et ne le rejette pas, ainsi qu'il l'a fait. Il fallait surtout prendre au mot le gouvernement français, lorsque ce dernier offrait l'évêché d'Eichstaedt. Il est essentiel surtout que la cour de Vienne retire ses troupes de Passau, ce que nous ne cessons de lui conseiller. — Quant à la proposition du comte de Cobenzl que la Russie, la Prusse et l'Autriche conviennent entre elles du plan d'indemnités en Allemagne, v. e. reconnaîtra elle-même, combien il n'est plus temps d'y penser, à moins qu'on n'ait l'intention de renvoyer à un temps indéfini l'arrangement final des affaires d'Allemagne. Il y a un an que notre cour en avait fait la proposition à Vienne, et vous savez le peu de succès que cette démarche a eu.—Les réclamations du prince évêque de Liège et de l'électeur de Mayence, énoncées par leurs ministres à Paris, sont des objets particuliers, qui doivent être discutés et terminés à Ratisbonne par la députation de l'Empire et les ministres des puissances médiatrices, et on ne saurait, sans entraver considérablement la conclusion des affaires de l'Empire, leur donner de la suite, soit à Pétersbourg, soit à Paris; en conséquence de quoi v. e. déclinera toute proposition pareille, qui pourrait lui être faite par la suite.—(En chifre). L'Empereur m'a ordonné de vous marquer d'avoir une attention particulière sur l'état actuel des affaires de la Suisse. Vous voudrez bien m'écrire tout ce qui a rapport à ce pays-là et les mesures du gouver-

---

бы наконецъ весь вопросъ о вознагражденіяхъ. Но для этого нужно, чтобы и графъ Кобенцль не мѣшалъ предложенной ему въ Парижѣ сдѣлкѣ, и не отвергалъ ея болѣе. Особенно слѣдовало поймать французское правительство на словѣ, когда оно предлагало епископство Эйхштедтъ. Въ особенности важно, чтобы вѣнскій дворъ вывелъ свои войска изъ Пассау: мы не перестаемъ совѣтовать ему это.—Что касается предложенія графа Кобенцля, чтобы Россія, Пруссія и Австрія согласились между собой насчетъ плана вознагражденій въ Германіи, то в. с. сами поймете, какъ несвоевременно думать объ этомъ, если только не хотятъ отложить на неопредѣленное время окончательное устройство нѣмецкихъ дѣлъ. Годъ тому назадъ, нашъ дворъ сдѣлалъ такое предложеніе въ Вѣнѣ, и вамъ извѣстно, какъ мало оно имѣло успѣха.—Требованія князя епископа льежскаго и курфюрста майнцскаго, заявленныя ихъ министрами въ Парижѣ,—особая статья: они должны быть разсмотрѣны и рѣшены въ Регенсбургѣ имперскою депутаціей и министрами державъ-посредницъ; имъ нельзя давать хода ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ, если не желать значительно затруднить окончаніе имперскихъ дѣлъ; вслѣдствіе этого, в. с—во отклоните всякое подобное предложеніе, еслибы его сдѣлали вамъ потомъ.—(Шифрами). Императоръ приказалъ мнѣ заявить вамъ, чтобы

nement français relativement à cet objet, surtout d'après la déclaration très prononcée que le 1-r consul a rendue publique, sous le nom d'adresse à la nation suisse. V. e. voudra bien nous informer dans son temps de tout ce qu'elle apprendra relativement à cet objet et de la sensation, que cela a pu produire vis-à-vis des autres cours de l'Europe; le peu que vous en a dit m. Talleyrand est très remarquable et v. e. l'a très bien apprécié. — Quant à ce que ce même ministre vous a dit relativement aux dernières nouvelles, qu'il avait reçues de m. d'Hédouville, je crois devoir vous observer, qu'il est très vrai qu'un certain Schoubin avait eu la témérité d'inventer, comme s'il y avait eu ici un complot, qui mettait en danger les jours précieux de notre Auguste Maître, dans l'espoir d'obtenir par cette imposture une gratification; mais ayant été découvert il a eu la punition qu'il méritait et il y a longtemps que cette affaire et terminée. Votre observation sur la remarque de Talleyrand que cette nouvelle avait été connue à Londres, longtemps avant qu'elle ne l'ait été à Paris, est très juste et nous ne saurions y voir que l'intention du gouvernement français de supposer et d'insinuer quelque chose de défavorable à la cour de Londres, Je ne saurais finir cette lettre sans marquer à v. e. la réception de votre dernière, par le contenu de laquelle nous avons vu que vous vous êtes refusé à la démarche dans laquelle m. Talleyrand avait essayé de nous

---

вы обратили особенное вниманіе на нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Швейцаріи. Пишите мнѣ обо всемъ, чтò касается этой страны и относящихся къ ней мѣръ французскаго правительства, въ особенности же тѣхъ, которыя связаны съ весьма сильнымъ объявленіемъ, обнародованнымъ 1-мъ консуломъ, подъ именемъ адреса къ швейцарской націи. В. с. увѣдомите насъ въ свое время обо всемъ, чтó узнаете по этому дѣлу, а также о впечатлѣніи другихъ европейскихъ дворовъ по этому поводу; немногія слова, сказанныя вамъ о немъ г. Талейраномъ, весьма замѣчательны, и в. с. очень хорошо оцѣнили ихъ.— Что касается полученныхъ отъ г. Эдувиля послѣднихъ новостей, о которыхъ говорилъ вамъ тотъ же министръ, я долженъ замѣтить вамъ слѣдующее. Вполнѣ справедливо, что нѣкій Шубинъ имѣлъ дерзость выдумать, будто составлялся заговоръ, опасный драгоцѣннымъ днямъ нашего августѣйшаго государя: онъ надѣялся получить награду за эту клевету. Но онъ былъ разоблаченъ и получилъ заслуженное наказаніе; и это дѣло уже давно покончено. Очень справедливо ваше мнѣніе о замѣчаніи Талейрана, что эта новость гораздо раньше была извѣстна въ Лондонѣ, чѣмъ въ Парижѣ; и мы видимъ тутъ лишь намѣреніе французскаго правительства предположить и внушить намъ что-нибудь неблагопріятное для лондонскаго двора. Въ заключеніе не могу не увѣдомить в. с. о полученіи вашей послѣдней депеши, изъ

engager, comme si nous étions d'accord avec lui sur les affaires de la Suisse. S. M. I. m'a chargé de vous en marquer son contentement. Quant à la crise actuelle de la Suisse, l'Empereur ayant pris toujours un vif intérêt à l'indépendance et au bien-être de cette nation, v. e. voudra bien dans les occasions s'en exprimer dans ce sens, en ne cachant pas même notre opinion que c'est à la majorité de la nation Suisse à apprécier quel est le mode de gouvernement qui est le plus de sa convenance.

Pétersbourg. Paris, 1802, 58. Подлинникъ.

№ 219.—Рескриптъ Моркову.

Pétersbourg, 2/14 novembre 1802.

*) La cour de Vienne m'a fait parvenir des plaintes sur le nouveau plan d'indemnité présenté à Ratisbonne par les ministres médiateurs, lequel, en effet, n'était pas propre à diminuer ses réclamations, puisqu'il n'avantageait aucunément le grand-duc de Toscane, qu'au contraire on y disposait de quelques possessions appartenantes actuellement à l'Autriche sans penser à l'indemniser pour cela, et qu'on allait même jusqu'à séculariser des biens ecclésiastiques médiats des états de l'empereur d'Allemagne pour en former des lots d'indemnités, ce qui était enfreindre directement son droit de souveraineté. De telles modifications apportées

---

которой мы увидѣли, что вы уклонились отъ шага, къ которому г. Талейранъ пытался увлечь насъ, какъ будто мы согласны съ нимъ насчетъ швейцарскихъ дѣлъ. Е. и. в—во поручилъ мнѣ заявить вамъ свое удовольствіе по этому случаю. Что касается нынѣшняго кризиса въ Швейцаріи, то вы благоволите заявлять, при случаѣ, что императоръ всегда принималъ живое участіе въ независимости и благополучіи этой націи; не скрывайте даже нашего мнѣнія, что дѣло большинства швейцарцевъ—рѣшить, какая форма правленія наиболѣе удобна для нихъ.

Петербургъ, 2/14 ноября 1802.

*) Вѣнскій дворъ представилъ мнѣ жалобы по поводу новаго плана вознагражденій, предъявленнаго въ Регенсбургѣ министрами-посредниками. Этотъ планъ дѣйствительно не можетъ ослабить его требованій: онъ вовсе не въ пользу великаго герцога тосканскаго; въ немъ, напротивъ, распоряжаются нѣкоторыми владѣніями, нынѣ принадлежащими Австріи, не думая вознаградить ее за нихъ. Даже доходятъ до того, что подвергаютъ секуляризаціи посредственныя духовныя имущества во владѣніяхъ нѣмецкаго императора,

au premier plan et si peu faites pour applanir les difficultés auxquelles il avait donné lieu, ne m'ont paru ni justes, ni convenables. Dans la réponse cependant que j'ai fait donner au cabinet de Vienne, je n'ai pu que m'en tenir à celle, qui lui avait été transmise sur les communications prudentes faites par le comte de Saurau, dont ces dernières ne sont en grande partie qu'une répétition. J'ai ordonné, qu'on vous envoie ci-joint une copie de mon rescrit au comte de Razoumowsky sur ce sujet, et son contenu doit vous servir de règle dans la conduite, que vous aurez à tenir à cet égard vis-à-vis du ministre des relations extérieures et de l'ambassadeur d'Autriche. Vous verrez par la dite copie, que pour en venir une fois à une fin quelconque, j'ai prescrit à mon ambassadeur à Vienne d'inviter l'empereur d'Allemagne de faire évacuer sur le champ Passau, d'accepter l'offre d'Eichstaedt avec une augmentation quelconque (s'il sera possible de l'obtenir), ne serait ce que 100,000 fl. de revenu annuel, situé où que ce soit, et d'accorder la sanction impériale au conclusum de la députation. — Je me flatte, que l'ambassadeur d'Autriche à Paris ne se montrera plus dorénavant aussi difficultueux et qu'il recevra même l'ordre de sa cour de s'accorder avec le gouvernement français sur ces trois points. Vous employerez toute l'influence que notre place et vos moyens peuvent vous fournir pour amener à une heureuse fin un tel arrangement, et je vous autorise même de le signer. Vous

---

чтобы сдѣлать изъ нихъ доли вознагражденій: а это значитъ прямо нарушать его державныя права. Такія перемѣны въ первомъ планѣ, вовсе не содѣйствующія устраненію созданныхъ имъ препятствій, не могли показаться мнѣ ни справедливыми, ни умѣстными. Тѣмъ не менѣе въ моемъ отвѣтѣ вѣнскому кабинету я долженъ былъ держаться словъ, переданныхъ ему по поводу благоразумныхъ сообщеній графа Саурау, которыя были по бо́льшей части лишь ихъ повтореніемъ. Я приказалъ послать вамъ прилагаемый списокъ съ моего рескрипта графу Разумовскому по этому предмету; его содержаніе должно служить вамъ руководствомъ въ сношеніяхъ по этому дѣлу съ министромъ внѣшнихъ сношеній и съ австрійскимъ посланникомъ. Вы увидите изъ этого списка, что, желая придти къ какому нибудь концу, я предписалъ моему посланнику въ Вѣнѣ пригласить нѣмецкаго императора тотчасъ очистить Пассау отъ своихъ войскъ, принять предлагаемый Эйхштедтъ съ нѣкоторой прибавкой (если возможно получить ее), хотя бы въ 100.000 флориновъ ежегоднаго дохода и гдѣ бы то ни было, и дать императорское освященіе постановленію депутацій. — Льщу себя надеждой, что австрійскій посланникъ въ Парижѣ уже не будетъ такимъ несговорчивымъ, какъ прежде, и что онъ получитъ даже приказаніе своего двора согласиться съ французскимъ правительствомъ относительно этихъ трехъ пунктовъ. Употребите все вліяніе, до-

vous efforcerez surtout à faire en sorte qu'il soit ajouté pour le grand-duc de Toscane quelque légère augmentation à l'évêché d'Eichstaedt, soit quelque lisière de pays sur la frontière des états de l'Autriche ou tout autre équivalent, sans que cependant cette nouvelle addition puisse être au détriment de l'électeur de Bavière, du margrave de Bade ou bien du duc de Wurtemberg. D'un autre côté il serait encore plus injuste de déposséder la maison d'Autriche de quelques unes de ses possessions actuelles, sans lui trouver des compensations, ou de prétendre séculariser contre sa volonté et au profit de qui que ce soit des biens d'église médiats dans ses états. C'est à quoi vous devez vous opposer et en quoi vous pourrez soutenir les réclamations de l'ambassadeur d'Autriche. Vous représenterez en mon nom au gouvernement français combien il serait à propos de ne pas pousser à bout la cour de Vienne et de ne pas lui donner par une telle conduite les avantages, que procure toujours la justice offensée, d'autant plus qu'on peut maintenant satisfaire cette cour à si peu de frais et l'engager facilement d'accéder de bonne grâce aux désirs des autres parties intéressées. Dans un moment où dans l'ensemble des affaires de l'Europe il s'en trouve de si considérables, qui sont encore en suspend, et lorsqu'avant que l'on soit parvenu à terminer les unes d'autres recommencent déjà à préparer de nouvelles difficultés, il est plus que jamais indispensable de mettre partout de la justice et

---

ступное вашему мѣсту и вашей изобрѣтательности, чтобы привести подобную сдѣлку къ счастливому концу: уполномочиваю васъ даже подписать ее. Въ особенности постарайтесь сдѣлать такъ, чтобы великому герцогу тосканскому досталась легкая надбавка къ Эйхштедтскому епископству, будетъ ли то полоска земли на австрійской границѣ или что-нибудь подобное, только, чтобы эта новая прибавка не была въ ущербъ курфюрсту баварскому, маркграфу баденскому или даже герцогу вюртембергскому. Съ другой стороны, было бы еще болѣе несправедливо отнимать у австрійскаго дома какія-либо изъ его нынѣшнихъ владѣній безъ вознагражденій или думать о секуляризаціи посредственныхъ церковныхъ имуществъ въ его земляхъ помимо его воли и въ пользу кого бы то ни было. Вотъ чему вы должны противиться, поддерживая тутъ требованія австрійскаго посланника. Представьте отъ моего имени французскому правительству, какъ было бы кстати не доводить вѣнскій дворъ до крайности и не давать ему такимъ поведеніемъ выгодъ, которыя всегда доставляетъ нарушеніе справедливости, тѣмъ болѣе, что теперь можно бы такъ дешево удовлетворить этотъ дворъ и такъ легко склонить его къ добровольному согласію съ другими заинтересованными сторонами. Теперь, когда въ общемъ положеніи Европы находятся столь важныя дѣла, еще не приведенныя къ концу, когда не успѣешь покончить одно, какъ другое готовитъ

de la modération, si l'on veut réellement faire le bien, consolider la tranquillité et ne pas s'exposer à tout embrouiller de nouveau. — Des évènement qui viennent de se passer en Suisse pourront fournir au 1-r consul une occasion de donner la preuve la plus convaincante de son équité, et de son respect pour l'indépendance des nations, s'il laisse à celle-ci la liberté que personne n'a le droit de lui ôter, d'arranger son gouvernement comme elle le jugera à propos et de trouver à son organisation intérieure le vrai équilibre, qui lui convient et que toute influence étrangère ne peut que déranger et troubler toutes les fois, qu'il s'en mêlera. — Telles sont mes opinions sur cet objet intéressant; vous pourrez les faire connaître au ministère français et dans l'occasion les exprimer de ma part au 1-r consul lui-même. Je pense que les conseils de la Russie méritent dans ce moment une attention peut-être particulière et qu'ils ne sauraient être suspects à aucun gouvernement en tant qu'ils viennent de la part d'une puissance qui par sa position étant moins dans le cas qu'une autre d'avoir un intérêt direct, des vues personnelles ou des motifs de crainte à l'égard de tout ce qui se passe actuellement en Europe, peut aussi juger des choses plus sainement, les voir telles qu'elles sont, mieux prévoir les suites des évènements dont elle est plus éloignée et qu'elle considère plus froidement et donner par

---

тебѣ новыя затрудненія, теперь необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо, всюду держаться справедливости и умѣренности, если дѣйствительно хотятъ сдѣлать добро, упрочить спокойствіе и не рисковать снова все запутать. — Событія, только-что совершившіяся въ Швейцаріи, могутъ представить 1-му консулу случай убѣдительно доказать свою справедливость и свое уваженіе къ независимости націй, если онъ предоставитъ швейцарцамъ свободу, которой никто не въ правѣ лишить ихъ: именно, пусть они сами устроятъ свое правительство, какъ имъ кажется лучше, и найдутъ въ своей внутренней организаціи истинное, подходящее къ нимъ, равновѣсіе, которое только нарушается и возмущается всякій разъ, какъ въ него вмѣшивается иностранное вліяніе. — Таковъ мой взглядъ на этотъ интересный предметъ; вы можете довести его до свѣдѣнія французскаго министерства и, при случаѣ, заявить его отъ моего имени самому 1-му консулу. Я думаю, что въ эту минуту совѣты Россіи заслуживаютъ, быть можетъ, особеннаго вниманія. И они не могутъ быть подозрительны никакому правительству: они исходятъ отъ державы, которая, по своему положенію, менѣе всякой другой державы имѣетъ прямой интересъ, личные виды или причины страха въ отношеніи всего, что происходитъ теперь въ Европѣ, а потому можетъ судить о вещахъ болѣе здраво, видѣть ихъ въ ихъ собственномъ свѣтѣ и лучше предусматривать послѣдствія событій, отъ которыхъ она болѣе удалена. Такая держава можетъ, такимъ обра-

conséquent des conseils impartiaux, basés sur la seule justice et le désir sincère du bien général.

Péterebourg. Paris, 1802, 19. Подлинникъ.—Paris. 142, 27. Списокъ.

№ 220.—Рескриптъ Моркову.

Pétersbourg, 2/14 novembre 1802.

*) L'envoyé de France vient de recevoir par courrier une expédition directe du 1-r consul avec l'ordre de la communiquer à mon ministère. Son contenu ayant rapport pour la plupart aux objets dont il est question dans le rescrit qui vous est adressé en date du 2 du courant, il restera peu à ajouter à ce que je vous y ai déjà dit. Vous exprimerez au gouvernement français ma gratitude particulière pour la suite et l'empressement, avec lesquels il s'est prêté aux demandes du margrave de Bade, du duc d'Oldenbourg et des autres princes d'Allemagne apparentés avec moi et pour lesquels j'ai marqué de l'intérêt. La facilité, que montre le gouvernement français de contenter aussi la cour de Vienne, ne me cause pas moins de satisfaction. L'entier succès des négociations de Ratisbonne ne sera assuré et elles ne pourront être regardées comme terminées que lorsqu'on sera parvenu à y faire accé-

---

зомъ, болѣе хладнокровно разсматривать событія и давать безпристрастные совѣты, основанные только на справедливости и на искреннемъ желаніи общаго блага.

Петербургъ, 2/14 ноября 1802.

*) Французскій посолъ сейчасъ получилъ съ курьеромъ, прямо отъ 1-го консула, бумаги съ приказаніемъ сообщить ихъ моему министерству. Такъ какъ ихъ содержаніе касается по большей части предметовъ, о которыхъ говорится въ рескриптѣ вамъ отъ 2-го числа текущаго мѣсяца, то остается немного прибавить къ сказанному. Выразите французскому правительству мою особенную благодарность за усердное исполненіе просьбъ маркграфа баденскаго, герцога ольденбургскаго и другихъ родственныхъ мнѣ нѣмецкихъ князей, въ которыхъ я принимаю участіе. Не менѣе пріятна мнѣ обнаруживаемая французскимъ правительствомъ склонность удовлетворить и вѣнскій дворъ. Полный успѣхъ регенсбургскихъ переговоровъ будетъ обезпеченъ, и дѣло придетъ къ концу лишь въ томъ случаѣ, когда удастся склонить къ нему вѣнскій дворъ добровольно и безъ принужденія. А это зависитъ теперь, съ одной стороны, отъ мудрости французскаго правительства, которое должно дѣлать

der la cour de Vienne de bon gré et sans contrainte: c'est ce qui dépend à présent d'une part de la sagesse qu'aura le gouvernement français à ne lui faire que des propositions justes et acceptables, comme aussi de l'autre de la modération que doit montrer cette cour dans ses désirs. D'après les dernières communications du ministre de France, il y a tout lieu d'espérer et je suis de plus en plus convaincu que tous les points que vous êtes chargé de proposer et d'appuyer auprès du gouvernement français, à la suite des démarches que va faire mon ambassadeur à Vienne, sont les seuls qui peuvent acheminer bientôt un pareil arrangement.—Quant aux affaires de Suisse sur lesquelles le ministre de France a été aussi chargé de me faire parvenir des explications générales, mes sentiments à cet égard vous ont été également transmis par le même rescrit du 2 novembre.—J'aime à me persuader que le 1-r consul partage ces mêmes sentiments sur le droit inviolable de chaque nation de se choisir elle-même la forme de gouvernement qu'elle préfère, et que sa conduite dans cette occurence le démontrant suffisamment à toute l'Europe, calmera dans leur germe les discussions, qui auraient pu en résulter et fera voir que le gouvernement français sait, quand il le faut, prouver par des faits les sentiments louables, qu'il a avancés. Le 1-r consul écartera sans doute même l'idée de faire usage d'une influence indirecte ou non avouée et il préfèrera de s'acquérir la seule qui soit honorable et sûre et qui est celle que donnent l'attache-

---

ему лишь справедливыя и возможныя предложенія, съ другой—отъ умѣренности желаній этого двора. Судя по послѣднимъ сообщеніямъ французскаго министра, можно вполнѣ надѣяться (и я все больше убѣждаюсь въ этомъ), что подобная сдѣлка вскорѣ устроится, но лишь благодаря всѣмъ тѣмъ пунктамъ, которые вы должны предложить и поддержать предъ французскимъ правительствомъ, вслѣдъ за шагами, которые сдѣлаетъ мой посланникъ въ Вѣнѣ. — Что касается швейцарскихъ дѣлъ, о которыхъ я также получилъ чрезъ французскаго министра общія объясненія, то мои чувства въ этомъ отношеніи также переданы вамъ въ томъ же рескриптѣ отъ 2 ноября.—Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что 1-й консулъ раздѣляетъ эти чувства насчетъ неотъемлемаго права каждой націи самой избирать себѣ форму правленія. Если бы его поведеніе, въ данномъ случаѣ, достаточно доказало это всей Европѣ, это заглушило бы въ зародышѣ возможныя пререканія и показало бы, что французское правительство умѣетъ, когда нужно, оправдывать на дѣлѣ выставляемыя имъ похвальныя чувства. Безъ сомнѣнія, 1-й консулъ устранитъ даже мысль употреблять косвенное или непризнанное вліяніе. Онъ предпочтетъ добиться одного только благороднаго и вѣрнаго вліянія, — того, которое пріобрѣтается привязанностью и признательностью тѣхъ, съ которыми

ment et la reconnaissance de ceux envers lesquels on se conduit avec loyauté et désintéressement. Vous direz aussi au 1-r consul, que je rends trop de justice à son caractère pour avoir jamais pu soupçonner qu'il ait eu le désir de se placer à la tête du gouvernement helvétique; mais si même un pareil soupçon avait pu me venir, il aurait été entièrement détruit par les dernières communications du général Hédouville. Vous ne manquerez pas en même temps d'exprimer au 1-r consul toute ma reconnaissance sur la franchise et la confiance que ce ministre a été chargé de mettre dans ses dernières ouvertures. Cette manière d'agir ne peut qu'avoir la suite immanquable de resserrer les liens de bonne harmonie, que je désire pouvoir toujours préserver entre les deux gouvernements.

№ 221.—Императоръ Александръ I Бонапарту.

Péterѕbourg, 2/14 novembre 1802.

*) Citoyen premier consul. Le général Hédouville, dans une audience particulière, que je lui ai accordée, m'a remis votre lettre et j'ai vu avec plaisir les détails que vous m'y donnez sur l'objet des indemnités. J'espère que les avantages offerts à la maison d'Autriche, par l'accroissement du lot du grand-duc de Toscane, engageront l'empereur

---

обращаются честно и безкорыстно. Скажите ещё 1-му консулу, что я отдаю слишкомъ полную справедливость его характеру, чтобы во мнѣ когда-либо зарождалось подозрѣніе насчетъ его желанія стать во главѣ гельветскаго правительства; но если бы даже подобное подозрѣніе могло придти въ мою голову, его совершенно разсѣяли бы послѣднія сообщенія генерала Эдувиля. Въ то же время вы не преминете выразить 1-му консулу всю мою признательность за ту искренность и то довѣріе, которыя поручено было этому министру проявить въ его послѣднихъ сообщеніяхъ. Такой образъ дѣйствій неизбѣжно приведетъ къ болѣе тѣсному согласію, которое я желалъ бы навсегда сохранить между обоими правительствами.

Петербургъ, 2/14 ноября 1802.

*) Гражданинъ 1-й консулъ. Генералъ Эдувиль, на данной ему личной аудіенціи, вручилъ мнѣ ваше письмо, и я съ удовольствіемъ увидѣлъ подробности, которыя вы сообщаете тамъ по дѣлу о вознагражденіяхъ. Надѣюсь, что предложенныя австрійскому дому выгоды, въ видѣ увеличенія доли великаго герцога тосканскаго, заставятъ нѣмецкаго императора не медлить

d'Allemagne à ne plus retarder la sanction du conclusum de la diète germanique et que par là les affaires d'Empire, que la Russie et la France ont intérêt de voir terminées au plutôt, seront enfin amenées à une heureuse fin. Je n'ai cessé de conseiller à la cour de Vienne des mesures de modération, et je crois aussi que, vis-à-vis d'elle, les voies de douceur et de conciliation seront les plus efficaces pour la porter à faciliter l'arrangement définitif des indemnités. — J'ai vu avec plaisir que vous vous êtes proposé de faire des démarches en faveur du prince évêque de Lubeck, auquel je m'intéresse. — Pour ce qui regarde les affaires de Suisse, je ne vous cacherai pas que j'y prends un intérêt particulier. Quelque malheureuse que soit la situation, où les différentes factions ont reduit ce pays, cependant je crois qu'il faut laisser à la majorité de la nation suisse la liberté de choisir la forme de son gouvernement, ainsi que le soin de l'établir, et j'accepte avec plaisir les nouvelles assurances que vous me donnez, pour l'indépendance de cette république et l'intégrité de son territoire.

Pétersbourg. Cabinet, 1802, 11. Черновая.

№ 222.—Воронцовъ Моркову.

Петербургъ, 3/15 ноября 1802.

...Рескриптъ, здѣсь влагаемый, наставитъ в. с-во по разнымъ матерьямъ, а равно и копія, тутъ-же влагаемая, съ рескрипта, къ графу Разумовскому, относящаяся до настоящихъ дѣлъ германскихъ: для сей то причины я сію экспедицію и дѣлаю, пользуясь отъѣздомъ австрій-

---

долѣе съ освященіемъ постановленія германскаго сейма и что такимъ образомъ имперскія дѣла, скорѣйшее завершеніе которыхъ въ интересахъ Россіи и Франціи, достигнутъ-таки счастливаго конца. Я не переставалъ совѣтовать вѣнскому двору быть умѣреннымъ; думаю также, что мягкость и примирительность—лучшія средства заставить его ускорить окончательное устройство дѣла о вознагражденіяхъ.—Съ удовольствіемъ вижу, что вы расположены въ пользу князя епископа любекскаго, въ которомъ я принимаю участіе. — Что касается швейцарскихъ дѣлъ, не скрою, что я принимаю въ нихъ особое участіе. Какъ ни печально положеніе этой страны вслѣдствіе различныхъ мелкихъ партій, однако я думаю, что нужно предоставить большинству швейцарской націи свободу избранія формы правленія и ея установленія. Оттого принимаю съ удовольствіемъ ваши новыя увѣренія насчетъ независимости этой республики и неприкосновенности ея владѣній.

скаго курьера, а не французскаго, также вскорѣ отсюда отъѣзжающаго, дабы не могли они, открывъ пакетъ, такъ какъ водится, узнать черту нашихъ расположеній, касающихся до удовлетворенія герцога тосканскаго.—Для свѣдѣнія в. с-ва прилагаю я записку протокольную моего разговора съ г. Гедувилемъ и екстрактъ депешей, имъ полученныхъ, кои онъ послѣ конференціи, по требованію моему, мнѣ сообщилъ; а на конференціи читалъ онъ мнѣ подлинныя депеши, имъ полученныя. Въ екстрактахъ же своихъ онъ выпустилъ примѣчаніе кабинета тюллерійскаго, что въ прокламаціи, сдѣланной г. Моценигою, агентъ французскій не упомянутъ; я уповаю, что примѣчаніе, мною г. Гедувилю сдѣланное, о невмѣстности сего требованія, побудило его сію статью выключить... На депеши ваши, на сихъ дняхъ полученныя, я предоставляю себѣ впредь и безъ дальняго отлагательства отвѣтствовать. Онѣ всѣ весьма любопытны и заслуживаютъ, дабы посвободнѣе съ вами о нихъ изъясниться, посылая нарочнаго къ вамъ курьера.—Вамъ не безызвѣстны, уповаю я, домогательства, кои Англія и французское правительство дѣлали о дачѣ гарантіи на независимость острова Мальты. На сихъ дняхъ ласкаюсь я въ состояніи найтиться объ ономъ имъ отвѣтъ дать съ изъясненіемъ, на какомъ основаніи можетъ сіе желаніе ихъ удовлетворить, а не *purement* et *simplement*, какъ французы привыкли, чтобъ всѣ ихъ требованія принимались...

Pétersbourg. Paris, 1802, 56. Подлинникъ.

№ 223.—Морковъ двору.

Paris, 6/18 novembre 1802.

*) Le 1-r consul, revenu de son voyage le 2/14 de ce mois, a reçu le lendemain le corps diplomatique et à cette occasion je l'ai prévenu, que j'avais pour lui une lettre de la part de V. M. I. Il m'a répondu qu'il se ferait un plaisir de la recevoir de mes mains et m'indiquerait un jour pour cela. Il me fit en effet avertir de me rendre hier chez lui à St. Cloud sur les 9 h. du soir. J'y fus et je lui ai remis

---

Парижъ, 6/18 ноября 1802.

*) Возвратившись изъ своего путешествія 2/14 этого мѣсяца, 1-й консулъ принималъ на другой день дипломатическій корпусъ, и я предупредилъ его при этомъ случаѣ, что у меня есть письмо къ нему отъ в. и. в—ва. Онъ отвѣчалъ, что ему будетъ пріятно получить его изъ моихъ рукъ и что

cette lettre. Il en fit la lecture sur le champ, me répéta à haute voix l'article, qui concernait le roi de Sardaigne et entra tout de suite en matière. Je n'entreprendrai pas de rendre compte à V. M. I. en détail de tout l'entretien qui s'en suivit entre nous, me réservant de m'en acquitter par le prochain courrier que j'expédierai à V. M. I.; mais je me contenterai de lui rapporter qu'après m'avoir déclaré qu'il faisait de Parme et de Plaisance un objet d'échange entre la France et l'Espagne qui cèderait à la première quelques possessions coloniales (les deux Florides à ce qu'on croit assez généralement), il m'offrit pour le roi de Sardaigne dans les présides de Toscane un établissement, dont le chef-lieu serait Orbitelle, port de mer, par laquelle il communiquerait avec la Sardaigne et dont la population montait à 80,000 âmes et les revenus à 300,000 fr. Il me proposa d'expédier sans délai un courrier à Rome avec cette proposition, m'offrant que si le roi l'acceptait, il chargerait le citoyen Cacault de signer avec lui un traité sur cette base. Je me suis longtemps défendu de transmettre une pareille proposition, la regardant comme équivalente au refus de tout dédommagement raisonnable. Cependant comme sur ces difficultés il commença à m'accuser de mauvaise volonté, j'ai demandé quelque temps pour réfléchir, mais je n'en mis pas plus qu'il ne fallait pour aller au sortir de chez lui trouver m. Talleyrand auquel je déclarai que je regardai

---

онъ назначитъ день для этого. Дѣйствительно, онъ увѣдомилъ меня, чтобы я явился къ нему вчера въ С. Клу къ 9 ч. вечера. Я пріѣхалъ туда и вручилъ ему это письмо. Онъ тотчасъ же прочелъ его, громко повторилъ мнѣ мѣсто о королѣ сардинскомъ и вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ разговоръ. Не стану отчитываться в. и. в—ву въ подробностяхъ всего разговора, оставляя ихъ до слѣдующаго курьера. Ограничусь тѣмъ, что онъ объявилъ, что Парма и Пьяченца составляютъ предметъ обмѣна между Франціей и Испаніей, которая уступитъ ему нѣкоторыя колоніи (обѣ Флориды, какъ вообще думаютъ); а сардинскому королю онъ предлагаетъ въ Тосканѣ землю съ главнымъ городомъ Орбителло,—морскимъ портомъ, черезъ который онъ будетъ сообщаться съ Сардиніей: его населеніе достигаетъ 80.000 душъ, а доходы — 300.000 франковъ. Онъ предложилъ мнѣ немедленно отправить въ Римъ курьера съ этимъ предложеніемъ, обѣщая, въ случаѣ согласія короля, поручить гражданину Како подписать съ нимъ договоръ на этомъ основаніи. Я долго отказывался передавать подобное предложеніе, считая его равносильнымъ отказу во всякомъ разумномъ вознагражденіи. Но такъ какъ онъ началъ обвинять меня въ недоброжелательствѣ, то я просилъ дать мнѣ время подумать. Впрочемъ мнѣ понадобилось не больше времени, чѣмъ сколько нужно, чтобы, выйдя отъ него, пойти къ г. Талейрану, которому я объявилъ, что считаю

cette proposition si fort au-dessous de V. M. I., que je n'oserai jamais la faire parvenir au roi de Sardaigne et que je le priai de l'annoncer au 1-r consul. Cependant j'ai cru devoir, par la voie ordinaire et au moyen du chiffre, en informer m. de Lisakewitsch, ministre de V. M. I. auprès du roi de Sardaigne.

Pétersbourg. Paris, 1802, 122. Подлинникъ.

№ 224.—Записка Александра Воронцова.

6/18 ноября 1802.

Представляю на усмотрѣніе В. В-ва проекты рескрипта къ послу нашему въ Англіи, письмо отъ меня къ нему и поскриптъ къ оному, которые, такъ сказать, служить могутъ, какъ въ наставленіе, такъ и нѣкоторымъ образомъ въ отвѣтъ на откровенныя сообщенія, учиненныя здѣсь аглинскимъ посломъ.—Предая оные на благоусмотрѣніе Ваше, долгомъ себѣ поставляю примѣтить, что такія, оказываемыя Англіею, расположенія должно конечно ободрить, дабы въ случаѣ нужды можно и на содѣйствіе ее полагаться касательно принятія общихъ мѣръ, есть-ли обстоятельства Европы и всѣ затѣи перваго консула сдѣлаютъ необходимымъ объ ономъ помышлять.—Нѣтъ, кажется, надобности новыми доводами утверждать, сколь мало на умѣренность и миролюбіе настоящаго французскаго правительства полагаться можно, и есть ли не приспѣло еще время, такъ какъ то и весьма желательно, чтобы о мѣрахъ рѣшительныхъ намъ помышлять уже нужно было, то по крайней мѣрѣ не надобно отвергать откровенія и ближайшія сношенія державъ, имѣющихъ равный интересъ съ нами и нѣкоторую готовность оказывающихъ къ принятію общихъ мѣръ для сохраненія тишины въ Европѣ и воздержанія французскаго правительства отъ всякихъ новыхъ нарушеній.

Pétersbourg. ministère, 1802, 13. Подлинникъ.

это предложеніе настолько недостойнымъ в. и. в—ва, что никогда не посмѣю довести его до свѣдѣнія сардинскаго короля. Я просилъ его извѣстить объ этомъ 1-го консула. А между тѣмъ я счелъ долгомъ увѣдомить объ этомъ, обычнымъ путемъ и съ помощью шифровъ, г. Лизакевича, министра в. и. в—ва при сардинскомъ королѣ.

№ 225.—Нота Воронцова Эдувилю.

Pétersbourg, 12/24 novembre 1802.

*) Le chancelier de l'empire ayant pris les ordres de l'Empereur relativement à l'invitation faite à S. M. I. par les deux puissances principales contractantes au traité d'Amiens d'accéder en qualité de garante à ce traité pour ce qui a rapport à l'ordre de St. Jean de Jérusalem et à sa réintégration dans la possession de l'île de Malte et ses dépendances, est autorisé de donner aux communications du 22 octobre, où ce voeux de leur part est exprimé, la réponse suivante. — S. M. l'E-r, dès son avènement au trône, s'est montré constamment si empressé à saisir toutes les occasions qui se sont présentées pour donner aux deux puissances contractantes à Amiens des preuves non équivoques de son désir sincère de se prêter à tout ce qui pouvait leur être agréable, et de contribuer autant qu'il était en son pouvoir à rétablir et assurer la paix actuellement existante entr'elles, que l'on ne saurait pas même supposer, que ces sentiments invariables de sa part aient pu jamais leur paraître sujets au moindre doute. D'un autre côté ces deux gouvernements sont trop équitables pour ne pas reconnaître, qu'il n'a pas dépendu de l'Empereur de se prêter aux demandes qui lui ont été

Петербургъ, 12/24 novembre 1802.

*) Канцлеръ имперіи получилъ приказанія императора относительно сдѣланнаго ему двумя главными договаривающимися державами приглашенія приступить къ амьенскому договору въ качествѣ поруки за то, что̀ касается тамъ ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, и возстановленія его на островѣ Мальтѣ и въ его владѣніяхъ. Они уполномочиваютъ его дать слѣдующій отвѣтъ на сообщенія отъ 22 октября, въ которыхъ выражено съ ихъ стороны это желаніе. — Съ самаго своего воцаренія е. и. в—во всегда выказывалъ стараніе пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы несомнѣнно доказывать обѣимъ договаривающимся въ Амьенѣ державамъ свое искреннее желаніе дѣлать все имъ угодное и всячески содѣйствовать установленію и упроченію мира, нынѣ существующаго между ними; никто не подумаетъ даже заподозрить, чтобы эти его неизмѣнныя чувства могли показаться имъ сколько-нибудь сомнительными. Съ другой стороны эти два правительства слишкомъ справедливы, чтобы не признать, что не зависѣло отъ императора принять требованія, предъявленныя ему въ силу X статьи амьенскаго договора, опредѣляющей будущую судьбу ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго. Е. и. в—ву

faites en vertu de l'article X du traité d'Amiens qui règle l'existance future de l'ordre de St. Jean de Jérusalem, vu qu'il était sous tous les rapports impossible à S. M. I. d'accéder comme garante à des stipùlations qui non seulement ne cadraient pas avec les désirs, qu'elle avait déjà énoncées relativement à cet ordre honoré de son intérêt et de sa protection, mais qui même étaient contraires à ce qui avait été en quelque sorte arrêté entre S. M. I. et l'une des deux puissances contractantes à l'égard du dit ordre et relativement à l'indépendance et à la neutralité de l'île de Malte.—Ce motif assez valable par lui-même sans qu'il soit nécessaire de l'appuyer par d'autres explications a obligé l'Empereur de se refuser aux instances qui lui ont été adressées sur ce point par la cour de Londres malgré toute l'envie que S. M. I. aurait eu d'y satisfaire. — Les dispositions qu'a marqué cette cour de se prêter à l'égard de l'ordre et de l'île de Malte aux désirs de l'Empereur et la facilité qu'a montré le gouvernement français de se concerter avec elle dans le même but, n'ont pas manqué d'être senties avec reconnaissances par S. M. I.; mais l'obstacle qui s'opposait à sa meilleure volonté de leur complaire n'en existait pas moins, puisque l'acte public et formel restait toujours contradictoire aux intentions connues et prononcées de S. M. I., et que c'était pour cet acte que sa garantie était sollicitée.—Maintenant qu'une des principales difficultés est applanie par la nomination du grand-maître, S. M. l'E-r désirant donner aux

---

было невозможно во всѣхъ отношеніяхъ приступить въ качествѣ поруки къ постановленіямъ, которыя не только не соотвѣтствовали заявленнымъ съ его стороны желаніямъ насчетъ этого ордена, удостоеннаго его участія и покровительства, но даже противорѣчили тому, что въ нѣкоторомъ родѣ было условлено между е. и. в—мъ и одною изъ договаривающихся сторонъ по поводу помянутаго ордена и независимости и нейтральности острова Мальты.— Эта причина, достаточная сама по себѣ и не требующая другихъ объясненій, заставила императора отвѣчать отказомъ на настояніе лондонскаго двора, вопреки всему желанію е. и. в—ва удовлетворить ихъ.—Е. и. в—во съ признательностью замѣтилъ склонность этого двора исполнить его желаніе по отношенію къ ордену и острову Мальтѣ, а также готовность французскаго правительства согласоваться съ нимъ съ тою же цѣлью; но препятствіе, мѣшавшее ему сдѣлать имъ угодное, тѣмъ не менѣе существовало, такъ какъ публичный и формальный актъ все оставался въ противорѣчіи съ извѣстными и заявленными намѣреніями е. и. в—ва, а для этого-то акта добивались его гарантіи.—Теперь, когда одно изъ главныхъ препятствій устранено назначеніемъ великаго магистра, е. и. в—во желаетъ дать двумъ договаривающимся въ Амьенѣ державамъ еще болѣе вѣрныя доказательства своей дружбы и

deux puissances contractantes à Amiens des preuves toujours plus certaines de son amitié et voulant ne rien négliger de son côté de ce qui tend à consolider la tranquillité générale de l'Europe, s'est décidé à proposer lui-même aux deux gouvernements le seul mode qui pourra dans cette occasion lui fournir la possibilité de déférer à la demande qu'ils viennent de lui faire en commun et lequel serait, que les deux puissances s'accordassent à conclure entre elles une convention ou tel acte supplémentaire et additionel au traité d'Amiens, par lequel l'article X du dit traité, concernant l'ordre et l'île de Malte, serait modifié, redressé ou complété dans quelques-unes de ses dispositions, d'après les stipulations du premier arrangement convenu avec S. M. I., lesquelles, par ce moyen, se trouvant plainement et formellement rétablies, obtiendraient la même sanction que le traité dont elles feraient dorénavant une partie intégrante. - Si les deux puissances croiront devoir convenir entre elles d'un tel article supplémentaire, S. M. l'E-r s'empressera d'y accéder en qualité de garante et d'en partager les obligations avec les cours de Vienne, de Madrid, de Naples et de Berlin. — S. M. I. s'y portera avec une satisfaction d'autant plus grande, qu'en se rendant aux voeux des deux puissances, elle ne fera que suivre l'impulsion de ses sentiments à leur égard desquels elle désire pouvoir leur donner des témoignages marquant et réitérés en concourant aussi souvent que possible à tout ce qui peut être de leur convenance. — Le chancelier, par

---

своего стремленія не пренебрегать ничѣмъ для упроченія общаго спокойствія въ Европѣ: онъ рѣшился самъ предложить двумъ правительствамъ единственное средство, которое даетъ ему въ этомъ случаѣ возможность исполнить требованіе, которое они только-что представили сообща. Именно, пусть двѣ державы согласятся заключить между собой конвенцію или иной дополнительный къ аміенскому договору актъ, который измѣнилъ бы, исправилъ или дополнилъ X статью сказаннаго договора относительно ордена и острова Мальты, согласно съ условіями первой сдѣлки съ е. и. в—мъ: такимъ образомъ и эти условія были бы вполнѣ и формально возстановлены и получили бы такое же освященіе, какъ и самый договоръ, въ который они вошли бы отнынѣ, какъ его составная часть.—Если двѣ державы сочтутъ долгомъ согласиться между собой на такую дополнительную статью, то е. и. в—во поспѣшитъ приступить къ ней въ качествѣ поручителя и раздѣлить связанныя съ этимъ обязательства съ дворами вѣнскимъ, мадридскимъ, неаполитанскимъ и берлинскимъ.—Е. и. в—во пойдетъ на это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, исполняя желанія двухъ державъ, онъ только слѣдуетъ движенію собственнаго чувства по отношенію къ нимъ; а онъ желаетъ давать имъ все новыя и явныя доказательства этого чувства, содѣйствуя возможно чаще всему, чтó

ordre de l'Empereur et pour que dans cette affaire aucun délai ne puisse plus être supposé venir de la part de la cour de Russie, s'empresse de joindre ici un projet d'articles, qui pourrait servir de base à l'acte supplémentaire, dont il est parlé ci-dessus dans le cas que les deux puissances fussent intentionnées de le conclure.

Paris, 142, 33. Списокъ.

№ 226.—Докладъ Воронцова Императору о конференціи съ Эдувилемъ.

13/25 ноября 1802.

Сего ноября 13-го французскій министръ, генералъ Гедувиль, испросивъ у канцлера свиданіе, сообщилъ ему, что, по случаю ноты, ему врученной по мальтійскимъ дѣламъ, намѣренъ въ будущее воскресенье послать нарочнаго къ своему правительству, оказывая готовность свою письма канцлерскія къ графу Моркову доставить.—Потомъ генералъ Гедувиль отзывался канцлеру съ признательностью объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у Государя Императора, и спрашивалъ, что донесено ли было Его В-ву объ откровеніяхъ, которыя онъ учинилъ здѣсь послѣ присылки къ нему курьера отъ 1-го консула.—Канцлеръ отвѣтствовалъ ему, что объ оныхъ Е. В-ву донесено было въ свое время; что касающіяся до германскихъ индемнизацій, о коихъ французское правительство здѣшнему дѣлало откровенія, Государь Императоръ принялъ съ удовольствіемъ и при всякомъ случаѣ готовность свою окажетъ содѣйствовать счастливому окончанію оныхъ, въ успѣхѣ чего, кажется, есть и довольно надежды;—что по настоящимъ дѣламъ Швейцаріи Е. В. полагаться изволитъ на увѣренія, данныя 1-мъ консуломъ о сохраненіи совершенной независимости сей націи и о неприкосновенности границъ ея, хотя впрочемъ и вступили туда французскія войска, что не могло не потревожить державъ, желающихъ сохраненія тишины въ Европѣ; касательно же до образа правленія въ Швейцаріи, французскому правительству довольно извѣстенъ образъ мыслей Государя Императора по прежнимъ уже изъясненіямъ, кои были чинимы, и которыя состоятъ въ сей истинѣ,

---

служитъ къ ихъ выгодѣ.—Слѣдуя приказу императора и желая, чтобы никто не предполагалъ, будто въ этомъ дѣлѣ происходятъ задержки со стороны русскаго двора, канцлеръ спѣшитъ присоединить здѣсь проектъ статей, которыя могли бы служить основаніемъ вышеупомянутаго дополнительнаго акта въ случаѣ, если двѣ державы намѣрены заключить его.

что всякая нація имѣетъ право и сама судить можетъ объ образѣ правленія, для нея свойственномъ;—что канцлеръ не можетъ не повторить ему то участіе, которое Императоръ пріемлетъ въ благосостояніи Швейцаріи, и чѣмъ скорѣе и безъ большихъ переломовъ дѣла тамъ устроятся и сходственнѣе съ большею частію желаній швейцарскихъ жителей, тѣмъ оно пріятнѣе будетъ здѣшнему двору и послужитъ къ успокойствію пекущихся о сохраненіи тишины въ Европѣ; — что Россія весьма удостовѣрена въ сей истинѣ, что для большихъ государствъ, какова Россія и Франція, ничто такъ полезно быть не можетъ, какъ сохраненіе общей тишины въ Европѣ, отвлекая все то, что̀ могло бы подать поводъ къ новымъ какимъ безпокойствамъ и потрясеніямъ. Генералъ Гедувиль, соглашаясь съ сими примѣчаніями, повторилъ прежде данныя имъ увѣренія именемъ 1-го консула о сохраненіи независимости и неприкосновенности Швейцаріи, увѣряя, что по всѣмъ оказательствамъ ласкаться можно, что тамъ вскорѣ спокойствіе установится. — Потомъ канцлеръ говорилъ г. Гедувилю, что онъ не можетъ не возобновить ему по точной волѣ Государя Императора заступленія о жребіи и несчастномъ положеніи, въ коемъ находится сардинскій король; и, по сему случаю, полагая, что нѣтъ ничего приличнѣе между дружескими державами, какъ изъясняться прямо и чистосердечно, что̀ теперь онъ и чинить станетъ. Тутъ канцлеръ вступилъ въ краткое изъясненіе объ обязательствахъ, принятыхъ 1-мъ консуломъ съ покойнымъ императоромъ въ разсужденіи короля сардинскаго и тѣхъ условій, которыя сдѣланы были между нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ и французскимъ правительствомъ и которыя остаются до-нынѣ со стороны Франціи не только не выполненными, но и, въ противность всякаго ожиданія, всевозможныя гоненія противу сардинскаго короля употребляются, даже до того, что и пребываніе его въ Римѣ спокойнымъ не оставляютъ; что, напротивъ того, со стороны нашей всѣ возможныя угожденія французскому правительству при всякомъ случаѣ оказываемы были, и что онъ, канцлеръ, имѣя въ виду сохраненіе добраго согласія съ Франціею, рекомендуетъ ему, г. Гедувилю, о всемъ ему здѣсь сказанномъ 1-му консулу донести, равно какъ и о слѣдующемъ, что неожиданная кончина герцога Пармскаго подаетъ французскому правительству удобность и весьма недорогимъ образомъ выполнить обязательства и обѣщанія, даваемыя намъ въ разсужденіи короля сардинскаго, что поссесія столь мало значущей земли, каковы герцогства Пармское и Плезанское, въ рукахъ сардинскаго короля не можетъ никогда опасною быть для Франціи и для предположеній, ею сдѣлан-

ныхъ объ Италіи; что стоитъ только доброй воли французскаго правительства такимъ образомъ жребій сардинскаго короля устроить, и что Государь Императоръ съ справедливостію сего ожидать можетъ отъ добрыхъ расположеній къ себѣ 1-го консула. Г. Гедувиль увѣрялъ о готовности и желаніи 1-го консула угодное Е. В-ву дѣлать, и что о всемъ семъ разговорѣ онъ не оставитъ 1-му консулу донесть.

Pétersbourg. Paris, 1802, 59. Списокъ.

№ 227.—Воронцовъ Моркову.

Петербургъ, 16/28 ноября 1802.

Графъ Гаугвицъ объявилъ Алопеусу готовность берлинскаго двора во всемъ по желанію Государя Императора содѣйствовать; вслѣдствіе чего и препоручено отъ онаго министру ихъ въ Парижѣ, г-ну Лукезиню, учинить домогательства при французскомъ правительствѣ въ пользу сардинскаго короля, предписавъ министру сему, чтобъ онъ совершенно подкрѣплялъ представленія и домогательства ваши по сему предмету, о чемъ и буду я ждать увѣдомленія вашего. Я также долженъ вамъ сообщить, что и по дѣламъ герцога коадъютора ольденбургскаго, и о курфиршескомъ достоинствѣ въ пользу мекленбургскаго дома пруской министръ въ Парижѣ имѣетъ повелѣніе дѣйствовать согласно съ вами. На послѣднемъ моемъ свиданіи съ Гедувилемъ, отзывался онъ о желаемомъ окончаніи всѣхъ германскихъ индемнизацій и о готовности правительства его здѣшнему двору угодное сдѣлать, разсуждалъ согласно съ нашими предположеніями, что при постановленіи вообще о германскихъ индемнизаціяхъ, когда дойдетъ до ратификаціи, можно будетъ объ интересахъ коадъютора любскаго и о курфиршескомъ достоинствѣ въ пользу мекленбургскаго дома нужное постановленіе и направленіе въ пользу ихъ сдѣлать и равно тому поправить и умѣрить всѣ тѣ лишнія затѣи, которыя города Любекъ, Гамбургъ и Бременъ имѣли ко вреду сосѣдей своихъ, короля дацкаго, гановерскаго курфирста и герцога коадъютора любскаго, что̀ и возлагается на попеченіе и бдѣніе в. с-ва. На томъ же основаніи буду я желать Алопеусу въ Берлинѣ и барону Биллеру въ Регенсбургѣ; а между тѣмъ для свѣдѣнія вашего сообщаю, что нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Гамбургѣ, Форсману, предписано отсюда, дабы онъ упоминаемые вольные имперскіе города воздерживалъ своими представленіями отъ всякихъ попытокъ къ притѣсненію сосѣдей ихъ, тѣмъ паче, что мы не можемъ не вступиться особливо за

герцога коадъютора любскаго и за дацкаго короля. Я также призывалъ къ себѣ агента сихъ вольныхъ городовъ и на такомъ же основаніи съ ними объяснялся.

Pétersbourg. Paris, 1802, 59. Подлинникъ.

№ 228.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 7 frimaire an XI.

*) ...Le changement dans les bases du gouvernement est une nouvelle preuve de la modération de l'Empereur Alexandre et de son désir de rendre ses peuples heureux. Les différents ministères s'organisent sans secousses et sans qu'il transpire aucun indice de division entre les nouveaux ministres. Le comte de Kotschubey, ministre de l'intérieur, le jeune comte de Strogonoff, son adjoint, et le prince Adam Czartorijsky, adjoint du chancelier, approchent plus particulièrement l'Empereur et jouissent de sa confiance. Je persiste à croire, que le comte de Kotschubey a eu beaucoup de part à ces changements, et que la vieille expérience du comte de Worontzoff plus que la confiance intime de l'Empereur l'ont fait appeler à la place du chancelier. Voici une anecdote, qui le fait présumer.--L'Empereur ne porte ordinairement que la plaque de St. Alexandre Newski, et beaucoup de russe aussi décorés de l'ordre de St. Wolodimir, à l'exemple du souverain, n'en portent pas les marques distinctives; le chancelier, qui tient aux vieux usages, a représenté

Петербургъ, 16/28 ноября 1802.

*) ...Перемѣна въ основахъ правленія есть новое свидѣтельство умѣренности императора Александра и его желанія сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми. Различныя министерства устраиваются безъ потрясеній, и не проявляется никакихъ признаковъ раздоровъ между новыми министрами. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, его помощникъ, молодой графъ Строгоновъ, и помощникъ канцлера, князь Адамъ Чарторижскій, наиболѣе близки къ императору и пользуются его довѣріемъ. Продолжаю думать, что графъ Кочубей принималъ большое участіе въ этихъ перемѣнахъ и что нестолько полное довѣріе, сколько старая опытность графа Воронцова доставила ему мѣсто канцлера. Вотъ анекдотъ, который намекаетъ на это.—Императоръ обыкновенно носитъ только звѣзду св. Александра Невскаго, и многіе изъ русскихъ, украшенныхъ орденомъ св. Владиміра, по примѣру государя, также не носятъ его отличительныхъ знаковъ. Канцлеръ, этотъ приверженецъ старыхъ обычаевъ, сдѣлалъ письменное представленіе императору о томъ,

par écrit à l'Empereur, qu'il importait de redresser cet abus et que son exemple suffirait pour cela. L'Empereur ne lui a pas répondu et lui a seulement fait dire, qu'il excusait sa démarche, parce qu'il était persuadé, qu'elle ne provenait que de son zèle pour son service, mais qu'il le désobligerait, s'il lui en faisait par la suite de semblables. — Ceux qui se permettent de lui faire des observations sur sa modestie et le peu d'appareil de sa cour ne sont pas mieux reçus, parce qu'il tient fermement à ses idées de s'implicité et d'économie; mais sa façon d'être tient à de si bonnes intentions, qu'on ne peut que l'en estimer davantage.—Le prince Czartorijski que vous me recommandez de cultiver, ne travaille pas directement avec les ministres étrangers et ne les reçoit point chez lui, d'après un usage particulier à la Russie que les personnes attachées au ministère des affaires étrangères et les ministres des autres parties du gouvernement ne peuvent correspondre avec le corps diplomatique qui ne peut voir directement que le chancelier. Ignorant cet usage, je me suis adressé, pour rendre service à des français, aux ministres que leurs demandes concernaient, et mes notes, même sur les choses les plus indifférentes, ont été renvoyées au chancelier. Souvent le prince Czartorijsky est présent à nos conférences particulières avec le chancelier (ce qui a paru extraordinaire), mais il parle peu ou point. On le rencontre très souvent en société; on le dit

---

что нужно устранить это злоупотребленіе и что для этого достаточно его примѣра. Императоръ не отвѣчалъ, а велѣлъ сказать, что прощаетъ ему этотъ поступокъ лишь въ увѣренности, что онъ вытекъ единственно изъ ревности къ службѣ, но что въ другой разъ подобный шагъ будетъ ему непріятенъ.—Не лучше приходится тому, кто позволяетъ себѣ дѣлать ему замѣчанія насчетъ его скромности и слабой представительности: онъ твердо держится своихъ понятій о простотѣ и бережливости. Но его образъ жизни вытекаетъ изъ такихъ хорошихъ стремленій, что за это только уважаешь его еще больше.—Князь Чарторижскій, съ которымъ вы совѣтуете мнѣ сближаться, не занимается прямо съ иностранными министрами и не принимаетъ ихъ у себя: по особому обычаю въ Россіи, служащіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и другіе министры не могутъ сноситься съ дипломатическимъ корпусомъ, который можетъ видѣть непосредственно одного канцлера. Не зная этого, я обратился, чтобы помочь нѣкоторымъ французамъ, къ министрамъ, которыхъ касались ихъ просьбы; но всѣ мои ноты, даже касавшіяся самыхъ неважныхъ вещей, были отосланы къ канцлеру. Князь Чарторижскій часто присутствуетъ при моихъ личныхъ переговорахъ съ канцлеромъ (это показалось мнѣ необыкновеннымъ), но говоритъ мало или молчитъ. Онъ очень часто встрѣчается въ обществѣ. Его считаютъ любознательнымъ

studieux et fort instruit, et la confiance que l'Empereur lui témoigne est d'autant plus méritée que pendant qu'il n'était que grand-duc le prince Adam n'a cessé de lui donner des marques du plus vif attachement. Je suis porté par inclination à rechercher son amitié et je le ferai autant que leurs usages me le permettront. Ces usages sont si sauvages que depuis Paul I aucun ministre étranger n'est admis aux spectacles qui ont lieu une ou deux fois par semaine à l'Hermitage; nous ne pouvons donc voir la famille impériale que lorsqu'il y a cour et gala, ce qui est rare et se borne, pour le corps diplomatique *rangé en haie* dans la salle des audiences, à la voir passer. Les grands ducs et les grandes duchesses se rangent aussi en haie, vis-à-vis le corps diplomatique, pendant que l'Empereur, l'Impératrice régnante, et l'Impératrice douairière disent quelques mots aux ambassadeurs et ministres, mots, qui doivent être insignifiants, parce qu'ils sont entendus par les voisins; en quelques minutes ils parcourent ainsi la ligne, font ensuite une révérance générale et se retirent suivis des grands ducs et grandes duchesses.—Excepté dans les bals particuliers, que l'Empereur et l'Impératrice honorent quelquefois de leur présence en hiver, le corps diplomatique n'a pas d'autres occasions de les voir. Comme militaire, je suis jusqu'à présent le seul qui soit admis à la parade et toujours l'Empereur me fait placer à côté de lui et me traite avec une distinction

---

и весьма свѣдущимъ. Довѣріе, оказываемое ему императоромъ, тѣмъ болѣе заслуженно, что, когда послѣдній былъ еще великимъ княземъ, князь Адамъ постоянно обнаруживалъ самую горячую привязанность къ нему. Я по собственной склонности ищу его дружбы, и не перестану искать, насколько дозволятъ ихъ обычаи. Эти обычаи такъ дики, что съ Павла I ни одинъ иностранный министръ не допускается на спектакли, которые даются разъ или два въ недѣлю въ Эрмитажѣ. Итакъ мы можемъ видѣть императорскую фамилію только на придворныхъ пріемахъ и парадахъ. Но это случается рѣдко; и тутъ все дѣло ограничивается тѣмъ, что дипломатическій корпусъ, *расположенный изгородью* въ залѣ аудіенцій, видитъ, какъ она проходитъ. Великіе князья и великія княгини также располагаются изгородью, напротивъ дипломатическаго корпуса, между тѣмъ какъ императоръ, царствующая императрица и вдовствующая императрица говорятъ нѣсколько словъ посланникамъ и министрамъ,—словъ, конечно, незначительныхъ, потому что ихъ слышатъ сосѣди. Такъ въ нѣсколько минутъ они обходятъ рядъ, затѣмъ дѣлаютъ общій поклонъ и удаляются въ сопровожденіи великихъ князей и великихъ княгинь.—За исключеніемъ частныхъ баловъ зимой, которые императоръ и императрица иногда удостаиваютъ своимъ присутствіемъ, дипломатическому корпусу не представляется случаевъ видѣть ихъ. До сихъ поръ я одинъ,

particulière; pour ne pas me rendre importun, je n'use qu'avec discrétion de cette facilité de le voir qui m'est d'autant plus agréable qu'il s'entretient avec moi avec confiance; il m'en a donné de nouvelles preuves dans la dernière audience particulière dans laquelle j'ai eu l'honneur de lui remettre la lettre du 1-r consul et m'a dit qu'il me verrait beaucoup plus souvent, s'il ne craignait pas de blesser les usages et d'exciter les jalousies diplomatiques. — A une des dernières parades je lui ai vanté l'excellence de nos armes de Versailles et l'ai amené à m'exprimer le désir d'en avoir des modèles; il m'a ajouté qu'il les payerait, mais lorsque je lui ai assuré que le 1-r consul se ferait un plaisir de les lui offrir, il n'a pas insisté et m'a fait entendre qu'elles lui seraient précieuses; des modèles simples d'armes de troupes, ajoutés aux armes de luxe, lui feraient grand plaisir. — Il ne sera pas aussi facile d'exciter la curiosité de l'Impératrice pour les modes françaises, parce qu'elles sont ici presque toutes de contrebande, quoiqu'elles y soient recherchées à la fureur, et que l'Empereur tient à ce que la cour ne donne plus l'exemple du luxe qui a été excessif sous les règnes précédents. Si je trouve l'occasion de parler à l'Impératrice de nos modes, je ne les lui ferai envisager que sous le point de vue de l'élégance pour les lui faire désirer. — L'attitude que le 1-r consul donne à la France lui assurent l'influence et le crédit qu'il a rétabli si avanta-

....

какъ военный, бываю на парадахъ; и всегда императоръ ставитъ меня подлѣ себя и обращается со мною съ особымъ отличіемъ. Чтобы не сдѣлаться назойливымъ, я умѣренно пользуюсь этою возможностью видѣть его, которая тѣмъ пріятнѣе для меня, что онъ довѣрчиво бесѣдуетъ со мной. Онъ далъ мнѣ новыя доказательства этого довѣрія на послѣдней личной аудіенціи, когда я имѣлъ честь вручить ему письмо 1-го консула: онъ сказалъ, что гораздо чаще видѣлся бы со мной, еслибы не опасался нарушить обычаи и возбудить ревность дипломатовъ.—На одномъ изъ послѣднихъ парадовъ я хвалилъ ему превосходство нашего версальскаго оружія и навелъ его на выраженіе желанія имѣть его образцы. Онъ прибавилъ, что заплатитъ за нихъ. Но когда я увѣрилъ его, что 1-му консулу было бы пріятно подарить ихъ ему, онъ не настаивалъ и далъ понять мнѣ, что они были бы драгоцѣнны для него. Простые образцы солдатскаго оружія, въ соединеніи съ роскошнымъ оружіемъ, доставили бы ему большое удовольствіе.—Не такъ легко возбудить любопытство императрицы касательно французскихъ модъ: онѣ почти всѣ составляютъ здѣсь контрабанду, хотя за ними гоняются съ бѣшенствомъ; къ тому же императоръ старается, чтобы дворъ не подавалъ примѣра роскоши, которая доходила до крайности при прежнихъ царствованіяхъ. Если встрѣтится случай поговорить съ императрицей о нашихъ модахъ, буду изображать

geusement chez les puissances étrangères, et particulièrement ici, en dépit des inclinations anglaises et autrichiennes que le général Duroc et le chef de brigade Caulaincourt ont remarqué comme moi dans le ministère russe; le chancelier n'en est point exempt, quoiqu'il m'ait protesté qu'il n'est que russe et qu'il me répète souvent que la bonne harmonie des deux états maintiendra la paix en Europe.—J'ai toujours présentes les instructions verbales du 1-r consul, j'en éprouve souvent la justesse; je suis trop pénétré de l'importance de ma mission et du désir de justifier sa confiance et la vôtre pour ne pas chercher à détourner l'effet des intrigues de deux puissances qui n'oublieront pas de longtemps qu'elles ont été forcées à faire la paix.—Le grand-duc Constantin est de retour de Vienne depuis 12 jours; il m'a parlé avec enthousiasme de l'accueil qu'il y a reçu; il paraît qu'on a cherché surtout à le flatter dans ses goûts militaires: des grenadiers qu'il avait remarqué en Italie et des officiers qu'il y avait aussi connus ont été le voir; plusieurs de ces derniers sont venus en poste de 15 à 20 lieues pour le saluer. Il a trouvé les troupes autrichiennes fort belles, et sur ce qu'il m'a assuré qu'il ne paraissait pas qu'elles avaient fait la guerre je lui ai répondu, que j'avais le plus grand regret qu'il n'ai pas été en France, où il en aurait vu au moins d'aussi belles et mieux reposées. Il paraît qu'on sait ici gré à la cour de Vienne du bon accueil

---

ихъ лишь съ точки зрѣнія изящества, чтобы возбудить въ ней желаніе имѣть ихъ.—Положеніе, данное 1-мъ консуломъ Франціи, обезпечиваетъ за нимъ вліяніе и довѣріе, которыя онъ такъ выгодно возстановилъ у иностранныхъ державъ и особенно здѣсь, несмотря на англійскія и австрійскія склонности, которыя генералъ Дюранъ и бригадный начальникъ Коленкуръ, подобно мнѣ, замѣтили въ русскомъ министерствѣ. Отсюда не исключается самъ канцлеръ, хотя онъ заявлялъ мнѣ, что онъ—только русскій: онъ часто повторяетъ мнѣ, что доброе согласіе двухъ государствъ сохранитъ миръ въ Европѣ.—Передо мной всегда устныя наставленія 1-го консула: я часто испытываю ихъ мѣткость, я слишкомъ проникнутъ сознаніемъ важности моего порученія и желаніемъ оправдать его и ваше довѣріе, чтобы не стараться обезоружить интриги двухъ державъ, которыя долго не забудутъ, что ихъ принудили къ миру. Великій князь Константинъ возвратился изъ Вѣны, 12 дней тому назадъ. Онъ говорилъ мнѣ съ восторгомъ о пріемѣ, который встрѣтилъ тамъ. Кажется, тамъ особенно старались польстить его военнымъ вкусамъ: къ нему являлись гренадеры, которыхъ онъ замѣтилъ въ Италіи, и офицеры, которыхъ онъ также знавалъ тамъ; многіе изъ послѣднихъ пріѣзжали на почтовыхъ за 15—20 лье, чтобы привѣтствовать его. Онъ нашелъ австрійскія войска превосходными. Когда онъ сталъ увѣрять, что они будто и не воевали, я возра-

qu'il y a reçu. On dit, qu'il aurait été à Paris, s'il en avait eu la permission, il a le plus grand désir d'en faire le voyage. L'archiduc palatin doit, dit-on, venir incessamment ici, et sans doute cette visite aura un but politique.—Je ne vous écris pas régulièrement par la poste parce que je sais que toutes nos lettres sont ouvertes ici et copiées, entendues ou non; il est probable qu'elles ont le même sort à Berlin et à Hambourg. Comptez cependant sur l'exactitude que je mettrai à chercher à m'instruire de tout ce qu'il vous importera de savoir et à vous en rendre compte. Je vous expédierai de temps en temps des courriers extraordinaires. — *P. S.* Le grand duc me recommande avec feu un français qu'il a vu à Vienne et qui ne tardera pas à être ici. „Vous devez être étonné, m'a-t-il dit, que je vous recommande un français, mais celui-là est si intéressant *et si bon garçon* que je l'aime de tout mon cœur". Ce sont ses propres expressions. Il ne m'avait pas encore dit son nom et j'ai deviné que c'est un jeune voyageur qui vous appartient de près.

Paris, 142, 38. Подлинникъ.

зилъ, что очень жаль, что онъ не былъ во Франціи: тамъ онъ увидѣлъ бы по крайней мѣрѣ столь же прекрасныя и болѣе отдохнувшія войска. Здѣсь, кажется, довольны сдѣланнымъ ему въ Вѣнѣ пріемомъ. Говорятъ, онъ былъ бы въ Парижѣ, еслибы имѣлъ позволеніе: ему очень хочется съѣздить туда. Говорятъ, эрцгерцогъ-намѣстникъ немедленно прибудетъ сюда: конечно, это посѣщеніе будетъ имѣть политическую цѣль.—Не пишу вамъ правильно по почтѣ, такъ какъ знаю, что всѣ наши письма вскрываются здѣсь и списываются,—все-равно, понимаютъ ли ихъ, или нѣтъ; по всей вѣроятности, ихъ постигаетъ та же судьба въ Берлинѣ и Гамбургѣ. Впрочемъ разсчитывайте на тщательность, съ которою я постараюсь освѣдомиться обо всемъ, что важно вамъ знать, и извѣщать васъ. Время отъ времени буду посылать вамъ чрезвычайныхъ курьеровъ.—P. S. Великій князь горячо рекомендуетъ мнѣ одного француза, съ которымъ онъ видѣлся въ Вѣнѣ и который не замедлитъ прибыть сюда. «Вы удивитесь, что рекомендую вамъ француза; но этотъ такъ интересенъ и *такой добрый малый*, что я люблю его всею душой». Это его собственныя слова. Онъ не сказалъ еще его имени, но я догадался, что это молодой путешественникъ, близкій къ вамъ.

№ 223.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 7 frimaire an XI.

*) ...Le 19 brumaire j'ai eu une conférence avec le chancelier dans laquelle je l'ai entretenu des efforts que le 1-r consul ne cesse de faire pour terminer les affaires d'Allemagne et des espérances que vous avez de leur conclusion prochaine, d'après le nouveau plan qui a été présenté à la diète par les ministres de France et de Russie. Il m'a répondu qu'on ne pouvait qu'approuver l'ensemble de ce plan, mais que quelques dispositions particulières avaient excité de vives réclamations de plusieures parties intéressées et notamment de la Bavière. Il a ajouté que l'Empereur était sensible aux égards qu'on avait eu pour le duc d'Oldenbourg en augmentant son lot. — Il est convenu que la dignité électorale serait à charge au duc de Mecklembourg qui ne la désirait pas. Il est aussi convenu que si la cour de Vienne n'a pas encore été satisfaite, elle ne peut s'en prendre qu'à l'exagération de ses prétentions et à ses continuelles tergiversations. Je l'ai engagé, dans le cas où les nouvelles propositions de m. de Cobenzl à Paris auraient quelque suite, à envoyer au comte de Morcoff des pouvoirs suffisants, pour qu'il puisse accéder au nom de l'Empereur Alexandre à ce qui serait convenu. Je

---

Петербургъ, 16/28 ноября 1802.

*) ...11-го ноября я бесѣдовалъ съ канцлеромъ. Я говорилъ ему о непрестанномъ стараніи 1-го консула покончить нѣмецкія дѣла и о вашихъ надеждахъ на близкій конецъ, благодаря новому плану, который министры Франціи и Россіи предъявили на сеймѣ. Онъ отвѣчалъ, что нельзя не одобрить этотъ планъ въ цѣломъ, но что нѣкоторыя частности возбудили горячія возраженія съ разныхъ заинтересованныхъ сторонъ, и именно со стороны Баваріи. Онъ прибавилъ, что императоръ признателенъ за вниманіе къ герцогу Ольденбургскому, долю котораго увеличили.—Онъ признался, что курфюршеское достоинство было бы въ тягость герцогу Мекленбургскому, который и не желалъ его. Онъ признался также, что вѣнскій дворъ еще не удовлетворенъ, но виной тому его собственныя увертки и неумѣренность притязаній. Я совѣтовалъ ему въ случаѣ, если новыя предложенія г. Кобенцля въ Парижѣ будутъ имѣть какой-либо результатъ, послать графу Моркову достаточныя полномочія, чтобы онъ могъ, именемъ императора Александра, присоединиться къ условленному. Я сообщилъ ему сущность вашей ноты о дѣлахъ Швейцаріи, замѣтивъ, что цѣль ея — только предупредить русскаго

lui ai communiqué la substance de votre note sur les affaires de la Suisse, en lui faisant sentir qu'elle n'avait d'autre but que de prévenir le ministre russe sur les fausses interprétations qu'on ne manquerait pas de donner dans les gazettes à la ferme intention où est le 1-r consul d'empêcher cet intéressant pays d'être déchiré par des factions et de prendre des moyens efficaces, pour qu'il se donne une constitution qui assure son indépendance. — Je lui ai dit ensuite que le 1-r consul voyait avec peine les difficultés que la cour de Russie fait d'accepter sa part de garantie de l'indépendance de Malte et qu'il était étonné que dans le moment, où le gouvernement français marche en toutes choses de concert avec la Russie, m. de Mocenigo ait fait à Corfou une proclamation dans laquelle il n'est pas même question de l'agent français.—Sur l'article de Malte, après être convenu que cette affaire avait été mal entamée, il m'a fait entendre que l'Empereur ne pouvait revenir sur le refus réitéré à l'Angleterre de partager les garanties, qu'autant que la France et l'Angleterre auraient égard à ce qui avait été convenu, antérieurement au traité d'Amiens, entre le lord St. Helens et le ministre russe. — „L'Empereur — a-t-il ajouté — ne peut suivre à cet égard un meilleur exemple que celui du 1-r consul qui est ferme dans toutes ses résolutions". — Relativement à la république des Sept-Iles, il m'a répondu avec vivacité, que „l'Empereur ne se mêlait pas des proclamations du 1-r consul en Suisse". Il est convenu ensuite con-

---

министра насчетъ ложныхъ толкованій, которыя не преминутъ появиться въ газетахъ относительно твердаго намѣренія 1-го консула не допускать, чтобы эта интересная страна была раздираема мелкими партіями, и принять дѣйствительныя мѣры, чтобы она выбрала себѣ конституцію, обезпечивающую ея независимость.—Затѣмъ я сказалъ ему, что 1-му консулу тяжело видѣть, что русскій дворъ затрудняется принять участіе въ обезпеченіи независимости Мальты, и что его удивило, какъ это въ ту миниту, когда французское правительство идетъ во всемъ въ ногу съ Россіей, г. Моцениго издаетъ объявленіе, въ Корфу, въ которомъ даже не упоминается о французскомъ агентѣ.—Касательно Мальты мы согласились, что это дѣло плохо начато; затѣмъ онъ далъ понять, что императоръ не можетъ взять назадъ свой неоднократный отказъ Англіи въ гарантіяхъ, пока Франція и Англія не обратятъ вниманія на то, что̀ было условлено раньше аміенскаго договора между лордомъ С. Эленсомъ и русскимъ министромъ.—Онъ прибавилъ: „въ этомъ случаѣ императоръ слѣдуетъ наилучшему примѣру,—самому 1-му консулу, который твердъ во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ". — Относительно республики Семи Острововъ онъ отвѣчалъ мнѣ съ живостью, что „императоръ не вмѣшивается въ объявленія 1-го консула въ Швейцаріи". Потомъ мы согласились, что импера-

fidentiellement qu'il était vrai qu'après son couronnement l'Empereur avait écrit une lettre au 1-r consul dans laquelle il lui témoignait qu'il s'entendrait volontiers avec lui sur les mesures à prendre pour établir un gouvernement convenable et fixe dans cette république, mais que cette lettre avait été écrite contre son avis qui est que la Russie doit agir seule pour parvenir à ce but. — Je ne reviendrai sur cette juste récrimination qu'autant que les circonstances l'exigeront. — Le 21 j'ai eu l'honneur de remettre la lettre du 1-r consul à l'Empereur, dans une audience particulière. S. M. m'a dit que le chancelier lui avait fait part de mes communications relatives aux affaires d'Allemagne et de la Suisse; qu'il partageait avec le 1-r consul le désir de voir terminer promptement et définitivement l'affaire des indemnités et que pour y parvenir il importait de s'entendre avec l'Autriche sur le supplément à ajouter au lot du grand duc.—Quant aux troubles de la Suisse, l'Empereur m'a assuré qu'il était convaincu des vues libérales du 1-r consul qu'il avait confiance dans les mesures qu'il prenait pour y rétablir la tranquillité et qu'il désirait d'autant plus que cette république se donne une bonne constitution qu'il s'intéressera toujours à cette nation. J'ai voulu lui faire sentir que le 1-r consul devait soutenir le gouvernement actuel établi sur le vœu de la majorité des cantons; il m'a répondu en propres termes qu'il ne convenait pas d'y rétablir l'ancien ordre de choses „qui était odieux", et qu'il était persuadé que le 1-r

---

торъ, послѣ своего коронованія, дѣйствительно писалъ 1-му консулу, что охотно сговорится съ нимъ насчетъ мѣръ къ установленію подходящаго и твердаго правительства въ этой республикѣ, но это письмо было написано вопреки его мнѣнію, которое состоитъ въ томъ, что Россія должна дѣйствовать въ одиночку для достиженія этой цѣли.—Я буду возвращаться къ этой справедливой жалобѣ лишь по требованію обстоятельствъ. — 21-го я имѣлъ честь передать письмо 1-го консула императору на личной аудіенціи. Е. в. сказалъ мнѣ, что канцлеръ докладывалъ ему о моихъ сообщеніяхъ относительно нѣмецкихъ и швейцарскихъ дѣлъ. Онъ раздѣляетъ желаніе 1-го консула скоро и рѣшительно покончить съ дѣломъ вознагражденій, но для этого нужно сговориться съ Австріей насчетъ добавленія къ долѣ великаго герцога. — Касательно волненій въ Швейцаріи, императоръ увѣрялъ меня, что онъ убѣжденъ въ великодушныхъ намѣреніяхъ 1-го консула, питаетъ довѣріе къ принимаемымъ имъ мѣрамъ для возстановленія тамъ спокойствія и особенно желаетъ, чтобы эта республика нашла себѣ хорошую конституцію, такъ какъ онъ всегда будетъ принимать участіе въ этой націи. Я хотѣлъ дать понять ему, что 1-й консулъ долженъ поддерживать нынѣшнее правительство, установленное по желанію большинства кантоновъ. Онъ отвѣчалъ, что

consul saurait allier ce qui convient au bonheur et à l'indépendance de cette nation. —S. M. m'a ensuite donné de nouvelles preuves de sa bienveillance et m'a dit en me quittant qu'il me verrait beaucoup plus souvent, s'il ne craignait de blesser les usages et d'exciter des jalousies diplomatiques. — La réponse de l'Empereur au 1-r consul est adressée au comte de Morcoff. — Mercredi 3 frimaire, l'ambassadeur d'Angleterre et moi nous avons eu enfin la réponse aux notes que nous avions remises ensemble au chancelier pour demander que l'Empereur accepte sa part de la garantie de l'indépendance de l'île de Malte. Je joins ici la copie de cette note et la réponse. Je n'ai pas pu m'empêcher d'observer au chancelier que personne ne réclamait le payement de la garnison napolitaine pour la France et l'Angleterre, qu'il paraissait inutile d'appeler le roi de Naples au nombre des puissances garantes et que d'ailleurs il était difficile de revenir sur l'article X du traité d'Amiens qui avait sûrement été discuté par les ministres des puissances contractantes avec les lumières qui devaient les guider. Sans répondre à ces arguments, il nous a répété que l'Empereur n'accepterait la garantie qu'autant que la France et l'Angleterre s'entendraient pour accepter les propositions jointes à la note, et que pour ne pas perdre de temps, les ministres de Russie, soit à Paris soit à Londres, recevaient les pouvoirs nécessaires pour accepter, dans ce cas, la garantie au nom de l'Empereur. — Je n'ai eu dans cette circonstance qu'à me louer de l'amiral

---

не слѣдовало возстановлять тамъ стараго порядка вещей, „который былъ отвратителенъ", и что онъ убѣжденъ, что 1-й консулъ съумѣетъ слить счастье этой націи съ ея независимостью. — Затѣмъ е. в. далъ новыя свидѣтельства своего расположенія и сказалъ, разставаясь со мной, что гораздо чаще видѣлся бы со мной, еслибы не боялся нарушить обычаи и возбудить ревность дипломатовъ. — Отвѣтъ императора 1-му консулу посланъ графу Моркову. — Въ среду, 24 ноября, англійскій посланникъ и я получили наконецъ отвѣтъ на ноты, поданныя нами вмѣстѣ канцлеру насчетъ принятія императоромъ своей доли въ обезпеченіи независимости о. Мальты. Прилагаю списокъ этой ноты и отвѣтъ. Я не могъ не замѣтить канцлеру, что никто не требовалъ платить неаполитанскому гарнизону за Францію и Англію, что, кажется, безполезно ставить неаполитанскаго короля въ число державъ-порукъ и что впрочемъ трудно разбирать X статью аміенскаго договора, которая, конечно, была обсужена министрами договаривающихся державъ со свойственною имъ основательностью. Не отвѣчая на эти доводы, онъ повторилъ намъ, что императоръ приметъ на себя обезпеченіе лишь въ томъ случаѣ, когда Франція и Англія согласятся принять приложенныя къ нотѣ приложенія. Чтобы не терять времени, русскіе министры въ Парижѣ и Лондонѣ получатъ необхо-

Waren dont la franchise et les intentions pacifiques inspirent la confiance; mais je vous prie de vous rappeler ce que je vous ai mandé dans le principe sur cette affaire; je persiste à penser que le lord St. Helens n'a fait, sans aucune autorisation, les démarches réitérées qui lui ont attiré trois refus que pour embrouiller l'affaire et fournir à l'Angleterre un prétexte pour ne se déssaisir de Malte que le plus tard qu'elle pourra. Ce très rusé diplomate n'est pas l'ami de la paix et je le crois bien d'accord avec le comte de Worontzoff, ambassadeur de Russie, qui doit être de retour à Londres; il est plus anglais que russe, et vous n'ignorez pas probablement qu'il avait laissé confisquer ses biens sous le règne de Paul I parce qu'il n'a pas voulu revenir ici lorsque la Russie a déclaré la guerre aux anglais. Nous devons nous méfier d'autant plus de ses intrigues à Londres qu'il sera dirigé par le lord S. Helens. J'ai quelque lieu de croire que le chancelier, son frère, ne partage pas entièrement son anglomanie. — J'ai eu avant-hier une autre conférence avec lui sur les affaires d'Allemagne. Le ministre de Bavière venait de lui témoigner ses inquiétudes sur une convention qu'on dit conclue à Paris entre la France et l'Autriche, par laquelle l'évêché d'Eichstædt serait ajouté au lot du grand duc. Le chancelier lui a répondu que cette proposition avait été faite anciennement; qu'à la vérité elle avait été rejetée mal à propos par l'Autriche, mais que si on croyait devoir y

---

димыя полномочія для принятія въ такомъ случаѣ гарантіи именемъ императора. — Въ этомъ дѣлѣ мнѣ остается только хвалить адмирала Варрена, который внушаетъ довѣріе своею искренностью и мирными наклонностями; но прошу припомнить, что̀ я писалъ вамъ по существу этого дѣла: я настаиваю на мысли, что С. Эленсъ, безъ всякаго полномочія, неоднократно дѣлалъ шагъ, вызвавшій три отказа, лишь съ цѣлью запутать дѣло и дать предлогъ Англіи подольше удержать за собой Мальту. Этотъ очень хитрый дипломатъ—не другъ мира, и я считаю его въ стачкѣ съ русскимъ посланникомъ, графомъ Воронцовымъ, который долженъ возвратиться изъ Лондона. Онъ больше англичанинъ, чѣмъ русскій; вамъ, вѣроятно, извѣстно, что при Павлѣ I онъ далъ отобрать въ казну свои имѣнія, не желая возвратиться сюда, когда Россія объявила войну англичанамъ. Мы тѣмъ болѣе должны опасаться его интригъ въ Лондонѣ, что имъ будетъ руководить лордъ С. Эленсъ. Имѣю нѣкоторое основаніе думать, что его братъ, канцлеръ, не вполнѣ раздѣляетъ его англоманію. — Третьяго дня я вновь бесѣдовалъ съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Баварскій министръ только-что̀ выразилъ ему свое безпокойство по поводу конвенціи, которая, говорятъ, заключена въ Парижѣ между Франціей и Австріей и опредѣляетъ прибавить епископство Эйхштедтъ къ надѣлу великаго герцога. Канцлеръ отвѣчалъ ему, что это предложеніе

revenir pour terminer enfin l'affaire des indemnités, l'Empereur Alexandre n'y mettrait aucun obstacle. Le baron de Posch ayant demandé cette réponse par écrit, le chancelier lui a répliqué, qu'il n'y trouvait pas d'inconvénient, mais qu'il prendrait à cet égard les ordres de l'Empereur. — Le baron a fait depuis un supplément de mémoire sur l'impossibilité où l'électeur serait de céder cet évêché d'Eichstædt tant sous le rapport politique que sous les rapports militaires; il défend chaudement sa cause, mais je l'ai exhorté à paraître moins inquiet et à avoir plus de confiance dans la France, la Prusse et la Russie.— Les princes dont le territoire est voisin des villes anséatiques, et notamment le Danemark, réclament contre les prétentions de ces villes, prétentions qu'elles font dériver du plan d'indemnités. Ces princes se louent des réponses qui ont été faites à cet égard à leurs agents par le citoyen Laforêt et m. de Bühler. Le chancelier à témoigné à l'envoyé de ces villes-ci que l'Empereur voyait avec peine leurs prétentions et particulièrement celles de Hambourg.—Les courriers de Vienne et d'ici à Vienne se succèdent avec rapidité; sans me dire quelles sont les propositions de Vienne à Paris, le chancelier m'a fait entrevoir qu'il les trouvait plus raisonnables et m'a témoigné un vif désir de voir terminer cette grande affaire de manière à ce que la cour de Vienne soit assez satisfaite pour ratifier enfin le *Conclusum*. M. de Morcoff reçoit les pouvoirs suffisants

---

давно сдѣлано и, сказать правду, было некстати отвергнуто Австріей; но еслибы сочли долгомъ возвратиться къ нему, чтобы наконецъ порѣшить съ дѣломъ вознагражденій, то императоръ Александръ не станетъ препятствовать. Когда баронъ де-Пошъ потребовалъ дать ему этотъ отвѣтъ письменно, канцлеръ возразилъ, что онъ не находитъ препятствій къ этому, но испроситъ приказаній императора. — Впослѣдствіи баронъ представилъ дополнительную записку о невозможности для курфюрста уступить это эйхштедтское епископство, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Онъ горячо защищаетъ свое дѣло; но я убѣждалъ его казаться не такъ встревоженнымъ и болѣе довѣрять Франціи, Пруссіи и Россіи.—Сосѣдніе съ ганзейскими городами князья, а именно Данія, жалуются на притязанія, которыя эти города выводятъ изъ плана вознагражденій. Эти князья довольны отвѣтами, данными въ этомъ отношеніи ихъ агентамъ гражданиномъ Лафорэ и г. Бюлеромъ. Канцлеръ заявилъ послу этихъ городовъ, что и—ръ недоволенъ ихъ притязаніями, въ особенности же требованіями Гамбурга.— Курьеры изъ Вѣны и отсюда въ Вѣну быстро слѣдуютъ другъ за другомъ; не говоря мнѣ о предложеніяхъ Вѣны въ Парижѣ, канцлеръ далъ мнѣ замѣтить, что находитъ ихъ болѣе разумными, и обнаружилъ сильное желаніе покончить это великое дѣло такъ, чтобы вѣнскій дворъ былъ достаточно удовлетворенъ, и утвер-

pour accéder au nom de l'Empereur aux conventions supplémentaires que le 1-r consul trouvera raisonnable.—Le chancelier m'a engagé à vous rappeler, au nom de l'Empereur, la promesse que le 1-r consul a faite d'améliorer le sort du roi de Sardaigne. L'Empereur m'en a parlé lui-même avec le plus vif intérêt, et le 1-r consul ne pourrait faire actuellement rien qui lui soit plus agréable. Il lui en a écrit précédemment et il espère que la mort du duc de Parme lui en donnera la facilité. Le chancelier invoque à cet égard l'article VI de la convention secrète signée à Paris à la suite du traité de paix entre la France et la Russie... Le chancelier qui est l'ami particulier du comte de Morcoff, m'a dit, qu'il se louait beaucoup du 1-r consul et de vous dans ses dernières conférences, et m'a répété combien il désirait qu'il soit agréable au 1-r consul. — *P. S.* J'ai engagé le chancelier à m'honorer du titre de *citoyen* et il a répondu que c'était par inattention que le terme de monsieur avait été glissé dans sa réponse à ma note et m'a assuré que cela n'arriverait plus.

Paris. 142, 39. Подлинникъ.

дилъ постановленіе сейма. Г. Морковъ получитъ достаточныя полномочія, чтобы приступить, именемъ и—ра, къ добавочнымъ конвенціямъ, которыя 1-й консулъ найдетъ разумными.—Канцлеръ поручилъ мнѣ напомнить вамъ, именемъ и—ра, обѣщаніе 1-го консула улучшить судьбу сардинскаго короля. Самъ и—ръ говорилъ мнѣ объ этомъ съ самымъ теплымъ участіемъ; и 1-й консулъ не могъ бы теперь сдѣлать ему ничего болѣе пріятнаго. Онъ прежде писалъ ему объ этомъ; и онъ надѣется, что смерть герцога пармскаго поможетъ ему въ этомъ случаѣ. Канцлеръ ссылается тутъ на VI статью тайной конвенціи, подписанной въ Парижѣ вслѣдъ за мирнымъ договоромъ между Франціей и Россіей... Канцлеръ, личный другъ графа Моркова, сказалъ мнѣ, что послѣдній доволенъ послѣдними совѣщаніями съ 1-мъ консуломъ и съ вами, и не разъ говорилъ, что ему очень хотѣлось бы понравиться 1-му консулу. — *P. S.* Я просилъ канцлера почтить меня титуломъ *гражданина*. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что лишь по разсѣянности слово monsieur проскользнуло въ его отвѣтѣ на мою ноту, и увѣрялъ, что это не повторится болѣе.

№ 230.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 19 frimaire an XI.

*) ...Le chargé d'affaires d'Autriche dit en toute occasion qu'il attend d'un moment à l'autre la nouvelle d'une convention entre la France et la cour de Vienne, qui, en augmentant raisonnablement le lot du grand duc de Toscane, terminera enfin les affaires d'Allemagne. Le chancelier en témoigne un vif désir. Il a confirmé il y a deux jours au baron de Posch que si on convenait de céder au grand duc l'évêché d'Eichstædt, l'Empereur Alexandre n'y mettrait aucune opposition, en ajoutant qu'il ne lui donnait pas cette réponse par écrit, ainsi que le baron l'avait demandé, mais qu'il en instruisait le ministre de Russie à Munich, en lui prescrivant de régler sa conduite auprès de l'électeur d'après cette déclaration.—Le grand duc Constantin a eu à Vienne une difficulté d'étiquette avec notre ambassadeur qui s'en est sûrement tiré avec la dignité qui convient à son caractère public et particulier. Le prince l'ayant fait attendre, lorsqu'il a été le voir, et le citoyen Champagny en ayant témoigné son impatience, le grand-duc est sortie de son cabinet sans être habillé et lui a dit „qu'il le forçait à paraître devant lui comme il n'avait jamais paru devant un ambassadeur". Tel est le récit

---

Петербургъ, 28 ноября (10 декабря) 1802.

*) ...Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ твердитъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ ожидаетъ съ минуты на минуту извѣстія о конвенціи между Франціей и вѣнскимъ дворомъ, которая, увеличивая разумно надѣлъ вел. герцога тосканскаго, окончитъ наконецъ дѣла Германіи. Канцлеръ этого искренно желаетъ. Два дня тому назадъ, онъ подтвердилъ барону Пошу, что еслибы согласились уступить вел. герцогу епископство Ейхштедтское, то и—ръ Александръ не сталъ бы этому противиться. Онъ прибавилъ, что не даетъ ему этого отвѣта письменно, какъ просилъ объ этомъ баронъ, но что онъ увѣдомляетъ объ этомъ русскаго министра въ Мюнхенѣ и предписываетъ ему вести себя съ курфюрстомъ согласно этому заявленію. Въ Вѣнѣ произошло нѣкоторое недоразумѣніе въ этикетѣ между вел. княземъ Константиномъ и нашимъ посланникомъ; послѣдній, конечно, вышелъ изъ него съ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ его общественному положенію и личному характеру. Князь заставилъ его ждать, когда онъ пришелъ повидаться съ нимъ; а такъ какъ гражд. Шампаньи выразилъ свое нетерпѣніе, то вел. князь вышелъ изъ кабинета неодѣтый и сказалъ ему, „что онъ заставляетъ его явиться въ такомъ

du grand duc qui a besoin sans doute d'être confirmé par le compte que notre ambassadeur vous rendra de cette affaire.—Le grand duc Constantin ne m'en a point parlé. Il continue cependant à me donner des marques de confiance, et m'a assuré qu'on avait en vain tenté de le déterminer à se mêler d'affaires politiques. Néanmoins il m'a fait clairement entendre qu'il détestait les prussiens; „qu'il était en cela bon russe", et qu'il se battrait bien volontiers contre eux. Il n'y a pas de doute que ses dispositions à cet égard n'aient été chauffées à Vienne, où l'on ne pardonnera jamais à la Prusse sa sage conduite, quand elle a reconnu par expérience le vœu de la majorité des français. Heureusement l'Empereur sait mieux apprécier cette conduite que son frère.—On dit que l'empereur d'Allemagne enverra ici un officier général en ambassade, afin qu'il puisse avoir un plus facile accès auprès de l'E-r Alexandre.—Le commandeur d'Aranjo, ministre de Portugal, est arrivé ici il y a 4 jours. On en dit du bien. Son prédécesseur, le défunt marquis de Nizza, a dépensé ici en 9 mois plus de 1,500 mille francs.

Paris. 142, 42. Подлинникъ.

видѣ, въ какомъ онъ никогда не являлся передъ посланниками". Такъ разсказываетъ вел. князь, но это, конечно, требуетъ подтвержденія отчетомъ нашего посланника, который онъ пришлетъ вамъ объ этомъ дѣлѣ. Вел. князь Константинъ не говорилъ мнѣ объ этомъ. Между тѣмъ онъ продолжаетъ осыпать меня знаками своего довѣрія, и увѣряетъ меня, что тщетно пытались убѣдить его вмѣшаться въ политическія дѣла. Тѣмъ не менѣе онъ ясно далъ мнѣ понять, что ненавидитъ пруссаковъ; „что въ этомъ онъ истинный россіянинъ", и что охотно подрался бы съ ними. Нѣтъ сомнѣнія, что эти мнѣнія были сильно подогрѣты въ Вѣнѣ, гдѣ никогда не простятъ Пруссіи ея мудраго поведенія, когда она по опыту узнала желанія большинства французовъ. Къ счастью, и—ръ лучше брата цѣнитъ это поведеніе.—Говорятъ, что нѣмецкій и—ръ пришлетъ сюда въ качествѣ посланника какого-нибудь генерала, чтобы онъ имѣлъ болѣе легкій доступъ къ и—ру Александру.—Командоръ Аранхо, министръ Португаліи, прибылъ сюда, 4 дня тому назадъ. Его хвалятъ. Его предшественникъ, покойный маркизъ Ницца, истратилъ здѣсь въ 9 мѣсяцевъ болѣе 1.500 т. франковъ.

№ 231.—Эдувиль Талейрану.

Pétersbourg, 19 frimaire an XI.

*) Le gouverneur général et militaire de Pétersbourg, le feld-maréchal Kamenski, vient d'être remplacé provisoirement dans cette fonction par m. le comte de Tolstoï. Voilà quel a été le sujet de la destitution du général Kamenski. — Un marchand russe, inspecteur de l'arrivage dès grains, ou fournisseur lui-même, homme considéré dans son état, ayant eu quelque chose à démêler avec le gouverneur, en fut maltraité de paroles et en reçut deux soufflets. Il alla se plaindre de suite à l'Empereur lui-même, qui ordonna qu'on suivit cette affaire et qu'on lui en rendit un compte exact. Le ministre de la justice Derjavin, témoin de cet ordre, représenta à l'Empereur, que le gouverneur était un général distingué et un vieillard pour lequel on devait avoir des égards, et offrit d'aller lui-même auprès de lui pour s'informer de ce qui s'était passé et lui rendre compte de l'ordre de l'Empereur. Rendu chez Kamenski, il veut entamer l'affaire; mais la vivacité du général l'empêcha de continuer. — „Croyez-vous, m. Derjavin, lui dit Kamenski, croyez-vous avoir des remontrances à faire et parler à m. de Gourieff?" (Il paraît que cette phrase à trait à quelque chose de particulier entre m. Derjavin et m. de Gourieff, adjoint du ministre des finances). — Croyez-vous, général, avoir affaire à un marchand russe, à qui on donne

---

Петербургъ, 28 ноября (10 декабря) 1802.

*) Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, фельдмаршалъ Каменскій, только-что замѣненъ временно въ этой должности графомъ Толстымъ. Вотъ причина отрѣшенія генерала Каменскаго отъ должности. — Одинъ русскій купецъ, смотритель хлѣбной пристани или самъ поставщикъ, человѣкъ уважаемый въ своемъ сословіи, повздоривъ за что-то съ губернаторомъ, былъ обруганъ имъ и получилъ отъ него двѣ пощечины. Тотчасъ же онъ пошелъ жаловаться къ самому и—ру, который приказалъ разслѣдовать дѣло и сдѣлать ему точный докладъ. Свидѣтель этого приказанія, министръ юстиціи, Державинъ, представилъ и—ру, что губернаторъ—знаменитый генералъ и старикъ, къ которому слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ; онъ предложилъ самому пойти къ нему, чтобы справиться, какъ было дѣло и донести ему о приказѣ и—ра. Явившись къ Каменскому, онъ хочетъ начать дѣло; но горячность генерала не даетъ ему продолжать.—„Не думаете ли вы, г. Державинъ, дѣлать мнѣ предостереженія? Но вы говорите не съ г. Гурьевымъ!" сказалъ ему Каменскій (эта фраза, кажется, намекала на что-то личное между г. Державинымъ и г. Гурьевымъ, товарищемъ министра финансовъ).—„А вы думаете, что

des soufflets?" répartit m. Derjavin. — Et sans en dire davantage il vint rendre compte à l'Empereur du succès de sa mission et de la brutalité de Kamenski. L'Empereur a ordonné à celui-ci de cesser sur le champ ses fonctions, et l'a remplacé provisoirement par le grand chambellan le comte de Tolstoï. — Schoubin, jugé pour la prétendue conspiration, vient de subir son jugement; il a été dégradé et condamné pour la vie à l'exil en Sibérie, mais sans être privé des droits d'hérédité. Il est, dit-on, envoyé à Jerkutskou. Sa femme le suit malgré le peu d'attachement qu'elle avait montré pour lui avant cette affaire. Schoubin est conduit bien gardé dans son kibitk; il fait peu de chemin, et est emprisonné à chaque station. Son épouse le suit dans sa voiture, tâchant à force d'argent d'adoucir le sort de son mari. Le préjugé a voulu de tout temps que les femmes accompagnassent leurs maris en exil. Elles s'exposeraient à l'indignation publique en refusant et en se montrant dans le monde. Il en est extrêmement peu qui s'y soient soustraites, quelle qu'ait été précédemment la conduite de leurs maris à leur égard. — Le prince de Gortschakoff, qui s'était évadé après avoir fait une banqueroute de 500,000 roubles et fabriqué de faux billets de banque, est venu, dit-on, se remettre lui-même entre les mains de l'Empereur qui a ordonné que son procès lui fût fait.

Paris. 142, 43. Подлинникъ.

имѣете дѣло съ русскимъ купцомъ, которому даютъ пощечины?" возразилъ г. Державинъ.—И, не говоря ни слова болѣе, онъ явился къ и—ру съ донесеніемъ объ успѣхѣ своего порученія и о грубости Каменскаго. И—ръ приказалъ послѣднему немедленно оставить должность и замѣнилъ его временно оберъ-камергеромъ, гр. Толстымъ.—Шубинъ, судимый за свой мнимый заговоръ, только-что подвергнутъ наказанію: онъ разжалованъ и сосланъ пожизненно въ Сибирь, но не лишенъ правъ наслѣдства. Говорятъ, его отправили въ Иркутскъ. Жена послѣдовала за нимъ, несмотря на то, что до этого дѣла она выказывала мало привязанности къ нему. Шубинъ отправился въ своей кибиткѣ, подъ сильнымъ конвоемъ; онъ ѣдетъ медленно, и на каждой станціи его сажаютъ въ тюрьму. Жена слѣдуетъ за нимъ въ своей каретѣ, стараясь съ помощью денегъ смягчать участь мужа. Вѣковой предразсудокъ требуетъ, чтобы жены сопровождали своихъ мужей въ ссылку. Та, которая отказалась бы и явилась въ свѣтъ, подверглась бы общественному негодованію. Онѣ чрезвычайно рѣдко не подчиняются этому предразсудку, каково бы ни было до того поведеніе мужей въ отношеніи ихъ.—Говорятъ, будто князь Горчаковъ, который обанкротился на 500.000 р. и дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи, а потомъ бѣжалъ, возвратился, отдавая самъ себя въ руки и—ра, который приказалъ судить его...

№ 232.—Морковъ двору.

Paris, 1/13 décembre 1802.

*) Je me proposais de n'expédier un courrier à V. M. I. que lorsque je serais à même de lui rendre compte de l'issue de la négociation que le comte de Cobenzl a entamée ici relativement aux indemnités du grand-duc de Toscane; mais je me vois obligé de devancer cette expédition par les instances renouvelées et pressantes que m'a faites le 1-r consul et le ministre des relations extérieures pour terminer les affaires du roi de Sardaigne. Dans ma dépêche au chancelier de V. M. I. j'ai rendu compte de l'offre que m'a faite le 1-r consul d'augmenter le lot du roi de Sardaigne de la principauté de Sienne. Deux jours après m. de Talleyrand est venu me trouver chez moi pour me proposer de signer avec lui une convention sur cette base, me disant que Bonaparte ne voulait traiter de cette affaire qu'avec V. M. I. et qu'il n'y était porté par aucun autre motif que celui de complaire au désir qu'elle lui avait témoigné à cet égard et de lui donner une marque de sa déférence, ne se croyant absolument tenu à rien envers le roi de Sardaigne, ni à aucune autre considération politique. Je n'ai pas laissé d'observer à m. de Talleyrand que V. M. I. ne méconnaîtrait

---

Парижъ, 1/13 декабря 1802.

*) Я предполагалъ послать курьера в. и. в—ву только тогда, когда буду въ состояніи донести объ исходѣ переговоровъ, начатыхъ здѣсь графомъ Кобенцлемъ касательно вознагражденій великаго герцога тосканскаго; но я обязанъ ускорить эту отправку вслѣдствіе многократныхъ и сильныхъ настояній 1-го консула и министра внѣшнихъ сношеній, чтобы покончить дѣло сардинскаго короля. Въ депешѣ канцлеру в. и. в—ва я далъ отчетъ о предложеніи 1-го консула увеличить долю сард. короля княжествомъ Сіенной. Два дня спустя г. Талейранъ посѣтилъ меня, предлагая подписать вмѣстѣ съ нимъ конвенцію на этомъ основаніи. Онъ сказалъ, что Бонапартъ хочетъ вести это дѣло только съ в. и. в—вомъ и только во исполненіе заявленнаго вами желанія и чтобы засвидѣтельствовать вамъ свое снисхожденіе; онъ вовсе не считалъ себя ни къ чему обязаннымъ по отношенію къ сард. королю или какому-либо иному политическому соображенію. Я не преминулъ замѣтить г. Талейрану, что в. и. в—во, конечно, признаете все, что тутъ есть лично пріятнаго для васъ, но что вы точно также имѣете право настаивать, въ силу договоровъ, какъ и сард. король, за которымъ договоры обезпечиваютъ за-

certainement pas tout ce qu'il y aurait de personnellement agréable pour elle dans cet arrangement, mais qu'elle avait des droits par ses traités d'y insister de même que le roi de Sardaigne par ceux qui lui compètent de sa légitime et ancienne possession dont il se voit dépouillé. Je lui ai rappelé en même temps les espérances que le 1-r consul m'avait données et qu'il m'a autorisé de transmettre à V. M. I., que Parme et Plaisance pourraient servir à une partie du dédommagement dû au roi de Sardaigne. Il n'eut d'autre chose à répliquer à cette objection sinon que l'Espagne avait et faisait valoir des droits sur ces deux principautés et que la France trouvait son intérêt à les satisfaire. Il me quitta en me priant de réfléchir à sa proposition et de considérer que si je tardais à me déterminer, pressé comme on l'est ici par la cour de Madrid, je pourrais peut-être manquer l'occasion de procurer un établissement quelconque au roi de Sardaigne dont le sort serait d'autant plus à plaindre que ce serait pour la seconde fois que par l'hésitation des cabinets il se verrait dans la plus triste situation du monde. Je lui ai répondu qu'il était bien douloureux de vivre dans un temps, où le sort des états et des souverains se décidait dans 24 heures; qu'autrefois c'était l'ouvrage de longues réflexions et d'un système que des évènements extraordinaires seul dérangeaient; qu'actuellement il n'y en avait même pas à prévoir et que comme il savait fort bien que je ne pouvais pas être autorisé à accepter une offre aussi exigüe, je l'étais à la

---

конное и древнее владѣніе, отнятое у него. Въ то же время я напомнилъ о надеждахъ, которыя внушилъ мнѣ 1-й консулъ, уполномочивъ передать в. и. в—ву, именно, что Парма и Пьяченца могли бы служить отчасти вознагражденіемъ сард. королю. Онъ могъ возразить только, что Испанія выставляетъ свои права на эти два княжества, и Франція находитъ свой интересъ въ ихъ удовлетвореніи. Онъ разстался со мной съ просьбой подумать объ его предложеніи и имѣть въ виду, что если я замедлю съ моимъ рѣшеніемъ, то, при настояніяхъ здѣсь мадридскаго двора, не пропустить бы мнѣ случая получить что-нибудь для сард. короля, судьба котораго была бы тѣмъ печальнѣе, что это уже второй разъ онъ очутился бы въ самомъ жалкомъ положеніи, благодаря нерѣшительности кабинетовъ. Я отвѣчалъ, что дѣйствительно весьма прискорбно жить въ эпоху, когда судьба государствъ и монарховъ рѣшается въ 24 часа: прежде это было дѣломъ долгихъ размышленій и системы, которыя нарушались только чрезвычайными событіями; теперь же нельзя и предвидѣть. Я прибавилъ, что ему отлично извѣстно, что у меня не могло быть полномочій на принятіе столь скуднаго предложенія, и я смотрю на него, какъ на чисто призрачное. Онъ снова приглашалъ меня подумать и придти къ нему завтра. Я пришелъ. Онъ развернулъ карту великаго герцог-

regarder comme purement illusoire. Il m'invita encore à réfléchir là-dessus et à venir le trouver le lendemain. J'y fus; il m'étala une carte du grand duché de Toscane où il me montra l'établissement désigné pour le roi de Sardaigne. Cet établissement partait de Sienne, se réunissait aux Présides et aboutissait à la Méditerranée; tout cet espace renfermait 2 villes, Sienne et Orbitello, et contenait une population, à son dire, de 260,000 âmes. Le revenu n'en était pas connu, mais m. de Talleyrand l'évaluait ainsi que la population et l'étendue au tiers de la Toscane. En outre la France accorderait au roi de Sardaigne qui vient d'abdiquer une pension viagère de 500 m. livres tournois susceptible d'augmentation si V. M. I. le demandait et le roi régnant renoncerait à tous ses titres et droits sur le Piémont et autres états qu'il avait possédés en deçà et au-delà des Alpes. Ensuite m. de Talleyrand prit un papier qui contenait la convention qu'il avait fait dresser et m'en lut le préambule qui disait que l'Empereur de Toutes les Russies et le 1-r consul de la république française désirant se donner des marques mutuelles du désir qu'ils avaient de resserrer de plus en plus les liens d'amitié et de bonne harmonie qui subsistaient entre eux et par un pur effet de leur bienveillance respective pour le roi de Sardaigne, convenaient entr'eux de ce qui suit. Il me refusa à me lire le corps de l'acte même, me disant qu'il ne renfermait que ce qu'il m'avait dit de bouche. Je lui ai protesté de nouveau que je n'étais pas suffisamment

---

ства Тосканскаго и показалъ мнѣ надѣлъ, предназначаемый сард. королю. Этотъ надѣлъ шелъ отъ Сіенны, касался Президій и кончался у Средиземнаго моря. Все это пространство заключало въ себѣ 2 города, Сіенну и Орбителло, и населеніе въ 260.000 душъ, по его словамъ. Доходъ неизвѣстенъ; но Талейранъ считалъ его, также какъ и населеніе и пространство, равнымъ трети Тосканы. Сверхъ того Франція дастъ только-что отрекшемуся сард. королю пожизненную пенсію въ 500 т. ливровъ, которую можно и увеличить, если в. и. в—во потребуете и если царствующій король отречется отъ всѣхъ своихъ правъ на Пьемонтъ и другія свои владѣнія по сю и по ту сторону Альпъ. Затѣмъ г. Талейранъ взялъ бумагу, на которой была написана конвенція, и прочелъ вступленіе, гдѣ было сказано, что всероссійскій и—ръ и 1-й консулъ французской республики, желая дать взаимные знаки желанія все болѣе и болѣе скрѣплять существующія между ними узы дружбы и добраго согласія, и въ силу одного ихъ взаимнаго благоволенія къ сард. королю, согласились между собой въ слѣдующемъ. Онъ отказался прочесть самый актъ, сказавъ, что тамъ только то, что̀ онъ сообщилъ мнѣ устно. Я снова заявилъ, что не имѣю достаточныхъ полномочій, чтобы подписать такого рода актъ, и что все, что̀ я могу сдѣлать — это донести в. и. в—ву и выждать

muni de pleins pouvoirs pour procéder à un acte de cette nature et que tout ce que je pouvais faire était d'en rendre compte à V. M. I. et d'attendre ses ordres. Il me fit encore une fois entendre qu'il ne répondait pas si dans l'intervalle de l'un à l'autre les circonstances n'obligeraient pas le 1-r consul à revenir de ses offres. Je lui ai répondu que quelque chose qu'il en arrive il en résultera que V. M. I. saura apprécier désormais la valeur des engagements contractés dans la convention secrète de l'année 1801, dont l'article XI établit qu'excepté les traités de Tolentino et de Florence rien ne se ferait de nouveau en Italie que d'un parfait accord avec V. M. I.—En attendant qu'il plaise à V. M. I. de me donner ses augustes ordres sur l'objet que je viens de lui exposer j'ai cru devoir en faire part à m. de Lisakewitz, son ministre auprès du roi de Sardaigne à Rome. Il m'a semblé nécessaire, que ce prince fût prévenu du sort qu'on lui destine et il ne me paraît pas impossible d'obtenir de ce gouvernement-ci que ce sort ne lui fût assigné que provisoirement et sans exiger de lui aucune renonciation à ses anciens droits sur les états qui lui sont enlevés. Dans l'état de choses actuel c'est à mon avis ce qu'on peut obtenir de plus favorable pour lui; car le plus fort argument que le consul et son ministre ont employé vis-à-vis de moi est dans le dénuement total d'intérêt que montrent les autres puissances à cet égard, et en effet aucune d'elles n'élève sa voix pour ce prince infortuné. J'ai cru que l'ambassadeur d'An-

---

вашихъ приказаній. Онъ еще разъ далъ мнѣ понять, что онъ не отвѣчаетъ, если въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства заставятъ 1-го консула взять назадъ свои предложенія. Я отвѣчалъ, что что бы ни случилось, результатъ будетъ одинъ: отнынѣ в. и. в—во будете знать цѣну обязательствъ, установленныхъ секретною конвенціей 1801 года, гдѣ XI статья гласитъ, что, за исключеніемъ торентійскаго и флорентійскаго договоровъ, ничего не будетъ происходить новаго въ Италіи безъ полнаго согласія в. и. в—а.— Въ ожиданіи, пока в. и. в—ву угодно будетъ дать мнѣ свои август. приказанія по только-что изложенному вопросу, я счелъ долгомъ донести о немъ г. Лизакевичу, вашему министру при сард. королѣ въ Римѣ. Мнѣ казалось необходимымъ предупредить этого государя насчетъ предназначаемой ему судьбы. Мнѣ кажется, возможно добиться отъ здѣшняго правительства, чтобы эта судьба выпала на его долю лишь временно и чтобы не требовали отъ него отреченія отъ своихъ древнихъ правъ на отнятыя у него владѣнія. По мнѣ, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, ничего лучшаго нельзя добиться для него, такъ какъ самымъ сильнымъ доводомъ, который выставляли мнѣ консулъ и его министръ, было полное отсутствіе участія со стороны другихъ державъ къ этому дѣлу; и дѣйствительно, ни одна изъ нихъ не возвышаетъ голоса

gleterre serait chargé de faire quelques démarches en sa faveur, mais j'en ai été entièrement désabusé par mylord Whitworth lui-même, et le 1-r consul dans deux entretiens consécutifs que j'ai eus avec lui m'a répété, que tout ce qu'il faisait pour lui n'était qu'un pur effet de son désir de complaire à V. M. I., et voilà son terme une vraie gentillesse suggérée par ce motif seul.

Pétersbourg. Paris, 1802, 124. Подлинникъ.

№ 233.—Морковъ двору.

Paris, 1/13 décembre 1802.

*) Par mon rapport du 6/18 novembre dernier j'ai rendu sommairement compte à V. M. I. de l'entretien que j'ai eu avec le 1-r consul à l'occasion de la lettre qu'elle a bien voulu lui adresser. Cet entretien a duré plus de 3 h. et a embrassé tous les objets politiques propres aux pays des quatre parties du monde; mais je me bornerai à en rapporter les trois les plus saillants. Après m'avoir parlé des intérêts du roi de Sardaigne il m'entretint du manifeste que V. M. I. a fait émaner à l'égard de son sénat, qualifiant les dispositions qui y sont contenues de nouvelle constitution tendante à la diminution de son autorité souveraine. J'ai rectifié son opinion là-dessus, en lui disant que

---

въ пользу этого несчастнаго государя. Я думалъ, что англійскому посланнику поручено предпринять что-нибудь въ его пользу; но самъ милордъ Уайтвортъ разувѣрилъ меня въ этомъ. А 1-й консулъ повторилъ мнѣ въ двухъ разговорахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, что все, сдѣланное имъ въ его пользу, было лишь плодомъ его желанія угодить в. и. в—ву. Вотъ, по его словамъ, истинная любезность, внушенная однимъ этимъ побужденіемъ.

Парижъ, 1/13 декабря 1802.

*) Въ моемъ донесеніи отъ 6/18 ноября я отдалъ краткій отчетъ в. и. в—ву о моемъ разговорѣ съ 1-мъ консуломъ по поводу письма, которое вы соблаговолили прислать ему. Этотъ разговоръ продолжался болѣе 3 ч. и обнималъ всѣ политическіе вопросы всѣхъ четырехъ частей свѣта; но я ограничусь указаніемъ его выдающихся чертъ. Поговоривши объ интересахъ сардинскаго короля, онъ заговорилъ о манифестѣ в. и. в—ва касательно сената, называя его новою конституціей, которая клонится къ сокращенію вашей верховной власти. Я поправилъ его, сказавши, что права, только-что данныя в. в—вомъ сенату, были опредѣлены ему его основателемъ, Петромъ Великимъ,

les droits que V. M. venait de rendre au sénat lui ont été attribués par son instituteur, Pierre le Grand, le prince le plus jaloux de son autorité qui eût régné en Europe; qu'ils étaient à la vérité tombés en désuétude et que V. M., en jugeant à propos dans sa sagesse et sa magnanimité de les rétablir, s'était réservée toutes les facultés nécessaires, soit pour empêcher, soit pour réprimer les abus qui en pourraient résulter. Je l'ai invité à relire ce même manifeste avec plus d'attention pour se convaincre de la vérité de ce que je lui disais. Malgré cela il s'étendit longtemps sur l'esprit du siècle qui rendait plus que jamais nécessaire le soin de comprimer dans une seule main le ressort du gouvernement de tout état grand en étendue et en population. Il dit que les flots excités par le dernier orage n'étaient pas assez calmés pour ne pas faire craindre une nouvelle tempête, et que dans le cas d'une nouvelle explosion son parti était pris de faire proclamer *l'empire des Gaules* et de marcher à ses ennemis. Il passa de là à des plaintes contre l'ambition démesurée des anglais dans les Grandes Indes, citant leurs envahissements continuels dans cette contrée et, après s'être arrêté quelque temps, il me dit: „n'est-ce pas que vous pourriez même par terre leur causer une grande diversion de ce côté-là et opposer une digue à leurs déprédations?“ Je convins de cette facilité et la lui montrai même bien plus grande que certainement je ne le pensais; mais ensuite j'ai ajouté qu'après une guerre aussi longue et aussi épuisante en tout genre que

---

самымъ ревнивымъ къ своей власти государемъ въ Европѣ; они, правду сказать, были забыты; а в. в—во, считая, по своей мудрости и великодушію, умѣстнымъ возстановить ихъ, сохранили за собой всѣ средства, необходимыя для того, чтобы и предупредить, и подавить злоупотребленія, которыя могли бы проистечь отсюда. Я совѣтовалъ ему прочесть этотъ манифестъ повнимательнѣе, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Тѣмъ не менѣе, онъ долго распространялся о духѣ времени, который требовалъ больше, чѣмъ когда-либо, сосредоточенія всѣхъ пружинъ правительства въ одной рукѣ во всякомъ государствѣ, обширномъ по пространству и населенію. Онъ сказалъ, что поднятыя послѣднею бурей волны не настолько улеглись, чтобы не опасаться новой грозы; а въ случаѣ новаго взрыва онъ уже рѣшился провозгласить *галльскую имперію* и выйти противъ своихъ враговъ. Отсюда онъ перешелъ къ жалобамъ на непомѣрное честолюбіе англичанъ въ Великой Индіи, перечисляя ихъ постоянные захваты въ этой странѣ. Пріостановившись немного, онъ сказалъ мнѣ: „Не правда ли, вы могли бы даже сухимъ путемъ сдѣлать съ этой стороны большую диверсію и противопоставить оплотъ ихъ грабительству?“ Я согласился и даже представилъ ему эту возможность въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ самъ думалъ; но затѣмъ я прибавилъ,

celle qui vient d'être terminée, l'imagination de chacun doit se porter sur son intérieur et laisser au moins pour quelque temps reposer des idées qui en pourraient distraire. — Il revint encore au roi de Sardaigne, releva l'effort qu'il faisait en sa faveur et me recommanda de le faire valoir auprès de V. M. I. Je lui répliquai que tout ce que je pouvais faire c'était d'en rendre compte à V. M., persuadé d'avance qu'elle ne le trouverait nullement proportionné ni à sa juste attente, ni aux pertes peu méritées que le roi de Sardaigne a faites et dont il a droit de réclamer le dédommagement.

Pétersbourg. Paris, 1802, 126. Подлинникъ.

№ 234.—Морковъ двору.

Paris, 11/23 décembre 1802.

*) Le courrier du général Hédouville arrivé lundi dernier dans la soirée m'a apporté le lendemain dans la matinée l'expédition qui lui a été confiée pour moi et qui renfermait entre autres le rescrit qu'il a plu à V. M. I. de m'adresser en date du 2 novembre dernier. J'ai fait d'abord annoncer au 1-r consul que j'avais reçu pour lui une lettre de la part de V. M. I., et il me fit dire de la lui apporter le jour suivant à S. Cloud sur les 9 h. du soir. Je m'y rendis, lui remis cette

---

что послѣ такой долгой и во всѣхъ отношеніяхъ изнурительной войны, какъ послѣдняя, воображеніе каждаго должно приковываться къ своимъ внутреннимъ дѣламъ и хоть на время не касаться мыслей, которыя могли бы отвлекать отъ нихъ.—Онъ еще разъ возвратился къ сардинскому королю, выставилъ свои старанія въ его пользу и совѣтовалъ мнѣ оцѣнить ихъ значеніе въ глазахъ в. и. в—ва. Я отвѣчалъ, что могу только донести о нихъ в. в—ву; но я заранѣе убѣжденъ, что они вовсе не покажутся вамъ сообразными ни съ справедливыми ожиданіями, ни съ мало заслуженными потерями сард. короля, который имѣетъ право требовать вознагражденія за нихъ.

Петербургъ, 11/23 декабря 1802.

*) Курьеръ генерала Эдувиля, пріѣхавшій въ прошлый понедѣльникъ вечеромъ, принесъ мнѣ утромъ, на другой день, ввѣренную ему для меня посылку: въ ней между прочимъ заключался рескриптъ, который в. и. в—во изволили прислать мнѣ отъ 2 числа прошлаго октября. Я сперва извѣстилъ 1-го консула, что получилъ на его имя письмо отъ в. и. в—ва. Онъ велѣлъ мнѣ передать, чтобы я привезъ его на слѣдующій день въ С.-Клу къ 9-ти

lettre et, après qu'il en eût fait la lecture, je lui ai présenté le rescrit même qu'il a également lu. En me le rendant, il me dit qu'il était parfaitement satisfait de tout ce qu'il y avait trouvé, mais qu'il ne l'avait pas été également du précédent rescrit de V. M. I. que j'ai reçu par Vienne et dont j'ai cru devoir communiquer la copie à m. de Talleyrand qui l'avait mise sous les yeux du 1-r consul; qu'il y avait vu un changement remarquable de ton et de langage et que ce changement, mis à côté de celui qui s'est effectué dans le ministère de V. M. I., lui en faisait appréhender un dans son système et dans ses principes. Il ajouta qu'il craignait que la cabale de l'Angleterre ne prévalût malgré tous les témoignages d'attachement et de déférence qu'il a donnés à V. M. I. en procurant aux princes ses parents et alliés des avantages dans l'affaire des indemnités; qu'en un mot il avait cherché à lui plaire de toutes les manières, mais qu'il ne saurait pousser sa complaisance jusqu'à se laisser traiter en vassal. Surpris d'une pareille sortie, je lui ai demandé s'il pouvait me citer quelque expression ou quelque idée renfermées dans ce rescrit qui autorisassent la sienne. Il me répondit qu'il ne saurait me le dire précisement; mais qu'en général il avait senti que c'était une autre manière de s'énoncer que celle qu'on employait précédemment. Comme j'avais le rescrit sur moi, je l'ai tiré de ma poche et en le lui présentant je l'ai prié de m'indiquer

---

часамъ вечера. Я отправился туда, передалъ ему это письмо и, когда онъ его прочиталъ, я представилъ ему самый рескриптъ, который онъ тоже прочиталъ. Возвращая его мнѣ, онъ сказалъ, что вполнѣ доволенъ всѣмъ, что́ тамъ высказано; но что онъ не можетъ того же сказать относительно предшествующаго рескрипта в. и. в—ва, полученнаго мною черезъ Вѣну, копію съ котораго я счелъ нужнымъ сообщить г. Талейрану, а этотъ послѣдній представилъ его 1-му консулу. Онъ сказалъ, что видѣлъ тамъ замѣчательную перемѣну въ тонѣ и языкѣ, которая, рядомъ съ перемѣною, происшедшей въ министерствѣ в. и. в—ва, заставляла его опасаться перемѣны въ вашей системѣ и въ вашихъ принципахъ. Онъ прибавилъ, что опасался, какъ бы коварство Англіи не возобладало, несмотря на всѣ доказательства привязанности и вниманія, которыя онъ далъ в. и. в—ву, доставивъ принцамъ, вашимъ родственникамъ и союзникамъ, выгоды въ дѣлѣ вознагражденій; что, однимъ словомъ, онъ старался всѣми силами понравиться вамъ, но что не можетъ простирать своей снисходительности до униженія обратиться въ вассала. Изумленный подобною выходкой, я спросилъ у него, не можетъ ли онъ привести мнѣ какое-нибудь выраженіе или мысль, заключающуюся въ этомъ рескриптѣ, которая вызвала бы его предположеніе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не можетъ сказать мнѣ этого точно, но что вообще онъ почувствовалъ, что

les endroits qui avaient pu faire cette impression sur lui. Il me répondit qu'il l'avait lu avec attention et n'avait pas besoin de le relire. Quant à moi, ai-je repris, je l'ai non-seulement lu, mais longtemps médité et je n'y ai rien trouvé qui ne fût parfaitement analogue et convenable à l'opinion que V. M. I. a adoptée et qu'elle a jusqu'à présent suivie; que la Russie et la France peuvent souvent marcher de concert, mais jamais à la suite l'une de l'autre. „J'ignore, ai-je continué, si l'intention de l'Empereur a été de faire sentir cette dernière vérité, mais je n'en serais point étonné, vu la méthode, qu'on a adopté ici de traiter les affaires. Je ne veux point vous fatiguer, général, par la foule de preuves que je pourrais vous alléguer à l'appui de ce que je viens de dire; mais je vous en citerai deux ou trois qui vous convaincront certainement de l'inconvenance et même de l'impossibilité d'admettre cette méthode. Par exemple c'est dès le mois de janvier que j'ai remis au citoyen Talleyrand les tableaux d'indemnisations pour 6 principales parties intéressées. Au lieu de les discuter avec moi il laissa un intervalle de 4 mois à me pressentir sur l'étendue et les bornes de mes pleins pouvoirs et tout à coup me produisit un plan opposé dans des points bien essentiels à celui que j'ai été chargé de lui remettre, en me pressant de l'adopter et de le signer sur le champ. Vous avez vu, général, l'ambarras où je m'étais trouvé et dont je ne me suis tiré que

---

стали изъясняться совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Такъ какъ рескриптъ былъ со мною, я вынулъ его изъ кармана и, подавая ему его, просилъ указать мнѣ мѣста, которыя произвели на него это впечатлѣніе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что читалъ его внимательно и ему не нужно читать его во второй разъ. Что касается до меня, возразилъ я, я не только читалъ его, но долго думалъ надъ нимъ и не нашелъ въ немъ ничего такого, что противорѣчило бы или не подходило бы къ взгляду, усвоенному в. и. в—вомъ, которому вы до сихъ поръ слѣдовали; что Россія и Франція могутъ часто идти вмѣстѣ, но не слѣдомъ одна за другою. „Я не знаю,—продолжалъ я,—было ли у и—ра намѣреніе дать почувствовать эту послѣднюю истину, но я не удивился бы этому, видя здѣшнюю манеру относиться къ дѣламъ. Я не желаю васъ утомлять, генералъ, кучею доказательствъ, которыя я могъ бы привести въ подтвержденіе моихъ словъ, я приведу два или три, которыя, конечно, убѣдятъ васъ въ непристойности, и даже въ невозможности допустить эту манеру. Напр., съ января мѣсяца я вручилъ гражд. Талейрану таблицы вознагражденій для 6 главныхъ заинтересованныхъ сторонъ. Вмѣсто того, чтобы обсудить ихъ со мною, онъ употребилъ 4 мѣсяца на вывѣдываніе обширности и границъ моихъ полномочій и вдругъ представилъ мнѣ планъ, противоположный тому, который мнѣ поручили ему передать, во многихъ существенныхъ пунктахъ;

par un expédient, qui heureusement avait rencontré l'approbation de mon maître. Il n'y a pas longtemps qu'il me proposa de la même manière un traité à l'égard du roi de Sardaigne, en me pressant également de le signer sous le prétexte d'une urgence qui n'existe et ne peut exister. Enfin tout récemment, lorsque, sur l'offre que vous avez faite vous-même, général, d'augmenter le lot de l'archiduc grand duc de Toscane, l'Empereur m'a autorisé de conclure sur cette base avec vous et l'ambassadeur d'Autriche, vous nommez un plénipotentiaire extraordinaire pour traiter avec celui-ci et vous me faites écarter des conférences. J'ose vous demander à vous-même, si c'est là remplir les devoirs que vous impose le concert parfait et intime, dont vous êtes convenu avec S. M. I.?" Il m'interrompit alors pour me dire avec un ton extrêmement radouci qu'il était trop franc et trop loyal pour me dissimuler le motif qui l'avait ainsi déterminé; qu'il avait cru pouvoir profiter de cette circonstance pour porter la cour de Vienne à reconnaître tout ce qui s'était fait en Italie; qu'il savait fort bien qu'à cause du roi de Sardaigne je n'y donnerais pas les mains; qu'il espérait cependant que lorsque cette pierre d'achoppement serait levée moyennant les offres de dédommagement qu'il a fait faire pour ce prince, V. M. I. donnerait également son assentiment à cet état de choses en Italie; qu'en revanche il offrait le sien pour tout ce qui s'était fait à l'égard de la Pologne et qui n'é-

---

при этомъ онъ торопилъ меня принять его и немедленно подписать. Вы видѣли, генералъ, въ какое я былъ поставленъ затрудненіе; я вышелъ изъ него только благодаря способу, который, къ счастью, былъ одобренъ моимъ государемъ. Недавно онъ точно также предложилъ мнѣ договоръ относительно сардинскаго короля и торопилъ меня опять-таки подписать его подъ предлогомъ крайней нужды, которой не существуетъ и не можетъ существовать. Наконецъ недавно, когда въ отвѣтъ на предложеніе, которое вы сдѣлали сами, генералъ, увеличить долю эрцгерцога, вел. герцога тосканскаго, и—ръ уполномочилъ меня заключить на этомъ основаніи съ вами и съ австрійскимъ посланникомъ договоръ, вы назначаете чрезвычайнаго уполномоченнаго для переговоровъ съ послѣднимъ и устраняете меня отъ конференцій. Осмѣлюсь спросить у васъ самихъ, значитъ ли это исполнять обязанности, которыя налагаетъ на васъ полное и искреннее согласіе, въ которомъ вы условились съ е. и. в—вомъ?" Тогда онъ прервалъ меня и сказалъ мнѣ чрезвычайно кротко, что онъ слишкомъ откровененъ и честенъ, чтобы скрыть отъ меня причину, заставившую его такъ поступить; онъ думалъ, что можетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы заставить вѣнскій дворъ признать все, что произошло въ Италіи; онъ очень хорошо зналъ, что изъ-за сард. короля я не приложу къ этому рукъ; впрочемъ онъ надѣется, что, когда этотъ камень

tait pas encore reconnu par la France; que quoique ce défaut de reconnaissance respective n'influât pas sur le fait de possession réelle de part et d'autre, il n'était peut-être pas indifférent de le faire cesser en faisant par là rasseoir les esprits des habitants qui fermentaient dans l'espoir de trouver un appui dans l'une ou l'autre puissance; qu'il me recommandait très fortement de représenter et de faire valoir cet objet sous ce point de vue, ainsi que de ne pas empêcher l'ambassadeur comte de Cobenzl, comme on le lui avait dit, d'adhérer aux propositions accessoires qu'on lui faisait. Je lui ai répliqué que ce qu'il venait de me dire, au sujet du motif qui l'avait engagé à traiter séparément avec le comte de Cobenzl, loin de détruire mes assertions, leur donnait un nouveau poids et confirmait les plaintes que je viens d'exprimer sur le défaut de confiance qui régnait dans le concert auquel il était engagé envers S. M. I.; que dans les modifications qu'il avait offertes à V. M. il n'a été question d'aucune condition nouvelle, dont elles dussent dépendre; qu'en effet je ne pouvais en traiter sur un autre pied et que je l'invitais à se montrer dans cette affaire aussi généreux et aussi désintéressé que V. M. I. qui n'y avait d'autres but que celui de pacifier et de tranquilliser une partie aussi essentielle de l'Europe que l'était l'Allemagne. J'y ai ajouté que jamais je n'avais empêché le comte de Cobenzl d'adhérer aux ouvertures qu'on lui faisait sur l'Italie, mais

---

претнновенія будетъ устраненъ посредствомъ предложеній вознагражденія, которое онъ устроилъ для этого принца, в. и. в—во точно также согласитесь признать этотъ порядокъ вещей въ Италіи; взамѣнъ того онъ даетъ свое согласіе на все, что произошло въ Польшѣ и еще не было признано Франціей; хотя этотъ недостатокъ взаимнаго признанія и не имѣетъ вліянія на дѣйствительность владѣнія тою и другою стороной, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, не безразлично было бы прекратить его и такимъ образомъ успокоить умы жителей, которые возбуждаются надеждою найти поддержку той или другой державы; онъ очень просилъ меня представить и отстаивать этотъ предметъ съ этой точки зрѣнія, а также не препятствовать посланнику, гр. Кобенцлю, какъ ему сказали, согласиться на сдѣланныя ему дополнительныя предложенія. Я возразилъ ему, что то, что онъ мнѣ сказалъ о причинѣ, заставившей его договариваться отдѣльно съ гр. Кобенцлемъ, не только не уничтожаетъ моихъ увѣреній, но придаетъ имъ новый вѣсъ и подтверждаетъ высказанныя мною жалобы на недостатокъ довѣрія въ его дружескихъ отношеніяхъ къ в. и. в—ву. Я сказалъ, что въ измѣненіяхъ, которыя онъ предложилъ в. в—ву, не было рѣчи ни о какомъ новомъ условіи, отъ котораго они должны бы были зависѣть; что, въ самомъ дѣлѣ, я не могъ договариваться объ нихъ иначе и что я прошу его выказаться въ этомъ дѣлѣ столь же великодушнымъ и

que je ne manquerais pas de le faire, s'il m'en faisait mention aussi longtemps que les engagements que le 1-r consul avait contractés envers V. M. I. par rapport au roi de Sardaigne ne seraient point remplis; qu'au surplus le comte de Cobenzl avait ses instructions d'après lesquelles probablement il se dirigerait, tout comme moi par les miennes qui me dictent tout le contraire de ce qu'il paraît vouloir de moi, et que je le priais de faire abstraction de ce qu'il venait de me dire à ce sujet et d'aborder celui que j'étais autorisé de traiter avec lui. Je vins donc à lui parler du projet de convention que le comte Cobenzl, après me l'avoir communiqué préalablement, avait remis à Joseph Bonaparte et dont je joins ici copie. Il m'a dit que ce projet avait déjà passé sous ses yeux et qu'il n'en pouvait admettre que 3 points principaux, savoir, Trente et Brixen à la maison d'Autriche, pour couvrir tous les sacrifices que le plan d'indemnités lui imposait, et l'évêché d'Eichstædt en augmentation du lot du grand duc de Toscane avec le bonnet électoral. Comme en effet tout supplément ultérieur ne pouvait être pris que sur l'électeur de Bavière, je n'ai pas cru devoir y insister; mais à la réquisition du comte de Cobenzl j'ai beaucoup appuyé sur ce que les 2 faubourgs de Passau, Innstadt et Iltsstadt, séparés de la ville par la rivière, restassent à la partie de l'évêché de ce nom assignée au grand-duc de Toscane, motivant cette demande par la consi-

---

безкорыстнымъ, какъ в. и. в—во, который не имѣлъ тутъ другихъ цѣлей, какъ только умиротворить и успокоить такую важную часть Европы, какъ Германія. Я прибавилъ къ этому, что никогда не препятствовалъ гр. Кобенцлю присоединиться къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ему относительно Италіи, но что я не премину это сдѣлать, если онъ будетъ напоминать мнѣ объ этомъ до тѣхъ поръ, покуда обязательства, заключенныя 1-мъ консуломъ съ в. и. в—вомъ относительно сардинскаго короля, не будутъ исполнены; что сверхъ того у гр. Кобенцля есть свои инструкціи, которыми онъ, вѣроятно, и будетъ руководиться, подобно тому, какъ и я руковожусь своими, которыя предписываютъ мнѣ совершенно противное тому, чего онъ отъ меня желаетъ, и что я прошу его оставить въ сторонѣ то, чтó онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, и приступить къ тому, о чемъ я уполномоченъ договариваться съ нимъ. Такимъ образомъ я заговорилъ съ нимъ о проектѣ конвенціи, который графъ Кобенцль, предварительно сообщивъ его мнѣ, передалъ Іосифу Бонапарту; я присоединяю здѣсь его копію. Онъ сказалъ мнѣ, что уже видѣлъ этотъ проектъ, и что онъ не можетъ въ немъ допустить только 3-хъ главныхъ пунктовъ, а именно: Тріентъ и Бриксенъ австрійскому дому для покрытія всѣхъ жертвъ, предписываемыхъ ему планомъ вознагражденій, и Эйхштедтское епископство, какъ прибавку къ долѣ вел. герцога тосканскаго съ курфюршеской шапкой.

dération d'une frontière plus naturelle et plus convenable pour les deux parties. Cependant tout ce que j'ai pu obtenir et qu'on m'a fait valoir comme un grand effort de condescendance envers V. M. I., c'est que l'électeur de Bavière s'engagerait à ne point faire de nouvelles fortifications dans la ville de Passau, ni d'en élever aucune dans les 2 faubourgs. Ensuite nous en vînmes aux affaires de Malte, sur lesquelles le 1-r consul s'est montré tout-à-fait facile. Il m'a dit qu'il adhérait en plein au projet d'articles que V. M. I. a fait remettre au général Hédouville et qu'il allait incessamment faire écrire à l'ambassadeur de France à Londres pour le charger d'inviter cette cour à y accéder. Enfin, pour dernier objet de discussion ministérielle, je l'ai entretenu des intentions et des vœux que V. M. I. avait manifestés dans ses lettres à lui et dans ses ordres à moi par rapport à la Suisse. Il s'en référa à ses réponses à V. M., à ses déclarations publiques sur le désintéressement de son intervention dans ses affaires, au discours, qu'il avait adressé aux députés de la Suisse, discours dont m. de Talleyrand m'a fait lecture et dans lequel en résumé le 1-r consul leur dit qu'au rétablissement près des privilèges, ils étaient les maîtres d'organiser leur existence civile, comme bon leur semblerait, mais que leur existence politique doit être inséparablement unie à celle de la France. Je lui ai observé que cette condition seule prouvait contre l'indépendance qu'on

---

Такъ какъ, дѣйствительно, всякая будущая прибавка могла быть взята только у курфюрста баварскаго, я не счелъ нужнымъ на этомъ настаивать; но по требованію гр. Кобенцля я сильно настаивалъ на томъ, чтобы оба предмѣстья Пассау, Инштадтъ и Ильцштадтъ, отдѣленные отъ города рѣкою, остались за епископствомъ этого имени, назначеннымъ вел. герцогу тосканскому; я мотивировалъ эту просьбу значеніемъ границы, болѣе естественной и удобной для обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ все, чего я могъ достигнуть и что было выставлено, какъ огромная уступка в. и. в—ву — это обязательство со стороны курфюрста баварскаго не строить новыхъ укрѣпленій ни въ городѣ Пассау, ни въ обоихъ предмѣстьяхъ. Затѣмъ мы перешли къ дѣламъ Мальты, въ которыхъ 1-й консулъ оказался вполнѣ уступчивымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ присоединяется къ проекту статей, который в. и. в—во велѣли передать генералу Эдувилю, и что онъ немедленно прикажетъ написать французскому посланнику въ Лондонѣ и поручить ему пригласить этотъ дворъ присоединиться къ этому. Наконецъ, въ заключеніе министерскихъ преній, я бесѣдовалъ съ нимъ о намѣреніяхъ и желаніяхъ, которыя в. и. в—во выразили въ вашихъ письмахъ къ нему и въ вашихъ приказаніяхъ мнѣ относительно Швейцаріи. Онъ сослался на свои отвѣты в. и. в—ву, на свои публичныя заявленія о безкорыстіи своего вмѣшательства въ ея дѣла, на рѣчь,

demandait pour cette nation. Il prétendit qu'elle ne peut, ni ne doit exister autrement. Que répondre à un homme qui y tient 30,000 hommes, tandis que de toutes les puissances V. M. I. est la seule qui daigne élever sa voix en sa faveur? Au reste, parmi les députés nombreux de cette nation, qui se trouvent actuellement à Paris et dont il en est quelques-uns de ma connaissance, aucun n'a osé se présenter chez moi, ni que je sache chez aucun de mes collègues. Il est probable qu'ils en ont eu la défense la plus stricte. — Ici finit l'entretien ministériel et commença une conversation familière, dans laquelle il me témoigna son intérêt et son attachement pour V. M. I., ainsi que son désir de cultiver avec elle l'amitié la plus sincère et la bonne harmonie la plus constante. Il se plaignit encore de l'Angleterre, prétendant que c'est elle qui l'empêchait de se livrer à des sentiments tout-à-fait pacifiques en agitant la Suisse par le moyen d'un émissaire nommé Moore qu'elle tient à Constance, et en cherchant même à troubler l'Italie. Il me raconta à ce sujet l'anecdote du prince Moliterno, qui avait livré Naples aux français et qui faisait depuis quelque temps son séjour à Paris, avançant qu'il avait formé le complot de livrer cette fois-ci Naples aux anglais, le leur avait proposé, et qu'ils étaient entrés en négociation avec lui; qu'allant en Angleterre pour conclure cette affaire, il le fit

---

съ которою онъ обратился къ депутатамъ Швейцаріи и которую читалъ мнѣ г. Талейранъ; въ ней вкратцѣ 1-й консулъ говоритъ имъ, что, за исключеніемъ возстановленія привилегій, они могутъ устроить свой гражданскій бытъ, какъ имъ угодно, только ихъ политическое существованіе должно быть неразрывно связано съ Франціей. Я замѣтилъ ему, что уже одно это условіе нарушаетъ независимость, которую требуютъ для этой націи. Онъ полагаетъ, что послѣдняя не можетъ и не должна существовать иначе. Чтó отвѣчать человѣку, который держитъ тамъ 30.000 солдатъ, между тѣмъ какъ в. и. в—во одни изъ всѣхъ другихъ державъ благоволите возвышать свой голосъ въ пользу этой націи? Къ тому же никто изъ многочисленныхъ швейцарскихъ депутатовъ, проживающихъ теперь въ Парижѣ и отчасти знакомыхъ мнѣ лично, не посмѣлъ представиться ни мнѣ, ни, сколько мнѣ извѣстно, кому-либо изъ моихъ товарищей. Возможно, что имъ стрóго воспрещено это.—Тутъ кончилось министерское совѣщаніе и началась частная бесѣда. Онъ заявилъ свое участіе и привязанность къ в. и. в—у, а также свое желаніе поддерживать самую искреннюю дружбу и самое прочное согласіе съ вами. Онъ опять жаловался на Англію, увѣряя, что она-то мѣшаетъ ему предаваться вмѣстѣ мирнымъ чувствамъ, волнуя Швейцарію съ помощью эмиссара Мура, проживающаго въ Констанцѣ, и стараясь даже возмутить Италію. По этому поводу онъ разсказалъ мнѣ исторію съ княземъ Молитерно. Этотъ князь выдалъ

arrêter à Calais et qu'on a trouvé sur lui tous les papiers qui y étaient relatifs. Il me renvoya au marquis de Gallo pour acquérir sur ce fait des notions plus étendues et plus précises. Je les avais déjà. En effet ce prince de Moliterno ayant fait connaissance avec quelques anglais et irlandais qui étaient venus à Paris, les entretint de paroles et d'écrits de ce projet; mais aussitôt qu'il fût parvenu à la connaissance du ministère anglais, il en donna information à Naples et ici au marquis de Gallo, et s'est sur la réquisition de ce dernier que le 1-r consul fit arrêter et conduire Moliterno au Temple, où il est encore détenu.... Comme nous étions prêts à nous séparer, je n'ai pas voulu le quitter sans lui demander la radiation de m. le duc de Richelieu et une augmentation de traitement pour madame la duchesse d'Orléans. Il me promit de très bonne grâce l'une et l'autre et m'assura, qu'il donnerait incessamment des ordres pour que la radiation de m. de Richelieu fût expédiée et que la pension de madame d'Orléans, de 100,000 livres qu'elle était, fût portée à 200,000 livres. — Il était 1 h. après minuit lorsque le 1-r consul me congédia; cependant j'ai eu le temps de passer encore chez m. de Talleyrand pour lui rendre compte de ce qui s'était dit entre le 1-r consul et moi. Ce loyal ministre me nia courageusement ce que m'avait dit Bonaparte de la condition qu'il voulait imposer à la cour

---

Неаполь французамъ и, нѣсколько времени тому назадъ, поселился въ Парижѣ; но здѣсь онъ устроилъ заговоръ, чтобы выдать Неаполь англичанамъ, и вошелъ съ ними въ переговоры. Онъ уже отправлялся въ Англію, чтобы покончить это дѣло, но былъ арестованъ въ Кале: при немъ нашли бумаги, относившіяся къ заговору. 1-й консулъ совѣтовалъ мнѣ обратиться къ маркизу де-Галло за болѣе подробными и точными свѣдѣніями по этому дѣлу. Но я уже имѣлъ ихъ. Дѣйствительно, этотъ князь Молитерно свелъ знакомство съ нѣсколькими англичанами и ирландцами, прибывшими въ Парижъ, и сносился съ ними устно и письменно по поводу этого проекта. Но какъ только англійское министерство узнало объ этомъ, оно дало знать въ Неаполь и здѣсь маркизу де-Галло, и по требованію послѣдняго 1-й консулъ велѣлъ арестовать его и посадить въ Тампль, гдѣ онъ и теперь содержится... При разставаньѣ, я не хотѣлъ уйти, не попросивши его исключить герцога Ришелье изъ списка опальныхъ и увеличить содержаніе герцогини Орлеанской. Онъ весьма милостиво обѣщалъ исполнить обѣ просьбы и увѣрилъ меня, что немедленно прикажетъ отправить герцогу Ришелье бумагу объ его исключеніи изъ списка и возвысить пенсію герцогини Орлеанской со 100 до 200 тысячъ ливровъ.—Былъ 1 ч. ночи, когда 1-й консулъ отпустилъ меня. Но я нашелъ время зайти еще къ г. Талейрану, чтобы доложить ему о моемъ разговорѣ съ 1-мъ консуломъ. Этотъ честный министръ храбро отрицалъ то, что сказалъ

de Vienne par rapport à l'Italie, me soutenant qu'il ne serait question de rien autre chose avec cette cour et la nôtre que de régler définitivement l'affaire des indemnités. Je lui ai répondu, que j'aimais mieux sa dénégation que l'aveu du 1-r consul, parce qu'elle me mettait tout-à-fait à l'aise sur l'objet qui intéressait le plus V. M. I.

Pétersbourg. Paris, 1802, 127. Подлинникъ.

№ 235.—Воронцовъ Моркову.

Петербургъ, 12/24 декабря 1802.

Угодно е. и. в—ву, чтобы в. с—во, собравъ свѣдѣніи по всѣмъ статьямъ приложенной у сего записки, доставили сюда подробное онымъ описаніе и притомъ извѣстилися бы, позволяетъ ли французское правительство иностранцамъ участвовать въ училищахъ, для воспитанія инженеровъ и артиллеристовъ учрежденныхъ; и въ случаѣ, что иноземнымъ ученіе въ оныхъ возбраняется, можно ли надѣяться получить на сіе позволеніе по учиненіи на то домогательства? О семъ прошу я в. с—во извѣдать съ надлежащею осторожностью, дабы, въ случаѣ предвидимой невозможности, не сдѣлать напрасной поступи. —Армія короля сардинскаго изобиловала искусными инженерными и артиллерійскими офицерами. Присоединеніе Пьемонта къ Франціи не понудитъ ли кого изъ нихъ, оставя новое ихъ отечество, перейти въ нашу службу, а равномѣрно нѣтъ ли хорошихъ по сей части французскихъ офицеровъ, коихъ бы склонить можно было переселиться въ Россію? В. с—во, собравъ подъ рукою подробныя о всемъ свѣдѣніи, благоволите мнѣ оныя доставить для поднесенія Государю Императору. Сія часть у насъ довольно еще, такъ сказать, въ ребячествѣ, а сколь она нужна для всякаго государства и обороны онаго, в. с—во признаете; а потому не сомнѣваюсь я, чтобы вы не потщились съ всевозможнымъ раченіемъ свѣдѣнія, отъ васъ требуемыя, сюда доставить. Вы Государю Императору тѣмъ бóльшую угодность сдѣлаете. Е. в-во весьма на сердцѣ

мнѣ Бонапартъ объ условіи, которое онъ желалъ наложить на вѣнскій дворъ относительно Италіи: онъ утверждалъ, что между вѣнскимъ и нашимъ дворомъ ни о чемъ иномъ не можетъ быть рѣчи, кромѣ окончательнаго рѣшенія дѣла о вознагражденіяхъ. Я отвѣчалъ, что его отрицаніе больше мнѣ по душѣ, чѣмъ признаніе 1-го консула, такъ какъ оно совершенно облегчаетъ мнѣ дѣло, которое наиболѣе интересуетъ в. и. в—во.

имѣть изволитъ сію часть въ устройство привесть. — На случай, если не усмотрите вы затрудненія въ принятіи въ сихъ французскихъ школахъ людей, которые бы отсюда для обученія туда посланы быть могли, нужно бы также знать, сколько надобно будетъ на каждаго изъ нихъ иждивенія употребить.

Pétersbourg. Paris, 64. Черновая.

№ 236.—Записка Воронцова для Моркова.

12/24 décembre 1802.

*) L'artillerie française a de tout temps joui d'une grande réputation, fondée sur le mérite des officiers qui la composaient, et l'instruction généralement répandue et entretenue dans ce corps par les soins du gouvernement, qui lui avait acquise une supériorité non contestée sur toutes celles des autres pays; maintenant on en doit présumer encore davantage par l'expérience de 12 années de guerre, qui a nécessairement dû perfectionner cet arme en France. Ces considérations ont faits naître à S. M. I. le désir de connaître l'état actuel de l'artillerie française et les moyens que le gouvernement entreprend pour l'instruction des officiers de ce corps. Afin de remplir les vues de S. M. il est nécessaire de prendre les renseignements suivants. — 1) Les procédés qu'on suit pour la composition du métal, sa fonte, la confection des moules et le coulage des pièces.—2) Les proportions de toutes les parties des pièces de bataille et de siége d'après leur calibre, ainsi que les épreuves qu'on leur fait subir avant leur réception.—3) Des effets des

---

12/24 декабря 1802.

*) Французская артиллерія всегда пользовалась большою славой, благодаря достоинству своихъ офицеровъ и обученію, которое вообще распространено и поддерживается заботами правительства въ этомъ вѣдомствѣ и доставило ей неоспоримое превосходство надъ артиллеріей всѣхъ другихъ странъ; а въ настоящее время она, надо полагать, стала еще выше, благодаря 12-лѣтнему военному опыту, который неизбѣжно долженъ былъ усовершенствовать этотъ родъ оружія во Франціи. Въ силу этихъ соображеній, у е. и. в—ва зародилось желаніе узнать современное состояніе французской артиллеріи и мѣры, которыя предпринимаетъ правительство для обученія офицеровъ этого вѣдомства. Чтобы исполнить желаніе е. в—ва, нужно собрать слѣдующія свѣдѣнія:—1) Пріемы составленія металла, его плавки, формовки и литья орудій.— 2) Размѣры всѣхъ частей боевыхъ и осадныхъ орудій по ихъ калибру, а также

avant-trains, des caissons et de tout l'attirail nécessaire pour le service des pièces. — 4) Pour les mortiers et les haubusiers avoir les mêmes détails ainsi que sur l'artillerie à cheval. — Il sera nécessaire pour plus de clarté de joindre à cela des desseins. - 5) Combien d'écoles d'artilleries et de génie se trouvent maintenant en France, quelle est leur organisation et d'où sont pris les professeurs? — 6) Comment y sont placés les élèves, quelle instruction exige-t-on d'eux avant de les recevoir dans ces écoles et quel méthode suit-on pour l'instruction, ainsi que les sciences, qu'on y enseigne? — 7) Comment reçoit-on les officiers d'artillerie et de génie dans leurs corps, quels principes l'on a pour leur avancement? — L'intention de S. M. I. étant aussi d'envoyer quelques jeunes gens en France pour s'instruire dans les écoles d'artillerie et de génie, il est nécessaire de connaître, si le gouvernement français ne s'opposera pas à cela et à combien devra se monter l'entretien de chaque élève.

Pétersbourg. Paris, 1802, 64. Списокъ.

№ 237.—Морковъ Воронцову.

Paris, 17/29 décembre 1802.

*) Quoique par les lettres de v. exc., qui accompagnaient le rescrit impérial qui m'est parvenu par la voie de Vienne j'eus bien vu

---

пробы, какимъ подвергаютъ ихъ предъ пріемкой.—3) Принадлежности передковъ, зарядныхъ ящиковъ и всего необходимаго для дѣйствія изъ орудій. — 4) Собрать тѣ же подробности для мортиръ и гаубицъ, а равно и для конной артиллеріи. Для бóльшей ясности необходимо приложить рисунки.—5) Сколько теперь во Франціи артиллерійскихъ и инженерныхъ школъ? Какая у нихъ организація, и откуда набираютъ учителей?—6) Какъ помѣщаются ученики? Какихъ познаній требуютъ отъ нихъ при поступленіи въ школы? Каковъ методъ обученія и какія преподаются науки?—7) Какъ принимаютъ въ составъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ и какія правила ихъ повышенія? — Е. и. в—во намѣренъ также послать нѣсколько молодыхъ людей во Францію учиться въ артиллерійскихъ и инженерныхъ школахъ. Поэтому необходимо узнать, не воспротивится ли этому французское правительство, а также во чтó обойдется содержаніе каждаго воспитанника?

Парижъ, 17/29 декабря 1802.

*) Хотя изъ писемъ в. с—ва, которыми сопровождался императорскій рескриптъ, полученный мною черезъ Вѣну, я хорошо понялъ, что вы желали,

que son intention n'était pas qu'il fût communiqué, du moins en son entier, au gouvernement d'ici, j'ai cependant agi en sens contraire et je dois justifier devant elle le motif qui m'y a déterminé. J'ai cru d'abord devoir en faire part à l'ambassadeur comte de Cobenzl d'autant plus que cette expédition ayant été apportée par un courrier de sa cour, je ne pouvais pas douter qu'il n'en eût connaissance. Il a été le premier à me presser d'en faire l'usage que j'en ai effectivement fait, et lorsque je lui en ai demandé la raison, il m'a dit que dans les différentes discussions qu'il a eûes avec le ministère d'ici toutes les fois qu'il objectait le besoin de se référer à la Russie m. de Talleyrand répondait, que la Russie signerait toujours tout ce qu'il voudrait. Par mes propres rapports antérieurs à l'entrée de v. e. dans le ministère, elle a vu ou peut voir que j'ai été souvent dans le cas de me plaindre que, lorsque je faisais quelques représentations qui contrariaient les vues de ce cabinet, on me répondait qu'on savait, soit directement de Pétersbourg, soit par l'intermédiaire de la cour de Berlin, que j'y attachais plus d'importance que la nôtre n'y en mettait. J'ai donc cru devoir profiter de ce rescrit conçu et rédigé dans les termes propres à la dignité d'un grand souverain et d'une grande cour, pour fixer authentiquement le ton sur lequel les deux gouvernements doivent désormais se parler et traiter ensemble, et en effet, malgré la petite explosion d'humeur qu'il avait excitée dans l'esprit du 1-r consul, je dois attribuer à cette com-

---

чтобы я не сообщалъ его, по крайней мѣрѣ цѣликомъ, здѣшнему правительству, но я поступилъ противоположно и долженъ объяснить причины, побудившія меня къ тому. Прежде всего я счелъ долгомъ довести о немъ до свѣдѣнія посланника, графа Кобенцля, тѣмъ болѣе, что я получилъ его черезъ курьера его двора, а потому не могъ сомнѣваться, что̀ онъ извѣстенъ ему. Онъ первый понуждалъ меня употребить его въ дѣло, что̀ я и исполнилъ; и когда я спрашивалъ у него объясненій, онъ сказалъ, что всякій разъ, какъ онъ, въ разговорахъ съ здѣшнимъ министерствомъ, указывалъ на необходимость снестись съ Россіей, г. Талейранъ отвѣчалъ, что Россія всегда подпишетъ все, что̀ ему угодно. Изъ моихъ собственныхъ донесеній, до вступленія в. с—ва въ министерство, вы видѣли или могли видѣть, какъ часто мнѣ приходилось жаловаться на то, что, какъ только я сдѣлаю представленія, противныя видамъ этого кабинета, мнѣ прямо отвѣчаютъ: мы-де знаемъ, то прямо изъ Петербурга, то черезъ берлинскій дворъ, что вашъ дворъ не придаетъ этому такого значенія. Вотъ почему я счелъ долгомъ воспользоваться этимъ рескриптомъ, составленнымъ въ выраженіяхъ, достойныхъ великаго государя и великаго двора, съ тѣмъ, чтобы документально установить тонъ, которымъ отнынѣ должны говорить, вести свои дѣла оба правительства. И дѣйствительно,

munication et le ton plus conciliant et plus doux qu'il a mis dans le reste de son entretien avec moi, et les facilités qu'il a enfin apportées à la conclusion de l'arrangement avec la cour de Vienne. V. e. sait par mes précédents rapports qu'on voulait insérer dans cet arrangement plusieurs clauses onéreuses et mortifiantes pour l'Autriche, comme celle de ne pouvoir dans aucun cas introduire de troupes dans les possessions du grand-duc de Toscane, de détacher de l'évêché d'Eichstædt plusieurs baillages sans aucun dédommagement et de rendre Passau à l'électeur de Bavière sans aucune condition. C'est sur mes représentations, que toutes ces clauses ont été élaguées et qu'on a mis la restriction concernant les fortifications de la ville de Passau et de ses deux faubourgs. J'ai cru de la justice d'insister sur ce dernier point, vû la situation des deux faubourgs au confluent de trois rivières, sur la rive de la partie de l'évêché adjugée au grand-duc de Toscane. Cette position, fortifiée par les français, alliés de la Bavière, aurait pu être rendue inexpugnable et ouvrait l'entrée des états de la maison d'Autriche.— D'abord après la signature de l'acte que je porte aujourd'hui aux pieds de l'Empereur j'ai été le montrer à m. de Talleyrand qui m'a témoigné son étonnement de l'omission que l'on a faite de ces mêmes clauses, me disant que le 1-r consul y tenait beaucoup et qu'il lui en avait parlé dans la matinée même du jour de cette signature, et qu'en

---

несмотря на легкую вспышку недовольства со стороны 1-го консула, я долженъ приписать этому сообщенію, какъ болѣе примирительный и мягкій тонъ въ его дальнѣйшемъ разговорѣ со мной, такъ и уступчивость, которую онъ выказалъ наконецъ въ рѣшеніи дѣла съ вѣнскимъ дворомъ. В. с—ву извѣстно изъ моихъ прежнихъ донесеній, что въ это рѣшеніе намѣревались внести много обременительныхъ и оскорбительныхъ для Австріи условій, какъ-то: ни въ какомъ случаѣ не вводить войскъ во владѣніе великаго герцога тосканскаго, отнять много округовъ отъ епископства Эйхштедтъ безъ вознагражденія и безъ всякихъ условій возвратить Пассау курфюрсту баварскому. Только вслѣдствіе моихъ представленій, всѣ эти требованія были урѣзаны и сдѣлано ограниченіе относительно укрѣпленій города Пассау и его двухъ предмѣстій. Я считалъ справедливымъ настаивать на этомъ послѣднемъ условіи, въ виду положенія обоихъ предмѣстій, у сліянія трехъ рѣкъ, на берегу той части епископства, которая присуждена великому герцогу тосканскому. Еслибы союзники Баваріи, французы, укрѣпили эту позицію, она стала бы неприступною и открывала бы входъ во владѣнія австрійскаго дома.—Только по подписаніи акта, который повергаю сегодня къ стопамъ императора, я показалъ его г. Талейрану. Онъ удивился опущенію именно этихъ условій и сказалъ, что 1-й консулъ очень дорожитъ ими и не далѣе, какъ утромъ въ

un mot elles étaient nommément insérées dans le projet d'acte qu'il avait rédigé et envoyé à Joseph Bonaparte. Cette circonstance seule prouve le peu d'ensemble que l'on met ici dans le concert des affaires les plus importantes; au reste, l'ambassadeur comte de Cobenzl, tout en se plaignant de n'avoir pas pu emporter tous les points qu'il avait désirés, m'a témoigné sa satisfaction de voir enfin terminer cette affaire, qui pouvait avoir des suites encore plus fâcheuses pour sa cour; et je crois que celle-ci en ressentira une bien vive en voyant arriver les actes qui la consolident. — Pour donner plus de célérité à leur exécution, il a été convenu que les ratifications du 1-r consul partiraient dès aujourd'hui pour être échangées avec celles de l'empereur d'Allemagne.

Pétersbourg. Paris, 1802, 259. Подлинникъ.

№ 238.—Морковъ Воронцову.

Paris, 17/29 décembre 1802.

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго письма в. с—ва по поводу сообщенныхъ отъ меня отзывовъ виддинскаго паши Пасванъ-Оглу я призывалъ къ себѣ извѣстнаго грека Назо, чрезъ участіе коего оные ко мнѣ дошли. Онъ и прежде отрицался и нынѣ отрекся отъ того, чтобы онъ былъ здѣсь употребляемъ помянутымъ пашею, а увѣрялъ, что живетъ здѣсь по собственнымъ своимъ дѣламъ, а иногда помогаетъ единоземцамъ своимъ въ данныхъ имъ препорученіяхъ; однакожъ со всѣмъ тѣмъ предложилъ мнѣ самъ отвезть къ виддинскому пашѣ отвѣтъ, какой я ему здѣлать за благо разсужу, требуя отъ меня на то только однихъ дорожныхъ денегъ. Сей отзывъ показался мнѣ весьма сомнительнымъ,

---

день подписанія акта, говорилъ ему о нихъ: словомъ, добавилъ онъ, они именно включены въ проектъ акта, который онъ составилъ и послалъ Іосифу Бонапарту. Уже это обстоятельство доказываетъ, какъ мало заботятся здѣсь о согласныхъ дѣйствіяхъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, посланникъ, графъ Кобенцль, при всѣхъ своихъ жалобахъ на то, что ему не удалось отстоять всего желаемаго, выразилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу окончанія этого дѣла, которое могло имѣть еще худшія послѣдствія для его двора, и я думаю, что послѣдній будетъ также очень доволенъ, когда получитъ завершающіе дѣло акты.—Чтобы ускорить ихъ исполненіе, условились, что ратификаціи 1-го консула нынче же будутъ отправлены для обмѣна съ ратификаціями нѣмецкаго императора.

и я возъимѣлъ опасеніе, чтобъ онъ, имѣя въ рукахъ своихъ письмо мое къ помянутому пашѣ, не сообщилъ оное здѣшнему министерству, которое не преминуло бы воспользоваться онымъ къ произведенію у Порты Отоманской подозрѣнія и негодованія на нашъ высочайшій дворъ, разсудивъ притомъ, что естьли в. с—во признавать нужнымъ изволитѣ основать сношеніе съ Пасванъ-Оглу, то существуетъ къ тому вернѣйшій и ближайшій способъ чрезъ посрѣдство агентовъ нашихъ въ Молдавіи и Валахіи.—Мѣжду тѣмъ я спрашивалъ помянутаго Наво, не имѣетъ ли онъ какихъ свѣденій о видахъ Франціи касательно Турціи. Онъ мнѣ сказалъ, что будто отъ одного изъ секретарей, въ южномъ департаментѣ употребляемыхъ, онъ свѣдалъ, что въ данныхъ инструкціяхъ генералу Брюну мѣжду протчимъ предписано стараться о преклоненіи Порты на уничтоженіе въ Молдавскомъ и Валахскомъ княжествахъ господарскаго правленія и совѣтовать ей употребить къ тому слѣдующій способъ, чтобы впустить въ оныя княжества до 20.000 ромелійскихъ разбойниковъ и потомъ прислать пашей, которые бы оныхъ разбойниковъ, давъ имъ въ тѣхъ областяхъ земли, привели въ воинское устройство для обузданія природныхъ жителей, и такимъ бы образомъ утвердили тамъ пашинское правленіе. Вѣры сему предположенію иначе подать не можно, какъ развѣ что Франція, зная наши трактатныя постановленія о Молдавіи и Валахіи, намѣрена ввѣсти Порту Отоманскую въ нарушеніе оныхъ и, возбудя такимъ образомъ войну съ нами, воспользоваться оною къ произвѣденію въ дѣйство питаемыхъ ею видовъ на Эгипетъ или на Морѣю. Я и самъ чувствую важность строгаго наблюденія по сему и ему подобнымъ предмѣтамъ; но долженъ признаться, что мало имѣю къ тому способовъ, ибо сколь предпочтительное къ нашей здѣсь миссіи имѣютъ уваженіе, то столь же оную и подозрѣваютъ и наблюдаютъ всѣ ея подвиги; и ни я, ни люди, къ дому моему привязанные, не можемъ здѣлать ни шагу, о которомъ бы правительство здѣшнее извѣстно не было; а по сему весьма было бы полезно содержать здѣсь человѣка расторопнаго, который, не будучи прямо привязанъ къ моей миссіи, могъ бы имѣть болѣе свободы заводить знакомство съ людьми, обращающимися въ дѣлахъ, и меня увѣдомлять о собираемыхъ имъ свѣденіяхъ.

Pétersbourg. Paris, 1802, 260. Подлинникъ.

№ 239.—Талейранъ Эдувилю.

Paris, 8 nivôse an XI.

*) Le citoyen Joseph Bonaparte a signé hier avec m. de Cobenzl une convention par laquelle on a pris soin de régler les arrangements supplémentaires désirés par l'Autriche en faveur de s. a. r. l'archiduc Ferdinand. M. le comte de Morcoff, qui a pris part à toutes les délibérations, a adhéré, au nom de S. M. I. de Russie, aux stipulations arrêtées, et, en effet, la copie de cet acte que je vous transmets vous donnera et vous servira à donner la preuve du soin particulier que le 1-r consul a mis à s'attacher aux idées de conciliation et d'arrangement qui avaient eu déjà l'assentiment de S. M. l'Empereur de Russie. Pour le fond et pour la forme, cette convention est autant l'œuvre du cabinet de Pétersbourg que de celui de Paris, et vous ne devez pas hésiter à exprimer officiellement la véritable déférence que le gouvernement français a eu en cette occasion pour les désirs de S. M. l'Empereur de Russie.—L'Autriche ne peut manquer d'être satisfaite; si la Bavière éprouve quelque détriment on en diminuera l'effet en lui laissant en totalité l'usage des biens médiats, situés tant dans ses anciennes que nouvelles possessions, et dont il n'aurait pas été spécialement disposé; mais toutes les bases et la presque totalité des détails du plan

---

Парижъ, 17/29 декабря 1802.

*) Вчера гражданинъ Іосифъ Бонапартъ подписалъ съ г. Кобенцлемъ конвенцію, которою постарались утвердить, по желанію Австріи, добавочную сдѣлку въ пользу его королевскаго высочества, эрцгерцога Фердинанда. Графъ Морковъ, принимавшій участіе во всѣхъ обсужденіяхъ, присоединился къ постановленнымъ условіямъ, именемъ е. и. в—ва. И дѣйствительно, посылаемый вамъ списокъ съ этого акта поможетъ вамъ доказать особенное стараніе 1-го консула присоединиться къ основамъ примиренія и сдѣлки, уже получившимъ согласіе е. в—ва императора россійскаго. И по сущности, и по формѣ, эта конвенція—настолько же дѣло петербургскаго, какъ и парижскаго кабинета, и вы, не колеблясь, заявите оффиціально истинное вниманіе къ желаніямъ е. в. императора россійскаго, высказанное по этому случаю французскимъ правительствомъ.—Австрія, конечно, будетъ довольна; а если Баварія потерпитъ нѣкоторый ущербъ, то онъ будетъ сглаженъ тѣмъ, что ей предоставятъ въ полное пользованіе посредственныя земли, расположенныя какъ въ ея старыхъ, такъ и въ новыхъ владѣніяхъ, которыми еще не успѣли распорядиться

d'indemnisation seront soigneusement conservés. Les modifications qu'apporte l'acte du 5 ne seront point étendues, et avec la coopération sincère et puissante de l'Empereur on ne doit pas douter que l'œuvre définitive du règlement des indemnités ne soit à terme dans quelques semaines.—On avait toute espérance à Ratisbonne et à Paris que quand on aurait connaissance à Pétersbourg du large supplément accordé au duc d'Oldenbourg, on cesserait toute réclamation sur ce qui le concernait et je vois avec plaisir par ce que vous a dit le grand-chancelier qu'effectivement l'Empereur est satisfait de l'indemnité de ce prince. — Ce sera à tout jamais un beau chapitre dans l'histoire du temps que cette parfaite union de la France et de la Russie, tant pour concevoir que pour exercer cette médiation aussi nécessaire dans son principe qu'importante par les résultats; et telle est la disposition du 1-r consul à ne rien faire qui puisse troubler cet accord, qu'il consentira à modifier les affaires de Malte conformément au vœu énoncé par S. M. I. De même il verra sans peine et sans opposition que la Russie entretienne quelques troupes dans la république des Sept-Iles et quelques vaisseaux dans ses ports; et si on vous entretenait à Pétersbourg de quelque concert à former pour une petite expédition contre les barbaresques, vous annonceriez que le gouvernement de la république s'y prêterait volontiers. — C'est toujours par un effet des mêmes disposi-

---

спеціально. Впрочемъ всѣ основы и почти всѣ мелочи плана вознагражденій будутъ старательно соблюдаться. Измѣненія, вносимыя актомъ отъ 5-го числа, не будутъ расширяемы, и при искреннемъ, могущественномъ содѣйствіи императора, окончательное рѣшеніе дѣла о вознагражденіяхъ, безъ сомнѣнія. совершится въ нѣсколько недѣль.—Въ Регенсбургѣ и Парижѣ вполнѣ надѣялись, что въ Петербургѣ прекратятся всякія возраженія касательно герцога Ольденбургскаго, какъ только тамъ узнаютъ о щедрой ему надбавкѣ; изъ сказаннаго вамъ великимъ канцлеромъ, я вижу съ удовольствіемъ, что императоръ дѣйствительно доволенъ вознагражденіемъ этого князя.—Это полное согласіе между Франціей и Россіей, какъ въ созданіи, такъ и въ исполненіи этого посредничества, столь необходимаго по своему принципу и важнаго по слѣдствіямъ, составитъ навсегда прекрасную страницу въ исторіи нашего времени. И 1-й консулъ до того желаетъ избѣгать всего, что могло бы нарушить это согласіе, что готовъ на измѣненія въ дѣлахъ Мальты, сообразно съ желаніями, заявленными е. и. в—вомъ. Точно также Россія не встрѣтитъ съ его стороны ни неудовольствія, ни противодѣйствія, если будетъ содержать нѣкоторыя войска въ республикѣ Семи Островов и нѣсколько судовъ въ ея портахъ; и если въ Петербургѣ заговорятъ съ вами о совмѣстномъ дѣйствіи въ маленькой экспедиціи противъ варварійцевъ, возвѣстите, что правитель-

tions, que le 1-r consul a été porté à profiter de la mort du duc de Parme pour procurer au roi de Sardaigne quelque possession dans l'Italie continentale, et à cet égard il a proposé le *Siennois* au moment même, où par un arrangement particulier la cour de Vienne avait reconnu tous les changements survenus en Italie et notamment la réunion du Piémont au territoire français. — J'ajoute par rapport au duc d'Oldenbourg que si on revenait à vous parler du péage d'Elsfleth, ce qu'il faut répondre c'est que le duc ne peut pas espérer d'avoir à la fois le péage et une partie quelconque de son indemnité. Ou le péage, ou l'indemnité, aucun partage, aucune transaction ne sont possibles à cet égard. C'est toujours dans ce sens qu'on a écrit à Ratisbonne, et certainement l'indemnité est de beaucoup préférable au péage.

Paris. 142, 47. Черновая.

№ 240.—Воронцовъ Моркову.

Петербургъ, 20 декабря 1802 (1 января 1803).

Мы все въ ожиданіи курьера, котораго вы обѣщали сюда отправить; но буде посылка его зависитъ отъ окончанія дѣлъ между вѣнскимъ дворомъ и французскимъ правительствомъ касательно до улучшенія жребія герцога тосканскаго, то едва ли оно такъ скоро рѣшится.—Не скрою я отъ в. с—ва удивленія моего о чудномъ поведеніи вѣнскаго двора, особливо посла ихъ въ Парижѣ, относительно сей матеріи. Естьлибъ сей посолъ сначала не отвергнулъ французскаго прѐдложенія, то болѣе бы уже двухъ мѣсяцовъ, какъ Ейхстетъ герцогу тосканскому былъ бы уступленъ и недоброжелательствующіе вѣн-

---

ство республики охотно пойдетъ на это.—Въ силу все того же расположенія, 1-й консулъ рѣшился воспользоваться смертью герцога пармскаго, чтобы доставить сардинскому королю какое-нибудь владѣніе на материкѣ Италіи; съ этою цѣлью онъ предложилъ ему *Сіенну* въ ту самую минуту, когда вѣнскій дворъ призналъ особою сдѣлкой всѣ перемѣны въ Италіи, и именно присоединеніе Пьемонта къ французскимъ владѣніямъ.—Касательно герцога ольденбургскаго, прибавлю, что, еслибы опять заговорили съ вами насчетъ эльсфлетской таможни, вы должны отвѣчать, что пусть герцогъ не надѣется на полученіе разомъ и таможни, и какой-либо части изъ своего вознагражденія.—Или таможня, или вознагражденіе: никакого раздѣла, никакой сдѣлки тутъ быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ всегда писали и въ Регенсбургъ; и, конечно, вознагражденіе гораздо выгоднѣе таможни.

скому двору не успѣли бы сдѣлать ему никакихъ препятствій. Сколько мы ни убѣждали сей дворъ, чтобъ, повинуясь обстоятельствамъ, конечно ему неблагопріятствующимъ, не отвергали бъ они предложенія французскаго, наконецъ только призналъ онъ чистосердечность нашихъ совѣтовъ и сообщилъ намъ, что на семъ основаніи даны отъ него приказанія послу ихъ въ Парижѣ, коему сверхъ того предписано всѣ свои поступки по сей матеріи размѣрять съ общаго согласія съ вами; но и тутъ однакожъ вѣнскій дворъ не могъ удержаться, чтобъ не торговаться; и на случай только совершенной неудачи предписано было послу ихъ кончить сіе дѣло на умѣренныхъ кондиціяхъ. — Получивъ такое извѣщеніе вѣнскаго двора, мы ожидали вскорѣ получить и извѣстіе изъ Парижа, что сіе дѣло желаемой конецъ воспріяло; но, къ удивленію моему, пріѣхавшій на сихъ дняхъ курьеръ изъ Вѣны къ австрійскому повѣренному въ дѣлахъ привезъ намъ разныя сообщенія вѣнскаго двора, между которыми находилось донесеніе посла цесарскаго изъ Парижа и проектъ конвенціи, который симъ посломъ предложенъ французскому правительству. Въ семъ проектѣ конвенціи, вмѣсто того, чтобъ удовольствоваться бискупствомъ Ейхстетъ и секуляризаціей Транта и Бриксена, посолъ включилъ множество нелѣпыхъ требованій, совсѣмъ несообразныхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, требуя въ прибавокъ городъ Аугсбургъ и городъ Нюренбергъ. Я легко себѣ воображаю, сколь такое предложеніе должно было удивить французское правительство. Видно, что сіе-то ихъ и побудило заниматься сочиненіемъ контръ-проекта, такъ какъ в. с—во въ донесеніяхъ своихъ упоминаете, что г. Талейранъ тѣмъ занимается. Вѣнскій дворъ, сообща намъ депешу посла его въ Парижѣ и проектъ конвенціи, сочиненный онымъ посломъ, не скрылъ отъ насъ, что сей поступокъ посла ихъ кабинетомъ вѣнскимъ не одобренъ и что къ нему посланъ курьеръ нарочный съ предписаніемъ, чтобъ онъ старался скорѣе кончить съ французскимъ правительствомъ, не вводя новыхъ требованій. Но между тѣмъ сколько времени потеряно и сколько подано средствъ всей сей сдѣлкѣ препоны чинить!—По откровенности моей къ в. с—ву за долгъ себѣ поставлю сообщить вамъ все то, чтó до свѣдѣнія моего дойти могло о разныхъ движеніяхъ кабинета берлинскаго и баварскаго, когда извѣстились они, что между Франціей и вѣнскимъ дворомъ трактуется о индемнизаціи герцога тосканскаго. Баварскіе министры вездѣ совались, чтобы Ейхстета отъ нихъ не отбирали; а берлинскій дворъ, по вкорененной его ненависти къ вѣнскому, опасался, чтобъ сіе не подало поводу къ сближенію французскаго правительства съ вѣнскимъ кабинетомъ. Изъ

депешъ прусскаго министерства къ графу Гольцу и изъ отзывовъ его здѣсь, какъ скрытны они ни были, весьма видно было, сколь они тѣмъ тревожатся. Г. Лукезини также не оставался недѣятельнымъ въ Парижѣ; и, наконецъ, посредствомъ г. Талейрана удалось ему довести французское правительство, что оно ему нѣкоторое откровеніе учинило о негосіяціи его съ вѣнскимъ дворомъ, о чемъ г. Лукезини тотчасъ дворъ свой увѣдомилъ чрезъ нарочнаго курьера. — Графъ Гаугвицъ, по приказу короля, своего государя, сдѣлалъ о томъ откровеніе г. Алопеусу...

Pétersbourg. Paris, 1802, 62. Подлинникъ.

№ 241.—Морковъ Воронцову.

Paris, 22 décembre 1802 (3 janvier 1803).

*) Après le départ de mon courrier, j'ai reçu deux lettres du comte de Mocénigo datées du 19/31 octobre dernier, dans lesquelles il me témoigne ses appréhensions sur l'instabilité des choses qu'il avait établies dans les Sept-Iles-Unies, aussitôt que les troupes de S. M. l'Empereur en seront retirées, aperçu qui l'avait engagé lui, comte Mocénigo, à s'ouvrir au chargé d'affaires de France, le sieur Romieu, sur cet état de choses, à recourir à ses conseils et à son concours aux mesures projetées par notre auguste cour. C'est tout ce qu'on désirait ici relativement à cet objet. Je m'étais fait une règle d'éviter d'en parler au ministère français; mais comme c'est par m. de Talleyrand que j'ai reçu les lettres en question, et toutes en clair, j'ai dû lui en toucher quelques mots, et il me répondit, qu'il sentait la nécessité non-seulement de faire séjourner plus longtemps nos troupes dans les Sept-Iles, mais

---

Парижъ, 22 декабря 1802 (3 января 1803).

*) По отъѣздѣ моего курьера я получилъ два письма графа Моцениго отъ 19/31 октября. Онъ опасается за прочность порядка вещей, установленнаго имъ на Семи Соединенныхъ Островахъ, какъ только удалятся оттуда войска е. и. в—ва. Это соображеніе заставило его откровенно обратиться къ французскому повѣренному въ дѣлахъ, г. Ромьё, за совѣтомъ и содѣйствіемъ мѣрамъ, которыя предпринимаются нашимъ августѣйшимъ дворомъ. Тутъ только того и ждали относительно этого дѣла. Я поставилъ себѣ за правило избѣгать разговоровъ о немъ съ французскимъ министерствомъ: но такъ какъ помянутыя письма получены мною чрезъ г. Талейрана, и всѣ они не были шифрованы, то я долженъ былъ сказать ему нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ. Онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ необходимость, чтобы наши войска не только

aussi celle de les renforcer jusqu'à la concurrence de 4 à 5,000 hommes. Il partit delà pour y associer et développer une autre idée que le 1-r consul, dans son entretien avec moi, n'a jetée en avant que d'une manière si vague que je n'ai pu en rendre compte. Cette idée est de proposer à notre auguste cour d'envoyer aux Sept-Iles-Unies 3 ou 4 frégates, qui en se joignant à un même nombre de frégates françaises et qui munis d'un firman de la Porte, iraient demander aux puissances barbaresques la livraison de tous leurs bâtiments de course qui seraient conduits et remis à Constantinople, et imposer à ces puissances de vivre désormais de leurs terres et des produits de leurs champs. Les motifs de l'humanité, de la sûreté et de l'honneur des nations ont été étalés dans cette occasion avec toute la profusion, dont ils sont susceptibles. Je me suis chargé de faire passer cette proposition; mais j'ai en même temps observé que la puissance de la nation française seule était suffisante pour atteindre ce but. M. de Talleyrand me répliqua, qu'on aimait ici a partager avec la Russie tout danger, gloire et tous les avantages. Le fait est qu'on voudrait nous embarquer dans quelque discussion sérieuse avec la Porte et prouver à toute l'Europe la conformité de nos vues et de nos principes avec ce gouvernement-ci...

Pétersbourg. Paris, 1802, 265. Подлинникъ.

подольше оставались на Семи Островахъ, но даже были усилены до 4—5 тысячъ. Онъ присоединилъ къ этому и началъ развивать другую мысль, которую 1-й консулъ бросилъ, въ разговорѣ со мной, такъ неопредѣленно, что я не могъ донести о ней. Это—предложить нашему августѣйшему двору послать на Семь Соединенныхъ Острововъ 3 или 4 фрегата, присоединить къ нимъ такое же число французскихъ фрегатовъ, снабдить ихъ фирманомъ Порты и отправить къ варварійскимъ державамъ съ требованіемъ выдать всѣ ихъ пиратскія суда, которыя должны быть приведены и сданы въ Константинополь, а эти державы должны жить отнынѣ своими землями и плодами своихъ полей. При этомъ случаѣ были выставлены интересы человѣколюбія, безопасности и чести націй со всевозможною распространенностью. Я взялся передать это предложеніе, но замѣтилъ въ то же время, что для достиженія этой цѣли достаточно могущества одной французской націи. Г. Талейранъ возразилъ, что здѣсь желали бы раздѣлить съ Россіей всякую опасность, славу и выгоду. Дѣло въ томъ, что имъ хотѣлось бы впутать насъ въ какое-нибудь серьезное препирательство съ Портой и показать всей Европѣ, какъ наше и здѣшнее правительство согласны между собой въ стремленіяхъ и правилахъ...

№ 242.—Рескриптъ Моркову.

Pétersbourg, 24 décembre 1802 (5 janvier 1803).

*) J'ai lu avec beaucoup de satisfaction vos rapports du 4/16 et 8/20 octobre, et je ne puis qu'approuver en tout point la manière, dont vous vous êtes comporté dans vôtre audience particulière chez le 1-r consul, et en général votre conduite à l'égard des différents objets, desquels vous avez à traiter avec le gouvernement français.—C'est avec plaisir que j'ai vu, que le 1-r consul, dans son entretien avec vous, a témoigné le désir de conserver les liens d'amitié et de bonne harmonie qui existent entre les deux puissances. Vous lui direz que je compte sur sa promesse de ne pas disposer de Parme et de Plaisance sans m'en prévenir et que j'attends à présent l'accomplissement des engagements, qu'a pris la France en faisant sa paix avec la Russie et dont rien n'empêche plus l'exécution, le gouvernement français ayant la meilleure occasion possible d'indemniser la maison de Savoye depuis que la mort du duc de Parme a fait disparaître la difficulté des considérations vis-à-vis de l'Espagne, qui avaient pu arrêter le 1-r consul du vivant de ce prince. Quelque sûr que paraisse l'avis qui annonce la prise de possession du duché de Parme au nom de la républiqùe française, je ne puis encore y croire entièrement, ou au moins je me flatte de ne de-

---

Петербургъ, 24 декабря 1802 (5 января 1803).

*) Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ ваши донесенія отъ 4/16 и 8/20 октября и могу только вполнѣ одобрить ваше поведеніе на личной аудіенціи у 1-го консула, а также вообще ваши поступки въ различныхъ дѣлахъ, которыя вы должны были вести съ французскимъ правительствомъ. — Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что 1-й консулъ, въ своемъ разговорѣ съ вами, изъявилъ желаніе сохранять узы дружбы и согласія, связующія обѣ державы. Скажите ему, что я разсчитываю на его обѣщаніе не распоряжаться Пармой и Пьяченцой безъ моего вѣдома и ожидаю теперь исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя Франціей по миру съ Россіей: ничто не препятствуетъ болѣе этому, такъ какъ въ рукахъ у французскаго правительства самый лучшій случай вознаградить савойскій домъ съ тѣхъ поръ, какъ смерть герцога пармскаго устранила препятствія, связанныя съ Италіей, которыя могли останавливать 1-го консула при жизни этого государя. Какъ ни кажется достовѣрнымъ извѣстіе о завладѣніи герцогствомъ Пармскимъ во имя французской республики, я все еще не могу вполнѣ вѣрить ему; по крайней мѣрѣ послѣ

voir pas pour cela, après les assurances positives, que vous a données le 1-r consul, concevoir contre leur véracité des soupçons, qui seraient trop à son désavantage. La nouvelle, comme quoi le ministre de France Cacault a demandé de rechef et obtenu le renvoi du roi de Sardaigne de Rome, peut encore moins se concilier avec les promesses amicales, que le 1-r consul vous a faites à ce sujet; d'autant plus qu'en combinant les dates il paraît que l'ordre d'insister sur le départ du roi doit avoir été donné au sieur Cacault presque dans le même temps, où vous avez eu votre audience. Une contradiction aussi frappante entre la conduite des agents du gouvernement et les discours de son chef n'a pu que me surprendre infiniment et vous ne manquerez pas, en faisant connaître au cabinet des Tuileries tout mon étonnement à cet égard, d'exiger avec instance que sa cause soit redressée au plutôt et que le roi de Sardaigne ressente davantage les effets des protestations que le 1-r consul veut bien me faire en sa faveur. Il serait vraiment fâcheux qu'une parole donnée n'ait plus aucune sorte de valeur, et le gouvernement français, par les sentiments qu'il a toujours manifesté, est fait pour reconnaître, que celui, qui en introduirait l'usage, serait le premier à s'en repentir, en inspirant une mésestime et une méfiance générale. Cela ne conviendrait surtout pas à la dignité d'une grande puissance qui n'a pas besoin de se servir d'aucun détour peu honorable, quand elle

---

положительныхъ увѣреній 1-го консула, льщу себя надеждой, что мнѣ не придется питать сомнѣній въ ихъ справедливости, которыя были бы слишкомъ невыгодны для него. Извѣстіе о томъ, какъ французскій министръ Како снова потребовалъ и добился высылки сардинскаго короля изъ Рима, еще менѣе согласуется съ дружескими обѣщаніями, данными вамъ 1-мъ консуломъ по этому предмету, тѣмъ болѣе, что изъ сопоставленія чиселъ выходитъ, что приказъ настаивать на отъѣздѣ короля, кажется, данъ г. Како почти въ то самое время, когда вы имѣли аудіенцію у 1-го консула. Столь поразительное противорѣчіе между поведеніемъ агентовъ правительства и рѣчами его главы, конечно, крайне удивило меня; и вы не преминете заявить тюльерійскому кабинету все мое изумленіе по этому поводу и затѣмъ настойчиво потребовать, чтобы дѣло сардинскаго короля было поправлено возможно скорѣе и чтобы онъ еще болѣе почувствовалъ дѣйствіе заявленій въ его пользу, которыя 1-му консулу угодно было мнѣ сдѣлать. Было бы прискорбно, еслибы данное слово потеряло всякое значеніе; и французское правительство, въ силу всегда заявляемыхъ имъ чувствъ, какъ бы создано для того, чтобы признать, что тотъ, кто ввелъ бы этотъ обычай, первый раскаялся бы въ этомъ, возбудивши всеобщее неуваженіе и недовѣріе. Въ особенности это не приличествовало бы достоинству великой державы, которая не нуждается въ не очень почтенныхъ

n'a d'autre but que de rester tranquille et heureuse.—J'ai appris avec beaucoup de peine que les troupes françaises étaient entrées en Suisse, malgré que la diète avait accédé aux propositions du 1-r consul. La conduite du gouvernement français aurait besoin de devenir actuellement plus mesurée et plus impartiale que jamais; car il faut avouer que toutes les apparences sont contre lui. La présence des troupes françaises en Suisse et l'envoi des députés à Paris ne peut que donner à toute l'opération un air de contrainte, et il faudrait que les résultats fussent réellement parfaits pour justifier un tel commencement. Vous savez déjà mes sentiments à cet égard, et toutes les fois que vous en trouverez l'occasion, vous les exprimerez avec toute la franchise possible au gouvernement français, afin que, selon la tournure que prendra cette affaire à Paris, on ne puisse avoir aucun doute sur l'opinion que j'en aurai. — Quant aux affaires d'Allemagne, les instructions que je vous ai fait donner ne demandent aucune addition. Vous continuerez à vous employer afin que par une augmentation sortable, accordée au grand-duc de Toscane, l'on obtienne la sanction impériale, et qu'une affaire dont l'Europe est en attente depuis si longtemps soit enfin terminée d'une façon qui laisse à espérer qu'elle ne sera pas bouleversée le moment d'après. Cependant, en demandant une augmentation pour le grand-duc de Toscane, vous insisterez aussi que, si elle est donnée

---

уловкахъ, если только цѣль ея — оставаться спокойной и счастливой. — Мнѣ крайне непріятно было узнать, что французскія войска вступили въ Швейцарію, несмотря на то, что сеймъ принялъ предложенія 1-го консула. Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, поведеніе французскаго правительства должно бы быть умѣреннымъ и безпристрастнымъ, такъ какъ должно признаться, что всѣ внѣшніе факты противъ него. Присутствіе въ Швейцаріи французскихъ войскъ и отправка депутатовъ въ Парижъ могутъ лишь придать всѣмъ дѣйствіямъ видъ принужденія, а нужно, чтобы результаты были дѣйствительно превосходны для оправданія такого начала. Вы уже знаете мои мысли на этотъ счетъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ вы будете высказывать ихъ съ полной искренностью французскому правительству, чтобы, смотря по тому, какой оборотъ приметъ это дѣло въ Парижѣ, не могли нисколько сомнѣваться въ моемъ мнѣніи объ этомъ предметѣ. — Что касается дѣлъ Германіи, то инструкціи, которыя я вамъ далъ, не требуютъ никакихъ дополненій. По прежнему старайтесь добиться императорскаго освященія съ помощью приличной надбавки великому герцогу тосканскому: пусть наконецъ настанетъ давно ожидаемое Европой рѣшеніе дѣла, которое внушало бы надежду, что она не будетъ взволнована минуту спустя. Впрочемъ, требуя прибавки великому герцогу тосканскому, вы настаивайте также на томъ, что

aux dépens de la seule Bavière, une compensation quelconque soit assignée à l'électeur pour sa perte; et comme la France s'est liée elle-même les mains à cet égard, c'est à elle à trouver un équivalent qui engage la cour de Munic à céder volontairement Eichstaedt. Le cabinet de Vienne, qui se prête maintenant à tout ce qui peut terminer l'affaire des indémnités, propose qu'en remplacement de cet évêché, l'électeur de Bavière reçoive la ville d'Augsbourg, ce qui paraîtrait facile à arranger, à moins que le gouvernement français ou plutôt ses employés subalternes, dont la partialité pour les villes libres est connue, n'y trouvent de trop grandes difficultés.

Pétersbourg. Paris, 1802, 21. Подлинникъ.

№ 243.—Воронцовъ Моркову.

Pétersbourg, 24 décembre 1802 (5 janvier 1803).

*) S. M. I. après avoir voulu vous parler elle-même des différents points qui l'intéressent vivement dans les affaires actuelles de l'Italie, de l'Allemagne et de la Suisse, m'a ordonné de plus, qu'au contenu de son rescrit il soit encore ajouté ce qui suit.—La mort du duc de Parme donnant au 1-r consul une occasion de remplir ses engagements envers la Russie, et ne laissant plus aucun prétexte à de nouveaux délais,

---

если ее дадутъ насчетъ одной Баваріи, то и курфюрстъ долженъ будетъ получить вознагражденіе за свой убытокъ. И такъ какъ тутъ Франція сама себѣ связала руки, то она и должна найти награду, которая заставила бы мюнхенскій дворъ добровольно уступить Эйхштедтъ. Вѣнскій кабинетъ, который готовъ теперь на все, чтобы кончить дѣло вознагражденій, предлагаетъ, чтобы курфюрсту баварскому дали городъ Аугсбургъ за это епископство. Это, кажется, легко исполнить, если только не встрѣтится слишкомъ большихъ препятствій со стороны французскаго правительства или, вѣрнѣе, его второстепенныхъ чиновниковъ, пристрастіе которыхъ къ вольнымъ городамъ извѣстно.

Петербургъ, 24 октября 1802 (5 января 1803).

*) Его и. в—во, соблаговоливши самъ говорить съ вами о живо интересующихъ его нынѣшнихъ дѣлахъ Италіи, Германіи и Швейцаріи, приказалъ мнѣ сверхъ того прибавить къ содержанію своего рескрипта слѣдующее.—Такъ какъ смерть герцога парискаго представляетъ случай 1-му консулу исполнить свои обязательства передъ Россіей и не оставляетъ уже ни-

S. M. I. me charge de vous prescrire, m. le comte, que vous ayez à demander formellement au gouvernement français l'exécution des articles de la convention secrète, que vous avez signée avec lui, et à insister à cet égard sur une réponse catégorique. Il est bon de savoir une fois à quoi l'on peut s'en tenir sur ce sujet, sur lequel des réponses dilatoires ont déjà été répétées trop souvent pour qu'elles puissent être admises davantage.—Au moment, où le 1-r consul vous donnait les assurances les plus tranquillisantes pour le roi de Sardaigne, et que m. d'Hédouville me les confirmait ici, ce malheureux prince était obligé de quitter Rome sur les instances du ministre Cacault, et en même temps les gazettes nous apportaient la nouvelle, que le duché de Parme avait été occupé au nom de la république française. Vous sentez combien une pareille contradiction nous a étonné et combien elle ressemble, j'ose le dire, à de la duplicité. Nous nous sommes cependant abstenu d'en porter un jugement définitif jusqu'à ce que v. e. ne nous ait transmis les explications, qu'elle est chargée de demander à cet égard au ministre de la république.—Il serait difficile que la raison qui vous a été alléguée par le 1-r consul, qu'en assignant Parme et Plaisance au roi de Sardaigne, ce serait lui donner trop peu, puisse servir d'excuse pour ne lui donner rien du tout. Un petit état, comme le duché de Parme dans les mains d'un prince sans puissance, ne peut causer de l'inquié-

---

какихъ поводовъ къ новымъ отсрочкамъ, то е. и. в—во поручилъ мнѣ предписать вамъ, графъ, чтобы вы формально потребовали отъ французскаго правительства исполненія условій тайной конвенціи, которую вы подписали съ нимъ, и настаивали на рѣшительномъ отвѣтѣ. Нужно наконецъ знать, чего держаться по этому дѣлу: тутъ уже было слишкомъ много уклончивыхъ отвѣтовъ, чтобы еще допускать ихъ. — Въ ту минуту, какъ 1-й консулъ давалъ вамъ самыя успокоительныя увѣренія насчетъ сардинскаго короля, которыя подтверждалъ мнѣ здѣсь г. Эдувиль, этотъ несчастный государь долженъ былъ покинуть Римъ по настояніямъ министра Како; и въ то же время газеты принесли намъ извѣстіе, что герцогство пармское занято во имя французской республики. Понимаете, насколько такое противорѣчіе изумило насъ и насколько оно походитъ, смѣю сказать, на двуличность. Впрочемъ мы воздержались отъ окончательнаго сужденія до полученія отъ в. с—ва объясненій, которыя поручено было вамъ потребовать у министерства республики. 1-й консулъ выставилъ причиной, что уступить сардинскому королю Парму и Пьяченцу значило бы дать ему слишкомъ мало: неужели можно на этомъ основаніи не давать ему ничего? Такое маленькое государство, какъ герцогство Парма, въ рукахъ безсильнаго принца, не можетъ причинять безпокойства Франціи. Сардинскій король, наученный прошлыми несчастіями, ко-

tude à la France, et le roi de Sardaigne, instruit par ses malheurs passés, saura sans doute s'y tenir tranquille et craindra de perdre ce dernier refuge; il suivra l'exemple du feu duc de Parme, qui par sa conduite mesurée est parvenu, malgré tous les orages qui ont grondé autour de lui, à se soutenir dans son pays jusqu'à sa mort, et qui l'aurait laissé à son fils, si celui-ci n'avait été autrement partagé.—Les notes de mes conférences avec le général Hédouville, que j'ai eu l'honneur d'envoyer à v. e., l'auront déjà mis à même de juger de la manière, dont nous envisageons les différentes ouvertures que le gouvernement français lui a faites à Paris et que son ministre nous a répété ici. S. M. l'E-r a été extrêmement satisfaite de vos réponses, et j'ai remarqué avec un grand plaisir combien elles se sont rencontrées avec celles que j'avais données ici au générale Hédouville.—Je vous ai déjà instruit de ce que j'ai dit à ce ministre sur la prétention de son gouvernement au sujet de l'omission de la république française dans les proclamations du comte de Mocénigo. Nous n'avons jamais pensé former une pareille prétention sur les proclamations françaises en Suisse et en Italie, malgré qu'à l'égard de cette dernière notre convention secrète nous en donnerait presque le droit, et que le 1-r consul se soit souvent adressé à l'Empereur relativement à ces deux pays, auxquels il est connu que S. M. prend beaucoup d'intérêt. La Porte seul aurait

---

нечно съумѣетъ держать себя спокойно и побоится потерять это послѣднее убѣжище: онъ послѣдуетъ примѣру покойнаго герцога пармскаго, который съумѣлъ, посреди окружавшихъ бурь, удержаться въ своей странѣ до самой смерти, благодаря своему скромному поведенію, и передалъ бы герцогство своему сыну, еслибы послѣдній не подвергся иной участи.—Замѣтки о моихъ бесѣдахъ съ генераломъ Эдувилемъ, которыя я имѣлъ честь послать в. с—ву, уже выяснили вамъ нашъ взглядъ на различныя сообщенія, сдѣланныя вамъ въ Парижѣ французскимъ правительствомъ и повторенныя намъ здѣсь его министромъ. Е. и. в—во весьма доволенъ вашими отвѣтами, и я замѣтилъ съ великимъ удовольствіемъ, до какой степени они сошлись съ отвѣтами, которые я давалъ здѣсь генералу Эдувилю. — Я уже увѣдомилъ васъ о томъ, что я сказалъ этому министру по поводу жалобы его правительства на то, что французская республика забыта въ объявленіяхъ графа Моцениго. Мы никогда не предъявляли подобныхъ притязаній по поводу французскихъ объявленій въ Швейцаріи и Италіи, хотя относительно послѣдней наша тайная конвенція почти давала намъ право на это, и 1-й консулъ часто обращался къ и—ру по поводу обѣихъ странъ, въ которыхъ е. в—во, какъ извѣстно, принимаетъ большое участіе. Одна только Порта могла бы имѣть должное право жаловаться, что въ дѣйствіяхъ графа Моцениго ее не брали въ раз-

une raison valable de se plaindre de ce qu'il n'est pas question d'elle dans les opérations du comte de Mocénigo; et s'il avait été possible de les diriger en commun avec une autre puissance, il n'y aurait que la Turquie, qui aurait eu le droit d'y être invitée. D'ailleurs quand même une convenance quelconque existerait de faire paraître le gouvernement français, comme coopérateur de ce qui se fait actuellement aux Sept-Iles, la conduite qu'y tient le s-r Romieu, agent français, l'aurait rendu entièrement impossible. Loin d'agir de parfait concert avec le comte de Mocénigo, il le contrecarre dès qu'il s'agit de quelque disposition qui tend à rétablir l'ordre et la tranquillité; et probablement que les notions, qu'il fournit au cabinet des Tuileries, sont le plus souvent très erronnées. Je ne puis croire que ce soit en suite de ses instructions, que cet agent protège exclusivement les brouillons et les anarchistes, et v. e. est chargé d'en porter plainte au ministère français, qui doit être prévenu que si le s-r Romieu a des ordres pour agir de concert avec notre envoyé, il ne les remplit nullement. Vous demanderez donc, que de nouveaux ordres lui soient expédiés, afin qu'il sache mieux dorénavant entrer dans les intentions de son gouvernement, et qu'il cesse de contrecarrer, par toutes sortes de menées, les opérations du comte de Mocénigo. S. M. I. n'a aucune vue personelle dans ce qu'elle fait pour les Sept-Iles. *Elle ne veut pas même y favoriser la classe privi-*

счетъ; и еслибы было возможно направлять эти дѣйствія сообща съ какою-нибудь другою державой, то одна Турція могла по праву быть приглашенною къ этому. Впрочемъ, еслибы даже нашлась возможность допустить французское правительство, какъ сотрудника событій, совершающихся теперь на Семи Островахъ, то она была бы совершенно устранена поведеніемъ французскаго агента, г. Ромьё. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ полномъ согласіи съ графомъ Моцениго, онъ становится ему поперёкъ дороги вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о возстановленіи порядка и спокойствія, и, по всей вѣроятности, онъ сообщаетъ тюльерійскому кабинету по большей части ложныя свѣдѣнія. Не могу думать, чтобы этотъ агентъ покровительствовалъ исключительно смутникамъ и анархистамъ въ силу своихъ инструкцій; и в. с—ву поручается принести жалобу французскому министерству, чтобы оно знало, что если г-ну Ромьё приказано дѣйствовать въ согласіи съ нашимъ посломъ, то онъ не исполняетъ этого приказанія. Потребуйте, чтобы ему послали новыя приказанія: пусть отнынѣ онъ лучше входитъ въ виды своего правительства и перестанетъ препятствовать всякими подвохами дѣйствіямъ графа Моцениго. Е. и. в—во не имѣетъ никакихъ личныхъ видовъ въ томъ, чтó онъ дѣлаетъ для Семи Острововъ. *Онъ даже не хочетъ покровительствовать тамъ привилегированному классу въ ущербъ остальнымъ*; *онъ желаетъ только установить*

légiée d'une manière qui soit au détriment des autres, et ne désire que d'établir un gouvernement, qui puisse assurer le bonheur de toutes les classes également, et qui soit capable de se soutenir par lui-même. Je ne vois pas le grand avantage qui reviendrait au 1-r consul de s'y opposer et de prolonger dans cette petite république les meurtres et toutes les calamités du désordre, pour qu'elle devienne ensuite la proie d'un tiers. S. M. I. s'attend donc que, même uniquement par égard pour elle, le gouvernement français n'entravera pas ses vues bienfaisantes pour ce pays, et l'on doit se flatter d'après cela, que v. e. n'aura pas de peine à l'obtenir. — Nous attendons avec impatience de vos nouvelles sur ce qui va se passer à l'égard de la Suisse à Paris. Il est à regretter que les nouveaux députés, qui s'y rendent, ne soient pour la plupart, à ce qu'on assure, que d'un seul parti; cela ne présage pas que la balance de l'impartialité soit mise en usage dans l'oeuvre de la nouvelle constitution, qui par conséquent n'ayant pas l'amour de la majorité des habitants, sera de nouveau renversée à la première occasion. — D'après les communications, qui m'ont été faites ici par l'ambassadeur d'Angleterre, il paraît que cette puissance prend beaucoup d'intérêt au sort des Suisses et qu'elle a même fait auprès du gouvernement français des démarches en leur faveur. V. e. pourra s'ouvrir sur ce sujet avec le ministre d'Angleterre à Paris, en lui confiant tout l'intérêt que prend

---

правительство, которое могло бы равно обезпечить счастье всѣхъ классовъ, а также могло бы держатся само собою. Не вижу большой выгоды для 1-го консула въ томъ, чтобы мѣшать этому и поддерживать въ этой маленькой республикѣ убійства и всѣ бѣдствія безпорядковъ, которыя кончатся тѣмъ, что она станетъ добычей третьяго лица. Итакъ е. и. в—во ожидаетъ, что французское правительство даже единственно изъ уваженія къ нему не будетъ препятствовать его благодѣтельнымъ намѣреніямъ относительно этой страны; послѣ этого должно льстить себя надеждой, что в. с—ву не трудно будетъ достигнуть этого.—Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ извѣстій о томъ, что недавно произошло въ Парижѣ по отношенію къ Швейцаріи. Жаль, что, какъ увѣряютъ, вновь прибывшіе туда депутаты принадлежатъ въ большинствѣ лишь къ одной партіи: это не предвѣщаетъ, чтобы вѣсы справедливости были употреблены въ дѣлѣ новой конституціи, которая поэтому не будетъ люба большинству населенія и при первомъ случаѣ будетъ снова низвергнута.— Судя по сообщеніямъ, сдѣланнымъ здѣсь мнѣ посланникомъ Англіи, эта держава, кажется, принимаетъ большое участіе въ судьбѣ швейцарцевъ и даже сдѣлала заявленія въ ихъ пользу французскому правительству. В. с. можете сноситься по этому предмету съ англійскимъ министромъ въ Парижѣ, заявивши ему объ участіи, которое и е. и. в—во принимаетъ въ Швейцаріи. Соблаго-

aussi S. M. I. à la Suisse, et vous voudrez bien nous avertir si la cour de Londres semblait mettre de l'importance à suivre cette affaire et si ses premières démarches ont fait quelque impression sur le gouvernement français. Ceci ne vous est prescrit que pour vous mettre plus à même de nous fournir des notions sur l'état réel des affaires de la Suisse et sur la tournure qu'elles prendront; du reste vous vous abstiendrez de toute démarche commune avec le ministre d'Angleterre; et en exprimant hautement les opinions de l'Empereur sur les malheurs de la Suisse, vous éviterez pourtant de faire croire qu'il existe quelque concert déjà arrangé entre la Russie et l'Angleterre, ce qui pourrait nous compromettre inutilement et mal à propos avec le gouvernement français.— Dans la conversation que vous avez eue avec le 1-r consul, vous lui avez exprimé avec raison, entre autres sujets de mécontentement que nous pouvions avoir contre la France, celui que la paix avec la Turquie avait été conclue sous une autre médiation après que celle de S. M. l'E-r y avait été sollicitée et accordée. Le 1-r consul vous répondit, que c'était les souvenirs du passé et les craintes de l'avenir, qui avaient engagé la Porte à préférer un autre médiateur à la Russie. Cependant s'il s'agit de souvenirs, ceux des désagréments plus récents devraient être plus imprimés dans la mémoire, que les souvenirs d'anciens griefs, qui depuis ont été effacés par tant de bons procédés; et s'il s'agit de

---

волите увѣдомить насъ, похоже ли на то, что лондонскій кабинетъ серьезно поведетъ это дѣло, и произвели ли его первыя попытки какое-либо впечатлѣніе на французское правительство. Это предписывается вамъ только съ тѣмъ, чтобы помочь вамъ снабдить насъ свѣдѣніями о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Швейцаріи и о принимаемомъ ими оборотѣ; но воздерживайтесь отъ всякаго общаго съ англійскимъ министромъ шага. Громко заявляя мнѣнія и—ра о бѣдствіяхъ Швейцаріи, старайтесь однакожъ, чтобъ не подумали, будто уже существуетъ какое-либо соглашеніе между Россіей и Англіей. Это подало бы поводъ безполезно и некстати заподозрить насъ въ глазахъ французскаго правительства.—Вы справедливо замѣтили 1-му консулу, въ разговорѣ съ нимъ, что къ причинамъ нашего недовольства Франціей относится заключеніе договора съ Турціей при чужомъ посредничествѣ, тогда какъ испрашивали и получили согласіе е. и. в—ва на посредничество. 1-й консулъ отвѣчалъ вамъ, что воспоминанія прошлаго и страхъ за будущее заставили Порту предпочесть Россіи другого посредника. Но что касается воспоминаній, то болѣе свѣжія и непріятныя изъ нихъ должны бы сильнѣе запечатлѣться въ памяти, чѣмъ воспоминанія о старыхъ обидахъ, которыя потомъ были заглажены столькими добрыми поступками. А если дѣло идетъ о страхѣ за будущее, то, конечно, его должна внушать туркамъ не Россія, а скорѣе Франція,

craintes pour l'avenir, ce n'est assurément pas la Russie, mais plutôt la France, qui doit en inspirer aux turcs, et le 1-r consul ne prend pas la peine de le cacher. Ce propos de sa part ne peut donc être regardé que comme une défaite, sur laquelle nous ne prenons pas le change. Cependant cette affaire étant finie, il serait inutile d'y revenir, et v. e. n'en ferà plus mention; si je vous en parle encore, m. le comte, ce n'est uniquement, que pour que vous sachiez, que quoique l'Empereur, par son caractère et par la position de son empire, soit au-dessus de tous les petits motifs des passions haineuses, qui influencent souvent la politique, S. M. n'est pourtant nullement trompée par les phrases de Bonaparte et connaît très bien, sans en être allarmée et sans croire, qu'il faille pour cela s'écarter soi-même des principes de justice et de loyauté, qu'elle veut suivre, combien peu l'on doit compter en général sur la bonne foi du 1-r consul et particulièrement sur sa bonne volonté envers la Russie. – Dès rapports venus de Constantinople annoncent, que le gouvernement français, après avoir obtenu avec notre secours la libre entrée de la mer Noire pour ses vaisseaux marchands, a désiré encore l'avoir pour des bâtiments armés, donnant pour raison, que ceux de commerce devaient y être protégés contre les forbans de ces mers; or, il est connu, qu'il n'y a pas de forbans dans la mer Noire et que la navigation y est parfaitement tranquille et sûre contre toute piraterie.

и 1-й консулъ не принимаетъ на себя труда скрывать это. Стало быть, эти слова съ его стороны не что иное, какъ изворотъ, которымъ онъ не проведетъ насъ. Впрочемъ, разъ это дѣло кончено, было бы безполезно возвращаться къ нему: не упоминайте больше о немъ. Если я еще говорю вамъ о немъ, то лишь съ одною цѣлью: знайте, что хотя и—ръ, по своему нраву и по положенію своей имперіи, выше всякихъ мелкихъ побужденій злыхъ страстей, часто вліяющихъ на политику, однако его вовсе не обманываютъ фразы Бонапарта. Онѣ не тревожатъ его и не заставятъ думать, что слѣдуетъ и ему бросить правила справедливости и честности, которыми онъ намѣренъ руководиться. Онъ и безъ того очень хорошо понимаетъ, какъ мало вообще должно полагаться на добросовѣстность 1-го консула и въ особенности на его доброжелательство къ Россіи. — По донесеніямъ изъ Константинополя французское правительство, получивъ съ нашей помощью свободный входъ въ Черное море для своихъ купеческихъ судовъ, пожелало еще добиться того же для военныхъ кораблей, выставляя на видъ, что нужно защищать торговыя суда отъ пиратовъ на этомъ морѣ. Но извѣстно, что на Черномъ морѣ нѣтъ пиратовъ: мореплаваніе тамъ совершенно спокойно и безопасно отъ всякихъ разбоевъ. Подобное требованіе не можетъ оправдываться одною только цѣлью,—процвѣтаніемъ торговли: эта цѣль достигается допуще-

Une demande pareille ne saurait plus avoir pour seul objet la prospérité du commerce, car par l'admission des vaisseaux marchands ce but était accompli, et elle fait naître des suppositions qui dans ce cas se devinent asssez sans qu'on ait besoin de les énoncer; d'ailleurs la mer Noire doit être regardée plutôt comme un lac, qui appartient aux possesseurs des côtes, et une prescription de plusieurs siècles a suffisamment établi ce droit.—Le ministère turc a décliné la demande du gouvernement français, et je ne vous en fais part, que pour votre propre instruction, et afin que, si Bonaparte reproduisait cette demande, vous y soyez tout préparé; il sera temps alors de lui déclarer, que quelque parti que prenne à ce sujet la Porte, S. M. I. ne pourra dans aucun cas consentir à une pareille concession.—Pour ce qui est des autres objets renfermée dans cette dépêche, j'ai pensé qu'il convenait à deux grandes puissances de s'expliquer entr'elles franchement et sans réticences malplacées, afin de donner lieu à temps au redressement des griefs qu'on pouvait avoir réciproquement vis-à-vis de soi, et de ne pas laisser accumuler les causes de mécontentement qui, parvenues à un certain terme, peuvent amener une froideur désagréable et nuisible, ou même donner lieu à des explosions, dont les suites sont toujours incalculables.

Pétersbourg, Paris, 1802, 61. Подлинникъ.

ніемъ торговыхъ судовъ. Тутъ должно предположить иныя цѣли, которыя легко угадать въ данномъ случаѣ и безъ ихъ заявленія. Впрочемъ, на Черное море нужно смотрѣть скорѣе, какъ на озеро, принадлежащее обладателямъ береговъ; и это право достаточно установлено предписаніемъ многихъ вѣковъ.—Турецкое министерство отклонило требованіе французскаго правительства. Увѣдомляю васъ объ этомъ лишь для вашего собственнаго свѣдѣнія и чтобы вы были вполнѣ готовы къ отвѣту въ случаѣ, если Бонапартъ повторитъ это требованіе: тогда будетъ пора объявить ему, что какъ бы тутъ ни рѣшила Порта, е. и. в—во ни въ какомъ случаѣ не согласится на такую уступку.—Что касается другихъ предметовъ этой депеши, то, по моему мнѣнію, двумъ великимъ державамъ слѣдовало бы объясняться между собой откровенно и безъ неумѣстныхъ недомолвокъ, чтобы во-время устранять возможныя взаимныя непріятности и не давать накопляться причинамъ недоразумѣній, которыя могли бы, дойдя до извѣстнаго предѣла, привести къ непріятному и вредному охлажденію или даже къ вспышкамъ, исхода которыхъ никогда нельзя предвидѣть.

№ 244.—Воронцовъ Моркову.

Pétersbourg, 24 décembre 1802 (5 janvier 1803).

*) L'affectation, que met le 1-r consul toutes les fois qu'il s'entretient avec v. e d'amener toujours la conversation sur la dissolution prochaine de l'empire Ottoman, mérite une attention particulière. Nous ne saurions non plus que vous expliquer cette conduite autrement que par le désir de nous compromettre avec la Porte ou bien de préparer les esprits à quelque coup que veut porter le gouvernement français de ce côté, et peut-être l'un et l'autre. Dans ces deux suppositions il est également nécessaire que v. e. relève de pareils propos et fasse entendre à chaque fois clairement que l'Empereur n'est nullement porté à participer à aucun projet hostile contre la Turquie et que S. M. est au contraire déterminée de conserver son bon voisinage avec cette puissance. Peut-être que dans peu je serai dans le cas de vous charger d'un office formel et très positif à cet égard; en attendant vous voudrez bien suivre cette affaire avec le plus grand soin et tâcher s'il est possible de pénétrer quelles sont les véritables vues des français et sur quels moyens ils croient pouvoir compter dans l'intérieur des états de la Porte. Des ordres semblables, pour y surveiller leurs intrigues, ont

---

Петербургъ, 24 декабря 1802 (5 января 1803).

*) Умышленность, съ которой 1-й консулъ въ разговорахъ съ в. с—мъ всегда старается затронуть вопросъ о близкомъ разложеніи Отоманской имперіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Подобно вамъ, мы не можемъ объяснить это поведеніе ничѣмъ инымъ, кромѣ желанія заподозрить насъ въ глазахъ Порты или подготовить умы къ какому-нибудь неожиданному шагу французскаго правительства въ этомъ направленіи, а можетъ быть, то и другое вмѣстѣ. При томъ и другомъ предположеніи одинаково необходимо, чтобы в. с—во подхватывали подобныя слова и каждый разъ давали ясно понять, что императоръ вовсе не расположенъ принимать участіе во враждебныхъ Турціи планахъ: напротивъ, е. в—во рѣшился сохранить доброе сосѣдство съ этою державой. Быть можетъ, въ скоромъ времени я буду имѣть случай дать вамъ формальное и весьма положительное порученіе въ этомъ смыслѣ; а покуда благоволите слѣдить за этимъ дѣломъ съ величайшимъ вниманіемъ и постарайтесь, если можно, проникнуть въ истинныя намѣренія французовъ и разузнать, на чтó разсчитываютъ они внутри владѣній Порты. Подобный же приказъ наблюдать за ихъ интригами данъ г. Италинскому и графу Моцениго,

été expédiés à m. d'Italinsky et au comte de Mocénigo qui se plaint beaucoup de la conduite de l'agent Romieu à Corfou dont les liaisons et la mission ne semblent pas être limitées aux Sept-Iles, mais s'étendre aussi sur le continent. M. de Mocénigo mande qu'Aly pacha est devenu plus puissant que jamais et qu'il est sur le point de se rendre entièrement indépendant; il serait inéressant de savoir si le gouvernement français considèrera cet évènement comme favorable ou contraire à ses vues. Vous pourrez dans ces recherches vous concerter avec le ministre d'Angleterre et vous aider de ses données, en lui faisant part de celles que vous aurez acquises. Je vous recommande cependant que vos relations avec lui sur ce sujet ne soient uniquement que pour réunir plus de renseignements et nous les transmettre au plutôt; tout ce qui pourrait réveiller l'attention du gouvernement français, en lui faisant craindre qu'il se machine quelque chose contre lui, doit être évité. S. M. I. dans ce moment ne veut qu'être instruite à temps; si le moment d'agir arrivait, vous pouvez être bien sur que je ne vous laisserai pas manquer des directions dont vous aurez alors besoin et qu'il plaira à S. M. de vous donner. Malgré que v. e. dans une de ses dépêches nous dise que les armements qui se faisaient à Toulon et à Marseille ont été suspendus, l'ambassadeur d'Angleterre m'en a cependant parlé avec inquiétude, et son gouvernement craint qu'il n'y ait sur le tapis quelque

---

который сильно жалуется на поведеніе агента Ромьё въ Корфу: связи и порученіе послѣдняго, кажется, не ограничиваются Семью Островами, но распространяются и на материкъ. Графъ Моцениго увѣдомляетъ, что Али-паша никогда не былъ такъ могущественъ и что онъ собирается стать совсѣмъ независимымъ; интересно бы знать, считаетъ ли французское правительство этотъ фактъ благопріятнымъ или противнымъ себѣ. Въ этихъ изысканіяхъ вы можете сговариваться съ англійскимъ министромъ и пользоваться его свѣдѣніями, дѣлясь съ нимъ тѣмъ, чтó узнаете сами. Впрочемъ совѣтую, чтобы ваши сношенія съ нимъ по этому предмету ограничивались собираніемъ возможно подробныхъ свѣдѣній, которыя поскорѣе передавайте намъ: нужно избѣгать всего, чтò могло бы дать поводъ французскому правительству заподозрить, что предпринимается что-нибудь противъ него. Въ эту минуту е. и. в—во желаетъ только все знать во-время; а когда придетъ пора дѣйствовать, будьте увѣрены, я не оставлю васъ безъ необходимыхъ наставленій, которыя угодно будетъ е. в—ву дать вамъ. Вопреки вашимъ словамъ въ одной изъ депешъ, что вооруженія въ Тулонѣ и Марсели пріостановлены, англійскій посланникъ говорилъ мнѣ о нихъ съ безпокойствомъ: его правительство опасается, не готовится ли экспедиція на берега Африки или въ Морею. Судя по сообщеніямъ, которыя дѣлаетъ мнѣ здѣсь адмиралъ Уарренъ,

expédition pour les côtes d'Afrique ou pour la Morée. A juger d'après les ouvertures, que me fait ici l'amiral Warren, il paraît que le ministère anglais s'est un peu réveillé de sa léthargie et qu'il voudrait recommencer à agir avec plus de vigueur. Il reste à voir quelle va être sa conduite tant à l'égard des affaires de Suisse qu'aussi dans le cas où la Turquie serait menacée. C'est sur quoi nous tâcherons de nous procurer des données directement de Londres, et notre ambassadeur y a déjà reçu des insructions en conséquence.—Je prie v. e. de nous faire également part de ce qui pourrait parvenir à sa cannaissance sur les véritables sentiments du cabinet de Vienne à l'égard d'un démembrement de l'empire Ottoman, et s'il n'y a pas eu déjà quelques ouvertures à ce sujet entre l'Autriche et la France. Dans les dernières communications que nous a faites le chargé d'affaires de Vienne ici, nous avons vu que le gouvernement français, en se prétant à terminer, par des cessions à l'Autriche, les affaires d'Allemagne, exige en même temps de cette puissance qu'elle garantisse les arrangements sur lesquels repose la pacification du midi. Cette expression vague peut s'expliquer de différentes manières, et la cour de Vienne ne sait pas elle-même s'il s'agit de la Suisse, du Piémont ou même de la Turquie. Il serait possible qu'on invite aussi v. e. d'accéder à quelque arrangement qui aurait rapport à l'un de ces trois objets; les autorisations qu'elle a reçues

---

англійское министерство, кажется, немного вышло изъ летаргіи и намѣрено дѣйствовать поживѣе. Остается знать, каково будетъ его поведеніе въ дѣлахъ Швейцаріи, а также въ случаѣ, если Турціи будетъ угрожать опасность. Объ этомъ-то мы постараемся получить свѣдѣнія прямо изъ Лондона: нашъ тамошній посланникъ уже получилъ соотвѣтственныя наставленія.— Прошу в. с. также докладывать намъ обо всемъ, что вы узнаете насчетъ истинныхъ чувствъ вѣнскаго кабинета насчетъ какого-нибудь раздѣла Отоманской имперіи, и не было ли уже какихъ-либо сношеній по этому поводу между Австріей и Франціей. Изъ послѣднихъ сообщеній, сдѣланныхъ намъ здѣсь вѣнскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, мы усмотрѣли, что французское правительство, соглашаясь покончить нѣмецкія дѣла путемъ уступокъ Австріи, въ то же время требуетъ, чтобы эта держава обезпечила сдѣлки, на которыхъ покоится замиреніе юга. Это неопредѣленное выраженіе можно истолковать различно: самъ вѣнскій дворъ не знаетъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь—о Швейцаріи, Пьемонтѣ или даже Турціи. Возможно, что пригласятъ и в. с. приступить къ сдѣлкѣ, касающейся одного изъ этихъ трехъ предметовъ. Полномочія, полученныя вами отъ императора, касаются только однихъ нѣмецкихъ дѣлъ; и мы надѣемся, что при вашемъ благоразуміи и искусствѣ вы съумѣете отдѣлить ихъ окончаніе отъ всѣхъ другихъ видовъ Бонапарта. — Что̀ касается Швей-

de l'Empereur, ne regardent uniquement que les affaires d'Allemagne, et nous comptons que par votre prudence et votre habileté vous parviendrez à séparer leur fin de l'accomplissement de toute autre vue de Bonaparte.—Quant à la Suisse, l'opinion de l'Empereur est qu'il ne faut pas confondre le gros de la nation avec aucun des deux partis qui la déchirent; l'un est celui das satellites de la France qui lui sont entièrement dévoués; l'autre celui des partisans de l'ancien gouvernement sans modifications quelconque. S. M. l'Empereur désapprouve également ces deux extrêmes et pense qu'il faudrait laisser les Suisses entièrement à eux-mêmes, cette nation étant très en état de s'arranger chez elle sans précepteur. J'ai cru qu'il était bon que vous connaissiez à fond les opinions de S. M. sur cet objet afin que dans l'occasion votre façon de vous comporter y soit conforme; il faudrait que la conduite de la France contente donc *réellement* la majeure partie de la nation pour que S. M. l'E-r veuille l'approuver, et cela n'est nullement probable.—Pour ce qui est du Piémont, S. M. I. est d'avis que ce pays ne doit pas rester à toute éternité dans les mains de la France et qu'au contraire, même abstraction faite du roi de Sardaigne, il ne doit appartenir qu'à un état italien, de manière que la France reste séparée de l'Italie par les Alpes, limite naturelle de ces deux contrées et absolument nécessaire, si l'on veut jamais parvenir à avoir de la tranquilité

царіи, императоръ полагаетъ, что не должно смѣшивать большинство націи ни съ одною изъ двухъ, раздирающихъ ее, партій: одна изъ нихъ—спутники Франціи, вполнѣ ей преданные, другая — приверженцы стараго правленія безъ всякихъ измѣненій. Е. и. в—во одинаково не одобряетъ ни той, ни другой крайности и думаетъ, что слѣдовало бы совершенно предоставить швейцарцевъ имъ самимъ: эта нація весьма можетъ устроиться сама, безъ наставниковъ. Я полагалъ, что вамъ слѣдовало основательно знать мнѣнія е. в—ва объ этомъ предметѣ, чтобы при случаѣ ваше поведеніе сообразовалось съ ними. Итакъ поведеніе Франціи тогда только заслужитъ одобреніе е. и. в—ва, когда оно *дѣйствительно* удовлетворитъ большинство націи; а это совсѣмъ невѣроятно.—Что касается Пьемонта, е. и. в—во полагаетъ, что эта страна не должна навѣки оставаться въ рукахъ Франціи, и что, напротивъ, если даже оставить въ сторонѣ сардинскаго короля, она должна принадлежать только какому-нибудь итальянскому государству, такъ чтобы Франція отдѣлялась отъ Италіи Альпами, этою естественной границей между этими двумя странами, которая необходима, если только хотятъ когда-нибудь достигнуть спокойствія и равновѣсія Европы. Отказываясь подписывать всякій актъ, которымъ Россія обезпечивала бы за Франціей обладаніе Пьемонтомъ или инымъ новымъ пріобрѣтеніемъ, должно стараться, съ одной стороны, не

et un équilibre en Europe. Outre les affaires d'Allemagne dont il faudrait, s'il est possible, ne pas reculer par là le terme, il s'agira aussi, en se refusant de signer aucun acte qui assurerait à la France de la part de la Russie la possession du Piémont ou de toute autre nouvelle acquisition, de ne pas faire tort aux intérêts du roi de Sardaigne; l'indemnité de ce prince est un objet déjà tout accordé par notre convention secrète, qui peut être exigé avant tout et sur lequel il n'y a plus lieu à négocier entre les deux gouvernements, ni à faire de nouvelles conditions. Si le roi de Sardaigne reçoit donc un dédommagement, il pourra alors renoncer à ses droits sur le Piémont, et cela sera une sécurité suffisante pour le 1-r consul; mais S. M. I. ne pense pas à donner son autorisation ou sa garantie à rien de semblable. —*P. S.* Nous avons appris de Rome que le courrier papal et le commandeur de l'ordre de St. Jean, qu'on avait expédié au grand-maître Ruspoli avec la nouvelle de sa nomination, ont été retenus à Paris par ordre du 1-r consul, et qu'il a exigé du cardinal Caprara, que ce soit un courrier français qui aille chercher le nouveau grand-maître et qu'il lui porte en même temps l'injonction de se rendre absolument à Paris et de là à Toulon, pour y être embarqué sur des vaisseaux français qui le transporteront à Malte, sans qu'il soit obligé de passer par Rome. Le légat s'est soumis à tout ce qu'on a voulu de lui; reste à savoir, à quoi se décidera le grand-maître et comment il répondra à ce message auquel

---

затянуть этимъ, если можно, окончанія нѣмецкихъ дѣлъ, съ другой—не повредить интересамъ сардинскаго короля: вознагражденіе этого государя—дѣло вполнѣ установленное нашею тайною конвенціей; исполненія послѣдней можно требовать прежде всего; она не допускаетъ ни новыхъ переговоровъ, ни новыхъ условій между обоими правительствами. Итакъ, если сардинскій король получитъ вознагражденіе, тогда онъ можетъ отказаться отъ своихъ правъ на Пьемонтъ, и это будетъ достаточнымъ обезпеченіемъ 1-му консулу; но е. и. в—во не думаетъ давать ни своего полномочія, ни своей гарантіи ни на что подобное.—*P. S.* Насъ извѣщаютъ изъ Рима, что папскій курьеръ и командоръ ордена св. Іоанна, котораго отправили къ великому магистру Русполи съ увѣдомленіемъ объ его назначеніи, задержаны въ Парижѣ по приказанію 1-го консула, и что послѣдній потребовалъ отъ кардинала Капрары, чтобы французскій курьеръ поѣхалъ къ новому великому магистру съ приказаніемъ непремѣнно прибыть въ Парижъ, а оттуда въ Тулонъ, гдѣ онъ долженъ сѣсть на французскія суда, которыя отвезутъ его на Мальту, такъ чтобы ему не пришлось проѣзжать черезъ Римъ. Легатъ подчинился всему. Остается знать, на что̀ рѣшится великій магистръ и какъ онъ отвѣтитъ на это посольство, предлогомъ къ которому служитъ желаніе 1-го консула заявить главѣ державнаго

le 1-r consul donne pour prétexte l'envie qu'il a de donner au chef d'un ordre souverain des marques de son amitié et de ses égards. Je ne vous instruit de cet incident que pour votre propre information, car on ne pourrait sur cela faire aucune démarche auprès du gouvernement français sans compromettre la cour de Rome; ce serait pourtant le cas de représenter à Bonaparte, que s'il prétend vouloir respecter l'indépendance de l'ordre de Malte, il devrait commencer par laisser à son grand-maître une volonté libre et lui permettre de prendre tel chemin qu'il voudra pour aller dans sa nouvelle résidence et s'y transporter comme il le jugera à propos. L'envie insatiable de dominer qui travaille le 1-r consul perce dans chaque circonstance et se laisse apercevoir évidemment dans celle-ci. Comme on ne sait jamais à quoi il vise et que l'on doit s'attendre à tout de la part d'une tête aussi inquiète, féconde en projets et qui a tant de moyens à sa disposition, il m'est venu la pensée que Bonaparte peut-être, sous prétexte de transporter avec honneur le grand-maître, comme il l'a dit, dans la prétendue invitation qu'il a obligé le légat de lui adresser, ferait sortir ses armements de Toulon qui, une fois à Malte, seront plus à même de se rendre à leur destination, soit en Afrique ou en Grèce ou même en Egypte, pays sur lequel le 1-r consul semble toujours porter ses vues de préférance. Ce n'est au reste qu'une idée qui pourrait être utile à diriger les recherches de v. e., et je la prie de nous instruire de tout

---

ордена свою дружбу и почтеніе. Сообщаю объ этомъ случаѣ лишь для вашего собственнаго свѣдѣнія, такъ какъ тутъ ничего нельзя сдѣлать у французскаго правительства, не подвергая римскаго двора непріятности. Но вотъ случай представить Бонапарту, что если онъ дѣйствительно уважаетъ независимость мальтійскаго ордена, то прежде всего онъ долженъ предоставить великому магистру свободу насчетъ выбора дороги въ свое новое мѣстопребываніе и средствъ проѣхать туда. Ненасытная страсть господствовать, одолѣвающая 1-го консула, проглядываетъ во всемъ и очевидна въ данномъ случаѣ. Никогда не знаешь, куда онъ мѣтитъ; и нужно ожидать всего отъ такой безпокойной, плодовитой на проекты головы, отъ человѣка, имѣющаго столько средствъ въ своемъ распоряженіи. Оттого мнѣ пришло въ голову, не думаетъ ли Бонапартъ, подъ предлогомъ препроводить великаго магистра съ честью, какъ сказано въ приглашеніи, которое онъ заставилъ легата послать ему, выпустить свои суда изъ Тулона? А разъ они достигнутъ Мальты, имъ легко будетъ двинуться оттуда въ Африку, въ Грецію и даже въ Египетъ, на который, кажется, 1-й консулъ постоянно обращаетъ особенное вниманіе. Впрочемъ это—только мысль, которая можетъ быть полезна для направленія изысканій в. с—ва; и я прошу васъ увѣдомить насъ обо всемъ, что удастся

ce qu'elle sera dans le cas de recueillir d'intéressant sur cet objet.—Ce qui doit aussi attirer votre surveillance, c'est le départ prochain du nouvel ambassadeur français pour Constantinople. J'apprends de bonne part qu'il sera accompagné d'un état major très nombreux, composé d'officiers de toute arme et principalement de celle du génie; cette circonstance est une raison de plus pour supposer, que les français ne pensent pas à rester tranquilles en Turquie.

Pétersbourg. Paris, 1802, 63. Подлинникъ.

№ 245.—Воронцовъ Моркову.

Pétersbourg, 24 décembre 1802 (5 janvier 1803).

*) Votre lettre au sujet du commandeur de la Tourette et des émigrés qui arrivent de Russie en France, ayant été mise sous les yeux de l'Empereur, S. M. vous fait savoir, que vous n'êtes nullement tenu, à moins d'un ordre spécial de sa part, de protéger particulièrement les individus français arrivant de Russie et que son intention n'est pas, que des émigrés à Paris, à cause qu'ils sont munis d'un posseport russe, se croient à couvert des désagréments que la rigeur du gouvernement ou leur conduite imprudente pourraient leur attirer. Un simple passeport ne peut guères se refuser à personne sans de graves raisons, mais

---

вамъ узнать любопытнаго по этому дѣлу. — Еще вы должны слѣдить за скорымъ отправленіемъ французскаго посланника въ Константинополь. Я знаю изъ хорошаго источника, что его будетъ сопровождать цѣлый весьма многочисленный штабъ, состоящій изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, въ особенности же изъ инженерныхъ. Это обстоятельство подаетъ новый поводъ подозрѣвать, что французы не думаютъ оставаться спокойными въ Турціи.

Петербургъ, 24 декабря 1802 (5 января 1803).

*) Ваше письмо о командорѣ де-ла-Туретъ и объ эмигрантахъ, возвращающихся изъ Россіи во Францію, было представлено императору. Е. в—во увѣдомляетъ васъ, что, за исключеніемъ случаевъ, о которыхъ будетъ особый приказъ съ его стороны, вы вовсе не старайтесь оказывать особое покровительство французамъ, прибывающимъ изъ Россіи. Онъ не желаетъ, чтобы въ Парижѣ эмигранты думали, что русскій паспортъ избавляетъ ихъ отъ непріятностей, которыя можетъ навлечь на нихъ строгость правительства или ихъ неблагоразумное поведеніе. Въ простомъ паспортѣ нельзя никому отказать безъ важныхъ причинъ; но точно также онъ не налагаетъ на васъ никакихъ

ne peut aussi vous mettre dans aucune obligation, ni embarras; et pour ce qui est des lettres de recommandation, il est vrai qu'on les avait beaucoup trop prodiguées, et dès mon entrée au ministère je me suis prescrit de n'en donner que sur l'ordre exprès de l'Empereur. V. e. peut donc être sûre de ne plus en recevoir dorénavant qu'en faveur de ceux d'entre les émigrés, qui auront su mériter l'intérêt de S. M. I. et acquérir de véritables titres à sa protection.

Pétersbourg. Paris, 1802. 66. Подлинникъ.

№ 246.—Морковъ Воронцову.

Paris, 26 décembre 1802 (7 janvier 1803).

*) Il y a quelques jours m. de Talleyrand m'a prié de sonder le comte de Cobenzl sur la nature du cadeau qui pourrait lui être agréable à l'occasion de la signature de la dernière convention. J'ai observé au ministre des relations extérieures, que je ne trouvais pas du tout que le cas exigeât des cadeaux de notre part, cette transaction ne m'ayant été passée que pour déterminer des intérêts particuliers et uniques de la cour de Vienne sans aucun avantage réciproque pour les deux puissances médiatrices; mais il me répondit que nonobstant le 1-r consul pensait qu'il fallait faire un présent au comte de Cobenzl et que la

---

обязательствъ и не ведетъ ни къ какимъ затрудненіямъ. Что же касается рекомендательныхъ писемъ, то, правда, ихъ раздавали слишкомъ много, и я, при моемъ вступленіи въ министерство, положилъ себѣ за правило давать ихъ лишь по нарочитому приказанію императора. Поэтому в. с—во можете быть увѣрены, что съ этихъ поръ вы будете получать рекомендаціи только въ пользу тѣхъ эмигрантовъ, которые съумѣютъ заслужить участіе е. и. в—ва и получить дѣйствительное право на его покровительство.

Парижъ, 26 декабря 1802 (7 января 1803).

*) Нѣсколько дней тому назадъ, г. Талейранъ просилъ меня развѣдать у графа Кобенцля, какого рода подарокъ хотѣлось бы ему получить по случаю подписанія послѣдней конвенціи. Я замѣтилъ министру внѣшнихъ сношеній, что вовсе не нахожу, чтобы это дѣло требовало подарковъ съ нашей стороны: я тутъ участвовалъ только въ опредѣленіи частныхъ интересовъ вѣнскаго двора, безъ всякихъ взаимныхъ выгодъ для державъ-посредницъ. Но онъ отвѣчалъ, что все-таки 1-й консулъ полагаетъ, что нужно сдѣлать подарокъ графу Кобенцлю и что вѣнскій дворъ сдѣлалъ подарокъ Іосифу Бо-

cour de Vienne fit un à Joseph Bonaparte. Je repartis en riant, que probablement d'autres arrangements avec cette cour motivaient ce procédé, mais que ma cour n'y ayant aucune part, je croyais qu'elle pourrait ne point suivre l'exemple de la France; je m'acquittait cependant de sa commission et l'ambassadeur d'Autriche me répondit qu'il ne formait aucun désir particulier à cette occasion et qu'il se contenterait de tout ce que le gouvernement français voudrait faire. C'est quelque jours après cet entretien, que m. de Talleyrand m'annonça l'intention d'envoyer l'acte de leur ratification à St. Pétersbourg, et je ne sais si l'intention de procurer à Joseph Bonaparte un cadeau n'entre pas pour quelque chose dans cette détermination du 1-r consul. C'est un homme du bureau des relations extérieures qui sera porteur des ratifications susmentionnées; il pourrait même se faire que le projet du 1-r consul contre les barbaresques ou quelqu'autre fût le motif de cet envoie.

Pétersbourg. Paris, 1802, 269. Подлинникъ.

напарту. Я возразилъ, смѣясь, что, вѣроятно, этотъ поступокъ былъ вызванъ другими сдѣлками съ этимъ дворомъ; а такъ какъ мой дворъ не участвовалъ въ нихъ, то ему, я думаю, можно бы и не слѣдовать примѣру Франціи. Впрочемъ я исполнилъ его порученіе. Австрійскій посланникъ отвѣчалъ мнѣ, что у него нѣтъ никакихъ особенныхъ желаній и что онъ будетъ доволенъ всѣмъ, что угодно будетъ сдѣлать французскому правительству. Нѣсколько дней спустя, г. Талейранъ возвѣстилъ мнѣ, что намѣрены послать актъ ихъ ратификацій въ Петербургъ: въ этомъ рѣшеніи 1-го консула не играетъ ли какой-нибудь роли желаніе добыть подарокъ Іосифу Бонапарту? Помянутыя ратификаціи доставитъ одинъ изъ чиновниковъ министерства внѣшнихъ сношеній. Быть можетъ, причиной этой отправки служитъ также проектъ 1-го консула противъ варварійцевъ или другой какой-нибудь планъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Подробности о внѣшней политикѣ Екатерины II во вторую половину ея царствованія, по даннымъ архивовъ московскаго и двухъ парижскихъ, находятся въ нашихъ сочиненіяхъ: *Испанія XIX вѣка* (часть I, 1872), *Das russisch-österreichische Bündniss von 1781* (въ Historische Zeitschrift за 1875 г), *Союзъ князей* (1877), *La France et l'Allemagne sous Louis XVI* (въ Revue historique за 1880—1881 г.), *Россія и Франція въ концѣ прошлаго вѣка* (въ Вѣстникѣ Европы за 1885). — Записка Екатерины II о возстановленіи французской монархіи: *Русскій Архивъ*, 1866.

2.

Эта мысль Екатерины II ясно высказана въ любопытномъ рескриптѣ нашему посланнику въ Мадридѣ, Зиновьеву, въ январѣ 1794 г., который хранится въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ (Испанія, III, 20). Императрица совѣтовала мадридскому двору „войти въ связь съ другими дворами для принятія общихъ мѣръ" противъ революціи, но отказывалась отъ прямаго участія. Она объясняла, что „еслибъ удѣлила малую часть своихъ силъ въ пользу союзниковъ", то этимъ „только ослабила бы, къ общему вреду, тѣ мѣры обороны и предосторожности", которыхъ требовало отъ нея „настоящее положеніе вещей въ окружающихъ Россію краяхъ". Екатерина утверждала, что оказываетъ гораздо большую услугу тѣмъ, что „по необходимости содержитъ всѣ свои силы въ полномъ ополченіи, дабы воздерживать въ надлежащихъ предѣлахъ зло дальнѣйшаго распространенія заразы неистовствъ и развратовъ французскихъ", и именно „въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣвера, а особливо на востокѣ".

3.

Кобенцль писалъ Тугуту изъ Петербурга (7 окт. 1796), что онъ былъ у Моркова, когда императрица прислала ему депешу Колычева о движеніи прусскихъ войскъ къ Грауденцу на случай столкновенія съ Россіей. При депешѣ была ея записочка, въ которой была одна только фраза: „le roi de Prusse est une méchante bête et un grand cochon". *Vivenot:* Thugut, Clerfayt und Wurmser, Wien, 1869.

4.

Въ парижскомъ архивѣ небывалое изобиліе бумагъ о Россіи при конвентѣ и директоріи, въ особенности же съ 1795 г. до воцаренія Александра I. Помимо оффиціальной переписки, тутъ цѣлое любопытное собраніе частныхъ „Записокъ", которыя отчасти рисуютъ даже внутреннее состояніе Россіи. Онѣ принадлежать главнымъ образомъ французамъ, проживавшимъ у насъ при Екатеринѣ II. Пользуемся случаемъ, чтобы обратить вниманіе историковъ на замѣчательный многотомный отдѣлъ въ парижскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, подъ названіемъ *Mémoires*, который часто служитъ прямымъ дополненіемъ дипломатическихъ бумагъ. Онъ распадается на ряды томовъ, обозначенные именами странъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ рядѣ *Russie*, изъ просмотрѣнныхъ нами 35 томовъ большая часть относится къ XVIII столѣтію, начиная съ 1721 г. Въ однихъ томахъ бумаги подобраны по предметамъ, въ другихъ—случайно. Такъ, большой XX томъ весь посвященъ документальной работѣ Ланжерона: „Campagne d'Austerlitz"; а огромный V томъ состоитъ изъ 16 №№, начиная съ „Mémoire des négociations de m. de Campredon à St.-Pétersbourg" (1721), кончая черновою письма Гюттена Александру I (1804). Въ этомъ рядѣ томовъ къ концу царствованія Екатерины II относятся: „Observations diplomatiques" Гюттена, съ ихъ краткимъ „Aperçu" (V, 14, 15: здѣсь любопытны указанія на отношенія Екатерины II къ республикѣ и Бурбонамъ, а также на значеніе нашей торговли и низшихъ офицеровъ нашей арміи); „Précis d'un plan d'alliance qu'on pourrait présenter à Paul I" (V, 16); „Journal des campagnes faites au service de Russie par le comte de Langeron", съ исторіей императрицы въ формѣ введенія; много записокъ о смерти Екатерины II и о статистикѣ (особенно военной) Россіи того времени. Послѣднія помѣщены въ XXXV томѣ. Изъ нихъ наиболѣе интересны №№ 9, 10, 17, 20. Это — поданныя министерству записки Коллинза, имѣвшаго связи въ Петербургѣ, Берлинѣ и Стокгольмѣ, и г-на Poterat, съ декабря 1795 по декабрь 1796 г. Онѣ проникнуты чувствомъ горячаго негодованія на Екатерину II по поводу Польши. Здѣсь описываются „недовольные сеньеры" — Румянцевы, Орловы, Салтыковы, Шереметевы, Нарышкины, Мусины-Пушкины, Разумовскіе. Русскіе вообще и ихъ государыня въ особенности рисуются въ такомъ свѣтѣ, что мѣстами эпитеты замѣнены точками, а на полѣ министерская замѣтка, что „хорошо бы напечатать эти записки въ газетахъ". У Poterat характеристики Павла I, его супруги и дѣтей, Репнина, Остермана и Кобенцля. Въ *Mémoires*, подъ рубрикой „Autriche", къ тому же времени относится L томъ. Здѣсь помѣщены, между прочимъ, записки французскихъ агентовъ въ Венеціи и Германіи, въ 1795, о средствахъ разстроить сближеніе между Россіей и Австріей (№№ 27—29, 40). Затѣмъ въ этомъ томѣ бумаги идутъ до 1827 г.

5.

Въ дипломатической перепискѣ парижскаго архива (Russie, vol. 139) за 1793 г. много жалобъ французскихъ подданныхъ, въ особенности на главу торговой коммиссіи, Воронцова, которымъ руководила „la haine pour le nom français". Съ другой стороны, встрѣчаемъ любопытную жалобу (отъ 10 мая) Симолина: нашъ дипломатъ „8 лѣтъ бывшій полномочнымъ министромъ императрицы во Франціи", послалъ своего слугу за оставленными въ Парижѣ вещами, а того арестовали. Въ отвѣтъ на нее министръ иностр. дѣлъ далъ характерный приказъ (7 іюня) парижскому мэру—навести справки объ этомъ случаѣ, чтобы конвентъ могъ отвѣтить Симолину „de la manière qui convient à un grand peuple justement indigné des persécutions exercées par l'impératrice de Russie sur les français qui se sont trouvés dans ces derniers temps sur son territoire, et notamment de l'atteinte portée au droit des gens par m. Siewers sur la personne du malheureux Bonneau, secrétaire de légation de la république à Varsovie". — Изъ относящихся сюда подобныхъ же бумагъ 1794—1795 гг. наиболѣе любопытна копія записки эмигранта Tombeur'a, редактора бывшей Gazette de Pologne: здѣсь приведено такъ-называемое завѣщаніе Петра I по Eton'y.

6.

Въ парижскомъ архивѣ русскій отдѣлъ за 1796 годъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ депешъ нашего дипломата въ Генуѣ, Лизакевича, которыя перехватывались французскими генералами, какъ видно изъ донесенія Бертье директоріи, изъ штабъ-квартиры въ Кастильоне (3 thermidor an IV). При русскомъ текстѣ прилагался переводъ или обстоятельное изложеніе. При изложеніи одной депеши находится такая аттестація нашего агента: „Le correspondent russe paraît fort instruit de tout ce qui se passe en Italie, et ses lettres sont des rapports exacts et circonstanciés propres à instruire la cour à qui ils sont adressés; il est historien et observateur, il n'est pas superficiel comme la plupart des ministres de son pays; rien ne lui échappe, et il remplit supérieurement la mission d'espion titré et de conseiller d'état".

7.

Въ доказательство приводимъ цѣликомъ слѣдующій характерный документъ (Paris, 139, 114).—*Bouteville, commissaire du gouvernement près les départements réunis au Directoire Exécutif. Bruxelles, 22 frimaire an V.* Citoyens Directeurs, une estafette venant du département de la Meuse inférieure et d'ailleur très évidemment de la Russie apporte aujourd'hui à la Direction des postes de Bruxelles 4 paquets adressés à Butzow (chargé d'affaire russe à Madrid), Rechtern de Borgheimingen (à Lisbonne), Brandenbourg (consul russe à Cadix), Zeller (idem à Porto). Comme le directeur des postes, j'ai pensé qu'il convenait d'en référer à votre sagesse pour déterminer le sort de ces dépêches. На полѣ помѣтка: „Renvoyé au ministre des relations extérieures".

8.

Des frontières de Russie, 29 novembre 1796 (Paris, 139, 112). — *De Pétersbourg*, 12 décembre 1796 (Paris, 139, 113).—*Dubatschewskoy à comte de Rechtern* (envoyé extraord. et ministre plénipot. de Russie près la reine de Portugal), St.-Pétersbourg 11/22 novembre 1796. — *Le même à madame Dub-koy à Lisbonne*, та-же дата (Paris, 139, 91 и 92). Въ письмѣ къ женѣ, корреспондентъ, сказавъ о воцареніи Павла I, продолжаетъ: „C'est une époque pour l'empire de Russie. Nous voyons ici depuis 7 jours une activité étonnante à la cour, et nous nous flattons que cette activité fera notre bonheur, c'est-à-dire, de toute la Russie en général. Comme vous ne connaissez pas la manière d'être de ce pays-ci, je ne vous dirai rien de ce qui se passe ici sous le nouveau Empereur. Je vous recommande seulement de lire dorénavant les gazettes avec plus d'attention... Je me lève à présent à 6 heures, c'est-à-dire deux heures avant le lever du soleil. Mais vous me demanderez, à quoi j'emploie ces heures de la matinée? A des visites, souvent inutiles, à mes chefs, qui sont obligés aussi de se lever de grand matin à l'imitation du nouveau Empereur, qui reçoit déjà du monde chez lui avant six heures. Nous serons bientôt ici tous de très bons soldats et nous y gagnerons".

9.

Caillard au ministère, Berlin, 6 nivôse an V (Paris, 139, 118). — *Vanlennesse au ministère des relat. exter.*, Paris, 16 pluviose an V (Paris, 139, 129). Авторъ передаетъ извѣстія отъ своего петербургскаго корреспондента и говоритъ въ заключеніе: „Il finit par m'assurer qu'il ne tiendra qu'au gouvernement français de rétablir la bonne harmonie entre les deux états par quelque démarche approximative, attendu que le souverain actuel se pique de tenir une route toute opposée à celle de Catherine".

10.

Tatot Dorflans au Directoire, Paris, 8 nivôse an V. Здѣсь сказано, между прочимъ: „La mort de l'impératrice de Russie doit nécessairement amener un changement dans le système politique de cet empire... Le goût de Paul I pour la tactique prussienne, son amitié pour le monarque pourraient le détacher de la coalition dans laquelle sa mère était entrée contre nous". Объ отношеніяхъ цесаревича Павла къ Пруссіи, см. нашъ *Союзъ князей*, гл. XVI.—*Soulavie aux membres du Directoire*, Paris, 5 nivôse an V (Paris, 139, 117). — *Mémoire du citoyen Darneville*, Genève, 17 pluviose an V (Paris, 139, 131). Желая побудить Павла I устроить миръ между Франціей и Австріей, Дарневиль совѣтуетъ прежде всего „mettre au jour la bassesse des ministres russes vendus aux cours de Vienne et de Londres. La cour de Russie a toujours eu un vif désir de s'immiscer dans les affaires de l'Empire et a toujours aspiré à se faire reconnaître comme garante du traité de Westphalie. On peut croire que le czar adopterait facilement un projet qui le mettrait dans le cas de présider à cette négociation et dont la conséquence immédiate serait de lui procurer la garantie d'un traité qui, par ses résultats, doit avoir la même importance que celui de Westphalie... Quelque soit le succès de l'intervention du czar, cette démarche ne peut manquer de jeter un levain de désordre entre les deux cours impériales".

11.

Герцогъ вюртембергскій еще при Екатеринѣ II хлопоталъ о промѣнѣ Монбельяра, заброшеннаго среди французскихъ владѣній въ Эльзасѣ, на клочекъ земли въ швабскомъ округѣ. См. депешу Николая Румянцова въ нашемъ *Союзъ князей*, гл. XV.

12.

Записки Флассана (Paris, 139, 126 и 127) называются: *Coup d'oeil sur le nouveau cabinet de Pétersbourg* (23 nivôse an V) и *Moyen de rapprochement de la France et de la Russie*. Въ нихъ сказано: „Les premières opérations de Paul I n'ont encore aucune physionomie distincte. Elles se balancent mutuellement et semblent presque contradicter les unes par les autres... Il est souverain despotique, borné, farouche et dur. Dans son voyage en France, il fut fort bien traité à la cour, et le prince de Condé lui donna des fêtes brillantes à Chantilly. Enfin sa femme, qui a plus d'esprit que lui, est toute autrichienne... Les vacillations du cabinet de Potsdam, le caractère indécis et suspect du monarque prussien, le jésuitisme de m. d'Haugwitz, la désapprobation donnée par lui à l'envoi d'un observateur à Pétersbourg; tous ces faits rendent problématique, si la bonne harmonie du cabinet de Pétersbourg avec celui de Berlin nous rapprochera du premier, ou nous enlèvera le dernier, ou si cet évènement sera en lui-même absolument indifférent". Флассанъ совѣтовалъ приказать Кальяру допытаться въ Петербургѣ, черезъ прусскаго посланника, насчетъ „истинныхъ намѣреній Россіи относительно республики". Онъ совѣтовалъ также возможно лучше вознаградить герцога вюртембергскаго и доставить ему курфюршеское достоинство, „если царица или петербургскій кабинетъ заявятъ свое желаніе французскому правительству".

13.

Мы излагаемъ мирные переговоры между Франціей и Россіей, въ 1796—1797 г., при посредствѣ Пруссіи, по прекрасному, неизданному документу, который не рѣшаемся напечатать весь лишь въ виду его обширности. Это—министерскій докладъ Талейрана, состоящій изъ хронологическаго изложенія переписки министра иностр. дѣлъ съ Кальяромъ. Онъ былъ поданъ директоріи 9-го августа 1797 г. (21 thermidor an V) и одобренъ ею черезъ 5 дней (Paris, 139, 144).

14.

Тогда же министръ иностр. дѣлъ обращался къ проживавшимъ въ Парижѣ вюртембержцамъ, депутатамъ швабскаго округа Нѣмецкой имперіи, Норману и его товарищамъ. Они представили ему проектъ о возстановленіи старыхъ связей между Франціей и Россіей, при посредствѣ ихъ герцога, который находился въ особомъ уваженіи у Павла I (nous connaissons particulièrement le cas infini que fait le nouvel Empereur du mérite de son beau-père et de l'extrême désir qu'il a de lui complaire en tout ce qui dépend de lui). Они предлагали отвезти герцогу письмо отъ директоріи и даже съѣздить въ Петербургъ. Но директорія отклонила предложеніе, соглашаясь только попытать вюртембергскаго министра въ Парижѣ, Абеля. — *Baron de Normann au ministre des relat. extér.*, Paris, 2 nivôse an V. Приложенъ *Projet de négociation pour rétablir les anciens rapports entre la France et la Russie et à effectuer la médiation de cette dernière puissance pour la paix générale* (Paris, 139, 115 и 116).

15.

Этотъ докладъ (Paris, 139, 133) носитъ названіе: *Considérations générales sur cette question: est-il temps de faire passer un agent en Russie, et comment?* Въ заголовкѣ: Relations extérieures, 2-e division, 22 pluviose an V. На полѣ: „Peut-être la division a tort de prendre ainsi l'initiative sur cette matière, mais les diverses dépêches venues de toutes parts sur la Russie et son nouvel empereur lui ont fait croire qu'il était de son devoir de jeter quelques regards sur cette contrée et ce que nous pouvions y faire". Приводимъ этотъ документъ цѣликомъ, въ виду его важности и неизвѣстности.

La réponse à cette question doit être le résultat des réflexions suivantes. Nous la puisons dans la correspondance antérieure et dans quelques avis nouvellement reçus au Bureau.

La mort de Catherine II, l'avènement de Paul I au trône sont deux évènements qui méritent la plus grande attention du Gouvernement de la République: le premier, parce qu'il nous donne lieu de rappeler quels étaient nos derniers rapports avec la Russie, pendant les douze ou quinze années du règne de Catherine; le second, parce qu'il nous fixe nécessairement sur l'état actuel de la Russie, tant à l'égard de ses rapports politiques que de sa situation intérieure. Or, ce n'est que de ces deux bases qu'on doit partir pour bien apprécier les renseignements généraux que le ministre a reçus, concernant nos intérêts particuliers.

D'après les renseignements que nous fournit la correspondance suivie de nos agents en Russie avant notre Révolution, Catherine II avait senti que la France était pour ses états un objet de la plus grande importance; et les russes en général, surtout à Pétersbourg et à Moscou, le sentaient peut-être encore plus qu'elle. Cependant les plans de Pierre I que la cour de Russie s'est toujours proposé de suivre pour se rapprocher du Midi de l'Europe et de ses contrées à l'Ouest de la Russie, trouvaient un obstacle dans les liaisons que la France avait avec la Pologne et la Turquie. C'est ce qui a principalement empêché la cour de Russie de se lier réellement avec la France et ce qui a donné la prépondérance aux anglais dans cet empire. La Russie avait besoin de l'une ou de l'autre puissance, préférablement à toute autre. Les anglais lui construisirent 50 vaisseaux de ligne, contre leur véritable intérêt, et ils s'assurèrent de sa liaison dans la dernière guerre entre la Russie et les Ottomans, les anglais se liguèrent contre elle avec la Prusse et ils furent à la veille de perdre toute leur influence à Pétersbourg. Catherine dit même hautement alors qu'elle se vengerait des anglais.

Notre Révolution avait, à cette époque, porté les premiers coups à l'autorité de la royauté en France. Cette révolution ne déplaisait pas aux russes, surtout au peuple de Pétersbourg et de Moscou. Sollicitée par la cour d'Espagne, Catherine était même sur le point de former avec la France, l'Espagne, Naples et les deux cours du Nord une

alliance qui aurait renversé tous les projets des anglais et nous aurait assuré le commerce le plus avantageux dans ses états. Trompée, comme elle l'ètait véritablement par Léopold par la Convention de Reichenbach, elle ne voyait dans cet empereur qu'un fourbe qui la jouait. La haine naturelle des russes contre les autrichiens se manifestait ouvertement, surtout lorsque Catherine fut instruite que Léopold connivait avec les anglais et les prussiens, pour faire perdre à la Russie tous les avantages qu'elle avait lieu d'attendre de la guerre la plus heureuse et qui mettait Constantinople à sa discrétion.

Telles étaient les bonnes dispositions de Catherine II et des russes à notre égard; et les russes en général n'ont pas changé de manière de penser. Bien au contraire, ils croient voir dans l'avenir notre systême propager son influence par l'opinion qui se forme chez eux, et ils espèrent jouir enfin de leur liberté naturelle, particulièrement les habitants de Moscou.

Mais la mort de Louis XVI arriva. Catherine II fut effrayée sur son trône usurpé, croyant voir dans la noblesse de Moscou, qui, depuis plusieurs années se retirait de sa cour, autant de chefs de parti, qui allaient déchirer l'empire et la renverser du trône. Le Grand-Duc, son fils, lui avait fait sentir dans une conversation particulière que le trône de son père lui appartenait; et il n'avait quitté Catherine qu'en lui disant: „je m'attends à être sacrifié; mais plusieurs personnes tomberont dans le tombeau avant moi".

Léopold fut instruit de ce trouble et de cette inquiétude de Catherine II. Il sut bientôt s'emparer de son esprit par le moyen de son ministre Cobentzel à Pétersbourg, et la scène changea de face. La convention de Pilnitz qui d'abord n'eût d'autre but entre le roi de Prusse et l'empereur qu'une défense réciproque contre leurs sujets, s'ils suivaient ou voulaient suivre l'exemple des français, devint le point de ralliement de toutes les cours qui jurèrent la perte de la France sans s'inquiéter réellement de ce que deviendraient les Bourbons.

Catherine fit sa paix avec les turcs, et après avoir avancé la coalition par de grandes promesses qu'elle n'était pas en état d'exécuter, elle fondit sur la Pologne qui avait eu, quelques temps auparavant, la maladresse de réclamer son appui contre la Prusse.

Epuisée par une guerre qui lui avait couté deux millions d'hommes au moins et par l'excès des dilapidations de son ami Potemkin, qui avait converti plus de vingt cinq millions de livres à son profit, pour se rendre indépendant, Catherine profita du loisir que lui laissaient les coalisés et trouva dans l'invasion de la Pologne de quoi rétablir un peu les ressorts de son gouvernement. Jamais Catherine n'aurait donné un seul homme à la coalition; et Paul I n'en sent que trop aujourd'hui l'impossibilité. Si elle prodigua cinq à cix cents mille livres pour les émigrés, c'était pour fomenter leur animosité; car elle les méprisait souverainement.

Malgré les démonstrations hostiles de Catherine, le peuple et même les militaires faisaient des voeux pour le succès de nos armes. Ils détestent autant les prussiens que les autrichiens. Il n'est donc pas douteux que la Russie verrait avec beaucoup de satisfaction le souverain se réunir à la France, ou, au moins, observer la plus stricte neutralité.

On avait entendu avec indignation à Pétersbourg le ministre anglais Withworth répandre dans les cercles de cette capitale que la France devait être rayée du tableau diplomatique de l'Europe et assurer que depuis l'Assemblée Constituante tout se faisait en France au gré du ministère anglais et par son influence. Les russes n'étaient donc pas nos ennemis.

Passons au second évènement, c'est-à-dire, à Paul I montant sur le trône.

La correspondance nous rapporte quelques traits de sa vie privée; mais elle ne nous le peint pas d'une manière avantageuse. C'était, dit-on, un caractère sombre, farouche, soupçonneux, dur et qui a manqué plusieurs fois de monter sur le trône, en traitant sans égard, éloignant même de son service les gens les plus dévoués à ses intérêts et les plus capables de lui frayer le chemin à l'autorité suprême. On assure même que l'empire de Russie ne peut tarder à être déchiré par des factions et des troubles intérieurs peu de temps après qu'il sera sur le trône. Il a toujours manqué d'égards à son

épouse, en se livrant à une concubine nommée Nélidoff, et a même réduit son épouse à n'avoir pour compagne et servante que cette fille, très laide d'ailleurs et sans esprit.

Voilà ce que la correspondance nous en apprend, dans les dépêches officielles.

D'un autre côté, il paraît se présenter sous un aspect plus favorable dans les derniers rapports que le ministre a reçus.

Il rappelle auprès de lui plusieurs grands personnages que sa mère avait éloignés de la cour, à la sollicitation des Orlow, à qui elle dût son crime et le trône. Parmi ces personnages, il en est quelques uns qui ont aimé la France; tels que Répnin, Romanzoff. Parmi les créatures de sa mère, il a gardé Ostermann, qui s'est toujours montré favorable aux vues des anglais, quoiqu'en plusieurs circonstances il ait parut se rapprocher avec franchise de nos agents. Il est chancelier de l'empire, et l'on ne doit pas douter que dans ce poste éminent il ne lutte avantageusement en faveur des anglais. Le conseiller privé Besborodko nous avait été assez favorable et paraissait moins porter à écouter les suggestions des anglais.

Mais quels que soient les personnages qui entourent aujourd'hui l'empereur et quelle que soit leur vraie manière de penser, on sent bien que ces individus ne peuvent encore risquer de s'ouvrir dans un état despotique. Le changement de maître ne leur permet de parler qu'après avoir écouté quelque temps le nouvel autocrate, et de dire un simple *oui* que lorsqu'il a paru, encore plus par ses opérations que par ses paroles, décidé pour un parti quelconque.

Paul I semble montrer beaucoup d'humanité dans ce qu'il fait pour le soulagement du peuple, des hôpitaux dans la liberté qu'il a donnée à d'illustres prisonniers; il flatte les prêtres, comme il croit devoir le faire chez un peuple encore barbare; mais Pierre I les faisait trembler. A ce trait il est facile d'apercevoir combien Paul est éloigné de la hauteur de son rang. Il s'occupe de petites formes qui marquent réellement un génie fort rétréci. Il s'aliène les officiers de sa milice à qui Catherine avait permis un luxe démesuré, même des déprédations étonnantes qui ont beaucoup contribué à épuiser ses finances. Dans un empire despotique, il ne voit pas où peut aboutir ce mécontentement, aux premiers instants d'un règne.

Il vient de changer le systême des douanes, permettre la sortie des grains et rendre la liberté au commerce. Mais tant que ce commerce sera subordonné à celui des anglais, comme il l'est effectivement à Pétersbourg, le commerce de la Russie sera, pour ainsi dire, précaire.

Une lettre du c. Noël, notre ministre à la Haye, semblerait nous ouvrir quelque voie pour renouer avec la Russie. Ce serait par les rapports commerciaux de cette République avec le Nord. Cependant la Hollande en général, étant comme identifiée aujourd'hui avec la France, et privée des ressources qui la rendaient l'entrepôt de toute l'Europe, outre le grand crédit de sa banque qu'elle n'a plus et qui faisait de la place d'Amsterdam le centre de la circulation de presque tous les effets commerciaux, la Hollande, dis-je, ne peut offrir que de très faibles moyens. D'ailleurs les hollandais ne pourraient faire aujourd'hui de commerce avec la Russie que par des bâtiments neutres: marche toute opposée à celle qu'ils suivaient ci-devant, puisque c'étaient eux qui étaient les voituriers maritimes de l'Europe pendant les guerres.

D'ailleurs la Russie ne pourrait guères se lier avec eux par des relations commerciales directes, sans porter ombrage aux anglais avec qui elle est liée par le traité de la triple alliance, traité qui seul en impose pour le moment à la Prusse que les russes n'aiment pas et n'estiment pas, quoique Paul semble sympathiser à certain point avec Frédéric-Guillaume. Ce traité en impose également aux polonais en ce qu'il est un sujet d'épouvantail pour le turc, dont ils n'osent aujourd'hui se promettre du secours.

Mais cette raison au moins aussi puissante empêche de considérer la Hollande comme le vrai moyen de cette réunion. La Hollande ne tirerait aucun avantage du commerce de la Russie, où la pénurie d'argent est extrême. En 1788, la balance du commerce de la Russie en général était de cinq millions de livres contre elle. Or depuis cette époque, le commerce y a toujours été en décroissant. Le papier-monnaie y est incalculable, et

ne soutient qu'à trente et quarante pour cent de perte, par l'autorité seule du despotisme. Quant à notre commerce, il y a presque toujours été nul. La branche la plus avantageuse eût été nos eaux de vie, si le gouvernement royal, quoique prévoyant d'un côté, l'eût été pareillement de l'autre: et c'est ce qui a empêché cette branche de commerce d'y être aussi avantageuse qu'elle devait l'être.

Mais pour revenir à la lettre du c. Noël; „le citoyen Van Dedem, dit-il, croit que le moment serait favorable pour essayer de rétablir les anciennes liaisons avec le cabinet de Pétersbourg, afin de rendre sinon la liberté, au moins plus de cours au commerce des deux Républiques. Un arrangement avec la Russie assurerait à son pays l'inactivité de la Russie, dont les anglais veulent se procurer la marine, en sacrifiant même des sommes considérables. La commission diplomatique de Hollande ne paraît pas éloignée de cette idée. Elle a même pensé au cit. Grisheim, son dernier résident à Varsovie, et dont elle a les témoignages les plus avantageux. Le cit. Caillard le connaît et rendrait compte de son *credo* politique et de sa capacité".

„La Suède serait peut-être une autre voie plus sûre pour faire quelque tentative. Le c. Perrochel, qui a été bien vu à Stockholm, et qu'on y reverrait encore avec plaisir, pourrait faire en notre faveur des insinuations à la cour de Pétersbourg, en profitant de la circonstance du mariage du roi".

On sonderait peu à peu les sentiments de la Grande-Duchesse ou czarine avec laquelle le czar paraît véritablement réconcilié. On a même lieu de se promettre qu'elle aura la plus grande influence dans les affaires politiques.

D'un autre côté, le c. Caillard seconderait des démarches, en profitant de l'amitié apparente que le czar montre pour Frédéric-Guillaume.

Mais il est probable que la voie la plus praticable serait la cour de Madrid, vers laquelle le czar envoie un ambassadeur. La cour de Pétersbourg voit depuis longtemps de bon oeil celle d'Espagne. Les créatures dont s'entoure aujourd'hui le czar ont presque toutes été favorables à la cour de Madrid. Il n'est donc pas douteux qu'on ne puisse tirer parti de ces vues.

Néanmoins, avant de se déterminer à faire passer un agent en Russie, sous un titre quelconque et même non ostensible, quoique connu du ministère, il faudrait avoir quelques renseignements de ces divers points du corps diplomatique, pour ne pas faire une fausse démarche. Il faudrait un agent versé dans les langues du Nord, qui en connût les usages, les habitudes, les prétentions, et surtout un homme d'une tête froide et réfléchie. Ce sera, si l'on veut, un savant qui y paraîtra comme désirant s'instruire de quelques faits ou théories sur l'une ou l'autre branche des sciences, ou un négociant sous le titre de voyageur et avoué de son gouvernement.

Dès qu'il aurait sondé le gué, il donnerait des avis sur ce qu'il aurait observé et connu. Il est sûr de trouver en général les russes bien disposés en faveur des français; alors on entamerait quelque négociation par l'entremise de l'une ou l'autre puissance. Mais hâtons-nous lentement. C'est uniquement d'après ces considérations que le gouvernement peut se décider à envoyer un agent.

16.

Находился и подходящій человѣкъ для этой миссіи. Это – бывшій секретарь посольства въ Берлинѣ и французскій консулъ въ Остенде. Онъ выставлялъ свои связи съ Дашковой, съ ея племянникомъ, Бакунинымъ, и съ Фитингофомъ, причемъ представилъ копіи своей переписки съ ними. Владѣлецъ торговаго дома, Де-Ве, предлагалъ съѣздить въ Берлинъ, Варшаву или Оливу, гдѣ онъ надѣялся легко получить паспортъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ помѣстить тамъ свои вина. Съ помощью своихъ связей, онъ думалъ добиться „нейтралитета" Россіи, чтобы „принудить жесточайшаго нашего врага, Англію, заключить съ нами желательный миръ". Но письма Де-Ве указывали лишь на литературныя сношенія съ русской меценаткой, и министръ ограничился, въ своемъ

отвѣтѣ, восхваленіемъ его патріотизма. *De Bays au ministre des relat. extér.*, Nuits, 30 pluviose an V.—*Réponse du ministre*, 12 ventôse (Paris, 139, 136 и 137).

17.

Эта нота (7 ventôse an V), а также упоминаемыя ниже свѣдѣнія изъ московскаго архива за 1797 — 1799 годы, находятся въ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго и Милютина: Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе императора Павла I.

18.

Замѣчательное по лести письмо Франца II Павлу I о помощи (7 апрѣля 1797), составленное Тугутомъ, помѣщено у *Vivenot:* Vertrauliche Briefe des Freiherrn v. Thugut, II, 28—30. Сознаваясь, что его одолѣваютъ „toutes les craintes de voir corrompre par des opinions dangereuses l'antique fidélité des mes sujets", Францъ заявляетъ: „dans une situation aussi cruelle il ne me reste que V. M. pour appui".

19.

Вотъ полный текстъ этого любопытнаго для нашей исторіи рескрипта, скрѣпленнаго Гаугвицомъ (Paris, 132, 142). *Pyrmont le 3 juillet 1797.* Vous avez reçu en son temps connaissance de la note que le ministre de France à ma cour a remise à Berlin sur la disposition du gouvernement de la république de rétablir les anciennes liaisons d'amitié et de bonne intelligence entre elle et la cour impériale de Russie, aussi bien que de la réponse préalable à laquelle je me trouvai alors obligé de me borner. Je viens maintenant de recevoir la réponse de S. M. l'Empereur de Russie à la communication que je m'étais empressé de lui faire de ces ouvertures. Elle a été donnée verbalement, par le vice-chancelier, prince de Besborodko, à mon ministre le comte de Brühl, et porte:

„Que S. M. Impériale est très disposée à écouter les ouvertures que le sieur Caillard a été chargé de lui transmettre par mon organe; qu'elle se prêtera volontiers à donner les mains à tout ce qui pourra ramener la bonne intelligence qui régnait autrefois entre la Russie et la France, surtout si elle peut devenir utile à ses alliés; qu'elle ne demande pas mieux que d'employer ses bons offices pour le rapprochement des puissances belligérantes et le rétablissement de la tranquillité; et qu'elle est prête, de plus, à prendre une part directe à la pacification générale, à condition de la partager avec moi et d'y paraître ainsi *en qualité de médiateur*, si les parties intéressées sont portées à le désirer et à l'y inviter; qu'enfin, elle espère que je me chargerai de faire passer à Paris la réponse susdite".

Il m'est doux d'avoir à transmettre à la république des explications aussi analogues à l'esprit de celles dont elle m'a confié lá communication et d'avoir ainsi obtenu heureusement le but de la commission agréable dont je me suis chargé. Vous vous empresserez donc à en faire part au Directoire et lui témoignerez que souhaitant de concourir, autant qu'il dépendra de moi, au raffermissement entier et complet de la bonne harmonie entre les deux puissances, vers lequel il vient d'être fait un premier pas si considérable, j'étais tout prêt et m'employerais volontiers à faire pässer ultérieurement à Pétersbourg ce que le gouvernement français voudrait y faire déclarer en retour et pour donner suite aux ouvertures dont je venais d'être l'organe.

20.

Помѣщаемъ цѣликомъ эту ноту (Paris, 139, 145). *Note verbale. Reçue au Directoire le 4 fructidor an V.* La résolution de l'Empereur à la suite du voeu énoncé par le gouvernement français de rétablir la paix et les liaisons d'amitié qui existaient avant la

guerre entre l'Empereur de toutes les Russies et la France, ont déjà été portés à la connaissance de la cour de Berlin, mais S. M. Prussienne, paraissant désirer une explication plus étendue en réponse à l'office dont elle a bien voulu se charger, le ministère de S. M. Impériale a eu ordre d'en faire l'objet de la présente note.

Dans la situation actuelle des affaires, la Russie ne peut pas être considérée en état de guerre avec la France; dès son avènement au trône, l'Empereur a donné des témoignages irréfragables de sa modération et de son amour pour la paix; non-seulement S. M. I. n'a manifesté aucune intention hostile contre la France, mais elle a contremandé la marche d'un corps considérable de troupes destiné à agir contre cette puissance. Elle a employé toute son influence auprès de ses alliés pour les porter à une prompte pacification; elle a déclaré qu'elle interposerait avec plaisir les bons offices et sa médiation formelle pour atteindre ce but, aussitôt que l'invitation lui en serait faite par les parties co-intéressées; enfin toutes les démarches de S. M. ont porté le sçeau de la droiture et de la loyauté des vues qui la dirigent. Par une suite de ces mêmes principes et de ses voeux sincères pour le retour de la tranquillité publique, l'Empereur se prêterai avec bien de la satisfaction aux intentions du gouvernement français et surtout si, comme le fait augurer la note du ministre de France, un semblable rapprochement peut en effet accélérer l'oeuvre salutaire de la pacification générale, et si cette négociation offre à S. M. I. un moyen d'être utile à ses alliés.

Après une communication aussi franche, aussi précise, le cabinet de Berlin n'aura rien à désirer pour répondre à la note du ministre de France, et S. M. I. se flatte que le gouvernement français ne tardera pas à être instruit de ses dispositions.

21.

Вотъ относящаяся сюда часть доклада Талейрана. L'envoyé russe à mis de l'empressement à remplir les instructions de sa cour. Il a témoigné au c. Caillard le désir de s'entretenir particulièrement avec lui. Leur conférence a eu lieu dans le parc qui est à la porte de Berlin et où ils se sont rendus chacun de leur côté en sortant d'un dîner que le comte de Finkenstein leur avait donné exprès pour leur fournir une occasion et un lieu de rapprochement.

Après des compliments et des félicitations réciproques, m. de Kolitscheff a répété au cit. Caillard tout ce qui se trouve énoncé dans la réponse transmise par S. M. Prussienne sur les dispositions de l'Empereur tendantes à un rapprochement complêt entre les deux pays, sur son désir d'entrevenir dans les négociations ou par sa médiation ou par ses bons offices. Après quoi il a prié le c. Caillard de lui communiquer ses idées sur la manière de procéder à la réconciliation. Celui-ci a répondu que cette manière serait d'autant meilleure qu'elle serait plus simple; qu'il ne s'agissait que de liaisons d'amitié et de commerce et que ce double objet serait facilement rempli par une convention conçue en deux ou trois articles dont le premier porterait le rétablissement des rapports politiques, comme ils existaient précédemment entre les deux nations et d'autre celui des relations commerciales, soit en s'arrètant au traité de commerce conclu à Pétersbourg par le cit. Ségur en 1786, soit par un nouveau, de manière toutefois que le commerce français fût traité en Russie comme celui de la nation la plus favorisée.

M. de Kolitscheff a promis d'en faire son rapport à sa cour. Le cit. Caillard réclame des instructions et des pouvoirs pour terminer soit avec m. de Kolitscheff, si l'Empereur lui confie cette besogne, soit avec celui que S. M. Impériale enverra pour cet objet. Il observe que la position de Berlin est telle que l'obstacle des distances serait à peu près aussi diminué qu'il est possible et qu'on arriverait à la conclusion aussi promptement qu'on peut l'espérer.

Cet exposé en rapprochant l'origine et les progrès d'une négociation qui a été entamée par les ordres du Directoire Exécutif et conformément à ses instructions, lui aura prouvé que sur ce qui est relatif au rétablissement des liaisons d'amitié et de commerce

entre la France et la Russie, il a obtenu jusqu'à présent tout ce qu'il désirait; et ce succès de ses premières ouvertures paraît tel qu'il ne s'agît plus que d'envoyer au cit. Caillard des instructions et des pouvoirs pour conclure.

Mais il est remarquable comment l'Empereur de Russie a insinué qu'il désirait d'intervenir comme médiateur et concurremment avec S. M. Prussienne dans les négociations pour la paix générale.

Il serait difficile de dire avec précision jusqu'à quel point le roi de Prusse qui s'est empressé de transmettre cette position incidente s'intéresse à ce qu'elle soit agréée.

22.

Въ докладѣ Талейрана сказано, по поводу посредничества Россіи: Dans la dépêche du 20 messidor, le cit. Caillard instruit déjà de cette prétention de la Russie, disait:

„Il serait dangereux de l'admettre et dur de le refuser entièrement.

„La paix qui va se conclure avec l'Empire est une opération politique tout aussi importante que l'a été au siècle dernier le traité de Westphalie et deviendra à son tour la loi fondementale de l'Empire. Si donc on admet la Russie comme médiatrice ou garante de cette paix on lui fournit désormais le moyen d'entrer dans toutes les affaires d'Allemagne, d'y exercer une influence immense et d'autant plus dangereuse que lorsqu'elle serait jointe à celle de l'Autriche, les deux cours impériales se prêteraient mutuellement une force supérieure à celle de la Prusse et du parti protestant. Ce n'est pas d'aujourd'hui que la Russie cherche à s'immiscer dans les affaires du corps germanique. C'était une branche du système politique de Catherine II; celui de la République et de tous les amis de la paix doit être d'en écarter cette puissance inquiète et turbulante, du moins aussi longtemps qu'il se pourra. Je serais donc d'avis que le désir de Paul I d'intervenir dans les négociations fût éludé avec tous les ménagements dus à un prince avec lequel nous songeons à nous réconcilier".

L'avis du cit. Caillard, appuyé sur des considérations dont l'importance est sentie, sera sans doute partagé par le Directoire Exécutif. Déjà même le ministre des relations extérieures ayant été dans le cas de prévoir cette prétention du cabinet de Pétersbourg n'avait pas négligé de la discuter et dans une lettre au cit. Caillard il lui observait „que la Russie ne pouvant s'immiscer dans les affaires d'Allemagne que comme garante de la paix de Teschen, si la Bavière restait intacte, il n'y avait pas lieu à son intervention".

Aussi voyons-nous que cette puissance ne réclame point le droit d'intervenir, mais que seulement elle en exprime le voeu, et encore d'une manière assez peu directe et positive pour qu'on croie qu'elle ne doute pas de le voir rempli.

23.

Вотъ относящееся сюда заключеніе доклада Талейрана: въ своей оффиціальной нотѣ Гаугвицу, Кальяръ скажетъ, „qu'il (le Directoire) eût même éprouvé une satisfaction véritable à profiter des intentions conciliatrices que S. M. Impériale a manifestées relativement à la paix d'Allemagne; mais que les négociations se trouvant entamées, la crainte d'en ralentir la marche, d'en reculer le terme est un motif tellement impérieux qu'il ne permet pas au Directoire Exécutif de réclamer en cette circonstance la double médiation de la Prusse et de la Russie".

24.

Контръ-проектъ директоріи приложенъ къ письму Талейрана Кальяру, отъ 3 вандемьера VI г. (*Paris*, Prusse, 222). Вотъ его полный текстъ:

PROJET DE TRAITÉ. — *Paris, 3 vendémiaire an VI.*—La république française et S. M. l'E-r de toutes les Russies désirant de rétablir la paix et la bonne harmonie qui avaient subsisté entre les deux états avant la guerre actuelle, ont nommé à cet effet, savoir, le Directoire Exécutif au nom de la république française... lesquels après avoir échangé leurs pleins pouvoirs respectifs ont arrêté les articles suivants.—*Article I.* Il y aura paix, amitié et bonne intelligence entre la république fr-se et S. M. l'E-r de toutes les Russies. — *Art. II.* En conséquence toutes hostilités cesseront entre les deux puissances à dater du jour de l'échange des ratifications, et à partir de la même époque aucune d'elles ne pourra fournir aux ennemis de l'autre, tant extérieurement qu'intérieurement et sous quelque prétexte que ce soit, aucun secours, ni contingent en hommes, argent, chevaux, vivres, vaisseaux, munitions de guerre ou autres. — *Art. III.* Tous les rapports politiques et commerciaux seront rétablis entre les deux nations sur le pied ou ils étaient avant la guerre actuelle. — *Art. IV.* Comme le traité de navigation et de commerce de 1787 est sur le point d'expirer, les deux puissances s'occuperont sans délai d'en contracter un nouveau qui aura pour base l'équité, la bonne foi et le plus grand avantage commun des deux pays. Jusqu'à sa conclusion, il est expressement convenu par le présent article que les choses resteront sur le pied ou elles auront été mises par l'article précédent. — *Art. V.* Il sera libre à tous citoyens et négociants français de voyager en Russie, d'y reprendre leurs anciens établissements de commerce et d'en former de nouveaux selon leur convenance en se soumettant aux loix et aux usages du pays. Les russes de tout état jouiront en France de la même facilité et aux mêmes conditions.—*Art. VI.* Il sera accordé, respectivement aux individus des deux nations, la main levée des effets, revenus, biens de quelque genre qu'ils soient détenus, saisis ou confisqués à cause de la guerre, qui a eu lieu entre la république fr-se et S. M. l'E-r de toutes les Russies, de même qu'une prompte justice à l'égard des créances particulières quelconques que ces individus pourraient avoir dans les états des deux puissances contractantes. — *Art. VII.* Conformément à l'article 6 du traité conclu à la Haye le 27 floréal de l'an 3 la république Batave est comprise dans le présent traité pour le rétablissement de la paix entre elle et la Russie.— *Art. VIII.* Le présent traité sera ratifié et les ratifications échangées etc.—Approuvé. L. M. Revellière-Lepeaux. Barras. Merlin.

25.

О ненависти Павла I къ Бонапарту, см. письмо анонима въ Archives Nationales, у *Wertheimer'a:* Geschichte Oesterreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des XIX Jahrh., I, 140.—По поводу предложенія Павла I замѣчательно письмо Тугута къ Коллоредо, отъ 2 августа 1797 (*Vivenot:* Vertrauliche Briefe, II, 44—45). Тамъ сказано: „La proposition aurait eu un côté assez tentant sous feue l'impératrice, mais sous un règne aussi pitoyable que celui actuel de Russie la chose est bien différente; les inconvénients sont beaucoup plus grands et l'utilité bien moindre. Quand on considère, combien S. M. est déjà tourmentée à l'occasion de la maison de Wurtemberg, l'on tremble en pensant ce que ce serait, si une fille de Russie entrait dans la famille impériale. Au surplus, comme l'E-r Paul est très vindicatif, bouffi d'orgueil, et que la proposition est venue de Pétersbourg, il est sûr que Paul I deviendrait l'ennemi implacable de l'Autriche, si le secret transpirerait et que le projet cependant, comme il est probable, ne peut pas se réaliser".

26.

Интересная для русской исторіи переписка Тугута съ Коллоредо, Кобенцлемъ и Дитрихштейномъ за 1797—1798 гг. помѣщена у *Vivenot:* Vertrauliche Briefe, II, 44—135. Тугутъ извѣщалъ Коллоредо 5 окт. 1797, что, по свѣдѣніямъ Дитрихштейна, „l'Empereur Paul doit se trouver dans une situation d'esprit fort extraordinaire et qui peut faire craindre

des évènements dans l'avenir". 1 янв. 1798 г. онъ извѣщалъ его о русскихъ замѣчаніяхъ на миръ въ Кампо-Форміо: „Ces observations paraissent bien peu précises et paraissent si peu toucher au but, qu'on pouvait remarquer que Razoumovsky, accoutumé à la gloire du règne de feue l'impératrice et à la marche de sa politique, était tout honteux d'en parler. Il m'a promis cependant de mieux étudier ses dépêches et de revenir en conférer avec moi". Отъ 2 января: „En considérant les étranges contradictions, sur ce qui regarde notre paix, et en combinant toutes les autres anecdotes que Dietrichstein rapporte sur la conduite journalière de l'E-r de Russie, l'on ne peut y méconnaître des preuves d'une véritable démence". Тугутъ съ огорченіемъ совѣтовалъ Дитрихштейну поменьше хвалить Панина, которому повредили, въ глазахъ Павла, восхваленія въ перехваченномъ письмѣ Уайтворта.—Много интереснаго на эту же тему, а также о миссіи Кобенцля въ Петербургѣ, находится въ другомъ сочиненіи *Vivenot:* Zur Geschichte des Rastadter Congresses, p. 185—225, 345, 359. — Какъ въ Петербургѣ смотрѣли на Вѣну, видно изъ письма Ростопчина Воронцову отъ 22 дек. 1798 и 27 іюня 1799 (*Архивъ кн. Воронцова*, кн. 8).

27.

Самыя злыя изъ этихъ сочиненій принадлежатъ гамбургскому анониму (Détails nouveaux sur Paul I et sa cour, въ *Mémoires*, XXXII, 2) и гг. Grouvelle (Précis anecdotique sur l'état actuel de Pétersbourg et sur quelques singularités caractéristiques de Paul I; *Mém.* XXXV, 33) и Wolsay. Обширная переписка послѣдняго съ министерствомъ (см. нашу статью въ *Вѣстникѣ Европы*, гл. VI), находится частью въ *Mémoires* (XXXV 34—39), частью въ *Paris* (139, 155—158, 163, 164). Нѣкоторыя бумаги состоятъ изъ польскихъ свѣдѣній о русскихъ войскахъ и изъ печатныхъ указовъ Павла I о финансахъ. Одна носитъ названіе: Résumé du plan de l'agrandissement de la Russie et de l'asservissement de l'Europe, tracé par Pierre I. Интересны обширныя статистическія данныя о Россіи, собранныя Кальяромъ въ его Coup d'oeil sur l'état politique de la Russie (*Mém.* XXXII, 3).

28.

Paul I au général de cavallerie de Numsin, Pétersbourg, 28 janvier 1799, copie (*Paris*, 139, 161). Въ концѣ прибавлено: „En cas de refus du roi de Prusse d'entrer dans la coalition projetée, la destination de votre corps n'éprouvera d'autre changement que celui d'agir ou avec les anglais sur le continent, ou de s'y joindre avec les autrichiens et pour surveiller les démarches du roi de Prusse, garder les frontières et tenir en respect la Pologne... Je vous enverrai de plus amples instructions car les nouvelles que j'attends (изъ Берлина) doivent être positives". Михайл.-Данилев. не зналъ этого документа: онъ указалъ только (I, 474) на повелѣніе Нумсену принять команду отъ Голицына, отъ 27 января.

29.

Extrait d'une lettre de Pétersbourg (*Paris*, 139, 154).— *Oniz à Saavedre*, Pétersb., 12 mars 1799 (*Paris*, 139, 164; переводъ съ испанскаго): „Depuis quelques années on avait introduit dans ce pays-ci la danse qu'on appelle walze en Allemagne. Cette sorte de danse avait tellement pris faveur qu'elle avait fait abandonner presque toutes les autres. Mais l'E-r a jugé convenable de la défendre comme indécente à cause de la manière dont elle était dansée et comme contraire à la santé par l'ardeur avec laquelle on s'y livrait".

30.

Thugut an Colloredo, 8 августа 1797. *Cobenzl an Colloredo*, Petersb., 10 декабря 1798, 7 апр., 3 и 31 іюля 1799. У *Vivenot:* Vertrauliche Briefe, II, 46, 135, 157, 175, 179.

Въ письмѣ отъ 10 декабря сказано о Павлѣ I: „à présent sa grande marotte est l'ordre de Malte: quelque ridicule, quelque illégal que soit tout ce qui s'est passé ici à cet égard, je crois qu'il n'y a pas à hésiter un instant pour nous d'y adhérer complètement". — Въ петербургскомъ Главномъ Архивѣ дѣла о Мальтѣ соединены въ особомъ рядѣ картоновъ, подъ названіемъ *Malte;* но нѣкоторыя попадаются подъ рубрикой *Paris.* — Актъ объявленія Павла I магистромъ, 27 окт. 1798, помѣщенъ у *Мартенса:* Recueil des traités, 2 éd. VI, 337. — По этому поводу, важно письмо Бонапарта великому визирю (17 августа 1799), гдѣ говорится о религіозномъ сближеніи между революціонной Франціей и исламомъ. *Correspondance de Napoleon I,* V, № 4364. — Любопытно свидѣтельство Ростопчина объ участіи кн. Безбородко въ мальтійской идеѣ Павла I: *Архивъ кн. Воронцова,* VIII, 288.

31.

Этотъ взглядъ заявленъ директоріей оффиціально въ слѣдующей любопытной бумагѣ. — *Aux citoyens commissaires du commerce de la République française à Ancône, 9 pluviôse an VII.* Vous avez appris, citoyens, que l'Empereur de Russie s'était fait reconnaître par les ci-devant chevaliers de Malte réfugiés à sa cour pour Grand Maître de cet ordre et vous n'aurez pas manqué de faire tirer parti pour l'objet de votre mission d'un acte aussi extraordinaire que la nomination de chef de la religion grecque à une dignité qui était purement catholique. Voici une preuve encore plus forte du fond que les grecs peuvent faire sur l'attachement et le respect de ce prince pour la religion qui leur est commune. On donne comme certain qu'il a des projets sur la papauté, que déjà six cardinaux sont réunis à Pétersbourg, qu'on a fait à plusieurs autres la proposition de s'y réunir, et que Paul I veut rassembler autour de lui la majorité du sacré collège pour se faire déclarer par elle successeur de Pie VI et des apôtres. J'avoue qu'on hésite à croire à de pareilles extravagances, mais celles dont il ne nous est plus permis de douter donnent de la probabilité à toutes celles que l'on raconte, et un prince grec qui a voulu être un Grand Maître de Malte et dire la messe, qui a des vues non douteuses sur l'empire turc peut bien aussi vouloir être pape pour se trouver à la fois le chef des trois grandes religions qui régissent la majeure partie de l'univers.

32.

Настроеніе Павла I лучше всего рисуется въ рескриптахъ гр. Толстому, Римскому-Корсакову, Суворову и Разумовскому съ 28 февраля по 18 сентября 1799 г. — О бракѣ эрцгерцога, а также о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и о Суворовѣ и его арміи въ февралѣ и мартѣ (*Vivenot,* II, 147—198). Упомянувъ, что великій князь будетъ сопровождать Суворова, Кобенцль замѣчаетъ: „dont la présence, si même elle est un peu génante, fera cependant bon effet dans l'opinion. Je conjure v. e. qu'on se mette en quatre pour bien traiter et le maréchal et le volontaire russe qui nous arrivent".— Касательно Ирландіи см. *Memoires and correspondence of Castlereagh,* London. 1848—1849, томъ 2-й: Littleholes to Castlereagh, 19 окт. 1799. Тамъ же разсказано, какъ Павелъ I принудилъ гамбургцевъ выдать Англіи ирландскихъ бѣглецовъ.

33.

Guttin au cit. ministre des relations extérieures, Paris, 21 vendémiaire an VIII (*Paris,* 139, 170). Aujourd'hui il règne en Russie un grand mécontentement. Paul I a exilé et écarté de lui tous ceux qui ont voulus lui faire des observations sur la guerre actuelle, tous ceux qui l'entourent, la plupart étrangers, sont vendus à l'Angleterre.

Un autre grand crime pour lui est la même manie de son père, de vouloir introduire en Russie les moeurs, coutumes et usages allemands. On le soupçonne de vouloir adopter pour ses états le rit latin. Le fait est que sa conduite est désapprouvée par tous ses sujets.

Les défaites que viennent d'éprouver ses armées vont monter sourdement toutes les têtes contre lui. Il faut profiter de ce moment pour échauffer les mécontents par des écrits ou proclamations qui tendent à le renverser du trône; il faut même inviter les seigneurs russes à organiser l'empire oligarchiquement (il existe des germes de cette forme de gouvernement en Russie).

J'offre de faire parvenir en Russie ces écrits, et en main propre des seigneurs mécontents, aussi qu'à d'autres têtes bouillantes et entreprenantes déjà fortement indisposées contre Paul I.

Il faut pour cela connaître (et je les connais) les adhérents et parents des grands exilés et mécontents. Je suis sûr de fair parvenir ces écrits sous double, triple et quadruple enveloppes sans que le gouvernement puisse y mettre opposition. Ces écrits doivent être introduits en Russie par la Suède, le Danemark, la Prusse, la Pologne et la petite Russie du côté de la Bessarabie.

Ces écrits doivent être en langues russe, allemande et française, toutes les langues sont familières en Russie. Plusieurs de ces seigneurs les dénonceront au souverain de peur de sa colère, mais pour l'induire en erreur lui-même j'écrirai à Paul I lui-même pour lui dénoncer ces écrits envoyés, mais j'aurai soin d'y dénoncer des seigneurs à qui on n'en aura pas adressé, ce qui jettera Paul I dans le plus grand embarras, lui fera faire des persécutions à tort et à travers et par cela même il hâtera sa chute.

Idem (*Paris*, 139, 171). Il serait impolitique d'échanger les prisonniers russes dans ce moment-ci: les chemins d'ici en Russie sont impraticables. Il faut au moins trois mois à Paul I pour nous faire arriver de nouvelles troupes, tandis que pour remplacer nos soldats il ne nous faut qu'une décade, avantage pour nous de huit neuvièmes.

Le coup le plus funeste à porter à Paul I est d'instruire ceux de ses soldats, qui sont en notre pouvoir. Il faut donc, avant de les échanger, leur donner des preuves de notre loyauté, et en même temps leur inculquer des idées de liberté, qu'ils propageront chez eux.

Faire en sorte de les amener d'eux mêmes à tourner leurs armes contre les soldats de la coalition, surtout contre les anglais, qu'ils détestent parcequ'ils les regardent comme les auteurs de tous les maux.

Ces tentatives doivent se faire par leurs bas-officiers, qui sont très entreprenants et d'une ambition très démesurée sans aucuns moyens de la satisfaire chez eux où l'on ne s'avance que par faveur et l'intrigue de la cour.

Pour remplir ce but, je propose de faire venir à Paris, sous le plus grand secret, et dans le plus bref délai, cinq à six prisonniers du grade de major et au-dessous et qui ne parlent pas français. Je les logerai chez moi où l'on ne parle que russe (ma famille a été élevé en Russie). Là je sonderai délicatement ceux de ces officiers, qui voudront endoctriner leurs soldats à se prononcer pour nous.

Lorsqu'on sera sûr du dévouement de quelques uns de ces officiers à séduire leurs soldats, j'irai avec eux où sont les prisonniers pour suivre de l'oeil cette opération et la conduire à sa fin.

Les soldats russes sont des machines conduits par les officiers de leur nation, ils se battront contre les soldats de la coalition avec la même intrépidité, qu'ils se battent aujourd'hui.

Il est certain que rien ne déconcerterait mieux les cabinets de St. James et de Pétersbourg que cette opération,

34.

Rapport au Directoire Exécutif. Ministre des relations extérieures. Du 22 vendémiaire an VIII (Paris, 139, 172). La magie du nom de Suworov est détruite; mais la fureur de Paul I ne fera peut-être que s'accroître des triomphes qui ont anéanti ses hordes barbares. — C'est cette fureur lâche et insensée, qui, par un contraste avec les principes de la République et avec la sagesse de son gouvernement, achèvera de consolider la liberté de l'Europe.— Ce ne sera point cette délivrance que le roi d'Angleterre a osé promettre à son parlement; déjà les discours éloignés dont retentissent les tribunes nationales de France ont vengé la raison et la vérité de l'insolente impudeur des despotes, qui, dénaturant la langue comme les droits de l'espèce humaine, ont osé appeller l'oppression liberté. Mais tandis que la coalition impie qui s'est formée contre la Républipue met en jeu les moyens les plus atroces pour l'attaquer, celle-ci, trop sûre de vaincre par la force de ses principes et de ses armes, semble négliger quelquefois d'employer tous ceux qu'autorise le droit d'une défense légitime. Il est douloureux de penser que la destruction de cent cosaques est trop chèrement payée par la mort d'un seul français; et que l'ivresse de quelques succès passagers a éloigné des tyrans farouches conjurés contre la liberté jusqu'à ces terreurs secrètes qui annoncent aux méchants la punition des crimes commis contre l'humanité entière. — C'est d'après ces considérations qu'un mémoire qui m'a été remis par le cit. Guttin a fixé mon attention... (**Слѣдуетъ изложеніе плановъ Гюттена**)... Le cit. Guttin pense qu'il serait possible d'éclairer et de convertir des sous-officiers russes parmi les prisonniers que nos victoires ont mis à notre disposition. Il ne doute pas que les sous-officiers russes ne fassent combattre à leur gré la compagnie entière contre des anglais, des allemands et même des russes. Le soldat moscovite ne voit pas la source des ordres qu'on lui donne, il n'en écoute que l'organe immédiat et n'examine pas l'objet sur lequel on lui ordonne de frapper, il voit seulement ce que font ses compagnons et il obéit à la voix du caporal qui le commande.

Un soldat russe ne déserte jamais, mais une compagnie déserte parce que la désertion de l'officier est pour ses soldats une manoeuvre à laquelle ils ont dans l'habitude de se conformer... (**Слѣдуетъ указаніе на связи Гюттена съ Россіей**)... Ses prosélytes seront ensuite envoyés aux dépôts des soldats prisonniers et aux armées russes; il espère beaucoup de leur zèle, de leur activité, de leur ambition, et il propose d'appuyer leur prédication par une mesure déjà proposée et déjà acceptée, mais qui n'a pas été mise en oeuvre, je veux dire la dispersion de 18 mille proclamations imprimées en langue russe qu'il a chez lui et qui n'ont pas été répandues parce que les fonds ont manqué pour achever une opération dispandieusement et inutilement commencée... Je me bornerai en ce moment à fixer l'attention du Directoire Exécutif sur les moyens d'achever de désorganiser les armées que le despote du Nord a envoyées contre la République. Celles des propositions du cit. Guttin qui s'y rapportent paraissent être d'une exécution facile; elles exigent que, si le Directoire exécutif les approuve, le cit. Guttin se concerte avec le ministre de la guerre.—J'ai reçu des offres semblables de la part du cit. Appia, homme de mérite, qui, après avoir longtemps vécu en Russie et en Angleterre, est venu s'établir à Paris. Je l'ai trouvé employé au bureau des traducteurs qu'il a fallu comprendre dans les suppressions qui ont été faites dernièrement. Comme il est né dans les vallées du Piémont où son père était ministre vaudois, une mission qui lui serait confiée en Italie pourrait être d'une double utilité.

Je crois pouvoir ajouter que le moyen le plus propre à seconder les mesures à prendre contre la Russie est la formation de légions polonaises. Il faut que l'oppresseur de la Pologne sache dans le même temps que la tyrannie est plus aisée à tuer que la liberté, que l'esclavage peut cesser un jour en Russie, et qu'il n'est pas si facile d'éteindre sans retour en Pologne tous les germes de l'indépendance.—Quant aux considérations qu'on pourrait tirer contre cette mesure de nos rapports avec la Prusse et de la susceptibilité craintive et ombrageuse de cette puissance, on peut répondre que la preuve en est faite.

La légion polonaise cisalpine a déjà combattu pour la liberté si bien que la loi qui vient d'être rendu, n'a point excité de réclamations. La Prusse en a sans doute été un peu inquiète; mais elle a senti qu'elle n'était point fondée à s'y opposer. Dailleurs, s'il le faut, le Directoire exécutif trouvera moyen de la tranquilliser.—Je propose au Directoire exécutif de m'autoriser à me concerter avec le ministre de la guerre sur l'exécution des moyens proposés par le cit. Guttin; et quant au cit. Appia, je propose le projet d'arrêté ci-joint.—Le Directoire Exécutif arrête ce qui suit. *Art. 1.* Le cit. Appia est chargé d'une mission secrète.—*Art. 2.* Il se conformera aux instructions qui lui seront données par le ministre des relations extérieures.—*Art. 3.* Son traitement sera de NN par mois.—*Art. 4.* Le ministre des relations extérieures est chargé de l'exécution du présent arrêté qui ne sera point imprimé.—Затѣмъ Талейранъ извѣщалъ военнаго министра, Бертье (*Paris*, 139, 179), что директорія одобрила его докладъ и приказала ему сговориться съ нимъ насчетъ его исполненія. Онъ предлагалъ товарищу свиданіе, если оно ему понадобится послѣ переговоровъ съ Гюттеномъ. Плодомъ всѣхъ этихъ сношеній была, между прочимъ, слѣдующая любопытная бумага. *Le ministre de la guerre au ministre des rel. extér., 25 brumaire an VIII.* En réponse à votre lettre du 12 de ce mois, je vous préviens que je donne des ordres aux généraux de l'intérieur, dans les divisions desquels se trouvent répartis les prisonniers russes, de ne rien négliger pour se procurer une pièce telle que vous me la demandez portant la signature *autographe* du czar Paul I. Je m'empresserai de vous la transmettre s'ils parviennent à l'obtenir. Berthier.

35.

Приводимъ весь документъ, съ выпускомъ неважныхъ мѣстъ. *Guttin au ministre des relat. extérieures, 3 brumaire an VIII* (*Paris*, 139, 175). Les idées que nous mettons en racourci sous les yeux du gouvernement ont pour but d'obtenir à la France une paix prompte, solide et avantageuse; et quoiqu'un changement totale dans le système de l'Europe soit la suite nécessaire du plan auquel elles doivent servir de base, ce même plan ne doit point être regardé comme impraticable, puisqu'il concilie les intérêts de presque toutes les puissances continentales. — Il n'est pas sans doute nécessaire de s'attacher à prouver en détail combien le système suivi jusqu'à présent était défectueux: il n'a servi qu'à alarmer les puissances qui n'ont vu dans la république française que l'ennemi de tous les gouvernements anciens... Ce n'est pas avec nos voisins que nous pouvons espérer une réconciliation franche et durable. De longtemps ils ne reviendront de leur prévention contre nous. Transportons-nous donc plus loin, et recherchons l'alliance d'une grande puissance qui, par sa situation géographique, se croie et soit véritablement à l'abri de nos armées et de nos principes. — La Russie est incontestablement dans cette position à notre égard, sous tous les rapports politiques et commerciaux son alliance est la seule qui puisse conduire le gouvernement français au but qu'il doit désirer, à une paix durable, avantageuse et stable... Nous nous contenterons d'observer que ces deux puissances réunies dicteraient des lois à l'Europe entière, et que le reste de cette partie du monde, affaibli et aux derniers abois, n'oserait pas même entreprendre de s'opposer aux changements que cette nouvelle alliance voudrait opérer.— L'on objectera peut-être que des tentatives ont déjà été faites; mais que mal reçues, elles n'ont servi qu'à compromettre la dignité du gouvernement français. En réponse à ces objections présumées, nous osons toutefois assurer, d'après les notions que nous avons sur la Russie et son gouvernement, que la non-réussite de ces essais doit être exclusivement attribuée aux mauvaises mesures et à la maladresse des agents qu'on a employés... Le système, dont nous présentons l'esquisse, serait basé sur l'expulsion des turcs en Asie et sur l'envahissement de leurs possessions en Europe. L'empire Ottoman, décrépi et à la merci du premier aventurier à qui il plait de le bouleverser, ne pourrait fair qu'une vaine résistance.—Le rétablissement de la Pologne, telle qu'elle était avant le premier partage, avec sa constitution de 1793, et la liberté des paysans serait une seconde base de notre système. Le prince Constantin, second

fils de Paul I serait placé sur ce trône, mais on aurait la précaution de prévenir par une loi constitutionnelle toute réunion à l'empire de Russie. Il suffit d'avoir quelques connaissances générales des véritables intérêts des différentes puissances de l'Europe, pour juger dequel avantage il serait pour les trois puissances qui ont partagé la Pologne, de voir rétablir entre elles cette ancienne barrière. Le prince Constantin, devenu roi de Pologne, deviendrait en même temps polonais, et l'influence de la Russie ne serait pas plus à craindre en Pologne, que ne le fut en Espagne celle de la France après la guerre de succession. — La Russie à qui il est nécessaire, pour la réussite de notre plan, de faire de grands avantages, aurait pour sa part la dépouille de la Porte, jusqu'au côté gauche des Dardanelles et du Bosphor; mais la France se réserverait, sur la côte opposée des mêmes détroits, un terrain assez étendu pour y former un établissement propre à lui assurer le commerce exclusif de la mer Noire. On accorderai de plus aux russes quelques îles dans la Méditerrannée, objet de leur ambition depuis longtemps, et qui pourraient servir de débouchés à leurs marchandises d'Asie et assurer leur commerce dans le midi de l'Europe.—La France garderait pour limites le Rhin, les Alpes et les Pyrennées. L'Italie entière arrachée au joug autrichien, serait constituée en pétites républiques confédérées. La Hollande et la Suisse conserveraient le gouvernement que la France leur a donné. La République soutenu par les russes et établie en Egypte s'emparerait de grandes îles de l'Archipel, savoir: Corfou, Candie, Samos, Methelin, Chypre et la Sicile. La Russie, de ses possesions en Asie et sur la mer Caspienne, pourrait donner la main à l'armée qu'on aurait en Egypte et de concert avec la France porter la guerre dans le Bengal. La Perse déchirée par différents usurpateurs et depuis si longtemps le théâtre des plus cruelles révolutions, ne pourrait opposer qu'une faible et inutile résistance aux armées russes qui demanderaient un passage sur ses terres. — A l'égard de la maison d'Autriche, on pourrait ou la réduire à ses états héréditaires, et rétablir alors l'ancien royaume de Hongrie en y annexant quelques parties de la Turquie de l'Europe, ou en lui laissant son existance actuelle l'indemniser de ce qu'elle serait obligée de céder en Pologne, en Sylésie et en Italie par le don de quelques provinces turques. — Le roi de Prusse, qu'il faudrait aussi nécessairement agrandir pour conserver l'équilibre des puissances du Nord, recevrait, en compensation de ce dont il serait dessaisi en Pologne, la partie de la Sylésie que possède encore l'Autriche, le Mecklembourg, Hambourg, Lubeck, Wismar, le Hanôvre, Brême et Munster. Il n'est pas douteux que la Prusse ne se prête volontiers à cet échange qui aurait pour elle le double avantage d'agrandir considérablement son territoire et de placer un grand pays entre ses frontières et celles de l'ambitieuse Russie... Впрочемъ, Гюттенъ не отказывался и отъ прежнихъ средствъ, какъ видно изъ его другого письма министру (*Paris*, 139, 180), гдѣ сказано: „Pour obtenir une paix avantageuse, il faut détacher la Russie de la coalition; la guerre chevaleresque et désastreuse que nous fait sans motifs Paul I est désapprouvée par toute sa nation; aujourd'hui même le mécontentement est à son comble en Russie. Les seigneurs de l'ancienne cour, qui ont désapprouvé cette guerre, ont tous été disgrâciés; la nouvelle cour de Paul I est maintenant composée d'intriguants étrangers vendus à la faction anglaise, le souverain a la manie de son père de vouloir introduire dans ses états les moeurs et usages allemands (ce qui est un crime capital), aussi le sort de son père l'attend"... Затѣмъ, упомянувъ о прежнихъ мѣрахъ, Гюттенъ продолжаетъ: „Le troisième moyen est de faire distribuer aux armées russes en Italie, par le moyen d'un balon, dix-huit mille proclamations déjà imprimées en langue russe, qui sont chez moi. User du même moyen en Helvétie et en Batavie, ainsi que ce plan général avait été concerté par le brave Joubert et le ministre Talleyrand. — J'estime que toutes ces tentatives doivent être faites le plus promptement possible, puisqu'elles tendent à faire beaucoup de mal à la Russie et de forcer Paul I à retirer ses armées de la coalition. — On se propose encore d'indiquer d'autres moyens que pourrait exécuter le général Buonaparte pour troubler plus que jamais l'empire de Russie du coté de l'Orient".

36.

Вновь представляя свой планъ въ сокращеніи (*Paris*, 139, 174), Гюттенъ сдѣлалъ приписку; „D'après les connaissances que nous avons sur le cabinet de Pétersbourg et le caractère de Paul I, nous sommes portés à croire que depuis le 18 brumaire les négociations éprouveraient bien moins de difficultés“.

37.

„Vu la bizarrerie de l'e-r Paul, des expressions d'un attachement trop vif ou particulier pour l'impératrice exciteraient peut-être l'humeur d'un prince qui veut absolument être le seul fêté dans son empire“. *Thugut an Colloredo*, 10 мая. *Cobentzl an Colloredo*, 7 апрѣля (Vivenot, II, 157, 166).

38.

Рескриптъ Разумовскому и Суворову, 31 іюля и 16 сентября.— *Thugut an Dietrichstein und Colloredo*, 9 октября и 9 декабря. — *Cobentzl an Colloredo*, 26 октября: жалуется, что въ Вѣнѣ не приняли всѣхъ мѣръ, которыя могли бы „entretenir la bonne humeur d'un cerveau brûlé, auprès duquel l'accessoire l'emporte presque toujours sur le principal“.— *То-же*, 4 декабря: „Un des plus grands griefs de Paul I contre nous c'est de l'avoir accoutumé nous-même à se regarder l'arbitre de l'Europe et puis de l'avoir contrarié dans tout ce qu'il a voulu faire en cette qualité“.— *То-же*, 16 декабря.— Вся переписка у *Vivenot*, II, 190—201.—Всѣ письма Ростопчина Воронцову, съ августа до конца 1799, въ *Архивѣ кн. Воронцова*, кн. 8. — Интересны побужденія, по которымъ Павелъ I, рѣшаясь отозвать свои войска, въ то же время спѣшилъ съ бракомъ своей дочери съ Іосифомъ австрійскимъ (стр. 254). — Воронцовъ надѣлялъ прусскаго короля еще болѣе рѣзкими названіями, чѣмъ Ростопчинъ: *Архивъ кн. Воронцова*, X, 78.

39.

Сохранились (*Paris*, 139, 201, 202) любопытныя письма Лабиша къ Бонапарту и Павлу I, гдѣ набросанъ упомянутый планъ въ общихъ чертахъ. Въ письмѣ къ царю (15 января), которое, впрочемъ, не удалось доставить по назначенію, авторъ называетъ англичанъ, съ ихъ „макіавелизмомъ“, народомъ „болѣе звѣрскимъ, чѣмъ самыя варварскія орды дикарей“, и доказываетъ, что они погибнутъ, какъ только вся Европа сговорится „разорвать съ ними всякія сношенія, какъ политическія, такъ и торговыя“. Lazare Labiche au premier consul, 10 thermidor an VIII.— Тамъ-же (139, 203—205) находятся и другіе проекты разныхъ „гражданъ“ насчетъ мира съ Россіей. Такъ, 3 термидора, начальникъ штаба, Dessolle, прислалъ военному министру, изъ главной квартиры, подъ Мюнхеномъ, анонимную записку — „Précis de quelques faits qui ont influé depuis le mois de septembre 1799 sur le changement qui s'est opéré dans les dispositions de Paul I contre le gouvernement français“. Военный министръ переслалъ ее Талейрану, который отвѣчалъ ему (17 термидора), что эта „интересная“ вещь уже была прислана ему изъ Франкфурта гражданиномъ Bacher, сообщившимъ ее вѣроятно и Дессолю.

40.

Cobentzl an Colloredo, 30 января (*Vivenot*, II, 207): La vie que je mène ici tient d'un exilé, d'un prisonnier et d'un proscrit. Онъ жаловался еще на то, что „благодаря Павлу, все стало втрое дороже, чѣмъ при Екатеринѣ II“.

41.

Вотъ любопытный документъ (*Paris*, 139, 141) относительно международнаго шпіонства Бонапарта. *Le marquis de Murguez, ambassadeur d'Espagne, au citoyen ministre des relations extérieures*, Paris, le 19 avril 1800. Le ministre plénipotentiaire de s. m. catholique à Stockholm ayant écrit au ministre espagnol, que le commissaire des relations commerciales de la république française et l'envoyé de la république batave dans cette capitale lui avaient proposé d'envoyer un suédois à Pétersbourg à la charge des trois gouvernements, qui pût leur communiquer tout ce qu'il arrivera d'intéressant dans cette cour, s. m., qui aime à être toujours d'accord avec le gouvernement français, m'ordonne de m'informer, si c'est en effet l'intention du 1-r consul d'exécuter un pareil projet, pour qu'elle prescrive alors des ordres en conséquence à son ministre plénipotentiaire à Stockholm. — Талейранъ отвѣчалъ Мургесу (3 floréal an VIII) утвердительно (*Paris*, 139, 184).

42.

Въ случаѣ неудачи, Бонапартъ готовъ былъ поставить Пруссію „во главѣ сѣверной лиги, чтобы обуздать чрезмѣрное честолюбіе Россіи". Тогда Бонапартъ еще надѣялся удержать Мальту. „Cependant (объяснилъ онъ Талейрану) nous pouvons nous servir de la réhabilitation de l'Ordre comme d'un objet sur lequel l'Angleterre et la Russie ne seront amais d'accord. Pourtant il ne faudrait pas trop se compromettre". *Bonaparte à Talleyrand*, 21 янв. и 15 мая. *Correspondance de Napoléon*, VI, №№ 4542, 4801.

43.

На донесеніи Крюднера отъ 28 января 1800 написано карандашомъ собственною рукой Павла I: „quant au rapprochement avec la France, Je ne demanderai pas mieux que de voir venir à Moi, et surtout en contrepoid contre l'Autriche". *Милютинъ:* Война 1799 года, V, 493.

44.

Докладъ Талейрана Бонапарту объ этомъ (*Paris*, 139, 209) такъ важенъ вообще для политики начала консульства, что приводимъ его цѣликомъ. *Fin de l'an VIII.* La cour de Londres repousse la paix, celle de Vienne évite de répondre; la Russie paraît rattachée de nouveau à la coalition; et les efforts généreux de la République n'empêcheront pas qu'une nouvelle campagne ne soit bientôt ouverte en Italie et sur le Rhin. — Cependant le 1-r consul revient avec constance aux idées de pacification. Il demande si, par l'intervention de la Prusse, il ne serait pas possible d'amener les puissances belligérantes ou quelqu'une d'entre elles à une conciliation. Il demande comment cette intervention pourrait être obtenue.— Il ne faut pas se le dissimuler: depuis 5 ans cette intervention est inutilement réclamée, depuis 5 ans et à des époques très décisives le gouvernement français a fait présenter au cabinet de Berlin la proposition d'une alliance, et toujours elle a été éludée. Il est vrai que les offres et les demandes des coalisés n'ont pas eu un succès plus heureux. La politique de la cour de Prusse est toute entière en ceci qu'elle voit avec plaisir la continuation d'une guerre dont elle se tient à l'écart, et qu'elle préfère aux avantages, qui auraient pu résulter pour elle de sa participation, l'avantage plus lent, mais plus sûr qu'elle se promet de l'épuisement réciproque des grandes puissances qui l'environnent. — Je suis donc porté à croire qu'aucun effort, aucune promesse ne feront sortir la Prusse de sa neutralité, et si dès les premiers jours de l'arrivée du cit. Bignon à Berlin, un émissaire du cabinet, le juif Ephraim, a mis du soin à distinguer

l'époque présente de celles qui ont précédé et à répéter le mot *d'alliance*, j'avoue que je ne vois dans cette affectation qu'une manière de chercher à pénétrer si la nouvelle légation est chargée de faire des propositions de ce genre. — Si on ne peut amener le gouvernement prussien à une association franche et complète, une intervention armée, que pourrait-on attendre de sa simple médiation, quand il est reconnu que malgré les protestations qui en émanent, la continuation de la guerre est plus désirée à Berlin qu'à Vienne, à Londres, à Pétersbourg même? — Je cite Pétersbourg, et à ce sujet je dois mettre sous les yeux du 1-r consul quelques observations importantes. — La Russie est devenue à vrai dire le centre de la coalition. Si elle a reçu la première impulsion de Londres et de Vienne, elle la donne à son tour et sans la crainte de se compromettre avec elle; il est probable que l'Angleterre et l'Autriche eussent au moins écouté les ouvertures de paix. — Jusqu'ici on n'a point apperçu la possibilité d'entrer en négociation directe avec la Russie; aucune tentative n'a été faite depuis celle qui eut lieu à Berlin à l'avènement de l'e-r Paul et qui eut un si pauvre succès. La difficulté est grande sans doute, mais l'avantage serait réel. On ne peut pas dire que les éléments de négociations manquent entre les deux états, jamais peût-être au contraire il n'y en eut de plus abondants. Mais il s'agit de les mettre en oeuvre. Voici à cet égard ce que je puis, ce que je dois dire aujourd'hui, quoique j'aie dû le taire à l'ancien gouvernement. — Il existe à Pétersbourg un homme qui a joui d'un très grand crédit, qui en conserve encore, c'est m. de Choiseul Gouffier. Nous avons passé ensemble 15 années de notre vie dans une intimité qui ne peut avoir perdu toute sa force. Nous eûmes par rapport aux affaires du Levant des idées communes qui sûrement subsistent encore chez lui et peuvent devenir la base d'une négociation importante. Depuis qu'il est en Russie j'ai reçu une fois de ses nouvelles et si la proposition avait été faisable à l'ancien Directoire je n'aurais pas hésité à envoyer quelqu'un auprès de lui. — Je suis instruit qu'il désire de rentrer en France et que, s'il trouve un moyen de servir son pays, il le saisira avec empressement. Si donc le 1-r consul m'y autorise, je chercherai les moyens de faire sonder m. de Choiseuil et j'ose ne pas douter que, dans l'espoir de revoir sa patrie, il emploiera volontiers son crédit, ses talents pour détacher la cour de Russie de ses engagements actuels et l'amener à une négociation avec la France. — Je demande que cette ouverture reste dans le plus profond secret.—Для подробностей о Шуазелѣ-Гуфье см. *Pingaud:* (Choiseul-Gouffier, Paris, 1887, гл. VII) и любопытное письмо Ростопчина Воронцову отъ 18 іюня 1797 г. въ *Архивѣ кн. Воронцова*, кн. 8.—О средствахъ, которыми Бонапартъ обольщалъ Ростопчина и Кутайсова см. *Mémoires d'un homme d'état*, VII, 439. Подтвержденіе въ замѣчательномъ письмѣ Ростопчина Воронцову отъ 28 марта 1800 и 30 іюня 1801, въ *Архивѣ кн. Воронцова*, кн. 8.

45.

Bonaparte à Talleyrand, 4 іюня и 4 іюля (*Corr. de Nap.*, VI, 4873, 4965). „Il faut donner à Paul des marques de considération, et qu'il sache que nous voulons négocier avec lui. Quand cela n'aurait aucun bon résultat, cette démarche n'en serait pas moins bonne. Je laisse à votre prudence à voir s'il ne serait pas convenable que notre chargé d'affaires à Hambourg ou dans toute autre ville fît des ouvertures générales et flatteuses pour Paul. Peut-être un officier russe prisonnier pourrait remplir ce but. Voyez de prendre un parti et d'avoir un agent à Pétersbourg".

46.

Эта переписка Гюттена съ правительствомъ, интересная для обрисовки нашего солдата и офицера того времени, находится въ парижскомъ архивѣ (*Paris*, 139, 182, 183, 189, 193, 194, 198, 206. *Mémoires*, XXXII, 1). Гюттенъ совѣтовалъ употребить нашихъ плѣнниковъ частью противъ шуановъ, частью для казенныхъ работъ, и именно

для вырубки лѣсовъ „русскимъ способомъ", въ интересахъ флота, что̀ считалось во Франціи невозможнымъ. Онъ доказывалъ, что „отлично знаетъ нравы и стремленія русскихъ рабовъ (esclaves), цѣлыя тысячи которыхъ долго находились въ его распоряженіи", такъ какъ онъ былъ инспекторомъ и директоромъ императорскихъ мануфактуръ въ Россіи. Гюттенъ такъ характеризовалъ нашихъ солдатъ: „Outre les considérations tirées de leur excessive subordination, de leurs habitudes, de leur naturel simple et confiant, on est fondé à dire que les esclaves russes forment une classe particulière d'hommes, tellement neuve et tellement facile à diriger, qu'on peut tout en obtenir, avec du travail, une nourriture selon leur goût et de bons traitements. Ils seraient surtout flattés de pouvoir eux-mêmes se pratiquer dans les bois des cabanes russes et d'y disposer des étuves que la vermine qui les couvre leur rend si nécessaires; ces étuves sont dans leur camp l'objet de leurs regrets et de leurs mécontentement.—En offrant dans les forêts à cette colonie russe tous les besoins et toutes les habitudes dont les russes sont privés dans leur camp, on serait assuré de concentrer toutes leurs affections et de leur faire très facilement oublier le régime russe, auquel ils ne tiennent que par les rigueurs qu'ils en éprouvent". Морской министръ отказалъ Гюттену, такъ какъ тотъ имѣлъ въ виду только сосну (во французскомъ флотѣ употреблялся дубъ) и запросилъ большія деньги, причемъ ⅓ впередъ. Сверхъ того, министръ писалъ Талейрану, „que provoquer, dans les circonstances actuelles, la désertion dans les armées russes non-seulement ne serait pas chose assurée, mais que même, en supposant qu'elle réussit, il en pourrait résulter des inconvénients graves sous le rapport de la politique". Тогда-же Гюттена постигла неудача и по старому дѣлу о прокламаціяхъ. Въ іюлѣ онъ принесъ Бонапарту любопытную жалобу. При приближеніи русскихъ къ Рейну и Италіи, директорія поручила ему составить мятежные листки на русскомъ и польскомъ языкахъ и распространить ихъ въ нашихъ арміяхъ. Гюттенъ добылъ двухъ русскихъ и одного поляка и послалъ ихъ на Рейнъ со своими листками. Но Талейранъ и Жуберъ велѣли воротить ихъ и направить въ Италію. Смерть Жубера и „перемѣны въ правительствѣ" задержали дѣло; но Талейранъ приказалъ держать трехъ агентовъ про случай. Гюттенъ издержался и на ихъ прокормъ, и на перевозку „ящиковъ съ прокламаціями" съ мѣста на мѣсто, и просилъ вознагражденія. Между тѣмъ Талейранъ велѣлъ „отпустить" трехъ сманенныхъ агентовъ на всѣ четыре стороны. Не вѣря этому, они напустились на своего соблазнителя и пожаловались на него Талейрану. Гюттенъ умолялъ министра защитить его: „veuillez leur apprendre que je n'ai rien reçu ni pour l'état, ni pour moi, et que je ne suis que subordonné à vos ordres". Но Гюттенъ не унялся и послѣ такой непріятности. Мѣсяца два спустя, въ августѣ, онъ прочелъ въ газетахъ, что Бонапартъ приглашаетъ нашихъ плѣнныхъ офицеровъ въ Парижъ, гдѣ ихъ ожидаетъ хорошая встрѣча,—и тотчасъ новое предложеніе Талейрану. Гюттенъ писалъ, что знаетъ русскихъ, что для нихъ главное дѣло—ихъ любимыя кушанья и „особенно баня" (leurs bains d'étuve). Онъ предлагалъ устроить все это недорого. Въ то-же время Гюттенъ прислалъ развитіе своего мирнаго плана (32), подъ названіемъ „Observations politiques où l'on propose l'alliance de la Russie" (*Mémoires*, XXXV, 42). А въ ноябрѣ онъ уже очутился въ Берлинѣ. Оттуда Бернонвиль послалъ его, подъ видомъ купца, въ Варшаву слѣдить за русскою обсерваціонною арміей. *Beurnonville à Talleyrand*, 17 brumaire an IX.

47.

Bonaparte à Talleyrand, 19 іюля (*Corresp. de Nap.*, VI, № 5003). Тутъ-же видно, что Бонапартъ не особенно заботился о соотвѣтственной выдачѣ французскихъ плѣнныхъ англичанами. Изъ письма къ Карно (*Corresp.*, VI, № 4966) оказывается, что первый консулъ уже въ началѣ іюля собиралъ подробныя свѣдѣнія о русскихъ плѣнныхъ во Франціи.

48.

Интересныя подробности объ этомъ документѣ разсказаны самимъ Талейраномъ въ его отчетѣ Бонапарту о мирѣ 1801 г. (*Paris*, 141, 7). *Тьеръ* приписалъ его самому Бонапарту. У *Биньона* и *Ланфре* ходъ переговоровъ изложенъ вообще вѣрно, за исключеніемъ легкихъ ошибокъ. *Ранке* (Hardenberg, II, 37) старается оправдать „іезуитство" Гаугвица, наивно вѣря, что возвращеніе русскихъ плѣнниковъ—мысль Фридриха-Вильгельма III.

49.

Приводимъ рисующій нашу дипломатію того времени разсказъ самого Бургуэна. *Bourgoing à Talleyrand.* Altona, 11 thermidor an VIII. Les difficultés que j'avais prévues et que j'espérai vaincre se sont trouvées insurmontables. — Il m'a été absolument impossible d'obtenir de m. de Moravieff un instant d'entretien, ni une seule ligne de réponse.—Peu d'heures après l'arrivée de votre courrier je lui ai demandé par écrit un entretien sur un objet *intéressant pour nos deux gouvernements.* — Le c. Rayneval porteur de nos billets n'a pu parvenir à le faire accepter par aucun des gens du ministre russe. J'ai été réduit à le lui envoyer par la petite poste. A trois reprises j'ai répété la même tentative. Elle a toujours été sans résultat, quelque précaution que je mise pour soulager les scrupules de m. de Moravieff et même pour intéresser son amour-propre. — Enfin avant-hier au soir je me décidai à lui écrire une quatrième lettre très pressente dans laquelle je lui révélai l'objet de ma mission et j'essayai de flatter la principale de ses passions, la terreur profonde que lui inspire l'empereur son maître en lui donnant à entendre qu'il se compromettrait bien plutôt en repoussant mes ouvertures qu'en les accueillant, qu'en se chargeant au moins de les transmettre. Cet argument même a échoué devant sa ridicule pusillanimité. Pour le mettre bien à son aise je lui avais écrit: „empruntez pour me répondre une main étrangère, ne me nommez ni sur le dessus, ni dans le corps de la lettre, n'y insérez pas un mot, qui indique le sujet de la mienne: enfin adressez-le moi sous le couvert d'un m. de la Croix, chez qui j'irai la prendre sans lui rien laisser soupçonner ou bien à la même adresse sous l'enveloppe de mon hôte d'Altona".—M. de Moravieff a cru pouvoir se conformer à ce plan, tracé par la plus extrême circonspection; hier j'ai reçu ici sous l'enveloppe indiquée le billet que je vous envoie ci-joint en original et qui nous prouvera jusqu'à quel point il craint de se compromettre.—Quelques antécédents auraient pu me faire pressentir cet étrange dénouement. D'abord je présumai que l'humeur que lui a causé l'arrestation des deux journalistes devait lui donner des préventions contre tout ce qui viendrait de ma part. Mais voici sur quoi portaient principalement mes appréhensions que l'évènement a justifiées. — Il y a environ 3 semaines que d'après les instructions que vous me manifestiez j'avais cherché à employer auprès m. de Moravieff l'entremise d'un ami commun pour entamer une sorte de correspondance directe entre son gouvernement et le nôtre. Il s'agissait seulement de lui faire admettre un mémoire fort court, fort mesuré, dans lequel j'aurais exprimé avec dignité le voeu d'un rapprochement. M. de M. avait obstinément répondu qu'il lui était impossible de recevoir l'insinuation même la plus innocente sans une autorisation formelle de sa cour. Sa position et le caractère connu de l'empereur son maître expliquent suffisamment cet excès de prudence. M. de M. n'a de fortune dans le monde que sa place et il sait que le plus léger caprice de Paul I peut la lui faire perdre. — Je ne doute pas cependant qu'il ne l'ait informé de cette première ouverture comme il lui transmettra fidèlement mes 4 billets peut-être en original. Je le prévoyais en les écrivant et je les ai libellés en conséquence. L'e-r de Russie aura donc dans 15 ou 20 jours connaissance du contenu de la lettre que vous avez écrites à m. de Panin.—J'ai été, je vous l'avoue, un peu embarrassé de l'usage que je devais faire de cette lettre après le refus formel de m de M. Il y avait 3 partis à prendre: ou vous la renvoyer par votre courrier; ou l'adresser au cit. Beurnon-

ville dans l'espérance qu'il trouverait le ministre de Russie à Berlin moins trembleur que son confrère en Basse-Saxe; ou enfin l'envoyer directement à m. le comte de Panin.—Le premier parti avait l'inconvénient d'anéantir ou du moins de retarder de plus d'un mois les effets de la démarche noble et généreuse du 1-r consul.—Quant au second parti, j'ai pensé que l'entremise du ministre de la république à Berlin fût entrée dans vos vues, elle vous eût paru de beaucoup préférable à la mienne. — Je crois donc me décider au troisième. Il peut faire atteindre le but du 1-r consul et ne doit avoir, ce me semble, aucun résultat fâcheux. Puisque m. de Panin sera certainement informé de la tentative que j'ai faite, ne vaut-il pas mieux qu'il en apprenne bien précisément l'objet et les motifs par la lecture de votre lettre que s'il ne la connaissait que par les vagues rapports de m. de Moravieff. — Je ne dois cependant pas vous laisser ignorer que j'ai des raisons fortes et récentes pour croire que l'organe de m. de Panin ne nous sera pas favorable auprès de Paul I; que ce ministre est encore devoué aux anglais et que s'il en était le maître, il renouerait les liens de la Russie avec eux. Il n'en est pas tout-à-fait de même, m'en assure-t-on, du prince Rostoptschin. Beaucoup plus modéré que m. de Panin, il n'a pas moins d'influence sur l'e-r et lui seul pourrait tempérer les effets de la malveillance de ce ministre. Il eut donc été à désirer que nous eussions pu nous adresser simultanément à l'un et à l'autre. Vous avez été obligé de préférer la voie officielle. Il me sera peut-être possible d'en employer une plus efficace encore en parvenant au pr. Rostoptschin par ce correspondant que j'ai eu l'honneur de vous faire connaître dans mes dépêches. C'est ce que je vais essayer.

50.

Вотъ это письмо Бургуэна Талейрану (13 therm. an VIII), рисующее нравъ Павла I. J'ai réfléchi mûrement au parti auquel je vous ai annoncé par le retour de votre courrier que j'étais décidé. J'y trouve un grand inconvénient qui m'oblige d'y renoncer. — Votre lettre allant à Pétersbourg par la poste ordinaire éveillerait sûrement la curiosité des postes, soit prussiennes, soit danoises et suédoises, suivant qu'elle prendrait la route de Gottenbourg ou celle de Königsberg, et son secret serait bientôt connu. Je me détermine donc à la garder jusqu'à nouvel ordre. J'ai pensé à me servir d'un commerçant de Hambourg ou d'Altona qui l'eut envoyée à l'un de ses correspondants à Pétersbourg; mais personne dans cette capitale n'aurait le courage de la faire parvenir à sa destination, car, d'après les nouvelles les plus récentes, tout tremble encore autour de Paul I, et l'apparence de la plus légère connivence avec ses ennemis suffirait pour le faire entrer en fureur. J'apprends par la même voie que ceux de ses soldats faits prisonniers en France et rentrés en Russie y ont été fort mal reçus; que l'e-r les a fait dépouiller de leur uniforme; que plusieurs errent autour de Pétersbourg réduits à l'alternative de mendier ou de voler. Il serait donc possible que l'offre de rendre à Paul I tous les prisonniers russes et même de les rendre sans rançon lui parût peu séduisante. On assure qu'il est plus que jamais sujet à des excès d'humeur qui tiennent de la folie. On ajoute que la cour de Londres travaille avec activité à le rattacher à la coalition et que ce n'est pas sans espoir. C'est déjà un grand pas qu'il a fait que d'avoir admis un ministre du prétendant au moment où on savait qu'il était presque déterminé à le faire sortir de Courlande. — *Annexe.* Ne pouvant communiquer avec m. de Croix sans une autorisation expresse, on saurait encore moins se charger d'une lettre, quelque en soit le contenu. C'est la seule réponse qu'on soit en état de donner.

51.

Донесеніе генерала Груши изъ Петербурга, отъ 1 мая 1800, въ Archives nationales. *Wertheimer*, I, 140.

52.

Bonaparte à Talleyrand, 26 іюля (Corresp. de Napol. VI, № 5029). Онъ приказывалъ Бернонвилю провѣрить, насколько, по словамъ Гаугвица, „у прусскаго короля нѣтъ болѣе искренняго друга, чѣмъ русскій императоръ“, а также въ чемъ состоятъ „услуги короля императору?“.

53.

Свиданіе Бернонвиля съ Крюднеромъ описано обстоятельно въ слѣдующемъ документѣ. *Bernonville à Talleyrand*, Berlin, 1 jour complémentaire de l'an VIII. Après le dîner qui eut lieu chez m. d'Haugvitz, ce ministre nous ayant invité de nous rendre dans son jardin me fit passer dans une allée et me dit qu'il allait venir avec l'envoyé russe me rejoindre par un autre côté, ce qui s'exécuta. „Messieurs, nous dit m. d'Haugvitz en se retirant, je voulais avoir le plaisir de vous faire rencontrer; je sais que vous avez besoin de causer ensemble; je vous quitte et je m'estimerai très hereux si le résultat de votre entretien peut opérer un rapprochement que je désire de tout mon coeur“. Voici à peu près le début de m. de Krudener... „Vous avez dû, m. le général, trouver jusqu'à ce jour ma conduite fort extraordinaire; mais tels étaient mes ordres que je ne pouvais entrer en relation avec vous, ni même vous parler. J'en éprouvais les regrets les plus vifs et je vous assure que je n'attendais que l'occasion de vous les exprimer“. Ici m. de Kr. s'est étendu en protestations personnellement flatteuses pour moi et dont je me dispenserais entièrement de vous parler, si tous ces accessoires même n'avaient pas à marquer d'une manière plus précise le point où nous en sommes. „Tout me faisait désirer vivement, a-t-il continué, d'avoir des droits à votre estime et de vous prouver que j'ai autant au coeur que vous le rapprochement de nos deux nations qui n'ayant aucun point de contact ne devraient avoir aucun démêlé. Ce serait un véritable jour de fête et de bonheur pour moi que celui où nous pourrions signer ensemble ce traité auquel je désire personellement de contribuer“. Après ce préambule, dans lequel m. de K. a mis le ton le plus propre à inspirer de la confiance, il est entré en matière. Il m'a d'abord expliqué les motifs du refus que m. de Moravieff a fait à Hambourg d'entrer en rapport avec. le cit. Bourgoing et même de recevoir la lettre du 1-r consul. Cette conduite avait été fondée sur la défense que s. m. l'e-r de Russie avait faite à tous ses agents à l'étranger de voir ou recevoir aucun agent français sans une permission expresse de sa part. M. de M., reprit m. K., a donc dû se borner à rendre compte de tout à s. m. i. qui m'a ordonné de traiter directement cette affaire avec vous. Je suis en conséquence muni d'instructions et de pouvoirs. Si vous n'en avez point et que vous veuilliez en demander à votre g-t. nous entrerons en négociation ensemble dès qu'ils vous seront parvenus. S. m. l'e-r de Russie m'a chargé particulièrement de vous dire qu'elle recevra avec plaisir la lettre du 1-r consul; qu'elle recevra de même les prisonniers russes restés en France. Elle prie le 1-r consul de vouloir bien régler les conditions de leur renvoi, soit qu'il faille une rançon, soit qu'on assujetisse ces prisonniers à leur parole d'honneur de ne point porter les armes contre la France, si jamais les hostilités devaient recommencer. S. m. i. s'en rapportera au parti qui sera adopté par le 1-r consul. Elle désire de préférence que les prisonniers rentrent par terre dans ses états par le chemin le plus court. Dès que ces dispositions seront réglées, s. m. i. enverra au lieu convenu un commissaire pour recevoir les prisonniers et pourvoir aux besoins de leur route. Quant au rapprochement de nos deux états, s. m. i. désire que les royaumes de Naples et de Sardaigne, l'électorat de Bavière et le duché de Wurtemberg soient conservés et garantis. Voilà les moyens d'accommodement qui peuvent faciliter nos communes négociations. Je vous prie d'en écrire à votre g-t et nous commencerons nos conférences aussitôt que vous aurez reçu ses ordres. J'ai si bonne opinion de votre probité, m'ajouta m. de K., que si j'étais maître de la paix

générale, je vous en ferais l'arbitre. Après avoir répondu aux discours obligeants de m. de K., je lui déclarais qu'en effet je n'avais point d'instruction sur l'article des prisonniers. Je lui annonçais que j'allais expédier à Paris mon premier aide-de-camp et que sans doute je ne tarderais pas à recevoir uue réponse de mon g-t. Sur la question du rapprochement de nos deux cabinets, je lui dis que depuis ma résidence à Berlin, j'en avais constamment exprimé le voeu et que j'avais dirigé vers ce but tous mes soins et tous mes efforts. Je l'assurais que l'e-r ne pourrait avoir qu'à s'applaudir des vues sages et modérées du 1-r consul qui avait senti le prix d'une paix avec s. m. i. et qui le premier avait cherché tous les moyens de l'établir. Je dus mêler à cette conversation quelques compliments sur la loyauté et la bonne foi de Paul I; j'y joignis des réflexions sur le but bien moins désintéressé que s'étaient proposé les cabinets de Londres et de Vienne, l'un ayant constamment pour objet la destruction de notre marine, l'invasion de nos colonies et l'anvahissement du commerce universel, l'autre tendant à démembrer la France et à s'enrichir de nos dépouilles. Je fis ressortir tout ce que l'accroissement démesuré de la maison d'Autriche offrait de dangereux pour le système général de l'Europe et tout ce que la concurrence et la liberté des mers offrait d'avantages pour les nations commerçantes. Passant aux sacrifices immenses qu'a fait la république dans une guerre que l'ambition des cabinets de Londres et de Vienne a seule suscitée et entretenue, je représentais que nous avions droit de prétendre à de justes indemnités et que le voeu national regardait l'acquisition de la rive gauche du Rhin comme une compensation légitime de nos pertes et nécessaire à notre tranquillité future. J'ajoutais que relativement à l'électeur de Bavière auquel s'intéresse s. m. i. on pourrait par des sécularisations le dédommager des enclaves qu'il aurait perdus sur la rive gauche. Je mis en avant quelques idées sur l'utilité de rétablir un commerce direct entre la Russie et la France et d'affranchir ainsi les deux nations du monopole d'une puissance intermédiaire. M. de K. me dit que ces divers points seraient l'objet de nos discussions ultérieures, aussitôt que j'aurais reçu des pouvoirs. Nous nous quittâmes en nous exprimant le désire réciproque de reprendre au plutôt nos conférences...— Это описаніе приложено къ депешѣ отъ 26 фрюктидора, гдѣ прибавлено о царѣ: „Il y a en lui de particulier, de romanesque même... les espérences se fondent sur l'opinion qu'on a ici du moral de ce prince qu'on croit également propre à sentir vivement la louange comme l'insulte et à répondre par de vives repressailles à une action noble comme à un mauvais procédé".

54.

Вотъ мѣсто изъ инструкціи (11 vendémiaire an IX), касающееся Россіи: „Vous lui (Крюденеру) insinuerez adroitement que le 1-r consul ne s'est porté à cette démarche (отправка плѣнныхъ) que de son propre mouvement et qu'il n'est point exact que la Prusse la lui ait indiqué. Vous aurez lieu à cette occasion d'entrer dans quelques détails sur le caractère du 1 consul et d'en demander sur celui de l'empereur d'où vous aurez soin de tirer la conclusion que les deux gouvernements sont faites pour s'entendre.—Comme un petit nombre des français qui sont détenus à Constantinople ont été fait prisonniers dans les îles venitiennes par les troupes russes, l'e-r jugera peut-être à propos de demander leur relaxation, mais cela même n'est point une condition. — Vous traiterez donc d'abord cette affaire, et lorsqu'elle sera expédiée, vous commencerez vos conférences pour la négociation définitive, faisant usage à cet égard des pouvoirs et des instructions que je vous transmets. Vous aurez soin de ne jamais entrer en confidence, ni en ouverture sous quelque prétexte que ce soit avec le ministre de Prusse sur cette négociation. Le 1-r consul n'a point approuvé qu'à la sortie de votre première entrevue avec m. de Krudener, vous ayez conféré avec m. d'Haugvitz de ce qui s'y était dit et passé. L'extrême réserve que le 1-r consul vous recommande doit naturellement être partagée par le ministre russe et vous lui ferez sentir que vos conférences doivent être secrètes, puisque si elles peuvent intéresser la cour de Berlin elles n'en sont cependant pas dépendantes. —

Après ces explications préalables, vous échangerez vos pouvoirs avec ceux de m. de Krudener. Vous rédigerez un protocole exact de toutes vos conférences et vous vous conduirez sur un objet aussi important avec la plus grande circonspection, car avec un caractère comme celui de l'empereur russe le moindre mot peut donner de fausses idées et conduire à des conséquences qui n'auraient point été prévues. — Les conférences doivent se tenir alternativement chez le baron de Krudener et chez vous (et s'il y met un grand prix, la première pourra avoir lieu chez lui) ou constamment dans une maison neutre. Mais dans ce cas vous auriez grand soin de vous assurer que la maison soit sûre.— Je ne dois pas vous laisser ignorer que si le lieu de la négociation avait été au choix du 1-r consul, il n'aurait pas choisi Berlin, puisque, comme vous l'avez dit plusieurs fois, la cour de Berlin est plutôt disposée à susciter des embarras à la république qu'à lui en épargner.—Quant au fond même de la négociation dont vous êtes chargé, le 1-r consul qui a pris connaissance de celle qui avait été entamée à la fin de l'an V par le cit. Caillard et qui s'est convaincu que la question n'était point changée, puisque de part ni d'autre il n'y avait aucune restitution à faire, me charge de vous donner pour instruction spéciale le projet de traité que vous trouverez dans les archives de votre légation joint à la lettre en date du 3 vendem. an VI que j'écrivais au cit. Caillard. Sa lettre elle-même et quelques unes de celles qui précèdent vous donneront d'utiles directions. Dans la rédaction du traité il ne peut y avoir à changer que le préambule et l'article IV, parce que le traité de commerce de 1787 qui avait été conclu pour 12 ans se trouve expiré de droit depuis l'année dernière, quand il ne l'aurait pas été de fait par la guerre. Ces changements sont peu de chose et il vous est recommandé de vous tenir fortement à l'esprit et au sens du projet proposé.—Cette recommandation vous indique que si m. de Krudener voulait mêler à la négociation du traité des propositions incidentes et qui n'eussent pas une liaison directe avec le rétablissement pur et simple de la paix entre la France et la Russie, vous lui feriez sentir que si les deux états doivent avoir naturellement le désir de s'entendre sur les affaires d'Europe, il faut d'abord qu'ils s'occupent à terminer leur propre différend, à régler de l'un à l'autre leurs intérêts particuliers, après quoi ils pourront donner cours à des discussions communes sur les arrangements qu'il convient de poursuivre par rapport aux affaires générales. Vous donnerez à ce sujet à m. de Krudener l'assurance positive qu'aussitôt que le traité primitif aura été conclu, vous recevrez de nouveaux pouvoirs pour traiter avec lui de ces autres objets, et dans le cours de la conversation vous pourrez encore vous exprimer vaguement sur les questions diverses qui devraient occuper les deux puissances, quand une fois elles seront rapprochées.—Vous observerez d'abord que bien éloignés de cet esqrit de propagandisme dont on nous a fait le reproche, notre propre intérêt nous rend ennemis de toute désorganisation.—Vous ajouterez, en commentant les préliminaires et en faisant usage de l'observation que je vous ai fournie sur la Bavière, que nous sommes aussi peu portés qu'aucune autre puissance à désirer que l'Autriche s'accroisse immodéremment en Italie et que l'empereur de Russie prenant intérêt au rétablissement du roi de Sardaigne, il paraîtrait convenable que l'Autriche s'en tint aux limites de l'Adige.—Que Malte étant tombé au pouvoir des anglais, il conviendrait encore que s. m. i. de Russie, s'intéressant au roi de Naples, s'intéressât aussi à ce que Malte ne restât point dans les mains des anglais. — Que d'ailleurs ces questions diverses se compliquaient encore par celles de l'Egypte et des îles Vénitiennes; que, sans doute, s. m. i. ne penserait pas qu'il fût de l'intérêt du continent que les anglais prissent possession d'Alexandrie, de Damiette et de Suez, ce qu'ils feraient si les français évacuent l'Egypte, le grand seigneur étant dans l'impossibilité de défendre et de garder ces provinces. — L'objet des conversations que vous êtes autorisé à diriger dans ce sens est d'exciter le baron de Krudener à faire connaître les intentions de sa cour, et pour mieux l'y déterminer vous pouvez encore lui faire entendre qu'aussitôt après la paix rétablie, les deux états pourront se livrer efficacement et en commun au soin de faire prévaloir contre les prétentions des anglais les droits et les principes de la neutralité qui viennent de recevoir encore une forte atteinte par le dernier succès de l'audace britannique. Cet argument est de nature à recevoir d'utiles développements, et je vous y sais préparé, mais je vous réitère que vous de-

vez vous attacher avec soin à vos instructions, éviter de répondre quand elles vous manqueront et en demander des nouvelles"...

55.

Изъ депеши Бернонвиля оказывается, что онъ ничего не говорилъ насчетъ Сардиніи, Неаполя, Вюртемберга и Баваріи; а по депешѣ Крюденера о томъ же разговорѣ (*Милютинъ*, V, 267), онъ будто-бы сказалъ, что Бонапартъ возстановитъ означенныхъ государей во всѣхъ ихъ правахъ. Далѣе г. Милютинъ говоритъ о депешѣ Ростопчина Талейрану насчетъ подтвержденія словъ Бернонвиля, которая „упоминается въ рескриптѣ Крюденеру отъ 20 ноября". Но эта депеша, которой авторъ не видалъ и которая вовсе не касается Бернонвиля, есть ничто иное, какъ № 4 нашихъ документовъ.— Кобенцль писалъ Коллоредо 10 іюля (Vivenot, II, 244): „jusqu'ici mes efforts pour faire expliquer Kolitscheff ont été infructueux, et il est certain qu'avec la responsabilité, dans laquelle se trouve tout ministre de Russie, et ce qu'il a à craindre du caractère de son maître, il est moins que tout autre disposé à s'ouvrir sur ce qui ne lui est pas formellement ordonné". — 28 августа Кобенцль писалъ, что, судя по его ежедневнымъ сношеніямъ съ Колычевымъ, можно бы подумать, будто дѣло идетъ о сближеніи между двумя дворами; но онъ убѣдился „qu'à moins de punir plus sévèrement le pauvre général Fröhlich (онъ уже былъ отставленъ отъ должности) on ne peut faire entendre raison à Paul I".— 21 сентября Кобенцль писалъ Коллоредо изъ Праги: „V. e. aura vu la manière dont je me suis acquitté vis-à-vis de l'ambassadeur de Russie de ce dont je me suis trouvé chargé. Reste à voir, quel effet cela produira. A la manière dont la tête de Paul I est montée il est malheureusement possible, qu'il ne voit dans tout ce que nous faisons que le désir d'éluder la satisfaction qu'il demande, ou de la traîner en longueur. Il est si prompt à punir, qu'il ne conçoit pas que chez les autres on puisse vouloir examiner avant de juger. Entre temps il s'est rapproché de la Prusse, et il semble même commencer à se rapprocher de la France qui lui fait toutes sortes de coquetteries. Quand on réfléchit à toutes les suites qu'a déjà eues et que peut avoir encore notre brouillerie avec la Russie, on ne peut s'empêcher d'avoir de la rancune, et contre les légations que nous voulions avoir, et contre la négociation à Pétersbourg que nous n'avons pas voulu avoir, et contre Ancone pour lequel il était d'autant plus malheureux de ce broniller que jamais nous n'avons voulu garder cette place"... — По поводу Фрелиха см. письма Ростопчина Колычеву отъ 18 декабря 1799, 7 января и 26 мая 1800 г. (Боярскій родъ Колычевыхъ, стр. 357). Интриги Тугута, и именно причины, по которымъ онъ въ одно и то же время любезничалъ съ Бонапартомъ и устраивалъ бракъ Александры Павловны, прекрасно рисуются въ одномъ письмѣ (кажется, Колычева) къ С. Воронцову изъ Вѣны, 25 сентября 1799. *Архивъ Воронцова*, XXVII, 482—484. — Объ отношеніяхъ неаполитанской королевской четы къ Павлу I см. *Helfert:* Maria-Karolina, Wien, 1884. О миссіи Пиньятелли и Левашова см. *Архивъ Воронцова*, XXXII, 280. — До чего Павелъ I все еще боялся „заразы", видно изъ рескриптовъ Кутузову отъ 15/27 мая и 3/15 іюня 1800 г. Думая, что Бонапартъ идетъ на Вѣну, онъ приказывалъ принимать мѣры „въ отвращеніе вліянія какого-либо духа развратности и буйства, отъ крамольства французовъ быть могущаго". *Русская Старина*, I, 253—254. Воинственное настроеніе противъ Англіи овладѣвало тогда нашимъ обществомъ. Въ декабрѣ 1800 г. извѣстный мореплаватель, Крузенштернъ, предлагалъ Павлу I составить крейсерскую эскадру, чтобы хватать англійскіе корабли, ходившіе съ золотомъ изъ Индіи и Китая. Крузенштернъ Рибасу, въ *Русскомъ Архивѣ* за 1878 г.

56.

Особенности слога Панина еще болѣе отразились въ другой редакціи записки, отъ 11/23 сентября (*Pétersbourg*, Ministère, 1800, 2). Эта редакція, какъ и первая, подписана самимъ Панинымъ. Ея главное отличіе—слѣдующее начало: „La situation actuelle

des affaires de l'Europe offre à l'observateur impartial des plus grands désastres, mais en même temps l'espoir d'un changement prompt et salutaire. Après avoir sondé les plais de l'humanité, lorsqu'on fixe son attention sur la Russie et qu'on élève sa pensée au monarque, dans la personne duquel la Providence a réuni le plus grand pouvoir aux vertus les plus éminentes, on bénit ses décrêts impénétrables; car alors on est pénétré de la conviction *qu'une seule volonté suffit pour le salut public*. Celui qui ferme son coeur à l'espérance ne connaît pas *Paul premier*. Il n'a pas su reconnaître dans le libérateur de l'Italie, dans le protecteur des Bourbons, dans le restaurateur de la chevalerie, dans le bienfaiteur de ses ennemis le puissant allié des mahométants; non, il n'a pas su reconnaître le sauveur de l'Europe. — M'objectera-t-on que la perfidie, l'aveuglement et l'ingratitude des alliés de S. M. I. opposent un obstacle insurmontable à ses généreux desseins, que l'expérience du passé, que le sentiment de cette ingratitude sont des motifs suffisants pour retenir son bras? Je répondrai: „Ils pouvaient le retenir tant que l'ambition et la cupidité de l'Autriche menaçaient la sûreté de l'Europe. Ils ne sauraient produire cet effet, lorsque tous les efforts de la cour de Vienne ne peuvent plus tendre qu'à sa propre conservation, lorsque la lutte inégale qu'elle va soutenir la met dans l'impuissance de nuire, lorspue chaque condition que S. M. I. voudra lui imposer, en la sauvant, ne peut plus être considérée que comme un bienfait".—M'objectera-t-on que la sûreté de l'empire de Russie est la première, l'unique sollicitude de S. M. I. et que ses armées ont pour destination de protéger nos frontières? Je répondrai: „L'expérience de cette guerre prouve combien le système défensif est dangereux contre les français. Il vaut mieux prévenir l'attaque que de l'attendre: l'Autriche doit succomber nécessairement, si elle est réduite à ses propres forces, et l'invasion des pays héréditaires obligera la Russie de combattre seule contre les français, sans pouvoir espérer aucun appui efficace ni de l'Autriche, ni de la Prusse; je répondrai encore que nos provinces démambrées de la Pologne deviendraient alors le théâtre de la guerre et le foyer de l'insurrection; tandis que ce fléau leur serait épargné en se portant au secours de l'Autriche et arrêtant l'ennemi hors de nos frontières". — M'objectera-t-on que la cour de Vienne doit une réparation à notre aug. maître et que sa dignité exige de recevoir cette réparation avant d'établir aucun concert avec elle? Je représenterai „qu'il dépend aujourd'hui de S. M. I. de la punir, en lui dictant ses loix comme conditions de ses secours et que la vengeance la plus éclatante, comme la plus noble, qu'elle puisse en tirer, est de sauver l'e-r des romains au bord de l'abime".— Les instructions qu'elle vient de donner à son ministre près la cour de Danemark ne laisse aucun doute que son système ne tende à ce grand but. C'est ce qui m'a déterminé de soumettre à sa haute approbation, dans le présent mémoire, un plan propre à en assurer le succès". Въ остальномъ эта редакція записки сходна съ первою; только VII статья изложена такъ: „L'engagement de pourvoir à l'approvisionnement de l'armée russe jusqu'à ce qu'elle rentre dans les frontières". А IX и X статей вовсе нѣтъ. Ихъ замѣняетъ фраза: „Le reste de la convention stipulera ce que s. m. i. daignerait faire ultérieurement en faveur de la cour de Vienne, ou les acquisitions qu'elle croira pouvoir lui assurer à la paix définitive et que je ne me permettrai point d'indiquer". Обѣ бумаги вложены въ листъ, на которомъ рукою Панина написано: „Приложенные у сего два меморіала отъ 9 и 11 сентября, содержащіе мнѣніе мое о положеніи Государства, вручены были господину первому присудствующему, графу Ростопчину; но по отказу его поднести оные Государю Императору отданы для храненія въ архивъ Иностранной Коллегіи. Спб. Сентября 19 дня 1800 года. Вице-канцлеръ гр. Панинъ". — Политика Панина выясняется въ его письмѣ къ Воронцову 10 апрѣля 1800 (*Архивъ Воронцова*, XI, 113). Его ненависть къ Франціи ярко проявляется въ его письмахъ къ С. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XI); здѣсь директорія, Бонапартъ, Талейранъ, Сіейсъ надѣляются самыми позорными именами, наравнѣ съ „коварными принципами" революціи; а Лагарпъ оказывается виноватымъ во всемъ, въ чемъ Александръ I не соглашался съ Панинымъ. — Для характеристики „англоруссовъ" интересна переписка Уайтворта съ С. Воронцовымъ: *Архивъ Воронцова*, XXIX. Уайтворту даже приходилось „умѣрять ревность" англійскую Воронцова (XXIX, 388).

57.

Для объясненія опалы Панина важно письмо Муравьева-Апостола С. Воронцову 16/28 февраля 1801 (*Архивъ Воронцова*, XI, 161—167; *Русскій Архивъ*, 1876). Это — оправданіе Панина, по его собственному порученію. Въ пользу Панина, противъ Ростопчина, написанъ и памфлетъ Коцебу: „Réfutation des Mémoires secrets" (Массона), 1802. Но С. Воронцовъ продолжалъ очень зло отзываться о Панинѣ (*Архивъ Воронцова*, X, 156—158). — Бернонвиль извѣстилъ Талейрана (27 brumaire an IX), что Ломбардъ сказалъ о нотѣ Ростопчина: „Il est bien nécessaire que le gouvernement français ne regarde pas de si près au style orientale-tartare (si vous voulez) de la Russie. On sent bien qu'elle eût pu répondre d'une manière plus convenable aux ouvertures du 1-r consul; mais cette note même n'en caractérise que mieux la franchise de Paul I". — Нота приведена дословно у *Bignon* (I, 289—290), который говоритъ: „Note dont la forme peu diplomatique annonçait assez qu'elle sortait du cabinet particulier de l'e-r Paul". — *Lanfrey* (II, 217), уличая Бонапарта въ томъ, что онъ исказилъ ноту, замѣчаетъ, что она третировала консула „à peu près comme le gouverneur de quelque province éloignée de l'empire russe".

58.

Записка Ростопчина напечатана въ *Русскомъ Архивѣ* (1878, I), по списку, доставленному издателю сыномъ автора. На ней находятся любопытныя замѣчанія Павла I. Въ *Revue d'histoire diplomatique* (1889, 1) она помѣщена въ искаженномъ французскомъ переводѣ, сохранившемся въ бумагахъ наслѣдника барона Фена (Fain), бывшаго начальника кабинета Наполеона I. См. наше разъясненіе въ *Revue d'histoire diplom.* (1889, 2). — Выраженный въ запискѣ взглядъ на Францію повторенъ Ростопчинымъ въ его интересномъ письмѣ къ С. Р. Воронцову, отъ 30 іюня 1801 (*Архивъ кн. Воронцова*, VIII), которое представляетъ политическое самооправданіе автора.

59.

Слова Ростопчина о попыткахъ Франціи къ сближенію съ Павломъ I относятся, между прочимъ, къ слѣдующимъ фактамъ. Въ 1797 г. агентъ директоріи при Портѣ заявилъ нашему послу, Кочубею, черезъ посредство испанскаго посланника, что она желаетъ сойтись съ Россіей: онъ просилъ его донести объ этомъ въ Петербургъ и добивался свиданія съ нимъ (Кочубей Воронцову 13/24 мая 1797, въ *Архивѣ Воронцова*, XIV, 81). Въ началѣ 1800 г. испанскій посланникъ въ Копенгагенѣ просилъ датскаго министра намекнуть Крюденеру, что Бонапартъ готовъ предложить царю „что-нибудь" за миръ. Для мирныхъ предложеній Бонапарта важно письмо Панина С. Воронцову 14 марта 1800. *Архивъ Воронцова*, XI, 102—104.—*Бутурлинъ А. Воронцову*, 23 октября 1800 (*Архивъ Воронцова*, XXXII, 282): „Le baron Sprengporten le père est chargé d'une commission secrète pour l'étranger. Il part le 15 de ce mois. On croit que c'est pour prendre enfin possession de Malte au nom de s. m. i. Il a dans sa suite plusieurs chevaliers de l'ordre, et on dit que les difficultés sont toutes levées". — Донесенія Спренгпортена Павлу I находятся въ архивѣ военно-ученаго комитета; ими пользовался г. Милютинъ. У шведовъ всегда Sprengtporten, у насъ и у французовъ чаще безъ *t*. Въ сношеніяхъ съ французами, С. помѣчалъ свои письма по республиканскому календарю; вообще же наши дипломаты вездѣ придерживались стараго стиля. Къ характеристикѣ С. служатъ (помимо нашихъ №№ 7 и 8) слѣдующія мѣста изъ депешъ Бернонвиля Талейрану отъ 1 ноября, 5 и 15 дек. 1800: „C'est un vieillard respectable qui m'a paru plein de cordialité et de franchise; finois de naissance il défendit autrefois la constitution de son pays contre les entreprises de Gustave avec le secours de la Russie dont il est

devenu le sujet, mais il se souvient de ce temps avec plaisir et parle avec intérêt le langage de la liberté... Il aime à parler. Il est un peu vain, sensible aux caresses; il a la confiance de son prince, il correspond directement avec lui et vous pourrez beaucoup faire avec lui". Бернонвиль надѣялся, что С. можетъ, въ глазахъ царя, „d'éclairer et même de redresser des rapports moins fidèlement transmis par le cabinet prussien". Новѣйшія свѣдѣнія о С. см. въ *Русской Старинѣ* (1888, I). Это тотъ самый шведскій генералъ изъ Финляндіи, который помогъ самодержавію Густава III, но, недовольный наградой, старался предать его Екатеринѣ II, вслѣдствіе чего бѣжалъ сначала въ Голландію, потомъ въ Россію. Онъ прославился еще возмущеніемъ финляндцевъ, съ цѣлью присоединить ихъ къ Россіи. Онъ былъ въ немилости въ концѣ царствованія Екатерины и потому снова возникъ въ дипломатіи при Павлѣ I.

60.

Роль Пруссіи выясняется изъ сличенія извѣстій архивовъ петербургскаго и парижскаго съ данными архива берлинскаго. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго прусскаго архиваріуса, Балье, будто парижскій архивъ за 1800—1807 гг. почти не прибавляетъ ничего новаго въ Correspondance de Napoléon I (*Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven.* 29 B. Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807, herausg. v. *Bailleu.* 2 Th. Lpz. 1887). Хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ вполнѣ судить о берлинскомъ архивѣ, бумаги котораго, въ изданіи Балье, часто прерываются многоточіемъ или излагаются собственными словами редакціи, тѣмъ не менѣе для насъ очевидно, что парижскій архивъ даетъ дѣлу иное освѣщеніе. Люкезини упрекалъ Бонапарта въ коварствѣ („conduite déloyale"); а изъ переписки Талейрана съ Бернонвилемъ видно, что въ Парижѣ презирали Гаугвица за неискренность, хвастовство и назойливость. Между тѣмъ какъ прусскій министръ внушалъ всѣмъ дипломатамъ, что онъ играетъ первую скрипку въ русско-французскомъ сближеніи, Бернонвиль доказывалъ, что онъ только „притворяется, будто состоитъ въ согласіи съ Россіей", а самъ ничего не знаетъ про ея планы. Французы недаромъ негодовали на „іезуитизмъ" Гаугвица. Въ напечатанной у Балье запискѣ Гаугвица сказано, что можно тотчасъ увѣдомить Россію о тайной цѣли посылки Люкезини—о надзорѣ за переговорами между Франціей и Австріей. Вслѣдъ затѣмъ въ этой же запискѣ говорится о другомъ надзорѣ. Фраза начинается такъ: „Mais ce sont encore les relations avec la Russie, que les circonstances du temps rendent plus précieuses que jamais". Тутъ слѣдуетъ многоточіе, не объясненное редакціей. Мысли записки Гаугвица развиты въ напечатанной рядомъ съ нею инструкціи маркизу Люкезини (отъ 14—16 октября), которая составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ и комментаріевъ прусской дипломатіи. Къ сожалѣнію, она сильно искажена многоточіями, которыя мы принуждены были внести въ нашъ текстъ, при ея изложеніи.— Крюденеръ самъ сознался, что нота Ростопчина была сообщена въ одно время и Бернонвилю, и Гаугвицу. Онъ восхвалялъ „ревность и доброжелательство" прусскаго министра, которому приписывалъ и „первыя откровенности" между Петербургомъ и Парижемъ, что окончательно убѣдило Бернонвиля въ „недоброжелательномъ поведеніи" Пруссіи относительно Франціи. Подводя итогъ своей миссіи, Бернонвиль говоритъ: „Съ пріѣзда сюда я почувствовалъ, что намъ будетъ мало помощи отъ здѣшняго двора. Два мѣсяца спустя, я указывалъ на необходимость войти въ прямыя сношенія съ Россіей, чтобы избавиться отъ посредника, котораго я подозрѣвалъ въ недобросовѣстности (mauvaise foi). Будучи принуждены прибѣгнуть къ услугамъ Пруссіи, мы получили отъ нея лишь безполезныя обѣщанія, въ искренности которыхъ я всегда сомнѣвался. Со стороны Пруссіи все ограничилось незначительною нотой, которую вырвала у нея побѣда подъ Маренго". *Beurnonville à Talleyrand,* 25 frimaire и 14 pluviose an IX. Не лучше французовъ относились русскіе къ Пруссіи и особенно къ Гаугвицу, котораго Куракинъ называлъ „хитрымъ и криводушнымъ", а Панинъ—„низкимъ и безстыднымъ". *Русская Старина,* X, 75, 322. Вообще Берлинъ повсюду возбуждалъ, съ базельскаго

мира 1795 г., недовѣріе и недоброжелательство, которыя усиливались вслѣдствіе его жажды земельныхъ пріобрѣтеній. См. примѣч. 78. — О союзѣ Россіи съ Пруссіей въ 1800 г. см. *Ranke:* Hardenberg. 2 Aufl. I, 34.

61.

Донесенія Люкезини 7 и 10 ноября (у Bailleu). — *Донесеніе Крюденера* 20 ноября (Милютинъ, V, 499—500).—*Talleyrand à Beurnonville* 6 и 19 brumaire an IX.—*Beurnonville à Talleyrand* 13, 20, 27 brumaire, 1, 6, 15, 25, 29 frimaire.—*Sprengporten à Paul I*, 1, 13, 18, 20 ноября.—О деньгахъ Спренгпортену см. *Богдановича*: Исторія царствованія имп. Александра I, I, 268.

62.

Au ministre de la guerre, 26 brumaire an IX (Paris, 140, 7). — Вотъ образчикъ благодарности правительства префектамъ за хорошій пріемъ Спренгпортена (Paris, 140, 31). *Talleyrand à Doulcet Pontécoulant*, préfet du départ. de la Dyle. 2 nivôse an IX. Citoyen, l'accueil distingué que vous avez fait à M. le Baron de Sprengporten et aux off-rs qui l'ont accompagné est parfaitement conforme aux vues du Gouvernement, et ajoutera aux témoignages de considération particulière que le P-r Consul veut donner à l'Emp-r de Russie. Je me suis empressé de faire connaître au P-r consul les dispositions que vous avez prises dans cette circonstance, et je suis chargé de vous exprimer toute sa satisfaction.

63.

Clarke à Talleyrand, Bruxelles, 19 frimaire an IX (Paris, 140, 14). Je suis arrivé hier à Bruxelles à 4 heures après midi. Les routes sont tellement mauvaises que je n'ai pu être rendu plutôt à cette destination ayant brisé ma voiture plusieurs fois.—M. le baron de Sprengporten est arrivé une heure après moi. Les honneurs militaires prescrits par les consuls lui ont été rendus, et il en a paru flatté.—Je l'ai fait féliciter par le capitaine Girault mon aide-de-camp sur son heureuse arrivée. Il l'a retenu pendant assez longtemps et l'a entretenu d'une manière si singulièrc que j'ai cru devoir transmettre au 1-r consul les principaux traits de sa conversation dans cette occasion. — Je l'ai vu aujourd'hui et le désordre d'idées que sa conversation d'hier semblait annoncer avait disparu. Il m'a parlé avec méthode et clarté. Je viens d'en rendre compte au 1-r consul d'une manière circonstanciée, ainsi qu'il me l'avait ordouné, et comme cette dépêche vous sera probablement communiquée, je crois superflu d'entrer ici dans les mêmes détails.—M. de Sprengporten est un homme d'environ 55 ans qui a été blessé plusieurs fois. Il porte la grande croix de l'ordre de Malte et plusieurs cordons de différents ordres, mais il a soin de faire remarquer qu'il a celui de l'ordre de Malte et me paraît en parler avec affectation. Il a une assez grande habitude de notre langue. Il m'a semblé qu'il avait essayé ce matin de connaître s'il aurait quelque avantage sur moi soit en parlant anglais, soit en parlant allemand, mais m'ayant trouvé plus habitué que lui à la première de ces langues, et assez fort dans la seconde, pour qu'il ne pût en profiter lorsque je répondais à ses questions multipliées, il est revenu à la langue française qui d'ailleurs lui paraît plus familière. Je vous dis cette particularité assez peu remarquable pour vous faire connaître qu'au milieu de la franchise affectée de ses manières militaires et des protestations sans nombre de loyauté dont il est prodigue, il n'est pas dépouillé d'une certaine finesse commune aux hommes du Nord et que les vicissitudes de sa vie ont dû nécessairement lui donner. Cette finesse est, au surplus, enveloppée d'éloges affectés de la vertu,

de la probité, de la piété même. Elle se laisse seulement apercevoir sous l'apparence de la naïveté lorsqu'on resiste avec soin à satisfaire d'une manière trop détaillée à quelque demande intéressante.—Le général Sprengporten, d'après ce que j'ai recueilli dans la conversation, a été d'abord au service de Hollande, puis rappelé en Suède par le parti de l'ancienne constitution républicaine de ce pays, il passa au service de Russie lorsque ce parti eut le dessous. Il a vécu, dit-il, dans l'intimité de l'impératrice Catherine II, et il assure posséder la confiance la plus immédiate de l'empereur Paul. — La suite de m. de Sprengporten n'étant pas encore arrivée, je n'ai encore vu de ceux qui l'accompagnent que m. Hougberg, conseiller de cour, consul à Dantzig et secrétaire de légation à Dresde. C'est une manière de secrétaire de légation de m. de Sprengporten. En me le présentant il m'a dit d'une manière si recueillie et si grave que m. Hougberg lui avait été donné pour le chiffre, que j'en ai presque conclu que les personnes chargées de chiffrer les dépêches en Russie étaient de très grands personnages; mon profond respect a diminué quand j'ai vu qu'il le traitait assez cavalièrement. Je pense au surplus que cette manière de traiter ses inférieurs est assez familière au général Sprengporten. — Il avait ordonné à m. le lieutenant-général Saken (онъ былъ начальникомъ плѣнныхъ, какъ старшій чиномъ) qui est à Lille de se rendre à Bruxelles pour l'y attendre, et j'ai lieu de croire qu'il l'a grondé avec quelque humeur pour n'avoir pas obéi sur-le-champ à cet ordre qui vient d'être contremandé. — Il y a aussi auprès de m. de Sprengporten un jeune officier courlandais. Je présume qu'il le dépêchera incessamment en courrier à Pétersbourg. — M. de Sprengporten est satisfait de l'accueil que lui a fait le général Beurnonville à Berlin. Il avait l'air de se plaindre de m. de Krudener et il laisse entrevoir une sorte de mécontentement de ce que ce ministre russe ne s'est pas lancé assez vivement dans la négociation avec la France. Je serais tenté de croire qu'il n'aura pas manqué de blâmer m. de Krudener en écrivant à l'empereur de Russie.—Il est curieux d'entendre le général Sprengporten parler de ce monarque. Il ne dit point, c'est un grand militaire, c'est un génie, c'est un grand administrateur; mais il le dépeint comme l'homme le plus probe, le plus sincère, le plus franc qui fût jamais et il laisse entrevoir que Paul a tort de copier trop exactement les costumes prussiens et de les donner à ses troupes; qu'il est malheureux qu'il soit arrivé un peu tard au gouvernement, parce qu'il exige sans ménagement des choses très bonnes en théorie et difficiles à exécuter; et au milieu des détails que donne le général russe pour prouver la confiance que lui témoigne l'empereur, on remarque qu'il n'est pas sans crainte de perdre sa faveur à la première occasion, et il ne manque pas de dire que Paul veut être obéi et sait se faire obéir... (Здѣсь слѣдуютъ выводы Кларка, какъ въ № 7, и увѣдомленіе, что при семъ прилагается письмо Спренгпортена Талейрану). En me relisant je m'aperçois que j'ai oublié de vous dire que ce général avait passé jadis 15 mois à Paris. Ses blessures l'obligèrent au commencement de la guerre à venir prendre les eaux d'Aix-la-Chapelle. L'approche de l'armée de Dumourier le força de quitter cette ville. En me parlant de l'intention qu'avait eue Paul I de former plusieurs régiments des prisonniers russes qui sont en France, m. de Sprengporten me dit que l'empereur Paul lui avait même envoyé à Berlin des drapeaux pour ces régiments et qu'il les y avait laissés. Je lui ai répondu que je présumais que le premier consul trouverait une manière satisfaisante de réparer cet oubli et que puisque lui (m. de Sprengporten) s'était déterminé à se rendre à Paris, je laissais au premier consul le soin de l'entretenir sur cet objet. — *Girault à Clarke*, Bruxelles, 19 frimaire (Paris, 140, 18). J'ai à vous rendre compte de la visite que j'ai fait hier par votre ordre au général russe Sprengporten. — Après l'avoir complimenté sur son arrivée et l'avoir prié de fixer l'heure à laquelle il désirait recevoir, il me dit que c'était à lui à prévenir toutes les politesses dont on l'honorait; qu'il serait disposé à aller sur le champ vous voir lui-même s'il n'était pas aussi tard et qu'il remettait cela au lendemain matin après la visite qu'il se proposait de faire au préfet. M. de Sprengporten m'a paru très empressé de savoir quelles étaient les nouvelles actuelles; si le 1-r consul était parti de Paris; dans ce cas à quelle armée il devait aller; si les hostilités avaient déjà eu des suites? Sur ce que je lui dis qu'avant notre départ de Paris, le général Augereau s'était porté en avant

d'Aschafenbourg, „oui, répondit-il, mes officiers l'ont appris à Francfort. C'est m. d'Albini qui a voulu se faire connaître". — Général, ai-je répliqué, il s'était fait connaître à Rastadt. — „Effectivement, me répondit le général russe, sa conduite politique a été aussi mauvaise que sa conduite militaire". — Le général russe m'a de lui-même parlé de l'empereur Paul I en me disant: „C'est aussi notre consul. C'est un prince dont le caractère moral est plein de loyauté, de probité. J'ai servi avec lui lorsqu'il était grand duc. Ma franchise lui plût et ce fut à son avènement à l'empire qu'il m'écrivit de sa main pour m'engager à rentrer au service. Je jouissais d'une pension considérable, j'étais indépendant; néanmoins j'acceptai. L'empereur me rendit mon ancien grade, celui de lieutenant-général etc. La plus stricte justice, la plus grandre loyauté président à la conduite de Paul I. Cependant il n'est pas à l'abri des préventions. Si vous avez un ennemi qui vous desserve, vous pouvez dans l'instant et sans autre forme de procès perdre vos grades, vos emplois. Moi qui ai l'honneur de vous parler, qui agit pour l'empereur et d'après ses instructions, je pourrai perdre peut-être la confiance qu'il m'a témoignée. Je me flatte bien que cela ne sera pas, mais cela n'est pas impossible". — Ce discours paraîtra peut-être singulier dans la bouche de m. de Sprengporten. Est-ce finesse? Est-ce franchise? C'est ce que le temps fera connaître. — Revenant sur l'e-r et sur sa conduite relative à l'Angleterre et à l'Allemagne, il me dit: „Paul I était entré sans aucune vue personnelle d'intérêt dans la coalition formée contre la France. Voyant que la cour d'Angleterre et celle de Vienne, loin de concourir au but convenu, ne cherchaient qu'à s'agrandir réciproquement; sachant que le gouvernement de la France avait changé et que le consulat avait remplacé l'anarchie, il a retiré ses troupes". — Puis se rapprochant de moi: „j'espère, dit-il, que désormais les français et les russes seront bons amis; c'est la ferme intention de s. m. l'empereur". — M. de Sprengporten m'a fait ensuite beaucoup d'autres questions et a fini par me témoigner qu'il aurait beaucoup de plaisir à vous voir. M. de Cobentzl, m'a-t-il dit, lui avait parlé de vous en Russie avec la plus grande estime et vous avait peint sous les rapports les plus avantageux. — Au moment où je me levais pour prendre congé, le général russe m'a encore questionné sur les négociations de Lunéville et sur la reprise des hostilités. „Que veut donc l'empereur d'Allemagne, me dit-il? Quant à nous, nous ne croyons pas qu'il refusât de faire la paix avec la France; nous apréhendions au contraire qu'il ne vous en laissât faire une trop avantageuse". — Causant le lendemain avec le conseiller de cour qui accompagne m. de Sprengporten et parlant du premier consul: „C'est, me dit-il, un de ces génies tels qu'on n'en trouve quelquefois pas dans le cours d'un siècle". Ensuite parlant de l'occupation de Malte par les anglais, „Il serait bien à désirer, ajouta-t-il, que vous eussiez pu continuer à occuper Malte. C'est alors qu'il serait facile d'arranger toutes les affaires". — Французскія донесенія изъ Брюсселя дополняются депешей Спренгпортена Павлу I оттуда же отъ 12 декабря. Изъ нея оказывается, что у Кларка были такія же полномочія, какъ у Бернонвиля, а Бонапартъ соглашался даже, забывая „conduite vacillante" герцога виртембергскаго, сдѣлать для него, „en considération de v. m. tout ce qui pouvait lui devenir agréable, ayant déjà invité le duc de faire régler ses intérêts par l'envoi d'un agent à Paris". Въ заключеніе Кларкъ сказалъ: „Nous avons un ennemi commun, celui de l'humanité entière, qui doit nous réunir. Les puissances du Nord qui dépendent de vous pourront lui fermer le Sund, la Prusse fournira des troupes s'il le faut, et nos efforts réunis lui fermeront la Méditerranée, où sa puissance ne pourra s'établir qu'à votre très grand désavantage". Въ этихъ документахъ упоминаются Гугбергъ и Альбини. Гугбергъ былъ назначенъ, въ іюлѣ 1801 г., нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гаагу (*Архивъ Воронцова*, XXVIII, 445). Подвигъ Альбини состоялъ въ томъ, что, 24 ноября, онъ бросился ночью на французовъ, изъ Ашафенбурга, во главѣ отряда австрійцевъ и крестьянъ майнцскихъ и вюрцбургскихъ; но его отразили. Въ 1802 г. онъ былъ президентомъ майнцской депутаціи на сеймѣ въ Регенсбургѣ.

64.

У Bailleu (p. XIII) пріѣздъ Спренгпортена въ Парижъ ошибочно отнесенъ къ 18 декабря. — *Talleyrand à Beurnonville*, 29 frimaire an IX. — *Sprengporten à Paul I*,

22 и 31 декабря. — Любезности Бонапарта выражались и въ болѣе важныхъ дѣлахъ, и во множествѣ мелочей. Какъ онъ тѣшилъ нашихъ плѣнныхъ офицеровъ, видно изъ приказа его военнаго министра (Милютинъ, V, 501—502). Его письмо къ Бертье отъ 6 декабря (Corresp. de Napol., № 5207) исполнено такихъ же заботъ о генералѣ Левашевѣ, ѣхавшемъ въ Неаполь, какъ о Спренгпортенѣ. 27 декабря Бонапартъ приказалъ Фуше (№ 5245) уничтожить всѣ экземпляры брошюры полонофила Моллера, озаглавленной: *Point de paix solide et durable sans la restauration de la Pologne ou Réflexions du citoyen polonais.* Когда батавская республика предложила намъ возвратить нашихъ плѣнныхъ, Спренгпортенъ писалъ Павлу I (31 декабря): „il n'est pas douteux que cette courtoisie peu analogue au caractère batave ne soit une suite de l'influence du gouvernement français qui de toutes les manières cherche à manifester son désir de rapprochement. 18 января 1801 г. Ростопчинъ сдѣлалъ докладъ о предложеніи (черезъ Пруссію) Батавіи, а также о ея желаніи возобновить старыя сношенія съ Россіей (*Pétersbourg.* Ministère, 1801, 1). Затѣмъ онъ отвѣчалъ о согласіи Павла I, и 25 января былъ отправленъ рескриптъ Спренгпортену о нашихъ плѣнныхъ въ Голландіи (*Pétersb.* Paris, 1801, 2). Конечно, любезности не мѣшали Бонапарту зорко слѣдить за Россіей. 1 декабря онъ приказалъ Талейрану (Corresp. de Nap. № 5201) составить записку о ея финансахъ, арміи, флотѣ и городахъ съ населеніемъ болѣе 10.000, собирая свѣдѣнія отовсюду, какъ отъ бывшихъ у насъ французовъ, такъ и отъ нашихъ офицеровъ во Франціи. Отвѣтомъ на это требованіе были, между прочимъ, двѣ любопытныя обширныя записки уже знакомыхъ намъ Кальяра и Уольси, хранящіяся въ парижскомъ архивѣ (*Mémoires,* № 43 и 49). Трудъ Кальяра (Coup d'oeil sur l'état politique de la Russie, 15 nivôse an IX) чисто статистическій, работа Уольси (Aperçu politique, géographique et commercial sur l'empire de Russie, 27 февраля 1801) — съ примѣсью политики. Уольси хорошо зналъ по-русски (часто вставляетъ наши слова). Онъ сопроводилъ свою работу письмомъ къ Талейрану, который, два года передъ тѣмъ, нашелъ его другой мемуаръ „хорошимъ, по знанію мѣстныхъ условій". Уольси говоритъ: „если мое знаніе Россіи и ея языка нужны для арміи въ Италіи и на Рейнѣ, я готовъ служить отечеству съ тою же ревностью, съ какою служу уже 2 года, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо обо мнѣ къ вамъ Дессоля". (См. выше, прим. 39). А 24 октября Бонапартъ переслалъ Талейрану весьма любопытную записку, которую представилъ ему chevalier de *La-Motte* (*Paris,* 140, 6). Ла-Моттъ предлагалъ поѣхать въ Петербургъ, чтобы слѣдить за дворомъ. Онъ надѣялся на свое званіе мальтійскаго рыцаря да на свои „старыя связи", которыя приблизятъ его къ „m. de Calonne dont on a cru ici qu'il avait été chargé d'une mission extraordinaire auprès de Paul I". Авторъ разсчитывалъ еще получить доступъ къ петербургскому двору посредствомъ „une femme non française qui peut beaucoup à la cour et qui y jouit de la plus haute considération à raison de son mérite et de ses intérressantes liaisons". Онъ оправдывалъ свою смѣлость ссылкой на „извѣстнаго Мирабо", который предлагалъ прежнему министерству воспользоваться услугами „de l'individu qui pouvait obtenir un résultat aussi essentiel".—Документы для исторіи вооруженнаго нейтралитета см. у *Мартенса:* Recueil manuel et pratique de traités etc., 2 éd. VII и 1 éd. Supplem. II.

65.

Bonaparte à Talleyrand, 7 décembre (Corresp. de Napol., № 5208). Это письмо было завершеніемъ льстивыхъ словъ о Россіи въ „Exposé de la situation de la République", представленномъ законодательному корпусу 22 ноября: *Archives parlementaires,* 2 série, I, 667.—*Sprengporten à Paul I,* 22 и 31 декабря 1800 и 1 января 1801.—Доброжелательство Бонапарта къ Сардиніи выразилось въ его письмахъ къ Талейрану отъ 29 сентября и 22 октября (Corresp. de Nap. №№ 5116 и 5137). Здѣсь заявлено его „всегдашнее уваженіе" къ С. Марсану, который призывался „для соглашенія насчетъ вознагражденія его государя".

66.

Курьеры ѣздили тогда изъ Петербурга въ Парижъ въ 18—25 дней, изъ Берлина въ Парижъ — въ 7—10, изъ Петербурга въ Берлинъ — въ 11—15. Однажды, извѣщая Александра I о полученіи депешъ (*Pétersbourg.* Ministère, 1802, 33), Куракинъ приписалъ курьеру „une diligence peu ordinaire puisqu'il n'a mis que 16 jours pour venir de Paris". Упомянутыя въ текстѣ письма Бонапарта и Павла I получены: первое, въ Петербургѣ, 14 января, второе - въ Берлинѣ 10 января 1801 г. (*Beurnonville à Talleyrand*, 20 nivôse an IX), а въ Парижѣ 20-го, причемъ Бонапартъ удивлялся, какъ оно дошло въ 15 дней (Corresp. de Nap. № 5315). Оба курьера встрѣтились „въ 4 лье отъ Петербурга".—Помѣщаемый нами подлинникъ письма Бонапарта былъ доставленъ въ Парижъ для напечатанія въ *Corresp. de Napoléon* (№ 5232). Правильная и удостовѣренная Талейраномъ копія съ него хранится въ парижскомъ архивѣ (Russie, 140, 26). Въ этомъ подлинникѣ, какъ и во всѣхъ письмахъ Наполеона, собственноручна только подпись.—Письмо Павла I Бонапарту печаталось въ одно время и у насъ, и въ *Русской Старинѣ* (1888, февраль). Мы печатали по списку нашего архива, не нашедши подлинника въ Парижѣ. У *Gourgaud* (Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon écrits à S. Hélène) письмо до того искажено, что только первая фраза напоминаетъ его.—Подлинникъ инструкціи Колычеву хранится въ его семейномъ архивѣ, въ селѣ Лукинѣ. Онъ напечатанъ въ *Боярскомъ родѣ Колычевыхъ* (стр. 359—363) и въ *Русскомъ Архивѣ* за 1874 г., 961—966. Текстъ инструкціи помѣченъ 19 дек., а Articles secrets—29. Чтó значили для Павла I „клубы", упомянутые въ инструкціи Колычеву, видно изъ его поступковъ съ Гамбургомъ (прим. 32) и съ Даніей. Съ послѣднею онъ разорвалъ связи за то, что она „терпѣла клубы, основанія коихъ суть одинакія съ тѣми, кои произвели во Франціи всенародное возмущеніе и низвергли законную королевскую власть". Указъ 12/23 августа 1799, въ *Архивѣ Воронцова*, XVIII, 219.—О переселеніи папы въ Россію *Павелъ I Фердинанду IV* 15/27 декабря 1800 (Милютинъ, V, 504).

67.

Кромѣ черновой, по которой напечатанъ нашъ текстъ, въ нашемъ архивѣ сохранилась копія этого письма Павла I Бонапарту (Paris, 1801, 39). Послѣдняя фраза первоначально была составлена такъ: „Entendons Nous, Je Vous le répète encore. Suivons une nouvelle route, et Nous arriverons au bonheur du monde". Одна фраза письма напечатана у г. Шильдера (*Рус. Старина*, 1888, II), но невѣрно. На черновой помѣтка: „послано съ Колычевымъ 3-го января", т.-е. 15-го н. с., а письмо Бонапарта было получено 14-го. Но Спренгпортенъ увѣдомилъ Талейрана (20 февр.), что письмо Павла I было отправлено „черезъ 4 часа" по полученіи письма Бонапарта. — *Sprengporten à Paul I*, 26 января, 5 и 23 февраля.—О ссорѣ Воронцова см. *Ludwig Fürst Stahremberg*, v. dessem Enkel Thürheim, Graz, 1889, p. 65.

68.

Инструкція Люкезини у Bailleu, № 12. Списокъ съ нея, поданный Талейрану, хранится въ парижскомъ архивѣ (140, 46). Разъясненіе ея у Bailleu, № 13. Конечно его нѣтъ въ Парижѣ, и мы лишены возможности заполнить многоточіе, которое стоитъ у Bailleu вслѣдъ за такою любопытною фразой, какъ признаніе короля, что онъ придаетъ наиболѣе значенія „à mes propres intérêts à l'égard de mes indémnités au moyen des sécularisations".—„Denkschrift" Гаугвица отъ 12 января у Bailleu, № 11.—Лесть короля Бонапарту засвидѣтельствована депешей Бернонвиля Талейрану отъ 6 января (Bailleu, № 9).—Для берлинскихъ конференцій: *Beurnonville à Talleyrand*, 20, 23, 27 nivôse, 11, 14 pluviose an IX; *Talleyrand à Beurnonville*, 4 pluviose.

69.

Lucchesini à Talleyrand, 1 pluviose an IX (*Paris*, 140, 45). — *Beurnonville à Talleyrand*, 27 nivôse. — *Донесеніе Люкезини* отъ 25 января (Bailleu, № 14). — *Note de Talleyrand à Kolitscheff*, 1 pluviose (*Paris*, 140, 44).—Приказъ 20 января, чтобы французскіе крейсеры не только не трогали русскихъ судовъ, но даже охраняли ихъ, помѣщенъ въ *Corresp. de Nap.* (№ 5312). Онъ былъ посланъ Талейрану при лестномъ для Россіи письмѣ Бонапарта (№ 5310), которое послужило канвой для ноты № 15.—*Sprengporten à Talleyrand*, 2 pluviose (*Paris*, 140, 47). — *Спренгпортенъ двору* 19 января (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 11) и 4 февраля (архивъ воен.-учен. комит.).—*Rescript à Sprengporten*, 4 février (*Paris*, 140, 54), о французскихъ плѣнныхъ. — *Cobenzl an Colloredo*, 12 декабря 1800 и 6 января 1801 (*Vivenot:* Briefe, II, 346, 361) — *Napoléon à Joseph Bonaparte*, 1 pluviose (Corresp. de Napol. № 5315). — *Эрцгерцогъ Іосифъ Францу II*, 20 января (*Wertheimer*). Тамъ же его другое письмо, поясняющее первоначальное впечатлѣніе, произведенное Павломъ I даже на такихъ приближенныхъ, какъ нашъ консулъ въ Лиссабонѣ, Дубачевскій (см. примѣч. 8). Въ немъ есть такая фраза: „какая намъ польза отъ союза съ удаленнымъ отъ насъ на 300 миль русскимъ императоромъ, особенно если взять въ разсчетъ его перемѣнчивый и, съ позволенія сказать, вздорный (absurde) характеръ?"—*Talleyrand à Joseph Bonaparte*, 24 janvier, *à Cobenzl*, 6 février (*Lanfrey*, II, 249). — *Gallo à Bonaparte et à Brune*, 24 janvier; *Talleyrand à Gallo*, 15 pluviose (*Paris*, 140, 48, 49, 55). — На спискѣ письма Павла I къ Бонапарту отъ 27 января помѣтка: „отправлено съ гр. Тизенгаузеномъ, возвращающимся къ ген. Спренгпортену". Оно напечатано не вполнѣ г. Шильдеромъ (*Русс. Старина*, 1888, 2).

70.

Message au sénat, au corps législatif et au tribunat, 13 février (Corresp. de Napol., № 5362). Ср. *Archives parlem.*, 2 série, II, 371.—Тугутъ умолялъ Коллоредо (въ письмѣ отъ 5 февраля, Vivenot, II, 391) объясниться съ Павломъ I, чтобы отклонить „encore plus dangereux orages", такъ какъ нѣкоторыя условія люневильскаго мира „seront assurément amèrement critiquées à Pétersbourg". Чтобы „prévenir les boutades" и „adoucir d'avance la mauvaise humeur de Paul I", Коллоредо долженъ былъ поскорѣе объяснить царю, что Австрія принуждена была подчиниться „неодолимой силѣ обстоятельствъ".

71.

На подлинникѣ письма Бонапарта помѣтка: „reçu 14 mars 1801". Онъ былъ сообщенъ въ Парижъ для напечатанія въ *Corresp. de Napol.* (№ 5417). Ошибка въ немъ („15" января вмѣсто „14") принадлежитъ самому автору.—Приводимъ дословно письмо Талейрана Ростопчину по подлиннику, хранящемуся въ нашемъ архивѣ (Ministère, France, 1801, 1). *Paris, 12 ventôse an IX.* Le courrier Neumann qui porte à s. m. i. la réponse du premier consul aurait été expédié plutôt si on n'avait attendu de connaître l'arrivée de m. le comte de Kolitschew en France. Nous avons aujourd'hui la certitude qu'il sera à Paris dans quelques jours, et je dois vous exprimer la satisfaction que j'éprouve de voir arriver le moment où, par des discussions franches et approfondies sur tous les objets d'intérêt commun, il sera possible de consolider la paix du continent et de préparer l'affranchissement des mers.

72.

Серра-Капріола передалъ Ростопчину, вмѣстѣ съ письмами къ царю, пакетъ, присланный на его имя съ курьеромъ изъ Вѣны и, какъ оказалось, содержавшій въ себѣ

письма римскаго императора и эрцгерцога къ Павлу I. На другой день Ростопчинъ призываетъ къ себѣ Серру и дѣлаетъ ему строгій выговоръ. Царь „не ожидалъ, чтобы послѣ всѣхъ знаковъ его благоволенія къ неаполитанскому двору“ рѣшились послать въ Парижъ Галла, словно не знали „его мнѣнія насчетъ убѣжденій этого агента“. Онъ также „былъ крайне изумленъ способомъ передачи ему“ вѣнскихъ писемъ. „Недовольный столь мало искреннимъ поведеніемъ, онъ не только не пожелалъ принять письма, но твердо рѣшился не оказывать добрыхъ услугъ его сицил. величеству и требовалъ немедленнаго отзыва своихъ войскъ изъ Неаполя“. Герцогъ былъ „пораженъ и сильно затронутъ столь неожиданнымъ объявленіемъ“: не далѣе, какъ 6/18 и 21/31 декабря, самъ Павелъ I успокоивалъ Фердинанда IV, извѣщая его о своемъ сближеніи съ Бонапартомъ (его письма у Милютина, V, 504—505). Серра доказывалъ, что королева ничего не знаетъ о письмахъ, которыя были посланы графомъ д'Антрегомъ. Онъ увѣрялъ, что король „будетъ во всемъ сообразоваться съ волей императора, какъ своего перваго и единственнаго помощника“. Онъ изъявлялъ готовность поклясться на аудіенціи, что тутъ король и королева не виноваты, и заявить безграничную преданность своего государя особѣ и желаніямъ императора. Тогда-то Павелъ I потребовалъ изгнанія Галла изъ Парижа, а Антрега приказалъ исключить изъ своей службы и лишить пенсіи. Описанныя событія подробно изложены въ *Конференціальныхъ запискахъ Ростопчина* или въ протоколахъ его бесѣдъ съ посланниками, отъ 10—12 и 20 марта (*Pétersbourg*, Ministère, 1801, 11, 12, 13, 19) Эти вице-канцелярскія „Записки“ или „Précis“ и „Exposés“ велись аккуратно, съ 13 февраля до 28 марта 1801, т.-е. до смерти Павла I (Ministère, №№ 6—20); потомъ онѣ обрываются и съ 13 октября возобновляются въ прежнемъ порядкѣ. Конференціи происходили почти ежедневно, въ важныхъ случаяхъ даже по воскресеньямъ. Изъ нихъ чуть не изо дня въ день видны до мелочей нити иностранной политики и разныхъ вліяній, которыя иногда прямо отражались въ рескриптахъ нашимъ дипломатамъ и во внѣшнихъ мѣропріятіяхъ правительства. Послѣднее иногда (особенно при Павлѣ I) рисуется здѣсь даже въ своихъ характерныхъ чертахъ. — О Галло см. еще: *Thugut an Colloredo*, 13, 20 августа, 3 сент. 1797 (Vivenot: Briefe, II, 47, 48, 54); *Mémoires d'un homme d'état*, V, 4; *Ростопчинъ Воронцову*, 25 авг. и 1 ноября 1799 (*Архивъ Воронцова*, VIII); *Кочубей Воронцову*, 13 ноября 1799 (*тамъ же*, XIV, 117—119); *Панинъ Воронцову*, 14 ноября 1799 (*тамъ же*, XI, 94—97).

73.

Полномочія, данныя Галлу 17 іюня 1800 (*Paris*, 139, 196), гласили совсѣмъ не то: они предписывали ему всюду ѣздить и *со всѣми* заключать договоры. — *Bonaparte à Talleyrand et à Berthier*, 4 и 13 февраля (Corresp. de Napol., № 5336, 5338, 5363, 5365).— *Projet de lettre envoyée au gén. Murat* pour être adressée par lui à m. l'ambassadeur de Russie près s. m. sicilienne (Paris, 140, 116). — *Gallo à Talleyrand*, 12 ventôse an IX (*Paris*, 140, 89). — *Sprengporten à Talleyrand*, 12 ventôse (*Paris*, 140, 92; списокъ въ *Pétersbourg*, Paris, 1801, 1). — *Talleyrand à Sprengporten*, 13 ventôse (подлинникъ въ *Pétersbourg*, Paris, 1801, 1; черновая въ *Paris*, 140, 93). — *Talleyrand à Gallo*, 12 ventôse (*Paris*, 140, 90). Здѣсь сказано: „Le premier consul a remarqué avec étonnement que les pleins pouvoirs ne supposant le concours que des plénipotentiaires d'Autriche et d'Angleterre et ne faisant aucune mention du plénipotentiaire de s. m. i. de Russie, il paraissait que le cabinet de Naples avait méconnu l'influence du seul prince qui intervienne en sa faveur auprès du gouvernement français, ou qu'au moins la mission de m. de Gallo avait été arrêtée dans un temps où s. m. sicilienne faisait encore plus de fond sur l'appui des autrichiens et des anglais que sur les bons offices de la Russie“.—Люкезини доносилъ 2 марта (Bailleu, № 19), что Спренгпортену съ трудомъ удалось остановить письмо Бонапарта Павлу I по поводу замедленія Колычева. — *Рескрипты Колычеву*, 10/22 февраля и 6/18 марта. *Рескрипты Спренгпортену*, 2/14 января и 4/16 февраля. *Ростопчинъ Колычеву*, 15/27 января и 5/17 февраля.—Характеристика француз-

скихъ эмигрантовъ принадлежитъ Роджерсову: *Архивъ Воронцова*, XXX, 106. — *Куракинъ Колычеву*, 3/15 и 9/21 марта. *Паленъ Колычеву*, 6/18 марта. *Ростопчинъ Крюденеру*, 19/31 января (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 1, 3, 34, 40—42, 47—49).—Крюденеръ извѣщалъ Ростопчина 22 — 23 января (3 — 4 февраля), что Керисфортъ предлагалъ Лютцову поднять дѣло о примиреніи Англіи съ Россіей (*Pétersbourg*. Prusse, 1801, 109, 110).— Подлинникъ полномочій Колычева хранится въ Парижѣ (140, 38).—Важный рескриптъ объ Англіи (№ 20) былъ слѣдствіемъ конференціи Ростопчина со Стедингкомъ, 1/13 февраля (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 6). Заявивъ, что онъ получилъ полномочіе подписать съ Лузи актъ преступленія берлинскаго двора къ договору Швеціи съ Россіей, Стедингкъ предложилъ Павлу I „d'ordonner à Kolitscheff d'engager Bonaparte à porter, de concert avec la cour de Madrid, le Portugal à accéder à la convention maritime du Nord, et de proposer la même chose aux Etats Unis de l'Amérique, en s'adressant à leur ministre à Paris ou se servant de Bonaparte". Ростопчинъ отвѣчалъ, что Крюденеру велѣно требовать въ Берлинѣ закрытія Эльбы и Везера и что царь употребитъ всѣ мѣры противъ Англіи, въ увѣренности, что „полное единеніе образумитъ ее вопреки ея министерству".

74.

Указъ сенату о вице-канцлерствѣ Колычева, отъ 8/20 января (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 39): „Боярскій родъ Колычевыхъ" невѣрно приписываетъ это пожалованіе Александру I.—*Приказъ Бонапарта* 6 февраля, „который не будетъ напечатанъ" (*Corresp. de Napol.* № 5352).—*Talleyrand à Kolitscheff*, 18 pluviose (*Paris*, 140, 58). Здѣсь сказано: „Vous trouverez partout un accueil tel qu'une nation loyale est empressée de l'offrir à l'envoyé d'un monarque dont elle honore le caractère et apprécie les intentions. J'aurais personnellement une vive satisfaction à me trouver en quelques rapports avec vous ne doutant point que leurs résultats ne soient honorables à nos deux pays et utiles à l'Europe entière".—*Talleyrand à Legrand*, commissaire (ad interim) près l'administration des postes, 18 pluviose (140, 61). Здѣсь сказано между прочимъ: „Je trouve présumable que m. de Kolitscheff qui a pris la route de Dresde se rendra ici par Mayence. Cependant il ne faut négliger ni la route de Strasbourg, ni celle de Bruxelles". — Какъ усердствовали мѣстныя власти съ Каффарелли, видно изъ ихъ донесеній Талейрану (*Paris*, 140, 37, 57—75), а также изъ отвѣта Колычева Талейрану изъ Майнца отъ 12/24 февраля (140, 79) и изъ его письма Спренгпортену (отъ того же числа, 140, 76), котораго онъ просилъ немедленно поблагодарить французское правительство за отмѣнный пріемъ. Въ отвѣтѣ Колычева Талейрану читаемъ, послѣ общей благодарности: „J'éprouve une satisfaction non moins vive d'être bientôt à même de cultiver avec vous des relations, qui par leur nature ne peuvent certainement être que des plus intéressantes pour nos deux pays et également utiles à l'Europe entière". Префектъ департамента Мёзы доносилъ торжественно, что онъ встрѣтилъ посла „avec éclat et la dignité que les localités peuvent comporter". — *Rapports en cour* и *Dépêches au ministère* Колычева отъ 20 января (1 февраля) и 17 февраля (1 марта) въ нашемъ архивѣ (*Pétersbourg*. Paris, 1801).

75.

Печатаемъ дословно подлинникъ документа, который обрисовываетъ Колычева и его встрѣчу во Франціи (*Paris*, 140, 87). *Le préfet du département du Bas-Rhin au ministre des relations extérieures.* Strasbourg, 10 ventôse an IX. M. l'ambassadeur de Russie est arrivé ici vers une heure de l'après-midi: il a été reçu de la manière la plus distinguée par toutes les autorités civiles et militaires, et j'ai lieu de croire que le rapport de l'adjudant commandant, le C. Caffarelli, qui l'accompagnait, ne vous laissera aucun doute sur l'empressement que j'ai mis moi-même à remplir à cet égard les vues du gouvernement. M. le comte de Kolitschew a paru très-sensible à l'accueil qu'on lui a fait;

la joie, l'affluence du peuple qui s'est porté sur son passage, la bonne tenue des troupes de ligne et de la garde nationale, l'ordre public, les notions que je lui ai données sur la richesse et la prospérité du département du Bas-Rhin, la certitude d'une augmentation réelle dans sa population depuis 10 ans, l'heureux accord entre les autorités civiles et militaires que je lui ai présentées réunies, tout a excité chez lui cet espèce d'étonnement qu'éprouve un homme qui aperçoit un bâtiment régulier là, où il s'attendait à ne voir que ruines et destruction. Il n'a laissé échapper aucune occasion de faire connaître l'admiration et la profonde estime de Paul I pour le premier consul et il s'est exprimé à cet égard, comme si l'un des principaux objets de sa mission était de manifester l'opinion que son maître a conçue des vertus et des talents de Bonaparte. Ayant appris que je connaissais la Turquie et la Grèce, il me questionna sur les turcs, ce qui me donna l'occasion de lui parler de la frayeur que les russes leur inspiraient; je lui dis entre autres choses, que j'avais vu à Constantinople deux russes faire fuir devant eux une douzaine de matelots turcs, et qu' à Smyrne, le capitan pacha, dans une entrevue particulière que j'avais eue avec lui, s'était presque évanoui au seul nom de la Crimée, qu'un de mes drogmans avait indiscrètement proféré devant lui. La conversation entre l'ambassadeur et moi devint alors plus générale, et sans aucune espèce de provocation de ma part, il m'assura que les turcs n'avaient *nul motif* de redouter la Russie; que cette puissance n'avait à leur égard aucune idée *d'aggrandissement;* que les idées de Catherine relativement à Constantinople n'occupaient nullement le cabinet de St. Pétersbourg; que la possession de l'île de Malte, comme *domaine utile*, n'avait aucun prix aux yeux de l'empereur; que quant à l'Egypte, il convenait qu'elle restât *province turque.* Je vous rends la série des idées de m. Kolitscheff: la dernière m'ayant surtout frappé, je l'y fis revenir deux fois, et j'obtins le même résultat. Laumond.—Названіе Колычева „diplomate routinier et courtisan timide" находится въ печатаемомъ ниже письмѣ Массона Талейрану. „Смутникомъ" назвалъ Колычева Панинъ, въ письмѣ къ С. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XI, 75) отъ 30 апрѣля 1799. Тамъ же сказано, что ему вредила „la pénurie de ses moyens". А въ августѣ 1801 (XI, 149) Панинъ писалъ: „on est également mécontent de K. là-bas et ici. Le pauvre homme est au-dessous d'une grande mission". Даже Павелъ I былъ недоволенъ, въ 1797 г., безсодержательностью депешъ „смутника", который ненавидѣлъ всѣхъ чужихъ — и Тугута, и Гаугвица, и Талейрана, да изливалъ желчъ и на своихъ: оттого-то онъ и былъ замѣненъ въ Берлинѣ Панинымъ. Что Колычевъ не былъ орломъ, это видно даже изъ дружественной аттестаціи Ростопчина Суворову, въ сентябрѣ 1799, по поводу назначенія его на мѣсто Разумовскаго въ Вѣну: „онъ не такъ затѣйливъ (какъ Разумовскій) и менѣе у дворовъ игралъ роли, но можетъ не хуже сдѣлать дѣло". *Милютинъ*, III, 501. — *Kolitscheff à Sprengporten* 17 февраля (1 марта), въ парижскомъ архивѣ (140, 86). Здѣсь, въ припискѣ, Колычевъ повторилъ собственноручно насчетъ слуха о помѣщеніи: „Je supplie v. exc. d'insinuer que ma résolution à cet égard est irrevocablement prise, parce qu'elle est conforme à mes ordres et qu'elle est contre l'usage reçu".

76.

Kolitscheff à Paul I, 22 февраля (6 марта), въ нашемъ архивѣ (*Pétersbourg*. Paris, 1801). — Тогда же Колычевъ писалъ женѣ, что онъ былъ „превосходно" принятъ Бонапартомъ, и прибавилъ: „le premier consul est véritablement un grand homme, il fait le bonheur de la France, tout le monde commence à respirer". *Боярскій родъ Колычевыхъ*, 363.—*Колычевъ Павлу I*, 3/15 марта (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 65): „Мнѣ не трудно было доказать здѣшнему правительству, что поступокъ его съ королемъ неаполитанскимъ произошелъ не отъ замедленія моего пріѣзда сюда, ибо за нѣсколько часовъ до моего прибытія въ Парижъ посланъ Алкье въ Неаполь трактовать о мирѣ".—*Колычевъ Ростопчину* 26 февраля—10 марта (тамъ же, 136). Здѣсь онъ опять просилъ отозвать его, прибавляя: „Jusqu'à présent je ne vois rien que l'incidieux et de louche dans leur conduite envers

nous; beaucoup de paroles et de politesse, mais aucun empressement à faire ce que nous exigeons. En vérité je crains de gâter les affaires".—*Колычевъ Павлу I*, 3/15 марта (тамъ же, 64): „Повторяю, что ослѣпленный успѣхами своими Бонапарте желаетъ и принужденъ желать продолженія войны. По мнѣнію моему, вскорѣ откроется сіе расположеніе".

77.

Протоколы конференцій одинаковы въ обоихъ архивахъ во всемъ, кромѣ конца III конференціи, котораго нѣтъ въ Парижѣ; у насъ онъ отдѣленъ отъ парижскаго текста многоточіемъ. Этотъ конецъ находится въ другомъ мѣстѣ (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 289), подъ видомъ „Ноты для включенія въ протоколъ III конференціи", съ небольшими измѣненіями и съ слѣдующимъ вступленіемъ: „M. de Kolitscheff, considérant la différence qu'existe dans les opinions, les principes et les vues des deux gouvernements, a jugé nécessaire de faire inscrire au protocole: „qu'il envisageait cette différence comme trop marquante en elle même pour qu'elle ne contribut pas à entraver considérablement la négociation en général et empêcher le but que s. m. l'empereur s'était proposé de faire concourir s. m. sicilienne et la Porte ottomane au plan qu'elle s'était formée". Какъ видно, вслѣдствіе прекращенія конференцій, Колычевъ не успѣлъ занести въ протоколы ни этого заявленія, ни двухъ другихъ своихъ *Projets* (тамъ же, 286, 288) въ пользу Баваріи и особенно Вюртемберга. Приводимъ послѣднюю изъ этихъ бумагъ, болѣе обстоятельно составленную. PROJET RELATIF AUX INTÉRÊTS DE SON ALTESSE SÉRÉNISSIME LE DUC DE WURTEMBERG. *Art. 0.* S. m. i. l'Empereur de toutes les Russies, désirant de faire jouir s. a. sér. le duc de Wurtemberg des effets de ce traité d'amitié par un dédommagement complet de principautés, comtés et seigneuries, situées sur la rive gauche du Rhin qui seront cedées par lui à la France, et des grandes pertes que ce prince a essuyées pendant le cours de cette guerre, et la République française également bien intentionnée pour la sérenissime maison de Wurtemberg s'engagent mutuellement: 1) à appuier de toute leur influence le duc de Wurtemberg dans les arrangements que la cession de la rive gauche de Rhin et les principes établis par le traité de Luneville occasionneront en Allemagne; 2) à lui faire obtenir une part convenable dans les dédommagements qui seront accordés aux princes et états héréditaires, et que l'Empire germanique considéré collectivement doit supporter d'après le tableau ci-joint.— *Art. 0.* Les hautes parties contractantes feront obtenir au duc de Wurtemberg la dignité électorale et iront de concert dans les démarches y relatives. — *Art. 0.* Elles s'interposeront également de faire abolir dans ses états la poste de Taxis, si toutefois cette abolition est accordée à d'autres princes de l'Empire germanique.—*Art. 0.* Le duc de Wurtemberg renonçant à prendre à l'avenir les titres des principautes, comtés et seigneuries, qu'il cède à la République française, il lui sera reservé le droit de suffrage à la diète de l'Empire qui jusqu'ici dépendait de la principauté de Montbeliard, et qui sera transféré à une autre possession de la maison ducale.—Проекта русскаго мирнаго договора нѣтъ ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ; но его статьи приведены дословно въ протоколахъ конференцій.— Приказъ Бонапарта, какъ отвѣчать Колычеву: *Bonaparte à Talleyrand* 12 марта (Corresp. de Nap. № 5459). — 9/21 марта Колычевъ увѣдомилъ Талейрана (*Paris*, 140, 110), что, по требованію русскаго посла, Фердинандъ IV отправляетъ въ Парижъ новаго уполномоченнаго, „что устраняетъ всѣ доводы противъ Галло". Онъ выражалъ надежду, что это новое лицо будетъ принято не хуже Марсана. — По поводу Марсана *Bonaparte à Talleyrand* 17 февраля и 18 марта (Corresp. de Nap. №№ 5386, 5468). — *Talleyrand à Marsan*, 28 ventôse (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 67). Здѣсь сказано: „L'intérêt que s. m. l'empereur de Russie prend à la maison de Savoie a inspiré au premier consul des dispositions favorables pour elle... En se prêtant aux vues de s. m. l'empereur de Russie, il cède aussi au désir de satisfaire ses premiers sentiments". — *Marsan à Kolitscheff*, 20 марта (тамъ же и въ *Paris*, 140, 111).—*Колычевъ Ростопчину* 13/25 марта (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 143).

78.

Строй Нѣмецкой имперіи того времени уясняется въ нашемъ изслѣдованіи: *Германія наканунѣ революціи* (Вѣстникъ Европы, 1875). О значеніи Тешенскаго мира см. нашъ *Союзъ князей.* — Любопытно, что вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи, въ строгихъ предѣлахъ этого мира, признавалось самою директоріей (Введеніе, стр. VIII).— Кочубей писалъ С. Воронцову 8 мая 1799. (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 206): „Si la haine avait jamais pu être admiré, certes cela serait celle que se vouent sans cesse de la manière la plus ardente les prussiens et les autrichiens. C'est à qui dira le plus de mal les uns des autres, c'est à qui trichera le mieux, et un tiers honnête-aurait bien de la besogne pour ne pas être dépouillé à nu dans cette agréable société. Les *pickpockets* de Londres sont de grands maladroits en comparaison de ces germains". *Рескриптъ Люкезини* 20 февраля (Bailleu, № 17).—*Гаугвицъ королю* 20 февраля (№ 18). Въ концѣ сказано: „V. m. préfère réellement, et vis-à-vis de l'empereur de Russie elle doit aussi paraître préférer, que ce monarque ait la principale influence dans l'arrangement des indemnités et qu'elle lui en ait la première obligation". — *Конференціальныя записки Ростопчина*, съ 22 февраля по 11 марта (6—23 марта). *Pétersbourg.* Ministère, 1801, 7, 10, 13—20. Устройство индемнизаціи было предложено Пруссіи въ слѣдующей формѣ: „L'empereur, par les sentiments d'amitié et de confiance parfaite qu'il porte à son auguste allié et par la persuasion de son impartialité, lui remettait le soin de s'occuper de tous les arrangements à prendre pour concilier les différents intérêts des princes de l'Allemagne... et pour leur assurer des indemnisations équitables pour les pertes qu'ils ont faites". — Щедрость по отношенію къ курфюрсту баварскому объясняется въ конференціальной запискѣ тѣмъ, что онъ требовалъ еще вознагражденія за содержаніе русскихъ войскъ, при ихъ прохожденіи черезъ его земли, и уплаты одному музыканту долга по векселю Барятинскаго. — Ноты о русскомъ планѣ вознагражденій не сохранилось въ прусскомъ архивѣ; но она изложена въ донесеніяхъ Люкезини, которому сообщилъ ее Колычевъ (Bailleu № 28), согласно съ конференціальными записками. Самого мартовскаго плана или „ультиматума" Павла I нѣтъ и въ нашемъ архивѣ. Мы можемъ удостовѣрить только, что онъ былъ приложенъ къ депешѣ Куракина Колычеву (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 46). Приводимъ эту депешу цѣликомъ. COPIE DE LA LETTRE DU VICE-CHANCELIER A S. E. M. DE KOLITSCHEFF A PARIS EN DATE DU 1/13 MARS 1801. S. m. l'empereur ayant reçu ce soir communication de la part de s. m. le roi de Prusse de ses idées sur un plan d'indemnisations pour lui et les deux maisons Palatine et de Wurtemberg a trouvé convenable de faire connaître ses propres idées dans l'ultimatum ci-joint, comme son opinion et sa dernière décision sur la future pacification. Vous aurez à le communiquer de la part de s. m. i. au premier consul et au gouvernement français, et à vous regler en conséquence dans le cours de la négociation qui vous est confiée. — Касательно предсмертныхъ рѣшеній Павла I относительно Германіи въ нашемъ архивѣ сохранилась слѣдующая бумага, безъ всякихъ помѣтокъ (*Pétersbourg*, Ministère, 1801, 20). Le 11 mars s. m. l'empereur a fait expédier par courrier deux rescripts signés de sa propre main.—1) Au baron de Krudener pour lui prescrire d'insister auprès de la cour de Prusse à se décider dans l'espace de 24 heures à faire occuper par ses troupes l'électorat de Hanovre et de quitter Berlin en cas d'une réponse négative.— 2) A m. de Kolitscheff pour lui enjoindre d'inviter le 1-r consul à faire entrer les troupes républicaines dans l'électorat de Hanovre vû l'indécision de la cour de Berlin de faire occuper ce pays par les siennes. — Le prince Kourakin. — Эти, послѣдніе, рескрипты Павла I Bailleu относитъ вездѣ, вѣроятно по опискѣ, не къ 23 марта н. с., а къ 25-му, когда ихъ автора уже не было въ живыхъ. — *Роджерсонъ С. Воронцову* (Архивъ Воронцова, XXX, 134). Письма этого правдиваго лейбъ-медика Павла I вообще важны для русской исторіи.

79.

Революціонное значеніе Пруссіи объяснено въ нашихъ статьяхъ: *Германія наканунѣ революціи* (Вѣстникъ Европы за 1875 г.).—*Franz II an Cobenzl*, 21 февраля (Fournier: Gentz und Cobenzl, 9). — *Cobenzl an Colloredo* 3 марта (Vivenot: Briefe, II, 421): „Quant aux présents, dès qu'il faut en faire, v. e. convient avec moi que la décence exige qu'ils soient dignes de celui dont ils viennent et propres à faire bon effet. L'idée du présent pour m-me Bonaparte me paraît fort utile". — О Тугутѣ *Napoléon à Joseph Bonaparte*, 21 janvier (Corresp. de Napol. № 5315). — *Thugut an Colloredo*, 30 марта (Vivenot: Briefe).—*Wertheimer*, I, 136—138, по донесеніямъ Кобенцля. — Объ отозваніи Люкезини см. въ Corresp. de Napoléon и у Bailleu. — *Донесеніе Люкезини* 18 марта (Bailleu): „Je ne doute point de l'extrême envie qu'a le premier consul de consommer l'ouvrage de la réunion et d'amitié qu'il pretend avoir reçues de Paul I, que la nation s'impatiente déjà de ne pas voir encore paraître quelque traité d'alliance offensif et défensif entre les deux états". — *Донесеніе Штаремберга* 24 марта о новомъ „коварномъ планѣ" Пруссіи, Франціи и Россіи противъ Австріи (Starhemberg, 66. Cf. Fournier, 21). Здѣсь сказано: „Bonaparte veut à tout prix conserver l'amitié de Paul I tant qu'il la juge nécessaire à ses intérêts, et il est disposé à y tout sacrifier. Je sais qu'il veut nous leurrer de vaines espérances et se faire ensuite un mérite à Pétersbourg de les avoir déjouées" — *Люкезини Колычеву* отъ 26 марта и мемуаръ Люкезини (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 72). — С. Воронцовъ писалъ брату 8 января (*Архивъ Воронцова*, X, 158): „Nous savons que S. Cobentzl et Bonaparte avaient grande envie de partager une partie de l'empire Ottoman, quand ils étaient à Paris ensemble".

80.

Колычевъ министерству 19/31 марта (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 146): „Талейранъ давалъ мнѣ нѣсколько разъ чувствовать, что расположеніе россійской арміи по прусской границѣ было бы согласно съ намѣреніемъ здѣшняго правительства; но никакъ не хотѣлъ подробно объяснить мнѣ сей мысли, и предложа оную весьма тонко, отвращалъ отъ нее мое вниманіе, прося притомъ, чтобы все сказанное мнѣ вразсужденіе Германіи осталось въ глубочайшей тайнѣ". — Сущность нашего № 51 приведена у *Соловьева:* Императоръ Александръ I, 25—26. — Въ нашемъ архивѣ къ № 54 приложены списки ноты Люкезини (6 germinal an IX) и отвѣта ему (9 germinal) Талейрана. Въ послѣднемъ сказано: „Le premier consul saisira avec empressement l'occasion qui va se présenter d'assurer à s. m. prussienne les indémnités auxquelles elle a droit, pour s'appliquer à lui être agréable, et il m'a déjà spécialement chargé de m'entendre à cet égard avec m. de Kolitscheff".—*Колычевъ двору*, 3 апрѣля (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 77).—Упоминаемая въ нашемъ № 34 реляція № 12 есть нашъ № 32. Депеши нумеровались, какъ у насъ, такъ и у французовъ. Но ни тамъ, ни здѣсь намъ не случалось видѣть всѣ №№ подрядъ: обыкновенно нѣкоторыхъ недостаетъ. Иногда бываетъ помѣтка, что такой-то № вытребованъ куда-нибудь или переложенъ въ другое мѣсто.

81.

Подлинники обоихъ документовъ находятся въ Парижѣ (140, 129—130), списки — въ Петербургѣ (Paris, 1801, 75, 308). Приводимъ ихъ дословно. — *Note de Kolitscheff à Talleyrand*. Paris, 20 mars (1 avril) 1801. Le soussigné, d'après ce qui a été convenu avec le citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, s'empresse de lui remettre le projet ci-joint conforme à ses instructions. Il prie le citoyen Talleyrand en le portant à la connaissance du premier consul de vouloir bien lui rappeller le contenu des notes

précédentes du soussigné et l'engage à ne point retarder la signature de l'acte pour donner par son adoption une preuve éclatante de ses vues pacifiques et de son désir de consolider les relations d'amitié avec Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et la France.—Le soussigné réitère au citoyen Talleyrand la demande d'un passeport pour le courrier qu'il compte envoyer à St.-Pétersbourg. — Il saisit cette occasion pour renouveller au citoyen ministre des relations extérieures l'assurance de sa très-haute considération. De Kolitscheff. — *Projet de traité de paix entre la Russie et la France.* Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies etc. etc. et le Premier Consul Bonaparte au nom de la République française, animés du désir de rétablir les relations d'amitié et de bonne intelligence entre la Russie et la France, et de mettre un terme aux maux dont l'Europe est affligée, ont nommé à cet effet pour leurs plénipotentiaires, savoir: S. M. l'Empereur de toutes les Russies, le sieur de Kolitscheff... (слѣдуетъ перечисленіе чиновъ и орденовъ Колычева) et le Premier Consul Bonaparte au nom de la République française, le citoyen Charles Maurice Talleyrand, ministre des relations extérieures; lesquels après avoir échangé leurs plein-pouvoirs respectifs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants, savoir.—*Article I.* Il y aura dorénavant paix, amitié et bonne intelligence entre S. M. I. l'Empereur de toutes les Russies et la République française.—*Art. II.* En conséquence toutes hostilités entre les deux états cesseront à compter du jour de l'échange des ratifications du présent traité, et aucune des deux parties ne pourra, à partir de la même époque, fournir aux ennemis de l'autre, tant intérieurs qu'extérieurs, aucuns secours, ni contingent, en hommes ou en argent, à quelque titre et sous quelque prétexte que cela soit.—*Art. III.* Les deux hautes parties contractantes, voulant, autant qu'il est en leur pouvoir, contribuer à la tranquillité des gouvernements établis et reconnus par elles, se promettent mutuellement de ne pas souffrir, qu'aucuns de leurs sujets respectifs se permettent d'entretenir une correspondance quelconque, soit directe soit indirecte, avec les ennemis intérieurs du gouvernement actuel des deux états, d'y propager des principes contraires à leurs constitutions respectives, ou d'y fomenter des troubles, et par une suite de ce concert tout sujet de l'une des deux puissances, qui en séjournant dans les états de l'autre, attenterait à sa sûreté, sera de suite éloigné du dit pays et transporté hors des frontières sans pouvoir, en aucuns cas, se réclamer de la protection de son gouvernement. — *Art. IV.* Les deux hautes parties contractantes conviennent de s'en tenir, quant au rétablissement des légations respectives et au cérémonial à suivre entre les deux gouvernements, à ce qui était d'usage immédiatement avant la présente guerre.—*Art. V.* Les deux hautes parties contractantes conviennent, *en attendant la confection d'un nouveau traité de commerce*, de rétablir les relations commerciales entre les deux pays, sur le pied où elles étaient avant la présente guerre, sauf les changements que le temps et les circonstances peuvent avoir amené et qui ont donné lieu à de nouveaux réglements.—*Art. VI.* Le présent traité est déclaré commun à la République Batave.—*Art. VII.* Le présent traité de paix et d'amitié sera accompagné d'une convention pour déterminer les objets reconnus d'un intérêt commun et servir de base à la pacification générale des puissances d'Europe. Elle sera signée le même jour que le présent traité de paix et d'amitié et aura la même force et valeur. — *Art. VIII.* Le présent traité sera ratifié et les ratifications échangées dans l'espace de cinquante jours ou plutôt si faire se peut. — CONVENTION ADDITIONNELLE. *Art. I.* La République française reconnaît formellement s. m. i. l'Empereur de toutes les Russies en sa qualité de Grand Maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem. Elle s'engage à employer tous ses efforts pour lui procurer la restitution de l'île de Malte avec toutes ses dépendances. Elle s'engage en outre à faire reconnaître, par tous ses alliés, S. M. l'Empereur de toutes les Russies en sa qualité de Grand-Maître de l'Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem.—*Art. II.* La République française promet d'employer pareillement ses bons offices les plus soutenus et toute son influence, pour faire jouir s. m. l'Empereur de toutes le Russies des droits et prérogatives des ci-devant Grand-Maîtres de l'Ordre de Malte en Espagne; de moyenner le rétablissement des prieurés et la restitution des biens de l'Ordre en Italie, et de procurer une indemnité juste et convenable pour les pertes que la langue allemande a

essuyées, par le fait de la cession de la rive gauche du Rhin à la France par l'Empire.— *Art. III.* La République française promet et s'engage de ne point faire de paix avec l'Angleterre sans exiger positivement la restitution de l'île de Malte et de ses dépendances à s. m. l'empereur de toutes les Russies, sur le pied que cette île avait été remise aux anglais par les français.— *Art. IV.* La République française s'engage à procurer au duc de Wurtemberg une indemnité en Empire, juste, convenable et conforme aux désirs de S. M. l'Empereur de Russie. Elle promet en outre d'employer ses bons offices pour procurer à la sérénissime maison ducale de Wurtemberg la dignité électorale. — *Art. V.* La République française prend le même engagement quant aux indemnités à accorder à son altesse sérénissime l'électeur palatin de Bavière, en lui garantissant l'intégrité de ses états non cédés à la France par l'Empire. — *Art. VI.* La République française consent à traiter de la paix avec le plénipotentiaire de s. m. le roi de Sardaigne sous la médiation de S. M. l'Empereur de Russie.—*Art. VII.* La République française s'engage à rétablir s. m. le roi de Sardaigne dans tous les états qu'il possédait au commencement de l'année 1792, à l'exception de la Savoie et du comté de Nice pour lesquels il lui sera accordé une indemnité en Italie. —*Art. VIII.* La République française reconnaît et garantit l'intégrité des états de s. m. le roi de Naples, ami et allié de S. M. l'Empereur de toutes les Russies. Elle renonce à sa demande de libre passage des troupes destinées à être embarquées à Otrante et à Brindisi. — *Art. IX.* S. M. l'Empereur de toutes les Russies et la République française réuniront leurs efforts pour faire accéder s. m. le roi de Sardaigne et s. m. le roi des Deux Siciles au concert établi entre les puissances du Nord. — *Art. X.* Les deux hautes parties contractantes reconnaissent et garantissent la constitution et l'indépendance de la République des Sept Iles, composée d'une partie des îles ci-devant Vénitiennes. — *Art. XI.* La République française accepte la médiation de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, pour la paix avec la Sublime Porte Ottomane; elle promet comme base préalable l'évacuation de l'Egypte par ses armées. Il sera entamé sur le champ une négociation à cet effet à Constantinople. S. M. l'Empereur de toutes les Russies et la République française réuniront leurs bons offices pour engager le Grand-Seigneur à accéder à la convention des puissances du Nord et à fermer les ports de ses états aux anglais. — *Art. XII.* S. M. l'Empereur de toutes les Russies promet d'employer ses bons offices pour faire rendre les prisonniers français faits à Corfou, ainsi que ceux qui sont détenus tant à Constantinople que dans les autres parties de l'empire turc.—*Art. XIII.* La République française accèdera aussitôt après la paix générale à la convention maritime des puissances du Nord, et en reconnaît dès à présent les principes.— *Art. XIV.* Les deux hautes parties contractantes établiront un concert et se communiqueront leurs vues, tant pour terminer à l'amiable les affaires ultérieures de l'Italie et celles du St. Siège, que pour former en Italie un nouvel état à la place de la République vénitienne.— *Art. XV.* Aussitôt après la signature de la présente convention, les deux hautes parties contractantes s'occuperont des moyens de consolider la paix générale sur les bases sus-mentionnées. Elles agiront de concert, avec énergie et de manière à achever l'oeuvre commencée par elles, pour faire jouir l'Europe d'une tranquillité parfaite.—*Art. XVI.* La présente convention sera signée le même jour que le traité de paix et d'amitié entre la Russie et la France. Elle ne fera qu'un acte avec lui et sera comprise dans les ratifications du dit traité.

82.

Convention entre le cit. Clarke, chargé par le gouvernement français de remettre les troupes russes présentement en France à l'envoyé de s. m. i. de toutes les Russies, *et m. le baron de Sprengporten,* 9/21 mars 1801. Здѣсь сказано, что Бонапартъ отпускаетъ русскихъ плѣнныхъ „dans le dessein de donner à s. m. i. un gage de l'estime et de la considération du premier consul pour sa personne". Конвенція хранится въ парижскомъ архивѣ. Она напечатана, съ помѣткой ст. ст., у *Мартенса* (2 éd., VII, 196)

и *Клерка* (Recueil des traités, I, 429).— Изъ любопытнаго письма къ А. Воронцову отъ 25 февраля (9 марта) 1801 (*Архивъ Воронцова*, XXX, 181—184) видно, что Павелъ I до самой своей смерти мечталъ о Мальтѣ и могъ, ради нея, замириться съ Англіей, не смотря на личное противодѣйствіе шведскаго короля, который посѣтилъ тогда Петербургъ. — Приводимъ цѣликомъ послѣднюю депешу Спренгпортена изъ Парижа, по подлиннику (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 18). *Sprengporten à Paul I*. Paris, 18/30 mars 1801, au soir à 11 heures. Sire! L'expédition du comte Tiesenhausen ayant été retardée par la signature de la convention faite entre le générale Clarke et moi au sujet du retour de nos troupes, laquelle quoique arrangée et conclue le jour de sa date, ne m'a été remise telle qu'elle se trouve dans mon rapport d'avant-hier qu'aujourd'hui, je trouve occasion de joindre ici l'original de la lettre du ministre de la guerre avec le tableau de la marche des troupes pour se rendre de Namur à Cologne, d'après lequel V. M. I. verra que la réunion ne pourra se faire au dernier endroit que le 12 d'avril notre style. — Je ne partirai pas moins d'ici après demain, mon audience de congé ayant été remise à demain, pour me trouver à Namur à l'arrivée de la première colonne, afin d'y faire les dispositions nécessaires. Le premier consul ayant desiré de voir le comte Tiesenhausen avant sont départ, je l'ai conduit ce matin à sa maison de campagne, où nous avons diné, après quoi, en prenant congé de lui, il le chargea verbalement dans ma présence de ses respects pour la personne de V. M. I. et de la commission de vous supplier, Sire, de vouloir bien accorder vos passeports à son premier aide-de-camp Duroc, destiné à porter ses hommages à vos pieds, aussitôt qu'il sera arrivé sur les frontières de V. M. I. Il ajouta en même temps ses propres mots: „Dites à S. M. I. votre maître que nous avons à son service toutes les troupes qui ne nous sont plus nécessaires en Allemagne, 400 chaloupes canonières depuis Dunkerque jusqu'à Calais, 30 vaisseaux de ligne sur les côtes de la Mediterrannée et autant à peu près à Brest, y comptant le secours espagnol que nous ferons agir, si besoin se fera, pour faire diversion contre l'ennemi commun de nos intérêts". Le comte Tiesenhausen sera expédié demain dans la matinée.

83.

Для индійскаго похода крайне любопытны собственноручные *рескрипты* Павла I атаману донскаго войска, *Орлову-Денисову*, отъ 1/13, 12/24, 13/25 января и 2/14, 7/19 февраля 1801. Они напечатаны въ „Сынѣ Отечества" (1849, кн. 10) и у Милютина, V, 508—510. — Важныя свѣдѣнія о походѣ въ *Mémoires d'un homme d'état*, VIII, 62—74. — Планъ, посланный съ Дюрокомъ, нашелся въ бумагахъ Стединка, который былъ убѣжденъ, что Бонапартъ могъ выставить такую затѣю, только какъ „une ruse politique pour séduire l'imagination fantastique de l'empereur Paul". *Stedingk*: Mémoires posthumes. 1845—1847, II, 6—8. — Болѣе подробный планъ похода, въ 1800 г., напечатанъ въ *Русской Старинѣ* за 1873 г. Сличи тамъ же, т. VIII и XV. — Наполеонъ утверждалъ на о. Св. Елены, что не умри Павелъ—онъ былъ бы въ Индіи, и что при первой войнѣ съ Англіей русскіе очутятся тамъ. Extraits de *Napoléon en exil* d'O'Meara (Corresp. de Napol., XXXII, 323—324).

84.

Спренгпортенъ получилъ благодарность перваго консула (*Paris*, 140, 255), на которую онъ отвѣчалъ депешей, печатаемой здѣсь по оригиналу (*Paris*, 139, 140). *Sprengporten à Talleyrand*. Cologne, 2/14 avril 1801, 24 germinal an IX. Je m'étais proposé ici l'honneur de vous adresser, citoyen ministre, mes remerciments pour les passeports que vous m'avez délivrés à mon départ de Paris pour moi et ma suite, aussi bien que pour la lettre toute flatteuse du 11 germinal, par laquelle vous avez bien voulu me donner les marques les plus satisfaisantes du contentement du premier consul et du gouvernement

français sur la manière dont j'ai pû avoir le bonheur de remplir auprès de lui la mission, dont j'ai été chargé de la part de s. m. i., mon maître. Le coeur trop serré en ce moment par une nouvelle aussi inattendue qu'elle paraît malheureusement constatée par les dernières nouvelles publiques de Berlin du 8 avril, ne me laisse pas assez de liberté d'esprit pour remplir ma tâche d'une manière conforme à mes sentiments et à la reconnaissance dont je suis pénétré, aussi bien pour ce dernier témoignage de bienveillance de votre gouvernement que pour tous les agréments dont j'ai joui pendant mon séjour chez vous et dont je ne manquerai point de rendre compte à ma cour, intimement persuadé qu'elle apprendra toujours avec plaisir les attentions amicales et distinguées, qu'a éprouvées sa première mission en France, aussi bien que tous les secours et bonnes dispositions, qui m'ont été administrés et que j'éprouve encore en ce moment à l'égard des troupes que je suis chargé de faire retourner dans leur patrie. Veuillez donc, citoyen ministre, vous contenter d'une expression simple et naïve des sentiments de reconnaissance que vous me connaissez déjà envers le premier consul, le gouvernement français et envers vous, dont je vous prie d'être l'interprête, en prenant pour vous même l'assurance de mon estime toute particulière ainsi que de la haute considération, avec lesquelles j'ai l'honneur d'être, cit. ministre, le très aimable, très obeissant serviteur. — Впослѣдствіи Бонапартъ прислалъ Спренгпортену свой портретъ, а Талейранъ—дружелюбное письмо (*Paris*, 141, 26).

85.

О Неаполѣ *Колычевъ двору*, 22 марта—3 апрѣля (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 76). — Мирный договоръ Франціи съ Неаполемъ у Мартенса (2 éd. VII, 345) и Клерка (I, 437). *Archives parlementaires*, II, 749—750. Уполномоченнымъ Неаполя былъ Micheroux, кавалеръ нашего ордена Анны 1 степ. *Présidi*—ю. часть сіенскаго государства: Orbitello, Porto-Ercole, Porto-S.-Stephano, Talomone и гора Argentaro. — Бонапартъ уже 19 февраля писалъ Бертье (*Corresp. de Napol.*, № 5399), что Мюратъ можетъ продлить перемиріе, но занявши тѣ самые порты, которые были захвачены французами въ началѣ апрѣля. А 22 марта онъ приказывалъ самому Мюрату (№ 5482), чтобы онъ отнюдь не продолжалъ перемирія и немедленно отправилъ бы дивизію Сульта занять „столь важный для нашей египетской арміи полуостровъ"; а если Фердинандъ IV не подпишетъ „умѣренныя" условія, присланныя съ Алкье, то идти французамъ на Неаполь. 24 марта Бонапартъ велѣлъ Талейрану (№ 5483) послать чрезвычайнаго курьера къ Алкье, чтобы отнюдь не давали перемирія и чтобы Мюратъ не терялъ ни минуты для занятія Тарента.

86.

Въ парижскомъ архивѣ (*Mémoires*, XXI, 2) есть записка, на 37 страницахъ въ листъ, излагающая подробности событія. Она составлена Ланжерономъ. Въ началѣ находится Avertissement: „Ce qui suit a été écrit en 1826; mais ce que m'ont dit, sur la mort de l'empereur Paul, Pahlen, Bennigsen et le grand-duc Constantin à été écrit le même jour que j'ai tenu d'eux les détails qu'on lira". Дословно, въ ковычкахъ, приведены сообщенія Палена (въ 1804 г., въ Митавѣ), Беннигсена (его записка напечатана въ „Historische Zeitschrift" Зибеля, 1860) и Константина Павловича (сцена тотчасъ послѣ событія). Больше всего говорится о Паленѣ, съ указаніемъ его отношеній къ важнымъ лицамъ. Есть подробности о дальнѣйшемъ, въ особенности же о наиболѣе близкихъ къ событію лицахъ. — *Bignon* (I, 430) описываетъ кончину Павла I по свѣдѣніямъ, которыя онъ могъ собрать тогда же въ Берлинѣ.—На основаніи „огромнаго тома" берлинской же „министерской переписки" разсказаны подробности въ „Mémoires d'un homme d'état" (VIII, 81—93).— Бонапартъ извѣщалъ брата, Іосифа, 12 апрѣля: „L'empereur de

Russie est mort d'une attaque d'apoplexie".—Любопытныя догадки Наполеона, который указывалъ на близость Уайтворта къ Палену, Беннигсену, Зубовымъ и Орловымъ, находится въ его „Oeuvres de Napoléon I à Sainte-Hélène" (*Correspondance*, XXX, 485). Въ самомъ интересномъ мѣстѣ издатели поставили многоточіе. Можно бы подумать, что Бонапарту были извѣстны писанныя лимономъ письма С. Воронцова къ Новосильцову, въ февралѣ и мартѣ 1801, гдѣ указывается на гибель „жалкой" націи, которая не въ силахъ справиться съ своимъ внутреннимъ зломъ (*Архивъ Воронцова*, XI, 379—382, 387). Впрочемъ, когда событіе совершилось, Воронцовъ опять предрекалъ гибель страны, „которая стала второю Персіей", причемъ указывалъ на „terrible cabale" (*тамъ же*, 392, 395).—Не менѣе мрачными красками описывается положеніе Россіи предъ катастрофой въ письмѣ Кочубея С. Воронцову, 18 августа 1801 (*Архивъ Воронцова*, XIV, 155.—Разсказъ у Зибеля подтверждается письмомъ Траутмансдорфу изъ Риги отъ 3 апрѣля (въ вѣнскомъ архивѣ; Wertheimer).

87.

Masson à Talleyrand. Coblentz, le... germinal an IX (*Paris*, 140, 146). Je vis le baron de Sprengporten à son passage ici, et comme j'avais à lui parler relativement à ma femme, et que je connaissais particulièrement le jeune Dolgorouky, je passai la soirée seul avec eux. La mort de Paul que m. Sprengporten n'avait apris qu'à Aix-la Chapelle et à Cologne par les papiers allemands, semblait extrêmement l'affecter. Comme il se louait extrêmement de la France et qu'il porta la santé de la République, je voulus en retour porter celle d'Alexandre, il s'y refusa, en disant qu'il ne pouvait encore reconnaître d'autre empereur que Paul, que d'ailleurs perdant un ami particulier par sa mort il ne pouvait s'en réjouir. Lui ayant dit qu'il recevrait sûrement cette nouvelle à Francfort par un courrier de Kolitscheff, il me répondit que ce dernier ne s'empresserait pas de le faire, ayant des sentiments asséz opposés. Comme mes anciennes relations me permettaient d'entrer plus avant en matière, j'eus occasion de remarquer que Sprengporten connaissait peu les alentours du jeune monarque, mais qu'il envisageait Kolitscheff ainsi qu'un homme attaché à Rostopschin et au parti anglais, qui ne s'empressait pas à remplir les dernières intentions de Paul, dont il avait reçu une dépéche datée de la veille de sa mort, où ce prince le pressait de conclure un traité avec la République. Je lui parlai des principes libéraux du jeune prince qui suffiraient pour l'engager au moins à maintenir la neutralité et la liberté des mers; mais il m'observa qu'ayant vécu en Russie et à la cour j'en devais connaître l'ésprit; et sur ce que je lui témoignai que j'étais presque fâché de voir que la querelle avec les anglais ne se fut trouvée engagée sérieusement avec les russes, même par quelque petit échec pour y intéresser la gloire et la vengeance nationale, tous les officiers s'écrièrent qu'ils n'avaient pas besoin de cela pour désirer la guerre avec les insulaires. Cette conversation familière me persuade que l'on perdait dans Sprengporten, quelques officiers de sa suite, des amis de la France qu'ils quittaient à regret, et me confirma que Kolitscheff, diplomate routinier et courtisan timide, tient au parti des anglais. — Les feuilles allemandes répandent en ce moment qu'Alexandre va renoncer à la grande maîtrise de Malte à condition que les anglais rendront l'île à l'Ordre, et qu'il se propose comme médiateur entre la France et l'Angleterre. — Петербургскія связи Массона состояли въ томъ, что онъ 10 лѣтъ жилъ въ нашей столицѣ (1786—1796). Онъ былъ вызванъ туда своимъ старшимъ братомъ, офицеромъ русской службы, женатымъ на племянницѣ Мелиссино. Тамъ онъ женился на баронессѣ Розенъ и сталъ воспитателемъ сыновей военнаго министра, Салтыкова, и секретаремъ великаго князя Александра Павловича. Онъ преподавалъ также въ кадетскомъ корпусѣ, для котораго издалъ „Cours de géographie". Выгнанный изъ Россіи Павломъ I, Массонъ написалъ, въ Парижѣ, свои *Mémoires sur la Russie* (изданы, въ 3 томахъ, въ Амстердамѣ и Парижѣ, въ 1800—1802). Въ описываемое время онъ былъ, благодаря Люсьену Бонапарту, secrétaire général de la préfecture du département de Rhin et Moselle. Тамъ

онъ и умеръ въ 1807 г. Автобіографическія свѣдѣнія о Массонѣ, интересно связанныя съ русскою исторіей той эпохи, находятся въ 4-мъ томѣ (p. 28—45, 275—328) новаго изданія его „Записокъ“, уже не анонимномъ, гдѣ помѣщенъ разсказъ о ссылкѣ автора, а также его „Lettres d'un Français à un Allemand“, написанныя въ опроверженіе горячей критики Коцебу на его „Записки“. Опытъ біографіи Массона сдѣланъ г. Рабининымъ въ *Русской Старинѣ* за 1876 г.

88.

Masson à Talleyrand. Coblentz, 23 germinal an IX (*Paris*, 140, 143)... Qu'il me soit plutôt permis de vous entretenir un instant d'une nouvelle qui se répand et se propage en Allemagne. Je la crois suspecte, mais la crédulité lui donne de l'importance, et elle me suggère quelques réflexions. — On débite partout que Paul I vient de mourir, à la suite d'un dîné diplomatique, *d'un coup d'apoplexie*, et que son fils aîné le g. d. Alexandre est monté heureusement sur le trône. Comme plusieurs de mes connaissances savent l'intérêt que j'ai à une pareille nouvelle, je la reçois également et presque en même temps de Hambourg, de Francfort et de Koenigsberg. Malgré mon avantage particulier, je crois qu'elle est fausse et je le souhaite par ce qu'en ce moment ce serait un malheur pour la France. — La première démarche du jeune prince serait de se réconcilier avec l'Angleterre. Entouré d'anglais et d'anglaises dès l'enfance, il a pour cette nation une prédilection marquée et c'est le seul défaut que je lui connaisse. *André Ofanasitch*, son confesseur, l'intendant de ses maisons de campagne etc., a un grand pouvoir sur lui. Ce prélat a passé sa jeunesse et une partie de sa vie à Londres, il a épousé une anglaise, il est le seul prêtre russe qui ait obtenue de pouvoir se raser et de s'habiller comme un ministre anglican; enfin cet homme, d'un grand mérite toutefois, est tout anglais. — A ces motifs d'inclination qu'aurait le jeune prince de se raccommoder avec l'Angleterre se joindrait l'obcession de tout ce qui l'environne; car vous le savez mieux que moi, c'est Paul seul qui veut faire la guerre aux anglais. Le renvoi de *Rostoptschin*, le renouvellement du Conseil et du ministère, n'a d'autres causes que cet attachement intéressé pour l'Angleterre. C'est la troisiéme fois que ce jeune homme est disgrâcié. Le prince *Kourakin* qui lui succède encore ne fera que ce qu'il croira avantageux pour son pays; et par cette raison même il pourra bien aussi disposer son maître à la paix; car, malgré qu'on soit français on ne peut s'empêcher de convenir en secret, que cette guerre maritime est la plus ruineuse que la Russie puisse entreprendre, et si les anglais qui viennent de passer si hardiment le Sund, après avoir joué devant Copenhague le rôle de Charles XII, arrivent sur les côtes de Livonie avant que la débâcle des glaces ait permis aux flottes russes de *Reval* et de *Kronstadt* de se réunir, ils pourraient bien jouer le même rôle devant *Narva. Il est même à souhaiter que ces insulaires aient quelques avantages humiliants pour les russes. Ce sevait le plus sûr moyen d'engager sérieusement l'irascible et orgueilleux tsar dans une querelle si heureuse pour nous.*— Si un raccomodement avec l'Angleterre me paraît une suite inévitable qu'aurait la mort de Paul, je suis aussi persuadé que les sentiments raisonnables et même libéraux de son fils l'engageraient à suivre avec la France un système d'amitié. Mais il y a au fond de son caractère d'autres éléments dont on pourrait se prévaloir. Catherine qui le chérissait particulièrement, et dont il a sucé avec le laît la façon de penser, lui a surtout inculqué ses vastes projets sur l'Asie et Constantinople. Alexandre y tient à un point qu'il se brouilla avec son père lorsque celui-ci forma cette alliance monstrueuse de la *Russie* avec la *Porte*. On peut compter sur l'influence qu'auraient ces idées du prince sur ses déterminations. — Citoyen ministre, si cette nouvelle de la mort de Paul est vraie, vous en serez déja instruit. Vous savez que j'ai été attaché à son fils, il a eu de la confiance et des bontés pour moi qu'il m'a témoignées, même depuis la proscription dont m'a frappé son père. *Je suis tout à ma patrie et à vos ordres.* — Поощренный Талейраномъ (*Talleyrand à Masson*, 23 floréal an IX), Массонъ отправилъ ему новое письмо, мѣсяца полтора спустя.

89.

Приводимъ крайне интересныя черты новаго двора изъ правдивыхъ писемъ Роджерсона къ С. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XXX, 133, 150, 157, 161, 172): „M. de Pahlen (qui jusqu'ici est, peut-être, le premier homme dans le gouvernement) garde ses places de gouverneur-général de St.-Pétersbourg, Livonie et Estonie avec sa place dans le département des affaires étrangères dont le prince Kourakine est nommément le chef; mais son cousin le comte Panine, à présent 3-me membre, est l'âme et celui sur lequel tout roulera... Le bon prince K. est seulement ad honores. Le comte de Pahlen professe qu'il n'y entend rien et s'en mêle peu; il est vrai qu'il a beaucoup à faire, et pour la partie de la police et militaire il est un homme indispensable... Depuis l'arrivée de comte de Panine, le comte de Pahlen ne s'est mêlé avec la politique: cette partie a été entièrement entre les mains du premier... Le prince Kourakine ne sait presque rien". Обращаютъ на себя вниманіе живыя характеристики Панина и обѣихъ императрицъ, матери и супруги Александра I (стр. 151—152, 167—168); для обрисовки двухъ послѣднихъ важны также стр. 156 и 160—161. Для описанія „хаоса" временъ Павла I и вообще „неустройства" Россіи съ Петра I важна записка А. Воронцова, по его вступленіи въ должность канцлера, въ ноябрѣ 1801 г. (*тамъ-же*, XXIX, 451—470).—Для опредѣленія роли Панина въ ту минуту важно его письмо къ женѣ отъ 22 марта (3 апрѣля) 1801 (*Русскій Архивъ*, 1874, 709—715), а также его депеша Крюденеру отъ 22 марта с. с. (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 155. Journal des pièces confidentielles et secrètes). Въ послѣдней Панинъ говоритъ, что императоръ сдѣлалъ его вице-канцлеромъ и передалъ исключительно ему иностранныя дѣла, но снизошелъ къ просьбѣ „избавить его отъ прежняго титула", повелѣвъ ему „сноситься съ дипломатическимъ корпусомъ, исполнять его приказы и имѣть портфель". Панинъ предписывалъ Крюденеру продолжать „прежнюю конфиденціальную переписку" съ нимъ, а Куракину присылать только „correspondance d'office". Онъ требовалъ писать ему шифрами и симпатическими чернилами.— Слѣды „совершеннаго хаоса" въ иностранной коллегіи ясны еще въ 1802 г. И тогда посылалось, въ одинъ и тотъ же день, по нѣсколько рескриптовъ одному и тому же посланнику съ прибавленіемъ того, о чемъ упустили упомянуть въ главномъ изъ нихъ. И тогда забывали присоединять къ нимъ приложенія, о которыхъ говорилось въ нихъ, какъ нерѣдко жаловался Морковъ (*Архивъ Воронцова*, XX, 102). Съ другой стороны, никакъ не могли справиться съ халатностью и самомнѣніемъ нашихъ дипломатическихъ миссій: то посланникъ дуется и молчитъ, то его архивы не въ порядкѣ, то сладу нѣтъ съ шифрами. 4-го декабря 1802 г. А. Воронцовъ увѣдомлялъ Моркова (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 59), какъ царь узналъ, что архивы нѣкоторыхъ изъ нашихъ миссій „ne se trouvent pas dans l'état qu'exige l'exactitude du service". Онъ приказывалъ всѣмъ нашимъ иностраннымъ агентамъ, чтобы они поскорѣе привели свои архивы въ лучшій порядокъ. Канцлеръ прибавлялъ: „если у васъ мало людей, увѣдомьте". Характеристична „конфиденціальная" депеша Куракина тому же Моркову отъ 31 января с. с. (*тамъ же*, 28). Она начинается вынужденнымъ, дружескимъ, выговоромъ за долгое молчаніе: „longue silence nous avait donné des inquiétudes; il nous a été pénible de recevoir par les ministres des autres cours des communications que nous n'eussions pas dû ignorer". Затѣмъ требованіе писать, какъ принято —не меньше разу въ недѣлю, а курьеровъ держать лишь для такихъ свѣдѣній, которыхъ нельзя довѣрить почтѣ. Наконецъ, Куракинъ жаловался на негодность шифровъ, которые самъ же сочинилъ: не могли разобрать многихъ депешъ Моркова. Онъ посылалъ новые шифры. Въ заключеніе еще лучше: забыли, даны ли Моркову вѣрительныя грамоты на званіе министра нашего двора „на мѣсто Колычева". На всякій случай послали новыя, съ помѣткой заднимъ числомъ—2 іюля 1801 г. Но уже не забыли вовремя послать Моркову подобныя же грамоты на званіе „полномочнаго" министра, отъ 6/18 февраля 1802. Онѣ хранятся, въ русскомъ подлинникѣ, въ парижскомъ архивѣ (*Paris*, 141, 69). Для исторіи конференціальныхъ записокъ важно свидѣтельство Куракина, въ его письмѣ Панину 16/27 февраля 1798 г.

(*Русская Старина*, X, 332). — *Подлинный рескриптъ Александра I Колычеву*, отъ 13/25 марта, о вступленіи на престолъ и о томъ, что „судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь Любезнаго Родителя Нашего, скончавшагося скоропостижно апоплектическимъ ударомъ“ (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 34).—Слѣды хаоса въ иностранныхъ дѣлахъ мѣтко схвачены С. Воронцовымъ (*Архивъ Воронцова*, XVII, 17). — *Куракинъ Колычеву* 12/24 апрѣля (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 50). — Лекокъ былъ присланъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III къ Павлу I, чтобы добиться согласія царя на занятіе Франконіи. Онъ не засталъ Павла I въ-живыхъ и далъ нѣсколько нотъ министерству Александра I, настаивая на скорѣйшемъ отвѣтѣ, такъ какъ его королю было необходимо занять Вюрцбургъ и Бамбергъ (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 49). Александръ I велѣлъ дать Лекоку, также какъ и Люкезини, „вѣжливую, но уклончивую“ ноту, которая ссылалась бы на необходимость соглашенія съ Франціей и выработки общаго плана вознагражденій въ Германіи. — Относительно Неаполя нашъ архивъ разоблачаетъ интересныя подробности. Строгая депеша Палена Колычеву отъ 31 марта (она находится въ нашемъ архивѣ тамъ же, гдѣ нашъ № 48) была личнымъ дѣломъ Александра I, также какъ и нашъ № 48. Это выясняется изъ позднѣйшаго письма Куракина Кочубею (*Pétersbourg*. Ministère, 1802, 104). Здѣсь сказано: „Серра Капріола сказалъ мнѣ, *чего я еще не зналъ*, что на другой день по восшествіи на престолъ императора, Паленъ призвалъ его къ себѣ частнымъ образомъ и сообщилъ, что государь положительно обѣщалъ (les assurances positives) оставить свои войска въ Неаполѣ до полнаго удаленія французовъ и что даже пошлютъ курьера съ этимъ извѣстіемъ, а также письмо царя къ королю Обѣихъ Сицилій. Онъ признался, что получилъ это свѣдѣніе отъ адъютанта императора“. Паленъ уже 31 марта строго предписывалъ Колычеву не уступать Бонапарту (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 49).— Сохранилась и черновая рескрипта 28 апрѣля, для доклада (*Pétersb*. Ministère, 1801, 155).—Въ „Боярскомъ родѣ Колычевыхъ“ сказано, что Колычеву была послана 16 (28) апрѣля кредитивная грамота на заключеніе мира съ Бонапартомъ. Она приложена къ депешѣ Панина (№ 65) на случай, если Бонапартъ приметъ нашъ проектъ договора.— Для опредѣленія первоначальнаго взгляда Александра I на внѣшнія дѣла интересно письмо Татищева А. Воронцову 14 апрѣля (Архивъ Воронцова, XVIII, 353—354).

90.

Для мальтійскаго вопроса любопытно письмо Татищева С. Воронцову 25 марта 1801 (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 352).—Куракинъ писалъ Колычеву 24, 27 и 28 апрѣля (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 50—52), чтобы онъ ходатайствовалъ о разныхъ эмигрантахъ, въ особенности же о баронѣ Гриммѣ (о немъ напоминается и въ депешѣ 13 іюня, Paris, 52), котораго онъ называетъ „respectable viellard“, а также о вознагражденіи жителей Іоническихъ острововъ, ограбленныхъ французскими корсарами.— Секретаремъ посольства при Штаремберге нарочно былъ сдѣланъ другъ Воронцова, Пельцеръ, бывшій chargé d'affaires въ Петербургѣ послѣ Кобенцля: онъ и примирилъ старыхъ пріятелей: *Starhemberg*, 65.—Тамъ же любопытные отзывы австрійскихъ дипломатовъ по поводу воцаренія Александра I. Limpens писалъ Штарембергу 10 апрѣля: „Voilà donc pour nous non seulement un ennemi puissant de moins, mais très-probablement un ami de plus. Quel revirement dans la politique“! Саурау писалъ ему же 10 октября: „Le nouvel empereur paraît avoir à coeur de vivre en bonne intelligence avec les autres puissances, et son règne promet d'être des plus pacifiques... Le comte Panin jouit de la confiance de son maître et on peut compter sur sa droiture, et qu'il n'est point du nombre de ceux qui pour rester tranquilles voudraient isoler la Russie et séparer son intérêt de celui de l'Europe. Mais avec cela il ne fera pourtant point tout ce qu'il voudra... Vous ne sauriez avoir une idée, à quel point on se réjouit ici d'être délivré du règne de Paul I qui a fait trembler tout le monde. Alex. I s'est proposé, à ce qui paraît, de suivre une route opposée“. — Миролюбіе и твердость Александра выразились въ строгихъ рескриптахъ С. Воронцову (18 апрѣля и 14 мая), по поводу нападенія англичанъ на Данію (*Архивъ Воронцова*,

XXVIII, 417—419, 422—427). Оттого-то изъ переписки С. Воронцова съ Панинымъ (*тамъ же*, XI, 135, 181—186, 249) видно, какъ первый негодовалъ вначалѣ, думая, что Александръ пойдетъ противъ Англіи, подъ вліяніемъ ненавистнаго ему Палена; какъ онъ оправдывалъ англичанъ во всемъ и приписывалъ себѣ поворотъ въ политикѣ молодаго царя, что отчасти справедливо, какъ видно изъ рескрипта отъ 22 іюня (XXVIII, 433—434; раньше напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* за 1874 г.). Опасенія Воронцова и его ненависть къ ливонцу и его protégé, Панину, еще яснѣе обнаружились въ письмахъ къ Новосильцеву, къ сыну и къ брату, отъ 18, 20 мая и 21 іюля (XI, 392—404; XVII, 19), а также къ самому Панину отъ 21 августа (XI, 226—237; раньше напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* за 1874 г.).—Опасенія С. Воронцова были напрасны, какъ онъ самъ могъ усмотрѣть изъ письма Панина, посланнаго ему въ одно время съ рескриптомъ 28 апрѣля (*Pétersbourg.* Ministère, 1801, 155). Панинъ извѣщалъ его, что Александръ I не дастъ ему отставки и изъ миролюбія отказывается отъ мальтійскаго вопроса, который былъ „личнымъ дѣломъ покойнаго императора". Далѣе, извѣщая о намѣреніи царя послать Кочубея на мѣсто Колычева, Панинъ прибавилъ, что первый предварительно заѣдетъ въ Лондонъ: „notre système à l'égard de la France doit dependre essentiellement de la position, où nous nous trouverons envers la Grande Bretagne".—*Рескриптъ С. Воронцову* 2/14 мая (XI, 126—131) о желаніи примириться съ Англіей, но не жертвуя выгодами союзниковъ Россіи. — Первоначальныя отношенія Александра I къ Англіи едва ли не лучше всего выясняются въ рескриптѣ С. Воронцову отъ 12 ноября 1801 (XXVIII, 452—453). Здѣсь важно слѣдующее мѣсто: „Je m'étudierai surtout à suivre un *systême national* (курсивъ въ подлинникѣ), c'est-à-dire un systême fondé sur les avantages de l'état et non, comme cela est souvent arrivé, sur des prédilections pour telle ou telle autre puissance. Je serai, si je le jugeais utile pour la Russie, bien avec la France, tout comme ce même intérêt me porte maintenant à cultiver l'amitié de la Grande Bretagne". Этотъ рескриптъ былъ отвѣтомъ на крайне смѣлое письмо С. Воронцова отъ 8 октября (*Русскій Архивъ* 1874), въ которомъ онъ рѣзко критиковалъ политику царя и особенно Панина, требуя участія государственнаго совѣта въ дѣлахъ.

91.

О занятія Ганновера Пруссіей см. *Bailleu. Донесенія Кобенцля* отъ 19 апрѣля и *консула Viazzoli* отъ 1 мая, въ вѣнскомъ архивѣ (Wertheimer). — *Письмо Франца II Александру I*, въ приложеніи къ статьѣ Beer'а: Zur Geschichte der österr. Politik in den Jahren 1801 und 1802 (Archiv für österr. Geschichte, B. 52).—Впечатлѣніе, произведенное смертью Павла I на Бонапарта, видно не только изъ письма послѣдняго своему брату, Іосифу, отъ 12 апрѣля (*Corresp. de Napol.*, № 5522), но еще лучше изъ донесенія Люкезини королю отъ 17 апрѣля (Bailleu, № 30). Замѣтивъ, что эта новость была „un véritable coup de foudre pour Bonaparte", Люкезини прибавляетъ: „En la recevant du sieur Talleyrand, il a jeté un cri de désespoir et s'est tout de suite livré à l'idée que sa mort n'a pas été naturelle et que le coup est parti de l'Angleterre. Il croit avoir perdu le plus fort appui contre elle, et comptant avoir trouvé dans Paul ce que Frédéric II trouva dans Pierre III, il ne s'attend pas à rencontrer dans le successeur du premier cette impartialité que le grand-oncle de v. m. éprouva de la part de l'impératrice Catherine". — *Бонапартъ Талейрану* 18 марта о переговорахъ съ Марсаномъ въ угоду Россіи (Corresp. de Nap. № 5468). — *Нота Талейрана Марсану* о разрывѣ и *отвѣтъ Марсана* отъ 20 апрѣля приложены къ донесенію Колычева отъ 24 апрѣля (*Pétersb.* Paris, 1801, 87).— Въ письмахъ *Бонапарта* къ *Бертье и Телейрану* отъ 12 и 13 апрѣля (Corresp. de Nap. № 5525, 5528) объясняются всѣ хитрости перваго консула по поводу присоединенія Піемонта.—Письмо *Бонапарта Александру I* напечатано въ Corresp. de Nap. № 5550. Черновая сохранилась въ парижскомъ архивѣ (Russie, 140, 150). — *Донесеніе Кобенцля* отъ 19 апрѣля (у Wertheimer'а) о впечатлѣніи, произведенномъ смертью Павла I на русское посольство въ Парижѣ.—Въ отчетѣ Талейрана о переговорахъ съ Колычевымъ (Paris, 140, 257) нота 26 апрѣля признавалась плодомъ первыхъ инструкцій Александра I.—

Полная сознательность поступка Колычева доказывается слѣдующимъ мѣстомъ изъ его донесенія двору отъ 27 апрѣля, которымъ оканчивается нашъ № 60: „J'ai donné connaissance confidentiellement de la note ci-jointe aux ministres de Naples et de Sardaigne qui m'ont temoigné tous deux combien leurs souverains seraient pénetré de reconnaissance pour la part bienveillante que v. m. i. prenait à leurs intérêts. Le ministre de Prusse, à qui je l'ai également fait voir, m'a annoncé qu'il avait reçu l'ordre d'appuyer mes démarches de toute son influence. Je ne l'ai non plus laissé ignorer au comte de Cobenzl, il sent toute l'importance des circonstances et est très disposé à faire ce qui dependra de lui pour me soutenir. — J'attends la réponse du ministère français. Les résultats ne peuvent être que de la plus grande conséquence. Je continuerai à tenir ici la language ferme que v. m. i. a daigné me préscrire, et je ne manquerai pas d'éxpédier un second courrier aussitôt que le premier consul aura jugé à propos de prendre un parti.—*Люкезини двору* отъ 27 апрѣля и 4 мая (Bailleu, № 32). — *Колычевъ Талейрану* 13 мая (*Paris*, 140, 163).

92.

Extrait d'une dépêche de Pétersbourg en date du 16/28 avril, reçue le 4/16 mai (*Paris* 140, 120 и 152). Это—извлеченіе, сдѣланное Колычевымъ для Талейрана изъ нашего № 62, съ необходимыми редакціонными измѣненіями и съ исключеніемъ всѣхъ откровенныхъ фразъ насчетъ Бонапарта и Пруссіи. — Проектъ мирнаго договора 27 апрѣля находится, подобно рескрипту 28 апрѣля, въ двухъ видахъ, въ нашемъ архивѣ (Paris, 1801, 35 и Ministère, 1801, 155)—въ подлинникѣ и въ черновой для доклада, на которомъ находится помѣтка Александра I: „быть по сему 15 апрѣля 1801". На поляхъ, почти противъ каждой статьи замѣчанія, напечатанныя въ нашемъ № 61 и имѣющія въ виду контр-проектъ Талейрана (нашъ № 30). Разница между проектами 1 и 27 апрѣля, объясняемая въ № 61, заключается въ слѣдующемъ. Въ самомъ началѣ выпущено слово „amitié". Статья II начинается такъ: „En conséquence il ne sera commis aucune hostilité entre les deux états". Въ статьѣ III вмѣсто „gouvernements établis et reconnus" поставлено: „gouvernements respectifs". Въ концѣ ст. VII прибавлено: „que si elle était inscrite mot à mot dans le présent acte". Къ проекту договора 27 апрѣля приложенъ проектъ добавочной и тайной конвенціи, апробованный въ одно время съ нимъ, съ помѣткой „très secret". Переданный Талейрану, за подписью Колычева, экземпляръ конвенціи находится въ парижскомъ архивѣ (140, 228). Въ немъ только ст. IV измѣнена такъ: „La Rép. française s'engage à maintenir l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux Siciles, ami et allié de s. m. l'empereur de toutes les Russies. En conséquence les troupes françaises évacueront incessament le territoire napolitain". Въ виду важности документа и значительной разницы между нимъ и проектомъ конвенціи 1-го апрѣля, приводимъ его цѣликомъ.—PROJET D'UNE CONVENTION ADDITIONNELLE ET SECRÈTE. *Article 1.* Les deux parties contractantes, considérant qne lors de la paix de Teschen l'accord qui a règné entre la Russie et la France a été du plus grand avantage pour les deux gouvernements et a amené la paix définitive; considérant d'ailleurs l'identité de leurs intérêts dans les affaires d'Empire et désirant d'apporter le moins d'altération possible aux bases de la Constitution germanique, s'engagent réciproquement d'agir d'un commun accord relativement aux principes à suivre pour les indemnités, à se communiquer leurs vues et à former un concert parfait entre elles pour amener les parties intéressées à l'adoption de leurs plans. Elles conviennent en outre de s'entendre sans délai sur les indemnités à adjuger à ll. mm. l'empereur des romains et le roi de Prusse, de même qu'au grand duc de Toscane et au prince d'Orange, en adoptant pour principe invariable le maintien d'un juste équilibre entre les maisons d'Autriche et de Brandebourg.—*Art. 2.* S. m. i. de toutes les Russies et le premier consul de la République française établiront un concert intime et se communiqueront leurs vues respectives pour terminer à l'amiable les affaires de l'Italie et celles du S-t Siège sous le rapport politique.—*Art. 3.* La République fr-se s'engage à ouvrir dès à présent une négociation à Constantinople pour le rétablissement

de la paix avec la Sublime Porte Ottomane sous la médiation de s. m. l'empereur de toutes les Russies. — *Art. 4.* La dite Rép. s'éngage de même à négocier la paix avec s. m. le roi des deux Siciles, sous la médiation de s. m. i. de toutes les Russies et par l'entremise de son plénipotentiaire. Elle s'engage de plus à maintenir l'intégrité des possessions de s. m. Sicilienne et à la garantir formellement par l'acte de la pacification. — *Art. 5.* Il est convenu entre les deux puissances de rétablir s. m. le roi de Sardaigne dans tous les états qu'elle possédait au commencement de l'année 1792 à l'exception de la Savoie et du Comté de Nice pour lesquels il lui sera accordé une indemnité en Italie.—*Art. 6.* La Rép. fr-se s'engage à unir ses soins à ceux de s. m. l'empereur de toutes les Russies pour procurer à son altesse sérénissime le duc de Wurtemberg une indemnité en Allemagne proportionnée à ses pertes et conforme à la justice.—*Art. 7.* La dite République prend le même engagement en faveur de s. a sérénissime l'électeur palatin de Bavière en lui garantissant l'intégrité de ses états non cédés à la France par l'Empire.—*Art. 8.* Les deux parties contractantes reconnaissent et garantissent la constitution et l'indépendance de la république des Sept Iles unies ci- devant vénitiennes.—*Art. 9.* S. m. l'empereur de toutes les Russies s'engage d'employer ses bons offices pour faire rendre les prisonniers français détenus à Constantinople et dans les autres parties de l'Empire ottoman. — *Art. 10.* Aussitôt après la signature de la présente convention les deux parties contractantes s'occuperont des moyens de consolider la paix générale sur les bases susmentionnées. Elles agiront de concert dans toutes les mesures de conciliation ou de vigueur convenues entre elles pour le bien de l'humanité et le repos général.—*Art. 11.* La présente convention sera tenue secrète jusqu'à ce que les parties contractantes ayent jugé sa publication compatible avec leur intérêt mutuel. Elle aura même force et valeur que si elle était insérée dans le traité de paix conclu aujourd'hui et les ratifications en seront échangées en même temps.

93.

Приводимъ цѣликомъ изъ парижскаго архива (*Paris*, 140, 230, 259) ноту Колычева и отвѣтъ на нее Талейрана. Бумаги эти помѣчены глухо, въ министерствѣ: „thermidor an IX". Онѣ относятся къ описываемому въ текстѣ времени. — PROJET D'ARTICLE RELATIF AUX INTÉRÊTS DE S. M. LE ROI DE SARDAIGNE. S. m. le roi de Sardaigne sera rétablie et rentrera dans toutes les possessions, droits et prérogatives dont elle jouissait avant la guerre qui a commencé en 1792 entre elle et la république française Ce rétablissement totale devra être pur et simple, et la limitation entre les deux états sera celle fixée par le traité du 24 mars 1760. Il ne pourra être stipulé aucunes conditions onéreuses à s. m., ni militaire, ni politique, ni civile, ni commerciale, abstraction faite de toutes celles qui ont pu l'être à l'occasion et depuis la paix du 15 mai 1796.—Dans le cas qu'il puisse être convenu que le duché de Savoie et le comte de Nice demeurent réunis à la république française, il sera cédé en même temps à s. m. le roi de Sardaigne un équivalent en étendue, population, revenu et convenance locale dans le contingent de l'Italie contigu à ses états, et en partie propre à lui donner les mêmes avantages que le comte de Nice pour le débouché du commerce du Piémont et pour la communication avec la Sardaigne. La cession de ses équivalents devra être garantie par les puissances ayant droit aux pays qui devraient être cédées.—Dans le même cas la limitation pour le reste de la frontière entre les deux états restera telle qu'elle a été établie par le traité susdit de 1760 et pour celle à fixer entre la Savoie et le comte de Nice et le Piémont, elle le sera par des commissaires nommés de part et d'autre sur les bases stipulées par le traité d'Utrecht du 11 avril 1713. — La république française s'engage au paiement de sa dette vis-à-vis de s. m. le roi de Sardaigne, déjà en partie liquidée, pour toutes les fournitures faites par s. m. à l'armée française pendant les années 1796—97 et 98. Elle s'engage également à la restitution de l'artillerie et des armes qui se trouvaient dans les places, arsenal et dépôts et à l'indemnisation des autres effets et

magasins militaires existans à l'époque du 9 décembre 1798. — En attendant qu'il soit statué définitivement sur ces différents articles, ce qui devra avoir lieu dans le plus court délai possible, dans tous les états appartenants à s. m. le roi de Sardaigne avant la guerre (exclus seulement la Savoie et le comte de Nice) il sera sursis à toute vente de biens appartenants à s. m., aux princes royaux et aux ordres militaires et religieux et aux ecclésiastiques; et à toute exaction de contributions extraordinaires et réquisitions. S. m. sera invitée à reprendre les rênes du gouvernement. Le décret portant la réunion à la république Cisalpine d'une partie des états du roi sera regardé comme non avenu, et l'armée française évacuera tous les états et les places appartenant à s. m. sans exception (exclus toujours la Savoie et le comté de Nice) d'accord et d'après la convention qui aura lieu à cet effet pour le mode entre la personne qu'il plaira à s. m. de nommer et celle qui sera destinée par la république française.—La république française accepte la garantie de s. m. impériale de toutes les Russies pour l'exécution du traité qui sera conclu avec s. m. le roi de Sardaigne d'après les bases ci-dessus énoncéees et la garantit elle-même en tous les cas. — REMARQUES DE TALLEYRAND SUR LE PROJET D'ARTICLE RELATIF AUX INTÉRÊTS DU ROI DE SARDAIGNE. S. m. i. l'empereur de Russie ayant fait proposer par la note du comte de Rostopsin en date du... que l'intégrité des états du roi de Sardaigne fut reconnue, le premier consul a adhéré à cette proposition; mais il est manifeste que la dite intégrité n'a pu être entendue des états du roi de Sardaigne que sur le pied où les états avaient été réglés par le dernier traité entre la république française et le roi de Sardaigne.—Or par le traité du 26 floréal an IV qui est le dernier, s. m. le roi de Sardaigne a cédé purement et simplement à la république française (article 3) la Savoie, les comtés de Nice, de Tende et de Reuil. — De plus l'article 4 a défini la limite entre la France et de Piémont.—L'article 6 a stipulé que s. m. le roi de Sardaigne renonçait à toute répétition quelconque contre la république pour des causes antérieures au dit traité.—L'article 12 a stipulé que certaines places continueraient à être occupées par les troupes françaises. — L'article 13 a désigné l'époque où les dites places seraient restituées au roi de Sardaigne. — L'article 14 a stipulé que les pays désignés pour être rendus au roi de Sardaigne mais encore occupés par les troupes françaises, continueraient à être soumises aux contributions et prestations de guerre. — L'article 16 a pareillement établi que l'artillerie des place occupées pourrait être employée au service de la république. — Par les articles secrets annexés au dit traité, le roi de Sardaigne a fait encore quelques cessions, mais aucune indemnité d'aucun genre ne lui a été promise. — Seulement par une convention particulière et secrète qui avait précédé le traité d'alliance du 16 germinal an 5, le roi de Sardaigne s'était engagé à mettre cette île à la disposition du gouvernement français en échange d'un accroissement de territoire à sa convenance sur le continent d'Italie.— Mais la dite convention ne devait avoir lieu qu'autant que le traité d'alliance offensive et défensive aurait lui-même son exécution.— Or ce traité est resté sans exécution; aussi la Sardaigne est demeurée au roi et il n'y a eu lieu à aucune indemnité pour ce prince en Italie. — Tel est l'esprit, telle est la lettre des traités existants. — Ce n'a donc pu être sans un vif étennement que le gouvernement français a trouvé dans l'article proposé par m. le comte de Kolitscheff la proposition formelle de restituer au roi de Sardaigne ses états sur le pied où ils avaient été fixés par le traité de 1760. — Le traité de 1760 et les conventions subséquentes ont été formellement détruites par le traité du 26 floréal an IV (15 mai 1796). Celui-ci existe encore; la guerre actuelle n'a pu qu'en suspendre l'effet; il ne peut être annulé que par un nouveau traité. Et si on considère que par suite de la guerre présente le roi de Sardaigne a perdu de fait la totalité de ses états d'Italie, il serait trop extraordinaire que le résultat de la négociation qui s'ouvrirait fut de lui assurer une condition meilleure que celles qui lui avait été fixée par le traité précédent et qu'il avait acceptée alors avec empressement et reconnaissance.—Ces observations et les considérations qui la précédent répondent à l'article proposé dans son ensemble et à chacune de ses parties en détail. — L'intention de s. m. i. l'empereur de Russie n'a pu être que de réclamer en faveur du roi de Sardaigne la restitution de ses états tels qu'il les possédait par son dernier traité. C'est tout ce que

le roi de Sardaigne a pu attendre et désirer de l'intervention la plus puissante comme la plus généreuse et ce n'est que dans ce sens que la note du comte Rostopsin a pu et dû être comprise par le premier consul de la république française. — La discussion qu'il s'agit d'ouvrir aujourd'hui par rapport aux affaires du roi de Sardaigne ne peut donc porter que sur les changements survenus depuis le dernier traité et s'est alors que le premier consul sera empressé de témoigner à s. m. i. l'empereur de Russie qu'il cherche moins à tirer parti de tout ce que les évènements militaires lui ont procuré d'avantages, qu'à se prêter aux désirs de s. m. i. et à se concerter avec elle pour les meilleurs arrangements à faire en Italie et d'où il puisse résulter une satisfaction raisonnable du roi de Sardaigne.

94.

Новый *контр-проектъ Талейрана* находится въ подлинникѣ у насъ (*Pétersb.* Paris, 1801, 103); его черновая—въ Парижѣ (140, 233). Вотъ отличія его тайной конвенціи отъ нашей конвенціи 27 апрѣля. Въ статьѣ 1 выпущено: „Elles conviennent en outre de s'entendre sans délai sur les indemnités à adjuger à ll. mm. l'empereur des romains et le roi de Prusse, de même qu'au grand duc de Toscane et au prince d'Orange". Въ ст. 2 „les affaires de l'Italie" названы „ultérieures". Статьи 4 и 5 изложены такъ: „Art. 4. La République fr. s'engage à maintenir, d'après les bases du traité de paix qui vient d'être conclu le 16 germinal dernier avec la cour de Naples, l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux Siciles, ami et allié de s. m. l'empereur de toutes les Russies. Les troupes françaises qui occupent le pays de Bari et d'Otrante *n'y demeureront qu'autant qu'il sera nécessaire pour terminer les affaires de l'Orient*". Курсивъ означаетъ измѣненіе текста бумаги № 78, какъ оно было записано на полѣ доклада, слѣдовательно по требованію Бонапарта. „Art. 5. Il est convenu entre les deux puissances que la discussion relative à s. m le roi de Sardaigne n'aura lieu qu'au moment de la pacification générale, sans qu'il puisse être rien préjugé pour ou contre son rétablissement des formes d'administrations employées dans le Piémont et les autres états de s. m. le roi de Sardaigne en Italie". Въ ст. 7 прибавлено, при словѣ „garantissant": „de concert avec s. m. l'empereur de Russie". Къ ст. 8 прибавлено: „et il est convenu qu'après que les affaires d'Orient auront été terminées, il n'y aura plus dans ces îles de troupes à aucune puissance ou que ces troupes seront en nombre égal de chacune des dites puissances". Ст. 10 измѣнена такъ, послѣ слова „sus-mentionnées": „et de retablir un juste équilibre dans les différentes parties du monde et d'assurer la liberté des mers, se promettant d'agir de concert dans toutes les mesures de conciliation et de vigueur convenues entre elles pour le bien de l'humanité, le répos général et l'indépendance des états neutres". Ст 11 выкинута.

95.

Эти измѣненія въ новомъ проектѣ конвенціи Колычева касались Неаполя. Именно статья 4 выражена такъ: „La dite République s'engage de maintenir, d'après les bases du traité de paix conclu en 1796 avec la cour de Naples, l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux Siciles, ami et allié de s. m. l'empereur de toutes les Russies. En conséquence les troupes françaises évacueront le territoire napolitain dans le plus bref délai". Еще во 2 ст. прибавлено „ultérieures", какъ у Талейрана. Эта бумага (*Paris,* 140, 260) лишена даты, хотя она подлинная, съ собственноручной подписью Колычева. Только написано сбоку „très secret", а наверху: „Projet d'une convention additionnelle et secrète à conclure avec le gouvernement français".

96.

Колычевъ Талейрану 4 іюня, въ отвѣтъ на ультиматумъ, въ парижскомъ архивѣ. Онъ хотѣлъ вручить бумагу Талейрану даже 3-го числа, но не засталъ его въ министерствѣ (*Paris*, 140, 177).—Переговоры прекрасно обрисовываются, помимо нотъ и депешъ, тремя докладами Талейрана Бонапарту. Они любопытны, представляя мотивировки и дополняя другъ друга. Первый изъ нихъ напечатанъ въ нашемъ текстѣ (№ 78); второй (*Paris*, 140, 257) приводимъ здѣсь вполнѣ. — RAPPORT SUR LA NÉGOCIATION AVEC LA RUSSIE. *Vers le 15 thermidor an IX (ок. 2 августа 1801).* Dès son arrivée à Paris, m. de Kolitscheff présenta au nom de son gouvernement le projet d'un traité de paix auquel devaient se trouver annexés des articles ou conventions secrettes relatives aux affaires d'Europe. — M. de Kolitscheff exigeait que la discussion se portât à la fois sur ces deux objets, affectant de ne présenter le rétablissement de la pacification que comme une conséquence de l'accord qui serait établi par rapport aux affaires d'Italie et d'Allemagne. — De notre côté on demandait, au contraire, que la paix fut d'abord conclue et qu'ensuite on procédât immédiatement à la rédaction des articles non particuliers à la Russie. — Les discussions à cet égard se prolongèrent longtemps, néanmoins on entama celle des projets présentés. Le ministre remit au nom du premier consul des contreprojets, et m. de Kolitscheff, qui dès le principe s'est annoncé comme ne pouvant prendre sur lui de rien changer aux articles qui lui étaient adressés de Russie, remit de nouveau, en date du 1 avril, le projet d'un traité de paix et d'une convention additionnelle qui lui avait été expédiée de Pétersbourg.—Le ministre fut chargé de répondre par une note en date du 21 Germinal... (Здѣсь приведена выписка изъ нашего № 55).—Sur ces entrefaites on reçut l'avis de la mort de l'empereur Paul I, et la négociation, déjà suspendue par l'envoi d'un courrier de m. de Kolitscheff à sa cour, dût demeurer encore sans activité.—Il parut même que les premières instructions transmises à de Kolitscheff par le nouvel empereur n'étaient pas de nature à procurer une conclusion satisfaisante, puisque ce fut alors qu'il présenta une note tout à fait inconvenante et que le ministre n'accepta point, ce qui amena la note du 1 mai à laquelle le ministre répondit... (Слѣдуетъ выписка изъ нашего № 53).— L'effet de cette note fut que m. de Kolitscheff remit à la fin de mai au nom de sa cour un nouveau projet de pacification et de convention additionnelle. On y reconnait quelque fruit des discussions qui avaient précédemment eu lieu; les articles 1, 2, 3, 4 et 5 du traité patent se trouvaient rédigés tels qu'ils avaient été proposés par le gouvernement français.—Dans l'article 6, il paraissait utile de comprendre les républiques helvetique et cisalpine, puisque s'il n'avait pas existé de déclaration de guerre de la part de la Russie contre ces divers états, il était constant que la guerre avait existé de fait. — L'article 7 était absolument inadmissible, car il est sans motif et sans exemple que les articles secrets d'un traité, ou toute autre convention additionnelle, essentiellement secrète de sa nature, soient annoncés dans un traité patent. — Quant aux articles secrets, on proposait d'admettre l'article 1, sauf la rédaction de la fin qui paraissait vicieuse. On ne repoussait point l'article 2, on accueillait l'article 3. On modifiait l'article 4 et l'article 5. Enfin on présenta à m. de Kolitscheff un nouveau contre-projet de traité et d'articles secrets que voici relatés (см. примѣч. 93). Il s'en suivit quelques discussions verbales, après lesquelles m. de Kolitscheff remit itérativement son projet de convention secrète avec de trés-légères modifications.—Le ministre y répondit par la note du 13 prairial qu'il est à propos d'insérer ici toute entière (нашъ № 80). — M. de Kolitscheff ne riposta point par écrit, mais fidèle au plan qu'il s'était tracé de consulter sans cesse son gouvernement, il expédia un courrier en Russie, et ce n'est que par le retour de ce courrier qu'il a dû recevoir les nouveaux ordres qu'il vient d'exécuter en présentant de nouveaux articles secrets ci-insérés. (Рѣчь идетъ о русскомъ проектѣ 2 іюля). — On devait s'attendre qu'après six mois de négociations, sur une matière aussi simple et qui touche si peu aux intérêts particuliers de chacun des contractants, on serait à la fin parvenu à s'entendre. — Mais d'une part ce n'est pas sans un grand étonnement que dans cette dernière communication

de m. de Kolitscheff, si on voit quelque rapprochement des propositions de la République, on retrouve aussi un article 5 absolument neuf et si évidemment proposé pour l'avantage de l'Angleterre qu'il aurait l'air d'avoir été dicté par mylord St. Hélens, de sorte qu'il y aurait lieu encore à de longues discussions pour repousser cette clause entièrement inadmissible, si d'autre part m. de Kolitscheff ne se montrait encore en impossibilité de faire autre chose que d'accueillir et de transmettre à sa cour les observations, les réponses du gouvernement français.—C'est une singulière négociation que celle, où l'un des plénipotentiaires ne parait pas pouvoir prendre sur lui la rédaction d'un article, le changement d'un mot; et lorsque ce plénipotentiaire est à 600 lieues de sa cour, quel terme peut-on entrevoir aux affaires dont il est chargé? — Le premier consul a maintenant toutes les circonstances et les pièces de cette négociation sous les yeux, c'est à lui de juger ce qu'il convient de faire.

97.

Колычевъ писалъ императору по поводу Англіи и Египта 27 апрѣля (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 89), а 4 мая выразился такъ, по поводу присоединенія Піемонта: „Безпрестанно новыя сего рода насилія и нарушенія священнѣйшихъ обязательствъ со стороны Франціи заставляютъ съ горестью предвидѣть уничтоженіе спасительнѣйшихъ видовъ державъ благонамѣренныхъ и цѣпь новыхъ бѣдствій для человѣчества". Бонапартъ прочитъ брата, Іосифа, себѣ въ преемники, если „Франція лишится его природною его смертью или убивствомъ, коего онъ самъ избѣгнуть не надѣется". — Колычевъ писалъ Панину 22 мая (*тамъ же*, 158): „Во Франціи правленія опаснѣе настоящаго быть не можетъ, ибо Бонапартъ, имѣя въ самомъ себѣ гораздо болѣе способовъ къ ея увеличенію, нежели Директорія или какая-либо другая власть, столь же, какъ оная, непостояненъ въ планахъ, вѣроломенъ въ обязательствахъ и гораздо неограниченнѣе въ гордыхъ своихъ видахъ". — *Колычевъ Панину* о Лагарпѣ, 24 мая (*тамъ же*, 161).

98.

При донесеніи Колычева Александру I отъ 13 апрѣля (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 82) приложены мирныя условія Порты, а при депешѣ Панину (*тамъ же*, 163) — два письма Талейрана въ Порту, отъ 23 флореаля и 10 преріаля, объ его сближеніи съ Россіей.—При донесеніи императору, отъ 6 іюня (*тамъ же*, 87), о возобновленіи переговоровъ съ Англіей Колычевъ приложилъ условія Бонапарта. — При донесеніи отъ 27 апрѣля (*тамъ же*, 92) приложена переписка Марсана съ Талейраномъ, а при депешѣ Панину въ концѣ мая (*тамъ же*, 163) — нота Марсана о положеніи Піемонта. — При другой депешѣ (175) приложены: ноты Марсана Колычеву (отъ 26 іюня) и Талейрану (28 іюня), а также списокъ слѣдующей ноты Колычева Талейрану, подлинникъ которой хранится въ парижскомъ архивѣ (Russie, 140, 190). — NOTE DE KOLITSCHEFF A TALLEYRAND. *Paris, 27 juin 1801.* Le soussigné ayant été informé que m. de St. Marsan, plénipotentiaire de s. m. sarde, s'étant rendu chez le ministre de la police générale sur son invitation, il lui avait été signifié de la part du premier consul de quitter Paris dans le courant de la décade. Le ministre de la police générale a motivé cette résolution sur la rupture de la négociation entre le ministre des relations extérieures et le dit plénipotentiaire, et que m. de St. Marsan ne se trouvant plus accrédité n'avait plus d'autorisation pour rester à Paris.—Le soussigné s'empresse de déclarer au citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, que s. m. sarde s'étant décidée à envoyer à Paris m. de St. Marsan sur l'invitation de s. m. l'empereur, sa mission avait le double but de traiter de la paix avec le gouvernement français et de concourrir avec le soussigné aux arrangements qui pourraient être pris pour la pacification générale. — Quoique sous le premier point de vue sa mission n'ait point encore produit l'heureux effet que l'on en

attendait, le second but cependant paraît rendre sa présence nécessaire à Paris, et le soussigné se verrait à regret forcé d'informer sa cour, que malgré ses démarches le premier consul a cru nécessaire d'éloigner m. de St. Marsan.—L'intérêt que s. m. l'empereur prend à tout ce qui regarde s. m. sarde est trop connu, pour que le soussigné aye besoin d'exprimer la peine que son auguste maître éprouvera en apprenant le renvoi de m. de St. Marsan. — Le soussigné confiant dans la justice du premier consul et dans son désir d'employer tous les moyens pour terminer au plutôt la négociation entamée avec la Russie, espère qu'il ne persistera pas dans cette résolution. En conséquence il prie le citoyen Talleyrand, ministre des relations extérieures, de vouloir bien donner à sa demande une carte de sûreté à m. de St. Marsan, pour qu'il puisse rester à Paris. — Отвѣтомъ на эту бумагу была слѣдующая нота 3 іюля (*Paris*, Russie, 140, 200). — NOTE DE TALLEYRAND A KOLITSCHEFF. *Paris, 14 messidor an IX*. Le soussigné a reçu la note en date du 27 juin que m. de Kolitscheff lui a fait l'honneur de lui adresser et par laquelle il lui demandait que m. de St. Marsan fut autorisé à prolonger son séjour à Paris. — Le soussigné ne doute pas que m. de St. Marsan ne se soit empressé de communiquer à m. de Kolitscheff la lettre qui lui a été écrite le 12 messidor, et il se persuade qu'elle aura suffi pour établir aux yeux de m. de Kolitscheff l'inutilité d'un plus long séjour de m. de St. Marsan à Paris, et la convenance qu'il y a pour lui-même à se rendre sans délai auprès de s. m. le roi de Sardaigne, à l'effet d'y recevoir les instructions et les pouvoirs indispensables au succès de la négociation dont il se disait chargé. — *Колычевъ Панину* 3 и 9 іюля (*Pétersbourg*. Paris, 178, 179).

99.

Непріязненныя отношенія Россіи къ Пруссіи, начиная съ воцаренія Павла I (стр. VI; примѣч. 60, 78), которыя поддерживались всеобщимъ недовѣріемъ къ Берлину и укрѣпили наше желаніе сохранить statu quo въ Германіи на основахъ Тешенскаго договора, выясняются, благодаря новымъ даннымъ изъ переписки нашихъ дипломатовъ. Ихъ разсѣяно множество на страницахъ *Архива Воронцова*, *Русской Старины* и *Русскаго Архива*. Интриги Пруссіи въ Петербургѣ съ 1797 г., а также связанныя съ ними неудачи Дитрихштейна, несмотря на его бракъ съ Шуваловой, устроенный самимъ Павломъ, обнаруживаются въ письмахъ Бутурлина и Роджерсона къ Воронцовымъ (*Архивъ Воронцова*, XXX, 105; XXXII, 262). Сознаніе Павломъ I необходимости равновѣсія въ Германіи выражалось не разъ, и даже въ такихъ торжественныхъ актахъ, какъ союзный договоръ съ Баваріей 12 іюня 1799 (*Мартенсъ*: Собраніе трактатовъ, VI, 246—249). Послѣдній былъ заключенъ вскорѣ послѣ ссоры съ курфюрстомъ за то, что онъ уничтожилъ въ своихъ земляхъ „la langue anglo-bavaroise" мальтійскаго Ордена. Въ немъ царь обезпечивалъ владѣнія Баваріи, какъ было „à l'époque de la paix de Teschen", ибо онъ „avait à coeur que la constitution germanique soit maintenue". Лишь обстоятельства (миръ въ Кампо-Форміо) заставили Павла I согласиться въ принципѣ на индемнизацію; но и тутъ онъ надѣялся, что какимъ-то образомъ конституція Германской имперіи будетъ удержана. Въ то же время отвращеніе къ Берлину проглядывало у него даже во время его фантастическаго замысла устроить тройственный союзъ съ Австріей и Пруссіей противъ революціи (стр. X). Въ инструкціи Репнину 27 апрѣля 1797 повелѣвалось „искать всѣ способы къ сохраненію Австріи"; а въ августѣ 1798 г. Павелъ I собирался послать корпусъ „destiné à en imposer à la perfide Prusse". Кочубей съ трудомъ удержалъ его отъ войны съ Пруссіей „не на животъ, а на смерть" (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 157, 163, 205). Грозное для Пруссіи значеніе корпуса Нумсена (примѣч. 28) ясно изъ рескрипта Панину 10 мая 1799 (*Архивъ Воронцова*, XI, 280). Тогда даже Панинъ, не говоря уже о Ростопчинѣ (стр. XIV), злился на Берлинъ: „система здѣшняя, доносилъ онъ,—всѣ стороны обманывать". А когда, въ концѣ 1799, пришлось опять заговорить съ Пруссіей, вслѣдствіе нашей ссоры съ Австріей, Павелъ презрительно предлагалъ королю „добычу его алчности", чтобы „льстить этой господствующей

въ берлинскомъ дворѣ страсти" (*Мартенсъ:* Собраніе трактатовъ, VI, 251, 258, 265). Такъ же смотрѣлъ на Пруссію Александръ I и его сотрудники всѣхъ партій. Съ особенною силой и точностью выразился этотъ взглядъ въ замѣчательномъ для характеристики Пруссіи письмѣ С. Воронцова брату, въ 1802 (*Архивъ Воронцова*, X, 185—199), который пробылъ, возвратясь изъ Россіи, 13 дней въ Берлинѣ и Потсдамѣ и многое вывѣдалъ у Лузи. Здѣсь мрачными красками обрисованы Фридрихъ-Вильгельмъ III, его супруга, дворъ, Гаугвицъ, Ломбардъ. Общій приговоръ таковъ: „Dans ce pays-là tout cède au système d'agrandissement et de rapine; il n'est plus question alors de regarder à la décence, à la dignité, à la justice!.. La partie politique est tout-à-fait gangrénée". Олицетвореніемъ этого государства былъ Гаугвицъ, который аттестуется такъ: „la fausseté en toutes choses est devenue chez lui habituelle et caractéristique; il a été menteur dès son enfance et menteur incorrigible; ce ministre si immorale est grandement soupçonné de s'être vendu à la France". Въ отдѣлѣ *Mémoires* парижскаго архива (v. 35, № 50) сохранилась весьма любопытная записка 1802, на 12 страницахъ, за подписью „P. Gallet". Она озаглавлена такъ: *„Note sur le sentiment de la nation russe et de son cabinet à l'égard des français et de leur gouvernement et coup d'oeil sur l'adresse de ce cabinet et de ses agents. 1802.* Здѣсь воздается похвала русскимъ за ихъ ловкость въ дипломатіи: они провели самого Фридриха II! Авторъ доказываетъ, что русскіе, по своей природѣ и воспитанію, любятъ французовъ, но не терпятъ ихъ правительства: послѣднее всегда стремилось задушить Россію; оно устроило пугачевщину; оно поддерживаетъ Польшу и Турцію. Русское же правительство „voit d'un oeil soupçonneux nos rapports avec la *Prusse* qu'il redoute, puisqu'il regarde cette puissance comme un grand obstacle à ses desseins sur la Turquie. Il craint que la Prusse n'attaque la Livonie et ne s'en empare s'il dégarnit sa partie septentrionale; et en effet la politique du gouvernement prussien doit être telle".

100.

Люкезини Фридриху-Вильгельму III, 24 апрѣля (Bailleu, № 31).— *Колычевъ Александру I* уже 24 апрѣля (*Pétersb.* Paris, 1801, 87) о переговорахъ Бонапарта съ Австріей. — *Донесенія Кобенцля* изъ Парижа отъ 8—22 мая (Wertheimer). Въ донесеніи отъ 19 мая приведены слова Іосифа насчетъ Баваріи: „dès que vous serez' d'accord avec lui (Баварія), si la Prusse, si la Russie veulent s'y opposer, nous feront certainement cause commune avec vous contre ces deux puissances".—*Beer:* Zur Geschichte der öster. Politik.—*Vivenot:* Thugut und sein politisches System.— *Францъ II Л. Кобенцлю*, 15 мая (Fournier). — Въ нашемъ архивѣ (Paris, 1801, 49) находятся: списокъ ноты Гаугвица Крюденеру 2 марта и ноты Лекока Панину 7 и 13 апрѣля объ ускореніи отвѣта, ибо его королю необходимо занять епископства Вюрцбургъ и Бамбергъ. — *Мартенсъ:* Собраніе трактатовъ, VI, 296.—*Talleyrand à Beurnonville* 2 мая и *Beurnonville à Talleyrand* 24 мая (Bailleu, № 33, 34).—*Люкезини королю*, 25 мая (Bailleu, № 35) о томъ, какъ въ его присутствіи, Бонапартъ громко сказалъ датскому посланнику: „ne perdez pas courage, car si les prussiens vous abandonnent, j'ai tout lieu d'espérer que l'empereur de Russie pensera et agira tout différemment". — Колычевъ справедливо доносилъ (№ 74), что Бонапартъ собирается даже выгнать Люкезини изъ Парижа. Въ донесеніи Дюрока Талейрану изъ Берлина, 10 мая, сказано: „Dans l'entretien que j'ai eu avec m. d'Haugwitz, je ne lui ai pas laissé ignorer que le premier consul voyait avec beaucoup de déplaisir que m. de Lucchesini philosophait beaucoup à Paris et ne voyait que nos idéologues, que le gouvernement ne voulant pas avoir des propagandistes chez les autres, ne voulait pas non plus en souffrir chez lui". Тутъ же Дюрокъ замѣтилъ, что на маневрахъ пруссаки работаютъ чище и быстрѣе французовъ и что не мѣшало бы прислать въ Берлинъ офицера „способнаго научиться".

101.

Въ нашемъ архивѣ сохранился любопытный намекъ на указанные нами (стр. LII) секреты царя отъ своихъ министровъ. 30 іюня (12 іюля), по болѣзни Панина, докладывалъ государю статсъ-секретарь Энгель. Онъ тотчасъ прислалъ Никитѣ Петровичу слѣдующую записочку (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 117): „*Тайно*. При прочтеніи подносимыхъ мною присемъ в. с-ву секретныхъ бумагъ, государь соизволилъ мнѣ повелѣть, чтобъ № 5, который я для лучшей еще вѣрности замѣтилъ, не былъ доведенъ до свѣдѣнія е. с-ва вице-канцлера. Привыкши не таить ничего отъ васъ, я рѣшился в. с-ву обнаружить сіе обстоятельство, покорнѣйше только прося князю Александру Борисовичу, вслучаѣ вопроса о сей бумагѣ, объявить, что оная оставлена государемъ у себя, чтó я и е. и. в-ву предложилъ средствомъ къ удобнѣйшему воли высочайшей исполненію".

102.

Куракинъ Моркову, въ декабрѣ (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 238), о томъ, что императоръ требуетъ возвратить Зубову рескрипты Екатерины II, находившіеся подъ его вѣдѣніемъ. — Неприготовленность Россіи къ войнѣ съ Англіей, напоминающая ея печальное состояніе по смерти Екатерины II, сознанное самимъ Павломъ I и его приближенными (см. нашу статью въ *Вѣстникѣ Европы*, въ іюнѣ 1885, и переписку Кочубея съ С. Воронцовымъ въ 1798 г., въ Архивѣ Воронцова, XVIII, 142—146, 157), обрисовывается любопытной перепиской анонима съ Чернышевымъ и Чичаговымъ (*Pétersbourg*. Intérieur, 1801, 21, 22). Онъ писалъ первому изъ нихъ, 22 апрѣля, что императоръ послалъ его письмо отъ 17-го насчетъ „notions affligeantes" о нашей оборонѣ въ Кронштадтѣ и призоветъ его къ себѣ лично, но покуда оставляетъ его „environné de tant d'entraves", чтобы помочь горю; впрочемъ государь надѣялся, что дѣло не дойдетъ до войны, и что „les anglais ne seront pas témoins de la désorganisation de notre marine". Чичагову анонимъ писалъ, чтобы онъ не покидалъ своего поста, чтó было бы на руку его врагамъ. Онъ прибавлялъ, что государь „qui aime avec passion la vérité et la justice" желаетъ имѣть объясненіе его словъ: „еслибы императоръ зналъ, что въ Кронштадтѣ не готовы и долго не будутъ готовы принять врага, то онъ никогда не простилъ бы le sacrifice de tant de victimes innocentes qu'on veut lui faire faire, en trompant sa confiance". Тамъ же списокъ декларацiи Чичагова Нельсону, 8 мая, о готовности Россіи мириться. Печальное состояніе Кронштадта рисуется хорошо еще въ письмѣ *Роджерсона С. Воронцову* отъ 28 іюля (Архивъ Воронцова, XXX, 159—160). Оно было доказано наглядно царю Чичаговымъ, какъ свидѣтельствуетъ замѣчательное письмо этого министра С. Воронцову отъ 17 августа (*тамъ же*, XIX, 47—49). — О „худомъ" состояніи флота говорится и въ запискѣ А. Воронцова (*тамъ же*, XXIX, 467). — Подлинныя инструкціи Александра Панину, 2 и 13 іюня, относительно переговоровъ съ Англіей (*Pétersb*. Ministère, 1801, 3, 4). — Конвенція 17 іюня см. *Martens*, VII, 260; *Hertslet*, I, 218. Изъ „конференціальныхъ записокъ" (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 71) видно, что за конвенцію 17 іюня король прислалъ Куракину и Кочубею по табакеркѣ со своими портретами да 500 фунт. стерл. „для двухъ нашихъ канцелярій".—Вскорѣ противники Англіи убѣдили Александра I въ „пристрастности" конвенціи 17 іюня, и онъ сталъ обвинять Панина въ недостаточномъ огражденіи интересовъ „нейтральныхъ". Панинъ подалъ царю любопытную оправдательную записку и просилъ защиты С. Воронцова противъ „шаткости убѣжденій", противъ этихъ „несчастныхъ предразсудковъ", виной которыхъ былъ все этотъ „злодѣй" Лагарпъ (записка и письмо Панина Воронцову 16/28 іюля помѣщены въ *Архивѣ Воронцова*, XI, 139—145). Но вскорѣ ему пришлось оправдываться предъ Воронцовымъ, который обвинялъ его, напротивъ, въ пристрастіи къ вооруженному нейтралитету и даже въ передачѣ Гаугвицу тайнъ нашего двора, хотя Панинъ надѣлялъ прусскаго министра такими же эпитетами, какъ и французовъ (*тамъ же*, 27, 28, 153,

195, 346). — Новое письмо Массона было вызвано самимъ Талейраномъ: *Talleyrand à Masson*, 23 floréal an IX (*Paris*, 140, 162). — Дюроковская характеристика Павла I (№ 77) дополняется его же депешей Талейрану изъ Стокгольма, отъ 3 vendemiaire an X (*Paris*, 141, 1), гдѣ сказано: „Non seulement Paul I ne permettait pas l'entrée des livres étrangers, il ne voulait pas non plus que l'on fit paraître aucun ouvrage, et sous son règne les savants russes ne se sont pas occupés à augmenter les lumières qui commençaient à percer dans ce vaste empire. Il y a à St.-Pétersbourg une académie des sciences et arts qui non seulement n'a pas fait paraître la collection de ses mémoires, mais qui même n'a plus continué à faire imprimer différents almanachs comme par le passé". — Депеша *Локателли* въ Вѣну, 8 іюля (Wertheimer), указываетъ на участіе императрицы-матери въ низверженіи Палена, котораго этотъ агентъ описывалъ 1 іюля, такъ: „c'est un homme d'esprit, aimable, d'un abord facile, insinuant, mais qui possède une finesse très superlative et la plus profonde dissimulation". — Собственное мнѣніе Бонапарта о миссіи Дюрока находится въ его „Oeuvres" (*Correspondance*, XXX, 487—488).

103.

Взглядъ Дюрока на русско-англійскія отношенія выразился въ слѣдующей депешѣ, сохранившейся въ подлинникѣ (*Paris*, 140, 180). — DUROC A TALLEYRAND. *St.-Pétersbourg, 16 prairial an IX, 5 juin*). Le départ de m. de Morkoff paraît être différé, je pense que l'on attend, pour le faire partir, ou la réponse que vous aurez faite aux dernières propositions de m. de Kolitscheff, ou les premières ouvertures de lord St. Hélens. — Les premières conférences ont déjà eu lieu, on pense qu'elles n'ont rien produit et que le cabinet de St.-Pétersbourg est dans la ferme résolution d'obtenir satisfaction et réparation. Les premières avances ont été cependant trop promptes et trop marquées de sa part pour pouvoir rabaisser les prétentions des anglais. On ne peut le faire que par la force.—Les flottes anglaises dans ces mers se montent à 60 ou 70 bâtiments dont 25 vaisseaux de ligne. La Russie, la Suède, le Danemarck peuvent réunir 50 vaisseaux de ligne et couvrir la Baltique de bâtiments légers. Carlscrone, Revel et Kronstadt sont inexpugnables. Ce n'est donc pas le danger qui peut les déterminer à céder ou à s'arranger, tandis que les anglais sont encore dans la Baltique. Le roi de Suède leur a rouvert tous ses ports. — Je me suis rencontré avec mylord St. Hélens lorsque j'ai été présenté à l'impératrice et à la famille impériale. Quelqu'un lui demandait ce qu'il pensait des français qu'il avait vus (en parlant de moi et de l'officier de la garde qui m'accompagne), il répondit: „Je suis fort content de leur tournure, ceux-ci ont l'air militaire et n'ont pas de hauteur comme ceux d'autrefois"... On ne peut pas concevoir les idées singulières que l'on s'est formées ici sur la France. Les personnes même les plus instruites et les plus raisonnables croyent aux absurdités que les émigrés ou d'autres ennemis ont répandues sur notre compte.—*Duroc à Talleyrand*, 2 juillet, 7 août (*Paris*, 140, 198, 215).

104.

Новый русскій проектъ тайной конвенціи, отъ 2 іюля, находится, въ подлинникѣ, въ нашемъ архивѣ (Paris, 1801, 37) Въ немъ такъ много существенныхъ измѣненій сравнительно и съ проектомъ 27 апрѣля, и съ контръ-проектомъ Талейрана, что считаемъ необходимымъ напечатать его цѣликомъ. — NOUVEAU PROJET D'ARTICLES SECRETS. *Approuvé le 20 juin 1801. Article 1.* Les deux parties contractantes considérant que, lors de la paix de Teschen, l'accord qui a règné entre la Russie et la France a été du plus grand avantage pour les deux gouvernements et a amené la paix définitive, considérant d'ailleurs l'identité de leurs intérêts dans les affaires de l'Empire et désirant apporter le moin d'altération possible aux bases de la constitution germanique, s'engagent réciproquement à agir d'un commun accord relativement aux principes à suivre

pour les indemnités, à se communiquer leurs vues et à former un concert parfait entre elles pour amener les parties intéressées à l'adoption de leurs plans qui auront pour principe invariable le maintien d'un juste équilibre entre les maisons d'Autriche et de Brandebourg. — *Art. 2.* S. m. i. de toutes les Russies et le premier consul de la république française établiront un concert intime et se communiqueront leurs vues respectives pour terminer à l'amiable les affaires ultérieures de l'Italie et celles du Saint Siège sous le rapport politique. — *Art. 3.* Le premier consul de la république française s'engage *à ouvrir dès à présent une négociation à Constantinople pour le rétablissement* de la paix définitive avec la sublime Porte ottomane, sous la médiation de s. m. l'empereur de toutes les Russies. Противъ этого мѣста на полѣ замѣтка: „Au lieu des mots soulignés le plénipotentiaire de s. m. i. proposera la rédaction suivante: s'engage à négocier le rétablissement de la paix etc. sous la médiation etc. Mais dans le cas où ce changement rencontrerait une opposition soutenue, il pourra laisser l'article tel qu'il est". Но уже 4 іюля Панинъ писалъ Колычеву (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 52), что можно оставить эту статью въ первоначальномъ видѣ.—*Art. 4. A.* La république française s'engage de maintenir, d'après les bases du traité de paix du 28 mars 1801 (7 germinal dernier) l'intégrité des états de s. m. le roi des Deux Siciles, ami et allié de s. m. l'empereur de toutes les Russies. Les troupes françaises qui occupent le pays de Bari et d'Otrante et celles qui pourraient être amenées dans les états de s. m. Sicilienne pour relever les dites troupes n'y demeureront que jusqu'à ce que le sort des armes ait décidé si l'armée française se maintiendra en Egypte. — *Art. 4. B.* Les troupes françaises qui se trouvent dans les états de s. m. Sicilienne n'y prolongeront pas leur séjour, aussitôt que la Porte ottomane rentrerait en possession de l'Egypte, et le premier consul de la république française s'engage de ne pas porter ces troupes au delà du nombre stipulé par le traité de Florence.-- *Art. 4. C.* En conséquence les troupes évacueront le territoire Napolitain dans le plus court délai possible sans qu'il puisse être prolongé sous aucune prétexte, après que le sort de l'Egypte sera décidé. — *Art. 5.* Il est convenu entre les parties contractantes que le royaume de Naples sera considéré comme puissance neûtre et jouira de tous les bénéfices de la neutralité, après que le sort de l'Egypte sera décidé. En conséquence le premier consul s'engage de ne point exiger alors de s. m. Sicilienne l'accomplissement de l'article III du traité de paix du 28 mars 1801 (7 germinal dernier), et s. m. l'empereur de toutes les Russies s'engage d'employer ses bons offices auprès de la Grande Bretagne et de la Porte ottomane pour leur faire reconnaître la neutralité du royaume de Naples. — *Art. 6.* Il est convenu entre les deux puissances de rétablir s. m. le roi de Sardaigne dans ses états à la pacification générale. — *Art. 7.* La république française s'engage à unir ses soins à ceux de s. m. i. de toutes les Russies pour procurer à s. alt. le duc de Wurtemberg une indemnité en Allemagne, proportionnée à ses pertes et conforme à la justice. — *Art. 8.* La dite république prend le même engagement en faveur de s. a. l'électeur de Bavière et lui garantit, de concert avec s. m. l'empereur de Russie, l'intégrité de ses états non cédées à la France par l'Empire; mais dans le cas où les parties contractantes se décideraient d'un commun accord à faire entrer une partie de la Bavière dans la masse des indemnités et que l'électeur dût faire quelque sacrifice, il est convenu que ce prince sera dédommagé par un équivalent à sa convenance et d'après les règles de la plus stricte justice. — *Art. 9.* Les deux parties contractantes reconnaissent et garantissent l'indépendance et la constitution de la république des Sept-Iles-Unies, ci-devant vénitiennes, et il est convenu qu'il n'y aura plus dans ces îls de troupes étrangères. — *Art. 10.* S. m. l'empereur de toutes les Russies s'engage à employer ses bons offices pour faire rendre les prisonniers détenus à Constantinople et dans les autres parties de l'Empire Ottoman. — *Art. 11.* Aussitôt après la signature du traité de paix et des présents articles sécrets, les deux parties contractantes s'occuperont des moyens de consolider la paix générale sur les bases susmentionnées, de rétablir un juste équilibre dans les différentes parties du monde et d'assurer la liberté des mers, se promettant d'agir de concert dans toutes les mesures de conciliation ou de vigueur convenues entre elles, pour le bien de l'humanité, le repos général et l'indépendance des gouvernements.

105.

Колычевъ доносилъ *Александру I*, въ началѣ іюня (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 103), что на конференціи Талейранъ сдѣлалъ уступку относительно явной 6-й статьи своего послѣдняго контръ-проекта. — *Выписка Колычева изъ рескрипта 22 іюня* хранится въ Парижѣ (140, 185).—*Nouveau projet d'articles secrets* (*Paris*, 140, 224), поданный Талейрану, есть списокъ съ проекта 2 іюля (прим. 100), но съ прибавленіемъ слѣдующей 12-й статьи: „Les présents articles secrets du traité de paix et d'amitié seront ratifiés séparément et les ratifications échangées dans l'espace de 50 jours ou plutôt si faire se peut". На поляхъ находятся слѣдующія замѣчанія Колычева. *Къ статьѣ 2-й:* „Cet article a été proposé et se trouve dans le contre-projet remis par le citoyen Talleyrand, et ne devrait souffrir aucune difficulté puisqu'il avait été convenu précédemment". — *Къ ст. 3-й:* „Le lieu, où se négociera la paix avec la sublime Porte n'étant point une clause essentielle, et le but que se propose s. m. l'empereur pouvant être atteint à Paris aussi bien qu'à Constantinople, il n'y a pas d'inconvenient au changement proposé par le citoyen Talleyrand". — *Въ ст. 4. А* конецъ измѣненъ такъ: „jusqu'à ce que le sort de l'Egypte soit décidé".— *Къ ст. 5-й:* „Cet article étant juste n'est qu'une faible compensation des pertes que le royaume de Naples éprouve, s. m. l'empereur verra dans l'acceptation de cet article une preuve du désir du premier consul d'avoir égard à son intervention et de resserrer par là le concert qui doit s'établir entre les deux états".— *Къ ст. 6-й:* „Les ordres de s. m. l'empereur ne permettent pas de faire des changements à cet article".

106.

Вообще у Талейрана было много хлопотъ съ Колычевымъ: въ парижскомъ архивѣ (Vol. 140) сохранилось много его черновыхъ, то въ видѣ цѣлыхъ статей, то въ видѣ начала и отдѣльныхъ фразъ. Передъ нотой 9 августа, онъ далъ Колычеву другую ноту (*Paris*, 140, 227), гдѣ ясно и кратко опредѣлены интересы Франціи въ Италіи. Вотъ она. NOTE DE TALLEYRAND A KOLITSCHEFF. *Thermidor an IX.* Le soussigné ayant déjà discuté dans les dernières conférences les articles présentés par m. de Kolitscheff croit devoir encore résumer ici les observations qu'il à déjà eu l'honneur de lui faire. — 1) Sur l'article 2. On ne comprend pas pourquoi la France et la Russie „aurait" à s'entendre ultérieurement sur les affaires d'Italie et sur celles du St. Siège en particulier, lorsque des traités récents, publics et réciproquement obligatoires, ont fixé le sort de la presque totalité des états d'Italie, lors surtout que les rapports politiques avec le St. Siége se trouvent déterminés par le traité de Tolentino qui est en pleine vigueur. — 2) On s'est d'autant plus étonné de la proposition faite par l'article 5 que cette clause est absolument nouvelle et qu'il est impossible de ne pas reconnaître que la neutralité proposée pour le royaume de Naples ne serait réellement qu'un moyen de livrer de nouveau ce pays à l'influence exclusive des anglais; car une fois admis dans les ports de Naples et de Sicile, les anglais y règneraient comme par le passé, et cette prétendue neutralité ne serait en résultat qu'une source de faveurs pour l'Angleterre, de détriment pour la République. Il ne se peut que l'intention de s. m. i. de Russie soit de servir ainsi les intérêts de la Grande-Bretagne par une clause qui compromettrait ceux de la France, et le soussigné doit déclarer formellement que jamais le premier consul ne consentira à une pareille clause. — 3) De même pour ce qui regarde le roi de Sardaigne le soussigné a fait connaître et le premier consul a lui-même témoigné, dans plusieurs entretiens très particuliers, que le gouvernement français était parfaitement disposé à rétablir ce prince, mais que devant le regarder comme un allié de l'Angleterre, puisque s'était avec l'or de ce pays qu'il avait fait la guerre, il était naturel que son arrangement définitif entrât dans la négociation avec le gouvernement britannique, et qu'il n'y avait pas lieu à ce que le gouvernement français prit, avant cette époque et avec aucune puis-

sance, aucun engagement qui le liât, d'autant plus que la politique franche du premier consul ne lui permet pas de contracter aucun engagement qu'il n'ait la ferme volonté de remplir, de même qu'elle lui interdit absolument de rendre jamais publiques des conventions destinées de leur nature à demeurer dans le plus grand secret.

107.

Ходъ новыхъ переговоровъ ясно рисуется въ донесеніи *Кочубея Александру I*, 9 августа (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 115) и въ *третьемъ докладѣ Талейрана*, въ половинѣ августа (*Paris*, 140, 256). Приводимъ вполнѣ первый изъ этихъ документовъ. — KOLITSCHEFF A L'EMPEREUR. *9 août.* Les ordres de v. m. i. en date du 22 juin (4 juillet) m'étaient parvenus la veille du jour, où l'on attendait le ministre des relations extérieures; pour ne pas perdre de temps, j'avais fait informer le premier consul par l'organe de Caillard qu'il vous avait plu, sire, de me faire connaître vos hautes volontés relativement à la négociation confiée à mes soins. Le lendemain, malgré le retour de Talleyrand, Caillard m'informa qu'il était chargé de traiter avec moi. Ce changement subit de plénipotentiaire ne laissa pas que de me paraître étrange, mais je m'aperçu bientôt qu'il tenait à des causes personnelles à Talleyrand et peut-être même à ses relations avec le premier consul. Cette résolution ne dura pas et le ministre des relations extérieures continue de nouveau à traiter avec moi. Tous les deux m'annoncèrent que le premier consul désirait terminer l'oeuvre le plus promptement possible. — Je me suis rendu chez Talleyrand pour lui communiquer les deux projets. Les articles du traité patent furent adoptés sans la moindre objection et il ne fut plus question des républiques cisalpine, helvétique et ligurienne. — Quant aux articles secrets Talleyrand fit plusieurs objections. Il demanda que la négociation avec la Porte Ottomane sous la médiation de v. m. i. eut lieu à Paris, où l'ambassadeur turc se trouvait muni de pleinspouvoirs.—Le nouvel article relatif à la neutralité du royaume des Deux-Siciles, qui est le 5-me du projet, a frappé particulièrement le plénipotentiaire français, il s'est fortement récrié contre, le trouvant trop favorable à l'Angleterre.— Mais l'opposition la plus marquée s'est fait sentir à l'article 6; le gouvernement français voulant se réserver le plus de gages pour sa paix avec l'Angleterre, veut laisser le sort du roi de Sardaigne indécis jusqu'à la pacification générale, et Talleyrand a rappellé son ancienne rédaction.—Tels sont les points sur lesquels je n'ai pu encore m'accorder avec le plénipotentiaire français. Talleyrand cherche toujours à separer la paix avec la Russie des bases de la pacification générale. Il m'a remis la note ci-annexée qui exprime l'opinion du gouvernement français, ainsi que le systême qu'il a adopté; ayant pu me relacher sur le lieu, où la négociation avec la sublime Porte devait avoir lieu, il n'y a plus eu de différence que sur les articles 5 et 6.— La convention signée avec lord St. Hélens occupe fortement le gouvernement français et entrave la négociation, soit que l'on craigne ici que v. m. i. n'entre dans les vues du cabinet de St. James ou que l'on ne veuille point sérieusement la paix générale. J'ai cru devoir répondre à la note du gouvernement français par l'office ci-annexé: n'ayant point eu l'occasion de voir depuis le plénipotentiaire français j'ignore le parti que le premier consul aura jugé à propos de prendre et n'ai pas cru devoir attendre d'avantage pour expédier mon courrier, la note du gouvernement français me paraissant trop importante pour ne pas être portée incontinent à la connaissance de v. m. i.—Si le systême du gouvernement français s'écarte de vos vues en tout ce qui regarde le sort de l'Italie, il me paraît en revanche, dans tout ce qui concerne l'Empire Germanique, qu'il a l'intention d'agir entièrement dans le sens de votre ministre et il me paraît persuadé que ses intérêts en Allemagne coincident avec ceux de la Russie. Il a repris ses négociations avec m. de Cetto, d'après les dispositions de l'article 7 pour les indemnités à accorder à l'électeur de Bavière dans le cas, où une portion de ses états feraient partie du dédommagement à donner au grand-duc de Toscane.—Talleyrand a annoncé au baron de Seckendorff qu'il était prêt à continuer et à terminer la négociation entamée avec m. le baron

de Normann pour le duc de Wurtemberg. On offre toujours à la Prusse de se dédommager en Hannovre. Je ne puis affirmer que ce soit la véritable intention du gouvernement français et je crois d'autant plus que ce n'est qu'un moyen de tenir les affaires en suspend, que le comte de Cobenzl paraît toujours se flatter que la cour de Berlin n'aurait en indemnité que Hildesheim ou Paderborn.— Ce plénipotentiaire autrichien m'a dit que sa cour désirait toujours, malgré la mort de l'électeur de Cologne dont on a reçu aujourd'hui la nouvelle, conserver en Empire les 3 électorats ecclésiastiques, en donnant l'évêché de Fulde à l'électeur de Mayence, l'éveché de Wurtzbourg à l'électeur de Trèves, et former le 3-me électorat de l'évêché de Munster. — D'après les vues de sa cour, les évêchés de Bamberg et d'Augsbourg et Elvangen formeraient l'indemnité de la Bavière dans le cas, où le grand-duc de Toscane aurait jusqu'à l'Inn.—Le gouvernement français ne s'est point encore prononcé sur ces points; il me paraît que les articles secrets du traité de Luneville se reduisent à ceux dont j'ai déjà été à même d'informer v. m. i. et qui fixent de préférence pour l'indemnité du grand-duc de Toscane Saltzbourg, Passau et Berchtesgaden: du reste il me paraît qu'il n'a rien été stipulé de plus, ni pour le sort de l'Allemagne, ni pour celui de l'Italie.— Le marquis de Lucchesini continue à me dire que sa cour déclinait toujours la proposition faite par la France de s'indemniser sur le Hannovre; qu'outre les difficultés qu'elle y entrevoyait, il lui serait impossible d'y acquiescer sans le consentement de l'Angleterre; qu'il valait infiniment mieux laisser tout ce qui regarde l'électorat de Hannovre jusqu'à la paix entre la France et l'Angleterre; et que dans ce moment il fallait assigner à sa cour d'autres indemnités pour qu'elle put conclure son traité de cession, pour le pays de Clèves, et s'occuper également de l'indemnisation des landgraves de Hesse-Cassel, de Hesse-Darmstadt, du prince d'Orange, et déterminer le lot de la maison de Bade. — La négociation avec la Prusse sur tous ces objets, étant à Berlin, le marquis de Lucchesini, peut s'expliquer d'une manière vague sans rien dire de positif. — Le ministre des relations extérieures m'a annoncé l'envoi d'un courrier au général Duroc pour lui porter l'ordre d'expliquer les motifs qui ont engagé le gouvernement français à ne point acquiescer au projet que j'avais eu ordre de proposer. — Въ докладѣ Талейрана сказано объ его нотѣ отъ 3 августа: „Dans cette note le ministre déclarait qu'il était toujours prêt à signer le traité portant le rétablissement de la paix et de la bonne amitié entre la France et la Russie sur les termes qui avaient été précédemment convenus; mais quant à la convention secrète, il rappellait qu'à l'époque, où elle avait été d'abord proposée, il s'agissait d'une alliance intime entre la république et l'empereur Paul I, et n'étant plus fondé à croire que l'empereur Alexandre fut animé de dispositions parfaitement pareilles, on était moins porté à se lier par des clauses qui, génantes pour la république, se trouveraient d'ailleurs sans aucune réciprocité de la part de la Russie".

108.

TALLEYRAND A DUROC. *29 thermidor an IX* (*Paris*, 140, 220). Je profite du courrier que m. de Kolitscheff expédie à sa cour pour vous envoyer copie de la dernière note que j'ai reçue de lui, et à laquelle je n'ai répondu que verbalement, mais en insistant vis-à-vis du ministre russe sur ce qu'il y avait d'extraordinaire dans cette marche d'une négociation qui se suit plutôt par courrier que par le plénipotentiaire même. Vous pourrez vous exprimer dans ce sens et si on revient à la charge sur les affaires d'Italie, vous ne manquerez pas de faire remarquer ce qu'elles ont éprouvé d'amélioration et d'observer que la grande partie est à peu près terminée.— *Talleyrand à Duroc*, 27 août (*Paris*, 140, 249). — Къ любезностямъ Бонапарта должно отнести просьбу министра юстиціи, Абріаля, Колычеву, чтобы прислали „Наказъ" Екатерины II, такъ какъ Бонапартъ, собиравшійся издать сводъ законовъ, надѣялся найти въ немъ „des connaissances précieuses et capables d'enrichir sa propre législation". *Колычевъ Панину*, съ приложеніемъ письма Abrial'я къ нему отъ 12 мессидора (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 192). Тогда же въ Парижѣ готовили дорогой подарокъ Спренгпортену (нашъ № 103). — По-

видимому, къ августовскимъ спорамъ должно отнести еще два любопытныхъ документа парижскаго архива безъ датъ и помѣтокъ о полученіи (140, 230, 259), которыхъ не печатаемъ, такъ какъ не можемъ опредѣлить съ точностью ихъ времени. Одинъ изъ нихъ, составленный Колычевымъ, называется *Projet d'article relatif aux intérêts de s. m. le roi de Sardaigne:* въ немъ требуется возстановленіе сардинскаго королевства въ границахъ 1760 г., лишь намекается на уступку французамъ Савойи и Ниццы и еще взыскивается съ Бонапарта много разныхъ проторей и убытковъ въ пользу Карла-Эммануила IV. Другой документъ, даже безъ заглавія, есть отвѣтъ Талейрана на эту бумагу, краткій, твердый и искусно составленный, на основаніи договоровъ.

109.

До чего смѣло Бонапартъ предрѣшалъ вопросъ объ индемнизаціяхъ, видно изъ предъявленія законодательному корпусу договора съ Баваріей (Archives parlementaires, II, 752). А здѣсь онъ гарантировалъ курфюрсту, за уступки на лѣвомъ берегу Рейна, все остальное по Тешенскому договору и объявлялъ, что статья о Баваріи въ люневильскомъ трактатѣ будетъ исполнена такъ, что палатинскій домъ „reçoive une indemnité territoriale située, autant que possible, à sa bienséance et équivalente aux pertes de tous les genres qui ont été une suite de la présente guerre". — *Talleyrand à Beurnonville*, 8 août (Bailleu, № 40).—*Duroc à Talleyrand*, 12 fructidor an IX (30 августа), въ парижскомъ Archives nationales (Wertheimer): „La Prusse joue précisément le même rôle qu'elle a jouée lors du partage de la Pologne...; à présent elle recherche la Russie pour avoir son appui dans son arrangement". — *Колычевъ Панину*, 24 августа (*Pétersb.* Paris, 1801, 200): „Холодное обращеніе съ Люкезиніемъ не препятствуетъ тѣснымъ сношеніямъ здѣшняго министерства съ прусскимъ; Бонапартъ, не желая увеличивать Пруссію, не будетъ однако препятствовать ей мѣшать дѣла въ Германіи, гдѣ ея предметъ есть уничтоженіе духовныхъ князей и себя чрезъ то увеличить".—Къ депешѣ *Колычева Панину* отъ 17 августа (тамъ же, 195) приложены письма къ нему Левтулуса, въ которыхъ заключались жалобы швейцарцевъ на безобразія конституціи, данной имъ Бонапартомъ.— *Колычевъ Панину*, 18 августа (тамъ же, 196): „depuis quelque temps on fait circuler des bruits les plus absurdes et les plus ridicules concernant les affaires de l'intérieur de la Russie, et il me paraît que cela vient de Berlin de la part du ministre de France". — Строгоновскія *Извлеченія изъ засѣданій неоффиціальнаго комитета* приложены къ I тому сочиненія Богдановича.—Нашъ № 93 изложенъ въ самыхъ общихъ чертахъ у Богдановича (I, 306—309) и Соловьева (15—17). — Онъ же, съ редакціонными измѣненіями, составляетъ содержаніе рескрипта С. Воронцову, 5/17 іюля (*Архивъ Воронцова*, XXVIII, 435—449).

110.

Въ „Дополненіи" къ инструкціи Моркову (№ 93) такъ заявлено о желаніи возобновить сношенія съ Мадридомъ: „Déclaration qui rétablirai tout sur l'ancien pied peutêtre suffisante; cependant si le cabinet de Madrid préfère de conclure un acte formel de pacification, j'y déférerai sans peine. S'il juge contraire à la dignité du roi de se porter à la première démarche, sans avoir un gage de réciprocité de ma part, je consentirai aussi d'envoyer un ministre en Espagne, aussitôt que je serai informé officiellement de la nomination de celui que s. m. catholique m'adressera.—Je vous fais part de mes intentions à ce sujet pour que vous les fassiez connaître à l'ambassadeur d'Espagne résidant à Paris par l'organe du ministère français et j'attendrai vos rapports sur l'effet de cette démarche, dans laquelle le premier consul reconnaîtra sans doute un nouveau témoignage de ma modération". Тутъ же приложенъ проектъ мирнаго договора. Этотъ проектъ былъ врученъ Колычевымъ испанскому посланнику, Азарѣ, который давно уже просилъ его о мирѣ: *Колычевъ Панину*, 17 августа (*Pétersb.* Paris, 1801, 194). Панинъ же

увѣдомилъ Моркова, 24 августа (тамъ же, 228), что Испанія не разъ выражала желаніе возстановить сношенія съ Россіей. Онъ велѣлъ ему передать Азарѣ извѣщеніе о воцареніи Александра I, съ извиненіемъ, что „la rupture subsistante ne nous offrant pas d'autre moyen de pouvoir remplir plus convenablement cette formalité d'usage". Получивъ извѣщеніе, Азара немедленно далъ Талейрану слѣдующую ноту (*Paris*, 141, 4). AZARA A TALLEYRAND. *5 vendémiaire* (27 сентября). Le premier consul n'ignore pas le désir du roi mon maître et de l'empereur de Russie de rétablir l'amitié qui régnait autrefois entre les deux empires, et qui fut troublée malheureusement par les singularités de Paul I.—Le comte de Morcoff étant arrivé à Paris muni des pleinspouvoirs de son maître pour conclure un traité de paix, et moi étant autorisé également à cet effet, nous allons le finir sur la base d'un simple rapprochement et sans y mêler aucun article qui regarde la politique des autres nations; mais avant de procéder à la conclusion je désire que le premier consul en soit informé comme de raison, et qu'il y donne son agrément, puisque l'intention bien décidée du roi mon maître est de ne pas faire le moindre pas qui regarde les intérêts politiques sans le communiquer à son premier allié.—En annonçant au premier consul ces dispositions, je vous prie d'ajouter aussi, citoyen ministre, que l'empereur de Russie, sans attendre la conclusion du traité de paix, m'a fait remettre sa lettre de participation de la mort de son père et de son exaltation au trône, pour le roi mon maître, que je m'en vais envoyer en Espagne par un courrier.

111.

Изъ переписки Панина съ Воронцовымъ (*Архивъ Воронцова*, XI, 138, 145–146, 150, 192—194) видны побужденія, по которымъ Англія предлагала Александру I гарантировать владѣнія Порты и получила отказъ. 8 августа Воронцовъ передавалъ Панину (тамъ же, XI, 218—223) важныя слова Георга III по поводу русскаго посредничества въ замиреніи Порты съ Франціей: король грозилъ войной съ Турціей и „революціей на границахъ русской имперіи". Александръ I, оправдываясь въ своемъ поступкѣ передъ Георгомъ III, предлагалъ свое посредничество и для примиренія Англіи съ Франціей.— Воронцовъ рѣзко осуждалъ всю эту политику царя, въ письмѣ къ нему отъ 8 октября (*Русскій Архивъ*, 1874). Важно собственное объясненіе Александра I нашего посредничества въ замиреніи Порты съ Франціей, въ рескриптѣ С. Воронцову отъ 31 октября (12 ноября) 1801 (*Архивъ Воронцова*, XXVIII, 453—454). — Для обрисовки нашей дипломатіи въ началѣ царствованія Александра I весьма любопытны письма *С. Воронцова брату* отъ 14 и 24 іюля, 14, 21 и 24 августа. *Архивъ Воронцова*, X.—Положеніе нашей арміи напоминало положеніе флота (прим. 102). Въ іюнѣ Константинъ Павловичъ и Ланжеронъ доносили „о чрезмѣрныхъ побѣгахъ", о „неумѣренной дезерціи" въ пограничныхъ полкахъ, благодаря австрійскимъ вербовщикамъ. *Pétersbourg*. Intérieur, 1801, 13.—*Инструкціи Шварценбергу*, у Beer'a: Zur Geschichte der öster. Politik. — *Colloredo an Thugut*, 3 іюля (Fournier, 23): „Nous avons fait le possible de nous approcher de la cour de Russie; nous ne demandons rien de plus; mais on ne répond guères à nos vues et désirs. Mouravieff paraît n'être chargé au moins jusqu'en à traiter. Il s'amuse et court à Baden, où il se trouve plus qu'en Vienne. Nous pouvons bien nous apercevoir qu'on travaille contre nous".— О бесѣдѣ Л. Кобенцля съ Муравьевымъ см. *Cobenzl an Colloredo*, 20 сентября (Fournier). — О проискахъ Австріи въ Баваріи у *Häusser*'a: Deutsche Geschichte, II, 360. — Разговоръ Панина съ Шварценбергомъ: Beer, 489. — *Рескриптъ Люкезини*, 16 ноября: Bailleu, № 47.—Александръ I былъ правъ, жалуясь на обузу нѣмецкихъ дѣлъ. Его заваливали просьбами не одни фюрсты. 24 октября (5 ноября) Энгель увѣдомлялъ Кочубея (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 143), что среди кучи нѣмецкихъ прошеній есть и просьба Нюренберга „о покровительствѣ императора въ разсужденіи возстановленія правъ его и привилегій, нарушенныхъ чрезъ занятіе королемъ прусскимъ обоихъ фурштатовъ и окрестностей сего города".

112.

DUROC A TALLEYRAND. *19 thermidor an IX* (7 августа). *Paris*, 140, 215. J'ai eu hier une conférence avec m. le comte de Panin. Je ne lui ai pas laissé ignorer les sujets de mécontentement que le premier consul avait sur les lenteurs et les entraves que m. de Kolitscheff a mis personnellement dans les négociations. M. de Panin avait cru que vous aviez d'abord refusé et ensuite accepté la note que m. de Kolitscheff vous a remise après mon départ de Paris. Il m'a dit qu'il n'était nullement dans l'intention de s. m. que ses ministres auprès d'aucune puissance se servissent dans leurs notes d'expressions inconvenables; qu'à la vérité m. de Kolitscheff n'avait pas eu le pouvoir de signer le traité définitif sans la convention relative aux affaires d'Europe, parce qu'on n'avait pas vu les raisons qui eussent déterminé notre gouvernement à signer le premier lorsqu'on ne serait pas encore d'accord sur l'autre. — Je lui ai parlé de la situation actuelle de la France, des rapports qui la lient avec les puissances avec lesquelles elle est en paix et qui sont basés sur les traités de Bâle, de Tolentino, de Florence et de Lunéville. Je n'ai pas manqué de lui dire que le traité de Lunéville était regardé comme entier et complet et que son exécution et son intégrité étaient indépendantes de tous les arrangements qui pourraient avoir lieu en Allemagne. — Aux communications que j'ai faites à m. de Panin, il n'a pu que me répondre qu'il s'en référait à ce qu'il m'a dit précédemment, qu'il regrettait que le départ du courrier qui m'a été adressé n'eut pas été différé de quelques jours; il m'a encore donné la certitude que m. de Kolitscheff avait reçu, avec *l'ultimatum* qui lui a été envoyé, des nouvelles instructions et qu'il connaissait parfaitement les intentions de s. m. i. — J'ai offert à m. de Panin de charger le courrier que je vous envoie des lettres qu'il désirerait adresser à m. de Kolitscheff, mais il ne juge pas à propos de lui écrire, puisqu'il n'a plus la confiance du gouvernement et que son successeur ne doit pas tarder à arriver. S. m. croira peut-être convenable d'expédier un courrier à m. de Morcoff pour hâter sa marche. Le départ de m. de Morcoff a été retardé parce qu'on a voulu baser ses instructions sur les nouvelles que l'on recevait des négociations de m. de Kolitscheff. Il est parti d'ici le 9 ou le 10 thermidor. — J'ai parlé à m. de Panin de l'impression qu'a faite à Paris la première nouvelle que l'on a reçue de la convention signée ici le 17 juin avec l'Angleterre, et je lui ai demandé si m. de Kolitscheff a été autorisé à la communiquer au gouvernement français et à faire part des motifs qu'ont pu engager s. m. i. à se départir avec tant de désavantage du principe mis en avant par feu l'empereur et par son auguste aïeule. M. de Panin m'a répondu que m. de Kolitscheff n'avait eu aucune instruction à ce sujet; que m. de Morcoff était porteur du traité et donnerait au 1-r consul les explications qu'il pourrait désirer; qu'il ne pouvait pas entrer avec moi dans plus de détails puisque l'ouverture que je lui faisais n'était fondée que sur des bruits de gazettes; que le parti ministériel d'Angleterre avait les siennes qui pouvaient dire ce qu'il voulait; mais que la Russie était trop puissante pour accorder à une puissance avec laquelle elle traite *tout ce qu'elle désire* et ce qui ne serait pas conforme à la justice; que s'il n'a pas communiqué cette convention, c'est qu'il n'est pas d'usage de communiquer les traités avant leur ratification et qu'il n'en avait été parlé qu'aux ministres de Danemarck et de Suède parce que ces deux puissances y étaient intéressées. — Je vous remercie, citoyen ministre, des bonnes nouvelles que vous m'avez envoyées; elles ont fait sensation ici.

113.

Приводимъ ее цѣликомъ, въ виду важности самой формы подобныхъ документовъ (*Pétersbourg*. France. Ministère, 1801, 6). — COPIE DE LA NOTE ENVOYÉE PAR DUROC ET QU'IL A RETIRÉE LE LENDEMAIN A LA SUITE D'UNE CONFÉRENCE. *Pétersbourg, 11 fructidor an IX* (29 августа). Le soussigné croit devoir faire

connaître à m. le comte de Panin les intentions du gouvernement français relativement aux négociations entamées à Paris entre s. m. i. et la république française. — Le départ de m. de Morcoff, nommé ministre plénipotentiaire à Paris, ayant été différé, le 1-r consul avait cru que m. de Kolitscheff recevrait des instructions et des pouvoirs assez amples pour déterminer une pacification et des arrangements qui, par la nature des circonstances dans lesquelles se trouve l'Europe, ne pouvait éprouver aucun retard, sans préjudicier beaucoup à l'établissement et au maintien de la tranquillité générale; mais le 1-r consul n'a pas été peu étonné lorsque m. de Kolitscheff a remis un nouveau projet de convention secrète dans lequel le cabinet de Russie, en paraissant admettre quelques unes des observations qui lui ont été faites, en détruit cependant l'effet par l'insertion d'un article 5 qui ne présente évidemment qu'un moyen de replacer, lors de la conclusion de la paix, l'état de Naples sous l'influence exclusive du gouvernement britannique, dans un moment surtout, où les évènements survenus en Egypte peuvent faire craindre que cette contrée ne tombe au pouvoir des anglais et qu'il paraît certain qu'ils occupent ou qu'ils veulent occuper les îles ci-devant vénitiennes. Les rapports de la France sont liés avec le royaume de Naples par le traité de Florence. L'intégrité de ce royaume est stipulée par ce traité et il sera scrupuleusement exécuté.—Les rapports politiques avec le St. Siège sont déterminés par le traité de Tolentino, qui est en pleine vigueur. — L'archiduc Ferdinand doit avoir en Allemagne un dédommagement pour le grand duché de Toscane cédé au prince de Parmes par le traité de Lunéville. Le soussigné croit utile de répéter ce qu'il a déjà eu l'honneur de dire de vive voix à m. de Panin, que ce traité est entier et complet et que son exécution et son intégrité sont indépendantes de tous les arrangements qui pourraient avoir lieu en Allemagne. — Le roi de Sardaigne est donc le seul prince d'Italie dont le sort n'est pas encore réglé. C'est en définitif par la paix avec l'Angleterre et c'est par son intervention qu'il doit voir sa querelle terminée. C'est à l'instigation et avec l'argent des anglais que le roi de Sardaigne a fait la guerre et que depuis il a constamment tenu une conduite hostile envers le gouvernement français. Il est donc juste que son rétablissement soit une des compensations à offrir par la France pour obtenir la restitution de ce qui a été enlevé à ses alliés. Mais une juste observation que l'on peut faire, c'est qu'il est au moins extraordinaire de voir la Russie, toute étrangère qu'elle est de fait aux évènements de l'Italie et aux intérêts de la maison de Savoye, prendre si chaudement les intérêts du roi de Sardaigne, tandisque de ses alliés, des deux cabinets qui l'ont entraîné à la guerre, l'un l'a déjà entièrement sacrifié et l'autre, qui a de si grands moyens de le servir, ne montre pas son intention de le faire.— Cependant malgré la juste surprise qu'ont causée les dernières propositions de m. de Kolitscheff, elles ont été discutées avec lui par le plénipotentiaire du gouvernement français. M. de Kolitscheff n'a rien eu a répondre aux objections qui lui ont été faites et il s'est appuyé seulement sur la nature des articles proposés qui devaient rester secrets; mais ce secret dont parle m. de Kolitscheff il l'a violé lui-même en communiquant à Naples, à Rome et au roi de Sardaigne des notes qui, quoique non admises à Paris, étaient relatives à cette convention secrète; ces notes ont été ensuite imprimées et publiées en Allemagne et en Angleterre.—Quoiqu'il en soit, le traité eut été signé si m. de Kolitscheff se fut cru autorisé à faire les changements jugés indispensables aux articles qui lui ont été envoyés. Les dispositions du gouvernement français ont été telles qu'à chaque époque de la négociation on aurait pu conclure si m. de Kolitscheff eut voulu prendre quelque chose sur lui; mais on ne peut se dissimuler que la moindre difficulté entraîne des délais considérables pendant lesquels les évènements se succèdent avec rapidité, ce qui ne peut manquer d'influer sur les combinaisons réciproques aussi longtemps qu'elles ne sont pas définitivement arrêtées. — Lors des ouvertures réciproques que se sont faites les deux gouvernements et dans les communications qui s'en suivirent, le premier consul avait le juste espoir de voir la Russie concourir activement à la répression de l'Angleterre et il pensait qu'il était question par conséquent d'une véritable alliance pour laquelle le 1-r consul aurait fait volontiers des avances et des sacrifices, parce qu'il y trouvait de grands avantages pour le continent; mais aujourd'hui la question est entièrement changée, et loin

que la Russie soit en disposition d'armer en faveur de la république, elle a terminé avec une précipitation qui paraît extraordinaire, à l'insu de ses propres alliés et sans aucune participation au gouvernement français et l'on peut dire sans profit réel, des différends dont l'Europe commerçante et maritime attendait d'autres résultats. La France, qui se trouve à présent obligée de lutter seule dans les différentes parties du monde pour l'indépendance et pour l'équilibre du commerce, n'a plus aucun intérêt à faire accorder ses vues avec celles de la Russie, et il serait sans exemple comme sans motifs que, n'ayant rien à attendre d'elle, elle s'attâchat à lui complaire aux dépens même de ses propres intérêts. La préférence donnée à l'Angleterre peut tenir le continent en inquiétude et lui faire perdre l'espoir de trouver à Pétersbourg l'appui que la Russie s'est trouvée en mesure de donner et qu'on avait lieu d'attendre de son association avec la France pour la pacification générale. — Le soussigné prie m. le comte de Panin d'assurer s. m. i. que le 1-r consul n'en demeure pas moins empressé de conclure la paix avec la Russie et qu'il est prêt à la signer dans les termes convenus. Lorsque ce premier pas aura été fait, lorsque le rétablissement de tous les rapports politiques et commerciaux entre les deux pays aura permis d'apprécier entièrement les intérêts communs, le 1-r consul espère qu'il trouvera de la part de s. m. i. le même empressement et la même facilité qu'il montrera lui-même à s'unir par des stipulations particulières, pour l'établissement et le maintien d'un parfait équilibre en Europe, ainsi que pour garantir l'indépendance du commerce et les droits de la neutralité — Le 1-r consul a été sensible au témoignage des dispositions amicales de s. m. i. qu'elle a fait connaître par l'ordre qu'elle a donné à ses agents dans les cours étrangères de vivre en bonne intelligence avec les agents de la République française. S. m. i. aura reconnu dans l'empressement, que les agents français auront mis à répondre aux prévenances de ceux de Russie, l'effet des instructions qui leur avaient éte transmises depuis longtemps à cet égard. — Le soussigné prie m. le comte de Panin de vouloir bien faire connaître à s. m. i. les intentions du gouvernement français renfermés dans la présente note et d'agréer l'assurance de sa haute considération.

114.

О Дюрокѣ и Панинѣ: *Bignon*, II, 93.—Дюроку вредили въ Петербургѣ и откровенныя письма къ Фуше (Mémoires d'un homme d'état, VIII, 99—103), перехватываемыя Панинымъ, который предупреждалъ Колычева, что и его депеши вскрываются полиціей Фуше (*Pétersb.* Paris, 1801, 52). Развязность Панина относительно вскрытія писемъ и насчетъ другихъ изворотовъ тогдашней дипломатіи, презираемыхъ С. Воронцовымъ, прекрасно выразилась въ его письмахъ къ послѣднему (*Архивъ Воронцова,* XI, 151—153, 223—237, 240—249; одно изъ этихъ писемъ напечатано и въ *Русск. Архивѣ*, 1874, 971—986). — Панинъ писалъ С. Воронцову 14/26 сентября (*Архивъ Воронцова,* XI, 158—159), что хочетъ подавать въ отставку изъ-за „funestes préjugés“ и „principes subversifs“, которые внушилъ Лагарпъ Александру. Но Кочубей успокоивалъ Воронцова насчетъ вліянія Лагарпа (*тамъ же*, XIV, 155). Очень интересны свѣдѣнія о страхѣ царедворцевъ передъ „принципами“ Лагарпа въ письмахъ Роджерсона Воронцову (*тамъ же*. XXX, 171, 172, 297). Какъ ненавидѣли Лагарпа представители старыхъ началъ, видно изъ любопытнаго письма одного изъ нихъ С. Воронцову: тутъ швейцарецъ совсѣмъ очерненъ за его преступныя идеи, внушенныя Александру I, а именно за свободу печати и за освобожденіе крестьянъ—„plan chimérique, absurdité complète“ (*тамъ же*, XXVII, 491—496). По словамъ Моркова, бѣдному идеалисту досталось, за совѣты Александру I о „конституціи“, о Швейцаріи и Мальтѣ, отъ Бонапарта, къ которому онъ склонился, когда окончательно покинулъ Россію, разувѣрившись въ своемъ ученикѣ. Ничего не понимая, Морковъ былъ озадаченъ такимъ поведеніемъ Бонапарта. 25 января 1802 онъ спрашивалъ С. Воронцова: „не значитъ ли это, что Лагарпъ предался имъ?“ и просилъ друга развѣдать, что онъ такое? Но 21 февраля Морковъ догадался. Онъ извѣщалъ С. Воронцова, что Лагарпъ избѣгалъ его и сближался съ Талейраномъ: „je sais, qu'ils ont eu de

grands rapports ensemble, et il est possible qu'ils s'entendent comme larrons en foire" (*тамъ же*, XIV, 282; XX, 100, 110). О Лагарпѣ см. у *Сухомлинова* (въ его собраніи статей) и Глинскаго (*Историч. Вѣстникъ*, 1888).—Подробности объ отставкѣ Панина находятся въ письмѣ Кочубея С. Воронцову 18 октября (*Арх. Вор.*, XVIII, 244—245). Важно письмо *Николаи С. Воронцову*, 29 октября, указывающее на планы Панина насчетъ регентства (тамъ же, XXII, 119). Еще важнѣе слова самого царя объ отставкѣ Панина въ рескриптѣ С. Воронцову (*тамъ же*, XXVIII, 455). – Про Кочубея существовали тогда разныя мнѣнія. Саурау считалъ его вялымъ и подверженнымъ вліянію С. Воронцова, который иначе не называлъ Бонапарта, какъ „le Corse". Коленкуръ называлъ его „безпристрастнымъ" (№ 120). По свидѣтельству Колычева, Бонапартъ и Талейранъ причисляли его къ „anglomanes enragés" (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 261). Мѣткая характеристика его находится въ письмѣ Роджерсона Воронцову (*тамъ же*, XXX, 169—170).—Въ нашемъ архивѣ (Ministère, 1801, 3) находится записка Александра I къ Панину, вся собственноручная, но безъ даты, только съ помѣткой: „reçu le 30 septembre". Въ ней сказано: „je dois et veux croire que puisque vous avez fait la démarche vous l'avez dû faire d'après votre conscience". Затѣмъ выражается надежда, что здоровье позволитъ ему снова служить отечеству съ прежнею пользой. — 2 октября Куракинъ извѣщалъ Моркова циркулярно (*Péterb.* Paris, 1801, 229), что Панинъ уволенъ, по болѣзни, на три года и его дѣла переходятъ къ гр. Кочубею.—*Saurau an Cobenzl*, изъ Москвы, 3 октября, въ вѣнскомъ архивѣ (Wertheimer; здѣсь же характеристика Панина, 44—45). — *Saurau à Starhemberg*, 17 octobre (Starhemberg, 80): „Le comte Panin vient d'obtenir sa démission, à la suite d'une brouillerie avec le vice-chancelier prince Kourakin; il est remplacé au département des affaires étrangères par le comte de Kotschubey qui nous montre les meilleures dispositions, mais qui pourra être beaucoup influencé par le comte de Woronzoff, avec lequel il est intimement lié. Jusqu'à présent il ne paraît pas que ce changement en entraînera un dans la politique de la cour de Russie, si ce n'est peut-être que le successeur de Panin agira avec encore plus de circonspection dans les occasions, où il serait question de quelque mesure énergique. — Voilà donc Cobenzl à la tête des affaires, malgré ce que l'on avait fait pour l'en exclure. Il paraît vouloir tout employer pour rétablir les anciennes relations avec la Russie, et je me flatte que nous y parviendrons." — Слова Кочубея о Панинѣ находятся въ его письмѣ Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XIV, 149—150).

115.

Французы всегда писали Marcoff, также какъ и Kalitcheff. За ними и у насъ стали искажать эту фамилію: нашъ дипломатъ самъ всегда подписывался Морковъ. — Колычевъ говоритъ въ своихъ Запискахъ (Боярскій родъ Колычевыхъ, 366), что нанесенная ему обида „étonna le gouvernement français, mon successeur, mes collègues, puisqu'un pareil évènement était peu commun dans les annales diplomatiques". Тамъ же приведено письмо Д. А. Голицына Колычеву, изъ котораго видно, что еще въ 1768 г. существовало мнѣніе, будто „величайшая и единственная заслуга Моркова, это — умѣніе приписывать себѣ все, что дѣлаютъ другіе".—Когда уѣзжалъ Колычевъ. Бонапартъ холодно, въ двухъ словахъ, увѣдомилъ Александра I о полученіи его рескрипта объ отозваніи этого уполномоченнаго (*Paris*, 140, 234). Колычевъ остался недоволенъ его подаркомъ (*тамъ же*, 141, 40). *Duroc à Talleyrand*, 2 іюля (*Paris*, 140, 198): „on a beaucoup de confiance dans les talents de m. de Morcoff; il passe pour avoir beaucoup d'esprit; mais il passe aussi pour être très-difficultueux et pour ne pas être pour la France". — Лестный портретъ Моркова у враждебнаго Наполеону *Lanfrey*, III, 53. Нелестный портретъ Моркова у *Lefebvre*: Histoire des cabinets de l'Europe, I, 306. Новыя данныя для характеристики Моркова см. въ примѣч. 127.—Непріязнь Моркова къ Франціи выразилась въ его письмѣ С. Воронцову изъ Франкфурта на Майнѣ, 11 сентября (*Архивъ Воронцова*, XIV, 273).—*Морковъ* описывалъ *Панину* (*Pétersb.* Paris, 1801, 263) встрѣчу въ первомъ французскомъ городѣ—Майнцѣ. Какъ только онъ проѣхалъ мостъ, ему предстали

всѣ офицеры гарнизона съ своимъ генераломъ. Они шли пѣшкомъ за его каретой до самой почты, гдѣ поздравили его съ пріѣздомъ. При выѣздѣ изъ города карету сопровождалъ отрядъ гренадеровъ и конвой конныхъ егерей. Командовавшій ими префектъ предложилъ стрѣлять изъ пушекъ крѣпости; но Морковъ отклонилъ эту любезность и продолжалъ путь, въ сопровожденіи жандармской бригады, которая слѣдовала за нимъ, смѣняясь на станціяхъ, до самаго Парижа. — Проектъ *рескрипта о назначеніи Моркова*, 9 іюля, находится въ нашемъ архивѣ (Paris, 1801, 38), подлинникъ, съ приложеніемъ французскаго перевода, отъ 14 іюля,—въ Парижѣ (Russie, 140, 196; здѣсь же переводъ рескрипта объ отозваніи Колычева, отъ того же числа). Въ немъ сказано, что Морковъ уполномоченъ „постановить, заключить и подписать договоръ мира и дружбы, также всякіе акты и секретныя и прибавочныя статьи; не менѣе того заключить и подписать равномѣрно другія постановленія и договоры съ иными державами и областями, которыя прибѣгнуть къ нашему посредничеству и пользамъ которыхъ мы, въ качествѣ посредника, восхотѣли содѣйствовать“. — *Колычевъ Александру I*, 19 сентября (*Pétersb.* Paris, 1801, 124), о томъ, что онъ сдалъ всѣ дѣла Моркову. — Нашъ № 111, а также №№ 121, 129, 144, 158, 192, 212 и 233, были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* (1873, № 12) съ черновой, доставленной издателю племянникомъ Моркова, съ ничтожными стилистическими несходствами. — *Talleyrand à Morcoff*, 23 сентября, о назначеніи аудіенціи (*Paris*, 140, 253).—*Napoléon à Talleyrand*, 20 и 25 сентября: *Correspondance de Napoléon*, №№ 5760, 5767.

116.

Для общаго хода переговоровъ, съ самаго начала до заключенія мира, интересенъ четвертый докладъ Талейрана (*Paris*, 141, 7), который приводимъ вполнѣ.—RAPPORT SUR LE TRAITÉ DE PAIX ENTRE LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE ET LA RUSSIE CONCLU A PARIS LE 16 VENDÉMIAIRE AN X. La guerre, qui a existé entre la France et la Russie, n'avait été longtemps qu'une guerre en quelque façon nominale; et malgré la part très-active que l'impératrice Catherine II avait prise aux négociations qui amenèrent la première coalition, malgré l'extrême passion qu'elle avait montrée contre la révolution française et contre l'établissement de la république, à aucune époque elle n'avait concouru de fait aux entreprises des alliés. — A sa mort, il parut d'abord vraisemblable que son successeur consentirait à faire cesser cette guerre d'apparat, et même une négociation fut à cet effet entamée à Berlin entre le cit. Caillard, qui y résidait de la part de la république, et le comte de Panin, qui y fut envoyé de la part de la Russie: mais cette négociation échoua dès son principe; et l'empereur Paul I-er, bien loin de persévérer dans les dispositions conciliantes qu'il avait d'abord témoignées, se livrant sans réserve aux excitations réunies de l'Autriche et de l'Angleterre, alla beaucoup plus loin que sa mère n'avait été et fit marcher ses troupes contre celles de la république française. — La guerre entre les deux états exista donc alors de fait comme de droit. On en a vu les résultats, et il est inutile de rappeler ici les évènements qui, aprés avoir excité la mésintelligence entre les coalisés, déterminèrent l'empereur de Russie à rappeler ses troupes. Ce premier pas devait en amener d'autres, et quand le sort de l'Italie eut été fixé à Marengo, le premier consul, ne s'occupant plus qu'à consolider, par la négociation, les brillantes destinées de la république, songea à profiter des dispositions dans lesquelles devait se trouver l'empereur de Russie et qui, sans être entièrement favorable à la république, ne pouvaient manquer d'être fort animées contre ses ennemis.— Le premier consul eut l'utile et honorable idée de renvoyer, sans échange et sans rançon, à l'empereur de Russie, six à sept mille prisonniers que le sort des armes, en Suisse et en Hollande, avait fait tomber en nos mains. La proposition en fut faite le 1 thermidor an VIII, par une lettre que le ministre des relations extérieures fut chargé d'écrire au comte de Panin, qui avait alors, à Pétersbourg, le département des affaires étrangères.— Cette lettre fut d'abord adressée à Hambourg au cit. Bourgoing, qui eut ordre de la re-

mettre à m. de Morawieff, ministre de Russie; mais celui-ci n'osa pas prendre sur lui de la recevoir. Cependant il en instruisit sa cour, qui, sur la connaissance qu'il eut de cette ouverture, autorisa le baron de Krudener, son ministre à Berlin, à entrer en explication avec le général Beurnonville; de sorte que les premiers pourparlers de la négociation eurent lieu à Berlin, tandisque le ministre des relations extérieures, d'après les ordres du premier consul, chargeait m. de Serguejeff, officier russe et prisonnier en France, de porter lui-même à Pétersbourg la lettre adressée à m. de Panin. — Lorsque cette lettre arriva en Russie, c'était m. de Rostopsin qui occupait le département des affaires étrangères, et ce fut lui qui répondit. En même temps on fut instruit que le général Sprengporten se rendait en France pour y recevoir les prisonniers russes et y traiter de tout ce qui était relatif à eux. — M. de Sprengporten vint à Paris, et sa présence y ramena naturellement la négociation qui ne prit cependant de caractère positif que lorsque m. de Kolitscheff y arriva, à la fin de ventose an IX, muni de pouvoirs spéciaux pour la conclusion du traité. — Les conférences s'ouvrirent entre m. de Kolitscheff et le ministre des relations extérieures.—La question du traité à conclure était simple et présentait si peu de difficultés à résoudre qu'il paraissait que la négociation devait être terminée dans le plus petit délai; mais m. de Kolitscheff était arrivé avec des rédactions toutes faites, dont il paraissait ne vouloir prendre sur lui de changer aucun mot; et cependant il était impossible que tous les articles proposés par lui fussent adoptés in extenso. — Pendant que le temps se consumait en discussions et que m. de Kolitscheff ne cessait d'en référer à sa cour, il s'établit entre le premier consul et s. m. i. de Russie une correspondance directe, qui ayant donné lieu de part et d'autre aux communications les plus franches et les plus étendues, aurait applani bientôt toutes les difficultés et donné jour à de grands résultats. Mais sur ces entrefaites arriva la mort funeste de l'empereur Paul 1-er.—Cet évènement suspendit encore les négociations entamées, parce qu'il fallut que m. de Kolitscheff attendit du nouvel empereur de nouveaux pouvoirs et d'ultérieures instructions. — Il en reçut effectivement, mais presque aussitôt on fut instruit qu'il était rappelé et que m. de Morcoff devait le remplacer à Paris. — Il s'écoula un temps assez long et entièrement perdu jusqu'à l'arrivée de ce nouveau négociateur qui fut enfin rendu ici au mois de fructidor dernier.—Les conférences furent alors reprises et après quelques discussions les plénipotentiaires arrêtèrent, conclurent et signèrent le 16 vendémiaire dernier un traité de paix en sept articles portant, suivant la forme accoutumée, le rétablissement des relations amicales et des rapports commerciaux entre les deux pays, lequel traité fut déclaré applicable à la République Batave. — Peut-être faut-il prévoir la nécessité de donner quelques explications sur l'article 3 qui renferme une clause non usitée. — L'empereur Paul 1-er, en réclamant dès le principe cette mesure de précaution excessive qu'un reste de prévention contre la France républicaine lui faisait croire nécessaire, avait mis une insistance particulière à l'obtenir; et son successeur n'ayant pas voulu s'en départir, tout ce qu'on a pu faire, ç'a été de rendre la clause absolument réciproque et de se réserver par là un moyen toujours présent d'en repousser l'emploi abusif par de justes représsailles: car, après tout, il faut penser qu'il n'y aura jamais moins de russes en France que de français en Russie, et que toute clause entièrement réciproque porte avec elle son correctif.

117.

Изъ русскихъ, помимо самого Моркова, болѣе всѣхъ былъ недоволенъ договоромъ 10 октября С. Воронцовъ. Онъ не находилъ словъ для его очерненія въ своихъ письмахъ къ Кочубею и сыну, 17 и 29 ноября 1801, 29 января 1802 (*Архивъ Воронцова*, XI, 342—353, 357—358; XVII, 44). 29 января 1802 онъ печаловался предъ Кочубеемъ насчетъ того, что намъ всюду вредитъ „mollesse ou plutôt la faiblesse pusillanime“: оттого провалилось и дѣло сардинскаго короля, такъ хорошо поставленное Колычевымъ; оттого же мы пренебрегаемъ Мальтой да и всѣмъ, „excepté des choses par lesquelles on

puisse prouver au monde que nous sommes tout-à-fait dévoués à la France". По обыкновенію, у него во всемъ былъ виноватъ „le génie malfaisant de Panin", который, „continue à exercer la première impulsion qu'il a donné à notre cabinet". Въ томъ же духѣ писалъ С. Воронцовъ своему брату и самому Александру I: царю онъ высказалъ убѣжденіе, что послѣдняя статья договора вставлена по приказу, „à vorte insu, sire" (*тамъ же*, X, 156, 400). То же отношеніе къ октябрьскому миру въ письмахъ къ С. Воронцову Кочубея и Моркова, 18 октября, 2 и 3 ноября (XIV, 159—161, 355—357). Для взгляда Александра на миръ 10 октября важно слѣдующее мѣсто изъ рескрипта С. Воронцову 7/19 ноября 1801 (XXVIII, 455—459): „Je laisse à votre jugement à communiquer au ministère anglais les actes ci-joints qui ont été conclus à Paris, soit en entier, soit en partie, en leur faisant voir par là ma franchise et en prenant d'eux l'assurance que les conditions secrètes ne seront pas dévoilées. Je crois nécessaire à cette occasion de vous communiquer pour votre information, qu'absolument je ne compte entrer avec le gouvernement français dans aucun projet ultérieur quelconque, et que l'expression *d'un concert ultérieur* employée par Talleyrand dans ses conférences avec le compte Morcoff peut tout au plus se rapporter, si l'affaire en vient là, au concert sur les mesures relatives aux affaires de l'Allemagne. De même, comme vous pouvez aisément conclure, le dernier article de la convention secrète est plutôt une forme qu'une condition qui doit avoir effet, d'autant plus que cet article a été conçu quand la négociation se faisait du temps du mon père de glorieuse mémoire. — J'espère vous faire parvenir bientôt des informations additionnelles à celles que vous avez déjà sur mes vues concernant les affaires politiques. Elles se porteront toujours à conserver pour aussi longtemps que possible le repos si nécessaire pour la Russie.—6-я статья выражена такъ въ договорѣ: „le premier consul de la rép. fr. et s. m. l'empereur de toutes les Russies s'occuperont à l'amiable et de gré à gré des intérêts de s. m. le roi de Sardaigne et y auront tous les égards compatibles avec l'état actuel des choses". — Копіи всѣхъ трехъ актовъ замиренія приложены къ нашему № 111; копію деклараціи, вѣроятно, Морковъ забылъ вложить и прислалъ послѣ, какъ видно изъ № 117. Такіе же списки были приложены къ послѣднему докладу Талейрана, но сохранились только списки тайной конвенціи и деклараціи (*Paris*, 141, 8, 10). Договоръ и конвенція напечатаны у *Мартенса* (1 édit. Supplem. II, 551; 2 éd. VII, 386), *Ле-Клерка* (I, 467, 474) въ *Bulletin des lois,* an X, № 140 и въ *Archives parlementaires*, II, 754. Части ихъ у Bignon (II, 89), Lefebvre (I, 184), Häusser (II, 365). Явный договоръ былъ тотчасъ же обнародованъ въ „Монитерѣ". Тайная конвенція была послана тотчасъ же Морковымъ С. Воронцову (*Архивъ Вороцова*, XIV, 355). Богдановичъ (прилож., 139) пользовался спискомъ нашего архива. Ранке (Denkwürdigkeiten Hardenbergs, II, 24) обѣщалъ напечатать акты цѣликомъ. Дорожа мѣстомъ, мы не помѣстили ихъ въ текстѣ, такъ какъ они не составляютъ научной новости; ктому же ихъ текстъ читатель можетъ возстановить по нашему введенію и по примѣчаніямъ 81, 92 и 100.—Внушенія Моркову насчетъ Бадена находятся, кромѣ рескрипта 4 сентября (№ 106), въ депешѣ Куракина отъ 16 сентября (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 229), къ которой приложены и требованія маркграфа, заявленныя въ Петербургѣ.—О покупкѣ Англіей секрета за 60.000 ф. стерл. достовѣрныя свѣдѣнія у Bignon (II, 92—93). — *Exposé de la situation de la république* (Correspondance de Napoléon, № 5874): здѣсь указаны и отношенія Бонапарта къ Павлу I.— Оцѣнка договора у историковъ-сотрудниковъ Бонапарта — Bignon (II, 92—104) и Lefèvre (163—165). — Весьма важныя пренія, въ законодательномъ корпусѣ и трибунатѣ, о 3-й статьѣ помѣщены въ *Archives parlementaires* (II, 754—755; III, 4, 48—50, 60—62). Здѣсь же находятся нѣкоторыя данныя для исторіи переговоровъ, предшествовавшихъ миру. Bignon (104) придаетъ 3 статьѣ еще другое значеніе: съ тѣхъ поръ Россія покинула Бурбоновъ, и Александръ I „ne se bornait pas au silence sur l'émigration française; il signait des dispositions offensives contre elle". Ранке (Hardenberg, II, 65) находитъ, что въ этой статьѣ Бонапартъ пожертвовалъ поляками и впервые проявилъ намѣреніе стать наслѣдственнымъ государемъ.—Договоръ Россіи съ Испаніей у *Мартенса* (2 édit., VII, 385).— Прелиминаріи между Франціей и Турціей у Мартенса (391) и Ле-Клерка (I, 473). — Любопытное письмо Бонапарта Талейрану о нашихъ плѣнныхъ, 25 октября, въ *Cor-*

respondance de Napoléon, № 5830. — Письмо Бонапарта Александру I, отъ 10 октября, въ *Correspondance* (№ 5791) напечатано по нашему подлиннику, который былъ сообщенъ въ Парижъ покойнымъ императоромъ. Его черновой или копіи мы не нашли въ парижскомъ архивѣ.—О Польшѣ въ *Correspondance*, № 5816.—Вопросъ о возстановленіи дипломатическихъ сношеній выясняется изъ любопытнаго донесенія Моркова императору (*Pétersbourg*. Paris. 1801, 247), напечатаннаго въ *Архивѣ Воронцова*, XIV, 350—351. С. Воронцову Морковъ объяснялъ (21 февраля) назначеніе Эдувиля желаніемъ Бонапарта обойти его: „pour tout arranger par lui et me mettre tout-à-fait de côté". *Архивъ Воронцова*, XX, 108.—*Talleyrand à Morcow*, 28 frimaire an X (*Paris*, 141, 41) о назначеніи Эдувиля.

118.

ИНСТРУКЦІЯ ТАЛЕЙРАНА КОЛЕНКУРУ, 14 октября *(Paris*, 141, 12). Citoyen, l'intention du premier consul est que vous vous rendiez sur le champ à Pétersbourg pour remettre de sa part une lettre à s. m. l'empereur de Russie. — Le comte de Panin, ministre des affaires étrangères, chez qui vous vous présenterez d'abord et à qui vous remettrez la lettre que je lui écris, voudra bien vous procurer une audience de s m. i., et vous aurez soin de lui exprimer au nom du premier consul la ferme disposition où est le gouvernement français de cultiver avec le plus grand soin la bonne harmonie et les rapports d'amitié qui viennent d'être heureusement rétablis entre les deux états.—Vous ajouterez que le premier consul se dispose à nommer un ministre plénipotentiaire pour résider habituellement de la part de la république française près s. m. l'empereur de Russie et qu'il se persuade que le choix qui aura lieu lui sera parfaitement agréable. — Le premier consul compte que pendant votre séjour à Pétersbourg, où vous attendrez l'arrivée du ministre français qui devra y résider, vous ne négligerez pas de vous procurer toutes les notions qui peuvent intéresser le gouvernement français. — Мы не нашли ни черновой, ни списка письма Талейрана къ Панину ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ.

119.

РЕСКРИПТЪ МОРКОВУ. *Петербургъ, 4/16 ноября (Pétersbourg*. Paris, 1801, 219). Графъ Аркадій Ивановичъ. По случаю предполагаемаго французскимъ правительствомъ назначенія ко двору моему министра, намѣренъ я во взаимство равнымъ образомъ, по полученіи извѣстія о выборѣ онаго, дать указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ объ учрежденіи и со стороны моей въ Парижѣ миссіи, не опредѣляя однакожъ никого, въ качествѣ министра, до тѣхъ поръ, пока вы тамъ останетеся. Вы можете по таковомъ назначеніи особы со стороны французскаго правительства увѣдомить Талейрана о семъ предназначеніи моемъ, и если бы отозвался онъ, кто къ таковому служенію отсюда избранъ, то изъясниться можете, что будучи отъ меня снабжены полною довѣренностію, продолжите вы пребываніе ваше въ Парижѣ, но что миссія уже существуетъ. Намѣреніе мое было бы оставить васъ безъ всякаго публичнаго характера, развѣ-бы, чего ожидать кажется нельзя, правленіе французское вздумало, что тутъ заключается, со стороны моей, каковое либо намѣреніе или упущеніе. Въ такомъ случаѣ можете вы быть облачены публичнымъ характеромъ, если впрочемъ желаніямъ вашимъ сіе сообразно быть можетъ. — Считая приличнымъ сдѣлать подарки участвовавшимъ въ заключеніи актовъ нашихъ, посылаю при семъ табакерки для министра Талейрана и для экспедитора или для того, кто былъ тутъ второю особою; если бы нужнымъ признали вы сдѣлать еще какіе подарки, вещьми или деньгами, другимъ подчиненнымъ, то купивъ ихъ, можете выслать вексель на имя д. т. с. графа Кочубея, донеся мнѣ объ употребленіи оныхъ, дабы уплату издержекъ вашихъ тотчасъ послѣдовать могла. — Хотя отправленіе шефа

бригады Коленкура, тогда какъ назначается министръ для присылки сюда, было бы кажется и не нужно, однакожъ какъ изъяснился вамъ министръ Талейранъ, что сіе чинится изъ уваженія ко мнѣ и по случаю коронаціи моей, то и можете вы при случаѣ сдѣлать приличное первому консулу привѣтствіе, увѣря его, что присланный отъ него принятъ будетъ мною со всякимъ уваженіемъ. — Оканчивая сіе, ожидать буду отъ васъ тѣхъ свѣдѣній, кои съ проницаніемъ вашимъ и со временемъ пріобрѣсть не упустите вы, о внутреннемъ положеніи правленія или участвующихъ въ немъ, о разныхъ партіяхъ и вліяніяхъ, обо всемъ томъ однимъ словомъ, что служить можетъ къ руководству въ соображеніяхъ, съ Франціею отношеніе имѣющихъ. Пребываю вамъ благосклонный. Александръ.

120.

Касательно эмигрантовъ интересна депеша *Коленкура Талейрану (Paris*, 141, 44), отъ 28 фримера 10 года. Здѣсь заявлялась благодарность Александра I Бонапарту за исключеніе изъ эмиграціоннаго списка нѣсколькихъ французовъ, проживавшихъ въ Россіи (Ришелье и др.), а также просьба еще о нѣкоторыхъ другихъ, въ особенности же о Шуазелѣ-Гуфье. Въ декабрѣ Морковъ повторилъ эти просьбы, въ особенности отстаивая Шуазеля, о которомъ Куракинъ однажды собственноручно писалъ Талейрану. Личность Шуазеля-Гуфье характеризуется письмами С. Воронцова къ Николаи 14 октября 1797, и Роджерсона къ Воронцову: Роджерсонъ увѣдомлялъ, какъ этотъ эмигрантъ интригами добился милостей и вновь получилъ 2.000 зажиточныхъ крестьянъ. *Архивъ Воронцова*, XXII, 505—506; XXX, 86, 106. Съ своей стороны, Талейранъ не разъ обращался къ Моркову *(Pétersbourg.* Paris, 1801, 267) съ подобными же просьбами о нѣкоторыхъ личностяхъ. Особенно добивался онъ подарка г-жѣ Grand.—*Кочубей Моркову*, 17 декабря (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 235): извѣщеніе объ отправленіи бриллiантовой табакерки Талейрану съ портретомъ Екатерины Великой. Морковъ увѣдомилъ объ ея полученіи 27 января 1802 (тамъ же, 1802, 135). — Въ „Министерскихъ конференціяхъ" (*Pétersbourg.* Ministère, 1801, 67, 68, 70) записано, что 16 декабря, Саурау указалъ на наименованіе „этрускаго короля" въ „Альманахѣ" нашей академіи и распространился о „chagrin qu'en ressentirait sa cour, qui jamais n'avait pu se permettre une mésattention pareille envers la nôtre". Въ тотъ же день неаполитанскій посолъ, Серра Капріола „снова" рисовалъ Кочубею „le tableau affligeant de la malheureuse situation, où se trouve maintenant *Louis XVIII*, entièrement denué de tout secours": онъ снова просилъ „émouvoir la générosité de l'empereur en sa faveur". Кочубей заявилъ Serрѣ, 23-го, что „*всѣ* державы должны бы поддержать *графа лильскаго*". 30-го Серра опять и столь же безуспѣшно заговаривалъ о „Людовикѣ XVIII". — *Talleyrand à Morkoff*, 28 frimaire an 10 *(Paris*, 141, 41). Тогда же Талейранъ увѣдомилъ Эдувиля объ его назначеніи. Отвѣчая ему, 20 декабря (*тамъ же*, 49), благодарностью, Эдувиль писалъ: „j'étudierai, je saisirai toutes les occasions de bien remplir l'importante mission qui m'est confiée; j'y parviendrai en suivant vos instructions et en me conduisant avec cette bonne foi, premier apanage d'un gouvernement dont la force et la haute sagesse rendent l'attitude si imposante". — *Кочубей С. Воронцову* 15 ноября о перепискѣ Александра I съ гр. Артуа (Архивъ Воронцова, XVIII, 248).— *Морковъ Панину*, 13 октября, о французскихъ правителяхъ (*Pétersbourg.* Paris, 1801, 269).—На черновой письма Александра I (№ 122) поправки руки самого императора.

121.

Приводимъ цѣликомъ депешу Коленкура, по парижскому подлиннику *(Paris*, 141, 43). CAULAINCOURT A TALLEYRAND, *28 frimaire an X* (19 декабря 1801). Il paraît très-certain que m. le comte de Morkoff ne tardera pas à être remplacé à Paris,

comme j'ai eu l'honneur de vous le mander avant-hier, et sera placé ici à la tête du département des affaires étrangères; si ce changement n'a pas lieu au 1 janvier qui est l'époque annuelle de ceux d'une certaine importance, c'est que l'on regarde comme nécessaire de le laisser quelque temps de plus pour le congrès d'Amiens; mais il est certain qu'il viendra ici au timon des affaires; ses moyens, son esprit, la confiance que l'on a en lui, tout l'y porte; il est donc essentiel qu'il prenne de la France l'opinion qu'il doit en avoir, *celle seulement d'un homme impartial*, soit pour qu'elle reprenne ici son ancienne influence politique et commerciale, soit pour balancer uniquement cette diabolique influence anglaise qui ne peut qu'augmenter, si, comme on semble le croire, le comte de Voronsoff quitte Londres et devient chancelier. — Si l'intérêt réel des états était toujours le guide et le régulateur de leur politique, je ne ferais point ces observations, car la nature semble avoir placé le français et le russe aux deux pôles du monde européen pour être amis et maintenir même la tranquillité parmi leurs voisins. Mais comme les passions des hommes et leurs systèmes (qui ne sont souvent que de vieilles habitudes) les guident de préférence aux intérêts nationaux, que la topographie, les besoins et les ressources réciproques rendent pour ainsi dire palpables, j'ai l'honneur de vous soumettre ces observations, comme celles d'un voyageur attaché à son pays et reconnaissant des marques de bonté que vous lui avez donné.

122.

Упоминаемой въ № 123 записки о Швейцаріи нѣтъ въ нашемъ архивѣ.—*Serra et Fravega* (министры Лигурійской республики въ Парижѣ) *à Talleyrand*, 10 décembre (*Paris*, 140, 20). Лигурійцы имѣли право обращаться къ Бонапарту за покровительствомъ: 11 статья люневильскаго договора (Martens, 2 éd. VII, 294; Le Clercq, I, 419) освящала независимость всѣхъ республикъ, имъ созданныхъ.—Изъ *Конференціальныхъ Записокъ* за октябрь и декабрь (*Pétersbourg.* Ministère, 1801, 25, 28, 39, 48, 49, 51, 70, 72) выясняются слѣдующіе факты. 14 октября сардинскій посолъ заявилъ, что скоро кончатся англійскія субсидіи—„и тогда положеніе его государя неминуемо должно будетъ прійти въ такую крайность, что развѣ единая токмо щедрота е. и. в. можетъ подать ему въ оной каковое-либо облегченіе". Ему отвѣтили: „соображаясь съ постановленіями императора, особенно по части казенной и хозяйственной учрежденными, едвали льзя ожидать тѣхъ пособій". (Въ рескриптѣ С. Воронцову 18 ноября, *Архивъ Воронцова*, X, 296—298, сказано, чтобы Англія давала деньги королю сардинскому, „les circonstances intérieures de l'empire en me prescrivant pour règle invariable d'observer l'économie). 18 ноября посолъ заявилъ, что Карлъ Эммануилъ не согласенъ „ни на промѣнъ Піемонта, ниже на каковую-либо за него индемнизацію", и что онъ проситъ, чтобы его полномочный былъ допущенъ на переговоры въ Амьенѣ. Отвѣты послу видны и изъ рескрипта С. Воронцову 18 ноября (*Архивъ Воронцова*, XXVIII, 457—458). — 18 ноября Серра просилъ, „чтобы приказали Моркову домогаться объ освобожденіи неаполитанскихъ владѣній отъ французскихъ войскъ, не дожидаясь срока, назначеннаго прелиминарами съ Англіей, но руководствуясь секретною конвенціею, между Россіей и королевствомъ Обѣихъ Сицилій заключенною, въ коей особенная статья объ ономъ-содержится". 30 декабря Серра замолвилъ слово въ пользу Людовика XVIII и просилъ царя выразить свое желаніе, чтобы Галло снова не вступилъ въ министерство, въ виду его преданности Тугуту и Франціи.—14 октября, португальскій посолъ, маркизъ Ницца, просилъ, чтобы Морковъ заступался, „требуя, чтобы Португалія оставлена была въ невредности ея настоящаго положенія", именно, чтобы Бонапартъ разрѣшилъ англійскимъ судамъ доступъ къ португальскимъ портамъ. 18 ноября Ницца, „изъясняясь въ родѣ жалобы, что Франція, подписавши прелиминары свои съ Англіей, послѣ размѣна же оныхъ ратификовала свой мирный договоръ съ Португаліею въ Мадритѣ заключенный, въ коемъ означены разныя уступки, противныя постановленіямъ о невредности владѣній королевства португальскаго, въ прелиминар-

ныхъ пунктахъ съ Англіею содержащимся, просилъ о предстательствѣ по сему государя императора". 25 ноября опять та же просьба Ниццы. Его просили выждать отвѣта на наши запросы въ Англіи. Но ждать приходилось долго: 9 января 1802 Ницца снова просилъ, чтобы приказали Моркову хлопотать въ Парижѣ объ его дѣлѣ. Наконецъ послѣдовалъ рескриптъ Моркову 14 января (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 1), въ пользу Португаліи, напоминавшій о подобномъ же рескриптѣ 26 октября 1801 г.—21 октября, батавскій посолъ просилъ, чтобы Россія выхлопотала для его республики возобновленіе сношеній съ Портой.—9 декабря Кочубей записалъ о Саурау слѣдующее: „Considérant que la conservation de la Porte est utile et nécessaire à nos deux cours, il a déclaré la proposition de Vienne de déterminer avec notre des mésures de précaution communes à cet effet et propres à assurer l'intégrité de ces possessions contre la rebellion et la désorganisation de ses propres sujets". Кочубей прибавляетъ: „Je lui ai répondu que ces mesures ne pouvaient être que passives, car dans le cas contraire elles seraient hors de propos, seraient interprêtées défavorablement et alarmeraient à la fois la Porte et les autres puissances sur nos vues cachées".—Дополненіе къ конвенціи 17 іюня: Martens (2 éd. VII, 269) и State papers (I, 416). — 2 декабря С. Эленсъ снова просилъ, чтобы императоръ „учинилъ Швеціи формальный зовъ къ приступленію къ конвенціи Англіи съ Россіей". Вице-канцлеръ „опять отклонилъ" это дѣло. Но 9-го онъ объявилъ шведскому посланнику, Стедингу, волю царя, „чтобы онъ истребовалъ отъ своего двора достовѣрное свѣдѣніе—какія причины удерживаютъ его по сю пору въ молчаніи насчетъ приступленія къ конвенціи между Россіей и Англіей, тѣмъ болѣе, что самое постановленіе сего акта имѣло главнѣйшимъ предметомъ своимъ выгоды Швеціи". Стедингъ оправдывался тѣмъ, что сама Англія требовала поправокъ въ его полномочіяхъ, которыя онъ и послалъ въ Стокгольмъ. *Pétersbourg*. Ministère, 1801, 61, 64.

123.

Морковъ Панину, 13 октября, о разговорѣ съ драгоманомъ (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 268). — Въ письмѣ С. Воронцову, 18 октября (*Архивъ Воронцова*, XIV, 357) онъ бранилъ Турцію и горячо заступался за Сардинію. Важны слова самого Кочубея объ его усиліяхъ не допускать плаванія французовъ по Черному м. и развитія ихъ торговли съ Россіей (*тамъ же*, XVIII, 258, 260). — Желая сохранить Мальту за Англіей, Нельсонъ прямо шелъ въ разрѣзъ съ интересами своихъ друзей—неаполитанской королевской четы, которая стала излечиваться тогда отъ своей „англоманіи". Адмиралъ, годъ спустя, еще точнѣе развилъ враждебную Неаполю мысль о Мальтѣ въ своихъ „Thoughts on Malta". *Helfert*, 193.—Въ „Конференціальныхъ Запискахъ" (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 53) сказано, что вице-канцлеръ объявилъ Саурау такую волю царя: „еслибы французскій посолъ Шампаньи вздумалъ опять домогаться своего насчетъ барона Гомпеша, то вѣнскій дворъ можетъ сказать, что никто не можетъ вмѣшиваться въ избраніе великаго магистра мальтійскаго, а утвердить избранника долженъ папа".—Колебанія и рѣшенія Александра I насчетъ Мальты выясняются изъ писемъ Кочубея къ С. Воронцову отъ 9, 13 и 20 ноября (*Архивъ Воронцова*, XIV, 164—167). *Рескриптъ С. Воронцову* 22 декабря (XXVIII, 460—461). — Особенно важно письмо Куракина Кочубею отъ 3 ноября, по поводу „прелиминарныхъ пунктовъ" между Англіей и Франціей (*Pétersbourg*. Ministère, 1801, 156). Изъ него вытекаетъ, что взглядъ нашего кабинета на мальтійскій вопросъ въ ту минуту принадлежитъ не самому Александру I, а его вице-канцлеру. То же самое, но съ болѣе обстоятельными доводами, изложено въ докладѣ Куракина объ амьенскомъ договорѣ (*тамъ же*, 1802, 1). — *Биньонъ* (II, 168) восхваляетъ планъ Бонапарта обратить Мальту въ больницу и доказываетъ, что англичане устроили X статью, чтобы отстранить его.—*Ранке* доказываетъ (Hardenberg, II, 66—67), что Бонапартъ противился (на амьенскихъ переговорахъ) допущенію французскаго „языка" на Мальтѣ по понятной причинѣ: онъ опасался, что Англія поставитъ какого-нибудь

Бурбона магистромъ Ордена. Ср. *Mémoires de Joseph*, I, 223. Съ другой стороны, Бонапартъ хотѣлъ внезапно выбрать магистра во Франціи. Когда Куракина извѣстили объ этомъ, онъ приказалъ Моркову, 5 января 1803 г., остановить состояніе французскихъ рыцарей Іоанна Іерусалимскаго, такъ какъ французское правительство не прощаетъ Ордена (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 240). Въ то же время, 9 января, Морковъ доносилъ министру (*Русскій Архивъ*. 1873 г., № 12), что предупредилъ его рескрипты отъ 8—14 ноября насчетъ Гомпеша, сказавши Талейрану, что Россія не можетъ стерпѣть этого выбора. Здѣсь же онъ приложилъ письмо къ нему де-Вегу о планѣ собранія французскихъ рыцарей для выбора великаго магистра.

124.

Люкезини Фридриху Вильгельму III, 18 декабря (Bailleu, № 48). — Конференціи вице-канцлера. *Pétersbourg*. Ministère, 1801, 23—68. Вотъ ихъ содержаніе съ выписками изъ болѣе важныхъ мѣстъ. *13 октября* Саурау „просилъ помощи и содѣйствія, чтобы Пруссія, при случаѣ индемнизаціи, лишняго пріобрѣтенія не дѣлала и чтобъ удовлетворенія ея состояли только въ строжайшемъ размѣрѣ съ уступленными ею владѣніями Франціи, на лѣвомъ берегу Рейна, на что уже императоръ прежде и теперь свое согласіе объявилъ“. Онъ просилъ также, чтобы Россія убѣдила Баварію согласиться на обмѣнъ въ пользу тосканскаго, предложенный Австріей. 14-го Саурау заявилъ, что, при отъѣздѣ Кобенцля изъ Парижа, Бонапартъ предложилъ Австріи Іоническіе острова за присоединеніе Піемонта къ Франціи; но Кобенцль отвѣтилъ, что Австрія не ищетъ пріобрѣтеній. 16-го Кочубей заявилъ, что императоръ недоволенъ избраніемъ мюнстерскаго епископа, который пересталъ существовать, по тайнымъ статьямъ объ индемнизаціяхъ, тѣмъ болѣе, что Мюнстеръ предназначался Пруссіи. Саурау оправдывался тѣмъ, что нельзя было остановить выборовъ, не нарушая имперской конституціи. Онъ просилъ убѣдить въ этомъ и Пруссію. 21-го Саурау „возобновилъ настоянія свои объ обѣщаніи императора ограждать Австрію въ случаѣ внезапнаго нападенія“. Кочубей отвѣчалъ: „какъ настоящее дѣлъ въ Европѣ положеніе, сколько по наклонности самого римскаго императора къ миру, столько же и по равномѣрному желанію прочихъ державъ, не подаетъ ни малѣйшаго повода къ ожиданію, чтобы Австрія могла быть съ которой-либо стороны обезпокоена нападеніемъ, то и не настоитъ повидимому никакой теперь надобности въ подтвердительныхъ со стороны государя императора удостовѣреніяхъ о подкрѣпленіи оной въ такомъ случаѣ“. Саурау просилъ еще „такой же откровенности“ насчетъ переговоровъ Россіи съ Франціей, какъ тѣ подробности, которыя сообщилъ онъ намъ о переговорахъ Кобенцля въ Парижѣ. Кочубей возразилъ, что въ Вѣнѣ, конечно, знаютъ, что сдѣлано покуда въ Парижѣ; а когда все покончатъ, тогда вѣнскій дворъ получитъ „полное увѣдомленіе“. А въ доказательство своей откровенности, онъ замѣталъ, что Крюденеру приказано успокоить Пруссію по поводу мюнстерскихъ выборовъ. Кстати Кочубей „оправдывалъ и самого Крюденера, на коего Саурау имѣлъ подозрѣніе въ пристрастіи его къ берлинскому двору“. Саурау „употреблялъ самое сильное настояніе о сообщеніи ему предписаній, сдѣланныхъ Крюденеру относительно Мюнстера, сопровождая домогательство сіе упрекомъ, что онъ всѣ свои депеши въ подлинникахъ намъ показывалъ, а мы отрицаемся отъ такого сообщенія“. Кочубей „продолжалъ отъ сего сообщенія уклониться“. *21 ноября*. Датскій посланникъ заявилъ: „такъ какъ теперь всѣ державы устремили вниманіе и попеченія свои на доставленіе себѣ индемнизацій“, то и Данія желаетъ пріобрѣсти Vierlanden (земля по ту сторону Эльбы, принадлежавшая Ганноверу). Кочубей возразилъ, что Данія не имѣетъ права на германскія индемнизаціи, да и Англія не согласится. Посланникъ согласился бросить дѣло. 22 ноября Саурау просилъ перевести изъ Вѣны графа д'Антрэга, „какъ человѣка лживаго и коварнаго, всѣмъ извѣстнаго по своей неугомонности“, который уже доказалъ свою вражду къ Австріи и „можетъ непрежнему способствовать своими клеветами къ остудѣ и разнымъ между

обоими дворами недоразумѣніямъ". Кочубей сказалъ, что въ Петербургѣ не обратятъ вниманія на его клеветы. Саурау снова добивался сообщенія ему статей тайной конвенціи 10 октября. Кочубей возразилъ, что въ свое время узнаютъ въ Вѣнѣ, да и теперь уже знаютъ главныя 5 статей, которыя „предметомъ своимъ имѣютъ сохраненіе бытія и владѣній государей, на Россію единую надежду свою положившихъ, съ нею въ тѣсныхъ союзахъ и подъ ея особеннымъ покровительствомъ находящихся"; и „Россія въ семъ договорѣ ничего особливаго для себя и конечно ничего предосудительнаго для частнаго спокойствія какой-либо державы или для общаго спокойствія Европы не постановила". Но Саурау особенно настаивалъ, чтобы показали ему двѣ послѣднія статьи. 25-го Саурау опять требовалъ удаленія д'Антрага, который „служилъ главнымъ орудіемъ къ неудовольствію покойнаго государя противу вѣнскаго двора". Кочубей повторилъ свой прежній отвѣтъ. 27-го Лузи вручилъ Кочубею письмо своего короля императору отъ 11-го (это письмо, а также отвѣтъ на него отъ 7 декабря, приложены, въ спискахъ, въ рескриптѣ Моркову. *Pétersbourg*. Paris. 1801, 226) и рескриптъ о томъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ III вполнѣ согласенъ „на виды и совѣты императора касательно удовлетворенія по германскимъ дѣламъ" и находитъ только нужнымъ снестись съ нимъ, „какъ объ образѣ произведенія онаго въ дѣйство, такъ и объ окончательномъ постановленіи о сихъ удовлетвореніяхъ". А „для вящшаго соединенія дружбы и связей между обоими государствами" Лузи просилъ „о составленіи коммерческаго договора". 2 *декабря* Саурау „изъявилъ безпокойства свои, что король прусскій въ письмѣ своемъ не употребилъ ли старанія своего къ установленію какого-либо неудовольствія государя противъ его двора или какихъ-либо подозрѣній противъ онаго". Кочубей „общими выраженіями удовлетворилъ его, что въ семъ гаданіи онъ несправедливо и совершенно ошибается". Лузи „подтвердилъ о нетерпѣніи, съ коимъ король ожидать будетъ извѣщенія о послѣднихъ намѣреніяхъ государя по дѣлу о индемнизаціяхъ". Онъ прибавилъ, что „присланный отъ него курьеръ сохраняется имъ здѣсь для отправленія сего отвѣта". 9-го Лузи просилъ сообщить ему о содержаніи нашихъ послѣднихъ депешъ въ Вѣну и объ отвѣтѣ на нихъ. Кочубей отвѣчалъ: „въ свое время узнаете". Саурау просилъ содѣйствія Россіи, чтобы эрцгерцогъ Фердинандъ получилъ что-нибудь лучше, чѣмъ Брейсгау, но только не изъ земель австрійской монархіи. Онъ прибавилъ, что Австрія допускаетъ баварскій проектъ обмѣна двухъ маркграфствъ, но лишь настолько, насколько онъ касается владѣній палатинскаго дома; но она никогда не согласится, чтобы при этомъ герцогство Вестфалія досталось Пруссіи, ибо оно—составная часть кёльнскаго курфюршества, „и было бы чистой несправедливостью, еслибы Пруссія и Баварія округлялись, увеличиваясь насчетъ Нѣмецкой имперіи". Саурау снова требовалъ, чтобы переговоры объ индемнизаціи происходили въ Вѣнѣ, какъ Панинъ предлагалъ ему, а Разумовскій—Кобенцлю. Онъ заявилъ, что если Пруссія не согласится на вознагражденія, присужденныя ей двумя императорскими дворами прошлымъ лѣтомъ, то его государь „не будетъ считать себя обязаннымъ исполнять данное имъ слово ничего не требовать для себя". 16-го Саурау опять заявилъ, что его государь никогда не согласится на избраніе Берлина мѣстомъ переговоровъ. 23-го онъ еще разъ просилъ о сообщеніи ему статей договора 10 октября, а также объ удаленіи д'Антрэга. Кочубей далъ прежній отвѣтъ. — Кочубей С. Воронцову, 28 ноября и 9 декабря (*Архивъ Воронцова*, XIV, 169—170, 172—173), объ отношеніяхъ Александра I къ Пруссіи по поводу индемнизаціи.

125.

Рескриптъ Муравьеву въ Вѣну 16 іюля 1801. — *Русскія таблицы* приложены не къ нашему № 117, а къ рескрипту Разумовскому отъ 13/25 октября (*Pétersbourg*. Vienne, 1801, 57), который сопровождался депешей Куракина, гдѣ сказано: „L'empereur des Romains n'y méconnaîtra pas les principes qui ont guidés notre auguste maître dans cette occasion aussi bien que la franchise et la loyauté avec lesquelles il sut agir envers

lui, sous ce rapport je ne doute aucunément que la cour de Vienne ne s'empresse d'agréer les voeux que dictent la plus stricte impartialité et de coopérer autant qu'il dépendra d'elle à l'arrangement final des affaires de l'Allemagne". Подробности объяснялись въ депешѣ Кочубея. Русскихъ таблицъ 6. Каждая распадается на 3 отдѣла („Pertes, Dédomagement, Observations), а отдѣлы — на 3 графы (кв. мили, число жителей, доходы). Аккуратно перечислены всѣ города и мелкія аббатства. Въ главныхъ чертахъ, индемнизаціи распредѣлены такъ: Эрцгерцогъ *тосканскій* получилъ все, что требовала Австрія: духовныя княжества Salzburg, Bergtolsgaden, Passau, Augsburg, Kempten; 12 аббатствъ imédiates; 19 имперскихъ городовъ. Но расцѣнка сдѣлана иная: у Австріи выходило, что герцогъ въ накладѣ (онъ терялъ въ Италіи 4.000.000 дохода, а получалъ только 3.631.070; по нашему онъ выигрывалъ, получая 4.369.100 дохода. Разница произошла главнымъ образомъ отъ различной оцѣнки Зальцбурга: Австрія полагала доходъ съ него въ 811,970, мы—въ 1½ милліона). *Баварія* получала епископства Würzburg, Bamberg, Eichstädt, Freisingen и Regensburg. *Пруссіи* предназначались только епископство Münster и сеньорія Richlenghausen; а она требовала въ послѣднее время епископства Hildesheim, Osnabrück и Münster да Eichsfeld съ Эрфуртомъ, исчисляя свои потери въ 1.062.000 талеровъ. (И тутъ разница въ разцѣнкѣ: Пруссія полагала доходы съ Мюнстера въ 350.000 талеровъ, а мы—въ 1.200.000 флориновъ). *Вюртембергъ* получалъ аббатства Marchthal и Zwiefalten, prévôté Ellwangen, Ulm (на лѣвомъ берегу Дуная), имперскіе города, входившіе клиномъ въ его владѣнія, 3 деревни и курфюршеское достоинство. *Бадену* давалось все требуемое имъ—остатокъ епископства Constanz, аббатство Reichenau, остатки епископствъ Basel, Speier и Strassburg, и нѣкоторые анклавы. Принцъ *Оранскій* получалъ епископство Hildesheim и курфюршеское достоинство „pour toute la maison de Nassau en masse". — Содержаніе русскихъ октябрьскихъ таблицъ видно изъ Observations у Beer'a (Zur Geschichte, 534) и отчасти изъ писемъ Кобенцля осенью 1802 г. (Fournier).

126.

Cobentzl an Colloredo о вмѣшательствѣ Россіи въ дѣла Германіи, у Fournier. — Заявленіе Гаугвица объ октябрьскихъ таблицахъ въ депешѣ Крюденера 7 ноября н. с.— Въ депешѣ Крюденеру 17 декабря наше министерство заявляло, что царь хочетъ ограничить Пруссію въ виду ея жадности, тѣмъ болѣе, что ее заподозрѣвали въ тайныхъ соглашеніяхъ съ Франціей противъ Австріи и другихъ державъ. — *Донесеніе Саурау*, 18 декабря, о бесѣдѣ съ Кочубеемъ, по вѣнскому архиву, изложено у Wertheimer'a, который поправляетъ Беера, нѣсколько исказившаго приведенныя у насъ въ текстѣ слова Саурау. О томъ же весьма любопытныя заявленія самого Кочубея, въ его письмахъ С. Воронцову отъ 9 и 14 декабря (*Архивъ Воронцова*, XIV, 171, 175).—*ЛудвигъКобенцль Филиппу* 11 декабря, у Fournier.—Конференціи Кочубея съ Саурау насчетъ Швейцаріи, 18 ноября. *Pétersbourg*. Ministère, 1801, 46, 55. — Кочубей, подобно своему монарху, боялся Бонапарта и оправдывалъ миръ съ нимъ тѣмъ, что эта сила „est dans l'état à exiger beaucoup de ménagements, au moins beaucoup de prudence". Онъ полагался на благоразуміе Моркова: „il ne nous exposera pas à nous voir compromis prématurément avec ce fou, d'ailleurs, homme d'un vaste génie" (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 259). — Положеніе нѣмецкаго вопроса, въ концѣ 1801 г., и наше участіе въ немъ превосходно опредѣляются письмами Кочубея С. Воронцову 21 ноября и 22 декабря (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 249, 257—258).—Миролюбивый взглядъ А. Воронцова выразился въ его Запискѣ, составляемой для императора, въ ноябрѣ (*тамъ же*, XXIX, 468).—Для жалобъ Моркова см. примѣчаніе 115-е.

127.

Въ изучаемыхъ нами документахъ разбросано много драгоцѣнныхъ данныхъ для будущей біографіи Моркова (покуда у насъ сдѣлана лишь попытка такого труда въ *Русской Бесѣдѣ* за 1857 г., кн. IV). Мы видимъ здѣсь рядъ сопровождавшихъ его карьеру непріятностей, то за небрежность, то по поводу Куракина, Кристина, Фулью и перебранокъ съ Талейраномъ. Къ служебнымъ недоразумѣніямъ относятся петербургскіе слухи насчетъ его отношеній къ Панину, возникшіе по поводу отставки послѣдняго. Ему пришлось усердно оправдываться, и онъ по обыкновенію прятался подъ крылышко С. Воронцова: описывая ему свои связи съ Панинымъ, онъ защищалъ и этого послѣдняго, доказывая, что это вовсе не былъ пруссофилъ, что въ Берлинѣ даже радовались его паденію (*Архивъ Воронцова*, XX, 105). 4 октября Морковъ увѣрялъ Кочубея, что только разъ писалъ благодарственное письмо Панину, по выходѣ его въ отставку, а изъ Берлина вовсе не получалъ отъ него писемъ. Онъ присовокуплялъ: „je suis un homme très pénétré de ses devoirs envers l'empereur pour être capable de la moindre réticence, surtout lorsque des ordres aussi positifs que ceux que vous m'avez transmis, l'obligent de s'expliquer". *Pétersbourg*. Paris, 1802, 231. — Денежныя стремленія стояли у Моркова на высотѣ его спѣсивости и желанія играть роль большаго барина. Съ ними встрѣчаешься на каждомъ шагу въ его жизни. Морковъ вѣчно прикидывался казанскою сиротой. Его жалобамъ нѣтъ конца, начиная съ весны 1797 (*тамъ же*, XX, 73—77). Браня всѣхъ и вся, съ высоты своего „русскаго" ума, сердца и талантовъ, Морковъ даже не соглашался съ своимъ желчнымъ покровителемъ, тоже „русскимъ", С. Воронцовымъ, который находилъ, что у насъ есть хоть одинъ порядочный человѣкъ, да и тотъ, впрочемъ, полякъ: въ глазахъ Моркова и Чарторижскій былъ негодяй, ибо тягался съ нимъ изъ-за землицы (*тамъ же*, X, 182). Этотъ грозный патріотъ и великій дипломатъ самъ себя выдалъ головой суду потомства наивнымъ признаніемъ другу, которое рисуетъ и высоту души послѣдняго. Онъ писалъ С. Воронцову, 21 февраля 1802, что взялъ мѣсто въ Парижѣ съ цѣлью выиграть свой денежный процессъ: его врагъ, генералъ-прокуроръ, не посмѣетъ-де заѣсть меня, когда получу нѣкоторую „consistance" на службѣ (XX, 107). Немудрено, что Морковъ не щадилъ покоя самого царя: въ концѣ 1801 г. онъ писалъ ему, какъ Екатерина II не успѣла наградить его, какъ Павелъ I преслѣдовалъ его и т. д. (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 254). Морковъ осаждалъ министерство просьбами о прибавкѣ жалованья, котораго ему не хватало, несмотря на „скаредную жизнь" и отсутствіе дѣтей у этого малорослаго уродца, впрочемъ, не лишеннаго актрисы въ началѣ своей карьеры и „метрессы" въ описываемое время: ему хотѣлось „сохранить для племянниковъ свою „modique fortune". 13 октября 1801 г. Морковъ писалъ Панину (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 266), какъ онъ усердно служилъ въ министерствѣ, особенно въ концѣ царствованія Екатерины, дошелъ до 6,600 р. жалованья и надѣялся на великія милости; но вдругъ, при Павлѣ I, на него обрушились „la malice et la calomnie des ennemis"—и онъ подалъ въ отставку, надѣясь хоть сохранить, какъ пенсію, свои „faibles appointements". Но, говорилъ онъ, „ma démission était humiliante et accompagnée de persécutions, qui ont affaibli le modique salaire, que j'ai reçu de mes services". Ссылаясь на дороговизну въ Парижѣ, Морковъ просилъ прибавить къ жалованью эту пенсію да еще „bonification du cours de change" и квартирныя, какъ у С. Воронцова, ибо его постъ „приравнивается къ лондонскому". Наконецъ онъ просилъ не означать въ вѣрительныхъ грамотахъ званія, которое „давало бы опредѣленное мѣсто въ средѣ дипломатическаго корпуса, пребывавшаго въ Парижѣ": онъ желалъ быть „simplement accrédité pour traiter les affaires qui auront lieu entre les deux gouvernements avec les titres dont je suis revêtu à présent". Эти жалобы пояснялись въ письмѣ С. Воронцову 18 октября (*Архивъ Воронцова*, XIV, 358). Но Кочубей писалъ А. Воронцову (*тамъ же*, 165) насчетъ денежныхъ просьбъ Моркова: „nous ferons les sourdes oreilles". Затѣмъ нашъ дипломатъ послалъ А. Воронцову такой разсчетъ: получаю только 16,000 р., что̀ равняется 80,000 fr.; а нужно мнѣ около 130,000 livr.; обойдусь, если дадите пенсію въ

6,000 р., да прибавлю своихъ 60 или 70 тысячъ ливр. 9 января 1802 г., жалуясь С. Воронцову на то, что ему не отвѣчаютъ, Морковъ прибавлялъ: „je ne puis me soumettre à l'existence d'un petit galopin qui court après d'autres emplois“ (*тамъ же*, XX, 95). Наконецъ, 20 марта 1802 г., онъ увѣдомлялъ С. Воронцова, что доволенъ: ему прибавили около 2,000 р. (*тамъ же*, XIV, 276, 279, 280; XX, 122). Мы видѣли необыкновенную скромность Моркова относительно дипломатическихъ подарковъ за миры: онъ брезгалъ ими, но доносилъ, что, по долгу службы, обмѣнивался табакерками даже съ Азарой (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 217). По извѣстной пословицѣ, Морковъ былъ особенно чутокъ къ слухамъ насчетъ этихъ дѣлъ въ польскомъ вопросѣ, гдѣ роль его была еще свѣжа въ памяти у всѣхъ. 2 марта 1802 г. онъ писалъ С. Воронцову, что, конечно, его братъ не разумѣлъ его, когда, въ запискѣ императору о подаркахъ, замѣтилъ, будто упрекали министровъ въ расположеніи трактатовъ ради подарковъ, „et nommément à l'occasion du partage de la Pologne“. „А, вѣдь, я состоялъ въ министерствѣ того времени“, прибавлялъ Морковъ. Онъ взялся объясниться, и вышло, что подарки-то — фактъ, но что куча трактатовъ была потребностью времени (*Архивъ Воронцова*, XX, 118). Политическій образъ мыслей Моркова ясенъ, благодаря его бумагамъ, диктованнымъ горячностью и самомнѣніемъ. Особенно взгляды обоихъ пріятелей обнаруживаются въ интимной перепискѣ его съ С. Воронцовымъ. Это были истинные французоѣды и люди „партія войны“, по выраженію Эдувиля. У Моркова часто встрѣчаются тирады вродѣ слѣдующей, по поводу послѣдняго изъ полученныхъ имъ рескриптовъ (въ его письмѣ къ Воронцову отъ 9 января 1802 г.): „*L'empereur* ne veut pas la guerre et il fait très-bien de ne pas la vouloir. Mais ce n'est pas la manière de l'éviter que de trop manifester la crainte que l'on en a. Il veut qu'on cède tout, qu'on dissimule tout plutôt que de l'exposer à une brouillerie avec ce pays-ci. Mais quelle diable de suite peut avoir pour nous une brouillerie avec la France? De payer un peu plus cher le vin de Bordeaux, les huiles de Provence, les bronzes et les dentelles, choses dont, à la rigueur, nous pourrons fort bien nous passer, tandis qu'eux ne peuvent pas, sans de grands inconvénients se passer de tant d'objets importants à l'entretien même de leur puissance et de leur ascendant. On me délaie jusqu'au déboire la nécessité de ménager ce pays-ci. Ce ne serait rien si on ne me le disait qu'à moi; mais on le dit à tout le monde ou du moins tout le monde le sait. Je vais expédier incessamment un courrier pour Pétersbourg, par lequel je dirai franchement ma façon de penser“. Въ другой разъ, снова выходя изъ себя, по поводу письма Александра I Бонапарту въ пользу торговли Россіи съ Франціей, Морковъ написалъ С. Воронцову: „Moi, j'ai tenu et je tiens jusqu'à présent un langage tout-à-fait différent. Je dis à Talleyrand et à tout ce qui appartient aux affaires dans ce gouvernement-ci, que rien n'est plus contraire aux intérêts de la Russie que les trop grandes facilités qu'on accordait chez nous à ce commerce-ci“ (*тамъ же*, XX, 93, 98). Этимъ доморощеннымъ экономическимъ соображеніямъ соотвѣтствовали политическіе взгляды Моркова. Онъ писалъ Воронцовымъ, въ январѣ—мартѣ 1802, что радуется, что „вкусъ, можно сказать, очищается“, ибо на сценѣ ставятъ Вольтера „на третьемъ мѣстѣ“, послѣ Корнеля и Расина, и требовалъ, чтобы англійское министерство „запретило этому misérable“ редактору *Лондонскаго Курьера* печатать столь неприличныя клеветы на его счетъ. Отдѣлывая либераловъ въ сенатѣ посредствомъ напыщенныхъ, но грозныхъ фразъ, Морковъ ронялъ такіе перлы государственной мудрости: „нельзя поминать о годахъ государя, ибо son âge est celui de l'empire“. Такъ какъ среди этихъ либераловъ случился Потоцкій, то онъ сваливалъ все на поляковъ, ибо они „проиграли свое государство“. На его вкусъ ужъ лучше „tyrannie ou despotisme arbitraire“, и это безкорыстно: онъ самъ былъ „жертвой“ послѣднихъ. Вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ Россіи, Морковъ позволялъ себѣ говорить даже больше, чѣмъ о годахъ государя. Онъ находилъ, что его либерализмъ — „maladie épidémique“, занесенная изъ Франціи, гдѣ, впрочемъ къ счастью, уже „les liens de l'autorité se resserrent“: „c'est ainsi que le malhereux Louis XVI a creusé sous lui l'abime qui l'a englouti!“ Въ другой разъ Морковъ выразился еще развязнѣе: „je reçois peu de notions de ce qui se passe chez nous, mais tout ce qui me parvient de notoriété publique porte plutôt le cachet et les formes de Paul I, aux cruautés près, que celui d'un gouvernement

établi sur des principes de raison et de convenances, tels qu'on les avait suivis dans les temps, où le monde était gouverné par des calculs sagement combinés d'autorité et de douceur". Морковъ былъ до того человѣкомъ идеи, несмотря на свои финансовыя затрудненія *), что изъявлялъ радость по поводу своихъ болѣзней и наступающей старости, ибо ужасны были извѣстія изъ Петербурга: „on parle de nouvelle constitution et d'affranchissement des paysans!" И Чарторижскій входитъ въ силу, а Кочубей скоро покинетъ свой постъ! Это было тѣмъ ужаснѣе, что „у этой партіи есть и умъ, и знанія, и красавица, которая съумѣетъ привязать къ себѣ" (намекъ на польку Нарышкину). Такъ изливался Морковъ передъ С. Воронцовымъ и скромно прибавлялъ въ заключеніе: „всѣ ожидаютъ, для обузданія сей партіи, возвращенія С. Р. Воронцова, съ его извѣстною твердостью". Иногда убѣжденія Моркова выражались съ трогательною наивностью: въ концѣ 1802 г. онъ хлопоталъ предъ А. Воронцовымъ, чтобы взяли въ Петербургъ одну актрису, которая если не была звѣздой сцены, зато осталась вѣрна монархіи, покинула театральныя подмостки при революціи (*тамъ же*, XIV, 276, 290; XX, 101, 110, 112, 116, 117).

128.

Дѣло Фулью подробно описано у *Биньона* (II, 317), который добросовѣстно пользовался нашимъ № 147.—По этому вопросу очень важно письмо Бонапарта къ Фушэ, изъ Ліона, отъ 16 января (*Correspondance de Napoléon*, № 5920), гдѣ онъ требуетъ „возможно скорѣе" прислать ему „съ чрезвычайнымъ курьеромъ", „тщательный" допросъ, который онъ „намѣревался отправить прямо къ Александру I". — Письмо Бонапарта царю съ упоминаніемъ о дѣлѣ Моркова (№ 137) напечатано тамъ же (№ 5957) по подлиннику, сообщенному Александромъ II; черновая въ парижскомъ архивѣ. И въ Парижѣ, и въ Петербургѣ этому письму придавали особенное значеніе. Въ „конференціальныхъ запискахъ" сказано, подъ 5 марта: „всѣ вообще (посланники) любопытствовали о содержаніи письма перваго консула". Коленкуръ испыталъ волненія при его подачѣ. Не успѣлъ онъ „изъявить свою надежду, что императору угодно будетъ, съ возвращающимся отъ него курьеромъ, отвѣчать на письмо перваго консула", какъ уже вновь напоминалъ Куракину, что ждетъ только отвѣта царя, чтобы отправить курьера въ Парижъ: онъ „a fortement insisté", чтобы вице-канцлеръ добылъ этотъ отвѣтъ. *Pétersbourg.* Ministère, 1802, 43, 44.—Послѣ разговора съ Талейраномъ о Фулью, Морковъ запѣлъ пѣсню Колычева. Онъ написалъ С. Воронцову 9 февраля: „je ne suis plus bon à rien et le repos est la seule chose qui convienne à l'état de ma santé". А 2 марта онъ прибавлялъ, что въ Парижѣ онъ прослылъ, какъ „et l'auteur, et dupe" злополучныхъ бюллетеней: „et c'est ainsi qu'on m'appele gobe-mouche". *Архивъ Воронцова*, XX, 102, 113.—Подарокъ Моркову былъ лишь отвѣтомъ на наши подарки. 15 января нашъ дипломатъ увѣдомлялъ о полученіи осыпанной алмазами табакерки для Талейрана (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 135). 2 февраля онъ просилъ Талейрана раздать деньги его канцеляріи, а 4-го получилъ слѣдующую росписку казначея французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ: „J'ai reçu de m. le comte de Morcoff une somme de 24.000 fr. pour remettre au ministre des relations extérieures, comme présent de chancellerie à l'occasion du traité de paix; la présente quittance sera échangée contre une autre pareille signée par le ministre lui-même". 6-го Талейранъ увѣдомилъ Моркова о полученіи 24.000, не только какъ „présent de chancellerie", но и какъ „contrevaleur" посланной имъ

---

*) Они доходили до того, что въ маѣ 1802 г. произошла цѣлая баталія между нимъ и хозяиномъ квартиры, которую онъ бросилъ до срока и не хотѣлъ платить, а домовладѣлецъ арестовалъ его вещи. Послѣдній жаловался Талейрану 11 флореаля (an X), но ему отвѣчали, что онъ не вправѣ задерживать мебель представителя Россіи. *Paris*, 141, 108, 109.

самимъ Моркову суммы. Онъ прибавлялъ: „j'en ferai l'usage auquel elle (la somme) est destinée“ (*тамъ же*, 297, 298). Талейранъ бралъ съ насъ и нумизматическія взятки. 4 мая Эдувиль извѣщалъ его: „la collection des monnaies russes que désire le ministre des relations extérieures, lui sera remise par Caulaincour“. 9 іюня онъ прибавлялъ, что царь посылаетъ ему еще собраніе русскихъ медалей (*Paris*, 141, 110). Изъ № 181, который названъ „la lettre particulière et très secrète“, можно видѣть, какъ интересовался Талейранъ такими маленькими презентами.—Въ іюнѣ Морковъ жаловался Куракину (*тамъ же*, 189), что Азара настаиваетъ на взаимныхъ подаркахъ за миръ между Италіей и Россіей. Онъ прибавлялъ, что ему тяжело писать объ этомъ, что этого вовсе не нужно, и просилъ уклониться, если можно. Конецъ этого дѣла указанъ въ примѣчаніи 127-мъ.

129.

Экс-секретарю министра Калонна, эмигранту и нашему тайному агенту, Кристину, посчастливилось. О немъ составилась цѣлая литература. Въ 1882 г. появилась (въ *Русскомъ Архивѣ*, потомъ отдѣльнымъ изданіемъ) его переписка съ фрейлиной Маріи Ѳеодоровны, Туркестановой, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ дипломатомъ Будбергомъ. Отчаянный роялистъ и іезуитъ, швейцарецъ Кристинъ возникъ въ Россіи, вмѣстѣ съ Калонномъ, въ 1794 г., когда ему было лѣтъ 30. Онъ пристроился къ входившему въ силу Моркову: посредницей была французская актриса, явная метресса послѣдняго. Его употребляли тогда на разныя темныя дѣла, особенно по шведской части. Съ воцареніемъ Павла I, когда Морковъ очутился въ деревнѣ, мы видимъ тамъ же, у него подъ бокомъ, и Кристина въ отставкѣ, но съ пенсіей. При Александрѣ I онъ снова былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и попалъ въ Парижъ, опять подлѣ своего патрона, съ 1.500 р. жалованья, кромѣ пенсіи. Фушэ зорко слѣдилъ за нимъ, такъ какъ тогда появился цѣлый эскадронъ подобныхъ же темныхъ и подвижныхъ нашихъ агентовъ за-границей: д'Антрегъ возникъ въ Вѣнѣ и Дрезденѣ, Вернегъ — въ Неаполѣ. Когда разразился скандалъ Моркова съ Фулью, вину свалили на Кристина: Моркову велѣли удалить его, но увѣривъ, что онъ будетъ получать черезъ своего патрона условленное „traitement“, гдѣ бы онъ ни жилъ. Кристинъ удалился на родину, въ Ивердюнъ, куда ему и выслали за первую треть года. Но больше Морковъ не получалъ. 13 декабря онъ просилъ А. Воронцова похлопотать о продолженіи пенсіи, причемъ замѣтилъ: „вы, конечно, слышали о нѣкоемъ Кристинѣ и о томъ, подъ какимъ видомъ онъ былъ причисленъ къ моему посольству. Это молодой человѣкъ не безъ талантовъ и усердія: mais il me paraît qu'il a été desservi. Въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ, когда онъ былъ près de moi, я не замѣтилъ за нимъ ничего порицательнаго: il ne commit aucune indiscrétion et ne voyait que des gens très-sortables; il m'a même donné quelques informations très-utiles. Имѣю основаніе приписать его опалу Куракину, предъ которымъ его очернилъ Шуазель, злившійся на него pour des tracasseries de société“. *Архивъ Воронцова*, XIV, 289—290. Послѣ 1812 г. Кристинъ жилъ на покоѣ, на пенсіи, въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1837.

130.

Положеніе Моркова картинно изображается въ двухъ бумагахъ парижскаго архива (*Paris*, 141, 151 и 152). Морковъ далъ Талейрану, 21 іюня 1802, грозную ноту, прося его „въ четвертый разъ“ пропустить выписанную имъ изъ Англіи карету съ ящикомъ конской сбруи. Онъ указывалъ, что это—его право, а не исканіе милости, и требовалъ отвѣта для донесенія петербургскому двору. Талейранъ отвѣчалъ, 23-го, что это не его дѣло: какъ рѣшитъ министръ финансовъ, „а вы доносите двору, не теряя времени“. 1 іюля министръ финансовъ увѣдомилъ Талейрана, что Бонапартъ соблаговолилъ — и онъ послалъ приказъ въ таможню о пропускѣ вещей Моркова (*тамъ же*, 157). — Изъ

нашихъ документовъ вытекаетъ, что Разумовскій былъ не совсѣмъ правъ въ своемъ столкновеніи съ Шампаньи, и этому впечатлѣнію соотвѣтствуютъ личности соперниковъ. Самъ пріятель Разумовскаго, Штаремберъ, называвшій Шампаньи „le valet représentant du consul", свидѣтельствуетъ, что это былъ крайній австрофилъ и французоѣдъ. Онъ говоритъ о немъ (p. 114): „je l'aime sans compter trop sur lui, c'est à dire sur la solidité de son amitié; mais il est aimable, de bonne société et a du talent; nous ne saurions avoir un ambassadeur plus dévoué au système de l'alliance de sa cour avec la nôtre, il en a été la victime plus d'une fois, ainsi que de sa manière de penser sur les affaires du temps, qui est parfaite, aussi pure, j'ose dire *exagérée* que la mienne; c'est bien *avec regret* qu'il obéit aux ordres de sa cour en traitant avec Champagny et d'autres espèces français du même genre". Напротивъ, Шампаньи славился своею мягкостью и вѣжливостью. Онъ заслужилъ уваженіе вѣнскаго двора и дружбу Л. Кобенцля, такъ что оставался на своемъ посту до самой войны. Онъ справедливо говоритъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, что подчинялся „всѣмъ обычаямъ страны, всѣмъ законамъ этикета" и нерѣдко самовольно смягчалъ рѣзкіе приказы Бонапарта. *Souvenirs de Champagny duc de Cadore*, 1846, 86—89.

131.

Извѣщая А. Воронцова о выходѣ въ свѣтъ 3-го тома „Записокъ" Массона и о томъ, что его продаютъ открыто, Морковъ замѣтилъ: „j'en ai fait sentir l'indécence au ministre de la police, mais je n'ai pas fait de démarche officielle sachant que notre empereur dédaigne ces sortes de choses" (*Архивъ Воронцова*, XIV, 276).—Принцесса Тарентская, о которой уже Павелъ I усердно хлопоталъ (стр. XXXV)—любопытная особа среди стаи птенцовъ старой Франціи. Дочь послѣдняго изъ герцоговъ де-Шатильонъ, она вошла по мужу въ фамилію герцоговъ де Trémoille, которые притязали на неаполитанскій престолъ по своему родству съ средневѣковыми Анжуйцами. Придворная дама Маріи Антуанетты, она бѣжала, послѣ ея казни, въ Лондонъ, гдѣ стала душой роялизма, а въ началѣ XIX в. была такимъ ревностнымъ орудіемъ католической пропаганды, что папа чуть не причислилъ ее къ лику святыхъ. Въ Лондонѣ на нее обратилъ вниманіе С. Воронцовъ. Въ 1796 г. о ней дошла вѣсть въ Гатчину; съ нею переписывалась великая княгиня Марія Θеодоровна (*Архивъ Воронцова*, XXII, 5). Послѣдняя, ставши императрицей, пригласила ее въ Россію: она послала ей, по свидѣтельству Роджерсона, портретъ съ милостивой запиской о томъ, что ей будутъ давать въ пенсію отъ нея 1.500 р. да отъ императора столько же, „aussi longtemps qu'elle resterait en Russie" (*тамъ же*, XXII, 499; XXX, 95, 106). Княгиня Тарентская поблагодарила С. Воронцова за вниманіе и выѣхала, въ сентябрѣ 1797 г., въ Россію, въ сопровожденіи нѣкоего герцога de Crussel (XXIX, 355—356). 29 сентября Николаи и Татищевъ извѣстили С. Воронцова (XVIII, 335; XXII, 53), что княгиня была „parfaitement" принята въ Петергофѣ: ей дали орденъ св. Екатерины; ее сдѣлали фрейлиной. Но тогда у насъ колесо фортуны быстро мѣняло свой ходъ. Вдругъ „on lui a battu très froid"; даже „elle n'a pas été invitée à venir à Pavlovsky", хотя за ея принципы дали ей, въ тезоименитство царя, его портретъ, а на своемъ туалетѣ она нашла пріятный сюрпризъ—5000 золотомъ. Царедворцы болтали о разныхъ причинахъ: она-де выказала высокомѣріе, позволяла себѣ упущенія въ этикетѣ (насчетъ цѣлованія рукъ и т. под.); она сблизилась съ Шуазелемъ, котораго царь вдругъ сослалъ въ его деревню, въ Крыму, между прочимъ, за его дружбу съ Кобенцлемъ. Принцесса Тарентская, писалъ Николаи С. Воронцову, въ 1797 г., осталась въ сторонѣ и получаетъ „только" 3600 р. (XXII, 54). Впрочемъ, въ началѣ 1799 г. Ростопчинъ писалъ Воронцову уже другое (*тамъ же*, кн. 8). Заявляя свое уваженіе къ ней и „удивленіе, что она, кромѣ фамиліи, ничего французскаго не имѣетъ", онъ сообщалъ, что она вызываетъ своего племянника, которому царь „пожаловалъ на дорогу 200 червонныхъ и по пріѣздѣ приметъ его подъ особенное свое покровительство". Принцесса Тарентская сохраняла званіе статсъ-дамы до самой своей смерти (1814 г.).

132.

Нашъ № 132 приложенъ къ депешѣ Кочубея Моркову отъ 30 декабря 1801 с. с. (*Pétersbourg*. Paris, 1801, 243). Кочубей увѣдомлялъ, что царь желаетъ помочь Людовику XVIII, но одинъ не въ силахъ: поэтому его министры должны предложить нѣкоторымъ дворамъ давать „une rétribution annuelle", чтобы „assurer à ce prince une existence honnête et décente, telle qu'il convient à son rang et à sa naissance". У насъ приготовили-было подобное обращеніе и къ испанскому королю, да вспомнили, что еще не возстановлены прямыя сношенія съ нимъ: Кочубей предписывалъ Моркову поговорить объ этомъ съ Азарой. — Актъ о приступленіи Швеціи, 30 марта 1802, къ нашимъ конвенціямъ съ Англіей отъ 17 іюня и 20 октября 1801 г., у *Martens*, 2 éd., VII, 276. — Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ, доказывающихъ крайнюю осторожность Александра I. 7 сентября н. с. 1801 г. Энгель писалъ Куракину, что царь согласенъ хлопотать за Ришелье, но „предоставляетъ благоразумію Моркова, чтобы подвиги его по сему предмету, въ случаѣ безуспѣшности, не компрометировали достоинства высочайшаго двора". *Pétersbourg*. Ministère, 1801, 132.

133.

Приводимъ весьма любопытныя для отечественной исторіи мѣста изъ переписки Саурау и состоявшаго при немъ Гуделиста (впослѣдствіи, при Меттернихѣ, директоръ государственной канцеляріи) со Штаренбергомъ (*Starhemberg*, 94—96). Гуделистъ писалъ 20 января: „L'affaire des indemnités en Allemagne chemine lentement, le plus triste en cela est que le grand duc de Toscane reste sans terre. Je crois que dans les dispositions actuelles des cours il ne reste qu'à travailler, sans se laisser rebuter, à lever des obstacles qui s'opposent à leur réunion; à prêcher la nécessité de rétablir les liens fédératifs, qui faisaient leur sûreté réciproque; à tenir dans les affaires qui se traitent une conduite qui puisse inspirer de la confiance; à ne pas perdre courage, et à compter un peu sur le chapitre des incidents, auxquels il est essentiel de préparer les esprits pour en tirer profit".— Саурау писалъ Штаренбергу 19 февраля и 25 марта: „Depuis mon arrivée dans ce pays je ne cesse de travailler à renouer les liaisons, qui unissaient jadis les trois cours, et qui, avec un peu plus de procédés conséquents, auraient pû faire trembler les usurpateurs transrhénans et leur complices prussiens. L'amitié et les bons procédés et les communications confidentielles entre les deux cours impériales sont heureusement rétablies, mais il est beaucoup à craindre, qu'on ne se tienne là, sans vouloir prendre part à toute mesure énergique, pour s'opposer à la progression du pouvoir français, dont l'Europe entière est menacée. Le souverain n'a pas d'énergie, les ministres ni assez d'intelligence, ni d'assiduité en travail et moins encore de caractère, ne pensent qu'à prolonger leur existence, et le parti français a plus d'influence et plus d'adhérence que vous ne croyez. Dans ces circonstances des ministres plus habiles et plus expérimentés que moi auraient de la peine à se tirer d'affaires. Ne vous attendez donc pas à de grands exploits de ma part dans une constellation de circonstances aussi fâcheuses que l'est la présente, à moins que quelque Deus ex machina ne vienne à notre secours... Vos lettres me servent d'encouragement dans les circonstances tristes et difficiles où nous sommes réduits, non moins par nos propres fautes, que par la faiblesse et l'égoïsme de trois grandes cours, qui tout aussi bien que nous devraient travailler contre *l'établissement de la monarchie universelle* de Bonaparte, et qui, en nous abandonnant dans un moment aussi critique, ne font que préparer leur propre ruine, qu'ils ne pourront alors plus éviter. La réunion de la Lombardie et des états d'Italie à la France, sous le prétexte ridicule de direction provisoire a fait plus de sensation parmi les particuliers et le publique qu'à la cour et au ministère, au moins ne paraît-il pas que *Bonaparte* ait à craindre de ce côté-là une opposition bien vigoureuse. L'impertinence que le *premier consul* a fait au c. de Morkoff

en pleine cour, n'a non plus réveillé cette noble fierté qui provient d'un sentiment de dignité et de puissance, et il aurait pu lui cracher au visage sans qu'on ait eu le courage de demander réparation d'un pareille affront. Le sommeil d'indolence et de pusillanimité est ici si fort, qu'un coup de tonnerre ne suffirait probablement pas pour les éveiller".

134.

Для мысли о тройственномъ союзѣ, а также для хода дѣла Моркова съ Фулью въ Петербургѣ важны протоколы засѣданій неофиціальнаго комитета отъ 22 января, 10, 17, 24 и 31 марта.—Нота Моркова Талейрану о Сардиніи, составляетъ нашъ № 127. Она была приложена къ № 129. — С. Эленсъ, едва ли не на собственный страхъ, предлагалъ, 7 января, чтобы Россія, совмѣстно съ Англіей, сдѣлала представленіе противъ присоединенія Пьемонта и Лигуріи къ Франціи. Это видно изъ конференціальныхъ записокъ. *Pétersbourg.* Ministère, 1801, 71. — Если наши министры надоѣдали Коленкуру своими запросами насчетъ Сардиніи, то и имъ не давалъ покоя сардинскій министръ, Валезъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ же записки (1801, 72).—Въ депешѣ Коленкура Талейрану (1 ventôse, an X) сказано, между прочимъ: „La nouvelle de la nomination du premier consul à la présidence du congrès cisalpin est arrivée ici avant-hier; beaucoup de personnes m'ont parus étonnées, quelques ministres surpris; d'autant plus que l'on répandait complaisamment depuis quelque temps, que le consul destinait cette présidence au roi de Sardaigne... M. de Morkoff mandait lui-même dans sa dernière dépêche qu'il n'avait rien pu pénétrer"... *Paris*, 141, 74.—Изъ донесеній Моркова видно, какъ ловко парижскіе маги дипломатіи устроили и какъ шумно раздували дѣло ліонской консульты. Онъ писалъ Кочубею, 15 марта, какъ парижскіе журналы вдругъ наполнились разными „сказками", чтобы доказать, будто всѣ державы одобряютъ это громкое событіе. Въ заключеніе сказано: „on invente le langage qu'on fait tenir à cette occasion à l'ambassadeur de Vienne et au ministre de Prusse; le *Moniteur* dit que les nouvelles lettres de créance qui me sont parvenues m'ont été envoyées par le courrier qui avait porté la nouvelle de l'issue de la consulte de Lyon". *Pétersbourg.* Paris, 1802, 157. — Биньонъ (II, 162—164) пользовался нашими №№ 137 и 149.—Морковъ доносилъ Кочубею 31 марта, что изгнанный изъ Парижа Марсанъ оставилъ Муссу, въ видѣ attaché при Колычевѣ. Но Фушэ потребовалъ Муссу въ полицію. Морковъ, конечно, воспользовался случаемъ учинить новую пикировку съ Талейраномъ на бумагѣ. *Pétersbourg.* Paris, 1802, 158.

135.

Кочубей писалъ С. Воронцову, въ 1798 г., про Турцію: „c'est encore un état qui disparaîtra de lui-même en Europe d'ici à une quinzaine d'années". *Архивъ Воронцова*, XVIII, 157.—Отношенія Павла I къ Австріи, по поводу Порты, выясняются изъ письма Безбородко С. Воронцову 2/13 декабря 1797 г. *Тамъ же*, XIII, 380—382. — Кочубей о видахъ „канальи" на Турцію и Польшу, въ его письмѣ С. Воронцову 28 августа и 11 сентября 1798. *Тамъ же*, XVIII, 157.—Взглядъ Колычева на отношенія французовъ къ Польшѣ см. на стр. XXXVII. — Въ Петербургѣ имѣли свѣдѣнія, что директорія „готовитъ экспедицію въ Черное море, дабы заставить турокъ или соединенно противъ насъ дѣйствовать, или подать руку черезъ Молдавію въ Польшу и противъ насъ возбудить. Сіе послѣднее у французовъ крѣпко въ головѣ сидитъ: они хотятъ возстановить Польшу". Такъ писалъ Безбородко С. Воронцову 6 іюня 1798. Онъ думалъ даже, что „такъ какъ основаніемъ инсургенціи въ Молдавіи были равенство и правила французскія, то кто поручится, что и наши порубежныя провинціи (я разумѣю мѣщанство и чернь, а отчасти и мелкое дворянство) къ тому не пристанутъ?" Эта „инсургенція" объясняется въ письмѣ Кочубея С. Воронцову отъ 26 сентября 1797 г. *Архивъ Воронцова*, XIII, 395, 401; XIV, 89—90. — Въ рескриптѣ Панину 24 іюля 1798 выражено желаніе „при-

нять совмѣстныя (съ Пруссіей) мѣры къ уничтоженію покушеній со стороны Франціи къ нарушенію спокойствія въ областяхъ, отъ бывшей польской республики присоединенныхъ", ибо здѣсь у Россіи и Пруссіи „одни интересы". Это желаніе повторено въ рескриптѣ 10 сентября, а въ рескриптахъ 13 октября и 30 декабря Павелъ I предлагалъ, на этотъ случай, свои войска Пруссіи. *Тамъ же*, XI, 260—265, 270.— Бонапартъ о видахъ Александра I на Турцію у *O'Meara:* Napoléon en exil, 1822 (Correspondance de Napoléon, XXXI, 323).—Октябрьскіе прелиминаріи Франціи съ Портой встревожили англичанъ, тѣмъ болѣе, что въ Лондонѣ были „сильно опечалены" поведеніемъ русскаго министра въ Константинополѣ, какъ доносилъ С. Воронцовъ Кочубею 17/29 января 1802. При этомъ, конечно, нашъ англоманъ, какъ „русскій", тоже былъ огорченъ. Онъ замѣтилъ меланхолически: „les ministres russes sont devenus les agents de Bonaparte... la Russie s'abaisse à jouer ce rôle secondaire et si dégradant pour elle", словно какая-нибудь Швеція или Испанія. Мужественный патріотъ прибавлялъ, что это его письмо посылается „конфиденціально", но тѣмъ не менѣе съ цѣлью познать „s'il est encore permis à un homme, qui sent toute la dignité de son pays, de le servir sans honte". *Архивъ Воронцова*, XI, 357. Но знатокъ Турціи, Кочубей, видѣлъ въ этомъ печалованіи англичанъ лишь слѣдствіе донесеній ихъ неопытнаго дипломата при Портѣ, Эльгина, кстати обвинявшаго С. Эленса. Онъ написалъ С. Воронцову 5 февраля 1802: „connaissant le petit local de Pérou, je vois dans tout cela un petit tripotage *dragomanesque* et le peu d'habitude de mylord Elgin de tout ce qui regarde les affaires turques, dans lesquelles les français sont aussi maîtres passés que les anglais y sont peu habitués". 15 февраля Кочубей еще сильнѣе защищалъ С. Эленса: онъ не понималъ, „comment on a pu à Londres prendre si fort à coeur des gaucheries de mylord Elgin"; онъ просилъ не убирать С. Эленса изъ Петербурга. При этомъ онъ бранилъ Англію за то, что она не помогаетъ намъ, особенно въ сардинскомъ дѣлѣ: „Je ne conçois pas, pourquoi l'Angleterre cherche à s'isoler à ce point-là. C'est absolument abonder dans le sens des français, qui n'ont cessé de travailler à séparer tout le monde de vues et d'intérêts". 16 февраля, Кочубей снова возвращался къ защитѣ С. Эленса и замѣтилъ: „dans la crise ou l'incertitude actuelle des affaires en Europe il peut être bon d'avoir un ministre en qui l'on a de la confiance". *Тамъ же*, XVIII, 265—268.

136.

Нашъ посланникъ въ Неаполѣ, Италинскій, доносилъ А. Воронцову 14 февраля: „Франція обнаруживаетъ безъ всякой скрытности умыселъ напасть на владѣнія Порты и возобновить предпріятія противъ англинскихъ въ Индіи владѣній". *Архивъ Воронцова*, XX, 285. — Морковъ писалъ С. Воронцову 10 января, что турецкій посолъ собирается въ Амьенъ. Онъ призвалъ его къ себѣ и, на основаніи октябрьскаго мира, указывалъ ему на обязанность предварительно совѣщаться съ нимъ. При этомъ Морковъ замѣтилъ, что это — „l'homme dont la bêtise seule fait balancer si c'est à elle ou à sa mauvaise foi qu'on doit attribuer toute sa conduite". Морковъ стоялъ за то, чтобы турко-французскіе переговоры шли въ Парижѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ Бонапартъ сдѣлалъ бы все съ продажными министрами. *Архивъ Воронцова*, XX, 95. Но 11 марта Морковъ извѣщалъ Кочубея, какъ онъ хлопоталъ о перенесеніи переговоровъ въ Амьенъ, ссылаясь и на желаніе самой Порты. Талейранъ изумился этому стремленію султана идти на буксирѣ у союзниковъ. Онъ воскликнулъ: „ce serait abaisser les turcs que de ne pas les laisser marcher seuls". *Pétersbourg.* Paris, 1802, 156. — Извѣщая о томъ же С. Воронцова, 20 марта, Морковъ прибавилъ: „il n'y avait qu'à rire d'une pareille allégation; aussi l'ai-je fait". *Архивъ Воронцова*, XX, 122. — Въ то же время у англичанъ возникала мысль гарантировать, за-одно съ Россіей, предстоящій миръ Порты съ Франціей. Вотъ проектъ такой статьи, приложенный къ № 138. *Article que lord St. Hélens a proposé dans la supposition que la cour de Londres doit être garante en commun avec s. m. i. du traité définitif de la France avec la Porte Ottomane.* Leurs majestés

l'empereur de toutes les Russies et le roi de la Grande-Bretagne ayant si efficacement contribué à la pacification, tant par leur puissante médiation que moyennant les stipulations de leurs traités respectifs avec la république française du (пропускъ) et du octobre 1801, leurs dites majestés seront invitées et requises par les deux parties contractantes à garantir le présent traité.—Конвенція между Россіей и Турціей 21 марта 1800 у *Martens*, 2 éd., VI, 41, и у *Hertslet*, III, 255. — Какъ безпокоилась несчастная Порта подъ тройнымъ перекрестнымъ огнемъ, видно изъ конференціальной записки, составленной для доклада императору, по поводу амьенскихъ прелиминаріевъ. (*Pétersbourg*. Ministère, 1802, 1). Куракинъ описывалъ, какъ „диванъ приведенъ въ смятеніе" тѣмъ, что „французы, въ одно, такъ сказать, время, заключили три разныя постановленія, до турковъ касающіяся" (съ Англіей — что Порта, какъ союзница, должна участвовать въ Амьенскомъ мирѣ; съ Россіей — что будутъ открыты переговоры въ Константинополѣ, при медіаціи царя; Талейранъ подписалъ съ Портой особыя прелиминаріи). Чтобы „доставить туркамъ какъ наискорѣе столь нужный имъ покой", Александръ I предложилъ Англіи заключить въ Парижѣ окончательный трактатъ, при медіаціи Россіи и Англіи. Лондонъ извинялся, что не могъ настоять на этомъ въ Амьенѣ, не компрометтируя своего достоинства. „Хотя сіе не можетъ почтено быть убѣдительнымъ извиненіемъ, но, разсуждая, что замѣшательство въ дѣлѣ семъ произошло главнѣйше отъ худой вѣры французовъ, а что главная цѣль наша должна быть тутъ та, чтобъ слабая Порта, которой сохраненіе намъ нужно, какъ наискорѣе обезпечена была, я думаю, что отвѣчать С.-Геленсу прилично было-бы, не показывая нашего неудовольствія, поставя въ нѣкоторую цѣну снисхожденіе наше и давая чувствовать, что мы тутъ руководились единственнымъ желаніемъ быть полезными общему и для него охотно учинимъ пожертвованіе нѣкоторыхъ собственныхъ уваженій".

137.

Амьенскій договоръ (*Martens* VII, 404; *Le Clerq*, I, 484; *Archives parlementaires*, v. III) еще 23 февраля былъ „покрытъ великою тайной", по словамъ Моркова. На запросы послѣдняго Талейранъ отвѣчалъ тогда, что скоро кончатся переговоры, задержанные депутаціей съ Мальты, заявившей, что жители этого острова не желаютъ возвращаться къ деспотическому правителю Ордена. Для Моркова договоръ былъ тайной и по его заключеніи. Онъ писалъ Кочубею 5/17 мая, что напрасно задерживалъ своего курьера: Талейранъ обѣщалъ сообщить ему подробности объ Амьенѣ, да обманулъ; онъ лишь на словахъ сваливалъ на Англію всю вину за статью о Мальтѣ (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 173). — Касательно Мальты Талейранъ еще болѣе разыгрывалъ роль сфинкса. 8 января Морковъ извѣщалъ С. Воронцова, что онъ говоритъ темно „qu'il n'avait pas encore lui-même fixé ses idées à cet égard. Il revient, sans insister cependant, à l'idée de la démolir; puis il passe à l'approbation du plan proposé par la cours de Londres et agréé par la nôtre". Талейранъ замѣтилъ Моркову, что Бонапарту хочется, чтобы опять избрали Гомпеша, этого экс-великаго магистра, которому жить нечѣмъ. Морковъ возразилъ, что это было бы далеко отъ признательности, которую обязаны царю за „abandon spontané et généreux de ses droits à cette île". Далѣе Морковъ извѣщалъ, что уже собираются созывать рыцарей „французскаго языка" для выбора магистра. Онъ не совѣтовалъ, такъ какъ это не только привело бы къ выбору „креатуры" Бонапарта (Гомпеша), но и вызвало бы отпоръ со стороны Испаніи: „déjà m. Azara m'a fait entrevoir la peine que la cour de Madrid avait d'admettre à Malte la garnison napolitaine, à cause des prétentions du roi des Deux-Siciles sur cette île". *Архивъ Воронцова*, XX, 91—93. Талейранъ писалъ Бонапарту 11 ноября 1802: „J'ai reçu par le citoyen Cacault (французскій министръ въ Римѣ) une lettre de l'ex grand maître Hompesch. Le citoyen Cacault me fait une peinture de sa situation, qui est véritablement malheureuse au dernier degré, sous le rapport de la pauvreté" (*Bertrand*: Lettres inédites de Talleyrand, 1889, p. 35). До тѣхъ поръ Гомпешъ отказывался отъ пенсіи,

назначенной ему послѣ занятія Мальты; теперь же онъ рѣшился возвратиться изъ Австріи во Францію и требовалъ слѣдуемую ему сумму. Ему дали 15.000 фр. Онъ умеръ во Франціи въ 1803 году.—Даже 11 іюня Талейранъ отвѣчалъ Моркову уклончиво насчетъ Мальты: то обождите, то Испанія мѣшаетъ. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 187. — Извѣщеніе ліонскимъ купцамъ 14 января находится въ парижскомъ архивѣ (*Paris*, 141, 60). Приводимъ его вполнѣ. TALLEYRAND AUX MAIRES DE LA VILLE DE LYON. *24 nivôse an X*. L'empereur Alexandre vient d'adresser au premier consul une lettre pleine de dispositions les plus favorables au dévelopement avantageux des relations commerciales entre la France et la Russie. Il me félicite d'avoir été chargé par le premier Consul de vous donner cette communication, qui, transmise aux citoyens et négociants de cette ville, en même temps qu'elle leur prouvera le soin particulier du gouvernement à pourvoir aux intérêts du commerce, deviendra pour eux un encouragement à se livrer en toute confiance au retablissement complet de leurs fabriques et à se procurer des moyens d'exportation proportionnée au débit que les besoins de l'Europe et la prévoyance du gouvernement leur assurent". — *Bignon* (II, 320—321) пользовался инструкціей Эдувиля: онъ приводитъ вѣрно фразы изъ нашего № 146.

138.

Кочубей писалъ С. Воронцову 16 февраля по поводу индемнизаціи: „La Prusse veut prendre le plus qu'elle peut. Elle m'en veut beaucoup et fait semblant de me croire entièrement devoué à l'Autriche. J'avoue, de vous à moi, que je n'entends absolument rien à ces affaires d'Allemagne, n'ayant aucun jurisconsulte pour cette partie, et si je pouvais donner quelques terres à moi pour satisfaire ces rois et princes arpenteurs, j'en aurais fais bien volontiers le sacrifice". *Архивъ Воронцова*, XVIII, 269. — Курьеръ Прохницкій, о которомъ упоминается въ № 136, привезъ Моркову рескрипты 16 и 20 ноября (№№ 117 и 119), а также наши октябрскія таблицы вознагражденій.—Морковъ получилъ изъ Петербурга депешу отъ 30 января, по поводу слуха о замѣнѣ Мюнстера Мекленбургомъ (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 24). Здѣсь сказано между прочимъ: „c'est un arrangement qui augmenterait infiniment les embarras de l'Allemagne; l'empereur est fort impatient de recevoir de vos nouvelles; quatre postes sont arivées sans nous rien apporter de v. e., et nous sommes inquiets qu'il ne soit arrivé quelque chose au courrier que des lettres particulières ont annoncées comme devant être expédié". Морковъ отвѣчалъ (*тамъ же*, 147), что Талейранъ назвалъ мекленбургскій планъ „une idée en l'air", которую уже бросили. При этомъ нашъ посланникъ замѣтилъ, что любимая мысль Бонапарта „est d'opérer le plus de déplacements qu'il est possible, dans les différentes dominations, afin de ne point laisser exister les liens d'habitude qui unissaient les princes et les sujets entre eux et de rencontrer ainsi moins de difficultés de déposséder, lorsque l'occasion s'en présentera, des princes nouvellement établis". — Предложеніе Бонапарта прусскому королю отъ 19 февраля видно изъ депеши Люкезини 15 марта. *Bailleu*, № 59.

139.

Приводимъ выписку изъ инструкціи Ломбарда маркизу Люкезини отъ 5 марта (Bailleu, № 57), какъ образецъ трусливости, изворотливости и умышленной туманности берлинской политики, а также и ея своеобразной французской рѣчи. LOMBARD A LUCCHESINI. Il est une relation qui de tout temps fut pour la Prusse la première, qui aujourd'hui n'est pas seulement celle des deux états, mais celle des deux souverains et sur laquelle le nôtre ne verrait pas un chagrin amer se répandre le moindre nuage. Je n'ai pas besoin de dire à v. e. que je parle de la Russie. C'est ne pas trop compter, je crois, sur la sagesse et les principes actuels de l'empereur, que de ne pas craindre de sa part les dernières extrémités. Mais quel moment néanmoins pour ce ministère superbe,

naguères despote en Europe ou du moins tendant à l'être, que celui où une convention décisive sur des intérêts essentiels et communs à toute l'Europe va s'arrêter à son insu, que, dis-je? va s'exécuter, avant même que le soupçon en soit parvenu à Pétersbourg! Il est dans l'ordre des possibles du moins que la surprise enfante un langage et de premières démonstrations étrangères au coeur du monarque et faites, sinon pour détruire, du moins pour suspendre nos relations les plus chères. — Si l'on avait à faire à un gouvernement moins entier dans ses opinions que celui auprès duquel vous résidez, il y aurait moyen peut-être de mettre dans les formes le contre-poison du fond. Le nom de la Russie répété avec affectation dans l'acte, les princes protégés par elle mentionnés comme devant, avant tout autre, obtenir des dédommagements brillants, la nouvelle du parti pris communiquée de concert à Pétersbourg par des courriers partis de Paris comme un parti commandé par le besoin de la paix et par la lenteur des discussions, dans l'espérance de l'assentiment que la Russie, par les mêmes motifs, voudrait ne pas lui refuser, la déclaration simultanée qu'on adopte le reste de son plan d'indemnisation, mille tournures, enfin mille détails qui en politique peuvent tant sur l'amour-propre, réussiraient peut-être à le consoler ici; ce serait faire pour le roi plus encore que v. e. avec les données générales ne l'imagine, et c'est à cet égard surtout qu'il compte sur votre talent... La France nous garantit nos nouvelles acqussitions et ne le peut pas, car ses bras de géant vont jusqu'à Vienne, mais ne vont pas jusqu'en Livonie et ne nous épargneraient aucune des suites du ressentiment des russes; elle devrait donc être assez juste pour entrer dans nos sages ménagements et faire, pour nous gagner l'amour-propre d'un ami, tout ce qu'elle ne peut pas pour désarmer la vengeance d'un ennemi. Daignez mettre votre imagination à la torture pour le choix de formes qui puissent à cet égard consoler le roi. Je ne saurais trop vous dire combien il y tient et combien il se promet dans cette occasion de votre zèle. Croyez en toute idée que votre expérience vous suggérera, pourvu qu'elle ne soit pas *en contradiction* avec les instructions que vous recevez; quelque neuve qu'elle soit d'ailleurs, pourvu qu'elle tende au but susdit, elle est sûre de plaire. — Этотъ документъ хорошо оттѣняется депешей Биньона (онъ замѣнилъ въ Берлинѣ Бернонвиля, который былъ переведенъ въ 1802 г. въ Мадридъ) Талейрану отъ 6 марта (Bailleu, № 58), въ которой отпечатлѣлись страхъ и изворотливость Берлина уже по отношенію къ Франціи. Здѣсь сказано между прочимъ: „Deux grandes considérations selon m. Lombard doivent porter le cabinet prussien à cet extrême ménagement pour la Russie: le poids énorme de cette puissance, dont une secousse irrégulière peut faire le plus grand mal à ses voisins; et le calcul des chances à venir qui ne doivent pas non plus être étrangères à la République. Le dernier motif surtout lui paraît le plus important dans les circonstances actuelles. Lorsque l'Europe sera rentrée dans une position fixe, que le système fédératif de la République reprendra sa direction naturelle, il ne pourra qu'être précieux pour la Prusse et la France de se trouver avec la Russie dans des rapports qui fortifient l'ordre des choses qu'elles auront adopté".

140.

Прямая связь между амьенскимъ миромъ и нѣмецкимъ вопросомъ подтверждается документально. Талейранъ писалъ Шампаньи 25 марта: „la négociation d'Amiens touche à son terme. Aussitôt que cette grande affaire sera conclue, toute l'attention du premier consul se portera sur celles d'Allemagne". *Wertheimer*, по парижскому архиву. — Это особое вниманіе Бонапарта къ нѣмецкимъ дѣламъ выразилось въ его письмѣ Талейрану отъ 3 апрѣля: *Correspondance de Napoléon*, № 6019.—Осторожность Александра I замѣтна во всемъ. Въ нашемъ архивѣ сохранилась другая черновая рескрипта № 152: здѣсь находится любопытное вычеркнутое мѣсто о желаніи царя устроить союзъ Австріи съ Пруссіей и Англіей.

141.

Приводимъ цѣликомъ первую депешу Эдувиля изъ Берлина: *Paris*, 141, 84, подлинникъ. HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. Je suis arrivé à Berlin le 22 (ventôse); j'ai dîné le 23 chez le ministre du cabinet comte d'Haugwiz. Le même jour le roi m'a fait l'honneur de me faire inviter à dîner pour le 24. Je lui ai été présenté par son premier aide-de-camp avant le dîner. Je me suis acquitté du méssage verbal du 1-r consul; qu'il attachait le plus grand prix à son amitié et qu'il saisirait les occasions de resserrer les liens qui conviennent aux deux nations. S. m. m'a témoigné le plaisir qu'elle a ressentie de l'accueil que le 1-r consul a fait au prince d'Orange. Le roi m'a fait placer vis-à-vis de lui à table et a saisi toutes les occasions de m'adresser la parole; après le dîner leurs majestés m'ont encore dit les choses les plus obligeantes. Je n'entre dans ce détail que parce que tout ce que j'ai éprouvé de flatteur dans cette réception tient à l'admiration et à la confiance qu'inspire le 1-r consul.— Le général Beurnonville vous aura fait connaître les individus de la famille royale sous les rapports politiques; il en est aussi aimé qu'estimé; ils m'en ont parlé tous avec intérêt et particulièrement le roi. Le ministre du cabinet Haugwiz m'a paru aimer les français et pénétré des véritables intérêts de la Prusse et de la France; il sent bien que ce sont les rapports politiques qui doivent être pesés dans la balance des intérêts de l'Europe, et non les pactes de famille. Il m'a prévenu que le roi allait remplacer son ministre à Pétersbourg et qu'un article des instructions du nouveau lui prescrivait de s'entendre avec moi pour tout ce qui pourra intéresser la République et la Prusse à Pétersbourg. — Les militaires de différents grades et les personnes de différentes classes avec lesquels j'ai causé, m'ont paru avoir une juste idée de la nation française et une grande vénération pour le 1-r consul. On a la plus haute opinion de la composition de notre gouvernement et notamment du conseil d'état; la discussion du code civile dans ce conseil a encore augmenté, s'il était possible, l'admiration générale pour le génie du 1-r consul. — Je me remettrai en route le 27 pour arriver à ma destination aussi promptement que les chemins le permettront.— P. S. J'ai passé par Carlsrue pour demander au margrave de Bade ses commissions pour sa fille l'impératrice de Russie. Ce vieillard respectable a été sensible à cette démarche.

142.

Коленкуръ извѣстилъ Талейрана, что Эдувиль прибылъ въ Петербургъ 8 апрѣля: *Paris*, 141, 95.—Въ первой же депешѣ Талейрану, 19 апрѣля, Эдувиль такъ обрисовалъ личность Александра I: „Ce prince, un des plus beaux hommes de son empire, est d'une figure très distinguée sur laquelle se paignent la bonté et la bienveillance qui lui gagnent le coeur des russes". Рядомъ такая фраза о Константинѣ Павловичѣ: „sa conversation est pleine de feu et il doit avoir les passions vives". *Paris*, 141, 97. — Издавна, начиная съ Массона, существовало мнѣніе, что Талейранъ — не Талейранъ, что онъ загребалъ жаръ чужими руками. Въ послѣднее время это мнѣніе усиливалось въ виду многихъ подобныхъ открытій въ исторіи, благодаря безпощадному свидѣтельству архивовъ. На его сторону начали-было становиться видные люди — Michaud, Mineval (секретарь Наполеона), Tiers, d'Haussonville, отчасти Sainte-Beuve. Теперь настаетъ поворотъ въ пользу Талейрана, краснорѣчивымъ истолкователемъ котораго сталъ Sorel (Essais d'histoire et de critique, 1883). На-дняхъ его поддержалъ документально *Bertrand:* Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon (1800 — 1809), 1889. Мы вполнѣ присоединяемся къ его защитѣ. Мы могли бы указать ему много собственноручныхъ черновыхъ Талейрана въ изученномъ нами отдѣлѣ парижскаго архива, который мало занималъ автора. Несомнѣнно, дѣло самого Талейрана и то замѣчательное произведеніе дипломатическаго искусства, которое мы разсматриваемъ ниже (нашъ № 173).

143.

Къ перепискѣ Куракина съ Талейраномъ относится слѣдующій документъ (*Pétersbourg*. Ministère, 1802, 31; подлинникъ), который доказываетъ, что вице-канцлеръ не скрывалъ ея оффиціально. PRINCE KOURAKIN A L'EMPEREUR. *13 juin 1802.* Le général Hédouville m'a remis une réponse du ministre des relations extérieures Talleyrand à la lettre que je lui ai écrite, en lui envoyant celle dont V. M. I. l'a honoré. Je prends la liberté de lui en présenter ci-joint la copie et je la supplie de vouloir bien me donner ses ordres sur la manière dont j'ai à lui répondre sur tous les objets dont il y fait mention, car il me paraît que d'après les termes où V. M. en est à présent avec la France, ayant le bonheur d'être son ministre, il ne conviendrait pas que je garde le silence vis-à-vis de lui, quand il me provoque par un témoignage de confiance. — Любезность Александра I къ Коленкуру описана въ депешѣ послѣдняго, 11 мая (*Paris*, 141, 116): онъ даже отказывалъ ему въ прощальной аудіенціи, чтобы заставить его пожить еще въ Петербургѣ. Оттого не спѣшили съ письмомъ царя о немъ (№ 163). На черновой этого письма надписано: „отправлено 17 мая при письмѣ Коленкуру".—Любезности Куракина были тѣмъ дороже Эдувилю, что въ былое время онъ слылъ французоѣдомъ: Безбородко С. Воронцову 11 іюня 1798 (*Архивъ Воронцова*, XIII, 395).— 30 октября Эдувиль просилъ канцлера поблагодарить царя за аудіенцію, съ которой „il est sorti pénétré de reconnaissance de l'acceuil que s. m. a bien voulu lui faire" (*Тамъ же*, XXIX, 406).— Эдувиль извѣщалъ Талейрана уже 25 мая (*Paris*, 141, 119) по случаю прибытія одного французскаго корабля, что онъ просилъ возстановить, по пошлинной части, положеніе дѣлъ, бывшее до войны. Александръ I не только согласился, но велѣлъ считать торговый договоръ 1793 г. какъ бы не прекращавшимся, что̀ имѣло свои жизненныя послѣдствія. 3 іюня (*тамъ же*, 132) Эдувиль, извѣщая Талейрана о пріѣздѣ Лессепса, писалъ, что формально начались торговыя сношенія. Императоръ заявилъ ему, что весьма доволенъ своимъ старымъ знакомымъ, генеральнымъ консуломъ Франціи, и что договоръ 1793 г. окончательно возстановляется. 30-го наше министерство вручило Эдувилю выписку изъ договора 11 января 1787 г., а также общіе тарифы 1782 и 1797, „въ разсужденіи уменьшенія съ нѣкоторыхъ товаровъ пошлинъ и другихъ перемѣнъ" (*Pétersbourg*, Ministère France, 1802, 18). 28 октября А. Воронцовъ обѣщалъ ему „снисхожденія" по торговлѣ и строгое исполненіе договоровъ (*тамъ же, Paris*, 1802, 59). Эдувиль не замедлилъ воспользоваться этою любезностью, какъ видно изъ его депешъ отъ 30 октября и 22 ноября (*Архивъ Воронцова*, XXIX, 407—414). Онъ просилъ возвратить одному бордосцу конфискованный товаръ: онъ приложилъ ноту Лессепса о томъ, что французскіе купцы поспѣшили воспользоваться „возрожденіемъ торговли послѣ долгаго перерыва" и наслали всякихъ товаровъ, не зная, что̀ запрещено, что̀ нѣтъ, а эти товары были захвачены или подвергнуты большимъ пенямъ. Затѣмъ Эдувиль просилъ за разореннаго Bonneau, который былъ генеральнымъ консуломъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Польшѣ въ 1793 г., когда его схватили и продержали 4 г. въ Петропавловской крѣпости. При этомъ приложено прошеніе потерпѣвшаго на высочайшее имя, гдѣ рисуется картина страданій за убѣжденія, поясняющая вражду къ намъ республиканской Франціи (стр. III). —Куракинъ послалъ, въ іюнѣ (*Paris*, 141, 162), 2 перстня, при рескриптахъ, для двухъ французскихъ авторовъ. Памятуя родную поговорку—profiter de l'occasion, Эдувиль просилъ А. Воронцова, 8 октября, приподнести царю еще 3 французскихъ сочиненія. *Архивъ Воронцова*, XXIX, 405.

144.

Въ нашемъ изученіи двухъ архивовъ мы и въ 1802 г. весьма часто встрѣчаемся съ щекотливымъ и вреднымъ для Россіи вопросомъ объ эмигрантахъ. Наше министерство осаждало Бонапарта просьбами объ этой „чумѣ" (стр. XXXV), и по большей части

безуспѣшно. Самъ осторожный и бережливый царь не жалѣлъ для нея русскихъ денегъ, земель и крестьянъ и забывалъ свое правило о предварительной сондировкѣ, нерѣдко упоминая даже въ рескриптахъ о той или другой излюбленной личности среди французскихъ выходцевъ. Моркову приходилось тяжело отъ этой обузы. 14 января онъ увѣдомлялъ Куракина (*Pétersbourg*, Paris, 1802, 134), что ошибся, думая, будто легко произойдетъ „радіація" (вычеркиваніе нашихъ protégés изъ опальнаго списка эмигрантовъ), Сначала, по обыкновенію, ему любезно пообѣщали, словно дѣло было пустое. Но потомъ пошли „трудности". Впрочемъ тогда Морковъ еще не отчаявался. Онъ разсуждалъ: „mais comme l'humeur influe ici jusque dans les affaires, je me flatte de saisir un moment favorable pour reprendre et faire terminer celle-ci". Получивъ приказъ (въ апрѣлѣ) особенно хлопотать, между прочимъ, о герцогинѣ Орлеанской и о князѣ de Ligne (*тамъ же*, 1802, 39), Морковъ доносилъ 5 іюня (*тамъ же*, 181), что, кажется, и имъ будетъ также плохо, какъ всѣмъ остальнымъ эмигрантамъ: изъ всѣхъ, за которыхъ онъ просилъ, покуда удостоились радіаціи только Шуазель да Монморанси, изъ которыхъ первый тотчасъ же возвратился въ Парижъ. Изъясняясь въ томъ же минорномъ тонѣ въ маѣ (*тамъ же*, 174), онъ прибавлялъ, что de Verrac долженъ явно отказаться отъ нашей пенсіи, и просилъ высылать ему ее тайно, черезъ него самого. Затѣмъ опять лучъ надежды насчетъ Орлеанскихъ. Но вдругъ разразилась цѣлая буря. Для разсматриваемаго вопроса особенно любопытенъ слѣдующій документъ (*Pétersbourg*, Paris, 1802, 210), который печатаемъ цѣликомъ. MORKOFF A KOURAKIN. *Paris* 11/23 août 1802. J'ai eu l'honneur de vous rendre compte de la démarche que j'ai faite auprès du premier consul en faveur de m-me la duchesse d'Orléans, ainsi que des assurances que j'avais reçues de lui, des égards qu'il aurait en temps et lieu à l'intérêt que s. m. i. témoignait pour cette princesse. N'en voyant cépendant aucun effet j'ai cru devoir renouveller mes instances à la dernière audience qu'il nous à donnée. J'ai été confondu en lui entendant tout-à-fait changer de langage. Il m'avait promis de faire restituer à la duchesse d'Orléans l'héritage de son père; à présent il y trouve des inconvénients à cause du nom, qu'elle porte, des crimes de son mari, qui ont conduit à l'échafaut son roi et son cousin et de ceux de ses enfants qui ont porté les armes pour la cause qui avait renversé son trône et son existence. A son dire, il y aurait moins d'inconvénient à favoriser les autres Bourbons, qui sont restés passifs ou ont toujours suivi la ligne que leur traçaient leur naissance et leurs titres. Bref, il m'a déclaré que le seul acte de complaisance auquel il pourrait se porter en faveur de cette infortunée princesse, ce serait d'augmenter le traitement annuel qu'on lui fait à présent de quelques milliers de livres, avec la liberté de voyager dans les pays étrangers et établir son domicile en tel endroit, qu'il lui plairait, excepté en France, dont l'entrée lui sera interdite à jamais. Je suis fâché de devoir vous répéter que l'intervention de notre auguste cour en faveur des sujets français, loin d'adoucir leur sort, ne sert qu'à l'agraver ou du moins à en éloigner l'amélioration. Un fait, que je vais avoir l'honneur de vous rapporter, achèvera de vous convaincre de cette vérité. Le premier consul, en causant avec Talleyrand sur le compte du comte de Choiseul-Gouffier, lui avait dit, que l'empereur n'honorait ce dernier d'aucun intérêt, mais qu'il en accordait un très grand au duc de Richelieu et à m. de Lingeron. C'est de m. de Choiseul lui-même, que je tiens ce fait, qui lui a été transmis par Talleyrand. Il m'en a parlé avec sensibilité et chagrin, ne concevant pas, où le premier consul a pu puiser une pareille notion. Cependant m. de Choiseul, malgré cette indifférence vraie ou supposée de notre auguste maître, est rétabli dans tous ses droits, on va lui restituer tout ce qui s'est conservé de son ancien bien, et m-rs de Richelieu et de Langeron n'obtiennent rien à moins de renonciations honteuses et onéreuses, qu'on veut leur imposer et cela encore à tirer d'amnistie. Dans plusieurs de mes entretiens avec m. de Talleyrand, je ne lui ai point dissimulé, combien je trouvais étrange que l'on fit ici des difficultés sur des objets d'aussi peu d'importance, tandis que l'empereur accordait les plus grandes marques de complaisance dans des affaires majeures, comme celle de commerce et même de politique. Il ne put ni disconvenir, ni excuser ces difficultés que par des considérations résultantes de la position intérieure du pays. Lorsque je lui ai parlé dernièrement de la

mesquinerie de l'offre qu'on faisait pour le roi de Sardaigne, il n'eut point honte de me répondre que l'empereur accordait encore moins à Louis XVIII. Il est impossible d'écouter sérieusement de pareilles réponses, aussi ai-je pris le parti de rire de celles-ci; mais en même temps je lui ai observé que s. m. n'était tenue à rien vis-à-vis de Louis XVIII, ne lui ayant jamais rien enlevé, tandis que la France a pris au roi de Sardaigne un état, qui lui rapporte près de 20 millions de revenus.—Касательно Шуазеля должно замѣтить, что онъ игралъ тогда въ двойную игру: Морковъ писалъ А. Воронцову въ сентябрѣ, что этотъ искусникъ часто видится съ нимъ, сообщаетъ ему иногда тайныя свѣдѣнія и вообще „fait profession d'un attachement réel pour la Russie"; но въ то же время онъ тѣсно связанъ съ Талейраномъ, *Архивъ Воронцова*, XIV, 282. — Несмотря на неудачу нашихъ ходатайствъ за эмигрантовъ, А. Воронцовъ предписывалъ Моркову 28 ноября „поновить старанія" въ пользу Ришелье (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 59). Морковъ постарался, со свойственнымъ ему медвѣжьимъ усердіемъ. Тогда наконецъ пошелъ къ нему другой приказъ, о которомъ давно слѣдовало подумать. Энгель писалъ Куракину, 4 января 1803 (*Pétersbourg*, Ministère, 1802, 88), по поводу новыхъ приставаній Ришелье и Ланжерона и ходатайства за нихъ Моркова: „Государь императоръ, хотя и изъявилъ соизволеніе на ходатайство графа Моркова, но желаетъ притомъ, чтобы в. с-во изволили предписать ему, дабы онъ не прежде предпринялъ таковый подвигъ, пока не будетъ совершенно увѣренъ въ его успѣхѣ; но дабы Морковъ напередъ узналъ преимущественно о томъ, чтобы предметъ ходатайства не былъ противенъ существеннымъ постановленіямъ французскаго правительства, которыя для благосостоянія каждаго правленія должны быть незыблемы, и государь императоръ чтитъ равно, какъ и государственные законы своей имперіи, изъ коихъ ни для чьей частной выгоды никакого исключенія дѣлаемо быть не должно".

145.

Въ № 210, послѣ совѣтовъ насчетъ подарковъ императорской четѣ, въ черновой Талейрана зачеркнуто слѣдующее любопытное мѣсто, которое неподражаемо приподнимаетъ передъ нами завѣсу надъ душевной пропастью дипломатическаго макіавелизма: „la commission que je vous donne ici est donc à remplir; mais elle n'est pas sans difficultés, tout le mérite de ces petits présents étant dans la manière même dont ils seront demandés".

146.

Въ одномъ письмѣ Моркова А. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XIV, 282) есть любопытное указаніе на взглядъ Бонапарта на внутреннюю политику въ описываемое время. Получивъ письмо Александра I не черезъ Моркова, Бонапартъ былъ до того изумленъ его содержаніемъ, что просилъ Талейрана разсмотрѣть хорошенько, царя-ли это рука? Морковъ поясняетъ: „Cet étonnement et ce doute venaient de ce que 4 pages qu'elle (la lettre) contenait étaient remplis d'idées et de principes démocratiques les plus outrés... Personne ne persécute plus que Bonaparte ces espèces de principes, et rien n'est plus naturel et plus conforme à son système que de s'emparer d'une autorité exclusive et sans bornes". Только въ этомъ Морковъ сошелся съ Бонапартомъ вполнѣ. Тогда уже всѣ говорили о деспотическихъ и тщеславныхъ замашкахъ Бонапарта. По свѣдѣніямъ Моркова, уже въ январѣ 1802 г. Фуше говорилъ, что онъ хочетъ или самъ стать королемъ, или поставить свою креатуру на престолъ, но что его заколятъ въ такомъ случаѣ (Морковъ Александру I 11 января, въ *Русскомъ Архивѣ* за 1873). Мнѣніе начальника французской полиціи объ исходѣ карьеры Бонапарта раздѣляли тогда съ свойственною имъ прозорливостью Морковъ и его лондонскій пріятель. С. Воронцовъ писалъ сыну (XVII, 51), что Бонапарту, который „обладаетъ всѣми качествами d'un vrai scélérat", предстояла

„единственная благородная роль—поступить какъ Монкъ", но онъ не догадался—и посему „il finira par être assassiné". Въ февралѣ Морковъ извѣщалъ С. Воронцова (*Архивъ Воронцова*, XX, 109): „en un mot la tendance vers l'empire universel est si visible, qu'il n'y a que des esprits qui veulent s'aveugler à plaisir qui ne le voient pas". С. Воронцовъ, который уже въ маѣ 1801 г. горячо выступалъ противъ деспотизма Бонапарта во всей Европѣ, писалъ брату, послѣ свиданія съ нимъ въ Россіи, что, несмотря на свое покровительство якобинцамъ *внѣ* Франціи, онъ у себя дома „a plus d'autorité qu'un empereur de Maroc et en abuse plus que ce prince africain" (*тамъ же*, X, 188, 353—367). Тогда же Морковъ обращалъ вниманіе Петербурга на угнетеніе, которому подвергаются „якобинцы" во Франціи. Въ театрѣ кричали: „vive Fox!" при появленіи этого государственнаго мужа Англіи. Морковъ видѣлъ въ этомъ подтвержденіе мнѣнія о „mauvais esprit qui règne dans le parterre de ce spectacle (Comédie française) que les jacobins fréquentent de préférence" (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 214). Въ сентябрѣ Морковъ доносилъ, что въ кружкѣ г-жи Бонапартъ впервые появились два другіе консула, а первый консулъ сталъ ѣздить со свитой, объясняя всю эту помпу требованіями его поста (*тамъ же*, 217). Въ декабрѣ Морковъ извѣщалъ, какъ съ крыши Дворца Инвалидовъ сорвали bonnet de la liberté, а въ залѣ дворца поставили Давидовскій портретъ Бонапарта. При этомъ одинъ инвалидъ воскликнулъ, глядя на валявшуюся на землѣ эмблему свободы: „voilà donc cette liberté pour laquelle nous nous sommes fait égorger ou mutiler". Но въ обществѣ молчаніе: такъ боятся полиціи и шпіоновъ! (*тамъ же*, 264). Наконецъ 29 декабря Морковъ прямо увѣдомлялъ канцлера (*Русскій Архивъ*, 1873), что Бонапартъ скоро будетъ majesté. Онъ заранѣе просилъ наставленій, какъ ему быть тогда? Морковъ прибавлялъ, что самъ Талейранъ сказалъ Шуазелю, что у Наполеона „ambition insatiable et l'orgueil indomptable". Надняхъ онъ сказалъ Шуазелю, что уйдетъ, какъ только кончатся нѣмецкія дѣла, ибо „il ne voulait pas être inculpé dans toutes les insolences et toutes les provocations que le premier consul se permettait et qui ne tarderait pas à amener la guerre de nouveau". — При депешахъ Эдувиля (*Paris*, 141, 218, 219, 227) были приложены переводы указовъ о сенатѣ, о министерствахъ, о назначеніи первыхъ министровъ. Эдувиль извинялся, что они сдѣланы секретарями иностранныхъ министровъ „à la hate et fort mal", и обѣщалъ переслать лучшіе переводы. Добываемые французами переводы были дѣйствительно крайне плохи. См. объ этомъ нашу статью въ *Revue d'histoire diplomatique*, 1889, № 2.

147.

Этотъ злополучный и щекотливый вопросъ считался у насъ такимъ важнымъ, что тутъ всѣ партіи сходились въ мнѣніяхъ: Куракинъ не уступалъ Кочубею. Онъ коснулся его въ своей первой, столь любезной конференціи съ Эдувилемъ. Зная, что ничѣмъ лучше не угодить своимъ хозяевамъ, гость началъ съ того, что-де многіе „brûlots de ses compatriotes", которыхъ впрочемъ онъ не можетъ назвать, уже приходили къ нему жаловаться и говорили о дѣлахъ, касающихся „l'intérieur de notre cour et de notre pays". Эдувиль возвѣстилъ имъ, что пріѣхалъ не для интригъ, а для установленія дружбы. Куракинъ подхватилъ: „лучше всего докажете вашу дружбу, если станете передавать мнѣ всѣ „notions qui par voie directe ou indirecte pouvaient vous parvenir sur la personne et sur la conservation de l'empereur". Эдувиль обѣщалъ „положительно". — Крайне любезныя первыя встрѣчи французскаго посольства въ Петербургѣ описаны Эдувилемъ въ депешѣ Талейрану 19 апрѣля: *Paris*, 141, 97.— Любопытно сличить съ докладомъ Кочубея (№ 156) донесеніе Эдувиля о той же самой конференціи, отъ 25 апрѣля. Приводимъ его вполнѣ (*Paris*, 141, 102), за исключеніемъ неважнаго вступленія. HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. *St. Pétersbourg, le 5 floréal an* X. Kotschubey a rappellé que m. de Morkoff avait été chargé depuis (après la signature du traité de paix) de demander: 1) l'évacuation du royaume de Naples par les troupes françaises; 2) la restitution de Piémont au roi de Sardaigne; 3) de présenter les vues de son gouvernement (comme moyen de conciliation) sur l'affaire

des indemnités pour la terminer plus promptement; et 4) de dire au premier consul que l'empereur verrait avec satisfaction les français faire le commerce dans la mer Noire. M. de Kotschubey m'a dit que vous aviez répondu au 3 article, que le premier consul s'occuperait avec activité de l'affaire des indemnités, lorsque le congrès d'Amiens serait terminé, que s. m. i. était peinée de n'avoir par reçu d'autre réponse aux 3 premières demandes, et qu'elle espérait que le général Bonaparte lui communiquerait le projet des indemnités avant que cette grande affaire soit entièrement terminée.— Il a ajouté que les vues des deux nations sur le commerce de la mer Noire ne pouvaient avoir de succès qu'autant qu'elles se réuniraient pour obtenir du gouvernement turc la liberté du passage des Dardanelles, et qu'il pensait qu'on ne pourrait y parvenir qu'en faisant traiter cette affaire par le citoyen Russin et l'ambassadeur russe à Constantinople avec autant de secret que de fermeté, afin que les Anglais ne puissent pas faire des démarches pour nous faire refuser ce passage qu'ils ont demandé en vain pour eux-mêmes depuis qu'ils sont en Egypte. — Il m'a aussi fait connaître que les dernières dépêches à m. de Morcoff lui prescrivaient de demander que le roi de Sardaigne soit dédommagé de la perte du Piémont, s'il ne lui était pas rendu.—Il a fini cet exposé en me répétant que s. m. i. ferait tout ce qu'elle croirait propre à entretenir la bonne amitié avec le premier consul, et qu'étant persuadée qu'il était dans les mêmes dispositions, elle s'attendait à la réciprocité de bons procédés sans laquelle il ne pouvait exister d'amitié franche. — J'ai répondu à cet exposé que j'avais eu l'honneur d'assurer l'empereur, au nom du premier consul du désir qu'il a de voir resserrer de plus en plus les liens qui unissent les deux nations trop éloignées pour avoir intérêt à se nuire, mais dont le bon accord peut contribuer efficacement à la tranquillité de l'Europe; que le vice-chancelier m'avait entretenu dans sa d-re conférence de la demande de l'évacuation du royaume de Naples par nos troupes; que je lui avais réparti que je n'étais pas autorisé à répondre sur cet objet; mais que je pensais que le premier consul ne pouvait pas se croire engagé à retirer les troupes françaises du royaume de Naples tant que le sort de l'Egypte ne serait pas décidé, c'est-à-dire tant que les anglais occuperaient Malte et l'Egypte; qu'au surplus, le traité d'Amiens venait de résoudre cette question. Que je n'avais rien d'officiel à répondre sur la demande de la restitution du Piémont; mais qu'ayant lieu de penser que le premier consul regardait cette restitution comme nuisible à la tranquillité du Piémont et des républiques voisines, j'étais persuadé qu'il avait appris avec plaisir que s. m. i. se bornait à demander pour le roi de Sardaigne un dédommagement de la perte du Piémont, s'il ne lui était pas rendu. Que j'allais vous transmettre ce qu'il venait de me dire relativement à l'affaire des indemnités et au commerce de la mer Noire. M. de Kotschubey a ajouté sur ce dernier article, que s. m. i. pensait qu'il était important pour la république française de commencer par faire la paix définitive avec la porte Ottomane.—Il est probable que lorsqu'il sera question de ce traité le premier consul y fera stipuler, s'il est possible, la liberté du passage des Dardanelles pour les vaisseaux marchands français et Russes. — Cette conférence s'est terminé par l'assurance que j'ai donnée que le premier consul m'avait singulièrement recommandé notre commerce, et qu'il verrait avec satisfaction les bonnes dispositions de s. m. i. pour en augmenter l'activité en l'établissant et en le favorisant dans la mer Noire.

148.

Эдувиль послалъ Талейрану, 17 сентября, оффиціальное извѣщеніе объ отставкѣ Куракина, а также переводы указа объ этомъ и рескрипта о пожалованіи Куракину св. Владиміра. — А. Воронцовъ комично и радостно описывалъ своему брату, въ тотъ же день изъ Гатчины, какъ злился и плакался на свою отставку „cet imbécile“. А Морковъ благодарилъ его, 3 декабря, за защиту противъ Куракина, „cet imbécile, à qui le Ciel dans son courrant a permis un moment de juger des choses et des hommes au-dessus de sa portée“. Какъ одинъ изъ такихъ высокихъ людей, Морковъ поспѣшилъ

прибѣгнуть къ своему обычному средству, чтобъ угодить новому начальству: онъ шепнулъ Шуазелю, чтобы тотъ развѣдалъ, какое впечатлѣніе произвело „здѣсь ваше вступленіе въ должность". Покуда онъ понялъ только одно: „Il faut mettre de ce coté-ci une mesure plus circonspecte vis-à-vis de nous qu'on ne l'a observé jusqu'à présent. J'en vois tous les jours l'effet dans le ton et le langage de Talleyrand avec moi". *Архивъ Воронцова*, X, 167—168; XIV, 288. — Бывшій нашъ посланникъ въ Генуѣ (прим. 6), а съ 1800 года — въ Копенгагенѣ, Лизакевичъ, былъ поклонникомъ новыхъ началъ, когда вспыхнула французская революція. Но она лишила его теплаго мѣстечка, гдѣ онъ, какъ русскій человѣкъ, уже начиналъ пускать корни; а затѣмъ онъ попалъ въ Лондонъ, въ науку къ С. Воронцову: онъ даже завѣдывалъ тамъ нашимъ посольствомъ, когда его патронъ жилъ опальнымъ въ Соуттемптонѣ. Въ описываемое время Лизакевичъ пѣлъ такую пѣсню: „je suis revenu des mes préventions en faveur de la malhereuse révolution" (*Архивъ Воронцова*, XX, 445). Онъ подслуживался могущественному С. Воронцову и повторялъ его громкія фразы, какъ истый „англоманъ".

149.

Бильонъ (II, 288) говоритъ, что подозрительный Александръ I, подобно Людовику XV (*Broglie:* Le secret du roi), не довѣряя собственнымъ дипломатамъ, велъ тайную переписку съ агентами-невидимками. По бо̀льшей части это были французскіе эмигранты. Мы уже знакомы съ однимъ изъ нихъ (129). Что касается д'Антрега, то этотъ молодецъ не погибъ, подпавъ опалѣ Павла I за мелочи этикета (стр. XXXIII). При Александрѣ онъ получилъ прежнее значеніе, что̀ крайне раздражало Бонапарта. Морковъ доносилъ 17 мая (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 172), что Талейранъ прямо заявилъ ему недовольство перваго консула по этому поводу. Третьимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ тайныхъ агентовъ былъ приспѣшникъ Людовика XVIII, chevalier de Vernègues. Онъ сталъ русскимъ подданнымъ и такимъ вліятельнымъ, что въ 1803 г. вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ папой, а въ 1811-мъ помогъ низверженію Сперанскаго. Подобно многимъ французскимъ проходимцамъ, онъ втерся въ ряды нашей знати, женившись на графинѣ Толстой. О немъ говорится въ Запискахъ де-Санглена: *Русская Старина*, 1883.

150.

Исторія съ каретой и сбруей Моркова такъ характерна, что заслуживаетъ мѣста въ дипломатическихъ сношеніяхъ той эпохи, тѣмъ болѣе что она связана съ обидой Эдувилю, рисующей наши чиновничьи порядки. Куракинъ предъявилъ Эдувилю, 16 апрѣля, жалобу рижскаго военнаго губернатора на неуплату за подорожную: онъ совѣтовалъ ему внести 88 р. 32 коп. Эдувиль заплатилъ въ тотъ же день. *Pétersbourg.* Ministère France, 1802, 8. Приводимъ цѣликомъ ноты по поводу кареты: *Paris*, 141, 151, 152. NOTE DE MORCOFF A TALLEYRAND. *9/21 juin 1802.* Le soussigné, après avoir réclamé trois fois auprés du citoyen, ministre des relations extérieures la libre entrée d'une voiture et d'une caisse de harnais qu'il fait venir d'Angleterre pour son usage et n'en avoir reçu aucune réponse, se voit forcé de revenir à la charge une quatrième fois, et en lui observant que ce n'est point une faveur qu'il sollicite, mais un droit qu'il réclame, il prie le citoyen ministre des relations extérieures de lui faire connaître les causes qui portent son gouvernement à retarder une concession si équitable, afin qu'il puisse en rendre compte à sa cour. — NOTE DE TALLEYRAND A MORCOFF. *4 messidor an X.* Le soussigné, en exprimant à m. le comte de Morcoff son regret de ce que la maladie, qui l'a retenu depuis plusieurs jours dans son lit, l'a empêché de répondre avec une rigoureuse ponctualité à une demande aussi importante que celle qui fait l'objet de sa dernière note, s'empresse de lui déclarer que cette demande a été renvoyée au ministre des finances qui, sûrement, ne manquera pas de donner une décision conforme au

droit des gens que m. le comte de Morcoff invoque à si juste titre dans cette circonstance. — Le soussigné est charmé de pouvoir, par une telle explication, mettre m. le comte de Morcoff à portée de *rendre compte à sa cour*, sans perdre de temps, d'une discussion dont il paraît croire, qu'il importe à la bonne harmonie qui existe entre les deux états, que le ministère de s. m. i. connaisse, dans le même moment, le début, le progrès et le résultat.

151.

О подкупахъ въ Парижѣ говорилъ не одинъ Морковъ. Любопытно донесеніе Люкезини Гаугвицу отъ 17 января 1802 г. (Bailleu, № 52); увѣдомляя, что ему достовѣрно извѣстно, что австрійцы предлагали приближеннымъ Бонапарта большія награды за благопріятный для Вѣны исходъ дѣла объ индемнизаціяхъ, онъ замѣтилъ: „l'expérience a appris à ceux qui traitent d'affaires ici à ne rien donner avant que l'affaire ne soit entièrement finie; mais elle leur a prouvé aussi que l'appas du gain fait souvent faire des miracles“. Упомянувъ, что Талейранъ особенно доступенъ подкупу, Люкезини прибавляетъ: „son ami semble encourager les gens modestes et réservés en étalant à leurs yeux les beaux cadeaux que russes, autrichiens, suédois, romains et anglais lui offrent à l'envie. Si l'on était autorisé en cas de plein succès à faire espérer quelque chose... vous m'entendez, mon cher comte“. Мнѣніе Моркова о раболѣпствѣ Талейрана предъ Бонапартомъ блистательно подтверждается истинно-холопскими письмами этого карьериста къ первому консулу, только-что изданными *Bertrand*'омъ (см. особенно стр. 4—6, 8, 11, 16, 32, относящіяся только къ описываемому времени).—Любопытный примѣръ подкупа журналистовъ Талейраномъ см. *тамъ же*, стр. 31.

152.

1 ноября Морковъ доносилъ, что именинный обѣдъ Костюшкѣ состоялся. Сапѣги не было. Хозяиномъ былъ Малаховскій (сынъ маршала на сеймѣ 3 мая) и Митчельская, пылкая революціонерка. Морковъ прибавлялъ, что Люкезини также не преминулъ донести своему двору. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 242.

153.

Великосвѣтскіе нравы Петербурга той эпохи нерѣдко рисуются самими русскими вельможами еще болѣе мрачными красками. Особенно строгимъ судьей былъ С. Воронцовъ. Этотъ англичанинъ въ русской кожѣ, поклонникъ политической свободы, то зло, то комично отзывался о „конституціонныхъ“ затѣяхъ Александра I именно потому, что считалъ русскихъ недостойными свободы въ силу паденія ихъ нравовъ. Еслибы не прошли съ тѣхъ поръ три поколѣнія, взяло бы отчаяніе за будущее Россіи при чтеніи его катоновскихъ приговоровъ, передъ которыми картины Эдувиля кажутся милою шуткой. Описавъ Кочубею весь ужасъ нравственнаго упадка при Екатеринѣ II и особенно при Павлѣ I (*Архивъ Воронцова*, X, 163; XI, 359—361), онъ видитъ повсюду „les symptomes visibles de la gangrène de l'état“ и прибавляетъ: „et je regarde la Russie comme descendant à pas précipités vers sa perte“. Въ другомъ мѣстѣ государственно-меланхолическая фраза: „un faible souverain ne guérira pas cette gangrène“. А въ его глазахъ только одно и было средство противъ рака: „il faut que le souverain ne soit entouré que de gens vertueux...; qu'il soit froid et réservé avec les personnes vitieuses“. Въ письмахъ къ брату (*тамъ же*, X, 172—174) С. Воронцовъ выражается еще ядовитѣе о „corruption absolue“ оффиціальной Россіи. Эту обычную жалобу на недостатокъ „людей“ въ высшихъ сферахъ встрѣчаемъ со всѣхъ сторонъ, какъ подмѣтилъ и Эдувиль. Въ этомъ

отношеніи характерна фраза А. И. Вяземскаго, въ его письмѣ А. Воронцову отъ 22 іюля 1802 г., по поводу отставки маршала Салтыкова: „il paraît que la pénurie d'hommes est encore plus grande que le moyen de remplacer un homme médiocre“ (*тамъ же*, XIV, 405). Кочубей хотѣлъ уходить съ самаго начала, жалуясь С. Воронцову, между прочимъ на то, что масса работы, а „совсѣмъ нѣтъ помощника“. Онъ прибавляетъ: „трудно найти человѣка, чтобы замѣнить меня; достойные есть, но différentes considérations мѣшаютъ остановиться на комъ-нибудь“ (*тамъ же*, XVIII, 266. 269). Немудрено, что картину Эдувиля легко дополнить чертами, разбросанными въ однихъ только документахъ. 13 мая Эдувиль доносилъ (*Paris*, 141, 117), что ген. Талызинъ подкупилъ двухъ камердинеровъ царя, чтобы они схлопотали ему полкъ. Но махинація раскрылась — и генералъ былъ выгнанъ со службы и отправленъ въ свою деревню съ фельдъегеремъ, а камердинеры, изъ которыхъ одного царь очень любилъ, были сосланы въ Сибирь. 7 іюня (*тамъ же*, 150) описывалась трагическая исторія нѣкоей Agarousch, ея друга Mornheim и одного важнаго лица, имя котораго молва связывала одно время съ исторіей Шубина; причемъ прибавлено: „и это не первая жертва“. Въ этой коллекціи типовъ встрѣчаются и фальшивые монетчики, и бреттеры (156), и простые прожигатели жизни, и продажныя души. При этомъ *нѣмецкіе* русскіе презрительно сваливали все на природныхъ русскихъ и наоборотъ. С. Воронцовъ писалъ брату 15 декабря (*Архивъ Воронцова*, X, 182): „en vérité il serait temps de se débarrasser de ces Allemands qu'on emploie et qui tous, tant qu'ils sont, sont toujours vénoles, n'envisageant que la carrière et le présent—ne sont nullement russes d'affection et manquent d'élévation d'âme“. Всѣ эти герои своего времени не думали скрывать своихъ достоинствъ и въ чужихъ людяхъ. Напротивъ, это была какъ бы нравственная эмиграція, которая искала чужаго неба, чтобы совершать тамъ подвиги широкой русской натуры, которые могли показаться зазорными подъ роднымъ кровомъ. Морковъ, самъ притча во языцѣхъ, увѣдомлялъ А. Воронцова (*тамъ же*, XIV, 287) о большой колоніи русскихъ въ Парижѣ: „nos compatriotes font grand bruit ici; ils donnent des bals et des soirées, où l'on paraît s'amuser assez“. Впрочемъ подобные же образчики присылала намъ и высшая сфера Запада. Тогда, на ряду съ помѣшаннымъ королемъ Этруріи (158), славился своею крайнею наивностью англійскій принцъ, пріѣзжавшій гостить въ Петербургъ (№ 197). Объ этомъ графѣ Глочестерскомъ С. Воронцовъ писалъ своему сыну 17 ноября (*Архивъ Воронцова*, XVII, 54), что очень радъ отъѣзду этого „nigaud qui vexait tout le monde par ses ineptes questions“. Мы знаемъ (78) какъ долги наиболѣе видныхъ представителей своего отечества входили даже въ международные договоры. Часто встрѣчаемся съ такою финансовою злобою дня, какъ наши долги многимъ генуэзцамъ или лигурійцамъ. О нихъ Талейранъ писалъ наконецъ Эдувилю довольно строго, замѣчая притомъ, что тутъ виноваты „agent subalternes“ царя, который самъ не знаетъ ничего (*Архивъ Воронцова*, XXIX, 406, 415). А. Воронцовъ просилъ Эдувиля „приватно изъясниться“ о дѣлѣ тѣхъ, „кои двору нашему заемъ дѣлали“ (докладъ А. Воронцова 28 октября). Наша полиція обрисована въ № 200. Здѣсь точки означаютъ разсказъ о томъ, какъ извозчикъ бранилъ ее царю, что́ и послужило къ рѣшенію исправить ее. Много свѣдѣній въ нашихъ бумагахъ объ обычной печальной чертѣ въ дипломатіи того времени — о тайныхъ агентахъ. Если самъ Морковъ „съ отвращеніемъ“ прибѣгалъ къ словеснымъ доносамъ, зато онъ не стѣснялся въ тратахъ. Любопытно, что въ нашемъ архивѣ рядъ его депешъ иногда прерывается, и вынутыя бумаги по бо́льшей части касаются или такихъ мастеровъ тайной агентуры, какъ Кристинъ, или огульно—„dépenses extraordinaires“. Еще болѣе обычнымъ дѣломъ было нарушеніе тайны писемъ. Въ первой же депешѣ Эдувиля Талейрану изъ Петербурга (*Paris*, 141, 97) сказано: „Mes lettres seront numérotées; je vous écrirai rarement par la poste et j'attendrai le départ des courriers ou des occasions sûres pour faire partir mes dépêches“. Морковъ точно также былъ стѣсненъ въ своей перепискѣ; а С. Воронцовъ не смѣлъ послать брату свое описаніе Берлина, „опасаясь прусскихъ почтъ“. Этотъ первородный грѣхъ политики до того господствовалъ всюду, что смѣшно видѣть самихъ авгуровъ, попадающихъ въ собственныя сѣти. Несмотря на массу издержекъ на частыхъ курьеровъ, „часто мѣняемы были шифры“ (нашъ № 139; сличи *Pétersbourg*. Paris,

1802, 28), какъ у насъ, такъ и въ Парижѣ. А къ новымъ шифрамъ живо подбирались съ золотымъ ключемъ, какъ видно изъ примѣра Панина, который подкупилъ камердинера Кольяра.

154.

Для дѣла Шубина любопытна депеша Моркова отъ 4 октября (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 232). Онъ извѣщалъ, что ему дали прочесть донесеніе Эдувиля (№ 200). Передавъ его содержаніе, онъ продолжаетъ такъ: „On doit avoir découvert que cette conspiration a été de pure invention de la part de Schoubin, représenté comme un libertin et un joueur, qui avait voulu par là surprendre des grâces et de largent. On le dit blessé, ensuite mort de la blessure ou empoisonné par les complices de la conjuration et à la fin résuscité. Le général Hédouville s'excuse de toutes ces divergences par la difficulté de savoir la verité dans un pays où toutes les ambitions et toutes les haines se croisent et où chaque clique expose les choses selon ses intérêts. Sans l'affirmer, il fait paraître son opinion tendante à donner de la réalité à la chose. Il finit par des réflexions sur la police de St. Pétersbourg, qu'il dépeint comme la plus mauvaise, qu'il y ait en Europe et rapporte à ce sujet un entretien de l'iswoschik d'un droschky, qui avait conduit l'empereur de Cammenoi Ostroff dans son palais et à la suite duquel le maître de police Gléboff à été destitué et remplacé par le général Comarovsky. Quand j'eus fini cette lecture, m. de Talleyrand me dit que le premier consul a été extrêmement frappé, en lisant ce rapport, qui était du 9 et qui lui est parvenu le 30 septembre n. st., d'avoir eu les mêmes notions de Londres du 12 du même mois et dont par conséquent il était en possession 18 jours d'avance. Il appuya avec tant d'affectation sur ce rapprochement de date qu'il m'a été impossible de ne pas apercevoir l'intention, qu'on avait de m'insinuer qu'on avait été à Londres dans le secret de cet infernal complot; mais il s'abstint de me dévellopper cette idée malgré toutet les tentatives, que j'ai faites pour l'y amener. — Въ черновой письма Александра I Бонапарту (№ 221) вычеркнуто слѣдующее мѣсто, любопытное для хода мысли автора: „je suis très satisfait de la part que vous prenez à ce qui me regarde; l'affaire du nommé Schoubin dont on a tant parlé en Europe est un de ces évènements denués de fondement et sans conséquence, qui arrivent aussi dans d'autres pays, et cette affaire est purement personnelle à celui qui a osé l'inventer".—Донесеніе Эдувиля (№ 200), послужившее основаніемъ и разсказу Биньона, можетъ служить хорошей пробой для достовѣрности свѣдѣній, которыя собиралъ французскій посланникъ въ Петербургѣ. Оно справедливо, какъ видно изъ сличенія съ разсказомъ самого Комаровскаго, который былъ тогда начальникомъ петербургской полиціи и производилъ слѣдствіе по дѣлу Шубина (*Русскій Архивъ*, 1867, 566—570). Но у Эдувиля болѣе подробностей, и онѣ живѣе, искреннѣе. — Кочубей писалъ С. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 296) о дѣлѣ Шубина: „il y a tout lieu de supposer que ce conte est une invention épouvantable de ces officiers eux-mêmes".

155.

Въ нашемъ и парижскомъ архивахъ сохранились слабые слѣды событія, о которомъ много шумѣли современники, хотя оно могло имѣть значеніе лишь для будущаго. Наука въ правѣ была ожидать откровеній со стороны берлинскаго архива. Но, съ одной стороны, его оффиціальный архиваріусъ любитъ, какъ мы видѣли (60), многоточія, особенно, когда дѣло касается Россіи, съ другой—удостовѣренъ важный умышленный пробѣлъ въ немъ, связанный именно съ мемельскимъ свиданіемъ. Самъ Baillen заявляетъ, по этому случаю, что изъ прусскаго архива исчезла значительная часть оффиціальной переписки съ Люкезини: онъ подозрѣваетъ, что ее „оставилъ у себя" Ломбардъ, который тогда часто писалъ вмѣсто Гаугвица. Тѣмъ не менѣе даже тѣ отрывки этой

переписки, которыя даетъ издатель, показываютъ, какой глубокій интересъ представляетъ берлинскій архивъ для исторіи Россіи вообще и для мемельскаго свиданія въ особенности. Замѣчательна и неподражаемая инструкція, которую заготовилъ Гаугвицъ для своего безпомощнаго короля передъ его отъѣздомъ въ Мемель (Denkschrift des Grafen Haugwitz, Berlin, 21 Mai. Bailleu, № 64). Здѣсь сказано, что нарочно распустили слухъ, будто на свиданіи не будетъ ничего политическаго по желанію обоихъ монарховъ. И „конечно важно укоренить это мнѣніе (imprimer fortement): понятно, сколько недовѣрія и ревности возбудило бы противоположное мнѣніе". Но Гаугвицъ убѣжденъ, что политика тутъ неизбѣжна. Да она и нужна: „Les douces paroles de paix qui résonnent de Lunéville et d'Amiens tiennent fermées nos oreilles et fascinent nos yeux. La voix de l'expérience n'est que faiblement écoutée et l'on aime à se bercer de songes flatteurs". Гаугвицъ опасается новой бури со стороны Франціи. Какъ сдержать такого колосса, какъ Бонапартъ, „qui réunit sous une administration pleine d'énergie 40 millions d'hommes?" Единственное средство — опутать его тенетами союза съ Пруссіей и Россіей,— мысль, которая, вѣроятно, отсюда перешла въ голову Александра I и засѣла въ ней вопреки всеобщему сопротивленію русскихъ. Кстати Бонапартъ самъ выдвинулъ этотъ планъ. Ну, а если онъ только обманываетъ? Въ такомъ-случаѣ, „l'unique moyen de conjurer l'orage" — тѣсное соединеніе (l'union étroite) между Пруссіей и Россіей, которое, съ какой стороны ни посмотри, оказывается „le fondement et le pivot de toute autre relation quelconque". Главнымъ предметомъ свиданія должно быть предложеніе Бонапарта насчетъ тройственнаго союза. Его главнымъ слѣдствіемъ должны быть два условія: 1) Полная дружба (l'intimité et la confiance parfaite) между Пруссіей и Россіей: „оба государя пообѣщаются fidèlement сообщать другъ другу все, касающееся ихъ сближенія или соединенія съ Франціей". 2) Если Бонапартъ не шутитъ съ своимъ предложеніемъ, то оба монарха должны принять его, не задумываясь. Затѣмъ любопытное благое пожеланіе: было бы счастьемъ, еслибы Бонапартъ заявилъ имъ при этомъ свои виды насчетъ перемѣны своего титула и насчетъ наслѣдственности своей власти. За это нужно схватиться: „какъ только допустятъ его въ среду государей Европы и по формѣ (на дѣлѣ онъ уже допущенъ), онъ, должно думать, будетъ больше считать себя частью этой великой семьи, усвоитъ ея духъ и правила для сохраненія системы политическаго равновѣсія; такъ было бы гораздо менѣе опасностей, которыми угрожаетъ другимъ государствамъ уединенность такого страшнаго могущества, когда его не сдерживаютъ никакія соціальныя или политическія узы". Затѣмъ Гаугвицъ касается двухъ частныхъ вопросовъ. 1) „Конечно, между Франціей и Россіей существуютъ сношенія, которыя заставляютъ предполагать болѣе тѣсную связь. Если основательны свѣдѣнія, будто бы имѣющіяся насчетъ certaines vues d'agrandissement aux dépens de la Porte, то можно ожидать, что русскій императоръ сдѣлаетъ тайное сообщеніе о нихъ своему союзнику. Было бы преждевременно заниматься теперь этимъ предметомъ. Все, что мы знаемъ о немъ, слишкомъ неопредѣленно, чтобы высказать какое-либо мнѣніе". Гаугвицъ совѣтовалъ королю самому не затрогивать этого вопроса, а только „voir venir les ouvertures", которыя сдѣлаютъ ему во время свиданія. 2) Другое дѣло — индемнизація. Здѣсь можно было „откровенно изложить (exposé franc et cordial) отношенія Пруссіи къ Франціи". Такая смѣлость объясняется убѣжденіемъ Гаугвица, что въ нѣмецкихъ дѣлахъ Россія стоитъ за Берлинъ: онъ считалъ „фактомъ, что Моркову поручено plaider la cause de la Prusse". Къ тому же, соображалъ хитрый силезецъ, навѣрное Александру I уже все извѣстно, вслѣдствіе его близкихъ сношеній съ Тюльери.—Что касается Александра I, то мы видѣли, какъ у него связывался съ свиданіемъ политическій и скрытный планъ. Но также играли роль личныя и родственныя чувства. Тутъ важно свидѣтельство Кочубея (стр. LXVII), который прозрачно намекаетъ на „фамилію въ Павловскѣ", и именно на Елену Павловну. Послѣ этого позволительно вѣрить Виньону (II; 289), который говоритъ, что мекленбургская наслѣдница, побывавши въ Берлинѣ, такъ расписала царю прусскій дворъ, что у него зародилось желаніе познакомиться съ нимъ лично. Къ тому же клонится свидѣтельство С. Воронцова, который вынесъ такія-же свѣдѣнія изъ своей поѣздки въ Петербургъ и Берлинъ (*Архивъ Воронцова*, X, 185—199). Свиданіе

было изобрѣтено въ Берлинѣ за 8—10 мѣсяцевъ. Уговорили мекленбургскаго наслѣдника, который также былъ типомъ въ своемъ родѣ: „il n'a pas la réputation d'être un aigle en fait d'esprit et de jugement“, говоритъ Воронцовъ. Снарядили его въ Петербургъ, гдѣ онъ распространялся въ любви королевской четы къ царю. Получивъ согласіе на свиданіе, держали дѣло въ тайнѣ — только не отъ Бонапарта, который спѣшилъ, заодно съ Люкезини, со сдѣлкой 23 мая, чтобы вынудить въ Мемелѣ согласіе Россіи на нее. Чтобы задержать царя до полученія этой бумаги, рѣшавшей вопросъ объ индемнизаціяхъ, были пущены въ ходъ всѣ чары королевской четы. Но Александръ остался только на одинъ лишній день—и французскій курьеръ, полковникъ Дюмутье, опоздалъ (такъ же разсказываетъ Биньонъ; для провѣрки важна помѣтка на нашемъ № 162— „получено въ Полангинѣ 28 мая“).—Понятно, какъ всѣ были встревожены при первыхъ слухахъ о мемельскомъ свиданіи. Эдувиль писалъ Талейрану 28 мая (*Paris*, 141, 122): „Les politiques se perdent en conjectures sur cette entrevue qui n'est probablement fondée que sur le désir que deux jeunes souverains, qui paraissent avoir les mêmes goûts et la même volonté de rendre leurs peuples hereux, ont de se connaître... Le comte de Saurau, naturellement inquiet est fort intrigué de cette entrevue et a fait partir avant-hier un courrier extraordinaire pour en informer l'empereur“. Саурау даже выражалъ свое безпокойство Куракину. Онъ объяснилъ, что его дворъ не можетъ быть „indifférente à cette entrevue qui, par ses suites, pouvait contribuer à augmenter et à resserrer les liens qui existent actuellement entre l'empereur, qu'elle considère comme son premier allié, et un monarque qui est son rival naturel“. Куракинъ сказалъ, что ничего не знаетъ про свиданіе. Впрочемъ онъ успокоивалъ Саурау даже на случай свиданія: „la fermeté et les principes de l'empereur ne devant jamais être soupçonnés; et qu'il est entièrement injuste de croire que la connaissance personnelle du roi de Prusse pût contribuer à lui faire adopter des vues différentes de celles que sa sagesse, son attachement pour son pays et sa sollicitude pour le bien général de l'Europe lui ont fait adopter“. *Pétersbourg*. Ministère, 1802, 53. Но больше всего были озабочены „англоманы“. Мемель сталъ для нихъ истиннымъ полемъ брани. Ихъ вожди списались между собой. Кочубей послалъ С. Воронцову, 19 мая, замѣчательное письмо (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 272), гдѣ сказано: „J'espère n'avoir aucun besoin de vous assurer que je n'ai eu aucune part à une démarche aussi impolitique et qu'il n'a pas dépendu de moi de l'empêcher. Il s'est trouvé que l'empereur, sans en rien dire à personne, avait encore l'année passée promis au roi de Prusse de le voir quelque part sur la frontière, et le tout s'est passé par l'entremise du prince héréditaire de Mecklenbourg, son beau-frère, un sot du premier ordre. Il y a 3 semaines que, mandé à la cour, l'empereur me fit part de ce voyage et me donna l'ordre de faire la marcheroute. J'en ai été et j'en suis encore très-fâché. Qui s'imaginera que deux souverains se déplacent pour voir quelques régiments? Et au fond cela n'est pas autre chose. Qui s'imaginera qu'un ministre des affaires étrangères n'a eu aucune connaissance de cette équipée? Et cela n'est cependant que trop vrai“. Кочубей звалъ пріятеля на помощь: „если вы опередите насъ, немного возвратитесь назадъ, чтобы намъ повидаться“, писалъ онъ ему 30 мая (*тамъ же*, 273). И у нихъ произошла своя entrevue. Затѣмъ оказалось, что въ то время, какъ Кочубей работалъ подлѣ царя въ Мемелѣ, С. Воронцовъ путешествовалъ съ царицей по Финляндіи, побѣдивъ свое отвращеніе къ разлукѣ съ Лондономъ. Но больше всѣхъ былъ смущенъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, котораго оторвали отъ мирныхъ домашнихъ забавъ. Онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать съ мудреной инструкціей Гаугвица. Онъ боялся и коварнаго корсиканца, и русскаго царя, отъ взгляда котораго зависѣла его судьба: послѣднему онъ даже послалъ ласковое письмо изъ Кёнигсберга, 5 іюня. Его душевное состояніе и соотвѣтственный слогъ отразились въ имперскомъ письмѣ Гаугвицу оттуда же, 6 іюня (Bailleu, № 66). Вотъ его сущность: „La plus délicate est celle qui regarde la Russie, grâce à la singulière circonstance qui place l'instant de la décision si près de celui où je verrai ce monarque *). (Le silence eut ressemblé à la perfidie et peut-être à Memel même Ale-

*) Слѣдующее мѣсто въ скобкахъ зачеркнуто въ оригиналѣ.

xandre eût reçue de Paris des nouvelles directes, moyen sûr d'aigrir l'amour-propre, si la chose même n'avait eu déjà un côté très délicat. Des communications de bouche eussent été pénibles, et d'ailleurs, que nos entretiens roulent en partie sur la politique ou qu'ils ne s'en occupent pas, l'empereur avait du moins énoncé le voeu que ces six jours fussent exclusivement consacrés à l'amitié. Pour éviter l'un et l'autre inconvénient, j'ai pris le parti d'écrire la lettre ci-jointe en copie à s. m. et je l'ai envoyée au-devant d'elle. Ainsi prévenu, il dépendra du monarque ou de toucher l'objet à Memel ou de le passer sous silence, en renvoyant la réponse à l'époque de son retour à Pétersbourg et à la reprise de son travail avec son ministère. De cette manière, je ne serai pas dans le cas de faire usage du mémoire où pour ma relation avec la Russie vous aviez déposé cette même communication. Je vous laisse juger du moment où vous croirez, sans nuire à la chose, pouvoir le remettre au baron de Krüdener, puisqu'une lettre de la forme et dans le ton de la mienne n'exclut point la nécessité des ouvertures ministérielles en temps et lieu).— Les lettres de Paris sont si pleines de contradictions que je ne me permets pas de rien prévoir sur l'impression que nos affaires vont produire sur l'empereur. Bonaparte dit au prince l'Orange qu'on doit se féliciter des délais, puisqu'ils ont constaté la bonne volonté de la Russie. Beurnonville assure qu'on n'a de cette cour que des contrariétés à attendre. L'un et l'autre précipitent la conclusion dès qu'ils entendent parler de l'entrevue. Veulent-ils, en jettant une pomme de discorde à l'instant même de la réunion, empêcher que trop d'intimité ne s'ensuive? ou veulent-ils, au contraire, se faire un mérite d'avoir conclu, en exagérant l'opposition de la Russie, précisément parce qu'ils savaient le contraire et que les dernières instructions du comte Morkow leur faisaient prévoir beaucoup de complaisance à Memel?" Король лишь подконецъ немного заговорилъ о политикѣ. Зато Ломбардъ основательно бесѣдовалъ съ Кочубеемъ. Вотъ какъ объясняетъ этотъ фактъ другое, замѣчательное для всего свиданія письмо Кучубея С. Воронцову отъ 14 іюня (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 275—276). Въ немъ сказано: „Il n'y a sortes d'attentions, de complaisances, de courtoisies dont on ne se soit servi ici pour lui (императору) plaire, et cela n'a pas été en vain. Le roi n'a pas soufflé le mot des affaires. Il a été quant à sa personne, exact à ce qui était convenu; mais Lombard a passé chez moi pour me parler en son nom d'une convention signée à Paris le 23 mai par le marquis de Lucchesini et dont, pour ne mettre aucunes bornes à la confiance que l'on a en s. m. i., on n'a pas voulu lui dérober la connaissance. Cette convention a trait aux indemnités, et Lombard voulait que nous donnions en quelque manière notre sanction à cette transaction. Ne pouvant pas y mettre obstacle et n'ayant pas même de raison de le faire, j'ai cru cependant que ce qui valait mieux, c'était de battre la campagne et de remettre le tout jusqu'à notre retour à Pétersbourg, et l'empereur a paru goûter cette idée. Il serait trop long de vous détailler toute cette affaire, mais je ne peux vous dissimuler que ma position a été et est encore assez désagréable. L'empereur a pris de l'humeur pour quelques représentations que je lui ai faites, très-justes et très-utiles pour lui. Il doit avoir même dit quelque chose de son mécontentement, puisque Tolstoy est venu me prêcher de le moraliser moins. Dans cet état de choses, je suis réduit souvent au silence, parce qu'une représentation venant actuellement de moi produirait infailliblement un effet contraire. Cette circonstance n'ajoute pas du tout à l'agrément du voyage. J'ai parlé à l'empereur des cordons prussiens, en lui demandant la permission d'insinuer que l'on n'en donnât pas aux personnes de sa suites. Cette idée lui a paru singulière, en ce que *la chose en elle-même ne valait pas la peine que l'on y songeât; que cela blesserait et qu'après tout quel mal y avait-il de mettre un cordon dans une malle de voyage?* Vous jugerez d'après cela que j'ai dû me taire". — Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ любопытнаго postscriptum'a въ шифрахъ къ рескрипту Моркову (№ 174) и изъ другаго письма Кочубея С. Воронцову, отъ 22 іюня, изъ Гродно (*тамъ же*, XVIII, 276—277). Кочубей посылалъ для братьевъ Воронцовыхъ мемуаръ, поданный ему Ломбардомъ въ Мемелѣ, и черновую мыслей, набросанныхъ имъ по этому поводу для царя „fort à la hâte". Онъ прибавлялъ, что въ двухъ бесѣдахъ съ Ломбардомъ сильно настаивалъ на интересахъ англійскаго короля по отношенію къ Гильдесгейму: тотъ обѣщалъ именемъ своего короля, что охотно

сговорится съ ганноверскимъ регентствомъ. Кочубей просилъ заявить С. Эленсу объ его горячей защитѣ ганноверскихъ интересовъ: „но—прибавлялъ онъ—ни ему, ни кому бы то ни было не говорите про мемуаръ". Въ заключеніе Кочубей сказалъ о королѣ: „il a parlé d'affaires à l'empereur, et s. m. lui a répondu elle-même, mais sans entrer en aucun détail". Раздраженіе Кочубея достигло крайней степени, когда внезапно прискакалъ въ Мемель Дюмутье, который привезъ царю лестное для его родни письмо (№ 162; оно напечатано и въ Correspondance de Napoléon, № 6094), а королю — самую конвенцію 23 мая съ письмомъ о томъ, чтобы тотъ сообщилъ ее Александру I. Кочубей такъ выразился о № 162 (*тамъ же*, 276): „cela s'appelle jeter de la poudre aux yeux à l'Europe". Еще болѣе откровенно негодовалъ онъ на Бонапарта въ № 174. А. С. Воронцовъ совсѣмъ выходилъ изъ себя. Онъ описывалъ брату, какъ берлинскій дворъ началъ кричать о своемъ великомъ вліяніи въ Петербургѣ, потрясая письмами царя, а Бонапартъ началъ хвастать „тремя друзьями" на свѣтѣ. По его мнѣнію, октябрскій миръ показалъ Европѣ, что мы трусимъ, а мемельское свиданіе съ его послѣдствіями — что Пруссія распоряжается Россіей и сблизила ее съ Бонапартомъ; посланники же наши окончательно стали прихвостнями французскихъ. *Архивъ Воронцова*, X, 185. Зато пруссаки были очень довольны. Ломбардъ писалъ между прочимъ Люкезини 12 іюля, намекая на чары королевы (Bailleu, № 72): „Vous serez curieux peut-être d'apprendre quelques détails sur l'entrevue de Memel. Elle a eu lieu le 10 juin, et s'il est possible de pressentir les évènements et de former des conjectures en politiqne, j'ose croire que les résultats qu'elle promet seront des plus heureux. Les deux souverains on consu l'un pour l'autre l'estime et l'amitié les plus vives; l'éloignement, l'absence et l'intrigue pourront peut-être à la longue refroidir un peu ces sentiments mutuels, mais je doute qu'on parvienne à rompre l'engagement tacite qu'ils ont paru prendre de rester unis à jamais d'intérêts et d'amitié. Vous concevez que l'enchanteresse n'a pas peu contribué à resserrer les liens qui lient actuellement les deux princes; c'est une fée qui soumet tout au pouvoir de ses enchantements". Послѣднее замѣчаніе получаетъ особенный свѣтъ, въ виду извѣстной рыцарственности Александра I и слѣдующаго портрета Маріи-Луизы, набросаннаго рукой С. Воронцова (*Архивъ Воронцова*, X, 188): „elle a très peu d'esprit; quoique d'une conduite irréprochable elle a cette passion de coquetterie pour amouracher tout le monde, qu'elle serait heureuse et fière d'avoir rendu amoureux d'elle un laquais, un mendiant". Въ заключеніе спектакля были явлены міру новые блестящіе примѣры пошлости макіавелизма. Гаугвицъ заявлялъ Бонапарту, что онъ уже 7 лѣтъ служитъ и не перестанетъ служить Франціи и „такому глубоко-мудрому человѣку, какъ первый консулъ" (Bignon à Talleyrand, Bailleu, № 73). А. Ломбардъ, заполучившій 1.000 луидоровъ изъ Парижа за договоръ 5 сентября, писалъ Талейрану (*тамъ же*, № 84): „appelé tous les jours à lire dans les intentions du roi, je n'aurais pas le coeur prussien, si je ne l'avais français". Самъ же Бонапартъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ передъ ненавистнымъ ему поклонникомъ Англіи: С. Воронцова встрѣчали во Франціи не хуже Колычева, когда онъ проѣзжалъ изъ Лондона въ Россію и обратно; даже „таможня не потревожила" (*Архивъ Воронцова*, X, 166, 183).—Рескриптъ Алопеуса, по поводу мемельскаго свиданія, былъ данъ 6 іюля 1802. Алопеусъ замѣстилъ въ Берлинѣ Крюденера, умершаго въ іюлѣ отъ апоплексическаго удара.

156.

Самыми громкими были поединки, связанные съ именемъ несчастнаго chevalier de Saxe. Они одинаково разсказаны Эдувилемъ (№ 187) и Вяземскимъ въ его письмѣ А. Воронцову отъ 22 іюня (*Архивъ Воронцова*, XIV, 404). Имъ предшествовали характерныя письменныя объясненія, приложенныя къ депешѣ Эдувиля Талейрану отъ 2 іюня (*Paris*, 141, 135), послѣ слѣдующей бумаги (*тамъ же*, 134). *Varsovie le 5 mai.* Le prince Zouboff étant arrivé à Varsovie a été provoqué en duel par m. Gielgue, seigneur polonais, dont il a accepté le défi. Son arrivée s'étant répandue dans la ville y a

excité un rassemblement considérable et, d'après l'invitation du commandant, il a quitté Varsovie escorté par une partie de la garnison qui n'a pas pu empêcher que sa voiture fût assaillie de pierres par le peuple. On porte à 20,000 le nombre des polonais qui avaient entouré la maison du prince Zouboff et l'on ajoute qu'un régiment prussien appelé pour rétablir l'ordre, a refusé de marcher. — Печатаемъ цѣликомъ вызовъ на дуэль Зубова и его отвѣтъ сопернику. A PLATON ZOUBOFF. Ciel! Quel front! quelle audace! de reparaître dans ces murs pour insulter ainsi aux mânes plaintives qui les environnent et semblent s'élever de leurs tombes en signe d'horreur à l'aspect d'un homme dont la faveur funeste ne servit qu'à faire accomplir, par ses conseils atroces, les ordres les plus barbares et les plus sanguinaires!—Le souvenir douloureux d'une partie qui n'existe plus et dont le sol est trempé des larmes et du sang de mes frères a trop pénétré mon âme pour ne point l'exciter au devoir sacré de la vengeance contre l'auteur principal de tant de maux et de calamités; c'est le dernier hommage d'amour et de civisme que je dois à cette triste patrie que votre exécrable influence a déchirée aprés l'avoir ensanglantée. Oui, vous serez la victime destinée à la venger, ou le bourreau qui terminera mes longs malheurs en m'arrachant une vie qui m'est insupportable. A cette fin je vous provoque, vous laissant le choix, ou de l'épée, et alors l'une ou l'autre de nos demeures suffira; ou de l'arme à feu, et, dans ce cas, vous voudrez bien vous rendre avec vos seconds, demain à 6 heures du matin, à l'entrée du pont de la Vistule, du côté de Varsovie, où je vous attendrai déjà pour vous conduire, par le fauxbourg de Prague, au bois le plus prochain qui serait fixé pour le lieu de notre combat. — Les ruines de Prague rappelleront en même temps à votre souvenir la scène attroce de novembre 1794, scène approuvée par vous et où une partie des habitants de cette malheureuse cité fut impitoyablement égorgée, sans distinction ni d'âge, ni de sexe. J'espère que vous ne me ferez pas l'injure de soupçonner que ma démarche n'est dictée que par le désespoir d'un homme qui a tout perdu par l'exil et la confiscation de ses biens, ou qui ne s'en prend aujourd'hui à vous-même que par un sentiment de justice et d'indignation et par l'intérêt personnel, quoique vous soyiez en effet l'instrument secret de mes malheurs. Ce serait de ma part une lâcheté que détruit entièrement la patience et la résignation avec lesquelles, jusqu'à ce moment, j'ai supporté mon chagrin et ma misère. Un motif plus noble m'anime à cet égard, je me suis assez expliqué; mais s'il arrivait que vous voulussiez y donner une interprétation contraire dans l'idée d'éluder mon défi, pensez alors à ce dont cera capable vis-à-vis de vous celui chez lequel le sentiment du plus profond mépris se joindra à celui de la vengeance la plus décidée.—REPONSE.Une maladie qui m'a miné et affaibli depuis Grodno, pendant 9 jours de route, et qui me force à garder le lit depuis 13 jours que je suis dans cette ville (maladie qui n'a pu être ignorée de vous) m'a privé de la possibilité de répondre plutôt à une lettre qu'on m'a fait remettre dans la journée. Vous êtes polonais et les lois de l'honneur sont certainement sacrées pour vous; ce serait donc dérober à votre gloire que de vous offrir à combattre un homme affaibli par une fièvre, passagère à la vérité, mais qui cependant le mine. Malgré cet état, mon devoir et une parole d'honneur m'obligent d'aller le plutôt possible à Vienne et dès que je pourrai supporter la voiture je me mettrai en chemin. Si vous exigez de ma part une satisfaction d'honneur, je vous attendrai à Vienne et, comme je l'espère, si ma santé se rétablit, si mes forces reviennent, je me ferai un honneur de me prêter à vos désirs, profondément affligé toutefois qu'on puisse être dans l'opinion et qu'on puisse m'en vouloir pour avoir donné des conseils atroces sur le sort de la Pologne. Jamais je n'en ai donné de pareils à personne et l'on ne m'en a point demandé dans cette circonstance. Le sort de la Pologne a été décidé par des révolutions, des guerres et des Cours puissantes. Je mérite encore moins d'être accusé d'avoir donné des ordres sanguinaires à l'assaut de Prague... Cette supposition seule et m'étonne, et me fait frémir d'horreur! Moi, qui étais alors à Pétersbourg où l'on n'a pu même ni prévoir, ni s'attendre qu'il y aurait un assaut à Prague. Quelque temps avant ce triste évènement, personne n'était noyé de plus d'affliction que moi, car cette guerre funeste m'a peut-être causé au moins autant de douleurs et de peines qu'à vous puisque j'ai manqué d'y perdre un frère chéri que je pleurais pour mort et que je

n'ai revu que mutilé et privé de santé pour le reste de sa vie. Je n'en accusai cependant jamais que le sort et je ne m'en pris qu'à lui de la perte de plusieurs amis et parents que je regretterai toute ma vie et dont je proférerai les noms avec respect en enviant leur destinée. Ils sont morts dans les champs de la gloire. Leurs mânes reposent en paix. Elles ne demandent point vengeance puisque leurs actions n'étaient qu'héroïques et chrétiennes. Chacun se doit à sa patrie lorsque sa patrie l'appelle pour son bien, et ce n'est qu'elle qui puisse être responsable d'avoir appelé ses enfants, s'il ne s'agit réellement du bien public. Ce n'est que dans ce cas qu'on peut en se dévouant généreusement espérer de l'honneur et de la gloire et un nom cher à l'humanité, que la postérité bénisse, car toujours les services qu'on rend à la patrie se prisent moins sur le dévouement que sur les biens que l'on verse sur les hommes.—Je ne crois pas vous avoir jamais offencé personnellement, car je ne crois pas avoir l'honneur de vous connaître; mais, si c'est comme vous le dites, un motif plus noble qui vous anime; si c'est comme antagoniste de vos compatriotes que vous cherchez à me combattre, je vous préviens que vous êtes dans l'erreur, et que cette erreur m'afflige infiniment, et je vous déclare solennellement, que loin d'avoir jamais voulu être leur adversaire, je me piquerais d'être un de leurs champions les plus zêlés par les sentiments que j'ai toujours portés à vorte nation vaillante, loyale et généreuse, sentiments dont je suis fier d'avoir souvent donné des preuves à plusieurs d'entre eux toutes les fois que le sort a voulu me rendre heureux en m'en procurant les occasions.—Si malgré cette explication franche et loyale, vous voulez persister, à quelque autre titre, que je vous attende à Vienne, ayez la complaisance de me marquer quand il faut que je vous y attende.

157.

Россіи не легко было справляться съ такою обузой, какъ „Людовикъ XVIII", тѣмъ болѣе, что никто не думалъ такъ раскошеливаться для него, какъ она. Самъ бережливый Александръ I не воспользовался тѣмъ, что Павелъ I прекратилъ подконецъ содержаніе этому Бурбону и удалилъ его изъ Россіи. Онъ отчасти возстановилъ прежнюю пенсію и сдѣлалъ новую надбавку: 18 мая Кочубей предписывалъ Моркову увѣдомить испанскаго посла въ Парижѣ, что царь назначаетъ графу Лильскому 75,000 ежегодной пенсіи и предложитъ ему жить на югѣ Россіи, гдѣ дадутъ ему еще земли для увеличенія доходовъ. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 40. Нужно читать автобіографію Людовика (издана герцогомъ Doudeauville въ 1828 г.; *Русскій Архивъ*, 1877), чтобы понять чувства голодавшаго въ Варшавѣ Бурбона, когда Александръ I „облегчилъ его горе", извѣстивши его собственноручно о своемъ воцареніи „въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ". Его радость была отравлена только сознаніемъ, что зоркій глазъ страшнаго врага не упускаетъ его изъ виду. 30 сентября Бонапартъ приказывалъ Талейрану послать агента въ Варшаву для надзора надъ графомъ Лильскимъ и надъ всякимъ, кто бываетъ у него: агентъ долженъ былъ доставлять донесенія два раза въ недѣлю. *Correspondance de Napoléon*, № 6353.

158.

Морковъ жаловался Александру I, 9 января 1802, что Англія отказывается хлопотать за Сардинію, хотя изъ-за этой уклончивости она уже „была жертвой коварства и изворотовъ здѣшнихъ негосіаторовъ". Онъ просилъ С. Воронцова уговорить лондонское министерство, чтобы англійскій посланникъ въ Парижѣ помогалъ ему въ дѣлахъ Италіи. *Русскій Архивъ*, 1873, № 12. Въ отвѣтъ на эту просьбу Кочубей бранилъ Англію, 15 февраля, почти словами Моркова по поводу Сардиніи. *Архивъ Воронцова*, XVIII, 265.—Для сардинскаго вопроса на конференціи 17 апрѣля см. примѣчаніе 147.—Для дальнѣйшаго хода дѣла имѣетъ значеніе слѣдующій документъ (*Paris*, 141, 139).

TALLEYRAND A HÉDOUVILLE. *Paris*, *17 prairial an* X. Vous m'avez mandé que dans vos dernières conférences le ministre russe vous avait entretenu: 1) de l'évacuation du pays d'Otrante; 2) du sort du roi de Sardaigne; 3) du commerce de la mer Noire.— Sur le premier point, je n'ai plus rien à vous dire, l'évacuation est consommée, elle a été faite aux termes du traité d'Amiens. — Sur le second, vous sentez bien et on doit aussi convenir à Pétersbourg qu'il ne peut plus être question du Piémont, ce serait mettre ce pays en révolution. Pour des dédommagements on peut s'entendre et en chercher, et à cet égard m. le comte de Morcoff ayant dans l'audience du 15 témoigné au premier consul que Parme et Plaisance pourraient être donnés au roi de Sardaigne, le premier consul lui a répondu que quand il deviendrait possible de disposer de ces deux duchés, il ne le ferait pas avant de s'être entendu au préalable avec s. m. i. — Sur le troisième point, je dois vous dire que le commerce de la mer Noire est fort désiré par nous; que les relations directes dans cette mer entre la France, et la Russie ne peuvent être que souverainement utiles aux deux nations. Le nouveau ministre de la Porte Ottomane est arrivé, et quoique je n'aie pas eu encore de conférence avec lui, je puis vous assurer à l'avance qu'il y aura, dans le traité qui sera conclu, une disposition qui éloignera toute difficulté de la part des turcs à la navigation des français dans la mer Noire.—Тогда же, въ началѣ іюня, Морковъ доносилъ, что король Этруріи впалъ въ помѣшательство съ бѣшенствомъ: бѣгаетъ по дворцу съ обнаженною шпагой, готовый убить всякаго встрѣчнаго; по 5 разъ въ день повторяются съ нимъ припадки эпилепсіи, которымъ онъ подверженъ съ дѣтства. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 179.— Списокъ ноты Моркова Талейрану о Сардиніи отъ 27 іюня. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 307. — *Тамъ же* (216) есть еще нѣсколько менѣе важныхъ бумагъ о Сардиніи изъ переписки Моркова и Таллейрана съ Марсаномъ и Шаламберомъ, за іюнь и августъ.—27 іюня Бонапаръ предписалъ Талейрану увѣдомить французскихъ агентовъ въ Римѣ, Неаполѣ и Тосканѣ, что онъ не можетъ терпѣть въ Италіи ни отрекшагося Карла Эммануила, ни герцога аостскаго; Талейранъ долженъ былъ въ то же время приказать франкфуртскому магистрату выгнать Марсана изъ его города. Самому Марсану онъ писалъ 29 августа: „les puissances ne prennent aucun intérêt à voir rétablir un roi qui, se trouvant placé entre 4 républiques plus puissantes que lui, serait un sujet de troubles pour l'Europe". Въ тотъ же день Бонапартъ приказалъ Кларку соблазнять Марсана прекраснымъ доводомъ: „чего тебѣ терять свое счастье, когда даже эмигранты возвращаются къ намъ!" При этомъ замѣчательная для правительства Бонапарта прибавка: „vous pouvez lui dire confidenciellement que l'Autriche, la Russie et la Prusse ont, par des articles secrets, reconnu la possession du Piémont" *Corresp. de Nap.* №№ 6144, 6286, 6287.—27 іюля Морковъ доносилъ, какъ Бонапартъ возвѣстилъ ему, что не пуститъ Марсана въ Парижъ, „comme un *objet irritant*", и что, во избѣжаніе волненій въ Пьемонтѣ, будутъ вести переговоры съ Карломъ-Эммануиломъ IV въ Римѣ, притомъ какъ съ королемъ острова Сардиніи. Морковъ прибавляетъ, что тутъ Бонапартъ отошелъ, не давъ ему возразить. Онъ объяснилъ этотъ поступокъ тѣмъ, что Бонапартъ уже добился торговыхъ выгодъ въ Турціи: „car c'est ainsi qu'il en avait agi dans toutes les circonstances prodiguant des promesses et des espérances quand il poursuivait une réussite et les retractant sans pudeur aussitôt qu'il l'avait obtenue". Вслѣдъ затѣмъ Морковъ увѣдомлялъ, что велѣли Марсану убираться въ Кальяри, если онъ хочетъ быть сардинцемъ, или въ Туринъ, если ему угодно быть французомъ, а папѣ велятъ удалить сардинскаго короля изъ Рима; между тѣмъ готовится эскадра въ Алжиръ, которая мимоходомъ захватитъ Сардинію. Марсанъ писалъ французскому министру во Франкфуртѣ, но, конечно, безполезно. Въ то же время старый король сардинскій извѣщалъ Бонапарта о смерти своей королевы, а новый— о своемъ воцареніи. Талейранъ обѣщалъ отвѣчать имъ, но конечно не совершилъ такого грубаго дипломатическаго промаха. (*Pétersbourg*. Paris. 1802, 202—204). — Сенатусъ-консультъ о присоединеніи Пьемонта къ Франціи у *Martens*, VII, 676. — Нашъ № 198 напечатанъ въ *Corresp. de Napoléon*, № 6278. Эдувиль благодарилъ А. Воронцова за назначеніе аудіенціи на 21 сентября для поднесенія этого письма. *Архивъ Воронцова*, XXIX, 404. — Нота Моркова Талейрану о Сардиніи 17 сентября: *Péters-*

bourg. Paris, 1802, 311. — Морковъ извѣщалъ министерство (*тамъ же*, 119, 121), что онъ, какъ только узналъ о смерти герцога пармскаго, тотчасъ же, 17 октября, далъ ноту Талейрану: ея списокъ *тамъ же*, 318. Не получивъ отвѣта, онъ лично отправился къ нему. Талейранъ сказалъ, что Бонапартъ „подумаетъ“. Но Бонапартъ отправился въ путешествіе по Франціи—и Талейранъ твердилъ Моркову: „подождите его возвращенія“. 14 ноября Бонапартъ возвратился. Уже 18-го Морковъ явился къ нему, чтобъ выслушать печальный отвѣтъ (№ 223). Обманула и надежда на Пруссію, о которой писалъ ему А. Воронцовъ, на основаніи словъ Гаугвица Алопеусу. 29 декабря Морковъ доносилъ министерству, что Люкезини вовсе не получалъ новыхъ инструкцій о Сардиніи. Да и Бонапартъ замѣтилъ Моркову, что „онъ о сихъ дѣлахъ ни съ кѣмъ, кромѣ государя императора, трактовать не хочетъ“. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 258. Въ то же время Эдувиль не зналъ, что отвѣчать на постоянныя увѣщанія петербургскаго министерства, которое указывало на наше дружелюбіе къ Франціи по дѣламъ Германіи и Швейцаріи и все приговаривало: а вы что дѣлаете съ несчастнымъ королемъ сардинскимъ? См. докладъ А. Воронцова о разговорѣ съ Эдувилемъ 7 ноября: *Pétersbourg*. Ministère, 1802, 9. — Формальное признаніе Австріей испанскаго инфанта королемъ Этруріи произошло 26 декабря *Le Clerck*, I, 611. Интересны соображенія Талейрана по поводу удѣла сардинскаго короля въ его письмѣ Бонапарту 14 брюмера XI г. *Bertrand:* Lettres de Talleyrand, №№ XXIV и XXV. О желаніи короля проживать въ Веллетри см. *тамъ же*, № XXXI.

159.

Для пониманія довольно запутанныхъ дѣлъ Швейцаріи нужно замѣтить, что, подъ вліяніемъ французской революціи, здѣсь образовалась *Гельветская республика* (12 апрѣля 1798) на основахъ демократизма и единства старыхъ и новыхъ кантоновъ. Партія старины, или аристократы, съ бернскою олигархіей во главѣ, стали за коалицію въ 1799 г., но были подавлены, когда союзники ушли: въ январѣ 1800 г. устроилась „коммиссія семи“—правленіе, напоминавшее созданіе 18 брюмера. По люневильскому миру, въ февралѣ 1801, Швейцарія была объявлена независимою, и народу предоставлялось самому устроить свое правленіе. Отсюда горячая борьба старины съ новизной. Послѣдняя побѣдила, благодаря Бонапарту: ея проектъ конституціи былъ принятъ на бернскомъ сеймѣ 27 февраля 1802. Но съ удаленіемъ французовъ, 13 іюля, въ силу амьенскаго договора, борьба партій возгорѣлась съ новою силой. Низвергли новую конституцію. Ея защитники просили помощи у Франціи. Бонапартъ издалъ 30 сентября строгое воззваніе къ швейцарцамъ, а 15 октября его войска снова заняли Гельветскую республику. Въ опроверженіе толковъ, будто ей готовится участь Пьемонта, Талейранъ далъ торжественное заявленіе министру ея сосѣдки, Баваріи, Четто; а 10 декабря въ Парижѣ возникла швейцарская „консульта“—депутаты Швейцаріи для рѣшенія участи своей страны. Эта участь справедливо тревожила всѣ державы. По сознанію самого Биньона, Бонапартъ уже съ августа 1801 г. думалъ о присоединеніи къ Франціи важнаго альпійскаго прохода, Валэ, который имъ же самимъ былъ объявленъ „покуда“ частью Гельветской республики. Въ то же время французскія войска заняли дорогу чрезъ Симплонъ „для охраны“; въ вознагражденіе Бонапартъ прирѣзалъ республикѣ Фрикталь—землю, оттянутую имъ у Австріи по люневильскому миру. Морковъ извѣщалъ Александра I, 24 февраля 1802, что ходитъ слухъ о переговорахъ Австріи съ Талейраномъ насчетъ возвращенія ей Фрикталя, гдѣ Бонапартъ „exerce un despotisme qui met à découvert l'esprit de ce gouvernement“. *Русскій Архивъ*, 1873, № 12. Конечно, Австрія ничего не добилась. Ея пораженіе, а также безучастіе въ дѣлахъ Швейцаріи явствуютъ изъ депеши Шампаньи Талейрану 1 декабря. Но она, въ свою очередь, ссылалась на безучастіе Россіи, основываясь на донесеніи Саурау отъ 20 января 1803. *Wertheimer*. — Россія надоѣдала Бонапарту съ швейцарскимъ дѣломъ не меньше, чѣмъ съ сардинскимъ: оно было даже особенно близко душѣ воспитанника Лагарпа. Оттого не успѣлъ Эдувиль прибыть въ Петербургъ, какъ

Талейранъ уже дѣлалъ ему, 27 апрѣля, туманное, но важное внушеніе насчетъ Швейцаріи, имѣя въ виду запросы Моркова. Онъ писалъ (*Paris*, 141, 105): „Il sera probablement question à Berlin *comme ici* de quelques nouveaux changements qui viennent de s'opérer dans le régime constitutif de l'Helvétie avant même qu'il fût définitivement arrêté. Le ministre de la république à Berne a tellement pour instruction positive de demeurer étranger à toutes les affaires intérieures de l'Helvétie que nous n'avons rien pu prévoir de ce qui est arrivé et que nous en attendons les résultats avec le seul désir que l'Helvétie se ropose enfin dans un régime qui lui convienne et qui ne soit l'ouvrage ni le refuge d'aucune faction". Въ Петербургѣ Эдувиля тотчасъ забросали вопросами о Швейцаріи, которые обыкновенно сливались съ вопросами о Сардиніи. Они нерѣдко шли отъ самого царя. Такъ, 3 іюня, Александръ I заговорилъ съ Эдувилемъ объ этомъ предметѣ на парадѣ. Эдувиль получилъ такое впечатлѣніе отъ высочайшей бесѣды: „l'empereur m'a paru persuadé que le premier consul n'a d'autre but que d'y étouffer l'esprit de faction en laissant au peuple suisse, si recommandable par son énergie et la simplicité de ses moeurs, la liberté de se donner une constitution qui lui convienne". *Paris*, 141, 131.—Между тѣмъ Морковъ доносилъ 14 мая (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 169), что у насъ уже заискиваютъ швейцарцы, которые до сихъ поръ ненавидѣли насъ подъ вліяніемъ французовъ: такъ имъ стало жутко отъ Бонапарта. Онъ ставилъ въ связь съ этимъ пріѣздъ Лагарпа въ Парижъ. 4 октября Морковъ прислалъ въ Петербургъ поданную ему просьбу швейцарцевъ о защитѣ. Онъ имѣлъ по этому поводу интересный разговоръ съ Талейраномъ. Талейранъ сказалъ ему, что нужно покончить со скандаломъ въ Швейцаріи. Морковъ возсталъ въ защиту независимости швейцарцевъ, тѣмъ болѣе что они отстаиваютъ старину, „которая возстановляется и въ Парижѣ". Но — прибавляетъ онъ—„il me répondit que ma remarque était très juste pour ce qui regardait ce pays-ci, mais qu'en dehors il ne pourrait pas souffrir le renversement des mesures révolutionnaires, qu'ils avaient provoquées; en d'autres termes, cela voulait dire: de l'ordre et de l'obéissance chez nous, du trouble et de la confusion partout ailleurs". Октября 20-го Морковъ увѣдомлялъ Александра I, что Талейранъ просилъ его посовѣтовать швейцарцамъ повиноваться, но, конечно, получилъ отказъ. А Бонапартъ громко сказалъ ему на общей аудіенціи, что напрасно приписываютъ ему желаніе стать президентомъ въ Швейцаріи: онъ вовсе не думаетъ объ этомъ. Между тѣмъ Морковъ уже 8 ноября извѣщалъ А. Воронцова о томъ, какъ Ней употреблялъ въ Швейцаріи „les manières les plus dures et le langage le plus grossier". Онъ прибавлялъ: „on assure que dans une assemblée générale de la municipalité de Berne il a dit ces propres mots: „peut-être, messieurs, comptez vous sur les secours des puissances? Désabusez vous, les victoires et les triomphes de Bonaparte ont porté sa fortune si haut qu'aucun souverain ne peut plus lui résister aujourd'hui et que le jour qu'il lui plaira de leur ordonner de paraître à Paris, aucun d'eux n'osera s'y refuser de peur d'en courir sa disgrâce". Эта депеша встрѣтилась съ предписаніемъ А. Воронцова отъ 10 ноября внимательно слѣдить за швейцарскими дѣлами (*Тамъ же*, 58, 113, 114, 245). 4 декабря къ Моркову послана подобная же депеша, служащая добавленіемъ къ № 218. Въ ней подробно описана конференція А. Воронцова съ Эдувилемъ о Швейцаріи и Сардиніи, кратко изложенная въ его докладѣ императору отъ 26 октября, который приложенъ тутъ же (*тамъ же*, 59). Моркову предписывалось увѣдомить, что̀ будутъ говорить въ Парижѣ объ этой конференціи. О швейцарскихъ депутатахъ Морковъ доносилъ министерству въ концѣ года (*тамъ же*, 270). О нихъ дѣлали запросъ Эдувилю въ Петербургѣ; но онъ не могъ ничего отвѣчать.

160.

„Маленькія выгоды" Талейрана объясняются въ донесеніи Моркова Александру I отъ 27 апрѣля. По его свѣдѣніямъ, вюртембергскій посланникъ, Нордманъ, узналъ причину, почему Бонапартъ уклоняется отъ аудіенціи нашему и австрійскому министрамъ

для разговора о дѣлахъ его герцога: требуется уплатить Талейрайну 2 милліона ливровъ, какъ только будетъ сдѣлана уступка послѣднему. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 79. *Русскій Архивъ*, 1873, № 12. — Уходя съ первой конференціи отъ Куракина, Эдувиль сказалъ, что важнѣе всего для общаго блага, чтобы въ вопросѣ объ индемнизаціяхъ Россія „pût être à l'unisson avec la France et la Prusse sur le principe, que les grands intérêts actuels de l'Europe devaient être préférer aux anciens pactes et droits de famille". *Pétersbourg*. Ministère, 1802, 46.—17 мая Морковъ писалъ Кочубею о Талейранѣ: „ensuite il m'a promené encore avec l'affaire des indemnités, changeant tous les jours de places et d'idées... En général il traite toute cette affaire avec autant de légèreté que peu de connaissance non-seulement de la valeur, mais même de la localité des objets dont il dispose". Ему писали навстрѣчу изъ Петербурга (26 мая), по поводу его „очень интересной" депеши 30 апрѣля (№ 158): „l'empereur a fort approuvé l'éloignement que vous avez marqué à m. de Talleyrand de remettre à l'ambassadeur d'Autriche et au ministre de Prusse cette note commune si éloignée des formes reçues entre les grandes puissances et qui surtout cadrerait peu avec nos relations avec les cours de Vienne et de Berlin". *Pétersbourg*. Paris, 1802, 39, 173.—Л. Кобенцль писалъ Саурау 4 мая: „Malgré tout ce que v. e. trouvera dans la dépêche ostensible d'un concert nécessaire entre les cours impériales, nous croyons devoir lui observer sous le sceau du plus grand secret qu'il n'est pas moins de notre intérêt de tenir la Russie hors de jeu quant aux objets que nous pourrions avoir à traiter directement avec la France; elle en impose trop peu au premier consul pour pouvoir nous y être utile et pourrait au contraire nous y nuire. C'est surtout relativement à la Prusse que nous avons besoin d'être bien avec la Russie". Депеша вѣнскаго архива: Wertheimer. — Вообще парижскій ходъ дѣла объ индемнизаціяхъ за то время изображенъ въ искусномъ докладѣ Талейрана отъ 21 августа: *Le Clercq*, I, 592. Получивъ отъ Талейрана № „Монитера" съ этимъ докладомъ, Эдувиль писалъ ему 3 октября (*Paris*, 142, 8): „Votre rapport a mis au grand jour le caractère de modération, de sagesse et de justice que le gouvernement de la République a déployé dans la discussion des indemnités stipulées par l'article 7 du traité de Lunéville. Je n'ai qu'à répéter les motifs que vous exposez avec autant de clarté que de précision pour faire valoir ce caractère. Le prince Kourakin et le comte de Kotschoubey m'ont dit avant de quitter le département des affaires étrangères que s. m. l'e-r Alexandre avait lu ce rapport avec intérêt, surtout en ce qui le concerne. La convention du 3 juin sauvera l'Europe d'un nouvel incendie et forcera les intérêts particuliers de céder à l'intérêt général qui ne peut être bien basé que sur le seul systême politique convenable à la nouvelle circonscription des puissances.

161.

Іюньскій планъ вознагражденій приложенъ къ депешѣ Моркова отъ 4 іюня (№ 169), въ видѣ 9 таблицъ съ цифрами, также тщательно составленныхъ, какъ октябрскія таблицы (125). То же самое, но нѣсколько подробнѣе, напечатано у *Мартенса*: собраніе трактатовъ, II, 385—397. Здѣсь прибавлено между прочимъ слѣдующее. Сохраняется 1 только духовный курфюрстъ, эрц-канцлеръ Имперіи, который будетъ проживать въ Регенсбурѣ и получитъ земель на 1 милліонъ флор. дохода; зато Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ-Кассель возводятся въ курфюрстское званіе. Ганноверу дается Оснабрюкъ для устраненія его притязаній на Гильдесгеймъ и Корвей. Эльсфлетская таможня не возстановляется; а Ольденбургъ вознаграждается за нее землями. Вопросъ объ индемнизаціи долженъ быть рѣшенъ на сеймѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.—Нота для сейма, сопровождающая планъ вознагражденій, приложена, вмѣстѣ съ № 168, къ донесенію Моркова отъ 4 іюня (№ 169); см. также *Pétersbourg*. Paris, 1802, 101, 227.— № 168 напечатанъ у *Мартенса*: Собраніе трактатовъ, II, 384.—Конвенція 3 іюня и ея подготовка были искусно скрыты отъ Вѣны. Когда тамъ спрашивали Шампаньи объ индемнизаціяхъ, онъ отвѣчалъ, что Бонапартъ и не думаетъ о нихъ: онъ занятъ-де

Ліономъ и Амьеномъ да еще воастановленіемъ католицизма во Франціи. Только депеша Стадіона изъ Петербурга отъ 1 іюня намекнула на переговоры между Россіей и Франціей по германскимъ дѣламъ. 17-го столь же неопредѣленно намекнулъ Л. Кобенцлю англійскій посланникъ, также на основаніи петербургскихъ слуховъ. Въ Вѣнѣ убѣдились въ существованіи конвенціи, лишь благодаря перехваченному письму прусскаго посольства; а вполнѣ узнали ее только изъ донесенія Ф. Кобенцля (отъ 20-го), который самъ вычиталъ ее въ „Монитерѣ". Подробности, по документамъ, у Fournier. Ф. Кобенцль дотого не подозрѣвалъ ничего, что, когда уже подписывалась конвенція, онъ далъ Моркову свой отзывъ о княжествахъ Тріентъ и Бриксенъ, которыя „въ теченіе вѣковъ составляютъ нераздѣльную часть Тирольскаго графства" и потому не могутъ быть уступлены австрійскимъ императоромъ. Отзывъ приложенъ къ № 169.—Передавая, 25 іюня, бумаги Куракину, Эдувиль приложилъ документъ, о которомъ говорится въ № 177. Эта *Note ou exposé des motifs qui militent en faveur du projet d'indemnités* — ничто иное, какъ обширное извлеченіе изъ № 173. Въ нашемъ архивѣ она ошибочно помѣчена сентябремъ, какъ приложеніе къ № 203 (*Pétersbourg*. Ministère. France, 1802, 58). Она находится въ спискѣ въ парижскомъ архивѣ (*Paris*, 141, 153).—Подробности объ архіепископствѣ майнцскомъ и о Дальбергѣ см. въ нашемъ „Союзѣ князей".

162.

Изъ „конференціальныхъ записокъ" (*Pétersbourg*, Ministère, 1802, 28, 29, 31, 35) оказывается, что Куракинъ спозаранку подготовлялъ своего государя, распространяясь передъ нимъ въ риторическихъ фразахъ насчетъ необходимости согласиться съ планомъ Бонапарта. Послѣ одного разговора съ Эдувилемъ объ этомъ предметѣ, онъ послалъ 17 іюня докладъ о немъ въ Мемель, гдѣ сказано въ заключеніе: „A cette occasion je prends la liberté d'émettre de nouveau le voeu ardent, que je forme par zèle pour la gloire personnelle de v. m. i. et les intérêts de son empire, celui qu'elle puisse accueillir et cultiver ces bonnes dispositions que lui témoigne le premier consul, et que dans sa sagesse par un concert parfait avec lui, elle s'assure le moyen d'accorder sa garantie à l'arrangement final des affaires de l'Allemagne et l'avantage d'y avoir concouru, ce qui d'un côté lui perpétuera la confiance et la reconnaissance des princes de l'empire qui ont eu recours à sa protection, et de l'autre maintiendra la considération de la Russie, et lui conservera cette influence respectable dans les affaires générales de l'Europe, que les succès constants d'un règne long et glorieux lui avait assurés par la garantie du traité de Teschen. — 22 іюняКуракинъ воспользовался новымъ случаемъ, чтобы послать еще докладъ въ Мемель въ томъ же родѣ. Онъ извѣщалъ императора, что Саурау высказывалъ ему свое безпокойство по поводу слуховъ, будто Пруссіи даютъ даже больше, чѣмъ указано въ таблицѣ, противъ которой протестовала Вѣна. На опроверженіе Куракина онъ замѣтилъ, что, какъ извѣстно, первый консулъ послалъ въ Мемель курьера съ письмомъ. Куракинъ „не могъ отрицать курьера, котораго всѣ видѣли", но сказалъ, что въ письмѣ нѣтъ „ничего особеннаго". Отсюда Куракинъ дѣлалъ такой выводъ: „Cet entretien ne prouve-t-il pas que la jalousie et la malveillance de la cour de Vienne contre celle de Berlin sont toujours en pleine activité, qu'elles ne seront jamais d'accord entre elles sur les acquisitions qu'elles ont à faire, que les voies de persuasion ne sont plus celles, qu'on puisse maintenant choisir pour les réunir sur ce point, et que ce n'est que par une déclaration précise et énergique des puissances médiatrices, en ne s'arrêtant plus aux soins superflus de vouloir calmer leurs intarrissables discutions, qu'on peut parvenir à terminer ces affaires de l'Allemagne?" — 25 іюня Куракинъ отправилъ къ царю списокъ письма Талейрана (№ 172), какъ самое краснорѣчивое предстательство за свою идею. 28-го Куракинъ воспользовался новыми просьбами герцога Вюртембергскаго и дргихъ фюрстовъ. Онъ послалъ новый докладъ въ Мемель съ просьбой поскорѣе утвердить сдѣлку объ индемнизаціяхъ. 3 іюля новый случай (приставанья баварскаго министра)—и еще докладъ (№ 180) о нашемъ пресловутомъ „арбитражѣ" въ Германіи.

Здѣсь, въ заключеніе, описывался разговоръ съ ганноверскимъ дипломатомъ, Мюнстеромъ. Послѣдній былъ встревоженъ слухами, будто епископства Гильдесгеймъ и Корвей отходятъ къ Пруссіи, т.-е. Ганноверъ разрѣзывается пополамъ прусскими владѣніями. Куракинъ, „будто не зная, что это уже рѣшено", совѣтовалъ принять эту жертву, если она потребуется. Затѣмъ спросилъ: „а будетъ-ли доволенъ англійскій король, если ему дадутъ вознагражденіе за епископства"? Мюнстеръ отвѣчалъ „съ жаромъ": „Oh! certainement il le sera; et comment ne serait-il pas, quand n'ayant pas les moyens d'empêcher ce qu'il craint, il recevra toujours par là un avantage auquel il ne s'attendait pas!" Въ то же время Куракинъ переписывался съ Талейраномъ: то онъ сопровождалъ запиской письмо царя Бонапарту (23 апрѣля), то изъявлялъ радость по поводу улаженія нѣмецкихъ дѣлъ и давалъ совѣты насчетъ Мекленбурга (*Pétersbourg*, Ministère, France, 1802, 1, 3). Приводимъ цѣликомъ послѣдній документъ, какъ образчикъ этой переписки. KOURAKIN A TALLEYRAND. *4/16 juillet 1802.* J'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire et j'ai partagé vivement la satisfaction que vous me témoignez de l'heureux résultat de notre travail avec m. le comte de Morcoff sur les indemnités germaniques; mais j'en éprouve une plus particulière encore de pouvoir vous annoncer que l'empereur n'a fait aucune difficulté d'y donner son approbation. Nous avons adopté la forme d'une déclaration comme la plus convenable pour exprimer que s. m. i. a donné son agrément au plan proposé. — L'intention de l'empereur étant de mettre le moins de délais possible à la première démarche à faire près de la diète, les ordres viennent d'être expédiés à son résident à Ratisbonne de remettre cette déclaration; mais s. m. i. a jugé encore, que dans une circonstance de cette nature et une affaire aussi importante, il conviendrait d'adjoindre à m. de Klupfel un ministre d'un caractère supérieur et elle a fait choix du baron de Bühler son ministre en Bavière, qui reçoit l'ordre de se rendre incessemment à Ratisbonne. Ses instructions sont de se concerter, pour tout ce qui peut avoir rapport aux indemnités, avec le ministre de la République et de faire des démarches communes et vigoureuses pour obtenir l'effet de l'intervention des deux gouvernements et la consolidation des arrangements proposés. — M. le comte de Morcoff est chargé de faire connaître au premier consul ce que l'empereur désire encore en faveur du duc de Mecklembourg-Schwerin et du prince évêque de Lubek. Les liens de parenté et d'amitié qui attachent s. m. i. à ces deux princes lui feraient voir avec plaisir qu'il peut être satisfait à leurs demandes, dont l'une est sans inconvénient et l'autre d'une très petite considération. — Il me reste à désirer, que le succès réponde à notre commune attente et on doit l'espérer et de l'impartialité du plan et du poids attaché à une aussi puissante médiation.

163.

18/30 іюня Кочубей послалъ С. Воронцову и его брату, какъ онъ выразился въ приписвѣ, „le rapport assez singulier ou plat du prince Kourakine à l'empereur que nous avons reçu ce matin". *Архивъ Воронцова*, XVIII, 277.— Докладъ Куракина былъ полученъ дней 10 спустя послѣ мемуара Ломбарда (155), а недѣлей раньше прибылъ въ Мемель Дюмутье: императора основательно осаждали съ трехъ сторонъ. Англоманы должны были серьезно вооружиться на свою защиту. Отсюда замѣчательная докладная записка Кочубея императору, на 12 страницахъ, сохранившаяся въ нашемъ архивѣ безъ даты и подписи, но съ надписью на полѣ: „отъ В. П. Кочубея": *Pétersbourg*, Ministère, 1802, 1 bis. Очевидно, это — тотъ набросокъ мыслей „fort à la hâte", который былъ вызванъ мемуаромъ Ломбарда (155).

164.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КОЧУБЕЯ. Ваше и. в. въ полной мѣрѣ въ памяти Вашей имѣть изволите дѣло германскихъ индемнизацій, которое перенесено было въ

Парижъ въ слѣдствіе изъявленнаго на то желанія двора берлинскаго и по убѣжденію, что послѣдній, не согласуяся съ дворомъ вѣнскимъ, еще труднѣе было бы что-либо кончить безъ соучастія перваго консула.—Графъ Морковъ, получивъ повелѣніе руководствоваться сколько можно безпристрастнѣе между Австріей и Пруссіей, и какъ съ обѣихъ сторонъ были рекламаціи, что исчисленія наши убытковъ понесенныхъ были невѣрны или что удовлетворенія, нами налагаемыя, были недостаточны, то и предоставлено ему было не держаться строго плана отъ насъ сообщеннаго, а принять какъ отмѣны, кои не съ лишкомъ отходить будутъ отъ предложеній нашихъ.—По долгихъ преніяхъ и проволочкахъ со стороны министерства французскаго, графъ Морковъ подписалъ маія, *) вмѣстѣ съ Талейраномъ ноту, которая, представлена будучи на сеймѣ регенсбургскомъ, должна служить правиломъ въ разсужденіи индемнизацій.—Изъ соглашенія сего явствуетъ, что, въ сравненіи предложеній нашихъ, удовлетворенія великаго герцога тосканскаго уменьшено, а король прусскій и курфирстъ баварскій получаютъ болѣе нежели мы имъ назначали; что включены тутъ болѣе тридцати принцовъ, о убыткахъ или удовлетвореніяхъ большей части коихъ мы, такъ сказать, и свѣдѣнія имѣть не можемъ, и что изъ уваженія къ в. и. в—ву доставлены разныя выгоды домамъ, въ коихъ вы интересоваться изволите, и именно баденскому и виртембергскому.—Во всѣхъ соображеніяхъ сихъ, державы, кои заслуживать должны наиболѣе вниманія нашего, говоря политически и отлагая мелкія уваженія свойства съ принцами германскими или тому подобное, суть: Австрія и Пруссія, яко двѣ большія и продолжающіяся въ Германіи державы; курфирстъ гановерскій, который, соединяя аглицкую корону, имѣетъ всѣ причины ожидать уваженія къ желаніямъ его, и курфирстъ баварскій, въ слѣдствіе обѣщаннаго ему трактатомъ нашимъ съ дворомъ минхенскимъ покровительства.—Вѣнскій дворъ безъ сомнѣнія вопіетъ противу плана, совокупно нами съ Франціею предлагаемаго, не потому конечно что великій герцогъ тосканскій получаетъ, но по причинѣ важнаго увеличенія короля прусскаго.—Король аглицкій можетъ рекламировать противу присоединенія Гильдесгейма къ удѣлу, Пруссіи назначаемому.—Послѣдній сей удовольствованъ быть можетъ секуляризаціею Оснабрика и обѣщаніемъ берлинскаго двора взять въ уваженіе права его на Гильдесгеймъ и учинить добровольную сдѣлку; что же касается до Австріи, то, имѣя конечно уже многія причины быть нами недовольною, мало теперь настоять можетъ неудобства, есть ли прибавится еще ея неудовольствіе.—Но не сіе теперь разбирать должно, а слѣдуетъ войти въ существо самаго акта, графомъ Морковымъ подписаннаго, и форму онаго.—Кажется, что ни первое, ни послѣдняя безъ каковаго-либо ограниченія приняты быть не могутъ.—Актъ самъ по себѣ довольно разнствуетъ отъ предложеній нашихъ. Скажутъ люди, порочить его желать могущіе: „вы отступивъ отъ того, что сами справедливымъ находили, вы не соблюли роли строгаго посредника; вы, назначая удовлетворенія множеству принцовъ германскихъ, слѣдовали только инструкціи, данной вамъ первымъ консуломъ“. — Что же касается до формы, то она совершенно несовмѣстна: ибо почему на сеймѣ регенсбургскомъ должна подана быть нота за подписаніемъ графа Моркова и Талейрана? Они могли условиться о содержаніи и редакціи оныя, но подпись ея, по порядку, досель существовавшему, предоставлена быть долженствовала взаимнымъ въ Регенсбургѣ министрамъ.—Отвергнуть вообще транзакцію сію или не взять въ ней никакого участія было бы неудобно. Коль скоро в. и. в. воспротивиться оной не можете имѣть намѣренія, то и безъ участія нашего дѣло не меньше приведено будетъ къ концу; а сверхъ того в. в. королю прусскому обѣщать изволили, что въ разсужденіи удѣлу его, который главнѣйше кричать заставитъ, не сдѣлаете вы никакого сопротивленія, надѣяся, какъ выше сказано и какъ обѣщано вамъ, что въ разсужденіи Гильдесгейма король аглицкій удовлетворенъ будетъ добровольною сдѣлкою съ дворомъ берлинскимъ.—Изъ всѣхъ соображеній сихъ и изъ разныхъ другихъ уваженій извлечь можно два средства къ развязкѣ дѣла сего со стороны нашей. *Первое*: чтобъ совсѣмъ не апробовать гласнымъ образомъ плана, между графа Моркова и Талейрана условленнаго, отозвавшимся къ

*) Здѣсь пробѣлъ въ подлинникѣ для числа.

первому консулу, что в. и в., пріемля съ особливымъ признаніемъ все то, что въ пользу принцовъ, въ коихъ вы интересуетесь, имъ предложено было, и не желая сопротивляться видамъ его, съ коими вы довольно согласоваться изволите, не можете со всѣмъ оставить на сторонѣ первоначальные ваши подвиги, кои не согласуя съ предназначеніями настоящими, в. и. в. съ сожалѣніемъ не можете преступить просто къ предложеніямъ перваго консула, имѣя впрочемъ склонность единодушно дѣйствовать съ нимъ, какъ въ Регенсбургѣ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ.—*Другое средство* состоитъ въ томъ, чтобъ апробовать частоупомянутое положеніе, но съ нѣкоторыми рестрикціями, и именно того: что в. в., не имѣя никакихъ свѣдѣній о требованіяхъ разныхъ принцовъ германскихъ, апробовать индемнизацію ихъ изволите, *есть ли они удѣлами, имъ назначаемыми, будутъ довольны*, желая соблюсти то безпристрастіе, которое руководствовало всѣ ваши поступки.—Но въ послѣднемъ случаѣ семъ, нужно будетъ привести дѣло сіе въ обыкновенный порядокъ, перемѣня упомянутую ноту и сообразя ее образомъ, намѣреніямъ нашимъ соотвѣтствующимъ, поручить подать въ Регенсбургѣ министру нашему за подписью его, тогда какъ подобная же нота подана будетъ министромъ французскимъ у сейма. Проектъ ноты сея посланъ быть можетъ въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобъ графъ Морковъ, въ случаѣ принятія онаго первымъ консуломъ, тотчасъ доставить могъ г-ну Клюпфелю.—Засимъ и слѣдуя обязанностямъ безпристрастнаго медіатора, прилично сообщить здѣсь министрамъ иностранныхъ дворовъ, все то, что касательно ихъ нами на мѣрѣ съ французами положено будетъ, сопровождая сіе нужными объясненіями, показывающими въ видѣ наипреличнѣйшемъ для каждаго, какими побужденіями въ приступленіи нашемъ мы руководствовалися. Министры сіи суть: австрійскій, прусскій, баварскій, гановерскій и виртембергскій.—Кромѣ сего здѣсь подвига, нужно будетъ сообразно тому дать предписанія и министрамъ нашимъ, какъ-то: графу Разумовскому и повѣренному въ дѣлахъ въ Берлинѣ, поспѣша притомъ снабдить графа Моркова нужными наставленіями. Сіе тѣмъ наиболѣе нужно, что в. и. в. вспомнить изволите о обѣщаніи вашемъ - не теряя времени, по возвращеніи вашемъ дать первому консулу отвѣтъ.—Остается еще упомянуть, что нужно, быть можетъ, временно назначить кого-нибудь въ Регенсбургъ, кто бы могъ дѣятельнѣе дѣломъ симъ заняться. Г. Клюпфель не имѣетъ довольно вѣсу и нужнаго въ дѣлахъ германскихъ познанія. Баронъ Бюллеръ былъ нѣкогда уполномоченъ у сейма и въ настоящемъ случаѣ, кажется, съ нѣкоторою пользою могъ бы быть тамъ употребленъ.

165.

Исторія „обмѣна земель“ при Іосифѣ II подробно изложена, по документамъ, въ нашемъ „Союзѣ Князей“. — Куракинъ уже 17 іюля увѣдомилъ Моркова о согласіи императора на конвенцію 3 іюня. Онъ присовокупилъ, что Александръ I надѣется получить за эту уступку желаемое для Любека и Мекленбурга. При этомъ опять старая пѣсня о великомъ значеніи Тешенскаго мира въ нашей исторіи. *Pétersbourg*. Paris, 1802, 45. — Списки депешъ Талейрана Лафорэ (17 thermidor an X) и Моркова Клюпфелю (6 августа) находятся въ нашемъ архивѣ: *тамъ же*. 101.— Увѣдомленіе Эдувиля объ ихъ отправкѣ въ Регенсбургъ: *Paris*, 141, 207.

166.

Обращикомъ заботъ Александра I о родственникахъ, въ особенности же объ епископѣ любекскомъ, можетъ служить слѣдующій документъ (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 54). А. ВОРОНЦОВЪ МОРКОВУ. *Pétersbourg, 10/22 octobre 1802...* Le peu de confiance et de franchise, que l'ambassadeur d'Autriche, comte de Cobenzl, vous a témoigné au sujet des négociations dont il avait été chargé par sa cour auprès du gouvernement français, prouve fort bien, qu'il s'était trop fié sur m. de Talleyrand en traitant seul avec

lui et en suivant l'avis de ce ministre de ne s'en pas ouvrir avec vous, et se voyant à présent trompé dans ses espérances il a dû être convaincu qu'il avait eu grand tort de donner tête baissée dans les avis du ministre des relations extérieures; il s'est rapproché de vous, mais beaucoup trop tard pour le bien même des affaires qui lui ont été confiées. Je ne puis pas m'empêcher de vous faire connaître toute la satisfaction, que j'ai éprouvé de la manière dont vous avez agi avec cet ambassadeur et j'espère que votre conduite à l'avenir envers le comte de Cobènzl sera toujours fondée sur le bien des intérêts communs, en lui faisant sentir aussi dans toutes les occasions, combien il importe à sa cour elle même de ne pas entraver la fin des affaires des indemnités, ainsi que la nécessité pour elle d'évacuer au plutôt la ville de Passau. — Les démarches que vous avez faites au sujet des nouvelles demandes, que forme monseigneur le duc de Wurtemberg et dont vous faites mention dans une de vos dépêches, n'ont pu qu'être agréable à l'empereur. S. m. i. prenant une part sincère à ceux qui, comme le duc de Wurtemberg, lui sont attachés par les liens du sang, verra certainement avec plaisir, que son intervention en leur faveur leur fût utile. Vous voulez donc régler d'après ces dispositions de s. m. vos démarches ultérieures en leur faveur, en y mettant naturellement la mesure nécessaire afin de ne compromettre ni la dignité de la cour, ni entraver la fin radicale des affaires d'Allemagne, que l'empereur a très à coeur. — Comme le prince évêque de Lubec, duc administrateur d'Oldenbourg, par les arrangements actuels des indemnités en Allemagne, se trouvera extrêmement lesé par le péage dont il se prive et que les indemnisations, qu'on lui avait adjugés, ne sont pas à beaucoup près équivalentes à ses pertes, s. m. i. par les biens de parenté et l'estime particulière, qu'elle a pour ce prince, m'a chargé de vous recommander que vous veilliez avec un soin particulier aux intérêts du prince coadjuteur de Lubec et que vous vous expliquiez dans ce sens vis-à-vis du gouvernement français et employiez tous vos soins, afin que la compensation que ce prince doit recevoir puisse approcher au moins des sacrifices qu'on exige de lui. — S. m. i. ayant été informée par une de vos dépêches, que le chevalier d'Azara, ambassadeur d'Espagne en France, vous a remis au nom du roi son maître une boîte avec le portrait de s. m. catholique garni de diamants, en réciprocité d'une pareille que vous avez été autorisé de lui remettre de la part de l'empereur, trouve, en l'acceptant, que vous avez agi conformément à ce qui se pratique en pareil cas. — Въ отвѣтъ на № 193 Эдувиль обѣщалъ Талейрану ничего не упустить, чтобы заявить „твердую рѣшимость перваго консула— de ne poursuivre absolument rien de relatifs aux affaires d'Allemagne que d'après les vues et le système convenus entre les deux gouvernements". Онъ, „по просьбѣ вице-канцлера", далъ ему ноту „contenant l'expression de ces sentiments de bonne intelligence et d'amitié". Этотъ отрывокъ составляетъ начало № 202-го.

167.

Отношенія Петербурга къ Даніи въ нѣмецкомъ вопросѣ измѣнились послѣ вспышки гнѣва Павла I (стр. XL). Этому способствовала между прочимъ хорошая аттестація датскаго двора со стороны Ливакевича (148). 11 апрѣля послѣдній постарался увѣрить С. Воронцова, что англичане не понимаютъ датчанъ. Онъ замѣтилъ: „Le gouvernement danois est sage et connaît les intérêts de son pays, ses intérêts lui disant d'être intimement lié avec la Russie surtout et ensuite avec l'Angleterre; et c'est le système qu'il suit... Bien loin de pénétrer vers le système français, il l'abhorre, et je puis vous assurer, sans crainte d'être démenti, qu'on est ici antifrançais, comme on est antiprussien et qu'on est entièrement dans les bons principes que nous pouvons désirer... Quant aux indemnités, on n'y a jamais songé ici sérieusement, ayant pris pour principe de ne pas faire d'acquisitions, mais de conserver intacte ce qu'on possède: principe que les autres états auraient dû suivre et qu'ils méconaissent si obstinément. Aussi ne veut-on ni de Hambourg, ni de Lubek; mais on ne veut pas non plus que la Prusse s'en empare. Voilà tout le souci qui occupe dans ce moment le gouvernement danois, qui redoute surtout tant ce qui peut rapprocher la Prusse de leurs états". *Архивъ Воронцова*, XX, 444—445.

168.

Важное признаніе Фридриха-Вильгельма III о значеніи Россіи для счастья Пруссіи находится въ слѣдующемъ мѣстѣ рескрипта Люкезини отъ 27 ноября (Bailleu, № 85): „Il est une considération essentielle que je n'ai pas besoin de présenter à sa sagesse. La Russie a pris à la Bavière un intérêt particulier. Le concours de ce puissant empire a été d'un prix majeur pour l'accélération du grand ouvrage et la sûreté future du nouveau système en fait un besoin. Les voeux les plus purs pour le bien général ont dicté à l'empereur Alexandre une marche rare et cimenté entre la France et lui une harmonie sans exemple. Le concert des deux ministres à Ratisbonne est un phénomène en politique. Toutes mes espérances pour la tranquillité de l'Europe sont dans la durée de cette union. Il suffirait de la France et de la Prusse, pour ne pas craindre l'issue de la lutte, mais il faut la Russie, pour être sûr qu'on ne la tentera pas. L'aveu d'Alexandre est dans ma conviction la condition essentielle des nouveaux plans. Je me repose sur le premier consul du soin de s'en assurer".

169.

Отношенія между Морковымъ и Ф. Кобенцлемъ были самыя неправильныя. Сначала Кобенцль жаловался на Моркова—и Куракину пришлось (17 апрѣля) предписать Моркову, чтобы онъ ладилъ съ своимъ австрійскимъ товарищемъ и повиновался своему императору. Потомъ, въ іюнѣ, Морковъ жаловался на изумительное молчаніе австріяка въ дѣлѣ индемнизацій. Онъ писалъ, что Талейранъ подтрунивалъ надъ нимъ по этому поводу: „il trouvait fort singulier que je me fis son (Австріи) chevalier, tandisque son ambassadeur gardait un profond silence". *Pétersbourg.* Paris, 1802, 39, 183.— Конвенція Франціи съ Вюртембергомъ (*Martens*, VII, 428) была прислана герцогомъ, вмѣстѣ съ исчисленіемъ его убытковъ, его сестрѣ, императрицѣ-матери: *Pétersbourg.* Ministère, 1802, 1.— Конвенція Франціи съ Пруссіей у *Le Clercq*, I, 583. — Конвенція Пруссіи съ Нассау у *Martens*, VII, 424. — По поводу конвенцій съ Пруссіей Морковъ доносилъ Кочубею 15 іюля: „изъ соображенія чиселъ, когда Талейранъ сказалъ мнѣ, что сдѣлаетъ рѣшительныя предложенія о Германіи, видно, что прусская доля была опредѣлена заранѣе между Парижемъ и Берлиномъ". *Pétersbourg.* Paris, 1802, 202. Ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ конвенціи, объясняется берлинскимъ архивомъ у Bailleu. Здѣсь важенъ № 62—предписаніе Талейрана Бернонвилю отъ 18 мая о сокращеніи доли Пруссіи. По этому поводу произошли совѣщанія между Люкезини и Бернонвилемъ, который велъ это дѣло въ Парижѣ, отозванный туда по собственной просьбѣ. Вотъ главное мѣсто изъ этого протокола ихъ конференціи 19 мая (Bailleu, № 63), касающееся Россіи: „Le général Beurnonville a dit que la constante opposition faite par le comte de Morcoff à tous les projets d'indemnité en faveur de la maison de Brandenbourg qui s'écartaient de l'injuste répartition d'indemnités projetée à Vienne et proposée à Berlin et à Paris pas les ministres de l'e-r de Russie, était l'unique motif du changement essentielle dont je me plaignais entre les propositions du 1 consul du 19 février et celles dont il était chargé actuellement. Il a cru pouvoir justifier ce changement par des détail sur les entraves sans nombre que le ministre de Russie ne cessait d'opposer aux bonnes intentions du général Bonaparte et aux dispositions du ministre des relations extérieures en faveur de la Prusse. Il résulte des longues discussions que le marquis de Lucchesini s'est trouvé dans le cas d'avoir avec lui, qu'au moment même où il avait été chargé de transmettre à Berlin le plan sur lequel ses instructions ont été calquées le courrier Duclos avait été expédié à Pétersbourg avec la partie des ouvertures qui concerne les indemnités à accorder à la Prusse; que le colonel Caulaincourt avait été chargé de solliciter les déterminations de la Russie sur ce point et des instructions analogues pour le c. de Morcoff; que ces instructions lui sont parvenues; mais que tout en

s'éloignant un peu des précédentes, elles n'étaient pas moins entachées de la jalousie que le cabinet de Pétersbourg a conçue de tout temps sur l'agrandissement présumé de la Prussé par les arrangements à prendre pour l'indemniser des pertes qu'elle a faites sur la rive gauche du Rhin; que le c. de Morkoff, renchérissant encore sur l'esprit de ces instructions, dispute pas-à-pas le terrain (probablement très faiblement défendu) au ministère français, lorsqu'il s'agit d'assigner définitivement à la Prusse ses indemnités" — Радость Фридриха-Вильгельма III по поводу конвенціи 23 мая выразилась въ его рескриптѣ Гаугвицу отъ 6 іюня (Bailleu, № 66).—Исторія конвенціи 23 мая обстоятельно и вѣрно, согласно съ бумагами парижскаго архива, разсказана у Биньона (II, 321—323).—Участь Голландіи была рѣшена по желанію Бонапарта, несмотря на 5-лѣтнія усилія державъ сохранить ее въ неприкосновенности. Еще съ 1797 г. Австрія, а за нею и Россія, хлопотали о томъ, чтобы тамъ было возстановлено штатгальтерство, въ лицѣ принца Оранскаго, женатаго на сестрѣ Фридриха-Вильгельма III. Но, желая отвлечь вниманіе Пруссіи отъ индемнизаціи въ Германіи, эти державы предлагали ей взять клочекъ земли въ Голландіи, на что соглашалась и Англія. Въ рескриптѣ Павла I отъ 19/30 декабря 1798 сказано, что царь желалъ „исторгнуть Голландію изъ порабощенія французскаго, возстановить въ ней правленіе штатгальтера, распространить ея владѣнія *присоединеніемъ къ ней Австрійскихъ бывшихъ Нидерландовъ*, а сверхъ того учинить и собственно для прусской монархіи новыя пріобрѣтенія насчетъ общаго непріятеля" (*Мартенсъ:* Собраніе трактатовъ, VI, 251; *Архивъ Воронцова*, XI, 268 — 270; XIII, 409). Въ 1797 г. даже видимъ Колычева, отозваннаго изъ Берлина и получившаго назначеніе въ Голландію, проживающимъ въ Петербургѣ, въ ожиданіи возстановленія штатгальтерства.

170.

Конвенція 5 сентября относительно Баваріи у *Martens*, VII, 431 и *Le Clercq*, I, 605. — Морковъ зналъ объ ея подготовкѣ за мѣсяцъ. 8 августа онъ доносилъ двору, что баварскій посланникъ, Четто, жаловался ему на происки Австріи. Морковъ обратился съ запросомъ къ Талейрану. Тотъ отвѣчалъ, что хотятъ представить декларацію вѣнскому двору и предложатъ подписать ее нашему и прусскому министрамъ (въ другомъ донесеніи двору, Морковъ описываетъ подробно интригу, посредствомъ которой хотѣли заставить его подписать конвенцію 5 сентября: *Pétersbourg*. Paris, 1802, 252). Морковъ возразилъ, что нельзя такъ обижать (mortifier) Австрію на основаніи неопредѣленныхъ свѣдѣній (vagues notions). Тогда Талейранъ посовѣтовалъ сдѣлать имъ вдвоемъ одинаковое словесное внушеніе (insinuation) Ф. Кобенцлю. Морковъ согласился. Кобенцль записалъ его внушеніе и спросилъ, что̀ достается Австріи по плану? Морковъ объяснилъ. Кобенцль закричалъ, что это невозможно: для Австріи-де необходимъ городъ Пассау, какъ единственный оплотъ съ этой стороны. Еще возставалъ онъ противъ уступки Ортенау герцогу моденскому: этотъ городъ никогда не принадлежалъ къ Брейсгау, о которомъ объ одномъ идетъ рѣчь въ люневильскомъ договорѣ. „Это значитъ грабить Австрію въ мирное время!" воскликнулъ онъ и началъ плакаться о жалкой участи Вѣны, „покинутой всѣми союзниками на произволъ Франціи". Морковъ разсказалъ все Талейрану. Тотъ согласился, что Кочубей правъ и что эту статью можно передѣлать на сеймѣ, тѣмъ болѣе что русско-французскій планъ „n'était nullement impérieux et laissait place à toutes objections raisonnables et fondées". Морковъ замѣтилъ съ своемъ донесеніи, по поводу этой фразы: „Si ce langage n'est celui de la légèreté et de l'inconséquence qui ne paraissent que trop souvent dans celui de ce ministre, il décèle l'intention secrète, après avoir jeté cette pomme de discorde entre les parties intéressées, de les commettre les unes avec les autres et de laisser les affaires d'Allemagne dans le même état d'embrouillement où elles se trouvent actuellement". По мнѣнію Моркова, дѣятельное вмѣшательство царя можетъ или помочь Франціи измѣнить планъ, или „déjouer les intentions astucieuses", которыя можно предполагать у

тюльерійскихъ Олимпійцевъ. Тогда дѣйствительно Бонапартъ срывалъ зло на несчастномъ Ф. Кобенцлѣ, преслѣдуя его пикировками, которыя описаны въ депешахъ послѣдняго (Fournier, 40, по вѣнскому архиву). Вскорѣ уже Четто жаловался Моркову, что Талейранъ надулъ его: „il avait trompé son attention, car il lui avait donné lieu d'espérer que la France ratifierait dès à présent et par un traité formel le lot assigné dans le plan à la Bavière". *Pétersbourg*. Paris, 1802, 102. Но и это надувательство оказалось обманомъ: вслѣдъ затѣмъ была заключена конвенція 5 сентября. — Тутъ начались непріятности для Моркова съ другой стороны. Онъ комично описывалъ А. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XIV, 281), какъ Люкезини лѣзъ всюду съ мнимой дружбой между Берлиномъ и Петербургомъ. Онъ болталъ про насъ „toutes sortes de contes: c'était lui qui en quelque façon était devenu l'organe et l'interprète des intentions et des sentiments de notre cour". Онъ увѣрялъ, что царь доволенъ конвенціей 5 сентября. Морковъ прибавляетъ: „когда я узналъ противное, я просилъ Талейрана не вѣрить ему". Въ Петербургѣ дѣйствительно не только не были довольны, но были возмущены, какъ видно изъ рѣзкой депеши А. Воронцова Моркову отъ 28 октября (*Pétersbourg*, Paris, 1802, 53). Въ ней запрещалось подписываться подъ жалкой конвенціей 5 сентября и предписывалось развѣдать, кто виноватъ въ ней: „здѣсь всѣ отпираются". 22 октября А. Воронцовъ увѣдомлялъ Моркова (*тамъ же*, 54), что и Ф. Кобенцль созналъ свою ошибку, избѣгая его и довѣрившись Талейрану: это видно и изъ нотъ самого Кобенцля Талейрану и Моркову отъ 26 и 27 октября (*тамъ же*, 244). А 26 ноября уже и Баварія была недовольна Парижемъ, по поводу епископства Эйхштедтскаго. Ея министръ въ Парижѣ подалъ протесты Талейрану и Моркову (*тамъ же*, 267); а въ Петербургѣ Поштъ просилъ Куракина внушить объ этомъ Бонапарту; но получилъ отказъ: вице-канцлеръ обѣщалъ только дать Бюлеру dépêche ostensible (*Pétersbourg*, Ministère, 1802, 57). Взглядъ Австріи на Эйхштедтъ прекрасно выразился въ письмѣ Талейрана Бонапарту, въ собраніи Bertrand № II. 8 ноября Морковъ сдѣлалъ пикантное сообщеніе А. Воронцову, по поводу конвенціи 5 сентября (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 245). Курфюрстъ баварскій собственноручнымъ письмомъ предложилъ Талейрану услугу—выгнать изъ своихъ владѣній его мать, которая осуждала поведеніе сына и давно скиталась по Германіи, вмѣстѣ съ своимъ beau-frère, архіепископомъ рейнскимъ. Талейранъ самъ разсказывалъ объ этомъ съ негодованіемъ насчетъ „l'abaissement gratuit auquel les princes s'exposaient dans le temps, où il leur importait plus que jamais de maintenir la dignité de leur rang par celle de leurs procédés". При этомъ Морковъ даетъ такую характеристику: „Talleyrand, avec un coeur incapable de la moindre affection bonne ou mauvaise quand un intérêt bien clair et bien réel n'y était immédiatement lié, mais avec l'esprit le plus juste et le plus délicat pour apprécier les mouvements et les démarches des autres, a toujours supporté avec indifférence l'humeur de sa mère parce qu'elles ne nuisait pas à ses vues". Наконецъ и самъ прусскій король вовсе не раздѣлялъ радости своего парижскаго дипломата: онъ даже съ трудомъ утвердилъ конвенцію 5 сентября. Но крайне любопытны его побужденія: ему показалось, что эта конвенція означаетъ недовѣріе парижскихъ патроновъ къ его кліентской преданности. Фридрихъ-Вильгельмъ III совсѣмъ растаялъ, когда получилъ письмо Бонапарта отъ 6 сентября (*Correspondance de Napoléon*, № 6310), который видѣлъ въ немъ продолжателя Фридриха Великаго въ благородной роли защитника Баваріи отъ когтей Габсбурга (война за баварское наслѣдство подробно разсказана въ нашемъ „Союзѣ князей" по документамъ) и, въ заключеніе, восклицалъ лестно-самоувѣренно: „dès l'instant que v. m. l'aura ratifiée (конвенцію 5 сентября), je regarderai les affaires d'Allemagne comme terminées". Гаугвицъ писалъ Люкезини 22 сентября (Bailleu, № 80), что король обижается: развѣ перваго консула не могло увѣрить въ его преданности уже одно его письмо къ курфюрсту баварскому, которое онъ сообщилъ и въ Парижъ, и въ Петербургъ? Въ этомъ письмѣ порицались поползновенія Австріи и подчеркивалось единеніе между Франціей, Пруссіей и Россіей по отношенію къ Баваріи. Фридрихъ-Вильгельмъ III дѣйствительно заботился о привлеченіи Россіи къ конвенціи 5 сентября (Bailleu, № 85). — № 219 есть и въ парижскомъ архивѣ (142, 27).

171.

Поведеніе Австріи въ дѣлѣ объ индемнизаціяхъ надѣлало много тревогъ и расплодило дипломатическую переписку. Около трехъ мѣсяцевъ послѣ сдѣлки 3 іюня, когда она притаилась, всѣ думали, что дѣло уже покончено. Александръ I былъ доволенъ (*Paris*, 142, 12, 17, 19) и, въ отвѣтъ на ея скромныя просьбы, внушалъ Бонапарту прибавить ей что-нибудь, хотя, посылая этотъ рескриптъ (№ 191), Куракинъ предписывалъ подать его только въ томъ случаѣ, если видно будетъ, что онъ возымѣетъ успѣхъ (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 47) Морковъ подалъ—и Бонапартъ писалъ Талейрану, что Россія „кажется" хочетъ прибавить великому герцогу тосканскому (*Correspondance de Napoléon*, № 6297). Бонапартъ уже завидовалъ такому согласію между Вѣной и Петербургомъ: Талейранъ старался поссорить Моркова съ Ф. Кобенцлемъ; но Морковъ успокоивалъ наше министерство, что его не проведутъ (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 217). Пользуясь затишьемъ, полѣзли мошки да букашки. Въ концѣ сентября Морковъ часто жаловался (*тамъ же*, 220, 227, 228, 230) на назойливость фюрстовъ, которые всюду совались съ просьбами объ увеличеніи ихъ надѣловъ. Особенно интересовалъ его тароватый агентъ ландграфа гессенскаго: „moins fort de titres et de droits que du coffre-fort de son maître, il promet de l'ouvrir à tous les subalternes qui pourraient faire réussir ses demandes". 17 сентября Морковъ принужденъ былъ дать ноту Талейрану въ пользу маркграфа баденскаго, при которой приложена просьба послѣдняго прибавить ему „prévauté d'Odenheim et baillage de Hirschhorn" (*тамъ же*, 224, 312). Вдругъ, среди этихъ мирныхъ занятій, грянулъ громъ: австрійцы заняли Пассау. Увѣдомляя объ этомъ Эдувиля (*Paris*, 141, 207, 214), Талейранъ прямо связывалъ съ этимъ событіемъ другой важный фактъ—конвенцію 5 сентября.

172.

Занятіе Пассау австрійскими войсками вызвало между прочимъ слѣдующую дипломатическую переписку. TALLEYRAND A HÉDOUVILLE. *15 fructidor an X* (*Paris*, 141, 207). Je profite d'un courrier que m. c. de Morcoff expédie en Russie pour vous envoyer une lettre du 1 consul que vous auriez soin de remettre immédiatement à s. m. i.. Les ministres extraordinaires de France et de Russie étant arrivés à Ratisbonne, les deux déclarations ont été transmises à m. d'Albini qui les a immédiatement communiquées à la députation. Sur ces entrefaites la ville de Passau a été occupée par les troupes autrichiennes, et on ne sait comment accorder cet acte de la cour de Vienne avec les assurances qu'elle venait de donner à celle de Russie, qu'elle ne combattrait point le plan présenté, qu'elle s'abstiendrait de toute démarche qui y serait contraire et qu'elle se confierait absolument aux mesures qui seraient prises pour assurer le complément de l'indemnité de l'archiduc.—Nous attendons des nouvelles de Ratisbonne sur l'effet qu'auront produit les démarches de la cour de Vienne, et j'aurai incessamment l'honneur de vous écrire plus amplement sur cette matière. Le 1 consul demeure persuadé qu'il n'aura jamais qu'une même opinion avec s. m. i. sur la convenance et l'emploi des moyens qui devront amener l'adoption du plan présenté par la France et par la Russie.—TALLEYRAND A HÉDOUVILLE. *21 fructidor an X* (*Paris*, 141, 214). Je vous ai déjà fait connaître que le 1 consul avait été fort sensible à l'occupation de Passau par les autrichiens. Il ne l'a pas été moins à l'étrange communication faite par m. de Schrant à la députation dans sa séance du 24 août, et on a peine à comprendre comment un cabinet aussi grave que celui de Vienne s'est permis de donner une publicité écrite et officielle à des phrases de conversation bien ou mal rendues par son ambassadeur.—Quoiqu'il en soit le 1 consul n'en avait pas moins un vif désir de s'entendre de la manière la plus amiable avec la cour de Vienne sur ce qui concerne les affaires d'Allemagne et il m'avait autorisé à m'entretenir à cet égard avec le comte de Cobenzl; mais cet ambassadeur n'a fait

que les propositions les plus ridicules et n'a jamais voulu en sortir. C'était toujours Passau avec toute cette partie de la Bavière qui est à la droite, ou Passau avec les abbayes et les villes impériales de Souabe. Comment s'accorder sur de pareilles bases? Il aurait fallu détruire le plan présenté jusque dans ses moindres détails. Cependant le désir du gouvernement français de satisfaire aux convenances de la cour de Vienne a été jusque-là que j'ai proposé à m. le c. de Cobenzl de retirer l'évêché d'Eichstädt du lot de la Bavière et de le donner en supplément à l'archiduc. Cet évêché de 40 lieues quarrées, 60.000 habitants et 350.000 florins de revenu n'était pas à dédaigner. Néanmoins m. de Cobenzl a rejeté de bien haut ma proposition. — Voyant une résistance si opiniâtre à tous accommodements raisonnables, le 1 consul a dû s'occuper de réunir d'une autre part tous les moyens d'influence et d'action qui peuvent conduire au dénouement.— En même temps donc qu'il a chargé le citoyen Laforest de répondre aux communications de m. de Schrant par une note officielle adressée à la députation, il m'a autorisé à prendre avec m. de Lucchesini et m. de Cetto une espèce d'engagement qui assure à l'électeur palatin de Bavière tant la conservation de ses anciens domaines à la droite de l'Inn, que l'acquisition de l'indemnité intégrale qui lui est promise et notamment la ville de Passau. — Tout ce que j'ai l'honneur de vous dire ici, n'est que pour votre instruction particulière et afin que vous paraissiez instruit, si l'occasion s'en présente. Mais vous éviterez de faire aucun usage officiel de tous ces renseignements. — HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. *21 fructidor an X* (*Paris*, 141, 215). Je ne vous parle pas de l'affaire des indemnités, vous êtes mieux informé de sa marche qu'on ne l'est ici. Tant qu'elle ne sera pas terminée, le jeu des différents intérêts et des passions produira de l'effervescence. Le ministre de Bavière est alarmé des démarches et des voies de fait de l'Autriche; le ministère impérial lui a fait des reproches de ce que l'électeur de Bavière s'était adressé pour s'en plaindre plutôt au 1 consul qu'à l'e-r Alexandre; il n'a pas eu de peine à en donner de bonnes raisons au vice-chancelier qui a écrit au c. de Cobenzl à Vienne que l'e-r Alexandre était déterminé à s'en tenir au projet concerté à Paris. L'ambassadeur de Vienne a toujours l'espérance que ce projet n'aura pas son entière exécution. Il m'a communiqué hier avec empressement la copie de la lettre par laquelle l'e-r François félicite le général Bonaparte sur le consulat à vie. Vous savez que la fin de cette lettre roule entièrement sur les indemnités et que l'e-r finit par assurer le 1 consul qu'il en passera par tout ce qu'il trouvera raisonnable en tant que ses propriétés personnelles ne seront pas entamées; le c-te de Soreau m'a ajouté qu'il regardait comme propriétés à lui l'Ortenau, Brixen, Trente et quelque petits objets qui font partie des indemnités. Cela est loin de notre compte; mais malgré les prétentions du cabinet de Vienne, ses réponses à ceux de Pétersbourg et de Berlin ont été plus coulantes qu'on ne s'y attendait, et en générale le langage du premier est celui de la faiblesse à travers de laquelle perce toujours la morgue, les circonstances et les revers ne l'empêchant pas de suivre toujours les mêmes plans avec une ténacité extrême.—HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. *12 vendémiaire an XI* (*Paris*, 142, 10). J'ai été admis hier par l'aide-de-camp général de service, immédiatement après la parade, a une audience privée de s. m. l'e-r dans laquelle j'ai eu l'honneur de lui remettre la lettre du 1 consul. Je lui ai parlé de notre traité de paix avec la Porte et des avantages réciproques que la France et la Russie retireraient de la liberté du passage des Dardanelles. S. m. m'a répondu qu'il était d'autant plus aise d'avoir contribué à la conclusion de ce traité, quand à cet article, qu'il était persuadé que la vraie prospérité des états était fondée sur la liberté du commerce, et que les encouragements qu'il se permettait d'accorder à celui de la mer Noire ne pouvaient manquer de lui donner en peu d'années une grande activité.—L'e-r m'a ensuite entretenu de lui-même des fausses démarches que la cour de Vienne n'a cessé de faire pour entraver la conclusion de l'affaire des indemnités. J'ai saisi l'occasion de lui parler de la politique tortueuse qui n'a jamais cessé de diriger ce cabinet. J'en ai fait plusieurs applications et entre autres celle du traité honteux que fit la cour de Vienne avec les turcs précisément dans le moment où le maréchal de Munick, commandant de l'armée russe sous le règne de l'imp-ce Anne les avait battus complètement, près Choezin et conquis la Moldavie, traité

fait sans la participation de la Russie, et qui lui fit perdre tout le fruit d'une de ses plus glorieuses campagnes. J'ai rappelé sa conduite avec les russes en Italie et en Suisse. J'ai fini par citer la lettre par laquelle l'e-r François, après avoir félicité le 1 consul sur son consulat à vie, l'assurait qu'il en passerait dans l'affaire des indemnités par tout ce que le 1 consul trouverait convenable en tant que ses propriété personnelles ne seraient pas entamées, et cela dans le moment même qu'il a fait occuper Passau. J'ai ajouté que cette occupation avait déterminé le 1 consul à prendre des mesures d'action sur lesquelles l'éloignement n'avait pas permis de se concerter avec la Russie, mais qui étaient une suite de la convention du 3 juin. L'e-r m'a répliqué qu'il espérait que cette convention aurait un heureux résultat, et que pour l'obtenir il resterait uni de principes et de vues avec le 1 consul. Il m'a assuré qu'il me voyait toujours avec plaisir, et que le choix que le 1 consul avait fait de moi pour résider ici lui était agréable. — HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. *13 vendémiaire an XI* (*Paris*, 142, 12). Vos lettres chiffrées sur les affaires d'Allemagne sont arrivées à propos pour régler ma conduite. J'ai réitéré au chancelier les assurances que le 1 consul demeure persuadé qu'il n'aura jamais que la même opinion que s. m. i. sur la convenance et l'emploi des moyens qui devront amener l'adoption du plan présenté par la France et la Russie. Je lui ai dit qu'aussitôt l'occupation de Passau, le 1 consul avait préparé des mesures d'action qui dérivaient de la convention du 3 juin, et sur lesquelles l'éloignement l'avait empêcher de se concerter avec la Russie; que nous devons d'ailleurs espérer que le plan ayant été adopté par la diète, il était probable qu'on ne serait pas forcé de faire usage de ces mesures. — Depuis cette conférence, les ministres de Prusse et de Bavière ont reçu de leurs cours respectives l'engagement contracté entre la Prusse et la Bavière pour assurer à l'électeur, tant la conservation de ses anciens domaines, que l'acquisition intégrale de l'indemnité qui lui est promise. — Le cabinet prussien ordonne à son ministre de faire la communication de cet acte au cabinet russe sans lui demander formellement son adhésion qui semble dériver de la convention du 3 juin; mais l'électeur prescrit au baron de Posch de demander cette adhésion. Aussitôt que je saurai la résultat des conférences de ces deux ministres avec le chancelier sur cet objet, je vous en rendrai compte. J'éviterai de mon côté de faire aucun usage officiel des renseignements que vous avez bien voulu me donner sur les démarches faites à la suite de l'occupation de Passau.—HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. *17 vendémiaire an XI* (*Paris*, 142, 17). Les ministres de Prusse et de Bavière ont fait au chancelier, au nom de leurs gouvernements respectifs, la notification de la convention signée à Paris pour garantir à l'électeur de Bavière, non-seulement ses anciens états, mais encore la totalité de l'indemnité qui lui est promise, et notamment Passau. Le chancelier n'a pu leur répondre avant d'avoir rendu compte de cette notification à l'e-r; mais il leur a donné l'assurance particulière que s. m. serait fidèle à la convention du 3 juin.—M. de Goltz m'a assuré qu'il n'avait qu'à se louer du c. de Woronzoff; mais le baron de Posch croit avoir remarqué plus de politique que de véracité dans ces protestations. J'aime à attribuer ces façons de voir à l'inquiétude du baron de Posch qui voit ordinairement en noir. — HÉDOUVILLE A TALLEYRAND. *23 vendémiaire an XI* (*Paris*, 142, 119). J'ai reçu le 18 votre dépêche № 4 du 27 fructidor. J'en ai fait l'objet d'une note que j'ai envoyée de suite au chancelier, afin que mes démarches viennent à l'appui de celles des ministres de Prusse et de Bavière qui n'ont pas encore reçu de réponse à la communication qu'ils ont faite de l'acte de garantie signé à Paris; on leur a seulement fait entendre qu'en tenant fermement à la déclaration du 3 juin, l'e-r Alexandre I ne voyait pas la nécessité de s'occuper en détail des différends qui surviendront dans l'exécution. Je pourrai vous parler plus pertinemment de la manière de voir du ministère russe sur cette importante affaire lorsque j'en aurai conféré avec le chancelier qu'on ne voit pas aussi facilement que le prince Kourakin. — Le grand duc Constantin a, dit-on, obtenu la permission d'aller à Vienne. Il aime trop les français pour que ce voyage puisse nous nuire; il est probable d'ailleurs qu'il n'a aucun but politique. — M. le comte de Saurau, qu'on dit rappelé, part incessamment pour retourner à Vienne. Quoique nous ayons eu des intérêts différents à poursuivre, je n'ai jamais eu qu'à me

louer de ses procédés. Il a rempli sa mission avec tant de zèle et d'exactitude, qu'il ne serait pas juste que sa cour lui sût mauvais gré de n'avoir pas réussi dans toutes les affaires qu'il a eues à suivre.

173.

По Эйхштедтскому дѣлу въ нашемъ архивѣ (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 117, 118, 227) сохранились списки важныхъ нотъ Ф. Кобенцля Моркову (17 сентября) и Талейрану (19 октября), а также списки депешъ Талейрана Лафорэ (30 fructidor an X) и Моркова Бюлеру. Послѣдняя бумага вызвана цѣлою дипломатическою исторійкой, рисующей нравы той эпохи. Она связана опять съ горячностью нашего парижскаго дипломата. Морковъ въ октябрѣ не меньше, чѣмъ въ сентябрѣ, осаждалъ наше министерство и самого царя одинаково рѣзкими филиппиками и противъ французовъ, и противъ австрійцевъ (*тамъ же*, 117, 118). 18 октября онъ совсѣмъ забилъ тревогу. По его свѣдѣніямъ, въ Регенсбургѣ предъявили не имъ подписанный планъ, а какой-то другой, въ которомъ не значилось ничего новаго въ пользу государей Ольденбурга и Тосканы. Морковъ бросился къ Талейрану. Тотъ сказалъ спокойно, что уладятъ дѣло: „ce serait une affaire qui se traiterait après entre les puissances médiatrices et les cours de Vienne et de Munic". Морковъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что исторія вышла изъ того, что Лафорэ получилъ новыя тайныя инструкціи, а Бюлеръ „s'est laissé entrainer par trop de complaisance". Онъ поспѣшилъ послать министерскій приговоръ Бюлеру (*тамъ же*, 117), который, конечно, задѣлъ за живое Талейрана. Приводимъ цѣликомъ этотъ характеристичный для Моркова документъ. MORCOFF A BUEHLER. *6/18 octobre 1802.* Je vous avoue, que je m'étais attendu qu'avant de présenter à la députation de l'Empire le plan général que vous avez modifié définitivement, vous et m. Laforêt, vous le soumettriez à l'examen et à la décision d'ici. Mais apparemment vous aviez des instructions directes que j'ignore de même que celles qu'a pu recevoir votre coopérateur. Cependant je sais que ce g-t-ci de concert avec moi négocie avec la cour de Vienne touchant les modifications qu'elle propose au lot du gr. duc de Tosc. et en admet quelques unes. Je sais aussi que sur les instances les plus pressantes de mgr. le duc d'Oldenbourg l'e-r notre aug. maître m'avait ordonner d'insister auprès du pr. consul pour que le péage d'Elsflet fût laissé sur l'ancien pied et j'avais déjà obtenu que si on ne trouvait en remplacement rien qui fut parfaitement à la convenance et au gré du duc, on ne le troublerait point dans la jouissance de ses précédents droits. C'est ce que j'ai eu l'honneur de vous mander par le dernier ordinaire. Vous même, dans votre lettre du 12/24 sept., vous aviez avancé que rien ne pouvait suppléer ce point, vous en avez cependant décidé autrement et je dois croire, quoique vous ne le disiez pas à moi pas plus que dans votre projet de rapport à l'e-r, que vous ne l'avez arrangé ainsi que sur les voeux que vous ont manifesté en son nom les agents de m. le duc. Toutes fois si je me trompais dans cette supposition, je ne saurais trop vous recommander de rechercher tous les moyens qui seront en votre puissance pour rectifier cet article dans le conclusum qui sera pris sur votre dernière proposition et pour mieux vous y déterminer, je vous transmets ci-joint la copie des ordres que j'ai reçus à ce sujet. Vous y verrez que la conservation du péage d'Elsflet y est demandée de préférence à tout autre arrangement. Vous me permettrez de finir par une observation générale; que l'esprit et la lettre de la déclaration que vous avez été chargé de remettre et qui doit servir de base principale à votre conduite tendent également à accélérer et non à précipiter les choses, à les concilier et non à les forcer et à développer dans les procédés des puissances médiatrices une stricte impartialité et non une prédilection déterminée pour l'une ou l'autre des parties intéressées. En concervant ce rôle, le seul digne d'elles, elles n'en parviendront par moins au but qu'elles se sont proposé d'établir et de consolider le bien-être de l'empire germanique. — Конечно гнѣвно-патріотическое настроеніе Моркова тотчасъ отразилось у нашего лондонскаго патріота-англомана. С. Воронцовъ писалъ брату 15 декабря, будто „вся Германія изумлялась, какъ это нашъ

Бюлеръ—ничто иное, какъ le suivant et le servile valet des ministres de France": до того онъ „и во всѣхъ частныхъ разговорахъ, и на оффиціальныхъ конференціяхъ, не только одобряеть всѣ варіаціи французскихъ пословъ, но и говоритъ, что императоръ одобряетъ и одобритъ все, что дѣлаеть и сдѣлаетъ первый консулъ". Пріятели добились того, что А. Воронцовъ сдѣлалъ выговоръ Бюлеру (15 ноября). Тогда только успокоился С. Воронцовъ: онъ благодарилъ брата (28 декабря) за то, что онъ „поставилъ на надлежащій путь" одного изъ „этихъ нѣмцевъ", отъ которыхъ „пора бы избавиться" Россіи. *Архивъ Воронцова*, X, 182, 185.

174.

Въ своемъ донесеніи двору 6/18 октября (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 117) Морковъ говоритъ, что Ф. Кобенцль, не получая отвѣта отъ Бонапарта, просилъ его предложить Талейрану „en remplacement la sécularisation des évêchés de Trente et de Brixen en faveur du chef de la maison d'Autriche et l'augmentation du lot du grand duc de Toscane en y ajoutant, outre l'évêché d'Eichstädt, les villes impériales d'Augsbourg et de Nuremberg". Морковъ согласился. Въ отвѣтъ на его ходатайство Талейранъ далъ суровую ноту Кобенцлю 15 октября. Здѣсь сказано, что достаточно было бы дать Францу II Зальцбургъ съ Берхтесгаденомъ, какъ значится въ люневильскомъ договорѣ; а ему прибавили еще Тріентъ, Бриксенъ и епископство Пассау. Если теперь еще отнять для него что-нибудь у курфюрста палатинскаго, то „la Bavière ne pouvait plus être considérée comme une puissance et son indépendace serait absolument compromise par la proximité. où se trouverait sa capitale de toutes les forces autrichiennes". Тѣмъ не менѣе, ради брата Франца II и по желанію Александра I, Бонапартъ прибавилъ Австріи еще епископство Эйхштедтъ. Францъ II, повидимому, успокоился, особенно послѣ письма Бонапарта: Шампаньи увѣдомлялъ Талейрана, что Л. Кобенцль уже „parle moins de ses plaintes que de ses espérances" (*Bertrand*, № XXVII). Но вслѣдъ затѣмъ въ Вѣнѣ опять стали упираться. Морковъ говоритъ въ своемъ донесеніи 6/18 октября, что теперь Бонапартъ „a vu avec regret que v. e. persistât dans des projets entièrement destructifs du plan des médiateurs et qui, dans les conférences qui ont précédés ou suivie le traité de Lunéville, avaient déjà été reconnus pour inadmissible". — Для хода нѣмецкаго вопроса въ Регенсбургѣ интересно письмо Талейрана Бонапарту 4 ноября: *Bertrand*, № XXIV. Весьма важно другое письмо (*тамъ же*, № XXVII), выясняющее взглядъ французовъ на культурное значеніе вольныхъ городовъ Германіи.

175.

Передъ договоромъ 26 декабря, нѣмецкій вопросъ представлялъ собой самую темную загадку. 28 октября А. Воронцовъ говорилъ совсѣмъ успокоительно о немъ въ своемъ докладѣ императору (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 59) и на конференціи съ Эдувилемъ, котораго онъ увѣрилъ, что царь „très clairement" посовѣтовалъ Францу II не только очистить Пассау, но и утвердить сеймовый conclusum (*Bertrand*, № XXIX). А въ то же время Австрія, по словамъ Талейрана, никакъ не могла отстать отъ своей „habitude de marchander".—Ф. Кобенцль осаждалъ Тюльери новыми проектами, среди которыхъ особенно важенъ „brouillon d'un projet de convention" 12 ноября, изложенный у *Bertrand*'а (№ XXXI): самъ авторъ сказалъ Талейрану, что это — „le champ de bataille sur lequel nous aurions à nous disputer". Талейранъ спѣшилъ удалить съ этого поля битвы такого секунданта Австріи, какъ Морковъ. Вотъ любопытное мѣсто касательно Моркова, изъ его письма Бонапарту отъ 11 ноября (*тамъ же*, № XXX): „Je crains déjà que m. de Morkoff ne veuille un peu trop se mêler dans cette affaire. De toute part, il est mis au courant des plus chers intérêts de l'Autriche et vous savez que c'est son premier avocat. Son intervention, si elle est trop accueillie, pourrait nous embarrasser pour ce qu'il est, je crois, dans vos intentions d'exiger par rapport aux reconnaissances. S'il est dans vos in-

tentions, général, de traiter avec l'Autriche de la manière la plus directe, je travaillerai dès le principe à tenir m. de Morkoff à quelque distance et à demeurer sur cet objet vis-à-vis de lui dans les communications d'égard: je tâcherai que m. de Cobenzl tienne la même conduite". А между тѣмъ 3 декабря Морковъ еще не могъ сообщить ничего толковаго. Онъ писалъ тогда А. Воронцову (*Архивъ Воронцова*, XIV, 286), что дѣла вѣнскаго двора все затягиваются по неизвѣстнымъ ему причинамъ. Онъ почти ежедневно справлялся у Талейрана; но тотъ кормилъ его завтраками. А между тѣмъ „въ Регенсбургѣ дѣло идетъ своимъ чередомъ; уже постановленъ окончательный conclusum". Но по мнѣнію Моркова и Кобенцля, это „ne peut que rendre plus difficiles les modifications dont il est question par rapport à l'Autriche". Въ тотъ день, когда Морковъ писалъ свое письмо, ему обѣщали дать рѣшительный отвѣтъ. 13 декабря онъ доносилъ двору (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 125), что наконецъ даютъ надбавку австрійцамъ: Францу II — Тріентъ и Бриксенъ, герцогу тосканскому—Эйхштедтъ и курфюршеское достоинство. При этомъ, по просьбѣ самого герцога, ставится условіе, что Австрія никогда не займетъ своими войсками его новыхъ участковъ. Морковъ прибавляетъ: „J'ai observé qu'une condition pareille n'ayant point été imposée à la cour de Berlin relativement au lot assigné au pr. d'Orange, celle de Vienne se trouverait, blessée de s'y voir assujettie... Talleyrand m'a fortement recommandé le secret de cette circonstance, vis-à-vis du comte de Cobentzl. Je le lui ai promis, mais en même temps je lui ai fait la réflexion, qu'il me semblait qu'il ne convenait pas aux deux grandes puissances comme la Russie et la France de se prêter à une espèce d'intrigue de famille et de choquer en quelque façon la dignité d'une grande cour pour complaire aux fantaisies et à des appréhensions peut-être mal fondées du gr. duc de Toscane et si en effet dans le cours de la négociation avec le comte de Cobentzl ce point en devient un de discussion qui puisse arrêter l'achèvement de l'oeuvre, je crois ne pouvoir me dispenser de l'appuyer pour écarter cette difficulté". Талейранъ сказалъ Моркову, что Баварія согласна уступить Эйхштедтъ; Четто же, напротивъ, жаловался ему на такой исходъ дѣла; даже Люкезини замѣтилъ, что лучше бы дать Францу II, вмѣсто Эйхштедта, Аугсбургъ и Нюрнбергъ. Морковъ засуетился. Онъ передалъ все это Талейрану: „mais il n'en a tenu aucun compte et m'a répondu qu'il fallait nous tenir à votre premier plan", говоритъ нашъ дипломатъ. Въ то же время А. Воронцовъ предостерегалъ Моркова насчетъ хитростей Пруссіи и Баваріи относительно герцога тосканскаго (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 62). При этомъ были посланы, для его руководства, въ спискахъ: депеша Алопеуса объ „откровеніи" Гаугвица; отвѣтъ на нее А. Воронцова; наставленія послѣдняго Алопеусу „касательно до германскихъ дѣлъ, а особливо до интересовъ герцога коадъютора любскаго"; подобныя же предписанія Бюлеру. 29 декабря Морковъ увѣдомлялъ (*тамъ же*, 258), что Гаугвицъ на этотъ разъ не солгалъ Алопеусу: Люкезини дѣйствительно заговаривалъ съ Талейраномъ насчетъ курфюршескаго достоинства для герцога мекленбургскаго. Морковъ прибавляетъ: „онъ не встрѣтилъ болѣе податливости, нежели я; при всемъ томъ, я не упустилъ сдѣлать покушеніе, чтобъ внести о семъ точную статью въ новый договоръ, съ вѣнскимъ дворомъ подписанный; но г. Талейранъ рѣшительно отъ того уклонился опасеніемъ, чтобъ тѣмъ не затруднить дѣло высшей и общественной пользы". Тогда же Морковъ извѣщалъ А. Воронцова (*тамъ же*, 264), что Бонапартъ самъ признавался ему въ своей ненависти къ Австріи за ея склонность къ Англіи, а Талейранъ порицалъ своего господина Шуазелю за то, что онъ совсѣмъ готовитъ войну съ Австріей, и собирался выходить въ отставку. — Конвенція 26 декабря между Франціей и Австріей, а также актъ приступленія къ ней Россіи, 26 же декабря: *Martens*, VII, 432; *Le Clercq*, I, 608, 611; *Мартенсъ*, II, 378—383.—№ 191 напечатанъ нами по списку. Его черновая, съ надписью „быть по сему", находится въ *Pétersbourg*. Cabinet, 1802, 8. Здѣсь поправка руки Александра I: „remplir les voeux" вмѣсто „condescendre aux voeux".—№ 212 напечатанъ въ *Correspondance de Napoléon*, № 6381. — 28 декабря Бонапартъ велѣлъ Талейрану объявить Люкезини, что желаніе Фридриха-Вильгельма III — законъ для него и что онъ хочетъ идти съ нимъ нога въ ногу „dans tous les évènements et dans toutes les chances possibles"! *Correspondance de Napoléon*, № 6513.

176.

Бонапартъ говоритъ правду Моркову насчетъ Ромьё: 26 іюня онъ строго приказалъ Талейрану, чтобы этотъ агентъ отдавалъ ,себя въ распоряженіе Моцениго и даже, чтобы „cette déclaration soit faite, dans les circonstances, jusqu'à l'affectation". *Correspondance de Napoléon*, № 6140.—Вотъ образчикъ препирательствъ между Морковымъ и Талейраномъ по поводу Іоническихъ острововъ (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 234). MORCOFF A A. WORONZOFF. *20 octobre 1802.* A la même occasion où j'ai été voir m. de Talleyrand pour lui demander réponse sur la lettre que je lui avais adressée sur la mort du duc de Parme il m'a dit qu'il a été chargé par le 1-r consul de me témoigner combien il a été affecté de voir que tandis que le sieur de Romieu, agent diplomatique du gouvernement français à Corfou, avait ordre d'agir et agissait en effet de parfait concert avec le comte de Mocenigo, celui-ci publiait et exerçait des actes au nom de l'empereur seul, sans y joindre celui de la république française. Etonné de cette prétention j'ai demandé à ce ministre sur quoi elle se fondait? Il m'allégua alors l'article de notre convention secrète par lequel la France avait stipulé la reconnaissance et la garantie de l'indépendance des Sept-Iles-Unies. Alors je me suis attaché à lui démontrer que l'une et l'autre n'étaient obligatoires qu'envers nous et à l'égard des puissances tierces qui auraient voulu attenter à cette indépendance; que dans le traité d'Amiens l'Angleterre avait pris le même engagement; qu'il ne s'ensuivait pas cependant qu'elle ou d'autres puissances qui ont également reconnu l'existence politique de cette petite république dussent se mêler de son organisation intérieure; que de cette manière elle ne saurait à qui entendre; que le cas de la Russie est tout différent et tout particulier; que c'est sous ses auspices que cette république s'était formée; que c'est sous sa protection qu'elle doit subsister et que c'est à elle seule de concert avec la Porte Ottomanne à l'organiser et à la consolider; que toutes les ouvertures que j'ai été chargé de lui faire à ce sujet n'ont eu d'autre but que de prévenir tout ombrage de vues intéressées qu'on aurait pu soupçonner dans la résolution qu'avait prise l'empereur d'envoyer de ses trouppes à Corfou et qu'au reste je ne pensais pas que dans les dispositions qu'avait faites le comte de Mocenigo et dont il m'avait complètement informé le 1-r consul trouvait quelque chose de repréhensible. M. de Talleyrand m'assura qu'au contraire il les avait trouvé parfaitement sages et à leur place, mais qu'il pensait qu'elles auraient dû être concertées avec son agent et qu'il me recommandait de rendre compte à ma cour de cette ouverture. — Le comte de Mocenigo m'a en effet donné un détail très circonstancié de la situation où se trouvaient les contrées où il était en mission. Il avait ajouté que le séjour des députés que le précédent gouvernement avait envoyés à Paris nuisait à l'effet de ses opérations et en conséquence peu de jours avant la conférence dont je viens de rendre compte à v. exc., j'ai demandé à m. de Talleyrand de les faire éloigner d'ici, et il me l'a promis; mais lorsque je lui en eus reparlé en dernier lieu, il poussa la mauvaise foi jusqu'à prétendre ignorer leur existence dans cette capitale. Il est vrai que je ne les rencontre nulle part; mais il n'en est pas moins vrai qu'ils y sont encore et je n'attends que d'en acquérir la certitude impossible à contester pour renouveller mes instances sur leur expulsion... Другой образчикъ споровъ изъ-за Іоническихъ острововъ представляетъ докладъ А. Воронцова отъ 28 октября (182).—Актъ приступленія Порты къ амьенскому договору, 13 мая, напечатанъ у *Martens*, VII, 414.

177.

Любопытенъ докладъ Кочубея, въ августѣ, объ анархіи на Іоническихъ островахъ, по поводу донесеній Италинскаго и Моцениго (*Pétersbourg.* Ministère, 1802, 2). Онъ совѣтовалъ отдать острова третьей державѣ, и именно Неаполю, чтобы успокоить ихъ и спасти изъ рукъ Бонапарта. Но „по извѣстному неблаговоленію Бонапарта къ

королю сицилійскому", нужно ждать затрудненій. Мы должны приказать Италинскому, чтобы онъ замѣтилъ неаполитанскому двору, что „всего бы удобнѣйше ему казалось, чтобы дворъ сей, пожертвовавъ двумя или тремя стами тысячъ талеровъ, пріобрѣлъ въ Парижѣ благорасположеніе Талейрана и другихъ людей, въ дѣлахъ вліяніе имѣющихъ, такъ чтобы первое предложеніе было сдѣлано отъ тюлерійскаго кабинета. По связямъ маркиза Галло въ Парижѣ такая негоціація весьма удобно кажется приведена быть можетъ въ дѣйство; а мы, доставивъ выгоду союзнику нашему, не будемъ въ разсужденіи турковъ имѣть виду первыми таковаго положенія вещей изобрѣтателями, и притомъ избавимся отъ всякихъ хлопотъ, съ настоящимъ положеніемъ Островов Іоническихъ неизбѣжныхъ". Если царь согласится на эту мѣру, то „безъ отлагательства времени нужно будетъ снабдить г. Италинскаго надлежащими предписаніями, сохранивъ ихъ въ высшей тайнѣ и не сообщая отнюдь ничего здѣсь Дюку Серра Капріолѣ, ибо разныя связи его и переписки съ королевою и другими весьма мало представляютъ увѣренности, чтобъ тутъ не произошло безвременнаго разглашенія и чтобы все дѣло такимъ образомъ не было испорчено".

178.

Въ парижскомъ архивѣ (141, 223) хранится слѣдующій документъ, который печатаемъ вполнѣ. TALLEYRAND A HÉDOUVILLE. *22 fructidor an* X. Je vous transmets un № du „Moniteur" dans lequel vous trouverez et les rapports que j'ai présentés au premier consul en sénat, et le traité conclu entre la république française et la Sublime Porte. En notifiant cet heureux évènement à la cour de Russie, je vous recommande de lui exprimer au nom du gouvernement de la république combien il a été sensible à l'intérêt que s. m. i. a marqué y prendre en se montrant facile sur un des obstacles qui pouvaient retarder la conclusion de la paix. J'ai été autorisé par le premier consul à faire mention de ces dispositions amicales de la cour de Russie dans le rapport que je lui ai présenté.—S. m. i. verra sans doute dans ce témoignage public des sentiments du premier consul, une marque éclatante de son estime et une preuve nouvelle du désir constant qu'il a de cultiver les rapports intimes qui unissent la politique des deux gouvernements.—Самъ Бонапартъ извѣщалъ Александра I о своемъ мирѣ съ Портой. Въ своемъ отвѣтѣ на аудіенціи Эдувилю (*Paris*, 142, 10) императоръ обратилъ особенное вниманіе на благодѣяніе мирныхъ, торговыхъ связей между государствами.—Мирный договоръ Франціи съ Турціей у *Martens*, VII, 416, и *Le Clercq*, I, 588.—Донося о немъ Александру I (*Pétersbourg*. Paris, 1802, 94), Морковъ жаловался, что ни Франція, ни Порта не хотѣли нашего посредничества, и ему не даютъ даже списка договора, хотя онъ же помогъ дѣлу „только по желанію Бонапарта", когда турецкій министръ до того упирался, что Талейранъ хотѣлъ выгнать его въ 24 ч. Морковъ особенно негодовалъ на турецкую „образину" и выбранилъ ее за то, что она назвала Россію „постороннею" державой.—Въ договорѣ 25 іюня было упущеніе со стороны Франціи, которое хорошо характеризуетъ ея правителей. Когда возвратившіеся изъ Турціи плѣнники упрекнули Талейрана за то, что тамъ не проставлена сумма для наградъ имъ, тотъ отвѣчалъ: „qu'il l'avait fait à dessein afin de laisser plus de latitude à ces mêmes prétentions et de s'en rendre l'arbitre". *Pétersbourg*. Paris, 1802, 200.—Упоминаемая въ № 222 „записка протокольная" о разговорѣ съ Эдувилемъ есть докладъ А. Воронцова 16/28 октября (182).

179.

Морковъ доносилъ Александру I, 25 іюня, что тогда въ Парижѣ всѣ думали, будто Бонапартъ хочетъ захватить Морею, хотя именно въ этотъ день былъ заключенъ миръ между Франціей и Турціей. 16 августа Морковъ увѣдомлялъ наше министерство, что Талейранъ сказалъ ему, будто въ Турціи готово возстаніе, которое лишь пріоста-

новили деньгами и переговорами. Онъ прибавляетъ: „Talleyrand a terminé ce récit par des présages de la dissolution totale et très prochaine de l'empire turc en Europe". *Pétersbourg.* Paris, 1802, 93, 208. — Талейранъ увѣдомлялъ Эдувиля уже 6 іюня, что въ предстоящемъ мирѣ съ Портой вопросъ о черноморской торговлѣ будетъ рѣшенъ удовлетворительно. Это извѣстіе находится въ депешѣ, напечатанной въ примѣчаніи 158. А Кочубей писалъ Моркову навстрѣчу, 26 мая (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 39), что Эдувиль болтаетъ, будто Бонапартъ уже пріобрѣлъ право навигаціи на Черномъ морѣ. Онъ считалъ это извѣстіе „по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ" и прибавлялъ: „je suis au reste bien fâché de la publicité que Bonaparte a donné à cette affaire".—Депеша подъ № 243 апробована 20 декабря, подписана канцлеромъ 29-го, а отправлена только 9 января 1803 г.—Касательно Пасванъ-Оглу есть еще документы, относящіеся къ августу. *Pétersbourg.* Paris, 1802, 215.

180.

Вотъ замѣчательная X статья амьенскаго договора, поскольку она необходима для пониманія нашего вопроса: „Les îles de Malte, de Gozo et Comino seront rendues à l'Ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, pour être par lui tenues aux mêmes conditions auxquelles il les possédait avant la guerre, et sous les stipulations suivantes... 4, les forces de s. m. britannique évacueront l'île et ses dépendances dans les 3 mois qui suivront l'échange des ratifications ou plus tôt si faire se peut... 6, l'indépendance des îles de Malte, de Gozo et de Comino, ainsi que le présent arrangement, sont mis sous la protection et la garantie de la France, de la Grande-Bretagne, de l'Autriche, de l'Espagne, de la Russie et de la Prusse... 12, s. m. sicilienne sera invitée à fournir 2.000 hommes natifs de ses états pour servir de garnison dans les différentes forteresses des dites îles. Cette force y restera un an, à dater de leur restitution aux chevaliers; et si, à l'expiration de ce terme, l'Ordre n'avait pas encore levé la force suffisante, au jugement des puissances garantes, pour servir de garnison dans l'île et ses dépendances, les troupes napolitaines y resteront jusqu'à ce qu'elles soient remplacées par une autre force jugée suffisante par les dites puissances. 13, les différentes puissances désignées dans le § 6 seront invitées à accéder aux présentes stipulations".

181.

Англичане первые не исполняли мудреной X статьи. Тщетно хлопотали объ очищеніи ими Мальты и Австрія (нота Штаремберга 24 апрѣля, у Thürheim'a), и особенно новый магистръ Ордена, Томази, котораго папа назначилъ 9 февраля 1802, послѣ отказа Русполи; не добившись цѣли, Томази проживалъ въ Сициліи и умеръ въ горести, въ 1805 г. X статьей былъ недоволенъ и неаполитанскій король: Эдувиль извѣщалъ Талейрана 26 апрѣля (*Paris*, 141, 104), что онъ заявляетъ собственныя притязанія на Мальту. Негодовалъ и папа: Куракинъ докладывалъ царю 3 іюня (*Pétersbourg.* Ministère, 1802, 18), что его дипломатъ, аббатъ Бенвенути, выразилъ безпокойство св. отца по поводу статьи о Мальтѣ, а также „qu'il désire vivement de finir l'affaire de l'Ordre de Malte, autant qu'il lui sera possible, à l'entière satisfaction de v. m. i."—Англія уже въ іюлѣ пригласила Австрію принять X статью (Starhemberg). Актъ приступленія Австріи, 19 августа, у *Le Clercq*, I, 590, и *Neumann*: Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à 1856, II, 22. — Первоначальное доброжелательство Бонапарта къ Россіи въ мальтійскомъ вопросѣ выразилось въ томъ же его письмѣ Талейрану, отъ 26 іюня, въ которомъ онъ приказывалъ горячо содѣйствовать намъ на Іоническихъ островахъ (176). — Колебанія Александра I относительно Мальты прекратились въ концѣ іюня, какъ видно изъ письма Кочубея С. Воронцову отъ 18/30 іюня (*Архивъ Воронцова*, XVIII, 281—282). Кочубей

писалъ, что онъ только-что узналъ о его рѣшеніи не вмѣшиваться, вопреки мнѣнію большинства совѣта и согласно съ мнѣніемъ Куракина, двухъ Румянцевыхъ и Беклешова. Горячо заявляя при этомъ о своемъ желаніи выйти въ отставку, онъ прибавилъ: „Personne n'en (Malte) est moins amoureux que moi; mais encore faut-il être conséquent, mais encore ne peut-on pas refuser ce qui a été une fois promis, s'il n'y a pas de bonnes raisons à alléguer pour changer de résolution. Et que puis-je dire de conséquent dans mes réponses à lord St. Helens et au ministre de Naples? Il se trouvera que, comme du temps de Paul I, j'étais dans le cas d'exécuter les ordres que l'on me donnait, sans que ceux de qui je les reçevais s'embarrassassent s'ils étaient raisonnables ou non; je suis encore réduit à dire: l'empereur l'a voulu ainsi; et sur la démande du *pourquoi?* il faudra que je réponde: je n'en sais rien, telle est sa haute volonté". — Эдувиль увѣдомилъ А. Воронцова еще 21 сентября, что подастъ ему, заодно съ англійскимъ министромъ, ноту о томъ, что ими получены полномочія для принятія приступленія Александра I къ X статьѣ. Онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, „l'urgence des circonstances dans lesquelles se sont trouvés les négociateurs du traité d'Amiens et l'empressement que le premier consul a mis à accéder au désir de s. m. l'empereur relativement à la première élection du grand-maître de l'Ordre de Malte pourraient diminuer le poids des motifs exposés contre cette garantie dans la lettre confidentielle écrite à ce sujet au lord St. Helens par m. le prince de Kourakin". *Pétersbourg.* Ministère. France, 1802, 61. — Любопытенъ докладъ А. Воронцова императору 13/25 октября. Въ немъ сказано, что, несмотря на троекратный отказъ, Англія опять требуетъ гарантіи Мальты, и къ ней уже присоединяется Франція. Но островъ Мальта сохранитъ свою независимость и безъ нашей гарантіи, „поелику какъ французы не допустятъ, чтобы остался оный въ рукахъ англичанъ, такъ и сіи равнымъ образомъ не дадутъ ему сдѣлаться собственностью французовъ". Докладчикъ полагалъ, что Англія настаиваетъ лишь для того, чтобы предупредить нареканія со стороны парламента. А Бонапартъ присоединяется изъ опасенія, „дабы Англія, при несоглашеніи вашемъ на гарантію, не стала упорствовать въ выводѣ гарнизона своего изъ Мальты". Онъ не совѣтовалъ отказываться: это очень затруднило бы Англію, а она „являла намъ опыты всегдашняго своего благопріятства" и даже оказывала частныя услуги, какъ, напримѣръ, принятіе нашихъ офицеровъ на свой флотъ и дозволеніе вывозить къ намъ машины и мастеровыхъ, что даже запрещено постановленіями парламента. Иначе Англія не выведетъ своего гарнизона изъ Мальты, а Бонапартъ за это опять займетъ войсками Неаполь или „предпишетъ государю онаго условія, независимость его ниспровергающія". Король же неаполитанскій „вѣчно привязанъ къ вамъ и на васъ только надѣется". Воронцовъ совѣтовалъ принять гарантію, но съ тѣмъ, чтобы были исполнены условія, прежде установленныя съ Англіей. *Pétersbourg.* Ministère, 1802, 6. — Въ нотѣ № 217 точки означаютъ пробѣлъ для вставки X статьи и на немъ надпись: „fiat insertio".—Нота 24 ноября поясняется рескриптомъ С. Воронцову 18 ноября. Докладъ А. Воронцова о проектѣ этого рескрипта, „въ отвѣтъ на откровенныя сообщенія, учиненныя здѣсь англійскимъ посломъ", находится въ *Pétersbourg.* Ministère, 1802, 13.—Списки документовъ о Мальтѣ были тогда же посланы Моркову. *Pétersbourg.* Paris, 1802, 58.—Морковъ извѣщалъ С. Воронцова 21 декабря (2 января 1803), что и Бонапартъ, и Талейранъ увѣрили его, что немедленно пошлютъ приказъ гражданину Andréossy пригласить Англію принять проектъ статьи о Мальтѣ, предложенный Россіей. *Архивъ Воронцова*, XX, 125. Andréossy отправился въ Лондонъ 3 ноября 1802 на смѣну Отто.

182.

Увѣдомляя канцлера, 29 декабря, что Бонапартъ громитъ Англію въ своихъ журналахъ, Морковъ замѣтилъ: „Bonaparte ne respire que de son anéantissement et n'y voit d'obstacle que dans l'Autriche". Этимъ онъ объяснялъ его снисходительность къ фюрстамъ въ дѣлѣ индемнизацій: *Русскій Архивъ*, 1873, № 12.—Обращикомъ бюл-

летеней новостей Эдувиля можетъ служить № 231.—Какъ вообще затруднительны и тягостны были политическія дѣла къ концу года, видно изъ слѣдующаго любопытнаго документа (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 59). ДОКЛАДЪ А. ВОРОНЦОВА ИМПЕРАТОРУ. *16/28 октября 1082.* Всеподданнѣйше представляю здѣсь проектъ депеши къ гр. Моркову въ отвѣтъ на многія его отношенія и буду ожидать, не прикажете ли оную чѣмъ пополнить.—Вчера въ вечеру былъ у меня ген. Гедувиль, который получилъ нарочнаго курьера отъ своего правительства. Сей министръ читалъ мнѣ въ оригиналѣ депеши имъ полученныя, сказывая, что курьеръ сей къ нему присланъ не отъ Талейрана, а отъ самого перваго консула. Я ему примѣтилъ, что все сообщаемое имъ и упамятовать не можно, а для сего и желалъ бы я, чтобъ онъ хотя экстрактомъ содержаніе изъ полученныхъ имъ депешъ мнѣ сообщилъ, для донесенія в. в—ву. Онъ не только въ томъ затрудненія не сдѣлалъ, но и обѣщалъ копію съ оныхъ въ откровенности сообщить.—Между тѣмъ донесу я в. в—ву, сколько то упамятовать могу, о содержаніи сообщеній французскимъ министромъ мнѣ учиненныхъ. 1) Депешу пространную читалъ онъ мнѣ по дѣламъ германскимъ, коею они полагаютъ, что дѣла сіи скоро конецъ примутъ; о податливости ихъ въ пользу коадъютора любскаго и прочихъ императорскихъ князей, въ коихъ Россія пріемлетъ участіе, и что и въ семъ уваженіи герцогу Мекленбургскому доставлены выгоды, но что на достоинство курфирста его возвести было не можно, потому что и отъ него самого никакого подвига о семъ въ Регенсбургѣ учинено не было. О вѣнскомъ дворѣ они отзываются съ довольною умѣренностью и не совсѣмъ кажутся не склонными участь герцога Тосканскаго улучшить. Въ сей депешѣ есть весьма примѣчательное (что онъ съ нѣкоторою оговоркою мнѣ прочелъ). Французское правительство оказываетъ нѣкоторое удивленіе, что по дѣламъ республики Семи Острововъ мы съ ними, такъ сказать, не соглашаемся въ общихъ мѣрахъ и что въ прокламаціи гр. Моцениго нигдѣ также не упоминается о участвованіи Франціи, и даже о агентахъ французскихъ нигдѣ въ сей прокламаціи не упоминается; я такъ же съ оговоркою ему сказалъ, что я и не вижу, почему онобъ было надобно, что мы не требуемъ отъ нихъ, да и не въ претензіи, чтобы они въ дѣлаемыхъ ими прокламаціяхъ въ Швейцаріи, Голландіи и Италіи о насъ упоминали или къ онымъ присоединяли. 2) Депеша, министромъ французскимъ читанная, касается до швейцарскихъ дѣлъ. Они, дѣлая апологію, что консулъ въ нихъ вмѣшался, почитаютъ ихъ уже конченными Я спросилъ его, приняли ли они все то, что Франція имъ предложила и согласились ли прислать своихъ депутатовъ въ Парижъ, но онъ на сіе ничего рѣшительнаго сказать не могъ. Почему я, съ своей стороны, заключаю, что не хотятъ ли такимъ общимъ извѣщеніемъ заглушать всѣхъ, чтобъ вліянія большаго не оказывали ко всѣмъ симъ швейцарскимъ дѣламъ. Я при семъ случаѣ изъяснился съ нимъ общими разсужденіями. что всякая нація и народъ, по мнѣнію моему, должна опредѣлять для себя родъ правленія, которое она почитаетъ для себя сходственнымъ; что в. в—во вообще интересуетесь въ благополучіи, устройствѣ и независимости Швейцаріи вообще. Я долженъ при семъ случаѣ примѣтить, что г. Гедувиль съ ласкою, скромностію и съ пристойностію большою всѣ свои изъясненія сдѣлалъ, равно и возраженіи ему чинимыя принималъ.—Наконецъ оный же министръ мнѣ представленіи чинилъ по разнымъ матеріямъ до частныхъ требованій земляковъ его и о нѣкоторыхъ снисхожденіяхъ, все касающіяся по большей части какъ бы о существованіи во всей силѣ прежняго нашего съ ними трактата торговаго. Я ему отвѣтствовалъ, что можно будетъ по всѣмъ симъ матеріямъ впредь съ нимъ подробнѣе изъясниться, а что теперь удовольствуюсь ему въ дружеской откровенности примѣтить, что съ нашей стороны все условленное въ постановленіяхъ нашихъ съ ними съ доброю вѣрою выполнено и выполняется, но что могутъ ли они тоже сказать и о себѣ; что я имъ одно только замѣчу, а именно касающееся до сардинскаго короля, коему не только жребія пристойнаго не дѣлаютъ не смотря на точныя ихъ съ нами принятыя обязательства, но что, можно сказать, гоненіи на сего несчастнаго государя такъ далеко простираются, что и въ Италіи пребываніе его дозволить не хотятъ, требуя чтобы онъ ѣхалъ въ Сардинію. Г. Гедувиль отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ надѣется, что сего государя о пребываніи его въ Италіи

болѣе тревожить не будутъ и что онъ также надѣется, что и о жребіи его можно будетъ вскорѣ помышлять и в. в—ву угодность сдѣлать. Я ему сказалъ, что оно весьма желательно и что в. в—во недавно о семъ сами изволили писать къ 1 консулу.—Упоминаемый министръ мнѣ отзывался, также и читалъ депешу къ нему о генуескихъ долгахъ, довольно сходно съ тѣмъ, что мы уже имѣли средство видѣть. Я ему отвѣчалъ, чтобъ онъ собственно для меня сдѣлалъ о семъ записку на память, дабы я могъ по сей матеріи освѣдомиться и съ нимъ потомъ приватно изъясниться, а не министріально, потому что дѣло сіе касается до насъ и тѣхъ изъ генуезцовъ, кои двору нашему заемъ дѣлали. — Вотъ въ чемъ состоялъ нашъ разговоръ, сколько я его упомнить могу, а предъ в. в—вомъ извиняюсь, ежели пространность сего донесенія Васъ отяготила.

183.

Уже было видно, что̀ значило, въ устахъ англомановъ, дѣйствовать водиночку въ восточномъ вопросѣ. Въ нашемъ архивѣ, за ноябрь и декабрь (*Pétersbourg.* Ministère, 1802, 17), находится рядъ бумагъ о томъ, какъ успокоить республику Іоническихъ островов и подорвать тамъ французское вліяніе. Это—приказы Моцениго, его мнѣніе о средствахъ, назначеніе ему новыхъ суммъ, нѣсколько другихъ мнѣній, безъ чиселъ и подписей, но переписанныхъ въ формѣ докладовъ царю. Тутъ же замѣтка о необходимости извѣстить Лондонъ, что мы не потерпимъ французской высадки въ Греціи: пусть и Англія выскажетъ намъ столь же искренно свои „взгляды на Грецію"; пусть Нельсонъ крейсируетъ въ водахъ Іонической республики и сносится съ Моцениго; пусть Англія заведетъ агента въ Корфу съ хорошими суммами, которыя должно расходовать по указаніямъ Моцениго. Есть и проекты измѣненій въ конституціи островной республики (одинъ отъ 14 сентября), и даже мнѣніе о снаряженіи экспедиціи изъ Чернаго моря.

184.

Въ петербургскомъ воздухѣ, казалось, носилась неизбѣжность войны, *въ союзѣ съ Англіей*, изъ-за восточнаго вопроса, о которой говорилось и нѣсколько раньше (рескриптъ Алопеусу 8 іюня; а депеша ему А. Воронцова 16 октября). 20 декабря канцлеръ предписывалъ Моркову прислать свѣдѣнія о французской арміи (*Pétersbourg.* Paris, 1802, 65). Это требованіе встрѣтилось на дорогѣ съ депешей Моркова отъ 16 декабря (*Архивъ Воронцова*, XIV, 289), которая совѣтовала позаботиться о военномъ дѣлѣ, „car le calme n'est guère assuré! L'ambition de Bonaparte ne cesse d'agir et ne tardera pas à provoquer une explosion. Cette appréhension est non-seulement dans les choses, mais aussi dans tous les discours de cet homme insatiable de gloire et d'orgueil, ainsi que dans ceux des gens qui l'entourent". Мнѣнія самого Бонапарта и Талейрана о непрочности мира указаны въ депешѣ Моркова А. Воронцову, въ *Архивѣ Воронцова*, XIV, 282. — На краткомъ, но выразительномъ докладѣ канцлера, отъ котораго пахло пороховымъ дымомъ (№ 224), находится помѣтка: „сія записка представлена и апробована государемъ 6 ноября 1802".

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДОКУМЕНТЫ ВЪ ТЕКСТѢ.

1800.

Іюль.

Августъ.

Сентябрь.

Октябрь.

Апрѣль.

Май.

Іюнь.

Іюль.

Августъ.

Сентябрь.

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.

1802.

Январь.

Февраль.